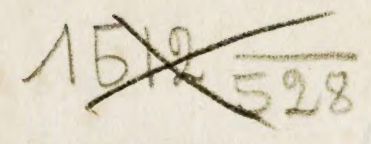
ВОЕННАЯ БИБЛІОТЕКА



ВОЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ОПЫТЪ КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЗАКОНОВЪ И ИСКУССТВА ВЕДЕНІЯ ВОЙНЫ (ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГІЯ.)

Г. ЛЕЕРА.

II.

О ЗВАНІИ ГЕНЕРАЛА, ИЛИ О ВОСПИТАНІИ, ОБРАЗОВАНІИ, ПОЗНАНІЯХЪ И ДОСТОИНСТВАХЪ, НУЖНЫХЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ И ПРОЧИМЪ ОФИЦЕРАМЪ ДЛЯ КОМАНДОВАНІЯ АРМІЯМИ.

Л. ДЮРА-ЛАСАЛЬ.

ПЕРЕВЕЛЪ Г. СВЕДЕРУСЪ.

III.

САПЕРНЫЯ РАБОТЫ ВЪ ПОЛѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по мойкѣ, № 5.
1871.

ОПЫТЪ

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ЗАКОНОВЪ

ИСКУССТВА ВЕДЕНІЯ ВОЙНЫ

(ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГІЯ).

СОЧИНЕНІЕ

Г. ЛЕЕРА,

ПРОФЕССОРА ВОЕННАГО ИСКУСТВА ВЪ НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Felices Artes essent, si de illis soli Artifces judicarent». **Квинтиліанъ.**

«Всѣ вопросы высшей тактики (стратегіи) это *неопредѣленныя* физико-математическія задачи, допускающія (безконечное) множество рѣшеній...» **Наполеонъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, № 5.

1871.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изучая историческое развитіе какой бы то ни было науки, нетрудно замѣтить шаткость и несостоятельность первыхъ выводовъ, принимаемыхъ за *законы*, а въ сущности являющихся только въ видѣ *гипотезъ*. Явленіе это, вполнѣ естественное само по себѣ, объясняется весьма просто: малымъ *количествомъ* и недостаточнымъ *качествомъ наблюденій* (анализа). По мѣрѣ увеличенія послѣднихъ въ количественномъ отношеніи и улучшенія въ качественномъ, выводы все болѣе и болѣе исправляются, начинаютъ терять характеръ гипотезъ и приближаться къ законамъ, во что, наконецъ, и обращаются, когда аналитическая работа будетъ окончательно доведена до требуемаго предѣла. Общіе признаки, отвлеченные отъ большаго числа тщательно изслѣдованныхъ явленій, и дадутъ дѣйствительные законы, служащіе прочною основою науки. Съ этой минуты наука вступаетъ въ *положительный* періодъ своего существованія, пройдя передъ тѣмъ, въ зависимости отъ качества и количества аналитической работы, черезъ періоды: *метафизическій* (періодъ измышленій, гипотезъ), *схоластическій* (періодъ безусловныхъ правилъ-рецептовъ) и *діалектическій* (періодъ отрицанія, сомнѣнія во все дотолѣ выработанное, періодъ разговоровъ только о дѣлѣ, а не самаго дѣла) [1].

Изъ сказаннаго очевидно какое громадное значеніе въ историческомъ развитіи каждой науки имѣетъ трудная, копотливая и неблагодарная, но плодотворная работа анализа. Только при этомъ условіи выводы (синтезисъ) науки и получаютъ цѣну. Такимъ анализомъ по отношенію къ тактикѣ и стратегіи является возможно тщательное и многостороннее изученіе наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ военной исторіи, т. е. военная исторія, потому что стратегія и так-

[1]) Прочныхъ убѣжденій нѣтъ, разрушается завтра то, во что вѣровалось сегодня, и *мастеромъ въ наукѣ считается обыкновенно тотъ, кто о ней красивѣе говоритъ.*

*

тика. разсматриваемыя какъ *науки*, первая какъ наука о военныхъ дѣйствіяхъ, а вторая какъ наука о боѣ, представляютъ собою не болѣе какъ систематическій сводъ законовъ, лежащихъ въ основаніи *искусства* [1]) веденія войны и *искусства* веденія боя, т. е. являются отвлеченіемъ, философіею военной исторіи.

Итакъ, только строгое и стройное сочетаніе исторіи и теоріи, т. е. историческаго и теоретическаго (философскаго) способовъ изложенія, дополняющихъ другъ друга (а они сплошъ и рядомъ противопоставляются другъ другу), т. е. *критико-историческій методъ* изслѣдованія и изложенія науки ставитъ ее на прочную, положительную почву. Вотъ основная идея, на которой построенъ предлагаемый трудъ, конечно слабый, какъ и всякій опытъ.

Идея эта выработывалась у меня постепенно. Попытка осуществить ее выразилась сначала [2]) въ курсѣ Николаевской Инженерной Академіи. Въ 1860 году конференціею Академіи на меня возложено было, въ читаемомъ мною курсѣ военной исторіи [3]), уяснить путемъ критическаго изслѣдованія наиболѣе замѣчательныхъ фак-

---

[1]) Каждая наука (теорія) имѣетъ свое приложеніе (искусство) и наоборотъ, каждое искусство имѣетъ свою науку, т. е. хранительницу законовъ, лежащихъ въ основѣ извѣстнаго искусства. Очевидно послѣ того, что столь часто употребляемое противопоставленіе науки искусству, въ родѣ того, что «тактика есть искусство войны, а стратегія наука» (Эрцъ-герцогъ Карлъ), лишено всякаго основанія, потому что стратегія и тактика, каждая сама по себѣ, имѣютъ и свою науку (теорію) и свое искусство (приложеніе теоріи къ жизни).

[2]) Далѣе она приняла болѣе опредѣленную форму въ статьѣ, помѣщенной въ *Военномъ Сборникѣ* (майской книжкѣ 1863 года), подъ заглавіемъ: «*О значеніи критической военной исторіи въ изученіи тактики* и *стратегіи*».

Основанія, высказанныя въ этой статьѣ, приняты были мною къ руководству въ курсѣ стратегіи въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба въ 186⁵/₆ году и въ наскоро составленныхъ мною запискахъ, печатавшихся въ *Военномъ Сборникѣ* въ 1867 году, подъ заглавіемъ: «*О современномъ состояніи стратегіи*».

Лестный пріемъ, оказанный этимъ статьямъ за границею (Militärische Österreichische Zeitschrift 1868. October; Wehr-Zeitung 1868, №№ 11, 12; Militär-Zeitung, № 94), переводъ ихъ въ Вѣнѣ (Vorlesungen über Strategie von E. Opacic) и въ Бреславлѣ (Strategische Aufsätze) дали мнѣ силы къ переработкѣ и къ значительному дополненію, короче—къ постановкѣ всей вышедшей до сихъ поръ первой части уже несравненно ближе къ тому какъ то мною предполагалось при избранномъ мною способѣ изложенія, окончательно уясненномъ въ одной изъ моихъ статей, помѣщенной въ *Военномъ Сборникѣ* («*теоретическіе масштабы*» 1869 года, февральская книжка).

[3]) Въ 1846 году въ число предметовъ, преподаваемыхъ въ старшемъ офицерскомъ классѣ главнаго инженернаго училища, было введено преподава-

товъ: значеніе укрѣпленій, крѣпостей, укрѣпленныхъ лагерей, оборонительныхъ линій и прочихъ средствъ военно-инженернаго искусства, а равно и связь и зависимость ихъ отъ прочихъ элементовъ военнаго искусства, короче — главная цѣль курса должна была заключаться въ установкѣ путемъ критико-историческихъ изслѣдованій той связи, которая существуетъ между фортификаціею и тактикою съ одной стороны и фортификаціею и стратегіею—съ другой.

Представленная мною программа была утверждена конференціею и мнѣ дано было разрѣшеніе къ выполненію ея по частямъ, но съ тѣмъ, чтобы ежегодно была представляема на экзаменъ извѣстная, вполнѣ законченная часть ея. Такимъ путемъ постепенно вырабатывалось и къ 1865 году выработалась нынѣшняя программа курса «стратегіи и военной исторіи», принятаго въ Николаевской Инженерной Академіи.

Въ 1865 году курсъ этотъ состоялъ изъ значительнаго числа статей, изъ которыхъ въ каждой разбирался отдѣльный вопросъ. Громадный объемъ этихъ статей, заключавшихъ до 800 печатныхъ страницъ и излишне подробное изложеніе, неизбѣжное при новой

ніе военной исторіи, въ видахъ изслѣдованія значенія, въ различныя эпохи, военнаго инженернаго искусства и связи его съ прочими отдѣлами военнаго искусства.

До 1860 года, послѣ многихъ колебаній, курсъ этотъ не могъ установиться. Первоначально это былъ курсъ исторіи военнаго искусства, почти въ томъ же видѣ какъ онъ читался въ военной академіи съ добавленіемъ весьма бѣглаго обзора новѣйшихъ войнъ съ 1796—1815 г. Собственно поучительнаго въ инженерномъ отношеніи онъ почти не заключалъ, черезъ что недостигалась главная цѣль введенія подобнаго курса въ число предметовъ преподаванія въ инженерномъ училищѣ. Послѣдняя причина, а равно и громадный объемъ курса, преимущественно фактическаго содержанія, требовавшаго въ особенности сильной работы памяти, заставили сократить его (если не ошибаюсь въ 1852 году) и замѣнить курсомъ военной исторіи, принятомъ въ то время въ кадетскихъ корпусахъ, содержавшемъ, какъ извѣстно, бѣглые историческіе обзоры Сѣверной войны и войнъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ и не заключавшемъ въ себѣ уже ровно ничего поучительнаго собственно въ инженерномъ отношеніи.

Въ 1860 году, съ перемѣною начальствующихъ лицъ, несообразность подобнаго курса въ инженерной академіи была тотчасъ же замѣчена, и начальникомъ академіи генералъ-маіоромъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) М. П. фонъ-Кауфманомъ и инспекторомъ классовъ полковникомъ (нынѣ генералъ-маіоромъ) Г. Е. Паукеромъ поставленъ былъ вопросъ о замѣнѣ подобнаго курса такимъ, который прямо отвѣчалъ бы первоначально постановленной цѣли. Если же задача эта, по трудности ея исполненія (такъ какъ въ иностранной военной литературѣ, не смотря на богатство ея, подобныхъ трактатовъ не встрѣчается), оказалась бы неразрѣшимою, то имѣлось въ виду даже вовсе отказаться отъ преподаванія военной исторіи.

разработкѣ предмета, заставили меня обратиться къ сводкѣ этихъ статей, къ резюмировкѣ ихъ.

Около того же времени возникъ и въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба вопросъ объ изложеніи стратегіи въ критико-исторической формѣ. Курсъ этотъ возложенъ былъ также на меня.

Располагая въ курсѣ Инженерной Академіи значительнымъ числомъ критико-историческихъ разборовъ, мнѣ оставалось только ихъ свести и отмѣтить въ нихъ, сверхъ инженерной стороны, тактическую, административную, политическую, короче—стратегическую сторону, а равно и добавить къ нимъ еще нѣкоторыя новыя критико-историческія изслѣдованія.

Работа эта была мною исполнена въ 1866 году крайне спѣшно (необходимо было дать средства гг. офицерамъ приготовиться къ экзамену,—безъ записокъ нельзя было обойтись при принятой формѣ изложенія предмета) и притомъ при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Разнородныя служебныя мои занятія были до сихъ поръ главною помѣхою къ выполненію задуманнаго мною курса.

Спѣшно составленныя мною классныя записки стратегіи (только I часть), нѣсколько дополненныя и приведенныя въ порядокъ, напечатаны были въ видѣ *пробныхъ* статей въ *Военномъ Сборникѣ* (1867 г.), подъ заглавіемъ: «*О современномъ состояніи стратегіи*» не столько для того, чтобы пустить ихъ въ публику, сколько для того, чтобы, при новости способа изложенія, воспользоваться замѣчаніями компетентныхъ лицъ, чего я, къ крайнему моему сожалѣнію, и по настоящее время не удостоился.

Переработавъ, въ настоящемъ году, вышедшую первую часть записокъ, значительно дополнивъ ее и заготовивъ бо̀льшую часть статей для второй книги, составленіе которой я предполагаю окончить къ будущему лѣту, я рѣшился издать ихъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «*Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны*» (положительная стратегія). *Первая* часть заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе свойствъ стратегическихъ элементовъ и комбинаціи ихъ при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ (наступательныя и оборонительныя дѣйствія *вообще*). *Вторая* часть должна заключать тѣже комбинаціи, но при исключительныхъ условіяхъ, т. е. наступательныя и оборонительныя дѣйствія въ сферѣ крѣпостей, въ странахъ горныхъ, степныхъ, на берегахъ морскихъ, короче — какъ бы *частные случаи* въ отношеніи къ комбинаціямъ части I-й.

Въ такомъ видѣ курсъ могъ бы служить для обѣихъ Академій, требуя для Инженерной нѣкотораго сокращенія части первой и послѣднихъ отдѣловъ части II-й, а для Академіи Генеральнаго Штаба второй (собственно вопроса о крѣпостной войнѣ).

Оправдывая принятый мною критико-историческій методъ изложенія курса стратегіи въ принципѣ, мнѣ могутъ возразить, что подобнымъ образомъ понимаемая стратегія есть собственно вся военная исторія, въ полномъ ея объемѣ.—Строго говоря, оно такъ и есть, но ясно, что не въ такомъ видѣ имѣлось въ виду исполнить задачу, а предполагалось только рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ стратегіи уяснить на наиболѣе замѣчательныхъ, по внутреннему содержанію, фактахъ, *иллюстрировать* ихъ, такъ сказать, дѣйствіями великихъ мастеровъ въ нашемъ искусствѣ и дать такимъ образомъ *ключъ* и *канву*, короче—*программу* къ дальнѣйшей самостоятельной разработкѣ того громаднаго обилія матеріала, который представляется военною исторіею [1]).

Далѣе, мнѣ могутъ поставить въ упрекъ, что, раздѣляя курсъ стратегіи на *элементарный* отдѣлъ и *комбинаціонный* (прикладный), я вовсе не изложилъ перваго. Оно дѣйствительно такъ, но на это есть весьма уважительныя причины. Прежде всего, это то, что свойства элементовъ разбираются въ элементарныхъ военныхъ наукахъ. Далѣе, отдѣльное изслѣдованіе ихъ въ теоріи крайне неудобно, потому что, какъ замѣчено было еще Клаузевицемъ, *всѣ элементы оказываютъ вліяніе на военныя дѣйствія въ совокупности и на практикѣ отдѣлены другъ отъ друга быть не могутъ*, что и вполнѣ вѣрно. Такъ, напримѣръ, *база* должна удовлетворять извѣстнымъ условіямъ административнымъ (условія удобства) и тактическимъ (условія безопасности). Чисто боевая сторона въ вопросѣ *объ операціонныхъ линіяхъ* получаетъ самыя разнообразныя рѣшенія, въ зависимости отъ административныхъ условій. Тоже касается и *маршей*.... Во вниманіе ко всему этому, я имѣлъ въ виду, въ комбинаціонномъ отдѣлѣ, прослѣдить, при разборѣ каждой изъ стратегическихъ операцій, вліяніе на ея исполненіе того или другаго элемента, что въ концѣ концовъ должно дать полное и вѣрное понятіе о значеніи каждаго изъ нихъ.

---

[1]) Причемъ, само собою разумѣется, приводимые факты предполагаются извѣстными читателямъ и, на этомъ основаніи, характеризуются только на столько, на сколько то необходимо для уясненія того или другаго положенія, иначе, при полномъ ихъ изложеніи, книга эта приняла бы громадные размѣры и потеряла бы характеръ *теоретическаго трактата*, чѣмъ она должна быть прежде всего. (См. введеніе VI.)

Полагаю необходимымъ сдѣлать еще одну оговорку, именно: при изслѣдованіи различныхъ вопросовъ стратегіи, приводятся мною часто одни и тѣже факты, при чемъ, смотря по тому, по поводу какого вопроса они приводятся, въ нихъ оттѣняется та или другая сторона, такъ что, пройдя по всѣмъ вопросамъ, въ результатѣ получается фактъ, разобранный, по возможности, со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ періодъ кампаніи 1809 года, отъ Регенсбурга до Вѣны, разбирается и въ главѣ о маршахъ, и въ главѣ объ операціонныхъ линіяхъ, и, наконецъ, при разборѣ вопроса о мѣрахъ охраненія расположенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Все это имѣетъ только наружный видъ повторенія, а въ сущности цѣль заключается въ возможно всестороннемъ разборѣ факта. Кромѣ того, я держался также и того, чтобы, независимо отъ поучительной стороны разбираемыхъ фактовъ, выбирать предпочтительно факты изъ однѣхъ и тѣхъ же кампаній, съ тѣмъ, чтобы, пройдя всѣ вопросы, въ результатѣ получилось бы, по возможности, нѣсколько цѣлыхъ кампаній. Такими мною преимущественно выбраны 1800, 1805 и 1809 годы.

Въ заключеніе не могу не коснуться еще одного весьма важнаго обстоятельства: это *отсутствія картъ* при сочиненіи; но съ одной стороны, для того, чтобы слѣдить за стратегическимъ обзоромъ операцій, достаточно и хорошихъ географическихъ картъ, которыя у читателя всегда найдутся подъ рукою, а съ другой—карты значительно увеличили бы цѣнность изданія. Тѣмъ не менѣе, при изданіи части II-й, я надѣюсь имѣть возможность приложить карты и планы какъ къ ней, такъ и къ первой части.

Не входя въ болѣе подробное развитіе преимуществъ принятаго мною способа изложенія, чему посвящено обширное, обстоятельное «*Введеніе*», я прошу у читателя благосклоннаго снисхожденія къ изобилующему всякаго рода недостатками первому опыту новой постановки курса стратегіи и въ особенности прошу не сравнивать его съ тѣмъ, чѣмъ научный трактатъ о стратегіи можетъ и долженъ быть современемъ.

Г. Лееръ.

29-го октября 1869 года.

Основныя положенія.

«Военное искусство, какъ и всѣ искусства, основано на *неизмѣнныхъ началахъ* (законахъ), только примѣненіе ихъ подлежитъ измѣненіямъ» (добавимъ безконечнымъ). **Ллойдъ.**

«Истинныя начала (законы) войны (военнаго искусства) это тѣ, которымъ слѣдовали великіе полководцы, великія дѣла которыхъ намъ передала исторія, именно: Александръ, Аннибалъ, Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюреннъ, Принцъ Евгеній и Фридрихъ Великій». **Наполеонъ** (Монтолонъ II).

[Указаніе на то, что законы военнаго искусства должны быть взяты изъ жизни, выведены изъ исторіи *путемъ отвлеченія общихъ признаковъ отъ частныхъ явленій*, что уже одно свидѣтельствуетъ объ особенно важномъ значеніи *тщательнаго изученія военной исторіи*, являющейся для тактика и стратега тѣмъ же, чѣмъ *обсерваторія* для астронома, *лабораторія* для химика, *полигонъ* для артиллериста. *Нѣтъ основательнаго знанія военнаго дѣла внѣ тщательнаго наблюденія надъ военными явленіями въ настоящемъ*, т. е. внѣ опыта *и въ прошедшемъ*, т. е. внѣ военной исторіи.]

«Во всѣхъ военныхъ наукахъ теорія полезна, чтобы дать *общія идеи*, образующія умъ, но *рабское примѣненіе* послѣднихъ къ дѣлу всегда опасно. *Теорія составляетъ какъ бы оси, необходимыя для построенія кривыхъ* (но, добавимъ мы, самыхъ кривыхъ не даетъ). Правила ея должны быть подвергаемы, въ каждомъ случаѣ, строгому обсужденію, насколько ихъ слѣдуетъ держаться или уклоняться отъ нихъ» (т. е. должны измѣняться сообразно съ обстановкою). **Наполеонъ.** (Гурго II. 185).

«Всѣ вопросы высшей тактики (стратегіи) являются въ видѣ *неопредѣленныхъ* физико-математическихъ задачъ, допускающихъ множество (добавимъ безконечное) рѣшеній...» (или, позволимъ мы себѣ сказать, *одна и таже идея, въ зависимости отъ безконечныхъ измѣненій въ обстановкѣ, принимаетъ и безконечно разнообразныя формы).*

Наполеонъ. (Монтолонъ I. 296).

«На войнѣ только обстоятельства (т. е. обстановка) повелѣваютъ».

Наполеонъ.

Longum iter per praecepta, breve et efficax per exempla (путь правилъ длиненъ, путь примѣровъ коротокъ и дѣйствителенъ).

«Если хотите знать какъ даются и ведутся сраженія, то изучите 150 сраженій, данныхъ великими полководцами». **Наполеонъ.**

Изученіе какого бы то ни было искусства немыслимо безъ изученія образцовыхъ произведеній этого искусства.

Философская и историческая школа не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга, такъ что философія и исторія *(критико-историческій методъ)* должны быть соединяемы въ изложеніи какой бы то ни было науки.

Въ теоріи военнаго дѣла все просто,— трудности и сложности начинаются только въ приложеніи ея.

«На войнѣ все просто, но самое простое и есть самое трудное».

Клаузевицъ.

Самые простые способы достиженія какой либо цѣли приходятъ обыкновенно послѣдними на умъ. Они же и являются въ видѣ образцовыхъ дѣйствій въ сферѣ какого бы то ни было искусства, что и вполнѣ понятно, разъ какъ задача каждаго искусства заключается въ достиженіи извѣстной цѣли съ наименьшими затратами времени, усилій и средствъ, т. е. *простѣйшими* способами.

Тотъ, кто дѣятельнѣе и упорнѣе на войнѣ, вообще въ жизни, само собою разумѣется при дѣятельности, хорошо направленной, всегда одерживаетъ верхъ надъ тѣмъ, кто менѣе дѣятеленъ и менѣе упоренъ.

(При этомъ дѣятельность, конечно, должна быть понимаема въ самомъ широкомъ смыслѣ, не только въ смыслѣ быстроты движеній, быстроты работъ рукъ и ногъ, но и, въ особенности, въ смыслѣ быстроты работы, воли и мысли).

«Предполагаемое невозможнымъ на войнѣ сплошь и рядомъ оказывается возможнымъ и это потому преимущественно, что его считаютъ за невозможное». **Пеницъ.**

Внезапность какъ лучшій способъ подготовки успѣха какой бы то ни было операціи.

Кто первымъ является на войнѣ съ какимъ либо новымъ дѣятелемъ, тотъ обыкновенно бьетъ противника, потому что все новое озадачиваетъ, ошеломляетъ. (Отсюда необходимость быть во всемъ впереди другихъ, а для того, чтобы быть впереди другихъ,—не щадить никакихъ трудовъ и пожертвованій).

«Одно изъ главныхъ правилъ на войнѣ заключается въ томъ, чтобы не дѣлать того, чего непріятель хочетъ...» **Наполеонъ.**

Иниціатива есть стратегическая независимость, самостоятельность. Она доставляетъ господство надъ умомъ и волею противника. Умѣніе удержать ее за собою, во время всей кампаніи, составляетъ критеріумъ стратегіи.

«Нѣтъ ничего пагубнѣе обороны (no ne périt que par la défensive)».

Вилларъ.

«Каждая война, веденная согласно требованіямъ основныхъ началъ (законовъ) военнаго искусства, есть методическая война. Планы кампаній измѣняются до безконечности, въ зависимости отъ обстановки, таланта полководца, качествъ войскъ и топографическихъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій. Бываютъ двухъ родовъ планы: хорошіе и дурные. Случается, что хорошіе, благодаря неблагопріятнымъ случайностямъ, ведутъ къ неудачамъ; нерѣдко удаются и дурные, благодаря капризу счастія».

Наполеонъ.

Въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, сверху должно даваться только общее направленіе, только ставиться цѣли; средства же къ ихъ достиженію должны быть предоставлены свободному выбору исполнителей: иначе успѣхъ немыслимъ.

Изученіе данныхъ, на которыхъ долженъ быть построенъ планъ, должно быть дѣломъ настойчивой, продолжительной работы, самаго тщательнаго наблюденія, анализа и совѣщаній многихъ лицъ; но построеніе самаго плана, на основаніи уже извѣстныхъ данныхъ, т. е. принятіе извѣстнаго рѣшенія, должно быть дѣломъ мгновенной работы *одной* головы.

«Нѣтъ ничего труднѣе, за то нѣтъ и ничего и важнѣе, какъ умѣть рѣшаться». **Наполеонъ.**

«Истинная мудрость полководца заключается въ принятіи *энергическаго* рѣшенія». **Наполеонъ.**

Въ какомъ бы то ни было дѣлѣ исполненіе не должно быть отдѣляемо отъ соображенія.

Арміи, которыя были разбиты, были еще *до* поля сраженія разбиты, т. е. несли причину своего пораженія въ себѣ.

«Единство въ командованіи (единство военной мысли въ главѣ арміи)— это условіе первостепенной важности на войнѣ. Никогда не слѣдуетъ имѣть двухъ армій на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій».

Наполеонъ.

«Лучше одинъ посредственный полководецъ, чѣмъ два хорошихъ».

Тюреннъ и Наполеонъ.

Армія въ арміи это тоже, что государство въ государствѣ.

«....Полная мочь избранному полководцу; ничего кромѣ наступательнаго; методику прочь; маневры, марши, контръ-марши и всѣ такъ называемыя хитрости оставить бѣднымъ академикамъ...» **Суворовъ.**

«Если военное искусство заключается въ томъ, чтобы на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій быть сильнѣе противника, то выборъ операціонной линіи, какъ ближайшаго средства къ достиженію этой цѣли, долженъ быть разсматриваемъ какъ *фундаментальная база* хорошо составленнаго плана». **Жомини.**

«Не слѣдуетъ легкомысленно обнажать своей операціонной линіи, этого требуетъ здравый разсудокъ, равно и азбука искусства, но, въ виду достиженія великой цѣли, *бываютъ минуты,* когда слѣдуетъ жертвовать всѣмъ для одержанія побѣды и не опасаться жечь своихъ кораблей...»

Наполеонъ.

«Умѣніе перемѣнить операціонную линію, когда обстоятельства того потребуютъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ маневровъ. Армія, искусно мѣняющая свою операціонную линію, обманываетъ непріятеля; онъ не знаетъ гдѣ ея тылъ, вообще слабые пункты, которымъ бы онъ могъ угрожать». **Наполеонъ.**

«Исполнить замѣчательный маршъ это не что иное какъ сосредоточить главную массу своихъ войскъ на рѣшительномъ пунктѣ, такъ что *все искусство и заключается въ умѣніи выбрать этотъ пунктъ.* Что же представляетъ собою движеніе черезъ С.-Бернаръ какъ не операціонную линію, направленную на оконечность стратегическаго фронта непріятеля и оттуда на путь его отступленія»? **Жомини.**

Кто обходитъ, тотъ и самъ обойденъ.

Всякому маневру отвѣчаетъ свой контръ-маневръ, лишь бы только минута къ тому не была упущена.

Верхъ искусства заключается въ томъ, чтобы, обходя непріятеля, не быть самому обойденнымъ.

«Дѣлать по 40 верстъ въ день, сражаться, преслѣдовать и затѣмъ уже отдыхать — другаго образа веденія войны я не знаю». **Наполеонъ.**

«Между сраженіемъ выиграннымъ и проиграннымъ находятся Имперіи». **Наполеонъ.**

«Подобно пушкамъ, крѣпости представляютъ собою не болѣе какъ орудія, которыя одни, сами по себѣ, не дѣлаютъ дѣла, но требуютъ, чтобы ими искусно управляли и ихъ кстати употребляли». **Наполеонъ.**

«Рѣку можно оборонять только владѣя обоими ея берегами». **Наполеонъ.**

«Предпріятіе уже хорошо соображено, когда $^2/_3$ шансовъ отнесены на долю разсчета, а $^1/_3$ на долю случайностей... Тотъ, кто желалъ бы на войнѣ ничего не предоставлять случаю, тому можно дать совѣтъ ничего не предпринимать». **Наполеонъ.**

«На войнѣ необходимы: искусство и *счастіе*».

«Встрѣчаются такія *несчастныя* событія, въ которыхъ весь запасъ человѣческой предусмотрительности и самый основательный разсчетъ оказываются безплодными». **Фридрихъ.**

Ближайшимъ слѣдствіемъ тщательной подготовки театра военныхъ дѣйствій и поля сраженія въ инженерномъ отношеніи являются: а) упроченіе иниціативы, б) уменьшеніе доли случайностей, окружающихъ исполненіе какого бы то ни было военнаго предпріятія, и в) возможность достиженія извѣстной цѣли при содѣйствіи значительно меньшаго числа войскъ.

«Тотъ, кто хочетъ прикрывать все, не прикрываетъ ничего». **Фридрихъ.**

II.

Военное искусство. Его задача. Оно труднѣе и сложнѣе другихъ искусствъ. Качества, требуемыя войною отъ военнаго человѣка.

Исторія показываетъ, что малочисленныя арміи нерѣдко били непріятеля, несравненно сильнѣйшаго (*Маравонъ*—10 т. Грековъ бьютъ 100 т. Персовъ; *Алезія*—40 т. Римлянъ бьютъ 280 т. Галловъ...). Причину тому надо искать въ искусномъ употребленіи войскъ. Это-то искусное употребленіе войскъ, или, правильнѣе, искусное веденіе ихъ, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на полѣ сраженія, для достиженія цѣли войны въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями, и составляетъ главную задачу военнаго искусства.

Военное искусство труднѣе и сложнѣе другихъ, потому что во всѣхъ искусствахъ (живописи, скульптурѣ....) мастера имѣютъ дѣло съ элементами мертвыми, которые могутъ быть измѣрены, взвѣшены, и которые пассивно поддаются всѣмъ впечатлѣніямъ извнѣ. Въ военное искусство, кромѣ прочихъ элементовъ, входитъ еще и *человѣкъ, какъ главное орудіе войны*, а съ нимъ вмѣстѣ и весь міръ (неизмѣняемость физическихъ свойствъ человѣка и безконечное колебаніе въ проявленіи его нравственныхъ свойствъ, вслѣдствіе чего въ особенности затрудняется какъ управленіе имъ вообще, такъ и преимущественно въ критическія минуты боя [1]).

Другая отличительная черта военнаго искусства отъ прочихъ, это громадное въ немъ значеніе *времени* («Успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ глазомѣра и отъ минуты».—*Наполеонъ*. «На войнѣ и въ политикѣ разъ потерянная минута никогда болѣе не возвращается».—*Онъ же*). Мастера въ прочихъ искусствахъ творятъ только тогда, когда чувствуютъ себя вдохновленными, на войнѣ же надо быть вдохновленнымъ въ каждую минуту *(Наполеоновская храбрость въ 2 часа по полуночи)*.

Наконецъ, живописецъ, скульпторъ, строитель... сочетаютъ *мертвые* элементы своего искусства въ одно стройное цѣлое при *обстановкѣ спокойной*. Мастера въ военномъ дѣлѣ сочетаютъ *живые* элементы, при *обстановкѣ всепотрясающей*, способной вывести изъ равновѣсія самыя сильныя натуры.

Всѣмъ этимъ вмѣстѣ объясняется ближе всего, почему великіе полководцы, великіе мастера въ сферѣ военнаго искусства состав-

---

[1]) Для человѣка животное, которымъ ему труднѣе всего управлять, есть человѣкъ (*Ксенофонтъ*. Приступъ къ Киропедіи. Надо замѣтить еще, что Ксенофонтъ здѣсь имѣетъ въ виду управленіе въ *политическомъ* смыслѣ, т. е. при обстановкѣ спокойной. На сколько же эти затрудненія должны возрасти, если принять во вниманіе управленіе въ *тактическомъ* смыслѣ, при обстановкѣ боевой?).

ляютъ явленіе крайне рѣдкое. Чтобы въ этомъ еще ближе убѣдиться, стоитъ только изслѣдовать тѣ качества, которыя войною требуются отъ военнаго человѣка.

Находчивость,— умѣніе найтись во всевозможныхъ обстоятельствахъ, самая капитальная изъ способностей въ каждомъ военномъ, является какъ бы въ видѣ способности составной: изъ *ума* — способности находить сообразно съ извѣстной обстановкой лучшій способъ дѣйствій, и изъ *характера* — способности безъ малѣйшей потери времени на него рѣшаться. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ умъ, такъ и характеръ одинаково важны въ военномъ человѣкѣ; если же которому либо изъ нихъ отдавать преимущество, то характеру скорѣе всего слѣдуетъ отвести первое мѣсто. И дѣйствительно, *военное дѣло есть преимущественно дѣло характера.* Какъ весьма справедливо замѣчаетъ Клаузевицъ, «на войнѣ большею частью дѣло заключается не въ томъ, чтобы рѣшаться на лучшее, а *хоть на что нибудь, лишь бы это что нибудь было энергически приведено въ исполненіе*». «Самое худшее, на что можно рѣшаться на войнѣ, говоритъ Рокканкуръ, это не рѣшаться ни на что». «Нерѣшительность на войнѣ, замѣчаетъ маршалъ Ней, это самый капитальный недостатокъ въ начальникѣ, въ особенности въ минуту сближенія съ непріятелемъ. Не теряя напрасно времени на долгое обсужденіе, слѣдуетъ тотчасъ же принять *какое либо* рѣшеніе...»

«Рѣдко и трудно, говоритъ Наполеонъ, соединяются качества, необходимыя полководцу. Всего желательнѣе было бы — что, впрочемъ, человѣка тотчасъ же и выдѣляетъ изъ массы,— чтобы у него *умъ или талантъ былъ въ равновѣсіи съ характеромъ или храбростью.* Онъ, выражаясь болѣе осязательно, въ отношеніи основанія (характера) и высоты (ума), долженъ представлять какъ бы квадратъ... Если храбрость беретъ верхъ въ генералѣ, то онъ ошибочно рѣшается на предпріятія, превышающія его соображенія, и, напротивъ того, онъ не посмѣетъ привести ихъ въ исполненіе, если его характеръ или храбрость будутъ ниже его ума...» «Нѣтъ ничего труднѣе, замѣчаетъ опять Наполеонъ, за то нѣтъ и ничего важнѣе какъ умѣть рѣшаться». И въ другомъ мѣстѣ: «истинная мудрость полководца выражается въ принятіи энергическаго рѣшенія».

«*Первое* изъ всѣхъ качествъ въ полководцѣ, говоритъ Маршалъ Саксонскій, есть характеръ (храбрость), безъ него я не придаю значенія остальнымъ, потому что они дѣлаются безполезными. *Второе* умъ... и *третье* здоровье».

«Двѣ вещи, говоритъ Мармонъ, необходимы полководцу: *умъ и характеръ.* Умъ потому, что безъ него немыслимо составленіе какого либо соображенія. Характеръ потому, что безъ сильной и строго послѣдовательной воли нельзя обезпечить успѣха исполненія составленныхъ плановъ. Но здѣсь дѣло все въ относительныхъ качествахъ, а не въ абсолютныхъ. Это отношеніе само по себѣ составляетъ весьма важный элементъ успѣха. Если мы выразимъ въ цифрахъ каждую изъ этихъ способностей, то я предпочелъ бы генерала, умъ

2

котораго равенъ 5, а характеръ 10, генералу, умъ котораго равенъ 15, а характеръ 8. Когда характеръ господствуетъ надъ умомъ и умъ все-таки имѣетъ извѣстную глубину, человѣкъ, при этомъ условіи, идетъ къ опредѣленной цѣли и имѣетъ шансы ее достигнуть. Когда же, наоборотъ, умъ беретъ верхъ надъ характеромъ, то это ведетъ къ ежеминутной перемѣнѣ намѣреній, предположеній и направленій, потому что обширный умъ склоненъ ежеминутно смотрѣть на вопросъ съ новой точки зрѣнія. Если сила воли не въ состояніи положить конца этимъ колебаніямъ, то неизбѣжно балансированіе между разными рѣшеніями, непринятіе никакого (это и есть худшее), и, вмѣсто того, чтобы приближаться къ цѣли, нерѣшительность насъ отъ нея все болѣе и болѣе удаляетъ и наконецъ, окончательно сбиваетъ съ толку. (Esprit des institutions militaires, p. 264 et 265» [1]).

Въ ряду качествъ, необходимыхъ каждому военному, мы не упомянули пока еще объ одномъ весьма важномъ, именно: о *глазомѣрѣ*, заключающемся *въ вѣрной оцѣнкѣ, въ каждую минуту, обстановки, условій времени и пространства, необходимыхъ на исполненіе той или другой комбинаціи.* Само собою разумѣется какое важное значеніе должно принадлежать глазомѣру (другими словами *Военной Діагностики*) въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ все приводится къ умѣнію дѣйствовать сообразно съ обстановкою, представляющеюся обыкновенно на дѣлѣ въ хаотическомъ состояніи и подверженною быстрымъ и притомъ безконечно разнообразнымъ измѣненіямъ.

Путемъ анализа пытались мы очеркнуть тѣ качества, которыми должны обладать мастера въ военномъ дѣлѣ. Качества эти: *характеръ*, *умъ* и *глазомѣръ*, даже отдѣльно взятыя, встрѣчаются рѣдко въ томъ развитіи, какъ они требуются войною. Насколько же рѣдко они встрѣчаются въ счастливомъ сочетаніи между собою, образующемъ военный геній, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ исторія. На 20 вѣковъ ихъ приходится не болѣе десяти (Александръ, Аннибалъ, Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюреннъ, Принцъ Евгеній, Петръ, Фридрихъ, Суворовъ и Наполеонъ). Какъ видно, природа скупа на такихъ людей и въ военномъ дѣлѣ, потому что оно сложнѣе и труднѣе другихъ искусствъ, скупѣе чѣмъ гдѣ либо.

Конечно и въ другихъ искусствахъ необходимы тѣ же качества, но въ такихъ ли размѣрахъ и въ томъ ли видѣ? И въ другихъ искусствахъ нуженъ, напримѣръ, глазомѣръ, но глазомѣръ преимущественно геометрическій. И въ другихъ искусствахъ нуженъ характеръ, но тотъ ли характеръ, который, въ критическую минуту, при всепотрясающей обстановкѣ, долженъ десятки тысячъ заставить добровольно идти на встрѣчу опасности? И въ другихъ искусствахъ необходимъ умъ, но тотъ ли умъ, который способенъ вдохновляться

---

[1]) Какъ примѣръ того, въ какой мѣрѣ вредное вліяніе можетъ быть обнаружено недостаткомъ характера, при обширномъ умѣ, могутъ служить дѣйствія эрцъ-герцога Карла при открытіи похода 1809 года.

почти въ каждую данную минуту? Военное дѣло есть дѣло счастливыхъ минутъ, вдохновеній. Опоздай вдохновеніе минутой—и дѣло потеряно. Въ другихъ искусствахъ умъ не зависитъ отъ минутъ; годы, десятки лѣтъ мастера трудятся надъ своимъ произведеніемъ и принимаются за него лишь въ тѣ минуты, когда чувствуютъ себя вдохновленными. Вдохновеніе никогда опоздать не можетъ, каждая ошибка можетъ быть исправлена.

III.

Военное искусство, какъ и всѣ искусства, основано на неизмѣнныхъ законахъ, приложеніе которыхъ подлежитъ только безконечно разнообразнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ безконечно разнообразныхъ измѣненій въ обстановкѣ. Значеніе закона (теоретическаго масштаба). Наука (теорія искусства) и искусство. Пренебреженіе изученіемъ военной науки. Философія и Исторія должны соединяться въ изложеніи какой бы то ни было науки.

Нѣтъ сомнѣнія, что военное искусство, какъ и всѣ искусства, основано на неизмѣнныхъ законахъ, хотя бы уже по одному тому, что законъ ложится въ основаніе всѣхъ нашихъ дѣйствій, какого бы рода и свойства они ни были, начиная съ ѣды, движенія... и кончая самыми высшими политическими и стратегическими соображеніями. И вездѣ, какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ, нарушеніе его безпощадно наказывается. Относительно ѣды, напримѣръ, изъ опыта извѣстно, что *человѣку, для поддержанія своего существованія, необходимо въ день съѣдать отъ 2—3 фунтовъ разнообразныхъ продуктовъ.* Попробуйте идти на перекоръ этому закону и нарушать его въ ту или въ другую сторону: въ обоихъ случаяхъ получится, въ видѣ конечнаго результата, банкротство тѣла. Далѣе изъ того же опыта извѣстно, что *человѣкъ можетъ двигаться со скоростью 4-хъ верстъ въ 1 часъ.* Оставаясь вѣрнымъ этому закону, онъ можетъ, нисколько не форсируя себя, при соотвѣтствующемъ распредѣленіи покоя и движенія, сдѣлать до 20 верстъ въ сутки. Попробуйте форсировать этотъ естественный законъ и сдѣлать 6 верстъ въ 1 часъ: во 2-й вы едва сдѣлаете 2 версты, а 3-й совсѣмъ остановитесь...

Переходя къ сферамъ высшей человѣческой дѣятельности, къ политикѣ, войнѣ.... и тамъ мы встрѣчаемъ тѣ же законы. Такъ, напр., *война сама себѣ цѣлью служить не можетъ, а является только въ видѣ одного изъ средствъ, и притомъ крайняго средства, въ рукахъ политики, для достиженія государственныхъ цѣлей.* Это законъ. Попробуйте повернуть его и сдѣлать, какъ то обыкновенно имѣлъ привычку дѣлать Наполеонъ I, войну цѣлью, а все остальное, между

прочимъ и политику, средствомъ для нея [1]): вы получите въ результатѣ массу тѣхъ громадныхъ политическихъ ошибокъ, которыя, въ концѣ концовъ, поставили Францію, послѣ эфемернаго величія, на край гибели и завершили политическое поприще ихъ виновника.

Далѣе, *система военныхъ учрежденій извѣстнаго государства должна быть поставлена въ строгое соотвѣтствіе съ его силами и средствами, вообще съ степенью его богатства*,—это новый законъ, касающійся политики и войны. Нарушеніе его, равно какъ и нарушеніе всякаго другаго закона, ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Если военныя учрежденія будутъ ниже уровня остальныхъ силъ и средствъ государства, то это поведетъ къ ослабленію и даже къ уничтоженію *внѣшняго* его политическаго значенія, а обратно—къ *внутреннему* его разложенію.

Спеціализируя наше изслѣдованіе собственно на военныхъ вопросахъ, мы, для каждаго вопроса, для каждой операціи, можемъ указать законъ и подтвердить фактами тѣ гибельныя послѣдствія, къ которымъ приводитъ нарушеніе его. Возьмемъ хоть вопросъ, повидимому (но только повидимому), самый мелкій, вопросъ объ *одеждѣ войскъ*. Теорія говоритъ: «*одѣньте солдата такъ, чтобы онъ былъ защищенъ отъ разнаго рода атмосферныхъ явленій и чтобы онъ могъ удобно дѣйствовать въ бою. Сдѣлайте одежду однообразною и допустите, при этомъ, нѣкоторыя внѣшнія отличія, въ видахъ облегченія сбора и наблюденія за порядкомъ. Соблюдая всѣ эти условія, позаботьтесь, чтобы одежда была дешева и пожалуй красива*»,— короче, законъ на первомъ планѣ ставитъ условіе *удобства*, отодвигая условіе *красоты* на послѣдній. Прослѣдите съ этимъ *масштабомъ-закономъ* въ рукахъ ка̀къ вопросъ объ одеждѣ войскъ былъ рѣшенъ въ различныя времена. Прикиньте его хоть къ одеждѣ Прусскихъ войскъ XVIII столѣтія, въ которую вся Европа сочла долгомъ нарядиться: не смотря на то, что она уродлива — впрочемъ это дѣло вкуса — она считалась въ свое время красивою. Но какимъ путемъ покупалась эта красивость? По *Ллойду*, одни *неудобства*, связанныя съ этою одеждою, укладывали сначала въ госпиталь, а потомъ и въ могилу $^1/_5$—$^1/_4$ части арміи въ каждую кампанію (!). И что же? не смотря на то, что опытъ такъ нещадно и наглядно бичевалъ подобное преступное нарушеніе закона, уродливая прусская одежда (противъ которой такъ сильно возставалъ нашъ великій Суворовъ) существовала около полустолѣтія. Если цифра, приведенная Ллойдомъ, вѣрна и еслибы можно было свести сумму числительной силы армій, выставленныхъ за весь этотъ періодъ, различными государствами, а потомъ отдѣлить отъ нея $^1/_5$ — $^1/_4$ часть, то получилась бы громадная цифра невинныхъ и безполезныхъ жертвъ капризнаго нарушенія вышеприведеннаго закона, т. е. постановки, вопреки ему,

[1]) Напримѣръ, приготовленія Наполеона I къ дессанту въ Англію. Крайне насильственное добываніе имъ отъ союзниковъ и покровительствуемыхъ державъ денегъ на это предпріятіе.

условія красоты на первомъ планѣ съ подчиненіемъ ему всего остальнаго.

Здравая теорія говоритъ: *метательное* (огнестрѣльное) *оружіе есть оружіе подготовительное, а холодное рѣшительное*,—это также законъ [1]), неизмѣнно, не смотря ни на какія техническія усовершенствованія, опредѣляющій разъ на всегда отношеніе между этими двумя родами оружія [2]). Нарушеніе его, опять-таки, какъ и нарушеніе всякаго закона, ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Стоитъ только припомнить къ чему повело стремленіе, особенно сильное въ XVI столѣтіи, къ тому, чтобы огнестрѣльному оружію, наперекоръ вышеприведенному закону, придать значеніе средства рѣшительнаго. Оно повело къ сраженіямъ, которыя въ сущности были не сраженіями, а огнестрѣльными дуэлями. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было то, что сраженія утратили значеніе самаго рѣшительнаго средства тактики, и войны длились десятки лѣтъ, не приводя ни къ какимъ результатамъ.

Далѣе, здравая теорія говоритъ, что *«тотъ обыкновенно бьетъ противника, кто на рѣшительномъ пунктѣ, въ рѣшительную минуту «съумѣетъ быть сильнѣе противника»*. Это опять законъ. Прослѣдите съ этимъ *масштабомъ-закономъ* въ рукахъ всѣ войны и сраженія, и вы увидите, что успѣхъ былъ всегда на сторонѣ, уважавшей этотъ законъ, а неудача на сторонѣ, нарушавшей его. Возьмемъ хоть *Кустоццу* (1866 г.), гдѣ вдвое слабѣйшая армія Австрійская бьетъ Итальянскую. Главная причина пораженія Итальянцевъ и заключалась именно въ нарушеніи приведеннаго закона. Ла-Мармора, какъ извѣстно, распорядился такъ, что изъ 20-ти дивизій только 7-мь приняли участіе въ сраженіи, и то изъ этихъ 7-ми 5-ть, находившіяся впереди, занимали пространство въ 10 верстъ, короче,—вмѣсто сосредоточенія силъ на рѣшительномъ пунктѣ мы видимъ страшную разброску. Эта главная ошибка вовлекла во множество другихъ, какъ, напр., введеніе войскъ въ бой по частямъ...

Возьмемъ ли мы вопросъ о *выборѣ позицій*,—и тутъ является законъ (*масштабъ*), который ложится въ основаніе рѣшенія его, именно: извѣстная совокупность условій, которымъ позиція должна удовлетворять. И тутъ нарушеніе его, подобно тому какъ и вездѣ, немилосердно бичуется. Припомнимъ хоть *Фридландъ*.

Далѣе, возьмемъ ли хоть вопросъ объ *операціонныхъ линіяхъ*—и здѣсь теорія даетъ законъ, именно: операціонная линія *должна* [1]) удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) она *должна* [1]) вести къ достиженію важной цѣли; 2) она *должна* [1]) быть удобнѣйшей и

---

[1]) Замѣтимъ, между прочимъ, законъ весьма оригинально формулированный нашимъ великимъ полководцемъ въ извѣстной его формулѣ *«пуля дура, а штыкъ молодецъ»*.

[2]) Хорошо понимаютъ этотъ законъ тѣ, которые, при малѣйшемъ усовершенствованіи въ огнестрѣльномъ оружіи, утверждаютъ обратное!

кратчайшей и 3) она *должна* [1]) быть безопасною. Къ чему приводитъ уваженіе этого закона,—припомнимъ хоть *Ульмскій маневръ* Наполеона (1805). Къ чему приводитъ неуваженіе его,—припомнимъ хоть маневръ союзниковъ, предшествовавшій *Аустерлицкому сраженію* (1805). Операціонная линія союзниковъ не удовлетворяла первому условію, потому что, вслѣдствіе искусной перемѣны операціонной линіи на Иглау-Регенсбургъ, Наполеонъ не дорожилъ своими сообщеніями съ Вѣною; она не удовлетворяла второму условію, потому что отъ Вишау, по прямому пути, было всего 15 верстъ, а на кружный стратегическій обходъ потребовалось 3 дня; наконецъ, она не была безопасною, такъ какъ союзникамъ, въ теченіе 3-хъ дней, пришлось исполнить опасный фланговый маршъ совершенно открыто отъ непріятеля, расположеннаго отъ 15 — 20 верстъ. Послѣдствія извѣстны.

Вообще какой бы мы ни взяли вопросъ изъ области военнаго искусства, вездѣ теорія намъ даетъ законъ, *теоретическій масштабъ* или, какъ говоритъ Наполеонъ, *оси для построенія кривыхъ* [2]), уваженіе котораго приводитъ къ успѣху, а нарушеніе къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Число законовъ, служащихъ основаніемъ военному искусству, не велико. Они вѣчно, сами по себѣ, неизмѣнны; только приложеніе ихъ, *въ зависимости отъ обстановки*, уходитъ въ безконечность. Начиная съ математики, въ которой эти общія, основныя положенія являются въ видѣ общихъ формулъ, они вездѣ равны нулю (каждый законъ и есть собственно отвлеченная идея), т. е., не отвѣчая исключительно одному какому нибудь рѣшенію вопроса, заключаютъ въ себѣ всѣ (правильнѣе идею всевозможныхъ рѣшеній этого вопроса).

Въ законахъ, примѣняясь къ геніальному на нихъ взгляду Петра Великаго, «только порядки писаны, а *время* и *случаевъ* (т. е. обстановки) нѣтъ»; другими словами, что нѣтъ законовъ *(правилъ)* на всѣ случаи, потому что ихъ безчисленное множество («Всѣ вопросы высшей тактики являются въ видѣ *неопредѣленныхъ* физико-математическихъ «задачъ, допускающихъ *множество* рѣшеній...» *Наполеонъ.)* и что на законъ собственно слѣдуетъ смотрѣть какъ на общую формулу, въ которую всякій разъ должно подставлять обстановку *(время* и *случаи)*, для полученія рѣшенія, отвѣчающаго извѣстному частному

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что даже въ самомъ способѣ выраженія слышится сила закона.

[2]) Сюда могли быть еще отнесены и другіе законы (объединеніе власти въ рукахъ главнокомандующаго; предоставленіе ему полной свободы; крайнее напряженіе всѣхъ силъ и средствъ къ достиженію разъ поставленной цѣли....). Изслѣдованіе ихъ, на сколько они касаются собственно искусства веденія войны, и составитъ задачу предпринятаго нами труда. Здѣсь же мы имѣли въ виду привести только нѣкоторые изъ нихъ, чтобы показать, что и Военное Искусство, подобно другимъ, имѣетъ свои неизмѣнные законы.

случаю [1]), короче,—что законъ долженъ быть прилагаемъ къ дѣлу *по духу*, а не *рабски* по буквѣ. («Во всѣхъ военныхъ наукахъ теорія «полезна, чтобъ дать общія идеи, образующія умъ; но *рабское* при-«мѣненіе послѣднихъ къ дѣлу всегда опасно...» *Наполеонъ* [2]).

Каждый законъ можетъ быть выведенъ или путемъ умозрительнымъ à priori, или путемъ практическимъ à posteriori. Законы военнаго искусства выведены преимущественно послѣднимъ путемъ, т. е. *путемъ наблюденія надъ живою дѣятельностью, надъ частными явленіями, и отвлеченія отъ нихъ общихъ признаковъ* [3]). Тѣмъ ли, другимъ ли путемъ получается законъ—это рѣшительно все равно, потому что онъ прежде всего остается закономъ. Послѣдній путь даже вѣрнѣе, потому что первый легко можетъ привести не къ законамъ, а къ измышленіямъ (à la Бюловъ...).

---

[1]) При чемъ, подобно тому, какъ и въ Математикѣ, могутъ получаться рѣшенія, какъ положительныя, такъ и отрицательныя.

[2]) Приведенный нами взглядъ Петра высказанъ имъ собственно не относительно закона, а по поводу устава (но уставъ это тотъ же законъ), относительно постановки часовыхъ, чтобы не держаться буквально въ этомъ отношеніи правилъ устава и не ставить лишнихъ часовыхъ, а въ виду сбереженія солдата, строго ограничиваться мѣрою надобности. Слова Петра настолько замѣчательны, что мы позволяемъ себѣ ихъ буквально привести: «Понеже офицеры суть солдатамъ яко отцы дѣтямъ, того ради надлежитъ ихъ равнымъ образомъ отечески содержать, понеже дѣти предъ отцами суть безсловны во всякомъ послушаніи, полагая надежду свою на отцовъ во всемъ; чего ради отцы недремотное попеченіе имѣютъ о ихъ ученіи, пропитаніи и всякомъ снабженіи, особливо же дабы нужды и недостатка не терпѣли. Тако и офицерамъ дѣлать надлежитъ (а особливо наши офицеры должны суть, понеже ни единый народъ въ свѣтѣ такъ послушливъ, яко россійскій) во пользѣ солдатъ, дѣлать, что въ ихъ мочи есть (а чего не имѣютъ, доносить вышнимъ), а не точію ихъ лишними церемоніями, караулами и прочимъ, а особливо во время кампаній. Правда, можетъ офицеръ, якобы къ оправданію своему, отвѣтствовать, когда въ томъ спрошенъ будетъ, что я то чинилъ по уставу воинскому, однако же то его оправдать не можетъ, хотя то и написано, *ибо тамъ порядки писаны, а время и случаевъ нѣтъ*, того ради ему надлежитъ, *разсужденіе имѣть* (...) *о цѣлости солдатъ, ибо все воинское дѣло въ томъ состоитъ*. Многіе, не смотря на трудный маршъ и прочія тягости солдата, когда кто изъ вышнихъ поѣдетъ, тотчасъ встать велятъ и ружье на караулъ поднять, караулы ставятъ многіе и лишніе... и въ числѣ томъ якобы солдаты въ домахъ жили; такъ же пикеты въ неопасныхъ мѣстахъ противу опасныхъ, *а прочіе чинятъ безъ разсужденія, держася воинскаго устава, яко слѣпой стѣны*. Того ради сей пунктъ прилагается, дабы офицеры въ таковыхъ нужныхъ случаяхъ *на крѣпко разсуждали* и дѣлали то, безъ чего обойтиться не возможно, для облегченія людямъ, *опасаясь жестокаго истязанія за неразсужденіе*». (Каб. дѣла кн. 37. Публичныя лекціи Генерала Рача, Артиллерійскій Журналъ 1857, № II, стр. 101 и 102).

[3]) «Истинныя начала (законы) войны (военнаго искусства) это тѣ, ко-

Систематическій сводъ законовъ (теоретическихъ масштабовъ) съ соотвѣтствующимъ ихъ разъясненіемъ, анализомъ ихъ, предшествуемый изслѣдованіемъ свойствъ элементовъ и обнаруживаемаго ими другъ на друга вліянія, составляетъ *науку* (или, пожалуй, *теорію искусства*). Приложеніе же этихъ законовъ къ безконечно разнообразнымъ условіямъ жизни—дѣло способности, находящейся внѣ наукъ и выше ихъ,—есть уже *искусство*. Такимъ образомъ каждая наука, разъ какъ дѣло касается ея приложенія къ жизни, обращается въ искусство; *Геометрія* въ искусство межеванія: *Паталогія* и *Анатомія* во врачебное искусство; *Механика* въ искусство построенія машинъ и разнаго рода сооруженій...

Не смотря на то, что Военное Искусство труднѣе и сложнѣе другихъ, и что оно основано на неизмѣнныхъ законахъ, изученію его не посвящаютъ должнаго вниманія (еще замѣчено Ллойдомъ). Ближайшимъ слѣдствіемъ этого грустнаго обстоятельства то, что ни въ одномъ искусствѣ не встрѣчается такъ много диллетантовъ [1]), ни въ одномъ капризъ, мода, рутина и духъ слѣпаго подражанія не пустили столь глубокихъ корней, какъ въ военномъ.

На чью долю падаетъ вина въ этомъ грустномъ явленіи? На массу ли, равнодушную къ изученію этого искусства? Отчасти да; но главная доля этой вины выпадаетъ прежде всего на самую науку, неумѣвшую до сихъ поръ привлечь къ себѣ массу и пріобрѣсти ея довѣріе.

Причины къ тому, въ свою очередь, заключаются въ томъ:

1) Что наука, ложно понимая значеніе закона, являющагося собственно только въ видѣ общей формулы, въ которую, при рѣшеніи частныхъ вопросовъ, всякій разъ должна быть подставляема обстановка *(время и случаи)*, а равно и то, что нѣтъ и не можетъ быть законовъ (такъ называемыхъ *правилъ)* на всѣ случаи, по безконечному множеству и разнообразію послѣднихъ, именно стремилась къ этимъ *правиламъ—рецептамъ;*

и 2) наука или давала выводы, общія положенія, недостаточно мотивируя ихъ наблюденіями, фактами, излишне теоретизировала, философствовала, или, наоборотъ, давала факты безъ достаточнаго ихъ анализа и обобщенія, т. е. или исключительно держалась философскаго, или исключительно историческаго способа изложенія, какъ бы противопоставляя ихъ другъ другу, между тѣмъ какъ они, въ сущности, только дополняютъ другъ друга.

Для устраненія этого существеннаго недостатка одно средство: держаться обоихъ способовъ совокупно, и именно потому, что одинъ

торымъ слѣдовали великіе полководцы, великія дѣла которыхъ намъ передала *исторія*, именно: Александръ, Аннибалъ... *Наполеонъ.*

[1]) Каждый считаетъ себя вправѣ имѣть свое мнѣніе, какъ бы оно ни было дико и нелѣпо, въ родѣ хоть того, что на войнѣ все зависитъ отъ случайностей... Въ особенности же рѣшительны приговоры тѣхъ, *«которые знаютъ все, не изучая ничего»*.

служитъ дополненіемъ другому. *Философія и исторія* (критико-историческій способъ изложенія см. ниже, Вступленіе § VI), какъ замѣчаетъ извѣстный профессоръ Блунчли, *должны непремѣнно соединиться въ изложеніи какой бы то ни было науки.* Вся бѣда въ томъ, что *теорія* (наука) и *исторія* (приложеніе науки къ жизни, такъ сказать, сама жизнь), до сихъ поръ, большею частью, шли врознь и нерѣдко даже въ разрѣзъ одна другой, черезъ что теорія-наука обращалась въ схоластику и метафизику, а исторія, массою недостаточно разъясненныхъ, голыхъ фактовъ, избивала только память.

IV.

Теорія военнаго искусства (наука). Задача ея. — Элементы военнаго искусства и элементарныя военныя науки. — Связь между элементами и элементарными военными науками.—Стратегія какъ синтезисъ всего военнаго дѣла.

Установка и уясненіе законовъ, составляющихъ основу военнаго искусства, изслѣдованіе свойствъ элементовъ, ихъ вліянія другъ на друга и комбинаціи ихъ въ зависимости отъ безконечно измѣняющейся обстановки, составляютъ задачу *теоріи военнаго искусства, военной науки.*

Элементы военнаго искусства раздѣляются: I, на *нравственный* и II, на *матеріальные.*

I. НРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ.

Къ нему относится: въ тѣсномъ смыслѣ—нравственная сила арміи, въ болѣе обширномъ—нравственная сила всей націи, степень ея цивилизаціи (вообще *умъ* и *сердце* арміи и націи, насколько они принимаютъ участіе въ войнѣ).

Нравственному элементу принадлежитъ обширное мѣсто на войнѣ. По словамъ Наполеона, $^3/_4$ успѣха на войнѣ зависятъ отъ него и лишь только $^1/_4$ отъ матеріальныхъ условій. Не подлежа вѣсу и измѣренію, онъ съ трудомъ подчиняется теоретическому изслѣдованію, тѣмъ не менѣе крайне ошибочно было бы, хотя въ далекомъ будущемъ, отрицать возможность раскрытія законовъ, на основаніи которыхъ совершается работа ума и сердца при военной обстановкѣ, короче, возможность *военной психологіи* [1]). Все что теперь можно

---

[1]) *Что кажется иллюзіею, утопіею—сегодня, можетъ обратиться въ фактъ—завтра*; справедливость этого подтверждается, какъ нельзя лучше исторіею.

сдѣлать, по этому вопросу, такъ это намѣтить только правильный путь, идя по которому можно было бы дойти до раскрытія этихъ законовъ. Путь этотъ тотъ же самый, по которому открываются законы въ другихъ наукахъ, именно *путь анализа*, наблюденія надъ отдѣльными явленіями (у насъ фактами, представляемыми опытомъ, т. е. военною исторіею, какъ хранительницею вѣковаго опыта) и за тѣмъ отвлеченія отъ этихъ частныхъ явленій общихъ (имъ всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, большей части) признаковъ, т. е. *переходъ отъ анализа къ синтезису*. Отвлеченные такимъ образомъ общіе признаки отъ частныхъ явленій и дадутъ *общій выводъ* или *законъ* [1]). И такъ, все что можно въ настоящее время сдѣлать по этому весьма важному вопросу,—это именно наблюденіе надъ частными явленіями, анализъ, критическій разборъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ съ точки значенія нравственнаго элемента на войнѣ, т. е. *военно-психологическіе этюды* и только. Военная психологія же — это дѣло отдаленнаго будущаго.

II. МАТЕРІАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

1) *Тактическій, боевой элементъ* (армія и флотъ) (*тактика и артиллерія*), въ ряду матеріальныхъ элементовъ военнаго искусства является на первомъ планѣ, потому что *человѣкъ есть главное орудіе на войнѣ.* Элементъ этотъ изслѣдуется въ *тактикѣ*, имѣющей предметомъ рѣшеніе вопросовъ *о выгоднѣйшемъ употребленіи войскъ, въ различныхъ случаяхъ на войнѣ, а равно и о выгоднѣйшемъ устройствѣ ихъ, соотвѣтственно означенной цѣли.*

Къ тактическому элементу должно быть отнесено также *оружіе*, являющееся какъ дополнительное средство къ человѣку, служащее для дальнѣйшаго развитія тѣхъ средствъ, которыя даны самою природою человѣку, для пораженія непріятеля. Вопросъ о выгоднѣйшемъ устройствѣ оружія, соотвѣтственно различнымъ боевымъ цѣлямъ, и употребленіи его изслѣдуется въ *артиллеріи*. Въ изслѣдованіи послѣдняго вопроса также принимаетъ участіе и тактика.

2) *Мѣстный элементъ (военная географія, военная топографія* и *фортификація)*. Война и бой ведутся на извѣстной мѣстности, которая, такимъ образомъ, какъ элементъ, входитъ во всѣ военныя комбинаціи, конечно, въ различномъ видѣ. При составленіи плана кампаніи, мѣстный элементъ входитъ въ расчетъ въ самомъ обширномъ видѣ, въ видѣ *географическаго элемента*, въ видѣ обширныхъ пространствъ, ограниченныхъ большими естественными рубежами,

---

[1]) Этимъ путемъ открыты и открываются всѣ законы химіи... въ Артиллеріи законъ полета снаряда.... (Отсюда уже видно громадное значеніе *критической военной исторіи* для военнаго. Она является для него тѣмъ же, чѣмъ *лабораторія* для химика, *обсерваторія* для астронома, *полигонъ* для артиллериста....).

называемыхъ *театрами военныхъ дѣйствій.* При соображеніи плана сраженія, мѣстный элементъ входитъ въ расчетъ уже въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ *поля сраженія*, въ смыслѣ элемента *топографическаго.*

Мѣстность облегчаетъ или затрудняетъ войскамъ достиженіе поставленной имъ цѣли.

Для того, чтобы судить о томъ, насколько мѣстность затрудняетъ или облегчаетъ войскамъ достиженіе означенной цѣли, необходимо умѣть снять планъ извѣстной мѣстности или, по крайней мѣрѣ, по имѣющемуся плану правильно судить о свойствахъ мѣстности. Изслѣдованіе этихъ вопросовъ составляетъ задачу *военной топографіи.*

Если мѣстность затрудняетъ войскамъ достиженіе имъ поставленной цѣли, то необходимо изыскать средства къ устраненію этого неблагопріятнаго вліянія, необходимо умѣніе подготовить себѣ выгодный театръ и выгодное поле сраженія. Такова главная задача *военно-инженернаго искусства* или *фортификаціи.*

3) *Административный элементъ (военная администрація).* Тактика, какъ указано выше, разбираетъ вопросъ о выгоднѣйшемъ употребленіи войскъ въ бою; но передъ тѣмъ необходимо изыскать средства къ наиболѣе раціональному рѣшенію другихъ вопросовъ, именно: о выгоднѣйшемъ способѣ комплектованія, формированія, организаціи и вообще снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ для жизни и боя. Вопросы эти составляютъ предметъ изслѣдованія *военной администраціи.*

Степень развитія всѣхъ приведенныхъ элементовъ, вмѣстѣ взятыхъ, опредѣляетъ политическое значеніе Государства, отношеніе его къ сосѣдямъ. Это приводитъ къ новому элементу:

4) *Политическому (внутреннему* и *внѣшнему.* Къ первому слѣдуетъ отнести вліяніе различныхъ формъ государственнаго устройства на комплектованіе войскъ... и на образъ веденія военныхъ дѣйствій), обнаруживающему весьма важное вліяніе на военныя соображенія.

Изслѣдованіе того вліянія, которое обнаруживаютъ политическія условія на веденіе военныхъ дѣйствій, короче—той связи, которая существуетъ между войною и политикою, должно составить задачу отдѣльной военной науки, пока еще несуществующей, именно *военной политики.* Ей должно принадлежать весьма важное значеніе хотя бы потому, что посредствомъ ея всѣ военныя науки, составляющія собственно одну обширную вѣтвь наукъ, *общественныхъ (политическихъ)*, должны войти въ болѣе тѣсную и опредѣленную связь съ послѣдними. (Смотри приложенія IX и XII.)

5) *Статистическій элементъ (военная статистика).* Чтобы судить о степени могущества извѣстнаго государства, въ извѣстную минуту, т. е. о состояніи всѣхъ вышеприведенныхъ элементовъ, служитъ *военная статистика*, представляющая собою не что иное

какъ туже общую статистику, но только специализированную для военныхъ цѣлей.

6) *Элементъ случайностей.* Ко всѣмъ этимъ элементамъ слѣдуетъ прибавить еще *элементъ случайностей*, какъ *внѣшнихъ*, такъ и *внутреннихъ* (понимая подъ послѣдними крайне капризное проявленіе сердца человѣческаго въ дѣлѣ войны), которыми обыкновенно окружено исполненіе всякаго предпріятія на войнѣ, и которыхъ самый свѣтлый и предусмотрительный умъ не можетъ вполнѣ предвидѣть (*Коллинъ* 1757, *Кремона* 1702, *Нуссдорфъ* 1809, *Бардъ* 1800, *Соассонъ* 1814...), благодаря чему веденіе войны никогда не обращается въ дѣло строгаго математическаго расчета. «Предпріятіе уже хорошо соображено, говоритъ *Наполеонъ*, если $^2/_3$ шансовъ отнесены на долю расчета, а $^1/_3$ на долю случайностей. Тотъ, кто желалъ бы ничего не предоставлять случаю на войнѣ, тому можно дать совѣтъ ровно ничего не предпринимать».—Разбирая тотъ же вопросъ, *Фридрихъ* приходитъ къ тому же заключенію: «на войнѣ, говоритъ онъ, необходимы: искусство и *счастіе*». «Встрѣчаются, продолжаетъ онъ далѣе, такія *несчастныя* событія, въ которыхъ весь запасъ человѣческой предусмотрительности и самый основательный расчетъ оказываются безплодными»... Такимъ образомъ война, не являясь дѣломъ строгаго математическаго расчета, получаетъ въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ таланта лицъ, руководящихъ дѣйствіями, характеръ игры, или, правильнѣе, *веденіе войны—это своего рода теорія вѣроятностей.*

Понятно, что элементъ случайностей не подчиняется теоретическимъ изслѣдованіямъ. Лучшее средство для ознакомленія съ степенью его вліянія на военныя дѣйствія представляетъ, опять-таки, военная исторія.

Всѣ приведенные элементы находятся въ самой тѣсной связи между собою. *Война ведется на извѣстной мѣстности* (мѣстный элементъ) *людьми* (тактическій элементъ), *одаренными волею, страстями* (нравственный элементъ) *и всѣми потребностями органическихъ существъ* (административный элементъ). Наконецъ, *война ведется не ради самой себѣ, а для пріобрѣтенія какихъ либо политическихъ выгодъ* (политическій элементъ).

Въ этой формулѣ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, очевидна та тѣсная связь, которая соединяетъ всѣ элементы, а равно и трактующія о нихъ элементарныя военныя науки.

Свойства всѣхъ этихъ элементовъ разбираются въ элементарныхъ военныхъ наукахъ. Вліяніе же ихъ другъ на друга и комбинаціи ихъ, въ зависимости отъ времени и пространства, для успѣшнаго достиженія цѣли войны, составляютъ уже предметъ *синтезиса всего военнаго дѣла, стратегіи.* Задача ея, такимъ образомъ, будетъ заключаться въ томъ, чтобы: *обнявъ вопросъ о веденіи военныхъ дѣйствій, въ извѣстный моментъ, со всѣхъ сторонъ, рѣшить его, сообразно обстановкѣ, т. е. поставить разумную цѣль и направить всѣ силы и*

средства къ достиженію ея въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями [1])

V.

Давно ли существуетъ стратегія (какъ искусство и какъ наука)? Бѣглый очеркъ литературы стратегіи.

Давно ли существуетъ стратегія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы ближе всего найдемъ въ исторіи.

Если главною задачею стратегіи считать, сообразно съ только что высказаннымъ взглядомъ, *постановку разумныхъ цѣлей на войнѣ и направленіе всѣхъ силъ и средствъ къ достиженію этихъ цѣлей въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями*, то во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ эта задача была искусно рѣше-

[1]) **СХЕМА.**

Элементы военнаго искусства.

Нравственный.

(умъ и сердце арміи и націи по участію ихъ въ войнѣ). Военная психологія.

Матеріальные.

Человѣкъ и оружіе (армія, флотъ), тактическій, боевой элементъ. Тактика и артиллерія.

Мѣстность, географическій элементъ, топографическій и фортификаціонный. Военная географія, военная топографія, фортификація.

Административный элементъ, военная администрація.

Политическій элементъ (внутренній и внѣшній).
Военная политика (связь между войною и политикою).
Элементъ случайностей.
Стратегія, какъ синтезисъ всего военнаго дѣла.

на, мы должны видѣть проявленіе стратегіи, *какъ искусства* по крайней мѣрѣ.

И дѣйствительно, стратегія, какъ *искусство*, существовала въ періодъ самой глубокой древности и притомъ основанія ея, какъ оно и должно быть, были тѣ же, что и въ настоящее время. Измѣняясь до безконечности въ примѣненіи, стратегія и тактика въ принципахъ всегда останутся неизмѣнными.

Чтобы убѣдиться въ вышеприведенномъ, стоитъ только провести, хотя бы только бѣглую параллель между однородными фактами наиболѣе отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ.

Такъ, напр., съ точки *подготовки театра военныхъ дѣйствій*, если сблизить первоначальныя дѣйствія Александра Македонскаго, при высадкѣ его въ Малой Азіи (334 до Р. Х.) съ такими же дѣйствіями Густава-Адольфа (1630), при высадкѣ его въ устьѣ Одера, два однородныхъ факта, совершившихся при довольно сходной обстановкѣ, то нельзя не замѣтить громадной аналогіи какъ въ постановкѣ цѣли [1]), такъ даже и въ способахъ достиженія ея. Такимъ образомъ оба полководца находятся въ весьма сходномъ положеніи. У обоихъ море въ тылу, у обоихъ узкая база. Это сходство въ обстановкѣ приводитъ къ постановкѣ обоими одной и той же цѣли и къ выбору почти одинаковыхъ средствъ для ея достиженія. Оба ставятъ себѣ задачею обезопасить свой тылъ, уширить базу, овладѣвъ для этого важнѣйшими пунктами прибрежья, обезопасить такимъ образомъ сообщенія одинъ съ Греціею, другой съ Швеціею, съ тѣмъ чтобы, по достиженіи уже этой цѣли, обратиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ...

Трудно найти два факта, столь отдаленные другъ отъ друга по времени и столь схожіе какъ по внутреннему содержанію, такъ даже и по внѣшней формѣ. Развѣ въ нихъ не замѣчается проявленіе стратегіи? Въ обоихъ видимъ мы постановку разумной цѣли и направленіе средствъ, состоявшихъ въ распоряженіи обоихъ полководцевъ, къ достиженію ея, сообразно съ требованіями обстановки, въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями, — слѣдовательно, мы видимъ стратегію и притомъ истинную стратегію.

Далѣе, если сблизить между собою *маршъ-маневръ* Аннибала черезъ Клузіумское болото (217 до Р. Х.) съ маршемъ-маневромъ генерала Бонапарте отъ Валенцы къ Піаченцѣ (1796), то нельзя не замѣтить, что полный успѣхъ обѣихъ операцій, весьма схожихъ между собою, объясняется въ одинаковой степени искуснымъ выборомъ операціонной линіи, въ обоихъ случаяхъ, и столь же искуснымъ исполненіемъ самаго марша, съ точки *внезапности*, *скрытности и бы-*

[1]) Съ тою разницею, разницею, вполнѣ оправдываемою обстановкою, въ которой находились оба полководца, что одинъ, Александръ, тотчасъ же вступаетъ въ бой съ непріятельскою арміею (сраж. при Граникѣ), и затѣмъ уже, разбивъ ее, приступаетъ къ устройству театра военныхъ дѣйствій, а другой, Густавъ-Адольфъ, уклоняется отъ боя и тотчасъ же обращается къ подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій.

строты, условій, которыя всегда ложились и всегда должны полагаться въ основаніе исполненія маршей-маневровъ.

Наконецъ, если провести еще параллель между двумя фактами, нѣсколько инаго характера, но такъ же весьма схожими между собою и такъ же отдѣленными значительнымъ промежуткомъ времени другъ отъ друга, именно: *между дѣйствіями Римлянъ послѣ сраженія при Каннахъ и дѣйствіями союзниковъ въ 1813 г. непосредственно послѣ перемирія*, то нельзя опять не замѣтить громаднаго сходства какъ въ обстановкѣ дѣйствовавшихъ сторонъ, такъ равно въ постановкѣ цѣлей (для Римлянъ и для союзниковъ *уклоненіе отъ боя)* и даже въ выборѣ средствъ для достиженія поставленной цѣли *(искусная комбинація маршей и укрѣпленные лагери*, которыми Римляне обезпечивали свое расположеніе на каждомъ ночлегѣ; а со стороны союзниковъ—*искусная комбинація исключительно маршей-маневровъ; Трахенбергскій планъ)*.

Приведенныхъ фактовъ, взятыхъ изъ различныхъ эпохъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что *стратегія* и притомъ стратегія, *вѣчно неизмѣнная въ своихъ принципахъ, существовала какъ искусство, во всѣ времена, когда война была ведена съ искусствомъ;* но она существовала только, такъ сказать, въ головѣ отдѣльныхъ, избранныхъ личностей, въ родѣ Александра, Аннибала, Ю. Цезаря, Густава-Адольфа. Это была, такъ сказать, *природная, инстинктивная стратегія*, инстинктивная потому, что великіе полководцы древности, щедро одаренные отъ природы качествами, необходимыми полководцу, дѣйствуя, единственно по внушенію своего генія, постоянно согласно требованіямъ обстановки, вѣроятно и не подозрѣвали, что есть извѣстныя начала, законы, которые служатъ основаніемъ всѣхъ этихъ дѣйствій.

Въ половинѣ XVIII столѣтія явилась попытка сдѣлать стратегію, бывшую до этой минуты достояніемъ отдѣльныхъ, избранныхъ личностей, доступною для массы, но доступною только въ смыслѣ *пониманія ея*, а отнюдь не въ смыслѣ *примѣненія ея*, что останется на вѣчныя времена, исключительнымъ достояніемъ людей геніальныхъ и талантливыхъ; короче,—явилась *попытка къ составленію научнаго трактата о стратегіи*.

Литература стратегіи начинается съ *Ллойда* [1]). Онъ первый поставилъ вѣхи для научной разработки и стратегіи и очеркнулъ ея предѣлы. Онъ далъ канву послѣдующимъ писателямъ и притомъ канву весьма широкую. Мало того, что Ллойдъ является въ качествѣ перваго стратегическаго писателя, онъ первый написалъ синтетическій трактатъ о военномъ дѣлѣ. Дальнѣйшіе стратегическіе писатели были, преимущественно, аналитики. Ллойдъ не ограничилъ стратегію разборомъ одной какой либо стороны военнаго дѣла, од-

---

[1]) По происхожденію Англичанинъ. Онъ служилъ въ австрійской, прусской и русской арміяхъ. Родился въ 1728, умеръ въ 1783 г. въ Голландіи, въ крайней бѣдности и похороненъ былъ на большой дорогѣ.

ного какого либо элемента. Онъ широкою рукою *намѣтилъ* все, относящееся къ ней. Онъ не остановился на разборѣ вопроса только о веденіи военныхъ дѣйствій [1]) (собственно на *тактическомъ* элементѣ); онъ идетъ далѣе: онъ посвящаетъ полное вниманіе анализу важнѣйшаго изъ элементовъ на войнѣ, обыкновенно обходимаго въ военныхъ сочиненіяхъ, какъ неподлежащаго вѣсу и мѣрѣ, *нравственнаго* элемента [2]) и вдается въ разборъ *политическаго* начала [3]), насколько оно соприкосновенно съ военнымъ дѣломъ.

Трудно начертать болѣе полную и въ тоже время болѣе раціональную программу для теоріи стратегіи, для стратегіи, какъ науки.

И дѣйствительно, какъ приведено было выше, что такое стратегія—какъ не синтезисъ всего военнаго дѣла?

Сущность тактическаго ученія Ллойда (I части его сочиненія) приводится къ слѣдующему: *уважайте штыкъ, смотрите на огонь какъ на подготовку; стрѣляйте тамъ, гдѣ двигаться нельзя; ходите хорошо, не останавливайтесь на полдорогѣ, а завершайте бой рѣшительнымъ ударомъ.*

Какъ стратегическій писатель, Ллойдъ первый установилъ ясное понятіе въ области самаго существеннаго вопроса стратегіи, именно понятіе объ *операціонной линіи*. Имъ же и былъ введенъ этотъ терминъ. Давъ теоретическій масштабъ (законъ) для операціонной линіи, приводимый нами въ своемъ мѣстѣ ниже, и останавливаясь преимущественно на формѣ рѣшенія этого вопроса, отвѣчавшей современной ему обстановкѣ (снабженіе армій исключительно изъ магазиновъ, 5-ти-переходная система, *тактическая сторона крайне скована администраціею;* крайняя длина операціонной линіи, по мнѣнію Ллойда, около 50 верстъ, 10 — 12 лье), онъ не останавливается на ней исключительно, но даже намѣтилъ другую крайнюю форму операціонныхъ линій, принимаемую ими *при полной независимости отъ административныхъ условій*, какъ это видно изъ приступа его къ главѣ объ операціонной линіи, когда онъ говоритъ о татарскомъ способѣ веденія войны. «Татары, говоритъ онъ, не имѣютъ магазиновъ, да они въ нихъ и не нуждаются; быстрота ихъ движенія даетъ имъ возможность найдти все имъ необходимое на мѣстѣ. Но мы съ нашими большими и тяжелыми арміями...» (стр. 273). Указавъ на

---

[1]) 1 часть его сочиненія («De la composition des différentes armées anciennes et modernes») и 4-я («Des opérations de la guerre considérées en elles mèmes»).

Сочиненіе Ллойда издано подъ заглавіемъ: «Mémoires politiques et militaires». Оно должно было составить только часть, собственно *теоретическую* часть, какъ вступленіе къ предпринятому имъ обширному *историческому* труду, исторіи семилѣтней войны, исполненному имъ лишь отчасти.

[2]) 2 часть сочиненія Ллойда: «De la philosophie de la guerre».

[3]) 3 часть сочиненія Ллойда. Здѣсь Ллойдъ разсматриваетъ собственно тѣ отношенія, которыя существуютъ между различными формами государственнаго устройства и военными дѣйствіями.

эти *двѣ крайнія* формы въ рѣшеніи вопроса объ операціонныхъ линіяхъ, онъ тѣмъ уже призналъ законность и *всѣхъ промежуточныхъ* [1]), къ разряду которыхъ относится и форма, въ которую вылилась операціонная линія, въ новѣйшее время, съ введеніемъ, въ дополненіе къ магазинному способу снабженія, реквизиціоннаго [2]). Ясно, такимъ образомъ, что Ллойдъ, характеризируя преимущественно стратегію съ точки современной ему обстановки, всетаки не впадаетъ въ односторонность, въ систематизмъ, да и не могъ впасть въ него при его обширномъ умѣ. Трудно понять, послѣ этого, почему и его нѣкоторые причисляютъ къ разряду писателей-систематиковъ [3]).

Отличительную черту сочиненія Ллойда составляютъ: сжатость, краткость въ изложеніи и мѣткость въ сужденіяхъ, во взглядѣ. Подобно всѣмъ талантливымъ писателямъ, одареннымъ необыкновеннымъ развитіемъ творческой стороны ума, онъ не давалъ себѣ труда къ тщательной обработкѣ, къ развитію высказываемыхъ имъ мыслей, а ограничивался только набрасываніемъ ихъ мѣткою, артистическою рукою, въ нѣсколькихъ рѣзкихъ чертахъ, предоставляя развитіе ихъ читателю, вызывая его, такимъ образомъ, на самостоятельный трудъ, *заставляя его больше мыслить, чѣмъ читать.*

Этотъ существенный недостатокъ [4]) сочиненія Ллойда былъ причиною того, что оно сдѣлалось недоступно массѣ, *всегда падкой на готовое*, что, въ свою очередь, заставило послѣдующихъ стратегическихъ писателей принять на себя копотливый трудъ тщательнаго

---

[1]) «Всѣ вопросы высшей тактики (стратегіи) являются въ видѣ *неопредѣленныхъ* физико-математическихъ задачъ, допускающихъ (безконечное) множество рѣшеній....». *Наполеонъ.*

[2]) Нынѣшній образъ веденія войны, основанный на магазинахъ и реквизиціяхъ (фуражировкахъ), составляетъ средину между образомъ веденія войны XVIII столѣтія, основаннымъ исключительно на магазинахъ, и татарскимъ, основаннымъ исключительно на поборахъ-фуражировкахъ.

[3]) Большія подробности о сочиненіи Ллойда можетъ найдти читатель въ статьяхъ моихъ, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» въ 1864 г., подъ заглавіемъ «*Военное дѣло въ XVIII вѣкѣ*».

[4]) Весьма справедливо дѣлаетъ Гиберъ тотъ же упрекъ Монтескье за извѣстное его сочиненіе: «Esprits des Lois», равно какъ и Цезарю, Рогану, Монтекукули, Тюренню, маршалу Саксонскому, Фридриху... «Способъ изложенія, котораго держались эти великіе люди,—говоритъ онъ—не отличается ни достаточно подробнымъ развитіемъ, ни достаточною ясностью; они скорѣе писали для того, чтобы дать самимъ себѣ отчетъ, чѣмъ въ видахъ поученія массы. Такимъ образомъ всегда поступаетъ геній, разъ какъ онъ не поставилъ себѣ опредѣленною цѣлью поучать. Онъ трактуетъ о предметахъ въ томъ видѣ, какъ они ему представлялись, т. е. вскользь, какъ бы господствуя надъ ними. Онъ не нисходитъ до подробностей. Онъ обходитъ, такимъ образомъ, всѣ промежуточныя идеи, посредствомъ которыхъ обыкновенный человѣкъ съ трудомъ переползаетъ отъ одной истины къ другой». (De l'état actuel de la politique et de la science militaire en Europe. Chapitre III.)

анализа, обойденный Ллойдомъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за Ллойдомъ, является рядъ писателей-аналитиковъ, разбиравшихъ вопросъ о веденіи военныхъ дѣйствій исключительно или, по крайней мѣрѣ, предпочтительно въ зависимости отъ одного какого либо элемента.

Сюда принадлежатъ:

1) *Бюловъ* [1]). Онъ разбираетъ военныя дѣйствія только съ точки *административныхъ* условій. На первомъ планѣ у него являются сообщенія, дѣйствія на сообщенія и прикрытіе сообщеній. Къ дальнѣйшимъ отличительнымъ чертамъ сочиненія Бюлова принадлежитъ стремленіе къ составленію свода безусловныхъ правилъ [2]) и къ изложенію теоріи, въ видахъ большей наглядности, осязаемости развиваемыхъ имъ идей, преимущественно въ геометрической формѣ, что сочиненію Бюлова придаетъ ближе всего характеръ какъ бы *стратегической геометріи* [3]). (См. Приложеніе I.)

2) *Жомини.* Въ первомъ своемъ сочиненіи (Traité des grandes opérations), генералъ Жомини разбираетъ вопросъ о военныхъ дѣйствіяхъ преимущественно съ точки *тактическаго* элемента. Сосредоточеніе силъ, дѣйствія по внутреннимъ линіямъ и бой на рѣшительномъ пунктѣ являются на первомъ планѣ (обратное Бюлову [4]).

---

[1]) Geist des neueren Kriegssystems (1799) и Lehrsätze des neueren Krieges, oder reine und angewandte Strategie.

[2]) По собственному признанію, Бюловъ поставилъ себѣ задачу написать положительную теорію военнаго дѣла съ тѣмъ, чтобы перевести его изъ области искусства, требующаго творчества и доступнаго въ высшемъ примѣненіи, только нѣкоторымъ избраннымъ, въ сферу положительной науки, которая могла бы быть выучена всякимъ.

Такимъ образомъ, обороняющемуся онъ совѣтуетъ *никогда* не становиться параллельно непріятелю, а *всегда* сбоку (т. е. занимать фланговыя позиціи), и дѣйствовать на его сообщенія, оставляя съ фронта только силы, достаточныя для удержанія противника. Наступать, по его мнѣнію, слѣдуетъ *всегда* по нѣсколькимъ концентрическимъ линіямъ, а отступать *всегда* по нѣсколькимъ эксцентрическимъ направленіямъ, для того, чтобы изъ эксцентрическаго отступленія перейти къ концентрическому наступленію.

[3]) Къ сочиненію Бюлова приложено до 60 геометрическихъ фигуръ. Конечно, фигуры эти дѣлаютъ идеи болѣе осязаемыми. Вообще пріемъ воплощать идеи въ образы, въ видахъ лучшаго уясненія ихъ, пріемъ хорошій; но такъ какъ одна и та же идея, въ зависимости отъ обстановки, измѣняющейся до безконечности, можетъ выразиться въ безконечно-разнообразныхъ образахъ, формахъ, то ясно, что съ подобною цѣлію слѣдуетъ обращаться не къ *мертвымъ* геометрическимъ чертежамъ, а къ эластическимъ, *живымъ* образамъ, представляемымъ военною исторіею.

[4]) Разбирая сраженіе при Лейтенѣ (1757), генералъ Жомини былъ пораженъ: какимъ образомъ Фридрихъ, располагавшій только 30,000 противъ Австрійцевъ, имѣвшихъ 80,000, съумѣлъ, въ наиболѣе важные моменты боя, на рѣшительныхъ пунктахъ, быть сильнѣе своихъ противниковъ. Это привело его къ заключенію, что сущность дѣла въ бою заключается именно въ томъ, чтобы на рѣшительномъ пунктѣ быть всегда сильнѣе противника. Выводъ этотъ онъ примѣнилъ и къ стратегіи, въ болѣе ши-

3) *Эрцгерцогъ Карлъ* разсматриваетъ военныя дѣйствія по отношенію ихъ къ *мѣстному* элементу. Главное основаніе, на которомъ построено все его сочиненіе, заключается въ томъ, что «въ стратегическихъ разсчетахъ одна лишь мѣстность составляетъ постоянную данную [1]), между тѣмъ какъ всѣ прочіе элементы подвержены измѣненію, и что, слѣдовательно, рѣшительные пункты театра войны должны опредѣляться по *одному* образованію мѣстности: тогда лишь они будутъ неизмѣнны настолько же, какъ и сама мѣстность». Подобный, крайне односторонній взглядъ могъ родиться только въ Австрійской арміи, постоянно относящейся съ особеннымъ уваженіемъ къ мѣстности *(позиціонная система).*

рокомъ смыслѣ, *къ театру военныхъ дѣйствій.* Увлекшись этою важнѣйшею стороною дѣла, онъ на нее и обратилъ преимущественно вниманіе.

[1]) Надо замѣтить, что значеніе мѣстности измѣняется: 1) *отъ характера страны.* Такимъ образомъ, въ странахъ культивированныхъ и пересѣченныхъ, особенно важное значеніе, въ военномъ отношеніи, пріобрѣтаютъ узлы дорогъ; въ горныхъ—узлы долинъ; въ болотистыхъ—гати и мосты; въ степяхъ—мѣстности, на которыхъ встрѣчается вода, вообще оазисы. Въ особенности же значеніе мѣстности измѣняется 2) *отъ относительнаго положенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій.* Примѣняясь къ терминологіи генерала Жомини, значеніе мѣстности, въ послѣднемъ смыслѣ, приличнѣе всего было бы назвать *маневреннымъ* значеніемъ для отличія отъ *географическаго* значенія, т. е. отъ того, которое извѣстный мѣстный предметъ имѣетъ *самъ по себѣ.* Въ то время какъ географическое значеніе пункта неизмѣнно, его маневренное значеніе можетъ измѣняться до безконечности. Такъ, напримѣръ, географическое значеніе Піяченцы, заключающееся въ томъ, что для стороны, владѣющей ею, театръ военныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи перестаетъ быть раздѣленнымъ рѣкою По на двѣ отдѣльныя зоны, неизмѣнно; между тѣмъ какъ ея маневренное значеніе не только въ двѣ разныя кампаніи (1796 и 1800), но даже въ теченіе одной и той же измѣнялось по мѣрѣ перемѣщенія и измѣненія относительнаго положенія армій на театрѣ военныхъ дѣйствій. Далѣе: Верона въ 1848 году, въ періодъ выжидательныхъ дѣйствій Радецкаго, является въ видѣ самаго важнаго опорнаго пункта, единственнаго убѣжища слабой Австрійской арміи. Во второй періодъ,—въ періодъ активныхъ дѣйствій, по мѣрѣ успѣховъ Радецкаго, военныя дѣйствія переносятся къ Милану, къ берегамъ Тичино, такъ что Верона изъ опорнаго пункта въ битвахъ Австрійцевъ съ Сардинцами обращается только въ операціонный базисъ для первыхъ. Весьма часто случается, что пунктъ, имѣющій самое ничтожное географическое значеніе, пріобрѣтаетъ особенно-важное маневренное, какъ, напримѣръ, Полоцкъ, Витебскъ въ 1812 году, или Шампоберъ въ 1814 году.

Не странно ли послѣ всего этого утверждать, что мѣстность составляетъ постоянную данную (развѣ только потому, что она непремѣнно входитъ во всѣ стратегическіе разсчеты), и въ особеноости то, что рѣшительные пункты театра войны должны опредѣляться по *одному* образованію мѣстности? Наконецъ, если бы это было дѣйствительно такъ, то на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій всегда приходилось бы дѣйствовать одинаково, чего однако нѣтъ.

*

Примѣчаніе. Сочиненіе генерала Ронья [1]), по характеру, весьма близко подходитъ къ сочиненію Бюлова: охраненіе сообщеній и дѣйствія на сообщенія поставлены на первомъ планѣ. Изъ двухъ противоположныхъ принциповъ, полагаемыхъ въ основаніе каждаго военнаго дѣйствія: *рѣшительности* и *осторожности*, онъ почти отвергаетъ первый. Такимъ образомъ, странно слышать отъ участника Наполеоновскихъ походовъ, что, отойдя на восемь переходовъ отъ первоначальной базы, слѣдуетъ *остановиться* (!?) для устройства новаго. Главная черта того вліянія, которое, какъ объяснено будетъ въ своемъ мѣстѣ — замѣна магазиннаго способа снабженія армій реквизиціоннымъ,— должна была обнаружить на военныя дѣйствія, и заключается въ томъ, что послѣднія въ значительныхъ размѣрахъ освободились отъ административныхъ условій, дотого что, напримѣръ, новѣйшія кампаніи (1805 — 1809 гг.) открываются нерѣдко рядомъ самыхъ смѣлыхъ и быстрыхъ военныхъ дѣйствій, безъ предварительной подготовки театра военныхъ дѣйствій въ административномъ отношеніи (исключая первоначальнаго базиса), что составляетъ уже предметъ послѣдующихъ распоряженій, устройства тыла. Такимъ образомъ, и у Наполеона, въ 1805 году, независимо отъ первоначальнаго, главнаго базиса, на Рейнѣ, было нѣсколько вспомогательныхъ (1-й на Лехѣ, 2-й на Иннѣ, 3-й въ Вѣнѣ), въ разстояніи, приблизительно, около восьми переходовъ одинъ отъ другаго; но устройство ихъ, мѣра чрезвычайно важная въ смыслѣ осторожности, не потребовало ни малѣйшей остановки въ отношеніи къ военнымъ дѣйствіямъ (20-го октября Французская армія двинулась отъ Ульма къ Инну, а 13-го ноября Французы заняли Вѣну, пройдя въ 24 дня пространство въ 500 верстъ съ боемъ).

Попытка *перейти отъ анализа къ синтезису* выразилась:

1) Первоначально въ механической компиляціи *Ксиландера*, составленной по сочиненіямъ Бюлова и эрцгерцога Карла, преимущественно въ видѣ *твердыхъ*, безусловныхъ правилъ, съ добавленіемъ умозрительной фантазіи о преобладающемъ значеніи рѣкъ и горъ надъ прочими мѣстными преградами. По его теоріи, особенно выгодно владѣть верхнимъ теченіемъ рѣки. Спрашивается: какую пользу извлекли Союзники изъ Эльбы въ 1813 году (послѣ перемирія), въ то время какъ Наполеону, не владѣвшему ея верховьями, она доставила громадныя выгоды?

2) Генералъ *Жомини*, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи [2]), разбираетъ вопросъ о веденіи военныхъ дѣйствій уже въ зависимости отъ условій нравственныхъ, политическихъ, тактическихъ, допуская и *раздѣленіе* силъ, но въ предѣлахъ, строго опредѣляемыхъ надобностію, съ сохраненіемъ притомъ возможности притянуть ихъ въ рѣ-

[1]) Писано подъ вліяніемъ неудачныхъ Наполеоновскихъ войнъ, именно войны на Пиренейскомъ полуостровѣ и похода 1812 г.

[2]) Первое его изданіе озаглавлено: «Tableau analitique des principales combinaisons de la guerre», а послѣднее—«Précis de l'art de la guerre».

шительную минуту (глава «Des grands detachements et des diversions»). Его напрасно упрекаютъ въ безусловномъ предпочтеніи внутреннихъ линій. Вообще онъ далекъ отъ какихъ бы то ни было безусловныхъ правилъ. Каждый изъ разбираемыхъ имъ вопросовъ не оканчивается твердымъ выводомъ, а совѣтомъ возможно-тщательнаго изученія критической военной исторіи («l'histoire, mais l'histoire militaire bien raisonnée»). Это сочиненіе генерала Жомини, вмѣстѣ съ приведеннымъ выше сочиненіемъ Ллойда, достойно занять самое почетное мѣсто въ стратегической литературѣ.

На ряду съ сочиненіями Ллойда и Жомини можно было бы поставить:

3) Сочиненіе *Клаузевица* (Vom Krige), если бы только предначертанный авторомъ планъ былъ окончательно выполненъ, и если бы оно было менѣе туманно написано. Подобно указаннымъ сочиненіямъ, и сочиненіе Клаузевица представляетъ собою синтетическій трактатъ о стратегіи. Подобно Ллойду и Жомини, авторъ рѣшительный врагъ какихъ бы то ни было системъ и постоянныхъ правилъ для дѣйствій. По мнѣнію его, главная задача теоріи заключается только въ томъ, чтобы уяснять дѣло.

4) *Виллизенъ* [1]) упустилъ изъ виду нравственное начало и увлекся желаніемъ создать строгую теорію, систему правилъ.

Къ разряду писателей, отрицающихъ положительную теорію стратегіи, слѣдуетъ отнести еще слѣдующихъ:

5) *Деккеръ.* Не претендуя на какія бы то ни было правила, а строго взвѣшивая всевозможныя pro и contra, т. е. изслѣдуя свойства, онъ этимъ путемъ старается разрѣшить главную задачу теоріи — уяснить сущность военныхъ дѣйствій.

6) Тоже можно было бы сказать и о сочиненіи *Вагнера*, если бы оно не заключало совершенно лишняго отдѣла — *чистой стратегіи.*

7) *Наполеонъ* не написалъ собственно догматическаго сочиненія о стратегіи, которое представляло бы систематическое цѣлое. Мысли же его о веденіи военныхъ дѣйствій, бѣгло набросанныя въ диктованныхъ имъ мемуарахъ, собраны въ отдѣльной книжкѣ подъ заглавіемъ: «Maximes de guerre. Pensées Napoléon». Вся его теорія основана только на томъ, что на войнѣ слѣдуетъ дѣйствовать сообразно со средствами и обстоятельствами, или, какъ онъ выражается. *«на войнѣ только обстоятельства повелѣваютъ.»*

8) *Бернгорстъ*, зарывающійся уже въ крайность и приписывающій все случаю, въ особенности же съ появленія огнестрѣльнаго оружія.

Такое же отрицаніе положительной теоріи встрѣчается въ сочиненіяхъ, изложенныхъ нѣсколько въ иной формѣ сравнительно съ предъидущими, въ видѣ *обозрѣнія замѣчательныхъ стратегическихъ сочиненій.* Къ нимъ принадлежатъ сочиненія: 1) барона *Медема*, 2) генерала *Богдановича* и 3) *Рюстова.* Послѣднее заключаетъ въ

---

[1]) Theorie des grossen Krieges.

себѣ бѣглую характеристику наиболѣе замѣчательнѣйшихъ изъ новѣйшихъ войнъ.

Таковъ историческій ходъ литературы стратегіи. Въ чемъ же обнаружились результаты подобнаго громаднаго труда?

Замѣчательное зарожденіе ея, постановка стратегіи Ллойдомъ съ перваго же раза на *научно-положительную почву*,—предвѣщало ей блестящій успѣхъ въ будущемъ. На дѣлѣ оказалось иначе. Принявъ толчекъ отъ Ллойда, но забывъ, пренебрегая, а можетъ быть и не понимая его ученія, многіе, съ легкой руки его, бросились на разработку стратегіи. Начали появляться одинъ за другимъ односторонніе (а потому уже и ложные) трактаты (кто *суть* дѣла видитъ въ административномъ элементѣ, кто въ тактическомъ, кто въ мѣстномъ; каждый беретъ только *одну* какую нибудь изъ сторонъ дѣла, возводитъ ее въ принципъ и притягиваетъ къ ней насильственнымъ образомъ все дѣло), механическія компиляціи (въ которыхъ все безсознательно перемѣшивалось вмѣстѣ), умозрительныя фантазіи (die Ueberhöhungstheorie), метафизическіе трактаты, діалектическіе трактаты и, наконецъ, появился цѣлый рядъ отрицателей положительной теоріи стратегіи, усердно все ломавшій, но, взамѣнъ того, ничего или мало дававшій. Вообще сущность дѣла отодвинута была на задній планъ, а на второстепенное обращено было слишкомъ большое вниманіе. Такимъ образомъ, большая часть писателей видѣли чуть ли не главную задачу въ томъ, чтобы заниматься различнаго рода опредѣленіями и рѣшеніемъ вопросовъ въ родѣ того: *имѣетъ ли военное дѣло свою науку, или только теорію? Въ чемъ заключается предметъ стратегіи и предметъ тактики? какъ разграничить ихъ?...* [1]).

---

[1]) Дѣло далеко не существенное. Стратегія и тактика на дѣлѣ являются постоянно слитыми, какъ двѣ стороны въ каждомъ военномъ вопросѣ. Черты, ихъ рѣзко разграничивающей, провести нельзя. Окончательная задача теоріи должна заключаться не столько въ томъ, чтобы рѣзко разграничить ихъ, сколько въ томъ, чтобы показать, какъ онѣ безпрестанно переливаются, въ каждомъ военномъ вопросѣ, одна въ другую. Наконецъ, если мы возьмемъ и подвергнемъ критическому разбору какой-нибудь фактъ и при этомъ оттѣнимъ преимущественно стратегическую сторону дѣла, это будетъ *стратегія*. Если же, разбирая этотъ фактъ, мы оттѣнимъ тактическую сторону, то это будетъ *тактика*.

Приведемъ нѣкоторыя изъ опредѣленій стратегіи и тактики, принадлежащія наиболѣе замѣчательнымъ писателямъ:

Жомини относитъ къ стратегіи всѣ соображенія, касающіяся театра военныхъ дѣйствій. Тактику же онъ называетъ искусствомъ веденія боя.

По мнѣнію *Клаузевица*, предметъ тактики составляетъ бой, а предметъ стратегіи—употребленіе боя и комбинированіе ряда сраженій для достиженія цѣли войны.

Болѣе другихъ, какъ видно, заботилъ этотъ вопросъ *Бюлова*; за то и рѣшилъ онъ его наименѣе успѣшно. Онъ называетъ тактику наукою о военныхъ движеніяхъ, имѣющихъ непріятеля *предметомъ*, а стратегію наукою о военныхъ движеніяхъ, имѣющихъ непріятеля *цѣлью*; или же: так-

Все это наполнило множество томовъ, а дѣло не уяснилось, скорѣе даже затемнилось: что ни авторъ—то новое опредѣленіе. Переходя *къ стратегическимъ комбинаціямъ*, большинство не столько заботилось о томъ, чтобы уловить душу ихъ, ихъ внутреннюю сторону, сколько скелеты ихъ, останавливаясь при этомъ на нѣкоторыхъ только изъ безчисленнаго множества формъ, въ которыя онѣ, въ зависимости отъ обстановокъ, выливаются. Такимъ образомъ явились трактаты объ операціонныхъ линіяхъ: параллельныхъ, концентрическихъ, эксцентрическихъ; о разнаго рода фигурахъ базы: выпуклой, вогнутой... Такимъ путемъ вся стратегія обратилась въ туманныя опредѣленія, этикеты и произвольныя классификаціи (какъ, напримѣръ: крѣпости 1-го, 2-го и 3-го разряда),—короче въ линіи и углы; между тѣмъ какъ *дѣло истинной стратегіи вникнуть въ духъ образцовыхъ военныхъ операцій* и вдохновиться ими, чтобы развить въ себѣ творчество, безъ котораго нельзя сдѣлать ни шагу ни въ одномъ искусствѣ, а тѣмъ болѣе въ военномъ, потому что оно труднѣе и сложнѣе другихъ. Неужели, при выборѣ операціонныхъ линій въ 1800, 1805, 1809 и 1796 годахъ, Наполеонъ думалъ о бюловскихъ объективныхъ углахъ, въ которыхъ Бюловъ видѣлъ вѣнецъ стратегіи, и которые Жомини въ насмѣшку называетъ стратегическою свиною головою, намекая на извѣстное клинообразное построеніе грековъ для атаки? Вредная сторона не остановилась на указанныхъ выше промахахъ; зло пошло далѣе. Такой методъ изложенія потянулъ множество слабыхъ головъ въ сторону безусловныхъ выводовъ и системъ (*Вейроттеръ:* стратегическіе обходы лучше тактическихъ; *Бюловъ*: фланговыя позиціи; *Фуль*: оборонительную войну слѣдуетъ *всегда* вести двумя арміями, изъ которыхъ одна должна удерживать непріятеля съ фронта, а другая дѣйствовать ему во флангъ).

тику наукою о всѣхъ движеніяхъ, исполняемыхъ въ виду непріятеля, а стратегію—наукою о всѣхъ военныхъ движеніяхъ, исполняемыхъ внѣ сферы зрѣнія непріятеля.

Наконецъ, есть еще третье, наиболѣе курьезное, опредѣленіе тактики и стратегіи Бюлова, именно: гдѣ дерутся—тамъ тактика; гдѣ не дерутся—стратегія. Если бы Бюловъ сказалъ: гдѣ дерутся (*исполняютъ*)—тамъ тактика; гдѣ комбинируютъ (*соображаютъ*)—тамъ стратегія, то онъ былъ бы не далекъ отъ истины.

VI.

О различныхъ формахъ изложенія теоріи военнаго дѣла. Злоупотребленіе догматической формы. Преимущества историческаго способа. Необходимость соединенія философіи и исторіи въ изложеніи какой бы то ни было науки, т. е. критико-историческаго способа изложенія. Задача Критической Военной Исторіи. Выборъ фактовъ, ихъ освѣщеніе и группировка, какъ три ступени всякой критико-исторической работы. Теоретическіе масштабы. Критико-историческія изслѣдованія должны быть ведены въ 2-хъ видахъ, параллельно, именно: 1) въ видѣ подробнаго критическаго разбора одной кампаніи и 2) въ видѣ стратегіи и тактики въ примѣрахъ.

Бѣглый обзоръ литературы стратегіи, приведенный нами въ предъидущемъ §, показываетъ въ какой мѣрѣ слабые результаты достигнуты были писавшими о стратегіи: большею частью туманныя опредѣленія, произвольныя классификаціи, линіи, углы, вообще этикеты и, наконецъ, что хуже всего, безусловныя правила и системы, предлагаемыя нѣкоторыми (т. е. пагубная остановка на одномъ какомъ либо изъ безконечнаго множества рѣшеній, допускаемыхъ каждымъ вопросомъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ).

Главную причину столь неудовлетворительныхъ результатовъ слѣдуетъ ближе всего искать въ *злоупотребленіи* догматической, философской формой изложенія, въ излишнемъ теоретизированіи и въ желаніи подчинить положительной теоріи и прикладную часть дѣла, доступную только творчеству, вдохновенію [1]). Конечно, философская форма изложенія должна быть поставлена выше другихъ; но кому не извѣстно, въ то же время, что *лучшая изъ философій есть своя собственная, т. е. состоящая изъ выводовъ и наблюденій, сдѣланныхъ нами самими?* Лучшій философскій трактатъ, написан-

---

[1]) «Развѣ можно дать правила *какъ* написать «Иліаду» Гомера или одну изъ трагедій Корнеля? говоритъ Наполеонъ. Само собою разумѣется, что это дѣло вдохновенія. То же можно сказать и о произведеніяхъ нашего искусства, о военныхъ комбинаціяхъ (операціяхъ)».

«Военное искусство — говоритъ Ллойдъ — весьма близко подходитъ къ поэзіи и краснорѣчію. Многіе знаютъ ихъ правила, но весьма немногіе обладаютъ талантомъ. Если они примутъ на себя трудъ написать что-нибудь, то ихъ сочиненія, строго основанныя на правилахъ, будутъ холодны и скучны, по недостатку въ нихъ того божественнаго огня, того небеснаго энтузіазма, который составляетъ отличительную черту генія. Совершенно тоже можно отнести и къ нашему искусству. Весьма многіе знакомы съ его правилами, но лишь только приходится примѣнять ихъ къ дѣлу, — они теряются. Они прибѣгаютъ къ своему учебнику (rudimens), и тутъ-то ихъ поражаетъ, что лѣса, горы, овраги, рѣки не поддаются ихъ мечтательнымъ (теоретическимъ) планамъ, а напротивъ того, требуютъ, чтобы ихъ планы подчинялись имъ....»

ный вдобавокъ замѣчательнымъ мыслителемъ, будетъ для посторонняго все-таки не болѣе какъ сборникомъ общихъ мѣстъ, именно потому, что онъ даетъ только окончательные выводы и не даетъ, въ тоже время, тѣхъ данныхъ, фактовъ, наблюденій, на которыхъ они построены и посредствомъ которыхъ они могли бы быть повѣрены; а за неимѣніемъ ихъ остается вѣрить на слово. Соглашаясь съ тѣмъ, что наиболѣе совершенная изъ формъ изложенія есть философская форма, нельзя не признать однако, что она мало способна къ *первому* ознакомленію съ дѣломъ, и что, напротивъ того, къ ней слѣдуетъ обращаться уже *послѣ* тщательнаго анализа всего относящагося до военнаго дѣла. Въ ней самыя разнообразныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя разнообразными путями, должны резюмироваться въ одно систематическое, стройное цѣлое [1]).

---

[1]) Масса свѣдѣній, необходимыхъ для яснаго пониманія всего относящагося къ военному дѣлу, — теорія только этому и можетъ научить; съ важнѣйшею же частью, съ примѣненіемъ этихъ свѣдѣній къ дѣлу, она знакомитъ лишь въ самыхъ слабыхъ размѣрахъ — можетъ быть изложена въ разнообразнѣйшихъ формахъ, начиная съ простой бесѣды, въ формѣ поэмы («Иліада»), романа («Киропедія»), исторіи и, наконецъ, въ догматической формѣ, низшую степень которой составляетъ сборникъ правилъ, а высшую — философскій трактатъ.

Самая совершенная изъ нихъ, наименѣе доступная большинству и, въ то же время, наиболѣе заманчивая, есть, конечно, философская; самая патріархальная и наиболѣе доступная есть бесѣда. Этимъ путемъ и пріобрѣтается большая часть нашихъ свѣдѣній въ жизни. Во времена до-литературныя это была единственная форма къ теоретическому ознакомленію съ военнымъ дѣломъ, и нельзя сказать, чтобы такимъ путемъ цѣль не достигалась, какъ это, между прочимъ, видно изъ слѣдующей выдержки изъ совѣта, даннаго ветераномъ Редингомъ швейцарцамъ передъ Моргартенскою битвою: «Прежде всего — говорилъ Редингъ — вы должны позаботиться о томъ, чтобы войну подчинить своей власти, т. е. чтобы то, *когда*, *гдѣ* и *какъ* нападеніе должно быть произведено, зависѣло отъ васъ, а не отъ непріятеля (инниціатива, подчиненіе противника своей волѣ). Это доставитъ вамъ хорошую позицію. Вы, какъ слабѣйшая сторона, должны въ особенности заботиться о томъ, чтобы парализовать численный перевѣсъ войскъ герцога (Леопольда Австрійскаго) и чтобы вступать въ бой съ противникомъ не иначе какъ на рѣшительномъ пунктѣ. Герцогъ не будетъ настолько неостороженъ, чтобы выбрать дорогу изъ Цуга въ Артъ, потому что съ одной стороны находится гора, а съ другой озеро (Цугское) и оба тянутся на нѣсколько часовъ пути. Тѣснина у озера Эгри хотя въ томъ же родѣ, но нѣсколько короче. Здѣсь все зависитъ отъ вѣрной оцѣнки минуты». Далѣе онъ совѣтуетъ швейцарцамъ воспользоваться Моргартенскою горою, представляющею собою какъ бы естественное укрѣпленіе и предпринять что-либо противъ фланга непріятеля. «Все это — продолжаетъ онъ — будетъ не трудно, особенно потому, что непріятель вами пренебрегаетъ, и потому, что успѣхъ оборонительной войны зависитъ преимущественно отъ хорошаго выбора позиціи». (I. v. H. Vorlesungen über Kriegsgeschichte. T. I. S. 274).

Не развитіе ли всѣхъ этихъ бѣглыхъ указаній относительно важности

Конечно, въ строгомъ смыслѣ, нельзя отдать окончательно предпочтенія одной формѣ изложенія передъ другою уже потому, что форма неважна, лишь бы сущность дѣла была передана, такъ что, въ видахъ успѣшнѣйшаго достиженія цѣли, казалось бы наиболѣе естественнымъ предоставить каждому полную свободу въ выборѣ

иниціативы, вѣрной оцѣнки мѣстности, умѣнья пользоваться минутой, употребленія войскъ на рѣшительныхъ пунктахъ, особенно важнаго значенія нравственныхъ условій и внезапности составляетъ главную задачу учебныхъ курсовъ и ученыхъ сочиненій по тактикѣ и стратегіи?

Форма *поэмы*, можетъ быть, менѣе другихъ достигаетъ цѣли, потому что она слишкомъ занята собою, и въ особенности потому, что она столько же говоритъ воображенію, какъ и уму. Раскрыть суть дѣла подъ фантастическими образами, въ которые угодно было поэту облечь свое твореніе, для читателя труднѣе, чѣмъ если бы оно было изложено въ формѣ болѣе простой, напримѣръ, въ формѣ романа или разсказа, менѣе способной приковать вниманіе читателя къ внѣшней сторонѣ дѣла. Впрочемъ, къ геніальнымъ поэтическимъ произведеніямъ («Иліада», «Фаустъ») этого отнести нельзя. И дѣйствительно: что такое «Фаустъ», какъ не философскій трактатъ въ поэтическихъ образахъ и риѳмахъ?

Форма *романа*, въ которой авторъ стремится дать вещественный образъ своимъ мыслямъ, заставляя дѣйствующія лица ихъ высказывать и опровергать, ближе достигаетъ цѣли; но и она грѣшитъ до нѣкоторой степени соблазномъ приковать вниманіе читателя къ внѣшней сторонѣ дѣла, и, такимъ образомъ, не раскрыть, а иногда скорѣе скрыть существенную сторону дѣла.

Исторія, не прибѣгая ни къ вымыслу, ни какимъ либо внѣшнимъ прикрасамъ, являясь въ видѣ простаго разсказа дѣйствительно совершившагося событія (*фактическая исторія*), гораздо болѣе способна къ осуществленію вышеприведенной цѣли, если только она съумѣетъ изложить событіе настолько обстоятельно, чтобы дать читателю возможность вѣрно оцѣнить его, если притомъ она съумѣетъ представить его, въ то же время, настолько же живо, какъ романъ, т. е. въ видѣ живаго дѣла, а не въ видѣ скелета, и, наконецъ, если къ обстоятельному и живому изображенію совершившагося событія она присоединитъ вѣрную оцѣнку его и отмѣнитъ особенно поучительныя стороны факта (*критическая исторія*).

Приведенныя до сихъ поръ формы изложенія прибѣгаютъ къ образамъ: первыя къ вымышленнымъ, послѣдняя къ дѣйствительнымъ, какъ къ средству для болѣе осязательнаго ознакомленія съ тѣми идеями, которыя проливаютъ истинный свѣтъ на дѣло.

Догматическая, философская форма не прибѣгаетъ, подобно предъидущимъ, ни къ вымышленнымъ, ни къ дѣйствительнымъ образамъ, а беретъ лишь сущность дѣла, идею и подвергаетъ ее всестороннему анализу, нисколько не заботясь о представленіи ея въ формахъ осязательныхъ и предоставляя воплощеніе ея самому читателю.

Очевидно, такимъ образомъ, что наиболѣе совершенная изъ формъ изложенія есть философская; но очевидно также, какъ замѣчено было въ своемъ мѣстѣ, что эта форма мало способна къ *первому* ознакомленію съ дѣломъ, и что, напротивъ того, къ ней слѣдуетъ обращаться уже *послѣ тщательнаго анализа* всего относящагося до военнаго дѣла: иначе это самый широкій путь къ бездонному резонерству и разнаго рода мечта-

той или другой формы, смотря по тому, кому какая нравится, кому какая кажется удобнѣе, *доступнѣе.* Разбирая однако вопросъ съ этой послѣдней точки, съ точки *доступности* большинству, придется вмѣстѣ съ Ллойдомъ [1]) все-таки отдать предпочтеніе исторической

тельнымъ теоріямъ. Въ томъ, что философская форма есть наиболѣе совершенная, убѣждаетъ насъ исторія военной литературы: первый военный писатель былъ поэтъ («Иліада» Гомера), за нимъ слѣдуетъ романистъ («Киропедія» Ксенофонта, 446 до Р. Х.), далѣе историкъ (Полибій, 150 до Р. Х.) и, наконецъ, уже являются дидактическіе военные писатели. Въ томъ же порядкѣ являются военные писатели и въ средніе вѣка, въ эпоху возрожденія искусствъ и наукъ. Что философская форма есть наиболѣе совершенная — убѣждаетъ и нашъ собственный опытъ, путь, которымъ совершается образованіе всего человѣчества. Первыя понятія, которыя мы пріобрѣтаемъ въ военномъ дѣлѣ, мы получаемъ изъ бесѣдъ. Первое, что насъ поражаетъ, это обыкновенно внѣшность и въ особенности поэтическая сторона дѣла. Читая описаніе какого-нибудь сраженія, мы съ удовольствіемъ останавливаемся на блестящихъ эпизодахъ. Воображеніе поражается, минутное увлеченіе переходитъ въ болѣе прочное — призваніе высказывается. Мы начинаемъ искать болѣе глубокаго знакомства съ дѣломъ и находимъ его въ исторіи, въ усвоеніи опыта временъ минувшихъ. Мы начинаемъ размышлять надъ фактами, подвергая ихъ критикѣ, далѣе начинаемъ дѣлать изъ нихъ выводы. Наконецъ, въ насъ рождается потребность къ обобщенію этихъ выводовъ, къ образованію изъ нихъ одного стройнаго гармоническаго цѣлаго; мы силимся проникнуть до основныхъ руководящихъ началъ. Является философія. Вотъ та естественная программа, которой слѣдуетъ, при изученіи военнаго дѣла, какъ все человѣчество, такъ и отдѣльныя личности. Начиная изученіе его съ игривой, поэтической стороны, переходя затѣмъ къ ознакомленію съ его серіозной стороной, мы кончаемъ усвоеніемъ высшей, философской его стороны. Кто такимъ путемъ естественнымъ дошелъ до философіи, для того она вѣнецъ дѣла. Но путь этотъ не легокъ; путь анализа съ микроскопомъ въ рукахъ скученъ и утомителенъ; онъ не скученъ для призванныхъ къ дѣлу, а въ то же время философія манитъ и соблазняетъ.

Вотъ почему большинство, обходя скучную аналитическую сторону дѣла, бросается прямо въ философскую. Подобная философія, не основанная на тщательномъ анализѣ, есть вѣрнѣйшій путь къ бездонному резонерству и верхоглядству. Нѣкоторые изъ заблудшихся во-время замѣчаютъ свою ошибку и, повозившись съ философіею и не найдя въ ней того, чего искали, возвращаются на путь истинный — къ анализу. Большинство же остается на верхушкахъ, безъ прочнаго основанія. Для нихъ философія есть не вѣнецъ дѣла, а только праздный разговоръ о дѣлѣ.

[1]) Сравнивая пользу, приносимую дидактическими и историческими писателями, Ллойдъ отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ. «Дидактическій способъ изложенія — говоритъ онъ — даетъ правила голыя и безъ примѣненія, такъ что они производятъ на умъ легкое впечатлѣніе, вскорѣ изглаживаемое временемъ. Это подало поводъ къ извѣстной поговоркѣ, что *путь правилъ длиненъ и скученъ, а путь примѣровъ коротокъ и дѣйствителенъ*». (Longum iter per praecepta, breve et efficax per exempla.)

«Читатель съ гораздо большимъ вниманіемъ относится къ дѣйствительно совершившемуся событію, чѣмъ къ вымыслу. Онъ предполагаетъ, что есть, по крайней мѣрѣ, возможность подражать тому, что было исполнено

формѣ изложенія, и, наконецъ, окончательно поставить выше всѣхъ методовъ раціональное сочетаніе обѣихъ, т. е. *критико-историческую* форму изложенія.

И дѣйствительно: излагая синтетическіе отдѣлы (трактующіе о комбинаціи элементовъ) стратегіи и тактики въ догматической формѣ, мы имѣли бы дѣло исключительно съ идеями, которыя для иныхъ, непривыкшихъ, въ данную минуту, вызывать всѣ свои умственныя силы и сосредоточивать ихъ на какомъ-либо предметѣ — а лѣнь есть одно изъ основныхъ свойствъ человѣческой натуры, — могли бы оставаться идеями безплотными, и цѣль наша не была бы достигнута. Если же мы къ догматической, философской формѣ *присоединимъ* и разборъ фактовъ, образовъ, въ которыхъ въ различныхъ случаяхъ выражались изслѣдуемыя нами идеи, т. е. если мы, въ изученіи стратегіи и тактики, сольемъ обѣ школы, какъ философскую, такъ и историческую, тогда идеи и для того, кто привыкъ, въ данную минуту, сосредоточивать всѣ свои умственныя силы на извѣстномъ дѣлѣ, и для того, кто не привыкъ къ этому, будутъ являться воплощенными. Такимъ образомъ, масса идей, которыя должны быть привиты къ военному человѣку, являясь постоянно въ образахъ, легче всего сроднится съ нимъ.

Но выгоды критическо-исторической формы изложенія далеко не ограничиваются только тѣмъ, что, воплощая идеи въ образы, она способствуетъ къ наиболѣе легкому ихъ усвоенію; преимущество исторіи передъ философіею заключается еще:

1) Въ томъ, что теорія, знакомя только съ соображеніемъ, не касаясь исполненія, легко можетъ выродиться въ безсознательную болтовню, если всѣ общія мѣста не глубоко провѣрены и прочувствованы, а повторяются съ чужихъ словъ. Исторія, безпрестанно переливая соображеніе въ исполненіе, знакомитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *какъ сдѣлать* въ данномъ случаѣ, чему теорія научить не можетъ. Всѣ ея правила ограничиваются только тѣмъ, *что сдѣлать*.

2) Исторія безпрестанно ставитъ на видъ вліяніе обстановки (а главное правило на войнѣ — «*дѣйствовать всегда сообразно съ обстановкою*») и приводитъ, такимъ образомъ, сама собою къ заключенію, что одни и тѣже дѣйствія, наступленіе и оборона должны принимать безконечно-разнообразныя формы, въ зависимости отъ обстановки, измѣняющейся до безконечности, слѣдовательно, спасаетъ отъ правилъ и системъ; «*все законно въ свое время и на своемъ мѣстѣ*» — вотъ ея окончательный выводъ [1], — и имѣетъ, такимъ обра-

---

другими. Сверхъ того, всѣмъ благороднымъ душамъ свойственно то естественное соревнованіе, которое увлекаетъ ихъ идти по слѣдамъ небольшаго числа великихъ людей, характеръ и дѣйствія которыхъ были достойнымъ предметомъ любви и уваженія потомства. Вотъ почему исторія во всѣ времена считалась самымъ легкимъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ поученію человѣчества».

[1]) Подъ *Аустерлицемъ* (1805) атака на оба фланга, некстати употребленная, наперекоръ обстановкѣ, губитъ дѣло. Подъ *Дрезденомъ* (2-й день

зомъ, освѣжающее, отрезвляющее вліяніе на мозгъ. *Теорія тянетъ въ сторону твердаго вывода; практика, т. е. военная исторія, разбиваетъ его въ формы безконечно-разнообразныя* [1]).

3) Теорія, разбирая вопросъ съ точки одного какого-либо условія, какъ замѣчено, легко можетъ впасть въ *односторонность* и отдать почему бы то ни было предпочтеніе одному изъ безконечно разнообразныхъ рѣшеній вопроса передъ другими. На дѣлѣ же все совершается подъ вліяніемъ извѣстной совокупности условій, составляющихъ обстановку дѣйствія, измѣняющуюся до безконечности. *Исторія, ставя на видъ всю совокупность условій, въ данномъ случаѣ, всю обстановку, спасаетъ отъ этой односторонности.*

Если бы теорія, во избѣжаніе односторонности, задалась подобною же задачею, то это ей пришлось бы не подъ силу. Необходимо имѣть чрезвычайно пылкое воображеніе, чтобы обусловить, создать à priori всевозможныя измѣненія въ обстановкѣ [2]). Да если бы это было и возможно, то все же получились бы только гипотезы, а не факты. Выводы же изъ гипотезъ не могутъ внушить къ себѣ того довѣрія, которое внушаютъ выводы изъ фактовъ [3]).

Итакъ, *военная исторія, воплощая идеи въ образы и тѣмъ облегчая усвоеніе ихъ, спасаетъ отъ безусловныхъ выводовъ и системъ, предостерегаетъ отъ одностороннихъ заключеній и заставляетъ съ полнымъ уваженіемъ относиться къ обстановкѣ, главной повелительницѣ на войнѣ.*

1813) и *Кенигрецомъ* (1866 г.) тотъ же способъ атаки, *кстати* употребленный, рѣшаетъ дѣло въ пользу атакующаго.

Подъ *Маджентою* (1859) и подъ *Прагою* (1757) наступающій дѣйствуетъ, повидимому, до безобразія дерзко; но если принять во вниманіе нравственныя качества и характеръ противника, то онъ оказывается совершенно правъ. *Таково значеніе теоретическихъ правилъ и таково вліяніе обстановки.*

[1]) По теоріи, стремящейся успокоиться на твердомъ выводѣ, длина позиціи для дивизіи (10,000) будетъ приблизительно одна верста, для корпуса 2 — 3 версты, а на практикѣ можетъ выйти въ одномъ случаѣ, когда дивизіи придется драться на гатяхъ, въ узкихъ дефиле, 10 — 20 шаговъ; а въ другомъ, напримѣръ, при оборонѣ рѣки или сильно укрѣпленной позиціи, и нѣсколько верстъ и даже нѣсколько десятковъ верстъ (Мараѳонъ, Арколе, Ватерлоо, Торесъ-Ведрасъ...).

[2]) Иногда самое ничтожное обстоятельство, какъ, напримѣръ, бутылка вина подъ Коллиномъ (1757), или внезапный пріѣздъ инспектора пѣхоты наканунѣ дня, назначеннаго принцемъ Евгеніемъ для нападенія на Кремону (1702), рѣшаютъ дѣло. Теорія не можетъ принимать во вниманіе подобныхъ ничтожныхъ обстоятельствъ. Исторія, ставя ихъ на видъ, учитъ, такимъ образомъ, уважать случайности и быть готовымъ къ спокойной встрѣчѣ ихъ.

[3]) Излагаемая въ *подобномъ* видѣ стратегія была бы всетаки *гипотетическою* стратегіею, т. е. извѣстнаго рода *метафизическою.* Освѣщаемая же путемъ критическаго разбора дѣйствительныхъ фактовъ, она обращается въ *практическую, положительную.*

Такова несомнѣнная польза, приносимая изученіемъ военной исторіи. «Я долженъ сознаться—говоритъ генералъ Жомини—что критическій разборъ *одной* кампаніи мнѣ принесъ гораздо бо̀льшую пользу, чѣмъ изученіе *всевозможныхъ* догматическихъ сочиненій». (Précis de l'art de la guerre. I. Introd. 12.)

«Тактика (понимая, конечно, только элементарный отдѣлъ ея), инженерное и артиллерійское искусство—говоритъ Наполеонъ—могутъ быть изучены, какъ геометрія, изъ книгъ. *Единственными* же средствами для того, чтобы проникнуть въ тайны высшей части искусства являются опытъ и изученіе военной исторіи, въ особенности походовъ семи великихъ полководцевъ: Александра, Аннибала, Ю. Цезаря, Густавъ-Адольфа, Тюренння, принца Евгенія и Фридриха» [1]) (числомъ 83, а съ Наполеоновскими 97, не считая Петровскихъ и Суворовскихъ). «Читайте и перечитывайте ихъ походы—говоритъ онъ далѣе,—подражайте имъ [2])—вотъ единственное средство сдѣлаться великимъ полководцемъ и проникнуть въ тайны военнаго дѣла»; или же: «если хотите знать, какъ даются и ведутся сраженія (мы прибавимъ осады, переправы...), то изучите 150 сраженій (мы прибавимъ осадъ, переправъ...), данныхъ великими полководцами...»

Сознавъ всю важность критической военной исторіи въ изученіи стратегіи и тактики (въ особенности отдѣловъ, трактующихъ о комбинаціи элементовъ), спрашивается: *какъ она должна быть излагаема и изучаема?*

Главная задача критической военной исторіи состоитъ въ томъ,

---

[1]) Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще Петра Великаго, Суворова и самаго Наполеона.

[2]) «Подражайте имъ—modélez vous sur eux»—конечно не въ смыслѣ безусловнаго мертваго, буквальнаго подражанія (формѣ), а въ смыслѣ дѣйствій, сообразныхъ съ обстановкою (духу), т. е. подобно имъ являйтесь на войну съ трезвою головою, неотуманенною разнаго рода ложными, предвзятыми теоріями (à la Вейроттеръ, Пфуль, Рюхель...); подобно имъ дѣйствуйте только сообразно съ безпрестанно измѣняющеюся обстановкою; подобно имъ умѣйте изъ хаоса, васъ окружающаго на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ битвы, вычитать истинную обстановку; подобно имъ умѣйте угадывать самое чувствительное мѣсто въ расположеніи непріятеля и являться на немъ, въ рѣшительную минуту, съ превосходными силами; подобно имъ умѣйте пользоваться минутой; подобно имъ умѣйте стройно сочетать въ вашихъ дѣйствіяхъ рѣшительность съ осторожностью; подобно имъ не подчиняйтесь волѣ противника, а напротивъ того старайтесь подчинять его всегда вашей волѣ (иниціатива); подобно имъ рѣшайтесь мгновенно если не на лучшее, то хотя на что-нибудь, лишь бы это *что-нибудь* было энергически приведено въ исполненіе....

Вотъ въ какомъ смыслѣ должно быть понимаемо Наполеоновское «modélez vous sur eux». Вышеприведенное объясненіе есть въ то же время полный масштабъ, вооружившись которымъ слѣдуетъ приступать къ разбору фактовъ. Приложите его къ нимъ—и вы сразу получите внутреннее значеніе комбинаціи.

чтобы, при разборѣ какого либо факта, *дойти до сознанія той идеи, которая вылилась въ фактъ*, освѣтить такимъ образомъ свѣтомъ мысли отжившее событіе и возсоздать внутреннюю сторону факта. Дѣло заключается далеко не въ томъ, чтобы знать только, *какъ* фактъ совершился, но въ ясномъ отчетѣ, *почему* онъ такъ, а не иначе совершился, *въ прохожденіи мысленно той умственной работы*, которая была исполнена тѣми, кто распоряжался событіемъ. Въ этомъ заключается лучшая подготовка для подобнаго же рода дѣятельности. Такое изученіе военной исторіи ближе всего способно обратить ее изъ *дѣла памяти*, чѣмъ она была преимущественно донынѣ, въ *дѣло разума*. Факты безъ труда, сами собою, запомнятся, если мы дойдемъ до сознанія идей, ихъ породившихъ.

При *выборѣ фактовъ* для критическаго разбора слѣдуетъ имѣть въ виду: а) *степень ихъ поучительности*, съ точки ли положительной, какъ образцы того, какъ въ подобной обстановкѣ слѣдуетъ дѣйствовать; съ точки ли отрицательной, какъ образцы того, какъ бы не слѣдовало дѣйствовать при извѣстной обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи дѣйствія такого геніальнаго полководца, какъ Наполеонъ, и посредственнѣйшаго изъ генераловъ, какъ, напримѣръ, Шварценбергъ, равно поучительны, слѣдовательно могутъ считаться, въ извѣстномъ смыслѣ, равно образцовыми; б) предпочтительно брать для разбора факты изъ *ближайшихъ къ намъ эпохъ*, наиболѣе способныхъ къ ознакомленію съ современнымъ состояніемъ военнаго искусства и съ современными комбинаціями, при нынѣшнихъ условіяхъ, имѣя въ виду, что первая обязанность, лежащая на каждомъ офицерѣ, заключается въ близкомъ знакомствѣ съ современнымъ состояніемъ военнаго дѣла, и что изслѣдованіе того же вопроса, въ отношеніи къ минувшимъ эпохамъ, хотя и весьма важно, но, въ отношеніи къ первому, является не иначе какъ дѣломъ роскоши, къ которому позволительно обращаться лишь только тогда, когда существенное сдѣлано. Впрочемъ, особенно строго стѣсняться эпохою совершенія факта нѣтъ надобности. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не столько важна эпоха, въ которую совершился фактъ, сколько внутреннее его содержаніе. Намъ нужны *образцы*. Образцы же эти разбросаны по всѣмъ эпохамъ; преимущественно же они встрѣчаются въ тѣ эпохи, когда жили и дѣйствовали великіе мастера въ искусствѣ. Отличительная черта образцовъ въ какомъ бы то ни было искусствѣ и заключается, между прочимъ, въ томъ, что они *никогда не могутъ состарѣться*, а служатъ вѣчнымъ источникомъ вдохновенія для будущихъ поколѣній [1]), потому что собственно ни страте-

---

[1]) Неужели дѣйствія Густавъ-Адольфа въ 1630 и въ первой половинѣ 1631 г., въ отношеніи подготовки театра военныхъ дѣйствій, менѣе образцовы и поучительны, чѣмъ таковыя же дѣйствія Наполеона въ 1809 г.? Смѣемъ надѣяться, что нѣтъ. А между тѣмъ ученые стратегики находятъ же, что изученіе дѣйствій Густавъ-Адольфа не особенно поучительно, что будто бы въ нихъ стратегія проявляется лишь въ зародышѣ своемъ и

гія, ни тактика не измѣнялись. Во всѣ времена главная задача ихъ заключалась въ томъ: *какъ наивыгоднѣйшимъ образомъ, въ зависимости отъ обстановки, комбинировать элементы* (для первой въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ отношеніи къ театру военныхъ дѣйствій, для второй—въ отношеніи къ полю сраженія) *для достиженія извѣстной цѣли, въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями?* Задачу эту одинаково ставили себѣ какъ Чингисъ-ханъ, такъ и Наполеонъ, но только не одинаково умѣли разрѣшить ее. Въ приведенномъ смыслѣ, стратегія и тактика неизмѣнны, измѣняются лишь средства ихъ, обстановка и, само собою разумѣется, форма, въ которую выливаются военныя комбинаціи.

При выборѣ фактовъ не слѣдуетъ упускать изъ виду также еще одного обстоятельства: это г) *возможно-большее разнообразіе въ обстановкѣ*, при которой совершались одинаковыя, по характеру, операціи, чтобы ближе уяснить первенствующее вліяніе обстановки и предохранить отъ безусловныхъ выводовъ. Такимъ образомъ, разобравъ какой-нибудь фактъ, слѣдуетъ сейчасъ же перейти къ другому, одинаковому съ нимъ по характеру, но совершившемуся при иной обстановкѣ, и чѣмъ рѣзче будетъ разница, тѣмъ лучше — настолько иной, что то средство, которое, въ первомъ случаѣ, привело къ успѣху, употребленное во второмъ, несоотвѣтственно обстановкѣ [1]), сдѣлалось главнымъ виновникомъ неудачи, такъ что выводъ, сдѣланный изъ перваго факта, уничтожается вторымъ, въ смыслѣ рецепта для безусловнаго руководства въ подобныхъ же случаяхъ.

Факты выбраны. *На что должно быть обращено вниманіе при критическомъ разборѣ ихъ?* Какъ выше уже было замѣчено, необходимо дойти до сознанія идеи, лежащей въ основаніи факта, а для этого необходимо возсоздать въ *возможной* полнотѣ ту обстановку, при которой совершился фактъ, т. е. принять во вниманіе, по возможности, *всѣ* обстоятельства, *всѣ* причины, притомъ въ той совокупности, въ которой онѣ вліяли на то, что фактъ совершился такъ, а не иначе,—короче: необходимо передумать и перечувствовать все то, что было передумано и перечувствовано распоряжавшимися событіемъ. Только подобное изученіе военной исторіи способно придать ей настоящую цѣну; только въ подобномъ видѣ результаты, получаемые при изученіи ея, подойдутъ къ тѣмъ результатамъ, которые даются опытомъ; наконецъ, только подобный критическій разборъ факта и дастъ право сдѣлать изъ него какой либо выводъ. Иначе, если принять во вниманіе только нѣкоторыя условія, при которыхъ совершился фактъ, упуская совершенно изъ виду осталь-

---

что, вѣрнѣе, ея въ нихъ вовсе нѣтъ» (съ опроверженія этого упрека Клаузевицъ начинаетъ разборъ похода 1631 г. Hinterlassene Werke, IX Bd., S. 19).

[1]) Напримѣръ, стратегическій маневръ Наполеона 1805 (въ Германіи), 1800 г. (въ Италіи) рядомъ со стратегическимъ маневромъ Союзниковъ въ 1805 году передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ.

ныя (неполное возсозданіе обстановки), выводы будутъ односторонни, а слѣдовательно и ложны.

Факты *выбраны* и *разобраны. Какъ связать ихъ?* Курсъ, въ видѣ сборника критическихъ разборовъ совершенно отдѣльныхъ фактовъ, безъ всякой *внутренней связи* между собою, конечно немыслимъ.

Связь эта ближе всего осуществима путемъ критическаго разбора *одной* изъ наиболѣе замѣчательныхъ кампаній.

Подобный курсъ, при своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, имѣлъ бы тотъ существенный недостатокъ, что рѣшеніе всѣхъ стратегическихъ (само собою разумѣется и тактическихъ) вопросовъ приняло бы извѣстную, опредѣленную форму, въ зависимости отъ извѣстной обстановки, форму, на которой легко остановиться и принять ее за лучшую. Такимъ образомъ, одна изъ главныхъ цѣлей: *освоеніе съ безконечною гибкостью формы* [1]), въ зависимости отъ безконечныхъ видоизмѣненій обстановки, не была бы достигнута или по крайней мѣрѣ весьма слабо достигнута.

Для этого необходимо разобрать возможно больше число *однородныхъ операцій*, расположенныхъ приблизительно въ той послѣдовательности, въ которой онѣ обыкновенно встрѣчаются на войнѣ (какъ-то: соображеніе плана, выборъ предмета дѣйствій, операціонной линіи, базы, сосредоточеніе запасовъ и силъ къ базѣ, комбинація маршей-маневровъ, бой, устройство тыла...) и совершившихся притомъ, какъ выше замѣчено, по возможности при самыхъ *разнообразныхъ* условіяхъ, чтобы, такимъ образомъ, получить возможно бо́льшее число разнообразныхъ рѣшеній одного и того же вопроса.

Такъ какъ въ основаніе каждой изъ операціи, согласно вышеприведенному (см. Вступленіе III), ложится извѣстная совокупность условій (теоретическій масштабъ, законъ, общая формула, вѣчно неизмѣнная идея, Наполеоновскія оси для построенія кривыхъ), которой извѣстная операція должна удовлетворять, то, приступая къ разбору какого либо стратегическаго вопроса, какой либо операціи, необходимо прежде всего: 1) *установить* этотъ масштабъ, уяснить, анализировать его, т. е. доказать, посредствомъ анализа, справедливость его, и затѣмъ 2) *изслѣдовать* его (подобно изслѣдованію общей формулы въ математикѣ [2]), т. е. показать, какую вещественную форму

---

[1]) «Всѣ вопросы высшей тактики (стратегіи) являются въ видѣ *неопредѣленныхъ* физико-математическихъ задачъ, допускающихъ (безконечное) множество рѣшеній». *Наполеонъ.*

[2]) Подобно тому какъ въ математикѣ, если, напр., взять общій видъ уравненія кривыхъ 2-го порядка, то, *при различныхъ предположеніяхъ*, оно можетъ обратиться въ кругъ, эллипсисъ, гиперболу, параболу..., подобно тому и у насъ теоретическій масштабъ *базы* можетъ, *при различныхъ условіяхъ*, привести къ базѣ-точкѣ, къ базѣ линіи параллельной непріятельской, перпендикулярной, параллельной и перпендикулярной въ одно и тоже время..., короче къ всевозможнымъ формамъ, между которыми нѣтъ абсолютно лучшей для всѣхъ случаевъ, а есть лучшая только для извѣстнаго частнаго случая.

можетъ получить этотъ *теоретическій идеалъ* [1]) (идея) въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Само собою разумѣется, что форма должна уйти въ безконечность, потому что частные случаи уходятъ въ безконечность или, какъ выражается Наполеонъ, *«одежда великана должна отличаться отъ одежды пигмея»*. Но, не смотря на все это безконечное разнообразіе въ формѣ рѣшенія каждаго вопроса, обусловливаемое безконечнымъ разнообразіемъ въ обстановкѣ, теоретическія начала (законы), лежащія въ ихъ основаніи, неизмѣнны, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ сравненія между собою хоть двухъ боевыхъ порядковъ, рѣзко другъ отъ друга отличающихся по формѣ, равно какъ и изъ сравненія одеждъ великана и пигмея, отличающихся другъ отъ друга размѣрами, но не основаніями. Вотъ почему, переливъ идею въ жизнь, разбивъ теорію на частные случаи, слѣдуетъ, наконецъ, 3) *подмѣтить общія имъ всѣмъ или большинству черты* (черезъ что и получится опять масштабъ) и вернуться снова къ теоретическимъ началамъ, послужившимъ отправною точкою для изслѣдованія того или другаго вопроса, сведя такимъ образомъ все изслѣдованіе въ кругъ, т. е. начавъ съ началъ (идеи), переливъ ихъ въ практику (въ формы безконечно разнообразныя), снова вернуться къ началамъ, къ идеѣ, обобщающей эти безконечно разнообразныя рѣшенія одного и того же вопроса.

Подобнымъ образомъ могутъ и *должны* быть разбираемы всѣ вопросы стратегіи (и тактики), касающіеся комбинаціи элементовъ, потому что только этотъ способъ можетъ дать правильный взглядъ на дѣло и спасти отъ пагубной остановки на одной какой либо изъ безконечно разнообразныхъ формъ (законныхъ каждая въ свое время и на своемъ мѣстѣ. «Всѣ вопросы высшей тактики являются въ видѣ *неопредѣленныхъ* физико-математическихъ задачъ, допускающихъ множество рѣшеній...» *Наполеонъ*), что замѣчается болѣе или менѣе у всѣхъ догматическихъ писателей, короче, только этимъ путемъ стратегія, пережившая, подобно другимъ наукамъ, свой *метафизическій* и *схоластическій* періоды, переживающая теперь свой *діалектическій* періодъ, можетъ быть обращена въ *положительную науку* [2]), основанную на незыблемыхъ законахъ, законахъ неизмышлен-

---

[1]) Если взять, напр., теоретическій масштабъ для позицій, т. е. совокупность тѣхъ условій, которыя наукою ставятся къ хорошей боевой позиціи, то очевидно, что такой позиціи, которая удовлетворяла бы всѣмъ этимъ условіямъ въ совокупности, въ природѣ, не существуетъ, короче, что это *теоретическій идеалъ* позиціи, являющійся подобно общимъ формуламъ въ математикѣ, въ видѣ *нуля*, т. е., какъ приведено выше, *не отвѣчая исключительно одной какой либо, заключаетъ въ себѣ всѣ (идею* всевозможныхъ позицій).

[2]) Принявъ приведенную программу въ предлагаемомъ трудѣ, представляющемъ первую и, само собою разумѣется, слабую попытку вывести стратегію изъ діалектической сферы на путь положительной науки, мы позволили себѣ и озаглавить его, между прочимъ, *положительною стратегіею*. Заглавіе это тѣмъ болѣе отвѣчаетъ характеру нашего труда, что главная

ныхъ изъ глубины своего духа, а выведенныхъ изъ исторіи, изъ жизни.

Большая часть писавшихъ о стратегіи, при принятомъ ими способѣ изложенія (догматическомъ), впадали именно въ крайне опасную остановку на чемъ либо, въ предпочтеніе одной какой либо изъ безконечно разнообразныхъ формъ, которыя могутъ быть приняты идеею, при безконечно-разнообразныхъ обстановкахъ. Такимъ образомъ возьмемъ ли мы, напр., вопросъ *о базѣ*, мы увидимъ, что *Бюловъ* останавливается, отдаетъ предпочтеніе базамъ длинымъ и преимущественно обхватывающимъ, вогнутымъ; *эрцгерцогъ Карлъ*—длиннымъ, параллельнымъ непріятельской; *Ксиландеръ*—вогнутымъ или хотя въ прямомъ направленіи, но нѣсколько наклоннымъ къ непріятельской; *Воданкуръ* перпендикулярнымъ; *Жомини* перпендикулярнымъ и параллельнымъ въ одно и то же время, двойнымъ... Чего тутъ нѣтъ: и параллельныя базы, и перпендикулярныя, и вогнутыя, и наклонныя, и перпендикулярныя и параллельныя въ одно и то же время.... Все это формы, законныя только въ извѣстномъ случаѣ, но никакъ не во всѣхъ *(универсальные рецепты)*, какими, однако, онѣ выставлены.

Тѣ, которые пришли къ подобнаго рода заключеніямъ, упустили изъ виду, что *теорія*, по превосходному выраженію Наполеона, *даетъ только оси для построенія кривыхъ* (т. е. теоретическіе масштабы [1]), *но*, добавимъ мы, *самыхъ кривыхъ дать не можетъ*; ихъ даетъ жизнь, практика, исторія. *Практика*, согласно обстановкѣ, въ каждомъ данномъ случаѣ, *начертитъ ту или другую кривую, пользуясь теоретическими осями* (теоретическими масштабами). А что же дѣлаютъ вышеупомянутые писатели, отдавая исключительное предпочтеніе одной формѣ передъ всѣми остальными, какъ не даютъ самую кривую линію, право, повторяемъ снова, принадлежащее только одной жизни или, правильнѣе, приложенію теоріи къ жизни, право, на которое теорія не можетъ простирать своихъ притязаній, если она хо-

---

цѣль его заключается въ уясненіи основныхъ положеній стратегіи не путемъ гипотезъ или метафизическихъ размышленій, а путемъ (самымъ простымъ, потому уже и самымъ лучшимъ) критическаго разбора наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ, образцовыхъ произведеній нашего искусства.

Сомнѣваемся въ томъ, что можетъ ли, для достиженія поставленной цѣли, быть выбранъ путь болѣе простой и болѣе положительный?

[1]) Теоретическіе масштабы, какъ неоднократно было приведено выше, и составляютъ тѣ *оси*, о которыхъ упоминаетъ Наполеонъ.

Теорія, такимъ образомъ, даетъ *оси*, для построенія боевыхъ порядковъ, для выбора позицій..., операціонныхъ линій..., но самыхъ боевыхъ порядковъ, позицій, операціонныхъ линій... (т. е. *кривыхъ*, примѣняясь къ выраженію Наполеона, не даетъ и не можетъ дать)—это уже дѣло ея приложенія;—короче—*оси даетъ наука, а кривыя строитъ искусство.*

Вотъ все, что даетъ теорія (общія формулы, законы, оси, масштабы). И этого уже достаточно. Нелѣпо было бы требовать, чтобы она же приняла бы на себя и творческую работу нашего ума въ дѣлѣ ея приложенія.

четъ, прежде всего, оставаться вѣрною самой себѣ и не пускать въ жизнь тѣ несчастные универсальные рецепты, которые, не уясняя сущности стратегіи, только затемняли дѣло и сбивали съ толку людей съ ограниченными способностями, доводя ихъ дотого, что нѣкоторые изъ нихъ по нѣсколько часовъ сидѣли надъ картою и отыскивали свою базу. Другіе, забравъ въ голову какой нибудь маневръ überflügeln (Вейроттеръ — Аустерлицъ), или фланговую позицію (Пфуль—Дрисса), или косвенный боевой порядокъ (Рюхель—Іена), стремились къ примѣненію ихъ, *наперекоръ обстановкѣ*, и губили сотни тысячъ невинныхъ жертвъ [1]).

Единственно желаніе способствовать хоть сколько нибудь къ устраненію столь существеннаго недостатка заставило насъ, прежде всего, обратиться къ изысканію причины, источника подобныхъ ложныхъ, одностороннихъ выводовъ. Причину эту обнаружить было не трудно, и она очевидно заключалась, какъ въ своемъ мѣстѣ уже было приведено, въ *излишнемъ теоретизированіи*, догматизированіи въ прикладныхъ отдѣлахъ стратегіи и тактики (въ стремленіи *давать кривыя*, т. е. научить тому, чему никакая наука научить не можетъ). Для устраненія этого недостатка, необходимо было прежде всего *потѣснить теорію*, строго опредѣлить, что она можетъ взять на себя и чего нѣтъ, т. е. предоставить ей, въ дѣлѣ комбинаціи элементовъ, только, такъ сказать, однѣ *оси* (масштабы) и затѣмъ по возможности *расширить практику*, т. е. военную исторію, или анализъ возможно большаго числа *кривыхъ*, при самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ. Этимъ путемъ и явилась идея *критико-исторической* формы изложенія, т. е. *идея сліянія философскаго и историческаго способа* въ дѣлѣ изслѣдованія основныхъ вопросовъ стратегіи, двухъ способовъ, которые должны быть непремѣнно соединяемы въ изложеніи какой бы то ни было науки.

Польза теоретическихъ масштабовъ заключается не только въ томъ, что они служатъ фундаментальною базою, основаніемъ (осями) при рѣшеніи того или другаго стратегическаго вопроса, но они также представляютъ превосходное и притомъ *единственное* средство для оріентированія при практическомъ разборѣ фактовъ. *Имѣя ихъ хорошо уясненными въ умѣ, только и можно приступать къ подобному труду*, иначе работа будетъ лишена всякаго смысла. Не руководствоваться же деспотизмомъ личнаго вкуса въ оцѣнкѣ внутренняго содержанія стратегическихъ операцій?

Прикидывая эти масштабы къ тому или другому факту (какъ уже и выше отчасти приведено, см. Вступленіе III), сразу получится вну-

[1]) По всѣмъ вѣроятностямъ, этимъ господамъ, *много учившимся, но мало переварившимъ*, нашъ великій Суворовъ и давалъ эпитетъ *бѣдныхъ академиковъ*, о которыхъ онъ упоминаетъ въ извѣстномъ его планѣ для усмиренія Французской республики «....методику прочь, маневры, марши, контръ-марши оставить *бѣднымъ академикамъ*» (само собою разумѣется въ смыслѣ рецептовъ, а не дѣйствій сообразныхъ съ обстановкою). Ихъ же онъ называлъ еще *гадкими проэктерами*.

треннее достоинство его. Для примѣра возьмемъ хоть масштабъ для операціонныхъ линій и прикинемъ его къ нѣкоторымъ изъ дѣйствій Карла XII. Масштабомъ этимъ требуется, чтобы: 1) *операціонная линія вела къ достиженію важной цѣли;* 2) *была удобнѣйшею и кратчайшею* и 3) *безопасною.*

Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ Карла XII въ Литвѣ и въ Польшѣ противъ Августа II, всѣ его успѣхи не повели ни къ чему, потому что его операціонныя линіи не удовлетворяли *первому* условію. Только въ 1705 г. онъ начинаетъ понимать, что *самая чувствительная точка*, въ которую ударъ долженъ быть нанесенъ, есть Саксонія. Но Петръ, сборомъ значительныхъ силъ на Двинѣ, останавливаетъ его, а въ 1706 г., когда Карлъ снова является въ предѣлахъ Саксоніи, оканчивается война. Относительно *втораго* условія, его операціонныя линіи были большею частью кратчайшими, но рѣдко въ то же время удобнѣйшими, потому что онѣ были кратчайшими только въ геометрическомъ смыслѣ (т. е. только по пространству, а не по времени). Такъ въ 1706, весною, преслѣдуя нашу армію, отступавшую изъ Гродно, онъ врѣзался въ Пинскія болота, чуть не погубилъ своихъ войскъ и долженъ былъ остановиться въ Пинскѣ. Что касается до *третьяго* условія, то, вслѣдствіе неутвержденія Карла въ занятомъ краѣ, его операціонныя линіи никогда этому условію не удовлетворяли. И лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить хоть Полтава. У него даже не было обезпеченной переправы на Днѣпрѣ.

Конечно, принятый нами способъ изложенія [1]), какъ и всякій другой, имѣетъ свои недостатки. Въ числѣ упрековъ, которые можно было бы сдѣлать подобнымъ образомъ составленному курсу стратегіи, это тотъ, что критическіе разборы приводимыхъ фактовъ, освѣщаемыхъ только съ одной стратегической стороны, и притомъ лишь настолько, насколько то необходимо для уясненія того или другаго теоретическаго положенія, представляютъ собою только *бѣглые стратегическіе абрисы*, не знакомящіе съ пріемами и съ дѣломъ полной исторической критики. Это совершенно вѣрно, но и не таково назначеніе этого курса. Для этой цѣли долженъ существовать рядомъ другой курсъ, о которомъ мы упомянули выше, именно подробный критическій разборъ *одной* кампаніи. Назначеніе же составленнаго нами курса стратегіи—это только выработать и уяснить тѣ *теоретическіе масштабы* для разнаго рода стратегическихъ операцій, вооружившись которыми слѣдуетъ приступать какъ къ исполненію таковыхъ на дѣлѣ, такъ равно и къ критическому разбору уже совершившихся фактовъ, и затѣмъ очеркнуть, обрисовать, хоть въ нѣсколькихъ рѣзкихъ, характеристическихъ чертахъ, нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ стратегическихъ комбинацій, которыя, поль-

---

[1]) Теоретическіе масштабы и переливъ ихъ въ практику (военная исторія, образцы).

зуясь пріемами, усвоенными на критическомъ разборѣ кампаніи, могли бы быть впослѣдствіи подробно разобраны самими слушателями.

Еще упрекъ, который можно было бы сдѣлать предлагаемому нами курсу,—это разрывъ фактовъ, приводимыхъ въ разныхъ отдѣлахъ по частямъ, такъ сказать *раздергиваніе* фактовъ. Оно конечно неудобно, но, съ другой стороны, неизбѣжно. Одно изъ двухъ: нужно или теорію разорвать, раздергать для фактовъ, или, наоборотъ, разорвать факты для теоріи. Послѣднее дѣлается и должно дѣлаться въ томъ курсѣ, который теорію ставитъ на первомъ планѣ, а первое — въ критическомъ разборѣ одной или нѣсколькихъ кампаній, т. е. въ курсѣ, который ставитъ военную исторію на первомъ планѣ. Все это доказываетъ только, что *нѣтъ и не можетъ быть такого курса, который, при всѣхъ выгодныхъ сторонахъ, не представлялъ бы и своихъ недостатковъ,* вотъ почему и слѣдуетъ *пускать ихъ параллельно заразъ нѣсколько въ ходъ,* чтобы невыгодныя стороны одного способа изложенія восполнить выгодными сторонами другаго, тѣмъ болѣе что: 1) обыкновенно то, что является въ видѣ невыгоды одного способа изложенія, наоборотъ, составляетъ выгоду другаго, и 2), что между обоими упомянутыми курсами существуетъ самая тѣсная связь, потому что они служатъ одинъ другому необходимымъ дополненіемъ, такъ какъ *военная исторія есть собственно прикладная, практическая, опытная стратегія, а теорія стратегіи* [1]) *составляетъ необходимое вступленіе къ разумному изученію военной исторіи,*—вступленіе, безъ котораго, согласно вышеприведенному, изученіе послѣдней не имѣетъ никакого смысла.

VII.

Односторонность большей части историческихъ писателей. Необходимость новой школы, которая поставила бы себѣ главнымъ условіемъ всестороннее изложеніе и всесторонній разборъ фактовъ.

Въ предъидущихъ изслѣдованіяхъ достаточно было очеркнуто то важное значеніе, которое принадлежитъ, въ изученіи военнаго дѣла, военной исторіи, являющейся для военнаго человѣка тѣмъ же, чѣмъ *лабораторія* для химика, *обсерваторія* для астронома, и представляющей, по словамъ Наполеона, вмѣстѣ съ опытомъ, *единственное* средство проникнуть въ тайны высшихъ частей военнаго искусства.

Необходимо замѣтить, что это *единственное* средство, благодаря непростительнымъ упущеніямъ бо́льшей части военно-историческихъ писателей, находится далеко еще не въ томъ положеніи, въ кото-

---

[1]) Само собою разумѣется,—уясненная путемъ критическаго разбора наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ.

ромъ оно должно было бы находиться, для того чтобы отвѣчать приведенной цѣли. Въ ряду этихъ упущеній слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ *односторонность* и *недостатокъ точности.* Упрекъ этотъ, который, по всей справедливости, можетъ быть распространенъ на многихъ изъ новѣйшихъ историческихъ писателей [1]), сдѣланъ былъ еще Ллойдомъ.

«Историческихъ писателей, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ, описывавшихъ различныя войны, хотя и съ большимъ достоинствомъ, тѣмъ не менѣе можно упрекнуть, говоритъ онъ, въ недостаткѣ точности (inexactitude)».

Далѣе упрекъ этотъ, высказанный въ общихъ чертахъ, Ллойдъ поясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Они не съ достаточною отчетливостью описываютъ страны, служившія театромъ военныхъ дѣйствій, и особенно мѣстности, служившія полями сраженій Они не обозначаютъ ни числа, ни рода, ни качествъ войскъ, входившихъ въ составъ армій, ни вообще всего того, на чемъ базируются военныя дѣйствія; да и самыя военныя дѣйствія описываютъ слишкомъ поверхностно, за исключеніемъ развѣ особенно важныхъ. Они не объяснятъ настолько подробно, какъ бы то слѣдовало, *гдѣ, какъ и для чего* предпринято было такое-то военное дѣйствіе. Они довольствуются разсказомъ кампаніи въ самыхъ общихъ чертахъ, не объясняя достаточно, какія причины заставили генераловъ такъ или иначе дѣйствовать, какимъ образомъ были исполнены ихъ движенія и, наконецъ, какими свойствами отличалась мѣстность, служившая театромъ событій».

«Между тѣмъ, знаніе всего этого дотого необходимо, что безъ него невозможна вѣрная оцѣнка событія», слѣдовательно—добавимъ мы—невозможенъ и вѣрный выводъ; а если такъ, то и польза, которую должно было бы доставить изученіе военной исторіи, далеко не осуществится.

Нельзя не сознаться, что Ллойдъ весьма вѣрно подмѣтилъ недостатки, которые встрѣчаются въ большей части военно-историческихъ сочиненій и которые выражаются вообще въ *недостаткѣ точности*, въ *односторонности* и въ *сухости изложенія*, вообще въ непростительной небрежности.

Чтобы упреки эти не показались голословными, разовьемъ ихъ. Недостатокъ точности поясненъ Ллойдомъ. Что касается до *односторонности*, то и въ этомъ не трудно удостовѣриться: стоитъ только развернуть нѣсколько военно-историческихъ сочиненій. Въ большей части изъ нихъ вы встрѣтите описаніе битвъ и маневровъ, и только: но во многихъ ли изъ нихъ вы найдете обстоятельное описаніе театра войны; мѣръ, принятыхъ въ инженерномъ и административномъ отношеніи къ тщательной подготовкѣ его? во многихъ ли изъ нихъ найдете достаточно подробныя свѣдѣнія объ организаціи армій вою-

---

[1]) Исключеніе составляютъ нѣкоторыя, появившіяся въ послѣднее время, какъ у насъ, такъ и за границею, военно-историческія сочиненія.

ющихъ сторонъ; о нравственныхъ качествахъ ихъ и ихъ полководцевъ; относительно положенія, въ которомъ они находились къ командуемымъ ими войскамъ и особенно къ правительству; о томъ, въ какихъ отношеніяхъ воюющія державы находились къ остальнымъ державамъ, и, вообще, какого рода вліяніе было обнаружено политическими условіями на ходъ военныхъ дѣйствій? А между тѣмъ, за неимѣніемъ всѣхъ такихъ свѣдѣній, нельзя составить себѣ вѣрнаго взгляда на дѣло, нельзя дойти *до сознанія той идеи, которая вылилась въ фактъ*, въ чемъ и заключается собственно вся сущность дѣла.

Къ какого рода ложнымъ выводамъ можетъ привести *односторонность* большей части военно-историческихъ сочиненій, лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить слѣдующее. Напримѣръ, не укоренилась ли въ массѣ мысль, будто Наполеонъ пренебрегалъ укрѣпленіями; а вѣдь это совершенно несправедливо, и лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить хоть походъ 1809 года (приведеніе въ оборонительное положеніе, въ тылу, крѣпостей: Аутсбурга, Вюрцбурга, Форхгейма, Амберга и Кронаха; устройство ряда двойныхъ тетъ-де-поновъ, по Дунаю, отъ Регенсбурга до Вѣны; укрѣпленія на островѣ Лобау и противъ Пресбурга, у селенія Энгерау, и цѣлый рядъ укрѣпленій отъ энгераусскихъ по рѣкѣ Раабу вплоть до крѣпости Раабъ). Чѣмъ же ближе всего можетъ быть объясненъ подобный ложный выводъ? Не иначе какъ односторонностью военно-историческихъ сочиненій, описывавшихъ лицевую сторону, битвы и маневры, и не полагавшихъ необходимымъ касаться изнанки дѣла, подготовки театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи.

Выше было уже замѣчено, что военно-историческіе писатели рѣдко касаются того вліянія, которое обнаруживаютъ политическія условія на ходъ военныхъ дѣйствій, что крайне ошибочно и также можетъ повести къ весьма невѣрнымъ заключеніямъ. Напримѣръ, если разсматривать дѣйствія Фридриха Великаго, въ кампанію 1761 года, только съ одной чисто-военной точки, упуская политическія условія, то многое въ нихъ покажется ошибочнымъ. Онъ упускаетъ случай разбить Бутурлина, въ критическую для послѣдняго минуту, когда армія его была раздѣлена рѣкою. Стоитъ только *возсоздать полную обстановку*, при которой дѣйствовалъ Фридрихъ, въ полной цѣлости, т. е. принять во вниманіе и политическія условія, чтобы въ этой кажущейся съ перваго взгляда ошибкѣ увидѣть дѣйствіе образцовое; политическія условія сложились именно такъ, что разбить Бутурлина для Фридриха приводилось какъ бы къ разбитію самого себя.

Во время отступленія Наполеона съ лейпцигскаго поля сраженія, если разобрать его распоряженія только съ точки военныхъ условій, съ тактической, то они не выдержатъ критики; въ нихъ можно даже найдти нарушеніе коренныхъ основаній тактики. Съ точки политическихъ условій опять-таки нельзя ихъ не оправдать. Если разсматривать ихъ съ военной точки зрѣнія, то Наполеону слѣдовало бы

отвести сначала ближайшія къ Лейпцигу войска и занять ими городъ; далѣе, подъ ихъ прикрытіемъ, провести остальныя чрезъ Лейпцигъ къ Линденау, затѣмъ часть послѣднихъ оставить на ближайшей позиціи, для прикрытія отступленія войскъ, занимавшихъ Лейпцигъ. Наполенъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ начинаетъ отступленіе съ ближайшихъ къ Лейпцигу войскъ (Викторъ, Ожро, гвардія) и приказываетъ имъ *безостановочно* идти къ Люцену. Затѣмъ точно также *безостановочно* должны были прослѣдовать черезъ Лейпцигъ и ближайшія къ нимъ войска Мармона, Сульта и Лористона. Послѣдними должны были отступить съ поля сраженія войска Понятовскаго, Макдональда и Ренье (дивизія Дюрютта). Имъ приказано было удерживать Лейпцигъ въ теченіе 24 часовъ, до 7-го (19-го) октября вечеромъ. Такъ какъ войска, начавшія отступленіе, двигались безостановочно, то понятно, что войска, защищавшія Лейпцигъ, брошены были на жертву.

Съ *военной* точки эти распоряженія весьма ошибочны. Разсматривая же ихъ и съ *политической*, нельзя не видѣть въ нихъ хотя и не вполнѣ честнаго, тѣмъ не менѣе вѣрнаго разсчета. Критическое положеніе, въ которомъ находился Наполеонъ, требовало, во что бы то ни стало, спасенія французскихъ корпусовъ. Для достиженія этой цѣли Наполенъ не поколебался пожертовать корпусами иноземцевъ: польскимъ (Понятовскаго) и войсками рейнскаго союза (Макдональда), съ отступленіемъ за Рейнъ и безъ того уже для него потерянными.

Смѣемъ надѣяться, что приведенныхъ хотя нѣсколькихъ только фактовъ достаточно къ уясненію того, насколько *односторонность* въ изложеніи фактовъ военной исторіи способствуетъ къ выводу изъ нихъ ложныхъ заключеній.

Вообще военно-историческимъ сочиненіямъ необходимо выйти на новый путь и не ограничиваться, какъ это до сихъ поръ было, описаніемъ маршей и битвъ, а обратиться къ *всестороннему*, по возможности, разбору событій, углубляясь, насколько то будетъ необходимо, въ политику, администрацію, даже въ уясненіе интригъ, гнѣздящихся обыкновенно въ штабахъ большихъ армій, играющихъ, къ несчастію, столь важную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ и заглушающихъ нерѣдко всѣ благородные инстинкты въ людяхъ. Вообще надобно выворотить всю *изнанку* событій, а не заниматься описаніемъ только одной *лицевой* стороны дѣла: иначе не возсоздать полной картины описываемаго событія—оно всетаки останется сухимъ, *мертвымъ скелетомъ* и никогда не обратится въ *живое дѣло*, какъ бы на нашихъ глазахъ совершившееся. Такъ должна быть излагаема военная исторія и вообще исторія: иначе она безполезна.

Замѣчательнѣйшіе изъ новѣйшихъ писателей сознали необходимость подобной реформы въ изложеніи исторіи. Вотъ какъ говоритъ объ этотъ предметѣ одинъ изъ историческихъ писателей новой школы, именно Маколей, во вступленіи къ «Исторіи Англіи»: «Я исполнилъ бы предпринятую задачу весьма несовершенно, если бы

сталъ описывать только сраженія и осады, возвышеніе и паденіе министерствъ, дворцовыя интриги и парламентскія пренія. Я попытаюсь разсказать исторію народа, наравнѣ съ исторіею правительства, прослѣдить успѣхи полезныхъ и изящныхъ искусствъ, описать возникновеніе религіозныхъ сектъ и перемѣны литературнаго вкуса, изобразить нравы преемственныхъ поколѣній и не оставить безъ вниманія даже переворотовъ въ одеждѣ, утвари, яствахъ и общественныхъ увеселеніяхъ. *Я съ радостью перенесу упрекъ въ униженіи достоинства исторіи, если мнѣ удастся представить Англичанамъ XIX вѣка вѣрную картину жизни ихъ предковъ»* (Ч. I, стр. 3.)

По мнѣнію старой школы, вдаваться въ описаніе подобныхъ *дрязгъ*—значитъ ни болѣе-ни менѣе какъ свести науку съ пьедестала и чуть ли не втоптать ее въ грязь. Да въ этомъ-то и заключается главная задача, которую превосходно поняло наше поколѣніе. Науку слѣдуетъ именно свести съ пьедестала, на который она напрасно взгромоздилась (метафизика, схоластика), для того чтобы она не шла врозь съ дѣйствительною жизнью.

Въ подобномъ же смыслѣ должна быть измѣнена и программа для военно-историческихъ сочиненій. Пусть они не церемонятся покопаться въ изнанкѣ событій. Тамъ сидитъ обыкновенно истина, а не всегда въ нарядной и большею частью двуличной лицевой сторонѣ дѣла.

VIII.

Творческая и техническая часть военнаго искусства вообще и стратегіи въ особенности. Органическая связь, послѣдовательность между стратегическими операціями и относительная ихъ важность.—Стратегическая терминологія.—Схема.

Военное искусство, какъ и всякое искусство, распадается на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ доступенъ *знанію*, а другой только *умѣнію*, т. е. творчеству. Первый — это отдѣлъ *элементарный* (такъ сказать азбучный), а второй—*комбинаціонный*, *творческій* (la partie sublime de l'art, la partie divine).

Къ первому относитъ Ллойдъ *матеріальную* часть искусства, т. е. организацію его элементовъ, изслѣдованіе ихъ свойствъ и вообще технику искусства. «Вторая, по мнѣнію Ллойда, заключается въ *умѣніи вѣрно и быстро примѣнять общія начала* (законы) *къ безконечно разнообразнымъ обстоятельствамъ.*» Ни исторія, ни изученіе, самое настойчивое, ни опытъ какъ бы онъ ни былъ богатъ, не могутъ научить ей. Усвоеніе ея есть дѣло генія, слѣдовательно природныхъ дарованій. Все, что только есть техническаго въ военномъ дѣлѣ, можетъ быть подведено подъ математическія правила, въ

видахъ подготовки элементовъ арміи... Разъ какъ элементы готовы, геній ихъ примѣняетъ къ дѣлу (комбинируетъ) сообразно съ мѣстностью, числомъ, родомъ и качествомъ войскъ,—предметы, которые могутъ подлежать безконечно разнообразнымъ комбинаціямъ».

Подобно тому какъ и все военное искусство, стратегія, какъ искусство собственно веденія войны, распадается на тѣ же два отдѣла: *элементарный* и *комбинаціонный* (творческій).

Изъ всѣхъ вопросовъ стратегіи вопросами первостепенной важности, требующими, для успѣшнаго разрѣшенія своего, наибольшей творческой силы ума, являются вопросы: 1) о *выборѣ той точки, куда слѣдуетъ бить* (наиболѣе чувствительнаго пункта въ расположеніи непріятеля), т. е. *предмета дѣйствій* (Object, или, какъ нѣкоторые называютъ, *рѣшительный пунктъ*, *центръ тяжести непріятельскихъ силъ*), короче—*постановка цѣли* или *выборъ операціонной линіи*, потому что предметъ дѣйствій составляетъ лишь ея конечную точку, и 2) вопросъ объ *обезпеченіи операціонной линіи* [1]), умѣніи сдѣлать ее безопасною въ теченіе всей кампаніи.

Въ разрѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ и заключается собственно вся *высшая, творческая часть стратегіи.* Всѣ остальные вопросы являются уже или какъ подготовка, или какъ дополненіе рѣшенія двухъ приведенныхъ капитальныхъ вопросовъ. Рѣшеніе ихъ есть уже дѣло собственно *стратегической техники* (или, пожалуй, *стратегической механики*), въ которую также на извѣстный процентъ входитъ и творческая работа (куда, наконецъ, она не входитъ?), но далеко не въ такой степени [2]) какъ рѣшеніе двухъ означенныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ нѣтъ ничего механическаго, и которые рѣшаются исключительно творчествомъ, вдохновеніемъ или *глазомѣромъ* по суворовски.

Высказанный нами взглядъ относительно первостепенной важности приведенныхъ выше капитальныхъ вопросовъ стратегіи, хотя нѣсколько иначе формулированный, вполнѣ совпадаетъ съ взглядомъ *Ллойда*, *Жомини* и *Мармона*.

Такимъ образомъ на выборъ операціонной линіи *Ллойдъ* совѣтуетъ обратить особенное вниманіе. «Изъ всего нами разобраннаго по настоящее время, говоритъ онъ (стр. 274), это *самый важный* предметъ. Хорошій или дурной выборъ операціонной линіи рѣшаетъ ус-

---

[1]) «Никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи — это *азбука* военнаго дѣла...» *Наполеонъ.* Всѣ войны, въ которыхъ это соблюдалось, и суть собственно *методическія* войны въ отличіе отъ *эксцентрическихъ* дѣйствій какого нибудь Карла XII, пренебрегавшаго обезпеченіемъ своей операціонной линіи.

[2]) Даже и въ комбинаціонномъ отдѣлѣ искусства слѣдуетъ отличать двѣ степени: *высшую*,—это моментъ исключительно творческій, не допускающій ничего механическаго, и *низшую, техническую*, въ которой рядомъ съ творческою стороною встрѣчается и механическая. *Первая* составляетъ удѣлъ людей съ обширнымъ комбинаціоннымъ умомъ, *вторая*—входитъ скорѣе въ сферу людей деталей.

пѣхъ войны. Если бы этотъ выборъ былъ, къ несчастію, ошибочно сдѣланъ, то всѣ ваши успѣхи, какъ бы они ни были блистательны сами по себѣ, *не приведутъ ни къ чему*» [1]).

«Если военное искусство, говоритъ *Жомини* (Précis de l'art de la guerre I, 221), заключается въ томъ, чтобы на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій быть сильнѣе противника, то выборъ операціонной линіи, какъ ближайшаго средства къ достиженію этой цѣли, долженъ быть разсматриваемъ какъ *фундаментальная* база хорошо составленнаго плана».

Мармонъ (Esprit des institutions militaires. Chap. III, p. 24) ставитъ стратегіи слѣдующую двойную цѣль:

1) «Соединять такъ войска (добавимъ, на рѣшительномъ пунктѣ), чтобы, во время боя, всегда превосходить непріятеля числомъ войскъ». Вопросъ этотъ рѣшается искуснымъ *выборомъ операціонной линіи* и, такъ сказать, искуснымъ заполненіемъ ея войсками, т. е. искуснымъ *исполненіемъ марша-маневра*, являющагося какъ бы въ видѣ осуществленія идеи, выражаемой собственно операціонною линіею [2]); и 2) «прикрывать свои сообщенія, угрожая въ то же время непріятельскимъ». Вопросъ этотъ рѣшается *умѣніемъ сдѣлать, во всѣ моменты кампаніи, свою операціонную линію безопасною*.

При составленіи *плана кампаніи* прежде всего *ставится цѣль* (и притомъ, какъ въ своемъ мѣстѣ будетъ объяснено, только цѣль *ближайшая)*, выбирается *предметъ дѣйствій и операціонная линія*.

Подъ операціонною линіею слѣдуетъ понимать *идеальную линію* (вотъ почему и споръ о томъ, есть ли она линія или зона... есть, собственно говоря, празднословіе). Идея эта получаетъ вещественную форму, какъ выше замѣчено, въ *маршѣ-маневрѣ*, который, въ свою очередь, только за рѣдкими изъятіями, служитъ не болѣе какъ *подготовкою къ бою*, которому одному принадлежитъ значеніе *окончательно-рѣшительнаго средства*.

Сообразно съ постановленною цѣлью и съ свойствами театра дѣйствій *организуется армія*, устроивается *база* (основаніе дѣйствій) [3]), къ которой *сосредоточиваются необходимые запасы и войска*.

При движеніи отъ базы впередъ (собственно при исполненіи *мар-*

---

[1]) Припомнимъ хотя приведенныя выше (см. Вступленіе VI) дѣйствія Карла XII противъ Августа II въ Литвѣ и въ Польшѣ.

[2]) «Исполнить замѣчательный маршъ, говоритъ *Жомини* (Précis de l'art de la guerre, p. 275 et 276), это не что иное какъ сосредоточить главную массу своихъ войскъ на рѣшительномъ пунктѣ, такъ что все *искусство и заключается собственно въ умѣніи выбрать этотъ пунктъ*. Въ самомъ дѣлѣ, что же представляетъ собою движеніе черезъ С.-Бернардъ, какъ не операціонную линію, направленную на оконечность стратегическаго фронта непріятеля и оттуда на путь его отступленія?»

[3]) *Операціонною базою* называется извѣстная полоса страны (обыкновенно пограничная), на которой сосредоточены всѣ средства, необходимыя для удовлетворенія нуждъ арміи, для ея пополненія, а равно и для защиты ея, на случай неудачи.

ша-маневра) войска распредѣляются такъ, чтобы постоянно находиться въ полной готовности къ бою, т. е. высылаются къ сторонѣ непріятеля сильныя *прикрывающія части*, и самое движеніе различныхъ колоннъ разсчитывается такъ, чтобы головы ихъ всѣхъ, въ извѣстное время, достигали извѣстныхъ пунктовъ, т. е., подобно тому какъ и въ тактикѣ, движеніе ихъ *уравнивается* такъ, чтобы головы различныхъ колоннъ находились постоянно на одной высотѣ. Это приводитъ къ такъ называемому *стратегическому фронту* или *фронту дѣйствій*. Подъ фронтомъ дѣйствій понимается совокупность пунктовъ, занимаемыхъ головами колоннъ арміи впереди базы. Въ указанныхъ только что мѣрахъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и *мѣры къ обезпеченію операціонной линіи*, разсматриваемой на этотъ разъ въ *смыслѣ пути наступленія*.

Во время *безостановочнаго* движенія арміи впереди ея базы, *устраивается ея тылъ*, т. е. организуются на важнѣйшихъ рубежахъ *второстепенныя, вспомогательныя базы*, и устраиваются *коммуникаціонныя линіи* (пути для подвоза запасовъ). Въ этихъ послѣднихъ мѣрахъ слѣдуетъ также видѣть *мѣры къ обезпеченію операціонной линіи*, на этотъ разъ *въ смыслѣ пути отступленія и пути подвозовъ*.

Для лучшаго уясненія органической связи между различными стратегическими вопросами и относительной важности ихъ, а равно и той послѣдовательности, въ которой они обыкновенно представляются на дѣлѣ, можетъ служить нижеслѣдующая *схема*:

I. Планъ кампаніи: . . . .
1) *Выборъ предмета дѣйствій и операціонной линіи* (*идея*, выработка которой и составляетъ сущность плана).
2) *Маршъ-маневръ и бой* (*осуществленіе этой идеи*, исполненіе плана).

II. Подготовительныя дѣйствія, предшествующія открытію кампаніи: . .
1) *Организація арміи*,
2) *выборъ и устройство базиса* (основанія дѣйствій), и
3) *сосредоточеніе войскъ и запасовъ къ базѣ*.

III. Обезпеченіе операціонной линіи: . .
[Операціонная линія должна быть разсматриваема: а. какъ *путь дѣйствій* (наступленія или отступленія), и б. иногда какъ путь подвозовъ, какъ *коммуникаціонная линія*]:

1) *въ смыслѣ пути дѣйствій и именно пути наступленія, посредствомъ*: а. *искуснаго распредѣленія войскъ во время марша* (сильныя прикрывающія части [1]), уравненіе движенія колоннъ,—

---

[1]) Сюда же должны быть отнесены и благопріятныя, въ смыслѣ обезпеченія движенія, условія *мѣстныя* и *политическія*.

стратегическій фронтъ или *фронтъ дѣйствій*); б. *скрытности* (демонстраціи во всевозможныхъ видахъ), и в. *быстроты*.

2) *Въ смыслѣ пути отступленія и коммуникаціонной линіи* (обезпеченіе сообщеній, тыла):

что вмѣстѣ и приводитъ къ *главному*) и *вспомогательнымъ базисамъ*.

а. *Крѣпости* (центры, сокращающіе операціонныя линіи);

б. оставленіе въ тылу достаточнаго числа войска (*стратегическіе резервы*), и

в) *перемѣна операціонной линіи* непосредственно передъ боемъ.

Изъ приведенной схемы очевидно, что, какъ это было и приведено выше, самыми капитальными вопросами стратегіи являются: *выборъ операціонной линіи* и *ея обезпеченіе*, и что всѣ остальные вопросы относятся къ нимъ или какъ подготовка, или какъ дополненіе (См. *Приложеніе XI*).

Для *обороняющагося* къ приведенной схемѣ нужно только добавить *подготовку театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи*, имѣющую ближайшею цѣлью пріобрѣтеніе обороняющимся выгодъ инціативы, уменьшеніе доли случайностей, короче—созданіе для себя, по возможности, благопріятной обстановки.

Примѣчаніе. Приведенная нами *стратегическая терминологія*, какъ и вообще Терминологія въ каждой наукѣ, имѣетъ весьма важное значеніе (въ одномъ словѣ заключается цѣлое понятіе) [1]), но слѣдуетъ остерегаться злоупотреблять ею, къ чему въ особенности склонны люди, расчитывающіе свою пустоту прикрыть учеными терминами. Нельзя не сознаться, что, въ этомъ отношеніи, стратегическая терминологія достаточно поношена.

IX.

Обстановка, ея значеніе.

«На войнѣ только обстоятельства (т. е. обстановка) повелѣваютъ». *Наполеонъ*.

Въ заключеніе и безъ того нѣсколько длиннаго вступленія, что неизбѣжно въ виду особенной важности вступленія въ какую бы то

---

[1]) Къ научнымъ терминамъ, къ названіямъ, слѣдуетъ относиться съ полнымъ уваженіемъ, потому что въ названіи (такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть) выражается понятіе о внутреннемъ содержаніи извѣстнаго предмета, такъ что *правильно называть что либо—значитъ ни больше—ни меньше какъ*

ни было науку вообще и въ особенности при совершенно новой постановкѣ предмета,—мы полагаемъ не лишнимъ коснуться еще разбора одного изъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ, именно *значенія обстановки на войнѣ* (да и вообще въ жизни, тѣмъ болѣе что и самая война есть только одинъ изъ видовъ обще-человѣческой дѣятельности, такъ что въ основаніи какъ той, такъ и другой, строго говоря, лежатъ одни и тѣ же законы).

Выше мы имѣли случай неоднократно приводить главное и притомъ *единственное* правило, которое даетъ Наполеонъ, именно—что «*на войнѣ обстоятельства* (обстановка) *повелѣваютъ* (à la guerre ce sont les circonstances qui commandent)». И дѣйствительно, война, какъ и вообще всякаго рода дѣятельность, насъ убѣждаетъ въ несомнѣнной истинѣ, выражаемой этимъ правиломъ. Мы видимъ, что только дѣйствія, строго соображенныя съ обстановкою, и приводятъ къ цѣли. Великіе люди какъ нельзя лучше понимали это. Обладая въ высокой степени развитымъ глазомѣромъ, они съ-разу умѣли оцѣнивать обстановку, въ какомъ бы видѣ послѣдняя ни представлялась, и затѣмъ искусно комбинировали, сообразно съ требованіями этой обстановки, всѣ состоявшія въ ихъ распоряженіи средства для достиженія поставленной цѣли. И потому собственно они и были велики. Тамъ, гдѣ великій человѣкъ выступалъ съ глазомѣромъ и творчествомъ, туда являлась человѣческая мелочь съ правилами, рецептами и системами, отвѣчающими только извѣстнымъ обстановкамъ (а не всѣмъ, какъ они полагали), и разсчитывала путемъ этихъ мертвыхъ, механическихъ средствъ осилить жизнь, беконечно разнообразную въ своихъ явленіяхъ. Развѣ они не понимали, что это безконечное разнообразіе въ жизненныхъ явленіяхъ требуетъ и соотвѣтственно безконечно-разнообразной комбинаціонной работы нашего ума, а не мертвыхъ системъ и правилъ, которыя могли бы имѣть смыслъ лишь только тогда, когда бы жизнь, имъ въ угоду, остановилась, такъ сказать, застыла бы на тѣхъ обстановкахъ, которымъ эти системы и правила отвѣчаютъ. Очевидно, такимъ образомъ, даже слишкомъ очевидно, что *правилъ для дѣйствій* (т. е. въ комбинаціонныхъ, въ прикладныхъ отдѣлахъ стратегіи и тактики) *нѣтъ и быть не можетъ*: а между тѣмъ, они сплошь и рядомъ предлагаются, и, мало того, весьма часто случается, что эти правила, падая обыкновенно на свѣжую и благодатную почву *первыхъ впечатлѣній* (кому не извѣстна страшная сила первыхъ впечатлѣній во всемъ), пускаютъ столь глубокіе корни, что человѣкъ, разъ ихъ хорошо усвоившій, остается съ ними на всю жизнь. Вести такъ людей—значитъ не подготовлять ихъ къ жизни, а портить для жизни, ставить въ разрѣзъ съ нею, потому что *кто преклоняется передъ правилами, тотъ*

правильно понимать это что либо. Съ какимъ, напримѣръ, уваженіемъ къ терминамъ относится *Бэконъ*, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Les mots font les sciences, ils en suivent le progrés» (т. е. новая идея—новое слово, новое слово—новая идея).

не уважаетъ обстановки. Наоборотъ же,—тотъ, *который съ уваженіемъ относится къ обстановкѣ, для того правила не существуютъ.* Одно составляетъ неизбѣжное, логическое послѣдствіе другаго.

Признавъ такое значеніе за обстановкою, что она является въ видѣ главной повелительницы на войнѣ, мы должны признать также только тѣ *дѣйствія образцовыми, которыя строго соображены съ обстановкою,* и что затѣмъ нѣтъ никакихъ «*благоразумныхъ*» или «*неблагоразумныхъ*», вообще «*хорошихъ*» или «*дурныхъ*» способовъ дѣйствій, *независимо отъ обстановки*, какъ то, напримѣръ, полагалъ Бюловъ...

Такимъ образомъ, говоря о вторженіи генерала Бонапарте въ Австрійскія владѣнія, непосредственно передъ Кампоформійскимъ миромъ, онъ называетъ эту операцію «*ошибочною* (?), потому что генералъ Бонапарте не занялъ Тироля; но, продолжаетъ онъ далѣе, *онъ зналъ своихъ противниковъ* [1]) и на этомъ знаніи онъ совершенно вѣрно основалъ *неправильную* (?) стратегическую операцію (unstrategische Operation), которая, въ окончательномъ результатѣ, привела его къ цѣли (Lehrsätze des neuern Krieges...s. XIV)».

Гдѣ же тутъ уваженіе къ обстановкѣ, когда дѣйствіе, строго соображенное съ обстановкою, т. е. образцовое, называютъ неправильнымъ, unstrategische Operation?

Мало того, положимъ Бюловъ уже извѣстенъ какъ систематикъ и механикъ, но что же остается сказать объ одномъ изъ современныхъ писателей, пользующемся извѣстностью, когда онъ критикуетъ Мольтке «за его обширное захожденіе тремя арміями, начавшими движеніе съ пунктовъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга, для того чтобы соединиться, по сходящимся радіусамъ, въ окрестностяхъ Гичина, именно тамъ, гдѣ слѣдовало предполагать непріятеля сосредоточеннымъ», и притомъ критикуетъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ Бюловъ генерала Бонапарте за незанятіе имъ Тироля?

«Этотъ *неблагоразумный* (?) маневръ (manoeuvre imprudente) удался и удастся еще, говоритъ Вандевельде (La guerre de 1866 p. 178). Мало того, имѣя дѣло съ противникомъ робкимъ, онъ удастся всегда...»

Можно ли, спросимъ мы, называть *неблагоразумнымъ* маневромъ маневръ, строго соображенный съ обстановкою и притомъ съ самою важною данною этой обстановки, съ характеромъ противника, слѣдовательно маневръ образцовый? И что это, наконецъ, за «manoeuvre prudente» и «manoeuvre imprudente» *независимо отъ обстановки?* Гдѣ же тутъ уваженіе къ обстановкѣ?

Если я позволилъ себѣ нѣсколько распространиться о значеніи обстановки, то это единственно въ виду того громаднаго значенія, которое ей принадлежитъ на войнѣ, и въ виду того малаго уваже-

[1]) Знать характеръ противника—значитъ ни болѣе и ни менѣе какъ знать самую важную данную въ обстановкѣ.

нія, которымъ она пользуется у большинства, воспитаннаго преимущественно на догматическихъ сочиненіяхъ, на правилахъ.

Смѣю надѣяться, что въ предлагаемомъ трудѣ читатель не найдетъ ни одного правила, а лишь только одни *общіе основные законы*, которые, позволяю себѣ повторить снова, должны быть принимаемы не иначе какъ за *общія формулы (оси, масштабы)*, всегда равныя, въ извѣстномъ смыслѣ, нулю, и въ которыя, при примѣненіи ихъ къ дѣлу, всякій разъ должна быть вводима обстановка, отвѣчающая извѣстному частному случаю, т. е., какъ говоритъ Петръ Великій, *«время и случаи»*.

ЧАСТЬ I.

Отдѣлъ I.

НАСТУПАТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

*

ОТДѢЛЪ I.

НАСТУПАТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

ГЛАВА I.

Параллель между наступленіемъ и обороною. Свойства активной обороны. Значеніе инициативы и ранней готовности къ открытію войны.

Выгоды, свойственныя наступательному образу дѣйствій въ широкомъ, стратегическомъ смыслѣ, заключаются:

1) Въ инициативѣ.

2) Въ нравственномъ преобладаніи надъ непріятелемъ, и

3) въ большей части случаевъ, въ числительномъ превосходствѣ надъ противникомъ.

Подъ инициативою, обыкновенно, понимаютъ *упрежденіе въ дѣйствіяхъ*. Инициативу слѣдуетъ понимать въ несравненно болѣе широкомъ смыслѣ, именно въ смыслѣ *подчиненія непріятеля своей волѣ*. «Одно изъ главныхъ правилъ на войнѣ — говоритъ Наполеонъ I — заключается въ томъ, чтобы не дѣлать того, что непріятель хочетъ»... (Maximes de guerre § 16, стр. 17 [1]). Благодаря инициативѣ, наступающій господствуетъ надъ мыслью противника и сохраняетъ полную свободу въ дѣйствіяхъ. Онъ дѣйствуетъ *какъ*, *когда* и *гдѣ* ему вздумается, короче—дѣлаетъ то, что ему кажется болѣе выгоднымъ. Онъ полный распорядитель военныхъ дѣйствій; онъ имѣетъ опредѣленную цѣль; онъ знаетъ чего хочетъ. Кому не извѣстно, что одно изъ главныхъ затрудненій на войнѣ и заключается именно въ томъ, чтобы изъ окружающаго хаоса вычитать истинную обстановку?

---

[1]) Инициатива есть стратегическая независимость, самостоятельность (*Деккеръ*).

Сторона, пользующаяся инициативою, становится, въ отношеніи къ той, которая ее не имѣетъ, въ положеніе молота къ наковальнѣ (*Деккеръ*).

Умѣніе удержать за собою выгоды инициативы, во все время кампаніи, это *критеріумъ* стратегіи (*Деккеръ*). (1800, 1805... Густ.-Адольфъ 1631, Пруссаки въ послѣднюю кампанію.)

Разъ какъ эта цѣль достигнута, много найдется людей, способныхъ къ тому, чтобы наивыгоднѣйшимъ образомъ комбинировать средства сообразно съ обстановкою. Для этого достаточно только здраваго пониманія дѣла и знакомства со свойствами элементовъ; для перваго же необходимо въ высокой степени развитіе качества, обыкновенно столь рѣдко встрѣчающагося, именно *глазомѣра*. Разрѣшеніе этого чрезвычайно труднаго и важнаго вопроса значительно облегчается для наступающаго, вообще для стороны, обладающей иниціативою [1]), потому что она, въ извѣстной степени, *сама создаетъ* обстановку, предоставляя *угадать* ее противнику.

Наполеоновскія кампаніи и послѣдня прусская въ Богеміи и Моравіи вполнѣ подтверждаютъ важное значеніе иниціативы, особенно если, въ связи съ иниціативою, армія обладаетъ въ высокой степени *подвижностію*, какъ то было въ Наполеоновскихъ кампаніяхъ. Совершенно въ иномъ положеніи находится обороняющійся, вообще сторона, необладающая иниціативою, въ отношеніи свободы въ дѣйствіяхъ; на ея долю выпадаетъ пассивная роль тревожно слѣдить за дѣйствіями противника, стараться угадать его намѣренія, въ минуту приведенія ихъ въ исполненіе, словомъ—подчинять свои дѣйствія дѣйствіямъ противника.

Выгоды, свойственныя оборонительному образу дѣйствій, заключаются въ томъ, что обороняющійся дѣйствуетъ на мѣстности, вполнѣ ему знакомой, которая заблаговременно можетъ быть подготовлена для того, чтобы служить ему опорою въ дѣйствіяхъ. Наконецъ, обороняющійся находится вблизи своихъ средствъ. По мѣрѣ отступленія, силы его все болѣе и болѣе сосредоточиваются, средства увеличиваются, между тѣмъ какъ для наступающаго—наоборотъ.

Вообще, какъ видно, наступательный и оборонительный образъ дѣйствій отличаются обратными свойствами.

Въ строгомъ смыслѣ нельзя отдавать предпочтенія тому или другому образу дѣйствій, *выборъ между ними рѣшаетъ обстановка;* но если разбирать вопросъ только чисто теоретически, то, во вниманіи къ нравственнымъ выгодамъ и къ выгодамъ иниціативы, нельзя не отдать предпочтенія наступательному образу дѣйствій передъ оборонительнымъ. Всѣ лучшіе полководцы, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ относились къ дѣлу, и даже, когда обстоятельства вынуждали ихъ вести оборонительную войну, дѣйствовали преимущественно наступательно (1796, 1757, 1814, дѣствія Веллингтона на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ 1815 г.), т. е. обращались къ активно-оборонительному образу дѣйствій, соединяющему въ себѣ выгодныя

[1]) Иниціатива, строго говоря, не есть исключительная принадлежность наступающаго, сильнѣйшаго; обыкновенно она принадлежитъ искуснѣйшему. Въ ряду средствъ, служащихъ для слабѣйшаго, для обороняющагося, къ пріобрѣтенію выгодъ иниціативы, весьма важное значеніе имѣетъ тщательная *подготовка театра военныхъ дѣйствій и поля сраженія въ инженерномъ отношеніи*, какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, и въ особенности *ранняя готовность къ открытію военныхъ дѣйствій.*

свойства наступленія и обороны [1]). «Оборона, по превосходному выраженію Клаузевица, и есть выжиданіе съ цѣлью противодѣйствія».

Въ *кампанію 1866 г.* Австрійцами въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ рядъ весьма крупныхъ ошибокъ. Казалось бы, что, пользуясь союзомъ съ Саксоніею, ничто имъ не мѣшало занять и укрѣпить Дрезденъ (стоитъ только припомнить какія выгоды доставлены были Дрезденомъ Наполеону въ 1813 г.) и, утвердившись на верхней Эльбѣ, продолжать безпрепятственно дальнѣйшее наступленіе къ Берлину. Какое блистательное открытіе кампаніи и какой благопріятный случай захватить иниціативу въ свои руки! Австрійцы упускаютъ его. Положимъ, что ихъ оправдываетъ въ этомъ *неготовность* къ открытію кампаніи [2]). Но во время самой кампаніи имъ *два раза* представляется случай перейти къ энергическому наступленію и

---

[1]) «On ne périt que par la défensive»,—имѣлъ обыкновеніе говорить *Вилларъ*.

Монтекукули, въ своихъ мемуарахъ, разбирая тотъ же вопросъ, совѣтуетъ предпочитать наступленіе оборонѣ. Указывая на трудныя стороны оборонительной войны, онъ говоритъ, между прочимъ: «оборонительныя дѣйствія не имѣютъ такого блеска, какъ завоеванія, но они требуютъ болѣе искусства, твердости, трудовъ и мужества; въ наступательной войнѣ обыкновенно не смотрятъ на то, что упущено было сдѣлать, потому что всеобщее вниманіе, устремленное на то, что дѣлается, и поглощенное какимъ-нибудь блестящимъ успѣхомъ, не обращается въ другую сторону и не взвѣшиваетъ того, что могло бы быть сдѣлано; успѣхъ ростетъ, преувеличивается, благодаря репутаціи и сочувствію массы». (Короче: въ наступательной войнѣ *успѣхъ оправдываетъ все.*)

«Въ оборонительной войнѣ малѣйшій промахъ имѣетъ самыя пагубныя послѣдствія; благодаря страху, неудачи представляются въ преувеличенномъ видѣ; онѣ приписываются скорѣе людямъ, чѣмъ обстоятельствамъ. Всѣ видятъ только случившееся зло, а никому не приходитъ на умъ подумать о томъ худшемъ злѣ, которое могло бы случиться, если бы его не успѣли предотвратить, что уже одно, по всей справедливости, должно быть сочтено за благо.» (Или, другими словами: въ оборонительной войнѣ *всякая вина виновата.*)

«Весьма дешевою цѣною можно пріобрѣсти репутацію талантливаго полководца въ наступательной войнѣ, говоритъ Фолардъ; въ оборонительной войнѣ совершенно иное дѣло: этотъ родъ войны настолько труденъ, что отличиться въ немъ можетъ только истинно геніальная личность».

[2]) Иниціатива, нравственныя выгоды... все это чрезвычайно важно на войнѣ; но выше всего этого слѣдуетъ поставить *раннюю готовность, возможность предупредить противника открытіемъ военныхъ дѣйствій, ошеломить, озадачить* (на этомъ все основано на войнѣ) *и застать его въ расплохъ среди его приготовленій*, какъ то сдѣлано Пруссаками въ 1866. — Ранняя готовность должна быть поставлена выше всего, именно потому, что она есть *причина*, а иниціатива... является лишь только *слѣдствіемъ* этой причины. Отсюда особенное важное значеніе тщательной подготовки къ войнѣ еще во время мира.

(Подготовка Пруссаковъ къ кампаніи 1866 г. должна быть разсматриваема какъ образецъ, превосходящій всѣ прежнія).

вернуть иниціативу [1]). Во 1-хъ, въ минуту дебушированія Пруссаковъ изъ горъ; и дѣйствительно Бенедекъ переходитъ въ наступленіе, но только съ слишкомъ слабыми силами (*«маленькими пакетами»*, по выраженію Жомини); и во 2-хъ, въ утро 3 іюля передъ началомъ Кениггрецкаго сраженія; послѣднее было совершенно упущено..

---

[1]) Каждымъ маломальски благопріятнымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ пользоваться для перехода въ наступленіе, помня, что *наступленіе даетъ господство надъ волею и умомъ противника, короче—надъ обстановкою.*

ГЛАВА II.

Планъ кампаніи.

«...Каждая война, веденная согласно требованіямъ основныхъ началъ (законовъ) военнаго искусства, есть методическая война. Планы кампаній измѣняются до безконечности въ зависимости отъ обстановки, таланта полководца, качествъ войскъ и топографическихъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій. Бываютъ двухъ родовъ планы: хорошіе и дурные. Случается, что хорошіе, благодаря неблагопріятнымъ случайностямъ, ведутъ къ неудачамъ; нерѣдко удаются и дурные, благодаря капризу счастія».

Наполеонъ (Монтолонъ II. 191).

Слѣдуя развитому нами во вступленіи взгляду, прежде всего установимъ *законъ*, *теоретическій масштабъ* [1]), т. е. ту совокупность условій, которыя должны быть положены въ основаніе плана кампаніи.

Планъ кампаніи долженъ:

I. быть строго соображенъ съ обстановкою;
II. обнимать только постановку цѣли и то ближайшей;
III. вылиться изъ одной головы и
IV. исполнителемъ его долженъ быть составитель его.

Переходя къ анализу, къ повѣркѣ условій этого масштаба, мы замѣтимъ:

I. Что справедливость *перваго условія, необходимости строгаго соображенія плана съ обстановкою*, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Какъ образцы, поучительные въ *положительномъ* смыслѣ, могутъ быть указаны всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть Наполеоновскихъ плановъ, исключая *плана кампаніи 1812 г.*, недостаточно соображеннаго съ *географическими* условіями театра войны и въ особенности съ *нравственными* качествами противника, являющимися, какъ то было выше приведено (см. Вступленіе IX), господствующими въ ряду прочихъ данныхъ, которыя должны лечь въ основаніе плана. Съ этой точки кажущаяся съ перваго взгляда смѣлость, даже дерзость *Прусскаго плана кампаніи 1866 г.* долж-

---

[1]) Наполеоновскія *оси* для построенія кривыхъ, какъ приведено во вступленіи.

на, напротивъ того, быть разсматриваема за высокій образецъ. Имѣя дѣло съ противникомъ медленнымъ, нерѣшительнымъ, неумѣющимъ пользоваться инiціативою, тутъ-то и должно себѣ *все* позволить. Осторожность въ дѣйствіяхъ противъ такого противника была бы лишена всякаго смысла [1]).

Примѣрами поучительными въ *отрицательномъ* смыслѣ могутъ служить *планъ Пфуля въ 1812*, въ основаніи котораго хотя и была положена одна весьма вѣрная данная,—это значительная длина операціонной линіи Наполеона, условіе вполнѣ благопріятное для развитія дѣйствій на сообщенія противника, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но рѣшительно не были приняты во вниманіе остальныя условія, какъ-то: *географическія* (значительная глубина театра военныхъ дѣйствій) и въ особенности данная относительной *числительной* силы [2])...

Какъ фактъ, поучительный тоже въ отрицательномъ смыслѣ, сверхъ многихъ другихъ, можетъ быть приведенъ еще *планъ Австрійцевъ для открытія похода 1805 въ Германіи* (разборъ его помѣщенъ ниже).

II. *Вторымъ условіемъ* масштаба требуется, чтобы, при составленіи плана кампаніи, *указывалась только цѣль и притомъ цѣль ближайшая, а отнюдь не въ тоже время и средства, ведущія къ достиженію поставленной цѣли.*

Что касается до постановки только *ближайшей* цѣли, соотвѣтственно тому, насколько успѣла обрисоваться обстановка, то это само по себѣ очевидно. Такимъ образомъ, въ кампанію 1805 г. Наполеонъ ставитъ себѣ *вначалѣ* ближайшею цѣлью стать на сообщеніяхъ съ Вѣною и съ Богеміею дерзко, безъ всякаго обезпеченія своей операціонной линіи (исключая самаго незначительнаго—оставленія 20 т. Кинмайера у Ингольштадта), выдвинувшейся къ р. Иллеру и Шварцвальдскимъ проходамъ арміи Макка. Далѣе (послѣ переправы черезъ Дунай) Наполеонъ ставитъ себѣ цѣлью еще большее развитіе первоначальной идеи относительно захвата сообщеній противника и рѣшается отрѣзать Макка не только отъ Вѣны и Богеміи, но и отъ Тироля. Захватъ всѣхъ сообщеній Макка приводитъ окончательно къ окруженію его и, наконецъ, къ капитуляціи. Первоначальная цѣль Наполеона достигнута. Съ достиженіемъ ея оканчивается 1-й *(Ульмскій)* періодъ кампаніи.

Съ приближеніемъ первой Русской арміи Кутузова къ театру дѣйствій, Наполеонъ ставитъ себѣ новую цѣль (2-ю въ эту кампанію): разбить 1-ю Русскую армію до прибытія 2-й и занять Вѣну. Первая изъ этихъ цѣлей не достигается, Кутузовъ ускользаетъ; а вторая удается вполнѣ. Съ занятіемъ Вѣны, съ достиженіемъ 2-й цѣли, оканчивается 2-й *(Вѣнскій)* періодъ кампаніи 1805 г.

---

[1]) Сюда же слѣдуетъ отнести и упомянутое выше движеніе генерала Бонапарте въ 1797 г. въ Австрійскія владѣнія (См. Вступленіе IX).

[2]) См. Приложеніе I и «Расположеніе нашихъ войскъ для обороны Западной границы въ 1707 и 1708 годахъ въ параллель съ 1812 годомъ».

По соединеніи обѣихъ Русскихъ армій въ окрестностяхъ Ольмюца, Наполеонъ переходитъ къ Брюнну и предполагаетъ первоначально остаться въ выжидательномъ положеніи, заняться устройствомъ тыла, стянуть войска...; но неосторожное наступленіе Союзниковъ вынуждаетъ его выйти изъ этого выжидательнаго положенія и поставить себѣ цѣлью (3-ю и послѣднюю въ этомъ походѣ) разбить армію Союзниковъ, пользуясь ихъ ошибками. Цѣль эта вполнѣ достигается подъ Аустерлицемъ; а съ достиженіемъ ея оканчивается 3-й и послѣдній *(Аустерлицкій)* періодъ кампаніи 1805.

Очевидно такимъ образомъ, что, при составленіи плана кампаніи, ставится только *ближайшая* цѣль, и что, соотвѣтственно постановкѣ этихъ цѣлей (или, выражаясь на стратегическомъ языкѣ, *предметовъ дѣйствій*), кампанія самымъ естественнымъ образомъ распадается на извѣстные періоды.

Согласно разсматриваемому условію масштаба въ планѣ слѣдуетъ задаваться только постановкою цѣли, *строго воздерживаясь, въ то же время, отъ указанія и средствъ, ведущихъ къ ея достиженію.* Требованіе это явится вполнѣ законнымъ въ глазахъ тѣхъ, кто приметъ во вниманіе, что выборъ средствъ, ведущихъ къ достиженію разъ поставленной цѣли, ближе всего зависитъ отъ того, какъ сложится обстановка въ извѣстную *минуту*, когда придется приступить къ исполненію плана, чего задолго предвидѣть нельзя, и, наконецъ, что выборъ средствъ обусловливается во многомъ личными качествами исполнителя, характеромъ, складомъ его ума... Въ этомъ отношеніи, сохраняя ту же цѣль, средство, пригодное одному, можетъ оказаться ни къ чему негоднымъ для другаго.

Замѣчательнымъ и въ высшей степени поучительнымъ, въ этомъ смыслѣ, фактомъ можетъ служить *споръ, завязавшійся между генералами Бонапарте* и *Моро* относительно собственно *исполнительной* части плана для открытія кампаніи въ Германіи въ 1800 г. У обоихъ была цѣль одна, но каждый предпочиталъ свой способъ достиженія этой цѣли.

Передъ открытіемъ похода 1800 г. *французская* армія (около 100 т. [1]) расположена была на лѣвомъ берегу Рейна отъ Констанскаго озера до Страсбурга. *Австрійская* (115 т.[2]) армія стояла отъ

---

[1]) Армія *Моро* собственно въ 140 т. (изъ нихъ 105 т. дѣйствующая армія, въ томъ числѣ 120 орудій съ 12 т. — 15 т. кавалеріи).

Корпусъ *Лекурба* (правое крыло) 26 т. отъ Констанскаго озера до Лауфенбурга.

Корпусъ *Моро* (резервъ) 29 т. въ окрестностяхъ Базеля и въ верхнемъ Эльзасѣ.

Позади него тяжелая кавалерія Опуля.

Корпусъ *С. Сира* (центръ) 28 т. вправо и влѣво отъ ст. Бризаха.

Корпусъ *С. Сюзанна* (лѣвое крыло) 20 т. въ окрестностяхъ Страсбурга и Келя.

Остальныя войска въ крѣпостяхъ на Рейнѣ (на базѣ 25 т.).

[2]) Армія Края въ 150 т.; изъ этого числа 35 т. занимали крѣпости,

Констанскаго озера до р. Майна, имѣя главную массу у Донауэшингена.

Планъ генерала Бонапарте состоялъ въ томъ, чтобы скрытно сосредоточить армію и переправить ее у Шафгаузена, затѣмъ внезапно броситься на лѣвый флангъ и тылъ непріятеля и разбить его. На осуществленіе его онъ полагалъ вполнѣ достаточнымъ 15 дней. Планъ смѣлый и вполнѣ отвѣчавшій характеру и генію Наполеона.

Планъ Моро заключался въ слѣдующемъ: онъ предполагалъ переправиться черезъ Рейнъ въ 3-хъ пунктахъ: въ Старомъ Бризахѣ, въ Базелѣ и Шафгаузенѣ. Корпусъ центра (С. Сира) и резервъ (Моро) должны были переправиться одновременно въ Стар. Бризахѣ и Базелѣ (въ обоихъ Французы имѣли теть-де-поны) и притомъ ранѣе другихъ. Въ тотъ же день корпусъ лѣваго фланга (С. Сюзанна) долженъ былъ переправиться въ Келѣ, но единственно съ цѣлью произвести демонстрацію. С. Сюзаннъ и С. Сиръ, наступая первый по долинѣ р. Кинцигъ, а второй по Адской долинѣ на Фрейбургъ, должны были привлечь на себя вниманіе непріятеля, показывая видъ, что будто бы они намѣрены сосредоточиться у верховьевъ Дуная. Затѣмъ, когда эта цѣль будетъ достигнута, С. Сиръ долженъ былъ повернуть вправо и, слѣдуя по правому берегу Рейна, соединиться съ резервомъ, который долженъ былъ ожидать его въ окрестностяхъ Базеля. Напротивъ того, С. Сюзаннъ долженъ былъ въ Келѣ снова перейти на лѣвый берегъ Рейна, подняться вверхъ по Рейну до Ст. Бризаха, перейти здѣсь снова на правый берегъ и занять мѣсто С. Сира. Между тѣмъ Моро и С. Сиръ подаются впередъ, пока они не поровняются съ Лекурбомъ. Тогда и послѣдній переправляется черезъ Рейнъ по мостамъ, заранѣе заготовленнымъ въ устьѣ р. Ааръ. Наконецъ, правый флангъ, центръ и резервъ должны подаваться впередъ, принимая вправо, чтобы отбросить Австрійцевъ къ Дунаю. Когда это движеніе вынудитъ непріятеля къ отступленію и тѣмъ освободитъ Адскую долину, тогда и С. Сюзаннъ начинаетъ наступать по лѣвому берегу Дуная.

Сравнивая эти два плана, оказывается, что *цѣль* въ обоихъ та же: сосредоточить до 100 т. на лѣвомъ берегу Рейна напротивъ лѣваго фланга непріятеля вся разница только въ *средствахъ* исполненія, въ зависимости отъ таланта и характера обоихъ генераловъ. Теоретически разбирая, т. е. независимо отъ обстановки, независимо отъ личныхъ качествъ обоихъ полководцевъ, планъ генерала Бона-

---

такъ что дѣйствующая армія состояла изъ 115 т. (350 орудій и 25 т. кавалеріи).

Главная масса (60 т.) расположена была въ окрестностяхъ Донауэшингена. Три авангарда были выли выдвинуты: одинъ по направленію къ Келю, другой къ Бризаху и третій къ Базелю.

Сверхъ того: 1) въ тылу 12 т. (Водемонтъ) для охраненія складовъ въ Штокахѣ, 2) на лѣвомъ флангѣ 16 т. — 18 т. (Штаррай) въ окрестностяхъ Майнца и 3) на лѣвомъ флангѣ Пр. Рейсскій съ 20 т. регулярныхъ войскъ и 10 т. милиціи занималъ Тироль.

парте долженъ быть поставленъ выше плана генерала Моро уже потому, что онъ *проще* [1]); но, принимая во вниманіе обстановку, данную характера и таланта обоихъ генераловъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что для Моро его собственный планъ, какъ болѣе отвѣчавшій его складу ума и характера, былъ лучше плана генерала Бонапарте.

Успѣшное исполненіе плана Моро вполнѣ оправдываетъ сдѣланное нами заключеніе.

Относительно разбираемаго нами вопроса вообще справедливо было бы сдѣлать слѣдующій общій выводъ: *что, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, сверху должно даваться только общее направленіе, только ставиться цѣли; средства же къ ихъ достиженію должны быть предоставлены свободному выбору исполнителей:* иначе успѣхъ немыслимъ. Вся исторія готова подтвердить справедливость этого вывода, за которымъ, послѣ этого, было бы вполнѣ справедливо признать силу закона. Наполеонъ, по крайней мѣрѣ, признавалъ за нимъ такую силу, что видно изъ того, что, настаивая нѣкоторое время при открытіи похода 1800 г. на исполненіи ему принадлежащаго плана, онъ окончательно предоставилъ полную свободу Моро, да и наконецъ по всѣмъ его дѣйствіямъ [2]). (См. *Приложеніе II).*

III. Разборъ *третьяго* условія масштаба, именно: *что планъ долженъ быть дѣломъ одной головы и притомъ, по возможности, вылиться изъ этой головы заразъ*—приводитъ прежде всего къ разбору вопроса о томъ, какое значеніе вообще должно быть придаваемо, въ *какой мѣрѣ должны считаться вредными или полезными такъ называемые Военные Совѣты*, собираемые, какъ показываетъ исто-

---

[1]) *«Что просто—то хорошо; что сложно—то дурно»*: это тоже законъ, *«законъ простаго»* (la loi du simple), справедливый какъ на войнѣ, такъ и въ жизни и, наконецъ, въ наукѣ. Какъ просто разрѣшаются и объясняются тѣ вопросы, въ которыхъ люди дошли до истиннаго рѣшенія, и какой туманъ, приправленный тьмою порадоксовъ и софизмовъ, царитъ обыкновенно тамъ, гдѣ дѣло находится еще въ области сомнѣнія.

[2]) Стоитъ только припомнить хоть его диспозиціи (*Фридландъ*: «маршалъ Мортье не долженъ подаваться впередъ; потому что иниціатива атаки принадлежитъ маршалу Нею»; *Бауценъ*: «всѣ войска должны быть направлены на Гохкирхенскую колокольню»;—указаніе одной цѣли и только). Какое глубокое уваженіе приведеннаго закона, какая свобода въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ, зато въ окончательномъ результатѣ и успѣхъ. И наоборотъ, военная исторія богата горькими уроками, выпадавшими на долю тѣхъ, кто относился съ неуваженіемъ къ этому закону, кто *все* хотѣлъ заранѣе приказать: и постановку цѣлей и средства для ихъ достиженія. Все сковывалось, иниціатива частныхъ начальниковъ убита, рекомендованныя свыше средства не отвѣчаютъ обстановкѣ: всѣ это видятъ, измѣнить диспозиціи не смѣютъ, все ждетъ приказаній, а между тѣмъ бездѣйствуютъ, время уходитъ... и—въ результатѣ получается пораженіе. *Одного*, подобнаго обстоятельства вполнѣ достаточно, чтобы при *всѣхъ* остальныхъ благопріятныхъ условіяхъ испортить хоть самый лучшій планъ.

рія, посредственными полководцами слишкомъ часто и только изрѣдка великими полководцами.

Фридрихъ, въ инструкціи своимъ генераламъ (Art. XXV s'il est absolument necessaire qu'un général d'armée tienne conseil de guerre?), совѣтуя, откинувъ личное самолюбіе и имѣя въ виду единственно пользу дѣла, не пренебрегать дѣльными совѣтами даже подчиненныхъ, въ то же время, рѣшительно возстаетъ противъ такъ называемыхъ «*военныхъ совѣтовъ*». «Принцъ Евгеній Савойскій, приводитъ Фридрихъ, имѣлъ привычку говорить, что когда главнокомандующему хочется ничего не предпринимать, то самое лучшее къ тому средство собрать военный совѣтъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что большинство всегда окажется на сторонѣ отрицающей (принятіе извѣстнаго рѣшенія). Даже самая тайна, столь необходимая на войнѣ, и та не всегда уважается»....)

«Пересуживанія, желаніе блеснуть умомъ и созывать военные совѣты, говоритъ *Наполеонъ* (Maximes de guerre, p. 41 et 42, § 65), приводятъ къ тому, къ чему они и приводили во всѣ времена тѣхъ, кто придерживался подобнаго образа дѣйствій, т. е. что кончаютъ обыкновенно выборомъ самаго дурнаго рѣшенія, которымъ на войнѣ почти всегда оказывается самое малодушное и, пожалуй, въ то же время, и самое благоразумное. Истинная мудрость главнокомандующаго заключается въ принятіи энергическаго рѣшенія» (добавимъ *имъ самимъ*, да впрочемъ оно и весьма естественно, потому что энергическія рѣшенія не подсказываются, а вытекаютъ изъ глубины духа рѣшающаго вопросъ).

Три великихъ полководца, такимъ образомъ, высказываются противъ военныхъ совѣтовъ; но въ своихъ отзывахъ они очевидно имѣютъ въ виду только одну сторону дѣла, и притомъ только одну вредную сторону военныхъ совѣтовъ, заключающуюся въ томъ, что если главнокомандующій, не отдающій себѣ яснаго отчета въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, и не умѣющій принять самъ рѣшенія, созываетъ военный совѣтъ для того, *чтобы въ немъ найти то, чего онъ въ себѣ не находитъ*, то противорѣчащіе взгляды, которые онъ тамъ встрѣтитъ, расходящіяся мнѣнія... все это собьетъ его еще болѣе съ толку, такъ что онъ съ болѣе отуманенною головою изъ него выйдетъ, чѣмъ онъ вошелъ въ него.

Изъ всего сказаннаго, однако, далеко еще не слѣдуетъ, чтобы военные совѣты были безусловно вредны; и они имѣютъ свою полезную сторону, не идущую, однако, далѣе *всесторонняго обсужденія и уясненія данныхъ для составленія плана, но отнюдь не составленіе самаго плана*, что, повторяемъ снова, должно быть дѣломъ и притомъ *исключительнымъ* дѣломъ *одной* головы.

Кромѣ того, военные совѣты оказываются полезными еще и въ тѣхъ случаяхъ (въ особенности въ критическія минуты), когда главнокомандующій готовится принять какое либо энергическое рѣшеніе, и когда ему необходимо *сондировать* своихъ ближайшихъ помощниковъ, насколько онъ можетъ на нихъ разсчитывать съ тѣмъ, чтобы,

въ противномъ случаѣ, поднять ихъ нравственныя силы на высоту, требуемую трудностью предпріятія. Такимъ образомъ былъ созванъ Густавъ-Адольфомъ военный совѣтъ передъ Брейтенфельдскимъ сраженіемъ, Наполеономъ—послѣ Асперпской неудачи... [1]). (См. *Приложеніе III.)*

«Наполеонъ, говоритъ Тьеръ по поводу военнаго совѣта послѣ Асперискаго сраженія, не имѣлъ привычки собирать военныхъ совѣтовъ, въ которыхъ человѣкъ нерѣшительный ищетъ напрасно тѣхъ рѣшеній, которыхъ онъ самъ въ себѣ выработать не можетъ [2]). На этотъ разъ онъ не нуждался въ совѣтѣ своихъ помощниковъ, но *ему самому необходимо было дать имъ таковой*, наполнить ихъ своею мыслью, поднять нравственныя силы въ тѣхъ, въ которыхъ онѣ были подавлены. Хотя храбрость солдата въ нихъ была несокрушима, но умъ ихъ не въ состояніи былъ вполнѣ вѣрно обнять всего положенія (всей обстановки), по крайней мѣрѣ настолько, чтобы не быть до нѣкоторой степени озадаченными, смущенными, даже убитыми».

Мало того, что планъ долженъ быть дѣломъ одной головы, но онъ еще, какъ выше было приведено, *долженъ вылиться, по возможности, заразъ изъ этой головы* (aus einem Guss, какъ говорятъ Нѣмцы), т. е. долженъ быть дѣломъ минутнаго вдохновенія, отсутствіе котораго въ дѣлѣ творчества не можетъ быть замѣнено никакими *усиленными работами.* Вообще изученіе данныхъ, на которыхъ долженъ быть построенъ планъ, должно быть дѣломъ настойчивой, продолжительной работы, самаго тщательнаго наблюденія, анализа и совѣщаній многихъ лицъ; но построеніе самаго плана, на основаніи извѣстныхъ уже данныхъ, т. е., другими словами, *принятіе извѣстнаго рѣшенія должно быть дѣломъ мгновенной работы одной головы.*

и IV. Переходя къ *4-му условію* вышеприведеннаго масштаба, которымъ требуется, чтобы *исполнителемъ извѣстнаго плана былъ самъ составитель его*, нельзя не замѣтить всей раціональности подобнаго требованія, если принять во вниманіе, что, *въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, исполненіе не должно быть отдѣляемо отъ соображенія.* Кто же лучше перельетъ извѣстную идею въ жизнь, какъ не тотъ, кто самъ ее создалъ, кто вникъ въ нее до тончайшихъ ея фибръ, такъ сказать, какъ не тотъ, наконецъ, для котораго успѣшное осуществленіе ея есть дѣло высшаго личнаго интереса? Трудно предположить, чтобы другое лицо могло бы такъ глубоко и вѣрно понимать и такъ сильно дорожить чужою идеею.

Въ строгомъ выполненіи этого условія масштаба коренится одна изъ могущественныхъ причинъ почти постоянныхъ успѣховъ Напо-

[1]) Сюда же могутъ быть отнесены и военные совѣты, созванные Фридрихомъ передъ Лейтеномъ, Кутузовымъ въ Филяхъ...

[2]) Если бы только недостатокъ рѣшительности, главнаго качества въ полководцѣ, можно было бы восполнить *«военными совѣтами»*, то сколько набралось бы великихъ полководцевъ!

леона. И за то, съ другой стороны, сколько превосходныхъ плановъ рушились, потому что исполнителями ихъ были не сами составители! Припомнимъ хоть *Люценъ* (планъ принадлежалъ Дибичу, по свидѣтельству другихъ Гнейзенау,—исполнителемъ былъ Витгенштейнъ), *Тарутино* (планъ принадлежалъ Толлю,—исполнителемъ былъ Беннингсенъ) [1]... Самъ Наполеонъ говоритъ, что «если бы въ 1796 г. я исполнилъ планъ Директоріи, то Италія и армія были бы потеряны» (Монтолонъ IV, 316).

Всѣмъ условіямъ приведеннаго масштаба въ совокупности удовлетворяли, обыкновенно, Наполеоновскіе планы, т. е. они основаны были на полнѣйшемъ уваженіи только что разсмотрѣннаго нами закона (оттого и въ сильной степени способствовали успѣху) и лишь въ крайне слабой степени планы противупоставленныхъ ему генераловъ, сплошь и рядомъ поставленныхъ въ необходимость приводить въ исполненіе чужіе планы, составленные вдобавокъ въ военныхъ совѣтахъ, нерѣдко на сотни верстъ удаленныхъ отъ арміи, слѣдовательно недостаточно, а иногда и совершенно незнакомыхъ съ обстановкою, въ которой находилась армія [2].

Принимая во вниманіе средства, которыми располагаютъ обѣ стороны, и цѣль войны, политика, въ связи съ стратегіею, рѣшаетъ: должна ли быть война ведена наступательно или оборонительно. Затѣмъ составляется уже планъ кампаніи, который долженъ обнимать рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

1) *Цѣль*, точку, въ которую слѣдуетъ бить противника, *куда* армія должна быть двинута, короче—*выборъ предмета дѣйствій* или *операціонной линіи* (такъ какъ предметъ дѣйствій составляетъ лишь ея конечную точку).

Въ зависимости отъ разъ поставленной цѣли, отъ выбраннаго операціоннаго направленія, чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже опредѣлятся и свойства театра военныхъ дѣйствій, рѣшается:

---

[1]) Факты эти нами взяты изъ сферы тактики, а не стратегіи; но что справедливо въ одной, то несомнѣнно и въ другой. Такимъ образомъ все нами высказанное (т. е. масштабъ) относительно плана кампаніи отъ слова до слова примѣнимо и къ плану сраженія, съ тою развѣ только разницею, мотивируемою свойствами стратегической и тактической сферы дѣйствій, что одинъ можетъ быть составленъ, въ извѣстномъ смыслѣ, заблаговременно, а другой *окончательно* составляется не иначе какъ въ виду непріятеля.

[2]) Придерживаясь принятаго нами способа изложенія, слѣдовало бы приведенный нами масштабъ, ложащійся въ основаніе составленія плана кампаніи, прикинуть къ какому либо изъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ. Мы это и имѣемъ въ виду сдѣлать, но нѣсколько ниже, послѣ разбора вопроса объ *организаціи арміи въ предвидѣніи войны*, чтобы тѣмъ избѣжать, насколько то окажется возможнымъ, излишняго разрыва въ приводимыхъ фактахъ.

2) Какой силы и состава должна быть сформирована армія?

и 3) Гдѣ она, а равно и средства, необходимыя на содержаніе ея и на пополненіе, вообще на освѣженіе ея, должны быть сосредоточены?

Рѣшеніе *перваго* вопроса, какъ уже замѣчено, приводитъ къ выбору *операціонной линіи* [1]).

Рѣшеніе *втораго* вопроса заключается въ соотвѣтствующей требованіямъ обстановкѣ *организаціи арміи.*

Наконецъ, рѣшеніе *третьяго* вопроса приводитъ къ выбору и устройству *основанія дѣйствій*, *операціоннаго базиса* и къ *сосредоточенію къ нему войскъ и запасовъ.*

---

[1]) Хотя и слѣдовало бы приступить тотчасъ же къ изслѣдованію этого вопроса, такъ какъ онъ важнѣе другихъ и притомъ ранѣе ихъ рѣшается, но мы предпочитаемъ заняться изслѣдованіемъ его ниже и предпослать ему изслѣдованіе *подготовительныхъ дѣйствій*, предшествующихъ открытію кампаніи, т. е. *организаціи арміи*, *устройства базиса* и *сосредоточенія къ нему запасовъ и войскъ.* (См. Вступленіе VIII, Схему.)

А.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

ГЛАВА I.

Организація арміи въ предвидѣніи войны.

«Арміи, которыя были разбиты, были еще *до* поля сраженія разбиты».

При приведеніи арміи на военное положеніе, въ предвидѣніи войны, первоначально опредѣляется ея *численная сила*; далѣе, сообразно съ свойствами театра военныхъ дѣйствій, *соразмѣрность въ ней различныхъ родовъ войскъ*. Въ то же время мобилизируются резервы, кадры мирнаго времени укомплектовываются по военному положенію, организуются *сборныя единицы:* корпуса, а въ нѣкоторыхъ арміяхъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, во французской, въ мирное время не допускаются болѣе крупныя единицы, какъ полки и дивизіи, и пр.

Теоретическій масштабъ (законъ [1]), т. е. совокупность условій, которыя должны быть положены въ основаніе организаціи арміи на случай войны, заключается въ слѣдующемъ:

I. возможно полное объединеніе власти въ рукахъ главнокомандующаго;
II. полная мочь избранному полководцу;
III. раздѣленіе арміи на самостоятельныя, гибкія и подвижныя тактическія единицы высшаго порядка, но отнюдь не свыше корпусовъ.

I. *Возможно-полное объединеніе власти въ рукахъ главнокомандующаго.* «*Единство въ командованіи*, говоритъ Наполеонъ (или, какъ онъ въ другомъ мѣстѣ выражается, «*единство военной мысли*»), есть условіе первостепенной важности на войнѣ...». Въ какой степени

---

[1]) Наполеоновскія *оси* для построенія кривыхъ.

вредно раздѣленіе власти,—лучшимъ подтвержденіемъ тому могутъ служить слѣдующіе факты. *Въ 1812 году*, благодаря разногласію между двумя нашими главнокомандующими, Барклаемъ и Багратіономъ: а) упускается превосходный случай разбить по частямъ Французскую армію, раскинутую на квартирахъ [1]); б) во время отступленія первой арміи отъ Смоленска, она исполняетъ, по проселочнымъ дорогамъ, на мѣстности пересѣченной и закрытой, крайне опасный ночной фланговый маршъ, не будучи почти вовсе прикрыта со стороны массъ непріятельскихъ войскъ, дебуширующихъ изъ Смоленска [2]); в) упускается нѣсколько удобныхъ позицій.

Вредная сторона раздѣленія власти въ арміи такимъ образомъ очевидна. «Лучше одинъ посредственный главнокомандующій—говорилъ Тюреннь—чѣмъ два хорошихъ». Суворовъ въ замѣчательномъ планѣ своемъ къ усмиренію Французской республики ставитъ, между прочимъ, непремѣннымъ условіемъ порученіе главнаго начальства надъ силами, которыя Австрія и Россія должны были, по его предположенію, выставить (каждая по 100,000) *одному* главнокомандующему [3]).

Въ видахъ возможно-полнаго объединенія власти въ рукахъ главнокомандующаго необходимо: 1) *чтобы всѣ чины арміи безъ изъятія были ему безусловно подчинены* [4]); 2) при назначеніи главнокомандующаго, независимо отъ таланта, предпочтительно выбирать гене-

---

[1]) Барклай былъ въ пользу наступленія по правому берегу Днѣпра, Багратіонъ—по лѣвому.

[2]) Вмѣсто сильнаго арріергарда, который, по соглашенію съ Барклаемъ, Багратіонъ долженъ былъ оставить за рѣкою Колоднею, онъ оставляетъ только слабый отрядъ, составленный большею частію изъ казаковъ.

[3]) «....Принявъ сіи (указанныя имъ выше) предосторожности, Австрія и Россія выдвигаютъ по 100,000 противъ Франціи и поручаютъ ихъ *одному* главнокомандующему. Условія: *полная мочь* избранному полководцу; ничего кромѣ наступательнаго; методику прочь; маневры, марши, контръмарши и всѣ такъ называемыя хитрости оставить бѣднымъ академикамъ (само собою разумѣется, въ смыслѣ именно хитростей и методики, въ родѣ аустерлицкаго, напримѣръ, маневра, *наперекоръ* требованіямъ обстановки). Замедленіе, *ложная осторожность* и зависть суть головы Медузы, окаменяющія войну и политику. Планъ идти прямо въ Парижъ черезъ Рейнъ; бить непріятеля въ полѣ; не развлекаться охраненіемъ пунктовъ, не заниматься осадами крѣпостей, блокировать и брать ихъ приступомъ, а главное не думать объ отступленіяхъ....»

[4]) Въ 1812 г. императоръ Александръ I, щадя самолюбіе генераловъ Барклая и Багратіона, изъ которыхъ послѣдній былъ старшій въ чинѣ, а первый занималъ мѣсто военнаго министра, отъѣзжая отъ арміи, не подчинилъ одного другому, а просилъ ихъ — что безпрестанно повторялъ впослѣдствіи и въ письмахъ къ нимъ — дѣйствовать *согласно и единодушно*. Исторія показываетъ насколько она дѣйствовала согласно и единодушно. Согласіе въ дѣйствіяхъ 1-й и 2-й армій, а равно и прочихъ отдѣльныхъ частей, въ эту войну, возстановилось только со дня прибытія на театръ военныхъ дѣйствій *общаго* главнокомандующаго всѣхъ нашихъ вооруженныхъ силъ — Кутузова.

раловъ, *отличающихся необыкновенно сильнымъ развитіемъ характера*, способныхъ вполнѣ стать въ отношенія главнокомандующаго къ подчиненнымъ имъ генераламъ, большею частію бывшимъ своимъ товарищамъ, а иногда и начальникамъ. Послѣднее условіе чрезвычайно трудно осуществимо на дѣлѣ. Никто не призадумается, въ отношеніи характера, отвести въ ряду Наполеоновскихъ генераловъ первое мѣсто Массенѣ. Въ 1810 году, готовясь предпринять третье вторженіе въ Португалію, Наполеонъ назначаетъ его главнокомандующимъ 65,000-й арміи, въ составъ которой входили корпуса Нея, Жюно и Ренье. Походъ 1810 года на Пиренейскомъ полуостровѣ ближе всего свидѣтельствуетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя пришлось преодолѣть маршалу Массенѣ въ отношеніяхъ къ бывшимъ своимъ товарищамъ, особенно къ Жюно, уже командовавшему арміею во время перваго похода и управлявшему Португаліею чуть-ли не на правахъ короля, и къ Нею, считавшему себя равнымъ Массенѣ и почти навѣрно разсчитывавшему получить главное начальство надъ Португальскою арміею. Отношенія Массены къ Нею, нерѣдко позволявшему себѣ открыто ослушиваться приказаній главнокомандующаго, сдѣлались подконецъ дотого напряженными, что Массена нашелся вынужденнымъ приказомъ по арміи отрѣшить Нея отъ командованія корпусомъ и отправить его въ тылъ, въ обозъ арміи. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, не въ лучшемъ противъ Массены положеніи находился въ послѣднюю кампанію генералъ Бенедекъ, вышедшій, какъ извѣстно, изъ средняго сословія, въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ ему аристократическимъ генераламъ, командирамъ корпусовъ. *Всѣ указанныя затрудненія уничтожаются сами собою, когда начальство надъ арміею принимаетъ на себя самъ монархъ или одинъ изъ членовъ его фамиліи* [1]),

Въ видахъ возможно-полной централизаціи власти въ рукахъ главнокомандующаго, необходимо принять за непремѣнное условіе еще: 3) *не допускать раздѣленія на арміи вооруженныхъ силъ, предназначенныхъ къ дѣйствію на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій*, ведущаго ближе всего къ раздѣленію власти, какъ вслѣдъ за симъ будетъ ближе объяснено. «Единство въ командованіи, говоритъ Наполеонъ, это условіе первостепенной важности на войнѣ. *Никогда не слѣдуетъ имѣть 2-хъ армій на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій...*» (Монтолонъ II. 51), (См. *Приложеніе IV* [2].)

II. *Второе условіе*, которое должно быть положено въ основаніе

---

[1]) Не въ лучшемъ положеніи находился и *Витгенштейнъ* въ 1813 г. подъ *Бауценомъ*, не позволившій себѣ въ диспозиціи распорядиться войсками Барклая, или подъ *Люценомъ*, когда, во избѣжаніе столкновеній съ Милорадовичемъ, онъ добровольно ослабляетъ себя на 12 т., оставляя ихъ, въ день боя, у Цейца.

[2]) Пруссаки въ 1866 г. имѣли даже 3 арміи на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій; но не слѣдуетъ забывать, что онѣ были подчинены *одному общему* главнокомандующему, королю, слѣдовательно принципъ единства власти, единства военной мысли, не былъ нарушенъ.

организаціи арміи на случай войны, это, какъ требовалъ Суворовъ, *«полная мочь избранному полководцу»*, отсутствіе какого бы то ни было стѣсненія въ предоставленной ему власти. Послѣ горькихъ уроковъ, испытанныхъ Австрійцами за ихъ претензію управлять изъ столицы (гофкригсратъ уничтоженъ въ 1848 г.) дѣйствіями армій, удаленныхъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ столицы, при крайней подвижности обстановки, среди которой имъ приходится дѣйствовать, главнокомандующимъ арміями предоставляется полная свобода въ дѣйствіяхъ. По нашимъ законамъ, главнокомандующій на время войны пользуется правами почти верховной власти. Въ послѣднее время, появленіе электромагнитнаго телеграфа, дающаго, повидимому, возможность имѣть, въ самое короткое время, точныя свѣдѣнія о малѣйшемъ измѣненіи въ обстановкѣ, въ которой находится армія на театрѣ военныхъ дѣйствій, породило-было соблазнъ управлять дѣйствіями арміи, удаленной на нѣсколько тысячъ верстъ; но урокъ, полученный Наполеономъ III, за преждевременный штурмъ Севастополя (16-го іюня, 10,000 чел. потери), предпринятый по его настоянію, противъ воли Пелисье, заставитъ на будущее время отказаться отъ подобныхъ попытокъ. Какъ ни быстро передаетъ электромагнитная проволока свѣдѣнія объ арміи, но обстановка мѣняется еще быстрѣе, такъ что распоряжаться съ успѣхомъ дѣйствіями арміи можетъ только живой свидѣтель этихъ быстрыхъ и безконечно разнообразныхъ измѣненій въ обстановкѣ, т. е. главнокомандующій, находящійся *при самой арміи.*

Нельзя не замѣтить еще, что если, на основаніи уроковъ опыта, главнокомандующіе оказываются теперь свободными отъ стѣсненія власти со стороны совѣтовъ въ столицахъ, электро-магнитнаго телеграфа... то, вслѣдствіе политическихъ реформъ, происшедшихъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, во внутреннемъ устройствѣ Европейскихъ государствъ, явились новые и притомъ весьма сильные рычаги, какъ-то: общественное мнѣніе, пресса, трибуна.., которые стремятся къ сильному стѣсненію ихъ власти. Для противодѣйствія имъ съ успѣхомъ тутъ-то и особенно важенъ сильный характеръ въ главнокомандующемъ (Барклай).

III. *Необходимость раздѣленія арміи на самостоятельныя, гибкія и подвижныя тактическія единицы высшаго порядка: бригады, дивизіи и корпуса.*

Если въ *мирное время*, съ одной стороны въ видахъ возможно-совершеннаго развитія каждаго изъ элементовъ арміи (пѣхотнаго, кавалерійскаго, артиллерійскаго, инженернаго),— армія и должна представлять собою какъ бы депо всѣхъ этихъ элементовъ,— съ другой, въ видахъ развитія въ начальникахъ войскъ активнаго начала въ предѣлахъ, требуемыхъ войною, выгодно не сводить ихъ въ крупныя единицы (такъ, напримѣръ, во Французской арміи нѣтъ единицъ крупнѣе полковъ [1]), то въ *военное время* подобная организація

[1]) Исключая, конечно, лагерныхъ сборовъ.

для арміи очевидно немыслима. Управленіе подобною арміею, въ особенности при сильномъ численномъ ея составѣ, направленіе всѣхъ частей ея къ одной общей цѣли, обратилось бы въ задачу крайне трудную. Вообще армія въ военное время должна быть такъ организована, чтобы главнокомандующій былъ освобожденъ отъ мелочей администраціи, чтобы ему не приходилось быть въ непосредственномъ соприкосновеніи съ значительнымъ числомъ, подчиненныхъ ему, частныхъ начальникъ, и чтобы идея его, воля его, въ кратчайшее время передавалась массѣ исполнителей. Цѣль эта далеко не была бы осуществлена, если бы, напримѣръ, 100,000-ю армію организовать въ полки, не сводя ихъ въ бригады, дивизіи и корпуса. Въ этомъ случаѣ главнокомандующему пришлось бы приходить въ непосредственное соприкосновеніе болѣе чѣмъ съ 30 полковыми командирами и другими начальниками частей, и его вниманіе было бы отвлечено мелочами администраціи отъ предметовъ, прямо относящихся къ его сферѣ. Точно также цѣль не была бы достигнута, если бы только ограничиться сводкою полковъ въ дивизіи. Тогда главнокомандующему пришлось бы имѣть дѣло съ 10-ю начальниками дивизій. Этою мѣрою можно было бы ограничиться при менѣе сильномъ числительномъ составѣ арміи, около 50,000. Съ соединеніемъ же нѣсколькихъ дивизій въ корпуса (2 — 5 дивизій въ каждомъ), вопросъ о выгоднѣйшей организаціи примѣрно-взятой 100,000-й арміи получитъ самое выгодное рѣшеніе. Главнокомандующій приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе только съ двумя или тремя корпусными командирами, онъ освобождается отъ мелочей администраціи и можетъ вполнѣ свободно предаться высшимъ соображеніямъ, прямо относящимся къ его сферѣ дѣятельности, и, наконецъ, при такомъ значительномъ числѣ посредниковъ, другъ другу подчиненныхъ, воля его безъ малѣйшей задержки и помѣхи сообщается войскамъ-исполнителямъ.

Изъ вышеприведеннаго, между прочимъ, видно, что та или другая организація арміи, т. е. раздѣленіе ея на корпуса или только на дивизіи, прежде всего обусловливается ея числительною силою. Вообще въ этомъ отношеніи можно принять за основное положеніе, что *чѣмъ армія больше, тѣмъ болѣе сильныя подраздѣленія въ ней должны быть допускаемы.* Это вполнѣ подтверждается исторіею. Въ началѣ XVII столѣтія, при Густавѣ-Адольфѣ, когда числительная сила армій не превосходила обыкновенно 20,000 — 30,000, наиболѣе крупною единицею въ составѣ арміи были *бригады* (2,000 человѣкъ). Тюреннь, въ періодъ, когда силы армій возросли до 50,000 человѣкъ, нашелся вынужденнымъ ввести болѣе крупную единицу — *дивизію.*

Генералъ Моро, въ 1800 г., командуя 100,000-ю арміею, раздѣленною на 11 дивизій, находитъ подобную организацію слишкомъ сложною и, въ видахъ облегченія управленія арміею, вводитъ, сначала какъ мѣру временную, *корпуса.* Со времени сбора Французской арміи въ Булонскомъ лагерѣ эта мѣра обращается въ постоянную (у Австрійцевъ съ 1809, у насъ въ 1812 г.).

Примѣняя вышеприведенное основное положеніе въ организаціи 200,000 — 300,000-й арміи — явленіе нерѣдкое въ настоящее время, — казалось бы вполнѣ послѣдовательнымъ допустить раздѣленіе такой массы на единицы еще болѣе сильныя сравнительно съ корпусами, т. е. на арміи, какъ то и сдѣлано было Австрійцами въ 1859 году. Теорія и опытъ одинаково убѣдительно указываютъ на вредную сторону подобной организаціи, какъ выше было указано, ведущей ближе всего къ раздѣленію власти. Въ этомъ отношеніи особенно важно не допускать въ составъ арміи, будетъ ли она въ 100,000 — 200,000 и болѣе, болѣе крупныхъ единицъ какъ корпуса. Такимъ образомъ, полумилліонная армія Наполеона въ 1812 году была раздѣлена на корпуса. Съ перваго взгляда казалось бы не важнымъ подраздѣлить армію еще на арміи, которыя являлись бы собственно въ видѣ большихъ корпусовъ. Казалось бы все дѣло только въ названіи. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что съ новымъ названіемъ соединяется и новое понятіе о внутреннемъ содержаніи предмета. И въ этомъ отношеніи между корпусомъ и арміею заключается существенная разница. Два корпуса одной и той же арміи считаютъ себя за *части одного и того же тѣла*, одного и того же организма, слѣдовательно не откажутъ другъ другу въ полномъ содѣйствіи. Тѣ же два корпуса, подъ названіемъ двухъ армій, считаютъ себя уже какъ бы за *два отдѣльные организма*. Очевидно, что такое полное содѣйствіе не будетъ ими другъ другу оказано, какъ въ первомъ случаѣ. «Армія — говоритъ Ле-Контъ — по способности къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ въ обширныхъ размѣрахъ, уже стремится къ освобожденію себя отъ опеки высшей власти, къ дѣйствію независимому, и къ пренебреженію въ отношеніи общихъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ ей приходится только исполнять частную роль; короче — она изъ частной исполнительницы уже стремится къ роли независимой распорядительницы своихъ дѣйствій (сама себѣ хочетъ быть головою). Приказанія и донесенія — продолжаетъ Ле-Контъ — обращаются въ настоящіе переговоры (négociations), вмѣсто того чтобы быть только актами, основанными на субординаціи. Все это ведетъ къ страшному тренію, къ усложненію въ обширныхъ размѣрахъ управленія арміею. Допускать подобную организацію значило бы преднамѣренно создавать тѣ затрудненія, которыя въ отношеніи управленія существуютъ только въ союзныхъ арміяхъ»; мало того, добавимъ мы, это значило бы ни болѣе-ни менѣе какъ допускать *«государство въ государствѣ»* [1]).

Всѣ вышеприведенныя условія масштаба получили самое полное

[1]) 1) Шварценбергъ и Барклай во время отступленія отъ Дрездена въ 1813 г., 16-го августа. 2) Самая атака укрѣпленнаго Дрезденскаго лагеря 14-го августа. 3) Раздѣленіе силъ Союзниковъ (Силезская армія, долиною р. Марны и главная долиною р. Сены) во время перваго наступательнаго движенія къ Парижу въ 1814 г. 4) Во время втораго наступательнаго движенія къ Парижу Блюхеръ въ пользу наступленія, Шварценбергъ — въ пользу обороны.

осуществленіе въ арміяхъ, которыми командовалъ Наполеонъ, и далеко неполное въ противопоставленныхъ ему. Потому и всѣ планы его, независимо отъ того, что они были превосходно соображены, приводились въ исполненіе безъ малѣйшей потери времени. Совершенно въ иномъ положеніи находились противопоставленные ему полководцы, стѣсненные въ своихъ распоряженіяхъ опекою высшихъ властей и не всегда поддержанные подчиненными имъ генералами, большею частью ихъ же товарищами, въ такой мѣрѣ, какъ того требовала польза дѣла, короче—постоянно находившіеся въ той обстановкѣ, вредное вліяніе которой такъ мѣтко обрисовывается въ письмѣ генерала Бонапарте въ Директорію *(Приложеніе IV)*. Этого весьма важнаго обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду при критической оцѣнкѣ событій этой замѣчательной эпохи.

Возьмемъ хоть положеніе *Витгенштейна подъ Люценомъ* въ 1813 году, о которомъ выше было упомянуто вскользь, и приложимъ къ нему только что изслѣдованный нами масштабъ (т. е. отъ осей перейдемъ къ изслѣдованію кривыхъ).

1) *Объединеніе власти въ рукахъ главнокомандующаго.* Условію этому было удовлетворено; власть была объединена въ рукахъ Витгенштейна. Онъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ войскъ (Русско-Прусскихъ).

2) *Полная мочь полководцу.* Власть, хотя такимъ образомъ и объединенная въ однѣхъ рукахъ, стѣснялась: *присутствіемъ монарховъ при арміи*, что, за исключеніемъ, конечно, того случая, когда монархъ самъ командуетъ арміею, случая, какъ въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, *самаго благопріятнаго*, въ значительныхъ размѣрахъ ослабляетъ авторитетъ главнокомандующаго и всѣхъ генераловъ. Хотя Витгенштейну и предоставлена была свыше полная свобода въ дѣйствіяхъ, но само собою разумѣется, что о каждомъ изъ своихъ рѣшеній онъ считалъ долгомъ докладывать императору Александру и королю Прусскому, при чемъ конечно сталкивались разныя воззрѣнія на одно и тоже дѣло, приходилось защищать свои мнѣнія, приходилось и уступать. Если къ этому принять еще во вниманіе, что подъ Люценомъ Витгенштейнъ приводилъ въ исполненіе не свой планъ, что основная идея этого плана принадлежала Дибичу, то одно уже то обстоятельство, число инстанцій, которыя приходилось проходить идеѣ вверхъ (отъ Дибича къ Витгенштейну и отъ послѣдняго къ монархамъ) и обратно внизъ тѣмъ же путемъ, для полученія права на ея осуществленіе, одно уже это обстоятельство не можетъ ли быть принято въ разсчетъ для нѣкотораго хоть оправданія въ той *потерѣ времени*, которая, между прочимъ, была причиною потери Союзниками Люценскаго сраженія [1]). Власть Витгенштейна подъ Люценомъ стѣ-

[1]) Хотя обстоятельство это только догадочное, но, въ подтвержденіе этой догадки, можно указать на диспозицію. Внимательное чтеніе ея показываетъ, что надъ ней работала не одна голова, какъ надъ Фридландской диспозиціею Наполеона. Такъ, напр., мѣстами она отличается сжа-

стѣснялась еще и тѣмъ обстоятельствомъ б), что *онъ былъ моложе Блюхера, Милорадовича...*, что видно, между прочимъ, какъ выше было приведено, изъ отряженія Милорадовича, въ день боя, съ 12 т. къ Цейцу, изъ парализаціи, такъ сказать, $^1/_6$ всей арміи [1]). Послѣднее обстоятельство, хотя и совершенно вѣрное, однако не можетъ быть приведено въ оправданіе Витгенштейну. Тутъ-то, какъ выше было приведено, и нужна *сильная доза характера, сильная воля*, которая умѣла бы подчинить себѣ всѣхъ безъ исключенія, какъ младшихъ, такъ и старшихъ. Безъ этого условія и единство власти ни къ чему не поведетъ, потому что единство власти на дѣлѣ выражается только тамъ, гдѣ царитъ сильная воля, направленная твердымъ умомъ.

3) *Раздѣленіе арміи на гибкія, самостоятельныя тактическія единицы высшаго порядка.* Условію этому было вполнѣ удовлетворено въ организаціи Союзной арміи.

Итакъ, въ неудовлетвореніи 2-го условія масштаба, а еще правильнѣе въ *излишней мягкости характера* Витгенштейна слѣдуетъ видѣть *главную причину* [2]) потери Союзниками столь благопріятнаго для нихъ вначалѣ Люценскаго сраженія. Все остальное (потеря времени, неумѣстное ослабленіе себя на рѣшительномъ пунктѣ отряженіемъ Милорадовича къ Цейцу...)—это уже дѣло второстепенной важности, это только слѣдствія вышеприведенной главной причины. Человѣкъ энергическій, съ сильнымъ характеромъ, не стѣснился бы присутствіемъ монарховъ при арміи, а еще менѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ арміи было нѣсколько старшихъ генераловъ. Не даромъ, послѣ этого (см. Вступленіе II) маршалъ Саксонскій *первымъ* изъ качествъ въ полководцѣ считаетъ *характеръ*: «Безъ него, говоритъ онъ, я не придаю никакого значенія остальнымъ». И совершенно вѣрно.

Прикидывая тотъ же масштабъ къ организаціи *Французской арміи*, въ тотъ же моментъ кампаніи 1813, нельзя не замѣтить пол-

---

тостью, въ другихъ мѣстахъ и притомъ когда рѣчь идетъ о второестепенныхъ вещахъ, излишними подробностями; мѣстами указывается и цѣль и средства для ея осуществленія; въ другихъ, относительно Милорадовича, даже не указано цѣли посылки его къ Цейцу...

[1]) Наканунѣ сраженія, 29-го апрѣля (1-го мая), нахожденіе Милорадовича у Альтенбурга имѣло глубокій смыслъ, потому что до разъясненія обстановки, по какой дорогѣ наступаетъ Наполеонъ, это былъ *лѣвый авангардъ* Союзной арміи; но когда обстановка разъяснилась, что Наполеонъ наступаетъ по Наумбурго-Лейпцигской дорогѣ, когда, на основаніи разъяснившейся обстановки, рѣшено было атаковать 20 апрѣля (2 мая) Французовъ на маршѣ,—корпусъ Милорадовича, направленный къ Цейцу, обратился уже въ *боковой наблюдательный отрядъ;* а для этой цѣли достаточно было бы 1 или много нѣсколькихъ эскадроновъ, а не 12 т. войскъ («....На полѣ сраженія не можетъ быть лишняго баталіона или лишняго эскадрона....». *Наполеонъ*).

[2]) При критическихъ разборахъ слѣдуетъ строго отдѣлять *главное* отъ *второстепеннаго*. Первое это *причина*, а второе лишь *слѣдствіе*.

нѣйшаго выполненія его условій, полнѣйшаго уваженія его закона: единство воли, и притомъ воли безграничной, и единство мысли, все это ведетъ къ тому, что разъ выработанная идея мгновенно передается массѣ исполнителей безъ малѣйшей проволочки и тренія; ни одна минута не теряется — и въ результатѣ полный успѣхъ.

Прикидывая тотъ же масштабъ къ факту, не менѣе предъидущаго поучительному, именно: *къ организаціи арміи Союзниковъ въ періодъ Аустерлицкаго маневра и сраженія* (1805), не трудно будетъ придти къ заключенію, что *главная* причина разгрома Союзниковъ заключалась въ пренебреженіи къ основному условію вышеприведеннаго масштаба, въ *отсутствіи единства власти*, общаго управленія. И дѣйствительно, вмѣсто *одной головы* мы видимъ *три*: 1) юный, неопытный еще въ трудномъ дѣлѣ командованія арміями, монархъ, окруженный пылкою молодежью, увлекавшею его къ *преждевременному* столкновенію съ непріятелемъ, распоряжающійся судьбою арміи, но не принимающій на себя офиціально званія главнокомандующаго; 2) искусный, хитрый и убѣленный опытомъ Кутузовъ, предвидящій всѣ горестныя послѣдствія неумѣстнаго увлеченія, но не имѣющій настолько гражданскаго мужества, чтобы отклонить императора отъ принятаго имъ намѣренія, или сложить званіе главнокомандующаго («каждый главнокомандующій, принимающій на себя исполненіе дурно составленнаго плана, ведущаго къ погибели арміи, совершаетъ преступленіе». *Наполеонъ)* и 3) *бѣдный академикъ* Вейроттеръ, творецъ идеи маневра и сраженія.

Одного этого обстоятельства, этого, такъ сказать, *разстроенія мысли и воли* во главѣ арміи, было уже вполнѣ достаточно, чтобы еще до начала приведенія въ исполненіе плана предсказать все случившееся. И дѣйствительно, какъ то совершенно справедливо было высказано, не припомнимъ кѣмъ-то, что «арміи, которыя были разбиты, были еще *до* поля сраженія разбиты», т. е. несли причину своего пораженія въ себѣ.

Что приведенная нами причина была дѣйствительно *главною* причиною разгрома Союзниковъ подъ Аустерлицемъ, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ безсвязность, отсутствіе взаимной поддержки, отсутствіе общей идеи въ сраженіи, распадающемся на цѣлый рядъ катастрофическихъ, совершенно отдѣльныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящихъ эпизодовъ. Въ подтвержденіе этого стоитъ только припомнить знаменитую атаку лейбъ-уланъ, напоминающую, по отвагѣ своей, атаку кирасиръ подъ Гроховымъ, атаку кавалергардовъ, упорный бой на нашемъ лѣвомъ флангѣ... Элементъ, солдатъ, былъ превосходенъ, да оно иначе и не могло быть: здѣсь дрались герои Амштеттена и Шенграбена; но комбинація была дурна, или, правильнѣе, ея здѣсь вовсе не было, да и не могло быть тамъ, гдѣ было *три* головы.

Вотъ къ чему приводитъ неуваженіе къ основнымъ законамъ военнаго искусства. И послѣ этого неужели еще найдутся сомнѣвающіеся въ существованіи таковыхъ?!

Приготовленіе къ открытію похода 1805 г.—Приложеніе двухъ вышеприведенныхъ масштабовъ къ плану кампаніи и къ организаціи Французской арміи.

Чтобы отклонить грозу со стороны Ла-Манша, Англичане видѣли только одно дѣйствительное средство, именно: образованіе новой коалиціи на континентѣ. Къ этому союзу приступили: Россія, Австрія, Швеція и Неаполь. Пруссія хотя дѣятельно вооружалась, но рѣшилась держаться строгаго нейтралитета.

Силы коалиціи были весьма значительны. Одна Австрія выставила до 200,000, раздѣленныхъ на три арміи; Россія около 100,000, раздѣленныхъ на двѣ арміи. Силы Франціи вообще простирались до 250,000.

По *плану*, составленному Союзниками, предположено было произвести 4-ре атаки: 1) Шведскія, Русскія и Англійскія войска, высадившись въ Помераніи, должны были двинуться въ Ганноверъ и Голландію; 2) по долинѣ Дуная (Австрійскія и Русскія войска); 3) въ Ломбардію (Австрійскія войска) и 4) на Южную Италію (Русскія, Англійскія и Неаполитанскія войска).

На собранномъ въ Вѣнѣ военномъ совѣтѣ относительно плана предстоявшей кампаніи высказано было два мнѣнія: *одно* настаивало на необходимости не спѣшить открытіемъ военныхъ дѣйствій и выждать предварительно прибытія Русскихъ войскъ; *другое*, принадлежавшее генералу Макку, требовало, наоборотъ, *немедленнаго* открытія военныхъ дѣйствій рѣшительнымъ наступленіемъ по долинѣ Дуная. Послѣднее взяло верхъ.

Во исполненіе этого плана, главная масса Австрійскихъ войскъ (80,000 подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, собственно Макка) въ началѣ сентября вступила въ предѣлы Баваріи, заняла Мюнхенъ (Баварскія войска отступили къ Вюрцбургу) и продолжала дальнѣйшее движеніе къ р. Иллеру и Шварцвальдскимъ проходамъ. Въ концѣ сентября на военномъ совѣтѣ въ Ландсбергѣ рѣшено было остановить, въ ожиданіи прибытія Русскихъ войскъ, армію на р. Иллерѣ (на знаменитой въ глазахъ Австрійскихъ стратеговъ позиціи у Ульма, игравшей столь важную роль въ походѣ 1800 г.) и только выдвинуть авангарды къ Шварцвальдскомъ проходамъ.

Наполеонъ какъ нельзя лучше угадалъ намѣреніе противниковъ. Придавая серіозное значеніе только 2-й и 3-й атакѣ (такъ какъ 1-я и 4-я были только вспомогательными операціями, *диверсіями*) и имѣя въ виду, что хотя силы Союзниковъ и значительны, но что онѣ раскинуты на значительномъ разстояніи, онъ ставитъ себѣ задачею воспрепятствовать ихъ соединенію и *разбить ихъ по частямъ.*

Для чего, не обращая особеннаго вниманія на диверсіи Союзниковъ,—участь которыхъ, какъ и всегда всѣхъ вспомогательныхъ дѣйствій, рѣшается на самомъ чувствительномъ пунктѣ главнаго театра военныхъ дѣйствій,—онъ предполагаетъ ограничиться оборонитель-

н ми дѣйствіями въ Италіи, на второстепенномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а главный ударъ направить на армію Макка, наступавшую на главномъ театрѣ.

Избравъ, такимъ образомъ, главнымъ предметомъ дѣйствій армію Макка, оставалось окончательно опредѣлить точку, въ расположеніи этой арміи, куда собственно ударъ долженъ быть нанесенъ. Очевидно, что *фронтальное наступленіе* не отвѣчало цѣли, такъ какъ, въ случаѣ успѣха, приводило къ крайне слабымъ результатамъ,—Маккъ отступилъ бы на соединеніе съ Русскими войсками, и главная цѣль разбить его отдѣльно—не была бы достигнута. Для осуществленія ея *необходимо было захватить сообщенія непріятельской арміи,* чему способствовало, въ значительныхъ размѣрахъ, еще и то обстоятельство, что, въ связи съ дерзкимъ, изолированнымъ наступленіемъ Макка, его длинная операціонная линія была крайне слабо обезпечена оставленіемъ только Кинмайера у Ингольштадта, а о прочномъ занятіи Дунайскихъ переправъ Маккъ и не подумалъ. Для захвата же сообщеній необходимъ былъ *обходъ.* Теперь спрашивается, съ какого фланга обойти Австрійскую армію: *съ праваго,* со стороны Дуная, или *съ лѣваго*, со стороны Рейна? Независимо отъ того, что обходъ справа имѣлъ на своей сторонѣ выгоды большей внезапности (въ кампанію 1800 г. Австрійцы на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій были обойдены слѣва), самое первоначальное расположеніе Французскихъ войскъ по берегу Ла-Манша, въ Голландіи и Ганноверѣ, прежде всякаго другаго условія, указывало на *необходимость обхода Австрійской арміи съ праваго ея фланга.* Вотъ та цѣль, которую себѣ окончательно ставитъ Наполеонъ при открытіи похода 1805 г. И цѣль эта какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ главному условію теоретическаго масштаба: *строгаго соображенія съ обстановкою.*

Прикидывая къ Наполеоновскому плану и остальныя условія масштаба, не трудно убѣдиться, что онъ имъ всѣмъ въ совокупности удовлетворялъ, т. е. что онъ былъ построенъ на строгомъ уваженіи закона, выражаемаго этимъ масштабомъ.

Совершенно въ другомъ видѣ является *планъ коалиціи.* Попробуемъ къ нему приложить только первое, самое капитальное условіе масштаба *(постановка цѣли, строго соображенной съ обстановкой),* и мы въ результатѣ получимъ сразу вѣрную оцѣнку внутренняго содержанія комбинаціи, выражающейся въ *слишкомъ поспѣшномъ наступленіи, завершенномъ ни съ того-ни съ другаго остановкою на р. Иллеръ,* короче—это было какое-то *безцѣльное* наступленіе. Если, какъ то нами и было принято (см. Вступленіе IV и V), главною задачею стратегіи считать: *постановку разумныхъ цѣлей на войнѣ и направленіе всѣхъ средствъ къ ихъ осуществленію въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями,* то въ подобнаго рода *безцѣльныхъ* предпріятіяхъ нѣтъ вовсе стратегіи. Къ нимъ-то ближе всего и можетъ быть примѣненъ приведенный нами выше терминъ Бюлова «*unstrategische Operation*».

Послѣ сказаннаго, всякій согласится, что прикладывать къ плану

Союзниковъ дальнѣйшія условія масштаба было бы дѣломъ только неумѣстнаго теоретическаго педантизма.

Переходя теперь къ вопросу объ *организаціи армій*, мы видимъ, съ одной стороны, во *Французской* арміи полнѣйшее осуществленіе *принципа единства власти* въ арміи и полную *мочь*, сосредоточенную въ рукахъ императора-полководца, т. е. полнѣйшее примѣненіе къ дѣлу организаціи арміи двухъ капитальныхъ условій масштаба. Съ другой стороны, въ организаціи *Австрійской* арміи мы видимъ скорѣе полнѣйшее пренебреженіе ими. Сначала императоръ Францъ принялъ на себя командованіе Дунайскою арміею и выбралъ себѣ въ начальники штаба *Макка*, но въ концѣ сентября онъ уѣхалъ изъ арміи, передавъ начальство надъ нею номинально юному эрцгерцогу Фердинанду;—на самомъ же дѣлѣ главнокомандующимъ оставался Маккъ, потому что ему дано было секретнымъ предписаніемъ императора, въ случаѣ крайности, полномочіе дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Какъ бы то ни было, нельзя видѣть въ подобныхъ мѣрахъ осуществленія принципа объединенія власти и *власть все-таки же была раздѣлена*. Не могъ же Маккъ не стѣсняться такою высоко поставленною личностью какъ эрцгерцогъ, а разъ какъ это такъ, то *не могло быть*, примѣняясь къ выраженію Наполеона, *и единства военной мысли въ арміи*. Развѣ можетъ быть, чтобы эрцгерцогъ во всемъ былъ бы согласенъ съ мнѣніемъ Макка, что опять трудно предположить [1]). Даже допуская подобное предположеніе (что, повторяемъ снова, невѣрно), допуская, что власть была объединена въ рукахъ Макка, и это обстоятельство ни къ чему не послужило бы, если принять во вниманіе личныя качества генерала Макка, если прикинуть къ нимъ приведеный выше (см. Вступленіе II) Наполеоновскій масштабъ — законъ относительно «*равновѣсія ума и характера*» въ полководцѣ. Отличительными качествами Макка были педантизмъ, пылкое воображеніе, склонное къ крайнему фантазированію, и, наконецъ, *безхарактерность* [2]), которая обыкновенно и бываетъ результатомъ дурно управляемаго воображенія.

При такихъ *личныхъ качествахъ* главы арміи понятно, что ни объединеніе въ его рукахъ власти, ни предоставленіе ему полнѣйшей самостоятельности въ дѣйствіяхъ, все это не могло привести къ какимъ бы то ни было результатамъ; а напротивъ того, достаточно было ихъ однихъ принять во вниманіе, чтобы безошибочно предсказать исходъ 1-го періода кампаніи 1805 г. (Повторяемъ снова, «арміи, которыя были разбиты, были еще *до* поля сраженія разбиты») [3]).

---

[1]) Стоитъ только припомнить упорство, съ которымъ Маккъ настаивалъ на необходимости оставаться въ Ульмѣ, и рѣшеніе, принятое эрцгерцогомъ, выйти изъ Ульма.

[2]) Всѣ дѣйствія Макка въ этотъ періодъ кампаній 1805 г. носятъ на себѣ первоначально отпечатокъ страшной самонадѣянности, перешедшей подконецъ въ страшное отчаяніе.

[3]) Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ, какимъ обра-

Что касается до *третьяго* условія масштаба: *необходимости раздѣленія арміи на гибкія, подвижныя и самостоятельныя тактическія единицы высшаго порядка*, то условію этому было вполнѣ удовлетворено во Французской арміи, введеніемъ въ ней, въ Булонскомъ лагерѣ, въ видѣ мѣры постоянной, *раздѣленія ея на корпуса* различной силы и состава, смотря по степени таланта корпусныхъ командировъ. Каждый корпусъ состоялъ изъ 2 — 4 пѣхотныхъ дивизій, 1 дивизіи легкой кавалеріи и 24—48 орудій. Каждый корпусъ, заключая въ себѣ всѣ элементы, представлялъ собою тактическую единицу въ высокой степени самостоятельную, какъ бы *небольшую армію* (оттого и соединенію ихъ въ одну армію въ 1805 г. Наполеономъ дано было названіе «*Grande armée*»). Но самостоятельность эта, столь необходимая въ извѣстномъ отношеніи, могла имѣть и свою невыгодную сторону, развить въ корпусныхъ командирахъ стремленіе къ *отдѣльному, независимому* дѣйствію и пойти, такимъ образомъ, въ разрѣзъ съ принципомъ взаимной поддержки. Какъ средства, противодѣйствующія этому поползновенію къ злоупотребленію самостоятельности корпусовъ, служили: 1) желѣзная рука Наполеона и 2) то обстоятельство, что Наполеонъ давалъ корпуснымъ командирамъ артиллерію и въ особенности кавалерію въ обрѣзъ; послѣдней едва достаточно для охранительной службы. Главную массу артиллеріи и кавалеріи онъ оставлялъ въ личномъ своемъ распоряженіи, въ главномъ резервѣ.

У Австрійцевъ и у насъ, какъ извѣстно, раздѣленіе на корпуса введено было позже, и арміи для каждой операціи получали временную организацію. Ихъ дѣлили на *авангардъ, правое крыло, центръ, лѣвое крыло*, или *на нѣсколько колоннъ* — подобно тому, какъ подъ Аустерлицемъ,—которыхъ, при всѣхъ ихъ другихъ неудобствахъ, отнюдь нельзя считать самостоятельными. Такимъ образомъ подъ Ау-

---

зомъ подобнаго рода личность могла заслужить такое высокое довѣріе. Въ сущности же здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, потому что въ *мирное время нѣтъ масштаба для оцѣнки военныхъ дарованій*, оттого и промахи здѣсь такъ возможны и такъ извинительны. Въ мирное время можно *казаться* военнымъ, но *быть* имъ, въ дѣйствительности, можно только на войнѣ. Есть люди, прекрасно и увлекательно говорящіе о войнѣ, въ особенности тѣ, которые, подмѣтивъ слабость массы понимать только глазами и ушами, т. е. останавливаться только на внѣшности и не вникать въ глубь дѣла, умѣютъ на нее дѣйствовать мастерски разнаго рода эфектами. Въ глазахъ массы это и есть великіе военные люди; но приходитъ дѣло, *нельзя уже болѣе казаться, надо быть*, и эти-то предполагаемые великіе люди нерѣдко оказываются или жалкими педантами, или такъ называемыми faiseurs.. Вотъ начало и окончательная судьба Макковъ, Вейроттеровъ, Пфулей....

Мало того, прибавлю я, сколько есть людей, глубоко и вѣрно понимающихъ военное дѣло, но въ тоже время неспособныхъ для войны, хотя бы по недостатку характера или другой причинѣ. *Только одна война окончательно создаетъ и образуетъ истинно-военныхъ людей.*

стерлицемъ колонны не имѣли при себѣ кавалеріи (она вся была собрана въ отдѣльную колонну, подъ начальствомъ Лихтенштейна), что, въ свою очередь, тоже не мало способствовало къ безсвязности въ дѣйствіяхъ.

ГЛАВА II.

Выборъ и устройство операціонной базы, основанія дѣйствій.

Теоретическій масштабъ (законъ) [1]), т. е. совокупность условій, которыя должны лечь въ основаніе рѣшенія вопроса о выборѣ базы, заключается въ слѣдующемъ:

База должна:

I. Представлять удобныя помѣщенія для магазиновъ, госпиталей, депо, удобныя сообщенія по всѣмъ направленіямъ: извнутри страны, для облегченія доставки запасовъ къ базѣ; отъ базы къ арміи, въ видахъ удобства доставки запасовъ отъ базы къ мѣстамъ расположенія арміи, и, наконецъ, вдоль по базѣ, для облегченія, въ случаѣ надобности, сосредоточенія запасовъ, хранящихся на базѣ, къ тому или другому ея пункту. Въ этихъ видахъ выгоднѣе всего устраивать базисы по рѣкамъ, также по линіи желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ направленіе перпендикулярное къ предполагаемому направленію дѣйствій, къ операціонной линіи. Далѣе база должна представлять въ глубину достаточное пространство для свободнаго размѣщенія, въ случаѣ надобности, значительнаго числа войскъ, и, въ то же время, достаточно населенную и богатую страну для содержанія ихъ. Таковы условія *хозяйственныя.*

II. Условія военныя требуютъ безопаснаго отъ покушеній непріятеля помѣщенія. Условіе безопасности выполняется различно. Если дѣйствующія силы дотого незначительны, что потребные запасы могутъ быть помѣщены въ одномъ пунктѣ, то приведенное условіе будетъ вполнѣ удовлетворено, если пунктъ этотъ укрѣпленъ, хотя бы даже временными постройками. Если же силы настолько велики, что запасы должны быть сосредоточены въ нѣсколькихъ пунктахъ, то условіе безопасности выполняется уже не иначе какъ прикрытіемъ базы обширною боевою позиціею, называемою *оборонительною линіею* [2]), которая, въ свою очередь, какъ и всякая позиція, должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ *(масштабу):*

---

[1]) Наполеоновскія *оси* для построенія кривыхъ.

[2]) Вообще база безъ оборонительной линіи (оборонительной позиціи) немыслима. Имѣя въ виду это условіе, нетрудно убѣдиться въ томъ, что база арміи не всегда совпадаетъ съ границею, а лишь только въ томъ случаѣ, когда послѣднюю составляютъ сильные естественные рубежи, могущіе служить выгодными оборонительными линіями. Въ противномъ слу-

1) Имѣть обезпеченные фланги (противъ охвата).

2) Представлять рядъ сильныхъ, по природѣ или по искусству, опорныхъ пунктовъ (противъ прорыва), вообще возможно-сильную преграду съ фронта, для удержанія наступленія непріятеля (само собою разумѣется, при достаточно-сильномъ занятіи ея войсками).

3) Представлять рядъ дебуше чрезъ вышеприведенную преграду, для свободнаго перехода, въ случаѣ надобности, къ наступательнымъ дѣйствіямъ въ значительныхъ силахъ.

Таковы условія *боевыя*, которымъ долженъ, по возможности, удовлетворять базисъ. Въ совокупности съ хозяйственными, они и составляютъ тотъ *теоретическій масштабъ*, которымъ слѣдуетъ руководствоваться какъ при выборѣ базиса, такъ равно и при оцѣнкѣ фактовъ, касающихся выбора базиса.

Примѣняя этотъ теоретическій масштабъ всякій разъ къ дѣлу, въ зависимости отъ безконечно-разнообразныхъ измѣненій въ обстановкѣ, должно получиться и безконечно-разнообразное рѣшеніе (въ отношеніи формы) вопроса. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ обстановки, можетъ получиться, въ одномъ случаѣ, база короткая: напримѣръ, при десантахъ первоначальною базою служитъ обыкновенно одинъ какой-нибудь пунктъ,— первыя дѣйствія послѣ высадки обыкновенно и клонятся къ тому, чтобы по возможности уширить базу (дѣйствія Густава-Адольфа въ 1630 году въ Помераніи),— въ другомъ случаѣ длинная (въ 1813 году, послѣ перемирія вся полоса Эльбы отъ Богемскихъ горъ до Нѣмецкаго моря), иногда параллельная непріятельской, иногда перпендикулярная, иногда и то и другое вмѣстѣ, иногда въ прямой линіи, иногда въ направленіи выдающемся, выпуклая, иногда въ направленіи вдающемся, вогнутая. Наконецъ, могутъ быть случаи, когда арміи придется дѣйствовать вовсе безъ базы, т. е. имѣть базу при себѣ. Вообще, внѣшнее рѣшеніе вопроса, т. е. форма, въ которую вышеприведенныя теоретическія условія, неизмѣнныя сами по себѣ, могутъ выливаться, въ зависимости отъ безконечно-разнообразныхъ измѣненій въ обстановкѣ, будетъ настолько же безконечно-разнообразна, какъ и самая обстановка. Теорія не въ состояніи уловить всѣхъ оттѣнковъ этихъ видоизмѣненій, да это было бы и совершенно лишнее, потому что безконечно-разнообразныя измѣненія касаются только внѣшней, формальной стороны вопроса (формы) и не измѣняютъ нисколько внутренней, существенной стороны его (идеи). По несостоятельности теоріи, которая въ этомъ дѣлѣ не можетъ идти далѣе вышеприведеннаго масштаба и разбора свойствъ, т. е. выгодъ и недостатковъ различныхъ формъ базы (что нами будетъ помѣщено въ концѣ изслѣдованія вопроса о базѣ), лучшимъ наставникомъ будетъ военная исторія.

Прикинемъ этотъ масштабъ къ двумъ фактамъ: 1) *къ базѣ выбран-*

чаѣ, когда, напримѣръ, границу составляетъ политическая линія, то базу придется подать впередъ или отнести назадъ къ ближайшему естественному рубежу.

ной Наполеономъ въ 1805 г. по Рейну, и 2) *къ его же базѣ по Эльбѣ въ 1813 г.* Посмотримъ, насколько этому масштабу было удовлетворено въ двухъ вышеприведенныхъ случаяхъ.

База по Рейну въ 1805 году: а) въ *хозяйственномъ* отношеніи представляла слѣдующія выгоды: удобство сообщеній, сухопутныхъ и рѣчныхъ, вдоль по базѣ и отъ базы впередъ; достаточную глубину (до Вогезовъ) и достаточно-богатую страну, для расположенія, въ случаѣ надобности, войскъ на квартирахъ, и б) въ *боевомъ* база прикрыта была превосходною оборонительною линіею; фланги обезпечены: лѣвый нейтральнымъ государствомъ, а правый Альпами и нейтральнымъ государствомъ (Швейцаріею); въ укрѣпленіяхъ Страсбурга, Майнца, Ландау и Бризаха магазины, госпитали и депо имѣли безопасное помѣщеніе; Рейнъ представлялъ весьма сильную преграду для удержанія наступленія непріятеля съ фронта, и, наконецъ, Кассель, Кель и Гюннингенъ [1]) представляли три тетъ-де-пона, три дебуше, пользуясь которыми армія, въ короткое время, въ случаѣ надобности, могла быть переведена съ лѣваго на правый берегъ Рейна.

Какъ видно, база по Рейну въ 1805 г. весьма близко подходила къ вышеприведенному теоретическому масштабу и подошла бы вполнѣ, если бы встрѣтились болѣе удобныя, и притомъ въ большемъ числѣ, сообщенія извнутри Франціи съ базою — не таково направленіе теченія большей части рѣкъ,— и развѣ еще если бы длина базы была менѣе значительна (длина ея была около 300 верстъ). Длинные базисы передъ короткими представляютъ ту выгоду, что отъ нихъ трудно быть отрѣзаннымъ; но за то они имѣютъ и ту невыгоду, что для охраненія своего требуютъ значительнаго числа войскъ. Въ 1805 году Наполеонъ располагалъ, впрочемъ, достаточными силами (въ долинѣ Дуная, на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, должны были дѣйствовать 160,000), что, съ одной стороны, уже требовало базиса значительнаго протяженія, а съ другой не представляло особенныхъ затрудненій въ отношеніи отдѣленія силъ, достаточныхъ для охраненія базиса. Наконецъ, какъ видно изъ нижеприведенныхъ данныхъ, это отдѣленіе не должно было вовсе ослабить главную дѣйствующую армію, потому что прикрытіе базиса возложено было на войска, которыя не могли своевременно прибыть къ сборнымъ пунктамъ на базисѣ, для того чтобы принять участіе въ предположенномъ Наполеономъ маневрѣ противъ Макка (корпусъ Ожро прибылъ къ Рейну пятнадцатью днями позже другихъ), на войска резервныя, которыхъ формированіе не было еще вполнѣ окончено, на союзныя войска (Нѣмецкія) и отчасти на когорты національной гвардіи.

Прикрытіе базиса по Рейну было возложено Наполеономъ:

1) На корпусъ Ожро (двѣ дивизіи);

2) На третьи баталіоны дѣйствующихъ полковъ; на нихъ, въ то же время, возложено было образованіе рекрутъ;

---

[1]) Впослѣдствіи вмѣсто Гюннингена былъ выбранъ Ст. Бризахъ.

3) На войска Виртембергскія, Баденскія и Гессенъ-дармштадтскія; и 4) На когорты и легіоны національной гвардіи, мобилизованные въ ближайшихъ къ Рейну департаментахъ и поставленные подъ начальство маршаловъ Лефевра и Келлермана.

База Наполеона по Эльбѣ въ 1813 году представляла слѣдующія выгоды: а) въ *хозяйственномъ* отношеніи: удобства сообщеній, особенно вдоль по базѣ, и достаточно богатую страну, какъ для содержанія, такъ и для размѣщенія, въ случаѣ надобности, на квартирахъ значительныхъ силъ, и б) въ *боевомъ*—фланги обезпечены: лѣвый моремъ, правый, до перемирія, нейтралитетомъ Австріи, а послѣ перемирія комбинаціею тѣхъ превосходныхъ мѣръ, которыя были приняты Наполеономъ къ прикрытію этого фланга, а равно и своихъ сообщеній съ Рейномъ устройствомъ подъ Дрезденомъ, на лѣвомъ берегу рѣки Эльбы, укрѣпленнаго лагеря, снабженіемъ Дрездена запасами на два мѣсяца для 300,000-й арміи, т. е. перенесеніемъ базы съ Рейна на Эльбу въ Дрезденъ, и, наконецъ, устройствомъ обезпеченной переправы и временнаго базиса въ крѣпости Кенигштейнъ, для мгновенной перемѣны операціонной линіи, въ видахъ дѣйствія въ тылъ Богемской арміи, если бы она направилась къ Дрездену, главному пункту на базѣ [1]); укрѣпленія Гамбурга съ фортомъ Глюкштадтомъ, Вербена, Магдебурга, Виттенберга, Торгау, Дрездена и Кенигштейна доставляли вполнѣ безопасное помѣщеніе для магазиновъ, госпиталей и всякаго рода депо. Эльба представляла весьма сильную преграду для удержанія наступленія непріятеля съ фронта и, наконецъ, вышеприведенныя крѣпости, какъ двойные теть-де-поны, обезпечивали обладаніе обоими берегами Эльбы. Протяженіе базы было около 500 верстъ; но это не имѣло существеннаго неудобства, потому что главная масса Французской арміи занимала линію Эльбы (на правомъ флангѣ въ Дрезденѣ отъ 30,000 до 40,000; сверхъ того 100,000-й подвижной резервъ, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона; далѣе гарнизоны въ вышеупомянутыхъ крѣпостяхъ, и, наконецъ, на лѣвомъ флангѣ, у Гамбурга, 30,000-й корпусъ Даву).

Къ недостаткамъ линіи по Эльбѣ, въ смыслѣ оборонительной линіи и базы, какъ уже выше было упомянуто, слѣдуетъ отнести то, что она *охватывалась*, на правомъ своемъ флангѣ, со стороны Богеміи, базою непріятеля (послѣ перемирія). База непріятельскихъ армій шла въ направленіи *параллельномъ* Эльбѣ на большей части своего протяженія (армія наслѣднаго принца Шведскаго базировалась на Берлинъ; Силезская Блюхера на Силезію) и только на лѣвомъ своемъ флангѣ приняла направленіе *перпендикулярное* къ линіи по Эльбѣ (Богемская армія базировалась на Богемію). Черезъ это Союзники становились въ положеніе, угрожающее правому флангу оборонительной линіи Французовъ по Эльбѣ, ихъ сообщеніямъ и пути отступленія

[1]) Подробно будетъ изложено ниже, при разборѣ вопроса «о подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ и административномъ отношеніяхъ».

*

къ Рейну. Выше было сказано, и въ своемъ мѣстѣ будетъ подробно развито, какими мѣрами Наполеону удалось устранить этотъ существенный недостатокъ. Здѣсь же замѣтимъ пока, что если обстоятельства позволяютъ, то базамъ перпендикулярнымъ въ отношеніи къ непріятельскимъ, какъ облегчающимъ дѣйствія на сообщенія и путь отступленія противника и, въ то же время, самымъ надежнымъ образомъ прикрывающимъ нашъ тылъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ параллельными непріятельскимъ. Главная задача заключается въ томъ, чтобы угрожать сообщеніямъ и пути отступленія противника, не подвергая въ тоже время опасности своихъ (одна изъ двухъ важнѣйшихъ цѣлей стратегіи, по мнѣнію Мармона, см. Вступленіе VIII).

Примѣрами въ подтвержденіе вышеизложеннаго служатъ: 1) *база нашей арміи, въ періодъ занятія ею въ 1812 г. Тарутинской позиціи*, и 2) *Португалія, какъ база Англичанъ въ дѣйствіяхъ противъ Французскихъ армій на Пиренейскомъ полуостровѣ*, базировавшихся на Байонну. Въ тѣхъ же видахъ, если только обстановка дозволитъ (достаточныя силы и извѣстнаго рода конфигурація театра военныхъ дѣйствій), *двойнымъ* базисамъ *(охватывающимъ)*, изъ которыхъ одинъ имѣетъ направленіе перпендикулярное, а другой параллельное непріятельскому (напримѣръ, въ 1806 г. базисъ Наполеона шелъ по Рейну и Майну, или въ 1813 г. вышеприведенный базисъ Союзниковъ), должно быть отдано предпочтеніе, потому что, въ связи съ указанными выгодами перпендикулярныхъ къ непріятельскому базисовъ, они въ значительныхъ размѣрахъ облегчаютъ одну изъ самыхъ важныхъ и въ то же время опасныхъ операцій, именно *перемѣну операціонной линіи* [1]), допуская попеременно базированіе то на одной, то на другой вѣтви двойнаго базиса [2]).

Бываютъ случаи, когда приходится дѣйствовать *вовсе безъ базы*. Подобный образъ дѣйствій можетъ быть оправданъ только въ томъ случаѣ, когда, сверхъ непріятельской арміи, приходится еще имѣть дѣло съ возставшимъ населеніемъ; вообще, въ народныхъ войнахъ, наступающей арміи приходится отказаться отъ своихъ сообщеній и имѣть все необходимое для нея, т. е. *базу, при себѣ*. Во время *похода Массены въ Португалію, въ 1810 г.*, база его находилась въ Саламанкѣ и далѣе въ Байоннѣ (первоначально). Сверхъ того, готовясь къ вступленію въ Португалію, онъ снабдилъ крѣпости Ціудадъ-

---

[1]) «Никогда не слѣдуетъ — говоритъ Наполеонъ I — обнажать своей операціонной линіи; но если обстановка тому не воспрепятствуетъ, то умѣнье перемѣнить ее составляетъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ маневровъ. Армія, искусно мѣняющая свою операціонную линію, окончательно сбиваетъ съ толку непріятеля, который не знаетъ гдѣ ея тылъ и вообще слабые пункты, которымъ бы онъ могъ угрожать (Maximes de guerre, § 20)». Предполагая нанести ударъ въ самое чувствительное мѣсто — добавимъ мы, — онъ бьетъ по воздуху.

[2]) Все сказанное о *двойныхъ* базисахъ, само собою разумѣется, еще въ большей мѣрѣ справедливо въ отношеніи къ *тройнымъ*.

Родриго и Алмеиду запасами на четыре мѣсяца для значительныхъ силъ. Тылъ Массены былъ обезпеченъ слѣдующими войсками: 9-мъ корпусомъ Друэ (20,000), получившимъ приказаніе выступить изъ Байонны и двинуться вслѣдъ за Массеною, и молодою гвардіею, подъ начальствомъ Кафарелли, которому приказано было занять мѣсто Друэ въ Байоннѣ. Независимо отъ этого, Массена, въ видахъ обезпеченія слѣдованія транспортовъ и маршевыхъ баталіоновъ, сформировалъ еще особый отрядъ въ 3,000 (1,000 драгунъ и 2,000 пѣхоты), подъ начальствомъ генерала Гарданна, которому поручено было ихъ охраненіе во время марша. Казалось, что принятіе всѣхъ этихъ мѣръ должно было бы самымъ надежнымъ образомъ обезпечить тылъ Массены, во время его наступленія къ Лиссабону; но едва онъ отошелъ на нѣсколько переходовъ отъ базы, какъ уже былъ отрѣзанъ отъ нея вооруженными шайками партизановъ, и притомъ въ такой мѣрѣ, что къ нему не могъ пробраться ни одинъ курьеръ изъ Парижа, такъ что для извѣщенія Наполеона о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ онъ находился въ виду торресъ-ведрасскихъ линій, онъ долженъ былъ послать генерала Фоа, подъ прикрытіемъ особаго отряда. Какъ видно, несмотря на превосходныя мѣры, принятыя Массеною, онъ всетаки не имѣлъ базы и поставленъ былъ бы въ безвыходное положеніе, если бы, сверхъ указанныхъ его распоряженій, онъ не позаботился еще о томъ, чтобы 16-дненное количество продовольственныхъ запасовъ находилось при войскахъ [1]), изъ числа котораго 6-дневный запасъ былъ на людяхъ, а 10-дневный въ подвижномъ магазинѣ, для образованія котораго Массенѣ пришлось стянуть перевозочныя средства чуть ли не всей Старой Кастиліи, отъ Саламанки до Бургоса.

Вообще только одна неизбѣжная крайность можетъ заставить дѣйствовать безъ базы, безъ прочнаго устройства и обезпеченія тыла: иначе это былъ бы страшный рискъ. Конечно, и тутъ, въ случаѣ *успѣха*, армія не почувствуетъ недостатка въ базисѣ и не поплатится за свою опрометчивость: побѣда дастъ ей всѣ необходимыя средства; но за то, въ случаѣ *неудачи*, ей грозитъ конечная гибель, подобно Шведской арміи подъ Полтавою. Какъ извѣстно, прочное занятіе края, устройство базы и сообщеній [2]) не входило въ разсчетъ Карла XII, а разъ какъ не входило, то и разсчета собственно не было: являлась игра, въ которой все или почти все предоставлено было

[1]) Боевыхъ запасовъ армія Массены имѣла только на одно генеральное сраженіе. Такимъ образомъ, хотя и въ весьма скромномъ видѣ, армія Массены имѣла *базу при себѣ*.

[2]) Не только устройство базы, обезпеченіе сообщеній не входили въ разсчетъ Карла XII, но, какъ то подтверждается его распоряженіями передъ Полтавскимъ сраженіемъ, онъ не позаботился даже объ обезпеченіи своего пути отступленія. Правда, вдоль по Ворсклѣ онъ поставилъ четыре конныхъ поста, каждый въ 500 человѣкъ, но на Днѣпрѣ онъ не имѣлъ моста, такъ что эта мѣра, далеко не обезпечивая его отступленія, только послужила къ ослабленію его передъ боемъ.

случаю. «Карлъ—по весьма мѣткому выраженію Клаузевица — проходилъ по странѣ, какъ корабль по морю, не оставляя за собою слѣда». При такомъ крайне рискованномъ способѣ дѣйствій, малѣйшая неудача должна была привести къ уничтоженію результатовъ всѣхъ предшествовавшихъ его успѣховъ, къ потерѣ всего, какъ это ближе всего и подтверждается Полтавскимъ пораженіемъ.

Прикладывая разобранный нами масштабъ для базы къ нѣкоторымъ фактамъ (или, примѣняясь къ выраженію Наполеона, прилагая теоретическія оси для базы къ построенію разнаго рода кривыхъ), по возможности съ разнообразною обстановкою, мы получили нѣсколько весьма разнообразныхъ (относительно внѣшней формы только) рѣшеній одного и того же вопроса. Такимъ образомъ въ *одномъ* случаѣ получилась *база-точка* (база Густава-Адольфа въ минуту его высадки въ устьѣ р. Одера), одна крайняя форма; въ *другомъ—база длинная линія*, длиною въ 500 верстъ (1813 г. р. Эльба отъ Богемскихъ горъ до Нѣмецкаго моря), другая крайняя форма, изъ которыхъ *каждая законна въ свое время и на своемъ мѣстѣ, т. е. при соотвѣтствующей ей обстановкѣ* (а если законны крайнія формы, то очевидно, что законны и всѣ промежуточныя). Наконецъ, нами указанъ былъ случай, когда, подъ вліяніемъ извѣстной обстановки, даже дѣйствія *безъ базы* (походъ Массены въ Португалію въ 1810—1811 годахъ) оказываются совершенно законнымъ явленіемъ.

Не уясняется ли такимъ образомъ вполнѣ, позволимъ мы себѣ повторить снова, вліяніе обстановки, главной повелительницы на войнѣ, и законность всевозможныхъ формъ, въ зависимости отъ безконечно разнообразныхъ измѣненій въ обстановкѣ, для осуществленія одной и той же идеи, а не нѣкоторыхъ только, или одной какой либо исключительно?

Для того же, чтобы знать, какой обстановкѣ именно какая изъ формъ отвѣчаетъ, необходимо знать ихъ свойства, т. е. выгоды и недостатки, если и не всѣхъ, потому что ихъ безконечное множество, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе типичныхъ формъ.—Къ изслѣдованію этого вопроса, составляющаго также одну изъ весьма важныхъ задачъ теоріи, мы теперь и обратимся [1]).

Разсмотримъ свойства различныхъ формъ базы съ точки *удобства*: а) *дѣйствій на сообщенія* и б) *перемѣны операціонной линіи*, короче—съ точки большей или меньшей *свободы маневрированія*, доставляемой той или другой формой базы.

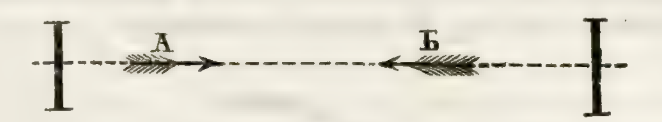
За основаніе нашего изслѣдованія примемъ формулу *«кто обходитъ, тотъ и самъ обойденъ»*, выражающую весьма вѣрно внутреннее значеніе обходовъ, маневровъ. Какъ извѣстно, верхъ искусства к

---

[1]) Хотя мы уже и коснулись его вскользь при разборѣ приведенныхъ выше фактовъ.

заключается въ томъ, чтобы умѣть нарушить значеніе этой формулы въ свою пользу, т. е. угрожать сообщеніямъ противника, имѣя свои обезпеченными (*Мармонъ*—одна изъ двухъ главныхъ задачъ стратегіи). — Посмотримъ, насколько тому способствуетъ та или другая форма базы.

1) *Базы обѣихъ сторонъ (А и Б) параллельны одна другой и притомъ одинаковой длины.*



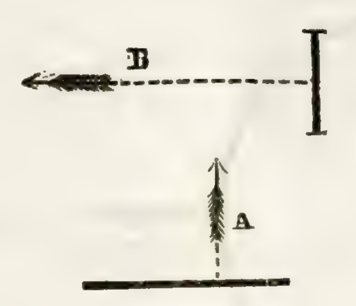
При этихъ условіяхъ, положеніе обѣихъ сторонъ совершенно одинаково и значеніе вышеприведенной формулы вполнѣ вѣрно, потому что одна армія, становясь на сообщеніяхъ другой, открываетъ послѣдней свои.

(Тоже будетъ имѣть мѣсто, и притомъ тѣмъ болѣе, когда базами обѣихъ сторонъ будетъ *точка*, одинъ какой нибудь пунктъ.)

2) *Условія тѣ же какъ и въ предъидущемъ случаѣ, но только база одной стороны длиннѣе другой.*

При этомъ условіи значеніе вышеприведенной формулы уже нѣсколько нарушается въ пользу стороны, располагающей болѣе длинною базою. Ставъ на сообщеніяхъ противника и потерявъ свой прямой путь отступленія, она можетъ отойти къ другой точкѣ (*Subject*) своей длинной базы, т. е. перемѣнить операціонную линію; короче—сторона, располагающая болѣе длинной базой, пользуется и большею свободою въ маневрированіи.

3) *Базы обѣихъ сторонъ взаимно перпендикулярны или наклонены одна къ другой* [1]).

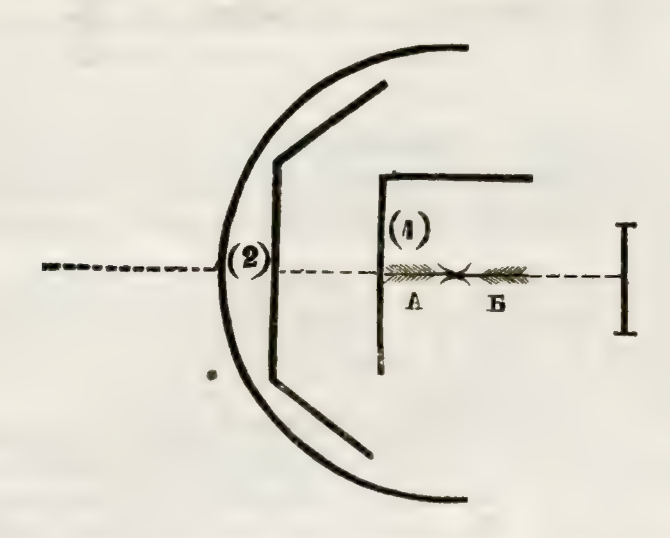


Значеніе разсматриваемой формулы нарушается, само собою разумѣется, для стороны, которая съумѣетъ захватить инціативу въ свои руки (положимъ *А*), потому что всѣ дѣйствія на сообщеніи арміи *Б* для арміи *А* обращаются въ фронтальныя наступленія.

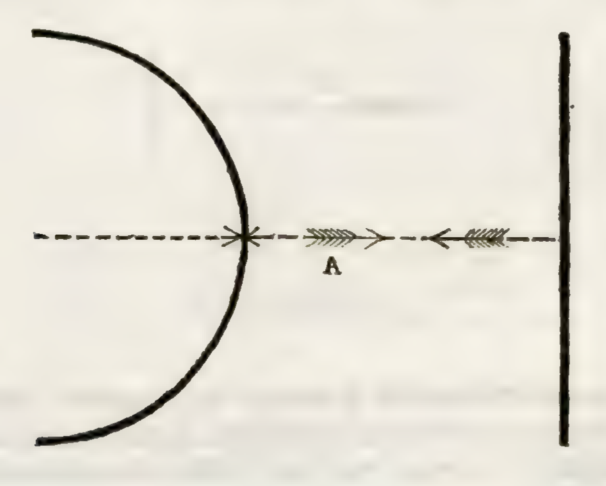
---

[1]) Какъ, напр., (Швейцарія) база генерала Бонапарте въ 1800 г.

4) *При базахъ двойныхъ, тройныхъ, вообще обхватывающихъ*, значеніе приведенной формулы для арміи, располагающей подобною базою противъ арміи, имѣющей только простую базу, окончательно нарушается въ ея пользу.—Она свободно можетъ становиться на сообщеніяхъ противника, имѣя свои въ то же время самымъ дѣйствительнымъ образомъ обезпеченными, свободно можетъ исполнить одинъ, по словамъ Наполеона, «изъ самыхъ важныхъ и деликатныхъ маневровъ», именно перемѣну операціонной линіи, короче—пріобрѣтаетъ наибольшую свободу въ маневрированіи.



5) При базѣ *выпуклой* вышеприведенная формула совершенно вѣрна, потому что база стороны *А*, какъ бы она ни была длинна, въ сущности, обращается какъ бы въ точку крайней ея выпуклости, слѣдовательно и имѣетъ всѣ свойства *базы-точки*.



---

[1]) База Наполеона въ 1805, 1806 и 1809 (во время пятидневнаго боя).
[2]) База Союзниковъ въ 1813 г. послѣ перемирія.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь, повторяемъ снова, отдать предпочтеніе одной формѣ передъ другою,— выборъ между ними рѣшается обстановкою,— единственно только разобрать свойства наиболѣе типичныхъ формъ базы.

Изъ разсмотрѣннаго, однако, очевидно насколько выгодно превосходить непріятеля длиною базою, вотъ почему *удлинненіе базы* (само собою разумѣется въ предѣлахъ, требуемыхъ обстановкою), при каждомъ удобномъ къ тому случаѣ, должно составлять одну изъ существенныхъ задачъ. Такимъ образомъ: 1) первый консулъ, открывая *Итальянскій походъ 1800 г.*, имѣлъ весьма короткую базу, въ которую входили Женева и Вильневъ. Дебушировавъ въ долину Ломбардіи, онъ двигается на Миланъ.— Много причинъ весьма существенной важности имѣли вліяніе на это рѣшеніе [1]) и въ ряду ихъ намѣреніе удлиннить базу, упрочить за собою обладаніе, сверхъ С. Бернардскаго и Симплонскаго проходовъ, еще и С. Готардскимъ, играло не маловажную роль; и 2) въ *послѣднюю Австро-Прусскую кампанію* (1866 г.) занятіе Пруссаками Саксоніи и выборъ операціонной линіи черезъ Богемію, а не черезъ Моравію (хотя послѣднее направленіе и было короче) объясняются, конечно, многими весьма уважительными причинами (желаніемъ миновать Ольмюцъ; избѣжать направленія, на которомъ непріятель сосредоточилъ главную массу своихъ войскъ...), въ ряду которыхъ, однако, намѣреніе *удлиннить базу* должно имѣть не малое значеніе.

Такъ какъ въ видѣ базы организуется обыкновенно извѣстная *пограничная* полоса, прилегающая къ театру военныхъ дѣйствій, то направленіе границы должно быть неминуемо принимаемо также въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса относительно выбора и устройства базисовъ [2]). Это приводитъ насъ, въ заключеніе изслѣдуемаго нами вопроса, къ разбору свойствъ, т. е. выгодъ и недостатковъ, въ стратегическомъ отношеніи, *исходящихъ* и *входящихъ* частей пограничной полосы, имѣя при этомъ въ виду, какъ выше было изложено, что база безъ оборонительной линіи (безъ боевой позиціи) немыслима, хотя, наоборотъ, оборонительная линія, не будучи въ тоже время базою, есть явленіе вполнѣ возможное.

Выгоды и недостатки исходящихъ частей пограничной полосы: а)

---

[1]) Они изложены ниже, см. «*Марши-маневры*».

[2]) Выше (см. Вступленіе VIII) приведено было, что обыкновенно прежде всего выбирается операціонная линія и что затѣмъ уже, въ зависимости отъ нея, рѣшаются вопросы: о выборѣ и устройствѣ базы.... Большею частью это такъ и бываетъ; но, какъ видно изъ только что приведенныхъ фактовъ, иногда, наоборотъ, стремленіе къ лучшему базированію операціи, или, точнѣе, къ лучшему обезпеченію операціонной линіи, можетъ поставить рѣшеніе вопроса о выборѣ операціонной линіи въ зависимость отъ выбора базы.

по отношенію къ оборонѣ заключаются въ томъ, что можно силы держать сосредоточенно, въ центральной позиціи, и двигаться по кратчайшимъ направленіямъ, но за то непріятель можетъ легко отрѣзать всю выдающуюся часть, и б) *по отношенію къ наступленію* прежде всего представляется та выгода, что, пользуясь центральнымъ положеніемъ, легко прорвать непріятеля, разбросаннаго по обширной дугѣ круга (предполагая непріятеля расположеннаго вдоль границы). При дальнѣйшемъ наступленіи (предполагая уже непріятеля въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы), сокращается операціонная линія и является возможность отрѣзать часть непріятельскихъ областей, въ которую врѣзывается пограничная полоса; но за то легко быть и самому отрѣзаннымъ, потому что база *изъ линіи* собственно обращается, какъ выше было приведено, въ *точку* крайней выпуклости.

Примѣчаніе. Выгоды и недостатки *входящихъ* частей пограничной полосы, по отношенію къ оборонѣ и наступленію, обратны выгодамъ и недостаткамъ исходящихъ частей.

Разбирая значеніе геометрическихъ данныхъ, мы только имѣли въ виду показать насколько *и онѣ* должны быть принимаемы въ разсчетъ при рѣшеніи извѣстнаго стратегическаго вопроса, напр., хоть, какъ въ данномъ случаѣ, относительно выбора базы, и далеки, конечно, отъ мысли, подобно Бюлову, чуть ли не *все* приписывать линіямъ и угламъ. Такимъ образомъ, и при рѣшеніи вопроса о выборѣ базы принимается прежде всего въ соображеніе цѣль *(предметъ дѣйствій)*, далѣе населенность края, степень его богатства, количество, качество и направленіе путей, возможность скорѣйшаго сбора войскъ, а равно и очертаніе границъ, слѣдовательно множество данныхъ, короче, какъ то и было приведено въ своемъ мѣстѣ, дѣло стратегіи обнять вопросъ *со всѣхъ сторонъ* и затѣмъ уже рѣшить его, а не подламывать его рѣшенія подъ *извѣстныя* только стороны, или, что хуже всего, подъ *одну* какую нибудь сторону.

ГЛАВА III.

Сосредоточеніе запасовъ къ базѣ. Сравненіе обыкновенныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ относительно скорости доставки запасовъ. О подвижныхъ запасахъ.

Введеніе огнестрѣльнаго оружія и значительная числительная сила, которой арміи достигли въ послѣднее время, увеличили ихъ потребности въ громадныхъ размѣрахъ.

Въ то время какъ римскій легіонеръ несъ на своихъ плечахъ 14-дневное количество запасовъ, а оружіе его не требовало никакихъ запасовъ, потребности новѣйшихъ армій, какъ относительно *продовольственныхъ*, такъ и относительно *боевыхъ* запасовъ, достигли, можно безъ преувеличенія сказать, ужасающей степени, чему отчасти подтвержденіемъ могутъ служить слѣдующіе факты.

Относительно продовольственныхъ запасовъ. Въ 1813 г. Богемскою арміею расходовалось *ежедневно* 525 т. порцій и 225 т. раціоновъ; *ежедневно* требовалось 800 быковъ (тактика Брандта 10).

Для 20 т. Англійской арміи подъ Севастополемъ требовалось *ежедневно* 90 т. фунт. хлѣба, 250 т. фунт. ячменю, 250 т. пудовъ сѣна и *ежемѣсячно* 3 т. быковъ и 16 — 18 т. барановъ.

Относительно боевыхъ запасовъ. Оборона Севастополя, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, требовала ежедневно до 2 т. пудовъ пороха. Въ одномъ Лейпцигскомъ сраженіи Французы выпустили 179 т. артиллерійскихъ зарядовъ и 12 милл. патроновъ (Schön, Geschichte der Handfeuerwaffen).

Количество *продовольственныхъ* запасовъ, примѣрно, для арміи изъ 300-т. человѣкъ и 90-т. лошадей на шесть мѣсяцевъ представляетъ тяжесть въ 2.538,000 центнеровъ (253.800,000 фунтовъ, или 8.629,200 [1]) пудовъ), полагая на каждаго человѣка два фунта въ день, на каждую лошадь девять фунтовъ, не считая сѣна.

Количество *боевыхъ* запасовъ для той же арміи 24,400 центнеровъ (артиллерійскихъ 14,400 и ружейныхъ 10,000), т. е. 83,220 пудовъ, полагая на каждое орудіе по 300 выстрѣловъ, а на ружье 60.

Сверхъ того, осадный паркъ (100 орудій) вѣситъ около 25,000 центнеровъ, т. е. 85,000 пудовъ, и инженерный паркъ 8,000 центнеровъ, т. е. 27,200 пудовъ.

---

[1]) Австрійскій центнеръ = 136 русскимъ фунтамъ.

Все это вмѣстѣ, не считая обмундированія, госпитальнаго довольствія и пр., представляетъ въ общей сложности тяжесть въ 2.595,400 центнеровъ, т. е. 8.824,360 пудовъ.

Для перевозки такихъ тяжестей по *обыкновеннымъ дорогамъ* на четырехъ конныхъ подводахъ, изъ которыхъ каждая поднимаетъ 20 центнеровъ, т. е. 68 пудовъ, потребуется 129,700 подводъ (если бы была возможность двинуть ихъ заразъ, то вся колонна въ глубину заняла бы 1,820 верстъ), изъ которыхъ каждая нужна на столько дней, на сколько переходовъ отстоитъ мѣсто нагрузки до пункта выгрузки; но какъ большая часть обывательскихъ подводъ двуконныя и имѣютъ гораздо меньшую подъемную силу, сравнительно съ указанною (среднимъ числомъ 40 пудовъ), то вышеприведенное число подводъ придется увеличить на $^1/_3$, т. е. оно будетъ =172,930 подводамъ.

Такое количество подводъ не можетъ быть собрано заразъ даже въ самыхъ населенныхъ странахъ. Вотъ почему вышеприведенное количество тяжестей можетъ быть доставлено къ арміи не иначе какъ *постепенно*, послѣдовательными транспортами. Въ избѣжаніе неудобствъ, представляемыхъ подобнымъ способомъ доставки запасовъ, арміи, обыкновенно, въ періодъ до появленія желѣзныхъ дорогъ, старались пользоваться, если обстоятельства позволяли, *судоходными рѣками*. Сравнительно съ вышеприведеннымъ, этотъ способъ доставки представляетъ несомнѣнныя преимущества. Рѣчная барка поднимаетъ до 8,000 и даже до 10,000 пудовъ, слѣдовательно столько же, сколько 260—300 повозокъ. Пароходъ достаточной силы можетъ, при движеніи вверхъ по теченію, заразъ взять на буксиръ 10 такихъ барокъ, т. е. поднять грузъ въ 100,000 пудовъ, на перевозку котораго на колесахъ потребовалось бы до 3,000 подводъ. Но доставка водою, при дешевизнѣ и прочихъ выгодахъ, представляетъ тѣ невыгоды, что идетъ довольно медленно и что въ зимнее время и при низкой водѣ ею пользоваться нельзя. Всѣ эти невыгоды устраняются *желѣзными дорогами*. Поѣздъ можетъ поднять 2,500 центнеровъ, т. е. 8,500 пудовъ [1]), и такихъ поѣздовъ можетъ быть отправлено 10 (maximum) въ день; слѣдовательно, представляется возможность перевезти грузъ въ 85,000 пудовъ. Относительно *цѣнности* перевозки необходимо замѣтить, что самый дорогой способъ — это на колесномъ обозѣ, затѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ, и, наконецъ, самый дешевой—водою. Относительно *скорости* доставки запасовъ различными способами могутъ служить слѣдующія данныя: отдѣльная подвода можетъ сдѣлать въ день около 50 верстъ; при значительномъ числѣ подводъ, двигающихся въ совокупности, эта скорость уменьшается до 35 верстъ въ день. Пароходъ съ буксирными судами проходитъ вверхъ по теченію 100 верстъ въ день. Товарный поѣздъ, полагая 20 верстъ въ часъ, проходитъ въ сутки 480 верстъ, т. е. относительная скорость доставки, при этихъ трехъ

[1]) Менѣе чѣмъ одна большая рѣчная барка.

способахъ, выразится какъ 35:100:480 или 1:3:15 (Gallina, Technik der Armee-Leitung, 89—112) [1]).

Часть вышеприведенныхъ запасовъ находится непосредственно при войскахъ, именно такъ называемые *подвижные запасы*, а остальная, *мѣстные запасы*, сохраняется въ магазинахъ на базѣ и перемѣщается за войсками, по мѣрѣ движенія ихъ впередъ, во вновь устраиваемые впереди базы магазины.

Подвижные запасы состоятъ изъ:

1) *ранцеваго запаса*, 3—4 [2]) дневная пропорція вѣсомъ около 7 фунтовъ. Запасъ этотъ расходуется только въ послѣдней крайности;

и 2) *запаса, возимаго въ полковомъ обозѣ*, 6-тидневная пропорція, возимая въ провіантскихъ телѣгахъ, полагаемыхъ на роту по одной (на полкъ пѣхоты 16 повозокъ, 64 лошади).

Такимъ образомъ *одними* подвижными запасами продовольствіе войскъ можетъ быть обезпечено на 10 дней. Если же принять во вниманіе, что, во время первыхъ маршей, впереди базы, войска могутъ продовольствоваться изъ магазиновъ, что, при дальнѣйшемъ движеніи (само собою разумѣется безостановочномъ), въ краѣ богато населенномъ (не менѣе 2 т. жит. на 1 кв. милю), они могутъ жить реквизиціями и фуражировками, и что подвижные запасы начинаютъ обыкновенно дѣйствовать при сосредоточеніи значительнаго числа войскъ на тѣсномъ пространствѣ, непосредственно передъ вступленіемъ въ бой, то общею совокупностью исчисленныхъ мѣръ продовольстіе значительныхъ массъ, во время быстраго наступленія, можетъ быть обезпечено и на значительно бо̀льшій промежутокъ времени. Если даже допустить, что только на 20 дней, то, основываясь на фактахъ новѣйшей военной исторіи, этотъ промежутокъ времени, въ бо̀льшей части случаевъ, въ Европейскихъ войнахъ, оказывается вполнѣ достаточнымъ для рѣшенія участи *отдѣльныхъ* операцій [3]).

---

[1]) Изъ разсмотрѣннаго очевидно насколько выгодно, какъ выше было приведено, устраивать базы по судоходнымъ рѣкамъ и линіямъ желѣзныхъ дорогъ (тоже относится и къ коммуникаціоннымъ линіямъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже).

[2]) Французы, въ послѣднее время, нашли возможнымъ, выкинувъ нѣкоторыя менѣе необходимыя вещи изъ ранца и не увеличивая общаго груза, лежащаго на плечахъ солдата, увеличить количество ранцеваго запаса съ 4-хдневнаго (какъ то принято въ большей части Европейскихъ армій) на 8-мидневный. Этимъ путемъ достигается ни болѣе—ни менѣе какъ *вдвое большая независимость движеній войскъ отъ повозокъ*, что одно уже, если принять, что въ новѣйшее время болѣе чѣмъ когда либо *«тайна побѣды находится въ ногахъ»*, т. е. въ быстротѣ движеній, должно доставить Французской арміи неисчислимыя выгоды противъ арміи, пользующейся этою независимостью только на 4-е дня. Операціи, вполнѣ возможныя для первой, обращаются въ немыслимыя для второй.

[3]) Въ *1805 г.* отъ переправы Французовъ черезъ Рейнъ до капитуляціи Макка 22 дня. Отъ Ульма до Вѣны 25 дней. Въ *1809* отъ Регенсбурга до Вѣны 16 дней. Въ *1866 г.* отъ начала кампаніи до Кениггреца 10 дней... Вообще *продолжительность отдѣльныхъ операцій, на время которыхъ*

Въ случаѣ же, если бы предвидѣлась бо̀льшая продолжительность операціи или же если бы пришлось войскамъ проходить по краю мало-населенному, то, въ дополненіе къ двумъ вышеприведеннымъ видамъ подвижныхъ запасовъ, необходимъ еще третій, именно: *подвижные магазины*, въ которыхъ, смотря по надобности, перевозится 10, 20-дневное, а иногда и бо̀льшее количество запасовъ [1]).

Примѣчаніе. Дальнѣйшее спеціальное изслѣдованіе разобраннаго вопроса, къ которому мы будемъ имѣть случай вернуться еще при разборѣ вопроса «о *маршахъ-маневрахъ*», собственно о *зависимости ихъ отъ административныхъ условій*, относится въ область военной администраціи.

войска должны быть обезпечены запасами, въ новѣйшихъ войнахъ, простирается обыкновенно до 14, 20 и много 25 дней.

[1]) Въ Крымскую кампанію нашъ подвижной магазинъ состоялъ изъ 14 т. повозокъ,— въ Польскую изъ 2 т..... — Слѣдуетъ замѣтить, что увеличеніе числа желѣзныхъ дорогъ, въ связи съ громадною пользою, ими приносимою относительно ускоренія и облегченія доставки запасовъ, должно будетъ сильно измѣнить рѣшеніе разсматриваемаго нами вопроса. На желѣзныя дороги и слѣдуетъ смотрѣть какъ на *выгоднѣйшіе, новѣйшіе, подвижные магазины.*

ГЛАВА IV.

Сосредоточеніе войскъ къ базѣ. Марши. Сравненіе обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ относительно скорости сосредоточенія войскъ.

Марши бываютъ двухъ родовъ: 1) *марши съ цѣлію сосредоточенія войскъ къ базѣ* (внѣ опасности отъ встрѣчи съ непріятелемъ; сюда относятся и всѣ марши, исполняемые въ тылу расположенія арміи), и 2) *марши-маневры* (отъ базы впередъ, вообще марши при возможности встрѣчи съ непріятелемъ).

Марши перваго рода исполняются каждымъ родомъ войскъ отдѣльно, причемъ войска двигаются небольшими эшелонами: пѣхота и кавалерія обыкновенно по полкамъ, артиллерія по бригадно. Иногда, въ зависимости отъ населенности края, величина эшелоновъ уменьшается или увеличивается противъ приведенной нормы. Скорость марша доходитъ до ста верстъ въ недѣлю (полагая пять дней марша и двѣ дневки). Скорость эта можетъ быть увеличена различными способами, изслѣдуемыми въ тактикѣ. При содѣйствіи подводъ, она можетъ быть доведена до 50 и даже до 70 верстъ въ сутки, а при помощи желѣзныхъ дорогъ можетъ быть еще болѣе увеличена. Мы здѣсь обратимъ вниманіе только на желѣзныя дороги, какъ на средство, служащее къ ускоренію движенія войскъ и въ особенности къ сбереженію ихъ, а равно и ихъ матеріальной части. По опыту извѣстно, что, при стягиваніи войскъ съ квартиръ къ сборнымъ пунктамъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ случаѣ, если имъ, при этомъ, приходится проходить значительныя разстоянія, по непривычкѣ войскъ къ маршамъ, убыль въ нихъ простирается обыкновенно до $\frac{1}{5}$ [1]), т. е. на 100,000-ю армію до 20,000. Желѣзныя дороги устраняютъ это важное неудобство.

Средняя скорость движенія по желѣзнымъ дорогамъ доходитъ до 25 верстъ въ часъ.

Поѣздъ изъ одного локомотива и 30 вагоновъ можетъ поднять:

Пѣхоты: 1 баталіонъ, по военному составу, съ частью штаба (28 офицеровъ, 939 нижнихъ чиновъ, 3—6 лошадей съ частью обоза).

Кавалеріи: 1 эскадронъ съ частью полковаго штаба (8 офицеровъ, 192 нижнихъ чиновъ, 160 лошадей съ багажемъ).

---

[1]) Marmont, «Esprit des institutions militaires» p. 40.

Артиллеріи: 1 дивизіонъ (2 офицера, 109 нижнихъ чиновъ, 110 лошадей, 16 повозокъ).

Обоза: 2 офицера, 90 нижнихъ чиновъ, 105 лошадей, 22 подводы.

На этомъ основаніи, для перевозки по желѣзной дорогѣ корпуса войскъ (25—30,000, въ составѣ 30 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 10 батарей) съ принадлежащимъ къ нему обозомъ, потребовалось бы:

Для перевозки 30 баталіоновъ—30 поѣздовъ, 16 эскадроновъ—16 поѣздовъ, 10 батарей—20 поѣздовъ, обоза—15 поѣздовъ. Итого 80 поѣздовъ, т. е. 80 локомотивовъ и 2,400 вагоновъ.

Для болѣе близкаго уясненія пользы, которую могутъ доставить желѣзныя дороги въ дѣлѣ сосредоточенія войскъ къ базѣ, приведемъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ по быстротѣ сосредоточеніе войскъ къ базѣ въ 1805 изъ Булонскаго лагеря къ Рейну, исполненное по обыкновеннымъ дорогамъ, и разсмотримъ, насколько оно могло бы быть ускорено, если бы въ распряженіи Наполеона были желѣзныя дороги.

1-й корпусъ Бернадотта, находившійся въ Ганноверѣ, получаетъ приказъ о выступленіи 1-го сентября. Онъ выходитъ 2-го, сосредоточивается 6-го въ Геттингенѣ и 27-го достигаетъ Вюрцбурга.

2-й корпусъ Мармона, находившійся въ Голландіи, въ Утрехтскомъ лагерѣ, получаетъ приказаніе о выступленіи 30-го августа; онъ выступаетъ 1-го сентября, прибываетъ 25-го въ Майнцъ, а 27-го въ Вюрцбургъ, имѣя только 9 человѣкъ отсталыхъ, послѣ 20-дневнаго безостановочнаго марша, что ближе всего объясняется превосходнымъ духомъ войскъ и привычкою къ лагерной жизни (въ теченіе 2-хъ лѣтъ, съ сентября 1803 г. войска безвыходно находились въ лагерѣ).

3-й, 4-й и 6-й корпуса (Даву, Сульта и Нея), расположенные въ Амблетезѣ, Булони и Монтрейлѣ, выступаютъ 29-го августа.

Каждый корпусъ состоялъ изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій. Ежедневно выступали первыя дивизіи каждаго корпуса (движеніе исполнено было по тремъ различнымъ дорогамъ), на слѣдующій день вторыя, на третій—третьи дивизіи. Такимъ образомъ эшелонъ въ каждой колоннѣ состоялъ изъ дивизіи въ полномъ составѣ. Кавалерія двигалась по тѣмъ же дорогамъ на 4 перехода впереди пѣхоты.

Три дороги, по которымъ исполнено было движеніе 3-го, 4-го и 6-го корпусовъ, были: а) *для корпуса, расположеннаго въ Амблетезѣ*, — черезъ Лилль, Намюръ, Люксембургъ, Цвейбрюкенъ и Мангеймъ; б) *для корпуса, расположеннаго въ Булони*,—черезъ Сентъ-Омеръ, Камбре, Мезіеръ, Верденъ, Мецъ и Шпейеръ, и, наконецъ, в) *для корпуса, расположеннаго въ Монтрейлѣ*, — черезъ Аррасъ, Лаферъ, Реймсъ, Нанси и Страсбургъ.

5-й корпусъ Ланна двигался впереди корпуса Нея по той же дорогѣ.

Къ 24-му сентября армія достигаетъ Рейна.

Маршалъ Ожро, командовавшій 7-мъ корпусомъ, двигается изъ Бреста, черезъ Алансонъ, Санъ, Лангръ, Бефоръ. Онъ прибылъ къ

Рейну пятнадцатью днями позже другихъ и остался на базѣ, въ качествѣ стратегическаго резерва.

(1-й примѣръ). Если бы *всѣ три* дороги, по которымъ исполнено было движенiе, были желѣзные пути, то, принимая въ разсчетъ только три головные корпуса, скорость движенiя могла бы увеличиться до 12 разъ и, вмѣсто 25—26 дней, потребовалось бы 49 часовъ, въ чемъ нетрудно убѣдиться изъ слѣдующаго разсчета:

Полагая въ каждомъ корпусѣ приблизительно 36 баталiоновъ, 9 батарей и по 90 повозокъ (считая только повозки 1-го разряда, боеваго обоза), потребовалось бы на каждый корпусъ 58 локомотивовъ и 1,740 вагоновъ, а на три корпуса 174 локомотива и 5,220 вагоновъ. Число поѣздовъ на каждомъ пути было бы 58. Полагая одинъ поѣздъ отъ другаго на полчаса дистанцiи, послѣднiй поѣздъ тронулся бы 29 часами позже 1-го (глубина всей колонны выходитъ 29 часовъ). Скорость движенiя 1-го поѣзда 20 часовъ, а всей колонны 49 часовъ, вмѣсто 25—26 дней, 600 часовъ, (т. е. въ 12 разъ скорѣе).

(2-й примѣръ). Предполагая вмѣсто трехъ желѣзныхъ дорогъ только *одну* въ два пути и дистанцiи между поѣздами въ полчаса, скорость движенiя увеличилась бы только въ 6 разъ, т. е. движенiе было бы вдвое медленнѣе, чѣмъ въ предъидущемъ случаѣ; но за то и потребовалось бы въ $2\frac{1}{2}$ раза менѣе локомотивовъ и вагоновъ. Въ постоянномъ движенiи будутъ 68 поѣздовъ, т. е. 68 локомотивовъ и 2,040 вагоновъ (а всего необходимо 174 локомотива и 5,220 вагоновъ). Скорость движенiя будетъ для 1-го эшелона 20 часовъ, а для послѣдняго, придавъ глубину колонны во времени 87 часовъ, 107 часовъ, т. е. почти въ *шесть* разъ скорѣе чѣмъ обыкновеннымъ путемъ.

Въ приведенныхъ разсчетахъ не приняты во вниманiе кавалерiя и въ особенности обозъ 2-го разряда, предполагая, что кавалерiя можетъ быть отправлена заблаговременно по обыкновеннымъ дорогамъ (какъ то и было сдѣлано Наполеономъ въ 1805 г.) и что обозомъ 2-го разряда войска будутъ снабжены на базѣ. Послѣднее предположенiе хотя и возможно, но всегаки нѣсколько теоретично.

(3-й примѣръ). Чтобы подойти нѣсколько ближе къ дѣйствительности, включимъ въ предъидущiй разсчетъ сначала обозъ II разряда, т. е. около 500 повозокъ (2,000 лошадей) на корпусъ. На перевозку ихъ потребуется 22—23 поѣздовъ, что, полагая по $\frac{1}{2}$ часу дистанцiи между поѣздами, увеличитъ, въ *1-мъ примѣрѣ*, глубину каждой изъ трехъ колоннъ отъ 11—12 часовъ, такъ что глубина каждой изъ нихъ будетъ около 60 часовъ. Прибавляя сюда 20 часовъ, скорость движенiя 1-го эшелона, получимъ 80 часовъ, время, въ теченiе котораго каждый изъ корпусовъ съ обозомъ 1 и 2 разряда успѣетъ сосредоточиться на базѣ. При этомъ условiи движенiе ускорится только въ 8 разъ.

(4-й примѣръ). Вводя тоже условiе въ рѣшенiе *2-го примѣра*, глубина всей колонны 87 часовъ увеличится отъ 33—35 часовъ, т. е. будетъ около 122 часовъ. Прибавляя сюда 20 часовъ, скорость движенiя головнаго эшелона, получимъ 142 часа, время, въ теченiе ко-

тораго всѣ три корпуса съ обозами 1-го и 2-го разряда успѣютъ сосредоточиться на базѣ. При этомъ условіи движеніе ускорится только около 4-хъ разъ.

(5-й примѣръ). Если же предположить, что и кавалерія каждаго изъ трехъ корпусовъ двигается также по желѣзнымъ дорогамъ, то, полагая 24 эскадрона и 2 батареи на корпусъ, число поѣздовъ на каждой дорогѣ въ *3-мъ примѣрѣ* увеличится еще на 28, т. е. глубина колонны будетъ въ 88 часовъ, а все время на сосредоточеніе каждаго изъ корпусовъ съ обозомъ и кавалеріею дойдетъ до 108 часовъ, т. е. движеніе ускорится отъ 5—6 разъ.

(6-й примѣръ). Вводя тоже условіе въ 4-й примѣръ, глубина всей колонны увеличится еще на 42 часа, т. е. будетъ около 164 часовъ, а съ придачею 20 часовъ, скорости движенія головнаго эшелона, получится 184 часа, время, въ теченіе котораго всѣ три корпуса съ ихъ кавалеріею и обозомъ 1 и 2 разряда успѣютъ сосредоточиться на базѣ, т. е. движеніе ускорится около *3 разъ.*

Этотъ послѣдній выводъ, именно, что *при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ перевозка войскъ ускоряется до 3-хъ разъ*, казалось бы возможнымъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, принять за *нормальный*, тѣмъ болѣе что онъ подтверждается и опытомъ. Такимъ образомъ въ *кампанію 1866 г.* Прусскій гвардейскій корпусъ (1,154 офиц., 35,523 нижн. чиновъ, 9,334 лошади, 115 двухколесн. повозокъ и 827 четырехколесныхъ) былъ перевезенъ изъ Берлина и Потсдама въ Бригъ на Одерѣ, на разстояніи 401 версты, 85 поѣздами въ 10 дней (съ 13 по 22 іюня) [1]. При движеніи по обыкновеннымъ дорогамъ на это потребовалось бы 4-ре недѣли, т. е. 28 дней; слѣдовательно, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, движеніе было ускорено *почти въ три раза.*

---

[1]) Квистъ, «Желѣзныя дороги въ военномъ отношеніи» ч. I, стр. 161.

Б.

ГЛАВНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

ГЛАВА I.

Объ операціонныхъ линіяхъ (постановка цѣли).

> «Если военное искусство заключается въ томъ, чтобы на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій быть сильнѣе противника, то выборъ операціонной линіи, какъ ближайшаго средства къ достиженію этой цѣли, долженъ быть разсматриваемъ какъ *фундаментальная база* хорошаго плана». (Jomini. Précis de l'art de la guerre I. 221.)

Выше (см. Вступленіе VIII) мы имѣли уже случай указать на то значеніе, которое, въ ряду прочихъ стратегическихъ вопросовъ, принадлежитъ вопросу о выборѣ операціонной линіи, называемомъ, по всей справедливости, Ллойдомъ «*самымъ важнымъ изъ всѣхъ*», а Жомини «*фундаментальною базою хорошаго плана*», и что вся *суть* дѣла, вся *творческая* часть стратегіи и заключается собственно въ умѣніи выбрать операціонную линію и въ умѣніи сдѣлать ее безопасною во все время кампаніи.

§ 1.

Теоретическій масштабъ.

Теоретическій масштабъ (законъ) [1]), т. е. совокупность условій, которыя должны лечь въ основаніе рѣшенія вопроса о выборѣ операціонной линіи, заключается въ слѣдующемъ:

Операціонная линія должна:

I. вести къ достиженію важной цѣли («иначе и десять кампаній не послужатъ ни къ чему». *Ллойдъ*);
II. быть удобнѣйшею и кратчайшею;
III. быть безопасною.

---

[1]) Наполеоновскія *оси* для построенія кривыхъ.

I. *Первое условіе* этого теоретическаго масштаба приводитъ къ разбору вопраса относительно выбора (постановки цѣли) *предмета дѣйствій* (but objéctif, Objecte). Предметъ дѣйствій выбирается стратегіею совмѣстно съ политикою. Имъ можетъ быть или непріятельская армія, или занятіе какого-либо важнаго стратегическаго пункта [1]) въ странѣ, обыкновенно столицы государства или другаго важнаго политическаго центра. Какъ уничтоженіе непріятельской арміи, такъ и занятіе столицы государства имѣютъ обыкновенно весьма *рѣшительныя* послѣдствія и, какъ показываетъ военная исторія, приводятъ къ скорѣйшему окончанію войны—одна изъ главныхъ цѣлей, къ которой слѣдуетъ неуклонительно стремиться, хотя бы изъ человѣколюбивыхъ цѣлей: чѣмъ короче будетъ періодъ войны, тѣмъ менѣе вредно ея послѣдствія отзовутся на матеріальномъ благосостояніи воюющихъ сторонъ. Сопоставляя двѣ вышеприведенныя цѣли: *уничтоженіе непріятельской арміи* или, по крайней мѣрѣ, возможное ея ослабленіе и *занятіе столицы*, первую изъ нихъ, конечно, придется поставить на первомъ планѣ, потому что съ достиженіемъ ея противникъ поставленъ въ рѣшительную невозможность продолжать дальнѣйшее сопротивленіе,—онъ лишенъ главнаго къ тому средства; между тѣмъ какъ съ потерею столицы онъ лишается только важнѣйшаго изъ географическихъ пунктовъ страны; ущербъ, этимъ ему наносимый, хотя и весьма чуствителенъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и особенно въ нравственномъ отношеніи, но *если только энергія не ослабѣла въ арміи и въ народѣ*, то онъ не лишенъ возможности продолжать войну. Въ 1812 г. уступка непріятелю столицы не лишила насъ возможности сопротивляться непріятелю, не уронила энергіи ни въ народѣ, ни въ арміи, а напротивъ того пожаръ Москвы имѣлъ самое благопріятное вліяніе на нравственныя силы нашей арміи, ослабѣвшія вслѣдствіе безпрерывнаго отступленія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ: армія и народъ, при видѣ пылающей Москвы, поклялись отмстить Французамъ, которыхъ они считали виновниками этого событія, и ждали только удобнаго къ тому случая. Первенствующее значеніе уничтоженія непріятельской арміи, сравнительно съ занятіемъ столицъ, подтверждается вполнѣ военною исторіею. Такимъ образомъ *Кутузовъ въ 1812 году*, послѣ Бородинскаго сраженія поставленный въ высокой степени въ критическое положеніе: спасти столицу, пожертвовавъ для этого арміею, или спасти армію и пожертвовать для этой первенствующей цѣли столицей, ни мало не колеблется принять послѣднее рѣшеніе, твердо убѣжденный въ томъ, что съ достиженіемъ главной цѣли, со спасеніемъ арміи, всѣ остальныя достигнутся въ свое время сами собою. Точно такъ же поступаетъ и *Радецкій въ 1848 году*. Неожиданно захваченный возму-

[1]) *Стратегическими пунктами* называются такіе, занятіе которыхъ обнаруживаетъ особенно важное вліяніе на успѣхъ цѣлой кампаніи или отдѣльной какой-нибудь операціи. О классификаціи ихъ упомянуто во «Вступленіи», при разборѣ сочиненія эрцгерцога Карла (См. V).

щеніемъ населенія Ломбардіи и Венеціанской области и переходомъ 60,000-й Сардинской арміи черезъ рѣку Тичино, безъ предварительнаго объявленія войны, имѣя около 70,000 войскъ, разбросанныхъ гарнизонами по всей странѣ — самый крупный отрядъ, бывшій въ его непосредственномъ распоряженіи въ Миланѣ, состоялъ изъ 8 баталіоновъ, при 30 орудіяхъ,—Радецкій ставитъ себѣ ближайшею цѣлію спасеніе арміи, уступаетъ безъ боя Карлу-Альберту Миланъ и всю Ломбардію, поспѣшно отступаетъ подъ покровительство крѣпостей (Вероны, Пескіеры, Мантуи и Леньяго), чтобы подъ ихъ стѣнами стянуть разбросанныя войска, выждать прибытіе резервнаго корпуса Нюджента и затѣмъ перейдти къ рѣшительному наступленію. Поведеніе Кутузова и Радецкаго какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость того, что какія бы уступки ни были дѣлаемы непріятелю въ географическомъ отношеніи, всѣ онѣ будутъ лишь только уступками временными, пока армія, главное орудіе войны, сохранена и пока не остыла въ ней энергія.

Стратегія и тактика требуютъ, чтобы ударъ противнику былъ нанесенъ по возможности въ *самое чувствительное* для него мѣсто, и такимъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, бываетъ обыкновенно непріятельская армія; занятіе же столицъ и другихъ какихъ либо важныхъ географическихъ пунктовъ въ непріятельской странѣ, хотя и весьма важно, но въ отношеніи къ уничтоженію, или, по крайней мѣрѣ, къ чувствительному ослабленію непріятельской арміи имѣетъ значеніе второстепенное. Въ подтвержденіе того же можно еще указать на слѣдующіе факты: *въ 1805 и 1809 годахъ* занятіе Вѣны хотя и значительно ослабило Австрійцевъ тѣмъ, что доставило Наполеону важныя выгоды въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи, но, тѣмъ не менѣе, не рѣшило участи войны, а рѣшеніе это послѣдовало позже, на поляхъ Аустерлица и Ваграма. Подобнаго рода фактовъ, доказывающихъ, что занятію непріятелемъ столицъ нельзя приписывать окончательнаго рѣшительнаго вліянія на судьбу всей войны, весьма много; но за то весьма ограниченно число такихъ, которые подтверждали бы обратное. Изъ новѣйшихъ можно указать развѣ только на *занятіе Союзниками Парижа въ 1814 г.* [1]), имѣвшее дѣйствительно рѣшительное вліяніе на участь всей войны; но фактъ этотъ опять-таки ближе всего объясняется тѣмъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ находилась въ эту минуту Французская армія. Она была раздѣлена; часть ея разбита (Феръ-Шампенуазъ, Парижъ); остальная часть арміи слишкомъ слаба, чтобы продолжать борьбу съ громадными силами Союзниковъ. Если къ тому прибавить сопротивленіе, встрѣченное Наполеономъ въ бли-

[1]) Изъ болѣе отдаленныхъ фактовъ можно указать на появленіе въ 1700 г. Карла XII подъ Копенгагеномъ, заставившее Датскаго короля тотчасъ же отказаться отъ союза и заключить отдѣльный миръ съ Карломъ въ Травендалѣ; но и тутъ дѣло объясняется крайнею слабостью Датчанъ, застигнутыхъ врасплохъ. Столица была совершенно беззащитна, вслѣдствіе нахожденія большей части Датской арміи въ Гольштиніи.

жайшихъ своихъ помощникахъ, маршалахъ, при заявленіи имъ намѣренія продолжать войну, измѣну Мармона, охлажденіе къ Наполеону націи, и принять во вниманіе извѣстнаго рода неблагопріятныя политическія условія, существующія вообще во Франціи, *недостатокъ прочной связи между правительствомъ и народомъ*, привыкшимъ къ частымъ перемѣнамъ правительствъ: то совокупностью всѣхъ вышеприведенныхъ условій, какъ политическихъ, такъ и въ особенности военныхъ, объясняется ближе всего, почему занятіе Парижа Союзниками должно было обнаружить столь рѣшительное вліяніе на участь войны 1814 года. Вообще, какъ видно, вліяніе занятія Парижа Союзниками въ 1814 году, будучи само по себѣ фактомъ совершенно исключительнаго характера, не опровергаетъ вышеприведеннаго взгляда, а скорѣе подтверждаетъ его. *Во всѣхъ военныхъ вопросахъ, живая сила, армія, всегда становится на первомъ планѣ; всему остальному принадлежитъ подчиненное мѣсто* (одного этого вывода достаточно, между прочимъ, чтобы показать несостоятельность теоріи эрцгерцога Карла, главное основаніе которой, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что рѣшительные пункты театра военныхъ дѣйствій, т. е. самая чувствительная точка въ расположеніи непріятеля, опредѣляются только по *одному* образованію мѣстности) [1].

Разъ какъ предметомъ дѣйствій избирается непріятельская армія [2]), то крайняя точка операціонной линіи, вѣрнѣе — ударъ можетъ быть направленъ: или а) *на центръ непріятельской арміи*, что приводитъ къ *фронтальному наступленію*. Въ *1796* г. первоначальное операціонное направленіе Наполеона совпадало съ дорогою изъ Савонны въ Александрію, противъ центра расположенія Союзниковъ, *растянутыхъ* отъ Генуи до Cole di Tende, на разстояніи около 100 верстъ [3]); *въ 1809 г.*, послѣ боя у Гаузена, Наполеонъ, сосредоточивъ свои силы, 85,000, на пространствѣ 20 верстъ на р. Абенсъ, направляетъ ударъ на центръ 120,000-й Австрійской арміи, *растянутой* на 60 верстъ отъ Регенсбурга до Мёзбурга; въ 1812 — первоначальная главная операціонная линія направлена была Наполеономъ также на центръ нашего *растянутаго* расположенія, въ промежутокъ между нашими 1-ю и 2-ю арміями. Или б) *на одинъ изъ фланговъ*. Въ 1813 г., передъ Бауценскимъ сраженіемъ, Наполеонъ даетъ направленіе операціонной линіи на правый флангъ 100,000-й арміи Союзниковъ, *сосредоточенной* на Бауценской позиціи, бывшій дѣйствительно самымъ чувствительнымъ пунктомъ въ

[1]) Дальнѣйшее изслѣдованіе вопроса о современномъ значеніи столицъ и о выгоднѣйшемъ способѣ обезпеченія ихъ отнесено ниже, къ разбору вопроса «объ укрѣпленіи столицъ, вообще важныхъ политическихъ центровъ въ государствѣ».

[2]) Операціи, въ которыхъ предметомъ дѣйствій служатъ важные географическіе и политическіе пункты, будутъ разобраны ниже, при изслѣдованіи вопроса «о дѣйствіяхъ арміи въ сферѣ дѣйствія крѣпостей».

[3]) У Болье 80,000, у генерала Бонапарте 35,000 — 40,000.

ихъ расположенія, — неподалеку отъ него проходилъ единственный ихъ путь отступленія съ длинной позиціи. Занявъ его и отбросивъ Союзниковъ къ противоположному флангу, къ территоріи нейтральнаго государства, Австріи, Наполеонъ ставилъ ихъ въ безвыходное положеніе. Выборъ Наполеономъ операціонной линіи въ этомъ случаѣ, сверхъ особенной важности для Союзниковъ, ихъ праваго фланга, объясняется еще расположеніемъ Французскихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій передъ Бауценскимъ сраженіемъ. Главная масса, около 100,000, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, находилась въ виду Союзной арміи, а Ней съ 50,000 былъ расположенъ у Луккау, такъ что прямое фронтальное наступленіе Нея вело его на правый флангъ арміи Союзниковъ, угрожая ихъ пути отступленія [1]). Или в) *въ тылъ, на сообщенія непріятельской арміи.* Въ 1800 г., пользуясь выдающимся положеніемъ Швейцаріи въ отношеніи къ италіянскому и германскому театру военныхъ дѣйствій и тѣмъ, что Австрійцы, во время наступленія своего, ее не заняли, первый консулъ сосредоточиваетъ здѣсь 60,000-ю армію и направляетъ ее на сообщенія Меласа....

Изъ вышеприведеннаго видно, что выборъ операціонной линіи: направить ли ее на центръ непріятельской арміи, на одинъ изъ ея фланговъ или въ тылъ, обусловливается исключительно *обстановкою: тѣмъ, гдѣ будетъ находиться наиболѣе чувствительное, наиболѣе важное мѣсто съ расположеніи непріятеля.* Одно, на что теорія можетъ дать положительное указаніе, это то, что наиболѣе больное мѣсто въ растянутомъ расположеніи арміи находится въ центрѣ, а въ сосредоточенномъ — на одномъ изъ фланговъ или въ тылу.

II. *Второе условіе* вышеприведеннаго теоретическаго масштаба къ руководству при выборѣ и для оцѣнка операціонной линіи, именно: *чтобы она была кратчайшею и въ то же время удобнѣйшею,* понятно само по себѣ и не требуетъ объясненій, кромѣ развѣ того только, что слово *«кратчайшею»* не должно быть понимаемо въ тѣсномъ его смыслѣ, въ смыслѣ геометрическомъ, другими словами — операціонная линія должна быть кратчайшею не по *пространству,* а по *времени.* Такимъ образомъ, въ 1814 г. главную армію Шварценберга можно было двинуть къ Парижу, черезъ Страсбургъ, Нанси, Шалонъ и далѣе къ Парижу. Это было дѣйствительно разстояніе кратчайшее, въ геометрическомъ смыслѣ, слѣдуя по которому пришлось бы форсировать цѣлый рядъ оборонительныхъ линій, пересѣкающихъ этотъ путь, начиная съ Рейна, далѣе Вогезовъ, рѣкъ: Мерты, Мозеля, Мааса.... Слѣдуя же черезъ Базель и Везуль къ Лангру, по Лангрскому плато, представлялась возможность обойти большую часть этихъ преградъ, слѣдовательно двигаться быстрѣе.

---

[1]) Это расположеніе Французскихъ войскъ такимъ образомъ весьма близко походитъ къ расположенію ихъ же (по Рейну и Майну) при открытіи похода 1805 г.

Послѣднее направленіе, хотя и болѣе кружное въ геометрическомъ смыслѣ, но какъ удобнѣйшее, представлявшее менѣе задержекъ наступленію, и должно быть собственно разсматриваемо какъ кратчайшее, потому что требовалось менѣе времени на прохожденіе его [1]).

Весьма поучительнымъ фактомъ, съ точки разбираемаго нами условія масштаба, можетъ служить также *выборъ операціонной линіи Аннибаломъ для движенія черезъ Клузіумское болото.* Для движенія къ Риму ему представлялось два пути: *одинъ* черезъ Апеннины, хотя и болѣе удобный, но за то и болѣе кружный и притомъ занятый непріятельскою арміею; *другой* болѣе короткій, но проходившій черезъ болото, считавшееся непроходимымъ. Обративъ особенное вниманіе на послѣдній и зная, что *предполагаемое на войнѣ невозможнымъ обыкновенно оказывается возможнымъ* [2]), для людей рѣшительныхъ по крайней мѣрѣ, онъ производитъ рекогносцировку болота, изъ которой оказывается, что оно далеко не въ такой степени непроходимо, какъ то полагали. Основываясь на этомъ и имѣя въ виду: 1) что его здѣсь не ожидаютъ *(внезапность, какъ лучшій способъ подготовки успѣха какой бы то ни было операціи)*; 2) что на этомъ пути, слѣдовательно, онъ встрѣтитъ только одни затрудненія мѣстныя, надъ которыми онъ разсчитывалъ легко восторжествовать; 3) что, двигаясь по этому пути, онъ обходилъ дефиле, въ которыхъ была бы парализована его превосходная кавалерія и въ которыхъ индивидуальная храбрость римскаго легіонера въ избыткѣ вознаградила бы неспособность консула...., Аннибалъ отдаетъ предпочтеніе второму пути.

Успѣхъ марша Аннибала черезъ Клузіумское болото, какъ извѣстно, былъ полный, благодаря *искусному выбору операціонной линіи* и въ особенности *скрытности* и *быстротѣ*, съ которыми исполненъ былъ этотъ маршъ.

III. *Третье условіе, условіе безопасности, обезпеченія операціонной линіи* («никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи — говоритъ Наполеонъ — это *азбука* военнаго дѣла....») можетъ быть осуществлено, въ зависимости отъ обстановки, весьма различно. Не претендуя на перечисленіе всѣхъ средствъ для достиженія этой цѣли—*ихъ безчисленное множество*,—укажемъ только на нѣкоторыя важнѣйшія.

Къ средствамъ, служащимъ къ обезпеченію операціонныхъ линій, относятся:

1) *Быстрое, рѣшительное наступленіе* (обезпеченіе операціонной

---

[1]) Въ отрицательномъ смыслѣ, относительно выбора операціоннаго направленія, поучительны дѣйствія Карла XII, предпочитавшаго двигаться по геометрически кратчайшимъ направленіямъ (его преслѣдованіе, движеніе на Пинскъ въ апрѣлѣ 1706 г. на перерѣзъ нашей арміи, отступавшей изъ Гродненскаго укрѣпленнаго лагеря....)

[2]) По превосходному выраженію *Пеница «и именно потому, что его считаютъ за невозможное».*

линіи, въ смыслѣ пути наступленія) [1]), завершенное *боемъ* и, по возможности, если не уничтоженіемъ, то ослабленіемъ главнаго орудія непріятеля, его арміи *(побѣдою)*. По достиженіи этой главной цѣли, какъ замѣчено было въ своемъ мѣстѣ, всѣ остальныя (второстепенныя) достигаются сами собою. Такимъ образомъ, въ 1805 году *первоначальная* операціонная линія Французской арміи получила самое полное обезпеченіе, благодаря необыкновенной быстротѣ движенія, съ которою пройдено было пространство отъ Рейна до Дуная. 25—26-го сентября нов. ст. главная масса Французскихъ войскъ переправляется черезъ Рейнъ, а въ періодъ 6—8-го октября она достигаетъ Дуная.

2) *Оставленіе въ тылу достаточнаго числа войскъ* (обезпеченіе операціонной линіи въ смыслѣ пути отступленія и коммуникаціонной линіи). *Въ 1809 г.* Наполеонъ, для прикрытія своей длинной операціонной линіи, долженъ былъ оставить вначалѣ 65,000 войска вдоль по Дунаю, на важныхъ пунктахъ, и лишь только впослѣдствіи, когда Дунай былъ покрытъ двойными тетъ-де-понами, явилась возможность уменьшить это число до 20,000. *Въ кампанію 1813 г.*, во время перваго наступательнаго движенія Наполеона противъ Блюхера, несмотря на короткость его операціонной линіи, но въ виду опасности, угрожавшей со стороны 260,000-й Богемской арміи, онъ изъ 100,000, бывшихъ у него подъ руками, двигается только съ 30,000 — 40,000 на подкрѣпленіе Нея, тѣснимаго Блюхеромъ, а остальныя 60,000—70,000 оставляетъ для обезпеченія своей операціонной линіи на правомъ берегу Эльбы (Понятовскаго у Габеля, Виктора у Циттау и Вандамма у Бауцена).

3) *Короткость протяженія операціонной линіи.* «Если—говоритъ Ллойдъ—затрудненія возрастаютъ пропорціонально длинѣ операціонной линіи, то отсюда слѣдуетъ, что, при всѣхъ одинаковыхъ условіяхъ, та армія, которая будетъ дѣйствовать по кратчайшей операціонной линіи, будетъ, наконецъ, имѣть на своей сторонѣ всѣ преимущества, даже если она будетъ слабѣе непріятельской, предполагая, конечно, что она будетъ ведена съ полнымъ благоразуміемъ и *дѣятельностью*». (Стр. 279 и 280.)

Разъ какъ длиною операціонной линіи объясняется бо̀льшая или меньшая степень ея безопасности, то особенное значеніе должно быть придаваемо *крѣпостямъ*, вообще всякаго рода укрѣпленіямъ (на нихъ смотритъ Наполеонъ какъ на центры движенія, опорные пункты, *сокращающіе операціонную линію.* Maximes de guerre § 3, стр. 11). Примѣръ тому, насколько укрѣпленія способствуютъ къ увеличенію безопасности операціонныхъ линій, требуя на этотъ предметъ относительно малаго числа войскъ (1809 г. 65,000 безъ

---

[1]) Каждая операціонная линія, какъ выше было приведено (Вступленіе VIII), должна быть разсматриваема въ трехъ отношеніяхъ: 1) какъ путь наступленія, 2) какъ путь отступленія и 3) какъ путь подвозовъ (коммуникаціонная линія).

содѣйствія укрѣпленій и только 20,000 при ихъ помощи), приведенъ былъ выше. Укажемъ еще на одинъ фактъ, весьма замѣчательный въ разсматриваемомъ отношеніи, именно на значеніе Дрездена въ 1813 г. Во время перемирія, Наполеонъ, перенеся базу съ Рейна въ Дрезденъ, уничтожилъ тѣмъ значеніе его сообщеній съ Рейномъ. Это сократило операціонную линію на 500 верстъ, на все протяженіе отъ Эльбы до Рейна, и въ значительныхъ размѣрахъ содѣйствовало къ обезпеченію ея. («Пусть меня отрѣжутъ отъ Рейна, лишь бы только не отрѣзали отъ Дрездена» — отвѣтъ Наполеона тѣмъ, которые указывали на опасность обхода со стороны Богеміи— безцѣльность перваго наступательнаго движенія Богемской арміи къ Дрездену).

4) *Длина и форма базиса* (о чемъ упомянуто было выше. Походы 1800 и 1866 г., см. отдѣлъ I, А. Гл. II).

5) *Прикрытіе фланговъ* естественными, искусственными преградами, нейтральными государствами или, наконецъ, за неимѣніемъ подобнаго рода обезпеченія, соотвѣтственнымъ расположеніемъ войскъ. «Армія, наступающая съ цѣлію завоеванія непріятельской страны,— говоритъ Наполеонъ — имѣетъ свои фланги прикрытыми или нейтральными государствами, или обширными естественными преградами, какъ, напримѣръ, рѣками или горными хребтами. Можетъ случиться, что только одинъ изъ ея фланговъ будетъ прикрытъ или, наконецъ, оба ея фланга открыты. Въ первомъ случаѣ главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы армія его не была прорвана въ центрѣ; во второмъ онъ долженъ держаться ближе къ прикрытому флангу; въ третьемъ — ближе къ центру и не разбрасываться, потому что если невыгодно имѣть два фланга открытыми, то невыгода должна значительно возрасти въ случаѣ увеличенія ихъ числа (четыре или шесть), т. е. при раздѣленіи силъ. Въ первомъ случаѣ операціонная линія можетъ безразлично приближаться къ тому или другому флангу; во второмъ же она должна подходить ближе къ прикрытому флангу; въ третьемъ она должна быть перпендикулярна къ срединѣ фронта наступленія арміи». «*Но во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ необходимо имѣть чрезъ каждые пять или шесть переходовъ или крѣпость, или укрѣпленную позицію на операціонной линіи*, для устройства въ нихъ складовъ жизненныхъ и военныхъ запасовъ и для организаціи транспортовъ. Ихъ слѣдуетъ обратить въ центры движенія, въ опорные пункты, *сокращающіе* операціонную линію». (Maximes de guerre, § 3, стр. 10 и 11.)

Въ 1813 году, въ періодъ расположенія Французской арміи на Эльбѣ, лѣвый ея флангъ былъ обезпеченъ моремъ и Гамбургомъ съ фортомъ Глюкштадтомъ, правый, до перемирія,—нейтралитетомъ Австріи, а послѣ перемирія рядомъ тѣхъ превосходныхъ мѣръ, которыя были приняты Наполеономъ (онѣ будутъ подробно разобраны при изслѣдованіи вопроса «о подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи»).

Въ 1809 году, съ лѣваго фланга, операціонная линія Наполеона отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ была прикрыта: а) Дунаемъ, переправы черезъ который, благодаря необыкновенно быстрому движенію, благодаря тому, что Французы предупреждали Австрійцевъ, были во власти Французовъ, и б) въ первое время занятія Вѣны Наполеономъ, вдоль по берегу Дуная, на важнѣйшихъ пунктахъ, какъ выше было замѣчено, оставлено было сначала 65,000 для непосредственной защиты операціонной линіи; число это впослѣдствіи, когда Дунай былъ покрытъ рядомъ двойныхъ тетъ-де-поновъ, уменьшено было до 20,000, безъ малѣйшаго ущерба безопасности операціонной линіи.

Съ праваго фланга операціонная линія была открыта, но въ то же время и безопасна, вслѣдствіе значительнаго удаленія Австрійскихъ войскъ эрцгерцога Іоанна, дѣйствовавшихъ въ Италіи; отрядъ же Іелашича (12,000) былъ слишкомъ слабъ. Вотъ почему въ особенно-энергическихъ мѣрахъ къ обезпеченію съ этой стороны операціонной линіи не было никакой надобности, и отряженія сперва къ Мюнхену, а впослѣдствіи въ Тироль съ этою цѣлію Баварскаго корпуса Лефевра было вполнѣ достаточно.

Въ 1848 году операціонная линія Радецкаго (на случай неблагопріятнаго для него оборота дѣлъ), разсматриваемая въ смыслѣ коммуникаціонной линіи и пути отступленія — путь долиною Адижа отъ Вероны, мимо Риволи на Ровредо, Тріентъ и Бреннеръ — представляла сама по себѣ существенные недостатки и вдобавокъ не была вовсе обезпечена. Главное неудобство этой линіи заключалось въ томъ, что она отходила отъ фланга четыреугольника и направлялась не перпендикулярно, а параллельно фронту позиціи, т. е. была совершенно открыта. Хотя вышеупомянутый путь и былъ прикрытъ Адижемъ, но Австрійцы, не имѣя на немъ тетъ-де поновъ, въ противоположность тому, какъ это было сдѣлано Наполеономъ въ 1809 г. на Дунаѣ, не владѣли имъ. Вдобавокъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще и то, что у Риволи вышеупомянутая дорога такъ близко подходила къ противоположному, правому берегу, что находилась подъ сильнымъ огнемъ съ Риволійскаго плато. На этомъ пути и была та чувствительная точка, въ которую стратегія и тактика столь настоятельно рекомендуютъ бить непріятеля, тѣмъ болѣе что Радецкій былъ застигнутъ врасплохъ, крѣпости четыреугольника были слабо вооружены и крайне недостаточно снабжены запасами. Обстоятельство это было совершенно упущено изъ виду Карломъ-Альбертомъ, ограничивавшимся только демонстративными дѣйствіями въ этомъ направленіи, чѣмъ ближе всего и объясняется испытанная имъ неудача. Наученные опытомъ кампаніи 1848 г., Австрійцы, впослѣдствіи, независимо отъ значительнаго усиленія крѣпостей четыреугольника, устроили тетъ-де-понъ у Пастренго, укрѣпили дефиле у Парапы, а равно и Тріентъ, что до нѣкоторой степени ослабило вредную сторону невыгоднаго направленія вышеприведеннаго пути. Сверхъ указаннаго пути, Австрійцы, правда, имѣли другой, отходившій въ несравненно болѣе выгодномъ направленіи, именно дорогу

на Виченцу, Падую, чрезъ Лайбахъ на Вѣну, но на него, вслѣдствіе возстанія населенія Венеціанской области, разсчитывать было нечего.

Степень большей или меньшей безопасности операціонной линіи, независимо отъ ея *длины, географическихъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій* (прикрыта или нѣтъ естественными или искусственными преградами), *политическихъ условій* (прикрыта ли нейтральными государствами), обусловливается, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, еще и тѣмъ, будетъ ли она проходить по территоріи, принадлежащей нѣсколькимъ мелкимъ государствамъ, или одному могущественному. Въ этомъ отношеніи путь дѣйствій Французской арміи, перешедшей Рейнъ и внесшей войну въ Германію, будетъ безопаснѣе (само собою разумѣется, до полнаго объединенія Германіи) пути дѣйствій Нѣмецкой арміи, перешедшей Рейнъ и вступившей въ предѣлы Франціи.

Наконецъ, какъ уже отчасти было упомянуто выше, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ обезпеченію операціонной линіи служитъ 6) *рѣшительный бой, побѣда.*

«Конечно, говорилъ Наполеонъ (въ отвѣтъ тѣмъ, которые въ 1813 г. указывали ему на опасность его положенія на Эльбѣ и совѣтовали отступить за Рейнъ), не слѣдуетъ легкомысленно обнажать своей операціонной линіи,—я это очень хорошо знаю: этого требуетъ здравый разсудокъ, равно какъ и азбука искусства. Но, въ виду достиженія великой цѣли, *бываютъ минуты*, когда слѣдуетъ жертвовать всѣмъ для достиженія побѣды и не опасаться жечь своихъ кораблей. Если бы военное искусство заключалось въ томъ, чтобы ничѣмъ не рисковать, то слава сдѣлалась бы достояніемъ посредственности. Намъ необходима полная побѣда. Дѣло заключается не въ томъ чтобы отказаться отъ той или другой области, а въ нашемъ политическомъ преобладаніи; его хотятъ уничтожить, а отъ него зависитъ наше существованіе. Вы опасаетесь, что мое положеніе въ сердцѣ Германіи слишкомъ рисковано. Развѣ при Маренго, Аустерлицѣ, Ваграмѣ я не былъ въ несравненно болѣе опасномъ положеніи. Начиная съ Арколе и до сегодняшняго дня всѣ мои дѣйствія были *подобнаго же рода* смѣлыми подвигами [1]), и въ этомъ отношеніи я слѣдовалъ самымъ замѣчательнымъ образцамъ.

«Развѣ Александръ, Аннибалъ и Цезарь, когда они сражались за всемірное господство, озабочены были своимъ путемъ отступленія? Если бы Александръ былъ разбитъ на берегахъ Инда? Если бы Аннибалъ не побѣдилъ при Каннахъ? Еслибы Цезарь былъ разбитъ

---

[1]) Т. е. это *были минуты* (обыкновенно эти минуты и встрѣчаются всегда непосредственно передъ боемъ), когда онъ рисковалъ и ставилъ все на карту, потому что, какъ видно изъ мѣръ, принятыхъ Наполеономъ въ инженерномъ, административномъ и тактическомъ отношеніяхъ съ точки обезпеченія отъ всякаго рода случайностей, его положеніе на р. Эльбѣ въ 1813 г. было, въ сущности, далеко не рискованно.

въ лѣсахъ Галліи, въ предгоріяхъ Диррахіума или въ дефилеяхъ Фарсала?

«Въ походѣ 1805 г. Пруссія готовилась напасть на меня, я находился въ Моравіи, мое отступленіе черезъ Германію было невозможно, но *я побѣдилъ* при Аустерлицѣ.

«Въ 1806 г., въ ту минуту, когда я втягивался въ дефилеи Тюренгервальда, Австрія готовилась напасть на меня съ тыла и Испанія вторгнуться черезъ Пиренеи, но *я побѣдилъ* при Іенѣ.

«1809 г., въ *ту минуту*, когда на границахъ Венгріи, я боролся съ Дунаемъ, Тироль находился въ возстаніи, Англичане наступали къ Антверпену, и я долженъ былъ опасаться отпаденія Россіи; опасность являлась для меня еще въ болѣе угрожающемъ видѣ, въ особенности когда я устремлялъ взглядъ на Пруссію; но *я побѣдилъ* при Ваграмѣ». (Las Cases IX. 282).

Указавъ на нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ средствъ къ обезпеченію операціонной линіи—перечислить ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности, потому что *вообще для достиженія какой бы то ни было цѣли служитъ безчисленное множество средствъ*,—приведемъ, между прочимъ въ заключеніе, выводъ по разобранному только-что вопросу одного изъ стратегиковъ-*геометровъ* [1]. «Безопасною—говоритъ онъ—можно считать операцію только тогда, когда непріятель вытѣсненъ изъ полукруга, котораго середина есть самый центральный субъектъ (mittelstes Subject) и котораго радіусъ (Halbmesser) равенъ пути дѣйствій», т. е., другими словами, отношеніе длины операціонной линіи къ длинѣ базы должно быть = 1:2. Положимъ, что длина базы, какъ выше и было приведено, имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ обезпеченія операціонной линіи, но зачѣмъ *все* приписывать базѣ и такъ абсолютно рѣшать вопросъ, допускающій, въ зависимости отъ обстановки, безконечное множество рѣшеній [2])?

§ 2.

Измѣненіе въ формѣ операціоныхъ линій, подъ вліяніемъ административныхъ условій, со введеніемъ реквизиціоннаго способа снабженія арміи запасами въ дополненіе къ магазинному.

Выше, при разборѣ сочиненія Ллойда (см. Вступленіе V), отчасти было указано какого рода вліяніе административныя условія обнаруживаютъ на боевую, тактическую сторону дѣла, именно: что, при магазинномъ способѣ исключительно, тактическая сторона терпитъ наибольшее стѣсненіе, а наименьшее при снабженіи арміи исключительно средствами края (при такъ называемомъ Ллойдомъ *татарскомъ образѣ веденія войны*).

---

[1]) Бюлова.

[2]) Какъ примѣръ превосходной оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ, которыя должны быть приняты въ разсчетъ при выборѣ операціонной линіи. См. *Приложеніе VI*.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія выработался нынѣшній образъ веденія войны, основанный на *совокупномъ* дѣйствіи обоихъ упомянутыхъ способовъ снабженія армій запасами. Очевидно, что нынѣшнія, сильныя по числу, арміи, при ихъ громадныхъ нуждахъ, не могутъ обходиться вовсе безъ магазиновъ, или, точнѣе, могутъ обходиться безъ нихъ только *временно*, въ періодъ быстрыхъ наступательныхъ движеній. Даже Французскія республиканскія арміи въ началѣ революціоныхъ войнъ и тѣ не жили исключительно на счетъ края, а большею частью пользовались захваченными ими непріятельскими магазинами, которые, по остроумному замѣчанію Бюлова, устраиваемы были Австрійскими военачальниками обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ ходятъ только гусарскіе разъѣзды, т. е. въ мѣстахъ не безопасныхъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ введенія реквизиціонной системы въ дополненіе къ магазинной было:

1) *Значительное измѣненіе въ длинѣ операціонныхъ линій.* При продовольствованіи войскъ исключительно изъ магазиновъ, армія не могла удалиться далѣе пяти переходовъ (100 верстъ) отъ своего магазина; иначе потребовалось бы такое громадное количество транспортныхъ средствъ, котораго ни одна армія не въ состояніи была бы имѣть. Такимъ образомъ черезъ каждые пять переходовъ армія, во время наступленія, должна была *останавливаться* для устройства магазина.

Понятно, что при такомъ условіи, о быстромъ рѣшительномъ наступленіи, а слѣдовательно о длинныхъ операціонныхъ линіяхъ и о дальнихъ завоеваніяхъ, не могло быть и рѣчи. Ллойдъ, писавшій подъ вліяніемъ обстановки, при которой ведены были войны прошедшаго столѣтія, полагаетъ, какъ уже выше было приведено, за крайній предѣлъ операціонной линіи, при достаточномъ ея въ то же время обезпеченіи, отъ 10 до 12 лье (40—48 верстъ). При длинѣ же ея въ 30 лье (120 верстъ) онъ считаетъ ее уже крайне опасною [1]). При реквизиціонномъ способѣ, длина операціонныхъ линій увеличилась въ обширныхъ размѣрахъ. Не говоря уже объ операціонной линіи

[1]) «Мнѣ кажется очевиднымъ и неподверженнымъ опроверженію то, что нѣтъ арміи, какъ бы велика или мала она ни была, которая могла бы дѣйствовать по операціонной линіи въ 30 лье (120 верстъ), если непріятель будетъ владѣть страной и если онъ будетъ настолько благоразуменъ, что станетъ уклоняться отъ боя». (Ллойдъ, 227).

Таковъ отзывъ Ллойда о длинѣ операціонной линіи, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что онъ вполнѣ вѣренъ въ отношеніи къ господствовавшимъ въ его время условіямъ, при исключительномъ снабженіи войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій изъ магазиновъ.

Въ подтвержденіе вывода Ллойда можно привести тотъ фактъ, что, во все время войны за наслѣдство Испанскаго престола, Австрійцы неоднократно переходили с.-восточную границу Франціи и ни разу не уходили въ глубь Франціи далѣе 40 верстъ. Самый дальній пунктъ, котораго они достигали, былъ *Ландресси*.

Наполеона въ 1812 г., имѣвшей 800 лье (3,200 верстъ) протяженія, достаточно припомнить протяженіе операціонныхъ линій его же въ кампаніяхъ 1805, 1809, 1806 и 1807 годовъ.

2) Другая отличительная черта въ операціонныхъ линіяхъ, послѣ переворота въ концѣ XVIII столѣтія, это — *распространеніе ихъ въ ширину.* Операціонная линія—терминъ этотъ былъ введенъ въ первый разъ Ллойдомъ вмѣстѣ съ внесеніемъ въ науку понятія о ней—никогда не была линіею въ буквальномъ смыслѣ, никогда не была и путемъ дѣйствій въ тѣсномъ значеніи, а всегда была сферою, зоною большаго или меньшаго протяженія въ ширину, заключающею въ себѣ обыкновенно нѣсколько путей. Ширина этой сферы измѣнялась въ разныя времена. Такимъ образомъ при *продовольствіи изъ магазиновъ,* во время Ллойда, когда арміи въ походѣ двигались сосредоточенно, почти въ боевомъ порядкѣ, зона имѣла весьма незначительную ширину (разстояніе между походными колоннами равнялось обыкновенно удаленію боевыхъ линій другъ отъ друга въ боевомъ порядкѣ), это былъ самый узкій поясъ, почти одинъ путь. Тогда и терминъ «операціонная линія», сохранившійся по настоящее время, былъ вполнѣ вѣренъ. Съ введеніемъ *реквизиціонаго* способа, когда появились многочисленныя арміи, которыя, вдобавокъ, начали существовать на счетъ края, служившаго театромъ военныхъ дѣйствій, когда, въ видахъ облегченія продовольствія, ихъ пришлось разбрасывать по нѣсколькимъ путямъ, иногда удаленнымъ на значительное разстояніе другъ отъ друга, операціонная линія значительно расширилась и обратилась въ операціонную зону (какъ бы и слѣдовало ее правильнѣе называть теперь), нерѣдко имѣющую около 100 верстъ и болѣе въ ширину и заключающую въ себѣ нѣсколько параллельныхъ путей (по опредѣленію генерала Жомини). Ширина операціонной зоны обусловливается ближе всего удаленіемъ непріятеля. По мѣрѣ сближенія съ нимъ, зона все болѣе и болѣе съуживается и обращается, наконецъ, въ линію на полѣ сраженія, даже въ точку на позиціи (вершина пути отступленія) [1].

Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что совершенно тоже можно сказать и объ *операціонной базѣ,* объ *основаніи дѣйствій.* При Ллойдѣ база была точкою, главнымъ магазиномъ арміи. Ллойдъ, заботясь о возможно полномъ обезпеченіи столь важной и столь опасной, въ его время, операціонной линіи, полагалъ наиболѣе дѣйствительными средствами въ этомъ отношеніи: *незначительное ея протяженіе и дѣйствіе сосредоточенными силами,* т. е. по *одной* операціонной линіи. Вотъ почему Ллойдъ, столь подробно изслѣдовавшій операціонную линію, не считалъ нужнымъ останавливаться на анализѣ базы, а только разъ вскользь упомянулъ о ней (стр. 273). У Бюлова, стре-

[1]) Не смотря на это, мы не рѣшаемся измѣнить термина, введеннаго Ллойдомъ, употреблявшагося Наполеономъ, наконецъ вошедшаго во всеобщее употребленіе, и полагаемъ вполнѣ правильнымъ, сохраняя его, понимать подъ нимъ *идеальную* линію, какъ то нами изложено было въ Вступленіи *(VII).*

мившагося къ той же цѣли, какъ Ллойдъ, къ возможно-полному обезпеченію операціонной линіи, но только противоположнымъ путемъ, не путемъ *сосредоточенія силъ*, какъ Ллойдъ, а путемъ ихъ *раздѣленія, наступленіемъ по концентрическимъ операціоннымъ линіямъ* (въ случаѣ потери одной, можно было перейти на другую) [1]), база изъ точки, какою она была у Ллойда, должна была у Бюлова обратиться въ сумму нѣсколькихъ точекъ, въ *линію*. Стремясь, такимъ образомъ, къ разрѣшенію вопроса объ обезпеченіи операціонной линіи путемъ раздѣленія силъ, дѣйствіями по нѣсколькимъ концентрическимъ операціоннымъ линіямъ, Бюловъ былъ невольно наведенъ на базу-линію и долженъ былъ разобрать ея свойства, что имъ отчасти и сдѣлано; имъ разобраны геометрическія свойства базиса. Подобно тому, какъ Ллойдъ первый уяснилъ понятіе объ операціонной линіи, Бюловъ первый установилъ понятіе о базѣ, но о *базѣ-линіи*.

При *магазинной системѣ* база была дѣйствительно линія, сумма точекъ, нѣсколькихъ магазиновъ, заложенныхъ въ корнѣ или на каждой операціонной линіи.

При *реквизиціонномъ* способѣ, при довольствіи армій на счетъ страны, понятно, что вся страна въ тылу или значительная часть ея должна была участвовать въ снабженіи арміи, т. е. обратиться въ *базу-зону*.

И, наконецъ, 3) ближайшимъ слѣдствіемъ этихъ измѣненій въ характерѣ операціонныхъ линій, собственно измѣненія ихъ длины, является *несравненно большая свобода въ военныхъ дѣйствіяхъ и меньшая зависимость ихъ отъ административныхъ условій*. Такимъ образомъ, одно изъ непремѣнныхъ условій при продовольствованіи войскъ изъ магазиновъ, *чтобы операціонная линія была вмѣстѣ съ тѣмъ и коммуникаціонною*, и что *передъ* тѣмъ, чтобы ею пользоваться, какъ операціонною линіею, необходимо было подготовить ее въ смыслѣ коммуникаціонной (свобода въ дѣйствіяхъ простиралась только на пять переходовъ впередъ отъ каждаго магазина), условіе это, со введеніемъ реквизиціоннаго способа, утрачиваетъ въ значительной степени свое прежнее значеніе. Извѣстнымъ направленіемъ можно было тотчасъ же воспользоваться въ смыслѣ операціонной линіи, для немедленнаго открытія цѣлаго ряда самыхъ быстрыхъ и смѣлыхъ военныхъ дѣйствій (1805 и 1809) на значительное разстояніе впередъ, не подготовляя *предварительно* этого направленія въ административномъ смыслѣ, что должно было составить уже предметъ *послѣдующихъ* распоряженій, *устройства тыла*.

Въ новѣйшихъ кампаніяхъ нерѣдко встрѣчаются операціонныя линіи, не являющіяся даже вовсе въ роли коммуникаціонныхъ линій. Такъ, напримѣръ, при открытіи похода 1805 г., Французы сначала наступали по двумъ операціоннымъ линіямъ (отъ Вюрцбурга къ Дунаю и отъ Рейна къ Дунаю), изъ которыхъ въ коммуникаціонную

---

[1]) Это была главная причина (прикрытіе сообщеній, дѣйствіе на сообщенія) проповѣдуемаго Бюловымъ ученія о раздѣленіи силъ.

линію, уже *впослѣдствіи*, по достиженіи Французами Дуная, обращается только путь, ведущій отъ Рейна къ Дунаю [1]). Такимъ образомъ, путь, направленіе отъ Вюрцбурга къ Дунаю, былъ операціонною линіею, не бывъ вовсе коммуникаціонною линіею, да и направленіе отъ Рейна къ Дунаю обратилось въ коммуникаціонную линію лишь *впослѣдствіи.*

Послѣ всего этого ясно, насколько военныя дѣйствія должны были выиграть въ свободѣ, въ независимости отъ административныхъ условій. Возможно ли было бы—не говоря уже о длинѣ операціонной линіи, простиравшейся отъ Майнца и Страсбурга до Ингольштадта—сосредоточеніе къ среднему Дунаю, въ столь короткое время [2]), на обширной дугѣ отъ Булони, чрезъ Голландію до Ганновера, разбросанныхъ Французскихъ войскъ, при магазинномъ способѣ довольствія, когда военныя дѣйствія были скованы хозяйственными условіями, когда къ нимъ можно было приступать не иначе какъ *послѣ* самой тщательной подготовки театра военныхъ дѣйствій въ административномъ отношеніи, т. е. устроить базисъ, отъ котораго нельзя было удалиться далѣе пяти переходовъ.

Для большаго еще уясненія того, насколько со введеніемъ реквизиціоннаго способа военныя дѣйствія освободились отъ административныхъ условій, возьмемъ примѣръ. Предположимъ, что дѣло идетъ *о перемѣнѣ операціонной линіи*, одной, какъ выше было замѣчено, изъ самыхъ деликатныхъ и, въ то же время, самыхъ важныхъ по результатамъ операцій. При *реквизиціонномъ* способѣ, не требующемъ столь тщательной, заблаговременной подготовки театра военныхъ дѣйствій въ административномъ отношеніи, операція эта исполняется довольно легко. Она можетъ быть исполнена въ каждую данную минуту и въ каждой точкѣ, лишь бы только хвостъ новой операціонной линіи можно было откинуть на заблаговременно заготовленную базу, которая можетъ быть удалена на *значительное* разстояніе отъ мѣста расположенія арміи; при *магазинномъ* же способѣ, этотъ маневръ могъ быть исполненъ лишь только тогда, когда отъ мѣста расположенія арміи по новой операціонной линіи до базы, до главнаго склада, было *не болѣе пяти переходовъ.* Такимъ образомъ, Наполеонъ, въ 1805 году, передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, базируясь на Вѣну, мѣняетъ свою операціонную линію, проходившую по правому берегу Дуная, на путь черезъ Иглау (сюда отряженъ былъ корпусъ Бернадотта), въ Пассау или Регенсбургъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ неудачи, отступать по странѣ неразоренной и изобилующей средствами, вмѣсто того чтобы возвратиться на Вѣну путемъ, который представлялъ только однѣ развалины и на которомъ, вдобавокъ

---

[1]) Путь изъ Шпейера на Гельброннъ, Аррингенъ, Галле, Эльвангенъ и Нордлингенъ.

[2]) 26-го и 27-го августа отданъ былъ приказъ о выступленіи изъ Булонскаго лагеря, 24-го сентября корпуса начали прибывать къ Рейну, а 6—8-го октября они подходили уже къ Дунаю и частью перешли его.

онъ могъ быть предупрежденъ Итальянскою арміею эрцгерцога Карла. Были и другія причины [1]), и между ними главная заключалась въ томъ, чтобы сбить Союзниковъ съ толку насчетъ того, гдѣ заходится наиболѣе чувствительная точка въ его расположеніи. Какъ извѣстно, цѣль эта была вполнѣ достигнута, потому что главныя усилія Союзниковъ направлены были противъ его праваго фланга, сообщеній съ Вѣною, съ правымъ берегомъ Дуная. Ближайшій опорный пунктъ на этой новой операціонной линіи, Пассау, отстоялъ отъ мѣста расположенія арміи у Брюнна на 300 верстъ, между тѣмъ какъ, при магазинномъ способѣ, операція эта возможна была бы только въ томъ случаѣ, когда бы онъ отстоялъ на 100 верстъ. Правда, тотъ же Наполеонъ, въ 1809 году, послѣ боя подъ Ландсгутомъ, передъ движеніемъ къ Экмюлю, мѣняетъ свою операціонную линію и, повидимому, поступаетъ значительно осторожнѣе. Во время наступленія его отъ Абенсберга на Ландсгутъ, онъ базировался на Дунай: на Регенсбургъ, на Кельгеймъ и Нейштадтъ. Поворотивъ отъ Ландсгута къ Экмюлю [2]), онъ базируется на заблаговременно приготовленную базу на Лехѣ, отстоящую только на 100 верстъ отъ мѣста расположенія его арміи у Ландсгута; но это, прежде всего, обстоятельство совершенно случайное; онъ настолько же имѣлъ бы право на вышеприведенный маневръ, если бы базировался не на Лехъ и Аугсбургъ, а хоть на Иллеръ и Ульмъ, отстоящій отъ Ландсгута около 200 верстъ. Да и осторожность, разъ какъ она не вредитъ рѣшительности, а лишь дополняетъ ее, никогда не можетъ считаться лишнею [3]).

§ 3.

Приложеніе масштаба для операціонныхъ линій къ нѣкоторымъ фактамъ.

Разсмотрѣвъ тѣ измѣненія, которыя произошли въ характерѣ новѣйшихъ операціонныхъ линій, вслѣдствіе введенія реквизиціоннаго способа снабженія армій, и разобравъ, по возможности вполнѣ, теоретическій масштабъ, служащій къ оцѣнкѣ достоинства ихъ, приминемъ его къ нѣкоторымъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ, для того чтобы ближе познакомиться съ безконечнымъ разнообразіемъ во *внѣшней, формальной* сторонѣ рѣшенія вопроса, въ зависимости отъ измѣненій въ обстановкѣ.

I. *Походъ 1809 г. Движеніе Наполеона отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ.* Послѣ взятія Французами Регенсбурга (23 апрѣля), Австрійскія

---

[1]) Невыгодное направленіе пути отступленія отъ фланга параллельно фронту....

[2]) Австрійцы въ то время уже овладѣли Регенсбургомъ и корпуса Колловрата и Бельгарда подходили къ Кельгейму.

[3]) По особенной важности вопроса «о перемѣнѣ операціонной линіи», онъ будетъ изслѣдованъ ниже, въ концѣ разбора вопроса «объ операціонныхъ линіяхъ вообще».

войска были раздѣлены Дунаемъ на двѣ отдѣльныя массы, вынужденныя, вдобавокъ, отступать въ направленіяхъ эксцентрическихъ, именно: главная масса, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла (80,000), отступала въ Богемію и около 40,000, подъ начальствомъ Гиллера и эрцгерцога Людвига, двигались къ Вѣнѣ, по правому берегу Дуная. Наполеону предстояло, такимъ образомъ, рѣшить вопросъ: *продолжать ли дальнѣйшее наступленіе по лѣвому или по правому берегу Дуная?* Онъ рѣшился на послѣднее. Нельзя не сознаться, что операціонное направленіе имъ было выбрано превосходно. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только прикинуть къ нему вышеприведенный теоретическій масштабъ, требующій, какъ объяснено было въ своемъ мѣстѣ, чтобы:

1) *Операціонная линія вела къ достиженію важной цѣли.* Условіе это было удовлетворено тѣмъ, что избранное Наполеономъ операціонное направленіе вело къ важнѣйшему пункту на театрѣ военныхъ дѣйствій—къ столицѣ Австріи, къ Вѣнѣ, съ занятіемъ которой Наполеонъ пріобрѣталъ весьма важныя выгоды въ матеріальномъ и особенно въ нравственномъ отношеніи.

2) *Она была кратчайшею и удобнѣйшею.* Въ отношеніи къ пути по лѣвому берегу Дуная, по которому отступалъ эрцгерцогъ Карлъ, представлявшему дугу (черезъ Пильзенъ, Будвейсъ...), путь, избранный Наполеономъ по правому берегу Дуная, являлся хордою, слѣдовательно былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и кратчайшій. Будучи кратчайшимъ, онъ, въ то же время, былъ и *удобнѣйшимъ*, потому что Дунай протекалъ съ боку. Пользуясь этимъ, можно было всѣ тяжести или, по крайней мѣрѣ, большую часть изъ тяжестей при арміи направить водою и доставить, такимъ образомъ, арміи возможность, идя налегкѣ, *предупреждать* эрцгерцога Карла на всѣхъ переправахъ. Владѣя Дунаемъ, можно было обезпечить съ лѣваго фланга опасный фланговый маршъ на Вѣну и, что въ особенности важно, предупредить эрцгерцога Карла подъ стѣнами столицы и, безъ помѣхъ съ его стороны, переправиться черезъ Дунай.

и 3) *Она была безопасною.* Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мѣры, принятыя Наполеономъ, особенно поучительны:

а) *Во время марша* (т. е. обезпеченіе операціонной линіи, въ смыслѣ пути дѣйствій) [1]). Независимо отъ того, что, при вышеприведенномъ условіи (переправы черезъ Дунай въ рукахъ Французовъ, которые, двигаясь налегкѣ и, притомъ, въ кратчайшемъ направленіи, повсюду предупреждаютъ эрцгерцога Карла), движеніе съ лѣваго фланга, съ наиболѣе опасной стороны, было прикрыто Дунаемъ, Наполеонъ направилъ вдоль по правому берегу Дуная *цѣлый рядъ боковыхъ авангардовъ.* Впереди прочихъ шелъ корпусъ *Массены*, которому поручено было двигаться непосредственно вдоль по правому

---

[1]) Операціонная линія должна быть разсматриваема какъ путь дѣйствій (путь наступленія или отступленія) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще какъ путь подвозовъ (коммуникаціонная линія).

*

берегу Дуная, постоянно разъединяя эрцгерцоговъ и предупреждая ихъ попытки къ соединенію во всѣхъ пунктахъ на Дунаѣ, служащихъ для перехода изъ Богеміи въ Баварію и обратно. Далѣе: корпусу *Даву* (30,000) поручено было, съ демонстративною цѣлію, двинуться первоначально вслѣдъ за эрцгерцогомъ Карломъ отъ Регенсбурга, по направленію на Богемію, и затѣмъ, когда онъ перейдетъ Богемскую границу, оставить для наблюденія за нимъ кавалерію Монбрена, съ остальными же войсками вернуться къ Регенсбургу и двинуться вслѣдъ за Массеною съ такимъ, приблизительно, разсчетомъ, чтобы занимать Штраубингъ, когда Массена будетъ двигаться въ Пассау, и занимать Пассау, когда онъ будетъ двигаться къ Линцу. Вслѣдъ за Даву, съ уходомъ его изъ Регенсбурга, этотъ важный пунктъ должна была занять дивизія *Дюпа* (10,000). И этому отряду приказано было идти за Даву на Штраубингъ, Пассау и Линцъ. Наконецъ, *Бернадотту* съ Саксонскими войсками приказано было двинуться изъ Дрездена къ Регенсбургу и слѣдовать отсюда за прочими войсками внизъ по Дунаю. Такимъ образомъ, Дунай и направленіе по правому берегу его войскъ: Массены, Даву, Дюпа и Бернадотта [1]) обезпечивали это движеніе *слѣва*. Справа, какъ замѣчено было выше, въ виду значительно меньшей опасности, вполнѣ было достаточно отряженія корпуса Лефевра, сперва къ Мюнхену, а потомъ въ Тироль.

б) *Въ первое время расположенія подъ Вѣною*, Наполеономъ были приняты слѣдующія мѣры къ обезпеченію слѣва его длинной операціонной линіи отъ Вѣны къ Регенсбургу (на этотъ разъ уже въ смыслѣ пути отступленія и коммуникаціонной линіи): 30,000 *Даву* расположены были на пространствѣ между Вѣною и Кремсомъ; 10,000 *Вандамма* находились въ Линцѣ; 19,000 *Бернадотта* въ Пассау и 6,000 *Руйе* въ Регенсбургѣ. Подобная масса войска, около 65,000, эшелонированная вдоль по пути отступленія, конечно обезпечивала его, но въ значительныхъ размѣрахъ ослабляла Наполеона на главномъ пунктѣ, подъ Вѣною, гдѣ онъ имѣлъ только 60,000 (Ланнъ, Массена и гвардія), которыя, правда, могли быть въ весьма короткое время усилены 30,000 Даву. Въ видахъ сокращенія расхода войскъ, при возможно-полной безопасности, въ то же время, операціонной линіи, Наполеонъ приказалъ устроить рядъ двойныхъ тетъ-де-поновъ: у Пассау, Линца, Кремса и, сверхъ того, укрѣпить монастыри Готвей и Мелькъ, такъ что,—

и г) *Въ послѣдній періодъ расположенія Наполеона подъ Вѣною*, благодаря вышеприведеннымъ мѣрамъ для охраненія длинной операціонной линіи отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ, было вполнѣ достаточно 10,000 *Вандамма* на пространствѣ отъ Вѣны до Линца и *двухъ*

---

[1]) Приближаясь къ Вѣнѣ, пришлось нѣсколько измѣнить вышеприведенный порядокъ слѣдованія войскъ (См. ниже «О маршахъ»). Съ фронта движеніе было прикрыто авангардомъ Бессіера (14,000).

слабыхъ Баварскихъ дивизій на пространствѣ отъ Линца до Регенсбурга (всего около 20,000 вмѣсто 65,000 [1]).

II. *Походъ 1814 г.* Выбранная Союзниками (главною арміею Шварценберга), при вступленіи ихъ въ предѣлы Франціи, *операціонная линія отъ Базеля черезъ Везуль на Лангръ* также вполнѣ удовлетворяла вышеприведенному теоретическому масштабу:

1) *Она вела къ достиженію важной цѣли* — къ занятію Парижа.

2) *Была удобнѣйшею и кратчайшею* (какъ выше было объяснено).

3) *Безопасною.* Обезпеченіе операціонной линіи потребовало, на этотъ разъ, отдѣленія значительнаго числа войска для блокады крѣпостей, оставленныхъ въ тылу—около 110,000. Располагая 240,000, Шверценбергъ прибылъ на главный театръ военныхъ дѣйствій только съ 130,000 [2]).

III. *Походъ 1805 г.* Операціонная линія, выбранная Наполеономъ при открытіи похода, также вполнѣ удовлетворяла вышеприведеннымъ условіямъ:

1) *Она вела къ достиженію важной цѣли.* Предметомъ дѣйствій была непріятельская армія, собственно ея длинная операціонная линія, ничѣмъ не прикрытая: ни оставленіемъ достаточнаго числа войскъ въ тылу, ни занятіемъ и обезпеченіемъ важнѣйшихъ переправъ черезъ Дунай (какъ то было сдѣлано Наполеономъ на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1809 г.); даже Дунай не прикрывалъ ее, что подтверждается ближе всего тѣмъ, какъ совершился самый фактъ.

2) *Была кратчайшею и удобнѣйшею.* Не только *стратегія* (какъ видно изъ разбора предъидущаго условія масштаба), но и *топографія*, т. е. свойства театра военныхъ дѣйствій, указывали на направленіе, выбранное Наполеономъ, прежде всего потому, что сѣверная часть Шварцвальдскихъ горъ доступнѣе прочихъ; далѣе потому, что направленіе это заключало въ себѣ *три*, даже *четыре* весьма удобныя дороги: а) изъ Карлсруэ на Пфорцгеймъ, Штутгардтъ, Эсслингенъ, Геппингенъ и Гейденгеймъ (160 верстъ); б) отъ этой дороги у Штутгардта отдѣлялась вѣтвь на Людвигсбургъ, Гмюндъ, Ааленъ

---

[1]) Дальнѣйшія мѣры, принятыя Наполеономъ, въ промежутокъ времени между Асперискимъ и Ваграмскимъ сраженіями, къ обезпеченію арміи съ фронта и съ праваго фланга, указаны будутъ ниже, при разборѣ вопроса «объ обезпеченіи расположенія армій на театрѣ военныхъ дѣйствій».

[2]) Нѣсколькими днями позже главной арміи Шварценберга, вступила въ предѣлы Франціи Силезская армія Блюхера (90,000). Она должна была переправиться черезъ Рейнъ между Мангеймомъ и Кобленцомъ и продолжать дальнѣйшее наступленіе черезъ Мецъ, Нанси къ Бріенну, куда Блюхеръ прибылъ только съ 26,000, такъ что и имъ, въ видахъ обезпеченія своей операціонной линіи, для блокады и наблюденія за крѣпостями въ тылу, оставлено было 64,000. Фактъ этотъ, между прочимъ, показываетъ насколько крѣпости, даже и тогда, когда онѣ не дѣлаются ближайшимъ предметомъ дѣйствій, а обходятся, способны принести существенную пользу, оттягивая значительную часть силъ наступающей арміи.

и Нересгеймъ (190 верстъ); в) изъ Шпейера на Гейльброннъ, Галле, Эльвангенъ, Нордлингенъ (200 верстъ) и г) изъ Мангейма на Гейдельбергъ, Неккаръ-Эльцъ, Ингельфингенъ и Эттингенъ (230 верстъ),

и 3) *Безопасною.* Безопасность операціонной линіи, на этотъ разъ, достигается необыкновенною *быстротою* движенія *и цѣлымъ рядомъ боковыхъ авангардовъ* (сперва Ланнъ и кавалерія Мюрата со стороны Страсбурга; далѣе 45,000 войскъ, сосредоточенныхъ Наполеономъ къ 3-му октября между Штутгардтомъ и Людвигсбургомъ, и, наконецъ, корпусъ Нея), достигавшихъ двойной цѣли: они отводили вниманіе непріятеля отъ главной массы, спѣшившей, въ это время, форсированными маршами на сообщенія Макка, и прикрывали, въ то же время, справа ея движеніе. Совокупностью всѣхъ этихъ мѣръ, необыкновенною *быстротою* и *скрытностью*, объясняется какъ успѣхъ маневра Наполеона вообще, такъ въ особенности и *безопасность его операціонной линіи*, разсматриваемой на этотъ разъ нами въ смыслѣ только пути дѣйствій [1]). (Подробный разборъ этихъ мѣръ см. «О маршахъ».)

IV. *Походъ 1796 г.* Операціонныя линіи, выбранныя генераломъ Бонапарте, должны быть разсматриваемы въ три различные періода:

А. *До перемирія въ Хераско* операціонною линіею служитъ первоначально дорога изъ Савонны въ Александрію, ведущая на центръ непріятельскихъ войскъ (100,000; у Бонапарте 40,000), растянутыхъ около 100 верстъ отъ Генуи до Col di Tende. Генералъ Бонапарте ближайшею цѣлію ставитъ: отдѣлить Сардинцевъ отъ Австрійцевъ. Далѣе, когда, послѣ Монтенотте и Дего, эта цѣль была достигнута, генералъ Бонапарте мѣняетъ первоначальную операціонную линію, Александрійскую дорогу, и направляется по Туринской, на Чеву и Хераско, имѣя въ виду покончить дѣло съ Сардинцами. Обѣ эти операціонныя линіи вполнѣ удовлетворяли двумъ первымъ условіямъ вышеприведеннаго масштаба и только отчасти третьему. Такимъ образомъ, *обѣ онѣ ведутъ къ достиженію важной цѣли:* первая къ разобщенію Сардинцевъ отъ Австрійцевъ, а вторая къ довершенію отдѣльнаго пораженія Сардинцевъ. Обѣ онѣ могутъ считаться отчасти *безопасными*, благодаря необыкновенной быстротѣ въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ; но надо замѣтить, вообще, что въ этотъ періодъ кампаніи генералъ Бонапарте былъ *слабо базированъ: у него почти базы не было*, онъ базировался на Савонну. Особенно опасно было положеніе его при движеніи къ Чевѣ и Хераско (положеніе весьма близко подходившее къ положенію Беннигсена передъ Фридландскимъ сраженіемъ), путь отступленія его почти на флангѣ, база точка и въ тылу Альпы и Апеннины. Съ одной стороны, этотъ

---

[1]) Исключая только періода времени съ 9—14 октября, со дня Гинцбургскаго до Эльхингенскаго боя, когда, благодаря ошибочнымъ распоряженіямъ Мюрата, на лѣвомъ берегу Дуная оставлены были только 6 т. Дюпона и драгуны Барагe д'Илліе.

рискъ былъ неизбѣженъ при той обстановкѣ, въ которой генералъ Бонапарте находился, съ другой — онъ могъ разсчитывать, что, въ случаѣ успѣха, побѣда доставитъ ему базу, какъ то дѣйствительно и было. Само собою разумѣется, что при неудачѣ ему пришлось бы дорого поплатиться. Наконецъ, *обѣ его операціонныя линіи были кратчайшими* и *удобнѣйшими* путями къ достиженію поставленной цѣли, въ чемъ нетрудно убѣдиться на картѣ. Первая изъ нихъ должна быть разсматриваема какъ удобнѣйшая собственно еще и потому, что, для перехода черезъ Альпы, выбрано было то мѣсто, гдѣ Альпы, соединяясь съ Апеннинами, представляютъ наименьшую преграду.

Б. *Во второй періодъ*, послѣ перемирія въ Хераско, генералъ Бонапарте обращается исключительно противъ Болье, сосредоточившаго всѣ свои силы близъ Валенцы. Выборъ операціоннаго направленія генераломъ Бонапарте можетъ быть названъ образцовымъ; оно вполнѣ удовлетворяло вышеприведенному масштабу: во-первыхъ, *вело къ достиженію весьма важной цѣли* — предметомъ дѣйствій была непріятельская армія, вѣрнѣе: сообщенія ея. Генералъ Бонапарте ставитъ себѣ задачею обойти по правому берегу рѣки По главныя силы Австрійцевъ, сосредоточенныя на лѣвомъ берегу ея. Чѣмъ обходъ этотъ былъ бы далѣе продолженъ, тѣмъ бо̀льшее число весьма сильныхъ оборонительныхъ линій, которыя представляли Австрійцамъ притоки лѣваго берега По, было бы обойдено и тѣмъ къ болѣе поспѣшному, а слѣдовательно, и къ болѣе безпорядочному отступленію, была бы вынуждена Австрійская армія. Съ этой точки, конечно, выгоднѣе всего было бы продолжить обходъ до линіи Минчіо, до крѣпостей четыреугольника; но, съ одной стороны, недостатокъ средствъ для скораго устройства моста, а съ другой, то соображеніе, что чѣмъ обходное движеніе длиннѣе, тѣмъ труднѣе скрыть его, тѣмъ, слѣдовательно, успѣхъ его дѣлается болѣе сомнительнымъ, — все это заставляетъ генерала Бонапарте длину предположеннаго имъ обходнаго движенія (слѣдовательно и операціонной линіи) ограничить Піаченцею. Во-вторыхъ, выбранная генераломъ Бонапарте операціонная линія была *удобнѣйшею, слѣдовательно и кратчайшею*, сравнительно съ тою, которая имъ могла бы быть выбрана по лѣвому берегу рѣки По, потому что, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, онъ долженъ былъ бы преодолѣть сопротивленіе всей Австрійской арміи на цѣломъ рядѣ превосходныхъ позицій, представляемыхъ, какъ выше замѣчено, лѣвыми боковыми притоками рѣки По, текущими съ первоклассснаго хребта, между тѣмъ какъ двигаясь по правому берегу рѣки По, онъ обходилъ и армію Австрійскую и означенныя позиціи; правые же притоки рѣки По, какъ текущіе съ второклассснаго хребта, не могли представить серіозной преграды. Наконецъ, операціонное направленіе генерала Бонапарте изъ окрестностей Валенцы къ Піаченцѣ могло считаться вполнѣ *безопаснымъ* какъ потому, что, на этотъ разъ, онъ базировался уже на Піемонтскія

крѣпости, такъ и по особенной скрытности и быстротѣ, съ которою было исполнено движеніе къ Піаченцѣ [1]).

В. *Въ третьемъ періодѣ*, по характеру рѣзко отличающемуся отъ первыхъ двухъ, когда генералу Бонапарте пришлось остановить свое рѣшительное наступленіе подъ стѣнами крѣпости Мантуи и обратиться къ оборонительнымъ дѣйствіямъ, операціонныя линіи, имъ выбранныя, во время четырехъ наступательныхъ движеній Австрійцевъ, предпринятыхъ съ цѣлію освобожденія крѣпости Мантуи отъ блокады, вполнѣ удовлетворяли условіямъ вышеприведеннаго теоретическаго масштаба. Всѣ они имѣли ближайшею *цѣлію*, предметомъ дѣйствій, непріятельскую армію, наступавшую обыкновенно по длинной дугѣ круга раздробленными частями. Находясь въ центрѣ этого круга, по которому наступали Австрійцы, генералъ Бонапарте, по *кратчайшимъ* разстояніямъ (по радіусамъ), бросался то противъ одной изъ отдѣльныхъ частей, то противъ другой и билъ ихъ по одиночкѣ. Такимъ образомъ имъ были разбиты послѣдовательно четыре Австрійскія арміи: при Лонато, Кастильоне, Ровередо, Бассано, Арколе и Риволи. Наконецъ, операціонныя линіи генерала Бонапарте вполнѣ удовлетворяли, въ то же время, и условію *безопасности*, потому что, независимо отъ необыкновенной быстроты въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ его, онѣ были центральными, внутренними по отношенію къ непріятельскимъ внѣшнимъ, слѣдовательно допускали, сравнительно съ непріятелемъ, скорѣйшее сосредоточеніе силъ. (См. ниже, «О внутреннихъ и внѣшнихъ операціонныхъ линіяхъ».)

V. *Походъ 1800 года* (въ Италіи). Операціонное направленіе, выбранное первымъ консуломъ отъ Женевы черезъ Сенъ-Бернаръ, Миланъ, на сообщенія Австрійской арміи Меласа, можетъ также считаться образцовымъ [2]): оно вполнѣ удовлетворяло условіямъ вышеприведеннаго теоретическаго масштаба. Во-первыхъ, *оно вело къ достиженію важной цѣли*: предметомъ дѣйствій была непріятельская армія, ея операціонная линія, которая хотя и была длинна, но которую въ то же время Австрійскій главнокомандующій считалъ вполнѣ безопасною, обезпеченною непроходимостью Альпъ (по крайней мѣрѣ, для значительныхъ силъ, для цѣлой арміи); къ проходамъ Альпійскимъ, сверхъ того, были выдвинуты довольно сильные отряды: 12,000 (Каймъ) къ Сенису, 9,000 (Гаддикъ) къ Иврѣ и 10,000 (Вукасовича) къ Сенъ-Готарскому дебуше. Пользуясь выдающимся положеніемъ Швейцаріи и тѣмъ въ особенности, что Австрійцы упустили изъ виду ее занять, благодаря чему Австрійскія арміи, дѣйствовавшія въ Германіи и въ Италіи, были совершенно отдѣлены другъ отъ друга, не считая Альпійской гряды непроходимою преградою и зная, что противникъ считаетъ ее таковою,—первый консулъ рѣшился вторг-

[1]) Подробнѣе будетъ изложено ниже, въ статьѣ «о стратегическихъ обходахъ».

[2]) См. *Приложеніе VI*.

нуться въ Швейцарію, перейти Альпы и, такимъ образомъ, совершенно неожиданно явиться на сообщеніяхъ Австрійской арміи, которой одна часть блокировала Массену въ Генуѣ, а другая находилась близъ рѣки Варъ, для наблюденія за Сюше. Во-вторыхъ, выбранное первымъ консуломъ направленіе было *удобнѣйшее и кратчайшее*, конечно насколько то позволяла обстановка. Онъ не могъ выбрать направленія на Сенисъ: подобнаго рода наступленіе привело бы его не на сообщенія Австрійской арміи, а на ея фронтъ. Онъ не могъ выбрать Сенъ-Готара, какъ по значительному удаленію его, такъ и потому, что этотъ путь уже былъ занятъ: здѣсь должны были пройти войска, направленныя Моро изъ Германіи на подкрѣпленіе Италіянской арміи (15 — 20,000 Монсея). Оставался, слѣдовательно, выборъ между Симплономъ и Сенъ-Бернаромъ. Оба пути представляли одинаковыя затрудненія, какъ въ отношеніи движенія, такъ и въ отношеніи продовольствія арміи; но послѣдній былъ нѣсколько короче перваго (верстъ около 70); его и выбираетъ первый консулъ.

Въ-третьихъ, означенное операціонное направленіе могло считаться, то же время, и вполнѣ *безопаснымъ*: а) *какъ путь наступленія*, благодаря необыкновенной быстротѣ, скрытности, а вслѣдствіе того и внезапности появленія арміи перваго консула на сообщеніяхъ Меласа, окончательно повѣрившаго переходу черезъ Альпы *цѣлой арміи* только тогда, когда эта армія заняла Миланъ, когда она успѣла уже перехватить его сообщенія съ Вѣною по лѣвому берегу рѣки По, короче—когда маневръ былъ уже оконченъ, и б) *какъ коммуникаціонная линія и путь отступленія*, означенное операціонное направленіе получило самое полное обезпеченіе, благодаря цѣлому ряду превосходныхъ мѣръ, принятыхъ, въ этомъ отношеніи, генераломъ Бонапарте. Во время расположенія Французскихъ войскъ на знаменитой позиціи у Страделлы, первымъ консуломъ сдѣланы были слѣдующія распоряженія: позиція у Страделлы была занята 32,000 лучшихъ Французскихъ войскъ [1]), предводимыхъ Ланомъ, Викторомъ и Мюратомъ. Дивизія Шабрана, перешедшая Альпы черезъ Малый Сенъ-Бернаръ, овладѣвъ замкомъ Баръ и крѣпостью Ивреею, переведена была въ Верчиле. Ей приказано было отойти за рѣку Тичино, въ случаѣ приближенія непріятеля. Дивизія Лапоипа, прибывшая черезъ Сенъ-Готаръ, расположена была въ Павіи, непосредственно за Тичино. Въ обѣихъ дивизіяхъ считалось отъ 8 до 10,000—число, достаточное для удержанія непріятеля на лѣвомъ берегу По до прибытія главныхъ силъ (сутки). Отрядъ Бетанкура занималъ Арону, прикрывая путь на Сенъ-Готаръ, путь отступленія Французской арміи, въ случаѣ неудачи. Дивизія Жилли (3—4,000) занимала Миланъ (цитадель въ это время еще была занята Австрійцами). Дивизія Лоржа занимала Лоди на рѣкѣ Аддѣ. Наконецъ, дивизія Лоазона, подъ начальствомъ Дюгема, занимала

[1]) Дивизіи: Ватрена, Шамберлака, Гарданна, Буде и Монніе.

Піаченцу и Кремону. Въ обѣихъ послѣднихъ было отъ 10 до 11,000. Итакъ, 32,000 въ Страделлѣ, отъ 9 до 10,000 по рѣкѣ Тичино, отъ 3 до 4,000 въ Миланѣ и Аронѣ и отъ 10 до 11,000 на нижнемъ По и Аддѣ, всего отъ 54 до 57,000 Французскихъ войскъ (у Меласа было 75,000, изъ числа которыхъ 25,000 вошли въ составъ гарнизоновъ крѣпостей), расположенныхъ такъ, что они могли быть сосредоточены, въ самое короткое время, къ угрожаемому пункту. Однихъ сутокъ достатотно было, чтобы притянуть главныя силы къ Тичино или къ Піаченцѣ, и 2-хъ сутокъ, чтобы стянуть ихъ у Милана или въ окрестностяхъ Тортоны. Внимательный разборъ вышеприведеннаго распредѣленія силъ обнаружитъ въ какой мѣрѣ Наполеонъ былъ великимъ мастеромъ въ трудномъ дѣлѣ *соединенія рѣшительности съ осторожностью.* И дѣйствительно, онъ не только смотритъ впередъ—нельзя было лучше распорядиться, чтобы запереть Меласу три пути къ его спасенію (центральная позиція у Страделлы),— но не забываетъ и тыла, который имъ, въ эту минуту, былъ превосходно обезпеченъ, чѣмъ если не совсѣмъ была уничтожена, то, по крайней мѣрѣ, значительно ослаблена критическая сторона маневра. Переходъ черезъ По обезпеченъ въ Бельджіойзо, Піаченцѣ и Кремонѣ; Адда и Тичино въ его рукахъ; Миланъ имъ занятъ, равно какъ и Павія, Иврея, Баръ и Арона; путь отступленія, на случай неудачи, вполнѣ обезпеченъ, и не одинъ, а два: черезъ Сенъ-Бернаръ (Иврея и Баръ) и черезъ Сенъ-Готаръ (Арона); дальнѣйшій черезъ Швейцарію свободенъ и какъ нельзя лучше прикрытъ тѣмъ выгоднымъ положеніемъ, въ которое на Германскомъ театрѣ сталъ Моро относительно края. Благодаря всему этому, успѣхъ маневра получилъ самое полное обезпеченіе, и формула *«кто обходитъ, тотъ и самъ обойденъ»*, столь вѣрно характеризующая значеніе всякаго маневра-обхода, была блистательно нарушена Наполеономъ въ свою пользу [1]).

VI. *Походъ 1814 г. Первое наступательное движеніе Союзниковъ къ Парижу. Операціонныя линіи Союзниковъ и Наполеона.*

Разбирая дѣйствія обѣихъ сторонъ съ точки выбора операціонныхъ линій, мы замѣчаемъ, что Союзники дѣйствуютъ по двумъ операціоннымъ линіямъ (*двойныя* операціонныя линіи), по долинамъ рѣкъ: Марны—армія Блюхера и Сены—армія Шварценберга. Это раздѣленіе силъ мотивируется опасеніемъ встрѣтить затрудненія по административной части, превосходствомъ въ силахъ надъ непріятелемъ и въ особенности нравственными качествами, характеромъ обоихъ полководцевъ. Слѣдовательно, оно отвѣчало обстановкѣ; но, допуская его, необходимо было принять мѣры къ связи двухъ отдѣльныхъ массъ, въ особенности къ *внутренней* между ними связи, т. е. къ объединенію начальствованія надъ ними въ однѣхъ рукахъ,

[1]) Чтобы ближе убѣдиться въ этомъ, стоитъ только съ точки вышеприведенной формулы разобрать то положеніе, въ которомъ, до Маренгскаго сраженія, находились Австрійская и Французская арміи.

назначеніемъ одного общаго главнокомандующаго [1]), что было бы возможно, если бы одинъ изъ монарховъ принялъ бы, хоть на время этой операціи, на себя званіе главнокомандующаго, или же, по крайней мѣрѣ, установить между ними, такъ сказать, *внѣшнюю* связь, т. е. выслать премежуточный отрядъ. Послѣдняя мѣра, хотя и имѣлась въ виду, но не была приведена въ исполненіе, благодаря чему лѣвый флангъ арміи Блюхера во время марша подвергался опасности неожиданной атаки, какъ оно дѣйствительно и случилось.

Прикидывая масштабъ для операціонной линіи къ линіямъ Союзниковъ, мы видимъ, что *операціонная линія Блюхера* вполнѣ удовлетворяла двумъ первымъ условіямъ, т. е. *была удобнѣйшею и кратчайшею;* но не удовлетворяла третьему, *не была безопасною,* что, въ свою очередь, объясняется: а) отсутствіемъ вышеупомянутой связи; б) отсутствіемъ въ отрядѣ Олсуфьева, наиболѣе подверженномъ опасности неожиданной атаки, кавалеріи, рода войскъ, въ спеціальность котораго входитъ развѣдывательная служба, и, наконецъ, в) страшною разброскою силъ.

Если прикинуть тотъ же масштабъ къ *операціонной линіи Шварценберга,* то окажется, что она удовлетворяла всѣмъ тремъ условіямъ [2]), *но тѣмъ не менѣе она ни къ чему не привела и не могла привести.* Разгадку этого стратегическаго курьеза, иначе мы не беремся его назвать, надо искать въ *недѣятельности* (non activité) Шварценберга; а извѣстно, какое значеніе принадлежитъ дѣятельности на войнѣ и вообще въ жизни. *Тотъ, кто болѣе дѣятеленъ,* (само собою разумѣется при дѣятельности хорошо направленной), *всегда одерживаетъ верхъ надъ тѣмъ, кто менѣе дѣятеленъ:* — это законъ.

Обращаясь къ дѣйствіямъ Наполеона, мы замѣчаемъ, что и онъ дѣйствуетъ по двумъ операціоннымъ линіямъ, явленіе весьма естественное, разъ какъ непріятель дѣйствуетъ по двумъ операціоннымъ линіямъ.

Прикидывая къ нимъ вышеприведенный масштабъ, собственно къ его операціонной линіи противъ Блюхера, мы видимъ, что она какъ нельзя болѣе удовлетворяла всѣмъ тремъ условіямъ его въ со-

---

[1]) «....Слѣдуетъ избѣгать раздѣленія силъ на одной и той же операціонной зонѣ, на двѣ независимыя другъ отъ друга арміи. Это могло бы быть допущено развѣ въ случаѣ большихъ коалицій, или когда силы будутъ настолько велики, что нельзя ихъ будетъ двинуть по одному направленію, во избѣжаніе значительнаго ихъ скопленія, скорѣе опаснаго, чѣмъ полезнаго; но и въ этихъ случаяхъ *лучше подчинять ихъ одному общему главнокомандующему,* который находился бы при главной арміи» (Jomini, Précis de l'art de la guerre I. 226), что и было буквально исполнено Пруссаками въ кампанію 1866 г.

[2]) Хотя, вслѣдствіе отсутствія упомянутой связи, правый флангъ ея, повидимому, находился въ такомъ же опасномъ положеніи какъ и лѣвый флангъ арміи Блюхера, но не слѣдуетъ забывать, что одна дѣйствительно двигалась, а другая почти стояла на мѣстѣ.

вокупности, именно: 1) *вела къ достиженію важной цѣли*—на флангъ разбросанной и дурно охраняемой арміи; 2) *была кратчайшею и удобнѣйшею.* Въ послѣднемъ отношеніи хотя и неудобнѣйшею для движенія собственно, но удобнѣйшею для внезапнаго появленія, что должно считаться гораздо выше, и 3) *была безопасною*, что объясняется *скрытностію* и *быстротою* (дѣятельностью), съ которыми исполнено было движеніе къ Шампоберу.

Примѣчаніе. Бѣглый очеркъ перваго наступательнаго движенія Союзниковъ къ Парижу помѣщенъ въ *Приложеніи V.*

VII. *Походъ 1813 года. Выборъ операціонныхъ направленій Наполеономъ и Союзниками въ періодъ дѣйствій непосредственно послѣ перемирія.*

При открытіи военныхъ дѣйствій послѣ перемирія, главная масса Французскихъ войскъ расположена была частію впереди линіи Эльбы: Удино 70,000 у Луккау и Ней съ 100,000 близъ Силезской границы, частію по Эльбѣ: 130,000 у Дрездена и 30,000 по нижней Эльбѣ (Даву), не считая гарнизоновъ въ крѣпостяхъ по Эльбѣ.

На ученные, съ одной стороны, опытомъ войны 1812 года, относительно трудности управленія и содержанія значительныхъ силъ, сосредоточенныхъ на одной операціонной линіи, а съ другой — поставленные въ необходимость прикрыть одновременно доступы къ Берлину, Вѣнѣ и Бреславлю, и, наконецъ, не имѣя генерала, способнаго стать во главѣ полумилліонной арміи, Союзники раздѣлили свои силы (520,000) на три главныя массы: 1) *главная армія* (Богемская армія) 260,000), подъ начальствомъ Шварценберга, собиралась въ Богеміи, у Будина; 2) *Силезская армія* (100,000), подъ начальствомъ Блюхера, собиралась между Швейдницемъ и Олау; 3) *Сѣверная армія* (160,000, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Шведскаго, сосредоточивалась въ окрестностяхъ Берлина и 4) отдѣльный корпусъ (Вальмодена) собирался у Гадебуша для наблюденія за Даву. Наполеонъ, находясь, подобно тому какъ въ 1796 году въ окрестностяхъ Мантуи, въ центрѣ круга, на окружности котораго были расположены войска Союзниковъ, предполагалъ, опираясь на Дрезденъ, какъ на базу, и пользуясь своимъ центральнымъ положеніемъ, устремляться то противъ одной, то противъ другой изъ Союзныхъ армій и бить ихъ по частямъ.

Союзники, со своей стороны, вѣрно цѣня выгоды, представляемыя Наполеону его центральнымъ положеніемъ, составили въ Трахенбергѣ планъ, точное исполненіе котораго должно было лишить Наполеона возможности къ одержанію успѣха надъ которою-либо изъ армій отдѣльно, именно: всѣ войска положено было постоянно устремлять туда, гдѣ будутъ находиться главныя силы Наполеона (le camp de l'ennemi sera leur rendez-vous). Рѣшительныя дѣйствія возлагались только на одну Богемскую армію, какъ на сильнѣйшую сравнительно съ прочими. Эти послѣднія, избѣгая вступленія въ рѣшительный бой съ главными силами противника, должны были наступать только въ томъ случаѣ, когда на ихъ сторонѣ будетъ прево-

сходство въ силахъ, или же когда представится случай дѣйствовать на сообщенія непріятеля [1]).

Таковы были силы, расположеніе и планы обѣихъ сторонъ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ августѣ 1813 года.

Въ вышеразобранныхъ фактахъ, кромѣ только что разобраннаго *перваго* наступательнаго движенія Союзниковъ къ Парижу въ 1814 г., въ которомъ обѣ стороны дѣйствовали по *двойнымъ* операціоннымъ линіямъ, намъ преимущественно приходилось имѣть дѣло съ *одною (простою)* операціонною линіею; на этотъ разъ мы встрѣчаемъ дѣйствія по тремъ операціоннымъ линіямъ, т. е. *тройныя* операціонныя линіи. Дѣйствія по одной операціонной линіи отвѣчаютъ условію *сосредоточенія силъ;* дѣйствія по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ, наоборотъ,—*раздѣленію силъ*. Хотя и казалось бы, что сосредоточенію силъ слѣдуетъ отдать преимущество передъ раздѣленіемъ ихъ, но это далеко не безусловно. Обстановка, подобно тому какъ было въ разбираемомъ фактѣ и въ непосредственно передъ нимъ разобранномъ, можетъ сплошь и рядомъ такъ сложиться, что раздѣленію силъ придется отдать предпочтеніе передъ дѣйствіями сосредоточенными силами. Такимъ образомъ, раздѣлять силы, дѣйствовать по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ приходится: а) *при значительномъ численномъ превосходствѣ надъ непріятелемъ* — положеніе, въ которомъ находились Союзники въ разобранномъ нами фактѣ. Движеніе по одному операціонному направленію значительнаго числа войскъ неминуемо повлечетъ за собою весьма важныя затрудненія какъ въ административномъ отношеніи, такъ и въ тактическомъ (трудность скораго развертыванія силъ); придется вводить войска въ бой по частямъ;—дѣйствовать подобнымъ образомъ значило бы добровольно лишать себя возможности воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ. б) *Когда непріятель самъ раздѣлитъ свои силы....* [2]).

Въ приведенныхъ случаяхъ раздѣленіе силъ является въ видѣ дѣла вполнѣ законнаго; но, прибѣгая къ нему всякій разъ, какъ то потребуется обстановкою, не слѣдуетъ упускать мѣръ къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію его вредной стороны: иначе легко быть разбитымъ по частямъ. Къ достиженію этой цѣли служатъ, между прочимъ, слѣдующія средства: а) какъ приведено выше, установка *связи (внѣшней)* между двумя массами, дѣйствую-

---

[1]) Планъ этотъ какъ нельзя ближе подходитъ къ извѣстной теоріи Бюлова (обхватывающая база, концентрическое наступленіе, уклоненіе отъ боя съ фронта, дѣйствія на сообщенія противника, фланговыя позиціи, и, наконецъ, эксцентрическое отступленіе съ переходомъ къ концентрическому наступленію). Какъ видно, она, на этотъ разъ, получила весьма полное примѣненіе, но не въ смыслѣ безусловной теоріи, какъ предполагаетъ Бюловъ, а единственно въ смыслѣ способа дѣйствій вполнѣ сообразнаго съ извѣстною обстановкою.

[2]) Дальнѣйшіе случаи приведены ниже (см. § 4 классификація операціонныхъ линій).

щими по двумъ отдѣльнымъ операціоннымъ направленіямъ, расположеніемъ между ними войскъ для связи (если бы въ 1814 году, во время перваго наступательнаго движенія къ Парижу, Сезаннъ, какъ то предполагалось, былъ занятъ отрядомъ Палена, то Блюхеръ и Шварценбергъ не подвергались бы опасности быть разбитыми по частямъ. Въ 1796 году, при вторженіи генерала Бонапарте въ Тироль, послѣ сраженія при Кастильоне, онъ наступаетъ по тѣмъ же операціоннымъ линіямъ, по обѣ стороны Гардскаго озера, по которымъ наступалъ незадолго передъ тѣмъ Вурмзеръ; но Вурмзеръ наступалъ двумя совершенно отдѣльными массами, безъ всякой связи между ними, за что и былъ разбитъ по частямъ, въ то время какъ Бонапарте принялъ мѣры къ связи отдѣльныхъ массъ: устройствомъ флотилии на Гардскомъ озерѣ и соотвѣтствующимъ разсчетомъ движенія обѣихъ колоннъ); б) какъ тоже приведено было выше, установка *связи внутренней—единства въ командованіи*, подчиненіе отдѣльно дѣйствующихъ массъ одному общему главнокомандующему; в) такой выборъ операціонныхъ линій, чтобы онѣ имѣли, по возможности, положеніе *внутреннее* въ отношеніи къ непріятельскимъ *внѣшнимъ* (таковы были операціонныя линіи Наполеона въ разбираемомъ нами фактѣ и передъ тѣмъ разобранномъ, по отношенію къ операціоннымъ линіямъ Союзниковъ). Внутренними генералъ Жомини называетъ такія линіи, которыя находятся внутри круга, въ окружности котораго направляется непріятель, — слѣдовательно такія, дѣйствуя по которымъ представляется возможность сосредоточить силы скорѣе противника, а наружными—линіи непріятеля, направляющагося къ кругу нашего расположенія [1]); г) *укрѣпленія;* послѣ сраженія при Каннахъ, Римляне, убѣдившись въ тактическомъ превосходствѣ войскъ Аннибала, рѣшились избѣгать боя и направлять всѣ усилія къ тому, чтобы, постепенно стѣсняя расположеніе Аннибала, лишить его возможности содержать свои войска средствами страны. Такая цѣль могла быть не иначе достигнута какъ путемъ раздѣленія силъ, окруженія Аннибала нѣсколькими арміями. Въ центрѣ круга, по которому расположены были эти арміи, находилась армія Аннибала, которая, направляясь по кратчайшимъ разстояніямъ то противъ одной, то противъ другой, могла бы бить ихъ по частямъ. Въ видахъ уничтоженія подобной вредной стороны того неизбѣжнаго раздѣленія силъ, къ которому Римляне должны были обратиться, они приняли слѣдующія мѣры: они постоянно располагались въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, двигались постепенно изъ лагеря въ лагерь, избѣгая рѣшительнаго боя и ограничиваясь все большимъ и большимъ стѣсненіемъ театра дѣйствій противника. Разъ какъ арміи Римлянъ располагались въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, то понятно, что на атаку ихъ Аннибалъ не могъ рѣшиться, потому что, при тогдашнихъ средствахъ, атака укрѣпленнаго лагеря сопряжена была съ такими же

---

[1]) О внутреннихъ и внѣшнихъ операціонныхъ линіяхъ см. ниже, § 4 классификацію операціонныхъ линій.

затрудненіями, какъ теперь штурмъ сильной крѣпости. д) *Искусная комбинація маневровъ* [1]), какъ, напримѣръ, это было предначертано въ вышеприведенномъ Трахенбергскомъ планѣ. Этимъ путемъ выгоды, представляемыя Наполеону его внутреннимъ положеніемъ, были окончательно парализованы. Главное правило Наполеона, что «*на войнѣ никогда не слѣдуетъ дѣлать того, что непріятель хочетъ*», получило самое полное примѣненіе. И дѣйствительно: главная цѣль Наполеона должна была заключаться въ томъ, чтобы принудить арміи Союзниковъ къ отдѣльному бою и бить ихъ по частямъ. Все вниманіе Союзниковъ должно было быть направлено, напротивъ, къ тому, чтобы не допустить Наполеона до возможности нанести отдѣльное пораженіе которой либо изъ армій. Эта цѣль ближе всего достигалась вышеприведеннымъ планомъ, по смыслу котораго, во время наступленія Наполеона противъ какой либо изъ армій, остальныя должны были наступать ему въ тылъ, угрожая его сообщеніямъ съ Эльбою, и тѣмъ принудить его къ отступленію. Въ случаѣ же, если бы онъ обратился противъ одной изъ армій, угрожавшихъ его сообщеніямъ, то эта послѣдняя начинаетъ отступать, увлекая его за собою и удлинняя, такимъ образомъ, его операціонную линію, на которую тотчасъ же устремляются остальныя арміи Союзниковъ, и т. д. Въ этихъ напрасныхъ передвиженіяхъ, съ цѣлію принудить арміи Союзниковъ къ отдѣльному бою, должны были израсходоваться силы Наполеона безъ доставленія ему какого бы то ни было результата. Въ подобное положеніе Наполеонъ былъ дѣйствительно приведенъ, и оно-то вынудило его, впослѣдствіи, принять отчаянное рѣшеніе отказаться отъ позиціи на Эльбѣ и предоставить рѣшеніе главнаго вопроса войны случайностямъ битвы, принятой имъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, подъ Лейпцигомъ.

Прикидывая вышеприведенный теоретическій масштабъ къ оцѣнкѣ операціонныхъ линій, нельзя не замѣтить, что ему удовлетворяли какъ операціонныя линіи Наполеона, такъ и операціонныя линіи Союзниковъ въ разсматриваемый нами періодъ кампаніи 1813 года. *Какъ тѣ, такъ и другія вели къ достиженію важной цѣли*; предметами дѣйствій другъ для друга служили арміи, или же угроженіе съ одной стороны и прикрытіе съ другой столь важныхъ географическихъ пунктовъ какъ Дрезденъ, Берлинъ, Варшава и Вѣна. *Какъ тѣ, такъ и другія были удобнѣйшими и кратчайшими*, въ чемъ легко убѣдиться по картѣ: Наконецъ, *какъ тѣ, такъ и другія могутъ считаться безопасными*: Наполеоновскія операціонныя линіи, какъ внутреннія, и операціонныя линіи Союзниковъ, благодаря вышеприведенной чрезвычайно искусной комбинаціи маршей-маневровъ, связавшей въ одно цѣлое дѣйствія трехъ отдѣльныхъ армій.

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду не перечислять всѣхъ средствъ, служащихъ къ ослабленію вредной стороны раздѣленія силъ (какъ неоднократно было замѣчено, подобная задача не исполнима), а только указать на нѣкоторыя изъ нихъ.

Повидимому, самимъ фактомъ опровергается безопасность операціонныхъ линій Наполеона, потому что отдѣльному пораженію подверглись не арміи Союзниковъ, расположенныя по внѣшней дугѣ круга, а его арміи, расположенныя по внутренней дугѣ круга (Гроссъ-Бееренъ, Кацбахъ, Денневицъ). Подобный неудачный исходъ дѣла для Наполеона нисколько не уничтожаетъ вообще выгодъ внутреннихъ линій, а показываетъ только, что онѣ далеко не безусловны, и что эти выгоды могутъ быть парализованы своего рода комбинаціями, какъ въ настоящемъ случаѣ превосходною комбинаціею маршей-маневровъ (всякой комбинаціи отвѣчаетъ своя контръ-камбинація; всякому положенію, какъ бы оно ни было выгодно, отвѣчаетъ своего рода контръ-положеніе: стоитъ только съумѣть найдти его). Неудачи, испытанныя Французами въ этотъ періодъ кампаніи, объясняются еще ошибками маршаловъ, командовавшихъ отдѣльными Французскими арміями, и, наконецъ, отчасти ошибками самого Наполеона, ни разу не подоспѣвшаго съ своимъ подвижнымъ резервомъ, сосредоточеннымъ въ окрестностяхъ Дрездена, къ угрожаемой арміи, въ чемъ, правда, ему опять-таки мѣшали маневры Союзниковъ. Чтобы ближе оцѣнить достонство Трахенбергскаго плана, стоитъ только сравнить по результатамъ разсматриваемый періодъ кампаніи 1813 года съ результатами, достигнутыми Наполеономъ въ кампанію 1796 года, въ пе ріодъ блокады Мантуи [1]). Въ обоихъ случаяхъ онъ находился въ одикаковомъ положеніи, между тѣмъ какая громадная разница въ результатахъ, ближе всего объясняющаяся разницею въ дѣйствіяхъ Союзниковъ въ 1813 году и Австрійцевъ въ 1796 году, т. е. Трахенбергскимъ планомъ дѣйствій, и отчасти разницею въ дѣйствіяхъ самого Наполеона.

§ 4.

Классификація операціонныхъ линій. О внутреннихъ операціонныхъ линіяхъ.

Изъ вышеприведеннаго критическаго разбора хотя весьма незначительнаго числа фактовъ нетрудно убѣдиться въ томъ, насколько разнообразна форма, въ которой, *въ зависимости отъ обстановки*, являются въ различныхъ случаяхъ, операціонныя линіи. Въ этомъ отношеніи ихъ можно раздѣлить: на *простыя* (1796, 1800, 1809 отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ...); на *двойныя* (1814 года, долины рѣкъ Марны и Сены во время перваго и втораго наступательнаго движенія Союзниковъ къ Парижу); на *тройныя* (1813 года, операціонныя линіи обѣихъ сторонъ въ дѣйствіяхъ послѣ перемирія); на *внутреннія* (1796 года, операціонныя линіи Наполеона во время дѣйствій въ окрестностяхъ Мантуи; его же въ 1813 году во время дѣйствій на Эльбѣ, и въ 1814 году во время наступленія Союзниковъ къ Парижу); на *внѣшнія* (операціонныя линіи противной стороны въ

[1]) А равно и въ 1814 г.

тѣ же періоды тѣхъ кампаній): на *параллельныя*; *концентрическія* (операціонныя линіи Союзниковъ въ 1813 году, во время дѣйствій послѣ перемирія); на *эксцентрическія* (операціонныя линіи Наполеона въ тотъ же періодъ); на *главныя* (операціонная линія арміи Барклая въ 1812 г.; операціонная линія главной массы Французскихъ войскъ въ кампанію 1805 года отъ Рейна къ Дунаю), и на *второстепенныя* (операціонная линія арміи Багратіона въ 1812 году). Кромѣ того, генералъ Жомини, въ принятой имъ классификаціи операціонныхъ линій, допускаетъ еще раздѣленіе ихъ *случайныя* (accidentelles; такою, напримѣръ, была операціонная линія Прусской арміи въ 1815 году, послѣ сраженія при Линьи: армія не отступила къ своей базѣ на р. Маасѣ, а перемѣнила операціонную линію и отступила на Тилли и Вавръ, для соединенія съ Англо-голландскою арміею Веллингтона; такое направленіе операціонной линіи было вполнѣ случайнымъ и ближе всего зависѣло отъ исхода боя при Линьи); на *временныя* (provisoires; такими были операціонныя линіи Бернадотта и Мармона при открытіи кампаніи 1805 года), и, наконецъ, на *рѣшительныя* (définitives).

Классификація эта показываетъ, насколько формы, въ которыхъ проявляются операціонныя линіи, разнообразны, а весь предъидущій анализъ утверждаетъ, что *выборъ между ними въ данномъ случаѣ рѣшается исключительно обстановкою*, по безконечному разнообразію которой теоріею не можетъ быть дано какихъ-либо положительныхъ правилъ на этотъ предметъ. Все, что теорія можетъ принять на себя, это развѣ только обрисованіе нѣкоторыхъ изъ обстановокъ, которымъ вышеприведенныя формы наиболѣе отвѣчаютъ. Такимъ образомъ, *при равныхъ силахъ, или при незначительномъ превосходствѣ надъ непріятелемъ*, слѣдуетъ отдать предпочтеніе простымъ операціоннымъ линіямъ. *При значительномъ превосходствѣ въ силахъ*, по причинамъ, указаннымъ въ своемъ мѣстѣ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе дѣйствію по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ, т. е. двойнымъ, тройнымъ и т. д., не упуская изъ вида установки прочной связи между отдѣльно дѣйствующими частями. Къ нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ приходися обращаться и въ томъ случаѣ, когда *численный перевѣсъ хотя и не находится на нашей сторонѣ, но мы превосходимъ непріятеля подвижностью и способностію къ маневрированію*, что, впрочемъ, приводится собственно къ одному и тому же, потому что подвижность дополняетъ численную силу арміи. Владѣя, въ подобномъ случаѣ, двумя операціонными линіями и умѣя ихъ притомъ кстати и быстро мѣнять, легко вовлечь непріятеля въ обманъ и достигнуть весьма важныхъ результатовъ. Нѣчто подходящее къ этому представляютъ дѣйствія Густава-Адольфа въ 1631 году, въ бассейнѣ рѣкъ Одера и Эльбы. Къ двойнымъ операціоннымъ линіямъ могутъ вынудить иногда обратиться *извѣстныя свойства и конфигурація театра военныхъ дѣйствій* (вышеприведенное наступленіе генерала Бонапарте въ Тироль, послѣ сраженія при Кастильоне, 1796 года). Къ двойнымъ, тройнымъ и т. д. опера-

ціоннымъ линіямъ иногда обращаются также, *когда приходится имѣть дѣло съ непріятелемъ, значительно насъ превышающимъ въ силахъ* (генералъ Бонапарте, въ 1796 году, во время блокады Мантуи; Наполеонъ, въ 1813 году, подъ Дрезденомъ)—случай, обратный вышеприведенному, *съ тѣмъ, чтобы заставить непріятеля также раздѣлить свои силы и, расположившись между ними, бить ихъ по частямъ*. Такъ дѣйствовалъ, между прочимъ, и Фридрихъ Великій въ замѣчательную кампанію 1757 года. Австрійская армія, сосредоточенная въ Богеміи, имѣла цѣлію двинуться въ Саксонію на соединеніе съ арміею Субиза. Во что бы то ни стало, необходимо было помѣшать соединенію обѣихъ армій. Для достиженія этой цѣли, Фридрихъ раздѣляетъ свои силы на двѣ массы, изъ которыхъ одну оставляетъ въ Саксоніи, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, а другую, подъ начальствомъ герцога Бевернскаго, направляетъ въ Силезію, какъ бы угрожая Богеміи. Демонстрація удается вполнѣ. Австрійцы, вмѣсто того чтобы направиться въ Саксонію, вступаютъ въ Силезію и направляются къ Бреславлю. Такимъ образомъ, Фридрихъ очутился между обѣими непріятельскими арміями. Искусно пользуясь выгодами своего внутренняго положенія и съ необыкновенною быстротою устремляясь съ отборнымъ резервомъ на подкрѣпленіе то одной, то другой части своихъ войскъ, онъ одерживаетъ двѣ изъ наиболѣе замѣчательныхъ своихъ побѣдъ: при Росбахѣ и при Лейтенѣ.

Сравнивая операціонныя линіи *концентрическія* и *эксцентрическія*, казалось бы, что первымъ, какъ болѣе отвѣчающимъ идеѣ сосредоточенія силъ, можно было бы отдать безусловное предпочтеніе предъ вторыми. Въ отношеніи къ большинству случаевъ, подобный взглядъ будетъ вѣренъ. Такимъ образомъ, послѣ выиграннаго сраженія, преслѣдуя непріятеля, для того чтобы имѣть возможность двигаться быстрѣе съ цѣлію довершенія пораженія отдѣльныхъ колоннъ его, пересѣченія имъ пути отступленія, короче—чтобы охватить бо̀льшее пространство театра военныхъ дѣйствій, слѣдуетъ отдать предпочтеніе наступленію по нѣсколькимъ эксцентрическимъ направленіямъ. Само собою разумѣется, наконецъ, что, находясь въ положеніи внутреннемъ въ отношеніи къ непріятелю, расположенному по внѣшней дугѣ круга, придется дѣйствовать опять-таки не иначе какъ по операціоннымъ линіямъ расходящимся.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, нѣтъ никакой возможности перечислить всѣхъ обстановокъ, отвѣчающихъ той или другой формѣ операціонныхъ линій, да и нѣтъ въ этомъ надобности: вполнѣ достаточно знать свойства (выгоды и недостатки) той или другой формы, чтобы безошибочно рѣшить вопросъ о выборѣ изъ нихъ той, которая, въ данномъ случаѣ, наиболѣе отвѣчаетъ обстановкѣ.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ формъ, въ заключеніе, остановимся съ бо̀льшимъ вниманіемъ на такъ называемыхъ *внѣшнихъ* и *внутреннихъ* операціонныхъ линіяхъ.

Изъ разобранныхъ выше дѣйствій: генералъ Бонапарте въ окрест-

ностяхъ Мантуи въ 1796 году, Фридриха въ кампанію 1757 года (сюда же относятся дѣйствія Наполеона между рѣками Марною и Сеною въ кампанію 1814 года), очевидно, въ какой мѣрѣ внутреннее, охватываемое положеніе выгоднѣе внѣшняго, охватывающаго (т. е. внутреннія операціонныя линіи выгоднѣе внѣшнихъ). Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о *стратегическомъ окруженіи*, объ окруженіи на театрѣ военныхъ дѣйствій, на широкомъ пространствѣ, а не о *тактическомъ* окруженіи на полѣ сраженія, на тѣсномъ пространствѣ, отвѣчающемъ для окруженной арміи положенію критическому, изъ котораго возможны только два выхода: честный—пробиться, и нечестный—положить оружіе. Внутреннимъ линіямъ, при всѣхъ ихъ выгодахъ, сравнительно съ внѣшними, нельзя однако отдать безусловнаго предпочтенія. Онѣ представляютъ несомнѣнныя выгоды: 1) Когда армія, находящаяся въ центральномъ положеніи, отличается *подвижностью* и *особенно энергіею въ дѣйствіяхъ*; когда она не будетъ стоять на мѣстѣ, а будетъ съ быстротою переноситься то противъ одной изъ отдѣльныхъ непріятельскихъ частей, то противъ другой и бить ихъ по частямъ: иначе, если она въ подобномъ положеніи останется въ бездѣйствіи, то стратегическое окруженіе можетъ обратиться для нея въ тактическое, со всѣми его гибельными послѣдствіями. Насколько малѣйшая остановка въ такомъ положеніи можетъ быть опасна,—лучшимъ подтвержденіемъ тому могутъ служить дѣйствія Наполеона въ 1814 году непосредственно предъ сраженіемъ при Ла-Ротьерѣ. 2) *Когда онѣ будутъ не слишкомъ длинны и не слишкомъ коротки.* Разбирая вопросъ теоретически, къ сожалѣнію, далѣе подобнаго рода общихъ формулъ («не слишкомъ длинно и не слишкомъ коротко», «не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно»....) идти нельзя. Въ примѣненіи къ дѣлу это «не слишкомъ длинно и не слишкомъ коротко», въ каждомъ частномъ случаѣ, должно получить свое особенное рѣшеніе (отъ того и важность «глазомѣра» въ разныхъ видахъ его проявленія на войнѣ). Такъ, въ кампанію 1813 года, въ періодъ открытія военныхъ дѣйствій непосредственно послѣ перемирія, операціонныя линіи Французовъ были, пожалуй, нѣсколько длинны (операціонная линія Удино имѣла около 100 верстъ протяженія, а Нея даже около 200), чѣмъ, въ связи съ указанными выше ошибками маршаловъ и искусными маневрами Союзниковъ (Трахенбергскій планъ), ближе всего и объясняются неудачи Наполеона въ этотъ періодъ кампаніи. Тотъ же періодъ кампаніи 1813 года (конецъ осенняго похода) представляетъ подобный же примѣръ обратнаго, именно непосредственно передъ Лейпцигскимъ сраженіемъ. Въ этомъ случаѣ, подобно тому какъ подъ Дрезденомъ, Наполеонъ находился въ центральномъ положеніи, съ тою только разницею, что его операціонныя линіи на Дюбенъ, Цербигъ и къ югу отъ Лейпцига имѣли не болѣе 30 верстъ протяженія, т. е. были слишкомъ коротки, благодаря чему стратегическое окруженіе было близко къ тактическому, въ которое оно, наконецъ, и перешло подъ Лейпцигомъ. 3) *Когда силы арміи*,

находящейся во внутреннемъ расположенiи, не слишкомъ велики. И дѣйствительно, если сосредоточенiе въ одномъ центрѣ 50,000 до 100,000 можетъ представить существенныя выгоды, имѣя дѣло съ непрiятелемъ равносильнымъ, но раздѣленнымъ, пожалуй, на три отдѣльныя массы, то сосредоточенiе въ одномъ центрѣ въ четыре раза большихъ силъ 200,000 — 400,000, противъ непрiятеля, опять въ такихъ же силахъ и раздѣленнаго на тѣ же три массы, далеко не представитъ тѣхъ же выгодъ. Внутреннiя операцiонныя линiи въ этомъ случаѣ будутъ невыгодны хотя бы уже по одному тому, что подобныя массы слишкомъ тяжелы и неповоротливы, а главная выгода внутреннихъ операцiонныхъ линiй, какъ выше упомянуто, основана именно на подвижности. Итакъ, при несомнѣнныхъ выгодныхъ свойствахъ внутреннихъ операцiонныхъ линiй сравнительно съ внѣшними, *онѣ будутъ неудобны*: а) *когда онѣ слишкомъ длинны*, б) *когда онѣ слишкомъ коротки* и в) *когда силы слишкомъ велики.* Таковы случаи, по мнѣнiю генерала Жомини, когда внутреннiя операцiонныя линiи оказываются невыгодными. Не странно ли послѣ этого, что нѣкоторые возвели на Жомини упрекъ, повторяемый и нынѣ большинствомъ съ чужихъ словъ, въ безусловномъ предпочтенiи внутреннихъ линiй внѣшнимъ?

§ 5.

О перемѣнѣ операцiонной линiи.

Одинъ изъ искуснѣйшихъ и важнѣйшихъ маневровъ на войнѣ, какъ показываетъ военная исторiя, заключается въ умѣнiи *непосредственно* передъ боемъ перемѣнить свою операцiонную линiю. *Наступающiй* черезъ это прiобрѣтаетъ возможность появленiя на такомъ пунктѣ, на которомъ его противникъ не ждалъ (*Экмюль* 1809), т. е. выгоды внезапности, являющейся лучшимъ обезпеченiемъ какой бы то не было операцiи; а *обороняющiйся*, незамѣтно для противника, переноситъ такимъ образомъ тотъ чувствительный пунктъ, куда ударъ и долженъ быть нанесенъ, въ другое мѣсто своего расположенiя, черезъ что окончательно сбиваетъ съ толку противника, который, предполагая бить въ самое чувствительное мѣсто, собственно производитъ ударъ въ пустую, по воздуху (*Аустерлицъ* 1805).

«Никогда не слѣдуетъ обнажать своей операцiонной линiи—говоритъ Наполеонъ, — но умѣнье перемѣнить ее, когда обстоятельства того потребуютъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ маневровъ. Армiя, искусно мѣняющая свою операцiонную линiю, обманываетъ непрiятеля: онъ не знаетъ гдѣ ея тылъ, вообще слабые пункты, которымъ онъ могъ бы угрожать».

Эти слова Наполеона находятъ полное подтвержденiе въ двухъ вышеприведенныхъ фактахъ. Подъ *Аустерлицемъ* (1805) Союзники, предполагая нанести ударъ въ самое чувствительное мѣсто, произ-

водятъ ударъ по воздуху. Даже если предположить, что сдѣланныя Союзниками тактическія ошибки, вдобавокъ къ только-что указанной стратегической, остались бы безнаказанными и имъ удалось бы одержать побѣду надъ Наполеономъ, то, благодаря предосторожности послѣдняго базироваться на Иглау и Пассау, онъ далеко не былъ бы поставленъ въ безвыходное положеніе, какъ то предполагали Союзники, а имѣлъ бы вполнѣ обезпеченный путь отступленія по лѣвому берегу Дуная.

Движеніе Наполеона отъ Ландсгута къ Экмюлю (1805) можетъ показаться дерзкимъ — онъ былъ окончательно отрѣзанъ отъ своей первоначальной базы на Дунаѣ (Нейштадтъ, Кельхеймъ и Регенсбургъ),—но такой смыслъ оно можетъ имѣть только въ глазахъ того, кто не приметъ во вниманіе предпосланной имъ этому движенію перемѣны операціонной линіи на Аугсбургъ (на рѣкѣ Лехъ). Въ случаѣ неудачнаго исхода Экмюльскаго сраженія, благодаря этой предосторожности, Наполеонъ съ полною безопасностью могъ бы отойти къ рѣкѣ Лехъ.

Наступательное движеніе Итальянской арміи въ послѣднюю кампанію (1866), предшествовавшее сраженію при Кустоццѣ, прорывъ четыреугольника, въ связи съ обходомъ лѣваго фланга этой стратегической позиціи, было дѣйствительно движеніе рискованное, но рискованное преимущественно въ тактическомъ смыслѣ. Въ стратегическомъ же смыслѣ оно было далеко не столь рискованно, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда, если принять во вниманіе, что, послѣ прорыва главной массы сквозь означенную позицію и по соединеніи ея съ войсками Чіальдини, *она перемѣнила бы свою первоначальную операціонную линію и базировалась бы на нижнее По и на Феррару.* Весь рискъ, слѣдовательно, заключался только въ самомъ движеніи (для главной массы Итальянскихъ войскъ опасный фланговый маршъ въ близкомъ разстояніи отъ Австрійской арміи, сосредоточенной подъ стѣнами Вероны, маршъ, вдобавокъ, въ конечной точкѣ своей, приводившій къ форсированію переправы чрезъ рѣку Адижъ у Альбаредо), т. е. опасность угрожала только *во время движенія*; оттого мы и назвали эту операцію рискованною преимущественно въ тактическомъ смыслѣ. Какъ извѣстно, въ видахъ устраненія этой опасности, слѣва былъ выдвинутъ сильный боковой авангардъ, подъ начальствямъ Дурандо. Такимъ образомъ, и въ тактическомъ отношеніи это движеніе можно считать до нѣкоторой степени безопаснымъ, всетаки не настолько отчаянно-рискованнымъ, какимъ оно кажется съ перваго взгляда. Если же оно кончилось неудачею, то главную причину тому, сколько намъ кажется, слѣдуетъ искать не столько въ мѣрахъ къ обезпеченію успѣха его въ стратегическомъ и тактическомъ смыслѣ, вообще *не столько въ планѣ, сколько въ исполненіи. Поставивъ разъ цѣль, слѣдуетъ къ ней идти неуклонно, не оглядываясь въ стороны.* Слѣдовало бы идти безостановочно на Альбаредо, предоставляя, въ случаѣ крайности, войска Дурандо на жертву, переправиться черезъ Адижъ,

соединиться съ Чіальдини, обойти, такимъ образомъ, четыреугольникъ и въ тылу его поднять населеніе Венеціянской области [1])... Положеніе Итальянской арміи въ тылу четыреугольника, какъ замѣчено уже выше, далеко не было бы рискованнымъ. *Базируясь на нижнее По*, она могла выдвинуть къ сторонѣ четыреугольника число войскъ, достаточное для обезпеченія своихъ сообщеній съ Ровиго, Феррарою...

Хотя крайне рискованно заглядывать въ будущее, но въ случаѣ если бы дипломатія не остановила наступленія Пруссаковъ послѣ побѣды при Кениггрецѣ, то одна изъ весьма вѣроятныхъ стратегическихъ комбинацій, къ которой имъ пришлось бы обратиться, могла бы быть слѣдующая. Припомнимъ предварительно, что послѣ Кениггрецкаго сраженія Пруссаки наступаютъ тремя колоннами: лѣвая

---

[1]) Насколько можно догадываться по тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, планъ Итальянцевъ заключался въ обходѣ съ лѣваго фланга четырехсторонника, потому что, благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыя приняли Австрійцы съ 1848 г., правый флангъ (укрѣпленіе Пастренго, Риволійскаго плато, Тріента), бывшій въ кампанію 1848 года слабою точкою, далеко не былъ таковымъ въ кампанію 1866 г. Обходъ этотъ возложенъ былъ на войска Чіальдини. Для отвлеченія вниманія Австрійцевъ отъ этого пункта и для обезпеченія движенія Чіальдини, главная масса, прикрытая, въ свою очередь, войсками Дурандо, должна была наступать отъ Гойто къ Альбаредо. Таковъ былъ, по всей вѣроятности, смыслъ перваго наступательнаго движенія Итальянской арміи въ послѣднюю кампанію. Въ томъ предположеніи, что съ фронта имѣлись въ виду только демонстративныя дѣйствія, убѣждаетъ еще и то обстоятельство, что войска Ла-Марморы начали наступленіе двумя днями ранѣе Чіальдини.

Можетъ показаться страннымъ съ перваго взгляда, какимъ образомъ колонна Чіальдини, на которую возложена была главная задача, была слабѣе, по числу, сравнительно съ тою, на которую возлагалась демонстрація. Это объясняется свойствами мѣстности, по которой долженъ былъ двигаться Чіальдини, мѣстности низменной, болотистой, которая, благодаря вододѣйствіямъ, устроеннымъ Австрійцами, могла быть въ самое короткое время обращена въ непроходимую топь, вообще мѣстности неудобной для движенія значительныхъ массъ.

Но допуская даже обратное, именно, что Чіальдини долженъ былъ демонстрировать только и что главный ударъ предполагался съ фронта, нельзя не придти къ тому заключенію, что и этотъ планъ былъ не невозможенъ и, подобно предъидущему, представлялъ *свои* выгоды и недостатки, такъ что большаго вреда не произошло бы для дѣла, если бы былъ принятъ тотъ *или* другой планъ; но отъ чего могла произойти бѣда, и дѣйствительно произошла, это отъ того, что Ла-Мармора *не остановился окончательно ни на томъ, ни на другомъ, а балансировалъ, даже въ минуту исполненія, между обоими,* короче—*не имѣлъ опредѣленной цѣли,*—а дѣло стратегіи постановка опредѣленныхъ, разумныхъ цѣлей; гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ нѣтъ стратегіи. Вотъ, сколько кажется, истинная причина неудачи всей Итальянской операціи 1866, которая, такимъ образомъ, смѣло можетъ быть причислена къ разряду, «unstrategischer Operationen».

(армія наслѣднаго принца) на Ольмюцъ, средняя (армія принца Фридриха-Карла) на Брюннъ и, повидимому, на Вѣну, и правая (60,000 генерала Герварта) на Будвейсъ. Фронтъ дѣйствій тянется на 200 верстъ; но это раздѣленіе силъ оказывается законнымъ по многимъ причинамъ (масса велика; необходимость ускорить движеніе, захватить возможно большую часть страны, между прочимъ, Прагу, какъ главный городъ Богеміи и какъ пунктъ, къ которому подходитъ Дрезденская желѣзная дорога, и, наконецъ, необходимость развлеченія вниманія непріятеля). Лѣвая колонна остановилась у Ольмюца, средняя малыми переходами подается къ Брюнну, а правая форсированными маршами спѣшитъ къ Будвейсу и далѣе, можно предполагать къ Кремсу (или Линцу). Такимъ образомъ, Прусская армія исполняетъ, въ стратегическомъ смыслѣ, *перемѣну фронта правымъ флангомъ впередъ.* Эта перемѣна фронта оказывается необходимою какъ съ оборонительной, такъ равно и съ наступательной точки. *Съ оборонительной*—она объясняется необходимостію обезпечить себя съ лѣваго фланга отъ Австрійскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Ольмюцѣ, вообще необходимостію принять фронтъ дѣйствій болѣе или менѣе параллельный непріятельскому фронту дѣйствій, который тянется отъ Ольмюца, гдѣ собиралась армія Бенедека, вдоль по Моравѣ и Дунаю къ Вѣнѣ, гдѣ въ Флорисдорфскомъ укрѣпленномъ лагерѣ сосредоточивались резервы и войска, прибывавшія съ Итальянскаго театра военныхъ дѣйствій. Таковы причины перемѣны фронта съ оборонительной, охранительной точки. Независимо отъ нихъ, могли быть и другія, несравненно болѣе важныя причины *съ точки наступательной*, именно: привлечь вниманіе непріятеля къ лѣвому флангу и тѣмъ отвлечь его отъ поданнаго впередъ праваго; пользуясь этимъ, овладѣть Кремсомъ (или Линцемъ), вообще переправиться черезъ Дунай, гдѣ-либо выше Вѣны, подойти къ ней съ праваго берега, на которомъ она не была защищена, и обойти, такимъ образомъ, Флорисдорфскій укрѣпленный лагерь, разобщить Австрійцевъ окончательно съ Баварцами и войти въ связь Итальянцами: таковы были бы выгоды подобной комбинаціи. Успѣхъ ея зависѣлъ ближе всего отъ искусно веденныхъ демонстрацій (дѣло лѣваго фланга; къ числу обстоятельствъ, облегчавшихъ демонстрированіе Прусскому лѣвому флангу, слѣдуетъ отнести и то, что здѣсь находилась главная масса войскъ; здѣсь были принцы, главная квартира короля, и, наконецъ, здѣсь же находились столь дорогіе для Австрійцевъ Ольмюцъ и въ особенности Вѣна), далѣе отъ возможно-полной быстроты въ движеніяхъ и энергіи въ дѣйствіяхъ правой колонны, главною задачею для которой должно было бы быть овладѣніе Кремсомъ до прибытія главныхъ силъ Австрійцевъ и открытіе дебуше черезъ Дунай для прочихъ войскъ Прусской арміи.

Къ дальнѣйшимъ выгодамъ подобнаго плана слѣдуетъ отнести еще возможность обхода Ольмюцкаго укрѣпленнаго лагеря и *возможность устройства безопасной коммуникаціонной линіи отъ Кремса на Будвейсъ, Прагу и Дрезденъ, удаленной отъ Ольмюцкой*

крѣпости на 200 верстъ. Для окончательнаго обезпеченія этой коммуникаціонной линіи Пруссакамъ необходимо было бы овладѣть Кенигштейнскою крѣпостью [1]), слывущею за неприступную, построенною на скалѣ при выходѣ Эльбы изъ горъ и господствующею какъ надъ Эльбою, такъ и надъ проходящею вдоль по берегу ея желѣзною дорогою изъ Дрездена въ Прагу. Несмотря на неприступность, старинныя стѣны ея, вѣроятно, не долго могли бы устоять противъ нарѣзной артиллеріи.

Если бы такая комбинація была приведена въ исполненіе болѣе или менѣе близко къ вышеизложенному, то въ окончательномъ результатѣ она выразилась бы въ *стратегической перемѣнѣ фронта правымъ флангомъ впередъ* (съ цѣлію переправы чрезъ Дунай выше Вѣны) *и въ перемѣнѣ операціонной линіи* (въ смыслѣ коммуникаціонной) на Будвейсъ, Прагу и Дрезденъ. Мало было вѣроятности, чтобы Пруссаки въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, подходя къ Вѣнѣ, могли предпочесть вышеприведенной комбинаціи какую-нибудь другую. И дѣйствительно, они могли переправиться чрезъ Дунай или: а) выше Вѣны (какъ было разсмотрѣно), или б) у Вѣны, или, наконецъ, в) ниже Вѣны. Если бы они захожденію правымъ флангомъ предпочли фронтальное наступленіе на Вѣну, то подставили бы свой флангъ и обнажили бы свою операціонную линію въ отношеніи къ Австрійскимъ войскамъ, занимавшимъ Ольмюцъ, и должны были бы сбить Австрійскую армію, которая, вѣроятно, попыталась бы вначалѣ принять бой впереди Флорисдорфскаго укрѣпленнаго лагеря, затѣмъ въ лагерѣ, и, наконецъ, должны были бы форсировать переправу чрезъ Дунай въ виду всей Австрійской арміи. Третье предположеніе — переправа чрезъ Дунай ниже Вѣны (положимъ, у Пресбурга) — еще менѣе вѣроятно, потому что такая переправа подвергала бы операціонную линію Прусской арміи еще бо̀льшей опасности со стороны Ольмюца [2]).

Къ числу фактовъ, представляющихъ примѣры искусной перемѣны операціонной линіи, слѣдуетъ отнести также: 1) *отступленіе*

---

[1]) Крѣпости, расположенныя, подобно Кенигштейну, Мантуѣ..., на мѣстности недоступной, *въ которыя никто войти не можетъ и изъ которыхъ, въ свою очередь, никто выйти не можетъ*, считаются по справедливости опасными только въ томъ случаѣ, когда ихъ обойти нельзя, т. е. вся сила ихъ заключается, такъ сказать, въ *пассивной* силѣ ихъ, въ той преградѣ, которую онѣ сами по себѣ представляютъ, а не въ *активной*, въ тѣхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, которыя могутъ быть предприняты ея гарнизономъ противъ операціонной и коммуникаціонной линій наступающаго (а это главное). На этотъ разъ Кенигштейну выпала довольно оригинальная роль въ активномъ смыслѣ, собственно потому, что какъ желѣзная дорога, такъ и рѣка Эльба проходили подъ ея огнемъ.

[2]) На самомъ же дѣлѣ наша *гипотеза* не оправдалась. Комбинація, казавшаяся тогда, по неизвѣстности нѣкоторыхъ политическихъ условій, именно *отношеній Пруссіи къ Венгріи*, наименѣе вѣроятною, оказалась, именно благодаря этимъ политическимъ условіямъ, наиболѣе отвѣчающею обстановкѣ.

Фридриха отъ Ольмюца (1758) не чрезъ Силезію, по которой проходила его первоначальная операціонная линія, а чрезъ Богемію, благодаря чему онъ, оставляя одну непріятельскую область, захватываетъ другую, еще болѣе важную; 2) *дѣйствія Густава-Адольфа въ 1631 году противъ Тилли* представляютъ примѣры почти безпрерывной перемѣны операціонной линіи, переносимой Густавомъ-Адольфомъ то на правый, то на лѣвый берегъ Одера, базируясь на Штетинъ и на Шведтъ; 3) *послѣднее предположеніе Наполеона въ кампанію* 1814 года двинуться на сообщенія Союзниковъ, базируясь на Эльзасскія и Лотарингскія крѣпости; нѣтъ сомнѣнія, что если бы Мармонъ и Мортье успѣли присоединиться къ Наполеону и еслибъ у него было 50,000 болѣе, какъ замѣчаетъ генералъ Жомини, то это предположеніе могло бы имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія; 4) *въ кампанію 1813 года предполагаемое Наполеономъ движеніе въ тылъ Союзникамъ, базируясь на Кенигштейнъ*, на случай наступленія ихъ изъ Богеміи на его сообщенія съ Рейномъ; 5) *отступленіе Прусской арміи послѣ сраженія при Линьи* (1815) не къ Маасу и Рейну, а по направленію къ Тилли и Вавру, на соединеніе съ Англо-голландскою арміею Веллингтона....

Легкость и скорость перемѣны операціонной линіи [1]) вообще зависятъ:

1) отъ того, по своей ли волѣ или вынужденно она дѣлается;

2) ведется ли война въ своей собственной или въ чужой странѣ;

3) отъ фигуры и длины базиса (о чемъ упомянуто было выше, см. Отд. I, A, Гл. II);

4) отъ удаленія базиса (только при исключительно магазинномъ снабженіи войскъ запасами);

и 5) на каждомъ ли изъ пунктовъ базиса сосредоточено достаточное количество запасовъ или только на нѣкоторыхъ [2]).

Въ послѣднемъ отношеніи, какъ средства, значительно облегчающія и ускоряющія (боковое) перемѣщеніе запасовъ съ одного пункта базы на другой, пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе *судоходныя рѣки* и *желѣзныя дороги* [3]). Съ этой точки положеніе сѣверной Австрійской арміи, въ кампанію 1866 г., было въ высшей степени благопріятно. Всѣ необходимые запасы доставлялись ей изъ Венгріи, по Дунаю до Пресбурга и Вѣны, слѣдовательно, въ *широкомъ* смыслѣ базою служила Венгрія, а въ болѣе *тѣсномъ* полоса по Дунаю черезъ Пресбургъ до Вѣны. Для дальнѣйшаго доставленія запасовъ отъ базы къ арміи могли служить: желѣзная дорога отъ Вѣны и

[1]) Само собою разумѣется, что перемѣна операціонной линіи возможна только въ связи съ перемѣщеніемъ всего тыла, всѣхъ запасовъ.

[2]) Вообще, слѣдовательно, на легкость перемѣны операціонной линіи обнаруживаетъ особенное вліяніе *тщательная подготовка театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ и административномъ отношеній* (см. ниже «Оборонительныя дѣйствія»).

[3]) Какое значеніе, въ этомъ отношеніи, принадлежитъ судоходнымъ рѣкамъ и желѣзнымъ дорогамъ см. выше (Отд. I, A, Гл. III).

Пресбурга на Прагу, если бы армія находилась въ Богеміи, или дорога оттуда же на Ольмюцъ, если бы армія находилась въ Моравіи, и, наконецъ, дорога на Одербергъ и Краковъ, если бы армія была сосредоточена въ Галиціи.

Мало того, если допустить, что послѣ Кениггрецкаго сраженія, Австрійская армія, потерявъ его, потеряла бы вмѣстѣ съ тѣмъ и свой прямой путь отступленія на Вѣну, вынуждена была бы перемѣнить свою операціонную линію и отступить, положимъ, на Будвейсъ и Линцъ, то, если бы только она имѣла при себѣ количество запасовъ, достаточное на все время марша отъ Кениггреца къ Будвейсу, пользуясь Дунаемъ и желѣзными дорогами отъ Вѣны на Линцъ и далѣе отъ Линца къ Будвейсу, запасы могли бы быть съ полнымъ удобствомъ перемѣщены въ новомъ направленіи и перемѣна операціонной линіи, маневръ вообще весьма деликатный, въ особенности для арміи, проигравшей сраженіе, могъ бы быть исполненъ безъ малѣйшаго затрудненія.

ГЛАВА II.

Марши-маневры и бой.

(Направленіе силъ къ рѣшительному пункту и введеніе ихъ на немъ въ бой въ превосходныхъ, сравнительно съ противникомъ, силахъ.)

Выше, въ вступленіи (VIII), нами указано было то важное значеніе, которое принадлежитъ маршамъ-маневрамъ и бою, а равно и отношеніе, въ которомъ они находятся къ операціоннымъ линіямъ, именно, что *идея*, заключающаяся въ операціонной линіи, получаетъ *осуществленіе* въ искусномъ направленіи войскъ (маршѣ-маневрѣ) къ рѣшительному пункту и въ искусномъ введеніи ихъ въ бой на этомъ пунктѣ.

И дѣйствительно «исполнить замѣчательный маршъ, говоритъ Жомини [1]), это не что иное какъ сосредоточить главную массу своихъ войскъ на рѣшительномъ пунктѣ, такъ что все *искусство и заключается собственно въ умѣніи выбрать этотъ пунктъ.* Въ самомъ дѣлѣ, что же представляетъ собою движеніе черезъ С. Бернаръ, какъ не операціонную линію, направленную на оконечность стратегическаго фронта непріятеля и оттуда на путь его отступленія?» (Jomini, Précis de l'art de guerre, 275 et 276).

§ 1.

Маневры какъ средство только подготовительное, бой — рѣшительное. — Теоретическій масштабъ для маршей-маневровъ. — Фронтъ дѣйствій (стратегическій фронтъ).—Теоретическій масштабъ.—Предѣлъ наименьшей длины стратегическаго фронта.

Марши-маневры (фронтальные и фланговые, т. е. обходы, на этотъ разъ стратегическіе) имѣютъ значеніе не болѣе какъ сред-

---

[1]) Хотя этотъ взглядъ генерала Жомини нами былъ приведенъ выше (Вступленіе VIII), но мы полагаемъ не лишнимъ повторить его здѣсь снова. Вообще связь между вопросами о *выборѣ операціонныхъ линій* и *маршахъ-маневрахъ* настолько тѣсна, что крайне трудно отдѣлить изслѣдованіе ихъ въ теоріи и, отдѣляя ихъ, почти невозможно избѣжать нѣкоторыхъ повтореній. Вотъ почему при чтеніяхъ гораздо удобнѣе изложить всю теорію операціонныхъ линій и маршей-маневровъ и затѣмъ уже перейти къ критико-историческимъ изслѣдованіямъ, черезъ что окажется возмож-

ства *подготовительнаго*. Весьма важно выбрать соотвѣтствующее (операціонное) направленіе; настолько же важно исполнить маршъ, т. е. подойти къ рѣшительному пункту съ полною безопасностью, имѣя на своей сторонѣ превосходство въ силахъ и въ особенности неожиданно для непріятеля, по крайней мѣрѣ настолько неожиданно, чтобы лишить его минуты къ контръ-маневру; но это еще далеко не рѣшаетъ дѣла, по крайней мѣрѣ не должно рѣшать его; его рѣшаетъ только бой. Если и бывали случаи, что обходъ иногда рѣшалъ дѣло, какъ, напримѣръ, подъ Ульмомъ въ 1805 году, то это случаи исключительные [1]), скорѣе явленія анормальныя, которыя объясняются крайнею матеріальною и въ особенности нравственною слабостью непріятеля. Обходы, подъ которыми и принято большею частію понимать маневры [2]), благодаря отчасти вредному вліянію сердца человѣческаго, всегда относящагося съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ непріятелю, подходящему съ фланга, благодаря силѣ преданія, которое перешло къ намъ со временъ Фридриха Великаго, когда обходы были и болѣе опасны, чѣмъ теперь, и притомъ, будучи кстати употребляемы, всегда почти приводили къ блестящимъ побѣдамъ, и, наконецъ, благодаря ошибочному веденію войскъ въ мирное время, на учебныхъ маневрахъ, обходы въ глазахъ многихъ были возведены дѣйствительно какъ бы въ средство рѣшительное, настолько, что, при появленіи непріятеля въ тылу или на флангѣ, нерѣдко даже побѣдоносныя войска, не думая о сопротивленіи, начинали тотчасъ же отступать. Тщательное изученіе военной исторіи, напротивъ того, показываетъ, что обходъ самъ по себѣ еще никакого значенія не имѣетъ; что *кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ*; что *каждому маневру отвѣчаетъ свой контръ-маневръ, пока минута не упущена*; короче—что одинъ маневръ еще ничего не рѣшаетъ, а что дѣло рѣшаетъ только бой. Такова зависимость между маневрами и боемъ.

Не входя въ болѣе подробный разборъ вспроса о значеніи маневровъ, объ отношеніи ихъ къ бою, о веденіи боя, вопросовъ обстоятельно изслѣдованныхъ нами въ тактикѣ [3]), обратимъ здѣсь внима-

нымъ избѣжать какъ лишнихъ повтореній, такъ и излишняго разрыва фактовъ. Въ предлагаемомъ трудѣ мы не сдѣлали этого измѣненія, потому что мысль эта намъ пришла уже по окончаніи части 1-й, такъ что переработка этихъ 2-хъ главъ оказалась неудобною.

[1]) Къ такимъ исключительнымъ случаямъ могли бы быть еще отнесены обходы: а) предпринимаемые противъ арріергардовъ при движеніяхъ отступательныхъ и б) въ горной войнѣ.

[2]) Хотя на это нѣтъ никакой уважительной причины, потому что фронтальные и фланговые марши, разъ какъ они производятся вблизи отъ непріятеля, исполняются при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Есть только нѣкоторая разница въ результатахъ, да и та иногда сглаживается. Трудно рѣшить: что опаснѣе — захватъ ли сообщеній, или прорывъ центра.

[3]) См. «Записки тактики для военныхъ училищъ», стр. 291 — 302, и «Военный Сборникъ» 1863 г., № 11, статью: «Кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ».

ніе только на тѣ *условія (масштабъ, Наполеоновскія оси)*, отъ которыхъ зависитъ успѣшное исполненіе маневра, и въ особенности на *механизмъ движенія значительныхъ массъ* на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ ряду условій, обезпечивающихъ успѣхъ маневра, господствующимъ является скрытность, т. е. искусно веденныя *демонстраціи, отводы*. Этимъ путемъ достигаются и *безопасность* маневра, и возможность болѣе или менѣе *неожиданно* явиться передъ непріятелемъ; а въ ряду средствъ, служащихъ къ скрытію марша, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ быстротѣ [1]). Совокупностью этихъ условій опредѣляется успѣхъ маршей-маневровъ. Они-то и составляютъ тотъ *теоретическій масштабъ*, которымъ слѣдуетъ руководствоваться какъ при исполненіи маршей-маневровъ, такъ и при критическомъ разборѣ фактовъ. Онъ нами будетъ прикинутъ ниже къ разбору нѣкоторыхъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ маршей-маневровъ.

При нынѣшнихъ сильныхъ по числу арміяхъ, числительная сила которыхъ простирается нерѣдко до 200,000 и болѣе, въ видахъ облегченія ихъ продовольствія, доставленія имъ возможно большихъ удобствъ и отчасти въ видахъ введенія непріятеля въ заблужденіе насчетъ того направленія, въ которомъ предполагается произвести главный ударъ, приходится обыкновенно разбрасываться на весьма значительномъ пространствѣ (какъ, напримѣръ, при открытіи послѣдняго похода, Прусскія войска были растянуты отъ Торгау до Глаца), по которому движеніе исполняется въ нѣсколькихъ колоннахъ (въ каждой одинъ и болѣе корпусовъ). Каждая изъ колоннъ слѣдуетъ со всѣми тѣми предосторожностями, о которыхъ упоминается въ тактикѣ, т. е. высылаетъ авангардъ. Наконецъ, всѣ онѣ со стороны непріятеля заслоняются общимъ прикрывающимъ отрядомъ (смотря по направленію движенія—авангардомъ, арріергардомъ, боковымъ авангардомъ). Такимъ образомъ, при открытіи похода 1805 г., во время перехода черезъ Рейнъ и приближенія Французскихъ корпусовъ къ Майну, армія наступала на протяженіи 300 верстъ, шестью и далѣе пятью колоннами [2]). По мѣрѣ сближенія

[1]) Что касается до средствъ, ведущихъ къ скрытію какого-либо предпріятія на войнѣ, то ясно, что ихъ безчисленное множество, что они, на этомъ основаніи, теоріею даже перечислены быть не могутъ, и что лучшимъ наставникомъ въ этомъ дѣлѣ будутъ военная исторія и тщательный критическій разборъ фактовъ.

[2]) На *правомъ флангѣ*, 25-го сентября, Мюратъ (съ тремя драгунскими дивизіями) и Ланнъ переходятъ черезъ Рейнъ у Страсбурга.

На слѣдующій день, 26-го сентября, Ней перешелъ Рейнъ у Дурлаха и двинулся черезъ Виндсгеймъ къ Штутгардту.

Въ тотъ же день Мармонъ перешелъ Рейнъ въ Майнцѣ и двинулся черезъ Франкфуртъ и Ашафенбургъ къ Вюрцбургу.

27-го Сультъ перешелъ Рейнъ въ Шпейерѣ и двинулся къ Гейльбронну и Нордлингену.

Въ тотъ же день Даву перешелъ Рейнъ въ Мангеймѣ и направился черезъ Неккаръ-Эльцъ къ Эттингену и Нордлингену.

съ непріятелемъ, сближаются между собою и колонны, и войска все болѣе и болѣе сосредоточиваются. Подобно тому какъ при движеніи менѣе значительныхъ массъ, и движеніе различныхъ колоннъ цѣлой арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій разсчитывается такъ, чтобы войска были по возможности болѣе сосредоточены и чтобы головы различныхъ колоннъ, въ извѣстное время, достигали извѣстныхъ пунктовъ. Такого рода *уравненіе движенія* колоннъ приводитъ въ стратегіи къ такъ называемому *фронту дѣйствій* или *стратегическому фронту*. Подъ *фронтомъ дѣйствій* понимается *совокупность пунктовъ, занимаемыхъ головами колоннъ арміи, впереди базы*.

Теоретическій масштабъ, совокупность тѣхъ условій, которымъ по возможности долженъ удовлетворять фронтъ дѣйствій, заключается въ слѣдующемъ:

1) Онъ долженъ способствовать связи различныхъ колоннъ (напримѣръ, фронтъ дѣйствій Австрійской арміи въ кампанію 1796 г., во время наступательнаго движенія, предшествовавшаго сраженію при Кастильоне, не удовлетворялъ этому условію).

2) Быть обезпеченнымъ съ фланговъ.

3) Прикрывать наивыгоднѣйшимъ образомъ тылъ.

и 4) Представлять по близости удобную позицію на случай боя.

Само собою разумѣется, что какъ, по мѣрѣ сближенія съ непріятелемъ, войска все болѣе и болѣе сосредоточиваются, фронтъ дѣйствій все болѣе и болѣе сокращается. Такимъ образомъ, при дальнѣйшемъ движеніи впередъ Французской арміи, въ ту же кампанію, наступленіе это произведено было въ трехъ массахъ: на *лѣвомъ флангѣ* Бернадоттъ, Мармонъ и Баварцы; въ *центрѣ* Сультъ и Даву; на *правомъ флангѣ* Ней, Ланнъ, кавалерія и гвардія. *Второй ея фронтъ дѣйствій*, нѣсколько наклоненный въ отношеніи къ первому, направляется отъ Штутгардта къ Анспаху, на протяженіи 100 верстъ; *третій* тянется параллельно Дунаю отъ Донауверта къ Ингольштадту, на протяженіи 40 верстъ; *четвертый* на рѣкѣ Лехѣ, на сообщеніяхъ Австрійской арміи... [1]).

30-го сентября Бернадоттъ прибылъ въ Вюрцбургъ, гдѣ онъ соединился съ Мармономъ и съ Баварскими войсками.

Въ тотъ же день главный артиллерійскій паркъ перешелъ Рейнъ у Страсбурга и двинулся черезъ Раштадтъ и Пфорцгеймъ къ Гейльбронну, двигаясь, такимъ образомъ, въ центрѣ колоннъ (между Сультомъ и Неемъ) по удобнѣйшей дорогѣ на Галле, Эльвангенъ къ Нордлингену.

[1]) Нижеслѣдующая таблица показываетъ обстоятельно различные фронты дѣйствій Французской арміи въ первый періодъ кампаніи 1805 г.

	25-го сентября.	3-го октября.	7-го октября.	12-го октября.
Правый флангъ	Страсбургъ и Дурлахъ.	Штуттгардтъ и Лудвигсбургъ.	Донауверть.	Райнъ.
Центръ	Мангеймъ и Шпейеръ.	Галле и Ингельфингенъ.	Нейбургъ.	Аугсбургъ.
Лѣвый флангъ	Вюрцбургъ.	Анспахъ.	Ингольштадтъ.	Ландсбергъ.

Въ *кампанію 1809 г.* передъ Абенсбергскимъ сраженіемъ, 80 т. Французская армія занимала протяженіе въ *20* верстъ. Вообще, на основаніи историческихъ фактовъ, казалось бы возможнымъ именно это разстояніе въ 20 верстъ принять за наименьшее протяженіе *стратегическаго факта*, за maximum *стратегическаго* сосредоточенія силъ, за которымъ уже слѣдуетъ *тактическое* сосредоточеніе силъ (*тактическій фронтъ*, т. е. длина боевой позиціи).

§ 2.

Значеніе административныхъ условій при исполненіи маршей-маневровъ.—Схема марша 150 т. арміи.

Въ своемъ мѣстѣ указано было, насколько новѣйшія операціонныя линіи измѣнились въ ширинѣ и въ особенности въ длинѣ, другими словами: насколько выиграла подвижность и вообще свобода

Не лишено интереса сравненіе этой таблицы, показывающей различные фронты дѣйствій, которые на самомъ дѣлѣ были заняты Французскою арміею, съ другою (Vial II. 151), показывающею предварительный разсчетъ, сдѣланный до открытія кампаніи еще самимъ Наполеономъ. Изъ этого сравненія видно, что ***движеніе на самомъ дѣлѣ было значительно быстрѣе исполнено, какъ то предполагалъ Наполеонъ*** (9-ю днями).

Изъ слѣдующей таблицы видѣнъ предварительный разсчетъ:

Корпуса.	28-го сентября.	6-го октября.	9-го октября.	16-го октября.
1-й Бернадоттъ.	Вюцбургъ.	Анспахъ.	Интенберъ.	Регенсбургъ.
2-й Мармонъ . .	Тоже.	Тоже.	Тоже.	Тоже.
3-й Даву	Мангеймъ.	Мергентгеймъ.	Анспахъ.	Дистфуртъ.
4-й Сультъ . . .	Ландау.	Ааленъ.	Динкесбюль.	Донаувертъ.
5-й Ланнъ. . . .	Страсбургъ.	Гемюндъ.	Нордлингенъ.	Нейбургъ.
6-й Ней.	Зельцъ.	Крейслхеймъ.	Вейссейбъ.	Ингольштадтъ.

Все движеніе Французскихъ корпусовъ отъ Рейна къ Дунаю въ 1805 г. было такъ разсчитано, что Наполеонъ могъ соединить, въ случаѣ атаки непріятеля на лѣвомъ берегу Дуная, на томъ или другомъ флангѣ, въ кратчайшее время отъ *90 — 100 т.* войскъ.

Наполеонъ въ особенности отличался неподражаемымъ искусствомъ въ направленіи съ необыкновенною точностью къ рѣшительному пункту театра военныхъ дѣйствій колоннъ, начавшихъ движеніе въ наиболѣе отдаленныхъ и расходящихся направленіяхъ. Вообще онъ мастерски умѣлъ разсчитывать движенія массъ. «Долгое время — говоритъ Жомини — приписывали Бертье эти инструкціи, соображенныя съ такою точностію и изложенныя съ такою ясностію; я сотни разъ имѣлъ случай убѣдиться въ несправедливости подобнаго предположенія. Наполеонъ былъ самъ истинный начальникъ своего штаба. Съ циркулемъ въ рукѣ, раскрытомъ, по масштабу, на разстояніи отъ 28 до 30 верстъ въ прямой линіи (которыя, вслѣдствіе изгибовъ дороги, слѣдуетъ считать за 36 — 40 верстъ), облокотясь, а иногда и лежа на картѣ, на которой расположеніе его войскъ и предполагаемое имъ положеніе непріятельскихъ обозначено было булавками съ разноцвѣтными головками, онъ предписывалъ то или другое движеніе съ неподражаемою вѣрностью. Отмѣривая циркулемъ по картѣ съ необыкновенною быстротою, онъ мгновенно опредѣлялъ сколько переходовъ необ-

въ дѣйствіяхъ новѣйшихъ армій, а равно и то, что главную причину всѣхъ этихъ измѣненій слѣдуетъ искать, независимо отъ измѣнившейся организаціи войскъ, ихъ снаряженія, системы обученія..., прежде всего въ измѣнившемся способѣ снабженія ихъ запасами на театрѣ военныхъ дѣйствій, т. е. въ введеніи реквизицій и фуражировокъ, въ дополненіе къ магазинному способу.

Перейдемъ теперь къ болѣе обстоятельному изслѣдованію вопроса относительно той *зависимости, которая существуетъ между административною и тактическою собственно стороною маршей-маневровъ.*

Прежде всего замѣтимъ, о чемъ отчасти было упомянуто выше, что, при *маршахъ для сосредоточенія войскъ къ базѣ*,—обыкновенно дѣйствуетъ квартирное довольствіе; далѣе, при *расположеніи войскъ на базѣ*—магазинное; при *движеніяхъ впереди базы*—войска сначала продовольствуются изъ магазиновъ; при *дальнѣйшемъ движеніи*—путемъ реквизицій и фуражировокъ. При сближеніи съ непріятелемъ, при *сосредоточеніи силъ*, начинаютъ уже дѣйствовать *подвижные запасы* (запасы полковаго обоза и ранцевый запасъ).

Далѣе Наполеонъ говоритъ: «*30 т. войскъ могутъ идти всегда въ совокупности и двигаться по одной дорогѣ*», — это есть наибольшее протяженіе глубины колонны, maximum числа войскъ, двигающихся по одному пути (хотя и не безусловно какъ вслѣдъ за симъ будетъ объяснено), въ чемъ не трудно будетъ убѣдиться изъ слѣдующаго разчета. 30 т. войскъ съ боевымъ обозомъ (1-го разряда) занимаютъ въ глубину около 15 верстъ. Обозъ II-го разряда приблизительно столько же. Слѣдовательно, глубина всей колонны будетъ около 30 верстъ: а это есть maximum перехода для войскъ (при продолжительномъ, безостановочномъ движеніи) и, во всякомъ случаѣ, maximum перехода для обозной колонны. Если увеличивать глубину колонны за этотъ предѣлъ, то это поведетъ къ тому, что обозы не въ состояніи будутъ слѣдовать за войсками; слѣдовательно подобное увеличеніе глубины колонны войскъ, двигающихся по одной дорогѣ, можетъ быть допущено только на короткіе промежутки времени, когда въ основаніе всего движенія положено продовольствіе войскъ *исключительно путемъ ранцеваго запаса* [1]) (продолжительность же этого времени, въ свою очередь, зависитъ отъ способа снаряженія войскъ). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ число войскъ, двигающихся по одной дорогѣ, можетъ быть увеличено въ 2 раза противъ предъидущаго, т. е. до 60—70 т. За этотъ предѣлъ нѣтъ уже никакого

ходимо будетъ сдѣлать каждому изъ его корпусовъ, для того чтобы прибыть къ извѣстному пункту въ извѣстный день; затѣмъ, переставивъ булавки въ эти новыя положенія и соображая скорость марша каждой колонны съ временемъ выступленія ихъ, онъ диктовалъ тѣ инструкціи, которыя однѣ сами по себѣ могли бы обезсмертить его имя. (Précis de l'art de la guerre, VII, 505 и 506).

[1]) Въ большей части Европейскихъ армій, какъ выше было приведено, 4-хъ дневный запасъ, а у Французовъ 8-ми дневный.

разсчета увеличивать числа войскъ, идущихъ по одной дорогѣ, потому что тогда все, что будетъ находиться позади хвоста этихъ 60—70 т., не въ состояніи будетъ, въ случаѣ столкновенія съ непріятелемъ, принять, въ тотъ же день, участія въ бою. Да и, наконецъ, если допустить, что армія двигается по тремъ дорогамъ [1]), по каждой отъ 60—70 т. и, сверхъ того, въ авангардѣ отъ 20—30 т., то подобное распредѣленіе марша дастъ возможность сосредоточить къ одному пункту въ 1 день отъ 200—240 т., силы слишкомъ достаточныя.

Основываясь на вышеприведенномъ взглядѣ Наполеона, что «30 т. войскъ могутъ всегда идти въ совокупности и двигаться по одной дорогѣ», *порядокъ марша 150 т. арміи* [2]) (изъ 5-ти корпусовъ, по тремъ дорогамъ) будетъ приблизительно слѣдующій: три корпуса, одинъ отъ другаго на разстояніи отъ полуперехода до перехода, по средней дорогѣ; остальные два, одинъ по правой, другой по лѣвой. Впереди средней колонны, на разстояніи также отъ полуперехода до цѣлаго перехода, авангардъ, въ составѣ 2—3 кавалерійскихъ дивизій съ 1 пѣхотною [3]); далѣе парки, подъ особымъ прикрытіемъ, на разстояніи отъ 1—2 переходовъ. Корпуса, не прикрытые движеніемъ прочихъ войскъ, высылаютъ особый авангардъ и вообще принимаютъ извѣстныя мѣры предосторожности.

Такова *схема*, общая формула порядка марша цѣлой арміи, которая, въ зависимости отъ обстановки (большаго или меньшаго удаленія отъ непріятеля, богатства и населенности края, числа путей, извѣстныхъ административныхъ условій...) должна принимать безконечно разнообразныя формы. Уловить эти видоизмѣненія въ формѣ теорія не въ состояніи. Лучшимъ наставникомъ, въ этомъ отношеніи, является опять-таки военная исторія.

Такимъ образомъ, въ приведенной схемѣ глубина всей колонны, не считая парковъ, будетъ отъ 5—7 переходовъ (125—175 верстъ).
1 Само собою разумѣется, что, *при сближеніи съ непріятелемъ*, непосредственно передъ боемъ, она должна значительно уменьшиться и быть доведена, согласно вышеизложенному, даже до 1 перехода. Если при этомъ принять во вниманіе наименьшую длину стратегическаго фронта, тоже около 1 перехода, то сосредоточеніе 200—250 т. на пространствѣ 1 перехода въ глубину и въ ширину можно принять за крайній предѣлъ *стратегическаго сосредоточенія* подобной массы.

[1]) Предполагая длину стратегическаго фронта въ 1 переходъ.

[2]) Предполагая непріятеля еще въ нѣкоторомъ удаленіи.

[3]) Весьма близко къ взятому нами примѣрно составу авангарда подходилъ обыкновенно составъ авангардовъ у Наполеона, т. е. значительное число кавалеріи съ придачею нѣкоторой части пѣхоты или даже исключительно изъ одной кавалеріи, какъ, напримѣръ, въ 1806 авангардъ состоялъ изъ 4-хъ дивизій драгунъ и легкой кавалеріи (Трейльяръ, Мило, Ватье и Лассаль); въ 1812 г. вся Французская кавалерія шла въ авангардѣ отъ Смоленска до Москвы; въ 1815 г. авангардъ состоялъ изъ 2-хъ дивизій легкой кавалеріи, 1 дивизіи пѣхоты и всѣхъ саперныхъ ротъ.

Въ приведенной выше схемѣ мы предположили, что каждый корпусъ двигается по одной дорогѣ. Подобное распредѣленіе войскъ представляетъ существенныя неудобства, выражающіяся въ значительной потерѣ времени, а слѣдовательно и въ непроизводительномъ утомленіи войскъ, при вытягиваніи съ бивака и при стягиваніи ихъ въ общій бивакъ [1]) (*3* часа на вытягиваніе и *3* часа на стягиваніе, слѣдовательно *6* часовъ потеряннаго времени).

Указанныя неудобства могутъ быть устранены двоякимъ образомъ: 1) движеніемъ корпуса не по одной, а по нѣсколькимъ дорогамъ (положимъ по тремъ) и стягиваніемъ ихъ не въ общій корпусный бивакъ, а подивизіонно (глубина каждой колонны 1 часъ; время на стягиваніе и на вытягиваніе съ бивака уменьшится до 2-хъ часовъ), или 2) если встрѣтится только одна дорога для движенія каждаго корпуса, то выгодно не сводить войскъ въ одинъ общій бивакъ, а эшелонировать ихъ по дорогѣ подивизіонно, одна дивизія отъ другой приблизительно въ разстояніи 8 верстъ.

Переходя затѣмъ исключительно къ административной сторонѣ вопроса, мы замѣтимъ, согласно уже вышеизложенному, что: а) *при движеніи впереди базы, въ странѣ богато населенной* (по крайней мѣрѣ 2 т. жителей на 1 квадр. милю), *до сосредоточенія войскъ*, они продовольствуются на счетъ края, путемъ реквизицій и фуражировокъ, причемъ авангардъ существуетъ исключительно путемъ фуражировокъ; при немъ обыкновенно находятся интендантскіе чиновники, заготовляющіе, посредствомъ реквизицій, запасы для позади слѣдующихъ главныхъ силъ; и б) *въ краѣ малонаселенномъ*, при продовольствіи войскъ, во время движенія, на помощь къ недостаточнымъ мѣстнымъ средствамъ являются уже *подвижные запасы*. Тутъ могутъ оказать особенную пользу *желѣзныя дороги* и *судоходныя рѣки*; только при ихъ содѣйствіи и возможна *безостановочность* движенія; въ противномъ случаѣ, по истощеніи запасовъ въ полковомъ обозѣ, потребуется или остановка, или значительное замедленіе движенія.— Только судоходныя рѣки и желѣзныя дороги даютъ возможность пополнить запасы полковаго обоза безъ задержекъ, но и то только тогда, *когда онѣ пролегаютъ въ одинаковомъ направленіи съ направленіемъ движенія арміи, когда мы владѣемъ обоими берегами рѣкъ, или когда непріятель расположенъ на одномъ съ нами берегу.*

Относительно собственно *желѣзныхъ дорогъ*, въ разсматриваемомъ случаѣ, самое выгодное будетъ, если дорога, независимо отъ совпаденія ея направленія съ направленіемъ движенія арміи, будетъ проходить *по серединѣ* раіона движенія и притомъ не далѣе 40 верстъ отъ крайнихъ колоннъ [2]). Если же средства полковаго обоза могутъ

[1]) Можно принять за основаніе, что въ краѣ достаточно населенномъ, въ раіонѣ отъ 12—24 верстъ, можетъ быть найдено количество запасовъ, достаточное для продовольствія 30 т. корпуса, въ теченіе сутокъ.

[2]) Слѣдуетъ принять 2 перехода за maximum удаленія войскъ отъ магазина, для доставки войскамъ запасовъ *исключительно* путемъ полковаго обоза.

быть усилены еще мѣстными перевозочными средствами, то раіонъ движенія можетъ быть и болѣе расширенъ.

Также выгодно, если желѣзная дорога пересѣкаетъ сферу движенія арміи въ видѣ *ломанной линіи, зигзагами,* касаясь попеременно то одной, то другой фланговой колонны. Такова, напримѣръ, западная Австрійская желѣзная дорога, по правому берегу Дуная. Она пересѣкаетъ подобнымъ образомъ три дороги, такъ что если бы она существовала въ 1809 г., то, независимо отъ Дуная, Наполеонъ могъ бы и ею воспользоваться, для перевозки тяжестей, что, въ свою очередь, доставило бы возможность и войска вести сосредоточеннѣе и двигаться быстрѣе.

Вообще *желѣзныя дороги* должны быть разсматриваемы какъ *выгоднѣйшіе, новѣйшіе, подвижные магазины.* Независимо отъ данныхъ, приведенныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ выше, вполнѣ оправдывающихъ подобный выводъ, для вѣрной оцѣнки пользы, приносимой въ этомъ отношеніи желѣзными дорогами, стоитъ только припомнить одно изъ колоссальныхъ предпріятій Наполеона, его походъ въ Россію, рушившійся отчасти подъ вліяніемъ административныхъ условій, не смотря на то, что Наполеономъ въ этомъ отношеніи было сдѣлано все, что только было человѣчески возможно. На границѣ учреждены были магазины. Для облегченія перевозки запасовъ изъ магазиновъ къ арміи, имъ организовано было 34 фурштадтскихъ баталіона; каждый баталіонъ изъ 150-ти 4-х-конныхъ фуръ, т. е. изъ 600 лошадей, а въ общей сложности 5,100 фуръ и 20,400 лошадей. Изъ числа *34* баталіоновъ *20* слѣдовало непосредственно за арміею; они могли поднять 4 мил. раціоновъ, что достаточно было на 2 недѣли. А такъ какъ магазины находились въ 25 переходахъ отъ арміи, то каждому транспорту необходимо было 50 дней на каждую поѣздку отъ магазиновъ къ арміи и обратно, т. е. въ 4 раза болѣе того времени, насколько перевезенными имъ запасами онъ могъ обезпечить существованіе арміи. Слѣдовательно, для непрерывнаго обезпеченія продовольствія арміи *исключительно изъ магазиновъ* и то при удаленіи ея только на 25 переходовъ (на какія нибудь 600 верстъ), необходимо было не *20,* а *80* подобныхъ баталіоновъ, т. е. 12 т. повозокъ и 48 т. лошадей, средства очевидно *невозможныя,* а въ этомъ и заключается причина *невозможности всего предпріятія.* Если предположить, что Наполеонъ, въ 1812 г., располагалъ бы нынѣшними перевозочными средствами, имѣлъ бы *одну* или *двѣ* желѣзныя дороги въ своемъ распоряженіи, то вышеприведенная невозможность исчезла бы сама собою [1]), а съ нею и невозможность всего предпріятія.

[1]) Полагая на каждую повозку 70 пуд., грузъ 12 т. повозокъ будетъ = 840,000 пуд. Полагая на каждый поѣздъ 8,400 пудовъ и отправляя 10 таковыхъ въ день, окажется, что все означенное количество запасовъ можетъ быть перевезено въ 10 дней 100 поѣздами. А такъ какъ количество это = 50-дневному количеству запасовъ для главной массы Наполеоновской арміи въ 1812 г., то перевозка могла производиться даже въ 5 разъ медленнѣе.

§ 3.

Приложеніе масштаба для маршей-маневровъ къ наиболѣе замѣчательнымъ фактамъ.

Въ видахъ болѣе близкаго ознакомленія съ тѣми мѣрами, которыя принимаются для обезпеченія успѣха маршей-маневровъ, а равно и съ тѣми разнообразными формами, въ которыя, въ подобномъ случаѣ, вышеприведенная общая формула выливается, въ зависимости отъ обстановки, приКинемъ вышеприведенный масштабъ къ нѣкоторымъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ.

I. *Походъ 1809 года. Движеніе Наполеона отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ.* Маршъ этотъ является, въ одно и тоже время, въ видѣ марша *флангового* (по отношенію къ главнымъ силамъ эрцгерцога Карла, отступавшимъ лѣвымъ берегомъ Дуная въ Богемію) и *фронтальнаго* (въ отношеніи къ войскамъ Гиллера и эрцгерцога Людвига, отступавшимъ по правому берегу Дуная на Вѣну), такъ что съ точки условія *безопасности* необходимо было обезпечить его какъ съ лѣваго фланга, такъ и съ фронта (обезпеченіе съ праваго фланга, по причинамъ, изложеннымъ выше, не требовало особенно энергическихъ мѣръ). О мѣрахъ, принятыхъ Наполеономъ *къ обезпеченію движенія съ лѣваго фланга* (предупрежденіе Австрійцевъ на переправахъ черезъ Дунай и цѣлый рядъ боковыхъ авангардовъ: корпуса Массены, Даву...), было обстоятельно упомянуто выше; *фронтальное обезпеченіе* означеннаго движенія возложено было на *авангардъ* Бессіера, 13,000—14,000, составленный предпочтительно изъ кавалеріи (въ составъ его вошли: кавалерія Марулаца, Нѣмецкая кавалерія и пѣхотная дивизія Молитора). *Главныя силы* (половина корпуса Удино, дивизіи Сентъ-Иллера и Демона, гвардія и 14 кирасирскихъ полковъ), подъ прикрытіемъ авангарда Бессіера съ одной стороны и вышеупомянутыхъ боковыхъ авангардовъ съ другой, двигались на Ландсгутъ. Гиллеръ и эрцгерцогъ Людвигъ, еще до полученія извѣстія о пораженіи эрцгерцога Карла при Экмюлѣ и Регенсбургѣ, рѣшились, въ видахъ соединенія съ нимъ, перейти въ наступленіе (24-го апрѣля). Начало этого наступленія было успѣшно (40,000 противъ 14,000 Бессіера); но когда Бессіеръ былъ подкрѣпленъ войсками изъ главныхъ силъ, и когда Гиллеръ и эрцгерцогъ Людвигъ получили точныя свѣдѣнія о положеніи эрцгерцога Карла, то они рѣшились отойти за Иннъ и Трауну, предполагая на берегахъ этихъ рѣкъ застать одного изъ эрцгерцоговъ: Карла или Іоанна (съ Италіянскою арміею).

Къ числу вышеприведенныхъ мѣръ касательно обезпеченія марша необходимо отнести еще и приказаніе, данное корпусу Даву, въ видахъ лучшаго *скрытія* движенія главныхъ силъ, двигаться изъ Регенсбурга вслѣдъ за эрцгерцогомъ Карломъ до той минуты, пока онъ не получитъ извѣстія о переходѣ эрцгерцогомъ Богемской границы. Тогда, оставивъ, для дальнѣйшаго наблюденія за главною

Австрійскою арміею, на лѣвомъ берегу Дуная, кавалерію Монбрена, Даву долженъ былъ двинуться, по правому берегу, въ указанномъ выше направленіи, за корпусомъ Массены (на этотъ разъ, слѣдовательно, мѣры къ скрытію марша выразились: въ направленіи одной изъ прикрывающихъ частей не въ ту сторону, куда предполагалось направить главную массу).

Гиллеръ и эрцгерцогъ Людвигъ, отступая, не попытались даже держаться за рѣкой Инномъ, а ограничившись порчею переправъ, отошли за рѣку Трауну, гдѣ заняли сильную Эберсбергскую позицію.

38-го и 29-го апрѣля Французы достигаютъ линіи Инна. (Массена въ Пассау, остальные на пространствѣ отъ Браунау до Зальцбурга; протяженіе фронта дѣйствій около 100 верстъ.) Возстановленіе переправъ на рѣкѣ Иннѣ задержало Наполеона отъ 24 до 48 часовъ. 1-го мая Французы переправились черезъ Иннъ и двинулись къ рѣкѣ Траунѣ. Такимъ образомъ, пространство въ 80 верстъ отъ рѣки Изара до рѣки Инна, частію съ боемъ и съ двухдневною остановкою на Иннѣ, для поправки мостовъ, пройдено было въ 7 дней, что на этотъ разъ еще пока не свидѣтельствуетъ объ особенной быстротѣ движенія.

1-й моментъ движенія [1]). 3-го мая Французы подошли къ рѣкѣ Траунѣ, двигаясь тремя колоннами: въ лѣвой шелъ Массена на Линцъ и Эберсбергъ, въ средней Ланнъ на Вельсъ и въ правой Вреде на Ламбахъ (фронтъ дѣйствій 40 верстъ протяженія). Послѣ упорной и совершенно безполезной фронтальной атаки сильной Эберсбергской позиціи, защищаемой 30,000, въ которую Массена вовлеченъ былъ запальчивостью одного изъ своихъ бригадныхъ генераловъ, и въ особенности послѣ обхода ея Французскою кавалеріею со стороны Вельса, Австрійцы отступили, разсчитывая соединиться съ эрцгерцогомъ Карломъ у Маутернской переправы (близъ Кремса), такъ какъ у Маутгаузенской (защищаемой Эберсбергскою позиціею) этого имъ не удалось достигнуть. Вообще соединеніе на правомъ берегу Дуная разобщенныхъ войскъ эрцгерцога Карла и Гиллера могло послѣдовать у трехъ главныхъ, ведущихъ со стороны Богеміи дебуше: у *Матгаузена*, *Маутерна* и *Вѣны*. У этихъ-то трехъ пунктовъ и важно было Наполеону предупредить Австрійцевъ; въ этомъ заключалась главная задача марша, вполнѣ имъ разрѣшенная, благодаря быстротѣ его движенія и необыкновенной вялости и медленности движенія эрцгерцога Карла.

Двигаясь вслѣдъ за отступавшими войсками Гиллера и эрцгерцога Людвига, Французы 4-го мая достигаютъ рѣки Энсъ (20 верстъ отъ Трауны); все 5-е число употребляютъ на возстановленіе разрушенныхъ Австрійцами переправъ; 6-го утромъ достигаютъ Амштетена. До Ам-

---

[1]) Здѣсь не имѣется въ виду критическаго разбора всего марша отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ, а предполагается указать только нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ его моментовъ.

штена Французскія войска двигались въ указанномъ выше порядкѣ, въ трехъ колоннахъ.

2-й моментъ движенія. Начиная отъ Амштетена, такъ какъ горы, сопровождающія теченіе Дуная, съ правой стороны, подходятъ здѣсь на весьма близкое разстояніе къ Дунаю и на этомъ пространствѣ есть только одна дорога на Вѣну, пришлось измѣнить порядокъ марша слѣдующимъ образомъ: Бессіеръ, попрежнему, остался въ авангардѣ съ кавалеріею и пѣхотою Удино; за нимъ шелъ Массена, далѣе Ланнъ.... Вообще дальнѣйшее движеніе исполнено было въ одной колоннѣ. 7-го мая, вечеромъ, Французы заняли Амштетенъ, а 8-го Французскій авангардъ безъ боя занимаетъ знаменитую Санктъ-Пельтенскую позицію на Каленбергѣ. 8-го числа, вечеромъ, въ Мелькѣ, Наполеономъ были сдѣланы слѣдующія измѣненія въ дальнѣйшемъ порядкѣ слѣдованія войскъ:

3-й моментъ движенія. До сихъ поръ въ авангардѣ шла преимущественно кавалерія. Атака такого пункта, какъ Вѣна, конечно, не могла быть дѣломъ кавалеріи: для этого необходима была пѣхота. На этомъ основаніи, взамѣнъ кавалерійскаго авангарда Бессіера, назначается въ авангардъ пѣхота (Удино и Демона) подъ начальствомъ Ланна. Непосредственно за Ланномъ долженъ былъ двинуться Массена, а за Массеною Наполеонъ съ гвардіею и кирасирами. *Охраненіе марша съ лѣваго фланга* возложено было на кавалерію, которая должна была слѣдовать вдоль по теченію Дуная и занять Тульнъ, Маутернъ, Клостернейбургъ.... Со стороны *праваго фланга,* для наблюденія за эрцгерцогомъ Іоанномъ, высланъ былъ къ Лиліенфельду, на дорогу, ведущую изъ Италіи, отрядъ Брюйера (легкая кавалерія и 1,000 пѣхоты). *Охраненіе съ тыла* возложено было отчасти на корпусъ Даву, уже дошедшій до Линца. Ему приказано было перейти въ Мелькъ и далѣе въ С.-Пельтенъ, для удержанія непріятеля у Кремса, если бы онъ въ этомъ направленіи предпринялъ что-нибудь противъ Французской арміи; въ противномъ случаѣ, и онъ долженъ былъ слѣдовать за прочими войсками. Дюпа, до прибытія Бернадотта, долженъ былъ оставаться въ Пассау, а охраненіе Линца возложено было на Виртембергскія войска, подъ начальствомъ Вандамма.

Въ описанномъ порядкѣ, Французы, 10-го мая, утромъ, подошли къ почти беззащитной Вѣнѣ, ровно мѣсяцъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Движеніе отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ, на пространствѣ 400 верстъ, было исполнено съ 24-го апрѣля по 10-е мая, въ 16 дней, что, если выкинуть только по одному дню на устройство переправъ на Иннѣ, Траунѣ и Энсѣ, составитъ болѣе 30 верстъ въ день. Подобная скорость, если принять во вниманіе значительность массы двигавшихся войскъ, представляетъ явленіе замѣчательное. «*Дѣлать по 40 верстъ въ день, сражаться, преслѣдовать и потомъ уже отдыхать—другаго образа войны я не знаю.*» Въ словахъ этихъ, сказанныхъ Наполеономъ генералу Жомини, вполнѣ вѣрно охарактеризованъ его образъ веденія войны.

Такимъ образомъ мы прослѣдили мѣры, принятыя Наполеономъ къ обезпеченію его смѣлаго движенія отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ, въ три наиболѣе замѣчательные момента: со стороны *скрытности*, *быстроты*, а равно и измѣненія *въ порядкѣ слѣдованія войскъ*, въ зависимости отъ измѣненій въ обстановкѣ. Сдѣлаемъ тоже самое и въ отношеніи къ другимъ наиболѣе замѣчательнымъ маршамъ-маневрамъ.

II. *Походъ 1805 года. Первый моментъ движенія до захвата сообщеній Макка съ Вѣною.* Слишкомъ смѣлое, изолированное наступленіе, какъ выше было замѣчено, Макка къ рѣкѣ Иллеру, удлиннивъ его слабо обезпеченную опеціонную линію [1]), хотя и прикрытую, повидимому, Дунаемъ (но только *повидимому*, какъ будетъ объяснено ниже), представляло превосходный случай отрѣзать его отъ Вѣны. Первоначальное расположеніе Французскихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, какъ выше было приведено, отвѣчало этой комбинаціи, потому что, сосредоточеніемъ Мармона, Бернадотта и Баварцевъ (63,000) у Вюрцбурга и фронтальнымъ ихъ наступленіемъ, они кратчайшимъ путемъ выходили на операціонную линію Макка, направлявшуюся отъ Ульма черезъ Аугсбургъ, Мюнхенъ и далѣе къ Вѣнѣ. Остальные корпуса изъ Булони, переправясь черезъ Рейнъ, на пространствѣ между Страсбургомъ и Майнцемъ, могли быть направлены туда же (къ Нейбургу, Донауверту и Ингольштадту на Дунаѣ). Таковъ былъ дѣйствительно, какъ въ своемъ мѣстѣ указано, планъ, составленный Наполеономъ, планъ превосходный и вполнѣ сообразный съ обстановкой; но, *какъ бы планы ни были хороши сами по себѣ, настоящую цѣну придаетъ имъ только исполненіе.* Прослѣдимъ этотъ вопросъ въ самыхъ бѣглыхъ характеристическихъ чертахъ, обращая особенное вниманіе, какъ выше было замѣчено, на мѣры къ *скрытію* и къ *обезпеченію* марша, на преобладающія условія для успѣха задуманнаго Наполеономъ стратегическаго маневра.

Задача, поставленная Наполеономъ, была чрезвычайно трудна, и рѣшеніе ея достойно генія Наполеона. Она заключалась ни болѣе и ни менѣе какъ въ томъ, чтобы незамѣтно для непріятеля перекинуть 150,000-ю армію съ береговъ Ла-Манша, изъ Голландіи и Ганновера къ Дунаю. Къ успѣшному разрѣшенію ея долженъ былъ послужить цѣлый рядъ искусно задуманныхъ и еще болѣе искусно выполненныхъ *демонстрацій* на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ то время какъ въ послѣднихъ числахъ сентября (нов. стиля) корпуса, шедшіе изъ Булонскаго лагеря, переправились черезъ Рейнъ (Ланнъ и кавалерія Мюрата у Страсбурга, Ней у Дурлаха, Сультъ у Шпейера, Даву у Мангейма и Мармонъ изъ Голландіи у Майнца), а Мармонъ и Бернадоттъ и Баварцы сосредоточились у Вюрцбурга (30-го сентября, 63,000), Наполеонъ предписываетъ Ланну и Мюрату, не вдаваясь съ непріятелемъ въ упорный бой, производить ча-

[1]) 20 т. Кинмайера у Ингольштадта.

стыя рекогносцировки Шварцвальдскихъ дефиле, стараясь привлечь къ нимъ вниманіе непріятеля. Такимъ образомъ Ланнъ и Мюратъ, какъ ближайшія войска къ Макку, должны были служить въ одно и то же время, *отводомъ и неподвижною осью предначертаннаго Наполеономъ обширнаго стратегическаго захожденія прочихъ его войскъ.*

Цѣль Наполеона была достигнута. Маккъ и эрцгерцогъ Фердинандъ, придавая серіозное значеніе демонстраціямъ Ланна и Мюрата, были увѣрены, что Наполеонъ атакуетъ ихъ съ фронта, наступая по правому берегу Дуная, почему и рѣшились остаться на занимаемой ими позиціи, прикрытой съ фронта рѣкою Иллеромъ, съ праваго фланга Дунаемъ и укрѣпленнымъ лагеремъ Ульмомъ, а съ лѣваго укрѣпленнымъ городомъ Мемингеномъ. Всѣ усилія Наполеона должны были именно клониться къ тому, чтобы удержать ихъ долѣе, по возможности до окончанія маневра, въ этой позиціи, потому что если бы Маккъ отступилъ и соединился со спѣшившею въ то время на театръ военныхъ дѣйствій арміею Кутузова, то онъ поставилъ бы себя внѣ всякой опасности, и ударъ, который Наполеонъ такъ смѣло занесъ надъ головою противника, обратился бы въ ударъ по воздуху и много-много что привелъ бы развѣ къ фронтальной атакѣ. Это было бы безспорно лучшее рѣшеніе, которое могло бы быть принято Маккомъ. Далѣе: онъ могъ бы подтянуться къ Дунаю (къ Нейбургу, Донауверту или Ингольштадту) и заставить обходившіе его Французскіе корпуса форсировать переправу чрезъ Дунай. Всѣ эти пути къ выходу изъ готовившагося для него опаснаго положенія были открыты для Макка; но, для того чтобы ими воспользоваться, надо было заблаговременно, или, по крайней мѣрѣ, своевременно, проникнуть планъ противника. Прямой разсчетъ. слѣдовательно, заключался для Наполеона въ *возможно-полномъ скрытіи своего настоящаго намѣренія.* Наполеонъ очень хорошо сознавалъ, что, при успѣхѣ демонстрацій Мюрата и Ланна, однѣхъ этихъ демонстрацій будетъ далеко недостаточно; что все это хорошо только на нѣкоторое время (а исполненіе кружнаго движенія требовало много времени), даже весьма непродолжительное, по прошествіи котораго, если бы не принято было новыхъ мѣръ къ дальнѣйшему демонстрированію, то его планъ былъ бы разгаданъ. Въ этихъ видахъ, Наполеонъ, изъ числа ближайшихъ къ Страсбургу обходившихъ корпусовъ, стягиваетъ на Верхнемъ Неккарѣ, между Штутгардтомъ и Людвигсбургомъ, къ *3-му октября,* 45,000 войскъ [1]). Такимъ образомъ создается *новый заслонъ* и, въ то же время, *новый отводъ.*

Перенесемся мысленно въ положеніе Макка. Какое онъ могъ себѣ сдѣлать представленіе въ эту минуту о намѣреніи противника? Чи-

---

[1]) Эти 45,000 составлены были изъ войскъ Нея, одной дивизіи Ланна и трехъ дивизій (драгунскихъ) Мюрата. Въ распоряженіи послѣдняго у Страсбурга оставлена была только одна драгунская дивизія.

сло войскъ со стороны Страсбурга передъ нимъ видимо уменьшается; число войскъ у Людвигсбурга и Штутгардта увеличивается. Маккъ уже не сомнѣвается, что со стороны Страсбурга была только демонстрація и что главная опасность ему угрожаетъ со стороны Штутгардта. Сообразно съ этимъ онъ измѣняетъ первое свое представленіе о намѣреніи непріятеля и приходитъ къ новому, столь же ошибочному заключенію, что Наполеонъ, по всей вѣроятности, намѣренъ обойти группу Шварцвальдскихъ горъ и двинуться къ Верхнему Дунаю, открывъ предварительно сообщенія съ Бризгау, для атаки занимаемой имъ позиціи между Ульмомъ и Мемингеномъ. Вслѣдствіе такого предположенія, Маккъ рѣшается остаться неподвижнымъ на своей позиціи. Все это такъ; по тѣмъ даннымъ, которыя нами только что упомянуты, трудно было составить себѣ иное представленіе. Но мы забыли о 63,000, сосредоточенныхъ у Вюрцбурга еще 30-го сентября, о чемъ Маккъ не могъ не знать. Если бы онъ взглянулъ въ эту сторону, то истинное намѣреніе Наполеона не замедлило бы вполнѣ передъ нимъ обрисоваться. Маккъ дѣйствительно зналъ о сосредоточеніи значительныхъ силъ непріятеля у Вюрцбурга; но онъ не составилъ себѣ яснаго представленія о настоящемъ назначеніи ихъ. *Политическія условія* ввели его въ весьма простительную, на этотъ разъ, ошибку. Несмотря на самыя настойчивыя мѣры со стороны Союзниковъ, имъ не удалось привлечь къ коалиціи Пруссію, которая, тѣмъ не менѣе, вооружалась. Союзники были увѣрены, что одно изъ двухъ: или Пруссія сохранитъ строгій нейтралитетъ, или присоединитъ свои войска къ ихъ арміямъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ Наполеонъ, открывая кампанію, долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, обезпечить себя въ то же время и со стороны Пруссіи. Разсуждая такимъ образомъ, Маккъ невольно пришелъ къ убѣжденію, что войска, сосредоточенныя у Вюрцбурга (63,000), представляютъ собою *обсерваціонный корпусъ*, выставленный Наполеономъ для наблюденія за Пруссіею, почему и не счелъ нужнымъ принимать противъ нихъ какія бы то ни было мѣры. Онъ считалъ ихъ для себя вполнѣ безопасными, между тѣмъ какъ эти 63,000 и представляли собою мечъ, занесенный надъ его головою, для котораго все остальное служило только какъ бы рукояткою. Разсчитывалъ ли Наполеонъ на возможность столь ложнаго истолкованія Маккомъ назначенія этой массы войскъ—тѣмъ болѣе чести ему; вышло ли это случайно — во всякомъ случаѣ, обстоятельство это было крайне важно въ дѣлѣ успѣха стратегическаго маневра Наполеона.

Въ то время какъ Маккъ, впадавшій изъ одного ложнаго представленія въ другое о намѣреніяхъ противника, стоялъ неподвижно между Ульмомъ и Мемингеномъ, обходившіе его Французскіе корпуса подошли къ Дунаю. Три корпуса, собранные у Вюрцбурга, по кратчайшему направленію (не стѣсняясь нейтралитетомъ Пруссіи) форсированными маршами спѣшили къ Дунаю и 8 октября сосредоточились у Эйхштедта (въ 20 верстахъ отъ Дуная). Около того же

времени и остальные корпуса, подъ прикрытіемъ корпуса Нея, составившаго боковой авангардъ этого длиннаго фланговаго марша и двигавшагося отъ Штутгардта черезъ Гейденгеймъ и Гингенъ къ Альбеку (близъ Ульма, въ десяти верстахъ отъ Дуная), подошли къ Дунаю (Даву къ Нейбургу 7-го, Сультъ къ Донауверту) [1]).

Такимъ образомъ, до 100,000 Французскихъ войскъ (Мармонъ, Сультъ, Бернадоттъ и Даву) почти одновременно (въ теченіе 6-го и 7-го октября) переходятъ черезъ Дунай въ Донаувертѣ, Нейбургѣ и Ингольштадтѣ, безъ сопротивленія со стороны непріятеля (исключая слабаго сопротивленія у Донауверта), и въ промежуткѣ отъ 8, до 12 октября, занявъ Аугсбургъ (Сультъ 8-го, Мармонъ 12-го), Дахау (Даву 9-го) и Мюнхенъ (Бернадоттъ 12-го), утверждаются на операціонной линіи противника [2]).

Такимъ образомъ, цѣль, поставленная Наполеономъ, была блистательно достигнута. 100,000 человѣкъ заняли операціонную линію противника и, отдѣливъ его отъ Вѣны и отъ Кутузова, поставили въ критическое положеніе ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Правда, что, съ полученіемъ извѣстія о приближеніи Французскихъ корпусовъ къ Дунаю, Маккъ началъ разгадывать планъ Наполеона. Онъ сначала сосредоточилъ свои силы къ Ульму и сталъ фронтомъ къ Дунаю; потомъ онъ снова сдѣлалъ перемѣну фронта правымъ флангомъ назадъ и сталъ правымъ флангомъ къ Мемингену, а лѣвымъ къ Ульму. Онъ предполагалъ держаться въ пространствѣ между рѣкою Иллеромъ и рѣкою Лехомъ, бить по частямъ переходящія на правый берегъ Дуная Французскія войска и выиграть время до прибытія Русскихъ войскъ. Маккъ разгадалъ настоящее намѣреніе Наполеона, *но уже поздно*, когда мысль его обратилась въ неумолимый фактъ, когда 100,000 штыковъ преграждали ему путь. Въ этомъ «*слишкомъ поздно*» вся причина блистательнаго успѣха Наполеона и того критическаго положенія, въ которое попалъ Маккъ, потому что если только время есть, то «*всякому маневру можно противопоставить свой контръ-маневръ*»; а это «*слишкомъ поздно*» было порождено превосходно веденными *демонстраціями*, въ связи съ необыкновенною *быстротою* движенія.

Прикинемъ вышеприведенный *масштабъ* для маршей-маневровъ къ только что бѣгло охарактеризованному факту, т. е. сведемъ всѣ мѣры, принятыя Наполеономъ въ отношеніи: 1) *скрытности*, 2) *быстроты* и 3) *безопасности* маневра.

1) *Въ отношеніи скрытности* замѣчательно прежде всего, что весь 1-й періодъ кампаніи 1805 г. представляетъ высокій образецъ, такъ какъ Наполеонъ съ 29 августа по 8 октября, въ теченіе *40*

[1]) Бернадотъ и Мармонъ перешли Дунай у Ингольштадта.

[2]) Дальнѣйшее фланговое движеніе этихъ корпусовъ на правомъ берегу Дуная не могло быть прикрыто Неемъ, оставшимся на лѣвомъ берегу у Альбека. Съ этою цѣлію былъ высланъ къ Бургау и Цузмаргаузену, между Ульмомъ и Аугсбургомъ, новый боковой авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата.

дней, весьма искусно обманываетъ своихъ противниковъ. Мѣры, принятыя имъ съ этою цѣлію, заключались: а) *до перехода черезъ Рейнъ*, въ томъ, что онъ планъ свой сообщилъ только Бертье, Дарю и курфирсту Баварскому, остальныхъ же онъ увѣрялъ, что онъ посылаетъ только незначительныя подкрѣпленія къ Рейну, около 30 т. Бернадотту приказано было распустить слухъ, что онъ, черезъ Майнцъ, возвращается во Францію. Движеніе остальныхъ корпусовъ, какъ исполняемое въ предѣлахъ Франціи, не могло возбудить особеннаго вниманія. Газетамъ запрещено говорить объ арміи. Для лучшаго введенія въ заблужденіе противниковъ самъ Наполеонъ отъ 6 — 7 лишнихъ дней пробылъ въ Булони; и б) *въ минуту перехода черезъ Рейнъ*, 25 сентября, приказано было Мюрату съ резервною кавалеріею, гренадерами Удино и дивизіею Газана переправиться черезъ Рейнъ у Страсбурга и двинуть резервную кавалерію къ Шварцвальдскимъ проходамъ (изъ Оберкирхена на Фрейденштадтъ; изъ Оффенбурга на Ротвейль и изъ Фрейбурга на Нейштадтъ), показывая видъ, что армія слѣдуетъ за нимъ. Для лучшаго утвержденія непріятеля въ этомъ предположеніи, Мюрату приказано было заготовлять запасы на всѣхъ означенныхъ пунктахъ. Для этой же цѣли долженъ былъ служить и корпусъ Ланна, которому предписано было пѣхотными частями поддерживать демонстрировавшую кавалерію... [1]).

2) Въ *отношеніи быстроты*, *25* и *26 сентября* Французы переходятъ черезъ Рейнъ; *6 октября* дивизія Вандамма (изъ корпуса Сульта) захватываетъ безъ боя Мюнстерскій мостъ въ 4-хъ верстахъ выше Донауверта; *7-го* Сультъ беретъ Донаувертскій мостъ, по которому тотчасъ же переходитъ Мюратъ и захватываетъ мостъ на р. Лехѣ у Райна [2]) и за тѣмъ *8-го* Мюратъ и Ланнъ (40 т.) двигаются къ Бургау, составляя такимъ образомъ *новый боковой авангардъ на правомъ берегу Дуная*.—Въ тотъ же день Сультъ занимаетъ Аугсбургъ, такъ что уже 8-го октября 70 т. стоятъ на сообщеніяхъ Макка съ Вѣною по правому берегу Дуная, не считая пока корпусовъ Мармона и Бернадотта, подошедшихъ къ этому времени къ Дунаю и готовившихся къ переправѣ черезъ него у Ингольштадта. Такимъ образомъ *въ промежутокъ отъ 26 сентября до 6—8 октября* (11—13 дней) *пройдено было пространство отъ Рейна до Дуная, окончена переправа черезъ Дунай и захвачены на обоихъ берегахъ Дуная сообщенія Макка съ Вѣною* (для захвата сообщеній на лѣвомъ берегу оставленъ былъ *Ней* съ 20 т.).

Совокупность указанныхъ мѣръ къ *скрытію* маневра и *быстро-*

---

[1]) Дальнѣйшія мѣры къ скрытію марша отъ Рейна къ Дунаю указаны въ характеристикѣ маневра.

[2]) Съ занятіемъ этого моста обходилась не только линія р. Иллера, но и линія р. Лехъ, иначе *если бы мостъ у Райна не былъ занятъ Французами и Маккъ успѣлъ бы отступить за Лехъ*, то переправа Французовъ черезъ Дунай у Донауверта, Нейбурга и Ингольштадта привела бы ихъ не къ обходу противника, а къ фронтальному наступленію.

тою его исполненія объясняется какъ *внезапность* его для Макка, такъ равно и *безопасность* его.

и 3) *Безопасность* Ульмскаго маневра мы только слегка коснулись въ главѣ объ операціонныхъ линіяхъ [1]) (Отд. I, Б. Гл. I). По особенной важности вопроса *(умѣніе выбрать операціонную линію*, какъ нами было приведено въ своемъ мѣстѣ, *и сдѣлать ее безопасною, во все время кампаніи, составляетъ существеннѣйшую задачу стратегіи)*, мы войдемъ въ болѣе подробное изслѣдованіе мѣръ, принятыхъ въ этомъ отношеніи Наполеономъ.

Сверхъ *скрытности* и *быстроты*, съ которыми исполнено было движеніе, къ мѣрамъ обезпеченія операціонной линіи, разсматриваемой на этотъ разъ въ смыслѣ *пути наступленія*, слѣдуетъ отнести еще цѣлый рядъ *сильныхъ боковыхъ авангардовъ (сперва* Ланнъ и Мюратъ, *далѣе* Мюратъ, Ней и гвардія, *наконецъ*, на правомъ берегу Дуная Мюратъ и Ланнъ).

Только въ промежутокъ отъ 9-го (день Гинцбургскаго боя) до 14-го (день Эльхингенскаго боя) операціонная линія Французской арміи, собственно ея сообщенія на лѣвомъ берегу Дуная, находилась въ опасномъ положеніи. *Капитальная ошибка* эта была сдѣлана Мюратомъ. Послѣ переправы бо̀льшей части Французскихъ корпусовъ черезъ Дунай, Наполеонъ изъ Донауверта переводитъ главную квартиру въ Аугсбургъ, чтобы ближе слѣдить за приближавшеюся Русскою арміею. Аугсбургъ же находится въ 60 верстахъ отъ Ульма и въ 50 отъ Мюнхена. Въ видахъ *объединенія власти* надъ войсками подъ Ульмомъ, Наполеонъ поручаетъ начальство надъ ними Мюрату. Мюратъ, посвященный въ планъ Наполеона, разсчитывавшаго на бой на р. Иллерѣ, имѣя въ виду сосредоточеніе, на правомъ берегу, возможно бо̀льшаго числа войскъ, предписываетъ Нею перевести бо̀льшую часть своего корпуса на правый берегъ. Ней и Ланнъ старались отклонить Мюрата отъ подобной ошибочной мѣры, указывая на опасность обнаженія операціонной линіи и на открытіе пути Австрійцамъ на Богемію. Мюратъ настаивалъ на точномъ исполненіи имъ даннаго приказанія, которое и въ дѣйствительности было исполнено, такъ что на лѣвомъ берегу остались только дивизія Дюпона и драгуны Бараге д'Илліе. Благодаря оплошности Австрійцевъ и въ особенности необыкновенной находчивости и искусству, съ которыми Дюпонъ съумѣлъ скрыть свою слабость, въ день боя подъ Альбекомъ (11), ошибка Мюрата не имѣла вредныхъ послѣдствій; 13-го октября самъ Наполеонъ прибылъ къ Ульму; онъ тотчасъ же принялъ сторону Нея и Ланна противъ Мюрата и приказалъ Нею овладѣть Эльхингенскимъ мостомъ, что и было исполнено 14 числа. Такимъ образомъ прямое, кратчайшее сообщеніе между Французскими войсками на обоихъ берегахъ Дуная было возстанов-

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать той тѣсной связи, которая существуетъ между операціонною линіею, какъ *идею*, и маршемъ-маневромъ, ея *осуществленіемъ*, о чемъ неоднократно было упомянуто выше.

лено и, въ тотъ же день, корпуса Нея и Ланна были сосредоточены на лѣвомъ берегу, благодаря чему операціонная линія снова получила самое полное обезпеченіе.

Описанный нами моментъ—это единственный упрекъ въ стратегическомъ отношеніи, который можетъ быть сдѣланъ исполненію образцовой во всемъ остальномъ комбинаціи Наполеона.

III. *Походъ 1796 г. Стратегическій обходъ генерала Бонапарте отъ Валенцы къ Піаченцѣ.*

Выше отчасти была очеркнута та обстановка, которая вынудила генерала Бонапарте обратиться къ стратегическому обходу Австрійской арміи Болье, расположенной за рѣкой Конья. Главную причину подобнаго рѣшенія слѣдуетъ, конечно, ближе всего искать въ описанныхъ свойствахъ театра военныхъ дѣйствій, въ затрудненіяхъ, которыя онъ представлялъ наступленію Французовъ по лѣвому берегу рѣки По. Выше было также указано, почему, при всемъ желаніи продолжить это обходное движеніе до нижняго По, до устья рѣки Минчіо, съ тѣмъ чтобы вынудить Австрійцевъ отойти за рѣку Адижъ, лишивъ ихъ, такимъ образомъ, возможности держаться за притоками лѣваго берега По (Конья, Тессино, Олона, Ламбра, Адда, Оліо, Кіеза, Минчіо), почему эта цѣль не могла быть достигнута. Собственно потому, что на такомъ дальнемъ разстояніи нельзя было бы скрыть обходнаго движенія, значитъ и успѣхъ его обращался въ дѣло проблематическое. Скрыть это движеніе необходимо было еще и потому, что у Французовъ не было средствъ къ скорому устройству переправы, не было понтоновъ. Вотъ почему успѣхъ въ особенности поставленъ былъ въ зависимость отъ того, чтобъ у пункта, избраннаго для переправы, отнюдь не быть предупрежденнымъ непріятелемъ, т. е. отъ скрытности и быстроты. На основаніи такихъ соображеній, генералъ Бонапарте выбираетъ пунктомъ для переправы Піаченцу.

Для *скрытія* же настоящаго своего намѣренія имъ были приняты слѣдующія мѣры: 1) Въ договорѣ съ Сардинцами (перемиріе въ Хераско) включена была секретная статья о немедленной передачѣ Французамъ обезпеченной переправы черезъ По у Валенцы. Содержаніе этой статьи, какъ и надо было полагать, какъ предполагалъ это и самъ генералъ Бонапарте, было сообщено Австрійцамъ, иначе трудно объяснить себѣ сосредоточенное расположеніе силъ Болье 2-го мая, Болье, бывшаго поклонникомъ кордонной системы и растянувшаго, нѣсколько времени спустя, свои войска въ видѣ паутины при оборонѣ рѣки Минчіо. 2) Главная масса Французскихъ войскъ расположилась у Сале [1]); только одна дивизія Лагарпа была выдвинута къ Вогерѣ, а авангардъ ея къ Кастеджіо (отъ Сале до Піаченцы 70 верстъ, отъ Кастеджіо до Піаченцы около 40 верстъ). Расположеніе войскъ, какъ видно, вполнѣ отвѣчало намѣренію перепра-

---

[1]) Серрюрье у Валеджіо и Александріи; Массена у Сале и Тортоны; Ожро у Каттелланіо и Лагарпъ у Вогеры, имѣя авангардъ у Кастеджіо.

виться черезъ По у Валенцы; только авангардъ, выдвинутый къ Кастеджіо, самымъ нечувствительнымъ образомъ намекалъ на обходъ, приготовляемый генераломъ Бонапарте; но *отводы* къ Валенцѣ были такъ искусно комбинированы, что это ничтожное обстоятельство не могло возбудить ни малѣйшаго вниманія Болье.

Вотъ какимъ образомъ генераломъ Бонапарте былъ подготовленъ успѣхъ предположеннаго имъ маневра. Оставалось настолько же искусно исполнить его, при условіи не быть у Піаченцы предупрежденнымъ значительными силами непріятеля: иначе предпріятіе обратилось бы въ дѣло невозможное. Очевидно, что только одна *быстрота*, необыкновенная быстрота, могла разрѣшить эту задачу.

6-го мая генералъ Бонапарте съ 3,500 гренадеръ и 1,500 кавалеріи, форсированнымъ маршемъ, двигается къ Піаченцѣ. Ночь съ 6-го на 7-е число онъ провелъ въ Кастель-Сенъ-Джіованни, и 7-го мая, утромъ въ девять часовъ, прибылъ къ Піаченцѣ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, около 60 верстъ въ 36 часовъ.

Благодаря превосходно веденнымъ *демонстраціямъ* и необыкновенной *быстротѣ*, предпріятіе генерала Бонапарте увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. На противоположномъ берегу онъ встрѣтилъ только слабый Австрійскій наблюдательный постъ (2 эскадрона гусаръ изъ отряда Липтая), который не могъ воспрепятствовать ему переправиться на лѣвый берегъ По. 900 гренадеръ, подъ начальствомъ полковника Ланна, переправились сейчасъ же на лѣвый берегъ. Не прошло нѣсколько часовъ, какъ весь авангардъ уже былъ переправленъ, а къ ночи (съ 7-го на 8-е) подошла вся армія. 9-го мостъ былъ оконченъ (ширина рѣки По у Піаченцы болѣе 200 саженъ). Только 8-го числа отрядъ Липтая подошелъ къ Фомбіо. Послѣ авангарднаго дѣла у этого пункта, въ которомъ Липтай былъ разбитъ, онъ укрылся въ Пичигеттоне. Болье же, неуспѣвшій воспрепятствовать переправѣ Французовъ у Піаченцы, отошелъ за рѣку Адду. До боя съ главными Австрійскими силами дѣло не дошло вовсе (кромѣ арріергарднаго дѣла у Лоди), потому что маневръ генерала Бонапарте не имѣлъ цѣлію стать на сообщеніяхъ противника, а единственно лишить его нѣсколькихъ особенно выгодныхъ оборонительныхъ позицій. Правда, генералъ Бонапарте, по всей вѣроятности, не отказался бы вступить въ бой съ арміею Болье по сю сторону рѣки Адды; послѣдній успѣлъ уже укрыться за этою рѣкою, такъ что обѣ арміи стояли фронтомъ другъ къ другу, и обходъ, слѣдовательно, завершился арріергарднымъ боемъ у Лоди.

IV. *Стратегическій маневръ генерала Бонапарте для захвата сообщеній Меласа съ Вѣною* (1800).

Особенно поучительная сторона похода 1800 года въ Италіи заключается: 1) *въ необыкновенной скрытности* всѣхъ распоряженій, какъ приготовительныхъ къ походу, такъ и нѣкоторыхъ, касавшихся исполненія превосходно соображеннаго плана; въ отношеніи тайны, это образецъ, не имѣющій ничего себѣ подобнаго во всей военной исторіи; 2) въ походѣ 1800 года въ Италіи мы видимъ, что армія

организуется, сосредоточивается на театрѣ военныхъ дѣйствій и перехватываетъ операціонную линію противника одновременно, и, въ особенности, 3) незначительная крѣпостца Бардъ, но незначительная только если разсматривать ее отдѣльно, чрезвычайно же сильная если разсматривать ее въ общей совокупности мѣстныхъ условій, готова остановить исполненіе одной изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ комбинацій. Геній Наполеона создаетъ средства къ уничтоженію этой, повидимому, неодолимой преграды (такою, по крайней мѣрѣ, ее считали Бертье, Ланнъ и Мареско). Наконецъ, кампанія 1800 года въ Италіи представляетъ еще одну весьма важную поучительную сторону: это 4) образцовую подготовку театра военныхъ дѣйствій, какъ въ оборонительномъ, такъ равно и въ наступательномъ смыслѣ.

Въ виду этой особенно поучительной стороны кампаніи 1800 года, здѣсь помѣщается нѣсколько болѣе обстоятельный разборъ ея (въ особенности марша) сравнительно съ вышеприведенными.

Съ отъѣздомъ генерала Бонапарте въ Египетъ, дѣла Французовъ въ Италіи приняли крайне неблагопріятный оборотъ. Благодаря блистательнымъ побѣдамъ нашего великаго полководца, Италія была для нихъ потеряна. Вдобавокъ къ этому, Французская (40,000-я) армія, снова приведенная къ защитѣ узкой полосы земли между Генуэзскимъ заливомъ, Альпами и Апеннинами (генуэзской Ривіеры) [1], была прорвана Австрійцами въ центрѣ [2]) и раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ одна (18,000), подъ начальствомъ Массены, заперлась въ Генуѣ [3]), а другая (22,000), подъ начальствомъ Сюше, укрылась за рѣкою Варъ. Австрійцы превосходными силами блокировали Геную.

Австрійцы, имѣя на своей сторонѣ рѣшительный численный перевѣсъ (150,000 въ Германіи, 120,000 въ Италіи; у Французовъ 40,000 въ Италіи и 120,000 въ Германіи), предполагали дѣйствовать наступательно. Ихъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы, начавъ дѣйствія въ Италіи, по направленію къ рѣкѣ Варъ и Ниццѣ, къ южной оконечности восточной Французской границы [4]), притянуть туда главныя силы Французовъ и тѣмъ открыть Германской арміи Края свободный доступъ черезъ Рейнъ. На занятіе Швейцаріи, въ видахъ поддержанія связи между двумя арміями, Австрійцы не обратили вниманія. Ошибка эта была тотчасъ же замѣчена генераломъ Бонапарте и, въ связи съ вѣрною оцѣнкою особенныхъ выгодъ, представляемыхъ географическимъ положеніемъ Швейцаріи, въ отношеніи къ расположенію въ эту минуту двухъ армій Австрійцевъ, послужила основаніемъ къ одной изъ превосходныхъ комбинацій, которыми такъ богата дѣятельность этого великаго полководца. Пользуясь значи-

---

[1]) Растянутая отъ Генуи до Аржантіерскаго прохода (на 200 верстъ).
[2]) 6 апрѣля.
[3]) 21 апрѣля.
[4]) И далѣе овладѣть, при содѣйствіи Англичанъ и эмигрантовъ, Тулономъ.

тельно выдающимся положеніемъ Швейцаріи, онъ предполагалъ *тайно* для всей Европы сосредоточить въ ней 40,000-ю армію и, смотря по обстоятельствамъ, двинуть ее или на подкрѣпленіе арміи, дѣйствовавшей въ Германіи (Моро), или въ Италію, въ тылъ, на сообщеніе арміи Меласа. Благопріятный оборотъ дѣлъ для Французовъ въ Германіи (побѣды Моро при Энгенѣ и Мескирхѣ, Край оттѣсненъ къ Ульму) и критическое положеніе Массены, блокированнаго въ Генуѣ, вынуждаютъ перваго консула окончательно направить эту 40,000-ю армію, извѣстную подъ именемъ резервной, въ Италію. Вотъ та обстановка (незанятіе Австрійцами Швейцаріи; цѣль — выручка Массены), которая требовала исполненія обширнаго стратегическаго маневра, задуманнаго первымъ консуломъ.

Главныя, преобладающія условія успѣха всѣхъ стратегическихъ маневровъ, какъ указано выше, суть: *скрытность и быстрота.* Съ этой точки попытаемся сдѣлать характеристику Итальянскаго похода 1800 года.

Въ характеристикѣ кампаніи 1805 года мы видѣли, какое широкое примѣненіе скрытности дано было Наполеономъ въ рядѣ превосходно-комбинированныхъ демонстрацій. На этотъ разъ скрытность должна была получить еще болѣе широкіе, почти невѣроятные размѣры. Во-первыхъ, необходимо было скрытно для всѣхъ создать армію—задача почти неразрѣшимая; во-вторыхъ, эту импровизированную армію нужно было, неожиданно для непріятеля, бросить на его сообщенія съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы все, что онъ ни намѣренъ былъ бы сдѣлать для парированія удара, было бы уже *слишкомъ поздно.* Въ этомъ *слишкомъ поздно* скрывается главная причина успѣха, опять-таки потому, что *если только время есть, то всякому маневру можно противопоставить свой контръ-маневръ.* Подобнаго рода задача могла быть рѣшена только геніемъ Наполеона.

Элементы для формированія арміи были разбросаны по всей Франціи. За исключеніемъ 60,000, необходимыхъ для огражденія порядка внутри, оставалось еще около 30,000 превосходныхъ солдатъ, расположенныхъ частью въ Парижѣ, частью въ Бретани и въ Вандеѣ. Изъ нихъ образованы были три дивизіи (одна въ Реннѣ, другая въ Нантѣ и третья въ Парижѣ). Далѣе запасные баталіоны въ южной Франціи, предназначавшіеся для комплектованія Египетской арміи, могли дать еще 14 баталіоновъ, что составило четвертую дивизію. Таковы были средства для формированія пѣхоты. Что касается до артиллеріи, то изъ запасовъ, сосредоточенныхъ въ Оксоннѣ, Бріансонѣ и Безансонѣ, легко могли бы быть взяты 60 орудій. Всѣхъ этихъ разбросанныхъ средствъ было вполнѣ достаточно, чтобы образовать изъ нихъ армію такой силы и состава, которые бы отвѣчали требованіямъ обстановки. Но ихъ необходимо было собрать въ одно цѣлое. Какъ исполнить это, не возбудивъ вниманія Европейскихъ агентовъ, дѣятельно слѣдившихъ за каждымъ шагомъ перваго консула? Эта почти неразрѣшимая задача была блистательно разрѣше-

на генераломъ Бонапарте, опять-таки при содѣйствіи цѣлаго ряда превосходно задуманныхъ демонстрацій-отводовъ. Во-первыхъ, планъ свой первый консулъ сообщилъ только нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ, именно: Бертье, своему начальнику штаба, Мармону, Гессенди, которымъ поручено было формированіе артиллеріи для Италіянской арміи, и Мареско, на котораго возложена была рекогносцировка Альпійскихъ проходовъ [1]); во-вторыхъ, предполагая импровизируемую армію сосредоточить въ предѣлахъ Швейцаріи у Женевскаго озера, первый консулъ приказалъ напечатать въ «Монитерѣ» консульское постановленіе, возвѣщавшее о формированіи въ Дижонѣ 60,000-й резервной арміи, гдѣ дѣйствительно собрано было незначительное число инвалидовъ и рекрутъ. Благодаря этому отводу, агенты Европейскихъ кабинетовъ съѣхались въ Дижонъ и, видя ничтожность собранныхъ тамъ средствъ, поспѣшили разгласить въ Европѣ, что резервная армія есть ни что иное какъ сборище нѣсколькихъ инвалидовъ и конскриптовъ; короче — что она вовсе не существуетъ и что первый консулъ распускаетъ подобнаго рода слухи съ цѣлію поколебать рѣшимость Меласа вторгнуться въ южную Францію. Тысячи насмѣшекъ и каррикатуръ на несчастную резервную армію появились въ Англійскихъ журналахъ. Одна изъ нихъ изображала резервную армію въ видѣ младенца, поддерживающаго инвалида на деревяшкѣ; другая—въ видѣ сборища старцевъ и дѣтей, вооруженныхъ палками и сидящихъ верхомъ на ослахъ...

«Быть осмѣяннымъ въ эту минуту составляло, какъ говоритъ Тьеръ, единственное желаніе перваго консула». Пока противники восхищались своею проницательностью и потѣшались надъ неудавшеюся, по ихъ мнѣнію, выходкою генерала Бонапарте, войска, которыя должны были поступить въ составъ Италіянской арміи, тянулись небольшими эшелонами, со всѣхъ концовъ Франціи, по различнымъ путямъ, къ границамъ Швейцаріи. Они и сами не знали куда окончательно идутъ; имъ выдавались маршруты только на самыя короткія разстоянія. Такія передвиженія, по самому способу ихъ исполненія, не могли возбудить особеннаго вниманія. На войска эти смотрѣли какъ на резервы, направляющіеся на пополненіе арміи Массены и Моро. Благодаря всему этому, въ первыхъ числахъ мая, импровизованная Наполеономъ армія успѣла сосредоточиться, незамѣтно для всѣхъ, въ окрестностяхъ Женевскаго озера и готова была къ открытію военныхъ дѣйствій. До сихъ поръ необыкновенно искусное примѣненіе скрытности выразилось въ *созданіи* и въ *сосредоточеніи* арміи. Безопасность и успѣхъ задуманнаго Наполеономъ маневра требовали еще дальнѣйшаго развитія скрытности, съ такимъ разсчетомъ, чтобы сущность маневра ясно обозначалась для противника только тогда, когда уже для него было бы *слиш-*

[1]) Переписка по этому предмету была отобрана у военнаго министерства и сосредоточена въ рукахъ перваго консула и поименованныхъ генераловъ.

комъ поздно прибѣгнуть къ соотвѣтствующему контръ-маневру. Въ этихъ видахъ нельзя не отдать Наполеону полной справедливости въ отношеніи сдѣланнаго имъ *выбора направленія* и самаго исполненія маневра.

Причины, побудившія Наполеона рѣшиться въ пользу выбора направленія *черезъ Большой Сенъ-Бернаръ и далѣе по рѣкѣ Дора-Балтеѣ на Иврею*, указаны были въ своемъ мѣстѣ (см. объ операціонныхъ линіяхъ.) По этому пути должна была направиться главная масса войскъ поэшелонно, одна дивизія за другою, впереди дивизія Ланна. Отчасти въ видахъ облегченія марша, но преимущественно въ видахъ лучшаго *скрытія* настоящаго своего намѣренія, первый консулъ не оставляетъ безъ вниманія и другихъ проходовъ. Онъ приказываетъ Тюро съ 4,000 направиться черезъ Сенисъ и демонстрировать по направленію къ Турину. Шабранъ, съ 5,000 до 6,000, двигается черезъ Малый Сенъ-Бернардъ. Такимъ образомъ, Французская армія спускалась съ Альпъ въ четырехъ направленіяхъ (Сенъ-Готардъ, Большой и Малый Сенъ-Бернардъ и Сенисъ) [1]. Главная масса, 40,000 (35,000 пѣхоты и 5,000 конницы), шла въ центрѣ, сохраняя возможность соединиться съ 15,000 Монсея [2]) съ 5,000 до 6,000 Шабрана и даже съ 4,000 Тюро, что въ сложности должно было составить 65,000. Превосходныя распоряженія эти, направленіе съ разныхъ сторонъ войскъ должны были окончательно сбить съ толку непріятеля и поставить его въ неизвѣстность относительно того, куда должны быть имъ направлены главныя силы.

Планъ былъ превосходно соображенъ; но исполненіе его представляло невѣроятныя затрудненія; а извѣстно, что *только одно исполненіе придаетъ истинное значеніе военнымъ комбинаціямъ.* Перекинуть черезъ первоклассный хребетъ, безъ дорогъ, 60,000-ую армію, при 60 орудіяхъ (что одно уже должно было составить около 300 повозокъ), въ періодъ таянія снѣга въ горахъ—была задача трудная, вполнѣ достойная генія великаго полководца, на долю котораго выпало разрѣшеніе ея. Затрудненія заключались, во-первыхъ, въ скудности страны, по которой должно было быть исполнено движеніе—армію нельзя было, во время марша, продовольствовать средствами края, а пришлось везти съ собою не только хлѣбъ, но даже фуражъ, — и, во-вторыхъ, въ отсутствіи не только удобныхъ, но и вообще всякаго рода сообщеній, что, при обремененіи арміи всякаго рода тяжестями (даже продовольственные запасы, какъ только что замѣчено, она должна была везти съ собою), въ значительныхъ размѣрахъ затрудняло операцію. Однако не все направленіе отъ Женевы до Ивреи (около 250 вертъ) представляло, въ этомъ отношеніи, одинаковыя затрудненія. Оно, напротивъ того, въ различныхъ ча-

---

[1]) Собственно въ 5-ти, потому что отрядъ Бетанкура (1 т.—1,200) направленъ былъ черезъ Симплонъ и Дома д'Оссоло, для связи съ Монсеемъ.

[2]) Отряженнымъ Моро 11 мая (Моро открылъ походъ 25 апрѣля).

стяхъ своихъ отличалось весьма разнообразными свойствами. Первый участокъ, отъ Женевы до Вильнева (около 70 верстъ), представлялъ даже особенныя выгоды. Въ то время какъ главная масса войскъ двигалась по удобной дорогѣ, огибающей Женевское озеро, тяжести ея перевезены были на судахъ по самому озеру. Армія двигалась, такимъ образомъ, налегкѣ. Далѣе отъ Вильнева, на Мартиньи и до деревни С.-Пьеръ, у подножія С.-Бернарда, дорога дѣлалась все болѣе и болѣе затруднительною, но, тѣмъ не менѣе, была доступна для повозокъ. Совершенно тѣми же свойствами отличалась дорога, по ту сторону главнаго хребта, отъ деревни С.-Реми, также лежащей у подножія С.-Бернарда, въ долинѣ р. Доры-Балтеи (долинѣ Аосты), до Ивреи, крѣпости, расположенной при выходѣ этой долины въ равнину Ломбардіи. Пространство же, около 40 верстъ, отъ С.-Пьера до С.-Реми, перевалъ черезъ главный хребетъ, было окончательно недоступно для повозокъ. Прохожденіе его и составляло собственно самое главное затрудненіе. На это необходимо было для войскъ безъ тяжестей (напримѣръ для дивизіи) около 10 часовъ времени, 8 — на подъемъ до С.-Бернардскаго монастыря и 2—на спускъ; для перевозки же тяжестей и въ особенности артиллеріи—гораздо болѣе. Повозки пришлось разгружать и переложить запасы въ небольшіе ящики, такъ что они могли быть перевезены на мулахъ, собранныхъ, на время перехода, со всей окрестной страны, за большія суммы. Артиллерію необходимо было разобрать для той же цѣли, такъ что перевозка собственно лафетовъ и артиллерійскихъ повозокъ, разобранныхъ на нумерованныя части, не представляла особенныхъ затрудненій; но за то перевозка самыхъ орудій была операціею крайне сложною. Для этой цѣли еще въ Оксонѣ заготовлены были сани на небольшихъ колесахъ (traînaux à roulettes); но онѣ оказались неудобными. Тогда обратились къ слѣдующему средству. Распиливали пополамъ деревья, выдалбивали ихъ, обкладывали ими орудія и тащили ихъ людьми. Операція эта была дотого трудна и опасна (на подъемъ орудія требовался одинъ день и столько же на спускъ), что, несмотря на значительное денежное вознагражденіе, предложенное первымъ консуломъ (1,000 франковъ за перевозку каждаго орудія), изъ мѣстныхъ жителей явилось весьма мало охотниковъ къ участію въ ней. Обратились къ войскамъ, которыя охотно приняли на себя эту обязанность и отказались отъ отъ всякаго вознагражденія, утверждая, что бросать свою артиллерію безчестно для войскъ.

Распоряженія перваго консула по *административной части*, предшествовавшія открытію похода, заключались въ снабженіи Вильнева въ значительномъ количествѣ мукой, сухарями и фуражемъ, въ устройствѣ такимъ образомъ *базы* въ этомъ пунктѣ и далѣе въ устройствѣ *госпиталей* въ С.-Пьерѣ, С.-Реми и еще двухъ, болѣе обширныхъ, въ Мартиньи и въ Вильневѣ. Для *разборки и сборки* орудій расположены были у подножія главнаго хребта двѣ роты мастеровыхъ: одна въ С.-Пьерѣ, другая въ С.-Реми.

Самый первый консулъ намѣренъ былъ остаться по ту сторону перевала, чтобы слѣдить за подъемомъ войскъ. Начальнику же своего штаба, Бертье, онъ поручилъ находиться при авангардѣ (дивизіи Ланна) по другую сторону, для руководства войсками во время спуска и въ особенности для наблюденія за тщательною доставкою тяжестей арміи. Каждый день должна была переходить одна дивизія.

Таковы были распоряженія перваго консула къ переходу черезъ С.-Бернардъ.

Ланнъ (6 полковъ пѣхоты) перешелъ первый въ ночь съ 14-го на 15-е мая. За нимъ въ теченіе 16-го—20-го перешли и остальныя дивизіи со всѣми тяжестями. Ланну приказано было овладѣть выходомъ изъ дефиле, защищеннымъ крѣпостью Ивреею, которую Австрійцы упустили изъ вида привести въ оборонительное положеніе. Правда, что, по первому извѣстію о появленіи въ долинѣ Доры-Балтеи Французскихъ войскъ, приступлено было тотчасъ же къ вооруженію ея,—но уже было поздно. Вообще, если бы Иврея была приведена въ оборонительное положеніе и если бы Австрійцамъ удалось подтянуть къ ней достоточной силы корпусъ войскъ, то дебушированіе Французовъ въ равнину Ломбардіи было бы дѣломъ хотя далеко не невозможнымъ, но, тѣмъ не менѣе, довольно труднымъ.

Независимо отъ этого затрудненія, не осуществившагося на дѣлѣ, было другое обстоятельство, съ виду ничтожное, но въ сущности чрезвычайно важное, едва не уничтожившее превосходной комбинаціи перваго консула, надъ соображеніемъ которой онъ дѣятельно трудился въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ. Ущелье Аосты, въ которомъ беретъ начало р. Дора-Балтея, постепенно расширяясь, обращается, наконецъ, въ долину, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Ивреи, отъ выхода въ равнину По, она снова съуживается и, наконецъ, какъ будто бы совершенно замыкается скалою, на которой построенъ фортъ Бардъ. Дора-Балтея протекаетъ по одну сторону скалы; а дорога, обстроенная нѣсколькими домами, въ совокупности составляющими мѣстечко Бардъ, по другую. Дорога эта, проходившая на пистолетный выстрѣлъ отъ сильно вооруженнаго форта, была вдобавокъ, при входѣ и выходѣ изъ мѣстечка, перерѣзана рвами, для сообщенія черезъ которые устроены были подъемные мосты.

Преграда эта сама по себѣ уже была весьма серіознаго свойства; но она должна была пріобрѣсти еще болѣе важное значеніе, потому что была встрѣчена Французами почти неожиданно, и притомъ въ минуту когда они разсчитывали, что самая трудная часть задачи—переходъ черезъ С.-Бернардъ—уже исполнена. Генералъ Мареско, производившій рекогносцировку пути отъ Вильнева до Ивреи, и Итальянскіе офицеры хотя и упоминали о фортѣ Бардъ, но какъ о преградѣ не заслуживающей особеннаго вниманія.

Подойдя къ Барду, Ланнъ приказалъ штурмовать мѣстечко. Гренадеры тотчасъ же овладѣли подъемными мостами и ворвались въ него; но сильный огонь изъ форта явно доказалъ невозможность провести черезъ него войска, въ особенности артиллерію. Вслѣдъ за-

тѣмъ была произведена тщательная рекогносцировка. Оказалось, что фортомъ нельзя было овладѣть ни открытою силою—почти отвѣсная скала, ни правильною осадою—не было мѣста, удобнаго для расположенія батарей съ цѣлію пробить брешь, ни обойти. Короче, офицеры, по приказанію Ланна и Бертье производившіе рекогносцировку Барда, объявили его неодолимымъ. Мареско пытался втащить нѣсколько орудій на окружающія высоты для обстрѣливанія внутренности форта; но они вскорѣ были подбиты. Правда, оказалась обходная дорога, вѣрнѣе тропинка, черезъ скалу Албаредо, на С.-Донасъ, тропинка доступная для горныхъ жителей и дикихъ козъ [1]; но провести по ней армію со всѣми тяжестями было дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ самый переходъ черезъ С.-Бернардъ. Бертье, Ланнъ и Мареско объявили подобное предпріятіе рѣшильно невозможнымъ. Бертье немедленно донесъ объ этомъ Наполеону и послалъ приказаніе пріостановить движеніе войскъ, съ тѣмъ чтобы избѣжать значительнаго скопленія ихъ въ дефиле.

Донесеніе Бертье на минуту озадачило Наполеона; но онъ ни за что не соглашался на отступленіе. Онъ разсудилъ, что, при нѣкоторомъ запасѣ храбрости войскъ, въ чемъ онъ нимало не сомнѣвался, фортомъ можно овладѣть; а если и нельзя будетъ овладѣть, то, во всякомъ случаѣ, можно будетъ обойти. Онъ тотчасъ же послалъ приказаніе Бертье не прерывать марша и самъ поспѣшилъ къ форту.

По прибытіи на мѣсто, первый консулъ приказалъ тотчасъ же 1,500 человѣкъ рабочихъ заняться разработкою тропинки чрезъ гору Албаредо. По ней должны были направиться пѣхота, кавалерія, ведя лошадей въ поводу, и легкая артиллерія (4-фунтоваго калибра). Хотя съ крайними затрудненіями, превосходящими даже тѣ, которыя были встрѣчены при переходѣ черезъ С.-Бенардъ, исполненіе обхода оказалось всетаки возможнымъ. Оставалось однако рѣшить еще вопросъ: какъ провести тяжелую артиллерію? Первый консулъ предложилъ комендату сдаться; понятно, что предложеніе не было принято. Попытались провезти одно орудіе. Изъ тринадцати человѣкъ прислуги семь было перебито. Тогда первый консулъ, съ наступленіемъ сумеркъ, приказалъ застлать дорогу соломою, снять съ лафетовъ всѣ брянчащія принадлежности и колеса лафетовъ обмотать соломою и паклею. Такимъ образомъ, съ сохраненіемъ строжайшей тишины, къ утру, 40 орудій на людяхъ были провезены по ту сторону форта (лошади направлены были по обходной дорогѣ на Албаредо) [2].

Ланнъ подошелъ, 22-го мая, къ Ивреѣ и овладѣлъ ею (23) приступомъ. По принятіи мѣръ, необходимыхъ къ усиленію вооруженія и запасовъ въ Ивреѣ, Ланнъ вышелъ въ равнину Ломбардіи, тѣсня передъ собою войска Гаддика, наблюдавшія за выходомъ у Ивреи.

[1]) Извѣстная только пастухамъ (отъ нея и зависѣла, такимъ образомъ, судьба всего похода).

[2]) Для блокады форта Бардъ Наполеонъ оставилъ дивизію Шабрана. Бардъ сдался 1 іюня.

Такимъ образомъ, на двадцатый день по открытіи похода, переходъ черезъ Альпы былъ оконченъ; крѣпостца Бардъ, которая едва не уничтожила превосходнаго плана Наполеона, обойдена; Иврея, прикрывавшая дебушированіе арміи въ долину Ломбардіи, занята, и авангардъ Ланна подошелъ (28-го мая) къ Кивассо (на лѣвомъ берегу рѣки По, въ 30 верстахъ отъ Турина) [1]).

Мы прослѣдили за мѣрами, принятыми Наполеономъ къ скрытію его маневра, выразившимися въ созданія арміи, въ сосредоточеніи ея въ Лозаннѣ, въ переводѣ ея черезъ Альпы безъ задержекъ со стороны непріятеля [2]), до той минуты, пока первый консулъ самъ не считалъ болѣе необходимымъ скрывать своего намѣренія и нарочно сталъ показываться Итальянцамъ и Австрійцамъ.

Кромѣ скрытности, успѣхъ стратегическихъ маневровъ зависитъ еще и отъ другихъ условій, именно: *быстроты* и *обезпеченія отъ случайностей (безопасности)*. Послѣднія иногда противорѣчатъ другъ другу, какъ это дѣйствительно и было въ разбираемомъ походѣ. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ Наполеонъ счелъ нужнымъ удовлерить имъ, въ какой мѣрѣ онъ пожертвовалъ однимъ въ пользу большаго удовлетворенія другому.

Съ точки *обезпеченія* маневра Наполеона отъ всякаго рода случайностей и вообще подготовки театра военныхъ дѣйствій пріобрѣтаютъ особенное значеніе: 1) занятіе Милана, столь важное и во многихъ другихъ отношеніяхъ; 2) мѣры къ предупрежденію непріятеля на рѣкѣ По; и 3) дальнѣйшія распоряженія къ охраненію тыла, расположеніе войскъ, въ видахъ предупрежденія непріятеля, на всѣхъ путяхъ къ выходу изъ его опаснаго положенія, въ связи съ возможно-лучшимъ прикрытіемъ тыла (нарушеніе значенія формулы: «кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ», въ свою пользу).

До перехода черезъ Альпы, армія хотя и была сосредоточена первымъ консуломъ въ Лозаннѣ, но это было лишь *частное* сосредоточеніе. Здѣсь соединились только части, поступившія въ составъ главной колонны, двигавшейся черезъ большой С.-Бернардъ и по долинѣ Доры-Балтеи. Необходимо было, послѣ форсированія гряды Альпъ, приступить къ *общему* сосредоточенію всѣхъ Французскихъ войскъ, вступившихъ въ предѣлы Италіи. Пунктомъ для такого сосредоточенія первый консулъ выбираетъ Миланъ, по слѣдующимъ причинамъ. Занятіе Милана важно было какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи: Миланъ столица Ломбардіи. Въ матеріальномъ отношеніи занятіе Милана доставляло возможность овладѣть значительными средствами, сосредоточенными въ

[1]) Къ тому же времени Тюро расположился при выходѣ изъ Сузскаго прохода; Монсей, находившійся въ 3—4 переходахъ отъ Беллинцоны и Лекки (2 т. Итальянцевъ), вошелъ въ долину Сезіи, для усиленія Бетанкура и для открытія сообщеній съ Монсеемъ.

[2]) Австрійскіе отряды, наблюдавшіе за выходами изъ горъ: 9,000 Гаддика у Ивреи и Вукасовича 10,000 за Сенъ-готардскимъ дебуше, должны были отступить.

немъ и близъ него Австрійцами. Далѣе, занявъ Миланъ, удаливъ Вукасовича (10,000), наблюдавшаго за дебуше въ долину рѣки По со стороны С.-Готарда, и вынудивъ его къ отступленію за рѣки Адду и Минчіо, первый консулъ обезпечивалъ дебушированіе Монсея и, мало того, на случай неблагопріятнаго оборота дѣла, выигрывалъ новый путь отступленія на С.-Готардъ и Симплонъ (куда и переведено было, впослѣдствіи, значительное число Французскихъ магазиновъ), короче, *удлиннялась* база, т. е. *лучше обезпечивалась операціонная линія.* Наконецъ, съ занятіемъ этого пункта связывалась возможность поднятія противъ Австрійцевъ Итальянскаго населенія, только ожидавшаго удобной минуты къ возстанію. Все это, въ общемъ итогѣ, должно было послужить къ *обезпеченію* смѣлаго предпріятія Наполеона, къ значительному уменьшенію доли риска, съ которымъ связано было его исполненіе. Если бы онъ не занялъ Милана, а прямо двинулся къ переправамъ черезъ По [1]), предпріятіе его было бы лишено *прочнаго основанія* и могло бы рушиться отъ встрѣчи съ первою неожиданностью. Такъ могъ бы дѣйствовать развѣ только полководецъ-партизанъ, въ родѣ Карла XII, но не полководецъ, полагавшій въ основаніе своихъ дѣйствій *соединеніе рѣшительности съ осторожностью.* Несомнѣнныя выгоды, связанныя съ занятіемъ Милана, пріобрѣтались однако цѣною замедленія наступленія перваго консула [2]), страдала *быстрота*, которая одна только могла спасти отъ капитуляціи Массену, что собственно и составляло главную цѣль похода. Вотъ тотъ упрекъ, который позволяютъ себѣ дѣлать Наполеону тѣ, которые предпочитали бы прямое наступленіе отъ Ивреи фланговому движенію отъ Ивреи черезъ Верчиле къ Милану. Но пусть они вспомнятъ, что пріобрѣтеніе вышеисчисленныхъ выгодъ, вытекавшихъ изъ занятія Милана, выгодъ столь важныхъ съ точки обезпеченія маневра, не могло быть достигнуто безъ принесенія чего-либо въ жертву, и жертва на этотъ разъ была велика: она выражалась въ потерѣ времени, элементѣ столь важномъ вообще на войнѣ и особенно въ настоящемъ случаѣ. Однако, развѣ первый консулъ не въ правѣ былъ предполагать, что, съ полученіемъ извѣстія о неожиданномъ появленіи въ тылу Австрійцевъ арміи, занявшей Миланъ и предводимой генераломъ Бонапарте, Меласъ не замедлитъ сосредоточить своихъ войскъ и снять блокаду Генуи? Развѣ Наполеонъ не могъ разсчитывать, что одного нравственнаго его авторитета, въ связи съ неожиданнымъ появленіемъ сильной арміи въ тылу, будетъ достаточно къ освобожденію Массены, къ достиженію главной цѣли похода и вмѣстѣ съ тѣмъ къ достиженію еще болѣе полныхъ результатовъ? Оправдывая движеніе перваго консула въ Ми-

[1]) Операціонная линія, которая вела прямо къ переправѣ черезъ р. По, приводила къ достиженію важной цѣли, была кратчайшею и удобнѣйшею, *но не была безопасною* («никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи,—это *азбука* военнаго дѣла...» см. *Приложеніе VI*).

[2]) Отъ Ивреи до Кивассо къ рѣкѣ По около 30 верстъ; отъ Ивреи черезъ Верчиле до Милана 100 верстъ.

ланъ, могутъ еще поставить ему въ упрекъ слишкомъ продолжительное въ немъ пребываніе [1]); но упрекъ этотъ будетъ несправедливъ, во-первыхъ, потому, что Наполеонъ ожидалъ прибытія Монсея [2]). Это, положимъ, не оправдываетъ проволочки; но всего важнѣе, во-вторыхъ, то, что, находясь въ Миланѣ, на перепутьи австрійскихъ курьеровъ, спѣшившихъ изъ Вѣны къ Меласу и отъ него посылаемыхъ въ Вѣну, онъ получалъ самыя точныя свѣдѣнія не только о положеніи, но и о нравственномъ настроеніи противника. Оно изъ вскрытыхъ подобнымъ образомъ донесеній сообщило первому консулу печальное извѣстіе о сдачѣ Генуи (4-го іюня сдался Массена). Съ этой минуты остановка въ Миланѣ, въ видахъ соединенія съ Монсеемъ, была, конечно, дѣломъ естественнымъ.

Разбирая вопросъ объ обезпеченіи маневра Наполеона, остановимся пока на томъ значеніи, которое должно быть придаваемо занятію Милана, и, прежде чѣмъ перечислить мѣры, принятыя имъ къ обезпеченію тыла, для подготовки театра военныхъ дѣйствій въ *охранительномъ* смыслѣ—что нами будетъ сдѣлана впослѣдствіи,—прослѣдимъ его распоряженія, клонившіяся къ подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій въ смыслѣ *наступательномъ*.

Базируясь на Миланъ и захвативъ сообщенія непріятеля, необходимо было, независимо отъ загражденія всѣхъ выходовъ для противника по лѣвому берегу рѣки По, сдѣлать тоже и въ отношеніи къ путямъ по правому берегу рѣки; слѣдовательно, необходимо было переправиться черезъ По и, оставивъ ее у себя въ тылу, уничтожить ее въ смыслѣ преграды для себя и усилить въ томъ же смыслѣ ея значеніе для противника (упрочить за собою обладаніе рѣкою По, предупредивъ непріятеля въ занятіи переправъ черезъ нее въ Бельджіойзо, Кремонѣ и особенно въ Піаченцѣ). Настолько же, конечно, важно было и Меласу удержать за собою По, преимущественно Піаченцу. *Занятіе Піаченцы* было, такимъ образомъ, важно для обѣихъ сторонъ: для Меласа—чтобы обезпечить свободный выходъ изъ Пьемонта, для выигранія своихъ сообщеній съ Вѣною; для перваго консула—чтобы запереть противника. Если Наполеонъ и пожертвовалъ нѣсколькими днями въ видахъ обезпеченія своего соединенія съ Монсеемъ, то, по соединеніи съ нимъ, онъ дорожитъ каждою минутою и несется къ рѣкѣ По, въ видахъ предупрежденія непріятеля. Въ промежутокъ отъ 6-го до 7-го іюня переправа черезъ По форсирована, безъ особенныхъ помѣхъ со стороны противника, въ трехъ пунктахъ: въ Бельджіойзо (Ланнъ), въ Піаченцѣ (Мюратъ) и въ Кремонѣ (Дюгемъ съ дивизіею Лоазонна).

Мы до сихъ поръ ничего не сказали о дѣйствіяхъ противной стороны. Распредѣленіе Австрійскихъ силъ въ началѣ похода было слѣдующее: 25,000 (Эльсницъ) на рѣкѣ Варѣ противъ Сюше, 30,000 (Оттъ) блокировали Геную; 12,000 (Каймъ) наблюдали за

---

[1]) Французская армія вступила въ Миланъ 2 іюня.

[2]) Монсей прибылъ въ Миланъ 6 іюня.

проходомъ Сенисъ; 9,000 (Гаддикъ) за дебуше у Ивреи и 10,000 (Вукасовичъ) за дебуше со стороны Сенъ-Готарда. Первоначально Меласъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность появленіи въ тылу его непріятельской арміи, чему не мало способствовали успокоительныя извѣстія изъ Вѣны. Но, допуская даже присутствіе Французскихъ войскъ у себя въ тылу, Меласъ пришелъ къ весьма естественному предположенію, что если и принять возможность форсированія Французами Альпъ, то, во всякомъ случаѣ, ихъ перешло *не много*, и на этомъ предположеніи основалъ свои распоряженія, которыя клонились къ сосредоточенію его силъ, правильнѣе—къ *полусосредоточенію*. Они заключались: 1) въ направленіи 10,000 къ Турину, подъ личнымъ начальствомъ Меласа, приведенныхъ имъ изъ Ниццы; 2) въ направленіи туда же Кайма, Гаддика и еще незначительнаго отряда, взятаго изъ войскъ Эльсница. Такимъ образомъ, въ общей сложности, сосредоточились около 30,000 на верхнемъ По. Очевидно, что это сосредоточеніе части силъ Меласа къ верхнему По было слѣдствіемъ искусно веденныхъ демонстрацій Ланна, который отъ Ивреи двинулся къ Кивассо (20 верстъ отъ Турина), повидимому угрожая Турину, а въ сущности прикрывая фланговое движеніе главныхъ силъ отъ Ивреи на Миланъ. По достиженіи цѣли демонстраціи, онъ тотчасъ же повернулъ черезъ Трино и Крещентино къ Павіи [1]). Вотъ чѣмъ объясняются мѣры или, вѣрнѣе, полумѣры, принятыя Меласомъ къ сосредоточенію силъ. При оцѣнкѣ ихъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида и того обстоятельства, что, для полнаго сосредоточенія своихъ силъ, Меласу необходимо было рѣшиться на огромныя жертвы—на снятіе блокады Генуи, паденіе которой было близко, и оттянуть Эльсница отъ рѣки Варъ, жертвы, которыхъ онъ не рѣшался принести, полагая, что если Французы и перешли черезъ Альпы, то, во всякомъ случаѣ, въ слабомъ числѣ и что собранныхъ имъ 30,000 вполнѣ достаточно, чтобы прикрыть Туринъ и остановить непріятеля на верхнемъ По. Конечно, поведеніе Меласа было весьма ошибочно: необходимо было бы умѣть во-время пожертвовать всевозможными второстепенными цѣлями для достиженія главной. Съ достиженіемъ ея, всѣ остальныя достигнуты были бы сами собою; а для этого необходимо было не частное, а полное сосредоточеніе силъ. При всемъ томъ, нельзя строго винить Меласа. Такъ можемъ мы разсуждать теперь, когда насквозь видимъ обстановку, въ которой онъ находился, когда ясно видимъ карты обоихъ игроковъ; Меласу же, въ минуту дѣйствій, нужно было угадать, гдѣ готовится ему главный ударъ и гдѣ разыгрывается только простой отводъ. Благодаря искуснымъ дѣйствіямъ перваго консула, онъ не угадалъ настоящаго положенія дѣлъ и впалъ въ весьма естественную ошибку.

Составленное Меласомъ представленіе о положеніи дѣлъ у него въ тылу онъ сохранилъ до полученія извѣстія о вступленіи Францу-

[1]) Которую и занялъ 1 іюня.

зовъ въ Миланъ. Съ этой минуты все разъяснилось какъ нельзя лучше. Онъ выходитъ изъ полумѣръ, предписываетъ Эльсницу и Отту и вообще всѣмъ войскамъ спѣшить къ Александріи и Піаченцѣ. У перваго пункта должны были собраться войска, находившіяся въ верхнемъ Пьемонтѣ, у втораго — шедшія изъ Генуи; *но было уже слишкомъ поздно.* 7-го іюня, какъ выше было замѣчено, Мюратъ занялъ Піаченцу. Понятно, что если пунктъ, назначенный для сбора войскъ, находится въ рукахъ непріятеля, то подходившія къ нему отдѣльныя части Австрійцевъ должны были подвергнуться пораженію по частямъ, какъ то дѣйствительно и случилось [1]). Лишенный, такимъ образомъ, возможности собрать свои силы въ Піаченцѣ, Меласъ сосредоточиваетъ ихъ въ Александріи. У него было всего около 50,000, да еще 25,000 входили въ составъ гарнизоновъ крѣпостей.

Попытки Австрійцевъ проложить себѣ дорогу къ Піаченцѣ привели къ частному столкновенію обѣихъ сторонъ у Монтебелло (9-го іюня).

Въ своемъ мѣстѣ (см. объ операціонныхъ линіяхъ) указаны были мѣры, принятыя первымъ консуломъ къ обезпеченію его операціонной линіи, вообще къ охраненію тыла. Ими ближе всего объясняется безопасность положенія перваго консула, даже еслибъ имъ проигранъ былъ бой (при Маренго), который одинъ только, какъ неоднократно было замѣчено, придаетъ истинный смыслъ обходамъ.

Прослѣдимъ теперь, въ какомъ положеніи находился Меласъ. Было ли оно хуже, или лучше положенія перваго консула? Меласъ имѣлъ 75,000 войскъ; изъ нихъ 25.000 вошли въ составъ гарнизоновъ крѣпостей: Кони, Турина, Тортоны, Генуи, Акви, Гави и Александріи. Слѣдовательно, для боя оставалось не болѣе 50,000 (даже 40,000 съ небольшимъ, послѣ боя у Монтебелло). Всѣ пути къ выходу изъ опаснаго положенія были заперты для него искуснымъ расположеніемъ Французскихъ войскъ. Оставался только кружный обходъ черезъ Парму къ нижнему По; но первый консулъ, зорко слѣдившій за противникомъ и занимавшій, вдобавокъ, внутреннее расположеніе, конечно, не позволилъ бы предупредить себя (въ этихъ видахъ, чтобы не позволить воспользоваться помянутымъ путемъ, впослѣдствіи и былъ отряженъ Дезе, съ дивизіею Буде, къ Ривальтѣ и Нови). Далѣе казалось бы, что Меласъ могъ еще отступить къ Генуѣ и здѣсь, опираясь на Англійскій флотъ, владѣвшій моремъ, выждать прибытія подкрѣпленій или того времени, когда онъ будетъ вырученъ Австрійскими войсками. Но и этотъ планъ было бы трудно осуществить, потому что между Меласомъ и Генуею, въ тылу его, находилось 20,000 подъ начальствомъ Массены и Сюше, у Акви.

Приведеннаго достаточно, чтобы показать, насколько положеніе перваго консула было выгоднѣе положенія Меласа передъ сраже-

[1]) Первою попала подъ удары правая колонна Отта (1 бригада), шедшая черезъ Боббіо, по долинѣ р. Треббіи; вторыми войсками изъ Александріи и, наконецъ, 9-го іюня (бой у Монтебелло) самъ Оттъ.

ніемъ, къ которому обѣ стороны готовились. Мѣры, принятыя Наполеономъ къ обезпеченію его маневра и особенно его тыла, были въ такой степени дѣйствительны, что формула: «*кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ*», не можетъ быть примѣнена къ настоящему случаю; а въ этомъ и заключается верхъ искусства всякаго маневрированія. Благодаря этому, внутреннее значеніе маневра Наполеона сдѣлалось менѣе зависимо отъ исхода сраженія, которому онъ долженъ былъ служить подготовкою. И дѣйствительно, допуская даже, что первый консулъ былъ бы разбитъ при Маренго, онъ могъ бы, притянувъ къ себѣ часть войскъ, оставленныхъ въ тылу, и вознаградивъ потери, понесенныя въ сраженіи при Маренго, отступать шагъ за шагомъ и держаться на превосходной позиціи у Страделлы [1]), столь выгодной самой по себѣ и въ особенности потому, что она не позволяла Австрійцамъ воспользоваться ихъ превосходною числомъ кавалеріею. Допуская даже въ этомъ случаѣ неудачу, что почти невѣроятно, потому что, по составу обѣихъ армій, позиція у Страделлы настолько же отвѣчала составу Французской арміи, насколько Маренгское поле сраженія (равнина Санъ-Джуліано) отвѣчало составу Австрійской (вообще трудно было выбрать болѣе несоотвѣтственное поле сраженія, какъ равнину Санъ-Джуліано — правда, первый консулъ и не выбиралъ его: извѣстно, что Маренгское сраженіе было сраженіемъ случайнымъ) [2]) — допуская даже неудачный исходъ боя у Страделлы — что, повторяемъ, невѣроятно, — Меласъ могъ бы

[1]) На пути отъ Кастеджіо до Піаченцы Апеннины подходятъ на весьма близкое разстояніе къ р. По, такъ что здѣсь образуется длинное дефиле, покрытое мѣстечками и селеніями съ зданіями весьма прочной постройки. Здѣсь-то и находится извѣстная еще изъ походовъ принца Евгенія *позиція Страделла*. Позиція эта представляла весьма важныя выгоды какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніи. Въ *стратегическомъ* отношеніи она непосредственно запирала одну дорогу (по правому берегу р. По) и находилась въ 2-хъ переходахъ отъ Мадженты, Милана и Тортоны, т. е. была центральною въ отношеніи къ остальнымъ путямъ отступленія Меласа: въ *тактическомъ* она парализовала непріятельскую кавалерію и имѣла превосходно обезпеченные фланги.

Ланнъ занялъ ее еще 7 іюня. 9-го прибылъ въ Страделлу самъ первый консулъ и приказалъ усилить ее укрѣпленіями, а равно и построить мосты въ Бельджіойзо и Піаченцѣ.

[2]) Горя нетерпѣніемъ достигнуть окончательнаго результата (цѣлые три мѣсяца Наполеонъ работалъ надъ этимъ маневромъ, надъ этою подготовкою,—нетерпѣніе понятно) и вступить въ бой съ непріятельскою арміею, онъ оставляетъ превосходную позицію у Страделлы и идетъ отыскивать непріятеля. 13-го іюня онъ переходитъ р. Скривію. Дурно произведенная рекогносцировка приводитъ къ убѣжденію: не ушла ли Австрійская армія; между тѣмъ въ это время она стояла за р. Бормидою. Наполеонъ оставляетъ при Маренго только часть своихъ войскъ, съ остальными намѣренъ уйти за р. Скривію, въ чемъ ему помѣшалъ разливъ рѣки. На слѣдующій день вся Австрійская армія переходитъ Бормиду и неожиданно атакуетъ Виктора и Ланна. Сраженіе проигрывается. Новая случай-

выиграть свои сообщенія, и то съ крайнимъ трудомъ (фланговое движеніе по правому берегу По, когда По, съ крѣпостями Піаченцею и Кремоною въ рукахъ противника), цѣль маневра была бы не достигнута; но первый консулъ всетаки далекъ былъ бы отъ критическаго положенія; благодаря превосходной подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій, онъ могъ бы отступить за рѣку По, прикрыться ею...

Для лучшей оцѣнки положенія обѣихъ сторонъ, мы нарочно дѣлали самыя невыгодныя предположенія для Наполеона, и пришли къ убѣжденію, что худшее, что могло ему угрожать, это — недостиженіе цѣли маневра, — въ такой мѣрѣ превосходно онъ умѣлъ обезпечить успѣхъ его. Положеніе же Меласа было таково, что, проигравъ сраженіе при Маренго, ему не оставалось другаго средства какъ снова попытаться на отчаянный бой или подписать Александрійскую конвенцію, какъ это и было имъ сдѣлано.

V. *Походъ 1805 г. — Маневръ Союзниковъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ.* Если прикинуть тотъ же масштабъ къ одному изъ фактовъ поучительныхъ въ отрицательномъ смыслѣ, хоть, напр., къ *маневру Союзниковъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ*, то нельзя не замѣтить полнѣйшаго нарушенія всѣхъ его основныхъ условій. Такимъ образомъ, условію *скрытности* (а вмѣстѣ съ тѣмъ и *внезапности* и *безопасности)* не было удовлетворено, потому что маршъ, и притомъ фланговый маршъ на 3 перехода, былъ исполненъ совершенно открыто отъ непріятеля, удаленнаго на разстояніи 15 — 20 верстъ. Въ такой же мѣрѣ не удовлетворено было и условію *быстроты*, такъ какъ и безъ того кружное обходное движеніе Союзниковъ имъ пришлось исполнить по дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, во время поздней, осенней распутицы.

Итакъ, какъ въ *выборѣ операціонной линіи* (см. Вступленіе III), такъ и въ исполненіи *марша*, такъ и въ *организаціи арміи* (см. Отд. I, А, Гл. I) полнѣйшее пренебреженіе къ основнымъ законамъ искусства (выраженнымъ въ приведенныхъ нами выше масштабахъ), отъ того и въ результатѣ полнѣйшее пораженіе.

Въ приведенныхъ до сихъ поръ фактахъ обращено было преимущественное вниманіе на *внутреннюю сторону* маневровъ, т. е. на

ность — неожиданное прибытіе Дезе на поле сраженія — возвращаетъ побѣду въ ряды Французской арміи. Трудно найти въ военной исторіи фактъ, столь богатый разнаго рода случайностями, какъ сраженіе при Маренго (случайное столкновеніе, вслѣдствіе дурно произведенной рекогносцировки; случайный разливъ р. Скривіи; наконецъ случайное прибытіе Дезе).

Вообще кампанія 1800 г. въ Италіи представляетъ *великую, безупречную стратегическую комбинацію, завершенную преплохою тактическою развязкою.* Нигдѣ Наполеонъ не былъ настолько ниже самаго себя какъ при Маренго; нигдѣ счастіе ему такъ не покровительствовало какъ при Маренго!

сколько успѣхъ ихъ зависитъ отъ *скрытности*, *быстроты*, вообще отъ тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты къ обезпеченію ихъ отъ всякаго рода случайностей.

Въ фактахъ, приводимыхъ вслѣдъ за симъ, въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, имѣется въ виду ознакомить только съ механизмомъ исполненія, съ *внѣшнею формою*, которую, въ зависимости отъ обстановки, принимаютъ марши-маневры, исполняемые цѣлою арміею.

I. *Походъ 1805 г. Движеніе Французской арміи отъ рѣки Иннъ къ рѣкѣ Траунъ* (съ 29-го по 31-е декабря).

Армія наступаетъ тремя колоннами: *Правая* колонна, 2-й корпусъ Мармона, двигается на Зальцбургъ, Веклабрюкъ и Ламбахъ. *Средняя*, 3-й и 4-й корпуса Сульта и Даву, изъ Браунау на Вельсъ, по главной дорогѣ. *Лѣвая*, 5-й корпусъ Ланна съ дивизіями Дюпона и Дюмонсо, двигается изъ Шердинга на Линцъ.

Впереди средней колонны двигается *авангардъ* Мюрата изъ одной дивизіи легкой кавалеріи, одной дивизіи драгунъ и одной пѣхотной дивизіи (Биссона).

За среднею колонною, въ видѣ *резерва*, идетъ гвардія.

Армія, во время этого марша, представляетъ *фронтъ дѣйствій*, имѣющій отъ 40 до 50 верстъ протяженія и обезпеченный съ фланговъ: съ лѣваго Дунаемъ, а съ праваго Альпами.

II. *Походъ 1806 г. Порядокъ марша Французской арміи при открытіи похода.*

Прусская армія расположена позади Тюрингервальда. Наполеонъ демонстрируетъ, имѣя въ виду привлечь вниманіе непріятеля къ своему правому флангу. Вслѣдъ затѣмъ онъ быстро сосредоточиваетъ войска по своей базѣ, на верхнемъ Майнѣ, и дебушируетъ на сообщенія Прусской арміи въ трехъ направленіяхъ.

Правая колонна, изъ двухъ корпусовъ, 4-го и 6-го (Сульта и Нея), двигается изъ Байрейта на Гофъ.

Средняя, изъ 1-го и 3-го корпусовъ (Бернадотта и Даву), наступаетъ отъ Бамберга, черезъ Кронахъ, на Зальцбургъ.

Лѣвая, изъ 5-го и 7-го корпусовъ (Ланна и Ожро), двигается изъ Швейнфурта на Заальфельдъ.

Впереди средней колонны двигается *авангардъ* (составъ его показанъ выше), подъ начальствомъ Мюрата, и за нею, въ видѣ *резерва*, гвардія.

Фронтъ дѣйствій арміи во время движенія имѣетъ около 50 верстъ протяженія.

Для того чтобы рельефнѣе выставить разницу въ механизмѣ, по внѣшней формѣ исполненія маршей арміями въ прошедшемъ столѣтіи и ранѣе, въ періодъ существованія малочисленныхъ и малоподвижныхъ армій, здѣсь будетъ кстати припомнить: какимъ образомъ исполнялись марши при Тюреннѣ, Люксенбургѣ и Фридрихѣ.

Передъ началомъ движенія прокладывалась дорога для каждой изъ колоннъ (такъ называемыя Kolonnen-Wege), обыкновенно въ направленіи параллельномъ и на разстояніи, въ какомъ линіи ста-

новились другъ отъ друга въ боевомъ порядкѣ (когда его предполагалось строить къ сторонѣ фланга). Арміи двигались по этимъ дорогамъ обыкновенно пятью колоннами, изъ которыхъ среднюю составлялъ обозъ, двѣ ближайшія къ средней—пѣхота, а двѣ крайнія — кавалерія. Впереди шелъ авангардъ.

Въ порядкѣ, весьма близкомъ къ описанному, исполненъ былъ маршъ арміи Фридриха во время движенія его изъ Саксоніи въ Силезію, отъ Россбаха къ Лейтену.

Въ арміи его было около 30,000. Авангардъ состоялъ изъ 800 волонтеровъ, фрей-баталіоновъ, гусаръ, трехъ драгунскихъ полковъ и изъ 10 орудій (12-фунтовыхъ).

Главныя силы слѣдовали четырьмя колоннами: *1-я колонна* состояла изъ всей кавалеріи праваго фланга; *2-я колонна*—изъ всей пѣхоты праваго фланга (обѣихъ линій); *3-я колонна*—изъ всей пѣхоты лѣваго фланга; *4-я колонна*—изъ всей кавалеріи лѣваго фланга.

Наконецъ, резервъ и тяжелая артиллерія слѣдовала за обѣими средними колоннами.

§ 4.

Преслѣдованіе и отступленіе какъ частные случаи маршей. Характеристика похода 1705 и 1706 гг.

Въ основаніе *преслѣдованія* и *отступленія* ложится тотъ же масштабъ, т. е. та же совокупность условій, именно: скрытность (внезапность и безопасность) и быстрота, которыя ложатся въ основаніе какого бы то ни было марша, исполняемаго вблизи непріятеля, но только примѣненіе этого масштаба, вслѣдствіе измѣнившейся обстановки, выходитъ нѣсколько иное. Такимъ образомъ *скрытность*, условіе особенной важности при исполненіи маршей вообще, такъ какъ оно приводитъ и къ *внезапному* появленію передъ непріятелемъ и далѣе къ *безопасности* марша, вообще условіе первостепенной для *подготовки* успѣха операціи, при преслѣдованіи разбитаго непріятеля теряетъ уже значеніе; успѣхъ уже одержанъ и дѣло заключается только въ возможно полномъ развитіи разъ одержаннаго успѣха, въ томъ, чтобы принудить непріятеля къ *безостоновочному* и вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *безпорядочному* отступленію. Очевидно, такимъ образомъ, что преслѣдованіе является въ сущности такимъ же маршемъ какъ и всякій другой маршъ, съ тою только разницею, что обстановкою, при которой производится эта операція, въ приведенномъ масштабѣ, условіе *быстроты* становится господствующимъ. Возможно полное развитіе его и приводитъ къ безостановочному, а слѣдовательно и къ безпорядочному отступленію противника, короче— къ его уничтоженію, составляющему конечную цѣль искусно веденнаго преслѣдованія.

Разъ какъ при преслѣдованіи условіе *быстроты* становится на первомъ планѣ, то отсюда уже сами собою вытекаютъ: 1) и *особен-*

ная важность кавалеріи, въ подобномъ случаѣ, какъ рода войскъ, въ которомъ элементъ быстроты получаетъ наибольшее развитіе, и 2) и *особенная важность обходовъ, а слѣдовательно и такъ называемаго параллельнаго преслѣдованія* [1]), представляющаго въ сущности ничто иное какъ обходъ въ каждой точкѣ. — Безъ кавалеріи, какъ показываетъ опытъ (Люценъ и Бауценъ 1813) преслѣдованіе не приводитъ ни къ какой цѣли. Обходы, при преслѣдованіи, получаютъ особенно важное значеніе, обращаются даже, какъ выше замѣчено, изъ средства подготовительнаго въ *рѣшительное*, вслѣдствіе того положенія, въ которомъ находится отступающій, собственно его арріергардъ. Извѣстно, что всякій обходъ, всякій маневръ парализируется соотвѣтствующимъ контръ-маневромъ, если только минута къ тому не упущена (можно атаковать обходящія войска во время обхода, перемѣнить направленіе позиціи или, наконецъ, отступивъ, занять позади новую позицію, — вотъ три главные вида контръ-маневровъ). Во всѣхъ контръ-маневрахъ резервы играютъ весьма важную роль; но, при отступленіи, главныя силы, составляющія собственно резервъ, не стоятъ на мѣстѣ, а озабочены какъ бы уйти отъ противника и избѣжать боя. Въ отсутствіи этого главнаго средства къ парированію обходовъ, при отступленіяхъ, и слѣдуетъ видѣть причину, почему обходы получаютъ такое громадное значеніе, даже настолько, что изъ средства подготовительнаго обыкновенно обращаются въ рѣшительное. Вмѣстѣ съ обходами, какъ замѣчено выше, получаютъ особенно важное значеніе, при преслѣдованіи, съ одной стороны кавалерія, а съ другой—параллельное преслѣдованіе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весьма поучительнымъ примѣромъ служитъ преслѣдованіе Русскихъ войскъ въ 1812 г. Наполеона, принужденнаго направленіемъ, взятымъ Кутузовымъ, къ безостановочному, безпорядочному отступленію и не разъ поставленнаго въ критическое положеніе (Вязьма, Красное), изъ котораго хотя Наполеону и удавалось спасаться, но это объясняется ошибками другаго рода со стороны нашихъ генераловъ.

Переходя къ *отступленію*, операціи одной изъ самыхъ трудныхъ на войнѣ, какъ въ *матеріальномъ* отношеніи, такъ и въ особенности въ *нравственномъ*, по тому упадку духа въ войскахъ, съ которымъ оно обыкновенно бываетъ сопряжено, мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ приведенный выше масштабъ для маршей-маневровъ сохраняетъ полную силу, только обратно тому какъ при преслѣдованіи, условіе *скрытности* является уже на первомъ планѣ.

Если вообще справедливо «*войска, исполняющія какой бы то ни было маневръ, находятся въ критическомъ положеніи* (toute troupe qui manoeuvre se trouve dans un état de crise)», то это тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ отступательнымъ движеніямъ, которыя мы позволили себѣ, и смѣемъ надѣяться не безъ основанія, назвать

[1]) Рекомендуемаго здѣсь, само собою разумѣется, не въ смыслѣ универсальнаго рецепта.

одною изъ самыхъ трудныхъ операцій на войнѣ. Разъ какъ это такъ, разъ какъ каждый маневръ для успѣха требуетъ тщательной подготовки, т. е. *скрытности* (внезапности, безопасности), то тѣмъ въ большей мѣрѣ подобной подготовки *(скрытности)* должны требовать всѣ отступательные маневры. И дѣйствительно, главная цѣль отступающаго *уклоненіе отъ боя, возможность выигрыша времени и разстоянія*, для отступленія въ порядкѣ, какъ показываетъ опытъ, достигается преимущественно искуснымъ примѣненіемъ условія скрытности, *умѣніемъ скрыть хотя бы только начало отступленія.* Образцовыми въ этомъ отношеніи могутъ считаться дѣйствія Барклая подъ Витебскомъ и Смоленскомъ (1812 г.) и въ особенности дѣйствія нашихъ войскъ въ Сѣверную войну, въ 1706 г. (характеристика этого похода приводится вслѣдъ за симъ).

Что касается до другаго условія масштаба, до *быстроты*, то и оно, въ большей части случаевъ отступательныхъ движеній, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ *главнымъ силамъ*, сохраняетъ полное значеніе. Такимъ образомъ въ 1812 г., во время отступательнаго движенія 1-й нашей арміи отъ Дриссы къ Полоцку и Витебску, успѣхъ всей операціи зависѣлъ отъ *предупрежденія* (слѣдовательно отъ быстроты движенія) у означенныхъ пунктовъ непріятеля. Тоже относится и къ отступательному движенію II-й арміи, отъ Волковиска до Смоленска. Въ отношеніи же къ *арріергардамъ* собственно, при отступательныхъ движеніяхъ, условіе быстроты должно быть уже понимаемо, въ извѣстномъ смыслѣ, съ обратнымъ знакомъ, т. е. въ *смыслѣ выиграния времени, возможно большаго удержанія непріятеля*, само собою разумѣется, не подвергая себя, при этомъ, опасности отдѣльнаго пораженія.

Въ заключеніе разобраннаго вопроса приведемъ бѣглую характеристику *похода 1705 и 1706* годовъ, весьма рельефно опредѣляющую значеніе Петра какъ полководца, похода замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ съ стратегической точки и въ особенности поучительнаго по образцовымъ мѣрамъ, принятымъ Петромъ къ обезпеченію *отступленія* (избѣгая боя съ Карломъ XII) нашей арміи, блокированной въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ [1]).

---

[1]) Разборомъ значенія условій масштаба мы и полагаемъ ограничить наше изслѣдованіе вопросовъ объ *отступленіи* и *преслѣдованіи.* Опредѣлить какія *формы* можетъ въ различныхъ случаяхъ принять выражаемая имъ идея и далѣе классифицировать эти формы, какъ то дѣлаетъ генералъ Жомини (5-ть способовъ для производства отступленія), по безконечному разнообразію въ обстановкѣ, мы считаемъ и невозможнымъ и лишнимъ, и полагаемъ, что лучшимъ наставникомъ въ этомъ дѣлѣ будетъ военная исторія. Самъ генералъ Жомини, поставивъ себѣ вышеприведенную задачу, при выполненіи ея, долженъ былъ замѣтить всю ея трудность, даже невозможность. Вотъ какъ онъ, между прочимъ, выражается по этому поводу: «Какую *систему* (?) рекомендовать для отступленія? Слѣдуетъ ли драться до послѣдней крайности, въ ожиданіи наступленія ночи, чтобы подъ ея покровительствомъ отступить? Или, можетъ быть, выгоднѣе, не ожидая

Походъ 1705 и 1706 годовъ. Гродненскій укрѣпленный лагерь.

Карлъ, понявъ, наконецъ, безцѣльность всѣхъ своихъ смѣлыхъ дѣйствій въ Польшѣ, рѣшился нанести Августу окончательный ударъ въ Саксоніи, откуда послѣдній получалъ деньги и войска, короче—всѣ средства къ веденію войны. Съ этою цѣлію, въ концѣ 1704 года, отбросивъ Шуленбурга и Паткуля за Одеръ, Карлъ расположился на квартирахъ у самыхъ границъ Саксоніи, чѣмъ и отрѣзалъ короля Августа, находившагося съ Польскими войсками и съ Саксонскою конницею у Кракова, отъ сообщеній съ Саксоніею.

Вполнѣ постигая опасность, угрожавшую Августу, Петръ, въ іюнѣ 1705 года, сосредоточилъ до 50,000 войскъ у Полоцка. Послѣ неудачнаго покушенія отрѣзать Левенгаупта отъ Риги [1]), въ сентябрѣ, Петръ двинулся въ Гродно. Узнавъ о вступленіи Русской арміи въ предѣлы Польши, Карлъ оставилъ Рейншильда съ 12,000 въ Силезіи противъ Шуленбурга, а съ остальными 40,000 (20,000 Шведскихъ и 20,000 Польскихъ, мало надежныхъ) двинулся къ Варшавѣ, имѣя въ виду дальнѣйшее наступленіе къ Гродно. По прибытіи къ Варшавѣ, въ августѣ, Карлъ расположился въ лагерѣ при Блоніе, въ которомъ и оставался до глубокой осени, въ ожиданіи коронаціи Станислава Лещинскаго. Союзники, видя, что Карлъ провелъ все лѣто въ бездѣйствіи, и не предполагая, чтобы онъ рѣшился на что-либо важное въ суровое, зимнее время года, расположились на пространныхъ зимнихъ квартирахъ (отъ Пултуска до Тыкочина и Гродно). Между тѣмъ, Карлъ ожидалъ только наступленія зимы, чтобы замерзли рѣки и озера, и чтобы, пользуясь этимъ, быстро двинуться противъ растянутаго расположенія Союзниковъ и разбить ихъ по частямъ. Несмотря на быстроту движенія [2]) (въ 30

этой послѣдней крайности, оставить поле сраженія, когда то можетъ быть еще исполнено въ порядкѣ? Слѣдуетъ ли, при содѣйствіи ночнаго форсированнаго марша, выиграть возможно бо̀льшее разстояніе или же остановиться въ порядкѣ въ полупереходѣ, показывая готовность вступить снова въ бой? *Каждый изъ этихъ способовъ, удобопримѣнимый въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ въ другихъ быть причиною окончательной погибели арміи*, и если теорія военнаго дѣла гдѣ либо оказывается безсильною, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то это несомнѣнно во всемъ, что касается отступленій» (Précis de l'art de la guerre, II p. 450 et 451).

Что приведенные способы отступленія хороши *каждый въ свое время и на своемъ мѣстѣ*,—это несомнѣнно. Этой формулы мы строго и послѣдовательно держимся при изслѣдованіи всѣхъ вопросовъ о дѣйствіяхъ войскъ; но почему теорія безсильна дать только *правила* для отступленій, этого мы не понимаемъ, потому что она настолько же безсильна дать *правила* для наступленій, преслѣдованій, вообще для какихъ бы то ни было дѣйствій *(см. Вступленіе IX)*.

[1]) Пораженіе двѣнадцати-тысячнаго корпуса Шереметева при Гемауертгофѣ. Левенгауптъ отходитъ къ Ригѣ, а Русскія войска занимаютъ Курляндію.

[2]) Черезъ Варшаву, Венгровъ, Брянскъ, въ обходъ Тыкочина.

дней Карлъ достигъ Гродно), большая часть нашихъ войскъ, до 30,000 (45 баталіоновъ и 6 драгунскихъ полковъ), успѣла собраться въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, исключая кавалеріи, стоявшей у Ломзы и Пултуска, не успѣвшей отойти къ главнымъ силамъ и собравшейся у Минска, подъ начальствомъ Меньшикова. Благодаря этому, хотя и далеко неполному, сосредоточенію нашихъ силъ, цѣль Карла—разбить нашу армію по частямъ—не могла быть выполнена, и ему предстояло рѣшиться на одну изъ двухъ слѣдующихъ мѣръ: или атаковать нашу армію въ укрѣпленномъ лагерѣ, или же стать на Виленской и Минской дорогахъ, на ея сообщеніяхъ съ базою, устроенною на рѣкѣ Двинѣ. Считая первое слишкомъ рискованнымъ, Карлъ рѣшается на послѣднее, разсчитывая, что когда, по недостатку въ продовольствіи, армія наша принуждена будетъ оставить лагерь, то онъ съ большею вѣроятностью на успѣхъ можетъ разбить ее въ открытомъ полѣ. Имѣя это въ виду, Карлъ переправился черезъ Нѣманъ въ трехъ верстахъ выше Гродно и расположился на Виленской и Минской дорогахъ [1]), блокируя довольно тѣсно расположеніе нашей арміи [2]). Движеніе на наши сообщенія могло имѣть для Карла еще и другую весьма важную цѣль: открытіе сообщеній съ Левенгауптомъ, занимавшимъ Ригу, и базированіе на этотъ пунктъ. Король Августъ, командовавшій арміею (Петръ, не ожидая нападенія въ зимнее время и занятый внутренними дѣлами, еще осенью уѣхалъ въ Москву), видя затруднительное ея положеніе, сдалъ начальство надъ нею фельдмаршалу Огильви, а самъ съ большею частію кавалеріи двинулся къ Варшавѣ, разсчитывая разбить Рейншильда и присоединить къ себѣ какъ Шуленбурга, такъ и остальныя войска, оставшіяся ему вѣрными, и, собравъ, такимъ образомъ, до 30,000, привести ихъ на подкрѣпленіе къ нашей арміи, блокированной въ Гродно.

Вполнѣ раціональное на этотъ разъ поведеніе Карла, уклонившагося весьма кстати отъ обыкновенно слишкомъ рѣшительнаго способа дѣйствій, не замедлило поставить Петра въ *критическое положеніе.* Лучшія войска его, образованіе которыхъ стоило ему такихъ неимовѣрныхъ усилій, были заперты въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ и обречены или на погибель отъ голодной смерти, или же должны были сдаться на капитуляцію, или, наконецъ, вступить въ бой въ открытомъ полѣ съ грознымъ противникомъ, къ которому они, по внутреннему достоинству, нѣсколько уже успѣли подойти, но до котораго еще далеко не доросли. Вѣрная гибель грозила этой арміи. Такою арміею, какою была наша подъ Нарвою въ 1700 году, можно было еще пожертвовать; подобную армію легко было замѣнить другою; но принести въ жертву ту армію, которая была заперта въ

---

[1]) 14-го января.

[2]) Шведская армія первоначально расположилась на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Скалубова, въ десяти верстахъ къ сѣверу отъ Гродно.

Гродно, было дѣло нелегкое. Наконецъ, разъ какъ армія была блокирована въ Гродно, граница наша оставалась совершенно открытою. Пользуясь этимъ, Карлъ могъ вторгнуться въ предѣлы Россіи. Вотъ то крайне затруднительное положеніе, въ которое поставленъ былъ Петръ въ началѣ похода 1706 года и изъ котораго онъ вышелъ съ честью. Сначала онъ самъ хотѣлъ прибыть въ Гродно, чтобы раздѣлить съ арміею ея тяжелую участь; но блокада была столь тѣсна, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Какъ ни тяжко было положеніе нашей арміи, однако оставалась еще надежда, что королю Августу удастся осуществить его предположеніе разбить Рейншильда, соединиться съ Шуленбургомъ, собрать остальныя оставшіяся ему вѣрными войска, стянуть, такимъ образомъ, около 30,000 и привести ихъ на подкрѣпленіе арміи, блокированной въ Гродно, что составило бы около 60,000. При такомъ превосходствѣ, конечно, можно было бы уже съ достаточною вѣроятностію на успѣхъ выйти изъ укрѣпленій и пробиться. Однако на осуществленіе этого предположеніи, отъ чего зависѣлъ выходъ нашей арміи изъ критическаго положенія, нужно было время, а армія голодала. Необходимо было обезпечить существованіе ея. Посмотримъ, какъ Петръ разрѣшилъ эту задачу.

Пользуясь тѣмъ, что Карлъ XII расположилъ свою армію по сѣверную сторону Гродно, чѣмъ и отрѣзалъ ее отъ ея базы на Двинѣ, и что южная сторона осталась свободною, Петръ *устраиваетъ наскоро импровизованную базу къ югу отъ Гродно.* Съ этою цѣлію онъ приказываетъ 15,000 казакамъ Мазепы расположиться у Слуцка (казачьи отряды расположены были у Слуцка, Несвижа и въ замкѣ Ляховичи) и такому же числу казаковъ стать у Бреста, предписавъ имъ безпокоить Шведовъ и доставлять продовольствіе въ лагерь. Такимъ образомъ, взамѣнъ базы на Двинѣ, создана была новая, по южную сторону Гродно, правда, наскоро импровизованная, которая не могла вполнѣ замѣнить первой; но всетаки до нѣкоторой степени она была способна облегчить тяжелое положеніе нашей арміи, положеніе, которое, при непринятіи подобной мѣры, обратилось бы въ рѣшительно безвыходное.

Далѣе рождался вопросъ: нельзя ли и по сѣверную сторону Гродно предпринять чего либо, въ тѣхъ же видахъ, въ видахъ облегченія положенія нашей арміи? *нельзя ли, напримѣръ, принудить непріятеля не столь тѣсно блокировать наши войска?* Вотъ какъ послѣдній вопросъ былъ разрѣшенъ Петромъ. Онъ приказалъ: 1) Бауру (съ шестью драгунскими полками) расположиться на дорогѣ изъ Вильны въ Полоцкъ и тревожить тылъ Шведовъ, и 2) Розену, стоявшему въ Митавѣ, наблюдать за Левенгауптомъ, находившимся въ Ригѣ, и препятствовать его соединенію съ Карломъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ именно эти мѣры, потому что, благодаря имъ, Карлъ, въ отношеніи продовольствія своихъ войскъ, былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе и не могъ уже тѣсно блокировать нашей арміи, а по мѣрѣ истощенія средствъ

въ районѣ расположенія его арміи, принужденъ былъ все далѣе и далѣе отодвигаться отъ укрѣпленнаго лагеря, такъ что въ концѣ блокады расположеніе Шведской арміи отстояло уже около сорока верстъ отъ Гродно, чѣмъ до нѣкоторой степени облегчалось положеніе нашей арміи и сдѣлалось возможнымъ осуществленіе впослѣдствіи превосходнаго плана Петра къ ея спасенію. Если бы Карлъ могъ открыть сообщеніе съ Левенгауптомъ и базироваться на Ригу, то ему представилась бы возможность, въ теченіе всего времени, весьма тѣсно блокировать нашу армію, чрезъ что ея положеніе, конечно, сдѣлалось бы еще болѣе затруднительнымъ и спасеніе окончательно невозможнымъ.

Для загражденія непріятелю доступовъ въ наше отечество, 12,000 регулярныхъ войскъ собрано было у Минска, усилены укрѣпленія Пскова и Смоленска, а для прикрытія границы отъ нападенія Шведскихъ отрядовъ устроена была сплошная укрѣпленная линія отъ Пскова, черезъ Смоленскъ, до Брянска, о которой упомянуто ниже (См. оборонительныя линіи).

Могли ли быть приняты болѣе раціональныя мѣры? Мы считаемъ лишнимъ объ этомъ распространяться, потому что дѣло слишкомъ краснорѣчиво говоритъ само за себя.

Какъ эти мѣры однако ни были дѣйствительны, но онѣ могли только отчасти облегчить положеніе нашей арміи, и притомъ не болѣе какъ на то время, которое королю Августу необходимо было на исполненіе его предположенія, которое однако не осуществилось. Получивъ извѣстіе о пораженіи Шуленбурга при Фрауштадтѣ, Августъ повелъ собранныя имъ войска уже не въ Гродно, а къ Кракову. Такимъ образомъ, исчезла послѣдняя надежда на спасеніе арміи. Снова она была поставлена въ критическое положеніе, и притомъ въ несравненно болѣе критическое противъ прежняго, въ рѣшительно безвыходное.

Изъ этого-то безвыходнаго, какъ кажется, положенія (и дѣйствительно безвыходнаго для большинства, но не безвыходнаго для генія) она была выведена *геніальною, по простотѣ и вѣрности, комбинаціею Петра. Онъ поставилъ себѣ задачею вывести армію изъ Гродно безъ боя съ непріятелемъ*, что, конечно, возможно было исполнить не иначе какъ *скрытно*, и затѣмъ направить ее къ Кіеву или къ Чернигову.

Обстоятельство, благопріятствовавшее исполненію этого предположенія, заключалось отчасти въ томъ, что, какъ уже выше было сказано, Шведы, нуждаясь сами въ продовольственныхъ запасахъ, лишены были возможности тѣсно блокировать нашу армію и принуждены расположиться съ этою цѣлію верстахъ въ сорока отъ лагеря (почти на два перехода). Такимъ образомъ, если бы нашей арміи удалось скрыть отъ бдительности Шведовъ (что, при такомъ разстояніи между обѣими арміями, не представляло особыхъ затрудненій) всѣ приготовленія къ отступленію, то она этимъ однимъ могла бы уже разсчитывать на выигрышъ *двухъ* переходовъ передъ

Шведскою арміею. Но этого казалось Петру недостаточно. Полная безопасность предпріятія требовала еще большаго увеличенія разстоянія. Въ этихъ видахъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ превосходный *выборъ времени* Петромъ для начатія отступленія и *направленія*, въ которомъ онъ предполагалъ произвести его.

Онъ совѣтовалъ Огильви воспользоваться тѣмъ временемъ, когда Нѣманъ будетъ вскрываться (надо замѣтить, что у Русскихъ былъ въ Гродно постоянный мостъ, а у Шведовъ въ Орлѣ, верстахъ въ трехъ выше Гродно, временной, неспособный къ выдержанію напора льда), бросить артиллерію, перейти на лѣвый его берегъ и двинуться между Брестомъ и Пинскомъ, «чтобы обойти верховье Припети и, оставя ее въ лѣвой рукѣ, идти къ Кіеву или къ Чернигову, и спера *зѣло поспѣшно* день-другой идти, чтобы непріятель не догналъ, а когда зайдете за Пинскъ, гдѣ рѣка Припеть начинается, тогда можно вамъ *идти по волѣ*; ибо непріятель сію рѣку (ради ея болотъ) перейтить и вамъ переду занять не можетъ; а сзади съ пѣхотою не поспѣетъ, а съ одной конницею будетъ безсиленъ» [1]).

Исполняя инструкцію царя, Огильви вышелъ изъ Гродно въ тотъ самый день, когда тронулся Нѣманъ (30-го марта), перевелъ армію на лѣвый берегъ и отступилъ къ Бресту, а потомъ повернулъ влѣво на Ковель къ Кіеву (мостъ въ Гродно, по всей вѣроятности, имъ былъ уничтоженъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно испорченъ; хотя о столь важномъ обстоятельствѣ нигдѣ не упоминается, но это очевидно изъ дѣйствій Карла). Карлъ XII за льдомъ (мостъ въ Орлѣ былъ снесенъ льдомъ; Карлъ приказалъ возобновить его) не могъ переправиться черезъ Нѣманъ раньше 3-го апрѣля *(такимъ образомъ выигрывались 4—5 переходовъ)* и, не будучи въ силахъ догнать нашу армію съ тыла, двинулся на перерѣзъ ея пути къ Пинску. Но дурныя дороги, разлившіяся рѣки и ручьи и, наконецъ, какъ предвидѣлъ Петръ, непроходимыя Препетскія болота дотого затруднили его маршъ, что, дойдя до Пинска, онъ долженъ былъ остановиться и дать отдыхъ своимъ измученнымъ войскамъ. Наша армія прибыла въ Кіевъ почти безъ всякихъ потерь.

Разобранный нами походъ представляетъ много поучительнаго для болѣе близкаго ознакомленія съ истинно-замѣчательною личностію Петра, какъ военачальника. Можно ли лучше соображаться съ обстановкою, спросимъ мы, и при томъ съ обстановкою, представившеюся на этотъ разъ въ угрожающемъ видѣ, дважды въ видѣ безвыходнаго положенія? И Петръ нашелъ изъ него выходъ. И дѣйствительно для геніальныхъ личностей, но только для геніальныхъ, безвыходное положеніе не существуетъ; мало того, оно, напротивъ, вызываетъ всю силу ихъ генія. Къ подобнымъ именно минутамъ и относятся обыкновенно ихъ самыя лучшія соображенія, самыя свѣтлыя мысли. Петръ, спасающій армію подъ Гродно (хотя онъ лично при ней

---

[1]) Карцовъ — «Военно-историческій обзоръ сѣверной войны». 1851 г. Стр. 63.

и не находился), Наполеонъ во 2-й день Ваграмскаго сраженія, онъ же при Риволи, Цезарь при Алезіи... блистательно подтверждають это.

§ 5.

Параллель между новѣйшимъ образомъ веденія войны и ему предшествовавшимъ.

«Дѣлать по 40 верстъ въ день, сражаться, преслѣдовать и затѣмъ уже отдыхать—другаго образа веденія войны я не знаю».
Наполеонъ.

Въ вышеприведенныхъ изслѣдованіяхъ были разобраны въ той послѣдовательности, какъ они большею частію представляются на самомъ дѣлѣ, въ наступательныхъ дѣйствіяхъ, вопросы относительно: *составленія плана*, *организаціи арміи*, *выбора и устройства базиса*, *сосредоточенія на немъ запасовъ и арміи*, *выбора операціонной линіи*, *механизма исполненія маршей*, клонящихся къ *сосредоточенію, въ кратчайшее время, возможно-большаго числа войскъ на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій* и, наконецъ, *боя* [1]) на этомъ пунктѣ.

При разборѣ ихъ имѣлось въ виду уяснить какъ главныя неизмѣнныя начала, которыя должны быть положены въ основаніе рѣшенія ихъ (вышеприведенные *теоретическіе масштабы*), такъ равно и тѣ безконечно-разнобразныя измѣненія въ формѣ, въ которыя эти начала, въ зависимости отъ обстановки, могутъ выливаться, въ разныхъ случаяхъ, при чемъ предпочтительно принимаема была въ разсчетъ современная, ближайшая къ намъ обстановка. Для полнаго уясненія дѣла, не лишено было бы интереса прослѣдить, какія формы рѣшеніе означенныхъ вопросовъ принимало, въ зависимости отъ обстановки, въ другія, болѣе отдаленныя, замѣчательныя въ военномъ отношеніи эпохи; но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко, да и это задача собственно *исторіи военнаго искусства*. На этомъ основаніи мы ограничимся лишь самою бѣглою *параллелью между нынѣшнимъ образомъ веденія войны и предшествовавшимъ ему*, тѣмъ, который господствовалъ въ Европѣ до конца прошедшаго столѣтія.

До конца XVIII столѣтія, до революціонныхъ войнъ, въ періодъ существованія малочисленныхъ и малоподвижныхъ армій, какъ уже было замѣчено, военныя дѣйствія были въ высшей степени скованы административными соображеніями; арміи не смѣли удаляться далѣе пяти переходовъ отъ своихъ магазиновъ, операціонныя линіи ихъ были крайне коротки. Все это дѣлало *дальнія*, *быстрыя* (вулканическія, какъ ихъ называетъ Жомини) *вторженія*, въ духѣ Наполеонов-

---

[1]) Механизма веденія боя мы собственно не коснулись, потому что это дѣло тактики. На долю стратегіи выпадаетъ только рѣшеніе вопроса о значеніи боя въ ряду прочихъ средствъ, ведущихъ къ достиженію различныхъ цѣлей на войнѣ. Вопросъ этотъ изслѣдованъ былъ выше (см. отношенія маневровъ къ бою. Б. Гл. II § 1).

скихъ, невозможными. Театръ военныхъ дѣйствій обыкновенно ограничивался пограничными областями атакованнаго государства. Здѣсь наступающій выбиралъ предметомъ дѣйствій какой нибудь наиболѣе важный пунктъ, крѣпость; приступалъ къ осадѣ ея, что возлагалось на одну часть его арміи, въ то время какъ другая принимала на себя роль обсерваціонной арміи, прикрывавшей осаду. Обороняющійся же, со своей стороны, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы продлить сопротивленіе гарнизона и, по возможности, вовсе освободить крѣпость отъ осады, вынудивъ непріятеля, преимущественно дѣйствіями на его сообщенія, къ отступленію; или же армія обороняющагося занимала какую нибудь крѣпкую позицію (оборонительныя линіи конца XVII и начала XVIII столѣтій), передъ которыми наступающій, *считавшій ихъ неодолимыми*, останавливался иногда на мѣсяцы. Въ такомъ положеніи обѣ арміи, какъ бы забывая другъ о другѣ, выбирали предметомъ дѣйствій сообщенія противопоставленной арміи и затѣмъ приступали къ нападеніямъ на транспорты, къ препятствованію непріятельской арміи производить фуражировки, вообще открывался цѣлый рядъ дѣйствій такъ называемой малой войны [1]), поглощавшей нерѣдко много войскъ, но неприводившей къ рѣшительнымъ результатамъ. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда прибѣгали къ бою, къ атакѣ непріятельской арміи, никогда почти не доводили его до конца [2]), не добивали непріятельской арміи, *ни на полѣ сраженія* — путемъ завершенія боя рѣшительною атакою всѣми силами разбитаго непріятеля, *ни внѣ поля сраженія* — путемъ энергическаго, неотвязчиваго преслѣдованія. При такихъ условіяхъ, войны тянулись иногда годы и рѣдко приводили къ рѣшительнымъ результатамъ. Такова главная отличительная черта образа веденія войны, господствовавшаго въ Европѣ до революціонныхъ войнъ (l'impossible systeme, der starken Positionen, какъ его называетъ Жомини), весьма вѣрно охарактеризованнаго Ллойдомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Подвижность — говоритъ онъ — составляетъ все на войнѣ; наши арміи ея вполнѣ лишены. Онѣ постоянно *прикованы* къ какимъ нибудь крѣпостямъ, въ которыхъ учреждены ихъ магазины и отъ которыхъ онѣ не смѣютъ удалиться далѣе 30 лье (120 верстъ). Онѣ такимъ образомъ замкнуты въ тѣсномъ кругѣ, центромъ которому служатъ ихъ магазины».

---

[1]) Guerre de chicanes, d'intercéption de munitions.

[2]) «Если стойкость вашихъ войскъ и *недѣятельность* непріятеля дозволятъ, то вы сближаетесь съ противникомъ, и если, положимъ, успѣете одолѣть его на одномъ или на двухъ пунктахъ, *то сраженіе считается выиграннымъ*, хотя часто вамъ удалось только сбить два или три баталіона. Если же атака, которую вы считаете важнѣйшею, не удалась и вы отступите, часто не будучи даже преслѣдуемы, *то сраженіе считается проиграннымъ*». Вотъ чѣмъ, по словамъ Ллойда (характеристика сраженія), завершались сраженія XVIII столѣтія: не окончательнымъ истощеніемъ силъ одной изъ сторонъ, а какъ бы условно, подобно тому какъ на маневрахъ мирнаго времени.

Въ 1792 г. война была ведена обѣими сторонами совершенно такъ же, какъ ее вели въ 1762 г. Съ 1793 г. новый порядокъ вещей, новая обстановка измѣнили, хотя не сразу, но за то радикально, вышеприведенный образъ веденія войны.

Переходное состояніе продолжалось съ 1793 по 1796 г., т. е. до появленія генерала Бонапарте въ Италіи. «*Быстрота его маршей*— говоритъ Жомини — сбила съ толку Австрійцевъ и Сардинцевъ [1], потому что, не будучи обремененъ лишними тяжестями, онъ, въ отношеніи подвижности, превзошелъ всѣ новѣйшія арміи; онъ завоевалъ полуостровъ рядомъ стратегическихъ *маршей* и битвъ. Его маршъ на Вѣну въ 1797 г. былъ операціею смѣлою, но которая, въ то же время, можетъ быть вполнѣ оправдана необходимостію разбить эрцгерцога Карла до прибытія къ нему подкрѣпленій съ Рейна. Наконецъ съ кампаніи 1800 г. — продолжаетъ Жомини — начинается новая эра въ предначертаніи плановъ войны и въ выборѣ операціонныхъ направленій; начиная съ нея являются тѣ *смѣлые предметы дѣйствій*, которые били ни болѣе-ни менѣе какъ *на захватъ или разрушеніе цѣлыхъ армій*... Кампаніи 1805 и 1806 годовъ были только дальнѣйшимъ примѣненіемъ задачи, разрѣшенной въ 1800 г.». Новѣйшій образъ веденія войны, въ которомъ подвижность играетъ столь важную роль, генералъ Жомини называетъ весьма справедливо *системою маршей*, въ противоположность къ прежнему — къ *системѣ крѣпкихъ позицій* [2]). И дѣйствительно: подвижность составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ элементовъ, такъ сказать, душу нынѣшняго образа веденія войны, основаннаго на быстрыхъ маршахъ, завершаемыхъ на рѣшительномъ пунктѣ боемъ, которому, въ свою очередь, въ новѣйшее время, приданъ былъ въ высшей степени рѣшительный характеръ («entre une bataille perdue et une bataille gagnée il y a des empires». Наполеонъ).

Итакъ, главную, отличительную черту нынѣшняго образа веденія войны составляетъ *подвижность*, что вполнѣ подтверждается вышеразобранными фактами (1805 г. маршъ отъ Рейна къ Дунаю; 1809 г. маршъ отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ...) «*Дѣлать по 40 верстъ въ день, сражаться, преслѣдовать и потомъ уже отдыхать—другаго образа веденія войны я не знаю*». Въ этихъ словахъ Наполеона заключается весьма вѣрная характеристика нынѣшняго образа веденія войны.

---

[1]) «Бонапарте, во время ночнаго обхода (это было вскорѣ послѣ переправы у Піаченцы 1796 г.), приблизился къ бивaку плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ пожилой венгерскій офицеръ, нѣсколько словоохотливый. Бонапарте обратился къ нему съ вопросомъ: какъ идутъ дѣла? Старый капитанъ не могъ не согласиться съ тѣмъ, что они идутъ очень плохо; но — прибавилъ онъ — *нѣтъ никакихъ средствъ понять, что около насъ происходитъ: мы имѣемъ дѣло съ молодымъ генераломъ, который то появится впереди насъ, то въ хвостѣ, то на флангахъ; рѣшительно не знаешь, какъ расположиться*. Подобный образъ веденія войны невыносимъ и *нарушаетъ всѣ правила*». Роканкуръ. 1, 432.

[2]) Слово *система* только несовсѣмъ умѣстно.

Выгоды, доставляемыя подвижностью, несомнѣнны. Одно уже то, что, благодаря ей, пріобрѣтается возможность *предупредить* непріятеля, отчего поставленная цѣль нерѣдко достигается безъ боя (какъ, напримѣръ, переправа генерала Бонапарте у Піаченцы въ 1796 г.; далѣе: выгоды, которыя были доставлены Наполеону, въ 1809 г., во время марша отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ тѣмъ, что онъ предупреждалъ эрцгерцога Карла на Дунаѣ, на всѣхъ пунктахъ, могущихъ служить для перехода его на правый берегъ Дуная, для соединенія съ Гиллеромъ и эрцгерцогомъ Людвигомъ). Само собою разумѣется, насколько должно быть важно *предупредить* или *опоздать* въ такомъ дѣлѣ, какъ война, въ которой рѣшеніе каждаго вопроса приводится къ вѣрной *оцѣнкѣ минуты*. Вообще *армія, имѣющая на своей сторонѣ перевѣсъ въ подвижности, имѣетъ, въ то же время, и перевѣсъ въ силѣ; подвижность, дополняя силу, замѣняетъ ее на извѣстный процентъ* [1]). Она можетъ, по произволу, разбросаться, зная, что вовремя успѣетъ сосредоточиться; такимъ образомъ, сфера ея дѣйствій, съ полною для нея безопасностью, значительно расширяется до того, что она почти безнаказанно *можетъ себѣ все позволить* (всѣ дѣйствія Наполеона), тогда какъ армія, лишенная этого преимущества, даже при числительномъ перевѣсѣ, *должна почти отъ всего отказаться* и обречь себя на въ высшей степени пассивную роль.

Всѣ эти выгоды подвижности были сознаваемы и подмѣчены гораздо ранѣе примѣненія принципа подвижности къ дѣлу. Еще Ллойдъ говорилъ: «Изъ всѣхъ элементовъ матеріальной части искусства нѣтъ болѣе важнаго какъ *движеніе*; оно ключъ къ самымъ труднымъ операціямъ армій, которыя рѣшительно зависятъ отъ него... *Принципъ движенія является въ видѣ самаго существеннаго.* Развитію его должно быть посвящено главное вниманіе. Можно утвердительно сказать, что, при всѣхъ остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, та армія, которая *лучше ходитъ*, должна одержать побѣду».

Сознавая несомнѣнныя преимущества подвижности и то, что новѣйшія арміи, какъ это вполнѣ подтверждается разобранными выше фактами, ею обладаютъ въ высокой степени, спрашивается: *что же ближе всего способствовало къ развитію въ нихъ подвижности, и, мало того, что въ особенности дало имъ право ею воспользоваться?* Отвѣтъ на эти вопросы находится въ исторіи военнаго искусства. Укажемъ на обстоятельства, способствовавшія развитію подвижности въ новѣйшихъ арміяхъ, въ самыхъ общихъ чертахъ. Они заклю-

---

[1]) «Сила армій — говоритъ Наполеонъ — подобно тому, какъ въ механикѣ, измѣряется массою, умноженною на скорость. Быстрый маршъ возвышаетъ нравственныя силы арміи и увеличиваетъ ея средства къ побѣдѣ». (Maximes de guerre, § 9, 14.)

Его же «se multiplier par la vitesse» и «suppléer au nombre par la rapidité des marches» (недостатокъ въ числительной силѣ вознаграждать быстротою маршей) — формула въ видѣ вывода изъ предъидущаго.

«Тайна побѣды въ ногахъ», — т. е. въ быстротѣ движеній (Маршалъ Саксонскій).

чаются въ измѣненіи организаціи войскъ, въ раздѣленіи ихъ на гибкія, до извѣстной степени независимыя другъ отъ друга единицы, въ уменьшеніи обозовъ до предѣловъ крайней необходимости, въ измѣненіи снаряженія войскъ въ томъ смыслѣ, чтобы сдѣлать ихъ движенія менѣе зависимыми отъ скорости движенія повозокъ, въ измѣнившемся способѣ обученія войскъ. Все это развило въ высокой степени подвижность въ новѣйшихъ арміяхъ; но *право воспользоваться этою подвижностію, право удаляться на значительное разстояніе отъ своихъ депо и магазиновъ, отъ своей базы, имъ дало введеніе, въ дополненіе къ магазинному способу снабженія арміи, реквизиціонной системы* [1]), вслѣдствіе чего, какъ выше было приведено, чисто-военныя соображенія стали въ болѣе свободныя отношенія къ хозяйственнымъ условіямъ.

При довольствіи армій исключительно изъ магазиновъ, арміи не имѣли права удаляться отъ магазиновъ далѣе пяти переходовъ; онѣ были прикованы къ нимъ. Со введеніемъ же реквизиціонной системы, какъ въ своемъ мѣстѣ было объяснено, онѣ пріобрѣли возможность удаляться отъ базы на *неограниченное* разстояніе и *безостановочно* идти впередъ, между тѣмъ какъ во время этого безостановочнаго ихъ движенія *устроивается ихъ тылъ*, подготовляется театръ военныхъ дѣйствій въ административномъ и инженерномъ отношеніяхъ.

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что если реквизиціонная система, съ одной стороны, способствуетъ къ развитію подвижности, въ высокой степени, то, съ другой, она же требуетъ и *скорой развязки.* Продолжительная остановка на одномъ и томъ же мѣстѣ положительно немыслима при ней.

В.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

ГЛАВА I.

Устройство тыла.

Устройство тыла въ административномъ и инженерномъ отношеніяхъ заключается въ устройствѣ, на пространствѣ между заблаговременно организованною (еще до открытія военныхъ дѣйствій), *первоначальною, главною базою* и мѣстомъ расположенія арміи, разнаго рода депо, госпиталей въ мѣстахъ безопасныхъ и въ упроченіи за собою обладанія всѣми преградами, по крайней мѣрѣ важнѣйшими изъ нихъ, какъ естественными, такъ и искусственными, оставленными въ тылу, въ видахъ заготовленія, такимъ образомъ, заблаговременно, въ тылу: а) *оборонительныхъ позицій*, на которыя армія, въ случаѣ неудачи, могла бы безопасно отступить, на которыхъ она могла бы выждать прибытія подкрѣпленій и освѣжиться; и б) *пути подвозовъ* для безопаснаго слѣдованія къ арміи подкрѣпленій, транспортовъ со всякаго рода запасами... Первыя принято называть въ стратегіи *вспомогательными* (промежуточными) *базисами*, а послѣднія *коммуникаціонными линіями*. Само собою разумѣется, что коммуникаціонныя линіи должны быть организованы не только въ смыслѣ путей подвозовъ, но и въ смыслѣ обезпеченныхъ путей отступленія.

§ 1.

Вспомогательные базисы и стратегическіе резервы.

«При вторженіи въ непріятельскую страну — говоритъ генералъ Жомини (Précis de l'art de la guerre, 1, 261)—не только можно, но и должно устроивать *временные базисы* (de bases éventuelles). Линія по рѣкѣ съ нѣсколькими тетъ-де-понами, съ однимъ или двумя обширными городами, безопасными отъ открытаго нападенія, могущи-

ми служить для прикрытія депо арміи и для сосредоточенія резервовъ, можетъ быть превосходною базою подобнаго рода».

Теоретическій масштабъ, т. е. совокупность условій, которымъ должны удовлетворять второстепенные, временные базисы, совершенно тотъ же, которымъ руководствуются при выборѣ первоначальнаго, главнаго базиса (съ тою развѣ только разницею, въ отношеніи примѣненія его къ дѣлу, что ему, въ этомъ случаѣ, еще труднѣе будетъ вполнѣ удовлетворить). Такимъ образомъ, временные базисы, подобно главному, располагаются всегда подъ защитою какой либо оборонительной линіи; на ней устроиваются, обыкновенно при содѣйствіи полевыхъ (временныхъ) укрѣпленій, временные опорные пункты, замѣняющіе собою крѣпости на главномъ базисѣ; на базисѣ устроиваютъ, путемъ реквизицій, магазины продовольственныхъ запасовъ, госпитали и склады боевыхъ запасовъ, доставляемыхъ съ главнаго базиса. Для непосредственной обороны временныхъ базисовъ оставляется соотвѣтствующей силы самостоятельный отрядъ, называемый *стратегическимъ резервомъ*. Стратегическіе резервы назначаются для прикрытія тыла арміи, для подкрѣпленія ея и, наконецъ, для принятія ея, для прикрытія ея отступленія, на случай неудачи. Ихъ составляютъ обыкновенно изъ двухъ-трехъ дивизій—изъ войскъ, сильно пострадавшихъ и утомленныхъ предшествовавшими дѣйствіями—изъ маршевыхъ баталіоновъ, находящихся въ слѣдованіи къ арміи, изъ невполнѣ обученныхъ рекрутъ, изъ выздоравливающихъ... Въ составъ ихъ входятъ разнаго рода мастеровыя команды.

Выше были указаны мѣры, принятыя Наполеономъ, при открытіи похода 1805 года, къ устройству первоначальнаго базиса по Рейну. Представимъ теперь послѣдовательно, въ бѣгломъ очеркѣ, всѣ временные, второстепенные базисы Французской арміи въ ту же кампанію.

1-й вспомогательный базисъ устроенъ былъ подъ защитою рѣки Лехъ. Аугсбургъ составлялъ его центральный и главный опорный пунктъ.

Для непосредственной обороны этого базиса, въ видѣ стратегическаго резерва, Нополеонъ оставилъ на немъ: корпусъ Ожро, переведенный сюда съ Рейна; часть Баварскихъ войскъ (дивизію Деруа) и больныхъ и раненыхъ во время перваго періода кампаніи. Въ то же время Нею приказано было вторгнуться въ Тироль и прикрыть такимъ образомъ правый флангъ базы.

2-й вспомогательный базисъ устроенъ былъ подъ защитою рѣки Иннъ. Браунау, Пассау и Зальцбургъ составляли главные его опорные пункты. Для обороны его назначенъ былъ особый стратегическій резервъ, подъ начальствомъ Лористона. Онъ состоялъ изъ гарнизоновъ означенныхъ крѣпкихъ пунктовъ, изъ числа которыхъ въ одномъ Браунаускомъ было 6,000, и изъ Баварскихъ войскъ. Прикрытіе праваго фланга возложено было на корпусъ Бернадотта (временно только, онъ смѣненъ былъ потомъ Неемъ).

3-й вспомогательный базисъ устроенъ былъ, подъ защитою Дуная,

въ Вѣнѣ. Стратегическій резервъ на этомъ базисѣ составлялъ корпусъ Мортье (три дивизіи), значительно ослабленный Дирнштейнскимъ боемъ. Прикрытіе праваго фланга этого базиса, со стороны Венгріи, возложено было на дивизію Фріана (изъ корпуса Даву), направленную къ Пресбургу.

Разстояніе между первымъ и вторымъ вспомогательными базисами было отъ пяти до шести переходовъ; между вторымъ и третьимъ отъ семи до восьми. За среднее разстояніе между вспомогательными базисами можно вообще принять отъ семи до восьми переходовъ. Причина этому заключается въ томъ, что нынѣшнія арміи обыкновенно снабжаются боевыми запасами на одно сраженіе, а продовольственными на 7 или 15 деней [1]). Такъ какъ вспомогательные базисы устроиваются преимущественно на случаи неудачи, на случай отступленія, и какъ при отступленіи на реквизиціи трудно разсчитывать, а войскамъ приходится большею частью продовольствоваться находящимся при нихъ запасами, то ясно, почему эти запасы должны быть возобновляемы (на вспомогательныхъ базисахъ), приблизительно, чрезъ каждые семь или восемь дней, а еще лучше чрезъ каждые три или четыре дня.

Нѣкоторые возстаютъ противъ оставленія въ тылу стратегическихъ резервовъ, видя въ нихъ только ослабленіе дѣйствующей арміи на главномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій. Нельзя не замѣтить, что подобный взглядъ односторонен и не справедливъ. Польза и необходимость стратегическихъ резервовъ очевидны изъ вышеизложеннаго назначенія ихъ, а вредная сторона — ослабленіе дѣйствующей арміи — вовсе не такъ велика, если принять во вниманіе, что ихъ обыкновенно составляютъ изъ войскъ, позже другихъ прибывающихъ на театръ военныхъ дѣйствій, утомленныхъ предшествовавшими дѣйствіями, находящихся въ формированіи.... Наконецъ, польза и необходимость ихъ ближе всего подтверждаются дѣйствіями одного изъ великихъ новѣйшихъ полководцевъ, Наполеона, во всѣхъ своихъ кампаніяхъ имѣвшаго предосторожность оставлять у себя въ тылу подобнаго рода стратегическіе резервы. Во время его смѣлаго марша, въ 1797 году, къ Норическимъ Альпамъ, онъ оставилъ на рѣкѣ Адижѣ сперва войска Журдана, а потомъ Виктора. Въ 1806 году подобное названіе дано было Мортье, а въ 1812 году Виктору, оставленному въ Смоленскѣ, и Ожро въ Берлинѣ. Наконецъ, критическое положеніе, въ которое Наполеонъ былъ поставленъ на берегахъ Березины, служитъ самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу оставленія въ тылу стратегическихъ резервовъ на важнѣйшихъ естественныхъ рубежахъ, а равно и усиленія обороны послѣднихъ искусственными средствами.

---

[1]) Въ 1805 г., при открытіи кампаніи на Рейнѣ, отпущено было на каждаго солдата по 50 патроновъ и на 8 дней продовольственныхъ запасовъ: на 4 дня хлѣба и на 4 дня сухарей. (Vial. II, 137 и 254.)

§ 2.

Коммуникаціонныя линіи

(пути подвозовъ, военно-этапныя дороги, routes de l'armée).

«Во всякомъ случаѣ — говоритъ Наполеонъ (какъ выше было приведено)—необходимо имѣть черезъ каждые пять или шесть переходовъ или крѣпость, или укрѣпленную позицію на операціонной линіи [1]), для устройства въ нихъ складовъ жизненныхъ и военныхъ запасовъ, для организаціи транспортовъ. Ихъ слѣдуетъ обратить въ опорные пункты, въ центры движенія, сокращающіе операціонную линію» (Maximes de guerre, § 3).

Въ 1805 году коммуникаціонною линіею для Французской арміи была дорога изъ Шпейера на Гейдельбергъ, Гейльбронъ, Галле, Эльвангенъ, Нордлингенъ и Донаувертъ. Въ видахъ соблюденія возможно-большаго порядка относительно слѣдованія подвозовъ къ арміи и обратно, коммуникаціонная линія подраздѣляется на *этапы*, величиною приблизительно въ одинъ переходъ, около 25 верстъ. На каждомъ изъ нихъ, въ мѣстечкахъ, городахъ, устроивается этапная станція, состоящая изъ наскоро укрѣпленнаго поста, магазина обуви, одежды и продовольственныхъ запасовъ, госпиталя и небольшаго гарнизона изъ одной или изъ двухъ ротъ пѣхоты, нѣсколькихъ кавалеристовъ, для содержанія почты и исполненія военно-полицейскихъ обязанностей въ тылу арміи, и необходимаго числа артиллеріи — послѣднее въ томъ случаѣ, если постъ имѣетъ особенное важное значеніе. Такихъ этапныхъ станцій, при длинѣ коммуникаціонной линіи, положимъ, въ 400 верстъ, потребуется около 15. Этапныя станціи раздѣляются на *главныя* — въ городахъ, и *второстепенныя* — въ мѣстечкахъ, деревняхъ. Магазины въ нихъ устроиваются для того чтобы не обременять безпрестанными реквизиціями лежащихъ вдоль по этапной дорогѣ пунктовъ.Подобнымъ образомъ организованная коммуникаціонная линія, если на ней заложено достаточное число и притомъ достаточно-большихъ магазиновъ, и если притомъ, по направленію своему, она вполнѣ обезпечена расположеніемъ арміи, т. е. будетъ имѣть направленіе перпендикулярное къ фронту дѣйствій, обращается, въ тоже время, въ весьма надежный *путь отступленія* для арміи, на случай неудачи.

Конечно, условія не всегда складываются столь благопріятно. Весьма часто случается, что коммуникаціонная линія — она же, въ то же время, и путь отступленія — имѣетъ направленіе не перепендикулярное къ фронту дѣйствій арміи, а параллельное, подобно тому

[1]) На этотъ разъ подъ операціонною линіею понимается коммуникаціонная. Въ своемъ мѣстѣ было упомянуто, что, со введеніемъ реквизиціоннаго способа снабженія арміи, не каждая изъ операціонныхъ линій должна быть непремѣнно коммуникаціонною, какъ то было при магазинномъ способѣ, и въ подтвержденіе тому приведенъ первый періодъ кампаніи 1805 г.

какъ путь отъ Вѣны къ Регенсбуру для Наполеона въ 1809 году и дорога по лѣвому берегу Адижа на Ровередо, Тріентъ, Ботценъ... для Радецкаго въ 1848 году. Но и эта существенная невыгода можетъ быть до нѣкоторой степени устранена принятіемъ извѣстныхъ мѣръ, именно тѣхъ, которыя были приняты Наполеономъ въ 1809 году и совершенно упущены Австрійцами въ 1848 году.

I. *Походъ 1809 года. Обезпеченіе Наполеономъ операціонной линіи* (въ смыслѣ коммуникаціонной) *отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ.* Мѣры эти были указаны выше. Онѣ заключались первоначально въ расположеніи вдоль по Дунаю, на важнѣйшихъ пунктахъ, значительнаго числа войскъ (около 65,000) и затѣмъ въ устройствѣ на этихъ пунктахъ укрѣпленныхъ позицій, что дало возможность уменьшить вышеприведенное число войскъ до 20,000. Здѣсь будетъ кстати войти въ нѣкоторыя подробности, касающіяся послѣдняго рода мѣръ, только поверхностно указанныхъ въ предъидущемъ изслѣдованіи «объ операціонныхъ линіяхъ».

Въ видахъ обезпеченія своей коммуникаціонной линіи, при возможно-меньшемъ расходѣ на этотъ предметъ войскъ, Наполеонъ приказалъ усилить укрѣпленія Регенсбурга, Линца и укрѣпить монастыри: Мелькъ и Готвей (близъ Маутерна). Въ *Регенсбургѣ* достаточно было только нѣкотораго усиленія уже существовавшихъ укрѣпленій. Особенное вниманіе было имъ обращено на укрѣпленіе *Пассау*, весьма важнаго стратегическаго пункта, какъ по положенію своему на границѣ Баваріи и Австріи, такъ равно и какъ узлу весьма важныхъ сухопутныхъ и рѣчныхъ сообщеній. Пассау находится при сліяніи рѣки Инна съ Дунаемъ. Наполеонъ, во вниманіе къ стратегическому значенію Пассау, приказалъ построить у этого пункта нѣсколько мостовъ на Дунаѣ и на Иннѣ и обезпечить ихъ двойными тетъ-де-понами. Далѣе, имъ приказано было устроить здѣсь укрѣпленный лагерь на 80,000 человѣкъ, снабдить его въ значительныхъ размѣрахъ всякаго рода запасами, а равно и устроить госпитали и такое количество печей, которое давало бы возможность изготовлять 100,000 раціоновъ ежедневно. Работы эти должны были служить лишь основаніемъ къ дальнѣйшимъ, болѣе обширнымъ, къ которымъ Наполеонъ имѣлъ въ виду обязать впослѣдствіи Баварское правительство, съ тѣмъ чтобы располагать на этомъ весьма важномъ пунктѣ первоклассною крѣпостью противъ Австріи. Подобнаго же рода мѣры, въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ (устройство моста, обезпеченіе его тетъ-де-понами, устройство госпиталей, складовъ, запасовъ...) предписаны были имъ и для усиленія *Линца*, другаго весьма важнаго дебуше со стороны Богеміи. У *Мелькскаго монастыря*, хотя и не принадлежащаго къ разряду Богемскихъ дебуше, но тѣмъ не менѣе пункта весьма важнаго, командовавшаго Дунаемъ и заключавшаго въ себѣ значительное число прочныхъ зданій [1]), Наполеонъ приказалъ изъ

[1]) Что дѣлало этотъ пунктъ особенно удобнымъ къ устройству въ немъ госпиталей на нѣсколько тысячъ больныхъ.

матеріаловъ, подъ руками находившихся и допускавшихъ скорое исполненіе работъ, при достаточной прочности, изъ земли и дерева, построить небольшое укрѣпленіе, вооруженное 16 орудіями, которое давало бы возможность отряду въ 1,200 человѣкъ упорно держаться на этомъ пунктѣ. Подобнаго же рода постъ имъ приказано было устроить и у *Готвейскаго монастыря* (напротивъ Кремса), расположеннаго на мѣстности, командующей обоими берегами Дуная на разстояніи нѣсколькихъ миль. Наконецъ у *Кремса* предположено было изъ судовъ, захваченныхъ на Дунаѣ, устроить мостъ и обезпечить его двойнымъ тетъ-де-пономъ. (Очевидно, что *Регенсбургъ*, *Пассау*, *Линцъ и Кремсъ* должны быть разсматриваемы, въ данномъ случаѣ, какъ *вспомогательные базисы.*)

Таковы были мѣры, принятыя Наполеономъ въ послѣднее время пребыванія его въ Вѣнѣ, въ 1809 г., для обезпеченія его (операціонной) коммуникаціонной линіи, мѣры превосходныя, потому что: а) онѣ доставляли ей достаточное, даже полное обезпеченіе, будучи притомъ не только чисто-оборонительнаго, но въ то же время и наступательнаго характера: при этихъ условіяхъ Дунай, на пространствѣ отъ Регенсбурга до Кремса, задерживая на каждомъ шагу Австрійцевъ, обращаясь для нихъ въ трудно-одолимую преграду, переставалъ быть преградою для Французовъ, прикрывая ихъ въ то же время самымъ дѣйствительнымъ образомъ; б) благодаря принятію описанныхъ выше мѣръ, обезпеченіе тыла и лѣваго фланга достигалось при содѣйствіи наименьшаго числа войскъ [1]), что, въ свою очередь, давало возможность усилить войска, готовившіяся къ бою на главномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій, и, наконецъ, в) на случай неудачи, мѣры, принятыя Наполеономъ, доставляли ему превосходно-организованный путь отступленія, покрытый сильными опорными пунктами, госпиталями, разнаго рода складами.

II. *Походъ 1848 г. коммуникаціонная линія Радецкаго отъ Вероны, черезъ Роверêдо, Тріентъ...* Примѣромъ поучительнымъ, въ отрицательномъ смыслѣ, можетъ служить коммуникаціонная линія Радец-

---

[1]) Въ одномъ изъ мемуаровъ Наполеона I (Notes sur la défense de l'Italie. Correspondances de Napoleon, XVII, № 14,707 p. 217), разбирая вопросъ о подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій на р. Адижѣ, онъ говоритъ, между прочимъ: «что бы ни предпринялъ непріятель, мѣстность такимъ образомъ подготовлена (благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыя онъ выше рекомендуетъ), что, *располагая въ половину меньшими силами, но равнымъ талантомъ, все облегчается Французскому главнокомандующему, все предвѣщаетъ ему побѣду; все, напротивъ того, затруднено и опасно для непріятеля.* Это единственная выгода, которую доставляютъ укрѣпленія на войнѣ. *Подобно пушкамъ, крѣпости представляютъ собою не болѣе какъ орудія, которыя одни, сами по себѣ, не дѣлаютъ дѣла, но требуютъ, чтобы ими искусно управляли и ихъ кстати употребляли».* Весьма вѣрный взглядъ, между прочимъ, на значеніе и пользу, приносимыя крѣпостями на войнѣ.

каго *въ 1848 г.*, отъ Вероны, по лѣвому берегу Адижа, на Ровередо, Тріентъ, Ботценъ... Благодаря безпечности Австрійцевъ, къ открытію военныхъ дѣйствій, линія эта, столь невыгодная по своему направленію (отъ фланга позиціи и притомъ параллельно ея фронту), была вовсе не обезпечена, что, въ значительныхъ размѣрахъ, затруднило и безъ того уже критическое положеніе Радецкаго. По особенно важному значенію этого пути (какъ выше было указано, Австрійцы захвачены врасплохъ; войска разбросаны; крѣпости четыреугольника, подъ покровительствомъ которыхъ должно было исполниться сосредоточеніе войскъ Радецкаго, снабжены продовольственными и боевыми запасами въ крайне недостаточныхъ размѣрахъ: ясно, насколько при этихъ условіяхъ путь снабженія имѣлъ важное значеніе); Радецкій, при всей слабости своихъ силъ, долженъ былъ отрядить на правый берегъ Адижа бригаду Вольгемута къ Пастренго (верстахъ въ 14 отъ Вероны). Для того же, чтобы этотъ слабый отрядъ не могъ подвергнуться опасности отдѣльнаго пораженія, на половинномъ, приблизительно, разстояніи между Вероною и Пастренго у Буссоленго, въ видѣ репли, поставлена была бригада Турнъ-Таксиса. Послѣ боя у Пастренго, Австрійцы, занимавшіе этотъ пунктъ, вынуждены были къ отступленію на лѣвый берегъ Адижа. Тогда, въ видахъ обезпеченія его, Радецкій приказалъ отдѣлить отъ войскъ, занимавшихъ Тироль, около 4,000, для занятія Риволійскаго плато. Таковы были крайне слабыя мѣры, принятыя Радецкимъ къ обезпеченію его единственной и притомъ крайне опасной коммуникаціонной линіи. Винить Радецкаго, въ этомъ отношеніи, нельзя: онъ сдѣлалъ все, что было человѣчески возможно въ его положеніи. Однако, не смотря на слабость мѣръ, принятыхъ Радецкимъ для обезпеченія коммуникаціонной линіи, ему удалось удержать ее въ своей власти. Причину тому, конечно, слѣдуетъ искать ближе всего въ ошибкахъ Карла-Альберта, выразившихся въ напрасной потерѣ времени (19-го—28-го апрѣля), въ безцѣльности почти трехдневнаго боя у Пастренго (28-го, 29-го и 30-го апрѣля), предпринятаго, какъ видно изъ факта, вовсе не для захвата сообщеній противника (потому что, овладѣвъ позиціею у Пастренго и отбросивъ Австрійцевъ на лѣвый берегъ Адижа, Сардинцы не преслѣдовали ихъ, несмотря даже на то, что отступленіе Австрійцевъ должно было сильно затруднить то обстоятельство, что правый берегъ Адижа здѣсь круто спускается къ рѣкѣ), а развѣ только въ видахъ лучшаго обезпеченія на лѣвомъ берегу рѣки Минчіо Сардинскихъ войскъ, осаждавшихъ Пескіеру. Что же касается до атаки Риволійскаго плато (5-го мая) 6,000, то уже одно это обстоятельство—малочисленность войскъ, назначенныхъ для атаки столь важнаго пункта—указываетъ на отсутствіе серіозной цѣли атаки, въ родѣ овладѣнія сообщеніями противника. И дѣйствительно, атака 5-го мая была не болѣе какъ демонстрація, клонившаяся къ тому, чтобы заставить Радецкаго отдѣлить часть своихъ войскъ и тѣмъ осла-

14

бить его съ фронта, на который Карлъ-Альбертъ имѣлъ въ виду вести атаку 6-го мая (сраженіе при Санта-Лучіи).

Чѣмъ больше удобствъ представляетъ путь, предназначаемый для коммуникаціонной линіи, чѣмъ онъ богаче въ отношеніи перевозочныхъ средствъ, чѣмъ движеніе на немъ можетъ быть исполняемо скорѣе, вообще чѣмъ большее количество войскъ и запасовъ можетъ быть перемѣщаемо по немъ, въ скорѣйшій промежутокъ времени, тѣмъ онъ будетъ удобнѣе въ смыслѣ коммуникаціонной линіи. Отсюда очевидно какъ велики должны быть выгоды, представляемыя, въ этомъ отношеніи, *желѣзными дорогами*. Въ отношеніи только одной *скорости доставки* къ арміи разнаго рода запасовъ, не говоря о сбереженіи ихъ, ее, какъ въ своемъ мѣстѣ было приведено (А. Гл. III), можно смѣло положить въ 10—15 разъ болѣе сравнительно съ обыкновенными перевозочными средствами. Можно приблизительно принять за масштабъ, что желѣзная дорога, имѣющая 350 верстъ протяженія, располагаетъ перевозочными средствами, достаточными для перевозки дивизіи 12—15,000 съ обозомъ на разстояніи 350 верстъ въ однѣ сутки, и что операцію эту она въ состояніи повторить ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней безъ перерыва.

Если бы вопросъ заключался въ томъ, чтобы устроивать этапныя станціи только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ войска должны имѣть ночлегъ, то ихъ можно было бы располагать на разстояніи 300—350 верстъ другъ отъ друга (принимая, среднимъ числомъ, скорость ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ наравнѣ со сторостью ѣзды товарныхъ поѣздовъ); но какъ коммуникаціонная линія должна служить, въ то же время, и *путемъ отступленія*, слѣдуя по которому отступающія войска должны черезъ каждые 3—4 дня возобновлять свои запасы, то 100 верстъ разстоянія между станціями на военно-этапной желѣзной дорогѣ слѣдуетъ принять за maximum ихъ удаленія другъ отъ друга. Это обстоятельство—сокращеніе въ значительныхъ размѣрахъ числа этапныхъ станцій (выше было приведено, что на обыкновенной военно-этапной дорогѣ ихъ необходимо имѣть на разстояніи 400 верстъ до 15, а по желѣзной дорогѣ достаточно 4)—представляетъ само по себѣ тоже не маловажную выгоду. Какъ видно, желѣзныя дороги представляютъ средство къ *сосредоточенію* въ кратчайшее время на данномъ пунктѣ войскъ и запасовъ, что въ особенности важно въ оборонительной войнѣ (см. ниже: «Оборонительныя дѣйствія, подготовку театра военныхъ дѣйствій»). При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что *польза желѣзныхъ дорогъ возрастаетъ съ увеличеніемъ разстоянія*; на короткихъ разстояніяхъ выигрыша во времени, при сосредоточеніи войскъ и запасовъ къ какому-либо пункту, онѣ почти вовсе ен представляютъ [1]); онѣ въ

[1]) Требуется много времени на нагрузку и выгрузку, даже при достаточныхъ перевозочныхъ средствахъ.

этомъ случаѣ доставляютъ только одну выгоду: сбереженіе силъ войскъ и сбереженіе матеріальной части. Другое весьма важное условіе при пользованіи желѣзными дорогами—это безопасность ихъ отъ покушеній къ порчѣ непріятелемъ или жителями: малѣйшее поврежденіе дѣлаетъ движеніе по нимъ невозможнымъ. Очевидно, что вообще можно пользоваться только тѣми желѣзными дорогами, которыя находятся въ тылу арміи, т. е. *онѣ могутъ служить въ качествѣ превосходныхъ коммуникаціонныхъ линій, но не въ смыслѣ операціонныхъ* [1]) какъ при наступленіи, такъ равно и при отступленіи арміи, послѣ проиграннаго сраженія. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ послѣднемъ случаѣ онѣ принесутъ ту существенную пользу, что, принявъ на себя раненыхъ и значительную часть тяжестей отступающей арміи, дадутъ ей возможность идти налегкѣ и въ большемъ порядкѣ.

---

[1]) Иногда, какъ, напримѣръ, въ сраженіи на рѣкѣ Белль-Рунѣ (первое генеральное сраженіе въ послѣднюю Сѣверо-американскую войну), желѣзныя дороги могутъ служить для быстраго перемѣщенія резервовъ и тѣмъ способствовать внезапному ихъ появленію на полѣ сраженія. Въ означенномъ сраженіи, сепаратисты, считая себя разбитыми, готовились уже къ отступленію, какъ вдругъ неожиданное появленіе Джонсона съ 14,000 свѣжихъ войскъ, прибывшихъ по желѣзной дорогѣ (40 локомотивовъ и 300 вагоновъ было собрано на этотъ случай Джонсономъ), въ тылу 2-й и 3-й дивизіи уніонистовъ, поселило паническій страхъ въ войскахъ Макъ-Доуэля, имѣвшій слѣдствіемъ сперва безпорядочное отступленіе и затѣмъ бѣгство арміи уніонистовъ, продолжавшееся вплоть до самаго Уашингтона. Приведенный примѣръ употребленія желѣзныхъ дорогъ нисколько не противорѣчитъ вышеразвитому взгляду, допускающему употребленіе ихъ только *когда онѣ безопасны*, т. е. *когда онѣ находятся въ тылу арміи.*

---

*

ГЛАВА II.

Расположеніе арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Мѣры обезпеченія въ обширныхъ размѣрахъ съ фронта, съ фланговъ и въ тылу.

«Военное искусство, по опредѣленію Наполеона, это искусство раздѣляться для того, чтобы жить, и сосредоточиваться для того, чтобы сражаться».

I. *Походъ 1809 года. Мѣры, принятыя Наполеономъ къ обезпеченію расположенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ періодъ между Аспернскимъ и Ваграмскимъ сраженіями* (съ 22-го мая по 5-е іюля).

Послѣ неудачи, испытанной Наполеономъ при Аспернѣ, онъ былъ поставленъ въ одно изъ крайне трудныхъ положеній. *Съ одной стороны*, ему необходимо было готовиться къ бою съ главною непріятельскою арміею, эрцгерцога Карла, которая, вдобавокъ, могла быть подкрѣплена еще арміею эрцгерцога Іоанна, спѣшившею къ ней на соединеніе изъ Италіи. Бой этотъ долженъ былъ придать окончательное значеніе маневру Наполеона, его обходному движенію отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему походу, до сихъ поръ столь успѣшно веденному Наполеономъ [2]). Въ то же время обстановка, при которой приходилось ему вступать въ бой, была для него крайне неблагопріятна. Необходимо было форсировать переправу черезъ такую преграду, какъ Дунай подъ Вѣною, въ виду 100,000 сосредоточенной непріятельской арміи, при 400 орудіяхъ. *Съ другой стороны*, приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай, въ виду обезпеченія этой операціи отъ тѣхъ случайностей, благодаря которымъ она не удалась въ первый разъ, требовали нѣсколькихъ

---

[1]) Какъ неоднократно было замѣчено, маневръ есть лишь средство подготовительное; окончательное значеніе ему придаетъ только бой. Недостаточно подойти къ непріятелю съ той или съ другой стороны, а необходимо разбить его: пока онъ не разбитъ, ровно ничего не сдѣлано.

[2]) Смѣло можно поручиться, что неудачный исходъ кампаніи 1809 г., при крайне неблагопріятномъ настроеніи для Наполеона умовъ населенія Германіи, могъ бы поставить его въ тоже положеніе, какъ и исходъ похода 1813 года.

недѣль, въ теченіе которыхъ необходимо было обезпечить, со всѣхъ сторонъ, расположеніе арміи, ея тылъ (при длинѣ операціонной линіи отъ Страсбурга до Вѣны), ея фронтъ и фланги. Первая цѣль обезпеченія успѣха *боя* достигалась ближе всего *сосредоточеніемъ* къ главному, рѣшительному пункту театра военныхъ дѣйствій возможно-большаго числа войскъ; вторая же—*обезпеченіе расположенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій* — не иначе какъ путемъ *разброски* силъ. Познакомимся ближе съ тѣми мѣрами, которыя были приняты Наполеономъ, для того чтобы удовлетворить одновременно этимъ двумъ противоположнымъ условіямъ.

а) *Обезпеченіе лѣваго фланга и тыла.* Объ обезпеченіи лѣваго фланга на пространствѣ отъ Регенсбурга до Вѣны, о мѣрахъ, которыя были приняты Наполеономъ для этой цѣли, было неоднократно упоминаемо выше. Что же касается до *обезпеченія дальнѣйшаго тыла*, то Наполеономъ были приняты слѣдующія мѣры: приведены въ оборонительное положеніе крѣпость Аугсбургъ и Майнцкія крѣпости: Вюрцбургъ, Форхгеймъ, Амбергъ и Кронахъ, и организованъ особый стратегическій резервъ подъ названіемъ *резервной арміи* и *Эльбскаго обсерваціоннаго корпуса* (изъ четвертыхъ баталіоновъ дѣйствующихъ полковъ), объявленной въ 50,000, но на самомъ дѣлѣ считавшей въ своихъ рядахъ не болѣе 14,000. Армія эта была сперва подъ начальствомъ маршала Келлермана и затѣмъ генерала Жюно.

б) *Обезпеченіе съ фронта, подготовка поля сраженія въ инженерномъ отношеніи.* Съ 22-го мая, со дня разрыва мостовъ на главномъ рукавѣ Дуная, по 25-е мая, по день возобновленія ихъ, Французская армія, раздѣленная Дунаемъ, переживала одну изъ критическихъ минутъ, которою, къ ея счастію, непріятель не воспользовался.

Послѣ неудачи подъ Асперномъ, Наполеонъ принимаетъ рѣшеніе: 1) отступить, но не далѣе какъ за малый рукавъ Дуная, т. е. на островъ Лобау («отступить на правый берегъ Дуная, по его мнѣнію, значило ни болѣе и ни менѣе какъ отступить къ Страсбургу»); 2) оставить на островѣ Лобау силы, достаточныя для удержанія наступленія эрцгерцога Карла въ этомъ направленіи; задача эта возложена была на корпусъ Массены (45,000); 3) обратить островъ Лобау въ укрѣпленный лагерь, который могъ бы служить тетъ-депономъ въ отношеніи къ мостамъ черезъ главный рукавъ Дуная и главнымъ опорнымъ пунктомъ предполагаемыхъ имъ наступательныхъ дѣйствій; 4) обезпечить ихъ, по возможности, отъ тѣхъ случайностей, вслѣдствіе которыхъ они не удались въ первый разъ, и, наконецъ, 5) принять въ то же время мѣры къ тому, чтобы безъ помѣхъ со стороны непріятеля (со стороны Пресбурга и Коморна) выждать прибытія вице-короля. Выполненіе послѣдней цѣли приводило къ *обезпеченію праваго фланга* арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, а вышеприведенныхъ—къ *обезпеченію ея съ фронта.*

Занятіе острова Лобау корпусомъ Массены уже обезпечивало, въ значительныхъ размѣрахъ, расположеніе арміи съ фронта; но этой

одной мѣры, конечно, было далеко недостаточно. Необходимо было связать островъ Лобау самымъ прочнымъ образомъ съ Дунаемъ. Съ этою цѣлію Наполеонъ приказалъ на главномъ рукавѣ Дуная построить мостъ на сваяхъ; нѣсколько выше его, саженяхъ въ 15, служа, такимъ образомъ, защитою отъ наноса снаряженныхъ пловучихъ тѣлъ послѣднему, наведенъ былъ прежній мостъ на судахъ; оба они, наконецъ, съ верховой стороны, защищены были эстакадою. Далѣе Наполеономъ предписано было значительное усиленіе острова Лобау инженерными работами, какъ въ *пассивномъ*, такъ равно и въ *активномъ* смыслѣ (т. е. въ смыслѣ облегченія войскамъ движенія по всѣмъ направленіямъ): въ *пассивномъ*—на островѣ Лобау былъ возведенъ цѣлый рядъ укрѣпленій, настолько сильныхъ, что корпусъ Массены могъ бы смѣло остановить наступленіе цѣлой арміи эрцгерцога Карла, въ теченіе продолжительнаго времени; въ *активномъ*—на мѣстахъ низменныхъ и болотистыхъ острова Лобау устроены были шоссе; черезъ ручьи и каналы, непредставляющіе преграды для движенія въ сухое время года, но обращающіеся въ бурные потоки въ періодъ дождей, перекинуты были мосты. Имѣя въ виду обратить островъ Лобау въ самостоятельный пунктъ, почти въ крѣпость, Наполеонъ, сверхъ того, приказалъ устроить на немъ обширные магазины продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ.

в) *Обезпеченіе праваго фланга арміи отъ покушеній эрцгерцога Карла, со стороны Венгерской инсуррекціи и со стороны приближавшейся къ главному театру военныхъ дѣйствій Итальянской арміи эрцгерцога Іоанна.*

Въ видахъ лучшаго обезпеченія сосредоточенія возможно большаго числа войскъ подъ Вѣною, *необходимо было принять мѣры къ воспрепятствованію эрцгерцогу Карлу* переправы у Пресбурга, буде возможно и у *Коморна*, и занять линію по рѣкѣ Раабъ настолько сильно, чтобы возможно было задержать на ней Австрійцевъ отъ трехъ до четырехъ дней — время вполнѣ достаточное для сосредоточенія армій Итальянской (вице-короля у Рааба) и Далматской (Мармона) къ Вѣнѣ.

Съ этою цѣлію Наполеонъ поручилъ маршалу Даву овладѣть Пресбургскимъ тед-де-пономъ и уничтожить здѣсь находившійся мостъ, равно какъ и мостъ у Коморна. Вице-королю предписано было овладѣть крѣпостью Раабомъ, потому что при такомъ только условіи линія по рѣкѣ Раабъ и могла быть достаточнымъ обезпеченіемъ правому флангу Французскихъ войскъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ вице-королю сообщено было, что только по достиженіи имъ этой цѣли одержанная имъ, не задолго предъ тѣмъ, побѣда надъ эрцгерцогомъ Іоанномъ, на Раабѣ, будетъ считаться полною.

Задача, поставленная Наполеономъ Даву, принадлежала къ ряду самыхъ трудныхъ. Затрудненія заключались какъ въ рѣшительности Австрійскихъ войскъ, защищавшихъ этотъ весьма важный для нихъ постъ, такъ равно и въ слѣдующихъ мѣстныхъ свойствахъ. Го-

родъ Пресбургъ расположенъ на лѣвомъ берегу Дуная; онъ соединялся съ правымъ берегомъ мостомъ весьма прочной постройки, перекинутымъ черезъ острова, раздѣлявшіе здѣсь русло Дуная на нѣсколько рукавовъ. Голова моста защищена была на правомъ берегу рядомъ сильныхъ укрѣпленныхъ линій, построенныхъ у селенія Энгерау. Такова была сила позиціи, которою предстояло овладѣть маршалу Даву. Послѣ весьма упорнаго боя, дивизіи Гюденя, наконецъ, удалось овладѣть тетъ-де-пономъ не безъ значительныхъ потерь. Такимъ образомъ, часть задачи была выполнена; но до окончательнаго ея рѣшенія было еще далеко. Потерявъ энгераускія укрѣпленія, Австрійцы, во время отступленія, сняли часть моста, ближайшую къ правому берегу. Какъ овладѣть остальными частями его, защищенными островами, покрытыми укрѣпленіями? Даву приказываетъ спускать брандеры, суда, нагруженныя камнями..., но всѣ эти мѣры не приводятъ къ цѣли, какъ по прочности постройки моста, такъ и благодаря бдительности Австрійцевъ. Оставалось одно крайнее средство: бомбардировать Пресбургъ, требуя отъ коменданта (генерала Біанки) немедленной сдачи или уничтоженія моста. Поручая Даву овладѣть Пресбургскимъ мостомъ и вице-королю занятіе крѣпости Рааба, Наполеонъ приказалъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не останавливаться ни предъ какимъ средствомъ къ достиженію указанной цѣли. Какъ ни была безчеловѣчна мѣра, къ которой пришлось обратиться Даву, но она оправдывается тѣмъ, что представляла собою крайнее и притомъ самое дѣйствительное средство къ рѣшенію вопроса, поставленнаго ему. Тотчасъ же были выставлены сильныя батареи, и городъ, въ короткое время, засыпанъ артиллерійскими снарядами. Во многихъ мѣстахъ обнаружились пожары. Даву требуетъ отъ коменданта снятія моста, угрожая, въ противномъ случаѣ, уничтожить городъ. Храбрый генералъ Біанки, понимая всю важность ввѣреннаго ему поста, отвѣчаетъ отказомъ, предпочитая разрушеніе города потерѣ Пресбургскаго моста. Сознавая всю безчеловѣчность мѣры, къ которой Даву вынужденъ былъ обратиться, и имѣя въ виду, что порученіе, ему данное, хотя и заключалось въ уничтоженіи Пресбургскаго моста, но что оно должно быть понимаемо не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ воспрепятствованія Австрійцамъ, даже при сохраненіи моста, воспользоваться имъ, и то только въ теченіе 3 — 4 дней, пока не окончится сосредоточеніе Французскихъ войскъ, Даву пріостановилъ бомбардированіе и приказалъ, въ видахъ достиженія послѣдней цѣли, возвести у селенія Энгерау *рядъ укрѣпленій, которыя связывали бы собою укрѣпленный замокъ Китзее, островъ Шиттъ, рѣку и крѣпость Раабъ.* Рядъ этихъ весьма искусно-комбинированныхъ естественныхъ и искусственныхъ преградъ, обороняемыхъ незначительными силами, вполнѣ способенъ былъ задержать Австрійцевъ на необходимое для сосредоточенія Французскихъ войскъ время. Защищаясь сначала въ энгераускихъ укрѣпленіяхъ, они, въ случаѣ потери ихъ, могли бы держаться еще въ замкѣ Китзее. Съ другой сто-

роны, гарнизонъ крѣпости Раабъ, конечно, могъ бы представить еще болѣе упорное сопротивленіе; но этою крѣпостію необходимо еще было овладѣть.

Объ *осадѣ этой крѣпости* намъ придется, впрочемъ, сказать весьма немного, потому что сопротивленіе ея было слабо и непродолжительно.

Для *осады Рааба* назначены были войска Лористона и Ласалля. Остальныя войска Итальянской арміи образовали обсерваціонный корпусъ. Къ осаднымъ работамъ было приступлено тотчасъ же послѣ сраженія при Раабѣ. Послѣ нѣсколькихъ дней обороны, гарнизонъ предложилъ самъ сдаться на капитуляцію (крѣпость, правда, была слабо обезпечена во всѣхъ отношеніяхъ; гарнизонъ ея не превышалъ 2,000). Овладѣвъ крѣпостью Раабомъ, необходимо было усилить ее, иначе на опору ея нечего было разсчитывать. О значительномъ усиленіи ея въ *матеріальномъ отношеніи*, конечно, нельзя было и думать (хотя кое-что и въ этомъ отношеніи было сдѣлано: усилено вооруженіе, увеличено количество запасовъ....); на это прежде всего требовалось время, а его-то именно и не было. Но неизбѣжной матеріальной слабости крѣпости Рааба Наполеонъ умѣлъ помочь мѣрою превосходною въ *нравственномъ отношеніи* — назначеніемъ комендантомъ ея графа Нарбонна, бывшаго военнаго министра Людовика XVI, одного изъ послѣднихъ представителей старинной Французской аристократіи, человѣка замѣчательнаго ума и испытанной храбрости, *искавшаго случая сблизиться съ Наполеономъ и пріобрѣсти его довѣріе.* Ему-то и поручилъ онъ оборону столь важнаго въ эту минуту пункта, какъ крѣпость Раабъ, будучи впередъ увѣренъ, что, *ради личныхъ своихъ интересовъ*, графъ Нарбоннъ не затруднится, въ случаѣ надобности, довести оборону ея до крайняго предѣла.

Такимъ образомъ, *благодаря превосходнымъ мѣрамъ, принятымъ Наполеономъ на Дунаѣ выше Вѣны* (рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ отъ Регенсбурга до Кремса) *и ниже*, укрѣпленія на островѣ Лобау, обращавшія его какъ бы въ укрѣпленный лагерь для Французской арміи, готовившейся къ переправѣ черезъ Дунай и, въ то же время, въ тетъ-де-понъ для прикрытія мостовъ черезъ два рукава Дуная; далѣе: энгераускія укрѣпленія, уничтожившія всѣ выгоды Пресбургской переправы для Австрійцевъ; наконецъ, линія по Раабу и затѣмъ крѣпость Раабъ, *равно какъ и въ тылу*, приведеніе въ оборонительное положеніе и занятіе гарнизонами крѣпости Аугсбурга [1]) и майнцкихъ крѣпостей: Вюрцбурга, Форхгейма, Амберга и Кронаха, благодаря этимъ мѣрамъ, *въ ряду которыхъ укрѣпленія играли столь важную роль*, положеніе Наполеона, въ періодъ отъ Асперн-

[1]) Аугсбургъ былъ главнымъ складочнымъ пунктомъ въ тылу Французской арміи. У него собиралась, для обезпеченія сообщеній арміи, сильная дивизія Лагранжа.

скаго сраженія до Ваграмскаго, могло считаться совершенно безопаснымъ.

II. *Походъ 1805 г. Мѣры, принятыя Наполеономъ къ обезпеченію расположенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ моментъ расположенія его у Брюнна, передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ.*

Расположеніе Французскихъ войскъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ считаютъ обыкновенно за *разброску* силъ, но разъ какъ эта разброска оправдывается требованіями обстановки: необходимостью встрѣтить непріятеля въ достаточныхъ силахъ у Брюнна, Нейштадта и Прейсбурга и необходимостью прикрыть тылъ на разстояніи 700 верстъ, то эта кажущаяся разброска перестаетъ ею быть на самомъ дѣлѣ.

Разборъ расположенія Французскихъ войскъ и спеціальнаго назначенія каждаго изъ корпусовъ послужитъ лучшимъ средствомъ къ разъясненію вопроса.

Для обезпеченія расположенія арміи съ фронта сосредоточены были въ окрестностяхъ Брюнна войска Сульта, Ланна и Мюрата.

Для обезпеченія съ праваго фланга [1]) войска Мармона расположены были между Леобеномъ и Нейштадтомъ. Они должны были войти въ связь съ Массеною, подходившимъ, вслѣдъ за эрцгерцогами, къ Лайбаху. Для дальнѣйшаго обезпеченія справа дивизія Фріана (изъ корпуса Даву) выдвинута была къ Пресбургу.

Упомянутыя три массы составили какъ бы три авангарда на трехъ главнѣйшихъ пунктахъ, на которыхъ можно было ожидать столкновенія: у Брюнна (Сультъ, Ланнъ, гвардія), *Нейштадта* (Мармонъ и далѣе Массена) и у *Пресбурга* (Фріанъ).

Резервомъ для этихъ 3-хъ массъ [2]) должны были служить: 1) остальныя 2 дивизіи Даву, расположенныя въ крестностяхъ Вѣны (одна по сѣверную ея сторону, другая по южную); 2) какъ въ своемъ мѣстѣ было указано, войска Мортье, расположенныя въ самой Вѣнѣ, и 3), наконецъ, Барнадоттъ у Иглау [3]) (собственно въ отношеніи къ войскамъ у Брюнна).

Независимо отъ назначенія служить резервомъ для войскъ у Брюнна, корпусъ Бернадотта имѣлъ еще и другое весьма важное назначеніе, о которомъ было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, именно устройство новаго пути отступленія по лѣвому берегу Дуная (см. *перемѣну операціонной линіи*).

Для обезпеченія тыла служили, сверхъ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ (на воспомогательныхъ и главномъ базисѣ) войскъ: 1) войска Нея, направленныя по усмиреніи Тироля къ Зальцбургу; 2) 1 Бавар-

---

[1]) Со стороны эрцгерцоговъ Карла и Іоанна, находившихся 15 ноября еще у Лайбаха. Имъ необходимо было такимъ образомъ сдѣлать до 600 верстъ (20 дней марша), кружнымъ путемъ черезъ Венгрію, чтобъ соединиться съ прочими войсками у Ольмюца.

[2]) Отъ Вѣны до Брюнна 120 верстъ, до Пресбурга 60 и до Нейштадта 35 верстъ.

[3]) Отъ Иглау до Брюнна 90 верстъ.

ская дивизія, оставленная Неемъ въ Тиролѣ и 3) Ожро, корпусъ котораго, по усмиреніи Тироля, долженъ былъ расположиться у Ульма (въ виду положенія, принимаемаго Пруссіею).

Изъ приведеннаго видно, что въ основаніи отряженія каждой части войскъ лежитъ строго разсчитанная цѣль, вызванная требованіями обстановки. И если Наполеонъ оказался слабымъ въ день боя на рѣшительномъ пунктѣ, то въ этомъ виновато не расположеніе его войскъ, строго отвѣчавшее обстановкѣ, не разброска силъ, а скорѣе слабость силъ Наполеона вообще въ отношеніи къ той обстановкѣ, въ которой онъ находился.

Весьма поучительными фактами, въ томъ же смыслѣ, могутъ служить:

III. *Походъ 1800 г.*—мѣры, принятыя первымъ консуломъ къ обезпеченію расположенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій передъ сраженіемъ при Маренго, *въ періодъ занятія ею позиціи у Страделлы* (см. выше), но не въ моментъ, предшествовавшій *непосредственно* сраженію при Маренго 13 и 14 іюня. Здѣсь, благодаря разнаго рода случайностямъ, указаннымъ въ своемъ мѣстѣ, замѣчается страшная *разброска силъ (разброска тактическая* такъ сказать—у Педрабонны дивизія Гардана, въ 3-хъ верстахъ позади у Маренго дивизіи Шамберлака и Келлермана, въ 7-ми верстахъ позади Маренго у С. Жуліано Ланнъ съ дивизіею Ватрена,—далѣе еще въ 5-ти верстахъ у Торре ди Гарофолло дивизія Монье и кавалерія Мюрата, наконецъ, Дезе по дорогѣ въ Нови);

и IV. *Походъ 1813 г.*—мѣры, принятыя Наполеономъ къ обезпеченію расположенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, при открытіи военныхъ дѣйствій, послѣ перемирія (см. ниже—«Объ оборонительныхъ дѣйствіяхъ, подготовка театра военныхъ дѣйствій»).

Отдѣлъ II.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

Въ оборонительной войнѣ, свойства которой, выгодныя и невыгодныя стороны, были разсмотрѣны выше (см. параллель между наступленіемъ и обороною), при рѣшеніи вопросовъ объ *организаціи арміи*, *сыборѣ основанія дѣйствій*, *предмета дѣйствій*, *операціонной линіи*..., руководствуются тѣми же *основными началами* (теоретическими масштабами, Наполеоновскими *осями*), которыя были разобраны въ предъидущемъ отдѣлѣ «о наступательныхъ дѣйствіяхъ».

Подобно тому какъ въ наступательной войнѣ, пограничная полоса организуется въ видѣ операціоннаго базиса, который долженъ удовлетворять тѣмъ же условіямъ, какъ и въ наступательной войнѣ, съ тою только развѣ разницею, что на этотъ разъ особенно выступаетъ его значеніе въ смыслѣ оборонительной линіи [1]). Что касается до выбора операціонной линіи, то теоретическая формула, которою слѣдуетъ руководствоваться въ этомъ случаѣ, будетъ та же, какъ и при наступательныхъ дѣйствіяхъ, съ тою развѣ только несущественною разницею, что слово *бить* въ самое чувствительное мѣсто придется (и то только въ пассивно-оборонительныхъ дѣйствіяхъ) [2]) замѣнить другимъ—*прикрыть* самое чувствительное мѣсто, рѣшительный пунктъ. Короче—*основныя начала (теоретическіе масштабы), которыми слѣдуетъ руководствоваться въ оборонительной войнѣ, будутъ тѣ же, какъ и въ наступательной.* Конечно, здѣсь встрѣчается неизбѣжная разница отъ самаго характера войны, болѣе пассивной, чѣмъ наступательный образъ дѣйствій, отъ постановки цѣлей, большею частію отрицательныхъ въ сравненіи съ цѣлями, которыя ставитъ себѣ наступающій. Такимъ образомъ, предметъ дѣйствій наступающаго находится предпочтительно впереди, не исключительно, потому что рядомъ съ цѣлію *бить* необходимо имѣть въ виду и дру-

---

[1]) Какъ указано въ своемъ мѣстѣ, база безъ прикрывающей позиціи (оборонительной линіи) немыслима.

[2]) Здѣсь не имѣется въ виду активной обороны, которая, само собою разумѣется, есть наступленіе въ полномъ смыслѣ этого слова.

гую цѣль—*прикрыть*. Предметъ дѣйствій обороняющагося находится, наоборотъ, преимущественно назади *(прикрыть)*, не переставая, въ то же время, находиться и впереди (*бить* непріятельскую армію при благопріятныхъ условіяхъ). База для наступающаго — это преимущественно исходная линія (или точка) его наступательныхъ операцій и источникъ снабженія и освѣженія арміи, его основаніе дѣйствій, не переставая, въ то же время, служитъ и защитою, прикрытіемъ для него, на случай неблагопріятнаго оборота дѣлъ (оборонительною линіею). Для обороняющагося же база, будучи источникомъ существованія арміи, какъ выше замѣчено, выступаетъ преимущественно въ смыслѣ оборонительной линіи. Въ основаніе наступательнаго марша-маневра ложатся господствующимъ условіемъ скрытность и быстрота. Скрытность и при отступательныхъ маршахъ, какъ объяснено выше, сохраняетъ то же значеніе...

Поставивъ себѣ задачею въ нашихъ изслѣдованіяхъ *приводить всевозможные частные случаи къ общимъ, объединяющимъ ихъ началамъ*, къ Наполеоновскимъ *осямъ*, масштабамъ (то же, что общія математическія формулы, которыя, какъ извѣстно, всегда равны 0, т. е. должны быть понимаемы съ знакомъ + и —), мы не видимъ существенной разницы для обороняющагося въ рѣшеніи вопросовъ: о выборѣ базиса, операціоннаго направленія, исполненія маршей-маневровъ... На этомъ основаніи мы не имѣемъ въ виду писать, подобно многимъ, особыхъ трактатовъ объ этихъ вопросахъ для наступающаго и обороняющагося отдѣльно только потому, что въ рѣшеніи ихъ встрѣчаются нѣкоторые несущественные, отчасти вышеприведенные оттѣнки, касающіеся скорѣе *внѣшней*, *формальной*, чѣмъ *внутренней* стороны дѣла.

Но за то, съ другой стороны, принимая во вниманіе, что обороняющійся, какъ обыкновенно слабѣйшій (хотя бы уже потому, что онъ не знаетъ, въ какомъ направленіи ему готовится главный ударъ— что вынуждаетъ его къ большему раздробленію своихъ силъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій, подобно тому какъ и на полѣ сраженія) бываетъ поставленъ въ необходимость, прежде всего, искать въ содѣйствіи мѣстности средствъ къ уравновѣшенію своихъ силъ съ силами противника, мы остановимъ наше вниманіе въ особенности на изслѣдованіи вопроса: *о возможно-тщательной подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи* и далѣе перейдемъ къ разбору вопроса *о расположеніи войскъ обороняющагося на театрѣ военныхъ дѣйствій* (о фронтальныхъ и фланговыхъ позиціяхъ).

ГЛАВА I.

Подготовка театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи.

(Характеристика дѣйствій Густава-Адольфа отъ высадки его въ устьѣ Одера до Брейтенфельдскаго сраженія.)

Разъ какъ на войнѣ существуетъ только одно правило *дѣйствовать всегда сообразно съ обстановкою*, то понятно, насколько важное значеніе, въ ряду прочихъ отдѣловъ военнаго искусства, долженъ получить тотъ (фортификація), котораго главная задача заключается въ *измѣненіи обстановки въ благопріятную для себя сторону*, *въ пересозданіи, такъ сказать, ея*. «Voilà comme par d'habiles dispositions on peut se rendre la fortune favorable». «Вотъ какъ, благодаря искуснымъ распоряженіямъ, можно создать себѣ благопріятную обстановку», восклицаетъ, съ увлеченіемъ, маршалъ Саксонскій, говоря о Полтавскихъ редутахъ (Rêveries II 181 et 182) [1].

Въ какой степени тщательная подготовка театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи облегчаетъ крайне трудное положеніе обороняющагося, способствуя въ высокой степени къ передачѣ иниціативы въ его руки и уменьшая, въ то же время, долю случайностей, лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить разборъ слѣдующаго факта:

Дѣйствія Густава-Адольфа отъ высадки въ устьѣ рѣки Одера до Брейтенфельдскаго сраженія [2].

---

[1]) Само собою разумѣется, что справедливое въ отношеніи къ подготовкѣ поля сраженія справедливо и въ отношеніи къ подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій.

[2]) Разобранныя выше (въ отдѣлѣ о наступательныхъ дѣйствіяхъ) мѣры Наполеона въ 1809 г. относительно подготовки театра военныхъ дѣйствій хотя и были равнозначущи какъ въ *охранительномъ*, такъ равно и въ *активномъ* смыслѣ, но военныя операціи, имѣвшія мѣсто на этомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, слились, такъ сказать, въ *одной точкѣ* длинной линіи отъ Регенсбурга до Пресбурга и далѣе до крѣпости Раабъ. Онѣ выразились въ форсированіи Наполеономъ переправы черезъ Дунай у острова Лобау и въ послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ Ваграмскомъ сраженіи. На остальныхъ пунктахъ не произошло ничего замѣчательнаго. Для насъ же было бы особенно интересно прослѣдить рядъ по возможности самыхъ раз-

24-го іюня (4-го іюля) 1630 года Густавъ-Адольфъ высаживается въ устьѣ Одера съ 15,000. Первою заботою его было учрежденіе постояннаго и обезпеченнаго сообщенія съ Швеціею (коммуникаціонной линіи). Цѣль эта достигалась утвержденіемъ въ устьѣ Одера и очисткою важнѣйшихъ изъ приморскихъ пунктовъ, занятыхъ Имперскими войсками. Въ этихъ видахъ Густавъ-Адольфъ занимаетъ острова Узедомъ и Воллинъ, беретъ штурмомъ укрѣпленные города Вольгастъ, Камминъ и занимаетъ Штеттинъ, столицу Помераніи, благодаря чему пріобрѣтаетъ особенныя выгоды въ матеріальномъ и преимущественно въ нравственномъ отношеніи. Наконецъ, съ занятіемъ Штеттина, въ его рукахъ находилась обезпеченная переправа, на нижнемъ Одерѣ, пользуясь которою нижнее теченіе Одера исчезало для него въ смыслѣ преграды, разобщающей театръ военныхъ дѣйствій. Ниже будетъ объяснено, какія громадныя выгоды умѣлъ извлечь Густавъ-Адольфъ изъ Штеттинской переправы.

Надо замѣтить, что, вообще, въ эту минуту, въ сѣверной Германіи противъ Густава-Адольфа находились слабыя силы, подъ начальствомъ графа Торквато-Конти и герцога Савелли. Главная же масса войскъ императора Фердинанда II была въ западной Германіи. Войска Торквато-Конти и герцога Савелли были не только матеріально слабы и терпѣли крайній недостатокъ во всемъ (а слѣдовательно и деморализованы), но еще, вдобавокъ, были разбросаны по гарнизонамъ. Сравнивая положеніе обѣихъ сторонъ осенью 1630 года, очевидно, что всѣ выгоды находились на сторонѣ Густава-Адольфа. Иниціатива была въ его рукахъ; онъ могъ рѣшительнымъ ударомъ разгромить главную массу Императорскихъ войскъ, 10,000, подъ начальствомъ Конти, занимавшихъ укрѣпленный лагерь у Гарца и Грейфенгагена. Несмотря на это, онъ предпочитаетъ осторожный способъ дѣйствій, выжиданіе рѣшительному наступленію. Въ этомъ надо видѣть превосходную оцѣнку той обстановки, въ которой онъ находился. Положеніе непріятеля было такого рода, что съ каждымъ днемъ могло измѣниться только къ худшему, такъ что, откладывая атаку на Конти до зимы, Густавъ-Адольфъ этимъ однимъ уже подготовлялъ значительно успѣхъ подобнаго предпріятія. Время, въ теченіе котораго Густавъ-Адольфъ намѣренъ былъ остаться въ выжидательномъ положеніи, употреблено было имъ на осаду крѣпостей въ тылу и на флангахъ его операціонной линіи, на подготовку театра военныхъ дѣйствій къ дальнѣйшимъ, болѣе серіознымъ предпріятіямъ, къ которымъ надо было готовиться съ прибы-

нообразныхъ дѣйствій, въ которыхъ сочетаніе естественныхъ и искусственныхъ преградъ (въ родѣ Дуная съ двойными тетъ-де-понами) обнаружило бы особенно рельефное вліяніе на положеніе воюющихъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны дѣйствія Густава-Адольфа отъ высадки его въ Помераніи, въ устьѣ Одера, до движенія въ Саксонію. Характеристика этого періода вполнѣ обрисуетъ стратегическое значеніе мѣстнаго элемента, въ особенности рѣкъ (Одера, Гавеля и Эльбы), крѣпости Штеттина и укрѣпленныхъ лагерей у Ангермюнде и Вербена.

тіемъ на главный театръ военныхъ дѣйствій арміи Тилли. Результатъ этихъ дѣйствій былъ тотъ, что къ началу 1631 года вся Померанія, исключая Деммина, Грейфсвальде и Кольберга, была въ рукахъ Шведовъ. Грейфенгагенъ былъ взятъ Густавомъ-Адольфомъ штурмомъ 14-го (24-го) декабря 1630 года.

Вообще всѣ дѣйствія Густава-Адольфа въ этотъ періодъ (отъ высадки и до начала 1631 года) имѣли цѣлію утвержденіе въ краѣ, обезпеченіе тыла и фланговъ, занятіе важнѣйшихъ естественныхъ и искусственныхъ преградъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, короче, какъ уже и выше было замѣчено, подготовку театра для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, въ видахъ господства надъ могущими встрѣтиться случайностями, въ видахъ упроченія за собою выгодъ инициативы.

Тѣмъ бо̀льшій интересъ должны имѣть его дѣйствія въ началѣ 1631 года, когда на главный театръ военныхъ дѣйствій прибыла армія Тилли. Обзоръ ихъ покажетъ, какое значеніе должно быть придаваемо подготовкѣ Густавомъ-Адольфомъ театра военныхъ дѣйствій.

Начало 1631 года застаетъ короля въ лагерѣ при Беервальдѣ. Ближайшею его цѣлію, въ это время, была осада Ландсберга, крѣпости на р. Вартѣ. Для полнаго поясненія того положенія, въ которомъ находился Густавъ-Адольфъ въ эту минуту, намъ придется нѣсколько коснуться политики, именно укажемъ: 1) на *конвентъ протестантскихъ князей въ Лейпцигѣ*, на которомъ, подъ предлогомъ обезпеченія нейтралитета Германскихъ владѣній, протестанты положили собрать сильную армію; 2) на *Регенсбургскій сеймъ*, созванный Фердинандомъ II, на которомъ постановленія Лейпцигскаго конвента признаны были противозаконными. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоромъ приказано было Тилли съ главною арміей, бывшею между Эльбою и Везеромъ, идти въ сѣверную Германію и разбить Густава-Адольфа.

Тилли съ 30,000 идетъ къ возставшему Магдебургу, оставляетъ здѣсь Паппенгейма, далѣе двигается къ Франкфурту-на-Одерѣ, соединяется здѣсь съ остатками Шаумбурга (преемника Конти) и двигается къ Ландсбергу, разсчитывая принудить Густава-Адольфа, осаждавшаго въ то время эту крѣпость, къ вступленію въ бои. По показанію Клаузевица, у Тилли въ эту минуту было 34,000, а у Густава-Адольфа не болѣе 25,000 (Hinterlassene Werke IX. Band. S. 21). Понятно, что въ прямыхъ интересахъ Тилли было искать какъ можно скорѣе рѣшительнаго боя, развязки; откладывать этого намѣренія нельзя было, выжиданіе было неумѣстно, потому что положеніе Густава-Адольфа не могло измѣниться въ худшую сторону, а напротивъ того—въ лучшую. Одно уже рѣшеніе Регенсбургскаго сейма должно было принудить протестантовъ, волею или неволею, присоединить тѣ силы, которыя они опредѣлили собрать, къ Густаву-Адольфу. Надо было только умѣть выиграть то время, пока эти войска будутъ собраны. Очевидно, что насколько въ прямыхъ инте-

ресахъ Тилли было искать боя, настолько въ интересахъ Густава-Адольфа было уклониться отъ него. Но иниціатива находится обыкновенно на сторонѣ сильнѣйшаго. Прослѣдимъ за дѣйствіями Густава-Адольфа въ этотъ періодъ, какимъ образомъ онъ съумѣлъ— что помогло ему, какъ слабѣйшему—не только не подчиниться волѣ противника, а напротивъ того—подчинить его своей волѣ.

По полученіи извѣстія о приближеніи Тилли, Густавъ-Адольфъ снимаетъ осаду Ландсберга и располагается у Сольдина. Задавшись цѣлію уклониться отъ боя, онъ видитъ вѣрнѣйшее средство къ достиженію ея въ уходѣ за р. Одеръ, на лѣвый ея берегъ. Онъ оставляетъ Горна (съ 8,000—9,000) въ Сольдинѣ, съ предписаніемъ не вдаваться въ рѣшительный бой съ непріятелемъ, а съ остальными войсками двигается къ Шттетину. Нижній Одеръ весь до Кюстрина былъ въ его рукахъ. Имъ онъ закрывается отъ непріятеля. Понятно, что Тилли не намѣренъ упустить противника. Что же ему остается дѣлать? Идти за нимъ и форсировать переправу черезъ Одеръ въ виду главной массы непріятельскихъ войскъ, или штурмовать одинъ изъ крѣпкихъ пунктовъ па Одерѣ, бывшихъ въ рукахъ непріятеля? Но это значило бы дать бой противнику при слишкомъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Остается идти за Густавомъ-Адольфомъ на лѣвый берегъ Одера и попытаться тамъ принудить его къ бою. Но развѣ онъ не уйдетъ опять за Одеръ? При всемъ томъ надобно обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что во всѣхъ передвиженіяхъ, выгода разстояній болѣе короткихъ была на сторонѣ Густава-Адольфа. Владѣя Штеттиномъ, онъ могъ двигаться по хордѣ, въ то время какъ Тилли нужно было идти кружнымъ путемъ черезъ Франкфуртъ (потому что весь нижній Одеръ до Кюстрина былъ въ рукахъ Шведовъ). Время, какъ уже неонократно было замѣчено, слишкомъ важный элементъ на войнѣ; великіе полководцы не умѣютъ терять его. Уходя за Одеръ, въ Штеттинѣ, Густавъ-Адольфъ достигалъ одной уже весьма важной цѣли: онъ уклонялся отъ боя при невыгодныхъ для него условіяхъ. Но нельзя ли этимъ временемъ еще лучше воспользоваться и, въ связи съ предъидущею цѣлію, достигнуть еще и другой? На границахъ между Помераніею и Мекленбургскими владѣніями находилась весьма важная крѣпость Демминъ, которую Шведамъ не удалось еще овладѣть. Занятіе ея, въ эту минуту, Густавъ-Адольфъ ставитъ себѣ задачею. На этомъ основаніи, перейдя въ Штеттинѣ на лѣвый берегъ Одера, онъ идетъ къ Деммину. Онъ прибылъ къ нему 2-го (12-го) февраля, а уже 6-го (16-го) беретъ его (не смотря на довольно сильный гарнизонъ, около 4,000; герцогъ Савелли оборонялся слабо).

Узнавъ о движеніи Густава-Адольфа за Одеръ, Тилли оставляетъ Шаумбурга во Франкфуртѣ съ 8,000 и съ 26,000 идетъ кружнымъ путемъ чрезъ Фюрстенвальде, мимо Берлина, на Ней-Руппинъ (отъ Солдина чрезъ Штеттинъ до Деммина 25 миль, 175 верстъ; а оттуда черезъ Франкфуртъ, Фюрстенвальде, мимо Берлина.... 40 миль, 280 верстъ). Въ Ней-Руппинѣ Тилли соединился съ Савелли, отсту-

павшимъ изъ Деммина. Между тѣмъ, Густавъ-Адольфъ, по овладѣніи Демминомъ и узнавъ о переходѣ Тилли на лѣвый берегъ Одера, преслѣдуя все ту же цѣль уклоненія отъ боя, двинулся снова къ Одеру [1]), но на этотъ разъ пока не переходитъ на правый его берегъ, въ выжиданіи дальнѣйшихъ предпріятій Тилли, а располагается у Ангермюнде. Въ то же время, чтобы не быть застигнутымъ разнаго рода случайностями и не быть поставленнымъ въ необходимость принимать бой противъ воли, онъ устраиваетъ здѣсь укрѣпленный лагерь. Мало того: понимая всю важнось сокращенія разстояній въ движеніяхъ за Одеръ и обратно и считая путь черезъ Штеттинъ слишкомъ кружнымъ, онъ устроиваетъ новую переправу черезъ Одеръ у Шведта, обезпеченную двойными тетъ-де-понами.

6-го марта Тилли взялъ Ней-Бранденбургъ и намѣренъ былъ идти сначала къ Магдебургу, но, узнавъ о движеніи Густава-Адольфа къ Одеру, рѣшился идти къ Франкфурту, преслѣдуя свою прежнюю цѣль—принудить Густава-Адольфа къ бою. Между тѣмъ, Густавъ-Адольфъ (еще когда онъ получилъ извѣстіе о движеніи Тилли къ Ней-Руппину) переходитъ на правый берегъ Одера и 3-го (13-го) апрѣля беретъ Франкфуртъ, а 6-го (16-го) и Ландсбергъ.

Узнавъ о паденіи Франкфурта, Тилли рѣшился идти къ Магдебургу, предполагая, конечно, что Густавъ-Адольфъ поспѣшитъ на выручку къ столь важному пункту и что, наконцъ, этимъ путемъ ему удастся принудить противника къ бою, отъ котораго онъ такъ искусно уклонялся до сихъ поръ. Разсчетъ Тилли былъ весьма хорошъ, потому что одно изъ двухъ: или Густафъ-Адольфъ пойдетъ вслѣдъ за нимъ,—тогда онъ вступитъ съ нимъ въ бой; или Густавъ-Адольфъ, уклоняясь всетаки отъ боя, не пойдетъ за нимъ,—тогда онъ овладѣетъ Магдебургомъ, которымъ такъ дорожили протестанты, и поселитъ недовѣріе и сильное охлажденіе въ протестантахъ къ Шведскому королю. Эта превосходная попытка вернуть иниціативу, перенести военныя дѣйствія на театръ, еще неподготовленный Густавомъ-Адольфомъ, а скорѣе подготовленный Тилли (Эльба была столько же въ рукахъ послѣдняго, какъ Одеръ во власти перваго), не удалась. Густавъ-Адольфъ, поставленный движеніемъ Тилли въ крайне затруднительное положеніе, однако не пошелъ за нимъ, потому что выше всѣхъ цѣлей для него въ эту минуту было не вступать пока въ бой съ противникомъ [2]). Въ неудачѣ превосходнаго разсчета со стороны Тилли надо видѣть главную причину той злобы,

[1]) Оставивъ Баннера въ Демминѣ, а Книпгаузена въ Ней-Бранденбургѣ.

[2]) Что бы ни говорили военные писатели о причинахъ, заставившихъ Густава-Адольфа опоздать къ Магдебургу, главной причиной было уклоненіе отъ боя; въ прямомъ разсчетѣ Густава-Адольфа было скорѣе опоздать, чѣмъ не опоздать. На манифестъ его ссылаться нечего; онъ былъ написанъ съ задней мыслью оправдать себя въ глазахъ протестантовъ разными предлогами и тѣмъ предупредить недовѣріе и охлажденіе съ ихъ стороны. Короче, неприбытіе его на выручку къ Магдебургу было дѣломъ не случайнымъ, а результатомъ глубокаго разсчета.

*

которую онъ излилъ на Магдебургъ, перерѣзавъ отъ 30 до 40,000 жителей его.

Что касается дальнѣйшихъ дѣйствій Густава-Адольфа до Лейпцигскаго сраженія, то и въ нихъ тщательной подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій посвящено было не меньшее вниманіе. Такимъ образомъ, при движеніи его къ Эльбѣ, онъ занимаетъ крѣпости Шпандау, Потсдамъ, далѣе прикрываетъ свой лѣвый флангъ р. Гавеленъ и укрѣпляетъ лежащіе на ней пункты: Бранденбургъ, Ратенау и Гавельбергъ. Владѣя, такимъ образомъ, обоими берегами Гавеля, онъ имѣлъ эту рѣку вполнѣ въ своей власти, и она превосходно обезпечивала его лѣвый флангъ.

Въ концѣ іюня (стараго стиля), благодаря искусно веденной демонстраціи и форсированному движенію, онъ переходитъ черезъ Эльбу у Іерихова и двигается къ Вербену. У Густава-Адольфа было только 12,000 въ эту минуту. Съ такими силами, конечно, нельзя было отважиться на бой. Однако гдѣ же находился въ это время Тилли, и какую цѣль могло имѣть движеніе Густава-Адольфа къ Эльбѣ? Послѣ паденія Магдебурга, Тилли получилъ приказаніе идти въ западную Германію и остановить вооруженіе протестантскихъ князей. Одна изъ главныхъ причинъ, заставлявшая Густава-Адольфа до сихъ поръ уклоняться отъ боя, и заключалась именно въ томъ, чтобы выждать, пока это вооруженіе будетъ окончено, вообще усилиться союзниками. Необходимо было, въ свою очередь, помѣшать Тилли исполненію возложеннаго на него порученія и, въ то же время, пользуясь его отсутствіемъ, стать твердою ногою на Эльбѣ (у Магдебурга находился только одинъ Паппенгеймъ).

Итакъ, движеніе Густава-Адольфа къ Эльбѣ имѣло ближайшей цѣлію оттянуть Тилли изъ западной Германіи и заставить его вернуться къ Эльбѣ, избѣгая всетаки вступленія съ нимъ въ бой, по слабости въ силахъ (у Густава-Адольфа 12,000, а у Тилли 26,000). Эта цѣль превосходно была осуществлена Густавомъ-Адольфомъ устройствомъ и занятіемъ Вербенскаго укрѣпленнаго лагеря (во входящемъ углѣ, образуемомъ теченіемъ Эльбы; правый его флангъ былъ прикрытъ укрѣпленнымъ городомъ Вербеномъ, лѣвый—плотиною, впереди фронта—болото, сзади—мостъ). Попытка Тилли атаковать этотъ лагерь кончилась неудачею 30-го іюля (9-го августа). Въ августѣ Тилли отошелъ къ Вольмирштедту и затѣмъ получилъ приказаніе идти въ Саксонію, куда, вслѣдъ за нимъ, двинулся и Густавъ-Адольфъ, успѣвшій къ этому времени значительно усилить свою армію войсками, оставленными въ тылу, и 18,000 поставленными въ его распоряженіе курфирстомъ Саксонскимъ. Располагая такими силами, не было уже болѣе причинъ уклоняться отъ боя. Густафъ-Адольфъ, напротивъ того, ищетъ его и атакуетъ Тилли у Брейтенфельда.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора періода *выжидательныхъ* дѣйствій Густава-Адальфа до Брейтенфельдскаго сраженія, очевидно, до какой степени важное значеніе, въ отношеніи упроченія за нимъ

выгодъ инициативы—важнѣйшаго изъ преимуществъ на войнѣ—имѣла *тщательная подготовка театра военныхъ дѣйствій*, обладаніе важнѣйшими на немъ естественными (Одеръ, Гавель, Эльба) и искусственными преградами. Въ ряду послѣднихъ, по отношенію къ инициативѣ, укажемъ въ особенности на Штеттинскую и Шведскую переправы и на укрѣпленные лагери у Ангермюнде и у Вербена. По словамъ же Наполеона I, «одно изъ главныхъ правилъ на войнѣ и заключается именно въ томъ, чтобы не дѣлать того, что непріятель хочетъ *(не подчиняться его волѣ)*, по той весьма естественной причинѣ, что онъ этого желаетъ». Maximes de guerre, 16, стр. 17) [1].

§ 1.

Значеніе мѣстнаго элемента вообще и крѣпостей въ особенности. Вліяніе переворота въ образѣ веденія войны въ концѣ XVIII столѣтія на родъ и характеръ крѣпостей.

Сознавая очевидныя выгоды инициативы, спрашивается: *что же даетъ право на нее и какія вообще средства служатъ для пріобрѣтенія этого права?*

Право на инициативу даетъ прежде всего численный перевѣсъ, но далеко не одинъ. Какъ и во всемъ военномъ дѣлѣ, для осуществленія извѣстной цѣли есть безконечное множество средствъ: все искусство заключается въ томъ, чтобы умѣть найти ихъ въ минуту надобности. Такимъ образомъ, слабѣйшая по числу сторона вовсе не обречена на пассивную роль исполненія только того, къ чему принудитъ ее сильнѣйшій. Напротивъ, она можетъ упрочить за собою инициативу и принудить матеріально сильнѣйшаго подчиниться своей волѣ.

Въ 1812 году мы были значительно слабѣе Наполеона. Онъ хотѣлъ насъ принудить къ бою, лежавшему въ его прямыхъ интересахъ. Мы уклонялись отъ него два съ половиной мѣсяца и могли бы еще болѣе уклониться, если бы общій голосъ народа не настоятельно требовалъ вступленія въ бой съ противникомъ, такъ что, принимая сраженіе подъ Бородиномъ, мы подчинялись не волѣ врага, а волѣ всего Русскаго народа, оскорбленная честь котораго въ минуту пыла страстей видѣла измѣну въ великой комбинаціи нашего полководца.

Не такъ ли точно дѣйствовалъ Петръ Великій противъ Карла XII въ 1707 и 1708 годахъ, искусно уклоняясь отъ боя, котораго такъ ревностно желалъ его противникъ? Въ 1814 году Блюхеръ, съ

---

[1]) Идея того образа дѣйствій, того jeu aux quatre coins, который Густавъ-Адольфъ продѣлывалъ съ Тилли, опираясь на рѣки Одеръ и Эльбу, мелькала, какъ кажется, и у Наполеона въ 1813 г. (*планъ его въ Дюбенѣ*), но отложеніе Баваріи и вообще крайне опасное положеніе для него дѣлъ въ Германіи заставили его отказаться отъ его намѣренія.

26,000, наткнувшись, подъ Бріенномъ, на превосходныя силы Наполеона (40,000), искусно уклоняется отъ боя, занимая сильную позицію у Транна. Радецкій въ 1848 году застигнутъ врасплохъ съ 8,000 и 30 орудіями, бывшими у него подъ руками въ Миланѣ (остальныя силы его были разбросаны гарнизонами по Италіянскимъ городамъ), возмущеніемъ всего населенія сѣверной Италіи и 60,000-ю Сардинскою арміею, безъ объявленія войны перешедшей Тичино. Онъ уклоняется отъ боя, который лежалъ въ прямыхъ интересахъ его, матеріально и въ особенности нравственно-сильнаго противника, отступленіемъ къ Веронѣ. Подъ защитою ея онъ сосредоточиваетъ свои силы и упрочиваетъ за собою инициативу. Цезарь, при Алезіи и Аміенѣ, хотя и защищенный укрѣпленіями, бывъ атакованъ такимъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, что ни отчаянная храбрость его легіоновъ, ни сила укрѣпленій не могли его спасти отъ вѣрной погибели, переходитъ неожиданно для непріятеля къ наступленію, въ минуту приближенія противника ко рву и тѣмъ обращаетъ ошеломленныхъ Галловъ въ бѣгство....

Очевидно, что обладаніе инициативою не есть неотъемлемое право сильнаго, и что оно будетъ всегда принадлежать болѣе *искусному* и болѣе *предусмотрительному* [1]).

Въ ряду средствъ, упрочивающихъ право инициативы за слабѣйшею стороной, независимо отъ нравственныхъ условій (Цезарь—Алезія, Аміенъ....), всегда и вездѣ являющихся на первомъ планѣ, какъ видно изъ вышеприведеннаго, особенно важное значеніе имѣютъ *мѣстныя условія*. Такимъ образомъ: а) *значительная глубина театра военныхъ дѣйствій* дала намъ возможность уклониться отъ боя въ 1708 и 1812 годахъ; б) *сильная по природѣ позиція* у Транна освободила Блюхера (1814 г.) отъ вступленія въ бой съ сильнымъ противникомъ. Подобные случаи, чтобы позиція, безъ содѣйствія искусственнаго усиленія ея, доставляла такіе результаты, встрѣчаются весьма рѣдко, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ Наполеона: «Въ войнѣ, состоящей изъ быстрыхъ маршей и маневровъ, для того чтобы избѣжать вступленія въ бой съ непріятелемъ, превосходнымъ въ силахъ (чего онъ, конечно, ищетъ), слѣдуетъ, на каждомъ ночлегѣ, обезпечить свое расположеніе укрѣпленіями и стараться постоянно занимать выгодныя оборонительныя позиціи. *Позиціи же, въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются природою, безъ содѣйствія искусства, не могутъ служить достаточнымъ оплотомъ для арміи противъ сильнѣйшаго непріятеля*» (Maximes de guerre 17, стр. 18); в) для приданія позиціямъ такой силы и значенія, *въ большей части случаевъ придется обращаться къ усиленію ихъ укрѣпленіями*. Такимъ образомъ вполнѣ обрисовывается особенно важное значеніе укрѣпленій, въ разныхъ формахъ ихъ проявленія, начиная съ са-

---

[1]) Умѣніе удержать за собою выгоды инициативы, во все время кампаніи, какъ въ своемъ мѣстѣ было приведено, и составляетъ критеріумъ стратегіи.

мыхъ простыхъ до наиболѣе совершенныхъ созданій современнаго инженернаго искусства (Кобленцъ, Верона...); всѣ они, конечно, въ различныхъ степеняхъ, освобождаютъ слабѣйшаго отъ необходимости подчинять свои дѣйствія сильнѣйшему и сообразовываться во всемъ съ нимъ (Римляне послѣ Каннскаго сраженія; Радецкій въ 1848 году....).

Выгоды, доставляемыя укрѣпленіями, обыкновенно формулируютъ: относительно *полевыхъ*, что они укрываютъ войска отъ глазъ и выстрѣловъ противника и служатъ преградою къ наступленію непріятеля; а относительно *крѣпостей*—что онѣ заграждаютъ путь непріятелю, обезпечиваютъ склады запасовъ и служатъ убѣжищемъ для арміи, разбитой въ полѣ. Этимъ способомъ формулированія выгодъ укрѣпленій недостаточно вѣрно, какъ видно, между прочимъ, изъ вышеразобраннаго факта, обрисовывается приносимая ими польза. Гораздо правильнѣе было бы выгоды, доставляемыя укрѣпленіями, формулировать слѣдующимъ образомъ: укрывая войска и затрудняя непріятелю наступленіе, они представляютъ весьма дѣйствительное средство къ уравновѣшиванію силъ обѣихъ сторонъ и даже способствуютъ къ переходу численнаго перевѣса на сторону обороняющагося (по достиженіи чего обороняющійся, конечно, самъ переходитъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ), доставляютъ обороняющемуся бо̀льшую свободу въ дѣйствіяхъ, освобождаютъ его до нѣкоторій степени отъ необходимости подчинять свои дѣйствія и сообразовываться во всемъ съ наступающимъ (пассивная роль, отъ которой обороняющійся въ открытомъ полѣ освободиться не можетъ), и способствуютъ, такимъ образомъ, въ высокой степени къ пріобрѣтенію едва ли не важнѣйшаго преимущества на войнѣ: *дѣлать не то, что непріятель хочетъ, а напротивъ—заставлять его дѣлать то, что мы хотимъ.*

Чѣмъ укрѣпленіе обширнѣе и сильнѣе, тѣмъ въ большихъ размѣрахъ оно осуществляетъ эти выгоды.

Однѣхъ этихъ выгодъ, представляемыхъ укрѣпленіями, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы оправдать пользу, ими приносимую. И дѣйствительно, пользы укрѣпленій вообще, въ особенности же полевыхъ, никто не отрицалъ, тогда какъ сомнѣніе въ пользѣ крѣпостей рождалось весьма часто (во всѣ переходныя для нихъ эпохи, подобно нынѣшней) и высказывалось иногда, особенно въ настоящее время, весьма рѣзко. Противники крѣпостей обыкновенно говорятъ: «стремительное наступленіе, уничтоженіе непріятеля—вотъ главная задача армій; для этого онѣ не нуждаются въ крѣпостяхъ», и для подтвержденія подобнаго отзыва ссылаются на событія войнъ Наполеона I, въ которыхъ роль собственно крѣпостей является дѣйствительно въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ предшествовавшія эпохи.

Подобный выводъ оказывается крайне одностороннимъ, слѣдовательно и несправедливымъ. Тѣ, которымъ онъ принадлежитъ, должны были бы принять во вниманіе, что, въ концѣ прошлаго столѣтія, произошелъ радикальный переворотъ въ военномъ дѣлѣ, который

не могъ не выразиться въ видѣ новыхъ требованій въ отношеніи къ инженерному дѣлу, въ силу котораго прежнія малыя крѣпости, удовлетворявшія всѣмъ условіямъ, при извѣстномъ состояніи военнаго дѣла, оказались безполезными.

И дѣйствительно, переворотъ въ военномъ дѣлѣ выразился: а) *въ увеличеніи числительности армій.* Арміи, числительность которыхъ, по мнѣнію Тюренння, не должна была превосходить 50,000, возросли въ началѣ нынѣшняго столѣтія до 200,000 и болѣе, вслѣдствіе измѣненія системы набора (вмѣсто вербовки, въ большей части армій введена общеобязательная повинность, доставляющая возможность содержать въ полномъ составѣ нынѣшнія большія арміи), образована система резервовъ, облегчающихъ, въ кратчайшее время, пополненіе убыли въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ... и б) арміи сдѣлались въ высшей степени *подвижными* (измѣнена ихъ организація, уменьшены обозы, измѣнилась система продовольствія войскъ; главною задачею для администраціи сдѣлалось освобожденіе, насколько это возможно, военныхъ дѣйствій отъ хозяйственныхъ условій). Всѣ эти перемѣны, въ связи съ *развитіемъ въ обширныхъ размѣрахъ путей сообщеній*, не могли не отразиться на значеніи и на характерѣ крѣпостей. Если небольшія крѣпости, занятыя 3,000—5,000-мъ гарнизономъ, останавливали малочисленныя арміи (50,000) прошедшаго столѣтія и удовлетворяли, такимъ образомъ, вполнѣ своему назначенію, то онѣ весьма естественно должны оказаться безсильными и не въ состояніи будутъ остановить нынѣшнихъ сильныхъ числомъ армій, которыя, безъ чувствительнаго ослабленія, могутъ отдѣлить достаточное число войскъ, для наблюденія за ними. Генералъ Бонапарте въ 1796 году, имѣя только 50,000-ю армію, не отваживается обойти крѣпость Мантую. Въ послѣдующія кампаніи, располагая значительно большими силами, онъ почти не обращаетъ на крѣпости никакого вниманія. Подобнымъ же образомъ, если малыя крѣпости могли, въ случаѣ надобности, служить надежнымъ оплотомъ малочисленнымъ арміямъ прошедшаго столѣтія, то онѣ не въ состояніи уже выполнить этого назначенія въ отношеніи къ нынѣшнимъ, значительно усилившимся арміямъ. Развитіе подвижности также не мало способствовало ослабленію значенія крѣпостей. Пользуясь подвижностью (что въ особенности замѣтно въ дѣйствіяхъ Наполеона), новѣйшія арміи съ несравненно меньшею опасностью противъ прежняго могли оставлять у себя въ тылу и на флангѣ крѣпости, потому что при этомъ условіи главный предметъ дѣйствій—уничтоженіе непріятельской арміи, а съ нимъ вмѣстѣ и цѣль войны—могли быть достигнуты въ столь короткое время, что крѣпости, въ тылу и на флангѣ оставленныя, не успѣвали обнаружить вреднаго вліянія на сообщенія арміи, ихъ обошедшей. Все это ясно показываетъ, что *вслѣдствіе переворота, происшедшаго въ военномъ дѣлѣ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, малыя крѣпости, въ большей части случаевъ, теперь уже негодятся, а далеко не то, чтобы крѣпости вообще были безполезны.*

Что же касается до ссылокъ на походы Наполеона, дѣлаемыхъ

противниками крѣпостей, въ подтвержденіе безполезности послѣднихъ, то ссылки эти дѣлаются большею частію не довольно осмотрительно. Событія 1805, 1806, 1809, 1814, 1815 и 1792 годовъ представляютъ, повидимому, самый богатый запасъ фактовъ къ подтвержденію выводовъ о безполезности крѣпостей. При исполненіи своихъ смѣлыхъ наступательныхъ плановъ въ кампаніи 1805, 1806 и 1809 гг., Наполеонъ дѣйствительно пренебрегалъ и, по тогдашнему характеру крѣпостей, имѣлъ право пренебрегать ими; но сколько намъ кажется, это право слѣдуетъ искать не въ одной вышеприведенной причинѣ, а также, и преимущественно, въ успѣхѣ его на поляхъ сраженій (по его собственнымъ словамъ «sur le champ de bataille on décide non seulement du sort des forteresses, mais encore de celui des empires»), рѣшавшемъ участь обходимыхъ имъ крѣпостей. Не думаемъ, чтобы и въ случаѣ неудачи подобное пренебреженіе осталось совершенно безнаказаннымъ. Что же касается остальныхъ кампаній, то странно, какимъ образомъ можно ставить крѣпостямъ въ упрекъ и считать ихъ на этомъ основаніи безполезными, если принять во вниманіе, что причины ихъ слабаго, а иногда и ничтожнаго значенія заключались, сверхъ вышеуказанной, еще въ томъ, что онѣ были запущены и не заняты войсками (какъ это было въ 1792, 1814 и 1815 гг.), или же на скорую руку приведены въ оборонительное положеніе и управлялись слабохарактерными комендантами (какъ было въ Пруссіи въ 1806 году), или, наконецъ, предоставлены собственнымъ силамъ и лишены содѣйствія живой силы—арміи, уничтоженной въ нѣсколькихъ несчастныхъ сраженіяхъ (какъ было съ нѣмецкими крѣпостями, занятыми Французскими гарнизонами въ въ 1813 и 1814 годахъ).

Нельзя при этомъ не замѣтить, что противники крѣпостей, ссылаясь обыкновенно на приведенныя выше эпохи изъ Наполеонскаго періода, какъ будто преднамѣренно умалчиваютъ о дѣйствіяхъ его, въ которыхъ онъ далеко не пренебрегалъ крѣпостями, а напротивъ того—искалъ содѣйствія ихъ, какъ, напримѣръ, въ 1813 году, когда Дрезденскій укрѣпленный лагерь (вѣрнѣе крѣпость-лагерь) далъ возможность Наполеону держаться, въ теченіе продолжительнаго времени, въ сердцѣ Германіи, въ виду двойныхъ силъ противниковъ, дозволилъ ему на время совершенно пренебречь сообщеніями съ Франціею, способствовалъ не только отбить ударъ Союзниковъ (14-го августа), но и разбить съ 120,000 союзную 200,000-ю армію 15-го августа), атакуя одновременно оба ея фланга, и доставилъ ему полную свободу дѣйствій, которой онъ никакъ не могъ бы имѣть безъ укрѣпленнаго лагеря. Противники крѣпостей не упоминаютъ отъ оставленіи Наполеономъ, въ этотъ періодъ кампаніи, до 100,000 войскъ гарнизонами въ нѣмецкихъ крѣпостяхъ, а если и упоминаютъ, то какъ бы въ доказательство ошибочнаго дѣйствія съ его стороны. Сколько намъ кажется, этой мѣры далеко нельзя вмѣнить Наполеону въ ошибку. Если бы Союзники не рискнули двинуться къ Парижу, во время движенія Наполеона на ихъ сообщенія въ 1814 году, а пере-

шли бы за Рейнъ, какъ онъ того ожидалъ, и если бы Наполеону, въ эту минуту, удалось разбить ихъ, то одной такой побѣды, при занятіи Французами нѣмецкихъ крѣпостей, было бы достаточно, чтобы возвратить Наполеону власть надъ всею Германіею—результатъ, для достиженія котораго, при незанятіи Французскими войсками нѣмецкихъ крѣпостей, потребовалось бы, быть можетъ, нѣсколькихъ удачныхъ кампаній [1]). Наконецъ, какъ выше было приведено, въ 1809 году мѣры, принятыя Наполеономъ къ обезпеченію фронта, фланговъ и тыла арміи, въ которыхъ инженерному элементу дано было столь широкое примѣненіе, показываютъ, что, даже при всей несоотвѣтственности крѣпостей тогдашнимъ требованіямъ военнаго искусства, Наполеонъ далеко не пренебрегалъ ими въ такой мѣрѣ, какъ считаетъ большинство, и лучшимъ подтвержденіемъ того, насколько Наполеонъ придавалъ значеніе крѣпостямъ и укрѣпленіямъ, служатъ его же собственные отзывы о пользѣ, ими приносимой: «Крѣпости полезны—говоритъ онъ—какъ въ войнѣ наступательной, такъ и въ войнѣ оборонительной. Конечно онѣ, однѣ, сами собою, не въ силахъ остановить армію, но *онѣ представляютъ превосходное средство къ тому, чтобы замедлить наступленіе побѣдителя, ослабить и тревожить его* (Maximes de guerre 40, p. 29)». Тотъ же Наполеонъ въ письмѣ къ генералу Дежану, отъ 3-го сентября 1806 года, говоритъ: «въ прошедшемъ столѣтіи поднятъ былъ вопросъ о томъ, полезны ли укрѣпленія? Нѣкоторые государи, полагая ихъ безполезными, уничтожили свои крѣпости. Что касается до меня, то я измѣню вышеприведенный вопросъ и предложу его въ такомъ видѣ: *возможно ли комбинировать войну безъ содѣйствія крѣпостей, и отвѣчаю: положительно нѣтъ.* Безъ помощи крѣпостей нельзя составить хорошаго плана кампаніи, а безъ содѣйствія полевыхъ укрѣпленій (à l'abri des hussards et des parties) нельзя вести наступательной войны. Даже многіе изъ генераловъ, которые (dans leur sagesse) объявляли себя противъ крѣпостей, пришли наконецъ къ заключенію, что дальнія вторженія невозможны... (Correspondance de Napoleon I. XIII. p. 131, № 10,726)». Послѣ этого рѣшительно непонятно, по какому праву выводъ о безполезности крѣпостей дѣлается нѣкоторыми на основаніи дѣйствій великаго полководца, и на словахъ и на дѣлѣ отдававшаго столь полную справедливость приносимой ими пользѣ.

Итакъ, какъ выше было замѣчено, единственный правильный выводъ, который можно сдѣлать, относительно крѣпостей, изъ войнъ революціонныхъ и Наполеоновскаго періода, будетъ заключаться въ томъ развѣ, что *малыя крѣпости, въ большей части случаевъ, уже теперь утрачиваютъ значеніе*, а далеко не то, чтобы крѣпости вообще были безполезны.

Вообще вопросъ о крѣпостяхъ находится въ настоящее время въ

[1]) Сюда можетъ быть отнесена еще и осада *Данцига* въ 1807 г. Не смотря на побѣду, одержанную еще въ февралѣ при Прейссишъ-Эйлау, Наполеонъ не двинулся въ Польшу до паденія Данцига (22 мая).

переходномъ состояніи. Стратегіи предстоитъ рѣшеніе вопроса о *родѣ* и *характерѣ* крѣпостей, наиболѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ современнаго военнаго искусства.

Вся задача будетъ заключаться въ томъ, какимъ образомъ придать имъ ихъ прежнюю задерживающую силу, т. е. остановить непріятельскую армію, или же заставить ее отдѣлить, для наблюденія за ними, такую часть, которая была бы чувствительна даже нынѣшнимъ, сильнымъ по числу, арміямъ? Вопросъ этотъ разрѣшается не иначе какъ обширными крѣпостями, въ родѣ Кобленца, Вероны съ ея укрѣпленнымъ лагеремъ....., представляющими собою вполнѣ образцы современныхъ крѣпостей.

§ 2.

Теоретическій масштабъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при рѣшеніи вопроса о расположеніи крѣпостей. Приложеніе этого масштаба къ гипотетическому случаю. Несостоятельность какихъ бы то ни было системъ.

Перейдемъ теперь къ разбору того теоретическаго масштаба, той совокупности условій, которыми опредѣляется стратегическое значенія крѣпостей.

Степень стратегическаго значенія крѣпости обусловливается:

I. ея положеніемъ относительно операціонной линіи наступающаго;

II. продолжительностію сопротивленія, которое ею можетъ быть оказано;

III. расположеніемъ ея на пунктѣ, гдѣ, съ точки условій мѣстныхъ и политическихъ, встрѣтится наиболѣе выгодная позиція.

I. Въ отношеніи къ *первому* условію замѣтимъ, что только та крѣпость, которая находится *на* пути наступленія непріятеля, можетъ обнаружить извѣстное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій (принудить наступающаго къ остановкѣ, для взятія ея, или къ ослабленію себя, отдѣленіемъ части силъ, для наблюденія за нею).

Подъ словомъ *на* не слѣдуетъ понимать непремѣнно на самомъ пути, а хотя въ нѣкоторомъ удаленіи отъ него, въ такомъ однако разстояніи, чтобы непріятель не могъ безнаказанно оставить ее безъ вниманія, что вполнѣ согласно и съ понятіемъ объ операціонной линіи, подъ которою, какъ въ своемъ мѣстѣ объяснено, слѣдуетъ понимать не одну какую либо дорогу, а цѣлую полосу страны.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что теоретики, даже военные писатели, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, какъ Деккеръ и Клаузевицъ, увлекаясь желаніемъ если и не дать на всякій случай положительныя правила, то, по крайней мѣрѣ, разъяснить все до послѣдней возможности, брали на себя разрѣшеніе такихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, завися отъ самыхъ разнообразныхъ условій, для тооріи невозможно. Къ разряду подобныхъ вопросовъ принадлежитъ,

между прочимъ, и вопросъ о крайнемъ удаленіи, въ которомъ крѣпость должна находиться отъ пути наступленія непріятеля, чтобы заставить на себя обратить вниманіе его. Понятно, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безусловно, а для каждаго частнаго случая потребуетъ особаго рѣшенія, въ зависимости отъ обширности крѣпости, отъ силы и нравственнаго состоянія ея гарнизона, отъ степени его предпріимчивости, отъ числительной силы непріятельскихъ войскъ вообще и въ особенности тѣхъ, на обязанности которыхъ лежитъ охраненіе операціонной линіи.... Не смотря на то, Клаузевицъ и Деккеръ рѣшили этотъ вопросъ безусловно. Первый допускаетъ *активную* силу [1]) крѣпости на одинъ переходъ, а второй на четыре. Уже одно это разнорѣчіе свидѣтельствуетъ о полномъ произволѣ съ ихъ стороны въ рѣшеніи этого вопроса.

II. Имѣя въ виду *второе* условіе, въ связи съ первымъ только опредѣляющее окончательно стратегическое значеніе крѣпости, именно *продолжительность ея сопротивленія*, оказывается, что цѣль эта можетъ быть теперь, за нѣкоторыми развѣ исключеніями, достигнута лишь тѣми обширными крѣпостями, которыя требуются современнымъ состояніемъ военнаго дѣла. За нѣкоторыми исключеніями, говоримъ мы. И дѣйствительно, отвергать пользу, приносимую малыми крѣпостями, даже и теперь, въ періодъ упадка ихъ, безусловно нельзя. И онѣ, *при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ* и *при извѣстномъ развитіи въ войскахъ и въ народѣ нравственнаго элемента*, могутъ принести не меньшую пользу, какъ большія крѣпости: во-первыхъ, когда онѣ замыкаютъ собою дефиле, которое не можетъ быть обойдено непріятелемъ иначе какъ весьма на значительномъ разстояніи (Sperrplätze, замки проходовъ, какъ, напримѣръ, Куфштейнъ, Фуссенъ, Шарницъ.., замокъ Бардъ въ 1800 году могъ бы обнаружить подобное вліяніе, если бы не представилась возможность къ обходу его), и, во вторыхъ, въ дѣйствіяхъ партизанскихъ, вообще въ дѣйствіяхъ малой войны и особенно въ народныхъ войнахъ, служа опорными пунктами для партизанскихъ отрядовъ и народныхъ вооруженныхъ шаекъ. При томъ высокомъ развитіи нравственнаго элемента, который обыкновенно проявляется въ подобномъ случаѣ въ арміи и въ народѣ, подобныя крѣпостцы, будучи атакованы, могутъ оказать весьма продолжительное сопротивленіе, какъ то и подтверждается обороною Испанскихъ крѣпостей, во время войны противъ Наполеона I (*Герона*, въ Каталоніи, была наблюдаема Французами съ марта 1809 года, обложена съ мая, осаждена съ половины іюня и, послѣ упорной обороны, только 10 декабря сдалась на капитуляцію. *Сарагосса*, въ Арагоніи, на Эбро, съ 15-го іюня по 14-е августа

[1]) Подъ *оборонительною* (*пассивною*) силою крѣпости понимаютъ обыкновенно вредъ, который ею можетъ быть нанесенъ непріятелю въ сферѣ огнестрѣльнаго дѣйствія, а подъ *наступательною* (*активною*) — предѣлъ тѣхъ наступательныхъ дѣйствій, которыя могутъ быть предпринимаемы ея гарнизономъ противъ сообщеній непріятеля.

1808 года была тщетно осаждаема Французами, подъ начальствомъ Вердье. Послѣ геройской защиты, Палафоксу удалось 4-го августа тайно выйти изъ крѣпости и 14-го августа освободить ее отъ осады. Послѣ успѣховъ, одержанныхъ Французами подъ конецъ того же года, Наполеонъ приказалъ Ланну, 21-го декабря, снова обложить и осадить Сарагоссу. Послѣ столь же геройской защиты, какъ и въ первый разъ, Сарагосса принуждена была сдаться 20-го февраля 1809 года. Продолжительность этого сопротивленія можетъ быть объяснена только особенно воинственнымъ характеромъ населенія Каталоніи и Арагоніи. Такимъ образомъ, несмотря на то, что каждая Испанская провинція имѣла по нѣскольку подобныхъ крѣпостей, Испанцы съ особенною гордостію могутъ указать только на Герону и Сарагоссу).

Принимая во вниманіе потерю кредита, въ наше время, малыми крѣпостями и ту пользу, которую онѣ могутъ принести въ войнахъ народныхъ, а съ другой стороны, что мы приближаемся къ той эпохѣ, когда войны въ рѣдкихъ только случаяхъ будутъ ведены арміями безъ прямаго участія народа, кто же можетъ поручиться за то, что малыя крѣпости пережили свое время?

Если съ этой стороны значеніе малыхъ крѣпостей и должно будетъ возрасти, то съ другой—нельзя не замѣтить, что значеніе ихъ, какъ замковъ-проходовъ, вслѣдствіе увеличенія подвижности въ войскахъ и развитія въ обширныхъ размѣрахъ путей сообщеній, въ значительномъ числѣ проложенныхъ теперь даже въ мѣстахъ наиболѣе трудно-проходимыхъ, должно сильно ослабѣть въ новѣйшее время (дѣйствія Сенъ-Сира въ Каталоніи, въ 1808 и въ 1809 годахъ, представляютъ множество примѣровъ тому, что, не владѣя главными путями, можно всетаки пройти повсюду). Особенную пользу теперь можетъ принести этотъ родъ крѣпостей развѣ въ странахъ болотистыхъ, бѣдныхъ путями (какъ, напримѣръ, въ нашемъ Полѣсьѣ). Въ такомъ случаѣ разработка обходной дороги гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ горныхъ странахъ.

Нѣкоторые оправдываютъ употребленіе нынѣ малыхъ крѣпостей, сверхъ указанныхъ выше случаевъ, еще и для обезпеченія складовъ запасовъ (Depotplätze, places de dépôt, совершенно произвольно называемыя обыкновенно нѣкоторыми изъ писателей пограничными крѣпостями). Подобнаго рода крѣпости имѣли смыслъ до революціонныхъ войнъ, когда вообще малыя крѣпости отвѣчали всѣмъ требованіямъ и когда войска исключительно продовольствовались изъ магазиновъ. При нынѣшнихъ же условіяхъ, онѣ представляютъ собою явный анахронизмъ. Никому не придетъ въ голову строить крѣпости для подобнаго рода второстепенныхъ цѣлей. Согласно современнымъ требованіямъ, крѣпость должна удовлетворять *всѣмъ* назначеніямъ, для которыхъ вообще крѣпости устраиваются, т. е. она, въ одно и то же время, должна служить преградою наступленія непріятеля, депо, а равно и опорнымъ пунктомъ для арміи, дѣйствующей въ полѣ.

Для обезпеченія же магазиновъ отъ партизанскихъ и вообще ле-

тучихъ отрядовъ (болѣе сильные отряды въ тылъ пробраться не могутъ), если магазины эти придется устроивать внѣ существующихъ крѣпостей, достаточно даже полевыхъ, а много временныхъ укрѣпленій, чтобы предохранить ихъ отъ нападенія открытою силой. Болѣе сильное обезпеченіе магазиновъ имѣло бы еще и ту вредную сторону, что, съ отступленіемъ нашихъ войскъ внутрь страны, мы, съ оставленіемъ нашихъ магазиновъ, оставили бы въ рукахъ непріятеля слишкомъ выгодные для него опорные пункты.

III. Опредѣливъ *родъ* и *характеръ* крѣпостей, соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ военнаго дѣла, и *направленіе*, въ которомъ онѣ, для выполненія своего назначенія, должны находиться, остается еще опредѣлить наиболѣе выгодный *пунктъ* ихъ расположенія на этомъ направленіи (*третье* условіе масштаба).

Окончательный взглядъ на этотъ предметъ далеко не установился. Все, что въ этомъ отношеніи представляетъ военная литература — это рядъ противорѣчащихъ другъ другу мнѣній. Цѣль, правда, у всѣхъ одинакова. Это — *обезпеченіе важныхъ политическихъ центровъ и въ особенности столицъ*. Но въ выборѣ средствъ къ достиженію этой цѣли проявляется полное разногласіе. Одни считаютъ наиболѣе выгоднымъ достигнуть этого обезпеченія путемъ непосредственнаго укрѣпленія важныхъ политическихъ центровъ, какъ это, между прочимъ, и приведено уже въ исполненіе въ отношеніи къ Парижу, обезпеченному линіею отдѣльныхъ фортовъ, периметръ которой простирается до 80 верстъ. Другіе предпочитаютъ центральныя крѣпости; третьи требуютъ разброски крѣпостей на границахъ. Наконецъ, большая часть страдаетъ односторонностью и склонностью къ *безусловному* предпочтенію чего-либо, упуская совершенно изъ вида, что въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ни безусловно-хорошаго, ни безусловно-дурнаго, а *все хорошо въ свое время и на своемъ мѣстѣ* [1]). Становясь на эту точку, нельзя не признать несостоятельности какихъ бы то ни было системъ [2]), въ родѣ кордонной, расположенія

---

[1]) Т. е. «всѣ вопросы высшей тактики (стратегіи) это неопредѣленныя физико-математическія задачи, допускающія (безконечное) множество рѣшеній» (*Наполеонъ*).

[2]) Даже генералъ Жомини, писатель наименѣе склонный къ безусловнымъ выводамъ, приходитъ къ подобнаго рода заключенію, разбирая вопросъ объ оборонѣ государствъ посредствомъ крѣпостей. «Каждое государство—говоритъ онъ—должно имѣть крѣпости, эшелонированныя по тремъ линіямъ, начиная отъ границы къ столицѣ. Три крѣпости въ первой линіи, столько же во второй, одна обширная въ третьей, близъ главнаго политическаго центра государства, составляютъ почти *полную систему* (?) для каждой изъ отдѣльныхъ границъ государства. Если границы представляютъ четыре подобные фронта, то число крѣпостей, потребныхъ для защиты доступовъ внутрь государства, будетъ отъ 24 до 30 (Précis de l'art de la guerre. I, 295).

Въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій Бріальмонъ воспроизвелъ ту же систему генерала Жомини. Онъ требуетъ три крѣпости на каждомъ опе-

крѣпостей на границахъ въ видѣ кордона (сѣверо-восточная граница Франціи) [1]), системы центральныхъ крѣпостей... Все дѣло, въ этомъ случаѣ, будетъ заключаться въ умѣньи извѣстныя начала, выработанныя теоріею (относительно рода и характера крѣпостей, выбора выгоднѣйшаго направленія), сочетать или, точнѣе, примѣнить къ дѣлу въ каждомъ данномъ случаѣ, въ зависимости отъ условій: *мѣстныхъ*, *политическихъ* и *военныхъ*, различныхъ чуть ли не для каждаго частнаго случая. Эти условія могутъ такъ сложиться, что въ одномъ случаѣ (степи, значительная глубина театра военныхъ дѣйствій) не потребуется вовсе крѣпостей, въ другомъ — малая, въ третьемъ — большая; въ одномъ случаѣ ближе къ границѣ, въ другомъ ближе къ центру, въ третьемъ непосредственное укрѣпленіе самаго центра, *смотря по тому, гдѣ встрѣтится наиболѣе выгодная позиція*, наконецъ, иногда кордонъ малыхъ крѣпостей, даже укрѣпленныхъ постовъ на пограничной чертѣ или близъ нея (границы Азіятскія)....

Чѣмъ же обусловливается выборъ позиціи, собственно съ точки *мѣстныхъ условій?* Должны ли это быть крѣпкія позиціи, въ смыслѣ занимаемыхъ Австрійцами въ Семилѣтнюю войну? Конечно, нѣтъ. Крѣпости, расположенныя на такого рода мѣстности, подобно Мантуѣ, Кенигштейну, въ которыя *никто не можетъ войти*, и изъ которыхъ, въ свою очередь, *никто не можетъ выйти*, имѣютъ, правда, весьма большую оборонительную силу, если онѣ лежатъ на прямомъ

раціонномъ направленіи: пограничную, центральную и, наконецъ, укрѣпленную столицу.

[1]) Крѣпости на сѣверо-восточной границѣ Франціи — говоритъ Шамбре (Changements survenus dans l'art de la guerre depuis 1700 jusqu'a 1815, p. 37) — были построены въ разное время, разными государями, и приписывать ихъ безсвязному расположенію названіе системы Вобана значило бы только помрачить его память. «Извѣстно, что главная вина въ чрезмѣрномъ числѣ крѣпостей падаетъ на Лувуа, внушившаго подобную идею Людовику XIV, и Вобанъ неоднократно высказывалъ жалобы, что его заставляютъ возводить множество безполезныхъ укрѣпленій. Въ апрѣлѣ 1687 году онъ писалъ къ Катина: «Вы совершенно правы въ томъ, что чрезмѣрное число крѣпостей во Франціи представляетъ весьма важный недостатокъ, который однако до той минуты не сдѣлается очевиднымъ, пока одинаково сохранятъ возможность дѣйствовать какъ наступательно, такъ и оборонительно. Я съ вами въ этомъ совершенно согласенъ. И если бы открылись военныя дѣйствія въ обширныхъ размѣрахъ, то легко можно опасаться, чтобы недостатокъ этотъ не обнаружился въ первую же кампанію. Черезъ 7 или 8 дней я снова уѣзжаю, для составленія проекта новой крѣпости, далеко не моего изобрѣтенія и вкуса».

Жомини (Précis de l'art de la guerre I, 295) подтверждаетъ то же самое. «Идея опоясыванія всѣхъ границъ государства рядомъ крѣпостей, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, крайне неудачна. Совершенно несправедливо приписываютъ ее Вобану, который, далеко не оправдывая ея, напротивъ того, сильно оспаривалъ эту мысль противъ Лувуа, желавшаго возвести множество безполезныхъ укрѣпленій».

пути наступленія непріятеля и если притомъ ихъ обойти нельзя (замки проходовъ); въ противномъ случаѣ значеніе ихъ ничтожно. Самаго незначительнаго числа войскъ достаточно, чтобы, при такомъ мѣстномъ условіи, блокировать ихъ, другими словами—сдѣлать ихъ безвредными. «*Наиболѣе выгодною въ оборонительномъ отношеніи позиціею* — говоритъ Пексансъ—*будетъ далеко не недоступная, но наиболѣе угрожающая непріятелю. Такою будетъ скорѣе позиція открытая, чѣмъ закрытая*».

Подъ мѣстностью *открытою*, въ этомъ случаѣ, не слѣдуетъ понимать совершенной равнины, но такую лишь, которая, *способствуя усиленію обороны крѣпости, вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣсняла бы наступательныхъ дѣйствій гарнизона, въ обширныхъ размѣрахъ, противъ операціонной линіи наступающаго и, по возможности, затрудняла бы непріятелю обложеніе крѣпости*. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, крѣпость, опирающаяся на какую-либо естественную преграду, усиливающую ея оборону, нестѣсняющую наступательныхъ дѣйствій гарнизона и затрудняющую непріятелю обложеніе ея, удовлетворяла бы вполнѣ своему назначенію. Которымъ же изъ естественныхъ преградъ отдать предпочтеніе: судоходной ли рѣкѣ, хребту ли горъ, или, наконецъ, длинной болотистой полосѣ? Конечно, той, которая, при меньшемъ содѣйствіи живой силы, по свойству своему, сама по себѣ полагаетъ уже болѣе сильную преграду наступленію противника. Нѣтъ сомнѣнія, что если болотная полоса значительной ширины, и притомъ въ особенности значительнаго протяженія въ длину, тянется на нѣсколько сотъ верстъ вдоль или параллельно границѣ, съ небольшимъ числомъ проходовъ черезъ нее, то это была бы самая выгодная оборонительная линія [1]). Въ такомъ именно случаѣ малыя крѣпости, для замыканія проходовъ, были бы вполнѣ на мѣстѣ. Но подобнаго рода естественныя преграды, которыя бы притомъ по ширинѣ и длинѣ своей и по направленію своему въ отношеніи къ границѣ удовлетворяли вышеприведеннымъ условіямъ, встрѣчаются весьма рѣдко. Чаще встрѣтятся и удовлетворятъ этимъ условіямъ горные хребты и рѣки. Изъ нихъ рѣкамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе, по большему удобству оборонять ихъ сравнительно съ горными хребтами (хребетъ горъ оборонять труднѣе рѣки, по недостатку въ горныхъ странахъ поперечныхъ дорогъ, что влечетъ за собою раздѣленіе силъ при ихъ оборонѣ и затрудняетъ какъ расположеніе, такъ равно и своевременное прибытіе къ угрожаемому пункту резервовъ) [2]). Слѣдовательно, съ точки однихъ *мѣстныхъ* условій, всего выгоднѣе располагать крѣпости на обоихъ берегахъ судоходной рѣки, а еще лучше при сліяніи нѣсколькихъ рѣкъ (рядъ крѣпостей, расположенныхъ на обоихъ

---

[1]) Конечно съ точки пассивной обороны.

[2]) Узлы дорогъ, могущіе служить центральными позиціями для расположенія резервовъ, обыкновенно значительно удалены отъ самыхъ хребтовъ.

берегахъ судоходной рѣки, протекающей параллельно границѣ, представляетъ, такимъ образомъ, наиболѣе выгодную оборонительную линію); другими словами: *крѣпости слѣдуетъ располагать на узлахъ важнѣйшихъ сообщеній, какъ рѣчныхъ, такъ* и *сухопутныхъ*. Выводъ этотъ, весьма справедливый самъ по себѣ, какъ кажется, не совсѣмъ вѣрно былъ понятъ нѣкоторыми изъ современныхъ военныхъ писателей. Такъ, напримѣръ, Вандевельде (Etude sur la défense des Etats, p. 15) находитъ, что подобное предложеніе было весьма хорошо, когда протяженіе главныхъ дорогъ во Франціи, при Людовикѣ XIV, не превышало 2,000 лье (8,000 верстъ), и едва ли можетъ быть принято къ руководству теперь, при значительномъ развитіи путей сообщеній, умножившихся, начиная съ того времени, въ обширныхъ размѣрахъ; при Людовикѣ XV, въ концѣ его царствованія, протяженіе главныхъ дорогъ дошло уже до 8,000 лье (32,000 верстъ). Деккеръ, разбирая то же предложеніе, замѣчаетъ, что въ одномъ Виртембергскомъ королевствѣ находится такое множество подобныхъ узловъ, что, руководствуясь имъ, вся страна покрылась бы крѣпостями (?). Все это нисколько не уменьшаетъ справедливости выведеннаго нами общаго положенія, въ отношеніи и къ настоящему времени, потому что вопросъ заключается не въ занятіи *всѣхъ* узловъ сообщеній крѣпостями, что, конечно, было бы нелѣпо, а въ расположеніи крѣпостей на узлахъ *важнѣйшихъ* сообщеній.

При выборѣ пункта *позиціи* для расположенія крѣпостей, какъ выше было замѣчено, руководствуются не одними только мѣстными условіями. Если бы при оборонѣ нашихъ западныхъ границъ мы имѣли въ виду *только одни мѣстныя условія*, то обезпеченіе Москвы съ запада, по значительному ея удаленію отъ границы [1]), было бы совершенно лишнимъ; а между тѣмъ въ царствѣ Польскомъ мы встрѣчаемъ значительное число обширныхъ крѣпостей, почти на самой границѣ. Это объясняется мѣстными условіями и *политическими*. Царство Польское, *по географическому своему положенію*, представляетъ передовую, и притомъ значительно выдающуюся часть, которая, на этомъ основаніи, легко могла бы быть обойдена непріятелемъ, наступающимъ изъ восточной Пруссіи и Галиціи (крѣпости Новогеоргіевскъ [2]) и Ивангородъ [3]) имѣютъ между прочимъ на-

[1]) Насколько, при незначительномъ удаленіи главныхъ политическихъ центровъ отъ границъ, обезпеченіе доступовъ къ нимъ крѣпостями необходимо, настолько, при обратномъ условіи, онѣ оказываются лишними, потому что та же цѣль достигается мѣстными свойствами, *значительностію разстоянія*. Возьмемъ два предмета дѣйствій, удаленныхъ одинъ на 5 переходовъ отъ границы, а другой на 70. Возведеніемъ на пути къ первому крѣпости, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, могла бы задержать непріятельскую армію на два мѣсяца, достигается совершенно одинаковое обезпеченіе обоихъ пунктовъ.

[2]) При сліяніи Буго-Нарева съ Вислою.

[3]) При устьѣ Вепржа.

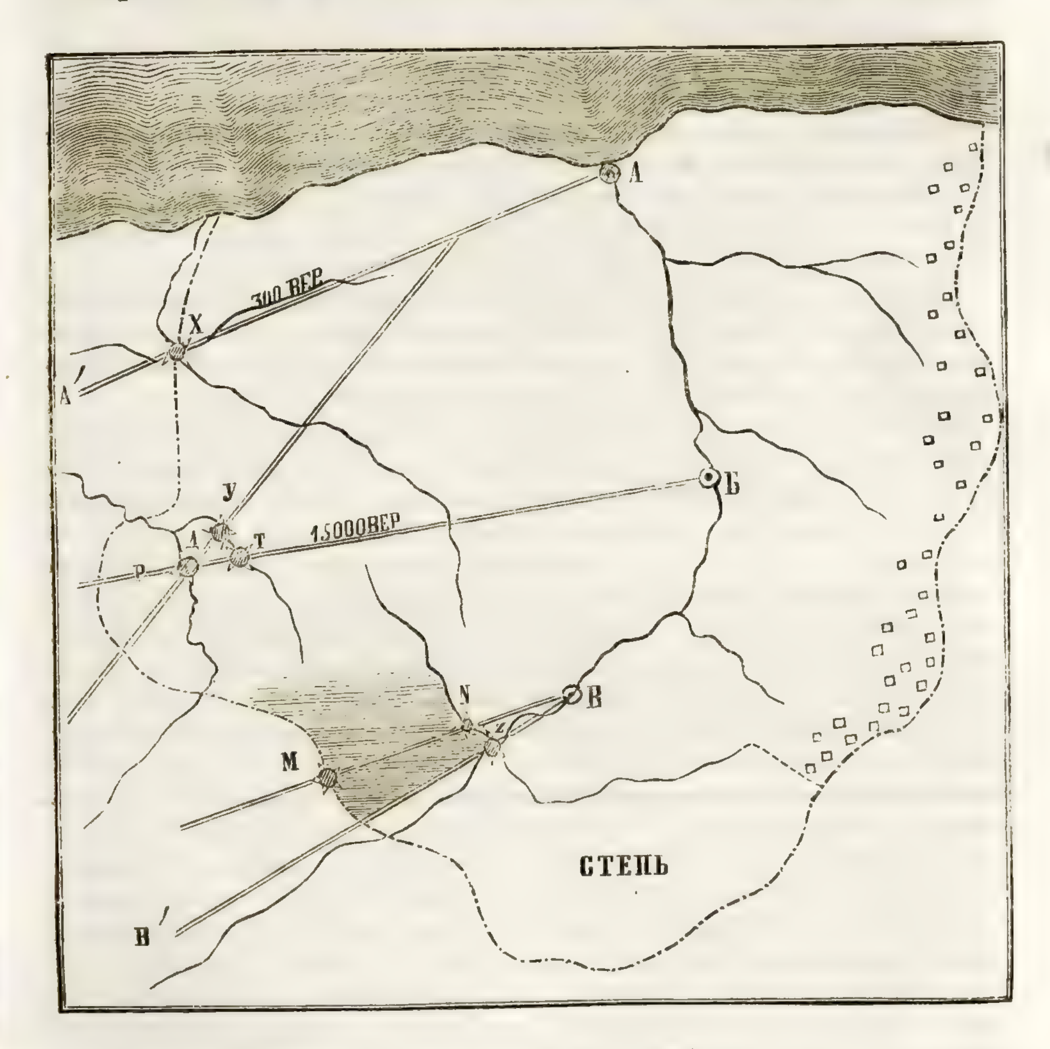
значеніемъ воспрепятствовать подобному обходу нашей оборонительной линіи на Вислѣ). *Въ политическомъ отношеніи* оно недостаточно слилось съ остальнымъ политическимъ тѣломъ государства, вслѣдствіе чего находится какъ бы въ постоянной готовности усилить собою армію, имѣющую цѣлію вторженіе въ предѣлы Россіи. Во вниманіи ко всему этому, царство Польское представляетъ сильную приманку для непріятеля, что вынуждаетъ къ принятію особенно серіозныхъ мѣръ для воспрепятствованія противнику, вторгающемуся въ предѣлы Россіи, легкаго занятія царства Польскаго и усиленія, такимъ образомъ, средствами, имъ представляемыми. Цѣль эта отчасти достигается крѣпостями, тамъ находящимися [1]), которыя, по географическому положенію, могутъ быть названы пограничными; но, въ сущности, онѣ будутъ скорѣе центральными, по значенію ихъ въ отношеніи царства Польскаго.

Въ видѣ сжатаго повторенія развитаго нами взгляда и для большей наглядности, примѣнимъ вышеприведеные выводы къ оборонѣ какой-нибудь воображаемой страны, при слѣдующихъ условіяхъ. *Въ отношеніи географическомъ*: границы съ сѣвера море; на западѣ отсутствіе сильныхъ естественныхъ преградъ, исключая средней части довольно значительной рѣки, прорѣзывающей передовую часть западнаго програничнаго пространства, начало и устье которой находятся въ сосѣднихъ государствахъ; на юго-западѣ, на разстояніи 800 верстъ, пограничную черту образуетъ широкая болотистая полоса, съ однимъ только проходомъ черезъ нее. Южная граница отчасти отрыта; часть ея составляетъ степь. На востокѣ отсутствіе особенно замѣчательныхъ естественныхъ рубежей. *Въ политическомъ отношеніи*: Главные политическіе центры находятся въ *А*, *Б* и *В*. На западѣ два могущественныя государства европейскаго характера; на востокѣ кочующія племена, вообще народы, находящіеся на низкой степени гражданскаго устройства, въ родѣ нѣкоторыхъ азіятскихъ. Передовая часть *Р*, въ политическомъ отношеніи, преставляетъ тѣло, не вполнѣ слившееся съ остальнымъ тѣломъ государства. *Въ военномъ отношеніи* особенно важно обезпеченіе доступовъ къ пунктамъ *А*, *Б* и *В* и охраненіе передовой части *Р* на западѣ.

Обезпеченіе пункта А, съ западной стороны, при данномъ направленіи *А'А*. Имѣя въ виду основное положеніе *выбирать пунктъ для расположенія крѣпости тамъ*, гдѣ *встрѣтится наиболѣе выгодная позиція*, оказывается, что цѣль эта ближе всего можетъ быть достигнута обширною крѣпостью современнаго характера въ пунк-

[1]) Изъ остальныхъ крѣпостей царства *Александровская цитадель* имѣетъ спеціальнымъ назначеніемъ обезпеченіе переправы черезъ Вислу и господство надъ Варшавою, въ случаѣ если бы Варшава была занята непріятелемъ. *Брестъ-Литовскъ* важенъ какъ послѣдняя наша крѣпкая позиція въ царствѣ Польскомъ и какъ пунктъ, владѣя которымъ поддерживается постоянная связь между нашими арміями, дѣйствующими на западѣ на двухъ театрахъ военныхъ дѣйствій, отдѣленныхъ другъ отъ друга Полѣсьемъ.

тѣ *X*, которую на этотъ разъ придется расположить на самой границѣ. *Съ сѣверной стороны* доступъ къ пункту *А* обезпечивается или непосредственнымъ укрѣпленіемъ этого пункта, или же видвинутыми на нѣкоторое разстояніе въ море сильными сооруженіями (въ родѣ Кронштадта), въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.



Обезпеченіе пункта Б и передовой части Р. Во вниманіи *къ мѣстнымъ условіямъ*, значительное удаленіе пункта *Б* отъ границы служитъ для него лучшимъ обезпеченіемъ; но, имѣя въ виду объясненное выше значеніе передовой части *Р. въ политическомъ отношеніи*, она собственно потребуетъ особенныхъ мѣръ къ охраненію ея и къ утвержденію въ ней. Цѣль эта можетъ быть достигнута, смотря по обстоятельствамъ, одною или нѣсколькими крѣпостями. Предположимъ, что вопросъ этотъ рѣшается тремя обширными крѣпостями, расположенными въ *Д*, *У* и *Т*, на пересѣченіи *важнѣйшихъ* сухопутныхъ и рѣчныхъ сообщеній въ этомъ краѣ.

Обезпеченіе пункта В. а) *Съ западной стороны,* благодаря особенно благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ, широкой болотистой полосѣ, образующей на разстояніи 800 верстъ пограничную черту, достигается посредствомъ двухъ крѣпостей: одной обширной крѣпости *M*, расположенной въ головѣ дефиле, для облегченія наступательныхъ дѣйствій, и другой малой *N* (замка прохода), при входѣ въ тѣснину, въ видахъ воспрепятствованія дебушированію изъ нея непріятелю [1]). б) *Съ юго-западной стороны,* при данномъ направленіи *B' B*, обезпеченіе пункта *B* достигается крѣпостію современнаго характера *Z*, располагаемой на этотъ разъ ближе къ центру, на узлѣ *важнѣйшихъ* рѣчныхъ сухопутныхъ сообщеній.

Обезпеченіе доступовъ къ пунктамъ В и Б, съ южной и отчасти съ юго-восточной стороны, достигается вполнѣ одними мѣстными свойствами—*степью,* не требуя содѣйсвія искусства.

Понятно, что исчисленныя мѣры къ обезпеченію могутъ считаться только въ томъ случаѣ вполнѣ достигающими своей цѣли, если онѣ будутъ поддержаны достаточною живою силою: *арміею* и *флотомъ.* Послѣдній важенъ въ отношеніи охраненія пункта *A*.

Обезпеченіе доступовъ къ тѣмъ же пунктамъ съ восточной стороны, въ зависимости отъ извѣстныхъ политическихъ условій, достигается совершенно уже другими мѣрами. Во-первыхъ, опасность съ этой стороны не можетъ быть такъ велика, какъ съ запада, по недостатку въ кочующихъ племенахъ единства усилій, вслѣдствіе низкой степени ихъ цивилизаціи. Все, что можетъ угрожать съ этой стороны, это небольшіе хищническіе набѣги на ближайшіе пограничные пункты; но за то подобная опасность угрожаетъ не въ извѣстныя только минуты, которыя можно предвидѣть заранѣе, какъ на западѣ, а ежеминутно. Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ условій, *обезпеченіе восточной пограничной полосы достигается ближе всего небольшими постами, располагаемыми въ видѣ кордона, и приведеніемъ въ оборонительное положеніе самыхъ пограничныхъ пунктовъ въ такой мѣрѣ, чтобы они были обезпечены отъ нападеній открытою силою подобнаго непріятеля.* Отсюда видно, что и кордонное расположеніе небольшихъ укрѣпленныхъ постовъ на пограничной чертѣ или вблизи ея не есть нелѣпость и вполнѣ примѣнимо *при извѣстныхъ условіяхъ.* Конечно, вышеприведенное обезпеченіе получитъ полную силу опять-таки только при содѣйствіи достаточной живой силы, которая, въ зависимости отъ приведенныхъ нами условій, на этотъ разъ должна быть иначе организована, чѣмъ на западѣ, именно въ видѣ *мѣстнаго военнаго населенія* (казаковъ, граничаръ...)

Взятый нами примѣрный случай показываетъ, что, при рѣшеніи вопроса *«объ оборонѣ государствъ крѣпостями»,* никакими теорети-

---

[1]) Если на этомъ пунктѣ не имѣется въ виду активной обороны, то, само собою разумѣется, что въ большой крѣпости въ головѣ тѣснины надобности нѣтъ.

ческими системами руководствоваться нельзя, и *что все дѣло, въ этомъ случаѣ, заключается въ умѣніи извѣстныя начала, выработанныя теоріею (относительно рода и характера крѣпостей, выбора выгоднѣйшаго направленія и на немъ наиболѣе удобнаго пункта, для ихъ расположенія) сочетать или, точнѣе, примѣнить къ дѣлу, въ зависимости отъ обстановки: отъ условій мѣстныхъ, политическихъ, военныхъ, различныхъ чуть-ли не для каждаго частнаго случая.*

Для большаго еще убѣжденія въ справедливости вышеприведеннаго взгляда, попробуемъ измѣнить одну изъ данныхъ въ приведенной выше гипотезѣ, и прослѣдимъ насколько, въ зависимости отъ этого, должно будетъ измѣниться и самое рѣшеніе разобраннаго нами вопроса. Предположимъ, что населеніе передовой части P предано намъ: тогда или вовсе не потребуется здѣсь крѣпостей, или же, сохраняя тѣ же географическія условія, для воспрепятствованія обхода оборонительной линіи, по рѣкѣ, достаточно будетъ одной крѣпости современнаго характера. Если же допустить, что населеніе этой части не только намъ предано, но и отличается особенно воинственнымъ характеромъ, въ родѣ Каталонцевъ, Черногорцевъ, тогда оно, само по себѣ, безъ содѣйствія крѣпостей, составило бы, благодаря такому свойству, лучшій оплотъ для безопасности государства, и если бы, въ этомъ случаѣ, потребовались нѣкоторые опорные пункты для него, малыя крѣпости и форты были бы здѣсь, при этомъ условіи, вполнѣ на мѣстѣ.

Ясно, рѣшеніе подобныхъ вопросовъ не можетъ быть механическимъ дѣломъ какихъ-либо *системъ*. Трудно даже представить себѣ случай, чтобы въ какомъ бы то ни было отдѣлѣ теоріи военнаго дѣла, особенно въ томъ, гдѣ дѣло касается камбинаціи элементовъ, какъ неоднократно было замѣчаемо, системы, кромѣ вреда, сбиванія съ толку людей легковѣрныхъ, могли что нибудь принести, какъ то и подтверждаетъ военная исторія.

Великіе полководцы какъ нельзя лучше понимали и рѣшали главную задачу военнаго дѣла, выражаемую обыкновенно слѣдующимъ общимъ мѣстомъ: «*всегда слѣдуетъ дѣйствовать сообразно съ средствами и обстоятельствами*». Но въ томъ-то именно и заключалась бѣда, что современники великихъ полководцевъ и ближайшее къ нимъ поколѣніе, обыкновенно не понимая ихъ, слѣпо подражали ихъ образу дѣйствій и формамъ, и, несмотря на то, что обстоятельства, среди которыхъ приходилось имъ дѣйствовать, уже значительно измѣнялись противъ прежняго, *рабски* придерживались ихъ образа дѣйствій, обращая его въ рутинную систему. Такимъ образомъ, Густавъ-Адольфъ въ 1630 году, высадившись съ малочисленною арміею, въ устьѣ Одера, на защиту дѣла протестантовъ, отдѣленный моремъ отъ своего отечества, съ недовѣріемъ и холодностію встрѣченный самими протестантами, вслѣдствіе всего этого принужденъ въ первое время дѣйствовать въ высшей степени осторожно и заботиться о прочномъ утвержденіи въ краѣ. Имѣя это въ виду, онъ беретъ каждую крѣпость. Когда же обстоятельства измѣнились, ко-

да онъ заручился полною довѣренностью протестантовъ, и притомъ тылъ его былъ достаточно обезпеченъ, тотъ же Густавъ-Адольфъ, послѣ Брейтенфельдскаго сраженія, начинаетъ дѣйствовать въ высшей степени рѣшительно и смѣло. Современники, удивляясь его успѣхамъ, *обращаютъ его образъ дѣйствій, приличный извѣстнымъ условіямъ, въ безусловный методъ*, и тамъ, гдѣ слѣдовало бы дѣйствовать смѣло и рѣшительно, теряютъ напрасно время на осады крѣпостей (Нидерландскія войны; война за Наслѣдство Испанскаго Престола). Та же судьба постигаетъ и Фридриха Великаго. По обстоятельствамъ, среди которыхъ приходилось ему дѣйствовать противъ арміи неповоротливой и притомъ запертой въ крѣпкой позиціи, съ арміею, на сторонѣ которой находился перевѣсъ въ подвижности и въ отношеніи тактическаго превосходства, Фридрихъ выигрываетъ цѣлый рядъ сраженій, благодаря искунымъ маневрамъ *(обходъ всѣми силами)*, завершаемымъ рѣшительнымъ ударомъ на важнѣйшемъ пунктѣ непріятельскаго расположенія. Къ чему же повело это? Молодое поколѣніе второй половины XVIII столѣтія, воспитанное на его походахъ, выноситъ изъ школы еще какую-то *вѣру въ магическую силу* [1] *обходовъ и притомъ въ такой мѣрѣ, что стоитъ только стать на флангѣ непріятеля, то сраженіе должно выиграться какъ бы само собою.* Въ этомъ отношеніи отличались особенно Австрійцы. Битые Фридрихомъ, при содѣйствіи обходовъ, они разсчитываютъ ими же бить, въ періодъ революціонныхъ войскъ, непріятеля, хотя слабаго числомъ, но въ высшей степени подвижнаго, благодаря тому удесятерявшаго свои силы и притомъ постоянно располагавшагося на такихъ позиціяхъ, которыя способствовали рѣшительному наступленію, въ значительныхъ силахъ, по всѣмъ направленіямъ. Несмотря, слѣдовательно, на совершенное измѣненіе обстановки, условій, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, и на рядъ кровавыхъ уроковъ, Австрійцы, въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1796 по 1805 годъ, до Аустерлицкаго сраженія), продолжаютъ придерживаться этого образа дѣйствій.

Сдѣланное нами отступленіе отъ нашего предмета необходимо было для поясненія того вреда, который бываетъ слѣдствіемъ стремленія къ внесенію механическаго, мертваго начала (желанія создать безусловныя правила и системы....) въ такое живое дѣло, какъ военное, которое потому только и стоитъ такъ высоко, что въ немъ ничего не дѣлается по рецепту, по мѣрѣ или по лекалу, а все большею частію по вдохновенію.

Мы не распространимъ, конечно, нашего упрека на тѣхъ изъ те-

---

[1]) Въ томъ и заключается главная задача здравой теоріи, чтобы, приведя постановку и изслѣдованіе различныхъ вопросовъ къ *простѣйшему* виду (*въ теоріи военнаго дѣла все просто*; *трудности и сложности начинаются только въ приложеніи ея)*, снять, такимъ образомъ, пелену съ глазъ, заставляющую признавать магическую силу за такими вещами (маневры, косвенный боевой порядокъ, вообще различныя формы....), которой онѣ, по природѣ своей, никогда имѣть не могутъ.

оретиковъ, которые предлагали системы только съ цѣлію болѣе нагляднаго поясненія своихъ идей. Въ этомъ случаѣ *самая система есть не болѣе какъ графическое осуществленіе извѣстной идеи*, являющееся на помощь воображенію, для болѣе яснаго представленія предмета. Но, оправдывая системы какъ *чертежъ*, мы рѣшительно возстаемъ противъ стремленія къ безусловному примѣненію ихъ,—стремленія, нечуждаго въ особенности нѣкоторымъ нѣмецкимъ военнымъ писателямъ (какъ, напримѣръ, Виллизину и другимъ), своимъ честнымъ трудомъ такъ сильно затемнившимъ понятіе о вещахъ, самихъ по себѣ весьма простыхъ. Вообще пора бы понять теоретикамъ, что *главная цѣль ихъ должна заключаться не въ созданіи системъ, ни къ чему не ведущихъ и только сбивающихъ съ толку легковѣрныхъ людей, а въ тщательномъ анализѣ, до мельчайшихъ подробностей, основныхъ элементовъ нашего искусства и въ болѣе строгомъ критическомъ изслѣдованіи фактовъ, представляющемъ собою лучшую школу къ тому, чтобы научиться комбинировать эти элементы, въ зависимости отъ безконечно-разнообразныхъ условій.*

§ 3.

Классификація крѣпкихъ пунктовъ.

Согласно развитому выше взгляду о родѣ и характерѣ крѣпостей, требуемыхъ современнымъ состояніемъ военнаго дѣла *(въ большей части случаевъ обширныя крѣпости)*, о выборѣ направленія и пунктовъ для расположенія ихъ, на разъ уже выбранномъ направленіи *(тамъ, гдѣ встрѣтится наиболѣе выгодная позиція)*, принятое въ теоріи раздѣленіе крѣпостей на пограничныя и центральныя, *какъ не основанное на какомъ-либо существенномъ различіи*, не должно быть допускаемо, имѣя при этомъ, конечно, въ виду, что какъ тѣ, такъ и другія, согласно современнымъ требованіямъ, должны быть крѣпостями большихъ размѣровъ, и что (какъ было объяснено въ своемъ мѣстѣ) прежнія малыя крѣпости, строившіяся на границахъ съ исключительною цѣлію обезпеченія складовъ запасовъ, въ наше время не имѣютъ смысла.

Раздѣленіе крѣпкихъ пунктовъ на *крѣпости собственно* и *укрѣпленные лагери*, конечно, существенно, но только при извѣстномъ условіи. Вообще вопросъ этотъ, вслѣдствіе не совсѣмъ яснаго понятія, связываемаго обыкновенно съ укрѣпленнымъ лагеремъ, требуетъ разбора.

Дѣло науки опредѣлительно разграничить понятія о двухъ, хотя, *повидимому*, одинаковыхъ предметахъ, но между которыми *на дѣлѣ* есть существенное различіе, и первый шагъ къ тому не называть ихъ однимъ именемъ. *Неопредѣлительность въ названіяхъ, безразличное называніе двухъ разныхъ предметовъ однимъ и тѣмъ же именемъ влекутъ за собою путаницу въ понятіяхъ.* Нерѣдко можно встрѣтить, что названіе укрѣпленнаго лагеря приписывается иногда

чуть-ли не просто укрѣпленной позиціи и обширнымъ стратегическимъ позиціямъ, укрѣпленнымъ долговременными постройками, однимъ словомъ—обширнымъ крѣпостямъ въ родѣ Кобленца...

Для разъясненія этого предмета, примемъ за основаніе: а) позиціи, обезпеченныя укрѣпленіями только съ фронта и съ фланговъ, вообще не со всѣхъ сторонъ, называть просто *укрѣпленными позиціями*; б) позиціи, усиленныя укрѣпленіями съ фронта, фланговъ и тыла, вообще со всѣхъ сторонъ, но *не заключающія въ себѣ обезпеченныхъ складовъ обширныхъ запасовъ* и получающія ихъ, въ случаѣ надобности, изъ ближайшей крѣпости — *укрѣпленными лагерями*, и в) позиціи, обезпеченныя укрѣпленіями со всѣхъ сторонъ и *заключающія вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей оградѣ и всѣ необходимыя средства для существованія многочисленной арміи, на продолжительное время* (въ родѣ Вероны, Кобленца...),—*крѣпостями современнаго характера или крѣпостями-лагерями*, потому что онѣ удовлетворяютъ въ совокупности всѣмъ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ крѣпости устраиваются.

Такимъ образомъ, разница между крѣпостями и укрѣпленными лагерями весьма существенна и очевидна. Армія, находящаяся въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ случаѣ обхода непріятеля и расположенія его на пути къ крѣпости или къ другимъ пунктамъ, откуда она получаетъ запасы, становится въ критическое положеніе, вынуждающее ее волею или неволею выйти въ открытое поле и принять бой при невыгодныхъ условіяхъ. Какъ видно, въ этомъ случаѣ, даже укрѣпленія не удовлетворяютъ коренному своему значенію—доставлять обороняющемуся возможность дѣлать не то, что непріятель хочетъ (положеніе Русской арміи въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ 1706 г.). Арміи, занимающей крѣпость, подобный обходъ не опасенъ, и достигнуть наступающему своей цѣли,—принудить обороняющагося къ выходу изъ укрѣпленій и къ принятію боя въ открытомъ полѣ,—*только тогда возможно, когда обороняющійся этого самъ захочетъ* (см. часть II, отд. I. Гл. II).

Обыкновенно принято Дрезденскія укрѣпленія (1813 г.), Торресъ-Ведрасъ, Ульмскія укрѣпленія, укрѣпленія Кобленца и Линца называть укрѣпленными лагерями. Между тѣмъ, если принять въ соображеніе, что первыя изъ нихъ имѣли внутри своихъ верковъ обезпеченные запасы для продовольствія значительныхъ силъ на продолжительное время — обстоятельство, взятое во вниманіе при сооруженіи послѣднихъ — то ясно, что это вовсе не укрѣпленные лагери, а крѣпости современнаго характера, отличающіяся другъ отъ друга только тѣмъ, что однѣ состояли изъ земляныхъ верковъ, а другія были сооружены изъ камня. Когда въ концѣ прошедшаго столѣтія замѣтили несостоятельность прежнихъ малыхъ крѣпостей, то родился вопросъ: какъ бы придать имъ ихъ прежнюю задерживающую силу въ отношеніи къ вновь появившимся сильнымъ арміямъ? Отвѣтъ былъ очень простъ: обратить ихъ въ обширныя крѣпости, что, въ свою очередь, достигалось присоединеніемъ къ нимъ укрѣпленныхъ лагерей или увеличеніемъ ихъ размѣровъ. Слѣдова-

тельно, идея о характерѣ новыхъ крѣпостей была сознана тотчасъ же съ появленіемъ новыхъ требованій; но какъ это былъ періодъ постоянныхъ войнъ, то эта идея могла быть не иначе осуществлена, какъ въ наскоро-импровизованныхъ постройкахъ, въ родѣ Дрездена, Ульма..., въ сущности представлявшихъ собою типъ будущихъ крѣпостей. Крѣпостями же эти импровизованныя постройки не рѣшались назвать потому, что онѣ по виду представляли что-то новое, рѣзко отличавшееся отъ того, что въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ привыкли называть крѣпостью, и назвали ихъ укрѣпленными лагерями. Наступилъ миръ; идея о новыхъ крѣпостяхъ, выработанная во время войны, осуществлена уже не въ наскоро-импровизованныхъ постройкахъ, а въ прочныхъ сооруженіяхъ Линца и Кобленца, представляющихъ, въ полномъ смыслѣ, крѣпости современнаго характера. Между тѣмъ, имѣя въ виду ихъ близкое сходство съ приведенными импровизованными постройками военнаго времени и рѣзкое отличіе отъ прежнихъ малыхъ крѣпостей, продолжаютъ и ихъ называть укрѣпленными лагерями. Отсюда началась путаница въ названіяхъ и понятіяхъ,—вещь неизбѣжная при переходномъ состояніи какого-либо дѣла, ведущая къ тому, что одинъ и тотъ же предметъ принимается за два совершенно разные. Пора положить этому конецъ, и если вещь новая, въ родѣ обширныхъ крѣпостей современнаго характера (въ сущности та же, только въ новой формѣ), потребовала бы и новаго названія, то назовете ихъ, пожалуй, *крѣпостями-лагерями* [1]), распространивъ это названіе и на Дрезденъ, Торресъ-Ведрасъ, Ульмъ, Верону.... и вообще на всѣ крѣпости, усиленныя укрѣпленными лагерями.

Такимъ образомъ создались *нынѣшнія крѣпости-лагери изъ слiянія прежнихъ малыхъ крѣпостей съ укрѣпленными лагерями*, постепенно преобразуемыми (сплошная ограда послѣднихъ обратилась въ прерывчатую, временныя постройки замѣняются долговременными...), такъ что прежнія малыя крѣпости и отдѣльные укрѣпленные лагери обратились только въ *составныя части* крѣпостей-лагерей. Отдѣльные же укрѣпленные лагери *безъ депо*, въ родѣ Гродненскаго и Бунцельвицкаго, оказываются въ большей части случаевъ несостоятельными, потому что одного обхода, расположенія на сообщеніяхъ съ базою, со стороны наступающаго достаточно, чтобы поставить армію, укрывшуюся въ подобномъ укрѣпленномъ лагерѣ, съ цѣлію уклоненія отъ боя, въ самое критическое положеніе, изъ котораго она можетъ быть выведена только отчаяннымъ боемъ, тѣмъ именно средствомъ, къ которому она желала бы не обращаться.

Если тотъ же укрѣпленный лагерь будетъ имѣть въ своей оградѣ *базу*, *депо*, то, удовлетворяя въ совокупности всѣмъ тѣмъ условіямъ,

---

[1]) Вѣрность этого названія подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что, въ появившемся нѣсколько лѣтъ по написаніи этой статьи извѣстномъ сочиненіи генерала *Трошю* современныя крѣпости названы fortresses — camps retranchés.

для которыхъ строится крѣпость, *равный ей по внутреннему содержанію*, онъ обращается въ крѣпость-лагерь (Линцъ, Торресъ-Ведрасъ), и называть его укрѣпленнымъ лагеремъ было бы крайне ошибочно. Нѣкоторые инженеры упорно держатся за сохраненіе за такими пунктами названія укрѣпленныхъ лагерей, потому что, по ихъ мнѣнію, крѣпостью можетъ быть названъ укрѣпленный пунктъ только тогда, когда онъ обнесенъ *сплошною* оградой. Посмотримъ, существенно ли это различіе въ одной формѣ, и для того параллельно разберемъ *значеніе сплошной и прерывчатой ограды.*

Въ чемъ заключается задача, которую мы ставимъ при укрѣпленіи какого либо стратегическаго пункта?

1) Обезпеченіе отъ бомбардированія.

2) Затрудненіе обложенія и вообще осады, принуждая осаждающаго начинать ее съ болѣе дальняго разстоянія.

3) Не ставить, по возможности, войскъ въ слишкомъ близкое соприкосновеніе съ населеніемъ большихъ городовъ—элементомъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, большею частью вреднымъ для ихъ обороны, и, въ особенности,

4) Развитіе активнаго элемента—души новѣйшей обороны—въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Задача новѣйшей фортификаціи заключается не въ томъ, чтобы запирать арміи и обрекать ихъ на пассивную роль, а напротивъ—въ томъ, чтобы приготовить имъ подъ стѣнами крѣпостей *обширное и удобное поле сраженія.*

Какъ осуществить эти условія?

1) Попробуемъ обнести укрѣпленный пунктъ непосредственно сплошною оградой. Ни одно изъ поставленныхъ выше условій не осуществится.

2) Подадимъ эту же ограду нѣсколько впередъ, такъ чтобы между нею и городомъ оставалось довольно значительное пространство. Первыя три условія вполнѣ осуществятся, послѣднее (четвертое) не вполнѣ. Наступательныя предпріятія въ обширныхъ размѣрахъ затруднятся малымъ числомъ и узкостью дебуше, что въ особенности будетъ чувствительно въ случаѣ неудачи, при настойчивомъ преслѣдованіи непріятеля. Короче—этимъ путемъ приготовится подъ стѣнами крѣпости поле сраженія, но поле сраженія внутреннее, тѣсное и обращающееся, въ отношеніи предпріятій внѣ ограды, въ поле сраженія съ значительнымъ числомъ дефиле въ тылу.

Наконецъ, 3) разорвемъ послѣднюю ограду, обратимъ ее въ прерывчатую, въ линію отдѣльныхъ фортовъ. Этимъ расположеніемъ всѣ приведенныя выше условія, и въ особенности послѣднее, осуществятся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Преимущества прерывчатой ограды надъ сплошною очевидны. Ей можно будетъ развѣ сдѣлать одинъ упрекъ, что она для обороны своей потребуетъ сравнительно большаго числа войскъ, чѣмъ сплошная; но и этотъ недостатокъ перестаетъ имѣть значеніе, если мы примемъ во вниманіе, что теперь требуется отъ крѣпостей не убѣжища, въ которыхъ армія могла бы оставаться въ пассивномъ поло-

женіи, а *готовыя поля сраженія*, усиленныя всѣми средствами военно-инженернаго искусства, на которыхъ *армія*, хотя и ослабленная предшествовавшими дѣйствіями, была бы въ состояніи выдержать бой съ превосходными силами непріятеля [1]).

Приведенная нами параллель между двумя видами крѣпостныхъ оградъ убѣдительно доказываетъ несостоятельность допускаемой понынѣ классификаціи, въ виду которой укрѣпленные пункты, обнесенные сплошною оградой, принято называть *крѣпостями*, а обнесенные прерывчатыми оградами — *укрѣпленными лагерями*. Какъ тѣ, такъ и другія крѣпости, отличающіяся другъ отъ друга только внѣшней формой, которая, какъ и вездѣ, уходитъ въ безконечность (см. Приложеніе X). Укрѣпленные же лагери—это составныя части нынѣшнихъ обширныхъ крѣпостей. Они въ нихъ исчезли, слившись съ прежними малыми крѣпостями и образовавъ новѣйшія крѣпости-лагери.

Крѣпости же, въ свою очередь, можно раздѣлить на *малыя* и на *большія*, т. е. на крѣпости, *допускающія полное обложеніе*, и на обширныя крѣпости современнаго характера, не допускающія полнаго обложенія. Изъ этого одного уже видно, въ какой мѣрѣ должно быть различно вліяніе тѣхъ и другихъ на ходъ военныхъ дѣйствій. Въ то время какъ осада первыхъ вообще не можетъ быть продолжительна, и инженеръ, въ большей части случаевъ, съ математическою почти точностью можетъ опредѣлить минуту ихъ паденія, осада вторыхъ, подобно Севастополю, можетъ длиться годы. Наконецъ, можетъ быть допущена еще одного рода классификація между крѣпостями, именно: раздѣленіе ихъ на *крѣпости исключительно военнаго характера и на укрѣпленные города*, хотя, повидимому, значеніе ихъ должно было бы быть одинаково. И дѣйствительно, въ извѣстныхъ случаяхъ оно можетъ быть одинаково; но, принимая во вниманіе *способность къ болѣе или менѣе продолжительной оборонѣ* (одно изъ весьма важныхъ условій масштаба), въ свою очередь зависящую отъ роли, принятой на себя населеніемъ укрѣпленнаго города, одно уже это обстоятельство полагаетъ между этими двумя родами крѣпостей существенное различіе, которое вполнѣ оправдываетъ подобную классификацію.

Итакъ классификація крѣпкихъ пунктовъ, которая должна быть допускаема въ наше время, *на основаніи существеннаго различія между ними, на основаніи того вліянія, которое онѣ обнаруживаютъ на военныя дѣйствія*, будетъ, согласно вышеизложенному, заключаться въ раздѣленіи ихъ на: 1) *укрѣпленныя позиціи*, 2) *укрѣпленные лагери* и 3) *собственно крѣпости*.

Послѣднія, сверхъ того, должны быть подраздѣлены: 1) на *малыя* и *большія*, и 2) на *крѣпости исключительно военнаго характера и укрѣпленные города*.

Допускавшіяся же понынѣ классификаціи крѣпостей, въ родѣ

---

[1]) 1813. Дрезденъ (сраженіе 14 и 15 августа).

вышеприведенной и нижеслѣдующей, *не основанныя на какомъ-либо существенномъ различіи между ними*, а только на одномъ произволѣ, не должны имѣть мѣста въ наукѣ.

Различали обыкновенно крѣпости 1-го, 2-го и 3-го разрядовъ. Къ 1-му причисляли крѣпости, имѣющія 12,000 гарнизона и по крайней мѣрѣ 12 фронтовъ (или же главный валъ которыхъ простирается до 6,000 шаговъ); ко 2-му разряду—крѣпости, имѣющія по крайней мѣрѣ 8 фронтовъ (протяженіе главнаго вала 4,000 шаговъ, гарнизонъ около 6,000), и къ 3-му—крѣпости о 6 фронтахъ, при протяженіи главнаго вала на 3,000 шаговъ и при гарнизонѣ въ 3,000.

Такихъ оттѣнковъ можно насчитать и гораздо болѣе, слѣдовательно и признать законность существованія безчисленнаго множества разрядовъ крѣпостей. Подобнаго рода классификаціи, *неоснованныя на особенно-важномъ существенномъ различіи между крѣпостями*, составляютъ только лишній баластъ въ наукѣ.

Въ приведенной нами выше параллели между отдѣльными укрѣпленными лагерями и тѣми, которые располагаются подъ стѣнами крѣпостей, казалось бы, что *мы отдаемъ предпочтеніе передъ первыми даже просто укрѣпленнымъ позиціямъ*. Съ перваго взгляда оно можетъ показаться несправедливымъ, основываясь на томъ, что укрѣпленный лагерь долженъ во всякомъ случаѣ представлять арміи большее обезпеченіе, чѣмъ просто укрѣпленная позиція. На дѣлѣ же оказывается не совсѣмъ такъ. *Когда армія прибѣгаетъ къ содѣйствію укрѣпленной позиціи?* Когда она не только не хочетъ избѣгнуть боя, а напротивъ того—ищетъ его и обращается къ укрѣпленіямъ только для увеличенія благопріятныхъ для себя шансовъ на время боя, который можетъ продолжаться день, много нѣсколько дней,—время, на которое снабженіе войскъ не должно входить въ разсчетъ. *Совершенно другое ожидается отъ укрѣпленнаго лагеря.* Армія ищетъ въ немъ убѣжища на продолжительное время, имѣя ближайшею цѣлію уклониться отъ боя. Очевидно, что цѣли этой можетъ удовлетворить только крѣпость, а не отдѣльный укрѣпленный лагерь, или же и отдѣльный укрѣпленный лагерь, но съ обезпеченными складами обширныхъ запасовъ, и въ такомъ случаѣ уже изъ укрѣпленнаго лагеря обращающійся въ крѣпость [1]).

---

[1]) Высказанный здѣсь взглядъ вполнѣ подтверждается *Гродненскимъ* укрѣпленнымъ лагеремъ (1706), *Пирнскимъ* (1756) и даже *Бунцельвицкимъ* (1761), потому что Фридрихъ въ 1761 году обязанъ своимъ спасеніемъ не столько лагерю, сколько ошибкамъ своихъ противниковъ.

§ 4.

Значеніе пограничныхъ крѣпостей до конца XVIII столѣтія. Объ укрѣпленіи столицъ. Вліяніе политическихъ условій на родъ и характеръ крѣпостей, въ различныя эпохи.

Въ заключеніе разбора вопроса о современномъ значеніи крѣпостей, полагаемъ не лишнимъ ближе объяснить: 1) почему до конца XVIII столѣтія отдавали такое предпочтеніе пограничнымъ крѣпостямъ, что онѣ даже вошли въ систему; 2) коснуться вопроса, возбужденнаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія, о необходимости непосредственнаго укрѣпленія столицъ, обращенія ихъ въ крѣпости, и 3) бѣгло прослѣдить то вліяніе, которое чисто-политическими условіями обнаружено было, въ наиболѣе замѣчательныя эпохи, на характеръ и родъ крѣпостей.

1) Причину тому, почему до конца XVIII столѣтія отдавали предпочтеніе пограничнымъ крѣпостямъ, и притомъ въ такой степени, что онѣ даже вошли какъ бы въ систему, надо искать отчасти въ господствовавшихъ тогда политическихъ условіяхъ, какъ вслѣдъ за симъ будетъ объяснено, и въ свойствахъ тогдашнихъ короткихъ операціонныхъ линій (при исключительномъ снабженіи армій на театрѣ военныхъ дѣйствій изъ магазиновъ) и тогдашнихъ театровъ военныхъ дѣйствій, которые обнимали большею частію только пограничныя области атакованнаго государства. При этомъ условіи, столицы, находившіяся обыкновенно въ центрѣ государства, могли считаться вполнѣ безопасными.

2) Когда же, съ конца XVIII столѣтія, со введеніемъ реквизиціоннаго способа, операціонныя линіи значительно измѣнились въ длинѣ, тогда, при длинныхъ операціонныхъ линіяхъ, столицы, хотя и значительно поданныя внутрь страны, перестали быть безопасными. Такимъ образомъ возникъ вопросъ о необходимости обезпеченія ихъ, вопросъ, на который было обращено особенное вниманіе, когда занятіе Парижа Союзниками въ 1814 году рѣшило участь войны. Стремясь къ рѣшенію этого вопроса, одни пришли къ центральнымъ крѣпостямъ, другіе же остановились на непосредственномъ укрѣпленіи столицъ. Конечно, обстоятельства могутъ такъ сложиться, что въ одномъ случаѣ вопросъ будетъ разрѣшенъ центральною крѣпостью на пути къ столицѣ, въ другомъ же потребуется непосредственное укрѣпленіе столицы,—послѣднее, во всякомъ случаѣ, рѣже, вслѣдствіе важныхъ неудобствъ, представляемыхъ этимъ способомъ обезпеченія. Они заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что непосредственное укрѣпленіе столицъ подвергнетъ ихъ гибельнымъ послѣдствіямъ осады и неминуемому разрушенію. Правда, что и въ этомъ случаѣ есть средства къ обезпеченію столицъ отъ бомбардированія, но, по значительному протяженію ихъ, это сопряжено было бы съ громадными издержками, значительно превышающими

издержки на укрѣпленіе какого бы то ни было другаго пункта. Во-вторыхъ, развитіе военныхъ сооруженій должно препятствовать торговому развитію города (негоціанты будутъ остерегаться открывать заведенія въ мѣстахъ, подверженныхъ случайностямъ осады). Съ другой стороны, если война стѣсняетъ торговлю, то, въ свою очередь, и торговля стѣсняетъ войну, такъ что вообще оборона большаго торговаго города, съ его обширнымъ населеніемъ, не только безполезнымъ для обороны, а въ большей части случаевъ даже враждебнымъ ея успѣху, представляетъ чрезвычайно трудную задачу.

Если, сверхъ приведенныхъ недостатковъ, принять во вниманіе, что изъ всѣхъ войнъ нынѣшняго столѣтія можно указать только на одинъ фактъ, когда занятіе столицы дѣйствительно рѣшило учать войны (Парижъ въ 1814 г.), то не трудно будетъ придти къ заключенію, что, принимая мѣры къ обезпеченію столицъ, слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, избѣгать обращенія ихъ въ крѣпости.

Вообще необходоимость непосредственнаго укрѣпленія столицъ, обращеніе ихъ въ крѣпость, объясняется не столько съ точки *военныхъ*, сколько съ точки *политическихъ* условій, именно: чѣмъ тѣснѣе связь между правительствомъ и народомъ, тѣмъ менѣе предстоитъ надобности въ подобной мѣрѣ, потому что, при этомъ условіи, значеніе столицы, какъ резидеціи правительства, неважно: куда оно перейдетъ, тамъ его и резиденція. Тамъ же, гдѣ связь эта не прочна, какъ, напримѣръ, во Франціи [1]), гдѣ народъ привыкъ къ частымъ перемѣнамъ правительства, гдѣ существующее правительство обыкновенно пользуется только временною популярностью,—тамъ потеря столицы, какъ резиденціи высшей власти, особенно важна, какъ для самаго правительства, которое лишается тѣмъ всякаго значенія въ глазахъ народа, такъ и для народа, который въ эту критическую для него минуту, самъ, такъ сказать, лишаетъ себя правительства и, такимъ образомъ, парализуетъ свои средства для дальнѣйшей борьбы. Въ подтвержденіе подобнаго взгляда мы укажемъ на то, что изъ всѣхъ Европейскихи столицъ только одинъ Парижъ, гдѣ именно преобладаютъ вышеприведенныя условія, и обращенъ въ крѣпость.

3) Политическія условія, при которыхъ совершалась жизнь народовъ въ различныя эпохи, тяготѣя надъ прочими условіями, не могли не отразиться на родѣ и характерѣ упрѣпленныхъ пунктовъ. Въ древнія времена, въ періодъ господствовавшей *децентрализаціи* въ политическомъ мірѣ (исключая Рима въ послѣдній періодъ существованія имперіи), крѣпости имѣютъ предпочтительно характеръ *укрѣпленныхъ городовъ*. Укрѣпленія, какъ извѣстно, состояли изъ камен-

¹) Во время обсужденія вопроса объ укрѣпленіи Парижа, нѣкоторые генералы, изъ политическихъ видовъ, старались доказать, что «отдѣльные форты должны быть расположены на такомъ разстояніи, чтобы правительство не могло ими воспользоваться для бомбардированія города». (Brialmont. I, 98. Etudes.... 1863).

ныхъ стѣнъ, фланкируемыхъ башнями, со рвомъ впереди. Само собою разумѣется, что не каждый городъ, не каждая деревня укрѣплялись, а только важнѣйшіе, такъ сказать, центральные, къ которымъ населеніе окрестныхъ, менѣе важныхъ, пунктовъ тяготѣло. «Крѣпости—говоритъ Рюстовъ—во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ были первымъ проявленіемъ военной культуры и военнаго устройства. Повсюду, гдѣ только собиралось общество, стремившееся, при посредствѣ торговли, положить основаніе цвѣтущему государству, путемъ ли завоованій, путемъ ли мирнымъ, оно тотчасъ же окружало пунктъ своего мѣстопребыванія *стѣнами*. Отсутствіе подобной мѣры принимается за событіе исключительное, выходящее изъ ряда (напримѣръ Спарта), на которое исторія считаетъ себя обязанною указать».

Въ средніе вѣка, когда децентрализація въ политическомъ мірѣ достигаетъ крайняго своего предѣла, не только каждый городъ, но и каждое мѣстечко укрѣпляется ради самого себя. Это былъ періодъ *укрѣпленныхъ городовъ*, *мѣстечекъ* и *замковъ*.

Упадокъ феодализма и постепенное возвышеніе монархической власти даютъ обратный ходъ дѣлу. Стремленіе къ *централизаціи*, къ соединенію въ одно цѣлое, въ обширное государство мелкихъ государствъ, жившихъ до этой минуты отдѣльною жизнію, дѣлается преобладающимъ. Такое измѣненіе въ политическомъ устройствѣ Европейскихъ государствъ отразилось и на измѣненіи въ родѣ и характерѣ крѣпостей. До этой минуты необходимы были *отдѣльныя крѣпости* для обезпеченія безопасности *отдѣльныхъ* городовъ; теперь же сдѣлалась необходима *цѣлая система укрѣпленныхъ пунктовъ*, для обезпеченія безопасности *государства*.

Какъ всегда и вездѣ, идея эта получаетъ первоначально грубое осуществленіе въ укрѣпленіи границъ государствъ *валами*, на подобіе Китайской стѣны (отъ моря до моря, отъ рѣки до рѣки, между двумя хребтами). Вскорѣ съ территоріяльнымъ развитіемъ государствъ, обширность протяженія границъ, а слѣдовательно и обширность работъ и издержекъ, и, наконецъ, самое главное, успѣхи военнаго искусства должны были обнаружить всю несостоятельность подобной системы укрѣпленій. Возникаетъ стремленіе къ пріобрѣтенію естественныхъ границъ (рѣки, горные хребты), т. е. такихъ, *которые допускали бы сосредоточеніе средствъ обороны къ извѣстнымъ пунктамъ*, на которыхъ и устраивались крѣпости, имѣвшія собственно значеніе замковъ — проходовъ. Это были уже не крѣпости городовъ, а крѣпости государства. Переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ совершался постепенно; только послѣ Тридцатилѣтней войны, т. е. въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, послѣдняя система беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ первою, что совпадаетъ со временемъ учрежденія постоянныхъ армій. Такимъ путемъ постепенно вырабатывалась *система пограничныхъ крѣпостей*, вполнѣ отвѣчавшая тогдашнимъ условіямъ: во-первыхъ потому, что, какъ выше было объяснено, арміи продовольствовались исключительно

изъ магазиновъ, отъ которыхъ онѣ не смѣли удаляться далѣе пяти переходовъ (пятипереходная система, главное основаніе тогдашней стратегіи), слѣдовательно операціонныя линіи были коротки; во-вторыхъ потому, что, при недостаткѣ путей сообщеній, даже въ открытыхъ мѣстахъ число пограничныхъ крѣпостей было не велико. Съ умноженіемъ путей сообщеній должно было увеличиться въ значительныхъ размѣрахъ число пограничныхъ крѣпостей, а съ измѣненіемъ системы снабженія войскъ удлиннились съ одной стороны операціонныя линіи, явилась необходимость отнести крѣпости ближе къ центру, а съ другой стороны—обширные города, эти естественные магазины нынѣшнихъ большихъ армій, получили особенно-важное значеніе. Все это имѣло ближайшимъ послѣдствіемъ паденіе пограничныхъ крѣпостей, въ смыслѣ системы, и возникновеніе нынѣшнихъ центральныхъ крѣпостей-лагерей *(Рюстовъ).*

§ 5.

Объ оборонительныхъ линіяхъ.

Теоретическій масштабъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при выборѣ и устройствѣ оборонительныхъ линій, т. е. *совокупность условій*, которымъ онѣ должны, по возможности, удовлетворять, указанъ былъ при разборѣ вопроса объ устройствѣ базы.

По мнѣнію Наполеона I, изъ всѣхъ преградъ, препятствующихъ движенію арміи, наиболѣе затрудненій представляютъ *пустыни*, затѣмъ *горы* [1]); широкимъ же *рѣкамъ* принадлежитъ только третье мѣсто. Подобная классификація совершенно вѣрна съ точки исключительно пассивной обороны. Съ точки же активной обороны придется признать лучшею изъ оборонительныхъ линій ту, которая, останавливая или, по крайней мѣрѣ, задерживая непріятеля, въ то же время не останавливаетъ насъ самихъ. Въ этомъ смыслѣ придется измѣнить нѣсколько Наполеоновскую классификацію и на первомъ планѣ поставить рѣки [2]), далѣе горные хребты, наконецъ уже пустыни.

[1]) Наполеонъ имѣлъ въ виду первоклассные хребты, потому что второклассные хребты, какъ, напримѣръ, Апеннины, далеко не представляютъ такой преграды, какъ широкія рѣки, въ родѣ Дуная.

[2]) Рѣки поставлены на первомъ планѣ собственно потому, что разъ какъ онѣ находятся въ нашей власти, переходъ черезъ нихъ не представляетъ никакихъ затрудненій, чего нельзя сказать о горныхъ хребтахъ. Да и оборона первыхъ легче, чѣмъ оборона послѣднихъ, потому что, какъ объяснено было выше, по недостатку въ горныхъ странахъ поперечныхъ путей, которыми обыкновенно чрезвычайно богаты долины рѣкъ, узлы дорогъ, могущіе служить центральными позиціями для расположенія резервовъ, обыкновенно значительно удалены въ глубь, — обстоятельство, неминуемо влекущее за собою несравненно большее раздѣленіе силъ, чѣмъ при оборонѣ рѣки.

Оборонительныя линіи употребляемы были въ самой глубой древности. Къ нимъ прибѣгали даже дикіе народы, желая остановить вторженіе непріятеля въ свою страну. Особенно часто употреблялись онѣ Греками и Римлянами, преимущественно въ послѣднее время существованія Западной Римской имперіи и въ теченіе всего періода существованія Восточной. Онѣ устраивались на значительномъ протяженіи, чтобы остановить безпрестанные набѣги Славянскихъ и Германскихъ народовъ. Въ средніе вѣка, оборонительныя линіи играли также весьма важную роль; но потомъ, мало по малу, онѣ начинаютъ выходить изъ употребленія и пріобрѣли снова большую важность только въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія. Причина возобновленія ихъ заключалась въ слѣдующемъ. При нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ, наступившихъ послѣ Тридцатилѣтней войны, обѣ арміи, желая обезопасить себя отъ нападенія противника, стали занимать крѣпкія позиціи, и затѣмъ, чтобы не позволить непріятелю обходить эти позиціи и угрожать сообщеніямъ, имѣвшимъ въ то время особенную важность, начали соединять занятыя позиціи цѣпью естественныхъ и искусственныхъ препятствій, стараясь преимущественно располагаться за хребтами горъ, за большими рѣками, за болотами и проч., соединенными засѣками и полевыми укрѣпленіями. Вотъ какимъ путемъ образовались пріобрѣвшія впослѣдствіи извѣстность линіи Штольгофенскія (1703 и 1707 годовъ), Брабантскія (1705 года), Дененскія, Вейсенбургскія (1712 г.), Шварцвальдскія и Этлингенскія (1734 г.). Для обороны этихъ линій цѣлыя арміи растягивались за ними, по всему ихъ протяженію.

Подобнаго рода оборонительныя линіи представляютъ, безспорно, худшее средство къ оборонѣ края. Не смотря, однако, на очевидную ихъ слабость (достаточно прорвать въ одномъ пунктѣ, чтобы парализировать окончательно ихъ силу), ихъ *считали*, въ то время, весьма сильными преградами, дотого сильными, что, какъ подтверждаетъ военная исторія, рѣдко кто рѣшался атаковать ихъ. Причину столь страннаго явленія надо искать, конечно, не въ силѣ ихъ, которой онѣ вовсе не имѣли, хотя, по тогдашнему состоянію тактики, не рѣшившей еще вопроса о сосредоточеніи огня и ударовъ, въ кратчайшее время, на *одинъ* какой либо пунктъ, а рекомендовавшей атаки параллельныя, равносильныя по всему фронту, онѣ далеко не были такъ слабы, какъ должны казаться въ наше время, при нынѣшнемъ состояніи тактики. Чѣмъ же, послѣ этого, объяснить причину непонятнаго страха и уваженія, которые слабыя линіи, въ большей части случаевъ, внушали наступающему (лучшіе генералы не подчинялись этому предразудку, а смѣло атаковывали и, конечно, прорывали линіи, какъ сдѣлалъ Вилларъ подъ Дененомъ въ 1712 г.)? Не иначе какъ ложнымъ предубѣжденіемъ.

Подобнаго рода странныя явленія — *что понятіе о достоинствѣ какого либо средства устанавливается не на здравой оцѣнкѣ внутренняго содержанія его, а по разъ сложившемуся на него взгляду большинства, хотя бы и весьма неправильному* — повторялись не разъ.

Этимъ путемъ образовалось понятіе о мнимой силѣ оборонительныхъ линій въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія. Имъ же создалось преувеличенное понятіе о выгодахъ, для обороны края, *разбрасыванія силъ*, выразившееся въ такъ называемой *кордонной системѣ*, бывшей въ большомъ употребленіи въ концѣ XVIII столѣтія и едва ли не создавшейся подъ вліяніемъ того же страннаго взгляда, который, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, существовалъ въ западной Европѣ на значеніе оборонительныхъ линій [1]). И дѣйствительно, разъ какъ принято было считать подобныя линіи за неодолимыя преграды, весьма естественно должно было явиться желаніе, какъ бы ихъ имѣть въ большемъ числѣ и по возможности всюду. Выполненіе этой цѣли сопряжено было бы съ значительною потерею времени, труда и издержекъ. Для осуществленія ея представлялась, такимъ образомъ, въ видѣ простѣйшаго средства, попытка замѣнить земляные валы живыми стѣнами, попытка, приведшая къ кордонной системѣ, въ первый разъ употребленной Австрійцами въ войнѣ противъ Турокъ (фельдмаршалъ Ласси въ 1788 г.) и перенятой у нихъ прочими европейскими арміями въ началѣ революціонныхъ войнъ. Злоупотребленіе столь нелѣпой системы, въ этотъ періодъ, дошло до того, что обѣ стороны растягиваютъ свои силы длиннымъ кордономъ, поперекъ Европы, отъ Нѣмецкаго до Средиземнаго моря, даже Французы, продовольствовавшіе свою армію средствами края, слѣдовательно менѣе зависѣвшіе отъ своихъ сообщеній. «Это служитъ — какъ весьма справедливо замѣчаетъ баронъ Медемъ—явнымъ доказательствомъ, какъ глубоко можетъ укорениться мысль однажды общепринятая. Она долго еще останется въ полной силѣ, хотя бы обстоятельства, породившія ее, совершенно измѣнились».

Около половины XVIII столѣтія слѣпая вѣра въ неодолимую силу подобныхъ линій начинаетъ исчезать; по крайней мѣрѣ, мнѣніе о пользѣ ихъ раздѣляется. Въ то время когда одни, попрежнему, продолжаютъ ихъ считать необходимымъ средствомъ къ усиленію

---

[1]) Хотя и Петръ Великій обращался иногда къ подобнымъ оборонительнымъ линіямъ (линія, устроенная имъ въ 1705 г. отъ Пскова чрезъ Смоленскъ до Брянска), но онъ не впалъ въ ошибку западныхъ генераловъ, не раздроблялъ за ними своихъ силъ, не видѣлъ въ нихъ дѣйствительнаго средства къ тому, чтобы остановить ими вторженіе непріятельской *арміи*, а смотрѣлъ на нихъ только какъ на вспомогательное средство противъ набѣговъ непріятельскихъ вооруженныхъ *партій*. Оборона ихъ возлагалась имъ на населеніе края, отнюдь не на армію нашу, которая, напримѣръ, передъ походомъ Карла XII въ Россію въ 1708 г., въ ожиданіи его вторженія, по неизвѣстности того направленія, которое имъ будетъ принято при наступленіи) 1) чрезъ Псковъ и Новгородъ къ Москвѣ, 2) чрезъ Смоленскъ къ Москвѣ или 3) чрезъ Украйну туда же), расположена была въ центральной позиціи между Чашниками и Уллою; кавалерія въ Череѣ. Для защиты переправы чрезъ Березину размѣщены были, вдоль ея, отряды калмыковъ и казаковъ; въ Борисовѣ расположенъ былъ сильный отрядъ генерала Гольца....

обороны края, другіе чуть ли не отвергаютъ ихъ вовсе (причина, почему Ллойдъ, писавшій свое сочиненіе подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ XVIII столѣтіи въ западной Европѣ, мало распространяется объ оборонительныхъ линіяхъ), что, конечно, опять крайность. Совершенное отрицаніе ихъ пользы настолько же ошибочно, какъ безусловное поклоненіе мнимой ихъ силѣ. Никто не полагаетъ теперь, чтобы подобныя линіи могли остановить рѣшительнаго непріятеля, наступающаго въ превосходныхъ силахъ. Доказательствомъ тому могутъ служить дѣйствія Наполеона I, котораго не могли остановить лучшія изъ оборонительныхъ линій, широкія и быстрыя рѣки, какъ, напримѣръ, Дунай въ 1805 и 1809 годахъ. Но *если онѣ не могутъ остановить* (хотя и встрѣчаются примѣры противнаго, что объясняется или недостаткомъ рѣшительности въ наступающемъ, слабостью нравственной силы въ его арміи, или, чаще всего, ошибочнымъ употребленіемъ живой силы. Парадизо и Кассано въ 1705 г., и Ааръ въ 1799 г.), *то могутъ задержать на болѣе или менѣе продолжительное время наступающаго.* Въ этомъ уже заключается весьма важная выгода для обороняющагося, для котораго, въ большей части случаевъ, *выигрышъ во времени равносиленъ съ выигрышемъ дѣла* (Барклай-де-Толли въ 1812 г.; Радецкій въ 1848 г.; Фабій, передавая Павлу-Эмилію начальство, за нѣсколько дней передъ сраженіемъ при Каннахъ, совѣтовалъ ему «повременить, потому что вступать въ бой значило, по его мнѣнію, дать Кареагенянамъ, въ случаѣ если успѣхъ будетъ на ихъ сторонѣ, силу, которой они не имѣютъ»).

На сколько времени различныя оборонительныя линіи могутъ задержать обороняющагося?—вопросъ этотъ не можетъ быть безусловно рѣшенъ разъ навсегда; рѣшеніе его будетъ измѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ, въ зависимости отъ нравственныхъ качествъ полководцевъ и ихъ живой силы, отъ того, какъ она будетъ употреблена, и отъ той степени матеріальной силы, которая будетъ заключаться въ самой преградѣ, обусловливаемой въ свою очередь:

а) *Протяженіемъ оборонительной линіи*;—необходимо, чтобы оно было соразмѣрно съ числомъ войскъ, назначеннымъ для ея обороны; въ противномъ случаѣ оборона ея не можетъ быть сильна вслѣдствіе раздробленія силъ («кто раздробляетъ свои силы, тотъ — по словамъ Фридриха Великаго—позволяетъ себя бить по частямъ». Примѣръ крайней слабости обороны, вслѣдствіе раздробленія силъ: оборона Минчіо Австрійцами въ 1796 году).

б) Достаточнымъ *обезпеченіемъ фланговъ*. Въ противномъ случаѣ непріятелю легко будетъ обойти подобную преграду, что, впрочемъ, въ случаѣ рѣшительныхъ и искусныхъ дѣйствій наступающаго, возможно даже и при достаточно сильномъ обезпеченіи фланговъ (движеніе генерала Бонапарте въ 1796 году отъ Валенцы къ Піаченцѣ, въ обходъ оборонительныхъ позицій, представляемыхъ Австрійцамъ притоками лѣваго берега рѣки По).

в) *Свойствами самой преграды,* насколько она сама по себѣ можетъ затруднить переходъ чрезъ нее непріятелю.

г) *Усилена ли она укрѣпленіями, или нѣтъ*—обстоятельство весьма важное относительно мѣры, задерживающей силу, обладаемой преградами.

Перейдемъ къ разбору именно этого вопроса: *въ какой мѣрѣ должно увеличиться значеніе естественныхъ оборонительныхъ линій отъ усиленія ихъ укрѣпленіями?* Обратимся къ рѣкамъ.

1) *Пассивная оборона рѣки* [1]). Оборона рѣки, незащищенной укрѣпленіями, есть дѣло въ высшей степени трудное и возможное только на весьма короткихъ разстояніяхъ, на протяженіи не свыше двухъ переходовъ (инструкція Фридриха Великаго). Военная исторія не представляетъ почти вовсе примѣровъ, гдѣ бы рѣка, хотя даже значительная, какъ Рейнъ и Дунай, защищаемая большими силами, остановила наступающаго (исключеній всего три: оборона рѣки Адды Вандомомъ въ 1705 году при Парадизо и Кассано; оборона Дуная эрцгерцогомъ Карломъ близъ Вѣны въ 1809 году—Аспернское сраженіе и оборона Французами рѣки Ааръ въ 1799 году; но и тутъ дѣло объясняется ошибками, сдѣланными наступающимъ: незанятіемъ противоположнаго берега Адды и Аара и выборомъ неудобнаго времени для переправы—Аспернъ).

2) *Активная оборона рѣки.* Совершенно въ другомъ видѣ представляется вопросъ объ оборонѣ рѣкъ, если обороняющійся будетъ располагать крѣпостями или мостовыми прикрытіями, обезпечивающими переправы чрезъ нихъ.

«Рѣки—говоритъ генералъ Ронья—суть лучшія оборонительныя линіи, представляемыя природою для прикрытія армій; но онѣ, въ этомъ отношеніи, доставляютъ одинаковыя удобства обѣимъ сторонамъ. Служа преградою атакамъ непріятеля, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, останавливаютъ и наше наступленіе и, прикрывая наши движенія, прикрываютъ также и непріятельскія. Остается одно средство къ нарушенію этого равновѣсія въ нашу пользу: оно заключается въ обезпеченіи сообщеній нашихъ съ противоположнымъ берегомъ помощію мостовъ, прикрытыхъ и защищаемыхъ укрѣпленіями. Тогда рѣка, насъ защищающая, перестаетъ прикрывать противника: она не препятствуетъ намъ двинуться впередъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, останавливаетъ наступленіе непріятеля. Будучи вполнѣ обезпечены за подобною естественною преградою, мы только выжидаемъ удобнаго случая, чтобы, пользуясь нашими укрѣпленіями, двинуться впередъ».

Вообще, обезпеченіе переправъ мостовыми укрѣпленіями доставляетъ слѣдующія выгоды: 1) облегчаетъ наблюденіе за непріятелемъ на противоположномъ берегу рѣки, что весьма важно: этимъ уничтожается одно изъ главныхъ затрудненій пассивной обороны (вообще облегчается своевременное сосредоточеніе войскъ къ пунк-

[1]) Когда всѣ средства къ оборонѣ сосредоточены на одномъ берегу.

ту, избранному непріятелемъ для переправы, и затрудняется ему производство демонстрацій); 2) облегчаетъ отступленіе нашихъ войскъ, въ случаѣ неудачи; 3) способствуетъ быстрому перенесенію наступательныхъ дѣйствій на противоположный берегъ (рѣка Иннъ для Австрійцевъ въ 1800 году), т. е., другими словами, *обращаетъ пассивную оборону въ активную, что одно уже удесятеритъ ея силу.*

По мнѣнію Наполеона, это и есть единственно-возможный способъ обороны рѣки. «*Оборона рѣки*—говоритъ онъ—*возможна только тогда, когда мы владѣемъ берегами ея....*» [1]).

Расположеніе мостовыхъ укрѣпленій, бо̀льшій или меньшій размѣръ ихъ зависятъ отъ ихъ назначенія. Система мостовыхъ укрѣпленій, предложенная Ронья, отличается особенною простотою, удобопримѣнимостью и не требуетъ значительнаго числа войскъ (около 2,000 для каждаго тетъ-де-пона). При соблюденіи всѣхъ условій, предложенныхъ Ронья, онъ считаетъ нападеніе открытою силой на подобнаго рода мостовыя укрѣпленія невозможнымъ, и полагаетъ, что непріятелю придется вести правильную осаду, черезъ что выиграется достаточно времени для сосредоточенія къ угрожаемому пункту остальной части арміи. Очевидно, что, при этихъ условіяхъ, можетъ быть обороняемо бо̀льшее протяженіе рѣки, чѣмъ при пассивной оборонѣ. Если же вмѣсто мостовыхъ укрѣпленій, все-таки наскоро построенныхъ, мы представимъ себѣ крѣпости, занятыя сильными гарнизонами, то раіонъ обороны еще болѣе распространится (Эльба въ 1813 году была обороняема Французами на протяженіи 500 верстъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ).

Изъ предъидущаго очевидно, насколько выигрываетъ оборона естественныхъ преградъ отъ усиленія ихъ укрѣпленіями; *при содѣйствіи ихъ она дѣлается возможною на сотни верстъ, а безъ нихъ она едва возможна на разстояніи какихъ-нибудь двухъ переходовъ* [2]).

Подтвердимъ изложенное нами примѣромъ. Разберемъ выгоды, доставленныя Австрійцамъ *оборонительною линіею по Инну въ 1800 г.*

Въ ноябрѣ 1800 г. Австрійская армія расположена была за рѣкою Инномъ, имѣя четыре переправы, обезпеченныя тетъ-де-понами: у Браунау, Мюльдорфа, Вассербурга и Розенгейма. Числительная сила Австрійцевъ простиралась до 80,000 [3]); изъ числа ихъ 20,000 занимали тетъ-де-поны. У Моро приблизительно столько же. Французы были расположены между Инномъ и Изеромъ.

Выгоды, доставленныя Австрійцамъ оборонительною линіею по Инну, заключались въ слѣдующемъ:

---

[1]) См. Приложеніе VII.

[2]) Здѣсь только разсмотрѣно значеніе *рѣкъ* какъ оборонительныхъ линій. Значеніе, въ томъ же смыслѣ, *горъ* и *степей* будетъ разобрано во II-й части (См. Горную и Степную войну).

[3]) Не считая Кленау у Регенсбурга и Гиллера въ Тиролѣ.

1) Благодаря этой линіи, Моро принужденъ былъ пріостановить наступленіе: онъ не посмѣлъ атаковать ее,—тотъ самый Моро, который за нѣсколько времени передъ тѣмъ, въ ту же кампанію, начинаетъ ее съ переправы черезъ Рейнъ, далѣе шутя переправляется черезъ Дунай у Гремхейма и Блиндхейма (одного часа ему достаточно было, чтобы возстановить разрушенные Австрійцами мосты). Не отваживаясь атаковать Австрійцевъ за Инномъ, онъ разсчитывалъ посредствомъ демонстрацій выманить ихъ въ дефиле Эберебургскаго лѣса, гдѣ, съ большею вѣроятностью на успѣхъ, предполагалъ разбить ихъ (на подобнаго рода мѣстности многочисленная Австрійская кавалерія была бы парализована).

Австрійцы, во время всей кампаніи, остававшіеся въ строго-оборонительномъ положеніи, рѣшились, пользуясь выгодами своего положенія (линіею по Инну), перейти къ наступленію и притомъ къ наступленію въ высшей степени смѣлому и растянутому, которое только въ этомъ случаѣ и могло быть оправдано. Не имѣй они превосходной позиціи на Иннѣ, подобное наступленіе было бы чистымъ безразсудствомъ.

Это требуетъ нѣкотораго поясненія. Разберемъ сначала самый планъ и затѣмъ укажемъ на то значеніе, которое, въ исполненіи его, принадлежало р. Инну.

Эрцгерцогъ Іоаннъ имѣлъ въ виду, оставя часть войскъ (около 20,000) для охраненія линіи по Инну, съ остальными двинуться на сообщенія Моро, угрожая его лѣвому флангу и тылу. Для этого Кленау долженъ былъ наступать со стороны Регенсбурга, въ то время какъ главная масса войскъ, перейдя черезъ Иннъ у Мюльдорфа и Браунау, подаваясь впередъ уступами съ праваго фланга, должна была наступать между Эрдингомъ и Ландсгутомъ, по достиженіи котораго ей предписывалось перемѣнить фронтъ и идти на Дахау, на сообщенія Моро.

Таковъ былъ планъ эрцгерцога. Въ чемъ же заключалась смѣлость этого соображенія?—1) Въ открытіи своихъ сообщеній и 2) въ слишкомъ большой кружности и растянутости движенія по мѣстности частію болотистой, частію лѣсистой, перерѣзанной оврагами, и притомъ въ осеннюю распутицу. При такихъ условіяхъ, конечно, это движеніе на исполненіе свое требовало много времени, пользуясь которымъ Моро могъ завладѣть сообщеніями непріятеля. Какое значеніе въ исполненіи этого плана имѣла оборонительная линія по Инну? То, что безъ нея подобный планъ былъ бы лишенъ всякаго смысла. Владѣя же ею, Австрійцы вовсе не рисковали своими сообщеніями, и даже если допустить, что Моро рѣшился бы броситься на ихъ сообщенія, то линія по Инну, съ четырьмя тетъ-де-понами, занятыми 20,000, всегда успѣла бы его задержать настолько, что главная цѣль движенія къ Дахау была бы раньше достигнута Австрійцами.

Приведенный нами фактъ достаточно показываетъ, насколько должно увеличиться значеніе естественныхъ оборонительныхъ линій отъ усиленія ихъ укрѣпленіями.

На все это, однако, можно возразить, что Австрійцы, во время своего наступательнаго движенія, были наголову разбиты въ Гогенлиндскомъ лѣсу. Въ этомъ пораженіи вина не можетъ быть отнесена на долю Иннской линіи, а главная причина неудачи Австрійцевъ заключалась въ безпеченности: въ неимѣніи вѣрныхъ свѣдѣній о расположеніи непріятеля, котораго они предполагали въ полномъ отступленіи, въ то время какъ онъ стоялъ въ совершенной готовности къ бою, на площадкѣ внутри Гогенлиндскаго лѣса, черезъ который должны были проходить Австрійцы. Предполагая лѣсъ незанятымъ непріятелемъ, Австрійцы совершенно не обезпечили марша, не выслали даже авангарда и, мало того, площадку внутри лѣса, занятую непріятелемъ, назначили сборнымъ пунктомъ для своихъ колоннъ. Понятно, что, при такомъ условіи, каждая колонна подвергалась опасности быть отдѣльно разбитой, что дѣйствительно и случилось.

Общее заключеніе наше о значеніи оборонительныхъ линій будетъ состоять въ томъ: 1) что онѣ представляютъ превосходное средство къ задержанію на время наступающаго; насколько же именно премени,—это будетъ зависѣть отъ нравственныхъ качествъ полководцевъ и ихъ армій, и отъ того, какъ послѣднія были употреблены [1]), равно и отъ степени матеріальной силы, заключающейся въ самой преградѣ; 2) что изъ естественныхъ оборонительныхъ линій, какъ выше было замѣчено, полное предпочтеніе должно быть отдано рѣкамъ, по большему удобству оборонять ихъ, сравнительно, напримѣръ, хотя съ горными хребтами, въ которыхъ, по недостатку поперечныхъ путей, узлы дорогъ, могущіе служить центральными позиціями для расположенія резервовъ, обыкновенно значительно удалены отъ самыхъ хребтовъ,—обстоятельство, неминуемо влекущее за собою несравненно большее раздѣленіе силъ, чѣмъ при оборонѣ рѣкъ, и 3) что самое дѣйствительное средство въ рукахъ обороняющагося къ усиленію значенія рѣкъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій встрѣчающихся, заключается въ занятіи *обоихъ* береговъ ихъ и въ обезпеченіи переправъ черезъ нихъ тетъ-де-понами, однимъ словомъ—въ возможно полномъ внесеніи въ оборону активнаго начала, помня совѣтъ Наполеона: что *«рѣку можно оборонять только владѣя обоими ея берегами и сохраняя, такимъ образомъ, ежеминутную возможность къ перенесенію военныхъ дѣйствій, въ обширныхъ размѣрахъ, съ одного берега ея на другой»* [2]).

---

[1]) Рѣка Иннъ въ 1800 г. останавливаетъ наступленіе почти 100-тысячной арміи Моро, а въ 1809 г. едва на 24 часа задерживаетъ Наполеона.

[2]) См. *Приложеніе* VIII и IX.

§ 6.

О значеніи желѣзныхъ дорогъ.

Подготовка театра военныхъ дѣствій должна быть понимаема не только въ смыслѣ обезпеченія обладанія наиболѣе важными пуктами и линіями театра военныхъ дѣйствій: крѣпостями, вообще укрѣпленіями и оборонительными линіями, но и въ смыслѣ заготовки средствъ къ скорѣйшему сосредоточенью войскъ, запасовъ и проч. къ тому или другому пункту театра военныхъ дѣйствій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно важное значеніе принадлежитъ дорогамъ вообще и *желѣзнымъ дорогамъ* преимущественно. О значеніи и пользѣ ихъ въ наступательной войнѣ было отчасти упомянуто выше. *Еще большую пользу приносятъ онѣ въ войнѣ оборонительной*: во первыхъ потому. что обороняющійся дѣйствуетъ въ своей странѣ, слѣдовательно его желѣзныя дороги, прикрытыя расположеніемъ его арміи и охраняемыя населеніемъ преданнымъ, менѣе подвергаются случайностямъ порчи (все это обезпечиваетъ за нимъ возможность пользоваться ими безпрерывно, что рѣдко по крайней мѣрѣ выпадаетъ на долю наступающаго), и во-вторыхъ потому, что, способствуя къ скорѣйшему сосредоточенію запасовъ и войскъ къ данному пункту, онѣ много облегчаютъ крайне трудное положеніе обороняющагося: охранять значительное протяженіе, т. е. разбрасывать свои силы и быть, въ тоже время, въ полной готовности, когда намѣреніе непріятеля обозначится, своевременно стянуть ихъ къ требуемому пункту.

Положимъ, что армія въ 120,000 должна оборонять протяженіе границы въ 700 верстъ. Чтобы безъ содѣйствія желѣзныхъ дорогъ стянуть войска къ центральному пункту (полагая по 25 верстъ въ день), потребуется 14 дней. Въ случаѣ если параллельно границѣ будетъ находиться желѣзная дорога, и если допустить, что о сосредоточеніи силъ непріятеля противъ центральнаго пункта, положимъ 100,000, обороняющійся будетъ извѣщенъ за три дня, то войска, первоначально расположенныя на угрожаемомъ пунктѣ (20,000), при содѣйствіи желѣзной дороги, могутъ быть усилены, справа и слѣва, по истеченіи первыхъ сутокъ до 40,000—50,000, по истеченіи вторыхъ до 70,000, а въ теченіе третьихъ до 90,000—100,000 [1]) (т. е. въ пять разъ скорѣе).

Въ какой степени отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, въ особенности

[1]) Можно приблизительно принять за масштабъ, какъ это и было указано при разборѣ значенія желѣзныхъ дорогъ въ наступательной войнѣ, что желѣзная дорога, имѣющая приблизительно 350 верстъ протяженія, располагаетъ перевозочными средствами, достаточными для перевозки дивизіи съ обозомъ на разстояніи 350 верстъ въ однѣ сутки, и операцію эту въ состояніи повторить въ теченіе нѣсколькихъ дней безъ перерыва (т. е. можетъ поставить въ распоряженіе войскъ отъ 20 до 25 локомотивовъ и 600, приблизительно, вагоновъ).

при оборонѣ значительнаго протяженія линій, вредитъ успѣху обороны, лучшимъ подтверженіемъ можетъ служить положеніе, въ которомъ находились мы въ Крымскую кампанію, хотя бы при оборонѣ Прибалтійскаго края (Остзейскихъ губерній). Поставленные въ необходимость охранять наши западную и южную границы, начиная отъ Торнео до Баязета, на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, мы очевидно должны были оказаться слабыми повсюду и, по отсутствію желѣзныхъ дорогъ, лишены были возможности своевременно сосредоточивать наши силы къ угрожаемому пункту. Такимъ образомъ, Рига и Ревель заняты были слабыми отрядами (каждый приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ дивизіи пѣхоты и 1 дивизіи кавалеріи). Въ случаѣ серіознаго покушенія непріятеля высадки въ значительныхъ силахъ, отряды эти не могли бы оказать ему упорнаго сопротивленія. На своевременную поддержку ихъ другими войсками (резервомъ служило до 100,000 войскъ, собранныхъ подъ Петербургомъ) разсчитывать нельзя было, хотя, въ видахъ ускоренія движенія резервовъ, устроены были перевозочные парки, доставившіе возможность ускорить движеніе резервовъ до 50 верстъ въ день, безъ особеннаго напряженія со стороны войскъ; но все это далеко не уравновѣшивало нашего положенія съ положеніемъ противника, владѣвшаго моремъ и сильнымъ паровымъ флотомъ и находившагося вдобавакъ, по отношенію къ намъ, въ центральномъ положеніи. Ему достаточно было 18—20 часовъ, чтобы изъ-подъ Кронштадта явиться подъ Ревелемъ и около 30 часовъ для достиженія Риги, въ то время какъ нашимъ резервамъ (только головнымъ эшелонамъ), при содѣйствіи перевозочныхъ парковъ, необходимо было 7 дней, чтобы прибыть къ Ревелю, и 10 дней, чтобы дойти до Риги. Варшавско-Петербургская желѣзная дорога, съ вѣтвью отъ Динабурга на Ригу, въ значительныхъ размѣрахъ должна облегчить намъ, въ случаѣ войны, разрѣшеніе вышеприведеннаго вопроса.

Вообще отличительныя *свойства* желѣзныхъ дорогъ заключаются въ значительномъ ускореніи движенія войскъ и запасовъ и въ сбереженіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ отношеніи ускоренія движенія войскъ можно принять, что, какъ выше было объяснено, при обыкновенныхъ условіяхъ, этимъ путемъ движеніе ускоряется приблизительно въ 3 раза, а въ отношеніи движенія тяжестей ускоряется въ 15 разъ, сравнительно со скоростью перевозки по обыкновеннымъ дорогамъ, и въ 5 разъ противъ перевозки водою (само собою разумѣется, что эти цифры имѣютъ только значеніе нормъ).

Если остановиться на предположеніи, что, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, движеніе войскъ ускоряется только въ 3 раза противъ прежняго (т. е. одна прежняя недѣля = 2-мъ нынѣшнимъ днямъ), то само по себѣ ясно, насколько отъ одного этого должна выиграть *внезапность* — самый дѣйствительный изъ способовъ подготовки успѣха военныхъ операцій. Въ 1805 году Наполеону необходимо было держать свои намѣренія въ тайнѣ съ 26-го августа (день выступленія войскъ изъ Булонскаго лагеря) до 7-го октября (день

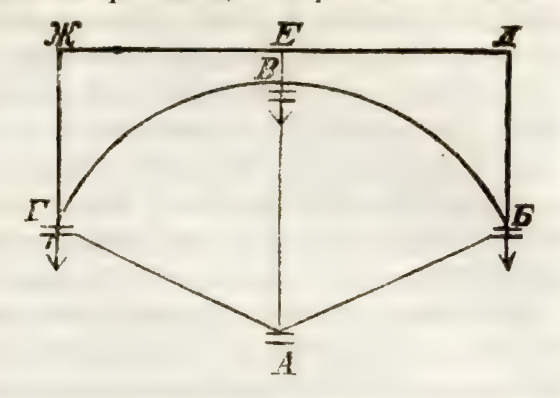
захвата сообщеній Макка съ Вѣною), т. е. въ теченіе 42 дней, а теперь, при нынѣшнихъ средствахъ, на это пришлось бы употребить 9 дней, можетъ быть даже и менѣе, если предположить, что и пространство отъ Рейна до Дуная могло бы быть пройдено войсками тоже при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ. Если Наполеонъ и прежде говорилъ, что *время на войнѣ цѣнится секундами*, то что же скажемъ мы теперь?

Примѣненіе вышеприведеннаго свойства желѣзныхъ дорогъ, значительнаго усиленія быстроты, къ военнымъ цѣлямъ, какъ и примѣненіе всякаго средства, вообще уходитъ въ безконечность. Всѣхъ случаевъ перебрать нельзя; остановимся лишь на нѣкоторыхъ. Здѣсь намъ придется нѣсколько отступить отъ способа изложенія, котораго мы преимущественно держались до сихъ поръ (дѣятель новый, фактовъ пока еще мало), и изъ сферы дѣйствительности, фактовъ, перейти въ сферу предположеній, гипотезъ.

Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ: 1) *къ ускоренію сосредоточенія войскъ* (объ этомъ было упомянуто по поводу марша Французскихъ войскъ въ 1805 году; 2) *къ атакѣ и оборонѣ крѣпостей.* Вслѣдствіе возможности болѣе скорой доставки осаднаго и инженернаго парковъ, должна ослабиться сила сопротивленія крѣпостей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отчасти ихъ значеніе, допуская даже, что относительно своевременнаго сосредоточенія войскъ къ осажденной крѣпости шансы для обѣихъ сторонъ будутъ одинаковы. Предположимъ, что осадный паркъ изъ 100 орудій долженъ быть доставленъ къ крѣпости на разстояніи 500 верстъ. Прежде, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, на это нужно было около *одного мѣсяца*, а теперь достаточно *одного дня* (вѣсъ означеннаго парка 85,000 пудовъ; поѣздъ можетъ поднять 8,500 пудовъ; 10 поѣздовъ можно отправить въ одинъ день; 20 верстъ въ одинъ часъ; въ сутки 480 верстъ), такъ что въ этомъ случаѣ скорость доставки, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, должна увеличиться до 30 разъ противъ прежняго. (Означенные 30 дней, конечно, придется скинуть съ того времени, въ теченіе котораго крѣпость могла бы задержать непріятеля; 3) *къ атакѣ и оборонѣ оборонительныхъ линій.* Принимая во вниманіе значительное ускореніе доставки матеріаловъ для устройства переправъ (Пруссаки у Ризы въ 1866 году), въ отношеніи силы сопротивленія рѣкъ, наиболѣе выгодныхъ изъ оборонительныхъ линій, можно придти къ тому же заключенію, какъ и въ отношеніи силы сопротивленія крѣпостей, т. е. что и она должна уменьшиться на извѣстный процентъ...

Приведенныхъ указаній слишкомъ достаточно, чтобы показать, насколько велико должно быть вліяніе этого новаго дѣятеля на военныя операціи. Само собою разумѣется, что оно этимъ не ограничится. Независимо отъ ускоренія доставки войскъ и запасовъ, ослабленія на извѣстный процентъ силы сопротивленія крѣпостей, оборонительныхъ линій и проч. подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, напримѣръ, *внутреннія операціонныя линіи должны во многомъ утра-*

тить свое прежнее значеніе. Опасеніе о томъ было бѣгло высказано генераломъ Жомини въ одной изъ послѣднихъ его брошюръ. И дѣйствительно: предположимъ, что обороняющійся расположенъ въ центрѣ круга, въ *А*; силы наступающаго находятся на окружности въ трехъ пунктахъ: *Б*, *В* и *Г*. Далѣе положимъ, что въ распоряженіи наступающаго находятся пути *ДЖ*, *ДБ*, *ЕВ* и *ЖГ*, всѣ желѣзные, и что пункты *Б*, *В* и *Г* соединены съ пунктомъ *А*, мѣстомъ расположенія обороняющагося, также желѣзными дорогами. Въ предъидущихъ нашихъ изслѣдованіяхъ о желѣзныхъ дорогахъ мы приняли за основаніе. что *для военныхъ цѣлей можно пользоваться только тѣми желѣзными дорогами, которыя прикрыты расположеніемъ нашихъ войскъ.* Примѣняя этотъ взглядъ къ данному случаю. не трудно придти къ заключенію. что сторона, дѣйствующая по наружнымъ операціоннымъ линіямъ, съ полною безопасностью можетъ пользоваться желѣзными дорогами, въ видахъ ускоренія сосредоточенія своихъ силъ и средствъ къ угрожаемому пункту, между тѣмъ какъ противная сторона, для нападенія на тотъ или другой изъ отдѣльно-расположенныхъ отрядовъ непріятеля, лишена возможности воспользоваться желѣзными дорогами.



Выше. разбирая тотъ же вопросъ о значеніи желѣзныхъ дорогъ (см. о коммуникаціонныхъ линіяхъ) и основываясь на томъ. что на войнѣ можно пользоваться только тѣми желѣзными дорогами, которыя прикрыты расположеніемъ нашихъ войскъ, мы пришли къ выводу, что *онѣ могутъ служить развѣ только въ качествѣ коммуникаціонныхъ линій, но не въ смыслѣ операціонныхъ.* И дѣйствительно, выводъ этотъ справедливъ въ большинствѣ случаевъ: но онъ не безусловно справедливъ: сколько намъ кажется, въ одномъ только случаѣ, именно *при фланговыхъ маршахъ* (для болѣе удаленныхъ отъ непріятеля частей), *желѣзныя дороги могутъ служить и операціонными линіями.*

Подобное употребленіе желѣзныхъ дорогъ встрѣчается. правда, въ весьма тѣсныхъ размѣрахъ, въ кампанію 1859 года (корпусъ Канробера. фланговой маршъ отъ Вогеры къ Новаррѣ). Если бы обширный стратегическій фланговый маршъ Наполеона въ 1805 году отъ Рейна къ Дунаю могъ быть исполненъ при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ, то Ней, Мюратъ и гвардія, составлявшіе боковой авангардъ, двигавшійся по обыкновенной дорогѣ, вмѣсто того чтобы идти à petites journées, какъ имъ было предписано, для того чтобы дать остальнымъ колоннамъ, шедшимъ по болѣе кружнымъ путямъ, возможность выровняться по нимъ, могли бы идти форсированными маршами, и пространство отъ Рейна до Дуная, примѣняясь къ ско-

рости движенія боковаго авангарда, могло бы быть пройдено въ три-четыре дня вмѣсто двѣнадцати дней.

Во всякомъ случаѣ, если, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, нельзя будетъ воспользоваться желѣзными дорогами, при фланговыхъ маршахъ, для движенія заднихъ колоннъ, то слѣдуетъ это сдѣлать въ отношеніи къ обозамъ. Выше указано было, какія выгоды, въ подобномъ же случаѣ, доставлены были Наполеону Дунаемъ въ 1809 г., во время марша его отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ. А—какъ въ своемъ мѣстѣ было объяснено—перевозка тяжестей по желѣзнымъ дорогамъ, въ отношеніи скорости, представляетъ несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ перевозка водою.

Степень тѣхъ выгодъ, которыя доставляются желѣзными дорогами обороняющемуся, обусловливается еще и *направленіемъ* ихъ: будутъ ли онѣ имѣть направленіе *параллельное*, или *перпендикулярное* къ границамъ, вообще къ фронту дѣйствій, также и *удаленіемъ* ихъ (въ первомъ случаѣ) отъ границы, вообще отъ фронта охраняемаго пространства. Если онѣ будутъ имѣть направленіе перпендикулярное или хотя и параллельное, но въ то же время будутъ значительно поданы назадъ, то, благодаря этимъ условіямъ, онѣ будутъ болѣе безопасны отъ покушеній непріятеля. Въ противномъ случаѣ, въ особенности же когда онѣ тянутся непосредственно вдоль фронта охраняемой линіи, какъ, напримѣръ, Австрійская желѣзная дорога отъ Ольмюца въ Краковъ, на протяженіи почти 100 верстъ, удалена отъ Прусской границы только на 2 — 3 версты, то, представляя всѣ невыгоды коммуникаціонныхъ линій, отходящихъ отъ позиціи въ направленіи параллельномъ фронту, онѣ легко могутъ быть захвачены непріятелемъ, какъ то и было сдѣлано Пруссаками въ самомъ началѣ войны съ указанною дорогою.

Такимъ образомъ, для обороны нашего западнаго пограничнаго пространства, раздѣленнаго Полѣсьемъ на два отдѣльные театра военныхъ дѣйствій,—что вынуждаетъ насъ къ крайне невыгодному раздѣленію силъ (двѣ арміи), въ случаѣ войны оборонительной, — особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ рѣшеніе вопроса: въ какомъ направленіи должна быть проведена ближайшая къ границѣ поперечная желѣзная дорога, которою можно было бы воспользоваться для сосредоточенія, въ случаѣ надобности, въ кратчайшее время, обѣихъ нашихъ армій на одномъ изъ театровъ военныхъ дѣйствій. Одно изъ главныхъ назначеній крѣпости Брестъ-Литовска и заключается, между прочимъ, въ облегченіи этой операціи, въ уничтоженіи вреднаго вліянія Полѣсья въ смыслѣ разобщающей преграды. Казалось бы, такимъ образомъ, что съ соединеніемъ крѣпости Брестъ-Литовска съ однимъ изъ пунктовъ Петербургско-варшавской желѣзной дороги, хотя съ Бѣлостокомъ или Гродно, этотъ вопросъ получитъ требуемое рѣшеніе; но, во-первыхъ, это была бы дорога съ исключительно-военною цѣлію;—а въ дѣлѣ проложенія путей сообщенія преобладающими условіями являются условія экономическія. Каждая дорога

пролагается преимущественно въ видахъ торговыхъ интересовъ, а затѣмъ уже война пользуется тѣми же путями, по которымъ двигается торговля. Дороги же съ исключительно-военною цѣлію встрѣчаются только въ странахъ завоевываемыхъ, но не окончательно покоренныхъ, како-то, напримѣръ, было на Кавказѣ и въ Алжирѣ, гдѣ главный промыселъ населенія заключался въ хищничествѣ, а сила преимущественно въ недоступности мѣстности, въ бездорожьѣ, такъ сказать. При такихъ условіяхъ, проложеніе удобныхъ путей является какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ покоренію и упроченію за собою обладанія краемъ. Во вторыхъ, упомянутая дорога, по малому удаленію отъ границы, не могла бы считаться вполнѣ безопасною. На основаніи этихъ соображеній, намъ казалось бы, что поставленный нами выше вопросъ, какъ съ точки экономическихъ условій, такъ равно и съ точки стратегическихъ, лучше всего разрѣшается соединеніемъ уже существующей вѣтви отъ Динабурга на Витебскъ желѣзною дорогою съ Могилевомъ, Рогачевомъ, Черниговомъ и Кіевомъ. Экономическія условія были бы удовлетворены тѣмъ, что эта желѣзная дорога прошла бы черезъ населенные и важные въ торговомъ отношеніи пункты; въ стратегическомъ же отношеніи ослаблено было бы въ значительныхъ размѣрахъ вредное вліяніе Полѣсья, въ смыслѣ разобщающей западное пограничное пространство преграды, и, наконецъ, достигнута была бы въ значительныхъ размѣрахъ безопасность, потому что дорога была бы прикрыта Днѣпромъ и Полѣсьемъ, не считая обезпеченія, которое ей можетъ доставить та совокупность оборонительныхъ мѣръ, которая сосредоточена собственно въ царствѣ Польскомъ.

При постройкѣ желѣзныхъ дорогъ необходимо еще обратить вниманіе на обезпеченіе ихъ посредствомъ соотвѣтствующаго расположенія укрѣпленій. Наиболѣе выгодными для этого мѣстами оказываются: а) *узлы, пункты пересѣченія нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ*, иначе непріятелю можетъ представиться возможность воспользоваться ими. Въ этомъ отношеніи сдѣланы были Австрійцами въ послѣднюю кампанію весьма важныя упущенія. Въ Богеміи пролегаютъ двѣ желѣзныя дороги: одна долиною Эльбы, отъ Дрездена черезъ Терезіенштадтъ, Прагу и далѣе на Пардубицъ; другая отъ Циттау, черезъ Рейхенбергъ, Іозефштадтъ и Кралеградъ (Кениггрецъ) тоже на Пардубицъ. Эти направленія преграждаются крѣпостями: западное— Терезіенштадтомъ, восточное — Іозефштадтомъ и Кралеградомъ. Но поперечная вѣтвь между ними—Турнау-Кралюпъ—не упирается ни въ одну изъ крѣпостей, слѣдовательно, при занятіи Богеміи съ сѣвера, даетъ возможность непріятелю получить желѣзнодорожное (хотя и ломанное) сообщеніе Рейхенбергъ-Турнау-Кралюпъ-Пардубицъ. Отъ Пардубица оба пути сливаются въ одинъ до Чешской Тржебовы, откуда онъ развѣтвляется на Брюннъ и Голомуцъ (Ольмюцъ). И такъ какъ ни пардубицкій, ни тржебовскій узлы ничѣмъ не обезпечены, то непріятель могъ воспользоваться желѣзной дорогой до Брюн-

на и далѣе до Вѣны [1]), и б) *мосты на желѣзныхъ дорогахъ, вообще важныя техническія сооруженія, а равно и главныя станціи*, какъ сосредоточіе матеріальной части.

§ 7.

Въ чемъ собственно заключается задача долговременной фортификаціи? — Разборъ нѣсколькихъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ, касающихся подготовки театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи (1813, 1848, 1805 и 1809 г.).

Вообще ближайшая цѣль возможно-тщательной подготовки театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи, независимо отъ принятія мѣръ къ облегченію перемѣщенія войскъ и своевременной доставки имъ всего необходимаго, заключается въ томъ, чтобы поставить въ свою зависимость всѣ преграды, какъ естественныя, такъ и искусственныя, на вѣроятномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, *освободить себя тѣмъ отъ всякаго рода случайностей и упрочить за собою выгоды инціативы*. Такимъ образомъ, главная задача долговременной фортификаціи будетъ заключаться въ подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій, въ *усовершенствованіи* его, согласно указаніямъ стратегіи, короче — въ томъ, чтобы воспользоваться выгодными и устранить, по возможности, невыгодныя географическія свойства театра военныхъ дѣйствій [2]).

Напримѣръ: 1) *рѣка По* представляетъ собою преграду, раздѣляющую Итальянскій театръ военныхъ дѣйствій на двѣ отдѣльныя зоны. Устройство переправы у Піаченцы и у другихъ наиболѣе важныхъ пунктовъ на р. По, обезпеченныхъ двойными тетъ-де-понами, устраняетъ этотъ недостатокъ. 2) *Рѣка Дунай* имѣетъ то же значеніе въ отношеніи къ Германскому театру военныхъ дѣйствій. Устройство переправъ, обезпеченныхъ двойными тетъ-де-понами, у Пассау, Линца, устраняетъ вредное значеніе Дуная въ смыслѣ преграды, раздѣляющей театръ военныхъ дѣйствій. 3) *Полѣсье* имѣетъ то же значеніе въ отношеніи къ нашему западному пограничному пространству. Крѣпость Брестъ-Литовскъ устраняетъ отчасти невыгодное вліяніе Полѣсья. 4) Наша оборонительная линія по р. *Вислѣ*, въ томъ видѣ, какъ она представляется природою, лишена опоры для фланговъ, почему легко можетъ быть обойдена. Извѣстная комбинація искусственныхъ средствъ (Ново-Георгіевскъ и Иванъ-Городъ) съ естественными преградами (Буго-Наревъ и Вепржъ) устраняетъ этотъ недостатокъ. 5) Какъ непосредствено за симъ будетъ подробно объяснено, правый флангъ оборонительной линіи Наполеона по р. Эльбѣ въ 1813 г., послѣ перемирія, обнажается. Устройство укрѣпленной позиціи подъ Дрезденомъ, на лѣвомъ берегу Эльбы, въ свя-

[1]) Драгомировъ, «Австро-Прусская война въ 1866 году».

[2]) Таже задача выпадаетъ на долю полевой фортификаціи, но только въ отношеніи къ полю сраженія (усовершенствованіе его въ видахъ облегченія войскамъ достиженія той или другой тактической цѣли).

зи съ мѣрами, принятыми Наполеономъ къ усиленію крѣпостей Кенигштейна и Лиліенштейна (онѣ должны быть разсматриваемы какъ весьма важное дополненіе къ Дрездену), устраняютъ этотъ недостатокъ. 6) Иногда театръ военныхъ дѣйствій оказывается излишне глубокимъ: напримѣръ въ 1813 г., при открытіи военныхъ дѣйствій, операціонная линія Наполеона была бы слишкомъ длинна, слѣдовательно и опасна. Мѣры, принятыя Наполеономъ подъ Дрезденомъ, сокращаютъ ее на 500 верстъ. 7) Иногда, напротивъ того, театръ военныхъ дѣйствій оказывается недостаточно глубокимъ, какъ, напримѣръ, театръ военныхъ дѣйствій Веллингтона на Пиренейскомъ полуостровѣ въ 1810 г. Веллингтонъ, устроивъ на пути къ Лиссабону сильно укрѣпленную позицію у Торресъ-Ведраса, задержавъ наступленіе Французовъ на шесть мѣсяцевъ, благодаря этому, какъ бы искусственно углубляетъ театръ военныхъ дѣйствій.

1. *Подготовка Наполеономъ театра военныхъ дѣйствій на рѣкѣ Эльбѣ въ 1813 году въ инженерномъ и административномъ отношеніяхъ.*

Въ теченіе перемирія Эльба раздѣляла воюющія стороны [1]); на берегахъ ея должны были разыграться первыя военныя дѣйствія, въ случаѣ продолженія войны, что и заставило Наполеона обратить особенное вниманіе на усиленіе этой важной стратегической позиціи, въ тѣхъ видахъ, чтобы она одинаково могла способствовать какъ его наступательнымъ предпріятіямъ, такъ равно и остановить наступленіе Союзниковъ.

Одно изъ важныхъ условій хорошей оборонительной линіи, какъ было объяснено въ своемъ мѣстѣ, это *обезпеченіе ея фланговъ.* Въ періодъ военныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ перемирію, фланги ея были дѣйствительно превосходно обезпечены: лѣвый моремъ, а правый нейтралитетомъ Австріи.

Двусмысленность Австрійской политики давно уже тревожила Наполеона. Изъ союзницы Австрія обратилась сначала къ нейтралитету, въ то же время вела весьма дѣятельные переговоры съ Союзниками и, наконецъ, еще болѣе дѣятельно вооружалась. Все это заставило Наполеона, еще во время перемирія, позаботиться объ упроченіи обладанія Эльбою, даже и при предположеніи, если бы Австрія перешла на сторону Союзниковъ.

Разсмотримъ мѣры, имъ принятыя. Онѣ заключались въ усиленіи крѣпостей на Эльбѣ, въ занятіи ихъ достаточнымъ числомъ войскъ и въ снабженіи значительнымъ количествомъ запасовъ.

1) Небольшая крѣпость *Кенигштейнъ* расположена на мѣстности

---

[1]) Демаркаціонная линія, по условіямъ перемирія, назначена была: по Эльбѣ отъ Гамбурга до Магдебурга; далѣе, по чертѣ, черезъ Трейенбриценъ къ Франкфурту-на-Одерѣ, по Одеру до устья р. Кацбахъ, и затѣмъ, по чертѣ, чрезъ Лигницъ къ Грейфенбергу. Бреславль и небольшое пространство по обѣ стороны демакраціонной линіи признаны были нейтральными, равно какъ и пространство на три версты вокругъ крѣпостей Данцига, Модлина, Замостья, Штеттина и Кюстрина, обложенныхъ Союзниками.

почти недоступной, тамъ, гдѣ Эльба, прорвавшись чрезъ Богемскія горы, входитъ въ Саксонію. Здѣсь двѣ скалы — одна на правомъ (Лиліенштейнъ), другая на лѣвомъ (Кенигштейнъ) берегу Эльбы — стѣсняютъ ея русло. Крѣпость Кенигштейнъ расположена на скалѣ того же имени. Она была въ удовлетворительномъ состояніи, и объ усиленіи ея нечего было заботиться. Наполеонъ только усилилъ гарнизонъ Французскими войсками, приказалъ устроить въ ней складъ изъ 15,000 центнеровъ [1]) муки и печи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, онъ имѣлъ возможность продовольствовать здѣсь около 10,000 въ теченіе 9 или 10 дней. Сверхъ того, онъ приказалъ укрѣпить скалу Лиліенштейнъ, построить тамъ предмостное укрѣпленіе на 2,000 и собрать количество судовъ, достаточно для наводки трехъ мостовъ (одного въ Кенигштейнѣ и двухъ нѣсколько ниже, близъ Пирны).

2) *Дрезденъ.* Оборону этого пункта, какъ центра всѣхъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій и операціонной базы въ одно и то же время, предположено было развить въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Для выполненія этого необходимо было обратить Дрезденъ въ первоклассную крѣпость, въ крѣпость-лагерь. Достиженіе такой цѣли, по недостатку времени, должно было встрѣтить не мало затрудненій, тѣмъ болѣе что еще прежде, желая спасти этотъ прекрасный городъ отъ разрушенія съ одной стороны, а съ другой доставить королю Саксонскому безопасное мѣстопребываніе, Наполеонъ посовѣтовалъ саксонскимъ министрамъ срыть укрѣпленія его и замѣнить ихъ укрѣпленіями вокругъ Торгау. Благодаря слишкомъ часто встрѣчающейся безпечности, укрѣпленія Дрездена были уничтожены, а Торгаускія едва начаты. Все это заставило Наполеона ограничиться, при усиленіи Дрездена, наскоро набросанными укрѣпленіями. Оставшіеся отъ прежней ограды бастіоны онъ приказалъ исправить и вооружить. Предмѣстья были обнесены палисадированными стѣнками, впереди исходящихъ угловъ которыхъ, по всему ихъ протяженію, расположены были люнеты (числомъ 5, сверхъ того двѣ флеши и еще укрѣпленіе редантнаго начертанія). На правомъ берегу Эльбы (Нейштадтъ) Наполеонъ предлагалъ возвести рядъ болѣе сильныхъ укрѣпленій, которыя должны были образовать собою обширный тетъ-де-понъ. Для облегченія сообщенія съ одного берега на другой, сверхъ постояннаго каменнаго моста, устроено было два временныхъ, деревянныхъ, одинъ выше, другой ниже перваго. Сверхъ того предполагалось снабдить Дрезденъ, въ обширныхъ размѣрахъ, запасами (для 300,000 человѣкъ на два мѣсяца). По исполненіи этихъ предначертаній, Наполеонъ полагалъ, что 30,000-й корпусъ въ рукахъ энергическаго и талантливаго начальника (chef de grand caractère), въ состояніи будетъ держаться въ Дрезденѣ, въ теченіе 6 — 8 и даже до 15 дней, противъ 200,000 [2]).

---

[1]) Центнеръ (quintal) = 100 килограммъ = 250 фунтамъ.

[2]) Подробный разборъ мѣръ къ усиленію обороны Дрездена помѣщенъ въ Приложеніи IV къ Отдѣлу I Части II.

3) Наполеонъ былъ того мнѣнія, что земляныя укрѣпленія, усиленныя вспомогательными преградами, въ состояніи оказать весьма продолжительное сопротивленіе. Этотъ взглядъ имъ былъ примѣненъ къ усиленію *Виттенберга* и *Торгау*, укрѣпленіе которыхъ предполагалось окончить въ теченіе 6—7 недѣль.

4) *Магдебургъ*, одна изъ первоклассныхъ Европейскихъ крѣпостей, не требовала усиленія. Оставалось только позаботиться объ увеличеніи ея вооруженія и о гарнизонѣ для нея.

5) Отъ Магдебурга до Гамбурга Эльба оставалась беззащитною: на всемъ этомъ пространствѣ не было ни одного укрѣпленнаго пункта. Обстоятельство это серіозно озабочивало Наполеона со дня подписанія перемирія. Генералу Гаксо поручено было изслѣдованіе этого вопроса. Послѣ долгихъ обсужденій рѣшено было, наконецъ, почти на половинномъ разстояніи между Гамбургомъ и Магдебургомъ устроить нѣчто въ родѣ цитадели изъ земляныхъ верковъ, усиленныхъ палисадами, у *Вербена*, въ которой 3,000-й отрядъ могъ бы держаться.

6) *Гамбургъ*, обширный торговый городъ, имѣвшій дотого важное значеніе въ глазахъ Наполеона, что онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ почему Наполеонъ не соглашался на миръ, требовалъ также обезпеченія. По недостатку времени, Наполеонъ приказалъ возстановить и вооружить бастіоны прежней ограды, рвы наполнить водою и устроить палисадныя стѣнки. Благодаря этимъ мѣрамъ, Гамбургъ былъ обращенъ въ обширный военный постъ, въ которомъ энергическій начальникъ могъ держаться продолжительное время;

и 7) Фортъ *Глюкштадтъ* при самомъ устьѣ Эльбы. Охраненіе его было поручено Датчанамъ.

Такимъ образомъ, начиная отъ Богемскихъ горъ до Нѣмецкаго моря, линія Эльбы была прикрыта рядомъ пунктовъ, укрѣпленныхъ болѣе или менѣе сильно и занятыхъ войсками, соотвѣтственно значенію каждаго изъ нихъ. Разборомъ этого значенія мы и займемся.

Изъ укрѣпленныхъ пунктовъ особенно важное значеніе принадлежало, конечно, *Дрездену*, *Гамбургу* и *Магдебургу*. Первые два обезпечивали фланги оборонительной линіи по Эльбѣ. О значеніи Дрездена было говорено выше. При этомъ однако невольно рождается вопросъ: если Дрезденъ назначался для обезпеченія праваго фланга линіи по Эльбѣ, то какое значеніе должно быть приписано усиленію обороны крѣпости Кенигштейна, и не слѣдуетъ ли смотрѣть на нее какъ на пунктъ, имѣвшій вышеприведенное назначеніе?

Крѣпость *Кенигштейнъ*, дѣйствительно, назначалась также для охраненія праваго фланга оборонительной линіи по Эльбѣ отъ обхода, именно: въ случаѣ движенія Союзниковъ изъ Богеміи въ тылъ Наполеону, во время отсутствія его съ главными силами, первую преграду ихъ дальнѣйшему наступленію долженъ былъ представить укрѣпленный Дрезденъ съ своимъ 30,000-мъ гарнизономъ. Какъ выше замѣчено, Наполеонъ предполагалъ, что онъ въ состояніи будетъ остановить 200,000-ю армію на двѣ недѣли. Этимъ временемъ

Наполеонъ намѣренъ былъ воспользоваться, чтобы, сосредоточивъ до 120,000 на правомъ берегу Эльбы, переправить ихъ въ Кенигштейнѣ и, ставъ такимъ образомъ на пути отступленія Союзниковъ въ Богемію, принудить ихъ къ принятію сраженія въ самомъ невыгодномъ для нихъ положеніи, безъ пути отступленія, имѣя въ тылу сильную непріятельскую крѣпость. Формула *«кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ»*—на этотъ разъ оказалась бы невѣрною. Шансы для обѣихъ сторонъ были бы далеко неодинаковы. Въ то время какъ Союзникамъ пришлось бы пробиваться, принимать бой безъ пути отступленія, положеніе Наполеона имѣло бы развѣ только ту невыгоду, что путь отступленія его находился бы на флангѣ. Вотъ въ какомъ смыслѣ Кенигштейнъ долженъ былъ содѣйствовать Наполеону къ парированію удара изъ Богеміи на правый флангъ или тылъ оборонительной линіи по Эльбѣ. Наконецъ, собственно въ отношеніи обезпеченія тыла Французскихъ войскъ, расположенныхъ на Эльбѣ, необходимо замѣтить, что Наполеонъ, обративъ Дрезденъ въ обширное депо, перенесши такимъ образомъ базу съ Рейна на Эльбу, вовсе не опасался за свой тылъ. Сообщенія на лѣвомъ берегу Эльбы были для него не важны, между тѣмъ какъ сообщенія на правомъ берегу Эльбы имѣли первостепенную важность («qu'on me coupe du Rhin, pourvu qu'on ne me coupe pas de Dresde», отвѣчалъ Наполеонъ, обыкновенно, тѣмъ, кто указывалъ ему на опасность обхода со стороны Богеміи [1]). Мѣры, принятыя имъ для обезпеченія ихъ, будутъ изложены ниже.

Итакъ, тылъ Наполеона при расположеніи на Эльбѣ былъ какъ нельзя лучше обезпеченъ отсутствіемъ значенія сообщеній для него въ эту сторону, а правый флангъ — Кенигштейномъ и Дрезденомъ, близъ котораго, сверхъ 30,000—40,000 гарнизона его, должны были расположиться до 100,000, составлявшихъ подвижной резервъ, съ которымъ Наполеонъ предполагалъ устремляться повсюду, окуда будетъ угрожать опасность.

Усиленіе верковъ и занятіе крѣпости Кенигштейна имѣло еще и другое весьма важное значеніе. Переходъ изъ Саксоніи въ Богемію, черезъ Рудныя горы, при тогдашнемъ состояніи дорогъ, представлялъ немалыя затрудненія, въ особенности для движенія тяжестей, какъ это и обнаружилось вполнѣ при наступленіи Союзниковъ изъ Богеміи, и преимущественно во время отступленія ихъ, послѣ Дрезденскаго сраженія. Если бы Наполеонъ не занялъ Кенигштейна, а распространилъ бы свой правый флангъ только до Дрездена, то онъ оставилъ бы въ рукахъ Союзниковъ превосходную *коммуникаціонную линію* [2], пользуясь которою всѣ предметы снабженія и въ особенности парки могли бы быть въ кратчайшемъ времени доставлены изъ Богеміи въ Саксонію. Занятіе Французами Кенигштейна лишило

---

[1]) И, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, только что указаннымъ, былъ совершенно правъ.

[2]) Эльбу—отъ Богемской границы до Дрездена.

Союзниковъ этой выгоды и принудило ихъ всѣ тяжести доставлять въ Саксонію по кружнымъ и неудобнымъ горнымъ дорогамъ (перевозка изъ Богеміи въ Саксонію осаднаго парка, собраннаго у Терезіенштадта и назначеннаго для осады Дрездена осенью 1813 года).

Лѣвый флангъ линіи обезпечивался укрѣпленіями *Гамбурга, фортомъ Глюкштадтомъ* и 30.000-мъ корпусомъ Даву.

Въ видахъ связи двухъ главныхъ массъ Французскихъ войскъ, расположенныхъ одна на верхней Эльбѣ, у Дрездена, другая на нижней Эльбѣ, у Гамбурга, особенно важное значеніе, по своему центральному положенію между этими двумя пунктами, пріобрѣла крѣпость *Магдебургъ.* Полнаго вниманія заслуживаютъ мѣры, принятыя Наполеономъ, при малочисленности его силъ, сравнительно съ силами коалиціи, къ доставленію столь важному пункту, крѣпости сильной самой по себѣ, и гарнизона соотвѣтствующей силы, безъ чувствительнаго ослабленія себя на прочихъ пунктахъ. Съ этою цѣлію онъ предполагалъ перевести въ Магдебургъ большую часть раненыхъ и кавалерійское депо генерала Бурсье. бывшее въ то время въ Ганноверѣ, другими словами—обратить Магдебургъ въ *конюшни* и *госпитали.* Распоряженіе это было превосходно, во-первыхъ, потому, что какъ кавалерійское депо, такъ и въ особенности раненые получили вполнѣ безопасное помѣщеніе и расположены были совершенно въ сторонѣ отъ главныхъ направленій военныхъ дѣйствій, и, во-вторыхъ, Наполеонъ не безъ основанія разсчитывалъ, что изъ числа 15,000 — 18,000 раненыхъ или выздоравливающихъ и изъ числа 10,000—12,000 кавалеристовъ, утратившихъ лошадей, всегда окажется отъ 3,000 до 4,000 выздоровѣвшихъ и отъ 3,000 до 4,000 спѣшенныхъ кавалеристовъ, т. е. отъ 6,000 до 8,000 человѣкъ, которые могли быть употребленными на усиленіе гарнизона. Сверхъ того, подвижной корпусъ (около 20,000), назначенный для связи двухъ главныхъ массъ Французскихъ войскъ на верхней и нижней Эльбѣ, могъ отдѣлить въ составъ гарнизона отъ 5,000 до 6,000, а остальными 15,000 располагать для дѣйствій внѣ крѣпости, удаляясь съ ними даже на довольно значительное разстояніе. Такимъ образомъ, постоянный гарнизонъ Магдебурга можно полагать отъ 11,000 до 14,000.

Вотъ тѣ мѣры, которыя были приняты Наполеономъ, въ теченіе перемирія, къ усиленію оборонительной линіи на Эльбѣ. И если она была форсирована, то, во-первыхъ, это удалось Союзникамъ только въ концѣ сентября [1]), и, во-вторыхъ, причину тому надо искать въ ошибочныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ Наполеоновскихъ генераловъ.

Мы познакомились съ мѣрами, принятыми Наполеономъ, въ тече-

---

[1]) Главное назначеніе всякаго рода преградъ и заключается обыкновенно въ томъ, чтобы задержать непріятеля на нѣкоторое время; и этого достаточно: совершенно же остановить противника, рѣшительно наступающаго, онѣ, конечно, не могутъ.

ніе перемирія, къ усиленію Эльбы, въ качествѣ оборонительной линіи; но, по предположенію Наполеона, она должна была служить ему въ то же время и операціоннымъ базисомъ. Разберемъ, что было имъ сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Какъ вопросъ объ усиленіи обороны крѣпостей на Эльбѣ, такъ равно и вопросъ о снабженіи ихъ продовольственными запасами, для успѣшнаго разрѣшенія своего, требовали прежде всего значительныхъ денежныхъ средствъ. Необходимо было открыть источникъ къ покрытію этихъ громадныхъ расходовъ. Наполеонъ, по совѣту маршала Даву, весьма искусно воспользовался возстаніями, бывшими въ теченіе зимней кампаніи 1813 года въ Гамбургѣ, Бременѣ, Любекѣ и въ прочихъ пунктахъ 32-го Французскаго военнаго округа. Онъ рѣшился, въ видѣ наказанія, обложить ихъ значительною контрибуціею, въ 50.000,000 франковъ, которые должны были быть уплачены частію чистыми деньгами, частію запасами. Этими-то средствами Наполеонъ намѣренъ былъ воспользоваться къ покрытію расходовъ на усиленіе обороны крѣпостей на Эльбѣ и по снабженію ихъ запасами. Главная масса запасовъ должна была быть собрана въ Дрезденѣ. Онъ предполагалъ сосредоточить здѣсь такое количество, котораго достаточно было бы для содержанія 300,000 человѣкъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и въ особенности обширный запасъ сухарей, который, служа въ качествѣ подвижныхъ запасовъ, доставлялъ бы полную независимость, въ теченіе семи-восьми дней, военнымъ дѣйствіямъ отъ административныхъ соображеній. Для этого необходимо было имѣть 100,000 центнеровъ муки или крупы въ Дрезденѣ и 8,000 или 10,000 въ Кенигштейнѣ. Все это должно было быть доставлено изъ Гамбурга, вверхъ по теченію Эльбы, въ Дрезденъ, и притомъ, въ видахъ выигранія времени, для сокращенія пути, запасы, находившіеся уже въ Магдебургѣ, предполагалось перевезти въ Дрезденъ, а для снабженія Магдебурга воспользоваться тѣми, которые шли изъ Гамбурга.

Таковы были мѣры, принятыя Наполеономъ къ снабженію эльбскихъ крѣпостей запасами, къ обращенію Эльбы въ операціонный базисъ. Хотя мы выше и замѣтили, что Наполеонъ рѣшился на время отказаться отъ сообщеній съ Рейномъ, но этого не слѣдуетъ понимать въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ. Наполеонъ не могъ совершенно оставить своего тыла безъ вниманія: во-первыхъ уже потому, что необходимъ былъ заранѣе обезпеченный и устроенный путь отступленія на случай неудачи, и во-вторыхъ потому, что, сверхъ продовольственныхъ запасовъ, которые армія могла найти на театрѣ военныхъ дѣйствій, ей необходимы были оружіе, боевые запасы, которые Наполеону могли быть доставлены только изъ Франціи. Въ этихъ видахъ имъ учреждены были и въ тылу обширные склады: въ Эрфуртѣ, Нюренбергѣ, Вюрцбургѣ, Наумбургѣ, Веймарѣ и Лейпцигѣ. Коммуникаціонными линіями служили дороги изъ Майнца черезъ Эйзенахъ, Кассель и Гофъ въ Дрезденъ.

Сверхъ достаточнаго снабженія запасами крѣпостей на Эльбѣ и

устройства магазиновъ въ тылу, Наполеонъ приказалъ учредить еще обширный магазинъ и впереди Эльбы, на случай предстоящихъ военныхъ дѣйствій, въ Лигницѣ.

II. *Предположенія Радецкаго относительно подготовки Итальянскаго театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи передъ открытіемъ похода 1848 года* [1]).

Радецкій, со времени назначенія его главнокомандующимъ Италіянскою арміею (1831 г.), понимая вполнѣ напряженность отношеній Австрійскаго правительства къ населенію Ломбардо-Венеціянскаго королевства, поставилъ себѣ двѣ главныя задачи: 1) *создать боевую армію* и 2) *подготовить театръ военныхъ дѣйствій* на случай возстанія населенія и вторженія Сардинской арміи, съ тѣмъ чтобы, какъ бы трудно обстоятельства ни сложились, онъ не могъ бы ими быть захваченъ врасплохъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Радецкій предполагалъ обратить особенное вниманіе на усиленіе обороны двухъ важнѣйшихъ пунктовъ въ сѣверной Италіи, именно: *Милана* и *Вероны*. Первый имѣлось въ виду обратить въ обширный укрѣпленный лагерь, а у Вероны, вдобавокъ къ таковому, устроенному по лѣвую сторону Адижа, расположить еще укрѣпленный лагерь на правомъ берегу, и усилить укрѣпленія *Піаченцы*, *Павіи* и *Лекко*.

Для того чтобы вполнѣ оцѣнить настоящій смыслъ этихъ мѣръ, усвоить ту идею, которою руководствовался Радецкій, необходимо принять во вниманіе какъ *направленіе*, въ которомъ надо было ждать непріятеля, такъ равно и очертаніе и вообще *свойства театра вѣроятныхъ военныхъ дѣйствій*. Что касается до *направленія* наступленія противника, то очевидно, что его надо было ждать съ запада. Первая преграда, слѣдовательно, на театрѣ военныхъ дѣйствій, которую необходимо было поставить во власть свою, была рѣка *Тичино* (бывшая тогда границею между Пьемонтомъ и Ломбардіею); первый изъ важнѣйшихъ пунктовъ, къ которому не слѣдовало допускать непріятеля, былъ *Миланъ*. Предположеніе устроить подъ старинными стѣнами послѣдняго укрѣпленій лагерь изъ (41) максимиліяновскихъ башень—вполнѣ обезпечивало доступъ къ нему. Независимо отъ этого, укрѣпленный лагерь подъ Миланомъ могъ имѣть еще другое весьма важное значеніе, въ отношеніи обороны рѣки Тичино, какъ центральная позиція, почти равно удаленная и отъ истока рѣки Тичино, и отъ устья ея въ По. Значеніе *Павіи* въ отношеніи обороны Тичино само собою очевидно.

Далѣе непріятель могъ наступать по двумъ направленіямъ: по правому или по лѣвому берегу рѣки По. Рѣка эта, въ отношеніи къ Итальянскому театру военныхъ дѣйствій, имѣетъ то же значеніе, какъ и Дунай въ отношеніи къ Германскому. Предположеніе Радецкаго къ усиленію *Піаченцы* объясняется желаніемъ его упрочить за собою

---

[1]) Предположенія эти не были приведены въ исполненіе, благодаря неумѣстной разсчетливости гофкрихсрата.

обладаніе рѣкою По, уничтожить ее въ смыслѣ преграды, разобщающей театръ военныхъ дѣйствій, и сохранить такимъ образомъ полную свободу въ перенесеніи военныхъ дѣйствій, смотря по надобности, съ одного ея берега на другой.

Остается еще пояснить, какое значеніе должно быть придаваемо предположенію Радецкаго укрѣпить *Лекко*. Театръ его военныхъ дѣйствій ограничивался съ сѣвера Альпами, чрезъ которыя можно было выйти ему во флангъ по двумъ удобнѣйшимъ путямъ: изъ нихъ одинъ пролегалъ по лѣвому берегу Адижа и замыкался Вероною, слѣдовательно былъ во власти Радецкаго, а другой проходилъ долиною рѣки Адды, мимо озера Комо, чрезъ Лекко. Вотъ въ какомъ смыслѣ важно было усиленіе обороны этого пункта, т. е. чтобы обратить Альпы въ преграду, вполнѣ обезпечивающую его правый флангъ. Подобно тому какъ Піаченца могла упрочить господство надъ По, Верона и Лекко упрочивали господство Радецкаго надъ Альпами.

Особенное вниманіе, по своему стратегическому значенію, заслуживала крѣпость *Верона* [1]). Она расположена у подошвы одного изъ отроговъ Тирольскихъ горъ, на узлѣ важнѣйшихъ сообщеній. Основаніе ея было положено Юліемъ Цезаремъ. Древнія стѣны съ бастіонами, окружающія городъ, построены были еще въ 1525 году, знаменитымъ инженеромъ Санъ-Микели.

Въ 1796 г. генералъ Бонапарте, оцѣнивъ важное стратегическое значеніе Вероны, прикрылъ старинныя ея стѣны наружными земляными постройками. Начиная съ 1814 года, Австрійцы, сознавая всю важность этой позиціи, обращали особенное вниманіе на усиленіе части города (верхняго города) на лѣвомъ берегу Адижа — болѣе сильной по мѣстности, окружающей здѣсь городъ, и менѣе важной въ стратегическомъ отношеніи, и устроили здѣсь укрѣпленный лагерь изъ максимиліяновскихъ башень, между тѣмъ какъ съ западной стороны Вероны, гдѣ мѣстность была гораздо доступнѣе и откуда можно было ближе всего ожидать атаки, подобнаго рода усиленіе было упущено изъ вида.

Имѣя это въ виду, Радецкій неоднократно настаивалъ на устройствѣ, по западную сторону Вероны, укрѣпленнаго лагеря подобно тому, который расположенъ былъ на лѣвомъ берегу Адижа. Линія отдѣльныхъ укрѣпленій, по его предположенію, должна была проходить черезъ Кіево, Кроче-Біанка, Санъ-Массимо, Санта-Лучіа до Томбетты.

Независимо отъ необходимости затруднить непріятелю доступъ къ крѣпости съ западной стороны, было еще и другое весьма важное обстоятельство, которое настоятельно требовало устройства укрѣпленнаго лагеря на правомъ берегу Адижа.

Верона расположена на равнинѣ. Внѣ пушечнаго выстрѣла отъ нея тянется уступъ, круто спускающійся къ городу, по всей вѣроятности одинъ изъ прежнихъ береговъ Адижа, и, въ видѣ, полукружія, оги-

[1]) 60,000—70,000 жителей.

бающій крѣпость. Онъ начинается у Кіево и оканчивается у Томбетты. На немъ находятся селенія: Кроче-Біанка, Сантъ-Массимо и Санта-Лучіа. Его пересѣкаютъ два главныхъ пути: дорога изъ Милана въ Кроче-Біанку и дорога изъ Мантуи въ Санта-Лучію. У Санта-Лучіи уступъ этотъ постепенно склоняется и, наконецъ, сливается у Адижа съ мѣстнымъ горизонтомъ.

Значеніе этого уступа должно было выразиться весьма вредно въ отношеніи къ активнымъ дѣйствіямъ Веронскаго гарнизона. Достаточно было непріятелю занять его и укрѣпить, съ тѣмъ чтобы воспретить гарнизону дебушированіе изъ крѣпости. Въ этомъ свойствѣ мѣстности и слѣдуетъ искать причину тѣхъ настоятельныхъ требованій, которыми постоянно тревожилъ Радецкій предсмертную дремоту гофкригсрата относительно устройства здѣсь укрѣпленнаго лагеря.

Главная идея укрѣпленнаго лагеря, по западную сторону Вероны, проектированнаго Радецкимъ еще въ мирное время, заключалась въ томъ, чтобы уничтожить вредное вліяніе этого уступа устройствомъ форта у Санта-Катарина и нѣсколькихъ редутовъ у Санта-Лучіи и Томбетты, подъ защитою которыхъ гарнизонъ могъ бы не только безъ затрудненій дебушировать изъ Порта-Нова, но и, пользуясь обезпеченною переправою черезъ Адижъ, взять въ правый флангъ и въ тылъ непріятеля, занимающаго уступъ.

Всѣ предположенія Радецкаго не удостоились однако утвержденія гофкригсрата, считавшаго опасенія фельдмаршала преувеличенными. Благодаря этому, въ 1848 г. Радецкій и былъ поставленъ въ высшей степени критическое положеніе.

До сихъ поръ приведенные факты относительно подготовки театра военныхъ дѣйствій, въ инженерномъ отношеніи, могутъ считаться образцовыми, поучительными *въ положительномъ* смыслѣ (послѣдній, по крайней мѣрѣ, по идеѣ). Нижеприводимые поучительны въ *отрицательномъ* смыслѣ.

I. *Весною 1809 года* эрцгерцогъ Карлъ сосредоточилъ на лѣвомъ берегу Дуная, въ Богеміи, 150,000 вполнѣ готовыхъ къ открытію военныхъ дѣйствій, и намѣренъ былъ рѣшительнымъ наступленіемъ разгромить слабыя силы Французовъ, разбросанныя по Германіи (на пространствѣ отъ Балтійскаго моря до Тироля: корпуса Бернадотта, Даву и Удино; главную массу Французскихъ войскъ Наполеенъ предполагалъ направить на Пиренейскій полуостровъ, нисколько не подозрѣвая намѣреній Австрійскаго правительства). Что могло быть благопріятнѣе тѣхъ условій, при которыхъ эрцгерцогу пришлось открыть походъ? На его сторонѣ полная готовность, сосредоточеніе значительныхъ силъ, а противникъ застигнутъ врасплохъ. Все предвѣщало вѣрный успѣхъ. Но какъ бы успѣхъ какого-либо военнаго предпріятія ни былъ хорошо обезпеченъ, рѣшеніе его, въ окончательномъ смыслѣ, подвержено множеству случайностей, и притомъ въ такой мѣрѣ, что иногда образцовыя предпріятія по разсчету приводятъ къ страшнымъ катастрофамъ. Справедливость этого положенія слишкомъ

хорошо подтверждается военною исторіей. Вотъ почему, среди самыхъ благопріятныхъ шансовъ, рѣшаясь на что-нибудь, не слѣдуетъ упускать изъ вида возможности неудачи и пренебрегать необходимыми мѣрами осторожности, а напротивъ того—обратить особенное вниманіе на возможно гармоническое *сочетаніе рѣшительности съ осторожностію* [1]), какъ то встрѣчается въ дѣйствіяхъ Наполеона и другихъ великихъ полководцевъ.

Находимъ ли мы слѣды этого искуснаго сочетанія рѣшительности съ осторожностію въ разсматриваемомъ періодѣ дѣйствій эрцгерцога Карла? Нѣтъ. Внимательный критическій разборъ ихъ, напротивъ того, покажетъ въ нихъ *соединеніе нерѣшительности съ неосторожностію.*

Нерѣшительность выразилась въ неумѣніи воспользоваться благопріятною минутой, въ пустыхъ преніяхъ о томъ, по которому берегу наступать, въ позднемъ принятіи рѣшенія наступать по правому берегу Дуная, въ медленности и вялости вообще первоначальныхъ дѣйствій, короче—въ напрасной и ничѣмъ невознаградимой потерѣ времени, которымъ Наполеонъ превосходно пользуется для сосредоточенія своихъ силъ и для того, чтобы вырвать инціативу изъ рукъ противника, неумѣвшаго цѣнить ея выгодъ (пятидневный бой, пораженіе Австрійской арміи, раздѣленіе ея на двѣ части, эксцентрическое отступленіе).

Неосторожность въ дѣйствіяхъ эрцгерцога Карла заключалась въ полномъ пренебреженіи подготовкою театра военныхъ дѣйствій, въ полномъ пренебреженіи тѣмъ совѣтомъ, чтобы «*всѣ важнѣйшія преграды на театрѣ военныхъ дѣйствій находились въ нашей власти: иначе мы становимся въ крайне пассивную роль, въ зависимость отъ самой ничтожной случайности*». Такимъ образомъ: 1) онъ не упрочилъ за собою обладанія Дунаемъ, важнѣйшею изъ преградъ на театрѣ его дѣйствій. Если бы на пространствѣ отъ Регенсбурга до Вѣны онъ имѣлъ нѣсколько тетъ-де-поновъ, то Дунай не существовалъ бы для него въ смыслѣ разобщающей преграды; онъ сохранилъ бы полную возможность переносить въ каждую минуту, дѣйствія, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, съ одного берега на другой; раздѣленіе силъ, къ которому онъ былъ вынужденъ результатами пятидневнаго боя, было бы дѣломъ легко исправимымъ, и Наполеонъ не посмѣлъ бы двинуться мимо главной Австрійской арміи къ Вѣнѣ. Вмѣсто того чтобы найти въ Дунаѣ трудно одолимую преграду, Наполеонъ нашелъ въ немъ при содѣйствіи тѣхъ мѣръ, которыя имъ были приняты, превосходную защиту для прикрытія своего смѣлаго флангового марша къ Вѣнѣ.

Неосторожность въ дѣйствіяхъ эрцгерцога Карла выразилась въ эту кампанію еще въ непринятіи мѣръ къ усиленію оборонительныхъ средствъ самаго важнаго пункта на театрѣ военныхъ дѣйствій, сто-

---

[1]) Т. е. смѣлый по *идеѣ* планъ, обезпеченный въ *исполненіи* отъ всякаго рода случайностей.

лицы имперіи. Этимъ преимущественно объясняется легкость, съ которою Наполеонъ овладѣлъ Вѣною. Обладаніе же Вѣною доставило ему громадныя выгоды, какъ въ матеріальномъ, такъ и особенно въ нравственномъ отношеніи.

Остается удивляться, какимъ образомъ военный писатель, анализировавшій стратегію преимущественно съ точки значенія мѣстнаго элемента, могъ на дѣлѣ такъ мало цѣнить значеніе этого же элемента и вполнѣ пренебречь подготовкою театра военныхъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преобладающими надъ всѣмъ выгодами иниціативы.

Къ какимъ результатамъ приводитъ пренебреженіе подготовкою театра военныхъ дѣйствій, еще болѣе убѣдительнымъ фактомъ служатъ: II. *Дѣйствія генерала Макка въ 1805 году*, представляющія уже не соединеніе нерѣшительности съ неосторожностію, какъ это мы видимъ въ дѣйствіяхъ эрцгерцога Карла, въ 1809 году, а скорѣе ничѣмъ необъяснимую *дерзость* (pointe), заключающуюся въ наступленіи съ 80,000 къ Шварцвальду, къ границамъ Франціи, не выждавъ прибытія Русской арміи, и въ опасности, которой онъ подвергалъ себя быть отдѣльно разбитымъ превосходными силами Наполеону.

Сверхъ того, подобно эрцгерцогу Карлу, въ 1809 году, Маккъ окончательно пренебрегъ подготовкою театра военныхъ дѣйствій и мѣрами къ обезпеченію своей длинной операціонной линіи. Если бы Маккъ владѣлъ теченіемъ Дуная, на пространствѣ отъ Вѣны до Ульма, посредствомъ двойныхъ тетъ-де-поновъ, то развѣ маневръ противъ него Наполеона удался бы или, по крайней мѣрѣ, удался бы такъ легко? На Дунаѣ обходившіе его корпуса были бы или совершенно остановлены, или, по крайней мѣрѣ, настолько задержаны, что онъ могъ бы успѣть отступить и соединиться съ Кутузовымъ [1]).

---

[1]) Приложеніе IX.

ГЛАВА II.

Распредѣленіе силъ сообразно цѣлямъ обороны. Вредъ кордона (1796—1800).

Когда театръ военныхъ дѣйствій подготовленъ въ инженерномъ и административномъ отношеніяхъ и армія, посредствомъ заблаговременно мобилизированныхъ резервовъ, приведена на военное положеніе, приступаютъ къ стягиванію войскъ къ важнѣйшимъ пунктамъ границы, сосредоточивая ихъ къ наиболѣе вѣроятнымъ путямъ вторженія, ограничиваясь наблюденіемъ за остальными и располагая въ резервѣ, по возможности въ центральной позиціи, главную массу войскъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы она, въ кратчайшее время, могла быть сосредоточена къ угрожаемому пункту. Очевидно, что положеніе обороняющагося, поставленнаго въ необходимость охранять линію значительнаго протяженія, т. е. раздѣлять свои силы, и быть, въ тоже время, въ полной готовности встрѣтить непріятеля сосредоточенными силами въ любомъ пунктѣ, принадлежитъ къ числу весьма трудныхъ. Допуская раздѣленіе силъ, слѣдуетъ допускать его не иначе какъ въ предѣлахъ строгой надобности, насколько того будетъ требовать обстановка, и избѣгать во всякомъ случаѣ излишняго ихъ дробленія, отнюдь не гоняясь за тѣмъ, чтобы удержать все, помня, что *«тотъ, кто хочетъ прикрывать все, не прикрываетъ ничего»* (Фридрихъ). Въ этомъ отношеніи, при первоначальномъ распредѣленіи нашихъ силъ въ 1812 году, сдѣлана была капитальная ошибка (См. ниже, параллель между 1708 и 1812 годами).

Въ приведенныхъ словахъ Фридриха заключается вѣрнѣйшая оцѣнка *кордонной системы*, которой, въ прошедшемъ столѣтіи, обыкновенно придерживались, при распредѣленіи войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, не только обороняющійся, но и атакующій.

Кордонная система, какъ выше было приведено, родилась подъ вліяніемъ стремленія съ одной стороны возможно полнѣе обезпечивать свои сообщенія и съ другой дѣйствовать на сообщенія противника. Чѣмъ войска болѣе растягивались, тѣмъ бо́льшее пространство, казалось, они прикрывали и тѣмъ легче представлялась возможность, повидимому, охватить фланги непріятеля. Въ первый разъ кордонное расположеніе является у Австрійцевъ, въ войнѣ за Баварское наслѣдство и вслѣдъ затѣмъ въ войнѣ противъ Турокъ. Въ по-

ходѣ 1788 года, вся ихъ армія была растянута кордономъ отъ Бессарабіи до Адріатическаго моря. Турки сосредоточенными силами напали на одинъ пунктъ этого кордона, прорвали его и, не давъ Австрійцамъ времени сосредоточить свои силы, разбили ихъ въ двухъ сраженіяхъ. Неудача эта однако не помѣшала Австрійцамъ придерживаться этой системы и въ первыя революціонныя войны (въ 1796 году—расположеніе Болье для обороны рѣки Минчіо). Еще болѣе страннымъ оказывается, что ея придерживались не только Австрійцы, но даже и Французы, несмотря на то, что введеніе реквизиціонной системы должно было значительно уменьшить для нихъ опасенія за ихъ сообщенія (1800 г.—расположеніе Массены въ Генуэзской Ривіерѣ, передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій).

Нелѣпая сторона кордонной системы, въ смыслѣ системы, очевидна сама по себѣ.

Въ разбираемомъ вопросѣ «о распредѣленіи силъ для обороны» теорія далѣе вышеприведеннаго совѣта, общей формулы, «не раздробляться безъ надобности», идти не можетъ. Чтобы короче ознакомиться съ тѣмъ, какъ эта общая формула примѣняется въ различныхъ случаяхъ къ дѣлу, обратимся къ разбору нѣкоторыхъ наиболѣе поучительныхъ фактовъ.

§ 1.

Разборъ нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ, касающихся распредѣленія войскъ обороняющагося на театрѣ военныхъ дѣйствій.

I. *Расположеніе Французскихъ войскъ въ окрестностяхъ Дрездена въ 1813 году, передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій послѣ перемирія* [1]).

Несмотря на то, что, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ (армія новобранцевъ), силы Наполеона значительно уступали силамъ Союзниковъ, положеніе его, въ этотъ періодъ кампаніи 1813 года, далеко нельзя считать критическимъ. Это объясняется: 1) вышеприведенною превосходною подготовкою театра военныхъ дѣйствій и 2) образцовымъ распредѣленіемъ войскъ на главномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій, въ окрестностяхъ Дрездена. И дѣйствительно: съ какой бы стороны ни показался непріятель, всѣ мѣры были весьма искусно приняты къ вѣрному парированію удара.

Непріятель могъ: 1) двинуть Богемскую армію по лѣвому берегу

[1]) Приведенные выше факты: расположеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій Французскихъ войскъ, въ 1809 г., въ промежутокъ между Аспернскимъ и Ваграмскимъ сраженіемъ, въ 1805 г. передъ Аустерлицемъ и въ 1800 г. передъ Маренго, могутъ быть также отнесены сюда, не смотря на то, что Наполеонъ дѣйствовалъ въ нихъ наступательно, потому что, въ приведенные моменты, онъ находился какъ бы въ положеніи обороняющагося.

Эльбы на сообщеніе Наполеона съ Рейномъ къ Лейпцигу или Дрездену, и 2) ту же армію, по правому берегу Эльбы, на сообщенія его съ Дрезденомъ. Вотъ два наиболѣе вѣроятныхъ предположенія.

Разсмотримъ, въ какой мѣрѣ расположеніе войскъ Наполеона способствовало ему къ отбитію этихъ ударовъ.

1) Для задержанія наступленія Богемской арміи лѣвымъ берегомъ Эльбы къ Дрездену предназначались войска Сенъ-Сира (четыре дивизіи). Одна изъ его дивизій оставлена была для охраненія переправы у Кенигштейна, двѣ занимали Пирнское плато, четвертая наблюдала за проходами чрезъ Рудныя горы. Въ случаѣ наступленія Союзниковъ къ Дрездену или на сообщенія Наполеона съ Рейномъ къ Лейпцигу, Сенъ-Сиръ, замедляя первоначально движеніе ихъ и оставивъ гарнизонъ въ Кенигштейнѣ, съ остальными силами (30,000) долженъ былъ отступить въ Дрезденскую крѣпость-лагерь, въ которой, соединившись съ гарнизономъ ея (8,000 изъ числа выздоравливающихъ и маршевыхъ баталіоновъ), долженъ былъ держаться въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока не будетъ поддержанъ остальными силами Наполеона. Въ этомъ именно отношеніи, въ видахъ скорѣйшаго сосредоточенія къ Дрездену значительныхъ силъ, распоряженія Наполеона были истинно превосходны. Они заключались въ слѣдующемъ: войска Вандамма, расположенныя: одна дивизія у Штольпена (въ одномъ переходѣ отъ Дрездена), другая у Румбурга и третья у Бауцена (въ двухъ переходахъ отъ Дрездена), могли присоединиться къ Сенъ-Сиру: Штольпенская дивизія спустя однѣ сутки, черезъ что силы Сенъ-Сира возрасли бы до 50,000 (40,000 Сенъ-Сира и 10,000-я дивизія Вандамма, расположенная у Штольпена), остальныя двѣ черезъ двое сутокъ, что дало бы Сенъ-Сиру 70,000. Наконецъ, по истеченіи еще двухъ дней, слѣдовательно, на четвертый день послѣ появленія непріятеля, долженъ былъ прибыть Наполеонъ съ главными силами изъ Герлица, съ 100,000 (48,000 гвардіи, 24,000 резервной кавалеріи и 24,000-й корпусъ Виктора), оставивъ Понятовскаго у Циттау для прикрытія путей, ведущихъ къ Дрездену, по правому берегу Эльбы. Слѣдовательно, войска Наполеона были такъ расположены, что, въ случаѣ наступленія Союзниковъ къ Дрездену или къ Лейпцигу [1]) лѣвымъ берегомъ Эльбы, онъ могъ сосредоточить къ первому изъ нихъ на четвертый день послѣ появленія непріятеля до 170,000 войскъ (въ теченіе первыхъ сутокъ 50,000; къ концу

[1]) Противъ обхода Союзниковъ на Лейпцигъ, на сообщенія Наполеона съ Рейномъ, которыми онъ не дорожилъ, не было принято никакихъ особенныхъ мѣръ. Наполеонъ, по всей справедливости, считалъ этотъ обходъ безопаснымъ для себя. «Дѣло не въ томъ, чтобы быть отрѣзаннымъ отъ Рейна, а въ томъ, чтобы не позволить себя отрѣзать отъ Эльбы», отвѣчалъ онъ обыкновенно тѣмъ, кто ему указывалъ на опасность подобнаго обхода, прибавляя: «непріятель, который осмѣлился бы стать между мною и Рейномъ, не вернется, въ то время какъ если ему удастся расположиться между мною и Эльбою, онъ меня отрѣжетъ отъ моей настоящей операціонной базы».

двухъ—70,000, а къ концу четырехъ—170,000)—силы, во всякомъ случаѣ, достаточныя, чтобы, при содѣйствіи Дрезденскихъ верковъ, бороться съ Богемскою арміею.

2) Для прегражденія наступленія Богемской арміи къ Дрездену, по правому берегу Эльбы, черезъ Циттау или Румбургъ на Герлицъ или Бауценъ, Наполеонъ расположилъ: 12,000-й корпусъ Понятовскаго у Циттау, и въ ближайшихъ окрестностяхъ его корпусъ Виктора (24,000), что составляло 36,000, расположенныхъ на сильной позиціи, при выходѣ изъ горъ. Въ первыя сутки эти 36,000 должны были быть усилены гвардіею (48,000) и кавалеріею (24,000), расположенными у Герлица, и одною дивизіею изъ корпуса Вандамма, стоявшею въ Румбургѣ (10,000); слѣдовательно, 80,000. Во вторыя сутки къ нимъ должны были присоединиться остальныя двѣ дивизіи Вандамма, одинъ изъ четырехъ корпусовъ, расположенныхъ на Боберѣ, что все вмѣстѣ должно было образовать массу въ 170,000, которая могла сосредоточиться въ два дня, для прегражденія Богемской арміи пути къ Дрездену, по правому берегу Эльбы [1]).

Слѣдовательно, къ открытію военныхъ дѣйствій, послѣ перемирія, силы Наполеона были такъ расположены, что, съ какой бы стороны ни показался непріятель, онъ могъ ему дать повсюду сильный отпоръ. Это-то искусное распредѣленіе войскъ, въ связи съ мѣрами, принятыми къ усиленію Эльбскихъ крѣпостей, и придавало особенную силу занятой ими на Эльбѣ позиціи.

II. *Расположеніе нашихъ войскъ для обороны западной границы въ 1707 и 1708 годахъ въ параллель съ 1812 годомъ. Сравненіе плановъ (1708 и 1812 г.).*

Обрисуемъ сначала обстановку, окружавшую Петра, при вторженіи Карла въ Россію, и затѣмъ разсмотримъ, въ какой мѣрѣ его распоряженія отвѣчали этой обстановкѣ.

1) *Свойства театра военныхъ дѣйствій.* Наша западная граница была частію прикрыта естественными преградами (Чудскимъ озеромъ, р. Великою, Днѣпромъ) и искусственными (укрѣпленіями Новгорода, Пскова и Смоленска), частію открыта (именно промежутокъ между Чудскимъ озеромъ и Днѣпромъ, верстъ около 400).

Самый театръ военныхъ дѣйствій, въ глубь страны, представлялъ мѣстность лѣсистую и мало населенную.

2) *Число войскъ той и другой стороны, характеръ противника, качества армій.* Общая численность войскъ Карла простиралась до 120,000. Изъ нихъ непосредственно на главномъ театрѣ воен-

---

[1]) Нами разсчитано только то время, въ которое Наполеонъ могъ, въ случаѣ наступленія Союзниковъ лѣвымъ или правымъ берегомъ Эльбы, стянуть свои силы къ двумъ крайнимъ пунктамъ своего расположенія, къ Дрездену и къ Циттау. Въ случаѣ же наступленія непріятеля къ Румбургу, по центральному положенію этого пункта, въ отношеніи къ расположенію силъ Наполеона въ окрестностяхъ Дрездена, очевидно, что сосредоточеніе значительной массы войскъ къ нему могло быть исполнено еще въ болѣе короткій промежутокъ времени.

ныхъ дѣйствій, въ Литвѣ, находилось только 35,000 [1]). У Петра было 60,000, не считая гарнизоновъ Новгорода, Пскова и Смоленска. Рядъ одержанныхъ до этой минуты успѣховъ надъ Шведами, вѣрнѣе надъ Шведскими отрядами, хотя и значительно подвинулъ боевое образованіе нашей арміи, сдѣлалъ ее въ особенности способною къ дѣйствіямъ малой войны, но тактическое превосходство, способность къ маневрированію и къ дѣйствію въ значительныхъ силахъ, въ массѣ, оставалось всетаки на сторонѣ Шведовъ. Этой разницы въ тактическомъ образованіи обѣихъ армій не слѣдуетъ упускать изъ вида при оцѣнкѣ дѣйствій Петра и особенно какъ приготовительныхъ распоряженій, такъ равно и распоряженій его во время самаго боя, на Полтавскомъ полѣ сраженія.

Цѣль. Прикрытіе Москвы. Къ ней Карлъ XII могъ двинуться или прямо черезъ Смоленскъ, по кратчайшему направленію, или черезъ Полоцкъ, Псковъ, Новгородъ (для предварительнаго соединенія съ Левенгауптомъ и Любекеромъ) и Тверь на Москву. Наконецъ, онъ могъ еще двинуться вправо, въ Украйну. Этого третьяго операціоннаго направленія Петръ имѣлъ полное право и не принимать въ соображеніе при приготовительныхъ распоряженіяхъ передъ вторженіемъ Карла въ 1707 и 1708 годахъ. И дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, расположеніе нашей арміи за р. Уллою, будучи центральнымъ въ отношеніи къ двумъ первымъ путямъ, не было вполнѣ центральнымъ въ отношеніи къ третьему. Очевидно, Петръ не предполагалъ, чтобы этотъ послѣдній путь былъ выбранъ Карломъ. Допускать такое предположеніе значило бы заранѣе знать о готовившейся только измѣнѣ Мазепы.

Вотъ та обстановка, которая окружала Петра непосредственно передъ вторженіемъ Карла въ предѣлы Россіи въ 1707 году. Армія наша, во время пребыванія Карла въ Саксоніи, расположена была на квартирахъ на Волыни: пѣхота, подъ начальствомъ Шереметева, въ окрестностяхъ Дубно и Острога, и кавалерія, подъ начальствомъ князя Меньшикова, находилась въ Жолкіевѣ. Карлъ, предпринявъ вторженіе въ Россію, могъ двинуться изъ Саксоніи или по сѣверную, или по южную сторону Полѣсья. Нечего было опасаться, чтобы онъ двинулся непосредственно по самому Полѣсью. Попытка пройти Полѣсье, весною 1706 года, во время отступленія нашей арміи изъ Гродненскаго укрѣпленнаго лагеря, достаточно познакомила его съ невыгодными свойствами этого театра военныхъ дѣйствій. Какое направленіе будетъ имъ выбрано — могли обнаружить только послѣдствія. Расположеніе нашей арміи въ эту минуту отвѣчало, конечно, ближе тому предположенію, что Карлъ двинется по южную сторону Полѣсья. Вообще оно представляло: 1) ту особенность, что было сосредоточено въ противоположность тому, какъ это дѣлалось на за-

---

[1]) Эти 35,000, при вторженіи Карла, могли быть въ значительныхъ размѣрахъ усилены 15,000 Левенгаупта, бывшими въ Ригѣ, и 15,000 Любекера, находившимися въ Финляндіи.

падѣ, можетъ быть, даже слишкомъ, хотя это, впрочемъ, и не помѣшало Петру своевременно заслонить Карлу дорогу, разъ какъ его операціонное направленіе обозначилось, и затѣмъ 2) другую замѣчательную сторону, именно ту, что оно отвѣчало идеѣ активной обороны, которой, какъ въ стратегическомъ смыслѣ, такъ и въ тактическомъ (Полтава), Петръ былъ ревностный поклонникъ, какъ и всѣ лучшіе полководцы (Фридрихъ, Наполеонъ). Это стремленіе защищать Россію въ Литвѣ, независимо отъ нравственныхъ выгодъ, представляло весьма важныя выгоды и въ матеріальномъ отношеніи, давая возможность вести войну на чужой счетъ, что въ значительныхъ размѣрахъ сократило громадные расходы на войну [1]).

Впрочемъ, первоначальное расположеніе нашихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій не имѣло особенно важнаго значенія, по значительному пока удаленію непріятеля. Мы на немъ остановились не столько для критическаго разбора, сколько для возможно-полнаго охарактеризованія того положенія, той обстановки, которая окружала Петра.

Теперь спрашивается: дѣйствовалъ ли онъ сообразно съ обстановкою, этимъ главнымъ и единственнымъ руководителемъ въ дѣйствіяхъ великихъ мастеровъ въ нашемъ искусствѣ?

Когда всѣ попытки Петра, при содѣйствіи иностранныхъ державъ, склонить Карла на миръ оказались напрасными, когда война сдѣлалась окончательно неизбѣжною, Петръ началъ къ ней дѣятельно готовиться. Армія въ 60,000 была уже готова; оставалось позаботиться о подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій и затѣмъ, при значительномъ протяженіи нашей западной границы, расположить силы такъ, чтобы заслонить дорогу къ важнѣйшимъ пунктамъ внутрь страны, по какому бы направленію непріятель ни двинулся. *Подготовка театра военныхъ дѣйствій* заключалась въ усиленіи укрѣпленій Смоленска, Пскова и Новгорода. Изъ предпосланнаго описанія тогдашней нашей западной границы видно, что она образовывала на 400 верстъ открытый промежутокъ между Чудскимъ озеромъ и Днѣпромъ. На этотъ-то промежутокъ и было обращено особенное вниманіе Петра. Онъ приказалъ укрѣпить Великія-Луки и построить предмостное укрѣпленіе въ Копысѣ. Наконецъ, приготовляясь даже къ самому несчастному обороту войны, онъ повелѣлъ укрѣпить Москву (готовность на все, т. е. на худшее, какъ лучшая гарантія успѣха на войнѣ).

Независимо отъ мѣръ, принятыхъ къ усиленію театра военныхъ дѣйствій, необходимо еще указать на укрѣпленную линію, построенную за два года передъ тѣмъ отъ Пскова черезъ Смоленскъ до Брянска. Линія эта была преимущественно ведена черезъ болота и

[1]) Такъ, напримѣръ, въ первые три года войны, благодаря набѣгамъ въ Лифляндію, содержаніе всей арміи Шереметева обошлось только въ 38,355 р. (Карцовъ—«Обзоръ сѣверной войны», стр. 45).

лѣса. Въ послѣднихъ, а равно и на дорогахъ, устроены были засѣки шириною отъ 150 до 300 шаговъ. Земляные валы располагались только черезъ поля, въ открытыхъ мѣстахъ. Большія же дороги, служившія для сообщенія съ Польшею, преграждены были люнетами и палисадомъ. Вдоль всей линіи устроена была дорога шириною въ 30 саженъ. Линія эта, хотя и въ значительно большихъ размѣрахъ, какъ бы напоминаетъ собою тѣ оборонительныя линіи на западѣ, о которыхъ было упомянуто выше и за которыми нерѣдко цѣлыя арміи растягивались длиннымъ кордономъ. Казалось бы такимъ образомъ, что въ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, Петръ является подражателемъ; но ближайшее изслѣдованіе его распоряженій доказываетъ, что линія эта была построена имъ вовсе не въ подражаніе тому, что такъ дѣлалось на западѣ, а единственно потому, что обстоятельства, обстановка того требовали. За нею Петръ не думалъ растягивать своей арміи, какъ это нерѣдко дѣлалось на западѣ, чтобы тѣмъ остановить вторженіе Карла XII; онъ предполагалъ, при помощи ея, дать возможность пограничному населенію останавливать нападеніе небольшихъ Шведскихъ и Польскихъ отрядовъ, пробиравшихся черезъ пограничную черту съ хищническою цѣлію. Короче, линія эта была, по идеѣ по крайней мѣрѣ, нѣчто въ родѣ Кавказскаго кордона. Нельзя не согласиться, что при такихъ условіяхъ, кордонъ вполнѣ умѣстенъ.

Этихъ бѣглыхъ указаній касательно подготовки театра военныхъ дѣйствій, въ инженерномъ отношеніи, вполнѣ достаточно, чтобы, сличивъ ихъ со свойствами театра военныхъ дѣйствій, убѣдиться, насколько распоряженія Петра, въ этомъ отношеніи, отвѣчали обстановкѣ. Подготовка театра военныхъ дѣйствій Петромъ въ 1707 году не допускаетъ даже сравненія съ подготовкою театра военныхъ дѣйствій въ 1812 году. Вспомнимъ только Дриссу.

Подготовивъ подробнымъ образомъ театръ военныхъ дѣйствій, необходимо было обратить вниманіе на расположеніе войскъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы, куда непріятель ни направился, заслонить ему дорогу.

Въ исходѣ августа 1707 года Карлъ двинулся изъ Саксоніи черезъ Познань, гдѣ онъ на время остановился, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій. Это движеніе на сѣверо-востокъ уже до нѣкоторой степени намекало на то, что Карлъ предпочтетъ выбрать операціонное направленіе по сѣверную сторону Полѣсья. Армія наша тотчасъ же передвинулась вправо (Меншиковъ съ кавалеріею перешелъ въ окрестности Варшавы, а Шереметевъ съ пѣхотою къ Слуцку; прикрытіе Волыни принялъ на себя коронный гетманъ Синявскій, собравшій до 15,000) и вслѣдъ затѣмъ, съ наступленіемъ зимы, расположилась на квартирахъ въ окрестностяхъ Гродно и Минска. Карлъ, по обыкновенію, выждавъ наступленія сильныхъ морозовъ, когда замерзли рѣки и болота, 29-го декабря, переправился черезъ Вислу (въ Влодславскѣ) и по кратчайшему, но только геометрически крат-

чайшему направленію [1]), черезъ Пржашницы, двинулся въ промежутокъ между Вильно и Минскомъ, разсчитывая настигнуть Русскую армію, которая, упорно уклоняясь отъ боя, отступала, съ цѣлію сосредоточенія, въ окрестности Череи. Потерявъ надежду настигнуть нашу армію и утомивъ свою крайне затруднительнымъ движеніемъ черезъ дикіе лѣса Мазовецкіе, Карлъ расположился на квартирахъ между Сморгонью и Вильно. Русская армія стала тоже на квартирахъ за р. Уллою.

Охарактеризованіе этихъ событій намъ необходимо было для болѣе полнаго обрисованія той обстановки, въ которой находился Петръ предъ открытіемъ похода 1708 г., чтобы такимъ путемъ ближе оцѣнить мѣры, принятыя имъ для затрудненія Карлу вторженія въ Россію, и вообще предначертанный имъ планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій.

О планѣ скажемъ послѣ. Начнемъ съ оцѣнки *расположенія войскъ.* Проглядываетъ ли въ немъ рутинное стремленіе слѣпо подражать разброскѣ силъ западныхъ генераловъ, или же только одно строгое соображеніе съ обстановкою?

Русская армія (60,000) расположена была на квартирахъ за р. Уллою, отъ Уллы до Лукомля, *въ совокупности*, имѣя два авангарда на двухъ наиболѣе вѣроятныхъ путяхъ наступленія: *правый авангардъ*, подъ начальствомъ Баура (5,000 драгунъ), у Полоцка, и *лѣвый*, Гольца (8 конныхъ и 1 пѣхотный полкъ), въ Борисовѣ. Вдоль по р. Березинѣ, для обезпеченія квартирнаго расположенія и для защиты рѣки, расположены были отряды казаковъ и калмыковъ.

Расположеніе войскъ было, такимъ образомъ, вполнѣ сообразно съ обстановкою. Армія хотя и была расположена на квартирахъ (непріятель тоже стоялъ на квартирахъ), но *она составляла одно цѣлое.* Расположеніе это было *центральнымъ*, въ отношеніи къ двумъ наиболѣе вѣроятнымъ путямъ вторженія непріятеля, т. е. наша армія, въ случаѣ, когда обозначались бы намѣренія непріятеля воспользоваться тѣмъ или другимъ путемъ, всегда успѣла бы заслонить его. Оно, правда, не было вполнѣ центральнымъ въ отношеніи къ третьему пути—къ пути въ Украйну, но, какъ объяснено выше, для этого необходимо было бы предвидѣть готовившуюся только измѣну Мазепы.

Какая безконечная разница въ рѣшеніи того же самаго вопроса въ 1812 году! Какъ расположены были тогда наши войска для защиты западной границы? Конечно, обстановка хотя до нѣкоторой степени и подходила къ обстановкѣ въ 1708 году, но была не та. Слѣдовательно, и рѣшеніе вопроса должно было получиться иное. Посмотримъ, какимъ образомъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ 1812 г. Строго ли соображено было распредѣленіе нашихъ силъ съ обстановкою?

Разница въ этой послѣдней, сравнительно съ обстановкою 1708 г.,

[1]) Направленіе на Остроленку представляло несравненно болѣе удобствъ.

заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что первая наша оборонительная линія шла не по рр.Уллѣ и Березинѣ, а по Нѣману, Бугу, слѣдовательно Полѣсье входило какъ разобщающая преграда въ сферу театра военныхъ дѣйствій. Подобной разобщающей преграды не было на театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1708 г., слѣдовательно и армія могла расположиться въ совокупности, чего нельзя было сдѣлать въ 1812 г., а по неволѣ пришлось бы раздѣлить силы; того требовали свойства театра военныхъ дѣйствій. Но, допуская раздѣленіе силъ, слѣдовало уже допустить это зло (при такой несоразмѣрности въ силахъ съ непріятелемъ), строго примѣняясь къ обстановкѣ, отнюдь не свыше того какъ оно требовалось ею. Раздѣленіе на двѣ арміи, конечно, было необходимо (одна по сѣверную, другая по южную сторону Полѣсья); однако ученый составитель плана первоначальныхъ нашихъ дѣйствій генералъ Пфуль, вѣрный универсальному рецепту Бюлова, что *оборонительную войну выгоднѣе всего вести двумя арміями, изъ которыхъ одна будетъ удерживать наступленіе непріятеля съ фронта, въ то время какъ другая должна быть направлена для дѣйствій противъ его тыла и фланга*, нашелъ необходимымъ силы по сѣверную сторону Полѣсья раздѣлить также на двѣ самостоятельныя массы. Кому не извѣстно, что это неумѣстное раздѣленіе нашихъ силъ и было главною причиною того затруднительнаго положенія, въ которое мы были поставлены въ періодъ отъ открытія военныхъ дѣйствій до Смоленска (соединенія обѣихъ армій) и даже до Бородина (до назначенія общаго главнокомандующаго)? Всѣ усилія Наполеона были обращены именно противъ этой ошибки, къ разбитію отдѣльно нашихъ армій, и если ему это не удалось, то какихъ усилій стоило и нашимъ войскамъ уклоненіе отъ подобнаго пораженія!... Наконецъ, неумѣстное раздѣленіе силъ выразилось вредно не только въ этомъ отношеніи, но и повело къ необходимости организовать двѣ отдѣльныя массы въ видѣ двухъ отдѣльныхъ армій, что повлекло за собою весьма важныя затрудненія, и притомъ въ такой мѣрѣ, что хотя, послѣ крайнихъ усилій и пожертвованій, обѣ арміи и соединились подъ Смоленскомъ, но, въ строгомъ смыслѣ, вслѣдствіе разлада между главнокомандующими, соединенія какъ бы не было.

Разсматривая вопросъ относительно подготовки Петромъ театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи, нельзя не сознаться, что всѣ распоряженія его были вполнѣ раціональны и превосходно соображены съ обстановкою. Главное вниманіе его было обращено на усиленіе наиболѣе доступной и, въ то же время, наиболѣе важной части нашей тогдашней пограничной черты, пространства между Двиною и Днѣпромъ, по которому, вдобавокъ, пролегалъ кратчайшій путь на Москву черезъ Смоленскъ; укрѣплены Великія Луки, построенъ тетъ-де понъ въ Копысѣ; на этомъ же пространствѣ была расположена и наша армія за рѣкою Уллою.

Что было сдѣлано, въ этомъ отношеніи, въ 1812 году? Вопросъ столь важный, какъ подготовка театра военныхъ дѣйствій въ инже-

нерномъ отношеніи, являющійся какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ упроченію за собою выгодъ иниціативы, къ поставленію себя, по возможности, внѣ всякаго рода случайностей, которыя въ такомъ изобиліи окружаютъ обыкновенно исполненіе военныхъ предпріятій, и въ особенности для обороняющагося, поставленнаго въ большей части случаевъ въ пассивную роль подчиняться волѣ противника—вопросъ этотъ удостоился крайне слабаго вниманія. Кромѣ существовавшихъ укрѣпленій Риги и Дюнаминде, почти оконченныхъ укрѣпленій Бобруйска, далеко не оконченныхъ Динабурга (только одно мостовое укрѣпленіе, да и то далеко не было кончено), Борисовскаго тетъ-де-пона и, наконецъ, знаменитаго Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря, другихъ мѣръ не было принято. Въ оправданіе могутъ указать на особенно благопріятныя мѣстныя условія: значительную глубину театра военныхъ дѣйствій, значительное удаленіе важнѣйшихъ пунктовъ отъ границы, избавлявшее отъ необходимости защищать доступы къ нимъ крѣпостями. Это отчасти справедливо въ отношеніи къ мѣстнымъ условіямъ; а политическія условія, нашъ стражъ на западѣ, всегда готовый усилить собою ряды арміи, вторгающейся въ предѣлы Россіи, развѣ не требуютъ особенно энергическихъ мѣръ къ тому, чтобы стать твердою ногою въ царствѣ Польскомъ? Необходимость эта была сознана и приведена въ исполненіе послѣ событій 1812 года. Могутъ указать еще на неожиданность вторженія Наполеона, перешедшаго нашу границу безъ предварительнаго объявленія войны, на поспѣшность, съ которою предстояло приготовиться къ исполинской борьбѣ. Это ближе всего, конечно, могло бы оправдать слабость принятыхъ мѣръ относительно подготовки театра военныхъ дѣйствій; однако поспѣшность не помѣшала же постройкѣ Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря, не защищавшаго доступовъ ни къ Петербургу, ни къ Москвѣ, находившагося между двумя путями вторженія непріятеля, лагеря, созданнаго генераломъ Пфулемъ не согласно требованіямъ обстановки, а какъ-разъ *на перекоръ ей*, единственно изъ желанія подражать Веллингтону [1]) и примѣнить къ дѣлу универ-

[1]) Слѣпо подражая Веллингтону, Пфуль упустилъ, по его мнѣнію, конечно, пустую вещь, а по нашему главную въ военномъ дѣлѣ — обстановку. Онъ не обратилъ вниманія на то, что насколько укрѣпленный лагерь при Торресъ-Ведрасѣ былъ вызванъ тою обстановкою, въ которой находился Веллингтонъ (припертый къ морю, лишенный возможности, по недостатку мѣста, къ дальнѣйшему отступленію, и притомъ поставленный въ необходимость прикрыть Лиссабонъ и устроить вообще обезпеченный амбаркаціонный пунктъ), настолько онъ не отвѣчалъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ намъ пришлось дѣйствовать въ 1812 г. Тотъ выигрышъ во времени и то уравновѣшиваніе въ силахъ съ противниковъ, которые могли быть доставлены Веллингтону только укрѣпленнымъ лагеремъ, у насъ достигались значительною глубиною театра военныхъ дѣйствій, возможностію отступленія внутрь страны — образъ дѣйствій, къ которому, отрѣшившись отъ военной механики Пфуля, наконецъ и обратились наши генералы.

сальный рецептъ систематика Бюлова, утверждавшаго, что для прикрытія какого-либо важнаго пункта гораздо выгоднѣе сойти съ пути дѣйствія, по которому двигаются войска наступающаго, и, занявъ въ сторонѣ отъ него фланговую позицію, дѣйствовать изъ нея на сообщенія противника [1]).

Для вѣрной оцѣнки всѣхъ приготовительныхъ мѣръ въ 1707—1708 и 1812 гг. небходимо принять въ соображеніе, что, несмотря на кажущееся сходство между позиціею за рѣкою Уллою и Дриссою,—обѣ были центральными въ отношеніи къ главнымъ путямъ наступленія противника,—между ними есть и существенная разница, недопускающая ни малѣйшаго сближенія. Въ то время какъ Дрисская позиція была выбрана для боя (она была и укрѣплена съ этою цѣлію), расположеніе за рѣкою Уллою было чисто-*выжидательное*, съ тѣмъ чтобы, когда обнаружится намѣреніе непріятеля наступать по тому или другому пути, можно было изъ него въ кратчайшее время перенестись къ угрожаемому пункту.

Проведенная нами бѣглая параллель между приготовительными мѣрами въ 1707—1708 и 1812 годахъ намъ казалась нелишнею. Во-первыхъ потому, что обстановка въ обоихъ случаяхъ была довольно близка: тотъ же театръ военныхъ дѣйствій (съ нѣкоторыми, впрочемъ, варіяціями); какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы поставлены были въ необходимость дѣйствовать оборонительно; во-вторыхъ потому, что сопоставленіе распоряженій геніальнаго полководца, всегда строго отвѣчающихъ обстановкѣ, съ таковыми же какого-нибудь механика-систематика Пфуля, стремившагося всегда примѣнять къ дѣлу свои универсальные рецепты, на перекоръ обстановкѣ, должно особенно рельефно обрисовать замѣчательную личность Петра какъ полководца.

Теперь обратимся къ сравненію *плановъ* дѣйствій въ тѣ же двѣ эпохи.

Еще во время расположенія нашей арміи на Волыни, въ Жолкіевѣ, на военномъ совѣтѣ, созванномъ Петромъ, было опредѣлено: при наступленіи Карла XII не вступать съ нимъ въ бой въ предѣлахъ Польши, а отступать къ своимъ границамъ; во время отступленія опустошать край, чтобы лишить Шведовъ средствъ къ продовольствію; въ то же время тревожить ихъ мелкими отрядами и тѣмъ сколь возможно долѣе задерживать въ опустошенной странѣ.

Во время расположенія нашей арміи за рѣкою Уллою, былъ собранъ снова военный совѣтъ въ Бѣшенковичахъ, на которомъ, въ случаѣ вторженія Карла XII въ Россію, былъ принятъ тотъ же планъ съ нѣкоторыми только частными измѣненіями, не нарушавшими нисколько его сущности, напримѣръ: вмѣсто опустошенія Русскихъ областей, всѣмъ жителямъ ихъ приказано было, по приближеніи непріятеля, уходить изъ селеній въ лѣса со всѣми стадами и за-

[1]) Бываютъ случаи, какъ о томъ будетъ упомянуто вслѣдъ за симъ, когда фланговыя позиціи оказываются явленіемъ вполнѣ законнымъ.

пасами, зарывъ въ ямы все, чего не въ силахъ будутъ взять съ собою. Наконецъ, хотя и принято было за основаніе уклоняться отъ боя, т. е. отъ вступленія въ генеральное сраженіе, но, въ то же время, предположено было не упускать случая удерживать Шведовъ на всѣхъ переправахъ и крѣпкихъ мѣстахъ, а гдѣ представится возможность,—даже и нападать превосходными силами на отдаленныя части непріятельской арміи.

Эти два плана, въ сущности, по идеѣ, одинъ и тотъ же, какъ нельзя болѣе отвѣчали обстановкѣ. Они согласовались вполнѣ: 1) *со свойствами театра военныхъ дѣйствій*, имѣвшаго значительную глубину и представлявшаго большею частію мѣстность лѣсистую и малонаселенную; 2) *съ образомъ дѣйствій противника*, незаботившагося объ устройствѣ базиса и сообщеній, а продовольствовавшаго армію средствами края. Разъ какъ край былъ опустошенъ, приходилось везти все съ собою, черезъ что въ страшныхъ размѣрахъ увеличивались тяжести, и не только быстрый налетъ, главная отличительная черта дѣйствій Карла XII, дѣлался невозможнымъ, а напротивъ того—всѣ движенія крайне замедлялись; 3) замедлялись и затруднялись они еще и отъ другой причины, являющейся какъ слѣдствіе превосходнаго соображенія плана *съ тактическимъ образованіемъ нашей арміи*, весьма искусной въ дѣйствіяхъ малой войны, небольшими отрядами, но еще уступавшей Шведамъ въ маневрированіи массами. Петръ предполагалъ развить и развилъ дѣйствительно дѣйствія малой войны въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Легкіе отряды, предупреждая Шведовъ на переправахъ, на переходахъ чрезъ трудныя мѣста, ломая мосты, опустошая край (Ифландъ, во время движенія Карла отъ Старишь въ Украйну), задерживали ихъ на каждомъ шагу. Другіе распространялись на флангахъ и въ тылу, безпрестанными нападеніями утомляли и изнуряли Шведовъ. Все это вмѣстѣ должно было значительно ослабить Шведскую армію и продлить ея пребываніе въ опустошенномъ краѣ. Нельзя было болѣе искусно примѣнить къ дѣлу основнаго правила борьбы вообще, даже въ самомъ микроскопическомъ видѣ, между двумя бойцами, *подставлять сильную* правую сторону, *и уклонять слабую* лѣвую. Правую-то сторону нашу въ эту минуту и составлялала малая война. Не только во время наступленія Карла до Старишъ и при движеніи его въ Украйну, но и при расположеніи на квартирахъ въ зиму 1708—1709 годовъ этотъ способъ дѣйствій получилъ полное развитіе и, конечно, не замедлилъ обнаружить пагубное вліяніе на Шведскую армію, которая къ веснѣ 1709 года считала въ своихъ рядахъ не болѣе 30,000, а подъ Полтавою около 25,000 (не слѣдуетъ забывать, что отъ 5,000 до 6,000 было приведено Левенгауптомъ, такъ что вообще Шведская армія потеряла около 15,000—кажется, не много, но въ отношеніи къ первоначальной ея силѣ, 55,000, это почти половина).

Вообще, разсматривая дѣйствія Петра въ эти кампаніи, казалось бы, что въ нихъ уже слишкомъ широкое мѣсто отведено элементу

осторожности, что сперва съ 60,000, затѣмъ съ 42,000 (подъ Полтавою) нечего было много стѣсняться съ Шведскою арміею, имѣвшею вначалѣ 35,000 и наконецъ только 25,000, бывшею вдвое слабѣе. Подобнаго рода замѣчаніе могло бы быть сдѣлано только тѣмъ, кто не принялъ бы во вниманіе указанной выше разницы въ тактическомъ образованіи обѣихъ армій. Нельзя не согласиться, что бой есть дѣйствительно средство самое рѣшительное, способное въ кратчайшее время привести къ развязкѣ; но уже по одному тому, что это средство самое рѣшительное, къ нему слѣдуетъ обращаться только въ крайности, и притомъ когда всѣ шансы къ успѣху на нашей сторонѣ. Были ли шансы на нашей сторонѣ въ бою противъ арміи, считавшейся по праву первою въ Европѣ, арміи, несмотря на труды и лишенія, воодушевленной превосходнымъ духомъ и вдобавокъ предводимой любимымъ королемъ-полководцемъ, провосходившимъ въ отвагѣ и рѣшительности всѣхъ полководцевъ? Наконецъ, развѣ не было другихъ средствъ къ достиженію той же цѣли—ослабленія противника (не забудемъ, что бой есть крайнее средство, къ которому слѣдуетъ обращаться только тогда, когда другихъ нѣтъ)? Конвчно, они были, и Петръ превосходно съумѣлъ воспользоваться ими. Для вполнѣ вѣрной оцѣнки дѣйствій Петра не слѣдуетъ забывать также и Нарвскаго урока, который склонилъ его въ сторону болѣе осторожныхъ дѣйствій, и въ особенности того, что успѣхъ сраженія вообще зависитъ отъ множества такихъ случайностей (хотя бы крайне капризное проявленіе нравственнаго начала), которыхъ и геніальнѣйшій изъ умовъ не въ силахъ предвидѣть. Могъ ли послѣ того Петръ, не истощивъ всѣхъ другихъ средствъ предварительно, прямо обратиться къ крайнему и поставить, такимъ образомъ, на конецъ шпаги судьбу своего государства? Осторожность Петра была благоразумная осторожность. Она получила въ его дѣйствіяхъ именно ту степень развитія, которая строго требуема была обстановкою и нисколько не стѣснялась обращаться даже въ рѣшительность, разъ какъ обстановка того требовала. Подъ Добрымъ (29-го августа 1708 года), пользуясь раздѣленіемъ силъ непріятельскихъ, онъ переходитъ къ наступленію съ частію своихъ войскъ. Узнавъ о движеніи Левенгаупта въ Украйну съ громаднымъ транспортомъ жизненныхъ и въ особенности боевыхъ запасовъ (7,000 повозокъ), онъ, предоставивъ преслѣдованіе главныхъ силъ непріятеля Шереметеву, Ифланду и Бауру, обращается съ 12,000 противъ Левенгаупта и бьетъ 15,000 при Лѣсной. Наконецъ, подъ Полтавой, истощивъ всѣ средства къ спасенію этого столь важнаго въ матеріальномъ и особенно въ политическомъ отношеніи пункта, онъ, когда обстановка опять того потребовала, не задумываясь обращается къ самому рѣшительному изъ средствъ, къ генеральному сраженію, и *самъ идетъ атаковать непріятеля*. Но, обращаясь къ рѣшительному средству, какъ онъ, въ тоже время, умѣетъ быть осторожнымъ, въ какой мѣрѣ гармонически сочетаетъ эти два противоположныя начала рѣшительности и осторожности!

А кто не согласится, что стоитъ только успѣхъ самаго смѣлаго, самаго рискованнаго предпріятія надлежащимъ образомъ обезпечить при исполненіи отъ разнаго рода случайностей, какъ оно уже изъ рискованнаго обращается въ предпріятіе настолько рискованное, насколько то бываютъ самыя обыкновенныя предпріятія вообще. Точно такъ и поступилъ Петръ подъ Полтавой.

Казалось бы, много общаго между вышеприведеннымъ планомъ и планомъ дѣйствій нашихъ армій въ 1812 году. То же отступленіе въ глубь края, то же уклоненіе объ боя, то же уничтоженіе средствъ къ существованію непріятеля; но между ними есть и громадная разница, заключающаяся именно въ томъ, что планъ дѣйствій въ 1707—1708 годахъ былъ выработанъ *заблаговременно*, à priori, а въ 1812 году къ этому образу дѣйствій мы были вынуждены обратиться только силою обстоятельствъ, не выработавъ заблаговременно идеи его. Планъ въ 1812 году не только не былъ выроботанъ à priori, но все, попросту сказать, *только вышло такъ, само собою.*

И дѣйствительно: первоначально имѣлось въ виду исполнить, что отчасти и было сдѣлано (1-я армія отступила къ Дриссѣ), планъ генерала Пфуля, какъ извѣстно, заключавшійся относительно 1-й и 2-й арміи въ томъ, что, въ случаѣ наступленія непріятеля противъ которой-либо изъ нихъ, она должна отступать, а другая дѣйствовать противъ его фланга. Наполеонъ съ громадными силами обращается противъ 1-й арміи и старается разбить ее отдѣльно. 1-я армія, согласно плану генераля Пфуля, отступаетъ въ Дриссу, оставляя дорогу на Москву открытою. По случаю громаднаго превосходства въ силахъ противника, предполагавшіяся вначалѣ дѣйствія во флангъ 2-й арміи отмѣняются (что могла сдѣлать главной Наполеонской колоннѣ въ 250,000 40-тысячная 2-я армія, имѣвшая передъ собою 70,000 Іеронима, да и флангъ, 250,000, былъ прикрытъ 40,000 вице-короля); а такъ какъ направленіе 1-й арміи на Дриссу открывало прямой путь къ главному политическому центру государства — къ Москвѣ, то второй арміи послано приказаніе идти черезъ Новгородекъ, или Бѣлицу, къ Вилейкѣ. Хотя въ предписаніи Багратіону, отъ 16-го (28-го) іюня, въ которомъ ему сообщено было это повелѣніе государя, и говорится, что движеніе предписано въ видахъ соединенія 2-й арміи съ 1-ю, но этого предположенія допустить нельзя: во-первыхъ потому, что если бы имѣлось въ виду дѣйствительно соединеніе обѣихъ армій, то навѣрно не дано было бы первой арміи совершенно эксцентрическаго направленія въ отношеніи ко 2-й на Дриссу, и во-вторыхъ потому, что въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ императора Александра къ Багратіону положительно говорится: «Движеніе сперва на Вилейку и затѣмъ Минскъ предписано вамъ не столько въ видахъ соединенія съ 1-ю арміею, сколько для того, чтобы поставить 2-ю армію въ такое положеніе, въ которомъ она могла бы лучше прикрыть средоточіе государства». Итакъ въ предписанномъ 2-й арміи движеніи на Вилейку нѣтъ и слѣдовъ идеи

соединенія обѣихъ армій, а есть только развѣ нѣкоторое сближеніе ихъ, и въ особенности прикрытіе прямой дороги въ Москву.

На другой день послѣ прибытія арміи въ Дриссу (28-го іюня), во вниманіи къ капитальнымъ недостаткамъ этого лагеря, на военномъ совѣтѣ принято рѣшеніе оставить лагерь и двинуться правымъ берегомъ Двины къ Витебску для соединенія съ 2-ю арміею. Съ этой минуты окончательно былъ оставленъ планъ Пфуля, основанный, какъ выше было упомянуто, на разъединенномъ дѣйствіи обѣихъ армій, и главною цѣлію всѣхъ движеній сдѣлалось соединеніе ихъ. Разъ какъ эта цѣль была поставлена, то понятно, что, при тогдашней обстановкѣ, обѣ арміи значительно удалены другъ отъ друга, непріятель ломитъ впередъ въ громадныхъ силахъ, устремивъ притомъ часть войскъ (около 40,000 Даву) въ промежутокъ между обѣими арміями,—цѣль эта могла быть достигнута не иначе какъ концентрическимъ ихъ отступленіемъ въ глубь страны.

Полагаемъ, что, сравнивая планъ дѣйствій 1707 — 1708 и 1812 годовъ, мы были правы, сказавъ о планѣ Петра, что онъ былъ составленъ à priori, идея его заранѣе выработана; а въ 1812 году послѣ первоначальныхъ капитальныхъ ошибокъ, въ которыя насъ вовлекъ лже-теоретикъ Пфуль, къ этому плану дѣйствій мы были обращены силою обстоятельствъ, и что необходимость отступленія въ глубь страны вышла *сама собою*, разъ какъ главною цѣлію поставлено было соединеніе обѣихъ армій.

Вообще дѣйствія наши въ началѣ кампаніи 1812 года представляютъ, по характеру, два рѣзко другъ отъ друга отличающіеся періода: первый—до оставленія Дрисскаго лагеря, рѣшительное пренебреженіе обстановкою, главной повелительницей на войнѣ, стремленіе привести въ исполненіе, наперекоръ обстановкѣ, теоретическія бредни Пфуля, и второй—всѣ послѣдующія дѣйствія—полное уваженіе обстановки (конечно, были и ошибки), принятіе единственно ея къ руководству въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Съ этой минуты планъ дѣйствительно совпадалъ съ планомъ Петра. Избѣгая боя, обѣ арміи отступаютъ въ глубь страны, истребляя все на пути своемъ, съ тою цѣлію, чтобы, оставивъ между собою и непріятелемъ пустыню, лишить его средствъ къ существованію, тѣмъ ослабить и разстроить его. Насколько планъ Петра былъ выше первоначальнаго плана 1812 года,—само по себѣ очевидно. Это оправдали событія, лишь только въ 1812 году подобный образъ дѣйствій былъ принятъ къ руководству,

§ 2.

О флангевыхъ позиціяхъ.

«Дѣйствія въ непріятельской странѣ (наступательныя) по одной операціонной линіи (въ основаніи которыхъ находится одинъ субъектъ)—говоритъ извѣстный систематикъ Бюловъ — являются недо-

статочно базированными и должны не удасться, если только непріятель не пренебрежетъ необходимыми для противодѣйствія мѣрами. Отсюда въ оборонительной войнѣ *никогда* не слѣдуетъ становиться параллельно непріятелю (т. е. занимать фронтальныхъ позицій) и пассивно выжидать его атаку, а напротивъ того — располагаться сбоку (т. е. занимать фланговыя позиціи) и дѣйствовать наступательно противъ его сообщеній и подвозовъ, оставляя его совершенно въ покоѣ съ фронта»[1]).

Правило это, въ смыслѣ безусловнаго рецепта, оказывется нелѣпымъ, и лучшимъ тому подтвержденіемъ служитъ Дрисса, но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, чтобы фланговыя позиціи вообще были нелѣпостью. Подобный выводъ равносиленъ тому, что *всегда* слѣдуетъ занимать фронтальныя позиціи, что, въ свою очередь, въ смыслѣ безусловнаго правила, было бы нелѣпостію. И здѣсь опять-таки вопросъ о выборѣ между фронтальными и фланговыми позиціями рѣшается не иначе какъ обстановкою, которая въ одномъ случаѣ сложится такъ, что придется отдать предпочтеніе фланговой позиціи передъ фронтальной, въ другомъ—наоборотъ. Въ какихъ же случаяхъ слѣдуетъ предпочитать фланговыя позиціи фронтальнымъ? Конечно, по безконечному разнообразію въ обстановкѣ, всѣхъ случаевъ не перечесть; укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ, и обратимся для того прежде всего къ военной исторіи.

1) Знаменитая *Тарутинская* позиція (1812 года) была позиція фланговая, равно какъ и 2) позиція, занятая Богемскою арміею въ 1813 году, во время дѣйствій послѣ перемирія. Относительно этихъ позицій необходимо замѣтить, что прежде всего онѣ были позиціи фланговыя, въ отношеніи къ операціонной линіи непріятеля, и въ то же время фронтальныя, въ отношеніи къ операціонной линіи нашей и Богемской армій. При этомъ условіи, расположеніе на флангѣ непріятеля представляетъ несомнѣнныя выгоды. Далѣе, какъ наша армія, такъ въ особенности Богемская армія, по числительной своей силѣ (первая 70,000, а вторая 260,000), способны были поселить немалое опасеніе въ непріятелѣ.

Вообще къ фланговымъ позиціямъ слѣдуетъ обращаться:

а) когда онѣ являются въ качествѣ фронтальныхъ для насъ и фланговыхъ въ отношеніи къ непріятельскому расположенію;

б) когда онѣ заняты достаточными силами, способными внушить къ себѣ уваженіе непріятеля;

в) когда онѣ заняты хотя бы и незначительными силами, но которыя опираются на сильно укрѣпленный пунктъ, куда онѣ могутъ укрыться въ случаѣ опасности;

г) когда пунктъ, къ которому мы имѣемъ въ виду не допустить

---

[1]) Далѣе, какъ на исключительный случай, указывается, что, въ видахъ развлеченія вниманія непріятеля.... можно оставлять иногда часть войскъ для удержанія его съ фронта, но съ тѣмъ, чтобы большую часть всетаки располагать противъ фланга и сообщеній его.

непріятеля, *самъ по себѣ* значительно силенъ, такъ что непріятель не можетъ овладѣть имъ ранѣе того какъ силы, оставленныя у него на флангѣ, успѣютъ захватить его сообщенія... [1])

Не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ вида весьма рѣзкой отличительной черты между фронтальными и фланговыми позиціями. Первыя суть позиціи оборонительныя; послѣднія—чисто-наступательныя. Онѣ занимаются для нападенія или на флангъ, или на сообщенія непріятеля.

---

[1]) Наиболѣе же благопріятный случай для выбора фланговыхъ позицій обусловливается: значительною длиною операціонной линіи наступающаго (вообще недостаточною ея безопасностью) и незначительною разницею въ силахъ обѣихъ сторонъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Бюловъ какъ систематикъ и геометръ; его геометрическое равновѣсіе.

Стратегическая теорія Бюлова, предлагаемая имъ за *лучшую систему* дѣйствій, какъ извѣстно, заключается въ слѣдующемъ: обхватывающая база; *при наступленіи* концентрическое наступленіе по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ;— *при оборонѣ* уклоненіе отъ боя съ фронта, занятіе фланговыхъ позицій и дѣйствія на сообщенія противника, наконецъ, въ случаѣ неудачи, эксцентрическое отступленіе для перехода къ концетрическому наступленію.

Теорія эта, въ смыслѣ универсальнаго рецепта для дѣйствій, во всѣхъ случаяхъ, есть, конечно, нелѣпость и куріозъ, но, какъ одинъ изъ безконечнаго множества образовъ дѣйствій, примѣненный *кстати* къ одной изъ безконечнаго множества обстановокъ, онъ вполнѣ раціоналенъ; это прежде всего очевидно само по себѣ и далѣе подтверждается исторіею. Такимъ образомъ въ *1812 г. механически, некстати* [1]), *на перекоръ обстановкѣ* примѣненный Пфулемъ, онъ дѣйствительно былъ нелѣпостью; но въ 1813 г. *кстати* [2]), *сообразно съ обстановкою* примѣненный къ дѣлу (Трахенбергскій планъ), онъ уничтожилъ всѣ выгоды центральнаго положенія (внутреннихъ операціонныхъ линій) Наполеона подъ Дрезденомъ. Для вѣрной оцѣнки достоинствъ этого образа дѣйствій, *въ данномъ случаѣ*, стоитъ только сравнить результаты приведеннаго періода кампаніи 1813 (пораженіе Французовъ при Гроссъ-Беерентѣ, Кацбахѣ, Денневицѣ и Кульмѣ) хоть съ результатами кампаніи 1796 г. (побѣды Французовъ при Лонато, Кастильонѣ, Арколе, Риволи), когда Наполеонъ, въ окрестностяхъ Мантуи, находился въ томъ же центральномъ положеніи.

Для того чтобы ближе познакомиться съ Бюловымъ какъ съ стратегическимъ писателемъ и въ особенности чтобы увидѣть, до какого рода крайностей (своего рода delirium tremens) можно дойти, задавшись однимъ извѣстнымъ направленіемъ, выписываемъ приступъ *Рюстова* къ одному изъ недавнихъ его сочиненій («Ueber die politischen Grenzen der Staaten»), заимствованный имъ у Бюлова изъ его сочиненія «Geist des neueren Kriegssystems». Онъ намъ покажетъ до какой *политико-стратегико-геометрической мономаніи* дошелъ творецъ базы.

---

[1], [2]) Это *кстати* или *некстати* объясняется прежде всего обстановкою: длиною операціонной линіи противника и въ особенности относительною числительною силою обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ въ 1812 г. операціонная линія Наполеона хотя и была длинна, но разница въ силахъ была страшно велика. Что значило дѣйствіе 40 т. (Багратіона) во флангъ 250—300 т. массы, между тѣмъ какъ въ 1813 г. дѣйствія на сообщенія Французовъ массы въ 260 т. (Богемской арміи) должны были имѣть громадное значеніе даже и при короткой операціонной линіи противника.

Бюловъ развиваетъ ту мысль, что, съ принятіемъ предлагаемой имъ системы, сраженія должны потерять всякое значеніе, такъ какъ они не только могутъ, но и должны быть избѣгаемы; что рѣшеніе успѣха войны должно зависѣть только собственно отъ операцій, которыя должны быть *охватывающими.* Успѣхъ такимъ образомъ долженъ обусловливаться численнымъ превосходствомъ и величиною объективнаго угла. Чѣмъ болѣе будетъ число войскъ, независимо отъ ихъ качествъ, и чѣмъ больше объективный уголъ, тѣмъ вѣрнѣе побѣда.

За объектъ, съ занятіемъ котораго рѣшается успѣхъ, принимается непріятельская столица. Величина же объективнаго угла зависитъ отъ длины базы и отъ длины перпендикуляра, опущеннаго изъ объекта на базу. *Объективнымъ угломъ* называется уголъ, составленный двумя линіями, проведенными отъ объекта къ оконечностямъ базы. Базою же наступающему служитъ пограничная черта, обращенная къ непріятелю, при чемъ предполагается, что она обезпечена крѣпостями. Мало шансовъ на успѣхъ, если объективный уголъ будетъ въ 60°. Принявъ это, построимъ для всевозможныхъ гипотетическихъ случаевъ треугольникъ (на этотъ разъ равносторонній), то длина перпендикуляра изъ объекта на базу дастъ мѣру той наступательной силы, которая можетъ быть развита обладающимъ соотвѣствующею базою, или, другими словами, чѣмъ длиннѣе база, которою располагаетъ наступающій, тѣмъ далѣе можетъ онъ съ успѣхомъ удаляться отъ своей границы, тѣмъ болѣе отдаленныя, военныя цѣли онъ можетъ себѣ ставить.

Въ предположеніи, что каждому государству принадлежитъ стремленіе къ увеличенію и что бòльшее государство можетъ выставить и бòльшее число войскъ и располагаетъ болѣе длинною базою, Бюловъ допускаетъ новое предподложеніе, что весь міръ, подъ которымъ прежде всего разумѣется Европа, на основаніи закона «*о базѣ*», стремится къ универсальной монархіи.

Разъ какъ наступательная сила каждаго государства обусловливается длиною вышеупомянутаго перпендикуляра, то она должна быть *ограничена.* Если государство перейдетъ этотъ предѣлъ, то оно вступитъ въ сферу болѣе сильнаго въ этомъ пунктѣ другаго государства. Все это было бы совершенно справедливо, если бы земля была совершенно плоскою, а не перерѣзана горами, рѣками, морями, пустынями, раздѣляющими ее на отдѣлы и вліяющими ослабляющимъ образомъ на означенную силу (Kriegskraft).

Принявъ вышеизложенное за основаніе (именно, что сила наступленія ограничена), ясно, что объ универсальной монархіи и рѣчи быть не можетъ, а также и то, что *большія государства должны поглотить ближайшія меньшія,* а можетъ быть и у ближайшихъ сильныхъ оторвать ту или другую область, попавши въ его сферу дѣйствія.

Такимъ образомъ, по разсчетамъ Бюлова, должны образоваться въ Европѣ 12 большихъ государствъ, которымъ нечего будетъ другъ отъ друга требовать, чрезъ что и установится *геометрическое* (?!) *Европейское равновѣсіе.*

Разъ какъ оно установится, то ни одно государство не будетъ имѣть повода къ воинственнымъ покушеніимъ [1]) и *вѣчный миръ* является тѣмъ болѣе результатомъ ученія о базѣ, что, благодаря ей (т. е. базѣ) *веденіе*

[1]) А коалиціи, внутреннія возстанія (впрочемъ о нихъ и самъ Бюловъ упоминаетъ)?

войны отнимается отъ области искусства, т. е. страсти, и переносится въ область науки, т. е. ума и разума... (Rüstow. «Die Grenzen der Staaten» 1—3).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Споръ между генералами Бонапарте и Моро по поводу открытія кампаніи (1800 г.) въ Германіи.

Генералъ Моро, настаивая на принятіи составленнаго имъ плана, къ открытію похода 1800 г. въ Германіи, командировалъ съ этою цѣлію къ первому консулу своего начальника штаба, генерала Дессоля.

Вотъ что, между прочимъ, высказано было Дессолемъ первому консулу, по этому предмету, при одномъ изъ его докладовъ «Планъ вашъ болѣе великъ, болѣе рѣшителенъ и вѣроятно болѣе вѣренъ, но онъ не отвѣчаетъ генію (уму и характеру) того, кто долженъ привести его въ исполненіе. Вашъ образъ веденія войны выше образа веденія остальныхъ; Моро имѣетъ свой, который хотя и стоитъ ниже вашего, но который тѣмъ не менѣе хорошъ. Предоставьте ему свободу дѣйствовать. Онъ будетъ дѣйствовать хорошо, хотя и медленно, но вѣрно, и онъ вамъ доставитъ всѣ результы, которые вамъ необходимы для вашихъ общихъ комбинацій. Если же, напротивъ того, вы ему вмѣните въ обязанность исполненіе вашихъ идей, вы его собьете съ толку, вы его обидите и вы отъ него ничего не получите, потому только, что хотѣли получить слишкомъ много».

— «Вы правы, отвѣтилъ ему на это первый консулъ;— Моро не способенъ обнять и исполнить составленнаго мною плана. Пусть онъ дѣйствуетъ какъ хочетъ, лишь бы Край былъ отброшенъ къ Ульму и Регенсбургу и чтобы затѣмъ онъ своевременно направилъ свое правое крыло въ Швейцарію. Планъ, котораго онъ не понимаетъ, котораго онъ не можетъ исполнить, я его исполню на другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. То, чего онъ не осмѣливается сдѣлать на Рейнѣ, я сдѣлаю на Альпахъ!!...».

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Военный совѣтъ на островѣ Лобау, 22-го мая 1809 г.

Наполеонъ, замѣтя, что неудача подъ Асперномъ произвела тяжелое впечатлѣніе на войска и даже на ихъ начальниковъ, которые начали уже высказывать мысль о необходимости отступить не только на островъ Лобау, но и на *правый* берегъ Дуная, для возможно скорѣйшаго сосредоточенія всѣхъ войскъ, собралъ импровизированный военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе Даву, Бертье, Массена, Бессіеръ и нѣкоторые изъ корпусныхъ командировъ.

Едва только вышеприведенная мысль о необходимости отступленія на правый берегъ Дуная была высказана, какъ Наполеонъ, со свойственнымъ ему авторитетомъ и довѣріемъ къ себѣ, далеко не притворнымъ, а напротивъ того вполнѣ искреннимъ, внушаемымъ ему обширностью располагаемыхъ имъ средствъ, изложилъ положеніе арміи въ слѣдующихъ словахъ:

«День, говорилъ онъ, былъ тяжелъ, но его нельзя считать пораженіемъ, потому что поле сраженія осталось за нами; слѣдуетъ даже считать за чудо, что намъ удалось отступить цѣлымъ и невредимымъ послѣ столь отчаянной борьбы, выдержанной при крайне невыгодныхъ условіяхъ, съ широкою рѣкою въ тылу, безъ мостовъ. Что касается до раненыхъ и убитыхъ, то потеря, конечно, была велика, больше всѣхъ испытанныхъ нами до сихъ поръ, но потеря непріятеля на $^1/_3$ сильнѣе нашей. Можно быть послѣ того увѣреннымъ, что Австрійцы въ теченіе продолжительнаго времени не будутъ тревожить насъ, а этимъ временемъ можно будетъ воспользоваться, чтобы притянуть Итальянскую армію, побѣдоносно приближающуюся черезъ Штирію, усилить армію тремя четвертями раненыхъ, выждать прибытія изъ Франціи значительнаго числа подкрѣпленій, находящихся въ слѣдованіи, устроить на Дунаѣ деревянные мосты настолько же прочные, какъ и каменные, благодаря которымъ переправа черезъ Дунай обратится въ операцію обыкновенную». Къ этому Наполеонъ присовокупилъ, что, «съ поступленіемъ раненыхъ въ ряды арміи, численность нашихъ войскъ уменьшится только на 10 т., между тѣмъ какъ у непріятеля на 15 т., и, наконецъ, что кампанія затянется на два мѣсяца; что ведя войну въ нѣдрахъ завоеванной монархіи, въ сердцѣ ея столицы, приключеніе подобнаго рода не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы удивить людей храбрыхъ, ничего кромѣ вполнѣ естественнаго, даже благопріятнаго; наконецъ, если только принять во вниманіе трудность предпріятія, заключающагося въ переходѣ въ виду непріятельской арміи черезъ самую большую изъ рѣкъ Европы и въ принятіи боя по ту ея сторону», то, по его мнѣнію, нѣтъ причины тревожиться и падать духомъ. «Намъ необходимо отступить, и есть одно отступательное движеніе, вполнѣ подходящее къ обстановкѣ и необходимое. Оно заключается въ обратномъ переходѣ черезъ малый рукавъ Дуная, на островъ Лобау, чтобы выждать на немъ убыли воды и возстановленія мостовъ черезъ большой рукавъ. Движеніе это можетъ быть исполнено весьма удобно, въ ночное время, не подвергаясь потери ни одного раненаго, ни одной лошади, ни одного орудія и, что важнѣе всего, чести оружія. Рядомъ съ этимъ есть и другое отступательное движеніе въ одно и тоже время печальное и безчестное. Оно заключается въ обратномъ переходѣ не только черезъ малый рукавъ Дуная, но и черезъ большой, переправляясь черезъ послѣдній какъ попало, на судахъ, годныхъ только для перевозки здоровыхъ людей, бросивъ артиллерію, лошадей, раненыхъ и отказавшись въ особенности отъ острова Лобау, представляющаго драгоцѣнное пріобрѣтеніе, въ смыслѣ наиболѣе удобнаго пункта для переправы. Если бы мы это сдѣлали, если бы мы вернулись вмѣсто 60 т. съ 40 т. безъ артиллеріи, лошадей, бросивъ 10 т. раненыхъ, способныхъ вновь поступить на службу черезъ мѣсяцъ, то мы очень хорошо поступили бы, если бы не показались въ такомъ видѣ жителямъ Вѣны, которые отнеслись бы съ презрѣніемъ къ своимъ побѣдителямъ и незамедлили бы призвать эрцгерцога Карла, чтобы онъ выгналъ изъ столицъ Французовъ, недостойныхъ оставаться въ ней. И въ такомъ случаѣ необходимо было быть готовымъ къ отступленію не только на правый берегъ Дуная, а къ Страсбургу. Вице-король на своемъ пути къ Вѣнѣ нашелъ бы тамъ непріятеля вмѣсто Французской арміи и погибъ бы въ этой трущобѣ; испуганные союзники обратившись въ измѣнниковъ, вслѣдствіе слабости своей, не замедлили бы обратиться противъ Франціи; имперія была бы уничтожена, и величіе Франціи подавлено въ нѣсколько недѣль...». («Histoire du consulat et de l'empire». Thiers, T. X, p. 370).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Письмо генерала Бонапарте въ Директорію изъ Лоди (14 мая), по поводу назначенія 2-хъ главнокомандующихъ Итальянской арміею.

Частыя неудачи Французскихъ республиканскихъ армій въ началѣ революціонныхъ войнъ объясняются главнымъ образомъ неумѣстнымъ раздѣленіемъ силъ, дѣйствовавшихъ на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій (1796 г. Моро и Журданъ).

Въ свою очередь, блестящіе успѣхи генерала Бонапарте въ 1796 въ Италіи объясняются, независимо отъ его таланта, преимущественно устраненіемъ вышеприведеннаго недостатка.

Замѣчателенъ отвѣтъ его (изъ Лоди отъ 14-го мая) Директоріи, которая, опасаясь его успѣховъ, хотѣла раздѣлить командованіе Итальянскою арміею между нимъ и генераломъ Келлерманомъ.

«Келлерманъ, писалъ онъ, въ состояніи командовать арміею не хуже меня... Не смотря на это, я склоненъ считать дѣло потеряннымъ, если бы Келлермана назначили совмѣстно со мною командовать арміею. Я не могу охотно служить съ человѣкомъ, который считаетъ себя первымъ генераломъ въ Европѣ. Кромѣ того, я полагаю, что *одинъ плохой генералъ лучше двухъ хорошихъ.* Война, какъ и вообще управленіе, есть дѣло такта..., я открылъ походъ не совѣтуясь ни съ кѣмъ; я бы ничего дѣльнаго не въ состояніи былъ бы исполнить, если бы я долженъ былъ подчиняться чужому способу воззрѣнія на дѣло. Лишенный всего необходимаго, я одержалъ нѣкоторые успѣхи надъ превосходными силами, потому что, увѣренный въ довѣріи ко мнѣ Директоріи, *я шелъ къ цѣли съ такою же быстротою, какъ работала моя мысль* [1]).

Если же Директорія наложитъ на меня всякаго рода стѣсненія; если я долженъ буду о каждомъ моемъ шагѣ отдавать отчетъ правительственнымъ комиссарамъ; если послѣднимъ будетъ предоставлено право измѣнять мои планы, брать у меня войска или присылать свѣжія, то не ожидайте ничего великаго болѣе. Если Директорія ослабитъ свои средства раздѣленіемъ силъ, если въ Италіи будетъ нарушено *единство военной мысли:* то она лишитъ себя, я говорю это не безъ огорченія, лучшаго случая предписать ей законы.

По положенію дѣлъ республики въ Италіи, *необходимо, чтобы Директорія назначила одного полководца и облекла бы его полнымъ довѣріемъ.* Если бы выборъ палъ не на меня, то я не жалуюсь на это; тѣмъ не менѣе я удвою стараніе, чтобы, на занимаемомъ мною посту, заслужить довѣріе Директоріи. Каждый имѣетъ свой образъ веденія войны. Генералъ Келлерманъ опытнѣе меня и лучше поведетъ войну. *Мы оба вмѣстѣ навѣрно поведемъ ее дурно*».

---

[1]) Въ какой бы то ни было сферѣ дѣятельности *болѣе дѣятельный бьетъ менѣе дѣятельнаго.* Это законъ въ особенности справедливый на войнѣ (L'activité fait tout à la guerre Napoléon). При этомъ, само собою разумѣется, дѣятельность должна быть понимаема не только въ смыслѣ быстроты движеній, быстроты работы ногъ, но въ самомъ широкомъ, слѣдовательно, и въ смыслѣ быстроты работы мысли.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Бѣглый очеркъ перваго наступательнаго движенія Союзниковъ къ Парижу (1814).

Послѣ сраженія при Ла-Ротьерѣ, Шварценбергъ занялъ Троа (7 февраля), а Наполеонъ отошелъ къ Ножану.

Пользуясь побѣдою, одержанною на Французской почвѣ надъ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, притомъ въ 6-ти переходахъ отъ Парижа,— все это должно было поднять нравственныя силы Союзниковъ, — они рѣшились тотчасъ же наступать къ Парижу. Въ этихъ видахъ *Блюхеръ*, соединившись въ Шалонѣ съ корпусами Іорка, Клейста и Капцевича, долженъ былъ наступать, долиною Марны, черезъ Мо къ Парижу; а *главная армія* туда же, долиною Сены, отъ Троа. Это раздѣленіе силъ (*дѣйствія по двумъ операціоннымъ линіямъ*) Союзниковъ для предстоявшаго наступленія вызвано было, съ одной стороны, опасеніемъ встрѣтить при движеніи всѣхъ силъ въ совокупности, по одной операціонной линіи, недостатокъ въ продовольствіи; а съ другой, и это была главная причина, желаніемъ пылкаго Блюхера, мало гармонировавшаго съ медлителемъ Шварценбергомъ, дѣйствовать отдѣльно и вполнѣ независимо отъ послѣдняго.

Во время этого движенія въ долину Марны черезъ Феръ-Шампенуазъ только съ 24 т. войскъ (корпуса Сакена и Олсуфьева) [1]), Блюхеръ страшно разбросалъ свои войска (на 100 верстъ отъ Шалона до Ла-Ферте-су-Жуарра, такъ что, для сосредоточенія ихъ къ одному изъ центральныхъ пунктовъ, необходимо было отъ 36-48 часовъ) и, при появленіи Наполеона, какъ то дѣйствительно и случилось, подвергался опасности быть разбитымъ по частямъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, получивъ въ Ножанѣ подкрѣпленія (всего у него было 55 т.), намѣренъ былъ воспользоваться раздробленіемъ силъ Союзниковъ и, оставивъ часть войскъ на Сенѣ, Виктора и Удино (20 т.) въ Ножанѣ и Монтро, для удержанія наступленія Шварценберга къ Парижу, съ остальными 35 т. двинуться въ долину Марны и разбить Блюхера. Задавшись подобною цѣлію, Наполеонъ вмѣстѣ съ тѣмъ превосходно разрѣшаетъ вопросъ *о выборѣ направленія*, въ которомъ предполагаемое имъ движеніе должно быть исполнено. Онъ выбираетъ для этого дорогу *отъ Ножана черезъ Вилленоксъ, Сезаннъ* [2]) *къ Шампоберу*, дорогу, которая въ это время года считалась *непроходимою*, слѣдовательно, представляла возможность совершенно *неожиданно* явиться на флангѣ разбросанной арміи Блюхера. Расположеніе ея было слѣдующее: *Сакенъ* (17 т.), направленный для предупрежденія Макдональда, отступавшаго съ транспортомъ къ *Мо* (чего онъ не успѣлъ однако сдѣлать), находился у

---

[1]) Остальныя войска, съ которыми Блюхеръ долженъ былъ соединиться, находились въ это время: *Клейстъ* (14 т.) въ окрестностяхъ Меца; *Капцевичъ* (9 т.) у Нанси; *Іоркъ* съ 20 т. подходилъ, 3 февраля, къ Шалону, въ которомъ находился, съ значительнымъ транспортомъ, Макдональдъ, шедшій изъ Ретеля на соединеніе съ Наполеономъ. Послѣ довольно упорнаго боя, 5 февраля, Іоркъ занялъ Шалонъ, а Макдональдъ началъ отступать долиною Марны къ Парижу.

[2]) 9-го февраля войска Наполеона сосредоточились въ Сезаннѣ.

Ла-Ферте-су Жуарра; *Iоркъ* (20 т.), тѣснившій Макдональда прямо передъ собою, подходилъ къ Шато-Тіерри; *Олсуфьевъ* съ 4 т. пѣхоты, *безъ кавалеріи*, находился у Шампобера; *Клейстъ* и *Капцевичъ* (20 т.) подходили къ Шалону; самъ Блюхеръ почти вовсе безъ войскъ находился въ Вертю.

Первые удары пали, конечно, на Олсуфьева, разбитаго при *Шампоберъ* (10-го февраля). Ставъ такимъ образомъ между корпусами Силезской арміи, Наполеонъ оставляетъ (10 т.) Мармона у Этожа, а съ остальными обращается къ Монмиралю, гдѣ (11 числа) бьетъ Сакена и Iорка. На слѣдующій день (12) Наполеонъ преслѣдуетъ Сакена и Iорка, наноситъ ихъ арріергарду рѣшительное пораженіе при *Шато-Тіерри*; но, узнавъ о присоединеніи къ Блюхеру корпусовъ Капцевича и Клейста, о переходѣ его въ наступленіе противъ Мармона и объ отступленіи послѣдняго къ Вошану, онъ предоставляетъ дальнѣйшее преслѣдованіе Сакена и Iорка Мортье (10 т.); а самъ двигается на подкрѣпленіе Мармона, соединяется съ нимъ, переходитъ къ наступленію и наноситъ рѣшительное пораженіе Блюхеру при *Этожъ* и *Вошанъ* (14 февраля). Что ни день, то побѣда!

На половину почти ослабленная отъ понесенныхъ ею потерь [1]), съ 10—14-е февраля, армія Блюхера (16 февраля) сосредоточилась у Шалона. Прибытіе корпусовъ Рудзевича и Корфа впрочемъ вскорѣ увеличили ея силы снова до 50 т.

Во время движенія Наполеона въ долину Марны, противъ Блюхера, Шверценбергъ, занявъ (7 февраля) Троа, оставался *въ теченіе 3 дней въ бездѣйствіи* (до 10). Наконецъ, рѣшась наступать, онъ двинулъ къ переправамъ черезъ Сену *только передовые корпуса* (Виттгенштейна къ Ножану, Вреде къ Бре и наслѣднаго принца Виртембергскаго къ Монтро). Викторъ и Удино (20 т.) не въ силахъ были удержать ихъ наступленіе; они отошли за рѣчку Iеръ, гдѣ и заняли позицію между *Гинемъ* и *Шомомъ*. Здѣсь они усилены были Макдональдомъ, черезъ что силы ихъ возрасли до 30 т. Союзники, наступая вслѣдъ за ними, дошли: Виттгенштейнъ до Провеня, авангардъ его (Палена) до Морманъ, Вреде до Доннмари, а наслѣдный принцъ Виртембергскій расположился впереди Монтро.

Наполеонъ, узнавъ о наступленіи главной арміи, оставилъ противъ Блюхера, у Этожа, Мармона, у Виллеръ-Коттре, близъ Соассона, Мортье и Груши (3 т.) у Ла-Ферте-су-Жуарра, для связи между ними, — съ остальными (10 т.) выступилъ (15 февраля) изъ Монмираля къ Ла-Ферте-су-Жуарру и далѣе къ Гиню, куда прибылъ 17 февраля и, соединясь съ маршалами, сосредоточилъ 40 т. (*необыкновенная быстрота этого движенія*, около 80 верстъ въ 36 часовъ; пѣхота двигалась большею частью на подводахъ; кавалерія шла почти безъ отдыха).

Перейдя тотчасъ же къ рѣшительному наступленію, онъ наноситъ передовымъ корпусамъ главной арміи рядъ рѣшительныхъ ударовъ [2]) и вынуждаетъ Шварценберга отступить сперва къ Троа, а затѣмъ переправиться здѣсь на правый берегъ Сены (*съ 23 на 24 число*) [3]). Наполеонъ, *довольно слабо преслѣдуя Союзниковъ*, занимаетъ Троа (24).

Таковы были результаты, результаты блистательные, достигнутые Напо-

---

[1]) 20 т. и болѣе 50 орудій.

[2]) При Нанжисѣ 17 февраля и при Монтро 18.

[3]) Шварценбергъ, перейдя на правый берегъ Сены, предполагалъ сначала вступить въ генеральное сраженіе съ Наполеономъ. Въ этихъ видахъ предписано было Блюхеру сблизиться съ главною арміею, что имъ и было исполнено, 21 февраля онъ прибылъ съ 50 т. въ Мери.

леономъ, во время 1-го наступательнаго движенія Союзниковъ къ Парижу. Нѣтъ сомнѣнія, что они могли бы быть болѣе полными,— армія Блюхера была бы совершенно уничтожена, ему никакъ не удалось бы сосредоточить своихъ разбитыхъ корпусовъ,— *если бы Наполеонъ имѣлъ достаточно времени* заняться имъ, если бы онъ не опасался, что слишкомъ продолжительное пребываніе его въ долинѣ Марны, при слабыхъ силахъ, оставленныхъ имъ въ долинѣ Сены противъ Шварценберга, не откроетъ послѣднему доступа къ Парижу. Это время и это обезпеченіе столицы могли быть доставлены Наполеону или оставленіемъ въ долинѣ Сены значительныхъ силъ, способныхъ къ удержанію наступленія Шварценберга, или, при незначительныхъ силахъ, содѣйствіемъ крѣпости (того и другаго у Наполеона не было), или, наконецъ, медленностью и нерѣшительностью наступленія Шварценберга. Утвердительно можно сказать, что даже и тѣми результатами, которые Наполеономъ были достигнуты съ 10 — 15-го февраля, онъ обязанъ преимущественно послѣднему обстоятельству, медленности (трехдневное бездѣйствіе въ Троа) и нерѣшительности наступленія Шварценберга (только одними передовыми корпусами [1]).

Но и при столь благопріятномъ образѣ дѣйствій Шварценберга для Наполеона, этотъ выигрышъ во времени могъ послужить въ пользу его только при особенной быстротѣ его маршей (форсированные марши Наполеона отъ Ножана черезъ Сезаннъ къ Шампоберу и отъ Монмираля къ Гиню исполнены были только при крайнемъ напряженіи его и безъ того слабыхъ силъ). Вотъ чѣмъ объясняются результаты, достигнутые Наполеономъ, а равно и безопасность его положенія, въ томъ смыслѣ, чтобы, во время дѣйствій противъ Блюхера, не быть предупрежденнымъ Шварценбергомъ у Парижа.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

Какъ самъ Наполеонъ мотивируетъ выборъ операціонной линіи на Миланъ въ кампанію 1800 г., послѣ перехода черезъ Альпы [2]).

Главная квартира Австрійской арміи находилась въ Туринѣ; половина непріятельскихъ силъ сосредоточена была въ окрестностяхъ Генуи. Что касается до остальныхъ, то необходимо было допустить предположеніе, что онѣ находятся въ движеніи, для подкрѣпленія, черезъ Коль-ди-Тенде, войскъ, находившихся у Генуи. *Какое рѣшеніе будетъ принято первымъ консуломъ въ подобномъ положеніи? Двинется ли онъ на Туринъ*, чтобы выгнать оттуда Меласа, соединиться съ Тюро и тѣмъ открыть прямое сообщеніе съ Франціею и съ складами въ Греноблѣ и Бріансонѣ? *Наведетъ ли онъ мостъ въ Кивассо*, пользуясь судами, случайно попавшими ему въ руки, *чтобы затѣмъ быстро двинуться къ Генуѣ*, для деблокированія этого столь важнаго пункта? Или же, оставляя у себя въ тылу Меласа,

---

[1]) Съ 7 до 17 числа, времени возвращенія Наполеона изъ долины Марны къ Гиню, прошло 10 дней, въ теченіе которыхъ легко можно бы было пройти 150 верстъ отъ Троа до Парижа, располагая 100 т. и имѣя противъ себя сперва только 20 т., а затѣмъ 30 т.

[2]) Oeuvres complettes de Napoléon. IV, 49: Gourgaud I. 268; Kausler. Napoleons Grundsätze... I. 8—10.

онъ переправится черезъ Сессію и Тичино и *двинется къ Милану* и *Аддѣ*, и соединится съ 15 т. Монсея, шедшими черезъ С. Готардъ?

Изъ этихъ трехъ направленій, *первое* противорѣчило истиннымъ началамъ военнаго искусства, потому что Меласъ располагалъ достаточно значительными силами, благодаря чему Французская армія рисковала дать сраженіе, не имѣя обезпеченнаго пути отступленія, тѣмъ болѣе что фортъ Бардъ не былъ еще взятъ. Если бы, сверхъ того, Меласъ оставилъ Туринъ и двинулся бы къ Александріи, то цѣль похода была бы окончательно не достигнута, потому что каждая изъ армій находилась бы въ естественномъ положеніи: Французская армія опиралась бы на Монбланъ и Дофине, а непріятельская примыкала бы лѣвымъ флангомъ къ Генуѣ, имѣя въ тылу укрѣпленные пункты: Мантуу, Піаченцу и Миланъ [1]).

Второй путь былъ настолько же неудобенъ. Можно ли было отважиться двинуться между массами столь сильной Австрійской арміи, въ промежутокъ между По и Генуею, *не имѣя операціонной линіи*, обезпеченнаго пути отступленія?

Третье направленіе, напротивъ того, представляло всевозможныя удобства. Занимая Миланъ, Французская армія захватывала всѣ магазины, депо и госпитали непріятельской арміи, входила въ связь съ лѣвымъ крыломъ, командуемымъ Монсеемъ, и пріобрѣтала безопасный путь отступленія на Симплонъ и С. Готардъ. Симплонская дорога проходитъ черезъ Валлисъ и Зиттенъ (Сіонъ), куда направлены были всѣ магазины Французской арміи; дорога С.-Готардская вела черезъ Швейцарію, находившуюся въ нашей власти въ теченіе 2 лѣтъ и вдобавокъ прикрытую, стоявшею, въ то время, на р. Иллерѣ Рейнскою арміею. Въ подобномъ положеніи Французскій полководецъ могъ дѣйствовать совершенно свободно, по своему усмотрѣнію. Еслибъ Меласъ съ сосредоточенными имъ у Турина силами двинулся къ Сессіи и Тичино, то Французская армія могла вступить съ нимъ въ бой, имѣя на своей сторонѣ то громадное преимущество, что если бы Меласъ былъ разбитъ, то онъ, лишенный пути отступленія, былъ бы преслѣдуемъ и отброшенъ въ Савойю; если бы же Французская армія была разбита, то она съ полною безопасностію могла бы отступить къ Симплону и С. Готарду. Если бы Меласъ, что скорѣе всего можно было ожидать, направился на Александрію, чтобы соединиться съ войсками, шедшими изъ Генуи, то можно было разсчитывать, двинувшись ему на встрѣчу и перейдя По, предупредить его и принудить къ бою. Французская армія имѣла бы, въ этомъ случаѣ, свой тылъ прикрытымъ р. По, Миланомъ, Симплономъ и С. Готардомъ, между тѣмъ какъ путь отступленія Австрійской арміи былъ бы отрѣзанъ и она, лишенная прямыхъ сообщеній съ Мантуею и Австрійскими владѣніями, подвергалась опасности быть отброшенной къ горамъ Ривіеры до Понента и окончательно уничтоженной, или же у подошвы Альповъ, Коль до Тенде или въ графствѣ Ниццѣ быть взятой въ плѣнъ. Наконецъ, еслибы Французскимъ главнокомандующимъ было избрано третье направленіе, то онъ могъ, владѣя Миланомъ, дать Меласу возможность отступить и оставаться въ пространствѣ между По, Тичино и Аддою. Благодаря этому, онъ *безъ боя* снова завоевалъ Ломбардію, Приморскіе

---

[1]) Т. е. прикидывая къ этому направленію *первое* условіе масштаба для операціонныхъ линій, оказывается, что *оно не вело къ достиженію важной цѣли;* оно приводило на фронтъ непріятельской арміи, въ то время какъ самая чувствительная точка ея находилась на ея сообщеніяхъ.

Альпы, Піемонтъ, Генуэзскія владѣнія и освобождалъ Геную отъ блокады. Все это безспорно были блистательные результаты.

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

Походъ 1805 г. Инструкція Наполеона Массенѣ. Открытіе похода въ Италіи. Походъ 1809 г. Пресбургскій тетъ-де-понъ.

Въ то время какъ Наполеонъ готовился, на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, нанести Макку рѣшительный ударъ, онъ предполагалъ на второстепенномъ, въ Италіи, дѣйствовать оборонительно. Главнокомандующимъ 50 т. Итальянской арміи назначенъ былъ Массена. *Сущность инструкціи*, данной Наполеономъ Массенѣ, заключалась въ слѣдующемъ. Онъ принимаетъ за основаніе, что 50 т. Французамъ, *опирающимся на рѣку*, нечего опасаться 80 т. непріятеля какого бы рода и свойства онъ ни былъ. Далѣе онъ требуетъ отъ Массены только одного, чтобы онъ, во чтобы то ни стало, удержался на р. Адижѣ [1]), пока онъ углубится въ Баварію, обойдетъ Австрійцевъ и тѣмъ принудитъ ихъ къ отступленію. По мнѣнію Наполеона, для этого необходимо было сосредоточить силы къ верхней части рѣки, примыкая лѣвымъ флангомъ къ Альпамъ, и опрокинуть Австрійцевъ въ горы, если бы они показались со стороны Тироля; или же если бы они вздумали переправиться черезъ нижній Адижъ, то пропустить ихъ, нѣсколько сосредоточиться при этомъ, и, когда они втянутся въ болотистую страну между По и Адижемъ, отъ Леньяго до Венеціи, броситься имъ во флангъ и утопить ихъ въ лагунахъ. Оставаясь подобнымъ образомъ сосредоточеннымъ у подошвы Альповъ, по мнѣнію Наполеона, нечего было опасаться атаки, будетъ ли она направлена сверху или снизу; но если бы непріятель отказался отъ наступленія, то Наполеонъ совѣтовалъ Массенѣ самому перейти въ наступленіе, посредствомъ ночнаго нападенія овладѣть Веронскимъ мостомъ и двинуться для атаки Кальдіерскихъ высотъ (Thiers. «Histoire du consulat et de l'empire» VI p. 240).

Совѣтъ овладѣть Веронскимъ мостомъ предполагаетъ ни болѣе-ни менѣе какъ указаніе Наполеона *обратить пассивную оборону рѣки Адижа въ активную*, что уже одно, какъ въ своемъ мѣстѣ сказано, должно удесятерить ея силы.

Массена буквально исполнилъ наставленіе Наполеона. Какъ извѣстно, Австрійцы, будучи ранѣе Французовъ готовы къ открытію похода и располагая притомъ вдвое большими силами, открыли походъ весьма оригинальнымъ способомъ, заключеніемъ перемирія до 18 октября. Массена въ ночь съ 18 на 19 овладѣлъ Веронскимъ мостомъ и, имѣя въ виду выждать извѣстій съ главнаго театра военныхъ дѣйствій, рѣшился дать временно отдыхъ своимъ войскамъ.

Если, въ походѣ 1805, все вниманіе Наполеона, въ видахъ облегченія обороны, направлено къ тому, чтобы пассивную вначалѣ оборону р. Адижа обратить въ активную, то, съ другой стороны, въ *кампанію 1809*, во время расположенія его подъ Вѣною, имъ было обращено не меньшее вниманіе на то, чтобы активную оборону Дуная обратить въ пассивную для эрцгерцога Карла. Пока Австрійцы владѣли Пресбургскимъ тетъ-де-пономъ,

[1]) См. приложен. VIII.

хотя въ одномъ только пунктѣ, оборона Дуная для нихъ все таки была обороною активною. Въ своемъ мѣстѣ указано (отд. 1, В, Гл. II) насколько энергическое приказаніе было дано Наполеономъ Даву для овладѣнія Пресбургомъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

Взглядъ Наполеона на оборонительныя линіи, прикрывающія долину р. По.

Линіи, которыя должны быть заняты Итальянскою или Французскою арміею, чтобы воспрепятствовать вторженію со стороны Австріи, направляются по правому берегу рѣкъ, впадающихъ сѣвернѣе По въ Адріатическое море. Линіи эти прикрываютъ всю долину р. По, запираютъ такимъ образомъ полуостровъ и прикрываютъ верхнюю, среднюю и нижнюю Италію. Это *лучшія оборонительныя линіи.* Тѣ же, которыя слѣдуютъ по рѣкамъ, впадающимъ въ По, перерѣзываютъ долину р. По, открываютъ среднюю и нижнюю Италію и требуютъ такимъ образомъ 2-хъ армій, для маневрированія на обоихъ берегахъ р. По [1]).

Оборонительныя линіи, прикрывающія долину рѣки По, суть: *Изонцо, Тальяменто, Ливенца, Піаве, Брента* и *Адижъ.*

Линія по р. *Изонцо* прикрываетъ всю Италію, такъ какъ она составляетъ ея границу. Отъ Тарвиса до Капоретто рѣка эта протекаетъ среди недоступныхъ горъ. У Капоретто начинается дорога, ведущая черезъ Чивидале къ Удино. Въ третьей части этой линіи, отъ Герца до устья Изонцо, находятся дефиле: Градиска, Герцъ и Монте-фальконе. Венеціанская крѣпость Пальманова служитъ этой линіи какъ депо и въ смыслѣ резервной позиціи. Линію эту однакожъ можно обойти по дорогѣ черезъ Понтебу, ведущую черезъ Озопо къ Тальяменто. Вотъ почему, по близости Тарвиза, необходима сильная крѣпость, которая замыкала бы обѣ дороги черезъ Понтебу и Изонцо.

Линія *Ливенцы* можетъ быть обойдена съ лѣваго фланга, со стороны Сачиле и горъ. Ливенца непроходима въ бродъ; она, правда, не широка, но за то болотиста.

Линія *Піаве* прикрыта фортомъ Монтелло, отъ котораго вплоть до моря тянутся непроходимыя болота; но зато на ней находится много бродовъ. Для усиленія этой линіи необходимо уширить ея русло и устроить наводненія. Линія эта представляетъ ту выгоду, что она прикрываетъ Венецію.

Линія Бренты, влѣво отъ Бассано, прикрыта удобными для обороны дефилеями. Отъ Бассано до Брентолы Брента проходима вбродъ.

Большая дорога изъ Мюнхена въ Верону, черезъ Бреннеръ и Адижъ, ведетъ въ обходъ этихъ 5-ти линій, такъ что непріятель, располагающій корпусомъ войскъ въ Баваріи и Тиролѣ, можетъ, направясь по этой дорогѣ и по правому берегу рѣки Адижа, отрѣзать отъ Италіи армію, занимающую одну изъ означенныхъ линій.

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ указано (см. подготовку театра военныхъ дѣйствій), путемъ какого рода мѣръ послѣдній недостатокъ легко можетъ быть устраненъ.

Адижъ составляетъ 6-ю и послѣднюю линію, прикрывающую долину По; *она безспорно лучшая.* Рѣка эта широка, глубока, имѣетъ быстрое теченіе и нигдѣ непроходима вбродъ; у Вероны она имѣетъ ширину въ 60 тоазовъ. Зато эта линія не прикрываетъ Венеціи и всей Венеціянской области. Если на Гардскомъ озерѣ имѣть нѣсколько канонирскихъ лодокъ и запереть дорогу въ Кіезе крѣпостью Рокка-д'Анфо, то линія эта вполнѣ прикроетъ всю остальную Италію. Горы Бресчіи, Бергамаско и Миланскія непроходимы. Непріятель могъ бы пройти черезъ Симплонъ и то если бы онъ владѣлъ Швейцаріею. Линія эта распадается на три части: первая между Гардскимъ озеромъ и Риволійскимъ плато; вторая между Риволи и Леньяго и третья между Леньяго и моремъ. Первый изъ этихъ трехъ участковъ защищенъ хребтомъ Монтебальдо и позиціею у Короны. Здѣсь непріятель не можетъ провезти артиллеріи; для того, чтобы притянуть ее къ себѣ, ему необходимо владѣть Риволійскимъ плато, тогда бы артиллерія могла бы быть перевезена по дорогѣ, по лѣвому берегу Адижа. Начиная отъ Ровередо, форты Вероны и часть города, находящаяся на лѣвомъ берегу, должны бы заняты въ смыслѣ тетъ-де-пона. Небольшой городокъ Леньяго служитъ тетъ-де-пономъ для средняго участка линіи. Отъ Леньяго до моря вся страна покрыта болотами. Искусно пользуясь Адижемъ, Брентою и По, можно устроить сообщеніе съ Венеціею. Если прорѣзать одну изъ плотинъ на Адижѣ, ниже Леньяго, то легко можно наводнить всю мѣстность между этою рѣкою и По. Черезъ соединеніе ея съ Молинеллою вся мѣстность между нею и моремъ обращается въ недоступную. Если открыть шлюзы у Кастаньяро, то воды Адижа наполнятъ каналъ Біанка. Каналъ этотъ направляется къ р. По и образуетъ вторую линію. Если бы непріятель перешелъ черезъ Эчъ между Кастаніаро и моремъ, то линію по р. Адижу удобнѣе всего оборонять, занявъ позицію на лѣвомъ берегу, на высотахъ Кальдіеро, примыкая правымъ флангомъ къ Аркольскимъ болотамъ, съ двумя мостами у Ронко, а лѣвымъ къ упомянутымъ высотамъ, которыя въ нѣсколько недѣль легко могутъ быть усилены укрѣпленіями. Тогда вся линія отъ Риволи до Ронко будетъ надежнымъ образомъ прикрыта, и если бы непріятель перешелъ Адижъ, гдѣ либо между Арколе и моремъ, то его легко атаковать съ тыла.

Р. *Минчіо* составляетъ первую линію, перерѣзывающую долину р. По. Линія эта требуетъ обладанія Гардскимъ озеромъ и крѣпостью Рокка-д'Анфо. Минчіо не широкъ и, самъ по себѣ, не представляетъ серіозной преграды; если же закрыть всѣ каналы, оттягивающіе его воду, то онъ сдѣлается непроходимымъ вбродъ. Главную силу эта линія получаетъ отъ крѣпостей Пескіеры и Мантуи. Мантуа охраняетъ Серагліо и всю часть Минчіо до р. По. Высоты Монзамбано и Ла-Вольта даютъ правому берегу командованіе надъ лѣвымъ и, наоборотъ, высоты Саліонцо и Валеджіо даютъ лѣвому берегу командованіе надъ правымъ. Небольшая цитадель на высотѣ Валеджіо, таковая же на высотѣ Саліонцо и возобновленіе небольшой крѣпости Гойто, которая могла бы быть прикрыта наводненіями, достаточно усилили бы эту линію, тѣмъ не менѣе армія, ее занимающая, должна была бы отрядить корпусъ войскъ на правый берегъ р. По.

Р. *Оліо* часто проходима вбродъ. Она представляетъ то неудобство, что у истока своего слишкомъ приближается къ Аддѣ, такъ что армія, расположенная на правомъ ея берегу, легко можетъ быть обойдена со стороны Милана, что неоднократно и случалось въ войнахъ между Венеціею и Висконти. Если же бы армія эта имѣла свободное отступленіе по правому берегу р. По, то линія эта могла бы принести нѣкоторую пользу.

Р. *Адда* иногда проходима вбродъ. Въ Лекко, Треццо, Кассано и Лоди необходимы полевыя или долговременныя укрѣпленія, равно какъ и канонирскія лодки на озеро Комо. Кр. Пиччигетоне служитъ опорнымъ пунктомъ для нижняго участка этой линіи. Укрѣпленіе Піаченцы и устройство тетъ-де-пона обратили бы эту линію въ превосходную. *За неимѣніемъ этой крѣпости необходима 2-я армія на правомъ берегу р. По.*

Тичино образуетъ весьма выгодную линію. Рѣка эта глубока, широка и имѣетъ быстрое теченіе. Крѣпость у Страделлы составила бы окончательное дополненіе этой линіи, для задержанія наступленія непріятеля по правому берегу р. По; *въ противномъ случаѣ необходима еще армія на правомъ берегу р. По.* Страдельскій проходъ составляетъ самую узкую часть долины р. По. Одного форта достаточно, чтобы его окончательно запереть. Здѣсь оканчиваются послѣдніе отроги Лигурійскихъ Апеннинъ. Изъ Страделлы артиллерія могла бы обстрѣливать всю долину, въ этомъ пунктѣ имѣющую ширину, не достигающую даже пушечнаго выстрѣла; рѣка протекаетъ у подошвы самыхъ горъ. Выше и ниже этого пункта долина уже имѣетъ отъ 2 — 3 часовъ въ ширину, такъ что однимъ фортомъ запереть долину не представляется возможности. (*Монтолонъ* III.)

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

Рейнъ, какъ оборонительная линія для Французской и Германской арміи.— Сравненіе нынѣшняго положенія Франціи, въ стратегическомъ отношеніи, въ случаѣ Европейскаго столкновенія, съ положеніемъ ея же при Наполеонѣ I.

Прикидывая масштабъ для оборонительныхъ линій и базъ къ Рейну, этой первой и въ то же время весьма важной оборонительной линіи, въ случаѣ столкновенія между Франціею и Германіею, нельзя не замѣтить, что она представляетъ существенныя выгоды для Германской арміи, доставляя ей превосходную базу и въ особенности полную свободу въ дѣйствіяхъ на обоихъ берегахъ.

Прежде всего а) для Германской арміи линія эта обезпечена отъ *охвата* выгодными политическими условіями: нейтралитетомъ Бельгіи и Швейцаріи, признаннымъ всѣми Европейскими государствами.

Далѣе *отъ прорыва* она обезпечена укрѣпленіями: Кельна, Кобленца, Гермерсгейма, Ландау, Келя и Раштадта.

Наконецъ, *владѣя обоими берегами Рейна* (Прирейнская Пруссія, Рейнскій Пфальцъ и Майнцъ), Германская армія, отъ Кобленца до Майнца, можетъ свободно переходить эту рѣку, такъ что, на этомъ пространствѣ, она не существуетъ для нея въ смыслѣ преграды и, въ случаѣ надобности, пользоваться всѣми выгодами *активной обороны.*

Разсматривая эту линію въ то же время и какъ *базу*, благодаря нѣсколько выдающемуся положенію Прирейнской Пруссіи и Баваріи, въ отношеніи къ теченію средняго Рейна, даже при полномъ уваженіи нейтралитета Бельгіи, Рейнъ доставляетъ Германской арміи выгоды двойной охватывающей базы.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ является значеніе Рейна для б) *Французской арміи.* Обезпеченной отъ *обхода* справа нейтралитетомъ Швейцаріи, онъ,

благодаря положенію Прирейнской Пруссіи и Баваріи, уже не обезпеченъ отъ таковаго слѣва, не смотря на нейтралитетъ Бельгіи. При этихъ условіяхъ базированіе на среднемъ Рейнѣ отъ Страсбурга до Базеля для Французской арміи было бы крайне опасно. Независимо отъ того, что база была бы весьма коротка, лѣвый ея флангъ былъ бы положительно на воздухѣ, и обезпеченіе его, собственно конечно уже путемъ чисто тактическихъ средствъ, потребовало бы отдѣленія слишкомъ значительныхъ силъ.

Если къ сказанному прибавить еще то, что на правомъ берегу Рейна Французы не имѣютъ ни одного опорнаго пункта, что черезъ это линія эта въ слабой степени обезпечена отъ *прорыва* и можетъ быть обороняема *только пассивно*, то невыгоды линіи по р. Рейну для Французской арміи, какъ въ смыслѣ оборонительной линіи, такъ равно и въ смыслѣ базы, становятся очевидными.

Какая громадная разница сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое, въ разбираемомъ отношеніи, занимали Французы, на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій, при Наполеонѣ I, хоть въ 1805 г.;— а этою разницею въ положеніи ближе всего объясняется и окончательная невозможность тѣхъ комбинацій (само собою разумѣется на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій), которыя были столь блистательно задуманы и приведены въ исполненіе Наполеономъ I. Нельзя не отдать полной справедливости Вѣнскому конгрессу, съ такимъ искусствомъ замкнувшему войнолюбивую Францію съ восточной стороны. Политика и стратегія сдѣлали все для ея блокады въ этомъ смыслѣ.

Если, сверхъ того, принять во вниманіе: а) измѣненіе политическихъ условій въ благопріятную сторону для самой Германіи (объединеніе большей ея части) и б) прочное обладаніе Дунаемъ (Ульмъ, Ингольштадтъ...), важнѣйшей изъ стратегическихъ линій на Южно-Германскомъ театрѣ, которою обыкновенно такъ искусно пользовался Наполеонъ I, то крайне затруднительное положеніе Наполеона III, сравнительно съ положеніемъ Наполеона I, въ случаѣ вторженія Французовъ въ Германію, не замедлитъ обнаружиться само собою.

Политика создала эти затрудненія, но настолько же искусная политика можетъ ихъ же разрушить. Позволяемъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ коснуться этого вопроса.

Съ переходомъ главенства въ Германіи изъ рукъ Австріи въ руки Пруссіи и вѣковая вражда между Франціею и Австріею оканчивается, она переходитъ въ вражду между Франціею и Пруссіею. Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ политическихъ условій, переносится и главный театръ военныхъ дѣйствій съ юга Германіи на сѣверъ, изъ долины Дуная въ Сѣверо-Германскую равнину.

Если бы, въ случаѣ вторженія Французовъ въ Германію, Наполеонъ вздумалъ, базируясь на СВ. крѣпости, атаковать Пруссію *съ фронта*, то онъ наткнулся бы на сильныя Прусскія крѣпости на Рейнѣ, нейтральную Бельгію, нейтралитета которой, какъ гарантированнаго ей всею Европою, онъ не пожелалъ бы нарушить... При дѣйствіи въ этомъ направленіи была бы только одна выгода для Французовъ, это содѣйствіе сильнаго флота.

Однихъ только указанныхъ затрудненій вполнѣ уже достаточно, чтобы показать какъ невыгодно для Французовъ это направленіе атаки, т. е. фронтальное наступленіе. Очевидно, если фронтальное наступленіе оказывается неудобнымъ, то необходимо подумать объ обходѣ. Обходъ *слѣва*, хотя море будетъ во власти Франціи, не обѣщаетъ выгодъ, потому что, какъ бы ни

былъ силенъ Французскій флотъ, онъ не въ состояніи *заразъ* высадить на томъ или другомъ изъ рѣшительныхъ пунктовъ такія силы, которыя были бы опасны для Прусской арміи.

Остается такимъ образомъ *обходъ справа*, обходъ хотя и довольно кружный, но дающій несомнѣнныя выгоды, обходъ, о которомъ, какъ кажется, и помышляетъ Наполеонъ III, какъ это видно ближе всего изъ *политической комбинаціи*, часто упоминаемой и можетъ быть *секретно* и осуществленной, именно изъ предполагаемаго *союза между Франціею, Италіею и Австріею.* Осуществленіе этой политической комбинаціи свидѣтельствовало бы о глубокихъ стратегическихъ способностяхъ ея творца и доставило бы Франціи громадныя выгоды. Прежде всего она дала бы Французамъ хотя и длинную, но тѣмъ не менѣе, благодаря извѣстнымъ благопріятнымъ политическимъ условіямъ, *безопасную операціонную линію*, по-просту говоря, дала бы возможность базироваться на владѣніяхъ Австро-Венгерской монархіи и направить отсюда конецъ операціонной линіи *съ одинаковымъ удобствомъ* и *безопасностью, смотря по обстоятельствамъ*, какъ на сѣверъ противъ Пруссіи, такъ на востокъ противъ Россіи [1]).

Итакъ, если политика Европы загородила Франціи тотъ путь, по которому столь побѣдоносно неоднократно двигался съ своими арміями Наполеонъ I, то политика Наполеона III, какъ видно изъ вышеприведенной гипотезы, вполнѣ правдоподобной, можетъ себѣ проложить другой, не менѣе перваго удобный къ осуществленію разныхъ политическихъ комбинацій, которыя, въ случаѣ ихъ осуществленія, сильно могутъ поколебать существующій порядокъ [2]).

Пусть *не успокоиваются на невозможномъ. Въ политикѣ, какъ и на войнѣ, невозможное сплошь и рядомъ оказывается возможнымъ, и именно потому, что его считаютъ за невозможное.*

ПРИЛОЖЕНІЕ X.

Разнообразіе формъ, принимаемыхъ идеею, выражаемою крѣпостью.

Идея, содержимая въ крѣпости, какъ и всякая идея, должна принимать, въ зависимости отъ обстановки, безконечно разнообразныя формы, начиная съ Барда хоть до Торресъ-Ведраса, который, ради его оригинальной формы, и понынѣ называется то *укрѣпленными линіями*, то *укрѣпленнымъ лагеремъ;* мы же думаемъ не ошибиться, назвавъ его *крѣпостью-лагеремъ.*

Нельзя же, наконецъ, требовать, чтобы, не обращая вниманія на безконечное разнообразіе въ обстановкѣ, идея крѣпости *всегда* и *вездѣ* выливалась бы въ одну и ту же форму.

Тѣмъ, которые были бы склонны смотрѣть подобнымъ образомъ на дѣло, пусть за насъ отвѣтитъ Ллойдъ.

«Постройка укрѣпленій основана на геометріи, говоритъ онъ; такимъ

---

[1]) Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, еще и значенія Чернаго моря.

[2]) Почти съ увѣренностью можно сказать, что политико-стратегическая программа Наполеона III приводится *къ оборонѣ на востокѣ Франціи* (въ случаѣ крайности) *и къ наступленію* въ указанномъ направленіи.

образомъ каждый можетъ усвоить эту часть; но *примѣненіе* ихъ къ мѣстнымъ условіямъ есть уже дѣло генія, неподлежащее никакимъ правиламъ. Такъ какъ инженеры обыкновенно придерживаются одного *начертанія*, одной *системы*, то и выходитъ, что всѣ крѣпости походятъ одна на другую, какъ улья. Это доказываетъ, что инженеры, ихъ строившіе, знали только то, чему ихъ учили и чему они способны были выучиться, но что у нихъ не было и малѣйшей искры того генія, который учитъ создавать и разнообразить до безконечности комбинаціи, въ зависимости отъ множества обстоятельствъ, могущихъ представиться.

«О мѣстности можно сказать тоже, что и о физіономіяхъ. На всемъ свѣтѣ нельзя найти двухъ физіономій, совершенно похожихъ. Точно также нельзя найти и двухъ мѣстностей, которыя, на извѣстномъ пространствѣ, были бы совершенно одинаковы, и къ которымъ, слѣдовательно, можно было примѣнить одни и тѣ же укрѣпленія, или одни и тѣ же распоряженія. Геній способенъ уловить малѣйшіе оттѣнки въ безконечныхъ варьяціяхъ, исчезающіе для обыкновеннаго глаза, и располагать ими, въ видахъ успѣшнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей. Очевидно послѣ этого, *до какой степени непослѣдовательны тактики и инженеры, стремящіеся подвести подъ одно правило то безконечное розпообразіе, которое встрѣчается въ мѣстныхъ условіяхъ* (стр. 22 и 23)».

ПРИЛОЖЕНІЕ XI.

Вторая половина похода 1712 г. Взятіе Вилларомъ Денена.

Въ 1712 г. принцъ Евгеній имѣлъ въ виду самыя рѣшительныя дѣйствія, — ни болѣе-ни менѣе какъ двинуться къ Парижу; но двумысленность или, правильнѣе, фальшивость Англійскаго кабинета, хотя и тщательно скрываемая отъ принца герцогомъ Ормондъ, преемникомъ Марльборуга, тѣмъ не менѣе своевременно разгаданная принцемъ Евгеніемъ, заставила его предпочесть болѣе осторожный способъ дѣйствій, т. е. заняться осадами крѣпостей и притомъ не важнѣйшихъ, въ родѣ *Арраса* или *Камбрэ*, а второстепенныхъ: *Кене* и *Ландресси*, овладѣніе которыми не представляло особыхъ затрудненій, а между тѣмъ открывало доступы въ плодоносныя, еще нетронутыя войною области.

Общая численность войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ принца Евгенія, простиралось до 122 т. при 136 орудіяхъ. Противопоставленная ему Французская армія Виллара считала въ рядахъ своихъ не болѣе 100 т.

Осада *Кене* началась 8 іюня, а 4 іюля Лабади, командовавшій гарнизономъ этой крѣпости, сдался на капитуляцію. Около этого же времени герцогъ Ормондъ получилъ отъ Британскаго кабинета приказаніе отдѣлиться съ своими войсками отъ войскъ принца Евгенія и двинуться съ Дюнкирхену.

Упомянувъ только о результатѣ 1-го періода кампаніи 1712 г., мы зато съ тѣмъ большимъ вниманіемъ остановимся на критическомъ разборѣ 2-го періода, представляющемъ собственно отдѣльную, вполнѣ законченную кампанію. Періодъ этотъ замѣчателенъ уже потому, что здѣсь встрѣчаются два великихъ полководца. Далѣе онъ поучителенъ по необыкновенной *простотѣ* и *вѣрности* распоряженій Виллара, почему и вся *существенная*

сторона стратегіи, на разборѣ этой въ высшей степени простой комбинаціи, схватывается, въ свою очередь, весьма просто и легко.

Не смотря на отступленіе Англійскихъ войскъ, численный перевѣсъ былъ все таки на сторонѣ принца Евгенія, такъ что онъ и тутъ имѣлъ въ виду, разбивъ Французскую армію, двинуться къ Парижу. Такимъ образомъ отступленіе Англичанъ не ослабило матеріально принца Евгенія, но имѣло весьма невыгодное вліяніе въ нравственномъ отношеніи, поселивъ недовѣріе и нѣкоторыя опасенія въ правительствѣ Генеральныхъ Штатовъ. Имѣя это въ виду, принцъ рѣшился, въ ожиданіи болѣе благопріятной минуты, предварительно овладѣть крѣпостью *Ландресси*.

На этомъ основаніи 17 іюля принцъ Ангальтскій былъ командированъ съ 30 баталіонами и 40 эскадронами для осады Ландресси. Самъ же принцъ Евгеній съ главными силами перешелъ Эскальонъ (небольшой притокъ Шельды) и расположился, для прикрытія осады, впереди Ландресси, примыкая правымъ флангомъ въ Тіанъ, а лѣвымъ къ Фонтенъ. Фронтъ его былъ прикрытъ р. Селле.

Еще во время осады Кене ближайшею *базою* для арміи принца Евгенія служилъ *Маршіеннъ*, на р. Скарпѣ, пунктъ весьма выгодный для сплава запасовъ (по рр. Лисъ и Шельдѣ), т. е. для доставки ихъ самымъ дешевымъ и, при тогдашнихъ условіяхъ, самымъ удобнымъ способомъ. *Экономическимъ* условіямъ онъ такимъ образомъ вполнѣ удовлетворялъ (а для торговаго народа это конечно главное; онъ и выбранъ былъ собственно по настоянію Голландцевъ), но въ *боевомъ*, въ особенности въ минуту осады Ландресси, онъ представлялъ существенные недостатки. Въ отношеніи къ описанному выше расположенію арміи отъ Тіана къ Фонтену, сообщеніе съ нимъ, т. е. коммуниціонная линія отходила отъ фланга (хотя бы еще въ направленіи параллельномъ фронту) и притомъ значительно подаваясь передъ фронтъ расположенія арміи [1]), короче—*сообщенія были совершенно открыты* (а никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи, это азбука военнаго дѣла...).

Во вниманіи къ указаннымъ неудобствамъ, принцъ Евгеній имѣлъ въ виду *перемѣнить свою операціонную линію* и, пользуясь только что занятою крѣпостью Кене, перенести туда запасы (*базу*) изъ Маршіенна. чѣмъ достигалось бы полнѣйшее обезпеченіе операціонной линіи, которая, въ этомъ случаѣ, отходила бы отъ середины фронта арміи, расположенной между Тіаномъ и Фонтеномъ, и шла бы въ направленіи перпендикулярномъ къ фронту, т. е. была бы въ полномъ смыслѣ слова безопасною.

Осуществленіе этой превосходной комбинаціи встрѣтило опять-таки самое упорное сопротивленіе со стороны Голландскаго правительства, руководимаго только одними экономическими разсчетами, такъ что принцу Евгенію оставалось разрѣшить чрезвычайно трудную задачу: *изыскать средства къ тому, чтобы сдѣлать безопасною его крайне опасную операціонную линію.*

Мѣры къ обезпеченію операціонной линіи, принятыя, въ данномъ случаѣ, принцемъ Евгеніемъ, заключались въ слѣдующей комбинаціи *тактическихъ* и *фортификаціонныхъ* средствъ.

Въ *тактическомъ* отношеніи онѣ заключались въ расположеніи на важнѣйшихъ пунктахъ линіи нѣкотораго числа войскъ, именно: въ *Маршіеннѣ* 6 баталіоновъ и 3 эскадрона (4 т.) и въ *Дененѣ*, пунктѣ чрезвычайно важномъ, такъ какъ здѣсь коммуникаціонная линія пересѣкалась

[1]) Разстояніе отъ Маршіенна до Ландресси около 35 верстъ.

р. Шельдою, 16 баталіоновъ и 14 эскадроновъ (11 т.). Слѣдовательно, всего, для обезпеченія коммуникаціонной линіи, оставлено было 15 т. (не считая пѣхоты, назначенной для непосредственной обороны линій, о которыхъ, вслѣдъ за симъ, будетъ упомянуто).

Въ фортификаціонномъ отношеніи, еще во время осады Кене, принцемъ Евгеніемъ дано было приказаніе графу Альбермарле возстановить укрѣпленный Дененскій лагерь, равно какъ и старинныя Французскія линіи, идущія отъ Вавергена, мимо Гавеле, Герянъ и Белянъ и, сверхъ того, набросать двѣ линіи укрѣпленій, которыя должны были идти мимо Эскодянъ и Фенянъ до Ріеле, неподалеко отъ Маршіенна. Подъ прикрытіемъ этихъ заслоновъ, идущихъ отъ Маршіенна до Денена, должны были исполняться съ безопасностью всѣ движенія транспортовъ изъ Маршіенна.

Приступая къ осадѣ Ландресси, принцъ Евгеній, въ тѣхъ же видахъ возможно полнаго обезпеченія своей коммуниціонной линіи, приказалъ устроить новыя укрѣпленныя линіи, въ промежуткѣ между р. Селле и Эскальономъ, до Луржа и Пруви (т. е. продолжилъ прежнія укрѣпленныя линіи, доходившія только до Шельды, до Эскальона). Войска дали этимъ линіямъ названіе *большой Парижской дороги.*

Казалось бы, такимъ образомъ, что, не смотря на крайне невыгодное направленіе коммуникаціонной линіи, она получила достаточное обезпеченіе, какъ путемъ *тактическимъ*, оставленія достаточнаго числа войскъ (около 15 т.), такъ равно и путемъ *фортификаціоннымъ*, посредствомъ вышеупомянутыхъ линій. Съ современной точки послѣднее обезпеченіе оказывается крайне слабымъ; но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что тогда, по общему мнѣнію (хотя и крайне незаконно), подобныя линіи считались дотого сильными, что никто не рѣшался ихъ атаковать.

Не смотря на все это, коммуникаціонная линія принца Евгенія была крайне опасна, такъ что *на ней* и находилась та *чувствительная точка*, куда стратегія и тактика столь настоятельно рекомендуютъ наносить ударъ непріятелю.

Чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ она была не безопасна, прослушаемъ мнѣніе объ этомъ предметѣ великаго мастера въ нашемъ искусствѣ.

«Принцъ Евгеній, говоритъ Наполеонъ (Монтолонъ V), у Ландресси, сдѣлалъ слѣдующія ошибки:

«1) онъ хотѣлъ ежедневно, безъ прикрытія, сообщаться съ своими депо, полагая всю надежду на свои столько же растянутыя, сколько слабыя сами по себѣ и притомъ слабо охраняемыя линіи;

«2) онъ расположилъ свой резервъ на лѣвомъ берегу Шельды, въ разстояніи 3 часовъ пути отъ своего лагеря и отдѣлилъ его отъ послѣдняго рѣкою».

По мнѣнію Наполеона: 1) ему не слѣдовало бы устраивать линій (Парижской дороги), а поддерживать связь съ Маршіенномъ посредствомъ хорошо организованныхъ и конвоируемыхъ достаточными силами транспортовъ. Наполеонъ полагаетъ, что одного подобнаго транспорта въ мѣсяцъ было бы достаточно;

и 2) слѣдовало бы обезпечить Дененскій мостъ [1]) сильнымъ укрѣпленi-

---

[1]) Сверхъ того, надо замѣтить, что одного моста было недостаточно. Мало ли какія могутъ быть случайности! Оно дѣйствительно такъ и случилось, во время боя, мостъ сломался отъ напора людей, и принцъ Евгеній не могъ поддержать войскъ Альбермарле.

емъ, безопаснымъ отъ нападенія открытою силою; поставить резервъ на правомъ берегу Шельды, между этимъ тетъ-де-пономъ и лагеремъ, занявъ тетъ-де-понъ сильнымъ отрядомъ....

18 іюля маршалъ Вилларъ переходитъ черезъ Шельду у Камбре и Кателе. 20-го онъ рекогносцируетъ позицію непріятеля за р. Селле, находитъ ее слишкомъ сильною, равно какъ и циркумвамаціонныя линіи противника. и рѣшается овладѣть Деденомъ, прорвать такимъ образомъ операціонную линію непріятеля и вынудить его къ снятію осады Ландресси.

Самая существенная задача творческой части стратегіи заключается *въ умѣніи выбрать точку, куда бить*, правильнѣе *въ искусномъ выборѣ операціонной линіи и въ умѣніи сдѣлать ее безопасною.*

Выборъ Вилларомъ операціонной линіи, какъ видно изъ всего вышеупомянутаго, слѣдуетъ считать образцовымъ.

Теперь посмотримъ, какія имъ были приняты мѣры, чтобы сдѣлать ее *безопасною*, во время марша, т. е. въ отношеніи *скрытности* и *быстроты* (операціонная линія Виллара должна быть разсматриваема въ смыслѣ пути наступленія).

Въ видахъ подготовки успѣшнаго исполненія плана, съ точки *скрытности*, Вилларъ имѣлъ въ виду прежде всего привлечь вниманіе непріятеля къ его лѣвому флангу. Для этого, онъ приказалъ: 1) проложить колонные пути къ р. Самбре и самъ 22 іюля двинулся къ верховьямъ р. Селле, угрожая Ландресси; 2) генералу Коаньи съ 30 эскадронами драгунъ переправиться черезъ р. Самбру и двинуться черезъ Феми и Картиньи, встревожить съ этой стороны расположеніе Союзниковъ и затѣмъ отойти къ Гизъ, для прикрытія, въ этомъ направленіи, границы Франціи: 3) сверхъ того, въ приказѣ по войскамъ отдано было, что вечерняя заря 23 іюля должна служить сигналомъ для движенія всѣхъ войскъ къ Ландресси (о чемъ шпіоны не замедлили сообщить принцу Евгенію) и, наконецъ, 4) въ тотъ же день (23), въ 5 часовъ вечера, Броліо съ 40 эскадронами долженъ былъ двинуться къ р. Селле и занять всѣ переправы съ тѣмъ, чтобы не позволить непріятельскимъ разъѣздамъ переходить ее и слѣдить за движеніемъ Французскихъ войскъ.

Всѣ эти распоряженія въ такой степени искусно замаскировали истинное намѣреніе Виллара, что принцъ Евгеній бо́льшую часть своихъ войскъ стянулъ къ лѣвому флангу, для прикрытія осады Ландресси.

Одновременно съ движеніемъ Броліо къ р. Селле, Вилларъ направилъ генерала Віенонъ съ 30 баталіонами и понтоннымъ паркомъ къ Невиллю, приказавъ ему, между Бушеномъ и Деденомъ, устроить мосты, черезъ Шельду. За нимъ слѣдовалъ Альберготти съ 20 баталіонами, а за Альберготти вся армія въ 5 колоннахъ.

24 іюля, въ 8 часовъ утра, Віенонъ прибылъ къ Невиллю и навелъ здѣсь 3 моста; вскорѣ къ нему присоединился Броліо съ 40 эскадронами [1]) и затѣмъ Вилларъ со всѣми прочими войсками [2]). Ранѣе другихъ перешла черезъ Шельду кавалерія и овладѣла западною линіею, за нею пѣхота. Одновременно съ этимъ нападеніемъ произведено было нападеніе и на восточныя линіи комендантомъ Валансіенна.

---

[1]) Служившими ширмами, за которыми исполнено было движеніе влѣво всей Французской арміи.

[2]) Движеніе Французской арміи влѣво было такъ искусно замаскировано, что принцъ Евгеній узналъ о немъ только 24 іюля въ 7 часовъ утра, т. е. тогда, когда оно было почти окончено.

Альбермарле, извѣщенный только между 7 и 8 часами утра 24 іюля о наступленіи Французовъ, стянулъ 10 баталіоновъ для защиты собственно Дененскаго укрѣпленнаго лагеря. Около 10 часовъ прибылъ самъ принцъ Евгеній, усилилъ означенные 10 бат. еще 6-ью, предназначенными для обороны укрѣпленій на правомъ берегу Шельды, и приказалъ ускорить движеніе всей арміи къ Денену.

Въ промежутокъ этого времени укрѣпленныя линіи были окончательно заняты Французами, и маршалъ Вилларъ приготовлялся уже къ атакѣ самаго Дененскаго укрѣпленнаго лагеря. Для этой цѣли онъ построилъ свою пѣхоту въ 8 колоннъ, на 200 шаговъ интерваловъ одна отъ другой, поставилъ 6 бат. въ резервѣ, а за ними должна была идти кавалерія. Правымъ флангомъ командовали Вилларъ и Монтескіу, а лѣвымъ Альберготти. Не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, войска подошли къ укрѣпленіямъ, выдержали здѣсь 3 залпа и картечный огонь 6-ти орудій и овладѣли центральными укрѣпленіями. Войска, защищавшія ихъ, обратились въ бѣгство и бросились густою толпою къ единственному мосту, который отъ того разрушился, такъ что принцъ Евгеній, къ которому успѣли подойти 14 бат., долженъ былъ остаться на правомъ берегу Шельды, празднымъ зрителемъ уничтоженія войскъ Альбермарле на лѣвомъ берегу (изъ 12 т. спаслось едва 4 т.).

Результатомъ Дененской побѣды былъ не только чувствительный уронъ, нанесенный Союзникамъ въ бою, но и занятіе нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ (С. Аманъ, Анхенъ, Мортань и Ганонъ).

Прорвавъ операціонную линію противника въ Дененѣ, оставалось овладѣть его базою, Маршіенномъ.

Осада этого весьма важнаго пункта, защищаемаго 6 бат. и 1 кирасирск. полкомъ, поручена была Вилларомъ маршалу Монтескіу (съ 6-ю бригадами пѣхоты).

27 іюля открыты были подступы, а уже 30 Маршіеннъ былъ въ рукахъ Французовъ, которымъ удалось тамъ захватить значительное количество запасовъ (1,000 мѣшковъ муки и овса, 150 судовъ съ провіантомъ), 90 орудій, казну и значительное количество боевыхъ запасовъ, предназначенныхъ для осады Ландресси.

Принцъ Евгеній, потерявшій при Дененѣ и Маршіеннѣ до 24 бат. и 10 эскадроновъ, такъ что числительность его арміи уменьшилась до 100 т. (въ то время какъ у Виллара она возросла до 120 т. вслѣдствіе присоединенія къ арміи гарнизоновъ нѣсколькихъ крѣпостей), намѣренъ былъ показать видъ, какъ будто бы онъ продолжаетъ осаду Ландресси, но потеря Маршіенна *(базы)* оказалась для него настолько чувствительною (въ войскахъ обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ), что онъ отказался отъ осады и отступилъ черезъ Монсъ въ Турнэ.

Вилларъ *не преслѣдовалъ* разбитаго непріятеля, и въ этомъ заключается единственная ошибка въ его образцовой, какъ съ точки стратегической, такъ и съ точки тактической, комбинаціи, какою является 2-й періодъ кампаніи 1712 г.

И дѣйствительно, выборъ операціонной линіи, опредѣленіе точки, куда слѣдовало бить, былъ сдѣланъ образцово. Настолько же образцово была осуществлена на дѣлѣ идея, выражаемая операціонною линіею: во-1-хъ, въ маршѣ къ Невилю (мѣры къ скрытію) и далѣе къ Денену, приведшемъ къ сосредоточенію на рѣшительномъ пунктѣ возможно большаго числа войскъ, и во-2-хъ, въ искусномъ введеніи въ бой войскъ на рѣшительномъ пунктѣ (колонны).

Не забудемъ при этомъ, что самую *существенную* часть стратегіи составляютъ: *умѣніе* (выбрать операціонную линію) *опредѣлить рѣшительный пунктъ, сосредоточить къ нему въ кратчайшее время наибольшую массу войскъ и искусно ввести ихъ на немъ въ бой* [1]). Послѣднее уже переходитъ въ область тактики.

ПРИЛОЖЕНІЕ XII.

Значеніе политическаго элемента (внутренняго и внѣшняго).— Связь его съ войною [2]).

Не смотря на всю важность *военной политики*, для болѣе близкаго уясненія вліянія политическихъ условій на военныя дѣйствія, она вся еще впереди. Генералъ Жомини, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи Précies de l'art de la guerre (29 и 30), хотя и подсмѣивается надъ Hay du Châtelet, издавшемъ въ 1767 г. сочиненіе подъ заглавіемъ Politique de la guerre, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, сообщаетъ: «что если армія должна перейти черезъ каменный мостъ, то слѣдуетъ его предварительно приказать осмотрѣть плотникамъ и архитекторамъ, и что Дарій не былъ бы разбитъ, если бы онъ не сразу противопоставилъ своихъ силъ Александру, а только половину»! «Etonnantes maximes de politique militaire!!» восклицаетъ генералъ Жомини, но самъ, взамѣнъ того, даетъ весьма мало, не болѣе какъ довольно произвольную классификацію войнъ, въ зависимости отъ характера ихъ, обусловливаемаго политическими условіями [3]).

---

[1]) Дененскій періодъ кампаніи 1712 г., представляя, въ миніатюрѣ, туже стратегическую сущность, какъ и любая изъ Наполеоновскихъ кампаній, чрезвычайно удобенъ для разбора при самомъ началѣ курса, чтобы на этой образцовой и, въ тоже время, въ высшей степени простой комбинаціи ближе уяснить стратегическую *суть* дѣла.

[2]) Мы здѣсь далеко не имѣемъ въ виду исчерпатъ этого важнаго вопроса, достойнаго глубокаго изслѣдованія въ отдѣльномъ, обширномъ сочиненіи; а только ограничиться нѣкоторыми намеками на значеніе политическаго элемента съ точки военной.

[3]) Самая естественная классификація войнъ, въ зависимости отъ различнаго характера ихъ и отъ того вліянія, которое обнаруживается этимъ различнымъ характеромъ на военныя дѣйствія, собственно была бы слѣдующая, принимая за отправную точку исторіи: 1) первыя войны, это *завоевательныя*, которыя ведутъ къ механическому сплоченію извѣстнаго общества, къ *внѣшнему*, такъ сказать, образованію государства. Разъ какъ эти цѣль достигнута, ставится новая, именно, *внутреннее устройство* на извѣстныхъ началахъ. Цѣль эта достигается естественнымъ, правильнымъ путемъ, путемъ правительственныхъ реформъ или же, въ крайности, насильственнымъ путемъ, путемъ *революцій, междоусобныхъ* и *религіозныхъ войнъ*.—Наконецъ, при окончательномъ уже развитіи внутренняго государственнаго строя, войны должны принять характеръ войнъ *народныхъ*. Вотъ самая простая и потому уже самая естественная классификація войнъ, оправдываемая историческимъ развитіемъ каждаго общества, государства.—Конечно, она можетъ быть еще упрощена, что и было бы совершенно правильно, именно: *войны армій противъ армій, безъ участія народа*, или *съ участіемъ народа (народныя)*. Между тѣмъ генералъ Жомини дѣлитъ ихъ: на *наступательныя войны для возвращенія*

Болѣе другихъ въ этомъ отношеніи всетаки же даетъ *Ллойдъ*. Что касается до вліянія *внѣшнихъ* политическихъ условій, то отдѣлъ этотъ (Analyse militaire des différentes frontières en Europe), вслѣдствіе капитальныхъ измѣненій въ картѣ Европы, конечно, устарѣлъ; но его изслѣдованіе значенія *внутренняго* политическаго элемента, т. е. вліянія на войну, на ея характеръ, на образъ ея веденія той или другой формы общественнаго устройства—и по настоящее время заслуживаетъ полнаго уваженія.

Такимъ образомъ сущность его разбора вліянія различныхъ формъ государственнаго устройства на войну приводится къ слѣдующему:

Деспотія. Отличительными чертами ея служатъ: полная централизація власти въ рукахъ одного, отсутствіе политическихъ и гражданскихъ правъ массы, а вслѣдствіе этого равнодушіе къ родному очагу, весьма естественное, при этихъ условіяхъ, стремленіе въ каждомъ членѣ подобнаго общества вдаль, исканіе чего-то лучшаго. Отсюда, переходя къ вліянію на образъ веденія войны и боя подобнаго политическаго устройства общества, не трудно придти къ тому заключенію, что деспотія наиболѣе благопріятствуетъ наступательнымъ войнамъ, дальнимъ завоеваніямъ, и что арміи деспотическихъ государствъ (Турки въ XVIII вѣкѣ) въ бою отличаются необыкновенною силою и стремительностью первыхъ атакъ, значительно ослабѣвающихъ въ послѣдующихъ. Отсюда же очевидно, что, имѣя дѣло съ подобною арміею, самое лучшее дѣйствовать, какъ то обыкновенно и дѣлается противъ всѣхъ Азіятскихъ народовъ, рѣшительно наступательно (вся ихъ сила въ наступленіи, къ оборонѣ неспособны), въ бою же только выдержать первый ихъ отчаянный напоръ и побѣда несомнѣнна (Кагулъ...).

Таково вліяніе на образъ веденія войны и боя одной изъ крайнихъ формъ государственнаго устройства. Если взять противоположную крайность *демократическую республику*, то не трудно замѣтить, какъ оно, впрочемъ, и должно быть, что *обратное приводитъ къ обратному*. И дѣйствительно, отличительными чертами демократической республики являются: децентрализація власти, равенство всѣхъ по отношенію къ политическимъ и гражданскимъ правамъ, необыкновенная привязанность къ родному очагу... Отсюда неспособность къ наступленію и необыкновенная сила въ оборонѣ (упорнѣе всего защищается послѣднее поле сраженія, Мараѳонъ...).

Если взять одну изъ среднихъ формъ между двумя приведенными крайними, напр. *Монархію*, то, соединяя въ себѣ и выгоды централизаціи власти въ однѣхъ рукахъ съ предоставленіемъ правъ гражданской и политической свободы членамъ общества, она, въ одинаковой степени, должна благопріятствовать какъ наступленію, такъ и оборонѣ.

Наконецъ, если взять точно такимъ же образомъ еще одну изъ среднихъ формъ, напр. *Аристократическую республику*, то, на основаніи свойствъ ея, окажется, что она неспособна ни къ наступленію (власть раз-

---

утерянныхъ правъ, на *войны оборонительныя въ политическомъ отношеніи и наступательныя въ военномъ*, на *войны для пріобрѣтенія извѣстныхъ преимуществъ*, довольно оригинально названныя генераломъ Жомини guerres de convenance (отъ словъ convenir; une guerre qui nous convient вѣроятно); на *войны съ союзниками или безъ оныхъ*, на войны съ цѣлью вмѣшательства (guerres d'intervention), на *войны завоевательныя...*, *народныя*, *междоусобныя* и *религіозныя*.—Какъ видно, классификація слишкомъ искусственно-сложная и нисколько не оправдываемая сущностью дѣла. Такъ, напр., неужели война для возвращенія утраченныхъ правъ и война для пріобрѣтенія извѣстныхъ преимуществъ уже настолько отличаются, по характеру, другъ отъ друга, что, благодаря этому, одна должна быть ведена иначе, чѣмъ другая?

дѣлена), ни къ оборонѣ (отсутствіе для каждаго изъ членовъ общества, подобно тому какъ и въ деспотіи, правъ политической и гражданской свободы), т. е. что подобное государство лучше всего поступитъ, если направитъ свою политическую программу къ сохраненію мира съ сосѣдями. Такъ и дѣйствовали Генуя и Венеція, благодаря чему и просуществовали нѣсколько вѣковъ.

Мы прослѣдили, придерживаясь сущности изслѣдованія Ллойда, хотя и въ бѣглыхъ чертахъ, то вліяніе, которое различными формами государственнаго устройства обнаруживается на образъ веденія войны и боя. Для того же, чтобы еще ближе ознакомиться съ значеніемъ *внутренняго политическаго* элемента, по отношенію его къ войнѣ и къ военному дѣлу, укажемъ на то вліяніе, которое, въ разсматриваемомъ смыслѣ, обнаружено было *преобразованіемъ общественнаго устройства на началахъ равноправности всѣхъ передъ закономъ*, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Оно отразилось, прежде всего, въ введеніи въ большей части Европейскихъ армій *общеобязательной военной повинности* (признаніе принципа равноправности всѣхъ передъ закономъ ведетъ къ признанію и равнообязанности всѣхъ передъ закономъ).

Измѣненіе въ этомъ смыслѣ, чисто подъ вліяніемъ внутреннихъ политическихъ условій, системы комплектованія армій имѣло ближайшимъ слѣдствіемъ: 1) появленіе на театрѣ военныхъ дѣйствій нынѣшнихъ громадныхъ по числу армій; 2) значительное улучшеніе ихъ состава, такъ какъ въ нихъ начали поступать лучшіе элементы общества. А это, въ свою очередь, повело 3) къ построенію всей тактики, основанной въ XVIII столѣтіи исключительно на *принципѣ недовѣрія* (линейная тактика, *тактика командъ*, цѣлая армія уподоблялась машинѣ, которая приводилась въ движеніе командою;—бой на мѣстности закрытой избѣгался, потому что сбродъ, изъ котораго состояли тогдашнія арміи, нужно было имѣть постоянно на глазахъ, въ кулакѣ;—этимъ же и объясняется непрерывный боевой порядокъ), наоборотъ, на возможно полномъ приложеніи къ дѣлу *принципа довѣрія* (перпендикулярная тактика, *тактика приказаній;* поле сраженія переходитъ на мѣстность закрытую и пересѣченную, механически сплоченный боевой порядокъ распадается на живые, органически связанные между собою *участки*, изъ которыхъ каждому свыше ставится только извѣстная цѣль, а выборъ средствъ, соотвѣтственно требованіямъ минуты, предоставляется иниціативѣ частныхъ начальниковъ, начальниковъ участковъ).

Далѣе, съ преобразованіемъ политическаго устройства государствъ, въ приведенномъ смыслѣ, являются новые рычаги. *Трибуна* и *пресса*, какъ возможно полное выраженіе общественнаго мнѣнія, пріобрѣтаютъ все большее и большее вліяніе на государственыя дѣла, а слѣдовательно и на войну и, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, къ сожалѣнію, весьма неблагопріятное. Едва окончательно успѣлъ установиться и повсюду перейти въ жизнь весьма правильный взглядъ на необходимость предоставленія главнокомандующему возможно полной свободы и уничтожены были разнаго рода гофкрихсраты, какъ въ трибунѣ и прессѣ является поползновеніе къ новому стѣсненію его власти. Горе тому полководцу, у котораго недостаетъ настолько силы характера, чтобы не стѣсняться подобною опекою! Барклай (1812 г.), въ этомъ отношеніи, является высокимъ примѣромъ, достойнымъ подражанія.

Переходя теперь къ изслѣдованію значенія *внѣшняго политическаго элемента* въ дѣлѣ войны, нельзя не замѣтить, что здѣсь связь между по-

литикою и войною дѣлается еще болѣе осязаемою, такъ какъ война является въ видѣ *одного изъ средствъ*, крайняго средства въ рукахъ политики, для достиженія государственныхъ цѣлей. Когда, въ отношеніяхъ государства къ государству, остальныя средства политики оказываются недостаточными, то къ нимъ присоединяютъ *силу*, и политика обращается въ войну. Даже во время войны политика остается постоянною ея спутницею. Политика стремится къ тому, чтобы придать войнѣ большую силу и безопасность. Она заключаетъ союзы съ одними государствами, обращаетъ въ нейтральныя другія, и этимъ путемъ избавляетъ нерѣдко отъ необходимости содержать значительныя массы войскъ, доставляя возможность стратегіи свободно располагать, для достиженія своихъ цѣлей, возможно большимъ числомъ войскъ. Такимъ образомъ рѣшеніе чрезвычайно важнаго вопроса, *обезпеченіе фланговъ и тыла*, короче — *обезпеченіе операціонной линіи*, легче и удобнѣе всего достигаются путемъ политическимъ. Какихъ громадныхъ силъ потребовалось бы Наполеону I, для обезпеченія своей длинной операціонной линіи въ 1805 г., въ бытность его въ Моравіи, если бы Пруссія присоединилась къ коалиціи; но она осталась *нейтральною*, благодаря чему, безъ всякаго инаго обезпеченія (только подконецъ Ожро съ незначительными силами былъ направленъ къ Ульму), его операціонная линія была совершенно безопасна. Далѣе, какая разница въ мѣрахъ, принятыхъ Наполеономъ, въ 1813, для обезпеченія своего праваго фланга и тыла, *до* и *послѣ* перемирія. Все это объясняется вліяніемъ политическихъ условій. Наконецъ, какая громадная разница въ положеніи Наполеона III и Наполеона I, въ случаѣ войны въ Германіи, при нынѣшнихъ условіяхъ, когда Германія почти объединилась? (см. *приложеніе IX)*.

Война, являясь однимъ изъ крайнихъ средствъ политики, для достиженія государственныхъ цѣлей, мало того, является вполнѣ разумною и законною, только тогда, когда она непосредственно вытекаетъ изъ политической програмы, строго соображенной, въ свою очередь, съ *политическою миссіею* извѣстнаго государства.

Каждый народъ живетъ на извѣстной территоріи, подъ управленіемъ верховной власти, и имѣетъ извѣстную миссію. Такъ, напр., *Россія* уже исполнила одну политическую миссію, послуживъ для Европы оплотомъ противъ Татаръ, противъ новаго переселенія народовъ, и тѣмъ спасла цивилизацію Запада отъ той печальной судьбы, которой она подверглась въ V вѣкѣ.

Но политическая миссія Россіи далеко не ограничивается тѣмъ только, чтобы остановить наплывъ на цивилизованную Европу азіятскихъ варваровъ, на ея же обязанности лежитъ принятую ею и затѣмъ самостоятельно переработанную цивилизацію Западной Европы передать на Востокъ азіятскимъ народамъ.

Изъ этой политической программы вытекаютъ сами собою и ея военныя задачи, ея *военная программа*, которой она строго держалась со временъ Петра, именно: *оборона на Западѣ и наступленіе на Востокъ.* Если же Россіею иногда и были предпринимаемы на Западѣ наступательныя войны, то онѣ были наступательными только съ точки военной, но, въ политическомъ отношеніи, онѣ всетаки же были оборонительными.

Этихъ крайне бѣглыхъ пока указаній уже достаточно, чтобы убѣдиться хоть до нѣкоторой степени во вліяніи чисто политическихъ условій на военныя дѣйствія.

О ЗВАНІИ ГЕНЕРАЛА,

ИЛИ

О ВОСПИТАНІИ, ОБРАЗОВАНІИ, ПОЗНАНІЯХЪ И ДОСТОИНСТВАХЪ,

НУЖНЫХЪ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ И ПРОЧИМЪ ОФИЦЕРАМЪ

ДЛЯ

КОМАНДОВАНІЯ АРМІЯМИ.

ОСНОВАНО

НА ПРАВИЛАХЪ ВЕЛИКИХЪ ПОЛКОВОДЦЕВЪ, УЧЕНЫХЪ И ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ДРЕВНЯГО И НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

СОЧИНЕНІЕ

Л. ДЮРА-ЛАСАЛЬ.

ПЕРЕВЕЛЪ

Г. СВЕДЕРУСЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Noblesse oblige.

Послѣ званія верховнаго правителя государства, самое важное и самое блистательное—есть званіе главнокомандующаго. Но точное исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, сколько славно, столько же и трудно. Въ жизни Цезаря и Наполеона въ особенности замѣтно множество познаній и качествъ нужныхъ главнокомандующему. На того и другаго, еще до пріобрѣтенія ими верховной власти, была возложена высокая обязанность утвержденія владѣній, сохраненія правъ государства и укрощенія или наказанія непріятелей: обязанность, почти всегда влекущая за собою необходимость завоеванія.

Изъ этого видно, что главнокомандующій долженъ приложить къ дѣлу не только правила тактики и стратегіи, но и указанія исторіи, политики и нравственности. Конечно, геній пополняетъ недостатокъ образованія или помогаетъ быстрому его пріобрѣтенію; но при всемъ томъ нѣтъ предразсудка гибельнѣе мнѣнія, что генералы раждаются готовыми, что можно со славою командовать войсками, не бывъ къ тому приготовленнымъ съ самаго дѣтства и не предаваясь продолжительнымъ и постояннымъ занятіямъ. Правда, были примѣры, что генералы-невѣжды одерживали побѣды, но не были ли ихъ противники еще большіе невѣжды? Притомъ эти генералы можетъ быть имѣли достаточно ума, чтобы выслушивать и исполнять полезные совѣты, были окружены офицерами, знающими свое дѣло, и потому на нихъ перенесена заслуга дѣйствій, совершенныхъ другими.

Признаютъ ли, напримѣръ, въ царствованіе Августа, Агриппу побѣдителемъ при Акціумѣ? И во времена позднѣйшія не видимъ ли мы, что общественное мнѣніе никогда не восходитъ до первоначально-дѣйствующихъ причинъ, а приписываетъ славу тому, кто облеченъ властью военачальника?

Такимъ образомъ, прославляютъ Карла XII за нѣкоторыя побѣды, одержанныя Шведами въ его царствованіе, тогда какъ, приподнимая завѣсу, сквозь которую историки показываютъ намъ этого знаменитаго короля, видимъ, что распоряженія въ этихъ сраженіяхъ и ходъ битвы были возложены на графа Левенгаупта, что, однимъ сло-

вомъ, войско Шведское было богато образованными генералами, служившими при Карлѣ XI, равно какъ въ войскѣ Александра завоеванію Персіи способствовали генералы образованные Филиппомъ, при чемъ молодой завоеватель самъ получилъ замѣчательное образованіе. Кто, наконецъ, можетъ утверждать, что Цезарь къ генію своему не присоединялъ самыхъ обширныхъ знаній? Тотъ развѣ, кто не читалъ его удивительныхъ Коментаріевъ. Но можетъ быть скажутъ, что великому Конде были врождены качества, которыя другія пріобрѣтаютъ трудомъ? Такое мнѣніе ошибочно, потому что этотъ принцъ служитъ разительнымъ примѣромъ могущества ученія и труда; доказывая это, мы можемъ только увеличить его славу. Герцогъ Энгіенскій одержалъ двадцати-двухъ лѣтъ знаменитую побѣду при Рокруа; побѣдилъ Меллоса и Фуентаса—генераловъ опытныхъ; но не получилъ ли онъ отличнаго образованія; не жилъ ли между ученѣйшими по всѣмъ отраслямъ людьми; изученіе исторіи не было ли первою его страстью? Воспитателемъ герцога Энгіенскаго не былъ ли отецъ его принцъ Конде? Ришелье, изумленный его познаніями, не предсказалъ ли, что онъ будетъ первымъ полководцемъ въ Европѣ и славнѣйшимъ человѣкомъ своего времени? Но примѣръ Конде не единственный въ исторіи: Густавъ-Адольфъ, Вилларъ, Тюрень, Катина́, Монтекукули, принцъ Евгеній, Люксембуръ, Филиппъ Орлеанскій, Вандомъ, Петръ Великій, де-Саксъ, Фридрихъ, Румянцовъ, герцогъ Брауншвейгскій, Марльборо,—всѣ эти великіе полководцы были такъ же знамениты по своимъ познаніямъ.

Въ новѣйшее, столь живо-трепещущее славою — время: Дюмурье, Кюстинъ, Моро, Дезе, Пишегрю, Дюгомье, Суворовъ, эрцгерцогъ Карлъ и проч. были воины, обладавшіе обширнымъ образованіемъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ люди, опытные въ военномъ искусствѣ. Не буду здѣсь упоминать о славныхъ генералахъ эпохи Французской имперіи, потому что подвиги ихъ слишкомъ къ намъ близки; впослѣдствіи я упомяну и о нихъ; теперь же подробности отдалили бы меня отъ настоящаго предмета; притомъ нѣкоторые изъ нихъ еще живы: прахъ другихъ еще не остылъ; семейства ихъ, друзья и современники еще ихъ оплакиваютъ: можетъ быть иные сочли бы лестью слова истины; сверхъ того, въ послѣднихъ нашихъ войнахъ, главнокомандующихъ почти не было: геній императора въ нихъ дѣйствовалъ электрически. Въ это время сражались повсюду, такъ что отъ постоянной практики раждалась опытность, и изъ опытности выводилась теорія, замѣнявшая науку, которою тогда не имѣли времени заниматься. Вотъ еще причина, опровергающая мнѣніе, что можно родиться генераломъ. Но предположимъ на время, что нѣкоторые люди раждаются съ военнымъ геніемъ: сдѣлаемъ эту уступку умамъ притязательнымъ, которыхъ, къ сожѣлнію, вездѣ много: спрашивается, не угаснетъ ли этотъ геній, если онъ не будетъ поддержанъ или наукою, или продолжительною и важною войною съ народомъ образованнымъ. Кто, впрочемъ, дерзнетъ причислять себя къ разря-

ду этихъ высшихъ личностей, одаренныхъ врожденною проницательностію, замѣняющею пріобрѣтаемыя знанія? Наконецъ—слава этихъ необыкновенныхъ людей не была ли бы еще болѣе, не принесли ли бы они еще болѣе пользы своему отечеству, еслибъ они усовершенствовали природныя свои дарованія? Итакъ, даже и при этомъ предположеніи, изученіе военныхъ наукъ и пріобрѣтеніе знаній, непосредственно съ ними связанныхъ, не менѣе необходимы. У людей, рожденныхъ съ способностями генераловъ, наука развила бы, усилила и проявила бы въ лучшемъ свѣтѣ ихъ даровитость; а тѣмъ, чьи способности природою ограничены, эта наука помогла бы если не сравняться съ великими людьми, то по крайней мѣрѣ подражать имъ.

Противное мнѣніе распространилось потому только, что оно потворствуетъ нашей лѣни и влеченію къ забавамъ; оно превознесено завистью и мелкимъ тщеславіемъ, въ ничтожныхъ успѣхахъ, потому, что льститъ нашему самолюбію, и потому еще, что оно какъ-будто избавляетъ насъ отъ дани законныхъ похвалъ людямъ, образовавшимъ умъ свой трудомъ и занятіями. Чтобы доказать излишество военнаго образованія, обыкновенно ссылаются на то, что опытностію можно замѣнить изученіе. Это мнѣніе было бы простительно участникамъ войнъ, обнимавшихъ всю Европу съ 1792 года [1]), когда въ самомъ нѣжномъ возрастѣ летѣли къ битвамъ. Офицеры не имѣли тогда времени заниматься науками; ежели миръ заключался не надолго, то время это было употребляемо на игры и увеселенія, имѣвшія совершенно военный характеръ; въ это бурное время офицеры могли смѣло поручать свое образованіе опытности. Впослѣдствіи все перемѣнилось: со временъ Августова мира, свѣтъ и въ особенности Европа никогда не наслаждались такимъ продолжительнымъ спокойствіемъ; не смотря на это, великіе народы сдѣлали огромные успѣхи въ военномъ искусствѣ. Артиллерія особенно превзошла все, чего можно было ожидать. Въ то время, когда въ Германіи, и преимущественно въ Россіи, офицеры занимаются науками, не оставляя безъ вниманія ни одного изъ тѣхъ усовершенствованій, которыя во Франціи хотя и извѣстны, однако не привлекаютъ должнаго вниманія,—наши генералы занимаются политическими спорами, игрою, проводятъ время въ удовольствіи и нѣгѣ; достигаютъ самыхъ высокихъ чиновъ, не бывъ ни разу въ сраженіи, или сражаясь съ народомъ, не имѣющимъ никакого понятія о новыхъ способахъ атаки и обороны. Для обладанія военнымъ искусствомъ наука дѣлается съ каждымъ днемъ необходимѣе.

Опытность всего лучше — скажутъ намъ; спросимъ исторію, чего стоило нашему отечеству пріобрѣтеніе этой опытности безъ приготовительнаго ученія въ первые дни революціи, и чего ему можетъ стоить еще та опытность, которую намъ нужно пріобрѣсти безъ воен-

---

[1]) Кому въ это время довѣрялось начальство надъ войскомъ, тотъ вѣрно участвовалъ не въ одномъ сраженіи.

наго образованія, потому что тѣ, которыми она уже пріобрѣтена, уносятъ ее съ собою въ могилу.

Притомъ, можетъ ли опытность удовлетворить всѣмъ требованіямъ безъ науки и теоріи? Говорятъ, что начало и конецъ жизни военнаго такъ близки между собою, что почти соприкасаются. Это особенно справедливо въ настоящее время, когда мы видимъ, что для удовлетворенія молодыхъ искателей славы во Франціи господствуетъ невѣжественно-настойчивое правило, которое стремится опередить природу и уничтожить опытность, подобно тому какъ смертію уничтожается жизнь. Одинъ писатель послѣдняго столѣтія сказалъ, доказывая преимущество образованія передъ опытностью, что сколько бы времени генералъ ни командовалъ арміею, дѣйствія его въ каждомъ большомъ сраженіи ни что иное какъ попытка, потому что ему почти никогда не придется начальствовать въ двухъ совершенно, похожихъ, одно на другое, сраженіяхъ; что уроки, данные опытомъ, иногда бываютъ гибельны не только для главнокомандующаго, но и для цѣлаго народа. Не благоразумнѣе ли научаться чужими ошибками, чѣмъ своими собственными? И не доказываетъ ли намъ исторія, что одна опытность насъ не исправляетъ? Герцогъ Робертъ, братъ Карла I, короля Англійскаго, проигралъ три сраженія въ одну кампанію, сдѣлавъ во всѣхъ трехъ ту же самую ошибку. Итакъ очень трудно, чтобы военное искусство, безъ теоріи, привело къ счастливымъ результатамъ, и продолжительная опытность, не опирающаяся на познанія, большею частію есть не что иное какъ постоянная привычка ошибаться. Ученіе легкимъ и сокращеннымъ путемъ доводитъ насъ до свѣдѣній болѣе обширныхъ и точныхъ; рѣдко можно имѣть средства все видѣть, а чтеніе всему научаетъ: оно единственно образовало знаменитаго Ификрата, научило Лукулла побѣждать Митридата и покорить Арменію власти Римлянъ; оно дало герцогу Франциску де-Гизъ то превосходство, которое онъ имѣлъ надъ воинами своего времени. Однимъ словомъ, величайшіе генералы всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ образовались съ помощью науки. Слѣдуетъ обращаться къ письменнымъ правиламъ: безъ нихъ не достигнешь желаемой цѣли, или достигнешь ея поздно. Правда, что свѣдѣнія, пріобрѣтенныя ученіемъ, недостаточны для образованія хорошаго генерала; для усовершенствованія полководца нужна опытность, для того чтобы онъ умѣлъ воспользоваться на практикѣ свѣдѣніями, пріобрѣтенными посредствомъ теоріи. Истинный генералъ долженъ соединять познанія съ военнымъ геніемъ, уроки прошедшаго съ собственною опытностью и теорію съ практикой; но онъ долженъ начать съ пріобрѣтенія необходимыхъ для него познаній. Разсмотримъ, какія познанія необходимы тѣмъ, которымъ можетъ быть поручено высшее начальство? Я не взялся бы отвѣчать на этотъ вопросъ, если бы эти познанія и правила не были примѣнены къ практикѣ прославившимися воинами и описаны извѣстными военными писателями. Я беру на себя только трудъ сравнить древнія правила съ правилами послѣднихъ вѣковъ и съ усовершенствованіями нашего времени, и

привести ихъ въ систему. Я не стану изобрѣтать, а повторю только то, что уже было сказано и о чемъ еще часто придется напоминать. Учить искусству начальствованія надъ войсками и побѣждать имѣютъ право только герои. Эти безсмертные геніи должны руководить на поприщѣ войны тѣхъ, которые захотятъ слѣдовать по одному пути съ ними и руководствоваться ихъ примѣрами. Александръ образовалъ себя въ войнахъ Греціи съ Персами; всѣмъ извѣстно, что онъ на ночь клалъ подъ голову Иліаду Гомера; Цезарь постоянно упоминалъ о завоеваніяхъ царя Македонскаго, и любимое военное чтеніе Наполеона были Коментаріи Цезаря.

Итакъ, опять повторяю, генералъ долженъ соединять обширныя свѣдѣнія съ счастливыми дарованіями. Познанія могутъ быть раздѣлены на двѣ вѣтви: познаніе людей и познанія относящіяся къ наукамъ и искусствамъ; дарованія также на двѣ вѣтви: на качества физическія и нравственныя.

Какъ генералъ долженъ командовать людьми и сражаться съ людьми же, то я прежде всего обращусь къ характеру людей. Читатели увидятъ какъ необходимо генералу знать самаго себя и притомъ изучить сердце человѣческое. Послѣ того я постараюсь объяснить причину, по которой главнокомандующій долженъ знать характеръ своей націи, и въ особенности родъ храбрости и дарованій своихъ подчиненныхъ, и по которой необходимо изученіе и того народа, противъ котораго онъ долженъ сражаться. По мѣрѣ того какъ я буду объяснять, по примѣру ученыхъ моихъ предшественниковъ, необходимость этихъ различныхъ знаній, я потщусь начертать путь, по которому должно слѣдовать для пріобрѣтенія ихъ, и постараюсь также показать, почему эти познанія нужны и для всѣхъ военныхъ вообще. Въ подраздѣленіи всѣхъ познаній генерала, я буду слѣдовать методѣ графа Сессака, и перейду отъ познаній необходимыхъ, какъ-то: военныхъ наукъ, исторіи, географіи, законовѣдѣнія, къ познаніямъ нужнымъ, къ числу которыхъ принадлежатъ: иностранные языки, народное право, начала нравственности, политика и наконецъ математика. Къ полезнымъ познаніямъ отнесу: рисованіе, чистописаніе, краснорѣчіе и проч. Качества, которыми должны обладать генералы, раздѣляются на физическія и нравственныя; между послѣдними есть необходимыя, много нужныхъ и очень мало такихъ, которыя бы не были полезны.

Между нравственными необходимыми качествами — на первомъ мѣстѣ стоитъ любовь къ государю и вѣрность ему, которыя такъ тѣсно связаны съ любовью къ отечеству; потомъ честь, стремленіе къ истинной славѣ, религія, храбрость, постоянство, твердость, терпѣніе и рѣшительность. Потомъ я разсмотрю генерала въ немилости, даже въ оковахъ.

Мужественный начальникъ, недоступный ни припадкамъ зависти, ни сильному гнѣву ревности, всегда выслушаетъ священную правду, отдалитъ отъ себя низкую лесть, съумѣетъ побѣдить нѣжное чувство дружбы и даже въ случаѣ надобности заставитъ замолчать го-

лосъ природы. Я разсмотрю вліяніе справедливости на жизнь генерала; разсмотрѣніе это поведетъ къ указанію того, какъ генералъ не долженъ во зло употреблять довѣрія къ нему государя; разсмотрю—какого рода отчетъ онъ долженъ отдавать о своихъ подчиненныхъ; покажу также могущество примѣровъ, которые генералъ подаетъ своимъ подчиненнымъ, и это меня поведетъ прямо къ указанію достоинствъ, въ которыхъ онъ въ особенности долженъ служить образцомъ для войска, каковы: повиновеніе, дѣятельность, осторожность и проч. Скажу, какое пагубное вліяніе имѣютъ безпечность, чрезмѣрная самонадѣянность, нескромность, вспылчивость, недостатокъ предусмотрительности, и вообще пороки слабаго человѣка, на славу и честь главнокомандующаго. Генералы убѣждены, что они должны избѣгать обвиненія въ лихоимствѣ и грабежѣ, и потому я считаю излишнимъ распространяться здѣсь о безкорыстіи, составляющемъ верхъ честности. Они увидятъ, что благотворительность и щедрость расширяютъ славу ихъ и укрѣпляютъ любовь солдата. Я имъ посовѣтую также быть разсчетливыми, чтобы не приходилось прибѣгать къ скупости или къ средствамъ скрытымъ, для поправленія состоянія; я только напомню здѣсь о стойкости въ словѣ, о добросовѣстности и прямодушіи, наконецъ о постоянной заботливости о солдатахъ, которая производитъ чудеса: объ этихъ качествахъ достаточно только упомянуть. Въ этихъ подраздѣленіяхъ я покажу слѣдствіе пороковъ противуположныхъ добродѣтелямъ, о которыхъ буду говорить, и означу второстепенныя достоинства, происходящія изъ тѣхъ, которыми займусь преимущественно.

Исчисливъ необходимыя качества генерала, я перейду къ тѣмъ, которыя ему нужны, и поставлю въ главѣ ихъ человѣколюбіе. Никто, подобно генералу, не имѣетъ случая выказать свои чувства въ наилучшемъ свѣтѣ. Воздержность, простота, однимъ словомъ, характеръ и склонности генерала обратятъ потомъ на себя наше вниманіе: тутъ-то увидятъ, что начальникъ, рабствующій страстямъ своимъ, себя безчеститъ, упускаетъ случаи къ пріобрѣтенію славы и всегда находится въ опасности болѣе или менѣе лишиться уваженія, сообразнаго съ занимаемымъ имъ мѣстомъ. Скромность, эта добродѣтель великихъ людей, будетъ указана тутъ же; она запрещаетъ генералу гордиться своими достоинствами; съ какимъ блескомъ проявляется она передъ высокомѣріемъ и надменностью—этими пороками людей мелкихъ и умовъ ограниченныхъ! Наконецъ—важность, привѣтливость и спокойствіе—достоинства, которыя дѣлаютъ генерала кумиромъ арміи, будутъ очерчены въ концѣ этой картины.

КНИГА I.

О ВОСПИТАНІИ. — О ШКОЛАХЪ. — ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ И ПРОЧЕЕ ВСѢХЪ ВООБЩЕ ОФИЦЕРОВЪ.

ГЛАВА I.

О ВОЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Само собою разумѣется, что цѣль наша состоитъ не въ изложеніи всѣхъ отраслей военнаго воспитанія, какъ частнаго, такъ и публичнаго, а только въ указаніи на нѣкоторыя общія правила, не говоря ни о чемъ невозможномъ или неудобоисполнимомъ. Скажемъ, во-первыхъ, что неблагоразумно было бы давать мальчикамъ, до шестнадцати-лѣтняго возраста, воспитаніе различное, смотря по предназначенію ихъ въ судьи, въ администраторы, въ духовное званіе или въ военную службу. Первоначальною цѣлію воспитанія должно быть развитіе тѣла, приготовленіе ума къ ученію и направленіе сердца: это цѣль общая для всѣхъ классовъ общества. Ежели военное воспитаніе и требуетъ нѣкоторыхъ особыхъ измѣненій, то они не важны и удобопонятны.

ОБРАЗОВАНІЕ ФИЗИЧЕСКОЕ.

Древніе народы, о которыхъ мы такъ часто упоминаемъ и которымъ, между тѣмъ, такъ мало подражаемъ, обращали большое вниманіе на физическое образованіе дѣтей.

Первобытные Французы точно также о немъ заботились: они постоянно старались развивать силы дѣтей, слѣдствіемъ чего было укрѣпленіе ихъ здоровья. Примѣры этому безчисленны. Ребенку слѣдуетъ жить въ деревнѣ до десятилѣтняго возраста; желательно: чтобы во время кормленія грудью его не пеленали; чтобы не употребляли никакихъ искусственныхъ средствъ для его усыпленія; чтобы онъ проводилъ цѣлый день въ полѣ; чтобы нянька рѣдко брала его на руки, чтобы онъ чаще игралъ свободно на травѣ или подстилкѣ; чтобы не старались предускорить время, въ которое природа позволяетъ ему стать на ноги и ходить; чтобы холстинная рубашка лѣтомъ, шерстяная зимою и башмаки изъ мягкой кожи со-

ставляли единственную его одежду и обувь. Купать его слѣдуетъ непремѣнно каждый день; постелью долженъ ему служить соломенный тюфякъ и легкое одѣяло; занавѣсокъ отнюдь не надо. Пищу ему надобно давать въ достаточномъ количествѣ, здоровую и большею частію холодную. Желательно также, чтобы онъ выходилъ гулять во всякое время года и въ какіе бы то ни было часы дня и ночи; такимъ образомъ онъ привыкнетъ къ темнотѣ, къ солнечному зною и холоду. Игры его должны продолжаться иногда и послѣ заката солнца, чтобы онъ пріучился и въ темнотѣ быть бодрымъ и веселымъ. Слѣдуетъ, какъ только силы ребенка позволятъ, пріучать его къ легкости въ бѣганьѣ; для этого пусть онъ бѣгаетъ на всякой мѣстности, карабкается по утесамъ, всходитъ по отвѣсно-поставленнымъ лѣстницамъ, лазитъ по деревьямъ, прыгаетъ черезъ рвы и преграды и переплываетъ черезъ каналы и рѣчки. Въ это же время должно въ немъ развиваться соображеніе относительно высотъ, разстояній, размѣровъ тѣлъ, отдаленія свѣта, видимаго гдѣ нибудь ночью, и отдаленности мѣста, откуда исходитъ звукъ, поражающій слухъ его. Такимъ образомъ пусть онъ пріучается ходить осторожно ночью и находить въ потьмахъ дорогу также какъ и днемъ; для этого онъ долженъ дѣлать прогулки въ лѣсахъ и по другимъ мѣстамъ. Пусть ему позволятъ проходить черезъ обширныя заброшенныя зданія, храмы и т. п. Нѣтъ надобности, чтобы онъ зналъ правила верховой ѣзды, но онъ долженъ умѣть проворно и ловко сѣсть на лошадь, ѣздить безъ сѣдла, управлять конемъ безъ узды и проч.; все это онъ можетъ перенять у молодыхъ пастуховъ. Когда ему минетъ 10 лѣтъ, то не худо его выучить стрѣльбѣ въ цѣль изъ пистолета и ружья. Такимъ образомъ охота вскорѣ можетъ сдѣлаться любимою его забавою. Онъ долженъ умѣть запрячь лошадь въ телѣгу, управлять ею, умѣть обращаться съ топоромъ, ломомъ и пилою; его слѣдуетъ водить на полевыя работы, и онъ долженъ присутствовать при вспахиваніи полей, посѣвѣ и жатвѣ. Какъ для упражненія, такъ и для предотвращенія тщеславія, которое могло бы закрасться въ его сердце, не слѣдуетъ дозволять, чтобы для прислуги ему служили чужія руки; пусть привыкнетъ дѣлать для себя все, что можетъ, самъ. Должно продолжать его одѣвать какъ можно проще, не надѣвая ничего ему на голову или развѣ что нибудь легкое. Не слѣдуетъ заставлять его голодать подобно Спартанцу, но на восьмомъ году можно уже пріучать его къ нѣсколько иррегулярному употребленію пищи, для того чтобы онъ могъ потомъ, не жалуясь, терпѣть и голодъ нѣсколько времени. Всѣ жидкости, способныя утолить жажду, и всякая здоровая пища должны быть для него одинаково годны. На десятомъ году можно его привезти въ городъ на нѣсколько мѣсяцевъ, для обученія верховой ѣздѣ, фехтованію, танцованію и проч. Посреди этихъ игръ и занятій, онъ приблизится къ сроку, въ который будетъ способенъ къ принятію воспитанія общественнаго. Множество авторовъ писали объ этомъ первомъ родѣ воспитанія. Мишель Монтэнь, Лӧкке, Жанъ-Жакъ Руссо, Галлеръ и др. Мы обо-

значили его сущность. Историки говорятъ, что Генрихъ IV и другіе государи, отличившіеся своими доблестями, были воспитаны такимъ образомъ.

ОБРАЗОВАНІЕ УМА.

Ежели бы не было доказано, что человѣкъ, который съ дѣтства не пріученъ думать и сравнивать, можетъ сдѣлаться навсегда неспособнымъ къ значительнымъ занятіямъ, то было бы, можетъ быть, лучше оставить ребенка свободнымъ и счастливымъ до 12-лѣтняго возраста; но убѣдившись, что столь же важно образовать умъ, какъ и тѣло, необходимо начать умственное образованіе, какъ только мальчикъ покажетъ къ тому охоту и коль скоро здоровье его это позволяетъ. Главное—не слѣдуетъ учить его тому, что онъ современемъ по-неволѣ забудетъ. Изъ различныхъ методъ для ученія лучшая та, которая передается посредствомъ собранія картинъ и рисунковъ. Эта метода имѣетъ преимущество передъ другими потому, что при ней мальчикъ забавляется и учится въ одно время. Чтеніе, писаніе и рисованіе не должны идти порознь, а надобно стараться передавать ихъ въ одно и то же время, и притомъ самыми простыми средствами, переходя постоянно отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и начиная съ того, что всего легче выразить и представить. Одинъ авторъ XVIII столѣтія осмѣлился предложить для перваго чтенія дѣтямъ «Изложеніе правъ человѣка» и ошибся: ему слѣдовало предложить: Изложеніе обязанностей человѣка, въ отношеніи къ Богу, къ Государю, къ Отечеству и къ Семейству. Нѣтъ права, которое бы не проистекало изъ исполненія обязанностей, и можно доказать дѣтямъ обязанности людей безчисленнымъ множествомъ занимательныхъ примѣровъ. Чтеніе играетъ въ воспитаніи важную роль, почему и слѣдуетъ обращать на него большое вниманіе, заставляя дѣтей читать на различныхъ разстояніяхъ, громко и внятно. Можно говорить съ мальчикомъ о математикѣ, не посвящая его до времени въ доказательства ея истинъ. Элементарная ариѳметика будетъ для него наилучшею логикою. Но онъ долженъ взяться за книги не иначе какъ послѣ практики, т. е. онъ не долженъ приступить къ геометріи и географіи, не измѣривъ прежде свой садъ или дворъ, и проч. Разумѣется, родной языкъ будетъ первымъ, которому онъ выучится; но счастливы семейства, въ которыхъ онъ можетъ въ одно время выучиться говорить на двухъ живыхъ языкахъ; правила ихъ изучитъ онъ вмѣстѣ съ правилами языковъ мертвыхъ.

ОБРАЗОВАНІЕ СЕРДЦА.

Не ограничиваясь представленіемъ обществу человѣка сильнаго и образованнаго, необходимо внушить ему храбрость и любовь къ добродѣтели. Многіе предполагаютъ, что человѣкъ раждается храбрымъ или трусомъ, подобно тому какъ онъ раждается живописцемъ или поэтомъ. Ежели бы это предположеніе и было справедливо, то

и тогда не слѣдовало бы ему поддаваться; но человѣкъ, по самой природѣ своей, напечатлѣвающей твердою рукою законы свои въ его сердцѣ, питаетъ въ себѣ чувство самосохраненія, боится страданій и ужасается смерти. Слѣдовательно — храбрость не есть даръ природы, а такъ какъ много храбрыхъ, то ясно, что они пріобрѣли это качество. Исторія намъ показываетъ, что воинственный духъ передается не только народамъ, но и отдѣльному человѣку, и что пороки, равно какъ и добродѣтели, преподаются подобно геометріи. Главное, должно выказать доблесть и, напротивъ того, скрыть, обуздать и сдѣлать ненавистнымъ порокъ. Въ этомъ преподаваніи самое дѣйствительное средство — религія. Вспомните о Лидійцахъ! Они славились храбростію до тѣхъ поръ, пока Киръ, покоривъ ихъ, совершенно не измѣнилъ ихъ воспитанія. Взгляните на дикихъ: наиболѣе храбры тѣ изъ нихъ, которые употребляютъ самыя дѣйствительныя мѣры для ослабленія боязни смерти. Отнимите у народа религію, патріотизмъ, любовь къ повелителю, любовь къ семейству—и вы сдѣлаете изъ храбраго народа — трусовъ. Разсмотрите исторію и вы узнаете заранѣе по образованію, которое молодые государи получили, будутъ ли они воинственны или нѣтъ; вы предугадаете, предпочтетъ ли слѣдующее поколѣніе войну миру, или наоборотъ! Какъ могъ Александръ не любить войну, когда онъ, съ самаго дѣтства, былъ окруженъ оружіемъ и солдатами; когда первые крики, которыми пораженъ былъ слухъ его, были крики побѣды. Какимъ образомъ, въ болѣе близкое къ намъ время, Карлъ VIII, не имѣя ни одного качества, необходимаго для побѣдителя, полюбилъ войну? Коминъ намъ говоритъ, что герцогъ Орлеанскій, желая его увезти еще въ первой молодости въ Италію, началъ воспламенять его воображеніе; онъ каждый день устроивалъ поединки на копьяхъ, турниры, примѣрныя битвы, и проч. Въ наше время Наполеонъ поставилъ лицеи на военную ногу, чтобы возбудить воинственность. Убѣдите юношей, что они не трусы, уменьшите въ нихъ боязнь смерти, и они будутъ храбры; пріучите ихъ къ повиновенію путемъ разумнаго убѣжденія. Не дозволяйте себѣ употреблять наказанія тѣлесныя за проступки; наказанія эти вредны: они внушаютъ робость и нерѣдко ведутъ ко лжи; они заставляютъ юношей смотрѣть на страданіе какъ на величайшее зло и, вслѣдствіе этого, ослабляютъ мужество. Назначеніе наградъ должно быть дѣлаемо съ такою же осмотрительностію. Дурной выборъ наградъ внушаетъ дѣтямъ ложныя понятія; онъ пріучаетъ ихъ приписывать высокую цѣну вещамъ самымъ маловажнымъ. Должно предоставить молодости благоразумную свободу; если же свобода эта сначала напрасно отнимается и потомъ вдругъ дается, освобожденный легко можетъ во зло употребить ее. Наконецъ слѣдуетъ умягчить и возвысить воспитанника. По достиженіи 12-тилѣтняго возраста, мальчикъ долженъ быть приготовленъ къ первому, самому важному въ жизни шагу—къ пріобщенію Св. Таинъ по религіи своихъ предковъ. Это—наилучшій день въ дѣтскомъ возрастѣ и воспоминаніе о немъ сохраняется навсегда.

Наполеонъ, будучи окруженъ придворными того времени, королями, принцами и генералами, спросилъ у нихъ однажды: какой день считаютъ они прекраснѣйшимъ днемъ въ его жизни. Одни отвѣчали: «Маренго», другіе «Аустерлицъ»; иные привели день его коронованія; однимъ словомъ — перерывали въ памяти своей всѣ достопамятныя событія и всѣ лѣтописи имперіи. — Нѣтъ, возразилъ Наполеонъ, прекраснѣйшій день въ моей жизни — день перваго причащенія моего, — и при этомъ случаѣ онъ пересказалъ всѣ его подробности. Впрочемъ, извѣстно, что Наполеонъ былъ одинъ изъ воиновъ и государей, наиболѣе уважавшихъ религію, равно какъ и вѣрованія народовъ, съ которыми воевалъ онъ, — оттого что съ дѣтства своего воспріялъ онъ чистѣйшія правила правоты и религіи, которымъ и слѣдовалъ до конца. Подобнымъ же образомъ въ Тюренѣ и многихъ знаменитыхъ воинахъ религія была столь же сильна, какъ и храбрость ихъ. Если величіе Божіе, чувство благодарности созданія къ Создателю и поклоненіе, Ему подобающее, не будутъ основою воспитанія и образованія, то какимъ образомъ внушить ребенку и юношѣ, что онъ долженъ слѣдовать по стезѣ добродѣтелей и уклоняться отъ всего порочнаго? Наконецъ, принимая въ уваженіе, что религія есть неисчерпаемый источникъ утѣшеній и благополучія, и что не только нравоучители и отцы Церкви, но и великіе философы не оспаривали ея истинъ, кто осмѣлится утверждать, что идеи религіозныя не должны возникать, такъ сказать, вмѣстѣ съ жизнію? Что касается до насъ, — мы полагаемъ, что онѣ должны развиваться нераздѣльно съ другими понятіями, по мѣрѣ того какъ сіи послѣднія умножаются и расширяются; что религіозное образованіе, постоянно соотвѣтствуя степени умственнаго развитія, никогда не должно останавливаться; опыты подтверждаютъ наше убѣжденіе. Въ какія заблужденія не впадали и не впадаютъ донынѣ молодые ученые отъ недостатка или прекращенія нравственнаго и религіознаго развитія!

ГЛАВА II.

О ШКОЛАХЪ.

До сихъ поръ мы говорили только о дѣтскомъ воспитаніи, о томъ воспитаніи, которое называется первоначальнымъ образованіемъ народа. Оно ввѣрено во Франціи — въ деревняхъ наставникамъ, которые вообще очень дурно понимаютъ свое назначеніе, а въ большей части городовъ — Христіанскому Братству, заслугъ котораго, въ тѣсномъ кругу ихъ дѣйствій, по справедливости, нельзя не признать. Можно замѣтить, что мы на этотъ родъ образованія смотримъ съ другой точки зрѣнія.

О КОЛЛЕГІЯХЪ [1]) ИЛИ ВТОРОСТЕПЕННЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВОЕННЫХЪ И ОБЩИХЪ.

Достигнувъ 12-тилѣтняго возраста дѣти, воспитанныя какъ выше сказано, могутъ поступать во второстепенныя учебныя заведенія: при этомъ раждается вопросъ слѣдующаго рода: ежели кончившій курсъ первоначальнаго образованія будетъ предназначенъ къ военному поприщу, то лучше ли отдать его во второстепенную военную школу, откуда онъ впослѣдствіи поступилъ бы въ спеціальное военное училище, или помѣстить его въ одну изъ публичныхъ школъ, гдѣ пріобрѣтается образованіе, годное для всякаго благороднаго поприща?

Мы предпочитаемъ послѣднее: во многихъ сочиненіяхъ говорено было, что спеціальность, не поддержанная общими свѣдѣніями, никогда нейдетъ далѣе посредственности, потому что для спеціальнаго образованія слѣдуетъ ученику нисшей спеціальной школы пріобрѣсти общія свѣдѣнія, которыя онъ уже имѣлъ бы, еслибъ поступилъ прямо въ школу общественную. Во Франціи, передъ революціею 1790 года, многія учебныя заведенія подъ управленіемъ іезуитовъ и другихъ братствъ назывались военными школами, между прочими Бріеннская школа; но въ нихъ преподавались наравнѣ знанія литературныя и чисто ученыя. Что касается собственно до военнаго искусства, то оно имѣло въ нихъ мѣсто болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, и изъ Бріенны могли выходить великіе правовѣды такъ же точно, какъ и великіе полководцы, потому что первые поступали по окончаніи курса въ юридическіе факультеты (facultés de droit), или на судебное поприще; послѣдніе же опредѣлялись оттуда въ спеціальныя военныя школы и въ армію. Если бы Бріеннская школа и другія ей подобныя были чѣмъ-то въ родѣ Пританеевъ, или спеціальныхъ военныхъ коллегій, какъ заведенія ближайшія къ намъ по времени, то изъ нихъ выходили бы не великіе правовѣды или полководцы, но исполнительные офицеры, вообще мало способные къ высшему начальствованію, и притомъ способные къ нему развѣ тогда уже, когда они нѣкотораго рода навыкомъ или долгимъ опытомъ, приносящимъ отдаленные плоды, пріобрѣли бы тѣ познанія, которыя въ свое время могли бы усвоиться скоро и развиться стольже скоро въ какомъ угодно направленіи. Поэтому намъ кажется благоразумнѣе и даже сообразнѣе съ пользою военнаго поприща, чтобы воспитанникъ, съ 12-ти до 16 и даже до 18-тилѣтняго возраста получалъ образованіе въ училищѣ или лицеѣ и проходилъ бы тамъ весь общій курсъ, который назначенъ для этихъ заведеній. Тѣмъ лучше, ежели въ этихъ училищахъ и лицеяхъ дисциплина подходитъ къ военной: будущій судья или воинъ ничего отъ этого не потеряетъ, потому что порядокъ, точность и привычка къ повинове-

[1]) Французскія коллегіи соотвѣтствуютъ отчасти нашимъ гимназіямъ.

нію будутъ ему полезны на всякомъ поприщѣ. Разумѣется, въ коллегіяхъ, какъ Французскихъ, такъ и всѣхъ почти Европейскихъ, способъ преподаванія еще далекъ отъ совершенства: во-первыхъ, очень рано заставляютъ молодыхъ людей заниматься изученіемъ мертвыхъ языковъ, и, напротивъ того, слишкомъ поздно приниматься за математику: поэтому въ этихъ коллегіяхъ молодой человѣкъ налегаетъ, посредствомъ частныхъ уроковъ, на изученіе одного предмета, смотря по тому, къ какому званію онъ предназначается, и жертвуетъ для него всѣми прочими; однимъ словомъ—вмѣсто общаго образованія, онъ преждевременно пріобрѣтаетъ частное.

Наконецъ, недостатки методъ преподаванія въ публичныхъ заведеніяхъ,—недостатки, которые подлежатъ немедленному исправленію, прибавляютъ еще одинъ доводъ противъ всѣхъ такихъ военныхъ коллегій, кадетскихъ школъ и другихъ родовъ военныхъ заведеній, которыя во Франціи назначены для воспитанія юношества отъ 12-ти до 16-ти и даже до 18-ти лѣтъ, если только на занятія по всѣмъ предметамъ въ этихъ заведеніяхъ не обращаютъ одинаково-строгаго вниманія.

СПЕЦІАЛЬНЫЯ ШКОЛЫ.

Въ коллегіяхъ гражданскихъ научаются, во всякомъ случаѣ, всему понемногу; тамъ всего только касаются слегка, но съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаются способными усвоить все: огромная выгода для будущности того, который, не останавливаясь, по оставленіи школьной скамьи, хочетъ идти далѣе.

На 18-мъ году, когда кончаютъ такъ называемые риторическіе и философическіе курсы, т. е. когда всему сдѣлано уже начало, когда юношество, какъ выше видѣли, получило уже ключи отъ святилища наукъ, литературы и искусствъ, тогда оно переходитъ въ такъ называемые факультеты правъ, медицины, литературы и наукъ, или въ обширныя прикладныя школы по нѣкоторымъ предметамъ, или просто въ высшія учебныя заведенія по другимъ. И чтожъ? Политехническія школы, спеціальныя военныя училища—суть такіе же факультеты, въ университетскомъ смыслѣ этого слова, но, надо признаться, въ послѣднихъ все идетъ поспѣшнѣе чѣмъ въ первыхъ и не въ столь полезномъ порядкѣ. Рѣдко случается, чтобы воспитанники школы правовѣдѣнія не слѣдили въ то же время за курсами литературнаго факультета, а въ Парижѣ за курсами Французской коллегіи (Collège de France), великаго и удивительнаго заведенія; рѣдко случается, чтобы воспитанники медицинской школы не присутствовали при курсахъ факультета наукъ и т. д. А воспитанники Политехнической школы, Сенъ-Сирской школы,—*что* они дѣлаютъ? *что* съ ними дѣлается? Разсмотримъ.

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Французская политехническая школа не есть прикладная школа. Молодые люди, поступающіе туда по конкурсу, совершенствуются,

въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ точныхъ наукахъ, развитыхъ до крайнихъ предѣловъ; все остальное пренебрежено, или устранено. Тяжело сознаться, но оно такъ. Вслѣдствіе этого, какъ большая часть воспитанниковъ, еще до поступленія въ школы, оставила всѣ прочіе предметы, математическая специальность принимаетъ такой преобладающій характеръ, что ведетъ часто это избранное юношество къ результатамъ окончательно ограниченнымъ и жалкимъ, и очень рѣдко допускаетъ развитіе силы мышленія вообще. Какой недостатокъ преподаванія можетъ быть поразительнѣе того, который приводитъ къ выраженію мысли цифрою, къ измѣренію генія по тому же способу, какъ измѣряютъ поверхности или тѣла, къ признанію истины нравственной и религіозной не прежде какъ по изображеніи ея нѣкотораго рода формулою или уравненіемъ, хотя сіе послѣднее всегда почти остается безъ рѣшенія:—это порабощеніе духа матеріи, ведущее къ безбожію. Довольно бросить взглядъ на программу познаній, требуемыхъ отъ кандидатовъ, поступающихъ въ эту школу,—на программу предметовъ преподаваемыхъ въ ней въ теченіе двухъ лѣтъ, чтобы убѣдиться, что вовсе мы не преувеличили этой картины. Люди съ большими достоинствами, видя вблизи это зло, предлагали въ 1842 г., чтобы поступающіе въ школу обязаны были представить дипломъ литературнаго бакалавра (bachelier-ès-lettres), т. е. доказательство литературнаго образованія. Королевское повелѣніе предписало это исполнить, но, вслѣдствіе противодѣйствія безусловныхъ приверженцевъ точныхъ наукъ, предписаніе осталось мертвою буквою. Итакъ въ первѣйшей учебной школѣ въ мірѣ, литература, нравственность, исторія, географія, народное право и проч. не имѣютъ никакого участія въ преподаваніи; все принесено въ жертву математикѣ, физическимъ фактамъ, изученію разложенія и составленія тѣлъ. Только вслѣдствіе какой-то человѣческой стыдливости занимаются, въ первый годъ поступленія въ школу, незначительными сочиненіями на Французскомъ языкѣ. Выходя изъ политехнической школы, воспитанники, назначенные на общественную службу, отправляются предварительно въ прикладныя школы, между прочими въ инженерно-артиллерійскую, гдѣ специальное образованіе продолжается исключительно.

Такимъ образомъ успѣваютъ образоватъ отличныхъ по специальнымъ своимъ познаніямъ инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, если только этимъ молодымъ ученымъ не покажется тяжко положеніе, въ которое они поставлены, и ежели стремленіе къ матеріальному благосостоянію не разовьется слишкомъ скоро; этимъ же объясняется, почему Французская политехническая школа не доставила до сихъ поръ арміи ни одного главнокомандующаго и едва ли дастъ его, развѣ въ видѣ исключенія: все это происходитъ единственно отъ слишкомъ большой специальности преподаваемыхъ въ ней знаній и и отъ недостатка свѣдѣній общихъ. Найдти средство къ исправленію этого легко. Чѣмъ долѣе продолжается миръ, тѣмъ болѣе возрастаетъ число кандидатовъ для поступленія въ важнѣйшія школы

правительства. Слѣдовало бы не только требовать отъ нихъ диплома литературнаго бакалавра (bachelier-ès-lettres), но еще положительно убѣдиться по экзамену, имѣютъ ли они знанія, означаемыя въ этомъ дипломѣ, слѣдовало бы продолжить однимъ годомъ пребываніе ихъ въ школѣ и сдѣлать его трехгодичнымъ, преподавать въ ней еще литературу, исторію, географію, частное и общественное право, административное право, народное право и проч., возбуждать, развивать, облагороживать способность мышленія, придать ей душу и жизнь, которой недостаетъ ей.

СПЕЦІАЛЬНАЯ СЕНЪ-СИРСКАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА.

Шестнадцати и восемнадцатилѣтніе молодые люди, назначающіе себя на военное поприще, поступаютъ во Франціи въ спеціальную Сенъ-Сирскую военную школу. Здѣсь представляется таже, достойная сожалѣнія, система, съ меньшимъ математическимъ и литературнымъ образованіемъ. Спеціальная военная школа соотвѣтствуетъ для пѣхоты прикладной инженерно-артиллерійской школѣ.

Образованіе, даваемое воспитанникамъ, по установленіямъ направлено къ цѣли исключительно военной, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь нѣтъ преподаванія серіознаго, литературнаго, историческаго, нравоучительнаго и пр., тѣмъ менѣе еще настоящаго курса основаній гражданскаго права, административнаго права, народнаго права и военныхъ законовъ. Эта школа можетъ сравниться съ тою, которая существовала во Франціи до 1790 г., и въ которую поступали воспитанники Бріеннской и другихъ второстепенныхъ школъ, получивъ уже общее образованіе. Изъ трехъ-сотъ молодыхъ людей, которые поступаютъ ежегодно въ Сенъ-Сирскую школу, можно полагать пятьдесятъ способныхъ учиться, и тѣмъ не менѣе они пріобрѣтаютъ въ ней мало,— остальные же теряютъ. Достаточно бы пожелать — и это заведеніе сдѣлалось бы истинно образцовою школою, въ которой образовывались бы достойные люди, офицеры, могущіе восходить быстро по лѣстницѣ военной іерархіи и достигать высшаго начальствованія. Умные люди часто предлагали себѣ вопросъ: полезна ли для арміи подобная школа, и нельзя ли достигнуть тѣхъ же результатовъ устройствомъ школъ при полкахъ по примѣру полковыхъ школъ, устроенныхъ при артиллерійскихъ корпусахъ? Да, разумѣется. Но ежели бы школа Сенъ-Сирская, по новой желаемой организаціи, отказалась нѣсколько отъ своей спеціальности, и ежели-бъ молодежь, оставаясь въ ней три года вмѣсто двухъ, дополняла свое образованіе болѣе подробнымъ изученіемъ общихъ предметовъ, необходимыхъ для начальника, то повторяемъ: Сенъ-Сирская школа сдѣлалась бы истиннымъ разсадникомъ будущихъ генераловъ.

ШКОЛА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Тридцать лучшихъ учениковъ С.-Сирской военной школы, послѣ двухлѣтняго въ ней пребыванія, переходятъ въ прикладную шко-

лу Генеральнаго Штаба; при этомъ поступаютъ въ нее тридцать подпоручиковъ изъ армейскихъ полковъ. Ежели бы, по крайней мѣрѣ здѣсь, имѣло мѣсто преподаваніе, котораго недостаетъ въ военной школѣ. Но здѣсь только продолжаютъ немного изученіе математическаго курса, не столь развитаго какъ въ политехнической школѣ; преподается топографія, и доходятъ до правилъ стратегіи и тактики, какъ до правилъ шахматной игры, въ которой можетъ отличаться игрокъ, не имѣющій необходимыхъ для этого познаній,— не умѣя даже разсуждать, писать и говорить! А между тѣмъ управленіе арміею на огромной шахматной доскѣ націи требуетъ столько свѣдѣній, что ихъ никогда невозможно пріобрѣсти слишкомъ рано! Франція, въ особенности, не можетъ не замѣтить безпрестаннаго появленія въ арміи большаго числа способныхъ людей; ежегодно корпусные начальники представляютъ министру труды оберъ-офицеровъ, даже унтеръ-офицеровъ, показывающіе способности и дарованіе; недовольно того, чтобы ихъ поощрять; имъ нужно помочь и направить ихъ къ благородной цѣли. Можетъ ли быть, чтобы Франція не достигла образованія для себя превосходныхъ главнокомандующихъ изъ такого множества воспитанниковъ!

ГЛАВА III.

ОБУЧЕНІЕ ПОДПОРУЧИКОВЪ, ПОРУЧИКОВЪ И КАПИТАНОВЪ.

Военная единица, въ различныхъ организмахъ Французской арміи, есть рота; въ ней полагаются слѣдующіе офицеры: командующій капитанъ, поручикъ и подпоручикъ. Воспитанники школъ выпускаются подпоручиками; чинъ этотъ учрежденъ только при Генрихѣ IV. По уставу, вновь произведенный подпоручикъ находится въ продолженіе шести мѣсяцевъ при обученіи рекрутъ; онъ вмѣстѣ съ поручикомъ несетъ такъ называемую очередную службу; и тотъ и другой должны присутствовать на ученіяхъ и при всѣхъ сборахъ роты.

Молодые офицеры большею частію теряютъ на службѣ плоды первоначальнаго ихъ воспитанія и образованія; это фактъ обще признанный. Въ этомъ отношеніи, есть недостатокъ очень ощутительный въ уставахъ: вмѣсто капитана, когда онъ болѣнъ, въ отпуску, или въ командировкѣ, поручикъ командуетъ ротою, а иногда случается и подпоручику командовать ею. Капитанъ и фельдфебель управляютъ ротою по хозяйственной части, и въ это важное управленіе, которое служитъ основою администраціи всего вообще войска, не входитъ ни поручикъ, ни подпоручикъ: это большой недостатокъ. — Мы желали бы, чтобы всякій новый подпоручикъ обязанъ былъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, входить во всѣ подробности хозяйственнаго управленія ротою; чтобы капитанъ давалъ свое разрѣшеніе на какое

бы то ни было дѣйствіе, будь оно важно или незначительно, не иначе какъ послѣ повѣрки очереднаго офицера, скрѣпленной его подписью, и чтобы всякая неправильность была исправляема капитаномъ не иначе какъ въ присутствіи офицера, оставившаго ее безъ вниманія. Желательно также, чтобы иногда, при баталіонномъ ученіи, поручикамъ и подпоручикамъ было поручаемо командованіе ротами и взводами, а въ это время капитаны находились бы въ сторонѣ и только слѣдили бы за этою частію обученія своихъ офицеровъ.

Въ полкахъ, толкованіе эволюцій и воинскаго устава производится по-баталіонно: всѣ офицеры собираются для этого у баталіоннаго командира; подполковникъ и даже полковникъ наблюдаютъ за этою частію образованія своихъ офицеровъ. Ротные офицеры должны всегда знать вѣрно списочное состояніе роты, имена и фамиліи унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, ихъ мѣсто рожденія, характеръ, кромѣ того предметъ промысла и занятій каждаго изъ нихъ до поступленія на службу и способность къ тому или другому ремеслу, чтобы знать, кого изъ нихъ куда въ извѣстныхъ случаяхъ можно употребить на пользу общую. Но достаточны ли эти мѣры для развитія и успѣшнаго образованія молодыхъ офицеровъ? Въ иныхъ полкахъ, кромѣ первоначальныхъ школъ перваго и втораго разряда, служащихъ для обученія унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ (школы эти далеко не въ такомъ состояніи, въ которомъ бы должны находиться, и все это происходитъ отъ дурнаго направленія и безпечности государственныхъ людей во Франціи), полковые (major) квартирмейстеры [1]) читаютъ унтеръ-офицерамъ что-то въ родѣ начальнаго курса военной администраціи, курсъ, который нисколько не болѣе обязателенъ, какъ и ученіе въ первоначальныхъ школахъ. Впрочемъ, какъ полковые квартирмейстеры находятся при резервныхъ баталіонахъ, то унтеръ-офицеры дѣйствующихъ баталіоновъ даже не могутъ присутствовать при этомъ курсѣ. Вообще полковыя школы суть формальная уступка приверженцамъ образованія солдатъ и унтеръ-офицеровъ; впрочемъ, многіе офицеры, также какъ и иныя правительства, видятъ въ обученіи солдатъ предметъ безполезный и опасный; мнѣніе справедливое, если это обученіе дурно направлено и передано въ неискусныя руки, но несправедливое и вредное въ противномъ случаѣ. Что же касается до обученія офицеровъ, то кромѣ теоріи воинскихъ уставовъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ его, даже на бумагѣ. Занимайся или нѣтъ—какъ угодно!

КУРСЫ. ПОЛКОВЫЯ БИБЛІОТЕКИ.

Еще до революціи 1790 г. въ линейныхъ войскахъ руководствовались стариннымъ правиломъ, по которому было поручаемо читать

---

[1]) Слово Major во Франціи не означаетъ чинъ,—но должность, а именно должность полк. квартирмейстера.—Нашему чину маіорскому, соотвѣтствуютъ слова chef de bataillon и chef d'escadron.

курсъ исторіи одному изъ офицеровъ, вышедшихъ изъ школы, или другому къ тому способному; при этихъ лекціяхъ должны были присутствовать всѣ офицеры старшіе и младшіе, если не постоянно, то по мѣрѣ того сколько позволяла служба. Съ мыслію объ этомъ курсѣ соединялась мысль переносной полковой библіотеки, составленной изъ небольшаго числа избранныхъ книгъ. Повѣрятъ ли, что во времена Имперіи, въ продолженіе столькихъ войнъ, при многихъ полкахъ читались эти курсы и существовали библіотеки, и что теперь, послѣ сорокалѣтняго мира, только четыре или пять полковъ имѣютъ библіотеки; а чтеній, кромѣ курса теоріи воинскаго устава, нѣтъ никакихъ. Всѣ старанія герцога Орлеанскаго и принцевъ, его братьевъ, привели только къ тому, что корпуса офицеровъ въ полкахъ подписались на одно или два сочиненія—средствами, которыя не имѣютъ отношенія къ слабымъ вспомоществованіямъ, опредѣленнымъ въ бюджетѣ на обученіе. Какъ бы, однако, было желательно, чтобы каждый полкъ имѣлъ извѣстное число избранныхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ одной изъ казарменныхъ комнатъ, подъ наблюденіемъ офицера и унтеръ-офицера, приданнаго ему въ помощь; офицеры, желающіе заниматься, могли бы проводить тамъ ежедневно по нѣскольку часовъ. Безъ помощи полковой библіотеки офицерамъ невозможно имѣть необходимыя для нихъ книги; умѣренность состоянія каждаго изъ нихъ не позволяетъ пріобрѣтать ихъ покупкою и перевозить съ мѣста на мѣсто. Брать ихъ на прокатъ у книгопродацевъ также невозможно, потому что они даютъ, обыкновенно, только дурныя книги: остается посѣщать публичныя библіотеки. И тутъ встрѣчается затрудненіе: уже не говоря о томъ, что не во всѣхъ городахъ, гдѣ полки стоятъ гарнизономъ, есть публичныя библіотеки,—даже тамъ, гдѣ онѣ есть, рѣдко можно найти хорошія военныя сочиненія. Но къ чему здѣсь распространяться объ этомъ вопросѣ, разрѣшенномъ уже давно всѣми благоразумными людьми? Учрежденіе избранной библіотеки въ полкахъ имѣло бы самыя благодѣтельныя послѣдствія. Мы желали бы, чтобы въ залѣ библіотеки одинъ изъ офицеровъ читалъ курсъ исторіи и военнаго искусства, причемъ обязаны были бы присутствовать всѣ офицеры, не исключая подполковника и полковника. Если намъ возразятъ, *что для нѣкоторыхъ офицеровъ чтенія эти были бы скучны*, то мы отвѣтимъ, что легко сдѣлать эти курсы занимательными, если обратить вниманіе на большое число сочиненій древнихъ и новѣйшихъ, гдѣ исторія и военныя дѣйствія *изложены* съ такою прелестью и съ такимъ искусствомъ? Когда бы этимъ отнялось нѣсколько часовъ отъ обыкновенной гарнизонной жизни, въ которой время посвящается бездѣйствію, дурному обществу, посѣщенію кофейныхъ домовъ,—то отъ этого очевидно была бы огромная польза. Мы увѣрены, что склонность къ ученію, поддерживаемая такимъ образомъ и поощряемая, побудила бы многихъ молодыхъ офицеровъ развить свое первоначальное образованіе; они сдѣлались бы въ большихъ городахъ, гдѣ есть факультеты, обычными посѣтителями публичныхъ курсовъ. Армія, въ непродол-

жительное время. возвратила бы себѣ въ обществѣ то мѣсто, которое ей принадлежитъ, и котораго она лишилась такъ легкомысленно, особенно въ настоящую эпоху, когда образованіе, какъ жидкость, разливается и проникаетъ повсюду. Главное условіе этого обученія въ арміи, разумѣется, состоитъ въ томъ, чтобы оно было умно направлено и защищено отъ ложныхъ ученій.

ГЛАВА IV.

ОБРАЗОВАНІЕ ШТАБЪ-ОФИЦЕРОВЪ.

При нынѣшнихъ правилахъ производства въ чины во Французской арміи, ни одинъ изъ великихъ полководцевъ прежнихъ и новыхъ временъ, которые ее прославили, не достигъ бы высшаго командованія. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя быть подпоручикомъ ранѣе двадцатилѣтняго возраста, чинъ поручика дается не прежде какъ черезъ два года, въ капитаны производятъ поручиковъ также спустя два года, а маіоромъ можно быть не прежде какъ прослужа въ капитанскомъ чинѣ четыре года. Три года надо быть по крайней мѣрѣ баталіоннымъ командиромъ, чтобы получить чинъ подполковника. и два года въ семъ послѣднемъ званіи, чтобы быть произведеннымъ въ полковники. Среднимъ числомъ, въ арміи доходятъ до чина капитана не ранѣе тридцати лѣтъ, баталіоннымъ командиромъ можно быть имѣя не менѣе тридцати шести лѣтъ, очень немногіе изъ подпоковниковъ бываютъ моложе сорока лѣтъ и большая часть полковниковъ имѣютъ около пятидесяти.

Требуется также для производства въ чинъ выше полковничьяго три года службы въ предъидущемъ чинѣ. Правда, что эти сроки лѣта службы сокращаются на половину въ военное время, и вотъ отчего нѣкоторые офицеры Африканской арміи получили генеральскій чинъ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Но это только исключеніе. Въ низшихъ чинахъ, до капитанскаго включительно, мѣста вакантныя даются слѣдующимъ образомъ: двѣ трети получаютъ ихъ по старшинству, а одна треть по представленію полковниковъ и генералъ-инспекторовъ. Половина мѣстъ баталіонныхъ командировъ дается по старшинству, и только въ остальныхъ высшихъ чинахъ даются мѣста исключительно по выбору начальства. Слѣдовательно—въ арміи, гдѣ получаютъ первый чинъ вообще только по конкурсу. такъ же какъ поступаютъ въ школы, ни одно изъ прочихъ повышеній не представляется за заслугу по конкурсу. Этотъ недостатокъ останавливаетъ соревнованіе и наноситъ гибельный ударъ прогрессивному обученію, которое, напротивъ, такъ нужно, такъ полезно было бы поощрить. Права старшинства конечно заслуживаютъ уваженіе: они даютъ средство вознаградить продолжительную и труд-

ную службу и хорошее поведеніе; но тѣмъ не менѣе для націи и арміи важно, чтобы люди съ способностями, познаніями, а иногда и геніи, скорѣе достигали высшихъ чиновъ. Не желать же, для открытія дороги людямъ съ достоинствами и геніямъ, политическихъ волненій и революцій! Это было бы несчастіе, которое могло бы имѣть пагубныя послѣдствія для государства, и не лучше ли уже во сто разъ, чтобы произволъ служилъ единственнымъ руководствомъ при повышеніяхъ? Какой, впрочемъ, государь, соблюдающій выгоды своего народа, будетъ дѣйствовать слѣпо въ отношеніи производства въ войскахъ! Если онъ командуетъ арміею, достоинство обращаетъ на себя его вниманіе и онъ старается проложить ему путь для общаго блага; онъ всегда остается чуждымъ разсчетамъ подчиненныхъ, потому что его положеніе такъ высоко, что эти разсчеты не могутъ имѣть на него вліяніе; если онъ передаетъ свою власть главнокомандующимъ,—они не могутъ долго скрывать передъ нимъ истину и не имѣютъ никакого интереса покровительствовать офицерамъ неспособнымъ и унижающимъ свое званіе. Наконецъ, если дѣло идетъ о наградѣ за продолжительныя заслуги, за раны, полученныя въ кампаніи и проч., благоразумно ли награждать только производствомъ въ чины и должностями, въ которыхъ исполненіе обязанностей иногда превышаетъ силы награждаемаго? Не лучше ли увеличить пенсіи, давать другія награды, почести, знаки отличія, а важныя начальственныя мѣста предоставлять только тѣмъ, которые могутъ занимать ихъ съ пользою? Намъ могутъ возразить, что правила производства учреждены только для противодѣйствія интригамъ и протекціи, которыми пользуется иногда посредственность: странный разсчетъ уничтожать одинъ недостатокъ введеніемъ другаго. Только въ новѣйшее время придумали во Франціи подчинить главнокомандующихъ войсками правиламъ для производства, непонятнымъ при ихъ безусловности. Ясно, что этими правилами нельзя руководствоваться въ войнѣ нѣсколько продолжительной: это доказываетъ намъ опытъ. Слѣдовательно—лучше не вводить этихъ правилъ, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ихъ строгость, чѣмъ нарушать ихъ по необходимости при первой серіозной кампаніи.

Такъ, особенно во Франціи, и въ мирное время мы желали бы, чтобы производство было приведено къ болѣе выгоднымъ началамъ, такъ чтобы изъ трехъ вакансій всякихъ чиновъ одна, по крайней мѣрѣ, была вознагражденіемъ достоинства по конкурсу, на которомъ бы присутствовали всѣ офицеры, находящіеся на лицо, и не иначе какъ послѣ экзамена по установленной предварительно программѣ: это не показалось бы страннымъ, потому что и теперь по конкурсу даются должности полковыхъ квартирмейстеровъ (Majors), принимаются чиновники по провіантской части и получаютъ повышеніе медицинскіе чины. «Продолжительныя заслуги, сказалъ одинъ великій военный писатель, должны награждаться знаками отличія, которые давали бы право на пенсію, могущую доставить жизнь пріятную и спокойную: но онѣ не должны давать никакого права на начальственную

власть. Дворяне имѣютъ права на наше уваженіе за добродѣтели и заслуги предковъ ихъ; но они не имѣютъ никакого права на ихъ мѣста въ арміи; за раны надобно давать знаки отличія, которые служили бы о нихъ свидѣтельствомъ, и денежныя вознагражденія; блистательные подвиги даютъ права на особенные знаки отличія: но только истинное дарованіе вмѣстѣ съ ревностнымъ усердіемъ, военными достоинствами и качествами общественными заслуживаетъ повышенія. Безъ счастливаго соединенія этихъ условій, военный человѣкъ не способенъ и не достоинъ высшихъ чиновъ. Человѣкъ, въ которомъ признаны эти достоинства, не долженъ встрѣчать помѣхи въ своей службѣ; онъ обладаетъ достоинствомъ, мужествомъ и знаніемъ—богатыми источниками блистательной славы!» Главное условіе состоитъ въ томъ, чтобы отличить добродѣтель отъ лицемѣрія, мужество отъ дерзости, достоинство отъ самонадѣянности и истинные таланты отъ мнимыхъ. Тотъ же писатель для этого совѣтуетъ публичные экзамены. Самое вѣрное средство, по его мнѣнію, заключается въ разсужденіяхъ о важныхъ предметахъ, въ преніяхъ о различныхъ частяхъ военнаго искусства: онъ предлагаетъ эти занятія въ учебныхъ лагеряхъ, гдѣ офицеры вмѣстѣ, гдѣ хорошо можно судить о ихъ познаніяхъ, ихъ частныхъ способностяхъ, изобличающихъ талантъ, и гдѣ, наконецъ, устанавливается общественное мнѣніе!

Что же касается до храбрости, ее можно распознать скоро; труднѣе узнать мужество; но, впрочемъ, и для этого есть много данныхъ: человѣкъ, который всегда хладнокровенъ, точенъ, справедливъ, обладаетъ непремѣнно мужествомъ необходимымъ для военнаго. Прочія же воинскія достоинства и качества общественныя легко обнаруживаются: вѣжливость, честность, добрая нравственность—ихъ отличительные признаки; почтительность подчиненныхъ, любовь равныхъ и уваженіе начальниковъ служатъ имъ доказательствомъ. Наконецъ, скажемъ, что ежели-бъ признанное достоинство участвовало въ повышеніи и по конкурсу, то въ рядахъ арміи возникло бы полезное и похвальное соревнованіе, которое теперь дѣлается рѣже и рѣже; обученіе воспитанниковъ большихъ школъ подвинулось бы впередъ; они вышли бы изъ тѣснаго круга ихъ спеціальности, въ которомъ даже талантъ и геній замираютъ, и тогда ученіе и трудъ продолжали бы получать награды. Напрасно было бы обвинять природу въ скупости, видя мало воиновъ славныхъ: во всѣ времена она производила людей достойныхъ знаменитости, и особенно въ нынѣшнюю эпоху, когда мы имѣемъ всѣ средства давать первоначальному образованію самыя широкія основанія; эти люди ждутъ только благопріятнаго вліянія, чтобы появиться. Да, великіе воины, воины достойные уваженія, являются вездѣ, гдѣ почести, слава и награды ожидаютъ ихъ: вездѣ, гдѣ умѣютъ возбудить соревнованіе, поощряя таланты и доблести. И какимъ образомъ развиться талантамъ, когда они лишены случаевъ, средствъ, помощи и поощренія? Можно ли имѣть расположеніе къ труду, если видишь выше себя человѣка, недостойнаго быть примѣромъ? Будешь ли стремиться къ подвигамъ, если видишь ото-

двинутымъ назадъ человѣка, вполнѣ заслуживающаго уваженія по его познаніямъ, усердію и талантамъ? Предположимъ, напротивъ того, что всѣ тѣ, которые стоятъ выше насъ, превосходятъ насъ своими способностями, своими достоинствами, и что они оказали государству въ сравненіи съ нами услуги большія и важнѣйшія; предположимъ еще, что всѣ поставленные ниже насъ отстаютъ отъ насъ въ своихъ достоинствахъ: въ этомъ случаѣ, разсчитывая на поощреніе, соотвѣтственное способностямъ, мы будемъ стараться всѣми силами о точномъ исполненіи своихъ обязанностей. Неизвѣстно, и никогда не будетъ извѣстно, сколько недостатокъ соревнованія подавилъ добродѣтелей и талантовъ; неизвѣстно, сколько несправедливое распредѣленіе почестей и повышеній уничтожило зачатковъ великихъ людей; не знаютъ и того, сколько военныхъ разсуждало такъ: «Для чего будемъ подвергать себя лишеніямъ, для чего будемъ посвящать дни и ночи занятіямъ и исполненію своихъ обязанностей? Мы все останемся незамѣтными въ низшихъ чинахъ, и нами будутъ начальствовать люди, которые не имѣютъ другихъ правъ на начальство, кромѣ старшинства, а иногда протекцій и интригъ». Мы будемъ имѣть ученыхъ и достойныхъ уваженія военныхъ не иначе какъ выбирая ихъ по ихъ талантамъ и возвышая по достоинствамъ. Разумѣется, любовь къ государю, къ отечеству, стремленіе къ истинной славѣ, желаніе пріобрѣсти общее уваженіе и проч. могутъ поддержать души благородныя и возвышенныя; но для большей части людей, чтобы оторвать ихъ отъ врожденной склонности къ бездѣйствію, чтобы заставить предпочесть трудъ удовольствію, нужно чтобъ они имѣли въ виду уваженіе, чинъ почетный, лестныя отличія. Безъ этихъ наградъ не надѣйтесь видѣть въ арміи соревнованіе! Не ожидайте появленія не только великихъ людей, но и большаго числа людей достойныхъ уваженія! Для чего человѣку, имѣющему зародышъ талантовъ, полезныхъ отечеству, развивать ихъ, если ему не предстоитъ никакой выгоды, которая вознаградила бы его за лишенія, труды и жертвы? Для чего ему стараться опередить тѣхъ, которые идутъ съ нимъ по одной дорогѣ, если наградный вѣнокъ присужденъ уже тому или другому заранѣе? Таланты исчезнутъ вездѣ, гдѣ они не будутъ источникомъ выгоды существенной, и пламя генія потухнетъ тамъ, гдѣ почести не будутъ служить ему пищею. Взгляните на прилежаніе, рвеніе къ труду молодыхъ людей въ Политехнической, въ Сенъ-Сирской и въ Морской школахъ! Какъ они стараются быть первыми при выпускѣ изъ этихъ заведеній! Потомъ сравните то что они сдѣлали для этой цѣли, съ тѣмъ что они дѣлаютъ послѣ производства въ офицеры. Зная, что ихъ занятія не будутъ имѣть вознагражденія, они оставляютъ ихъ. Наконецъ, соревнованіе должно быть возбуждено болѣе въ мирное, чѣмъ въ военное время. Любовь къ славѣ, боязнь стыда, примѣры, любовь къ отечеству, энтузіазмъ,—все это возбуждаетъ во время войны и замѣняетъ соревнованіе. Во время войны правила производства подчиняются необходимости; награды же за отличіе имѣютъ большую важность.—Въ мир-

ное время совсѣмъ другое: исполняя низшія обязанности нельзя пріобрѣсти славы; никто не стыдится не заниматься изученіемъ военнаго искусства: предразсудки молчатъ, примѣры соблазнительны и энтузіазмъ ничѣмъ не возбуждается. Но если воины не занимаются своимъ образованіемъ въ мирное время, то они, во время войны, могутъ быть только храбрыми,—а одной храбрости недостаточно. И потому важно, чтобы законодатели занялись пріисканіемъ средствъ возбудить соревнованіе въ войскахъ въ мирное время съ большею еще заботливостью, чѣмъ въ военное. Въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ мы видимъ фактъ, о которомъ здѣсь кстати упомянуть, и который такъ рѣзко бросается въ глаза, что его нельзя приписать лести. Въ то время когда соревнованіе между военными не возбуждается ничѣмъ въ различныхъ государствахъ, оно вездѣ проявлялось въ высшей степени между принцами царствующихъ домовъ; во всѣхъ концахъ Европы, въ Россіи, во Франціи, въ Германіи, мы видѣли принцевъ, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ преданныхъ серіознымъ занятіямъ, продолжающихъ свое военное воспитаніе, и послѣ вступленія въ армію своего отечества, посредствомъ путешествій и посѣщенія учебныхъ лагерей, такъ что они дѣлаются еще въ молодыхъ лѣтахъ замѣчательными военными людьми, которымъ недостаетъ только случая себя выказать. Во Франціи печатается много ученыхъ книгъ, но только лишь малое число ихъ остается внутри государства, и потому онѣ мало читаются. Спросите у книгопродавцевъ, куда дѣвались эти книги? Вамъ отвѣтятъ: онѣ посланы въ Россію, въ Германію, всюду, гдѣ границы ограждены предусмотрительною властью отъ множества романовъ, книгъ и журналовъ вредныхъ, которые портятъ умъ и сердце.

СВѢДѢНІЯ, КОТОРЫЯ ДОЛЖНЫ ИМѢТЬ ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ.

Возвратимся къ первому предмету этой главы. Штабъ-офицерами называются: командиръ баталіона или эскадрона, подполковники и полковники. Общее названіе командиръ (commandant), данное батальонному и эскадронному командирамъ, означаетъ, что они также, какъ полковники, должны обладать всѣми познаніями, необходимыми для командованія. Каждый изъ этихъ офицеровъ часто назначается для начальствованія надъ полкомъ, или отдѣльною частью войскъ, и потому, съ полученіемъ оберъ-офицерскаго чина, нужно думать объ усовершенствованіи себя въ военномъ искусствѣ и развитіи общихъ свѣдѣній, къ нему относящихся: достигнувъ этого званія, они должны не только знаніемъ службы, военной администраціи, маневровъ и эволюцій, но и выходящими изъ этого круга свѣдѣніями расширять болѣе и болѣе объемъ своихъ знаній и усвоивать себѣ свѣдѣнія, необходимыя для генерала и командующаго войсками, о чемъ будетъ говорено въ слѣдующей статьѣ.

НРАВСТВЕННЫЯ ОБЯЗАННОСТИ ОТРЯДНЫХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ.

Штабъ-офицеры, начальствующіе полками или имѣющіе другую самостоятельную команду, имѣютъ, кромѣ своихъ строевыхъ обязанностей, назначеніе столь важное, что имъ слѣдуетъ обдумать этотъ предметъ съ большимъ вниманіемъ. Отъ нихъ исходитъ моральное дѣйствіе, подобно командѣ въ строю... они обязаны служить добрымъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ и подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности руководствовать ихъ на пути добродѣтелей военныхъ и общественныхъ. Мы здѣсь поставимъ имъ на видъ прекрасное наставленіе маршала Бель-Иль, сыну своему графу Жизоръ, при назначеніи послѣдняго командиромъ Шампанскаго полка. Съ того времени служебныя обязанности и отношенія совершенно измѣнились, но сущность мыслей этой инструкціи и правила, въ ней преобладающія, останутся навсегда истинами, достойными вниманія военачальниковъ.

ИНСТРУКЦІЯ МАРШАЛА БЕЛЬ-ИЛЬ.

«Полкъ, который поручается тебѣ королемъ,—говорилъ маршалъ своему сыну—одинъ изъ лучшихъ въ арміи; подполковникъ этого полка—старый воинъ, достойный уваженія за его продолжительную и полезную службу; всѣ капитаны—старше тебя, и каждый изъ нихъ, судя по личнымъ заслугамъ, болѣе тебя достоинъ полковничьяго чина, однакожъ ты становишься ихъ начальникомъ: не забывай этого никогда. Не стану и говорить о томъ, чтобъ ты старался заслужить уваженіе части, которою будешь командовать; правило это слишкомъ уже избито; но скажу тебѣ, что ты долженъ стараться заслужить любовь своихъ подчиненныхъ. Всякій полковникъ, къ которому питаютъ это чувство, легко достигаетъ самаго труднаго; напротивъ—тотъ, который не заслужилъ любви, съ трудомъ добивается до вещей самыхъ нетрудныхъ. Заставь себя полюбить, сынъ мой, и трудная обязанность полковника сдѣлается для тебя пріятнымъ занятіемъ. Ты жестоко ошибся бы, еслибъ вообразилъ, что для пріобрѣтенія любви полка нужно ослабить дисциплину, или черезъ-чуръ угождать желаніямъ каждаго изъ офицеровъ: это средство ни вѣрно, ни славно. Также ошибочно было бы думать, что одна добородѣтель, какъ бы она ни была блистательна, можетъ возбудить къ тебѣ это чувство: подобно тому, какъ въ женщинѣ привлекаютъ насъ не одни глаза ея, но цѣлое, гармонія въ ея чертахъ: такъ точно и ты можешь только соединеніемъ въ себѣ достоинствъ и познаній, о которыхъ я буду говорить въ этомъ наставленіи, заслужить любовь полка своего. Имѣй къ своему подполковнику величайшее уваженіе; не отдавай ни одного приказанія безъ его совѣта: пусть кажется, что ты составляешь только органъ его желаній: я часто давалъ тебѣ этотъ совѣтъ, это приказаніе, и возобновлю его при первомъ удобномъ

случаѣ. Если, по примѣру нѣкоторыхъ молодыхъ начальниковъ, ты не имѣлъ бы уваженія къ своему подполковнику, то заставилъ бы этимъ меня имѣть о тебѣ мнѣніе самое невыгодное, и сдѣлался бы скоро жертвой своего неблагоразумія; въ полку, раздѣленномъ между тобою и имъ, образовались бы партіи, и тогда ты не могъ бы сдѣлать ничего добраго. Имѣй къ старымъ капитанамъ полное вниманіе, совѣтуйся съ ними часто, оказывай имъ дружбу и довѣріе. Будь опорою, другомъ, отцомъ молодыхъ офицеровъ; люби старыхъ унтеръ-офицеровъ и заслуженныхъ солдатъ, разговаривай съ ними часто и всегда снисходительно, даже иногда совѣтуйся съ ними; для начальника всегда хорошо обладать подобною популярностью: она мнѣ часто служила въ пользу. Старайся узнать совершенно всѣхъ офицеровъ своего полка: не зная ихъ, на каждомъ шагу, будешь ошибаться; не отличишь скромности отъ недостатка способностей; увѣренности въ своихъ силахъ отъ пустой самонадѣянности; стремленія къ порядку отъ недоброжелательства; любви къ справедливости и добру отъ доноса, зависти или чрезмѣрнаго честолюбія; умѣренности отъ равнодушія; строгости отъ натянутости; будешь принимать совѣты, даваемые изъ лести или интереса, за чистую монету; тебѣ будетъ казаться, что вознаграждаешь добродѣтели, а между тѣмъ награда твоя достается пронырству; тебѣ покажется, что ты покровительствуешь истиннымъ талантамъ, а на самомъ дѣлѣ будешь превозносить таланты кажущіеся и мнимые. Посвятивъ долгое время на изученіе качествъ своихъ офицеровъ, и узнавъ ихъ, выбери себѣ между старшими двухъ друзей, въ которыхъ найдешь истинное достоинство, знаніе, любовь къ правдѣ и порядку; привяжи ихъ къ себѣ дружбой; поручи имъ важную обязанность напоминать тебѣ о твоихъ недостаткахъ съ откровенностью, и высказывать тебѣ ошибки твои; выслушивай совѣты этихъ офицеровъ со вниманіемъ; остерегайся однакожъ имѣть къ нимъ слѣпую довѣренность и показывать слишкомъ ясно прочимъ офицерамъ предпочтеніе, которое отдаешь двумъ первымъ, потому что это могло бы сдѣлаться источникомъ гибельныхъ несогласій.

«Я развилъ тебѣ духъ и характеръ Французскаго народа, его нравы, предразсудки; я указывалъ тебѣ лучшее средство удерживать и одушевлять его, награждать и наказывать, и потому не буду повторять здѣсь уроковъ, не разъ по этому предмету тебѣ уже данныхъ, но скажу: никогда не употребляй съ солдатами выраженій суровыхъ, прозвищъ позорныхъ, и не произноси, говоря съ ними, словъ низкихъ и презрительныхъ; полковникъ, употребляющій эти слова въ разговорѣ съ солдатами, самъ себя унижаетъ; а если онъ обращается къ офицерамъ съ подобными выраженіями, то онъ компрометируетъ себя самымъ очевиднымъ образомъ. Никогда не забывай, что офицеры твоего полка суть люди, Французы, тебѣ равные, и потому, отдавая приказанія, помни, что тонъ твой и выраженія должны быть принаровлены къ лицамъ, которыхъ двигатель— честь: повѣрь, сынъ мой, что это единственный наилучшій способъ:

что тогда приказанія твои будутъ уважаемы, будутъ пріятны, исполненіе ихъ ускорится и солдаты возымѣютъ ту довѣренность къ своимъ офицерамъ, которая служитъ основою дисциплины и успѣховъ. Никогда не употребляй наказаній недозволенныхъ законами и нетерпимыхъ національнымъ духомъ; когда будешь взыскивать, на лицѣ твоемъ должно быть видно страданіе, которое ты ощущаешь, будучи принужденъ употреблять строгія мѣры. Не пропускай случаевъ къ оказанію незначительныхъ услугъ своимъ офицерамъ; если все ожидать случаевъ, гдѣ въ состояніи будешь сдѣлать для нихъ что либо важное, ты рискуешь никогда не сдѣлать для нихъ ничего. Какъ мелкія мѣры предосторожности сохраняютъ добродѣтель, точно также мелкія услуги привязываютъ сердца. Ходатайствуй усердно и настойчиво о наградахъ заслуженныхъ офицерами, унтеръ-офицерами и рядовыми твоего полка; министры можетъ быть откажутъ тебѣ въ просимомъ, но имъ будетъ пріятно видѣть заботливость твою о подчиненныхъ и полкъ полюбитъ тебя сильнѣе. Никогда не возбуждай въ своихъ подчиненныхъ надеждъ, въ осуществленіи которыхъ ты не увѣренъ; когда лица, которыя возъимѣли ихъ, увидятъ, что онѣ не исполнены, они обвинятъ тебя въ несоблюденіи ихъ выгодъ. — Уже давно я пріучилъ тебя вставать въ четыре часа утра; сохраняй эту счастливую привычку; время въ особенности будетъ для тебя дорого; въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда нибудь, будетъ предстоять тебѣ предметовъ для изученія и исполненія. Будучи полковникомъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, ты будешь повидимому очень рано генераломъ; тогда тебѣ не будетъ уже времени заниматься теоріею военныхъ дѣйствій, и потому теперь долженъ ты изучать ее, но если даже тебѣ никогда не пришлось бы занять мѣсто важнѣе, повѣрь, сынъ мой, что обязанность полковника требуетъ свѣдѣній самыхъ разнообразныхъ и обширныхъ. Въ состояніи ли ты будешь судить о знаніяхъ своихъ унтеръ-офицеровъ, если не будешь знать лучше всякаго изъ нихъ все, что постепенно надобно пройти, чтобы изъ рекрута образовать солдата? Оцѣнишь ли ты вѣрно достоинство фельдфебеля по управленію ротою, если самъ не знаешь во всемъ объемѣ его обязанностей?

То, что я говорю о фельдфебелѣ, одинаково относится къ поручику, капитану, маіору и подполковнику; да, сынъ мой, только умѣніемъ исполнять всѣ должности, которыя ниже твоей, можешь ты сдѣлаться достойнымъ занимать должность, тебѣ ввѣренную, и заставить всѣхъ исполнять свои обязанности.

Нечего и говорить о изученіи военныхъ уставовъ: ты ихъ знаешь, но я совѣтую тебѣ никогда не отступать отъ нихъ. Я первый взыщу съ тебя, или буду просить о взысканіи, если когда нибудь узнаю, что ты позволилъ себѣ отъ нихъ отклониться. Законъ въ глазахъ всякаго добраго гражданина, добраго воина, самое святое дѣло. Говорятъ (я хорошо это знаю и въ молодости самъ говаривалъ), буква убиваетъ, а духъ живитъ; но какъ я всегда видѣлъ, что, подъ предлогомъ этого оживленія, позволяютъ себѣ самыя большія отступле-

нія, то предписываю тебѣ непремѣнно держаться буквы закона. Уважай также старинные обычаи; если же найдешь въ которомъ изъ нихъ зло, то надобно его уничтожить, но приступай къ его уничтоженію съ осмотрительностію и благоразуміемъ; предуготовь своими дѣйствіями и рѣчами тѣ перемѣны, которыя намѣренъ ты ввести; дай почувствовать выгоды ихъ; не предпринимай никогда уничтоженіе вдругъ нѣсколькихъ злоупотребленій; сперва обрати вниманіе на самое важное, на самое существенное; если въ одно время приступаютъ къ исправленію всѣхъ частей зданія, то оно колеблется, а иногда и рушится; уничтожай, когда уже приготовлено то, что должно замѣнить уничтоженное.

«Помни, что всегда происходитъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, если предлагаютъ необдуманно перемѣны, даже самыя выгодныя, и употребляютъ усиліе для введенія ихъ; совѣтуйся со старыми офицерами о нововведеніяхъ, которыя замышляешь; согласіе ихъ повлечетъ за собою согласіе прочихъ. Не буду говорить тебѣ здѣсь объ изученіи военнаго искусства; я доказалъ тебѣ уже прежде необходимость и выгоды этого изученія; я указалъ тебѣ планъ, которымъ ты долженъ руководствоваться для усвоенія этой науки; ограничусь повтореніемъ того, что исторія есть источникъ, изъ котораго долженъ ты постоянно черпать: читай исторію не для изученія исторіи, но для изученія войны, нравственности и политики. Исторія была, съ малолѣтства, предметомъ моихъ занятій и ей обязанъ я всему, что знаю. Не пренебрегай математикой; мнѣ очень жаль, что я ею не занимался глубже; я учился ей рано, любилъ ее, сдѣлалъ въ ней успѣхи, и очень обязанъ тому немногому, что изъ нее знаю.

«Ты храбръ, ты доказалъ это, но остерегайся крайности въ этомъ случаѣ. Сколько слезъ стоила мнѣ необычайная храбрость одного, весьма много любимаго человѣка! Дай Богъ, чтобы храбрость твоя не была для меня столь же тяжкою! Храбрость, первое изъ качествъ солдата, должна въ полковникѣ подчиняться благоразумію; однакожъ, я желалъ бы лучше оплакивать твою смерть, чѣмъ славу или честь твою. Помни, что люди, которые болѣе всего будутъ тебѣ совѣтовать беречь себя, будутъ первые тебя порицать строго, если ты послѣдуешь ихъ совѣтамъ. Люби отечество, короля; это обязанность каждаго гражданина, а для тебя это первый долгъ, потому что король осыпалъ меня и тебя милостями; впрочемъ, эти чувства слишкомъ глубоко врѣзаны въ твоемъ сердцѣ: не для чего и упоминать о нихъ. Люби славу; желаніе достичь ея должно всегда пламенѣть въ твоемъ сердцѣ. Эта любовь къ славѣ поддерживала меня на трудномъ пути, мною пройденномъ; она заставляла меня забывать, что я родился съ слабымъ здоровьемъ. Не буду говорить тебѣ о честности, но совѣтую тебѣ слѣдить за честностью твоихъ подчиненныхъ; обвиняютъ нѣкоторыхъ полковниковъ въ продажѣ должностей въ полку; не хочу этому вѣрить: они раздаютъ должности, но подчиненные продаютъ ихъ. Старайся, чтобы полкъ твой былъ лучше и болѣе обученъ, нежели другіе: это самолюбіе позволительно

полковнику; но не старайся сдѣлать его красивѣе и переполнить блестками. Наблюдай, чтобы роты всегда были укомплектованы людьми способными къ военному дѣлу; не позволяй, изъ ложнаго состраданія, капитанамъ получать жалованіе на людей, которые не состоятъ у нихъ по спискамъ: тотъ, кто позволяетъ себѣ это лихоимство, обманываетъ короля и нарушаетъ обязанности чести. Тотъ также не совсѣмъ честенъ, кто не соблюдаетъ совершенной справедливости въ распредѣленіи милостей, и въ особенности не препятствуетъ своимъ подчиненнымъ имѣть на счетъ солдатъ выгоды незаконныя. Это одинъ изъ главныхъ пунктовъ, на которые полковникъ долженъ обращать вниманіе. Присутствуй при всѣхъ ученіяхъ своего полка; будь всегда первымъ на мѣстѣ сбора; являйся занятымъ единственно своими обязанностями; будь дѣятеленъ, бдителенъ, точенъ, и офицеры твои будутъ акуратны, внимательны и ревностны; въ противномъ случаѣ — полкомъ твоимъ овладѣетъ мрачная и холодная апатія: нерадивость полковника влечетъ за собою невниманіе офицеровъ къ своимъ обязанностямъ. Никогда не увлекайся нетерпѣніемъ или гнѣвомъ; за первыми порывами страстей всегда слѣдуетъ раскаяніе: «если хочешь сдѣлать глупость — сказалъ очень справедливо одинъ изъ нашихъ писателей—послѣдуй внушенію гнѣва». Начальникъ вспыльчивый нерѣдко позволяетъ себѣ поступки предосудительные для его чести, сопряженные съ опасностію для его жизни и чаще всего для жизни его подчиненныхъ. Повинуйся законамъ и тѣмъ лицамъ, которыя по избранію государя суть органы этихъ законовъ; неповиновеніе властямъ — величайшее изъ преступленій воинскихъ: оно сообщается съ необыкновенною скоростью и возрастаетъ въ силахъ по мѣрѣ распространенія. Можетъ ли полковникъ, не повинующійся старшимъ, требовать послушанія отъ своихъ подчиненныхъ? Будь судьею, цензоромъ, блюстителемъ порядка и отцомъ своего полка: какъ блюститель порядка и судья, наблюдай за исполненіемъ законовъ; какъ цензоръ и отецъ — за сохраненіемъ чистоты нравовъ; обращай особенное вниманіе на сей послѣдній предметъ, всегда почти забываемый или пренебрегаемый начальниками; гдѣ водворены добрые нравы, тамъ и законы уважаются, и— что еще лучше—тамъ любятъ законы; и потому старайся улучшать нравы; но не думай, чтобы это можно было сдѣлать по заказу; они сообщаются, они внушаются, они должны быть вводимы примѣромъ; сила примѣра здѣсь, какъ и вездѣ, почти дѣйствительнѣе силы воли; безполезно было бы высматривать и замѣчать въ другихъ недостатки, въ которыхъ можно упрекнуть насъ самихъ. Если собственные твои нравы будутъ безукоризненны, полкъ также будетъ отличаться нравственностію; темпераментъ твой укрѣпится, ты выиграешь много времени, отклонишь отъ себя многія смѣшныя стороны, никогда не будешь игрушкой обстоятельствъ, и общее уваженіе вознаградитъ тебя за лишенія, на которыя ты себя осудишь. Избѣгай игры, въ особенности азартной; изгони совершенно послѣднюю изъ своего полка; большая часть военныхъ людей черезъ нее

гибнетъ. Берегись пристрастія къ вину: оно унижаетъ человѣка: имѣй всегда хорошій, но не утонченный столъ; приглашай къ нему офицеровъ своего полка, предпочтительно предъ генералами, полковниками и другими командирами: принимай гостей своихъ по степени уваженія, которое они заслуживаютъ. Число экипажей своихъ ограничь необходимостью: ты долженъ показывать примѣръ простоты и скромности, потому что ты полковникъ и потому что ты сынъ мой: эта умѣренность не будетъ стоить тебѣ большаго труда, потому что я старался удалить отъ себя ту роскошь, которая обращаетъ въ изнѣженныхъ женщинъ большую часть нашихъ молодыхъ воиновъ. Я не позволялъ украшать твоихъ лошадей, муловъ и одежды людей твоихъ золотомъ и серебромъ, и надѣюсь, что ты всегда будешь соблюдать эту драгоцѣнную простоту. Великолѣпіе, которое такъ прилично человѣку, представляющему лицо государя, дѣлается недостаткомъ для военнаго вообще и пагубнымъ для полковника; подчиненные его считаютъ за обязанность, за честь—ему подражать. Я никогда не могъ смотрѣть, безъ сильнаго негодованія, на молодыхъ начальниковъ нашихъ полковъ, когда они вводили въ лагери и въ гарнизоны роскошь и нѣгу придворную; когда они старались отличаться богатствомъ и великолѣпіемъ экипажей, множествомъ слугъ, красотою лошадей, утонченностью стола, однимъ словомъ—соперничали между собою единственно въ искусствѣ размножить наслажденія. Развѣ въ этомъ состоитъ честолюбіе, которое должно одушевлять военачальниковъ!! Но довольно объ этомъ: досада готова овладѣть мною; впрочемъ, въ этомъ случаѣ мои совѣты менѣе тебѣ нужны, чѣмъ во многихъ другихъ.—Ты никогда не смотрѣлъ на страждущее существо безъ сильнаго желанія прекратить его страданія или облегчить ихъ; сохраняй же, сынъ мой, эту драгоцѣнную чувствительность: она можетъ быть для тебя иногда причиною мученій, но гораздо чаще она будетъ источникомъ удовольствій самыхъ живыхъ и чистыхъ. Совѣтую тебѣ быть человѣколюбивымъ и великодушнымъ столько же для твоей славы, сколько и для счастія: человѣколюбіе и щедрость привлекаютъ къ намъ сердца людей, съ которыми мы живемъ, которыми начальствуемъ. Какой бы расходъ ни сдѣлалъ ты для облегченія страждущаго человѣчества, я съ удовольствіемъ пополню его: слухъ о твоей благотворительности для меня будетъ пріятнѣе молвы о твоемъ умѣньѣ устраивать празднества; пусть лучше удивляются большому числу осчастливленныхъ тобою, чѣмъ большому числу вельможъ, которыхъ ты увеселять старался: воспоминаніе о празднествѣ не оставляетъ пріятныхъ слѣдовъ ни въ душѣ, ни въ сердцѣ, а какъ сладостно для насъ воспоминаніе о несчастномъ, нами утѣшенномъ! По какому нибудь важному случаю, можешь раздать общую награду солдатамъ полка своего—я не противъ этого; но мнѣ было бы пріятнѣе, если бы ты сохранилъ эти деньги для раненыхъ, для тѣхъ, которые отличились какимъ нибудь блистательнымъ дѣломъ, или для тѣхъ, которые, исполняя свои обязанности, понесли важную для нихъ потерю. По крайней мѣрѣ, разъ

или раза два въ недѣлю посѣщай больныхъ полка своего; поговори съ каждымъ изъ нихъ ласково; выслушивай ихъ жалобы и старайся успокоить ихъ; слушай даже разсказъ объ ихъ страданіяхъ; эта снисходительность будетъ, не менѣе лекарствъ, способствовать скорому ихъ выздоровленію. Посѣщай почаще арестантовъ своего полка; человѣкъ провинившійся долженъ быть наказанъ, но не долженъ быть заключенъ въ нездоровомъ мѣстѣ. Не стану тебѣ и говорить, что ты долженъ беречь на войнѣ кровь и потъ солдатъ своихъ; тотъ недостоинъ имени человѣка, кто, для пріобрѣтенія извѣстности, подвергаетъ ихъ излишнимъ опасностямъ и страданіямъ: вообще знай, что слава, которая пріобрѣтается этою цѣною, не блестяща и не прочна. Французскіе полковники, съ давнихъ временъ, славятся въ Европѣ своею вѣжливостью; я увѣренъ, что для тебя не будетъ сдѣлано въ этомъ случаѣ обиднаго исключенія; надѣюсь даже, что ты превзойдешь предстоящіе тебѣ образцы: большая часть полковниковъ вѣжливы только съ женщинами, съ начальниками и равными; ты, я полагаю, вѣжливъ и съ подчиненными. Никогда не говори съ офицерами своего полка, и даже о нихъ, тономъ повелительнымъ или презрительнымъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые начальники; помни, повторяю, что многіе изъ твоихъ подчиненныхъ гораздо болѣе тебя заслуживаютъ командованія полкомъ; что многіе — происхожденія болѣе древняго и знаменитаго, чѣмъ ты, и что имъ недоставало, чтобы стать выше тебя, только богатства или счастія, и потому будь доступенъ, любезенъ, вѣжливъ, предупредителенъ еще болѣе съ подчиненными, чѣмъ съ равными; вѣжливость съ равными большею частію есть только слѣдствіе искусной политики; съ подчиненными же—это признакъ добраго сердца. Похвалы, мною заслуженныя, за то, что я никогда не давалъ чувствовать власть свою, должны заставить тебя послѣдовать моему примѣру. Сдѣлавъ ошибку, сознайся въ ней тотчасъ, а главное — старайся исправить ее. Хотя этотъ образъ дѣйствія очень естественъ и не заслуживаетъ похвалы, однакожъ тебя будутъ хвалить за это; ты привлечешь къ себѣ сердца и твои ошибки будутъ извиняемы; я самъ часто это испытывалъ. Люби и отличай офицеровъ, которые окажутъ военныя способности, и тѣхъ, которые, исполняя свои обязанности, предаются изящнымъ искусствамъ. Занимайся въ особенности молодыми офицерами своего полка, наблюдай самъ за ихъ поведеніемъ, за ихъ занятіями и за ихъ нравственностью; будь, какъ я сказалъ, отцомъ ихъ, опорою и, если нужно, ихъ наставникомъ; полкъ твой будетъ хорошъ только тогда, когда офицеры твои будутъ богаты свѣдѣніями и когда они будутъ отличаться постояннымъ и сильнымъ рвеніемъ къ службѣ. Повѣрь, что ты достигнешь блистательныхъ результатовъ не иначе какъ обращая усиленное вниманіе на молодыхъ офицеровъ и пріучая ихъ къ правильной жизни. Старайся, чтобы старшіе офицеры питали къ молодымъ любовь отца къ дѣтямъ или, по крайней мѣрѣ, наставника къ воспитанникамъ; наблюдай, чтобы послѣдніе оказывали старшимъ вниманіе и уваженіе, которое дѣти нѣжныя и хорошо воспитанныя

имѣютъ къ своему отцу; старайся поселить и поддерживать согласіе въ своемъ полку; спѣши уничтожать возникающіе раздоры, искоренять вражду, или, по крайней мѣрѣ, предупреждать ея губительныя слѣдствія: это, сынъ мой, одна изъ первыхъ и существенныхъ обязанностей полковника. Все, что дѣлается въ полку, должно быть тебѣ извѣстно, но для этого никогда не прибѣгай къ шпіонству: тотъ, кто доноситъ на своихъ товарищей—человѣкъ безчестный, не заслуживающій никакого довѣрія; прибѣгай къ чужимъ глазамъ, къ чужимъ рукамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда тебѣ невозможно все видѣть и все сдѣлать самому; вникай во всѣ подробности; только тогда можно хорошо исполнить на насъ возлагаемое, когда всѣ подробности извѣстны; полковнику не приходится смотрѣть на вещи свысока; не старайся, впрочемъ, присвоить себѣ обязанности, которыя закономъ поручены твоимъ подчиненнымъ; довольствуйся наблюденіемъ за всѣми ими и заставляй каждаго исполнять его обязанности. Вотъ наконецъ послѣднее мое наставленіе: не забывай никогда, сынъ мой, что ты сдѣланъ полковникомъ для блага службы и полка, который порученъ тебѣ: слава отечества должна быть главною твоею цѣлью; постояннымъ твоимъ занятіемъ — должно быть устройство счастія твоихъ подчиненныхъ; если тебѣ удастся доказать своему полку, что ты руководствуешься этими побужденіями, всякій изъ членовъ его будетъ считать обязанностью и удовольствіемъ способствовать твоимъ видамъ; тогда всѣ препятствія изчезнутъ и ты заслужишь славу чистую, привлечешь къ себѣ сердца окружающихъ и милости короля, и наконецъ осчастливишь любящаго тебя отца».

Пусть всѣ полковники и начальники частей и старшіе офицеры обратятъ вниманіе на эту инструкцію; пусть они ее обдумаютъ, примѣнятъ ее къ своему положенію; высмотрятъ въ ней свои обязанности къ отечеству, государю, подчиненнымъ и къ самимъ себѣ. Если справедливо то, что нельзя судить о людяхъ, не изучивъ ихъ основательно; что нельзя выучить ихъ тому, чего самъ не знаешь; что нельзя судить объ ихъ познаніяхъ и отдать справедливость ихъ талантамъ, если не превышаешь ихъ познаніями и способностями: что нельзя рѣшить, какъ они исполняютъ свои обязанности, если самъ не знакомъ съ законами ихъ предписывающими: то справедливо и то, что нельзя имѣть никакого вліянія на подчиненныхъ, если не обладаешь искусствомъ убѣждать ихъ и заслуживать ихъ расположеніе; примѣръ начальника—самое сильное и вѣрное поощреніе ко всему доброму; полковники должны быть ученѣе, трудолюбивѣе и старательнѣе всякаго изъ своихъ подчиненныхъ и должны обладать всѣми познаніями и качествами, необходимыми для совершеннаго воина. Предполагая же, что полковникъ не имѣетъ нѣкоторыхъ познаній и достоинствъ, необходимыхъ воину, мы увидимъ вскорѣ или большой безпорядокъ въ его части, или злоупотребленія такъ сильно вкоренятся въ ней, что она далеко удалится отъ

той степени совершенства, до которой нужно стараться довести ее.

Теперь каждый полкъ составленъ изъ благороднѣйшей крови двухъ тысячъ семействъ; офицеры, унтеръ-офицеры—вездѣ люди отборные: при такомъ составѣ полка оставятъ ли полковники безъ развитія и усовершенствованія столько способностей, которыя имъ ввѣрены отечествомъ? Они должны стараться примѣромъ своимъ поощрить молодыхъ офицеровъ; каждый долженъ готовиться съ пользою занять важнѣйшую должность. Для старшихъ офицеровъ постыдное дѣло—добиваться чина полковника и генералъ-маіора, какъ пенсіи, и заниматься самыми безполезными мелочами,—подобно тому какъ старость тѣшится дѣтскими игрушками! Всякій офицеръ, при взглядѣ на свою шпагу, долженъ помнить слова великаго человѣка, который сказалъ: «Шпага эта есть орудіе славы, сокровище доблестей, и немногіе осмѣлились бы принять ее, если бы знали, къ чему она обязываетъ».

КНИГА II.

ПОЗНАНІЯ НУЖНЫЯ ГЕНЕРАЛАМЪ.

—

ГЛАВА I.

ПОЗНАНІЕ ЧЕЛОВѢКА. ПОЗНАНІЕ САМОГО СЕБЯ.

Древніе философы, убѣжденные въ томъ, что познаніе самаго себя есть прочное основаніе мудрости и первая изъ всѣхъ наукъ, сдѣлали слѣдующую надпись надъ входомъ въ Дельфійскій храмъ: «Познай самого себя».

Умные люди также ставили выше всего способность узнавать самого себя, но она нужнѣе для главнокомандующаго, чѣмъ для всякаго другаго. Безъ этого познанія, генералъ, обольщаемый льстецами, окружающими его, ослѣпляемый самолюбіемъ, полный гордости, которая бываетъ нерѣдко слѣдствіемъ высокихъ почестей, легко забудетъ необъятность своихъ обязанностей, не пойметъ недостатокъ своихъ способовъ и забудетъ назначеніе власти.

Если же генералъ достигъ до познанія самого себя, то, постоянно замѣчая свои ошибки, онъ исправляетъ ихъ, борется со страстью, въ немъ преобладающею, и ее побѣждаетъ. Оцѣнивая вполнѣ свои средства, свои способности и свои знанія, онъ не создаетъ себѣ тщетныхъ невозможныхъ надеждъ; онъ не предпринимаетъ ничего выше своихъ силъ; сознаетъ превосходство другихъ съ благородною откровенностью; не стыдится просить совѣта и твердо ему слѣдовать. Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ въ подтвержденіе нами сказаннаго, но мы приведемъ здѣсь только одинъ изъ нихъ. Людовикъ XIV, лишивъ герцога Савойскаго всѣхъ его владѣній, хотѣлъ отнять столицу его Туринъ; онъ поручилъ осаду этого города маршалу Ла-Фейльадъ, и далъ ему для этой цѣли сто баталіоновъ пѣхоты и сорокъ шесть эскадроновъ конницы. Ла-Фейльадъ, командуя такою многочисленною арміею, снабженный всѣмъ, что могло способствовать успѣху, могъ надѣяться увидѣть вскорѣ Французское знамя на стѣнахъ непріятельскихъ: однако надежда его не исполнилась: причиною было то, что генералъ Ла-Фейльадъ не зналъ самого себя; самонадѣянность и гордость заста-

вили его отказаться отъ скромнаго предложенія Вобана, желавшаго вести осаду въ званіи простаго инженера или даже вступить въ армію волонтеромъ; Ла-Фейльадъ дерзко отвѣтилъ ему, что намѣренъ взять Туринъ по системѣ Кегорна. Такимъ образомъ, какъ всѣмъ извѣстно, онъ потерялъ случай взять этотъ городъ, далъ время Евгенію атаковать его войска и одержать надъ нимъ побѣду, слѣдствія которой были крайне гибельны для Французовъ.—Но какимъ образомъ познать самого себя? Для этого нужно изучить другихъ, наблюдать за ихъ дѣйствіями, ставить себя въ ихъ положеніе, въ уединеніи часто обращаться къ своему сердцу, и когда въ человѣкѣ изчезнетъ гордость и пустое самолюбіе,—видѣть себя такимъ, какъ есть. Тщеславіе можетъ иногда представить самую истину въ превратномъ видѣ, но очень легко можно замѣтить эти ложныя краски. Гораздо легче узнать самого себя, чѣмъ другаго: нужно только захотѣть, и тотъ, кто этого захочетъ, достигнетъ истребленія въ себѣ многихъ пороковъ. Вспомните герцога Бургонскаго, исправившаго въ себѣ много недостатковъ, которыхъ не удалось уничтожить и Фенелону.

ПОЗНАНІЕ ЛЮДЕЙ.

Послѣ познанія самого себя, познаніе людей должно занимать первое мѣсто въ умѣ генерала. И въ самомъ дѣлѣ, ежели начальникъ войска не знаетъ людей, то какимъ образомъ будетъ онъ руководить ими благоразумно и употреблять ихъ по достоинствамъ? Ежели онъ не знаетъ, что въ состояніи ободрить человѣка, воспламенить въ немъ любовь къ славѣ, привлечь его, привязать, то можетъ ли онъ надѣяться имѣть на него желаемое вліяніе? Ежели онъ не знаетъ, чего подчиненные требуютъ отъ главнокомандующаго; ежели ему неизвѣстны ихъ чувства; ежели—наконецъ—онъ не знаетъ, что можетъ ихъ оскорбить или возбудить въ нихъ недовѣріе, то какъ ему избѣжать послѣдняго? Ежели онъ не различитъ между желаніями и стремленіями своихъ подчиненныхъ — предмета ихъ постоянныхъ желаній отъ минутной прихоти, то онъ надѣлаетъ множество ошибокъ. Необходимо, чтобы онъ обладалъ способностью распознавать—какимъ образомъ столь различные характеры можно убѣдить, соединить и привести къ одному чувству; какими убѣжденіями можно пріобрѣсть любовь, какими средствами уничтожить предразсудки, какимъ способомъ установить довѣріе; какіе, наконецъ, самые дѣйствительные и самые вѣрные двигатели между взысканіями и наградами: безъ этого—все его командованіе будетъ только рядъ самыхъ грубыхъ ошибокъ. Часто государь, поручая генералу командованіе, предоставляетъ ему избрать главнѣйшихъ офицеровъ. Если главнокомандующій не занимался изученіемъ людей, если онъ не имѣетъ искусства угадывать ихъ таланты, достоинства и способности, то его лучшія намѣренія, его долговременная опытность и его обширныя военныя знанія ни къ чему не послужатъ; никогда онъ не бу-

детъ въ состояніи отличать человѣка съ необыкновенными достоинствами, но скромнаго и застѣнчиваго, отъ человѣка посредственнаго, котораго ему несправедливо расхвалили, или который самъ себя выставилъ въ выгодномъ свѣтѣ; никогда онъ не угадаетъ, къ какимъ должностямъ его подчиненные способны; никогда не будетъ въ состояніи предвидѣть, что изъ нихъ можетъ выдти, и наконецъ не съумѣетъ назначить имъ мѣста, на которыхъ они были бы полезны своими способностями, не вредя своими пороками или недостатками. Если самъ государь находитъ необходимымъ назначать второстепенныхъ начальниковъ, то какимъ же образомъ главнокомандующій арміею, который не занимался изученіемъ людей, отличитъ истинную похвалу, сказанную для поощренія, отъ лести, которую расточаютъ для обмана? Будетъ ли его взглядъ достаточно проницателенъ, чтобъ проникнуть во всѣ изгибы человѣческаго сердца и отличить совѣты, внушенные любовью къ добру, отъ совѣтовъ, предложенныхъ завистью или желаніемъ возвыситься? Эти причины, какъ мнѣ кажется, болѣе чѣмъ достаточны, чтобы побудить военныхъ, имѣющихъ благородное стремленіе командовать арміями, заниматься изученіемъ людей.—Разумѣется, это познаніе имѣетъ свои трудности: весьма не легко изучить человѣческое сердце; но любовь къ славѣ не заставитъ ли предпринять того, что исполняютъ часто изъ разсчета?

Герои древности, воинственные и просвѣщенные государи, окружали себя людьми избранными. Въ новѣйшее время примѣромъ тому могутъ служить Петръ Великій, Карлъ XII, Фридрихъ, Наполеонъ!

Можно изучить сердце человѣческое въ безсмертныхъ сочиненіяхъ Монтеня, Ларошфуко, Лабрюэра и др.; сверхъ того, для познанія людей главнокомандующему можетъ служить хорошимъ руководствомъ исторія; онъ ознакомится съ ними, узнавъ каковы были люди во всѣ времена, потому что сердце человѣческое остается неизмѣннымъ; но генералъ не долженъ ограничиваться разсматриваніемъ однихъ великихъ событій во время историческихъ переворотовъ: онъ долженъ разсмотрѣть со вниманіемъ частные факты, изслѣдовать характеры дѣйствующихъ лицъ, постичь причины, подъ вліяніемъ которыхъ они дѣйствовали, ихъ выгоды, средства: онъ долженъ также обратить вниманіе на признаки, характеризующіе различныя страсти; стараться отличать человѣка, побуждаемаго единственно честолюбіемъ, отъ того, который одушевляемъ стремленіемъ къ общему благу; воина, который доблестенъ и храбръ вслѣдствіе размышленія, отъ воина добродѣтельнаго и храбраго по чувству. Когда онъ привыкнетъ судить о людяхъ въ исторіи, ему легче будетъ судить о нихъ въ жизни. Впрочемъ, напрасно генералъ будетъ разсматривать исторію всѣхъ народовъ; онъ только тогда познакомится съ сердцемъ человѣческимъ, когда узнаетъ свое собственное. Чтобы усовершенствоваться въ познаніи людей, хорошо судить объ умѣ другихъ, генералъ долженъ со вниманіемъ разсмотрѣть свой собственный; онъ долженъ изслѣдовать, какимъ способомъ можно убѣдить его и привести его къ истинѣ. Наконецъ, послѣднее средство, которое можно употреблять,

чтобы познакомиться съ людьми, есть вниманіе ко всѣмъ ихъ словамъ, къ ихъ дѣйствіямъ; нужно обдумывать все видимое и слышимое: это изученіе должно быть не только ежедневное, но ежеминутное; его совѣтовали древніе философы, и какъ люди не всегда могутъ скрывать свой характеръ, то этотъ способъ изученія намъ кажется самымъ назидательнымъ и вѣрнымъ.

О ПОЗНАНІИ СВОИХЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВЪ.

Послѣ познанія сердца человѣческаго вообще, главнокомандующій арміею долженъ заняться пріобрѣтеніемъ подробныхъ свѣдѣній о разныхъ націяхъ; его соотечественники въ особенности должны обратить на себя его вниманіе. Народы, такъ же какъ и отдѣльныя лица, имѣютъ свои характеры, свои наклонности, нравы, страсти, обычаи, свой духъ и свою храбрость. Не входитъ въ нашъ предметъ разсуждать о томъ: происходитъ ли различіе между народами отъ климата или отъ образа правленія; не будемъ также показывать различіе между народами, повидимому совершенно сходными, и пользу, которую генералъ извлечетъ изъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ по этому предмету. Цѣль наша состоитъ въ указаніи главнокомандующему арміею, что онъ обязанъ знать народъ, къ которому принадлежитъ его войско; онъ долженъ знать дѣятеленъ или лѣнивъ этотъ народъ, образованъ или невѣжественъ, покоренъ или нѣтъ; онъ долженъ также знать къ какой войнѣ болѣе способенъ онъ, наступательной или оборонительной, къ генеральнымъ сраженіямъ или аванпостнымъ стычкамъ; лучше ли дерется въ укрѣпленіи, чѣмъ въ открытомъ полѣ; огнестрѣльнымъ или бѣлымъ оружіемъ. Онъ долженъ также знать, съ терпѣніемъ ли переноситъ народъ голодъ и жажду, жаръ и холодъ; однимъ словомъ—преодолѣваетъ трудности и лишенія всякаго рода. Генералу также нужно знать, служитъ ли народъ изъ чести, изъ тщеславія, или же его одушевляетъ любовь къ отечеству и государю; ему необходимо знать — что болѣе всего дѣйствуетъ на него, доброта и похвалы, или строгость и страхъ; къ чему онъ болѣе чувствителенъ—къ наградамъ или къ наказаніямъ. Чтобы доказать генераламъ, какъ необходимо для нихъ знаніе народа, къ которому принадлежатъ его войска, приведемъ примѣръ изъ исторіи Россіи: несмотря на неудачи, которыя потерпѣлъ Карлъ XII во время зимы 1709 г., онъ не оставилъ намѣренія и надежды дойти до Москвы; но для этого онъ долженъ былъ занять Полтаву, мѣсто гдѣ Русскій царь устроилъ свои магазины. Взятіемъ этого города король Шведскій открывалъ себѣ вторично путь къ столицѣ Россіи, и могъ доставить своей арміи всѣ пособія, которыхъ она уже давно была лишена.

Въ концѣ мая онъ обложилъ крѣпость и спѣшилъ осадою съ свойственною ему горячностью. Петръ Великій, чувствуя, какъ важна была для него Полтава, собралъ военный совѣтъ, чтобы узнать, какими средствами можно было всего скорѣе заставить Карла XII

снять осаду. Нѣкоторые генералы хотѣли окружить короля Шведскаго и сдѣлать вокругъ его арміи большой окопъ, чтобы заставить его сдаться; другіе предложили сжечь и разорить весь край на сто миль въ окружности, чтобы отнять у Шведовъ всѣ средства продовольствія; нѣкоторые, наконецъ, были того мнѣнія, что надобно было еще разъ попытаться на сраженіе, ибо въ противномъ случаѣ Полтава могла быть взята приступомъ. Остановились на послѣднемъ мнѣніи. Тогда царь, обратясь къ генераламъ, сказалъ: «Такъ какъ мы рѣшились сразиться со Шведскимъ королемъ, разсмотримъ средства, которыя нужно употребить, чтобы остаться побѣдителями. Шведы стремительны, имѣютъ хорошую дисциплину, хорошо обучены; Русскіе равняются съ ними въ храбрости, но они менѣе искусны въ бою и дисциплина у насъ слабѣе; нужно стараться уничтожить преимущество Шведовъ. Въ открытомъ полѣ наши войска всегда были разбиваемы искусствомъ и ловкостью маневрированія нашихъ непріятелей: нужно сдѣлать это превосходство безполезнымъ. По моему мнѣнію слѣдуетъ приблизиться къ Шведскому войску, соорудить вдоль фронта нашей пѣхоты нѣсколько редутовъ съ глубокими рвами, укрѣпить ихъ рогатками и палисадами и занять пѣхотою; это потребуетъ работы нѣсколькихъ часовъ, и потомъ мы будемъ ожидать непріятеля за нашими редутами; онъ долженъ раздѣлиться, чтобы атаковать укрѣпленія, потеряетъ много людей, будетъ ослабленъ и разстроенъ, когда дойдетъ до насъ; какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ сниметъ осаду и атакуетъ насъ, когда увидитъ что мы близко, то намъ нужно выступить съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы явиться передъ нимъ къ вечеру, и какъ онъ отложилъ нападеніе до слѣдующаго дня, то мы между тѣмъ, во время ночи, построимъ редуты». Весь военный совѣтъ согласился съ мудрымъ предложеніемъ царя; планъ его былъ выполненъ, и, какъ всѣмъ извѣстно, все случилось какъ предвидѣлъ этотъ великій человѣкъ. Такимъ образомъ, знаніе своего народа покрыло славою Петра Великаго и навсегда избавило Россію отъ опаснаго врага. Наполеонъ также извлекъ огромныя выгоды изъ знанія характера и чувствъ Французовъ. Въ первую Италіянскую кампанію, онъ, какъ Петръ Великій, различными средствами уничтожалъ устарѣлую тактику своихъ противниковъ и стратегію ихъ, правильную, но медленную. Дивизіями, дѣйствовавшими съ быстротою и необыкновеннымъ стремленіемъ, отрѣзывалъ онъ и разбивалъ корпуса, даже цѣлыя арміи. Вурмзеръ, разбитый, принужденный постоянно отступать, напрасно обвинялъ Наполеона въ неумѣніи сражаться. Наполеонъ хорошо зналъ Французскій народъ и свое войско, когда въ Египтѣ сказалъ: «Солдаты, съ высоты этихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ». Онъ умѣлъ ихъ воспламенять и этимъ рѣшалъ побѣду. Онъ ихъ зналъ хорошо, потому что послѣ безначалія и безпорядковъ учредилъ орденъ Почетнаго Легіона, сдѣлавшійся источникомъ столькихъ чудесъ храбрости; зная Французовъ, этотъ великій полководецъ скоро усовершенствовалъ свою армію, научилъ своихъ генераловъ, свое

войско быстро маневрировать, не останавливаясь смыкать и развертывать свои колонны, двигаясь постоянно впередъ; далъ отечеству своему законы, безсмертные кодексы, центральное управленіе твердое и сильное, разслабленіе коего было единственною причино стольких золъ, которыхъ нельзя было иначе отвратить какъ возобновленіемъ этого управленія. Генералъ долженъ изучить исторію того народа, изъ котораго состоитъ его войско. Читая со вниманіемъ общую и частную исторію своего отечества, можно познакомиться съ духомъ и съ характеромъ его жителей. Всѣ сочинители піитикъ совѣтовали поэтамъ читать и перечитывать образцовыя поэмы. А мы скажемъ генералу: внимательное чтеніе исторіи пусть будетъ главнымъ занятіемъ его, пусть историческія сочиненія будутъ его настольными книгами.

ЗНАНІЕ ПОДЧИНЕННЫХЪ.

Основываясь на мнѣніи великаго Конде, безсмертный Боссюэтъ сказалъ, что хорошій генералъ лучше всего долженъ знать солдатъ и начальниковъ арміи, имъ командуемой, потому что подъ начальствомъ генерала, который знаетъ своихъ офицеровъ и солдатъ, какъ свои пять пальцевъ, — все идетъ ровно, стройно и быстро, а отъ этого зависитъ побѣда. Генералъ долженъ стараться узнавать характеръ главнѣйшихъ офицеровъ, находящихся въ его вѣдѣніи: онъ долженъ знать какого рода храбростью обладаетъ каждый изъ нихъ и какія у каждаго способности. Не зная того, можетъ ли онъ употреблять своихъ подчиненныхъ съ наибольшею пользою? Напримѣръ, какъ поручить предпріятіе, требующее осторожности, генералу, котораго достоинство состоитъ въ одной безотчетной и слѣпой храбрости, или ввѣрить человѣку обремененному лѣтами, медлительному по характеру, предпріятіе требующее энергіи и всей дѣятельности молодости, или какъ, наконецъ, возложить важную обязанность на того, кто никогда не переступалъ далѣе командованія полкомъ? Генералъ не можетъ никогда надѣяться на успѣхъ своего плана, если поручитъ слабый отрядъ тому, чей быстрый взглядъ пріобыкъ все видѣть въ большихъ размѣрахъ; если приметъ въ совѣтъ того, который хорошъ только какъ исполнитель; если пошлетъ строгаго начальника туда, гдѣ можно обойтись одною кротостью; снисходительнаго человѣка туда, гдѣ необходима твердость для водворенія порядка. Если же онъ будетъ поступать такимъ образомъ, то будетъ похожъ, какъ остроумно выражается Санта-Круцъ, на человѣка, который, вмѣсто того чтобы взять шпагу за эфесъ, возьметъ ее за остріе, и такимъ образомъ обратитъ противу себя оружіе, которое ему надо употребить для собственной защиты. Необходимость знать хорошо всѣхъ своихъ подчиненныхъ такъ велика для начальника, что нѣкоторые генералы, даже императоры, знали каждаго изъ своихъ солдатъ. Оттонъ зналъ всякаго изъ своихъ воиновъ по имени: Северъ имѣлъ вѣрный именной списокъ своей арміи, и часто его

перечитывалъ. Въ этомъ отношеніи можемъ припомнить и благоразумное поведеніе героя, описаннаго Ксенофонтомъ. Наполеонъ въ величайшей степени имѣлъ способность распознавать своихъ генераловъ. Для доказательства этого достаточно вспомнить порученія, которыя онъ давалъ каждому изъ нихъ, всегда сходныя съ ихъ характеромъ и степенью образованности. Поручалъ ли онъ когда нибудь резервъ Мюрату или авангардъ Бертье? и проч. Разумѣется, къ пріобрѣтенію этого познанія часто встрѣчаются препятствія, но они преодолимы; дѣло заключается въ томъ, чтобы этимъ заняться, твердо желать этого, совершенно посвятить себя своему ремеслу, и пожертвовать ему всѣ свободныя минуты, которыя мирное время предоставляетъ военнымъ людямъ. Но, да будетъ стыдно тѣмъ, которые, будучи главнокомандующими, предпочитаютъ своей службѣ — удовольствія, спекуляціи и заботы о своемъ личномъ богатствѣ. Чтобы облегчить главнокомандующему знаніе подчиненныхъ, слѣдовало бы военному министру имѣть подробный списокъ, съ показаніемъ достоинствъ старшихъ офицеровъ, ихъ характера, знаній и способностей, и извлеченіе изъ этого списка передавать генераламъ, облеченнымъ главнымъ начальствомъ, которымъ оставалось бы только повѣрить справедливость этихъ показаній.

ЗНАНІЕ НАРОДА, СЪ КОТОРЫМЪ ВЕДЕТСЯ ВОЙНА.

Когда генералъ знаетъ свой народъ и армію, которую могутъ поручить его командованію, онъ долженъ, разумѣется, предугадать непріятелей, съ которыми есть вѣроятность вести когда либо войну. Онъ долженъ стараться распознать ихъ военный характеръ, ихъ страсти, добродѣтели, наклонности и пороки; однимъ словомъ, онъ такъ же долженъ изучить этотъ народъ, какъ изучалъ своихъ соотечественниковъ; но онъ долженъ это сдѣлать съ цѣлію совершенно противоположною прежней, и именно потому, чтобы дѣйствовать всегда во вредъ непріятелю и вопреки его желаній. Для узнанія иностранной націи, съ которою ведется война, генералъ не долженъ ограничиваться только изученіемъ ея исторіи; самыя точныя свѣдѣнія о ней не объяснятъ ему того, что онъ можетъ изучить путешествуя по этой странѣ. Поэтому мы желали бы, чтобы при посольствахъ всегда находились офицеры со способностями и чтобы посланниками были генералы. Во Франціи, въ военномъ министерствѣ, существуетъ особенное отдѣленіе военной статистики, гдѣ собраны документы и замѣчанія, болѣе или менѣе вѣрныя, объ иностранныхъ государствахъ, съ которыми генераламъ слѣдовало бы познакомиться: остается приложить стараніе къ пополненію этихъ свѣдѣній.

При нашихъ бюджетахъ и отчетахъ, ничего у насъ не скрываютъ, но такъ ли дѣлается въ прочихъ государствахъ? Разумѣется, нѣтъ; все, что относится до государственныхъ силъ, до средствъ атаки и обороны, держатъ въ секретѣ,—и хорошо дѣлаютъ.

Англійское правительство, которое смотритъ съ такою завистью на каждый камень, поставленный въ защиту Франціи, покрываетъ свои берега крѣпостями и постоянно усиливаетъ свой военный флотъ, подъ предлогомъ распространенія торговыхъ сношеній. Всѣ первостепенныя государства Европы собираютъ ежегодно войска въ учебные лагери; въ этихъ большихъ сборахъ много полезнаго для военныхъ. Намъ желательно, чтобы Франція не отставала въ этомъ случаѣ отъ другихъ и посылала въ подобные лагери болѣе офицеровъ, чѣмъ до сихъ поръ, тѣмъ болѣе что такимъ посѣщеніямъ вездѣ бываютъ очень рады. Россійскій императоръ часто доказывалъ это, такъ же какъ и наши принцы въ Компіенѣ.

Наконецъ, вотъ предметы, на которые генералъ долженъ обращать вниманіе въ отношеніи къ иностранной націи; мы ихъ заимствуемъ у извѣстнаго писателя. «Военныя упражненія, говоритъ онъ, должны обращать на себя вниманіе воина наблюдательнаго; онъ долженъ знать число войскъ, которыя содержитъ государство постоянно, и количество, которымъ онъ можетъ его усилить; соразмѣрность между различными родами оружія; какимъ образомъ каждая часть вооружена, одѣта, составлена; каковы дисциплина, узаконенія, приказы, обычаи, военныя награды и наказанія; нравственныя и физическія качества людей; образъ формированія войскъ постоянный и временной; средства, употребляемыя для перехода отъ одного къ другому; ихъ ученія, маневры, наконецъ, крѣпости и всѣ военныя учрежденія. Потомъ нужно стараться узнать границы, рѣки, дороги, горы, долины, ущелья и другіе предметы, которые представляетъ земля непріятельская; климатъ, продолжительность и температуру каждаго времени года; родъ болѣзней, мѣстныя средства, для ихъ излеченія, наиболѣе употребляемыя; общую администрацію, народонаселеніе, торговлю, богатство, количество скота, жилища, удовольствія, пищу, обыкновенное питье, однимъ словомъ всѣ мѣстныя средства; искусства, науки, которыми тамъ занимаются, и проч.» Вотъ предметы, которые необходимо узнать каждому военному, когда онъ путешествуетъ въ иностранномъ государствѣ, не пренебрегая ни одною изъ этихъ подробностей, какъ бы она ни казалась мелкою; въ противномъ случаѣ онъ не можетъ надѣяться на успѣхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо для него столь же важно имѣть совершенно вѣрное понятіе о націи, съ которою придется ему вести войну, какъ и о той, которой войсками онъ начальствуетъ. Наполеонъ, въ 1812 г., не предвидѣлъ, до чего можетъ дойти патріотизмъ Русскихъ при защитѣ отъ его вторженія; онъ самъ гдѣ-то сказалъ, что никогда не ожидалъ, чтобъ этотъ народъ сталъ опустошать свою землю и рѣшился самъ сжечь свою древнюю столицу. Это была ошибка. Наполеонъ долженъ былъ знать, что, подъ Полтавою, военный совѣтъ предложилъ государю, какъ мы выше упомянули, опустошить страну на протяженіи ста миль въ окружности: средство, на которое, къ счастію, Петръ Великій не согласился.

НЕОБХОДИМОСТЬ ЗНАТЬ СВОЙСТВА НЕПРІЯТЕЛЬСКАГО ГЕНЕРАЛА.

Всѣ познанія, о которыхъ мы упоминали, и всѣ тѣ, о которыхъ будемъ говорить впослѣдствіи, сдѣлались бы безполезными для главнокомандующаго, еслибъ онъ притомъ не зналъ хорошо и генерала, противъ котораго дѣйствуетъ: при этомъ знаніи онъ легко будетъ угадывать намѣренія непріятельскаго главнокомандующаго и средства, избираемыя имъ для исполненія этихъ намѣреній; онъ будетъ въ состояніи вездѣ предупреждать его и уничтожать его предпріятія; ему откроется возможность самому составить планъ, котораго исполненіе будетъ тѣмъ вѣрнѣе, что оно будетъ разсчитано на вѣрныхъ данныхъ. Но какія свѣдѣнія долженъ пріобрѣсти генералъ о своемъ соперникѣ? Онъ долженъ знать мѣру его способностей, его нравственныя и физическія качества, родъ его храбрости, его страсти и даже причуды; однимъ словомъ — генералъ долженъ знать начальника, который ему противупоставленъ, какъ самаго себя; а выше мы сказали, въ какомъ отношеніи главнокомандующій арміи долженъ изучать самаго себя. Для доказательства необходимости пріобрѣсть вѣрное понятіе о генералѣ непріятельскихъ войскъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ: Тюрень осаждалъ Камбрэ; великій Конде хотѣлъ ввести вспомогательное войско въ эту крѣпость; чтобы ему воспрепятствовать въ томъ, Тюрень поставилъ сначала правое крыло своей кавалеріи на одну изъ большихъ дорогъ, ведущихъ къ городу. Но черезъ два часа, разсудивъ, что побѣдитель при Рокруа по своему благоразумію не пойдетъ въ подобномъ случаѣ по большой дорогѣ, переставилъ свою кавалерію на маленькую тропинку, ведущую также къ городу. Принцъ, съ своей стороны, предугадывая этотъ разсчетъ маршала, выступилъ съ тремя тысячами кавалеріи по большой дорогѣ, и вошелъ въ Камбрэ безъ всякаго затрудненія. Такимъ образомъ знаніе непріятельскаго генерала болѣе послужило Конде, чѣмъ могла бы послужить ему вся его храбрость. Разумѣется, говоритъ историкъ, у котораго заимствованъ этотъ примѣръ, Тюрень сдѣлалъ ошибку: защая тропинку, онъ не долженъ былъ оставлять вовсе безъ защиты и большую дорогу. Но пусть послужитъ эта ошибка примѣромъ, пусть докажетъ она, что никогда нельзя безошибочно разсчитывать на страсти, на невѣдѣніе и даже на искусство непріятельскаго генерала, и не исполнять правилъ, предписываемыхъ осторожностью, наконецъ — пусть покажетъ она еще, что должно всегда предполагать и то, что соперникъ можетъ иногда сдѣлать вѣрное заключеніе, подавить свою господствующую страсть въ рѣшительную минуту, или принять благой совѣтъ и имъ воспользоваться; человѣкъ медлительный и осторожный иногда явиться дѣятельнымъ и предпріимчивымъ: опытный же человѣкъ легко можетъ впасть въ ошиб-

ку или отъ полученія невѣрныхъ свѣдѣній, или потому, что иногда долженъ въ критическую минуту рѣшиться на все.

Такимъ образомъ, въ сраженіи при Дененѣ, ошибка маршала Виллара, которая могла повлечь за собою совершенное его пораженіе, была причиною блистательной побѣды. Какъ принцъ Евгеній былъ въ полной увѣренности, что этотъ искусный генералъ не рѣшится на движеніе столь опасное, какъ переходъ черезъ рѣку, когда непріятель во флангѣ, то онъ только тогда повѣрилъ, что Французы стараются перейти черезъ Шельду, когда уже не могъ имъ воспрепятствовать. Но если мнѣніе, составленное принцемъ Евгеніемъ объ его противникѣ, помѣшало ему однажды воспользоваться удобнымъ моментомъ, то сколько разъ это знаніе было ему полезно. Одно изъ правилъ, которымъ слѣдовалъ сей великій полководецъ, состояло въ томъ, что передъ открытіемъ кампаніи, каждый главнокомандующій долженъ основательно узнать непріятельскихъ генераловъ. Совершенное знаніе противниковъ много способствовало огромнымъ успѣхамъ генерала Бонапарте въ кампанію 1796 г. въ Италіи; самонадѣянность Австрійцевъ влекла ихъ изъ одной ошибки въ другую. Первою было презрѣніе ихъ къ молодому генералу, котораго геній уже проявился и вскорѣ заставилъ ихъ дорого поплатиться за это презрѣніе. Впрочемъ, Наполеонъ, при началѣ своего поприща, импровизировалъ, перемѣнялъ поминутно старую систему войны, уничтожалъ прежнюю стратегію точно такъ же, какъ и непріятельскіе отряды, которые онъ разбивалъ порознь, и вознаграждалъ малочисленность дѣятельностью, столько же необыкновенною, сколько искусною. Тоже самое мы видимъ въ кампаніи 1814 г., которая, несмотря на свои послѣдствія, въ состояніи была одна его обезсмертить, еслибъ онъ уже не опередилъ своею славою самыхъ замѣчательныхъ полководцевъ древнихъ и новыхъ временъ, въ великихъ войнахъ и въ безсмертныхъ сраженіяхъ своихъ. Наполеонъ, такъ же какъ и принцъ Евгеній, не пренебрегалъ тѣмъ, что могло ему служить къ узнанію своихъ противниковъ, и дѣйствовалъ различно, смотря по характеру и искусству ихъ. Исторія замѣтитъ его осторожность въ дѣйствіяхъ противъ эрцгерцога Карла, котораго онъ весьма уважалъ, несмотря на то, что всегда побѣждалъ его. Въ послѣднюю кампанію этого великаго человѣка въ 1815 г., имѣя противниками Веллингтона и Блюхера, онъ предпочелъ сперва остановить послѣдняго и разбилъ его при Флерюсѣ, потому что, зная его дѣятельность и стремительность, онъ хотѣлъ его поставить въ невозможность подоспѣть на помощь Веллингтону, который, напротивъ, по своей медленности и методическому образу дѣйствій, не поспѣлъ бы вовремя, въ какомъ бы положеніи ни былъ его союзникъ. Вообще, для узнанія своихъ противниковъ, нужно слѣдовать примѣрамъ принца Евгенія и Наполеона: и тотъ — и другой — не пренебрегали никакими средствами относительно столь важнаго предмета. Нужно пользоваться всѣми случаями для пріобрѣтенія свѣдѣній о способностяхъ непріятельскихъ генераловъ, входя въ разговоры съ иностранцами, допраши-

вая плѣнныхъ и дезертировъ. Во время путешествій нужно стараться знакомиться съ военными, которые, отличаясь талантами, могутъ современемъ быть главнокомандующими арміями; надобно изучать ихъ характеры, ихъ привычки; однимъ словомъ, стараться заранѣе узнавать то, что необходимо знать во время военныхъ дѣйствій. Сколько имѣлъ бы на своей сторонѣ выгодъ генералъ, состоящій посланникомъ въ государствѣ, противъ котораго ему пришлось бы, впослѣдствіи, вести войну, особенно еслибъ онъ умѣлъ вести себя осторожно, и, изучая другихъ, скрывать собственныя свои способности и характеръ. Если война открывается, а генералъ не успѣлъ пріобрѣсти свѣдѣній о своемъ противникѣ, то это не должно его безпокоить: на это есть еще время. Для этого полезно ему собрать всевозможныя свѣдѣнія у офицеровъ, которые служили подъ начальствомъ его противника, или которые были съ нимъ въ какихъ нибудь близкихъ сношеніяхъ. Посредствомъ этихъ справокъ, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка, и въ особенности въ нынѣшнее время, когда сношенія между государствами болѣе и болѣе усиливаются, можно узнать образъ жизни непріятельскаго главнокомандующаго, его характеръ и занятія его въ мирное время. Наконецъ, необходимо при началѣ кампаніи изучать малѣйшія движенія своего противника, испытывать его, наблюдать со вниманіемъ за его движеніями, за выборомъ съ его стороны позицій, изслѣдовать весь образъ его дѣйствій, — и такимъ образомъ можно вскорѣ замѣтить качества противника: смѣлъ онъ или нерѣшителенъ, свѣдущъ или нѣтъ, лѣнивъ или дѣятеленъ, остороженъ или неосмотрителенъ. Наконецъ, не нужно забывать, что знаніе генерала непріятельскаго и націи, войскомъ которой онъ командуетъ, суть самыя вѣрныя средства къ побѣдѣ.

ЗНАНІЕ СВОЙСТВЪ ГЕНЕРАЛОВЪ ВТОРОСТЕПЕННЫХЪ.

Великіе полководцы и знаменитые воины не ограничивались познаніемъ качествъ главнокомандующаго войскъ непріятельскихъ, но старались по возможности узнать характеръ и способности прочихъ генераловъ, что имъ было также не безполезно.—Сколько разъ Наполеонъ, движеніями столь же быстрыми, какъ и смѣлыми, бросался въ тылъ армій ему противупоставленныхъ и, аттакуя внезапно корпуса, не искусно управляемые, разбивалъ ихъ совершенно, прежде чѣмъ главнокомандующій могъ поспѣть имъ на помощь. Если геній долженъ служить руководствомъ для изученія военнаго искусства, то изъ множества большихъ сраженій, которыми гордится Франція, во времена Людовика XIV, республики и Наполеона, всѣмъ военнымъ, стремящимся къ пріобрѣтенію познаній, постоянно нужно изучать Италіянскіе походы Бонапарта и безсмертную кампанію 1814 года. Офицеры и въ низшихъ чинахъ не должны воображать, что имъ можно ограничиться знаніями исключительно имъ необходимыми, и пренебречь свѣдѣніями, относящимися до генераловъ: они должны

стараться пріобрѣтать и тѣ знанія, которыя могутъ современемъ способствовать имъ къ отличному исполненію болѣе важныхъ порученій. Сколько знаменитыхъ генераловъ во Франціи начали свое военное поприще рядовыми! Сколько молодыхъ офицеровъ могутъ еще и нынѣ надѣяться командовать впослѣдствіи арміями: нужно только, чтобы они сдѣлались достойными этого своимъ поведеніемъ и постоянными занятіями. Далека отъ насъ мысль — порицать въ нихъ честолюбивое стремленіе достигнуть своими достоинствами генеральскаго чина и званія главнокомандующаго; такое честолюбіе благородно, полезно и даже необходимо. Оно благородно, потому что показываетъ въ человѣкѣ энергію, величіе души и похвальную любовь къ славѣ,—качества, которыми должны быть одушевлены какъ генералы, такъ и простые солдаты. Оно полезно, потому что хорошее командованіе есть искусство, требующее долгихъ занятій и соображеній, которыхъ нельзя пріобрѣсть въ минуту исполненія: оно полезно еще тѣмъ, что офицеры, которые добиваются командованія, изучаютъ основательно всѣ порученія, имъ даваемыя, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи имѣть болѣе высокое назначеніе. Это честолюбіе необходимо, потому что, для исполненія великихъ дѣлъ, нужно предначертать себѣ цѣль трудную, которая своимъ отдаленіемъ требуетъ великихъ усилій; оно также необходимо, потому что желаніе достичь этого предѣла оживляетъ всѣ способности души нашей и тѣмъ дѣлаетъ изъ насъ совершенно новыхъ людей. Но, кромѣ того, познаніе самого себя нужно военнымъ во всѣхъ чинахъ: оно открываетъ младшему офицеру, обладаетъ ли онъ свойствами, необходимыми для перенесенія самыхъ большихъ трудовъ и презрѣнія опасностей: оно показываетъ ему, обладаетъ ли онъ тою твердостью, тою неустрашимостію души, съ помощью которой онъ можетъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; оно ему указываетъ тотъ родъ службы, которому онъ долженъ посвятить себя, и должность, къ которой онъ наиболѣе способенъ.

Но если познаніе самого себя необходимо всѣмъ офицерамъ, то тѣмъ не менѣе нужно для нихъ и знаніе человѣческаго сердца. Не должны ли они постоянно жить съ людьми? Всякій разъ когда вступаешь съ ними въ преніе, всякій разъ когда желаешь имъ привить новыя мнѣнія, или измѣнить тѣ, которыя ими усвоены, сколько нужно употребить искусства, сколько убѣжденій, и это искусство не зависитъ ли вполнѣ отъ знанія человѣческаго сердца? Между тѣмъ всѣ военные, отвѣтствуя за команду, которая имъ поручена, должны имѣть такое же вліяніе на волю, мысли и дѣйствія своихъ подчиненныхъ, какое имѣетъ главнокомандующій на всю армію. Какимъ образомъ достигли бы они этого, если бы не знали совершенно человѣческаго сердца? Чтобы усовершенствовать военное искусство и все, что къ нему относится, чтобы развить познанія людей вообще, и офицеровъ въ особенности, ученые писатели совѣтовали учредить военную академію въ Парижѣ, атеней и военныя собранія въ большихъ городахъ, гдѣ есть гарнизоны. Понятно, что, въ продолженіе вели-

кихъ нашихъ войнъ, не было времени думать объ этихъ учрежденіяхъ; но послѣ 30-лѣтняго мира должно было бы, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть этотъ вопросъ. Отчего бы, напримѣръ, въ прежнемъ Французскомъ Институтѣ, который соединяетъ въ себѣ академію словесности, наукъ, искусствъ, нравственности, политики и проч., не имѣть такой же академіи для военныхъ наукъ и искусствъ? Сколько уже говорили и сколько можно бы еще сказать о пользѣ такого учрежденія? Какъ подстрекнуло бы оно соревнованіе военныхъ, любящихъ ученіе! Сколько эта академія помогала бы своими свѣдѣніями военному министерству въ важныхъ дѣлахъ, которыя подлежатъ его рѣшенію! Объ этомъ можно судить по той помощи, которую приносятъ существующія академіи прочихъ вѣдомствъ. Можно написать цѣлый томъ о выгодахъ отдѣльной и самостоятельной военной академіи, выгодахъ, которыя никогда не получаются отъ частныхъ комитетовъ. Но здѣсь этотъ предметъ не долженъ насъ увлечь слишкомъ далеко: довольно на него указать, а читатель, который хотѣлъ бы ближе съ нимъ познакомиться, можетъ обратиться къ авторамъ прошлаго столѣтія. — Если бы существовало въ Парижѣ собраніе, военный атеней, то офицеры бывали бы въ немъ съ пользою всякій день; они находили бы тамъ избранныя книги и изданія, относящіяся къ ихъ ремеслу; ученые офицеры могли бы читать лекціи и заниматься учеными диссертаціями; эти лекціи послужили бы образцами для тѣхъ, которыя мы совѣтовали учредить въ городахъ, гдѣ есть гарнизоны, и даже при корпусахъ. Офицеры въ этомъ атенеѣ познакомились бы между собою и оцѣнили бы другъ друга. Военная академія давала бы направленіе Парижскому атенею, а послѣдній—всей арміи. Въ Лондонѣ, Вѣнѣ и во многихъ другихъ столицахъ Европы существуютъ собранія военныхъ, куда всѣ офицеры, въ какомъ бы чинѣ ни состояли, приходятъ въ извѣстные часы дня и куда съ удовольствіемъ принимаютъ всѣхъ офицеровъ иностранныхъ. Изъ всѣхъ городовъ въ свѣтѣ Парижъ есть удобнѣйшій къ образованію военнаго атенея, лишь бы только военный министръ поддержалъ его, и нельзя сомнѣваться, что тотъ, кто возымѣетъ эту мысль и осуществитъ ее, увѣнчаетъ имя свое новою славою.

ГЛАВА II.

ЗНАНІЕ ВОЕННАГО ИСКУССТВА.

Можетъ ли главнокомандующій надѣяться на успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ, ежели онъ не превосходитъ, по части военнаго искусства, генерала непріятельскаго? Побѣда больше зависитъ отъ распоряженій полководца, чѣмъ отъ храбрости сражающихся. Всѣ, изучавшіе исторію, понимаютъ эту истину; но какъ могутъ встрѣ-

титься между порицателями ея и такіе, которые добиваются командованія болѣе не прямыми средствами, чѣмъ путемъ знаній и достоинствъ, то и докажемъ, историческими фактами, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, побѣда сопровождала чаще войска искусно предводимыя, нежели многочисленныя. Мы не будемъ напоминать о тѣхъ древнихъ народахъ, которыхъ войны представляются намъ не ясно. Въ тѣ первобытныя времена часто начинали войну безъ плана, безъ намѣренія, не зная куда обратиться; не знали какъ раздѣлять армію на различные отряды и какимъ образомъ дѣйствовать ими съ выгодою. Обратимъ сначала наше вниманіе на вѣкъ Александра; потомъ бросимъ взглядъ на знаменитыя Греческія республики, гдѣ военное искусство сдѣлало больше успѣховъ чѣмъ въ другихъ земляхъ, потому что онѣ вели войну небольшими арміями и потому въ особенности, что любовь къ отчизнѣ придавала большое уваженіе военному ремеслу. Потомъ перейдемъ къ вѣкамъ болѣе къ намъ близкимъ; они представятъ намъ примѣры тѣмъ болѣе поучительные, чѣмъ менѣе можно сомнѣваться въ истинѣ этихъ происшествій. Изъ исторіи мы видимъ, какъ легко Александръ разбивалъ Персовъ всегда, когда ими командовалъ царь ихъ, и какъ трудно доставалась Македонянамъ побѣда, когда Дарій поручалъ войско своимъ намѣстникамъ, превосходившимъ его въ военномъ искусствѣ; является Поръ: этотъ царь искуснѣе всѣхъ, до тѣхъ поръ побѣжденныхъ Александромъ: успѣхъ долго колеблется, и Греки дорого платятъ за побѣду.

До Эпаминонда, Ѳивы едва были замѣтны между республиками Греціи. Во время жизни этого великаго человѣка, Ѳивяне располагали судьбою прочихъ республикъ Греціи, а послѣ него—сдѣлались извѣстны только своими несчастіями. Ѳемистоклъ погибаетъ отъ соперничества и зависти; онъ болѣе не командуетъ Аѳинскими арміями, а служитъ въ нихъ рядовымъ. Даютъ сраженіе; Аѳиняне въ безпорядкѣ, ихъ непріятели увѣрены въ успѣхѣ. Но какъ Ѳемистоклъ еще живъ, то участь сраженія можетъ еще перемѣниться; нѣсколько солдатъ узнаютъ героя во время схватки; они вспоминаютъ его великія дѣла, единодушно провозглашаютъ его своимъ начальникомъ и—побѣда остается за нимъ. Въ то время когда Кимонъ начальствуетъ Аѳинскими арміями, онѣ побѣждаютъ непріятелей. Этотъ полководецъ изгнанъ остракизмомъ; не хотятъ даже, чтобы онъ сражался простымъ солдатомъ: Аѳиняне разбиты. Пока Агезилай во главѣ арміи Лаконскихъ, Спартанцы всегда остаются побѣдителями; опасная болѣзнь не позволяетъ ему вести войска и — они разбиты. Лишь только онъ опять принимаетъ командованіе — Спарта беретъ верхъ. Аѳиняне осаждаютъ Сиракузы; они надѣются скоро овладѣть городомъ, а затѣмъ всею Сициліею; но Спартанцы посылаютъ Гилиппа на помощь осажденнымъ; этотъ полководецъ увѣдомляетъ Аѳинянъ, чтобы они въ теченіе пяти дней очистили островъ. Послѣдніе, зная что Гилиппъ прибылъ безъ войска, спрашиваютъ герольда, можетъ ли одинъ Спартанецъ перемѣнить положеніе дѣлъ? Разумѣется, от-

вѣчалъ онъ:—только великій полководецъ можетъ произвесть такую перемѣну», — и Аѳиняне испытали это самымъ ужаснымъ образомъ.

Римъ всѣхъ побѣждаетъ. Спартанецъ Ксантипъ прибылъ одинъ на помощь Карѳагену и—Карѳагеняне торжествуютъ. Римляне посылаютъ противъ Аннибала по очереди то полководцевъ искусныхъ. то ничтожныхъ, и успѣхи столько же перемѣнчивы, сколько и таланты предводителей, которымъ они поручаютъ свои войска. Въ войнѣ противъ Митридата они испытали тоже самое. Жизнь Велизарія доказываетъ ту же истину. Персы одержали верхъ надъ Римлянами. Юстиніанъ назначаетъ Велизарія полководцемъ на Востокѣ, и въ скоромъ времени Персы разбиты. Гунны дѣлаютъ вторженіе въ земли имперіи; никто не можетъ остановить ихъ; они уже въ ста пятидесяти стадіяхъ отъ Константинополя; хотя Велизарій, обремененный лѣтами, едва въ силахъ поднять оружіе, однакоже онъ идетъ противъ нихъ съ горстью солдатъ и спасаетъ имперію отъ опасностей, которыя ей угрожаютъ. Этотъ великій человѣкъ овладѣваетъ Сициліею; вездѣ разбиваетъ Готовъ. Юстиніанъ отзываетъ его, и варвары снова остаются побѣдителями. Филиппъ-Августъ остался побѣдителемъ при Бувинѣ оттого, что монахъ Геренъ искусно расположилъ его армію. Не числительность, не храбрость были причиною побѣдъ враговъ Франціи на столь знаменитыхъ поляхъ при Креси, Поатье и Азинкурѣ, но неопытность Филиппа, невѣжество д'Альбрè, неосторожность короля Іоанна и доказанное преимущество Генриха, Эдуарда и принца Валлійскаго. Пока Дюгескленъ въ Испаніи—Англичане побѣждаютъ Французовъ; онъ возвращается во Францію — вездѣ непріятели разбиты. Въ этотъ вѣкъ, въ которомъ искусство войны сдѣлало такъ мало успѣховъ, Карлъ Мудрый всетаки увѣренъ, что умныя распоряженія Дюгесклена могутъ способствовать побѣдѣ; поэтому онъ отвѣчаетъ Кноллу: «Да, я сражался бы, еслибъ имѣлъ Дюгесклена, чтобы поставить войска въ боевой порядокъ.» При Немурѣ дѣла Французовъ шли успѣшно въ Италіи; онъ умираетъ; при Ла-Тремуйль и Тривульсѣ, его преемникахъ, все принимаетъ другой оборотъ. Боннивѐ былъ еще болѣе несчастливъ, потому что онъ былъ еще менѣе искусенъ. Бервикъ—то страхъ, то опора своихъ властителей,—даетъ скипертъ по своему желанію и побѣда всегда остается на сторонѣ того, кому онъ покровительствуетъ. Французы при С. Кентенѣ совершенно разбиты; они поручаютъ герцогу Гизу командованіе войсками и—несчастія Франціи прекращаются; союзники приведены въ оборонительное положеніе и Кале взятъ обратно. Генрихъ IV сражается при Аркѣ и Иври; онъ одерживаетъ легкую побѣду; герцогъ Пармскій дѣлается его соперникомъ, и герою, отцу Французовъ, побѣда обходится уже не такъ дешево. До Густава, Тилли постоянно побѣждаетъ Шведовъ: король Шведскій принимаетъ начальство надъ своимъ войскомъ — Тилли разбитъ. Развѣ Тюрень случайно спасъ дворъ при Гьенѣ и Францію въ сраженіи при Дюнахъ? Могло ли быть дѣломъ случая то, что Французская армія должна была отсту-

вить послѣ несчастнаго сраженія при Зальсбахѣ? Развѣ случайно въ Италіи Катина удержался противъ Евгенія, Виллероа былъ разбиваемъ вездѣ и наконецъ взятъ въ плѣнъ, а по прибытіи Вандома дѣла Французовъ поправились. Филиппъ V былъ не твердъ на тронѣ; является Вандомъ, побѣждаетъ при Альманцѣ, и Людовикъ XIV говоритъ: «Вотъ что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ.» Вѣрно императоръ Карлъ IV не приписалъ случаю несчастій, которыя испытала имперія послѣ смерти Евгенія? Развѣ вся Европа не согласилась, что побѣдою при Флерюсѣ въ 1690 г. единственно были обязаны геніальности Французкаго полководца; что Люксенбуръ не всегда былъ бы счастливъ, еслибъ онъ былъ только счастливъ, и что смертью этого генерала окончились успѣхи Людовика XIV? Заключая этотъ знаменитый періодъ, столько разъ прославленный великимъ Фридрихомъ, можно ли думать, что побѣда, постоянно сопровождавшая знамена Ледигіера, Густава и Морица Саксонскаго и измѣнявшая постоянно генераламъ, съ которыми сражались эти великіе люди, зависѣла только отъ слѣпаго и непостояннаго счастья? [1]) Но приступимъ теперь къ войнамъ революціи. Сколько мы увидимъ въ нихъ фактовъ, которые служатъ подтвержденіемъ той же истины. Кто не содрогался, читая какъ Дюмурье, этотъ ученикъ Фридриха Великаго, защищалъ Аргонскія дефилеи,—или пробѣгая страницы, изображающія намъ Итальянскую кампанію 1796 г.? Не доказываетъ ли генералъ Бонапарте, при началѣ своего поприща, всю силу генія и знаній? Съ арміею малочисленною, нуждающеюся во всемъ, онъ вытѣсняетъ изъ Италіи четырехъ генераловъ опытныхъ, командующихъ четырьмя пріученными къ войнѣ арміями!

Не вслѣдствіе ли самой глубокой стратегіи, Массена побѣдилъ при Цюрихѣ, а принцъ Карлъ, передъ тѣмъ, обманулъ Моро и разбилъ Журдана? Въ Египетской экспедиціи вездѣ наука беретъ верхъ надъ численностью и храбростью. Бонапарте оставляетъ Италію и побѣда оставляетъ Французовъ. Бонапарте возвращается, а вмѣстѣ съ нимъ возвращается и побѣда.

Приходило ли кому нибудь на мысль, чтобы сраженіе при Маренго и столько другихъ славныхъ сраженій были слѣдствіемъ случая? При Аустерлицѣ, подъ Ваграмомъ, при Іенѣ, при Экмюлѣ; при Регенсбургѣ, императору не были развѣ противупоставлены генералы ученые и войска опытныя, столь же привыкшія къ войнѣ, сколько и его? При Люценѣ, Бауценѣ Французы не были ли малочисленнѣе и почти безъ кавалеріи? Наконецъ не удивлялся ли цѣлый свѣтъ кампаніи 1814 г., гдѣ императоръ показалъ обширность своихъ свѣдѣній и величайшій геній древнихъ и новѣйшихъ временъ? Дѣйствительно, сколько войскъ оставалось у него для защиты отечества противъ союза націй Европы? Нѣсколько тысячъ старыхъ солдатъ усталыхъ, израненыхъ и съ ними 80,000 рекрутъ: исторія засвидѣтель-

[1]) Суворовъ говаривалъ: «Сегодня счатье, завтра счастье, помилуй Богъ, надо и ума немножко». (Прим. Перев.)

ствуетъ, что если бы не измѣна и слабость нѣкоторыхъ начальниковъ—имперія удержалась бы. Какой полководецъ, какой герой, подобно Наполеону, палъ съ такою славою, не бывъ побѣжденнымъ? Союзники объявляютъ, что они дѣйствуютъ лично противъ него, а не противъ Франціи; онъ наконецъ удаляется и оставляетъ Францію истощенную, какъ душа оставляетъ тѣло, которое она оживляла. Въ тоже время, одинъ изъ славнѣйшихъ генераловъ его дѣйствіями своими оправдываетъ мнѣніе, что искусство всегда имѣетъ преимущество передъ силою. Маршалъ Сультъ, на высотахъ Тулузы, имѣя едва восемнадцать тысячъ войскъ, удерживалъ счастливо армію Англо-испанскую, состоявшую изъ 80,000 человѣкъ, и могъ уничтожить ее, еслибъ молодой маршалъ Сюше, забывая всякое другое чувство при мысли объ отечествѣ, пришелъ бы на помощь главнокомандующему, съ отличнымъ корпусомъ, которымъ онъ командовалъ въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ Тулузы. Едва прошелъ годъ, какъ снова является Наполеонъ, создаетъ новую армію, составляетъ новый планъ послѣдней своей кампаніи, побѣждаетъ при Флерюсѣ: все предвѣщаетъ полный успѣхъ, и дѣйствительно Англійская армія готовится къ отступленію. Но, увы! половина арміи героя не внемлетъ его голосу; напрасно онъ призываетъ ее: вмѣсто нея является непріятель. Побѣда, орелъ и солнце—все устремилось къ океану, и черезъ пять лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того императоръ умираетъ на далекой скалѣ жертвою коварства Англіи!

Но оставимъ это воспоминаніе и возвратимся къ главному предмету. Можно сказать, что одной жизни Наполеона достаточно для доказательства, что на войнѣ первенство принадлежитъ не сильнѣйшему, но наиболѣе знающему. Намъ могутъ замѣтить, что много значитъ храбрость, сила военныхъ постановленій и дисциплина! Разумѣется, хорошій составъ войскъ, ихъ точность въ исполненіи, ихъ твердость имѣютъ сильное вліяніе на успѣхъ; но эти качества, равно какъ и всѣ тѣ, которыя содѣйствуютъ побѣдамъ, усиливаются при генералѣ способномъ; онъ съумѣетъ вовремя возбудить, воспламенить храбрость и удержать ее; онъ съумѣетъ, если нужно, усилить дисциплину и устранить главнѣйшіе недостатки организаціи войскъ. Случай и счастіе имѣютъ на войнѣ мало вліянія; искусный генералъ почти всегда склоняетъ счастіе на свою сторону, и если иногда люди завистливые и неблагонамѣренные помѣшаютъ его успѣху, то онъ съумѣетъ возвратить его себѣ искусствомъ и ловкостью. Причиною пораженія Тюреня при Маріендалѣ, Конде при Дюнахъ и Евгенія при Дененѣ,—были ошибки этихъ генераловъ, какъ они и сами въ этомъ сознались; точно такъ же и Марльборо, этотъ достойный товарищъ Евгенія, этотъ счастливый соперникъ Вандома и Виллара, когда его поздравляли съ побѣдой, отвѣтилъ: «Я вамъ скажу причину моихъ успѣховъ. Я дѣлалъ ошибки, но противники мои ошибались чаще меня». Наполеонъ при отступленіи изъ Россіи тоже говорилъ: «Всѣ мы дѣлали ошибки, кромѣ Евгенія Богарне». Слѣдовательно, побѣда всегда остается на сторонѣ генерала, который соеди-

няетъ въ себѣ болѣе свѣдѣній;—мы теперь видѣли это. Но какъ природа не дала человѣку дара всевѣдѣнія, то раждается вопросъ: что дѣлать военному, который пріуготовляетъ себя современемъ командовать арміями? Онъ долженъ изучать съ постоянствомъ все до него касающееся; долженъ знать все, что относится до мѣста имъ занимаемаго, до его назначенія, и стараться познаніями въ этихъ частяхъ опередить всѣхъ слѣдующихъ съ нимъ по одному поприщу. Простительно ли генералу незнающему военнаго дѣла—заниматься изящними искусствами, политикою, пренебрегать тактикой и стратегіею для парламентскихъ преній? Простительно ли ему играть въ карты, оставляя безъ вниманія военныя карты и богатые стратегическіе планы великихъ кампаній? Прежде нежели генералъ станетъ заниматься изящными искусствами, онъ долженъ соединить въ себѣ, какъ Фридрихъ II, всѣ познанія великаго генерала и подобно этому герою увѣнчаться славою. Пока военный человѣкъ этого еще не достигнулъ,—онъ долженъ заниматься единственно пріобрѣтеніемъ свѣдѣній, относящихся къ его званію. Но какъ всѣ эти свѣдѣнія не одинаковой важности, то онъ долженъ сперва пріобрѣсти тѣ, которыя мы включили въ число необходимыхъ: слѣдовательно главнымъ дѣломъ его будетъ изученіе военнаго искусства.

ИЗУЧЕНІЕ ВОЕННАГО ИСКУССТВА.

Говоря о познаніи людей, мы рѣдко указывали генералу на книги; мы совѣтовали ему узнавать себя, свое сердце, свой умъ, бывать часто въ свѣтѣ, однимъ словомъ — жить съ людьми, не пренебрегая, между тѣмъ, исторіею. Примѣры, встрѣчаемые нами въ обществѣ, впечатлѣваются въ душѣ нашей сильнѣе, чѣмъ примѣры и уроки, которые мы находимъ у себя въ кабинетѣ. Но чтобы познакомиться съ предметами, относящимися до военнаго искусства, генералъ долженъ слѣдовать совершенно по другому пути: онъ долженъ соединять съ основательнымъ изученіемъ книгъ постоянно напряженное вниманіе, точныя наблюденія и внимательное соображеніе. Его не должны пугать уединеніе и мѣрный образъ жизни, нами ему предлагаемый; для ума сначала тягостно все, что сильно занимаетъ, все, что представляетъ ему предметъ размышленія и труда; любовь къ разсѣянности и къ удовольствіямъ возстаетъ противъ этихъ мнимыхъ лишеній; но вскорѣ глубокіе разсчеты, соображенія важныя и отвлеченныя,—все, что съ перваго раза кажется столь тяжкимъ, жестокимъ, несноснымъ, — начинаетъ привлекать, привязывать и дѣлается источникомъ удовольствій самыхъ чистыхъ и наслажденій существенныхъ. Первое самое необходимое изъ знаній, знаніе, которымъ можно замѣнить не только всѣ другія, но даже, до нѣкоторой степени, и достоинства нравственныя и физическія, знаніе котораго отсутствіе дѣлаетъ прочія свѣдѣнія безполезными, это—наука войны.

Эта наука столь же обширная, сколько и многосложная, составленная изъ соединенія многихъ наукъ, сцѣпленныхъ между собою

и взаимно одна другую поддерживающихъ, такъ что невозможно отдѣлить ни одного звена, не разорвавъ этой цѣпи,—эта наука—должна быть первымъ и главнѣйшимъ занятіемъ генерала. Но да не ограничится онъ знаніями поверхностными, при которыхъ кажется извѣстнымъ то, чего на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не знаешь; а это составляетъ, по мнѣнію одного автора, ступень, которая ниже невѣдѣнія. Однакожъ пусть генералъ не думаетъ изслѣдовать до основанія всѣ вѣтви военнаго искусства; дѣтство человѣка слишкомъ продолжительно; юноша слишкомъ преданъ удовольствіямъ; въ молодости человѣкъ черезъ мѣру увлекается порывами страстей; въ зрѣломъ возрастѣ онъ невольникъ пустыхъ и мелкихъ обязанностей; его старость наступаетъ преждевременно; его физическія потребности и болѣзни такъ многочисленны, умъ такъ ограниченъ, воспитаніе его такъ пренебрежно, что онъ не въ состояніи изучить въ подробности всѣ части военной науки. Слѣдовательно онъ долженъ ограничиться только особенно нужными для начальника свѣдѣніями, въ которыхъ его замѣнить некому, какъ-то: свѣдѣніями о движеніяхъ различныхъ родовъ войскъ отдѣльно и въ совокупности, о прикрытіяхъ, объ отдѣльныхъ отрядахъ, о сообщеніяхъ, объ общемъ ходѣ продовольствія и фуража, о выборѣ мѣста сраженія, объ образѣ дѣйствія войскъ; о диспозиціяхъ въ случаѣ побѣды или пораженія. Онъ долженъ, разумѣется, какъ мы ниже увидимъ, изучить искусство Вобана и артиллерійское искусство; ему необходимо знать способы продовольствованія арміи, расположеніе на позиціи и лагеремъ, укрѣпленіе ихъ, все, что относится до походныхъ госпиталей, до госпиталей вообще, до перевозки военныхъ припасовъ, больныхъ, раненыхъ: все это должно быть ему извѣстно. Но при изученіи, или примѣненіи къ практикѣ, нѣкоторыхъ изъ этихъ второстепенностей военнаго искусства, ему не для чего вникать во всѣ подробности: ему надобно сберечь свои силы и время для размышленія о предметахъ важнѣйшихъ и для приведенія ихъ въ исполненіе.—Раздѣленіе, нами сдѣланное, значительно уменьшитъ занятія генерала; но какъ военная наука представляетъ, не смотря на это ограниченіе, поле обширное и трудное, ибо общія правила рѣдко и не легко могутъ быть примѣняемы, хорошіе путеводители встрѣчаются не часто и не вдругъ узнаются, а опыты, могущіе направить надлежащимъ образомъ мысли и повѣрить новыя открытія, почти невозможны, то мы должны стараться уменьшить эти трудности, указавъ военнымъ источники, къ которымъ они могутъ обратиться. Въ прошломъ столѣтіи военные ученые были раздѣлены, какъ и литераторы, на два лагеря: на порицателей древности и ея защитниковъ. Порицатели ея говорили: «Изобрѣтеніе пороха и машинъ, которыя были необходимымъ слѣдствіемъ этого изобрѣтенія, измѣнили устройство государствъ и армій; слѣдовательно образъ войны измѣнился, и всѣ древнія тактическія сочиненія Грековъ и Римлянъ безполезны». Защитники древности, въ свою очередь, говорили: «Изобрѣтенія новѣйшія и измѣненія въ устройствѣ государствъ не произвели никакой существенной перемѣны въ

образѣ веденія войны; слѣдовательно Греки и Римляне, эти два знаменитые народа, должны быть нашими учителями въ этомъ искусствѣ, также какъ и во всѣхъ другихъ родахъ, гдѣ они намъ служатъ образцами». Мнѣніе первыхъ можно и теперь подтвердить быстрыми успѣхами артиллеріи и употребленія ея на рѣшительныхъ пунктахъ Наполеономъ. Тѣмъ не менѣе, мы скажемъ, что генералъ будетъ дѣйствительно искусенъ только тогда, когда узнаетъ древнихъ авторовъ и изучитъ новѣйшихъ. Онъ долженъ всегда начать чтеніемъ древнихъ, ибо они, такъ сказать, служатъ источникомъ всѣхъ военныхъ свѣдѣній. Дѣйствительно, хотя въ новѣйшія времена военное искусство усовершенствовано, однакожъ древними оно создано, и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, пріятно познакомиться съ подлинниками. И потому для первоначальнаго чтенія мы предлагаемъ сочиненія, которыхъ каталогъ помѣщенъ въ концѣ нашего разсужденія.

Въ этомъ исчисленіи сочиненій мы только указали, въ числѣ другихъ, на ученые труды генерала Жомини; въ своемъ «Précis de l'art la guerre»,— сочиненіи, которое должно особенно обратить вниманіе занимающихся военными науками офицеровъ: авторъ сей наиболѣе отличается ясностью взглядовъ и знаніемъ, которое тутъ обнаруживается во всемъ.—Таково мнѣніе людей самыхъ основательныхъ, которые считаютъ также образцовымъ сочиненіемъ по этой части: «Esprit des institutions militaires» маршала Мармона. Но остановимся на этомъ; дальнѣйшее исчисленіе книгъ испугало бы читателя. Впрочемъ, авторовъ, нами поименованныхъ, достаточно для усвоенія огромнаго запаса свѣдѣній; нужно только привести въ систему общія правила, ими преподаваемыя, основныя аксіомы, ими установленныя, примѣры, ими приводимые, и слѣдствія, извлекаемыя изъ этихъ примѣровъ. Послѣ продолжительнаго изученія дидактическихъ сочиненій можно начать приложеніе теоріи къ практикѣ, составлять на бумагѣ и на данной мѣстности множество различныхъ предположеній, усовершенствовать свой военный взглядъ, изучить обязанности каждаго чина, присутствовать при большихъ собраніяхъ войскъ и при учебныхъ лагеряхъ, гдѣ производятъ практическіе опыты къ разрѣшенію важныхъ задачъ, подобныхъ тѣмъ, какія задавалъ себѣ въ 1842 году герцогъ Орлеанскій, изучая мѣстность безсмертной кампаніи 1814 года: послѣ этого можно сказать, что усвоилъ науку. Но военное искусство трудно изучить изъ однихъ только дидактическихъ сочиненій: нужно обращаться къ великимъ образцамъ. Образцы эти можно найти въ сочиненіяхъ Цезаря, Монтекукули, Монлюка и въ особенности Наполеона; наконецъ въ жизнеописаніи знаменитыхъ людей, въ частныхъ исторіяхъ великихъ людей и замѣчательныхъ осадъ и проч. Основательнымъ изученіемъ всѣхъ этихъ сочиненій можно себѣ усвоить военное искусство; сближаясь съ великими людьми, которыхъ читаешь подвиги, дѣлаешься ихъ сподвижникомъ; изыскивая средства, которыя нужно было бы употребить, еслибъ пришлось съ ними сражаться, достигаешь того, что уподобляешься имъ са-

мимъ; неутомимо дорываясь до причины побѣдъ и самыхъ пораженій, иногда удается этимъ самымъ приготовить себя къ одерживанію первыхъ и отвращенію послѣднихъ; находя урокъ въ каждомъ изъ дѣйствій, описываемыхъ авторомъ, можно надѣяться послужить наконецъ и самому образцомъ для будущихъ поколѣній. Мы можемъ утвердительно сказать, что всякій человѣкъ, со способностями, который подобнымъ образомъ займется военнымъ искусствомъ, можетъ съ первой кампаніи съ выгодою помѣряться съ противникомъ опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, но котораго образованіе ограничивается только опытностью. Кто усомнится, если мы скажемъ, что молодой генералъ Бонапарте, до начатія своего поприща въ Италіи, изучилъ уже основательно военное искусство и былъ обязанъ своими огромными успѣхами столько же наукѣ, сколько и генію. Совѣтуемъ однакожъ всѣмъ, которые будутъ изучать военное искусство изъ сочиненій нами упомянутыхъ, не основываться на одномъ авторитетѣ, на одномъ примѣрѣ; упираясь все на одного автора, можно легко впасть въ ошибку; держась одного факта, можно упустить изъ виду безчисленное множество поучительныхъ обстоятельствъ. Нужно помнить, что какъ въ языкѣ нѣтъ двухъ словъ, имѣющихъ совершенно одинаковое значеніе, такъ нѣтъ и примѣровъ совершенно сходныхъ въ глазахъ свѣдущаго воина. Сближая правила, которыя кажутся совершенно разнородными, легко можно согласить ихъ; можно легко узнать тѣ, которыя только кажутся истинными, и отличить ихъ отъ дѣйствительно вѣрныхъ. Нужно непремѣнно замѣчать ошибки, сдѣланныя великими людьми, исторію которыхъ мы читаемъ, ибо ошибки такъ же поучительны, какъ и опытность, на счетъ ихъ пріобрѣтаемая, потому что вообще ошибки другихъ болѣе полезны для изученія, чѣмъ дѣйствія безошибочныя.

Идеи, порождаемыя чтеніемъ, мысли, имъ возбуждаемыя, рѣчи великихъ людей, съ которыми случается бесѣдовать, не должны быть забываемы; всѣ дѣйствія, которыхъ мы были свидѣтелями, должны быть отмѣчены. Соблюдающій эти условія болѣе всѣхъ будетъ имѣть возможности все предвидѣть, все исправить, потому что ничья голова не будетъ такъ богата здравыми правилами и важными уроками.

ГЛАВА III.

ИНЖЕНЕРНОЕ ИСКУССТВО. АРТИЛЛЕРІЯ.

Долженъ ли знать главнокомандующій инженерное и артиллерійское искусство? Этотъ вопросъ, который былъ приведенъ уже выше, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Разумѣется, генералу надобно знать все, что хотя сколько-нибудь относится до военнаго искусства, а тѣмъ болѣе науки, столь тѣсно съ нимъ связанныя, какъ артиллерія и инженерное искусство. Но эти науки, въ наше время, такъ

далеко двинулись впередъ и сдѣлались столь сложны, что изученіе ихъ однѣхъ можетъ наполнить жизнь человѣка. Слѣдовательно главнокомандующій долженъ ограничиться пріобрѣтеніемъ общихъ познаній въ нихъ, предоставляя артиллеристамъ и инженерамъ ученыя подробности. Достовѣрно, что Александръ Македонскій зналъ фортификацію, всѣ машины и всѣ орудія своего времени; исторія намъ описываетъ тѣ изъ нихъ, которыя онъ употреблялъ при осадахъ Тира и которыми до него еще воспользовался Филиппъ при Византіи и Перинтѣ. Полидъ изобрѣлъ ихъ, а послѣ него явились Діадъ и Хереасъ, которые служили у Александра и были настоящіе инженеры и артиллеристы. Цезарю также была извѣстна оборона и атака городовъ посредствомъ машинъ; сдѣланное имъ описаніе осадъ Буржа, Клермона и столькихъ другихъ городовъ, осадами которыхъ онъ самъ управлялъ, служатъ тому доказательствомъ. Новѣйшіе генералы въ этомъ случаѣ подражали древнимъ; они болѣе или менѣе были свѣдущи въ фортификаціи и артиллеріи, наукахъ, которыя иногда принимались за одно, хотя и имѣли при себѣ офицеровъ, изучившихъ эти военныя спеціальности. Что же касается до Наполеона, то извѣстно, что онъ первоначально назначалъ себя къ службѣ артиллерійской, и можетъ-быть вслѣдствіе знанія этой части употреблялъ постоянно артиллерію такъ часто въ своихъ войнахъ, хотя и жаловался, что слишкомъ подробно преподавалась молодымъ людямъ, которые назначались въ артиллерію, теоретическая часть ея.

Императоръ также хорошо зналъ и фортификацію. Единственная часть, къ которой онъ имѣлъ менѣе склонности, была Низшая Тактика, или частное маневрированіе (la petite tactique ou les manoeuvres de détail), хотя онъ и этимъ предметомъ занимался въ Египтѣ, гдѣ часто и съ такимъ успѣхомъ строилъ каре противъ кавалеріи. Повторимъ, что познанія главнокомандующаго должны нѣкоторымъ образомъ простираться на инженерное искусство и на артиллерію.

ИНЖЕНЕРНОЕ ИСКУССТВО.

Фортификація есть наука, дающая намъ правила для обороны и атаки крѣпостей. Маршалу Вобану обязана Франція созданіемъ инженернаго корпуса. До него генералъ, который производилъ осаду, выбиралъ между пѣхотными офицерами тѣхъ, которые пріобрѣли нѣкоторую опытность въ веденіи работъ при атакѣ крѣпостей; но рѣдко между ними можно было найти довольно опытныхъ, совершенно соотвѣтствующихъ видамъ генерала и могшихъ избавить его отъ личнаго распоряженія сими работами.

Впрочемъ Генрихъ IV имѣлъ инженеромъ Эрраръ-де-Баръ-ле-дюка, написавшаго фортификацію. При началѣ царствованія Людовика XIV мы находимъ графа Пагана, потомъ Клервиля, подъ начальствомъ котораго началъ службу Вобанъ, а Вобану Франція обязана, по признанію всей Европы, превосходствомъ своимъ въ атакѣ и оборонѣ крѣпостей надъ сосѣдними націями. Кегорнъ былъ извѣстный

голландскій инженеръ, современникъ и соперникъ Вобана; въ семнадцатомъ столѣтіи они часто дѣйствовали другъ противъ друга — именно при осадѣ Намюра. Вобанъ, который такъ увеличилъ средства обороны, усовершенствовалъ также и атаку. Французы обязаны ему изобрѣтеніемъ параллелей, двойныхъ сапъ, траншейныхъ кавальеровъ и особенно рикошетной стрѣльбы, которая, поражая анфиладными выстрѣлами верки крѣпости, сбиваетъ орудія съ лафетомъ и ломаетъ самые лафеты. Голландія съ своей стороны обязана Кегорну системой укрѣпленій,— одною изъ лучшихъ въ Европѣ, достоинства и выгоды которой преимущественно заключаются въ глубокихъ водяныхъ рвахъ. Но рвы эти могутъ быть сдѣланы удобопроходимыми, въ морозъ они не представляютъ никакого препятствія, а какъ, въ системѣ голландскаго инженера, стѣны не имѣютъ большой высоты, то и эскалада часто не представляетъ большихъ затрудненій. Это и случилось два раза въ 1747 и въ 1814 г. при Бергенъ-оп-Цоомѣ, одной изъ знаменитѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ, на которую Кегорнъ смотрѣлъ какъ на лучшее свое произведеніе. Бергенъ-оп-Цоомъ, осажденный въ 1747 году Французами, подъ предводительствомъ маршала Левендаля и защищаемый многочисленнымъ гарнизономъ, былъ взятъ приступомъ, когда проломъ былъ еще едва восходимъ, впрочемъ послѣ продолжительной осады. Одинъ инженеръ нашего времени замѣтилъ, что двойные фланки, которые должны были поражать осаждающихъ на брешѣ, не сдѣлали никакого вреда. Но можно ли произнесть названіе Бергенъ-оп-Цоома, не упомянувъ о прекрасной защитѣ этой крѣпости Французами въ 1814 году? Гарнизонъ, подъ начальствомъ стараго генерала Бизанѐ, состоялъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ по крайней мѣрѣ 12,000 необходимы для защиты обширныхъ укрѣпленій этого города. Англійскій генералъ Грегамъ, осаждавшій эту крѣпость съ маленькимъ отрядомъ изъ 8,000 человѣкъ, имѣлъ намѣреніе взять ее нечаяннымъ нападеніемъ. Ночью 8-го марта онъ повелъ атаку на четыре пункта разомъ, четырьмя колоннами, изъ которыхъ одна дѣйствительно вошла въ городъ чрезъ слабо занятую войсками часть и облегчила эскаладу другой колоннѣ; въ то же время сильные отряды Англичанъ направлялись черезъ городъ къ воротамъ, чтобы ихъ открыть послѣднимъ колоннамъ. Но Французскіе караулы упорно защищаютъ эти ворота; бьютъ тревогу; уже генералъ Бизанé собралъ гарнизонъ, онъ идетъ двумя колоннами противъ Англичанъ, на стѣны ими занятыя и въ улицы, откуда они выходятъ, опрокидываетъ ихъ съ бастіоновъ; наступленіе дня показываетъ осаждающимъ ихъ затруднительное положеніе; двѣ колонны ихъ почти уничтожены въ городѣ; третью, находящуюся въ равелинахъ и наружныхъ укрѣпленіяхъ, поражаютъ картечными выстрѣлами съ главнаго вала и она принуждена положить оружіе. Такимъ образомъ городъ, занятый большими силами, взятъ обратно гарнизономъ. Англичане потеряли при этомъ случаѣ 2,000 ч. убитыми и ранеными и 2,000 ч. плѣнными, и въ числѣ ихъ трехъ генераловъ и четырехъ полковни-

ковъ; гарнизонъ потерялъ только 160 ч. убитыми и 300 человѣкъ ранеными. Этотъ случай почти единственный въ исторіи осадъ. Послѣ Кегорна, между инженерами, можно упомянуть о генералѣ Бусмарѣ, французскомъ дворянинѣ, воспитанникѣ Мезьерской школы: онъ былъ произведенъ въ капитаны въ 1788 г. и перешелъ въ прусскую службу въ 1792 г., раздраженный покушеніемъ 10 августа. Этотъ искусный офицеръ, который защищалъ Данцигъ 1807 г. противъ Французовъ, былъ убитъ при этой осадѣ осколкомъ гранаты. Онъ издалъ въ 1802-мъ году сочиненіе, лучшую изъ фортификацій, въ которой онъ предлагаетъ свою систему. Во время имперіи генералъ Шасслу занялъ первое мѣсто между инженерами. Онъ управлялъ знаменитою осадою Мантуи въ 1796 г. и Данцига въ 1807 г., онъ же укрѣпилъ Александрію, которая вслѣдствіе этого сдѣлалась одною изъ силнѣйшихъ крѣпостей въ мірѣ, такъ что Австрія потребовала уничтоженія этихъ укрѣпленій въ 1815 году. Въ это же время мы видимъ Карно, защитника Антверпена въ 1814 г. Въ 1810 году онъ, по желанію Наполеона, издалъ свою прекрасную книгу о защитѣ укрѣпленій. Наконецъ можно упомянуть о генералѣ Гаксо, какъ о лучшемъ инженерѣ нашего времени: онъ умеръ въ 1838 г. Записки, имъ оставленныя, очень замѣчательны; по его планамъ были построены укрѣпленія Ліона, генераломъ Рого-де-Флёри (Rohault de Fleury). Мы не будемъ болѣе распространять эти историческія замѣчанія, которыя пополнятся въ концѣ нашего изслѣдованія указаніемъ на лучшія сочиненія.

Въ этихъ книгахъ, главнокомандующему можно будетъ почерпнуть если не глубокія, то достаточныя для него свѣдѣнія въ инженерномъ искусствѣ. Пріобрѣтеніе ихъ тѣмъ болѣе для него необходимо, что очень часто успѣхъ большихъ военныхъ операцій зависитъ отъ нихъ, особенно въ методическихъ войнахъ. Наконецъ, генералу необходимо знать основанія и главныя правила полевой фортификаціи, потому что онъ долженъ умѣть вѣрно судить о предметахъ, къ ней относящихся, при всемъ уваженіи къ занятіямъ и совѣтамъ людей спеціальныхъ по этой части, находящихся при его арміи; съ его стороны было бы весьма ошибочно при поверхностныхъ свѣдѣніяхъ произносить легкомысленно свои рѣшенія. Еслибъ маршалъ Ла-Фейльадъ согласился принять къ себѣ Вобана при осадѣ Турина, то можно предполагать, что эта крѣпость была бы взята, прежде чѣмъ принцъ Евгеній подоспѣлъ къ ней на помощь.

АРТИЛЛЕРІЯ.

Главнокомандующему, точно также, не нужно быть посвященнымъ въ безчисленныя подробности артиллеріи, какъ и въ разныя частности по построенію, оборонѣ и атакѣ крѣпостей. Но есть части артиллеріи, которыя ему знать необходимо если не вполнѣ, то покрайней мѣрѣ относительно ихъ управленія, ихъ дѣйствія и результатовъ. Генералъ Окуневъ издалъ въ Парижѣ въ 1835 г. очень ин-

ココресную записку о перемѣнахъ, которыя можетъ произвести хорошо обученная артиллерія въ системѣ новѣйшей тактики. Его, разумѣется, побудило къ этому труду большое значеніе, которое артиллерія имѣла при Наполеонѣ во многихъ безсмертныхъ кампаніяхъ, особенно при Ваграмѣ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ поставилъ батарею въ 100 орудій въ промежутокъ, оставленный уходомъ маршала Массены, и этимъ удержалъ напоръ центра Австрійцевъ. Одно изъ лучшихъ средствъ для пріобрѣтенія самой большой пользы отъ артиллеріи, говоритъ генералъ Жомини, — было бы поручать главное начальство надъ нею артиллерійскому генералу, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій тактикъ и стратегикъ; чтобы этотъ генералъ могъ располагать не только артиллерійскимъ резервомъ, но еще и половиннымъ числомъ орудій, находящихся при различныхъ корпусахъ и въ дивизіяхъ; такимъ образомъ онъ могъ бы совѣщаться о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ большія массы артиллеріи могутъ болѣе всего способствовать побѣдѣ; однакожъ ему никогда не слѣдовало бы дѣлать этихъ соединеній въ массы безъ предварительнаго согласія главнокомандующаго.

Необходимо, чтобы главнокомандующій имѣлъ, теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь, хорошее понятіе объ употребленіи и дѣйствіи артиллеріи и о болѣе или менѣе затруднительной перевозкѣ ея, при различныхъ стратегическихъ дѣйствіяхъ. Онъ всегда долженъ помнить о затрудненіяхъ, которыя приходилось устранять Наполеону въ 1814 году, чтобы перевозить и усиливать артиллерію въ тѣхъ пунктахъ, куда онъ самъ являлся неожиданно съ быстротою мысли. Къ предметамъ, которые находятся въ связи съ артиллеріею и которые необходимо знать генералу, принадлежатъ военные мосты—полевая фортификація, о которой уже было говорено, и кастрамекація (разбивка лагерей); главнокомандующій, наконецъ, долженъ имѣть данныя относительно орудій, припасовъ, лабораторныхъ издѣлій, продовольствія, движеній и проч. Такъ какъ онъ въ молодости, вѣроятно, слушалъ курсы артиллеріи, то ему придется только повторять и распространять уже извѣстное ему посредствомъ внимательнаго чтенія. Есть много сочиненій, въ которыхъ генералъ можетъ почерпнуть свѣдѣнія для него необходимыя по этой части. Выборъ ихъ зависитъ отъ его способностей и отъ времени, которое онъ можетъ на это употребить. Мы ограничимся въ концѣ сочиненія перечнемъ ихъ.

. . . . . .

ГЛАВА IV.

РАЗЛИЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Къ значенію людей, къ наукамъ о военномъ искусствѣ, необходимо присовокупить, какъ мы уже сказали, другія свѣдѣнія болѣе или

менѣе необходимыя, нужныя или полезныя для главнокомандующаго.

ИСТОРІЯ.

Первое мѣсто занимаетъ исторія, которая объясняетъ природу человѣка, открываетъ цѣпь событій, объясняетъ причину государственныхъ переворотовъ, служитъ руководствомъ для военныхъ дѣйствій, дополняетъ опытность и часто можетъ замѣнить уроки дидактическихъ сочиненій. Генералъ долженъ знать ее и заниматься ею долго; хотя бы исторія и не принесла вышеозначенныхъ выгодъ, не менѣе того она должна быть изучаема генералами и другими офицерами; она одна можетъ имъ представить вѣрную картину добродѣтелей, въ которыхъ они должны подвизаться, и пороковъ, которыхъ должны избѣгать. Дѣйствительно, кто осмѣлится представить правду главнокомандующему арміею? Найдется ли кто нибудь любящій своего генерала до такой степени, чтобы говорить съ нимъ съ благородною откровенностію? Какой начальникъ, не раздражаясь, будетъ выслушивать горкія истины? Кто не отдалитъ отъ себя непріятнаго критика. Только исторія можетъ представить генералу правду; она ему скажетъ: Вотъ Антоній униженный любовью и сладострастіемъ! Вотъ Крассъ, Лукуллъ, Варръ, обезчещенные своею скупостью! Вотъ Павзаній, сдѣлавшійся несчастнымъ отъ гордости и высокомѣрія. Взгляни! Вотъ — съ другой стороны — воины украшенные добродѣтелями, любимые народомъ и солдатами! Они были награждены царями и справедливое потомство назвало ихъ героями. Смотри, сравнивай, выбирай! Подобная противоположность непремѣнно должна породить въ сердцѣ воина сильнѣйшее стремленіе къ добродѣтели. Но польза, приносимая исторіею, этимъ не ограничивается. Вы попросите совѣта у друга: онъ, узнавъ ваши намѣренія, можетъ по слабости открыть вашу тайну; исторія сохраняетъ эту тайну, и учитъ васъ хранить ее. Вашъ другъ можетъ ошибится: вашъ недругъ можетъ надѣть на себя личину дружбы, чтобы вовлечь васъ въ ошибку: исторія всегда правдива, всегда безпристрастна, она не можетъ и не хочетъ вводить васъ въ заблужденіе. Есть слабости, въ которыхъ вы не можете открыться самому искреннему другу: прибѣгайте къ исторіи; она васъ укрѣпитъ противъ васъ самихъ; она возвыситъ вашу душу. Вотъ остается нѣсколько минутъ до знаменитой битвы, которая должна рѣшить судьбу Тамерлана и Баязета: на неустрашимаго Тамерлана вдругъ находитъ страхъ; онъ призываетъ своего историка, заставляетъ его прочесть о нѣкоторыхъ достопамятныхъ дѣйствіяхъ своихъ предшественниковъ; мужество его возрождается, онъ является героемъ, сражается храбрымъ воиномъ и — Баязетъ заключенъ въ оковы.

Таково могущество исторіи! Вотъ польза ея для военнаго человѣка во всякомъ случаѣ, при всякомъ событіи! Послѣ этого можно ли удивляться тому, что она была постояннымъ занятіемъ героевъ всѣхъ вѣковъ? — Но какихъ историковъ генералъ долженъ читать преиму-

щественно? Тѣхъ, которые болѣе занимались подробностями военныхъ дѣйствій, чѣмъ правами, искусствами и политикой. Поэтому—мы поставимъ въ первомъ ряду сочиненія древнихъ, указанныя въ концѣ сочиненія, какъ-то: Ѳукидида, Ксенофонта, Арріяна, Полибія, Плутарха, Цезаря, Вегеція и др. Мы желали бы, чтобы къ нимъ прибавили Квинта-Курція, Тацита, Тита-Ливія, Саллюстія, древнюю и Римскую исторію Роллена. Послѣ изученія древнихъ историковъ, офицеръ долженъ стараться пріобрѣсть историческія знанія о своемъ отечествѣ: пренебречь ими ему было бы стыдно. Во Франціи нѣтъ недостатка въ авторахъ; но важно предохранить себя отъ тѣхъ, перо которыхъ находилось подъ вліяніемъ духа партій. Наши лучшіе авторы суть Анкетиль, Лакретель и Барантъ, а по части исторіи новѣйшихъ временъ — Тьеръ, который, въ своей исторіи Французской революціи, въ Исторіи Консульства и Имперіи, имѣетъ всѣ достоинства историковъ древности, особенно въ описаніи нашихъ войнъ, такъ что можно сказать, что онъ имѣетъ столько же знанія въ военномъ искусствѣ, сколько и въ политикѣ; кажется нужно было бы самому быть дѣйствователемъ, или очевидцемъ, подобно Ксенофонту, Полибію, Цезарю, Монлюку, Лавіель-Вилю, Фекіеру, Фридриху и Наполеону, чтобы такъ ясно и отчетливо описывать сраженія. Вообще всѣ офицеры, занимающіеся исторіею, должны обращаться къ авторамъ частныхъ записокъ не прежде, какъ по пріобрѣтеніи основательнаго понятія объ общей исторіи народа и по сравненіи ея съ твореніями иностранныхъ историковъ. Мемуары, большею частію, суть не что иное какъ подробное описаніе нѣкоторыхъ частей исторіи. Всегда удивлялись, что во Франціи, гдѣ столько сдѣлано для усовершенствованія наукъ и изящной словесности, ничего не предпринято для обученія военному искусству. Есть публичныя лекціи для всѣхъ наукъ кромѣ военной; въ публичныхъ библіотекахъ нельзя найти ни одного чиновника, знающаго военную библіографію и могущаго руководить офицера въ его изысканіяхъ или занятіяхъ; еще удивительнѣе то, что единственная военная библіотека во Франціи, библіотека Военнаго Топографическаго Депо, поручена чиновнику почти неграмотному; правда, что онъ находится подъ вѣдѣніемъ старшаго офицера, но этотъ офицеръ имѣетъ другія обязанности. Между тѣмъ въ библіотекѣ Военнаго Депо слѣдовало бы помѣстить офицера образованнаго и радушнаго; слѣдовало бы военному министру дозволить посѣщать это заведеніе, безъ всякихъ затрудненій, всѣмъ офицерамъ, желающимъ заниматься. Къ чему служитъ, спросимъ мы, богатство этого Депо, если оно закрыто и недоступно для арміи? Но, заключая эту статью, скажемъ, что, кромѣ сочиненій, нами упомянутыхъ, есть много другихъ, въ которыхъ военные найдутъ свѣдѣнія полезныя для ихъ дѣла.

Знаменитые поэты древности суть также родъ историковъ, которыхъ отвергать не слѣдуетъ. Неоднократно было доказано, что эти безсмертные геніи были не что иное какъ историки, которые позволяли себѣ облагороживать факты,— они основательно знали военное

искусство; они много разъ выказывали правила его въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Александръ называлъ Гомера путеводителемъ своего войска и наставникомъ военной доблести. Маршалъ Пюисегюръ ставилъ Гомера во главѣ военныхъ писателей. Де-Сигрè, ученый военный писатель умный и разсудительный, сказалъ, что Виргилій въ своей Энеидѣ такъ же хорошо судилъ о войнѣ, какъ Цезарь въ своихъ Коментаріяхъ. Наконецъ — развѣ нельзя генералу заняться и другими писателями? Развѣ можетъ онъ оставить безъ вниманія краснорѣчивыхъ ораторовъ, которые употребили свои высокіе таланты на прославленіе великихъ людей? Флешье и Маскаронъ, особенно ты, безсмертный Боссюетъ: генералъ долженъ читать васъ; ваши надгробныя слова, представляя ему образцы воинскихъ добродѣтелей, будутъ для него самыми сильными уроками, и надежда заслужить почести подобныя тѣмъ, которыя вы воздавали своимъ героямъ, сдѣлаютъ на его душу, чувствительную къ славѣ, впечатлѣніе самое сильное, самое продолжительное.

ГЕОГРАФІЯ.

Знаніе Географіи — одно изъ важнѣйшихъ для изученія теоріи военнаго искусства; оно еще болѣе важно по его примѣненію. Генералъ не только обязанъ знать относительное положеніе различныхъ государствъ, но и ихъ организацію политическую и административную; нужно, чтобы онъ пріобрѣлъ свѣдѣнія, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ этой книги. Географія, въ отношеніи къ военному искусству, содержитъ столько подробностей, что никакія книги, никакія карты недостаточны: какимъ же образомъ изучить ее совершенно? Путешествуя и справляясь съ исторіею государства, или съ мемуарами или описаніями, какіе можно достать; наконецъ, въ походахъ генералу не слѣдуетъ заходить далеко, не сдѣлавъ вѣрныхъ рекогносцировокъ, для которыхъ теперь существуютъ ученыя правила и инструкціи, достойныя вниманія. Между этими правилами нужно упомянуть въ особенности о тѣхъ, кои означены въ памятныхъ книгахъ для артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, гдѣ содержится въ извлеченіи все, что написано для генеральнаго штаба. Исторія представляетъ множество несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ отъ невнимательности въ рекогносцировкахъ, и потому главнокомандующему нужно тщательно наблюдать за производствомъ послѣднихъ. Успѣхъ и побѣда не должны ослѣплять его; послѣ пораженія, при быстрыхъ отступленіяхъ, приходится особенно сожалѣть о томъ, что пренебрегли тщательнымъ изученіемъ страны: тогда препятствія какъ бы являются подъ ногами несчастнаго воина!

ЗАКОНЫ И УЧРЕЖДЕНІЯ ВОЕННЫЯ.

Ни древнія, ни новѣйшія времена не представляютъ писателя, который не смотрѣлъ бы на изученіе военныхъ законовъ и воинскихъ

уставовъ какъ на необходимость для генерала; одинъ ученый говоритъ; «Военный человѣкъ долженъ всегда повиноваться военнымъ учрежденіямъ; знаніе этихъ законовъ слѣдовало бы поставить въ главѣ всѣхъ необходимыхъ для генерала знаній, но именно ихъ важность помѣшала мнѣ помѣстить ихъ вначалѣ. Даже я, можетъ быть, совсѣмъ и не говорилъ бы о нихъ, еслибъ могъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать, сколько сводъ военныхъ законовъ въ одно сочиненіе облегчитъ средства для ихъ узнанія; какъ легко потомъ будетъ исполнять новыя правила, столь умно составленныя, и съ какой похвалою потомство отзовется о министрѣ, который начерталъ бы этотъ великій проектъ, и о тѣхъ генералахъ, которые содѣйствовали бы его исполненію». Такимъ образомъ судили о познаніи военныхъ узаконеній всѣ знаменитые люди восемнадцатаго столѣтія. Гиберъ въ особенности рекомендовалъ собраніе военныхъ законовъ; онъ далъ, наконецъ, Французамъ планъ военнаго кодекса. Французское національное собраніе написало нѣсколько декретовъ, касающихся этого предмета, и Наполеонъ, сочинитель столькихъ безсмертныхъ кодексовъ, не забылъ о кодексѣ военномъ; но не успѣлъ его кончить. Этотъ пробѣлъ, достойный сожалѣнія, возбудилъ въ герцогѣ Орлеанскомъ, принцѣ весьма свѣдущемъ, мысль поручить мнѣ сводъ законовъ и учрежденій военныхъ, которые и изданы мною въ десяти частяхъ подъ заглавіемъ: «Droit et législation raisonnée des armées de terre et de mer», сочиненіе одобренное славнымъ маршаломъ Сультомъ, служащее руководствомъ во всѣхъ корпусахъ арміи, во всѣхъ военныхъ сухопутныхъ и морскихъ заведеніяхъ и принятое такъ милостиво государями и правительствами Европы. Первая часть заключаетъ въ себѣ три трактата: о естественномъ правѣ; о правѣ народномъ въ мирное и военное время; о правѣ общественномъ и административномъ во Франціи. Всѣ правительства и просвѣщенные люди нашего времени признали это сочиненіе достойнымъ изученія, и потому мы не могли изъ неумѣстной скромности умолчать о немъ. Желательно, чтобы всѣ государства Европы имѣли подобный сводъ. Изъ общаго военнаго кодекса главнокомандующій долженъ почерпнуть основательное изученіе военной администраціи во всемъ, что касается продовольствія и заготовленія запасовъ всякаго рода. Недостаточно хорошо командовать арміею по правиламъ военнаго искусства и высшей Стратегіи; нужно, чтобы въ ней не было утѣсненій, безпорядковъ, чтобы все дѣлалось съ наименьшими расходами для государства и наименьшимъ пожертвованіемъ со стороны націи и земли, на которой производится движеніе арміи. Справедливо было говорено, что ни одна армія при проходѣ не стоила жителямъ менѣе Наполеоновской; не было ни безпорядковъ, ни безполезныхъ грабежей. Народное право не признаетъ за непріятелей народонаселенія, которое не вооружается: земледѣльцевъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей; какъ непозволительно ихъ убивать, такъ—и лишать необходимаго. Какой генералъ не старался привлечь къ себѣ народонаселеніе, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его нейтральнымъ въ борьбѣ. Для

этого существуетъ только одно средство: хорошее и справедливое управленіе. Генералъ долженъ также изучить военно-уголовные законы, чтобы вѣрно примѣнять ихъ въ пользу дисциплины своей арміи; его распоряженія и приказы имѣютъ, по всѣмъ правиламъ, силу закона. Счастливъ тотъ, кто, при употребленіи этой огромной власти, остается вѣрнымъ праву народовъ.

ЯЗЫКИ.

Знаніе языковъ необходимо генералу во многихъ случаяхъ: ему приходится допрашивать плѣнныхъ, говорить съ дезертирами; случается, что его тѣлохранители или разъѣзды овладѣли депешами непріятельскаго генерала; иногда нужно ему отдать секретныя приказанія жителямъ страны, по которой проходитъ войско, нужно у нихъ сдѣлать тайныя справки; если онъ во всѣхъ этихъ случаяхъ долженъ обращаться къ переводчику, то сколько ему надо бояться его нескромности и сколько можетъ произойти непріятныхъ недоразумѣній. Аннибалъ испыталъ это въ Италіи; напрасно употребивъ многія военныя хитрости, чтобы принудить къ сраженію Фабія Медлителя, карѳагенскій генералъ хочетъ употребить послѣднюю, на которой основалъ всѣ свои надежды. Онъ рѣшился опустошить Кампанію въ глазахъ диктатора: для этого онъ приказываетъ тремъ Кампанскимъ всадникамъ, которые ему служатъ путеводителями, вести его армію въ область Кузинъ; но онъ такъ дурно произнесъ это слово, что имъ послышалось Казилинъ, вслѣдствіе чего они и привели войско его на небольшое разстояніе отъ Казилина, въ дефилею, которая отдѣляетъ Самніумъ отъ Кампаніи: тогда диктаторъ, видя Аннибала въ дефилеи, атакуетъ его арріергардъ, убиваетъ много людей и приводитъ часть его арміи въ безпорядокъ. Императоръ Мануилъ Комненъ и многіе другіе генералы древнихъ и новѣйшихъ временъ испытали, какъ необходимо для генерала знаніе живыхъ языковъ, и потому многіе изъ нихъ занимались ими постоянно. Мы ограничимся тѣмъ, что упомянемъ о Карлѣ V, который въ Ингольштадтѣ говорилъ, различнымъ корпусамъ своей арміи, каждому на его языкѣ; о знаменитомъ маршалѣ Левендалѣ, который владѣлъ семью языками; наконецъ о Фридрихѣ, писавшемъ на нѣсколькихъ языкахъ. Наполеонъ извлекъ большія выгоды, въ Италіи, изъ отличнаго знанія языка народа, котораго онъ привлекъ къ судьбѣ своей. Если онъ не зналъ нѣмецкаго языка, то замѣнялъ это знаніе основательнымъ знаніемъ языка латинскаго. Но какой языкъ должны генералы изучать преимущественно? Между живыми языками они должны изучать сначала тѣ, на которыхъ говорятъ жители смежныхъ государствъ. Всѣ высшіе офицеры Русскихъ армій говорятъ превосходно по нѣмецки; они также знаютъ французскій языкъ, и произношеніе ихъ чисто. Особенно же должно знать природный языкъ враговъ своего отечества. Какому иностранному офицеру не желательно знать нашъ языкъ, употребляемый во всѣхъ переговорахъ, и

нашу литературу, столь обработанную. Чтобы изучить языкъ, не слѣдуетъ генералу заниматься его грамматикой; онъ долженъ болѣе заниматься ею въ юности и только потерялъ бы на это драгоцѣнное время; ему нужно путешествовать, окружать себя иностранцами, читать военныхъ писателей и лучшихъ историковъ, писавшихъ на томъ языкѣ, которому онъ хочетъ научиться. Знаменитый Вольней намъ представляетъ примѣръ какъ продолжительно изученіе языка посредствомъ грамматики: онъ запасся ею и нѣсколькими словарями при своемъ путешествіи въ Египетъ, но умѣлъ весьма мало, тогда какъ служитель его, который часто находился въ разсылкахъ и былъ въ сношеніяхъ съ природными жителями, скоро сталъ говорить по арабски.

Мы такъ часто ссылаемся на Римлянъ, а между тѣмъ такъ мало имъ подражаемъ: они обучали дѣтей своихъ языку народа, съ которымъ вели войну. Титъ-Ливій передаетъ это.

На основаніи этихъ началъ слѣдовало бы заставлять офицеровъ, обучающихся въ школахъ тому или другому языку, продолжать постоянно изученіе его. Что же касается до латинскаго языка, который былъ извѣстенъ столь многимъ знатокамъ военнаго дѣла, то не долженъ ли знать его генералъ? Отвѣтомъ служитъ примѣръ Наполеона. Знаніе латинскаго языка, какъ мы уже сказали, можетъ часто замѣнить ему знаніе нѣмецкаго. Въ самомъ дѣлѣ, по цѣлой Европѣ, ученые и поэты говорятъ по-латынѣ; въ Венгріи — латинскій языкъ почти народный.

О НАРОДНОМЪ ПРАВѢ.

Мы часто говорили въ своихъ сочиненіяхъ, что народное право составляетъ одно изъ необходимыхъ знаній не только для генерала, но и для всякаго офицера; и здѣсь повторимъ сожалѣніе наше о томъ, что этой важной отрасли знаній не читаютъ во Франціи, ни въ одной военной школѣ. Этотъ недостатокъ преподаванія побудилъ меня посвятить первую часть моего большаго сочиненія, о военныхъ узаконеніяхъ, разсужденію объ естественномъ правѣ, правѣ народномъ, административномъ правѣ и пр. Три разсужденія эти почерпнуты изъ лучшихъ источниковъ: у Гроціуса, Барбейрака, Монтескье, Мартенса, Клюбера и проч. Извѣстно, что народнымъ правомъ называютъ взаимно-условные законы, которые различные народы установили между собою и которымъ они рѣшились слѣдовать въ мирное и военное время. Эти законы, говоритъ Монтескье, основаны на томъ началѣ, что націи должны дѣлать одна другой какъ можно болѣе добра въ продолженіе мира, а во вр мя войны сколь можно менѣе зла, не упуская изъ вида своихъ настоящихъ интересовъ. Еслибъ для узнанія народныхъ правъ въ военное время руководствовались обычаями нѣкоторыхъ народовъ, или правилами нѣкоторыхъ публицистовъ: то можетъ быть эти права распространились бы даже слишкомъ далеко, такъ что имъ не было бы и

предѣловъ. Они однакожъ ограничены; сама природа назначила имъ предѣлы, которыхъ нельзя перейти безнаказанно. И потому генералу необходимо совершенное знаніе началъ и правилъ, установленныхъ по этому предмету. И какимъ образомъ могъ бы онъ избѣжать стыда, не зная во время военныхъ дѣйствій права народнаго, различныхъ военныхъ обычаевъ и проч.? На генерала можетъ быть возложена обязанность посланника, дипломатическая миссія: тогда уже поздно ему учиться наукѣ, которая требуетъ напряженнаго вниманія. Въ какое положеніе поставитъ онъ себя, если долженъ будетъ, при важныхъ вопросахъ, совершенно положиться на подчиненныхъ? Нѣкоторые скажутъ, что ему можно будетъ прибѣгать къ книгамъ. Но развѣ не всѣмъ извѣстно, что только тотъ, кто знаетъ что-нибудь, можетъ въ нихъ найти то, что ему нужно? Повторяемъ, знаніе народнаго права необходимо, и въ особенности генералу.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО.

Сверхъ народнаго права, которое есть право всемірное, и между народами взаимно-условное, каждая нація имѣетъ еще свое право, которое Монтескье называлъ правомъ политическимъ. Начальниками, или законами, составляющими это право, опредѣляются отношенія между правительствомъ и подданными. Генералъ долженъ непремѣнно знать эти отношенія у націи, арміею которой онъ командуетъ, у союзниковъ и у непріятелей; ему необходимо знать систему всякаго правленія, основные законы, администрацію. Зная права верховной власти, права народа, условія, трактаты, заключенные съ сосѣдними народами, предѣлы торговли, навигаціи, онъ можетъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать съ увѣренностью, воспользоваться множествомъ выгодъ и избѣгнуть многихъ затрудненій.

Между общественными правами, германское требуетъ особеннаго изученія по множеству владѣтелей и государствъ болѣе или менѣе обширныхъ и по отношеніямъ ихъ между собою.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Разумѣется, мы не требуемъ, чтобы генералъ былъ законникомъ; но какъ гражданское право выражаетъ отношенія гражданъ между собою, то безъ сомнѣнія представляются, во время его командованія, случаи, гдѣ ему придется рѣшать дѣла на основаніи законовъ; а потому ему и въ нихъ встрѣтится нужда. Прежде чѣмъ Римляне покорили Галлію и утвердили въ ней свое господство важными постройками и колоніями, армія Цезаря посѣяла тамъ начала римскаго права и привлекла такимъ образомъ къ себѣ большую часть народонаселенія. Наполеонъ, прежде чѣмъ позволилъ воспользоваться покореннымъ провинціямъ выгодами французскаго права, обезпечилъ своему войску возможность пользоваться и внѣ имперіи своими общественными правами. Въ кодексѣ Наполеона утверждена форма,

по которой должны быть свидѣтельствуемы: рожденіе, женитьба, завѣщанія и смерть военныхъ: генералъ и его штабъ должны были наблюдать за исполненіемъ этихъ формъ.

О ПОЛИТИКѢ.

Трудно найти выраженіе, довольно сильное, для охужденія образа дѣйствій тѣхъ молодыхъ генераловъ, которые, какъ Марій, болѣе занимаются борьбами и интригами Форума, чѣмъ своимъ дѣломъ; они этимъ унижаютъ себя, мѣняя великое званіе генерала на роль трибуна и возмутителя. Но, тѣмъ не менѣе однакожъ, генералъ долженъ изучить и ту политику, которая опредѣляетъ различные интересы народовъ и государей, открываетъ лучшіе способы переговоровъ съ ними и показываетъ главнокомандующему арміи средство устанавливать сношенія, полезныя для исполненія его намѣреній. Изученіе этой науки необходимо для генерала; знаменитѣйшіе полководцы ею постоянно занимались. Познанія Цезаря въ политикѣ доставили ему многіе успѣхи въ Галліи; Евгеній и Вилларъ, эти знаменитые соперники, вели переговоры въ Раштадтѣ съ тѣмъ же превосходствомъ, которое они показали при Малплакѐ и Дененѣ. Марльборо, употребивъ лѣто на побѣды надъ Французами, занимался зимою переговорами противъ нихъ; Талларъ въ плѣну въ Англіи заставилъ своими удачными переговорами забыть, что онъ былъ причиною постыднаго дѣла при Гёхштадтѣ: Ла-Тремуйль, Бриссакъ, д'Естрадъ, Роганъ, Бель-Иль, Граммонъ служили отечеству посланниками и генералами, и ихъ переговоры столько же содѣйствовали ихъ славѣ, сколько и побѣды ихъ. Наконецъ, нельзя не вспомнить переговоровъ генерала Бонапарте въ Италіи и его мирнаго трактата въ Кампо-Форміо.

МАТЕМАТИКА.

Мы уже познакомились, въ первой книгѣ, въ главѣ о школахъ, съ мнѣніемъ образованнѣйшихъ людей, относительно слишкомъ обширнаго изученія математики; но эта наука, ограниченная своими основными и спеціальными частями, какъ-то: ариѳметикою, частью алгебры, геометріею, тригонометріею, есть одна изъ нужнѣйшихъ, она даже необходима для генерала. Математика, съ такимъ ограниченіемъ, еслибъ даже служила только къ тому, чтобы дать уму направленіе вѣрное и послѣдовательное, еслибъ она даже только облегчала пріобрѣтеніе другихъ познаній, всетаки достойна того, чтобы военные люди изучали ее. Маршалъ де-Саксъ и Левендаль, эти два знаменитые генерала, особенно занимались ею и извлекли изъ нея большія выгоды. Еще нужно замѣтить, что математика входитъ во многія другія науки и что алгебра постоянно въ нихъ употребляется. Однакожъ генералъ не долженъ слишкомъ далеко распространять свои занятія математикой, чтобы не потерять за нею драгоцѣннаго времени. Онъ можетъ найдти въ курсѣ Безу все, что ему знать необхо-

димо; это было мнѣніе Наполеона, который находилъ столь же хорошими артиллеристами офицеровъ, выпущенныхъ изъ Сенъ-Сирской школы, какъ и *ученыхъ*, по его выраженію, школы политической и Мяцской. Но если между генералами найдутся такіе, которые пожелаютъ, на досугѣ мирнаго времени, вполнѣ изучить математику, то въ концѣ сочиненія они найдутъ перечень всѣхъ лучшихъ книгъ, относящихся къ этой наукѣ.

Одинъ авторъ прошедшаго столѣтія, говоря о познаніяхъ генерала, сказалъ, что ариѳметика, или наука о числахъ, есть первый предметъ, и что даже слѣдовало бы помѣстить его между знаніями необходимыми. Геометрія и прямолинейная тригонометрія слѣдуютъ за нею;они учатъ измѣрять разстоянія и высоты неприступныя и проч., и потому необходимы для генерала въ лагеряхъ, при осадахъ и въ сраженіяхъ. Наконецъ, механика, гидравлика и военная архитектура дополняютъ математическій курсъ, полезный для начальника армій. Что же касается до трансцендентальной геометріи, то генералъ можетъ ее предоставить ученымъ, для которыхъ составляетъ она исключительное занятіе. Военный человѣкъ никакъ не долженъ искать во всѣхъ своихъ операціяхъ геометрической точности; онъ потеряетъ въ вычисленіяхъ время, которое долженъ употреблять на дѣйствія, ибо на войнѣ мало событій, успѣхъ которыхъ могъ бы быть доказанъ математически.

РИСОВАНІЕ.

Рисованіе полезно при изученіи искусства войны; оно въ особенности полезно при примѣненіи этого искусства къ практикѣ. Предположимъ, что генералъ захочетъ узнать поле сраженіе; если онъ не можетъ составить рисунка мѣстности, то какимъ образомъ можно будетъ ему сдѣлать наивыгоднѣйшія распоряженія относительно измѣненій ея. Безъ сомнѣнія, намъ скажутъ, что ему могутъ помочь офицеры генеральнаго штаба, инженеры; но ни тѣ, ни другіе, не смотрятъ глазами генерала; они, напримѣръ, могутъ упустить изъ виду какое-нибудь повидимому мелкое обстоятельство, которое между тѣмъ для начальника арміи очень важно: генералъ, знающій рисованіе, легче различитъ условные знаки, употребляемые для различныхъ предметовъ, онъ лучше читаетъ карты, съ большею вѣрностью можетъ опредѣлить высоты, лощины, ручьи и проч., которые ему должны быть совершенно извѣстны. Генералу, не привыкшему къ рисованію, трудно себѣ составить ясное понятіе объ отдаленіи различныхъ предметовъ. Онъ долженъ, для начертанія плана сраженія, употребить чужую руку; а кто поручится за то, что, прежде чѣмъ онъ отдастъ приказанія своимъ подчиненнымъ, копія его плана не будетъ послана непріятелю? Въ особенности по этому обстоятельству можно судить, сколько полезно рисованіе. Мы однакожъ не скажемъ, чтобы генералу слѣдовало рисовать щегольски; достаточно, если онъ знакомъ съ этимъ искусствомъ настолько, чтобы сдѣлать и оцѣнить вѣрно рекогносцировку.

ОБЪ ИСКУССТВѢ ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ И О ВОЗЗВАНІЯХЪ КЪ ВОЙСКАМЪ.

Генералъ долженъ находиться въ безпрерывной пирепискѣ со своимъ государемъ и съ министрами; онъ долженъ отдавать имъ вѣрный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; долженъ диктовать общія приказанія и отдавать письменно частныя. Если, во всѣхъ этихъ случаяхъ, онъ пишетъ дурно на своемъ языкѣ, если слогъ его не соединяетъ въ себѣ простоты, ясности, краткости и энергіи, то его депеши и приказанія будутъ неудобопонятны и могутъ породить вредныя двусмысленности. Въ хорошемъ переводѣ Коментарій Цезаря, въ сочиненіяхъ Фридриха Великаго, въ мемуарахъ Наполеона и проч. генералы могутъ находить образцы языка повѣствовательнаго и научиться слогу достойному для отчетовъ о побѣдахъ. Недостаточно для генерала хорошо писать; онъ долженъ выражаться съ легкостію, долженъ съ раннихъ лѣтъ привыкать къ рѣчамъ передъ обществомъ. Генералу надобно владѣть искусствомъ говорить къ войскамъ передъ сраженіемъ, во время дѣла и послѣ побѣды. Рѣчи слабыя, напыщенность нѣкоторыхъ въ случаяхъ второстепенныхъ, злоупотребленія, дѣлаемыя изъ воззваній и рѣчей къ войску, не отнимаютъ цѣны чудеснаго дѣйствія, произведеннаго рѣчами великихъ полководцевъ древности и временъ новѣйшихъ. Въ возваніяхъ къ войскамъ передъ сраженіемъ, генералъ долженъ говорить солдатамъ о превосходствѣ ихъ вооруженія, обученія, дисциплины, храбрости и проч.; онъ долженъ дать имъ замѣтить выгоды позиціи ими занятой и ихъ расположенія; онъ долженъ, въ эту рѣшительную минуту, выставить таланты и храбрость начальниковъ вообще. Никто не обвинитъ его, если онъ, въ этомъ случаѣ, отзовется и о себѣ съ нѣкоторою гордостью? Кто обвинитъ его въ тщеславіи, если онъ упомянетъ о своихъ побѣдахъ? Но часто это бываетъ камнемъ преткновенія: нужно чтобы онъ главное приписывалъ войскамъ; онъ можетъ понизить достоинство непріятеля, но не долженъ возбуждать надежду на побѣду легкую. Если у него войско малочисленнѣе, то ему надобно упомянуть о примѣрахъ, гдѣ многочисленнѣйшія арміи были разбиты. Ему слѣдуетъ представить картину слѣдствій побѣды и пораженія. Но въ этомъ случаѣ никакіе ораторскіе доводы никогда не замѣнятъ примѣровъ. Приведемъ нѣсколько изъ нихъ. Когда Леонидъ шелъ защищать Ѳермопилы, кто-то закрычалъ ему: «Персы приближаются къ намъ.»—«И мы къ нимъ», отвѣчалъ онъ. Другому Спартанцу, который сказалъ, что солнце затмится стрѣлами Персовъ, онъ отвѣчалъ: «Тѣмъ лучше; мы будемъ сражаться въ тѣни.» Камиллъ, близъ Сатрика, замѣчая, что многочисленность непріятеля устрашала его солдатъ, садится на коня, проѣзжаетъ по фронту своего войска и говоритъ: «Товарищи, гдѣ эта радость, это желаніе сразиться, которое я всегда замѣчалъ въ вашихъ взглядахъ? Развѣ вы забыли кто я, кто вы, и кто наши непріятели? Не обязаны ли вы Вольскамъ

и Латинамъ славою, вами пріобрѣтенной? Не вы ли покорили Вейю, разбили Галловъ и освободили Римъ, подъ моимъ начальствомъ? Развѣ я уже болѣе не Камиллъ? Атакуйте и—по обыкновенію—непріятели побѣгутъ передъ вами.» Въ сраженіи при Каннахъ, Аннибалъ сказалъ своему войску передъ началомъ битвы: «Этотъ день окончитъ ваши труды, отдастъ вамъ владѣнія и богатства Римлянъ и сдѣлаетъ васъ владыками міра.» Въ другой разъ онъ имъ сказалъ: «Послѣ трехъ побѣдъ къ ряду — какія рѣчи и какая слава могутъ одушевить васъ болѣе, чѣмъ ваши собственные подвиги?» При Фарсалѣ Цезарь, отдавъ приказаніе срыть брустверъ и засыпать рвы своего лагеря, говоритъ: «Мы проведемъ ночь въ лагерѣ Помпея.»— Арминій, передъ сраженіемъ съ Римлянами, которыхъ онъ прежде разбилъ почти на томъ же мѣстѣ, когда они были подъ начальствомъ К. Варра, вскричалъ своему войску: «Вотъ Варръ и его легіоны, мы ихъ разобьемъ во второй разъ!» Аба-Суанъ, полководецъ Сарацинскій, говорилъ своимъ солдатамъ передъ сраженіемъ при Ярмукѣ: «Вѣрные ученики великаго Пророка, вспомните, что рай впереди, а дьяволъ и огонь ада назади!» Калифъ Омаръ, передъ сраженіемъ, говорилъ своимъ войскамъ: «Сражайтесь за Бога и онъ отдастъ вамъ землю!» Когда, въ 1066 году, Вильгельмъ Завоеватель вступилъ на берега Англіи, то, для усиленія храбрости своего войска и для уничтоженія всякой надежды на отступленіе, велѣлъ сжечь флотъ свой, говоря: «Друзья! онъ безполезенъ для васъ; вы не имѣете намѣренія бѣжать и возвратиться во Францію; наше единственное убѣжище Лондонъ; мы должны туда проложить себѣ дорогу или умереть подъ знаменами!» Немногіе полководцы могутъ сравниться съ Гонзальвомъ Кордуанскимъ въ способности говорить къ воинамъ и воодушевлять ихъ, изъявляя надежду на ихъ мужество и счастіе. При началѣ одного дѣла, его пороховой погребъ взорванъ былъ на воздухъ; онъ замѣчаетъ, что это привело въ уныніе его солдатъ: «Друзья, говоритъ онъ, побѣда за нами, небо намъ возвѣщаетъ этимъ торжественнымъ знаменіемъ, что мы можемъ обойтись даже безъ артиллеріи.»

Въ сраженіи при Иври, Генрихъ IV проѣзжаетъ по фронту, показывая войску свою каску, украшенную бѣлыми перьями. «Дѣти, говоритъ онъ, если у васъ по какому либо случаю пропадетъ изъ виду знамя, то вотъ пунктъ соединенія: вы всегда его увидите на пути чести и побѣды!» Въ другой разъ Генрихъ Великій сказалъ своимъ войскамъ: «Я вашъ король, вы Французы, вотъ непріятель, впередъ!» Мы привели въ примѣръ только выраженія характеристическія нѣкоторыхъ временъ и различныхъ народовъ; намъ нельзя было привести здѣсь длинныя рѣчи и воззванія Грековъ и Римлянъ, находимыя нами въ ихъ авторахъ. Здѣсь надлежало только показать, что, смотря по характеру армій, предводители ихъ употребляли, какъ пружину воодушевленія, насмѣшку, славу, выгоду, обѣщаніе наградъ, воспоминаніе великихъ дѣяній, благородную гордость, вѣру и честь. Мы найдемъ примѣры и другаго рода. Одинъ полковникъ, при Флерусѣ, готовясь атаковать непріятеля и не зная какъ воодушевить

своихъ солдатъ, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ послали въ походъ дурно одѣтыми, сказалъ: «Друзья, вотъ вамъ утѣшеніе; мы имѣемъ счастіе быть передъ войскомъ одѣтымъ во все новое; нападемъ стремительно и одѣнемся!» Въ сраженіи при Ленсѣ, великій Конде, пробѣгая ряды, сказалъ: «Друзья, не унывайте, вспомните Рокруа, Фрибургъ и Нёрдлингенъ!» Наконецъ въ болѣе близкое къ намъ время, какіе разительные примѣры видимъ мы, и какъ не привести здѣсь нѣкоторыхъ изъ электрическихъ словъ Наполеона? Въ 1796 г. армія, назначенная въ Итальянскую кампанію, была лишена всего; молодой генералъ Бонапарте пріѣзжаетъ и отдаетъ приказаніе выступить. Вспыхнуло возмущеніе; не хотятъ идти, не получивъ жалованья. Онъ приказываетъ арестовать офицеровъ возмутившихся частей войска: войска эти являются шумною толпою на дорогу, и требуютъ освобожденія своихъ офицеровъ у генерала, который, предвидѣвъ это требованіе, отвѣчаетъ слѣдующимъ прекраснымъ воззваніемъ, напоминающимъ слова Аннибала при переходѣ чрезъ Альпы:

«Солдаты, я понимаю ваши желанія; они мнѣ нравятся: они достойны васъ. Вы не будете болѣе вести оборонительную войну; мы вторгнемся въ землю непріятельскую, вамъ предстоятъ побѣды; у васъ нѣтъ артиллеріи, одежды, сапоговъ, вы не получаете жалованья; вы лишены всего; но вы богаты храбростью. За этими горами тянутся плодоносныя долины Піемонта и Ломбардіи; тамъ есть магазины, артиллерія, богатства; идемъ и скоро это все будетъ наше! Непріятель вчетверо сильнѣе, тѣмъ болѣе вамъ славы! Я отдаю вамъ офицеровъ вашихъ, они васъ поведутъ противъ непріятеля!» При этихъ словахъ безпорядокъ замѣнился энтузіазмомъ; крики: да здравствуетъ Бонапарте! да здравствуетъ главнокомандующій! раздались повсюду. Можно утвердительно сказать, что этотъ мало-извѣстный случай положилъ начало довѣрія Итальянской арміи къ своему молодому генералу. Въ Альбѣ, Бонапартъ сказалъ этой же арміи: «Солдаты, вы въ продолженіе пятнадцати дней одержали шесть побѣдъ, взяли 21 знамя, 50 пушекъ, нѣсколько крѣпостей, овладѣли самою богатою частью Піемонта; взяли пятнадцать тысячъ плѣнныхъ, убили или ранили 10,000 человѣкъ.... Терпя недостатокъ во всемъ, вы сумѣли пріобрѣсть все.... Благодарю васъ, солдаты, и проч.» Въ Миланѣ онъ сдѣлалъ также прекрасное воззваніе; вотъ между прочимъ его слова: «Солдаты, вы устремились какъ потокъ съ высоты Апенниновъ; опрокинули, разсѣяли все, что противустояло вамъ.... Такіе успѣхи распространили радость въ вашемъ отечествѣ. Тамъ ваши отцы, матери, жены, сестры, всѣ тѣ, которыхъ вы любите, радуются вашимъ успѣхамъ и съ гордостью произносятъ ваши имена!» Уѣзжая въ Египетъ, Бонапартъ говорилъ: «Солдаты! Вы составляли одну изъ частей Англійской арміи: вы вели войну въ горахъ, долинахъ, въ крѣпостяхъ: остается вести войну на морѣ. Римскіе легіоны, которымъ вы иногда уподоблялись, но съ которыми еще не сравнились, сражались противъ Карѳагенянъ на этихъ моряхъ и въ долинахъ Замы: побѣда никогда не оставляла ихъ, потому что они постоян-

но были храбры, неутомимы, благоустроены и единодушны. Солдаты, взоры Европы обращены на васъ!» Въ сраженіи при Пирамидахъ Бонапартъ сказалъ: «Солдаты, вы пришли въ эти страны, чтобы избавить ихъ отъ варварства, чтобы перенести просвѣщеніе на Востокъ и уничтожить въ этой прекрасной странѣ иго Англіи. Мы будемъ сражаться: помните, что съ высоты этихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ!» Въ инструкціи данной имъ Клеберу, при отъѣздѣ изъ Египта, Бонапарте представляетъ истинный образецъ военнаго слога, ясность, талантъ, геній, тутъ есть все!

Подъ Ульмомъ, Наполеонъ сказалъ: «Еслибъ не армія, которая передъ нами, мы были бы теперь въ Лондонѣ; мы отомстили бы за шесть вѣковъ оскорбленій и возвратили свободу морямъ.» Передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ и послѣ него, при Іенѣ, въ Берлинѣ, при Эйлау, Фридландѣ, въ Мадридѣ, на Нѣманѣ, въ Дрезденѣ, въ долинахъ Шампаньи, вездѣ, гдѣ императоръ имѣлъ случай говорить къ войскамъ, вездѣ проявлялъ онъ этотъ могущественный талантъ, который воодушевлялъ ихъ.

Въ исторіи великихъ полководцевъ, въ ихъ дѣйствіяхъ, въ рѣчахъ ихъ, главнокомандующій найдетъ правила для искусства писать и говорить къ войску; однимъ словомъ — военнаго краснорѣчія. Впрочемъ, сверхъ выгодъ, которыя онъ извлечетъ изъ этихъ правилъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно воодушевлять и возстановлять храбрость войскъ, или когда нужно подавить возмущеніе, какъ это имѣлъ случай сдѣлать Александръ въ Азіи, Цезарь при возмущеніи 10-го легіона, Германикъ съ легіонами Паноніи и Германіи, Наполеонъ, когда въ 1796 г. вступилъ въ командованіе Италіянской арміи,— есть множество другихъ случаевъ, гдѣ необходимо генералу говорить сильно, объясняться увлекательно, однимъ словомъ, гдѣ онъ долженъ поучать, нравиться и трогать. Напр., онъ представилъ въ совѣтъ полезное мнѣніе. Какимъ образомъ, безъ таланта, безъ краснорѣчія успѣетъ онъ убѣдить?

Какимъ образомъ привлечетъ онъ, безъ дара слова, къ своему мнѣнію людей холодныхъ и робкихъ или движимыхъ не столь сильными побужденіями? Даръ слова ему также нуженъ въ совѣтахъ, имъ созываемыхъ; но этотъ даръ ему въ особенности необходимъ при веденіи переговоровъ съ иностранными державами. Исторія вѣрно не передала бы намъ столько несчастныхъ сраженій, еслибъ Марльборо не имѣлъ дара говорить убѣдительно съ Генеральными Штатами Голландіи; еслибъ онъ не былъ столько же краснорѣчивъ, сколько и храбръ; столь же хорошій ораторъ, сколько искусный полководецъ? Наконецъ полезно генералу и всякому образованному офицеру имѣть въ своей библіотекѣ нѣсколько хорошихъ литературныхъ сочиненій, даже драматическихъ, какъ, напр., творенія Корнеля, Расина и проч.

О НАУКАХЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ.

Хотя физическія познанія относятся къ артиллеріи и инженерному искусству, однакоже нельзя здѣсь не упомянуть о нихъ особенно и не признать нѣкоторой пользы, приносимой ими главнокомандующему. Часть астрономіи, которая знакомитъ съ явленіями неба, можетъ быть иногда нужною въ странахъ малонаселенныхъ или при ночныхъ переходахъ. Генералъ, который не имѣетъ никакого понятія о продолжительности дней и ночей, а также о метерологіи, этой столь интересной части физики, будетъ нерѣдко подвергаться затрудненіямъ. Однимъ словомъ, главнокомандующій долженъ имѣть столько познаній въ физикѣ и химіи, чтобы понимать необходимость предписанія, по совѣту медиковъ, мѣръ гигіеническихъ для здоровья и сохраненія войска. Мы, въ этой второй книгѣ, исчислили знанія, необходимыя и нужныя; всѣ тѣ, о которыхъ мы не упоминали, должны быть, какъ намъ кажется, только причислены къ познаніямъ полезнымъ, и мы должны повторить, что главнокомандующій можетъ себѣ позволить ими заниматься не прежде, какъ усвоивъ первыя. Разумѣется, изящныя искусства смягчаютъ нравы человѣка, украшаютъ его жилище, умножаютъ его удовольствія, услаждаютъ его горести. Пусть гражданинъ, который не обязанъ посвятить все свое время обществу, занимается ими съ увлеченіемъ: мы его одобряемъ, мы даже имъ восхищаемся; но тотъ, кто хочетъ командовать арміею, долженъ, по большей части, послѣ полезнаго занятія, искать развлеченія въ полезномъ же занятіи. Онъ занимался, напримѣръ, военнымъ сочиненіемъ, котораго изученіе утомило его вниманіе; пусть онъ прочтетъ хорошаго историка и вскорѣ его умъ восприметъ прежнюю дѣятельность; послѣ чтенія пусть онъ размышляетъ: послѣ размышленія пусть напишетъ что-нибудь—и никогда скука, этотъ смертельный врагъ счастія, не осмѣлится къ нему приблизиться. Съ каждымъ днемъ онъ будетъ пріобрѣтать нѣкоторыя изъ качествъ, о которыхъ мы вслѣдъ за симъ разсуждать будемъ, и они распространятъ живѣйшій блескъ на таланты, которыми онъ одаренъ, и на познанія, которыми онъ обогатилъ умъ свой.

КНИГА III.

О КАЧЕСТВАХЪ ГЕНЕРАЛА.

ГЛАВА I.

О ФИЗИЧЕСКИХЪ КАЧЕСТВАХЪ.

РАЗСУЖДЕНІЯ ОБЩІЯ.

Рѣдко говорятъ въ обществѣ о качествахъ воина, а разсуждаютъ постоянно только о его дарованіяхъ. Изъ этого однако нельзя заключить, чтобы дарованія и познанія могли, особенно въ главнокомандующемъ, дополнить недостатокъ физическихъ и моральныхъ качествъ. Генералъ можетъ надѣяться приковать побѣду къ стопамъ своимъ, стяжать лавры и пріобрѣсти безукоризненную славу не иначе какъ соединеніемъ многихъ хорошихъ качествъ съ обширными и разнообразными познаніями.

До сихъ поръ никто еще не намѣкалъ генераламъ, что поведеніе ихъ въ обществѣ, частная жизнь, дѣйствія и разговоры ихъ имѣютъ могущественное вліяніе на ихъ успѣхъ и славу, и что, не бывъ въ состояніи избѣжать молвы и служа примѣромъ для своихъ подчиненныхъ, они не могутъ безнаказанно имѣть пороки, недостатки и даже несовершенства; напротивъ того, слишкомъ часто повторяли, что имъ ставятъ въ счетъ самые легкія достоинства, и что стоитъ только побѣждать, чтобы передать со славою имя свое потомству. Мы представимъ здѣсь въ точности слова ученаго писателя, изъ котораго болѣе всего почерпнули мы матеріаловъ, составляя обширное изображеніе познаній и качествъ генераловъ:

«Генералы! чѣмъ выше мѣсто, которое вы занимаете, чѣмъ многочисленнѣе армія, которою начальствуете, и чѣмъ знаменитѣе родъ вашъ, тѣмъ строже васъ судятъ. Ни одинъ недостатокъ вашъ не ускользнетъ отъ насъ; мы не устрашимся окружающаго васъ величія: сумѣемъ его обнажить, пока не доберемся до человѣка! Правда, можно уступить боязни при видѣ легіоновъ, которыми вы начальствуете; можно быть удержану милостію и благосклонностью, которыми вы пользуе-

тесь; можно даже не оспаривать васъ ни въ чемъ, пока вы облечены властью; можно, наконецъ, одобрять ваши пороки и рукоплескать вашимъ странностямъ; но исторія, не страшась вашего могущества и оружія, предастъ забвенію имя ваше, или покроетъ его вѣчнымъ позоромъ. Будучи справедливою, она помѣститъ ваши побѣды въ лѣтописяхъ, но изображеніемъ вашихъ пороковъ омрачитъ блескъ этихъ побѣдъ, а можетъ быть и вовсе его уничтожитъ. Напрасно будете вы приписывать своей осторожности или достоинству успѣхъ въ дѣлѣ, которое было предпринято вашими подчиненными. Вслѣдствіе пороковъ, вы лишитесь довѣренности вашего повелителя, уваженія народа и любви солдатъ. Недостатки ваши представятъ противу васъ опасное оружіе врагамъ вашимъ; тѣ, которыхъ добродѣтель привела бы къ стопамъ вашимъ, употребятъ всѣ усилія, чтобы не подпасть подъ власть человѣка, болѣе опаснаго своими страстями послѣ побѣды, чѣмъ оружіемъ во время сраженія.

«Такимъ образомъ жестокость Клиссона и знаменитаго герцога Альбы, скупость Красса, надменность Лотрека и Тривульція умножили число ихъ враговъ, тогда какъ добродѣтели Сципіона Африканскаго наравнѣ съ оружіемъ способствовали его побѣдамъ, а при имени добраго конетабля и добродѣтельнаго Тюреня города поспѣшали отворять ворота для принятія человѣколюбиваго и великодушнаго побѣдителя. А между тѣмъ — какихъ впечатлѣній не произведутъ ваши пороки на армію? Не будетъ ли она по необходимости подражать вамъ, вслѣдствіе сильнаго вліянія примѣра начальника на подчиненныхъ? Услыша голосъ чести, подстрекаемые славою, вы можете остановить свои страсти, побѣдить свои пороки, даже можете сдѣлаться добродѣтельными; но войско развращенное вами не будетъ уже въ состояніи возвратиться на путь чести, а можетъ быть и не захочетъ сдѣлать подобную попытку. Только обуздавъ свои страсти и склонности, изучая добродѣтели человѣка, гражданина, воина и генерала, соображаясь съ законами, вытекающими изъ отношеній вашихъ ко всѣмъ классамъ общества, исполняя, однимъ словомъ, всѣ обязанности ваши во всемъ ихъ объемѣ и во всѣхъ видахъ, вы, навѣрно, пріобрѣтете любовь и уваженіе отечества, признательность вашего государя, почетное мѣсто въ исторіи, похвалы потомства и славное имя героя».

Приступимъ теперь къ физическимъ качествамъ, которыя надобно имѣть генералу; скажемъ прежде всего, что слѣдуетъ обращать на нихъ гораздо менѣе вниманія, чѣмъ на нравственныя качества и познанія, долженствующія обогатить умъ его. Эти предметы такъ различны, что ставить ихъ въ параллель значило бы утверждать, что слѣпой случай производитъ великихъ генераловъ, тогда какъ они, какъ мы уже видѣли, образуются вслѣдствіе постоянныхъ занятій и неутомимыхъ трудовъ.

Желательно было бы однако, чтобы природа излила щедрою рукою дары свои на того, кому предназначено занимать высокій санъ генерала, — потому что она ему помогала бы достигнуть предмета

его честолюбія. Но какъ природа, при всей своей щедрости, рѣдко изливаетъ всѣ эти дары на одно существо; какъ люди, которымъ она болѣе всего благопріятствуетъ, не всегда раждаются въ классахъ гражданъ, назначенныхъ для командованія арміями; какъ наконецъ душа самая высокая и благородная, умъ самый дѣятельный и разработанный, могутъ заключаться въ тѣлѣ слабомъ, грубомъ и несовершенномъ,—то разсмотримъ какія физическія качества требуются отъ главнокомандующаго арміи: острое зрѣніе, крѣпкое здоровье и тѣлосложеніе сильное—вотъ первыя условія.

О ЗРѢНІИ.

Не станемъ разбирать, какъ образуется *взглядъ;* есть ли это даръ природы, или, что вѣроятнѣе, слѣдствіе изученія и упражненія: какое бы изъ этихъ мнѣній мы ни приняли, несомнѣнно то, что главнокомандующій арміи, не одаренный отъ природы хорошимъ зрѣніемъ, не сдѣлаетъ большихъ успѣховъ въ искусствѣ взгляда и потому не легко ему будетъ одерживать побѣды. Достовѣрно, что у всѣхъ насъ взглядъ соотвѣтствуетъ долѣ ума и здраваго смысла, которыми промыслъ Божій надѣлилъ насъ, но навыкъ и опытность улучшаетъ и укрѣпляетъ его. Древніе приписываютъ Амилькару безукоризненный *взглядъ*, потому что онъ обладалъ всѣми качествами, при которыхъ этотъ взглядъ пріобрѣтается полководцемъ. Филопеменъ, одинъ изъ великихъ вождей Греціи, обладалъ не менѣе удивительнымъ взглядомъ, который у него былъ слѣдствіемъ упражненія. Но что разумѣется подъ словомъ *взглядъ?* (собственно въ военномъ смыслѣ). Это—искусство знать природу и различныя мѣстности страны, гдѣ ведутъ или хотятъ вести войну; знать выгоды и недостатки позиціи, которую хотятъ занять, и тѣхъ, которыя могутъ быть благопріятны или неблагопріятны непріятелю: только при такомъ знаніи цѣлой страны, въ которой ведется война, можетъ полководецъ предвидѣть случайности цѣлой кампаніи и сдѣлаться, такъ сказать, властелиномъ ея, потому что, судя по своимъ дѣйствіямъ о томъ, что можетъ предпринять непріятель, и будучи принужденъ по роду мѣстности согласоваться съ его движеніями для препятствованія его же намѣреніямъ, онъ такимъ образомъ можетъ водить его съ одного мѣста на другое до того пункта, гдѣ предположилъ себѣ одержать надъ нимъ побѣду. Это-то и называется *взглядомъ*, и безъ него генералъ не можетъ никогда надѣяться на побѣду. Что касается собственно зрѣнія, то скажемъ, что природнымъ недостаткамъ его пособить трудно. Умный Манлій Торкватъ-Римлянинъ, прославившійся введенною имъ дисциплиною и побѣдами, имъ одержанными, отказался, не смотря на просьбы и настоянія своихъ согражданъ, отъ консульства, которое они ему предлагали, и единственною причиною этого отказа была необыкновенная слабость зрѣнія. «Нѣтъ, сказалъ онъ, никто не былъ бы неблагоразумнѣе и виновнѣе человѣка, который, не будучи въ состояніи видѣть собственными глаза-

ми, захотѣлъ или согласился на то, чтобы его сдѣлали генераломъ и поручили ему судьбу государства и жизнь гражданъ». Манлій былъ правъ: близорукость въ генералѣ, дѣйствительно, порокъ, тѣмъ болѣе опасный, что искусство, повторяемъ это, тутъ едва ли поможетъ, и что главнокомандующій въ этомъ случаѣ не можетъ никѣмъ замѣнить себя. Безчисленное множество примѣровъ подтвердили бы это мнѣніе; но намъ не возможно ихъ здѣсь исчислить. Поэтому ограничимся однимъ: маршалъ Тальаръ, какъ извѣстно, былъ разбитъ при Гохштадтѣ потому, что слабость зрѣнія ему не позволила сдѣлать нужныхъ распоряженій на мѣстности, которую занималъ онъ, и онъ былъ взятъ въ плѣнъ, принявъ по близорукости непріятельскій эскадронъ, къ которому подъѣхалъ, за Французскій. Этотъ послѣдній примѣръ показываетъ также, что ежели зрѣніе необходимо генералу, то оно не менѣе нужно и всѣмъ офицерамъ, имѣющимъ въ своемъ вѣдѣніи какую нибудь отдѣльную часть.

О ЗДОРОВЬѢ И СИЛѢ.

Мы видимъ, что всѣ древніе поэты воспѣвали силу своихъ героевъ: такъ и слѣдовало въ то время, когда сраженіе состояло изъ нѣсколькихъ поединковъ, число коихъ соотвѣтствовало числу храбрыхъ бойцовъ, находившихся съ каждой стороны: тогда тѣлесная сила была однимъ изъ главныхъ преимуществъ генерала. Но что сдѣлаетъ нынче тѣлесная сила противъ пули или ядра? Кто не помнитъ разсужденій Баярда по этому предмету? Однако, во всякомъ случаѣ, здоровье, быстрота движеній, а слѣдовательно и физическая сила, суть качества генералу нужныя. Конечно, бывали и такіе генералы, которые, будучи слабы и отягчены болѣзнями, давали сраженія счастливо: такимъ образомъ Люксенбуръ и Морисъ графъ Саксонскій, казалось, остановились на краю могилы, чтобы одержать еще побѣду; но эти примѣры рѣдки. Кто станетъ утверждать, что счастіе долго бы колебалось на поляхъ Стейнкерке и Фонтенуа, ежели бы два великихъ человѣка, которые старались утвердить его за собою, наслаждались тѣмъ здоровьемъ, которымъ пользовались при Рокруа и Флерюсѣ, и силою, которую показали при Деттингѣ и Лансфельдѣ? Ежели и возможно генералу, обремененному опасною болѣзнію, одержать побѣду, то очень трудно и почти невозможно, чтобы генералъ слабаго тѣлосложенія и шаткаго здоровья могъ со славою начальствовать въ теченіе цѣлой кампаніи. И въ самомъ дѣлѣ, ежели бы спросили: кто изъ всѣхъ военныхъ, составляющихъ армію, обязанъ заниматься своимъ дѣломъ далеко за полночь? Кого утренняя заря всегда должна заставать на ногахъ? Кто принужденъ сидѣть болѣе всѣхъ на лошади, а иногда и идти долѣе всѣхъ пѣшкомъ? Кто долженъ выносить утомленіе умственное и тѣлесное съ большимъ терпѣніемъ, лишенія всякаго рода съ меньшимъ страданіемъ, выдерживать холодъ и жаръ безъ унынія, сносить голодъ и жажду безъ обремененія? Чья, наконецъ, болѣзнь вле-

четъ за собою самыя ужасныя послѣдствія? Отвѣтъ: Главнокомандующій. Послѣдуйте за Наполеономъ въ Италію, Египетъ, Германію и Францію: кто болѣе этого несравненнаго воина показалъ силы, дѣятельности, терпѣнія и мужества. Однажды только силы его уступили чрезмѣрной усталости; это было въ Дрезденѣ: императоръ оставался въ продолженіе семнадцати часовъ на лошади, промокшій отъ дождя, оледенѣлый отъ холода; геніемъ его было уже все предусмотрѣно: успѣхъ кампаніи былъ несомнѣнный; Австрійская армія должна была претерпѣть рѣшительный ударъ; оставалось Наполеону отдать послѣднія приказанія, которыя имъ отложены были до ночи. Онъ возвращается на главную квартиру, но здѣсь, одолѣваемый лихорадкой, не успѣваетъ распорядиться вовремя, и, не смотря на геній, который выказанъ имъ въ слѣдующіе дни, не смотря на чудеса храбрости со стороны арміи и на нѣсколько побѣдъ, войсками одержанныхъ, кампанія кончилась несчастливо,—и единственно отъ того, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ геній Франціи былъ обезоруженъ болѣзнію. Это былъ роковой случай: исторія передастъ его нашимъ потомкамъ. Итакъ скажемъ вообще, что главнокомандующій долженъ быть самаго крѣпкаго тѣлосложенія и, будучи надежнаго здоровья, обязанъ всемѣрно пещись о его сохраненіи.

О РОСТѢ И ЛИЦѢ.

Геній и таланты генерала рѣдко соотвѣтствуютъ его наружности. Знаменитый Агезилай, который поработилъ часть Азіи, былъ роста меньше средняго; Александръ малаго, а побѣдитель Баязета былъ хромъ: поэтому наружные дары, которые природа раздаетъ такъ слѣпо, не составляютъ необходимости для воинскихъ успѣховъ; они даже почти не нужны; но нельзя утверждать, что они безполезны. Солдаты и народъ часто судятъ о генералѣ по его наружности, хотя потомъ и измѣняютъ свое мнѣніе: высокій ростъ внушаетъ имъ почтеніе; мужественное лицо, съ рубцами отъ непріятельскихъ ударовъ, поражаетъ ихъ; счастливая физіономія нравится; величественный и повелительный видъ увлекаетъ людей; они любятъ видѣть въ сверкающихъ глазахъ предзнаменованіе побѣды; желаютъ, чтобы сильный и звучный голосъ могъ господствовать надъ шумомъ сраженія и громомъ битвы; хотятъ, чтобы генералъ былъ красивъ, быстръ и ловокъ; имъ лестно повиноваться начальнику, который къ благородному обхожденію присоединяетъ воинственную осанку и котораго наружность выражаетъ доброту и человѣколюбіе—вѣрный залогъ заботъ его о ихъ счастіи. Для торжества такого генерала солдаты не устрашатся никакой опасности и каждый изъ нихъ поспѣшитъ сдѣлать для него щитъ изъ своего тѣла. Тюрень всегда являлся передъ солдатами съ тою открытою и доброю осанкою, которая его характеризовала. Сухощавое тѣлосложеніе Наполеона, по прибытіи его въ Италію, сначала ему не благопріятствовало; но какіе физическіе недостатки не забываются при дѣятельности и поры-

вахъ генія? Кто болѣе Наполеона былъ идоломъ своихъ солдатъ; кто болѣе ихъ читалъ въ его орлиномъ взглядѣ предзнаменованіе побѣды?

О ЛѢТАХЪ ГЕНЕРАЛА.

Стоитъ ли обращать вниманіе на лѣта генерала? Говорятъ, что старость вообще тяжела, безпокойна и слаба, но она обыкновенно вознаграждаетъ часть этихъ недостатковъ благоразумною осторожностію и глубокимъ знаніемъ людей. Молодость полная силы, неутомимая въ трудахъ, слишкомъ кипуча; у нея часто недостаетъ свѣдѣній и благоразумія; она безпрерывно увлекается бурными страстями. Камиллъ, Фокіонъ, Велисарій, Монморанси, Вильаръ и нѣкоторые другіе начальствовали со славою, не смотря на согбенное бременемъ лѣтъ тѣло свое; но Марій и многіе другіе генералы видѣли, что побѣда ускользала изъ слабыхъ и трепещущихъ рукъ ихъ. Александръ, Сципіонъ, Помпей, Ла-Тремуйль, Карлъ XII и Конде съ юныхъ лѣтъ были побѣдителями; однако сколько разъ приходилось народамъ проливать слезы оттого, что были предводительствуемы генералами, которыхъ лѣта и опытность не сдѣлали благоразумными. Итакъ избѣгнемъ этихъ двухъ крайностей при избраніи генерала и дадимъ предпочтеніе тѣмъ годамъ, въ которыхъ тѣло не потеряло еще своихъ силъ, душа своей энергіи и когда умъ пріобрѣлъ уже достаточную зрѣлость. Такимъ образомъ древніе рѣшили вопросъ о лѣтахъ генерала. Мы должны прибавить къ тому, что опытность принесетъ значительную выгоду генералу, пока онъ пользуется здоровьемъ и дѣятельностію; главное, чтобы онъ уже въ молодости былъ на войнѣ и чтобы онъ по заслугамъ своимъ заблаговременно былъ уже въ высшихъ должностяхъ. Офицеръ, который провелъ лучшіе свои годы въ низшихъ чинахъ, въ застоѣ — такъ сказать, не имѣющій большихъ свѣдѣній и достигнувшій генеральства по обыкновенному ходу вакансій, лѣтъ пятидесяти пяти отъ роду, не можетъ считаться настоящимъ генераломъ. Тоже самое скажемъ и о молодыхъ офицерахъ, достигшихъ скоро высшихъ чиновъ не въ военное время, не показавшихъ ни генія, ни глубокихъ познаній. Молодость одна не творитъ генеральства и старость не всегда его достигаетъ. Необходимы знанія, достоинства и опытность: это главное; разумѣется, лучше, ежели все это пріобрѣтено въ раннихъ лѣтахъ и сохранено до позднихъ. Мы уже нѣсколько разъ говорили, что генералами не раждаются, а если бы намъ и указали на природнаго генерала, то слѣдовало бы еще доказать, что онъ дѣйствительно не учился ни чему и не былъ никогда на войнѣ. Что скажутъ про человѣка, имѣющаго притязаніе быть великимъ актеромъ или живописцемъ, ежели онъ не являлся ни разу на сцену или не написалъ ни одной картины и не имѣетъ познаній, которыя составляютъ принадлежность великаго артиста?

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГЕНЕРАЛА.

Ни одна нація подобно Франціи не доказала справедливость пословицы: «Кто хорошо служитъ отечеству, тотъ не нуждается въ предкахъ.» Французское дворянство было покрыто славою, но только лишь пути чести и славы открылись и для низшаго класса, то и онъ ежели не превзошелъ, то, по крайней мѣрѣ, и не уступилъ въ этомъ отношеніи дворянству. Обыкновенно, при похвалахъ герою, мало обращаютъ вниманія на знатность его рода; притомъ великій человѣкъ и не тщеславится знатностію своего происхожденія. Но должны ли нація, государь, которые выставляютъ армію, не обращать вниманія на родъ генерала, которому они хотятъ поручить начальство? Вотъ вопросъ, который часто былъ предлагаемъ, и не безъ причины. Знаменитый родъ всегда внушаетъ уваженіе солдатамъ: они слѣпо повинуются генераламъ, имена которыхъ давно извѣстны въ ихъ лагеряхъ. Съ давнихъ временъ, человѣкъ, который по своему рожденію предназначенъ къ командованію арміями, получалъ обыкновенно военное воспитаніе, подобное нами здѣсь описанному: онъ заблаговременно изучалъ главныя тайны искусства, изучалъ ихъ какъ человѣкъ, который имѣетъ въ виду быть генераломъ; у него были хорошіе руководители, и потому ему можно было скорѣе и легче дойти до извѣстной степени совершенства. Этимъ замѣняется, нѣкоторымъ образомъ, школа генераловъ, которая, не смотря на огромную пользу, какую она могла бы принести, до сихъ поръ не устроена ни въ одномъ государствѣ Европы. Какъ? школа генераловъ? возразятъ намъ, когда слишкомъ довольно и школы подпоручиковъ!

Не стѣсняясь, объяснимъ здѣсь мысль нашу мимоходомъ: намъ кажется ложнымъ предположеніе, что будто бы тотъ, кто долѣе повиновался, болѣе достоинъ начальствовать; мы полагаемъ, что офицеръ, остававшійся долго въ первыхъ чинахъ, не будетъ способенъ къ высшимъ назначеніямъ. Человѣческія способности распредѣлены такимъ образомъ, что тотъ, кто назначенъ для мелочей, не годенъ на важныя дѣла et vice versa; притомъ слишкомъ продолжительное исполненіе множества мелочныхъ приказаній стѣсняетъ и порабощаетъ умъ. Лишь бы только не производили въ полковники и генералы дѣтей за знаменитость ихъ происхожденія, а то я не вижу никакого зла въ приготовленіи заранѣе молодыхъ людей къ начальствованію и къ генеральству. Было ли бы зломъ, если бы по недостатку во Франціи въ сыновьяхъ знатныхъ фамилій, или по уклоненію ихъ отъ пути знаменитыхъ отцовъ вслѣдствіе корыстолюбія или жадности, набиралось ежегодно извѣстное число молодыхъ офицеровъ старшихъ чиновъ для обученія ихъ искусству высшаго на войнѣ начальствованія? Нѣкогда важнѣйшимъ побужденіемъ для главнокомандующаго было сохраненіе славы великаго имени: въ самомъ дѣлѣ, ежели случалось, что генералъ, имѣвшій многихъ славныхъ предковъ, находился въ затруднительномъ положеніи, то ему казалось, что эти

знаменитые люди смотрѣли на него; онъ слышалъ голосъ ихъ, напоминавшій ему о ихъ доблестяхъ: это геройское воззваніе тѣней усопшихъ производило обыкновенно на него сильное вліяніе, и онъ вскорѣ самъ становился на ряду съ этими великими людьми. Намъ возразятъ, что славные генералы Французской республики и имперіи не имѣли знаменитыхъ предковъ, что самъ Наполеонъ не считалъ генераловъ въ своемъ родѣ. Но мы скажемъ на это, что всѣ эти воины получили отличное образованіе, что почти всѣ они были хорошими учениками XVIII столѣтія и что ни одинъ сподвижникъ императора, въ томъ числѣ и генералы республики, не оставался долго въ низшихъ чинахъ; наконецъ, что они достигали генеральства и начальствованія подобно сыновьямъ древнихъ и знаменитыхъ родовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить взглядъ на ходъ ихъ производства: увидимъ, что многіе въ нѣсколько мѣсяцевъ, даже въ нѣсколько дней, сдѣлались изъ капитановъ генералами. Заключимъ тѣмъ, что всегда будетъ полезно для націи, ежели нѣкоторые люди, или по рожденію и образованію, или вслѣдствіе выказаннаго достоинства, быстро достигнутъ начальства; пусть первые по честолюбію послѣдуютъ своимъ предкамъ и пусть послѣдніе скажутъ, какъ многіе генералы Наполеона: «Правда, у меня предковъ нѣтъ, да за то я самъ предокъ.»

О БОГАТСТВѢ ГЕНЕРАЛА.

До Французской революціи считалось большимъ преимуществомъ, ежели начальствующій генералъ былъ богатъ; требовалось, чтобы онъ представлялъ собою во всемъ блескѣ верховное могущество государя, ввѣрившаго ему власть; онъ часто долженъ былъ приглашать подчиненныхъ къ своему столу, чтобы узнать ихъ, дать узнать имъ себя и отличать достойнѣйшихъ; онъ долженъ былъ помогать офицерамъ, которые по какому либо несчастному случаю не могли продолжать службы; долженъ былъ помогать и тѣмъ, которымъ ограниченное состояніе не позволяло жить наравнѣ съ прочими; — долженъ былъ снискать любовь солдатъ и, ежели возможно, щедростью заставить ихъ позабыть, хотя на время, ужасныя страданія, ими претерпѣваемыя. Тогда считали государственную казну святымъ хранилищемъ, къ которому генералъ могъ касаться только въ случаѣ крайнихъ и необходимыхъ нуждъ отечества; онъ не могъ посягнуть на собственность гражданъ для поощренія своихъ солдатъ; наконецъ, при раздачѣ добычи, онъ долженъ былъ слѣдовать законамъ справедливости. Въ то время небогатый генералъ проливалъ горькія слезы о томъ, что не могъ дѣлать добра. Говорятъ даже, что богатый генералъ не позволялъ себѣ никогда предосудительными средствами увеличивать свое состояніе; что онъ былъ нечувствителенъ къ обольстительнымъ предложеніямъ непріятеля, старавшагося побѣдить его золотомъ, и что боязнь потерять свое значеніе удерживала его отъ преступленія. Вотъ разсужденія писателей при пере-

воротахъ, которые произошли въ лагерной жизни, особенно послѣ царствованія Людовика XIV. Прошло то время, когда Тюрень ѣлъ за-одно съ солдатами съ желѣзныхъ тарелокъ; когда всѣ генералы, и самъ король, въ первые свои походы, отправлялись верхомъ, не имѣя при себѣ обоза. Настало время, когда обѣдъ молодаго офицера подавался и былъ украшенъ на полѣ битвы съ изысканностію и великолѣпіемъ пира, и когда субалтернъ-офицеръ дѣлалъ походъ въ каретѣ. Но нынѣ, когда не наблюдается уже и распоряженіе короля Прусскаго, который, въ противоположность французскому великолѣпію, дозволялъ фельдмаршалу имѣть для стола не больше десяти приборовъ безъ десерта, генералъ-лейтенанту не болѣе восьми приборовъ и шести блюдъ безъ десерта и пр., нынѣ, когда наши генералы живутъ какъ обыкновенные частные люди и даютъ обѣды очень рѣдко, богатство не можетъ имѣть прежняго вѣса при выборѣ главнокомандующаго; вопросъ этотъ замѣненъ другимъ — о честности и добросовѣстности. Объяснимъ это: во Франціи, какъ и во всѣхъ большихъ государствахъ Европы, генералъ получаетъ хорошее жалованье и награды всякаго рода. Самымъ мелкимъ начальникамъ предоставляются суммы на непредвидимыя издержки, которыя далеко не достигаютъ своего назначенія, и начальникъ, не употребляя ихъ по назначенію, не только не исполняетъ законовъ чести и другихъ обязанностей, но пренебрегаетъ даже достоинствомъ своимъ, въ чемъ долженъ подавать примѣръ подчиненнымъ. Наконецъ, оставляя для собственнаго своего употребленія то, что ему назначено для пріема подчиненныхъ, которыхъ онъ долженъ собирать, чтобы при этомъ съ ними знакомиться, онъ напередъ уже даетъ знать, какъ поступилъ бы онъ и при дѣлежѣ военной добычи, которая досталась бы въ его руки. Ежели министры, зная такое злоупотребленіе, не обуздываютъ виновныхъ, то они обманываютъ государство и государя своего.

Наполеонъ, отвѣчая на удивленіе, которое ему выражали по случаю безсмертной Итальянской кампаніи 1796 года, сказалъ: «Нѣтъ ничего удивительнаго: nous avions tous notre fortune à faire» [1]. Исторія доказала, что мысль о богатствѣ не занимала этого великаго человѣка: подъ словомъ fortune онъ разумѣлъ славу.

Извѣстно ужасное положеніе, въ которомъ находилась отданная подъ его начальство армія и все, что онъ сдѣлалъ, чтобы поставить ее на хорошую ногу; что касается до богатствъ, онъ отправилъ ихъ къ Французскому правительству, уѣхавъ въ Египетскую экспедицію бѣднымъ и безъ упрека.

ДОЛЖЕНЪ ЛИ ГЕНЕРАЛЪ БЫТЬ ЖЕНАТЪ.

Нѣтъ надобности, чтобы состояніе генерала обезпечивало его вѣрность; никогда желаніе сохранить свое имущество не можетъ имѣть

---

[1]) Каждому изъ насъ нужно было пріобрѣсти состояніе.

ни малѣйшаго вліянія на его душу и не помѣшаетъ ему идти на вѣрную смерть тамъ, гдѣ благо отечества того требуетъ. Но будетъ ли онъ столь же вѣренъ гласу отечества, когда обожаемая жена и нѣжно любимыя дѣти бросятся къ его ногамъ и со слезами на глазахъ станутъ трогательнымъ голосомъ умолять его сберечь для нихъ отца и мужа? Когда въ другихъ сочиненіяхъ мы разбирали вопросъ о безбрачіи офицеровъ и военныхъ вообще, тогда мы смотрѣли на это съ другой точки зрѣнія. Что же касается до генераловъ, то мы должны сказать, что все привязывающее человѣка къ его отечеству можетъ только увеличить любовь къ нему, и вслѣдствіе этого укрѣпить въ немъ добродѣтели полезныя отечеству.

Генералъ, соединенный чрезъ дѣтей и жену самыми нѣжными узами со всѣми существами, которыхъ ему слѣдуетъ покровительствовать и которыхъ онъ долженъ защищать, будетъ для отечества полезнѣе холостяка. Желаніе возвратиться къ своей подругѣ въ блескѣ славы, чувство Наполеона, выраженное въ Миланской прокламаціи его, — потребность дать собою прекрасный примѣръ своимъ дѣтямъ, рвеніе — передать имъ имя, ознаменованное великими дѣяніями, честолюбивая мысль приготовить имъ почетное мѣсто въ обществѣ: всѣ эти побужденія заставятъ умолкнуть весьма естественное стремленіе сберечь себя для нѣжно любимыхъ существъ. Вполнѣ увѣренный впрочемъ, что его сограждане будутъ ему благодарны за заботы о ихъ счастіи; убѣжденный, что ежели онъ получитъ смертельный ударъ въ пылу сраженія, то государь поспѣшитъ утѣшить его опечаленное семейство и осыпать его милостями и благодѣяніями,—онъ яснымъ и спокойнымъ взоромъ смотритъ на разстройство своего состоянія и взглянетъ на смерть съ мужественною стойкостію.

Вездѣ и во всѣ времена было осуждаемо безбрачіе. Оно было однимъ изъ признаковъ паденія Римской имперіи. Августъ старался предупредить его, наказывая безбрачіе и поощряя супружества; исторія сохранила слова, сказанныя имъ въ сенатѣ. «Что будетъ съ городомъ при постоянной убыли граждань, вслѣдствіе болѣзней и войнъ, ежели никто не будетъ вступать въ бракъ? Городъ состоитъ не изъ домовъ, галерей и портиковъ—люди составляютъ городъ. Не станутъ же люди выростать изъ подъ земли, какъ въ сказкахъ, для исполненія дѣлъ вашихъ. Вы не для того остаетесь холостыми, чтобы жить въ одиночествѣ; ясно что вы ищете только покоя. Не сошлетесь ли вы на безпорочность Весталокъ? Если такъ, то вы, не исполняя законовъ цѣломудрія, подлежите, подобно имъ, наказанію. Во всякомъ случаѣ вы дурные граждане, — слѣдуютъ ли вашему примѣру или нѣтъ..... Я увеличилъ наказанія непослушнымъ, а что касается до награжденій, то едва ли и самая добродѣтель когда нибудь подобныя получала. Тысяча человѣкъ согласились бы за незначительныя награды пожертвовать жизнію, а тѣ, которыя я предлагаю, не побуждаютъ васъ жениться и кормить дѣтей вашихъ». Эти слова избавляютъ насъ отъ дальнѣйшихъ разсужденій объ этомъ

предметѣ, то есть: о выгодахъ государства, избирающаго своихъ генераловъ изъ людей, связанныхъ съ ними узами супружескими и родительскими.

ГЛАВА II.

О НРАВСТВЕННЫХЪ КАЧЕСТВАХЪ.

ЛЮБОВЪ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Въ любви къ отечеству заключаются три понятія, превосходящія всѣ прочія: это вѣра, государь и семейство. Наши старинные рыцари имѣли щиты съ слѣдующею надписью: «Мой Богъ, мой государь, моя дама»,—это было для нихъ символомъ отечества. Любовь къ отечеству не есть привязанность къ участку земли, потому что въ такомъ случаѣ патріотизмъ долженъ бы возрастать по мѣрѣ распространенія и плодородія почвы. Въ богатыхъ странахъ, народы болѣе, чѣмъ въ бѣдныхъ, любили свое отечество, а этого никогда не было: отымите у народа религіозное чувство, любовь къ вождю, въ которой сосредоточивается уваженіе къ человѣческимъ законамъ и сила ихъ; развратите нравы до уничтоженія семействъ и посмотрите—останется ли тутъ любовь къ отечеству? Нѣтъ! Вы ее не найдете: ее замѣнитъ варварство. Когда Греки разорили Трою, то всѣ уцѣлѣвшіе Троянцы прибыли въ Италію и нашли тамъ отечество, подобное тому, котораго они лишались: это отъ того, что они взяли съ собою своихъ боговъ, что съ ними былъ ихъ государь, ихъ семейства!

Отечество солдата—знамя. Для моряка отечество—флагъ; отечество же всѣхъ вообще: дѣтство, воспитаніе, семейныя воспоминанія, религіозные обряды, любовь отца, матери, братьевъ, сестръ, родныхъ и друзей, всѣ общественныя отношенія, общія несчастія, слава государей, великихъ людей, почести, отличія, религія, законы, нравы, обычаи, промышленность, искусства, общественное богатство предпочтительно даже предъ частною собственностью. Наконецъ, вся нравственная жизнь націи, для которой всѣ частныя лица готовы пожертвовать собою въ случаѣ общей опасности. Безсмертный Монтескьё ошибался, говоря, что любовь къ отечеству есть принадлежнось демократіи, и что честь есть основаніе монархическаго правленія. Любовь къ отечеству—добродѣтель основная; честь есть совершенное исполненіе всѣхъ добродѣтелей. Республики столько же нуждаются въ чести, сколько монархіи въ любви къ отечеству. На этотъ вопросъ не имѣетъ никакого вліянія управленіе народа однимъ или нѣсколькими лицами: любовь къ отечеству исказиться не можетъ; она всегда заключаетъ въ себѣ любовь къ Богу, къ государю и къ семейству, въ единомъ и нераздѣльномъ выраженіи.

Какъ слѣдуетъ служить отечеству?

Мы здѣсь приведемъ слова г-на де-Ное:

«При рожденіи всякій человѣкъ заключаетъ обязательство любить свое отечество; а питаясь въ его нѣдрахъ, онъ скрѣпляетъ условіе— жить для него и умереть за него. Но отечество, имѣя разнообразныя нужды, не требуетъ отъ всѣхъ своихъ дѣтей одинаковыхъ пожертвованій: одни проливаютъ кровь свою въ сраженіи, другіе потомъ своимъ орошаютъ поля, третьи молятъ Бога за наше благоденствіе или оплакиваютъ наши грѣхи, между тѣмъ какъ иные наблюдаютъ за сокровищемъ законовъ, поддерживаютъ между согражданами справедливость и правосудіе. Но если бы вдругъ напалъ на насъ непріятель, опустошилъ наши владѣнія, похитилъ или убилъ нашихъ братьевъ, разрушилъ наши храмы, законы, алтари, и угрожалъ государству окончательнымъ разрушеніемъ: при первомъ крикѣ ужаса и страданія опечаленннаго отечества, вышли бы изъ судилищъ, притекли бы отъ жертвенныхъ алтарей, исторглись бы изъ жилищъ, сбѣжались бы изъ горныхъ ущелій и изъ пустынь—судьи, священнослужители, земледѣльцы и мастеровые, всѣ они собрались бы для подкрѣпленія воиновъ и для поданія примѣра усердія и храбрости; и ежели они не сумѣли бы драться, то по крайней мѣрѣ съумѣли бы умереть.»

Такимъ образомъ, всякій человѣкъ рожденъ быть солдатомъ, хотя не всякій изъ этихъ солдатъ носитъ оружіе; но въ день, когда отечество, нуждаясь въ силахъ гражданина, призываетъ его къ себѣ на помощь, или когда гражданинъ предлагаетъ свои услуги и отечество благосклонно пріемлетъ ихъ, гражданинъ сей дѣлается защитникомъ своей родины; онъ есть уже почетная жертва, приносимая на пользу общую! Главнокомандующій обязанъ болѣе другихъ служить отечеству и не можетъ надѣяться на успѣхъ, если онъ не одушевленъ чувствами вѣры, преданности государю и семейной любви, однимъ словомъ—любовью къ отечеству.

ВѢРА.

«Вѣра есть сильнѣйшее ручательство для людей въ праводушіи человѣческомъ» — сказалъ Монтескьё. Вѣра есть могущественнѣйшій моральный дѣятель; посредствомъ ея генералъ можетъ воодушевить солдатъ, поддержать ихъ мужество или его возродить въ нихъ. Всякое войско безъ религіи негодно, сказалъ знаменитый военный министръ; поэтому важно для успѣховъ и славы генерала, чтобы солдаты были проникнуты вѣрой. Но какъ примѣръ начальника дѣйствуетъ всего сильнѣе на войско, то да не надѣется генералъ побудить своихъ воиновъ къ исполненію обязанностей вѣры, ежели онъ самъ ихъ не исполняетъ! Къ тому же — мысль о Верховномъ Существѣ, вознаграждающемъ за заботы о счастіи людей, не будетъ ли служить утѣшеніемъ, опорою и одушевленіемъ для военачальника. Всѣ великіе герои древняго и новаго времени были проникнуты духомъ вѣры, и даже язычники никогда не отправлялись въ сраженіе,

не призвавъ боговъ и не поручивъ себя ихъ покровительству. Въ лагеряхъ Александра и Дарія совершились жертвоприношенія предъ началомъ сраженія. Римляне, Каρѳагеняне, Цезарь и Верцингеториксъ призывали на помощь небо. Кто въ болѣе близкое къ намъ время былъ религіознѣе Баярда, Собіескаго, Тюреня и другихъ? Наконецъ Наполеонъ не уважалъ ли всѣ вѣрованія народовъ, съ которыми ему приходилось сражаться и не возстановилъ ли у насъ алтари, опрокинутые демагогіею и невѣріемъ? Солдаты въ высшей степени религіозны: этимъ-то и поддерживается ихъ храбрость: наблюдайте ихъ и—въ томъ убѣдитесь. Къ стыду Французскаго правительства и военныхъ министровъ, ни въ одномъ военномъ уставѣ нѣтъ ни слова о вѣрѣ. Умудряются создавать для военныхъ ничтожныя занятія, чтобы не пріучить ихъ къ праздности, а между тѣмъ не находятъ времени, чтобы поговорить съ ними о величіи Бога! Мы знаемъ, что офицеры Французскихъ высшихъ школъ смѣются при подобныхъ разсужденіяхъ; но вы, старые генералы, которые столько разъ торжественно прошли чрезъ всю Европу, развѣ не испытали, какъ трудно побѣдить народъ религіозный? Знаменитый и злополучный маршалъ Ней, прозванный храбрымъ изъ храбрыхъ! Взываемъ къ воспоминаніямъ отъ тебя оставшимся: къ тебѣ, не вступавшему никогда въ храмъ Божій безъ колѣнопреклоненія и молитвы!

ЛЮБОВЬ КЪ ГОСУДАРЮ.

Можетъ ли генералъ не соединять съ вѣрою любовь и преданность государю, поручившему ему свою армію? Государь для генерала, болѣе чѣмъ для всякаго другаго, есть олицетвореніе отечества: Людовикъ XIV говорилъ: «Государство — это я». Тѣ, которые охуждали эти знаменитыя слова, не поняли ихъ: слова эти не были выраженіемъ гордости, но выражали тотъ высокій патріотизмъ, котораго толпа никогда не понимала, но который должны понять люди просвѣщенные: слава государя не есть ли слава народа — и наоборотъ. Непріязненный народъ, оскорбившій не только цѣлую націю, но хотя бы одного только гражданина, не оскорбляетъ ли при этомъ самаго государя? Какъ же при оскорбленіи, нанесенномъ государю, націи не считать себя оскорбленною? Итакъ — скажемъ, по справедливости, что государь — это государство, и государство — это государь. Кто осудитъ отца, который бы сказалъ: «мое семейство— это я», и сына, ежели онъ скажетъ: «мой отецъ — это я?» Въ этой-то удивительной взаимной отвѣтственности и заключается основное начало общества, и если бы его не было, то его слѣдовало бы изобрѣсти; измѣна государю есть измѣна и Богу, и семейству, и отечеству; измѣнить отечеству значитъ — измѣнить Богу, государю и семейству; только развратъ могъ придумать разрушеніе связи между вѣрою, любовью къ государю и къ семейству, чтобы уничтожить тѣмъ любовь къ отечеству. Но ежели намъ скажутъ, что въ республиканскихъ правленіяхъ нѣтъ государя, то мы отвѣтимъ, что это ничтож-

ное доказательство разрушается фактомъ, ибо въ каждой республикѣ есть главное лице, въ которомъ сосредоточивается власть народная. Выше всего на свѣтѣ Богъ и государь, или глава народа. Богъ не имѣетъ выше себя никого въ безконечности бытія своего: точно также и государь не долженъ признавать никого выше себя въ верховномъ своемъ могуществѣ. Кажется, что эти два величія такъ тѣсно между собою связаны, что, какъ говоритъ Дюбоскъ въ одной изъ лучшихъ своихъ проповѣдей, нельзя представить себѣ одного безъ другаго; монархъ есть верховный военачальникъ въ своемъ войскѣ, судія въ судилищахъ, начальникъ въ городахъ, правитель въ провинціяхъ, глава и отецъ во всѣхъ семействахъ ему подвластныхъ; въ единствѣ своемъ онъ — все, и можно сказать, что служащіе въ его государствѣ суть только его глаза, уши и руки, дѣйствующія для него и чрезъ него и оживленныя его духомъ. Для чего религія освящаетъ государя при восшествіи его на престолъ — какъ не для сближенія его съ Богомъ и для водворенія большаго уваженія къ нему въ семействахъ его монархіи, которыя съ нимъ такъ тѣсно связаны, что онъ страдаетъ ихъ страданіями, а если онъ несчастливъ, то и они несчастны: тысяча историческихъ фактовъ подтверждаютъ это. И потому генералъ никогда не отдѣляетъ въ душѣ своей Бога отъ государя и народа, воинами котораго онъ начальствуетъ.

ЛЮБОВЬ СЕМЕЙНАЯ.

Генералъ, который сначала былъ добрымъ сыномъ, потомъ сдѣлался хорошимъ мужемъ и отцомъ и исполнилъ, въ отношеніи къ семейству и согражданамъ, всѣ обязанности предписанныя вѣрою, государемъ и законами, внушаетъ самое большое къ себѣ довѣріе солдатамъ, которые подъ его начальствомъ дѣлаются дѣтьми его.

ЧЕСТЬ.

Поспѣшимъ сказать, что чувство чести, которое многими моралистами отдѣлялось отъ любви къ отечеству, есть не что иное какъ совершенное исполненіе обязанностей въ отношеніи къ отечеству, то есть: къ Богу, государю и людямъ; поэтому нарушеніе обязанности есть нарушеніе долга чести, и чѣмъ болѣе и священнѣе обязанность, тѣмъ значительнѣе нарушеніе долга чести. Говоря, что человѣкъ поступилъ безчестно, подразумѣваютъ нарушеніе какой нибудь обязанности; въ противномъ случаѣ выраженіе это не имѣло бы смысла. Тотъ только человѣкъ честенъ, кто исполняетъ строго всѣ свои обязанности: вотъ понятіе, которое должно имѣть о чести; такъ понимали ее наши предки, и это понятіе о ней мы желаемъ видѣть въ генералѣ: честь, такимъ образомъ понимаемая, настроитъ его душу къ настоящей славѣ; она подвигнетъ его на дѣянія трудныя, которыя предприметъ онъ не въ надеждѣ на молву объ нихъ, а изъ желанія добра, могущаго отъ нихъ послѣдовать. Герой, одушевляемый этою

честію, менѣе обратитъ вниманіе на извѣстность и отличія, чѣмъ на случай, дозволяющій ему пренебречь опасностью для великихъ услугъ отечеству: эта честь не требуетъ, чтобъ добродѣтель приносилась на жертву; напротивъ того, она сама готова погибнуть для ея сохраненія; тому, кто воспламененъ чувствомъ чести, легко пожертвовать жизнію; но чувство чести требуетъ, чтобы эта жертва была болѣе полезна, чѣмъ блестяща; оно говоритъ не о притязаніяхъ, а объ обязанностяхъ; оно цѣнитъ гораздо выше поступки справедливые, добрые и благоразумные, нежели тѣ, которые только велики, прекрасны и необыкновенны: однимъ словомъ — честь дѣлаетъ наше обращеніе благопристойнымъ, нравы строгими и добродѣтели великими и возвышенными. Ежели-бъ военные были проникнуты правилами чести, которыя здѣсь нами указаны, то не вступали бы, подобно Каликратидасу, въ сраженіе изъ боязни подвергнуться упрекамъ за то, что уклонялись отъ непріятеля, а дѣйствовали бы по примѣру Фабія Максима, пренебрегшаго этими пустыми предразсудками для блага общаго. Воины презрѣли бы ложную щекотливость перваго, заплатившаго за нее жизнію и лишившаго Лакедемонцевъ значительнаго флота, и послѣдовали бы твердости втораго, который, спасая Римъ, покрылъ себя безсмертною славою; они считали бы мудростью осторожное отступленіе передъ непріятелемъ сильнѣйшимъ и берегли бы свои силы, ежели невозможно однимъ сраженіемъ окончить съ выгодою кампанію; убѣжденные, что доблесть начальника не должна быть храбростію солдата, они подвергали бы опасности жизнь свою или свободу только въ самой крайней необходимости, а въ особенности избѣгали бы поединковъ, хотя бы то было за отечество. Приводятъ въ примѣръ нѣкоторыхъ государей, которые рѣшались подвергать жизнь свою опасности для окончанія жестокихъ войнъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія: побудительная причина такой великодушной неосторожности дотого высока и прекрасна, что нельзя не извинить самаго дѣла. Но генералъ, который не имѣетъ такой побудительной причины, пусть повторитъ слова, сказанныя Метелломъ Серторію: «Генералъ не долженъ умереть какъ гладіаторъ».

Правда, что древніе не знали предразсудковъ чести: Цезарь не нашелъ нужнымъ послать вызовъ Катону; также и Помпей съ Цезаремъ за множество обоюдныхъ обидъ не сдѣлали этого, и величайшій полководецъ Греціи не считалъ себя обезчещеннымъ только потому, что погрозили ему палкой. Настоящая честь существовала во всѣ времена; она не измѣнчива, потому что безсмертный источникъ ея въ сердцѣ человѣка справедливаго и въ ненарушимыхъ правилахъ его долга. Знаменитый Пескарія, генералъ, жившій въ то время, когда, по выраженію Руссо, измѣряли доблести длиною шпаги, отказался отъ вызова Шабанъ де Ванденеса, брата маршала де ла Палиса, и Тюрень, котораго никто не обвинитъ въ невѣдѣніи правилъ чести, также отказался отъ поединка съ курфирстомъ Пфальцскимъ. Нѣтъ, никогда не будетъ лишнимъ повтореніе того, что чувство чести не имѣетъ значенія, которое въ разное время ему приписывали

забіяки; люди эти, какъ говоритъ Жанъ Жакъ Руссо, столь щекотливые и готовые на вызовы, суть большею частію люди безчестные, которые, боясь чтобы имъ не оказывали открыто презрѣнія, къ нимъ питаемаго, употребляютъ всѣ усилія для прикрытія своей позорной жизни такъ называемыми дѣлами чести. Наконецъ, кто не знаетъ, что есть люди, которые стараются чѣмъ нибудь выказаться однажды, чтобъ этимъ отдѣлаться на все остальное безвѣстное время своей жизни. Подтверждаемъ: чувство чести, какъ у воина, такъ и у гражданина, вполнѣ заключается въ исполненіи обязанностей къ отечеству, въ которыхъ содержатся уже и всѣ прочія человѣческія обязанности.

Пусть генералы и вообще военные заглянутъ въ лѣтописи народовъ: они увидятъ, что любовь къ отечеству одушевляла всѣхъ героевъ, возбуждающихъ наше удивленіе, и что неумолимая исторія никогда не проститъ тому, что забудетъ, хотя на одинъ день, свое отечество, хотя бы вся остальная жизнь его была преисполнена славою. Какими угрызеніями совѣсти заплатилъ конетабль Бурбонъ за свое преступленіе противъ отечества? Съ какимъ презрѣніемъ обращался съ нимъ Карлъ V, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ считать его для себя нужнымъ? Когда преступленіе его дало врагамъ перевѣсъ надъ нимъ, тогда они же смѣялись надъ обѣщаніями, ему съ ихъ стороны данными, и тогда единственнымъ плодомъ его измѣны осталось презрѣніе, которое ему всѣ оказывали. Но вы, воины, герои и великіе люди всѣхъ вѣковъ, которые намъ завѣщали столько высокихъ примѣровъ любви къ отечеству, оставайтесь всегда въ памяти государей, знатныхъ и генераловъ. Обращаюсь къ тебѣ, великій Петръ, какъ къ знаменитому повелителю, покидавшему два раза свое государство, а вмѣстѣ съ тѣмъ блескъ и величіе императорскаго сана, и проводившему это время въ мастерской съ простыми работниками. Къ тебѣ обращаюсь, великій человѣкъ, возвысившій государство свое во всемъ, въ подданныхъ, въ себѣ самомъ, на сушѣ и на морѣ, съ единственною цѣлію упрочить и украсить его. Искусства, посѣянныя собственными руками твоими въ странахъ, изъ которыхъ многія еще были дики, принеся богатые плоды, свидѣтельствуютъ о твоемъ геніи и любви къ отечеству. И вы, Дю-Гескленъ, Баярдъ, Барбазанъ, Дюнуа, Тюрень, Вобанъ и проч. войны французскіе, достойные соревнователи Кодровъ, Курціевъ, Реголовъ и Филеновъ, вы также доказали, что любили свое отечество.

И ты, Дезé, питалъ святую любовь къ нему, когда, получивъ смертельный ударъ, произнесъ эти безсмертныя слова: «Скажите первому консулу, что я умираю, сожалѣя, что мнѣ мало удалось сдѣлать для отечества.»

И ты, Наполеонъ, императоръ Французовъ, ты любилъ Францію болѣе всего, когда, покрывъ ее славою, украсивъ искусствами, устроивъ ее законами и геніемъ твоимъ, и будучи еще въ состояніи защищаться, дважды пожертвовалъ собою, предалъ себя въ руки Англичанъ и обрекъ себя изгнанію!

ХРАБРОСТЬ.

Храбрость, качество столь необходимое для воина, что безъ нея онъ не можетъ стать подъ знамена.

Мы, въ первой части нашей книги, говоря о воспитаніи, видѣли, что храбрость не есть добродѣтель природная, но что она пріобрѣтается съ самаго нѣжнаго возраста и развивается въ такой степени, что можетъ дойти до безразсудной дерзости. Конечно, генералъ можетъ прежде достиженія начальства надъ арміями истребить послѣдній зародышъ боязливости и слабости, которыя ему достались отъ природы; безъ всякаго сомнѣнія, онъ успѣетъ до того времени нѣсколько разъ выказать личную свою храбрость: поэтому мы не имѣемъ здѣсь въ виду внушить генералу храбрость, но хотимъ только показать, какъ онъ долженъ употреблять ее. Мужество, говоритъ Монтень, имѣетъ подобно другимъ добродѣтелямъ, свои границы, переходя которыя вступаешь уже на путь порока, потому что съ этимъ переходомъ становишься безразсудно отважнымъ, упорнымъ и безумнымъ. Но гдѣ эти границы и какъ опредѣлить ихъ?

О дѣйствіяхъ людей судить должно по общей пользѣ и народному счастію: въ обществѣ дѣйствія людей добродѣтельны или порочны, смотря по приближенію къ этой цѣли или отдаленію отъ нея. Вслѣдствіе этого правила дѣйствительное мужество будетъ добродѣтелью въ генералѣ въ такомъ случаѣ, ежели спасеніе арміи ему ввѣренной и польза отечества требуютъ, чтобы онъ подвергнулъ себя опасности: во всѣхъ прочихъ случаяхъ храбрость генерала — порокъ.

Но посмотримъ, сходна ли нравственная и политическая истина съ поведеніемъ великихъ генераловъ древняго и настоящаго времени?

Всѣ военные писатели, между которыми считается нѣсколько знаменитыхъ воиновъ, воспрещаютъ генералу отвагу солдатскую: они ставятъ его во время сраженія вдалекѣ отъ боя и на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видно, что дѣлается на разныхъ пунктахъ позиціи. Полибій не удовольствовался общими выраженіями: онъ считаетъ необходимымъ, чтобы генералъ избѣгалъ даже опасности, которыя въ глазахъ его солдатъ не кажутся опасностями; онъ не только не хвалитъ Марцелля, но порицаетъ его за то, что онъ безъ особенной надобности подвергался ударамъ непріятельскимъ. Одинъ изъ главныхъ упрековъ Пирру былъ сдѣланъ имъ за то, что тотъ недостаточно заботился о самосохраненіи. Императоръ Леонъ, Монтекукули, Фекиръ и Фолардъ, однимъ словомъ—всѣ военные писатели прошедшаго вѣка согласны съ этимъ: они предпочитаютъ поступокъ Сципіона, приблизившагося къ мѣсту боя подъ прикрытіемъ трехъ щитовъ, поступку Тюреня, подвергавшаго опасности столь драгоцѣнную жизнь для того, чтобы дать солдатамъ высокое понятіе о своей храбрости. Благоразумный Тюрень рѣшился на такое безразсудное дѣйствіе, вѣ-

роятно, только по тому разсчету, что никто не долженъ даже и подозрѣвать генерала въ недостаткѣ храбрости, но герой этотъ развѣ не представилъ достаточно доказательствъ своего мужества? Не могъ ли онъ сказать, подобно Фабію Максиму, съ которымъ имѣлъ столько общаго: «Я былъ бы трусомъ, ежели бы опасеніе подвергнуться нѣкоторымъ насмѣшкамъ удержало меня отъ исполненія правилъ, предписываемыхъ осторожностью». Великій Конде думалъ подобно ему: онъ поступилъ согласно съ этимъ правиломъ, когда Гассіонъ хотѣлъ испытать его храбрость. Санта-Круцъ, говоря о храбрости генерала, идетъ дальше прочихъ писателей: до начатія сраженія, говоритъ онъ, главнокомандующій долженъ перемѣнить лошадь, одежду и оружіе, и только люди испытанной вѣрности могутъ занять мѣсто, на которомъ онъ будетъ находиться во время битвы. Всѣ эти писатели очень справедливо замѣчаютъ, что армія, въ которой генералъ убитъ, взятъ въ плѣнъ, либо раненъ, похожа на чудовище съ нѣсколькими головами, но безъ рукъ и ушей; они говорятъ, что смерть, плѣнъ или удаленіе генерала, вслѣдствіе ранъ, отнимаютъ бодрость у его войска, одушевляя въ то же самое время войско непріятельское. Единственно генералъ владѣетъ тайною своего государя, прибавляютъ они; онъ одинъ обдумалъ, составилъ планъ кампаніи, пріобрѣлъ любовь солдатъ, довѣренность войска; другой человѣкъ, даже болѣе искусный, не можетъ съ пользою замѣнить его. Ежели, не смотря на гибель генерала, армія, движимая его духомъ, и одержитъ побѣду надъ непріятелемъ, то она не сумѣетъ и не будетъ въ состояніи воспользоваться ею; ежели же—напротивъ—она разбита, то пораженіе ея бываетъ обыкновенно совершенное.

Мнѣніе писателей настоящаго времени почти во всемъ согласно съ тѣмъ, которое предъ симъ приведено нами; нѣкоторые опредѣляютъ даже разстояніе, на которомъ долженъ находиться главнокомандущій, по числу его войскъ и пространству, которое они занимаютъ.

Итакъ, не исчисляя здѣсь всѣхъ сраженій, которыхъ ходъ измѣнился отъ смерти, плѣна или невольнаго удаленія генерала, не говоря о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ признавалось полезнымъ распустить слухъ о смерти непріятельскаго генерала или скрыть смерть своего главнокомандующаго, не исчисляя всѣхъ этихъ случаевъ—говорю я, намъ достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы окончательно показать, въ какой степени генералъ долженъ быть воздерженъ въ употребленіи своей храбрости и убѣдить, что въ немъ храбрость, проявляющаяся въ дѣйствіи, почти всегда есть не что иное какъ безразсудная отважность.

Во первыхъ — исторія Греціи представляетъ намъ два сраженія, при Мантинеѣ и при Левктрахъ. Главною причиною пораженія Спартанцевъ при Левктрахъ была смерть царя Клеомброта.

Ежели бы Эпаминондъ не былъ убитъ въ первомъ сраженіи при Мантинеѣ, то Ѳиванцы извлекли бы гораздо болѣе выгодъ изъ знаменитой побѣды, одержанной ими на этихъ прославленныхъ поляхъ.

Во второмъ сраженіи при Мантинеѣ Спартанцы не разсѣялись совершенно и Филопеменъ не считалъ побѣду вѣрною, пока не отрубилъ головы тирану Миханиду и не показалъ ее своей арміи. Знаменитый Пелепидъ, убѣжденный въ томъ, что участь арміи зависитъ отъ жизни генерала, отвѣчалъ женѣ своей, которая плача просила его поберечь себя: «Ты могла бы дать совѣтъ этотъ простому солдату, а не генералу, который обязанъ беречь себя». Римская исторія представляетъ множество подобныхъ примѣровъ. Смерть консула Валерія была скрываема отъ солдатъ, до тѣхъ поръ пока они не овадѣли Капитоліемъ. Въ сраженіи, происходившемъ на берегу рѣки Серисъ, между Римлянами и Пирромъ, Эпироты готовы были обратиться въ бѣгство, полагая что король ихъ убитъ; Пирръ снимаетъ шлемъ свой, проѣзжаетъ по рядамъ и даетъ узнать себя; въ войскахъ Эпира раздаются радостные крики, которые скоро обращаются въ крики побѣдные. Въ одномъ изъ сраженій между Галлами и Римлянами, Попилій Лена завлекся слишкомъ далеко впередъ, получилъ рану и принужденъ былъ возвратиться въ шатеръ свой; въ то же время воинскій жаръ Римлянъ ослабѣваетъ и Галлы начинаютъ брать верхъ; Римскій генералъ вновь показывается и—Галлы опрокинуты. Сверхъ этихъ примѣровъ можно указать на разбитіе войскъ Лабіена—Цезаремъ, Цивилиса—Вомлою, Аргенизана—Аттилою, генерала Леона—королемъ Булгарскимъ, Селера—Ѳокою и наконецъ похитителя Бріенна—императоромъ Ботоніятомъ. Въ болѣе близкія времена, видимъ, что въ сраженіи подъ Ельне, бывшемъ въ 1001 г. между Датчанами и Англичанами, одинъ Датчанинъ, умотрѣвъ солдата, очень похожаго на Англійскаго генерала, отрубилъ ему голову, и, показывая ее, окровавленную, непріятелю, закричалъ: «Вотъ голова вашего короля». Солдаты, пораженные этимъ зрѣлищемъ, готовы уже были обратиться въ бѣгство, но въ эту минуту является Эдмондъ—король и военачальникъ ихъ; онъ пробивается сквозь толпу, поднимаетъ наличникъ своей каски,—его узнаютъ и битва возстановлена. Въ сраженіи при Лигницѣ, въ 1241 г., между Поляками и Татарами, послѣдніе одержали побѣду не вслѣдствіе какой либо дивной силы, а только по случаю смерти Польскаго генерала. Въ Оре распространились вдругъ неясные слухи о смерти Монфора, и тотчасъ же побѣда перешла на сторону Карла де-Блуа; когда же Монфоръ показался и уничтожилъ своимъ присутствіемъ тревогу, возбужденную непріятельскою молвою, то и побѣда Карла стала сомнительною; въ свою очередь, Карлъ получаетъ смертельную рану, падаетъ, и, несмотря на храбрость Дю-Гесклена, Монфоръ дѣлается побѣдителемъ. Успѣхъ Агнадельской битвы былъ сомнителенъ до той минуты, когда д'Альвіанъ, опрокинутый съ лошади, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Смерть храбраго Немура, въ 1503 г., лишила Французовъ выгодъ отъ побѣды, только что ими одержанной. Извѣстно, что конетабль Бурбонъ, смертельно раненый при взятіи Рима, приказалъ покрыть себя плащемъ, чтобы солдаты этого не видѣли; извѣстно и то, что онъ самъ отвѣчалъ тѣмъ, которые, проходя мимо его, спраши-

вали, гдѣ генералъ: «Ступайте, ступайте, Бурбонъ идетъ впереди». Аббатъ Верто представляетъ, въ своихъ «Португальскихъ революціяхъ», фактъ въ этомъ родѣ столь поразительный, что легко можно усомниться въ его достовѣрности. Муллей-Моллукъ даетъ рѣшительное сраженіе Муллей-Магомету, сопернику своему по Марокскому престолу; вдругъ смертельная болѣзнь поражаетъ его; не смотря на это, онъ показывается своимъ солдатамъ, самъ строитъ армію, и, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, приказываетъ своимъ приближеннымъ, чтобы они, въ случаѣ смерти его во время сраженія, ни подъ какимъ видомъ не объявляли о ней, и чтобы адъютанты его, для удержанія довѣрія въ солдатахъ, подходили по обыкновенію къ его носилкамъ, какъ будто бы для полученія приказаній. Послѣ жестокаго сраженія, истощившаго послѣднія силы мужественнаго Моллука, онъ падаетъ въ обморокъ; конюшіе сажаютъ его въ носилки, и когда онъ пришелъ еще на минуту въ чувство, то приложилъ палецъ ко рту, какъ будто возобновляя отданное приказаніе, и умеръ. Окончаніе дѣла при Барнетѣ, съ той самой минуты, когда въ немъ убитъ Варвикъ, было не что иное какъ страшная сѣча. Шведы въ 1632 г. не пріобрѣли никакихъ выгодъ отъ выиграннаго ими сраженія при Люценѣ потому, что Густавъ-Адольфъ сдѣлался, въ этомъ дѣлѣ, жертвою своей кипучей храбрости. При Нордлингѣ непріятели перестали сражаться послѣ нанесенія Мерси смертельнаго удара.

Въ день сраженія при Засбахѣ—день, въ который Тюрень надѣялся стяжать плоды трудовъ своихъ, Французы, послѣ его смерти, почли себя очень счастливыми потому только, что могли безпрепятственно отступить. Во второмъ сраженіи при Гохштедтѣ, съ той минуты какъ Тальаръ былъ взятъ въ плѣнъ, пораженіе было совершенно. При Кассано успѣхъ дѣлается сомнительнымъ послѣ раны, полученной принцемъ Евгеніемъ и принудившей его оставить поле сраженія. Наконецъ, не одержалъ ли бы Вилларъ полнаго успѣха, ежели-бъ не былъ раненъ при Мальплаке. Чтобы достойно окончить эти изслѣдованія, скажемъ, что Наполеонъ, получившій нѣсколько ранъ въ продолженіе безсмертныхъ войнъ своихъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы скрыть ихъ отъ солдатъ. Извѣстно, что при Регенсбургѣ онъ сѣлъ на лошадь тотчасъ послѣ перевязки, сдѣланной докторомъ Ларреемъ. При Аустерлицѣ императоръ сказалъ своимъ войскамъ: «Солдаты, я самъ буду управлять баталіонами, и буду стоять далеко отъ огня». Вотъ какъ успокоивалъ онъ армію, онъ, показавшій столько храбрости при Лоди, Арколе, Маренго и проч. Но Наполеонъ говорилъ въ этой же прокломаціи: «Ежелибъ побѣда на одно мгновеніе сдѣлалась сомнительною, то вы увидѣли бы, что императоръ вашъ подвергается ударамъ непріятельскимъ!» Этими благоразумными и благородными словами Наполеона опредѣляется мѣра храбрости, необходимая главнокомандующему арміи: они будутъ для потомства завѣтнымъ правиломъ. Пока въ сраженіи войска исполняютъ всѣ движенія въ порядкѣ; пока они производятъ успѣшныя атаки; пока армія повинуется генералу, какъ судьбѣ, которую онъ

олицетворяетъ собою:—до тѣхъ поръ осторожность не должна оставлять его; пусть онъ тогда воздерживаетъ свою храбрость; но ежели требуется сдѣлать рѣшительный натискъ или возстановить битву, ежели войска колеблятся и близки къ отступленію, тогда присутствіе главнокомандующаго можетъ произвести счастивый переворотъ; онъ можетъ возстановить мужество и даже склонить на свою сторону побѣду. Солдаты не видятъ для себя опасности, когда ихъ генералъ ей подвергается; тогда они видятъ только его одного, боятся только за него и употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы не допустить его до погибели или вырвать его изъ когтей смерти. Пусть генералъ бросится, въ такую минуту, подобно тому какъ Сципіонъ это сдѣлалъ противъ Карѳагенянъ въ Бетикѣ, Цезарь противъ Нервіянъ и въ сраженіи при Мундѣ, Наполеонъ при Лоди, Арколе, Эйлау, Дрезденѣ, Шампоберѣ и проч., пусть устремится туда, гдѣ увидитъ наибольшій безпорядокъ, пусть спѣшится, пусть бросится въ ряды непріятельскіе и утвердитъ за собою побѣду.

МУЖЕСТВО.

Храбрость и мужество въ генералѣ двѣ совершенно различныя добродѣтели; мы видѣли, въ какихъ случаяхъ онъ долженъ воздержать свою храбрость и въ какихъ — дать ей волю. Что касается до мужества, то оно не должно никогда оставлять его, потому что мужество есть качество противоположное слабости. Когда государь намѣревается ввѣрить генералу главное начальство надъ арміею, то генералъ сей долженъ имѣть, подобно Клиссону и Кусси, столько твердости, чтобы указать на тѣхъ, которые ежели не преданностью, то познаніями или высокими качествами болѣе его достойны занять это мѣсто; ежели же, не смотря на это, рѣшеніе воспослѣдовало, то ему не слѣдуетъ уже обращать вниманія на бремя обязанности, на него возлагаемой, а должно думать только о достойномъ ея исполненіи. Въ совѣтѣ, гдѣ планъ кампаніи предложенъ и обсуждается, генералъ долженъ съ величайшимъ мужествомъ держаться средины между упрямою настойчивостью и раболѣпною уступчивостью; образцами ему могутъ служить: герцогъ Веймаръ съ Ришелье, Тюрень съ Лувуа, Наполеонъ съ Директоріею. Скажемъ наконецъ, что онъ долженъ почерпать въ любви къ отечеству сознаніе своего долга. Онъ долженъ всевозможно стремиться къ тому, чтобы пріобрѣсти неограниченную къ себѣ довѣренность и полную власть, потому что недовѣріе и неполнота власти всегда вредятъ успѣху. Наконецъ, какъ только онъ препоясался мечемъ и принялъ жезлъ начальствованія, то долженъ вмѣнить себѣ въ правило являться всегда въ равномъ расположеніи духа при всѣхъ переворотахъ судьбы, сохранять скромность въ счастіи, не унывать при неудачахъ, быть твердымъ при видѣ опасностей: пускай всѣ видятъ его постоянство въ трудахъ, рѣшимость въ предпріятіяхъ и справедливость въ распредѣленіи наградъ. Онъ долженъ забыть интриги, удовольствія, свои выгоды и

даже узы кровныя. Разсмотримъ здѣсь различныя обстоятельства, въ которыхъ онъ можетъ находиться. Ежели, при вступленіи на начальническое поприще, онъ потерпитъ уронъ, и непріятель возьметъ нѣкоторый перевѣсъ надъ нимъ, то позволительно ли ему броситься на встрѣчу смерти, въ самый пылъ битвы, въ подражаніе Бруту, Катону и Курцію, которые предпочли смерть пораженію? Нѣтъ; настоящее мужество возлагаетъ на него обязанность, которой онъ не признать не можетъ: выгоды отечества требуютъ, чтобы онъ укротилъ эти слишкомъ сильные порывы и обуздалъ эти безотчетныя побужденія; отечество считаетъ пораженіе преступленіемъ только тогда, когда оно произошло отъ неосторожности, трусости или измѣны; во всѣхъ прочихъ случаяхъ оно прощаетъ генералу, сожалѣетъ о немъ и даже старается утѣшить его въ несчастіи. Тюрень, Конде, Креки и многіе другіе генералы нашего времени не перестаютъ считаться, въ глазахъ Франціи и всей Европы, людьми знаменитыми, не смотря на то что они были иногда поражаемы и принуждены снимать осады! Беречь жизнь свою, заботиться объ удобномъ отступленіи, заниматься пріисканіемъ скорѣйшихъ средствъ для вознагражденія претерпѣннаго урона, внушать арміи твердость духа, мужество и довѣренность; являть себя воиномъ, которому несчастіе можетъ нанести вредъ, но котораго оно не въ состояніи сокрушить; помнить, что Римскій сенатъ благодарилъ Варрона за то, что онъ не отчаявался въ спасеніи отечества, и поэтому никогда не предаваться низкому отчаянію: вотъ къ чему, по указанію мужества, генералъ долженъ обратиться послѣ проиграннаго сраженія. Есть обстоятельства, подвергающія тягчайшему испытанію сердце героя: случается, что онъ все уже приготовилъ для полнаго успѣха; рѣшительная побѣда уже у него почти въ рукахъ и—вдругъ она ускользаетъ отъ ошибки подчиненнаго. Каково было Наполеону выдержать случай въ 1814 году, когда, преслѣдуя Блюхера, отрѣзавъ его отъ Союзныхъ войскъ, загнавъ его въ болота между двумя разлившимися рѣками и поставивъ его въ необходимость положить оружіе, что̀ блестящимъ образомъ окончило бы кампанію, онъ увидѣлъ, что Блюхеръ ночью открылъ себѣ путь черезъ кр. Суасонъ, потому что комендантъ этой крѣпости ему добровольно отворилъ ворота! Иногда случается, что генералъ получилъ приказаніе, котораго не можетъ сообщить и которое принуждаетъ его дѣйствовать оборонительно: онъ долженъ удерживать кипучую храбрость своей арміи, долженъ выказать даже какъ бы боязнь и тѣмъ подстрекнуть непріятеля, который передъ нимъ храбрится; однимъ словомъ,—ему надобно повидимому уступить хвастовскимъ угрозамъ непріятеля! Не долженъ ли онъ владѣть при этомъ безпримѣрною силою воли, твердостью и мужествомъ? Въ такихъ случаяхъ ему необходимо вспомнить Фабія Медлителя; онъ долженъ пренебречь насмѣшками и думать только объ отечествѣ, которое современемъ воздаетъ ему должное.

Ежели дѣло не касается спасенія и выгодъ государства, то воинъ можетъ дать волю чувствамъ дружбы и душевнаго расположенія;

пусть онъ внемлетъ голосу природы; это его возвыситъ. Война дѣлаетъ безчувственными только тѣ сердца, которыя отъ природы холодны и жестки, но если отечество требуетъ, то генералъ долженъ рѣшаться на самыя тяжкія пожертвованія! Развѣ Манлій не принесъ сына своего въ жертву дисциплинѣ? Развѣ мы не видимъ въ средней исторіи, Сангинэ, этого неустрашимаго защитника Бельведера, обрекшаго своихъ дѣтей на жертву долга; Шомберга, обрызганнаго кровью убитаго сына и продолжающаго осмотръ траншеи?

Наконецъ, Бель-Иль сказалъ тѣмъ, которые хотѣли утѣшить его въ смерти брата: «У меня брата уже нѣтъ, но осталось отечество; постараемся спасти его». Пусть генералы, имѣя въ виду подобные примѣры, не подражаютъ Агезилаю, царю Лакедемонскому, который прославился своею справедливостію, но, несмотря на это, имѣлъ слабость передать начальство надъ Спартанскимъ флотомъ Лизандру, не по достоинству, а только потому, что Лизандръ былъ его зятемъ. Пусть начальникъ арміи помнитъ, что Цезарь сознавался и раскаявался въ томъ, что назначалъ въ трибуны не за достоинства, а только за преданность къ его особѣ; что наконецъ одинъ маршалъ Франціи, о которомъ Вольтеръ отзывается какъ о человѣкѣ любившемъ болѣе всего свое отечество, отдалъ приказаніе идти на приступъ, когда брешь еще не была проходима, сдѣлавъ это только для того, чтобы доставить одному любимому имъ офицеру случай къ пріобрѣтенію славы. Эти слабости великихъ людей доказываютъ, что генералъ долженъ быть постоянно остороженъ и въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ дружбы; что ему не слѣдуетъ слушать увлекательнаго голоса природы; однимъ словомъ—онъ долженъ возвышать мужество свое до стоицизма. Въ особенности же генералу необходимы мужество, величіе души и твердость тогда, когда онъ лишился довѣренности своего государя или народа. Въ подобную минуту ему слѣдуетъ вспомнить Камилла, Фокіона, Аристида, Мильтіада, Эпаминонда, Велизарія; однако, изъ того что эти люди были преслѣдуемы завистью и очернены клеветою, не слѣдуетъ ему выводить заключенія, будто бы нельзя быть въ одно время счастливымъ и знаменитымъ; стоитъ только указать ему на Аристида, какъ на единственнаго героя, преслѣдуемаго за избытокъ добродѣтелей. Какова бы ни была причина павшей на генерала немилости, пусть онъ имѣетъ въ виду примѣръ Гонзальва Кордуанскаго: поведеніе этого человѣка достойно подражанія! Въ исторіи найдетъ онъ и другіе примѣры, какъ-то: Дю-Гесклена, конетабля Монморанси, принца Евгенія и Фекіера; но, посвящая подобно послѣднему свободное время трудамъ общеполезнымъ, да не подражаетъ онъ его угрюмости и склонности къ порицанію.

Когда настала старость, истощились силы и когда слабость здоровья не дозволяетъ генералу продолжать дѣйствительную службу, тогда пусть онъ сложитъ съ себя должность, подобно конетаблю Франціи, Моро де Фіенну; пусть испроситъ, чтобы ему назначили

преемника, какъ это сдѣлалъ Дю-Гескленъ; пусть не устрашаетъ его при этомъ утрата славы имъ пріобрѣтенной, лишь бы умножилась слава его отечества. Но, оставивъ службу, онъ еще не все сдѣлалъ для отечества; остальные дни жизни его должны быть также посвящены государству. До того времени, когда предъ нимъ откроется могила, всѣ минуты и всѣ способности души его должны быть имъ посвящены отечеству. И въ старости онъ можетъ выказать величіе души, твердость и мужество; онъ поселитъ любовь къ отечеству въ сердцахъ молодежи своими рѣчами, примѣромъ жизни своей, разсказомъ о своихъ воинскихъ дѣяніяхъ, описаніемъ битвъ и большихъ сраженій, въ которыхъ находился онъ, подвиговъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ, ошибокъ ему повредившихъ, даже тѣхъ, въ которыя онъ впадалъ самъ. Этими великими средствами образованія онъ поселитъ въ душѣ согражданъ своихъ пламенную страсть къ славѣ, чести и добродѣтели, и постоянную ненависть къ дѣйствіямъ низкимъ и безчестнымъ: Велизарій былъ наставникомъ императора Юстина; мудрый менторъ, то есть сама Минерва, приняла видъ и голосъ согбеннаго подъ тяжестью лѣтъ и лавровъ воина, для того чтобы придать болѣе дѣйствительности урокамъ мудрости, доблести и великодушія, которыя хотѣла она передать блестящему юношеству — надеждѣ будущаго. По примѣру Монтекукули, Монлюка, маршала де-Саксъ, генералъ долженъ составлять записки краткія и ясныя, и вести ихъ съ безпристрастіемъ и точностію, долженствующими быть отличительными свойствами каждаго военнаго историка.— Генералъ, который начальствовалъ арміями и занималъ мѣсто въ совѣтахъ государства, долженъ, даже въ отставкѣ, слѣдить за постепеннымъ ходомъ военнаго искусства; онъ въ свое время сдѣлалъ уже столько для отечества, что ему не слѣдуетъ чуждаться ничего, достойнаго его участія. Онъ долженъ, въ продолженіе всей своей жизни, быть слугою отечества; мужество никогда не должно оставлять его; оно должно служить ему къ отраженію лести, ревности, ненависти и зависти; подобно Ликургу, Юлію Цезарю и Марку-Антонію, онъ долженъ употреблять себя только на то, чтобы осыпать благодѣяніями враговъ своихъ; онъ долженъ слѣдовать примѣру Людовика XII, и когда кто либо изъ его непріятелей пожелаетъ служить подъ его начальствомъ, онъ, подобно, Адріану, долженъ сказать ему: «Ты избавился отъ моей мести». Какъ Людовикъ Бурбонскій, онъ, по величію души своей, долженъ принимать подъ свою защиту несчастнаго соперника. Ежели генералъ такъ слабъ, что не можетъ удержаться отъ порывовъ гнѣва, или ежели, въ несчастную минуту, вырвется у него слово, могущее помрачить честь кого либо изъ его подчиненныхъ, то ему слѣдуетъ тотчасъ же сознаться въ своей винѣ и исправить ее. Такой поступокъ не только не сочтется за слабость, но будетъ оцѣненъ какъ благороднѣйшее усиліе великой души, которая возвышается надъ своими проступками. Согласно съ этимъ правиломъ поступилъ знаменитый герцогъ де-Гизъ съ Сенъ-Фуа; Генрихъ Великій съ капитаномъ Тишъ; Густавъ-Адольфъ съ полковни-

комъ Сетономъ; Наполеонъ, погрозивъ однажды генералу и видя, что тотъ взялся за рукоять шпаги, тотчасъ же вскричалъ: «Я виноватъ», а два дня спустя произвелъ его въ старшіе кавалеры ордена Почетнаго Легіона. Генералъ, обладающій твердостію и мужествомъ, никогда не рѣшится оставаться въ низкомъ бездѣйствіи въ сраженіи только для того, чтобы уронить славу своего соперника; никогда себѣ не позволитъ, по внушенію мести, сдѣлать неправильное передвиженіе; никогда не сдѣлается, вслѣдствіе произвольнаго несогласія, причиною несчастнаго окончанія войны. Онъ не дозволитъ себѣ вступить въ битву съ непріятелемъ, не ожидая подкрѣпленія, единственно для того, чтобы не подѣлиться съ другимъ плодами побѣды, и наконецъ — не рѣшится дать теченію дѣлъ, клонящихся къ успѣху, сомнительный или несчастный оборотъ, съ цѣлію отомстить совмѣстнику или личному врагу своему. Нѣтъ, мы никогда не увидимъ, чтобы мужественный генералъ могъ войти въ разрядъ тѣхъ низкихъ людей, которые, не поднимая оружія противъ отечества, наносятъ ему раны глубже ранъ, наносимыхъ самыми отъявленными врагами; онъ не передастъ дѣтямъ своимъ имени до такой степени опозореннаго. Генералъ, соединяющій вездѣ и во всемъ мужество съ твердостію и постоянствомъ, достигнетъ истинной славы.

СЛАВА.

Слава есть чувство, возвышающее насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ и увеличивающее уваженіе къ намъ людей просвѣщенныхъ; мысль о славѣ тѣсно связана съ мыслію о побѣжденномъ затрудненіи, съ великою пользою, слѣдующею за успѣхомъ, и съ одинаковымъ умноженіемъ благъ для всего міра и для отечества. Можно ли опредѣлить вліяніе чувства славы? Если бы на землѣ это чувство хоть на минуту исчезло, то все вдругъ измѣнилось бы: взглядъ одного человѣка не могъ бы уже воодушевить другаго: человѣкъ сталъ бы одинокъ въ толпѣ; прошедшее утратило бы свое значеніе, настоящее сдѣлалось бы мелко, будущее исчезло бы; истекающее мгновеніе погибло бы навсегда, не принося никакой пользы мгновенію за нимъ слѣдующему. Пробѣгая исторію государствъ, исторію художествъ, видимъ вездѣ нѣсколько человѣкъ высоко надъ толпою, между тѣмъ какъ прочіе люди медленно слѣдуютъ за ними издали; слава ведетъ первыхъ; они указываютъ путь вселенной. Слава — жизнь арміи; она поддерживаетъ и оживотворяетъ любовь къ отечеству; безъ нея военный геній скоро угасъ бы. Что, кромѣ славы, можетъ вознаградить воиновъ за ихъ пожертвованія, за отчужденіе ихъ отъ пользованія земными благами, за то что они постоянно не дорожатъ жизнію: что, спрашиваемъ, вознаградитъ ихъ, если не слава, не надежда, что имя ихъ и служба не пропадутъ, не погибнутъ? А генералъ болѣе всѣхъ долженъ питать любовь къ славѣ, и быть ея достойнымъ, подобно Баярду, Гонзальву, Тюреню и др. Но пусть онъ пойметъ, что слава не покупается, не пріобрѣтается интригами,

ложью, золотомъ, платою низкимъ писателямъ за возвышеніе ничтожныхъ дѣйствій или за придумываніе баснословныхъ подвиговъ. Ежели онъ своимъ пронырствомъ и доберется ползкомъ до этого святилища, то время, этотъ справедливый судія, сброситъ его съ непринадлежащаго ему мѣста и низвергнетъ его въ мрачную юдоль забвенія, если только исторія не захочетъ сохранить его имя потомству на поруганіе. Ежели генералъ, который въ своихъ великихъ дѣйствіяхъ заботился болѣе о наилучшемъ ихъ исполненіи, чѣмъ о пріобрѣтеніи славы, законно ея достигнетъ, то онъ можетъ быть убѣжденъ, что ни интриги, ни зависть, ни ревность, ни клевета, ничто ее у него не отниметъ. Много говорили противъ славы — это очень естественно; гораздо легче говорить о ней дурно, чѣмъ сдѣлаться ея достойнымъ. Нѣкоторые люди хвалятся тѣмъ, что пренебрегаютъ ею, и, желая, чтобы имъ повѣрили, безпрестанно это повторяютъ, но такимъ повтореніемъ еще болѣе возбуждаютъ къ себѣ недовѣріе. Военный человѣкъ, послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ, ищетъ славы и сознается въ томъ; это желаніе и сознаніе поддерживаютъ его въ самыхъ опасныхъ случаяхъ; онъ заранѣе радуется, предчуствуя похвалы, которыми справедловое потомство увѣнчаетъ его имя, и предвкушаетъ удовольствіе при мысли, что память о его подвигахъ будетъ долговѣчнѣе всякаго монумента. Этимъ отдаленнымъ наслажденіемъ не ограничиваются награды, доставляемыя любовью къ славѣ и высокимъ желаніемъ безсмертія; стараясь заслужить одобреніе потомства, пріобрѣтаешь любовь и благодарность своихъ современниковъ. Конечно, выше этой награды нѣтъ, но за то есть награды существеннѣе, которыхъ желать генералу дозволительно.

О СТРЕМЛЕНІИ КЪ НАГРАДАМЪ И ОТЛИЧІЯМЪ.

Ежели бы слава или мысль объ отечествѣ, безъ всякихъ денежныхъ разсчетовъ, не была единственнымъ побудительнымъ поводомъ къ храбрости, мужеству и другимъ военнымъ доблестямъ, то духъ воинскій истребился бы. Къ вамъ обращаюсь, несчастные, которые въ наше время безпрестанно требуете, чтобы малѣйшія заслуги солдатъ и офицеровъ цѣнились на вѣсъ золота! Вы никогда не понимали, что такое духъ воинскій, составляющій силу народовъ! Знайте, что на поприщѣ, основаніемъ котораго служитъ единственно слава, слѣдуетъ ограничиться ею одною! Оставьте ваше золото для больныхъ и увѣчныхъ; это въ отношеніи къ нимъ—долгъ вашъ, награды же воинскія раздавайте тѣмъ, которые еще могутъ носить оружіе! Просмотрите всю исторію и вы увидите, что денежныя награды, раздаваемыя за храбрость, необходимо, ослабляютъ государства! Центуріонъ, который смотрѣлъ на войну какъ на средство къ пріобрѣтенію небольшаго состоянія, шелъ на сраженіе такъ спокойно, какъ взбирается кровельщикъ на крышу. Цезарь плакалъ, глядя на памятникъ Александра. Переберите свидѣтельства всѣхъ древнихъ

памятниковъ: вездѣ общественное мнѣніе торжествуетъ надъ самою природою. Посмотрите на статуи, прочтите надписи, вспомните великія дѣянія первыхъ Грековъ и Римлянъ: тамъ масличный вѣнокъ заставлялъ цѣлую націю обрекать себя на бои смертные,—здѣсь вѣнокъ дубовый, вѣнокъ гражданскій, пальмовыя вѣтви, тріумфы и пр. побуждали къ безсмертнымъ дѣяніямъ, для насъ едва понятнымъ. Французскіе короли-воины основали рыцарскіе ордена,—и всѣ государи Европы подражали имъ. Какой генералъ подойдетъ, безъ волненія къ памятникамъ, воздвигнутымъ въ честь великихъ людей благодарностью народовъ! Въ наше время, посмотрите, какъ Наполеонъ воздвигаетъ генералу Дезе, другу своему, прекраснѣйшую въ мірѣ гробницу: подножіемъ ей служатъ Альпы, а стражами — монахи С. Бернарда!

Посмотрите на великія дѣянія, совершенныя оружіемъ, пожалованнымъ за храбрость, и учрежденіемъ Почетнаго Легіона! Только неумѣренность въ раздачѣ наградъ и отличій и злоупотребленіе ихъ ослабили ихъ значеніе и вліяніе!

Какъ желательно, чтобы не такъ щедро разсыпали ихъ особенно въ мирное время, и удостоивали ихъ только за величайшія заслуги, чтобы сберечь эти награды, какъ величайшую драгоцѣнность, на то время, когда отечество будетъ находиться въ опасности и когда на пользу его будутъ совершаться замѣчательные подвиги. Вопросъ относительно почетныхъ отличій, какъ извѣстно, разбирался долго при учрежденіи Почетнаго Легіона. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говорилъ при этомъ въ засѣданіи трибуната Каріонъ Низасъ:

«Граждане-сочлены! Немногіе изъ васъ не слыхали объ извѣстномъ Вильпатурѣ, одномъ изъ извѣстнѣйшихъ офицеровъ Французской артиллеріи. Покрытый ранами, осыпанный денежными наградами, онъ домогался этого ордена, исключительно почетнаго, потому что это орденъ—личный. Министръ послалъ ему грамоту на новую пенсію. Храбрый Вильпатуръ пришелъ въ негодованіе. «Тогда то—отвѣчалъ онъ, я имѣлъ счастіе совершить блистательный подвигъ и получилъ за это такую-то пенсію; въ такомъ-то сраженіи я былъ раненъ и получилъ такое-то денежное награжденіе; за другую рану еще пенсію; за слѣдующую рану опять пенсію. Такимъ образомъ по простому ариѳметическому разсчету я могу опредѣлить цѣну крови мною пролитой:—да это хуже безславія!»

«Вотъ какъ выражалось добродѣтельное негодованіе французской чести противъ наградъ денежныхъ.

«Я вспомнилъ объ этомъ, когда сталъ на трибуну; я думалъ что эти благородныя слова могущественно и съ пользою раздадутся въ сердцахъ вашихъ. Я не ошибся. Скажите теперь, хладнокровные публицисты и политическіе пуритане, какое сокровище сравните вы съ неистощимымъ сокровищемъ чести, которымъ небо надѣлило сердце Французовъ».

Изъ этого мы заключимъ, что генералъ всегда предпочтетъ по-

четныя отличія денежнымъ наградамъ, и это предпочтеніе всегда возвыситъ его въ глазахъ его солдатъ и его государя.

ГЛАВА III.

НРАВСТВЕННЫЯ КАЧЕСТВА ДРУГАГО РОДА.

О СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Агезилай, знаменитый царь Лакедемонскій,[1] ставилъ правосудіе рядомъ съ первѣйшими добродѣтелями; онъ справедливо полагалъ, говоритъ Плутархъ, что военныя доблести ничего не значатъ безъ справедливости. Буало влагаетъ въ уста этого царя слѣдующее правило: «Que jamais on n'est grand qu'autant que l'on est juste» (Лишь тотъ великъ—кто справедливъ). Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ справедливость? Кто усвоилъ эту существенную добродѣтель, тотъ наблюдаетъ и заставляетъ исполнять буквально законы народнаго права въ мирное и военное время; воспрещаетъ дѣйствія противныя правиламъ человѣколюбія, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи; онъ противодѣйствуетъ воровству, грабежу, мародерству; требуетъ отъ страны только тѣхъ повинностей, которыя выполнить можно и должно, распредѣляетъ ихъ равномѣрно, препровождаетъ сборы въ государственную кассу; раздаетъ добычу по уставу; соразмѣряетъ во всѣхъ обстоятельствахъ наказанія съ преступленіями, болѣе склоняясь къ кротости, нежели къ чрезмѣрной строгости; старается не дать повода къ тому, чтобы виновные приписывали опредѣляемыя имъ наказанія огорченіямъ и несчастіямъ своего начальника; награждаетъ высокіе подвиги безъ лицепріятія; никогда не слѣдуетъ въ представленіяхъ къ повышенію или отличію своимъ личнымъ привязанностямъ, въ ущербъ достоинства; въ рѣшеніи дѣлъ наблюдаетъ за справедливостію своихъ подчиненныхъ, исправляетъ недосмотры невольные и наказываетъ за недосмотры умышленные, зная, что и въ несправедливости подчиненныхъ обвиняютъ начальника. Главнокомандующій, желающій быть справедливымъ, долженъ указать своему правительству на генерала или другаго офицера, который способствовалъ своею храбростью или умомъ успѣху дѣла, долженъ воздать ему должную честь и ходатайствовать о награжденіи его. Иной, изъ постыднаго разсчета, самымъ обыкновеннымъ дѣйствіямъ даетъ видъ важныхъ подвиговъ, представляетъ стычку сраженіемъ, уподобляетъ кампанію противъ мятежниковъ, не имѣющихъ даже средствъ къ защитѣ, — кампаніямъ Фридриха и Наполеона, преувеличиваетъ свои донесенія съ цѣлію превознести самаго себя: такой человѣкъ не только нарушаетъ законы справедливости, но грѣшитъ противу праводушія и чести;

это—человѣкъ безчестный, котораго надобно лишить власти. Но ежели генералъ, прославившійся своими дѣлами, приписываетъ ихъ своему войску или ближайшимъ его начальникамъ, то онъ становится выше всѣхъ похвалъ и дѣлается безсмертнымъ.

Знаменитый комментаторъ Полибія представляетъ намъ Барбезье, опозорившаго себя желаніемъ отнять у храбраго Монлюка славу разрушенія Обаньской мельницы, которое содѣйствовало къ очищенію Карломъ V Прованса. Фоларъ упоминаетъ также о дѣйствіи графа де Пери въ Гагенау. Ежелибъ генералъ этотъ, говоритъ онъ, довольствуясь принятіемъ хорошаго совѣта и приведеніемъ его въ исполненіе, не пожелалъ присвоить себѣ честь соображенія этой знаменитой вылазки, то имя его было бы со славою помѣщено въ военныхъ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ теперь оно помѣщено въ нихъ только для того, чтобы указать генераламъ на примѣръ ужасный. Въ противуположность тому, этотъ же писатель осыпаетъ похвалами Силлу, за то что сей знаменитый Римлянинъ, послѣ одержанной имъ надъ Архелаемъ побѣды, воздвигнулъ трофей на полѣ битвы и надписалъ по гречески: «Достоинству Гомелойка и Анексидама, которые своимъ мужествомъ способствовали успѣху сраженія». Тотъ же писатель превозноситъ Агриколу за то, что сей послѣдній всегда блистательно свидѣтельствовалъ о достоинствахъ своихъ подчиненныхъ, и за то, что онъ не утаивалъ никогда той доли славы, которая имъ принадлежала!

Мы должны удивляться добросовѣстному Кавуа, говоритъ историкъ, употребляющему всю довѣренность, которою пользуется, на то, чтобы исходатайствовать достойнымъ офицерамъ заслуженныя ими награды! Подивимся въ особенности Дюге-Труэню, отказывающемуся отъ пенсіи, которую министръ хотѣлъ назначить ему, прося передать ее своему помощнику. При этомъ Дюге-Труэнь сказалъ: «Я сочту себя достойно награжденнымъ, если исходатайствую повышеніе своимъ офицерамъ»....

Какъ высокъ кавалеръ Форбенъ, который дѣлалъ извѣстными при дворѣ всѣхъ служившихъ при немъ достойныхъ офицеровъ. Въ нашей исторіи настоящаго времени — кто не знаетъ, что въ Египтѣ Арабы называли генерала Дезé «Sultan le juste» (справедливымъ султаномъ). По этимъ чертамъ познаются герои во всѣхъ родахъ службы—на морѣ и на сушѣ.

ПРИМѢРЪ.

Надобно убѣдиться, что примѣръ начальника возбуждаетъ къ дѣламъ геройскимъ; онъ болѣе всего одобряетъ на пути къ доблести и вмѣстѣ съ тѣмъ обуздываетъ пороки. Пробѣжимъ лѣтописи: онѣ намъ покажутъ, что нравы внушаются войску его начальниками, а нравы генерала зависятъ отъ благородства людей имъ начальствуемыхъ, которые повинуются его приказаніямъ. Эта неоспоримая истина не должна ли возбудить въ офицерахъ, которымъ ввѣрено на-

чальство, стремленіе къ искорененію, или, по крайней мѣрѣ, скрытію своихъ пороковъ, и не возродитъ ли она въ нихъ добродѣтелей, которыя имъ нужно находить въ подчиненныхъ. Послѣ сраженія при Фарсалѣ, Катонъ Утическій, проходя ужасныя степи и горячіе пески, шелъ постоянно пѣшкомъ передъ своимъ войскомъ; тоже самое сдѣлалъ Корбюлонъ, и ни на одномъ изъ самыхъ трудныхъ переходовъ, совершенныхъ этими генералами, войско ихъ ни возроптало.

По разбитіи Вителія нашли столъ уставленнымъ остатками великолѣпнаго пира; оттого и лагерь его менѣе походилъ на поприще военной дисциплины, чѣмъ на мѣсто празднованія вакханалій. Императоръ Нигеръ, подчинившій солдатъ своихъ самой точной дисциплинѣ, пріучившій ихъ къ строгой воздержности, самъ исполнялъ то, чего отъ нихъ требовалъ. Генрихъ V, король Англійскій, желая пріучить войска къ перенесенію недостатка въ припасахъ и одеждѣ, къ трудамъ, опасностямъ и лишеніямъ войны, самъ отказывается отъ всѣхъ удобствъ, которыми армія его не можетъ пользоваться, и раздѣляетъ съ нею всѣ трудности похода. При переходѣ Карла VIII черезъ Апеннины, Ла-Тремуйль, которому поручено было провести артиллерію, самъ несъ два пушечныя ядра.

Баярдъ при Мезіерѣ, Гизъ въ Мецѣ и Тюрень представляютъ новыя доказательства нами сказанному. Въ наше время, Наполеонъ на Альпахъ, въ Италіи, въ Египтѣ, при Маренго, на бивуакѣ подъ Аустерлицемъ, въ Русскую кампанію и при Шамбоперѣ, вездѣ первый подавалъ примѣръ мужества въ преодолѣніи трудностей и лишеній всякаго рода, и солдаты подъ его начальствомъ никогда не роптали.

БЛАГОРАЗУМІЕ.

Благоразуміе есть важнѣйшее качество генерала послѣ мужества; оно указываетъ ему выгоды и неудобства его предпріятій, равно какъ и средства къ достиженію успѣха. Впрочемъ, какъ подъ словомъ благоразуміе разумѣются: предусмотрительность, скромность, бдительность, самообладаніе и, наконецъ, отсутствіе ложнаго тщеславія,—то, совѣтуя генераламъ быть благоразумными, мы должны предостеречь ихъ отъ пороковъ противуположныхъ исчисленныхъ нами достоинствамъ. Подобно тому, какъ игрокъ въ шахматы долженъ все предвидѣть, искусный генералъ долженъ предусматривать самый полный успѣхъ или совершенное пораженіе. Онъ долженъ начертать столько различныхъ предположеній, сколько ему представляется разныхъ обстоятельствъ. Посреди довольства ему надобно думать о недостаткѣ; днемъ—заниматься тѣмъ, что можетъ случиться ночью; въ продолженіе ночи—размышлять о томъ, что можетъ быть на другой день, не пренебрегая ни въ какомъ случаѣ и настоящимъ.

Одинъ предметъ, какъ бы онъ ни былъ важенъ, не долженъ занять его дотого, чтобы онъ всѣ прочіе упустилъ изъ виду; предусмотрительность его должна быть такъ велика, чтобъ другимъ ка-

залось, будто онъ участвуетъ въ совѣтѣ непріятельскомъ; ему должно принимать въ разсчетъ случаи самые неожиданные, также какъ и самые простые; предвидѣть даже ту минуту, когда его уже не будетъ, подобно Мулей-Моллюку.

Предусмотрительность, какъ мы и прежде говорили, способствовала славѣ великихъ полководцевъ; мы упомянемъ здѣсь для примѣра о несчастномъ соперникѣ Конде при Нордлингенѣ и о побѣдителѣ при Дененѣ; къ славѣ перваго—Тюрень и Конде засвидѣтельствовали, что онъ всегда предугадывалъ ихъ намѣренія; второй же заставилъ герцога Савойскаго сказать: «Вѣроятно Вильаръ волшебникъ; онъ предугадываетъ всѣ мои намѣренія; никогда ни одинъ человѣкъ не причинялъ мнѣ столько хлопотъ и огорченій». Подъ Полтавою Петръ Великій показалъ рѣдкую предусмотрительность, а у Карла XII ея недоставало. Эта предусмотрительность можетъ быть только слѣдствіемъ самыхъ обширныхъ познаній и встрѣчается только въ дѣятельномъ умѣ.

Напрасно было бы опасеніе, что генералъ, усвоившій предусмотрительность изученіемъ и размышленіями, простретъ ее до нерѣшительности; онъ, разумѣется, увидитъ чрезмѣрность зла, но увидитъ хладнокровно, и средства противъ этого зла представятся ему сами собою; гдѣ обстоятельства потребуютъ, онъ изъ благоразумія же будетъ дѣйствовать живо и пламенно; а можетъ быть даже счастливая неосторожность довершитъ его славу. Такимъ образомъ предусмотрительный генералъ повидимому управляетъ событіями, между тѣмъ какъ они произвольно господствуютъ надъ такимъ начальникомъ, котораго слабый умъ, занятый постоянно и исключительно настоящимъ, не въ состояніи предвидѣть будущаго.

Предусмотрительность сама по себѣ раждаетъ безчисленное множество другихъ качествъ необходимыхъ главнокомандующему; генералъ старается скрыть передъ всѣми послѣдствія своихъ предначертаній, зная нескромность людей и предвидя, что его намѣренія не исполнятся, ежели будутъ открыты. Итакъ начальникъ будетъ скроменъ изъ предусмотрительности; впрочемъ, вслѣдствіе того же благоразумія онъ не доводитъ скромности до крайности, что могло бы быть вредно для общаго блага. Напримѣръ, онъ можетъ, въ самомъ сраженіи, получить смертельную рану, и ежели онъ не открылъ своихъ намѣреній старшему по немъ, то сему послѣднему трудно будетъ выйти изъ этого загадочнаго лабиринта. Во всякомъ случаѣ нужно, чтобы эта довѣренность не простиралась слишкомъ далеко и въ особенности не была неумѣстна.

Неоспоримо вѣрно, говоритъ Фекіеръ, что счастливый успѣхъ во всѣхъ предпріятіяхъ зависитъ отъ сохраненія тайны и бдительности. Государь ввѣряетъ свои тайны только своему совѣту и главнокомандующему, который можетъ передать ихъ только тѣмъ, которые по необходимости будутъ назначены для приведенія ихъ въ исполненіе, и притомъ онъ долженъ передавать каждому только то, что до него касается. Это должно разумѣть о тѣхъ военныхъ опе-

раціяхъ, которыя требуютъ ненарушимой тайны и которыя должны быть извѣстны только нѣсколькимъ лицамъ до того времени, когда предположено начать исполненіе предначертанія, потому что во время войны бываютъ случаи, гдѣ хотя необходима великая тайна, однако тайна сія должна быть извѣстна многимъ лицамъ, напр., всѣмъ генераламъ, интенданту и проч. Несмотря на то, по мнѣнію Фекіера и другихъ писателей, тайна на войнѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, безусловно необходима. По той же предусмортительности во всемъ — генералъ долженъ быть весьма остороженъ въ своихъ разговорахъ, на что также нѣтъ недостатка въ примѣрахъ.

Разсказываютъ, что Примъ, овладѣвъ Кремоною, вошелъ въ ванну и, найдя, что вода въ ней нѣсколько холодна, сказалъ случайно своимъ рабамъ: «Вода будетъ скоро горяча.» Рабы передали эти слова солдатамъ, которые поняли ихъ по своему и приняли за приказаніе сжечь городъ. Въ тоже время, говоритъ историкъ, 4,000 человѣкъ, сопровожденные погонщиками и служителями арміи, разсѣялись по городу и предали его огню и мечу. Тщеславіе и надменность въ особенности вредятъ бдительности, требующей отъ генерала осторожности; отъ бдительности же начальника все благоденствуетъ. Взоры генерала все оживляютъ; всюду, куда ни проникаютъ они, видимо и ощутительно ихъ благотворное дѣйствіе. Самые хладнокровные люди ими воодушевляются, самые невнимтельные подъ вліяніемъ ихъ дѣлаются заботливыми; при нихъ наконецъ самая небрежность и лѣнь превращаются въ дѣятельность.

Въ этомъ не могли сомнѣваться тѣ великіе люди, которыхъ бдительность такими яркими красками описана у историковъ, которые представлены у нихъ являющимися всюду въ одно и тоже время, и которые, по ихъ выраженію, однимъ взглядомъ обнимали все. Тюрень и Конде были убѣждены въ великомъ значеніи взгляда генерала! Маршалъ Буфлеръ, безсмертный защитникъ Лиля, былъ не менѣе ихъ убѣжденъ въ этомъ; онъ говорилъ своимъ офицерамъ: «Я полагаюсь на васъ но отвѣчаю за себя!» Неусыпность и дѣятельность его были таковы, что самъ побѣдитель его сказалъ ему: «Я горжусь взятіямъ Лиля; но я бы еще болѣе гордился, ежелибъ я защищалъ его какъ вы!» Карлъ V доводилъ бдительность свою до самопожертвованія! Тацитъ говоритъ, что гнѣвъ вредитъ осторожности, и ввергаетъ человѣка въ сѣти враговъ его; поэтому — генералу слѣдуетъ беречься этого опаснаго увлеченія. Пусть помнитъ онъ, что слава Александра была омрачена гнѣвомъ; что маршалу Тойрасъ только по уваженію къ его прочимъ качествамъ можно простить крайнюю вспыльчивость, въ которую огненный темпераментъ вовлекалъ его; пусть генералъ имѣетъ также въ виду примѣръ Густава-Адольфа и многихъ другихъ.

О ПОВИНОВЕНІИ.

Между главными и необходимыми достоинствами воина слѣдуетъ помѣстить повиновеніе: безъ него армія и существовать не можетъ.

Генералъ долженъ первый подавать примѣръ повиновенія въ отношеніи къ власти, которая ему ввѣрила начальство надъ своими силами; повиновеніе это должно быть безпредѣльно; благоденствіе отечества того требуетъ. Агезилай, царь Спартанскій, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ полководцевъ древности, ввелъ въ Азію противъ великаго царя сильную армію; онъ увѣренъ, что побѣдитъ Персовъ и отомстить за Грековъ; но вдругъ получаетъ отъ эфоровъ приказаніе возвратиться въ Лакедемонъ, и отвѣчаетъ слѣдующимъ письмомъ: «Мы покорили часть Азіи, и дѣлаемъ еще большія приготовленія къ войнѣ; но какъ вы мнѣ приказываете возвратиться, то я отправляюсь вслѣдъ за этимъ письмомъ». Агезилай хорошо понималъ, что начальникъ исполняетъ только свой долгъ, предпочитая блестящій воинской славѣ лучшую и болѣе прочную славу — повиновенія законамъ.

Тюрень разбитъ при Маріендалѣ, но онъ надѣется скоро возвратиться во Франконію и найти въ этой странѣ случай исправить проигранное дѣло; помощь, имъ полученная, воодушевленіе войскъ его, все возбуждаетъ въ немъ надежду на блестящій успѣхъ; но въ это время пріѣзжаетъ герцогъ Ангіенскій; Тюрень получаетъ приказаніе сдать ему армію и служить подъ его начальствомъ: онъ повинуется, не обнаруживъ ни неудовольствія, ни досады.

Но не бываетъ ли въ военное время случаевъ, позволяющихъ генералу отступить отъ получаемыхъ имъ приказаній и не дозволяется ли ему измѣнять ихъ? Государю, министрамъ или совѣту не возможно все предвидѣть; иногда весь ходъ дѣла измѣняется событіемъ неожиданнымъ; иногда только что приготовились къ сраженію, какъ вдругъ представляется надобность избѣжать его; предположили обороняться, но открывается удобный случай къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ все зависитъ отъ мгновенія: генералу не должно упускать счастливый случай только для того, чтобы слѣпо подчиниться законамъ, когда это повиновеніе могло бы причинить невознаградимое зло отечеству. Исторія представляетъ достопамятные противоположные одинъ другому примѣры: во первыхъ Евгеній, получившій за нѣсколько минутъ передъ Центскимъ сраженіемъ строгое запрещеніе сражаться, видя, что выгода и честь имперіи будутъ этимъ унижены, и что отступленіе невозможно, ничего не измѣняетъ въ своихъ распоряженіяхъ, скрываетъ приказаніе императора и подаетъ сигналъ къ сраженію.

Креки получаетъ приказаніе не атаковать непріятеля; ему представляется случай разбить арріергардъ герцога Лотарингскаго; но онъ предпочитаетъ повиновеніе побѣдѣ, которая такимъ образомъ ускользаетъ изъ его рукъ. Есть еще многіе примѣры того и другаго рода дѣйствій, и всѣ они доказываютъ вредъ, происходящій отъ недозволенія генералу дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, и еще большій вредъ отъ того, что принуждаютъ главнокомандующаго исполнять приказанія совѣта, отдаленнаго отъ театра войны.

Римскій сенатъ, распоряжавшійся въ войнахъ, которыя велись такъ

сказать у него подъ глазами, уступалъ обстоятельствамъ и предоставлялъ диктаторскую власть своимъ полководцамъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Успѣхъ на войнѣ пріобрѣтается дѣятельностью. Быстрота болѣе всего способствуетъ храбрости; поспѣшность болѣе всего уменьшаетъ труды и опасности. Предупрежденіе непріятеля будетъ всегда лучшимъ средствомъ къ одержанію побѣды. Быстрота на войнѣ важнѣе самой силы, слѣдовательно генералъ, жаждущій славы и въ особенности пекущійся объ общественномъ благѣ, долженъ быть дѣятеленъ, неусыпенъ и быстръ; подобно Александру, онъ не долженъ отлагать до завтра то, что можетъ быть сдѣлано сегодня; подобно Цезарю, онъ долженъ считать, что ничего не сдѣлалъ, пока у него остается еще что нибудь несдѣланное. Эти два героя обязаны въ особенности своей дѣятельности блестящимъ успѣхомъ и великими воинскими заслугами. Александръ изумилъ, побѣдилъ и покорилъ Персовъ только быстротою своихъ движеній; Цезарь своею поспѣшностью спасъ свою провинцію отъ нашествія Гельветовъ; а помощію своего генія и дѣятельности разбилъ ихъ при переходѣ черезъ Саону; онъ спалъ въ военное время въ своей повозкѣ или въ носилкахъ, пріучилъ себя писать и диктовать на конѣ; прошелъ черезъ Италію въ самое непродолжительное время; почти въ одно время находился на противоположныхъ концахъ Галліи; приходилъ съ своею арміею въ одно время съ курьеромъ, возвѣщавшимъ о ея выступленіи:—вотъ средства, которыми этотъ великій генералъ покорилъ Галловъ, укротилъ Германцевъ, побѣдилъ Помпея и овладѣлъ верховною властью.

Римская исторія представляетъ намъ и въ болѣе отдаленное время разительные примѣры дѣятельности. Диктаторъ Квинтій утромъ отдалъ приказаніе собраться къ вечеру всѣмъ бывшимъ въ состояніи идти на войну, на Марсово поле, при чемъ каждый долженъ былъ имѣть съ собою оружіе, припасы на пять дней и двѣнадцать кольевъ для палисадъ; все было готово къ назначенному часу, и армія тронулась ночью. При другихъ обстоятельствахъ, консулъ говоритъ рѣчь народу, сзываетъ сенатъ, набираетъ войско; на другой день съ разсвѣтомъ вся армія собирается и вечеромъ располагается лагеремъ въ десяти миляхъ отъ Рима; спустя два дня—непріятель разбитъ, и война окончена. Дѣятельность въ приготовленіяхъ, скорость движеній, быстрота въ нападеніи и бдительность послѣ побѣды: вотъ чѣмъ Римляне долго славились, и тогда ихъ могущество возрастало; когда же начальники стали безпечны, то и имперія скоро рушилась. Кто изъ военныхъ усомнится въ этой истинѣ, въ особенности когда увидитъ, что дѣятельность всегда имѣла счастливыя послѣдствія, между тѣмъ какъ медленность раждала напасти, какъ это доказываетъ безчисленное множество фактовъ, изъ коихъ нѣкоторые здѣсь представимъ.

Крассъ дѣлается жертвою своей медленности въ экспедиціи противъ Пареянъ; Оттонъ разбитъ Вителліемъ отъ недостаточной дѣятельности своихъ полководцевъ; Базиликъ даетъ Гензериху время снабдить Кареагенъ продовольствіемъ, собрать новыя войка и тѣмъ способствуетъ продолженію существованія царства Вандаловъ въ Африкѣ.

Карлъ Великій усмиряетъ Саксонцевъ болѣе дѣятельностью, чѣмъ силою своего оружія. Дюгескленъ мгновенно пробѣгаетъ Францію и спасаетъ ее, такъ сказать, на лету. Альвіянъ болѣе опасенъ для Французовъ, въ Италіи, своею дѣятельностью, чѣмъ военнымъ геніемъ. Маршалъ Шомонъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ генераловъ своего времени, теряетъ нѣсколько минутъ въ переговорахъ передъ Болоніею; Юлій пользуется этимъ, укрѣпляетъ городъ, и Шомонъ долженъ отступить. Въ успѣхахъ своихъ Генрихъ IV болѣе обязанъ медленности Майенна, чѣмъ искусству своихъ распоряженій. Густавъ-Адольфъ теряетъ своею недѣятельностью плоды побѣды подъ Лейпцигомъ. Евгеній и Марльборо считаютъ за лучшее оставить герцога Людовика Баденскаго и лишиться помощи силъ, имъ предводимыхъ, чѣмъ дать ему возможность уничтожить своею медленностію ихъ смѣлыя и рѣшительныя предначертанія. Наконецъ, Евгеній дѣйствовалъ такъ удачно въ Италіи только потому, что Великій Пріоръ не имѣлъ той дѣятельности и быстроты, которыя необходимы полководцу. Но изъ всѣхъ вождей прошлаго столѣтія—во Франціи Тюрень и Конде оказали наиболѣе дѣятельности; впрочемъ и принцъ Евгеній показалъ ее не менѣе.

Наконецъ, кто не оцѣнилъ обширную дѣятельность Петра Великаго, который, водворяя славу, искусства и просвѣщеніе въ пустыняхъ и основывая одно изъ величайшихъ царствъ въ мірѣ, въ то же время боролся на поляхъ сраженій съ неутомимымъ королемъ Шведскимъ и учился побѣждать такимъ же образомъ, какъ выучился создавать города, порты и строить корабли! Въ наше время генералы, участвовавшіе въ великихъ войнахъ, соперничали съ Евгеніемъ, Тюренемъ и Конде, и опередили ихъ дѣятельностію. Что же касается до Наполеона, то въ Европѣ утвердилось мнѣніе, что ни одинъ изъ великихъ полководцевъ древнихъ и новыхъ временъ не оказалъ подобной дѣятельности. — Два раза онъ переходитъ черезъ Альпы и какъ бурный потокъ низвергается на непріятеля. Дѣятельность его безпрестанно возрастаетъ и равняется его великому генію. Въ Египтѣ—та же быстрота. Въ Булони, посреди приготовленій, дѣлаемыхъ для экспедиціи въ Англію, онъ вездѣ самъ, за всѣмъ наблюдаетъ и все воодушевляетъ; его армія столько же дѣятельна, какъ и онъ.

Остановленный вдругъ новою Европейскою коалиціею, онъ стремится противустать ей; самъ составляетъ маршруты для восьми корпусовъ арміи, которые приходятъ, въ назначенные дни, на пункты имъ опредѣленные; Виртембергскія Альпы, Некеръ, Дунай и Лехъ, столь знаменитыя преграды Германіи, не замедляютъ его движеній.

Въ Ульмѣ, черезъ пятнадцать дней, кампанія кончена; вслѣдъ затѣмъ совершается кампанія Австрійская.

Наполеонъ—въ Вѣнѣ, въ Шенбрюнѣ, возвращается въ Парижъ и снова уѣзжаетъ въ армію. Тогда начинаются дѣйствія въ Моравіи, кончившіяся Аустерлицкою битвою и Пресбургскимъ миромъ. Не станемъ далѣе слѣдить за дѣятельностію этого великаго и несравненнаго полководца: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Въ то же время, когда Наполеонъ обнаруживаетъ на поляхъ сраженія поразительную дѣятельность, онъ уничтожаетъ во Франціи анархію, даритъ Франціи великія учрежденія, безсмертные кодексы и покрываетъ ее полезными и колоссальными памятниками.

Въ кампанію 1814 года дѣятельность Наполеона, переданная имъ войску его, служитъ къ усиленію этого войска и вездѣ замѣняетъ численность; армія подъ его командою какъ бы снабжена крыльями. Особенно въ этой кампаніи генералы могутъ увидѣть удивительные примѣры дѣятельности, въ войнѣ необходимой.

О точности.

Люди недальновидные могутъ совѣтовать генералу не вникать въ подробности, предоставляя своимъ подчиненнымъ наблюденіе за порядкомъ, который, по ихъ мнѣнію, рѣдко соединяется съ геніемъ, и точность для него стѣснительную; но человѣкъ, просвѣщенный и правдивый, совѣтовавшійся съ лѣтописями міра, скажетъ имъ: мнѣніе, что порядокъ и точность несовмѣстны съ геніемъ, ошибочно; они, напротивъ того, помогаютъ ему осуществлять высокія его предначертанія. Не вникать въ подробности—значитъ во многихъ случаяхъ ничего не видѣть; это тоже самое, что словами, неимѣющими значенія, прикрывать существенное невѣдѣніе. Какъ искусно Сократъ доказываетъ это молодому Главку; всмотритесь, какъ заставляетъ онъ его сознаться, что онъ не старался вникать въ подробности для того, чтобъ избавить себя отъ труда узнать что нибудь. И скоро, подобно этому Аѳинянину, можно убѣдиться, что, принося въ жертву свои прихоти, склонности, удовольствія, можно имѣть время не только разсмотрѣть главные предметы, но даже вникнуть въ нужныя подробности.

Александръ, Цезарь, Генрихъ IV были блюстителями точности. Неудачи маршала Лотрека частью проистекали отъ его неточности. Бутьеръ, воспитанникъ и родственникъ Баярда, чуть не потерялъ первоклассную крѣпость, отъ того что не прочелъ письма, содержавшаго важные совѣты. Генералъ точный, не откладывающій до завтрашняго дня того, что можетъ сдѣлать, или приказать сдѣлать немедленно, соблюдетъ весьма важную экономію во времени.

Точность есть вѣжливость царей, вельможъ и генераловъ; когда у нихъ недостаетъ ея, то этимъ недостаткомъ заражаются ихъ подчиненные, и отсюда часто происходитъ общее нерасположеніе, ибо подчиненные въ неточности начальствующихъ видятъ какое-то презрѣніе

въ исполненіи ихъ обязанностей ко всѣмъ. Скажемъ наконецъ, что мало для генерала быть дѣятельнымъ: онъ долженъ соединять точность съ заботливостію, внимательность съ быстротою, любовь къ порядку съ дѣятельностію.

ВѢРНОСТЬ СЛОВУ.

Вѣрность слову, чистосердечіе и откровенность суть качества, заставляющія чтить воина. Стыдъ и бѣдствія ожидаютъ тѣхъ, которые лишены ихъ. Кто-жъ осмѣлится утверждать, что эти достоинства не необходимы? Честь, этотъ оракулъ добродѣтелей, требуетъ этого непремѣнно. Всѣ люди, именуемые героями, подвизались на поприщѣ этихъ добродѣтелей; одно подозрѣніе въ неисполненіи даннаго слова есть уже пятно, которое частью могутъ смыть потоки крови, но не могутъ совершенно его уничтожить. Принцы и Французскіе рыцари XIV столѣтія считали первымъ правиломъ—точное исполненіе своего слова. Величайшимъ для нихъ оскорбленіемъ былъ упрекъ въ несдержаніи слова и это болѣе всего раздражало ихъ. Причиною поединковъ, бывшихъ тогда гораздо рѣже, чѣмъ впослѣдствіи, бывали обыкновенно подобные упреки. Но Англичане не соблюдали такой точности въ исполненіи своего обѣщанія и въ вѣрности слову; много примѣровъ тому приведено у Фроассара; въ особенности упоминаетъ онъ объ одномъ комендантѣ Іоаннѣ Нормекѣ, который защищалъ Ангулемъ въ 1346 году противъ герцога Нормандскаго. Комендантъ этотъ, находясь въ крайности и не довѣряя жителямъ, долженъ былъ отступить съ гарнизономъ. Онъ самъ подошелъ къ зубцамъ стѣны, по тогдашнему обычаю, и, сдѣлавъ знакъ шляпою, выразилъ, что желаетъ вести переговоры. Герцогъ Нормандскій явился, думая что онъ хочетъ сдаться; но онъ объявилъ ему, что не дошелъ еще до такой крайности и проситъ только прекращенія непріязненныхъ дѣйствій на слѣдующій день, по случаю праздника Срѣтенія Господня. Герцогъ Нормандскій согласился. Іоаннъ Нормекъ удалился на слѣдующее утро съ войскомъ и обозомъ безъ всякаго препятствія со стороны герцога Нормандскаго, вѣрнаго данному обѣщанію—не производить враждебныхъ дѣйствій.

Въ нынѣшнее время насъ не обманули бы подобною хитростью и мы смотрѣли бы на это отступленіе Англійскаго коменданта какъ на непріязненное дѣйствіе, уничтожающее всѣ условія; но изъ этого видно, съ какою тачностью исполнялись тогда капитуляціи.

Скажемъ, что во время военныхъ дѣйствій, капитуляція, данное непріятелю слово, суть самые священные договоры. Оговорки на счетъ ратификаціи условій суть поводы къ неисполненію договора, предлогъ болѣе или менѣе уважительный; это наконецъ родъ новѣйшей военной хитрости не одобряемый честію, если тотъ, кто требуетъ такого условія, имѣетъ тайный умыселъ и намѣревается тѣмъ уполномочить себя на неисполненіе своихъ собственныхъ обѣщаній.

Но если это стыдъ и безчестіе для начальника, такимъ образомъ

поступающаго, то тѣмъ болѣе это постыдно и безчестно тогда, когда этого условія въ договоръ включено не было; начальникъ въ особенности грѣшитъ противъ чести, ежели онъ не ходатайствовалъ передъ своимъ правительствомъ объ исполненіи слова, которое съ его стороны дано и которому непріятель ввѣрился. Скорѣе онъ долженъ рѣшиться сокрушить мечъ свой! Наконецъ правительства, которыя не утверждаютъ договоровъ своихъ генераловъ, теряютъ уваженіе въ глазахъ другихъ націй и сильно вредятъ себѣ на будущее время. Турки, которые когда-то не обращали большаго вниманія на точное исполненіе капитуляцій и обѣщаній, съ давняго уже времени смотрятъ на исполненіе трактатовъ съ христіанами какъ на дѣло чести; договоръ съ гарнизономъ Нейхаузельскимъ въ 1663 г. служитъ тому доказательствомъ.

Разумѣется, откровенность и чистосердечіе не должны препятствовать генералу употреблять на войнѣ тонкіе разсчеты и военныя хитрости. Можно было нѣкогда удивляться тому герою, который не хотѣлъ быть похитителемъ побѣды: но въ нашъ вѣкъ составили себѣ болѣе вѣрное понятіе о славѣ. Нынѣ, не только нельзя вмѣнить въ вину генералу, если онъ соединитъ съ искусствомъ хитрость и силу, но тѣмъ болѣе за это должно уважать его; своею разсчетливостью онъ восторжествуетъ въ бою съ меньшими пожертвованіями и тѣмъ уменьшитъ съ обѣихъ сторонъ кровопролитіе. Но не всѣ тонкости и военныя хитрости дозволяются: есть законы, которыхъ честь и право международное не дозволяютъ нарушать.

Если генералъ не будетъ знать этихъ законовъ, то это невѣдѣніе вмѣнятъ ему по всей справедливости въ преступленіе; исторія обвинитъ его въ неоткровенности и нечистосердечіи и, быть можетъ, подозрѣвая его въ недостаткѣ человѣколюбія, не только не приведетъ его въ примѣръ достойный подражанія, но даже помрачитъ имя его передъ потомствомъ! Война имѣетъ свои законы, которыми главнокомандующій и другіе генералы всегда должны руководствоваться и потому имъ необходимо изучить ихъ. Мы не разъ говорили, что очень опрометчивы тѣ правитильства, которыя не внушаютъ съ раннихъ лѣтъ молодежи, посвящающей себя военному поприщу, основаній народнаго права въ мирное и военное время.

Генералы семнадцатаго столѣтія хорошо это понимали, вслѣдствіе ужаса, наведеннаго на міръ суетными обманами, гнусными хитростями и всѣми жестокостями войнъ междуусобныхъ и религіозныхъ. Французскіе нравы въ XVII столѣтіи отвратили много пагубныхъ злоупотребленій; злоупотребленія эти служили къ стыду человѣческаго рода, и потому всѣ націи стали подражать Французамъ. Во время послѣднихъ большихъ войнъ, эти добрыя преданія утвердились; народы перестали отклоняться отъ законовъ войны, и въ самихъ кровавыхъ битвахъ честь и человѣколюбіе были свято соблюдаемы. Вотъ нѣсколько примѣровъ: посмотрите, какъ Наполеонъ приказываетъ перевязывать, на полѣ сраженія, всѣхъ раненыхъ безъ различія, — останавливается и, кланяясь командѣ плѣнныхъ, восклицаетъ: «Воздадимъ

честь храбрости и въ несчастіи.» Россія также служитъ здѣсь примѣромъ: она помѣщала Французскихъ раненыхъ въ своихъ госпиталяхъ, и гнусныя басни о высылкѣ Французскихъ солдатъ въ Сибирь опровергнуты были разсказами этихъ же самыхъ солдатъ по возвращеніи ихъ во Францію.

Одна Англія заслуживаетъ упрекъ за понтоны и островъ Кабреру. Настоятельно требуя этой благородной вѣрности данному слову, мы могли бы привести множество историческихъ примѣровъ, начиная съ геройскаго поступка Регула. При этомъ случаѣ достойно вниманія и слѣдующее любопытное обстоятельство: много уже времени спустя, сенатъ обсуживалъ вопросъ, долженъ ли былъ этотъ великій человѣкъ, высказавъ свое мнѣніе, возвратиться въ Карѳагенъ, гдѣ ожидали его самыя жестокія мученія, и не былъ ли онъ вправѣ измѣнить обѣщанію, насильственно исторгнутому у него народомъ, неимѣвшимъ понятія о вѣрности славу и ставшимъ уже не страшнымъ?

Мнѣніе это было сильно опровергаемо Цицерономъ. «Что наиболѣе уважительно въ клятвѣ и что заставляетъ свято соблюдать ее—это ея сила и святость, а не боязнь наказанія въ случаѣ ея неисполненія.... Война имѣетъ свои законы, которые не должны быть нарушаемы въ отношеніи къ непріятелямъ, каковы бы они ни были; и кто утверждаетъ, что обѣщаніе, данное лицу, непонимающему святости обѣщанія, не дѣйствительно, тотъ изыскиваетъ предлогъ къ извиненію вѣроломства и клятвопреступничества».

Во времена болѣе къ намъ близкія, мы удивляемся королю Іоанну, возвращающемуся въ плѣнъ въ Англію, изъ опасенія, чтобы его не обвинили въ бѣгствѣ сына, герцога Анжуйскаго, въ нарушеніи статей Бретиньискаго договора,—въ измѣнѣ данному слову. Мы удивляемся Дюгесклену, который, находясь въ плѣну у принца Валлійскаго, поѣхалъ во Францію за выкупомъ, растратилъ этотъ выкупъ дорогою на товарищей по оружію, и возвратился опять плѣннымъ въ Англію!

Можно бы составить цѣлый томъ изъ примѣровъ вѣрности слову во время войны,—этой вѣрности государю и отечеству, но мы ограничимся этими. Всѣ офицеры, въ особенности генералы, должны быть проникнуты чувствомъ святости присяги, вѣрности клятвѣ и даже просто вѣрности данному слову; нарушители этой вѣрности грѣшатъ противу своихъ общественныхъ обязанностей и будутъ впослѣдствіи раскаяваться.

Римскій сенатъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ хотя и не хотѣлъ лишиться плодовъ полезнаго для него вѣроломства, однако осудилъ поступокъ Домиція въ отношеніи къ Битуиту, королю Аверновъ, который былъ недостойно обманутъ. Генералъ не долженъ обманывать; интересъ собственныхъ его солдатъ воспрещаетъ ему это. Слава Силлы и Марія не уничтожила пятна участія ихъ съ Бокхомъ въ низкой измѣнѣ противъ Югурты.

ГЛАВА IV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ О НРАВСТВЕННЫХЪ КАЧЕСТВАХЪ.

Нравственныя качества, которыми еще должны обладать главнокомандующіе, суть слѣдующія: безкорыстіе, человѣколюбіе, чистота нравовъ, скромность, вѣжливость и благородство; безъ этихъ добродѣтелей слава ихъ была бы несовершенна или могла бы помрачиться.

О БЕЗКОРЫСТІИ.

Не покушаться на собственность гражданъ; никогда не простирать алчныхъ рукъ на казну государственную; обращать въ пользу отечества всѣ контрибуціи, налагаемыя на непріятеля; расходовать казенныя деньги экономически; никогда не подавать повода солдату думать, что его начальники увеличиваютъ свое состояніе на счетъ его продовольствія; ставить себя своимъ поведеніемъ выше всякаго подозрѣнія, въ этомъ отношеніи; наблюдать, чтобы подчиненные поступали столь же безукоризненно и понуждать ихъ къ тому строгими мѣрами: вотъ законы, которые строгая честность ставитъ въ обязанность всякому военному; достаточно указать ихъ тѣмъ главнокомандующимъ, которые руководствуются честью; что же касается до тѣхъ, которые привыкли цѣнить все на вѣсъ золота, то строки эти не для нихъ.

Въ разсужденіи безкорыстія, этой добродѣтели, которая охраняетъ и подкрѣпляетъ другія, заставляетъ генераловъ пренебрегать деньгами, удерживаетъ ихъ отъ принятія какихъ либо знаковъ справедливой признательности своихъ подчиненныхъ, повелѣваетъ имъ наконецъ запрещать и окружающимъ ихъ требовать даже самаго малаго вознагражденія и самаго ничтожнаго подарка, скажемъ, что добродѣтель эта, въ такомъ видѣ, какъ мы ее сейчасъ описали, была принадлежностью всѣхъ великихъ людей, возбуждающихъ наше удивленіе. Чтобы доказать это, намъ не нужно искать такой добродѣтели въ Римѣ, Ѳивахъ, Спартѣ и Аѳинахъ.

Не станемъ говорить о безкорыстіи Аристида, Фокіона, Цинцината; они жили въ такое время, когда роскошь была почти неизвѣстна, золото цѣнилось не дорого; все окружающее способствовало имъ быть безкорыстными. Мы возьмемъ примѣры изъ времени болѣе къ намъ близкаго: Баярдъ, по взятіи Брешіи у Венеціанцевъ, спасаетъ отъ грабежа домъ, въ которомъ ему перевязывали опасную рану; защищаетъ хозяйку дома и двухъ ея дочерей въ немъ скрывавшихся. При отъѣздѣ его хозяйка предлагаетъ ему шкатулку съ 2,500 червонцевъ, которой онъ никакъ не соглашается принять. Видя, что отказъ его опечалилъ хозяйку, онъ, послѣ усиленныхъ съ ея стороны просьбъ, рѣшается принять подарокъ, но сейчасъ же призываетъ

двухъ ея дочерей, прощается съ ними и даетъ каждой по 1,000 червонцевъ въ приданое, а остальные 500 оставляетъ для пострадавшихъ отъ пожара.

Это, впрочемъ, только одинъ изъ множества примѣровъ безкорыстія этого воина, прозваннаго рыцаремъ безъ страха и упрека. Генрихъ II, герцогъ Монморанси, овладѣваетъ островомъ Ре; на его долю, изъ военной добычи, приходится болѣе 100,000 талеровъ. Онъ не беретъ этихъ денегъ: «Я пришелъ сюда, говорилъ онъ, не для того чтобы нажить состояніе, а для пользы отечеству и доставленія ему славы.» Густавъ-Адольфъ хочетъ наградить Гассіона за мужественный поступокъ; онъ ему предоставляетъ выборъ награды. «Я желаю, говоритъ Гассіонъ, быть посланнымъ для распоряженія къ скорѣйшему прибытію войскъ, вами ожидаемыхъ». Катина описываетъ Людовику Великому счастливую кампанію, имъ совершенную. Король прерываетъ маршала и говоритъ ему: «Довольно о моихъ дѣлахъ, поговоримъ о вашихъ; въ какомъ они положеніи?»—Въ весьма хорошемъ, государь, по милости вашего величества, отвѣчалъ Катина, между тѣмъ какъ его состояніе было менѣе чѣмъ посредственно. Венеціанская республика даритъ Гонзальву золотыя вазы, богатые ковры, великолѣпные мѣха; она прибавляетъ къ этому декретъ Верховнаго Совѣта, которымъ онъ признается венеціанскимъ дворяниномъ. Великій полководецъ оставляетъ себѣ одинъ декретъ; стальное же все отсылеатъ повелителю своему, королю Фердинанду. Жители Седана хотятъ представить Фаберу доказательство ихъ благодарности; но, зная безкорыстіе маршала, боятся отказа. Они во время поѣздки его ко двору подносятъ женѣ его великолѣпныя ткани; но г-жа Фаберъ одного мнѣнія съ мужемъ: она отказывается отъ предлагаемаго подарка.

Спустя нѣсколько времени по возвращеніи своемъ, маршалъ узнаетъ, что вещи, которыя были ему назначены, продаются, и что принуждены отдать ихъ за безцѣнокъ. Фаберъ покупаетъ ихъ и платитъ ту цѣну, которую онѣ стоятъ. Черезъ два дня онъ приказываетъ опять продать ихъ и употребляетъ вырученныя деньги на продолженіе устройства укрѣпленій, на которыя онъ издержалъ уже часть своего состоянія. Мы могли бы указать на множество примѣровъ безкорыстія въ новѣйшее время и противопоставить ихъ другимъ гнуснымъ примѣрамъ, достойнымъ укоризны потомства. Ограничимся напоминаніемъ, что Наполеонъ, котораго жизнь дѣлаетъ честь исторіи, былъ одинъ изъ героевъ, наиболѣе показавшихъ благородное, умиляющее душу безкорыстіе. Бонапартъ, принявъ начальство надъ Итальянскою арміею, лишенною всего, и сдѣлавшись побѣдителемъ, не только снабжаетъ свое войско всѣмъ необходимымъ, но еще пишетъ Директоріи:

«Мы перешли черезъ По; вторая кампанія началась; Больe озадаченъ; онъ постоянно попадаетъ въ западни, которыя мы ему ставимъ; можетъ быть онъ захочетъ сраженія; этотъ человѣкъ обладаетъ дерзостью, а не геніемъ. Еще одна побѣда — и мы будемъ

властелинами Италіи. Посылаю вамъ 20 картинъ лучшихъ художниковъ, Корреджія, Микель-Анджела. Кажется, что дѣла идутъ недурно, потому что я посылаю 12 милліоновъ въ Парижъ; сумма эта пригодится вамъ для Рейнской арміи».

Дѣйствительно, въ тотъ же самый день было подписано перемиріе въ Піаченцѣ съ Пармскимъ герцогомъ, который купилъ этотъ трактатъ картинами и милліонами, посланными генераломъ въ Парижъ. При этомъ посланные предлагали еще одинъ милліонъ вмѣсто картины Св. Іеронима; но Бонапартъ отвѣтилъ на это предложеніе слѣдующимъ образомъ: «Милліонъ этотъ мы скоро бы истратили; картина же образцовой работы послужитъ нашему отечеству вѣчнымъ украшеніемъ».

Милліонъ не былъ принятъ. Миръ, заключенный съ герцогомъ, доставилъ еще 1,700 лошадей, хлѣбные магазины, фуражъ и содержаніе госпиталей. Кромѣ того, было доставлено жителями города Піаченцы 400 лошадей для артиллеріи. Герцогъ Моденскій, съ своей стороны, далъ 10.000,000 и 20 картинъ, которыя также были отосланы въ Парижъ. Вторая кампанія была не менѣе выгодна для Франціи, и, не смотря на то, Наполеонъ возвратился въ Парижъ безъ всякаго состоянія; онъ даже не могъ заплатить наличными деньгами за небольшой домикъ, купленный имъ въ улицѣ Шантерень; но улица эта, по его тамъ жительству, стала называться Улицею Побѣды.

Таковъ былъ генералъ Бонапарте, который, достигнувъ верховнаго могущества, не утратилъ безкорыстія и не переставалъ обогащать своихъ генераловъ и государство, употребляя въ каждую кампанію плоды своей экономіи на военныя издержки; онъ былъ всегда щедръ, великодушенъ, пышенъ во всемъ его окружающемъ и бережливъ въ своемъ хозяйствѣ, и оттого Наполеонъ былъ идоломъ войска и народа Французскаго. Наконецъ, говоря о безкорыстныхъ поступкахъ, прославившихъ государей, вельможъ и генераловъ и оставшихся въ памяти народовъ, мы не можемъ умолчать о великодушномъ безкорыстіи императора Александра во время занятія Союзными войсками Парижа и Франціи въ 1814 и 1815 годахъ. Изъ всѣхъ государей Александръ показалъ себя самымъ безкорыстнымъ и сталъ покровителемъ Франціи, которой угрожали раздѣлъ и разграбленіе, и если бы Англія, обуздавъ свою завистливую ненависть, раздѣлила чувства съ державами Сѣвера, то величайшій геній не погибъ бы въ заключеніи на скалѣ Св. Елены! Въ особенности императору Александру обязанъ Парижъ сохраненіемъ памятниковъ и тѣмъ, что онъ остался столицею образованнаго міра. Вотъ слѣдствія бзкорыстія, которое, какъ мы сказали, есть верхъ честности. Но безкорыстіе имѣетъ также своего рода совершенство. «Если вы хотите, говоритъ писатель, въ предисловіи къ сочиненію своему «О разумѣ человѣческомъ», видѣть около себя довольныя лица дѣтей вашихъ, жены, служителей, друзей и даже непріятелей, — то будьте щедры».

Если хотите укрыть отъ порицанія многіе порока, желаете, чтобъ вамъ прощали странныя или смѣшныя привычки, хотите сдѣлать свои удовольствія легкими и добиться того, чтобы люди ввѣряли вамъ совѣсть свою, честь, предразсудки, которыми они наиболѣе дорожатъ. Все это будетъ отъ васъ зависѣть. Какое бы дѣло вы ни имѣли и кто бы ни были люди, съ которыми вы имѣете сношенія, для васъ все будетъ легко, если вы сумѣете быть щедрымъ вовремя и кстати.—Разумѣется, генералъ не долженъ обращаться къ расточительности, чтобы доставить себѣ возможность безнаказанно предаваться страстямъ и развращать людей; онъ этимъ себя опозорилъ бы. И кому не извѣстно, что щедрость, какъ скоро она подаетъ поводъ къ разврату, рѣдко достигаетъ хорошей цѣли, и производитъ дѣйствія совершенно противныя желанію, что бы ни говорилъ писатель, котораго слова предъ симъ приведены нами.

Но чтобы внушить уваженіе къ себѣ въ офицерахъ и солдатахъ, снискать ихъ довѣренность и пріобрѣсти любовь ихъ, генералъ долженъ держаться щедрости благоразумной; главное — онъ долженъ умѣть выбрать на это время и щедрость его должна быть справедлива.

Ты, великодушный Тюрень, умѣлъ придавать цѣну дарамъ своимъ! Всѣ прекрасныя дѣйствія жизни твоей извѣстны; мы однако воспользуемся здѣсь случаемъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Этотъ великій человѣкъ однажды замѣчаетъ, что въ арміи его у одного офицера знатнаго происхожденія, но бѣднаго, очень плоха лошадь. Онъ его приглашаетъ къ себѣ и говоритъ: «Милостивый государь, я имѣю къ вамъ просьбу; можетъ быть, вамъ покажется она не совсѣмъ скромною, но я надѣюсь, что вы не захотите ни въ чемъ отказать вашему генералу. Я старъ, продолжалъ онъ, здоровье мое разстроено, горячія лошади меня утомляютъ, а ваша лошадь, сколько я замѣтилъ, была бы совершенно по мнѣ; прошу васъ, если это не будетъ слишкомъ большою для васъ жертвою, уступить ее мнѣ». Офицеръ отвѣчалъ почтительнымъ поклономъ и сейчасъ же велѣлъ привести свою лошадь къ Тюреню. Этотъ генералъ послалъ ему на слѣдующій день одну изъ лучшихъ лошадей своей арміи. Одинъ офицеръ былъ въ отчаяніи, что потерялъ въ дѣлѣ двухъ лошадей, которыхъ не въ состояніи былъ замѣнить другими. Тюрень отдаетъ ему двухъ изъ своихъ и проситъ его никому не говорить объ этомъ. «Другіе также станутъ просить у меня лошадей, говоритъ онъ, а я не въ состояніи исполнить всѣ просьбы». Этотъ великій человѣкъ хотѣлъ скрыть подъ видомъ экономіи великодушный свой поступокъ.— Тюрень получилъ значительную денежную сумму за должность, которую дворъ отдалъ въ его распоряженіе; онъ собираетъ пять или шесть полковниковъ, которыхъ полки болѣе прочихъ пострадали, и увѣривъ, что эти деньги присланы королемъ, раздаетъ ихъ, по мѣрѣ надобности каждаго. Тысяча подобныхъ случаевъ доставили этому воину славное прозвище отца солдатъ; его великодушіе повело къ уменьшенію его состоянія, но увеличило его славу. Къ примѣрамъ

щедрости Тюреня мы могли бы присовокупить примѣръ Гонзальва Кордуанскаго, который приглашаетъ солдатъ, недовольныхъ своею частью при разграбленіи Неаполя, вознаградить себя грабежемъ его дома; Эссе-де-Монталанберта, который продаетъ свою посуду и мебель для прокормленія войска; примѣръ маршала Бриссака въ Піемонтѣ при распущеніи части войскъ его. Но и приведенныхъ уже нами примѣровъ весьма достаточно — даже для людей самыхъ неравнодушныхъ къ блеску золота. Что касается до тѣхъ, которые подвержены пороку низкому и достойному сожалѣнія—скупости, то имъ готовится, ежели они достигнутъ начальствованія, участь Лукулловъ, Крассовъ и Мансфельдовъ; они должны ожидать гибельныхъ послѣдствій и порицанія своему имени, потому что скупость не затрудняется въ выборѣ средствъ къ пріобрѣтенію; ежели они и не подвергнутся лишенію довѣренности, то, по крайней мѣрѣ, никакъ не избѣгнутъ солдатской ненависти и людскаго презрѣнія.

Но щедрость, подобно прочимъ добродѣтелямъ, должна имѣть свои границы; дары теряютъ цѣну отъ слѣпой расточительности, и когда всѣ одинаково награждаются, тогда никто не приписываетъ настоящей цѣны этимъ наградамъ; жизнь тріумвира Антонія служитъ тому доказательствомъ. Ежели вслѣдствіе расточительности своей генералъ принужденъ будетъ поправлять свое состояніе средствами предосудительными, то онъ заставитъ повторить о себѣ то, что принцъ Орлеанскій сказалъ о Ричардѣ III королѣ Англійскомъ: «Онъ тратилъ свое безъ разсчета и забиралъ чужое безъ совѣсти». Дабы генералу избѣжать плачевнаго выбора одного изъ двухъ—или ничего не давать, или раздавать ему непринадлежащее, ему слѣдуетъ каждый день вспоминать это мудрое правило: «При расточительности ты будешь щедръ полгода, а при благоразумной экономіи можешь быть щедрымъ всю жизнь свою».

О человѣколюбіи.

Если человѣколюбіе не сопровождаетъ генерала въ его дѣйствіяхъ, то онъ никогда не будетъ включенъ въ число героевъ, и никогда объ немъ потомство не отзовется почтительно, хотя бы онъ одержалъ болѣе побѣдъ, чѣмъ Александръ и Цезарь, и болѣе чѣмъ Наполеонъ. Даже народы, только что вышедшіе изъ варварства, никогда не давали этого славнаго наименованія полководцамъ, которые напрасно проливали кровь непріятеля, ведя противъ него жестокую войну, и кровь своихъ воиновъ, легкомысленно подвергая ихъ опасностямъ, употребляя преувеличенную строгость, или предаваясь равнодушію еще болѣе губительному. Образованныя націи никогда не воздвигали памятника начальнику войска, который, держа мечъ въ одной рукѣ и факелъ въ другой, губилъ на дымящихся развалинахъ людей беззащитныхъ; таковой воинъ будетъ поставленъ рядомъ съ Аттилою, Чингисъ-Ханомъ, Тимуромъ: этими дикими завоевателями, прославившимися тѣмъ, что были бичами человѣчества.

Боссюэтъ, начиная рѣчь въ похвалу Людовику Бурбонскому и торжественно превознося качества этого генерала, восклицаетъ: «Прочь отъ насъ безчеловѣчный герой!» — Современники его осуждали это выраженіе. Развѣ можно—говорили они—быть героемъ, будучи безчеловѣчнымъ? Развѣ безчеловѣчный воинъ можетъ заслуживать наше вниманіе и уваженіе? — Повторяемъ вамъ, юные полководцы, ежели природа не надѣлила васъ великодушнымъ и добрымъ сердцемъ, ежели дурное воспитаніе, образованіе слишкомъ матеріальное, оставило безъ развитія или охладило, даже, можетъ быть, заглушило благородныя чувства, которыя дѣлаютъ честь человѣку и еще болѣе воину, то время не ушло еще; откройте глаза, изучите народное право военнаго и мирнаго времени, усвойте правила умѣренности, которыми должно руководствоваться въ войнѣ даже справедливой, различая между непріятелями сражающихся отъ несражающихся; старайтесь воздерживаться отъ варварскихъ поступковъ даже въ отношеніи къ варварамъ, съ которыми вамъ довелось бы сражаться. Знайте, что величайшая слава не въ состояніи смыть пролитой крови стариковъ, женщинъ и дѣтей; что подло мстить невиннымъ, либо тѣмъ, которые не могутъ вредить намъ! — Что касается до неодушевленныхъ предметовъ, то знайте, что съ Моисея до нашихъ временъ всѣ великіе люди, всѣ знаменитые писатели порицали, подобно пророку, опустошителей; они даже воспрещаютъ опустошать земли непріятельскія; требуютъ, чтобы не рубили напрасно и деревьевъ, на нихъ находящихся, потому что несправедливо было бы обращать на невинные предметы гнѣвъ, возбужденный людьми; совѣтуютъ безпрестанно думать о будущемъ и не забывать, что среди превратностей міра сего тѣ, которые сегодня являются намъ врагами, могутъ быть завтра нашими союзниками. Наконецъ, знайте, молодые генералы, что ежели смерть невиннаго есть убійство даже и на войнѣ, что ежели, въ теченіе войны, должно стараться не наносить ни малѣйшаго ущерба безъ необходимости, то это еще болѣе соблюдать должно послѣ побѣды. Послушайте Цицерона, не оправдывающаго разоренія Коринѳа, хотя это было отплатою за недостойное обращеніе съ Римскимъ посольствомъ; послушайте его, въ другомъ мѣстѣ, называющаго позорною, гнусною и безразсудною такую войну, которая ведется противъ стѣнъ, крышъ, колоннъ, деревьевъ и проч. Пробѣгая исторію, можно замѣтить, что иногда было достаточно одного человѣколюбія для включенія многихъ генераловъ въ число героевъ, и что, напротивъ того, безчеловѣчіе лишало ихъ права на это наименованіе.

Неудивительны побѣды Алексадра, когда намъ представляютъ какъ онъ, увидѣвъ замерзающаго воина, поспѣшаетъ освободить его отъ тяжести вооруженія и уступаетъ ему мѣсто свое у огня. Снисходительность этого героя въ отношеніи къ семейству Даріеву не искупила ли пороковъ, омрачившихъ славу его? Человѣколюбіе Цезаря не доставило ли ему столько же приверженцевъ, сколько онъ ихъ пріобрѣлъ золотомъ Галловъ. Какое пріятное чувство возбуждаетъ

въ насъ слѣдующій отвѣтъ Алексѣя Комнена! Въ то время, когда онъ побѣдилъ Скиѳовъ, одинъ изъ его генераловъ совѣтовалъ ему казнить плѣнныхъ. Императоръ въ негодованіи вскричалъ: «Хотя Скиѳы и варварскаго племени, однакоже тѣмъ не менѣе они люди». Человѣколюбіе Тотилы послѣ покоренія Неаполя обезсмертило его имя. Варварство Кловиса помрачило его славу; страдальческіе крики Саксонцевъ, умерщвленныхъ по приказанію Карла Великаго, почти заглушили голосъ народа, удивлявшагося добродѣтелямъ своего императора и благодарнаго за мудрые его законы.

Когда жестокій и варварскій обычай дозволялъ осаждающимъ выгонять за стѣны города женщинъ, дѣтей и старцевъ, заставлять ихъ умирать съ голоду, тогда развѣ укоряли Эдуарда III и Альфонса, прозваннаго Великодушнымъ, въ томъ, что они въ подобныхъ случаяхъ нетолько не дѣлали вреда невиннымъ, но принимали ихъ въ своихъ лагеряхъ? Французы будутъ всегда проливать слезы умиленія при разсказѣ о попеченіяхъ добродѣтельнаго Людовика IX объ его арміи, и при воспоминаніи о томъ, что онъ былъ утѣшителемъ, другомъ, отцомъ солдатъ своихъ, память о немъ становится для нихъ еще драгоцѣннѣе. Древніе рыцари, бывшіе столь постоянно опорою государства, и служившіе такъ часто примѣромъ высокой доблести, по своимъ высокимъ поступкамъ, достойны быть образцами всѣмъ героямъ; но удивляешься и уважаешь ихъ еще болѣе тогда, когда видишь ихъ дающими священный обѣдъ покровительствовать слабому, защищать угнетеннаго; когда узнаешь, что они насъ научили благородному состраданію и къ побѣжденнымъ, и что они, своими примѣрами, заставили насъ быть человѣколюбивыми даже въ пылу битвы. Пробѣгая исторію достопамятныхъ временъ, когда рыцарство было въ случаѣ, мы находимъ безчисленное множество тому доказательствъ. Здѣсь добрый конетабль говоритъ своимъ солдатамъ: «Помните, гдѣ бы вы ни сражались, что бѣдный народъ, женщины и дѣти—не суть наши непріятели!» Такъ Людовикъ XII требовалъ, чтобы при арміи его, даже и въ странѣ непріятельской, всегда находился человѣкъ, извѣстный своею справедливостію, на котораго возлагалась обязанность устранять безпорядки и вознаграждать убытки, отъ нихъ происходящіе; онъ оплакивалъ свои побѣды, утѣшалъ Альвіана и старался, вниманіемъ къ нему, заставить его забыть понесенное имъ пораженіе. Далѣе — Гонзальвъ Кордуанскій занимается укрощеніемъ своевольства въ своемъ войскѣ и запрещаетъ солдатамъ приближаться къ тому мѣста, гдѣ старики, женщины и дѣти нашли себѣ убѣжище отъ буйства ихъ. Разсказываютъ, что Карлъ V приказалъ щадить непріятелей, говоря, что главнокомандующему болѣе славы доставляютъ плѣнные, чѣмъ убитые. Наконецъ видимъ, что Герцогъ Францискъ Гизъ, который пріобрѣлъ бы осадою Меца и взятіемъ Кале только извѣстность, обезсмертилъ себя тѣмъ, что былъ человѣколюбивъ и великодушенъ въ отношеніи къ своимъ непріятелямъ. Когда этотъ герой принудилъ Карла V къ постыдному отступленію, тогда онъ явилъ человѣколюбіе въ такой степени, что долго послѣ этой

славной эпохи непріятели вспоминали Мецское великодушіе каждый разъ, когда ожидали снисхожденія или желали остановить успѣхи французскаго оружія. Ежели бы мы остановились на царствованіи Генриха IV, то какія еще картины представились бы нашимъ взорамъ? Но всѣ эти примѣры уже достаточно извѣстны. По мѣрѣ приближенія къ нашему времени, люди просвѣщаются и область человѣколюбія расширяется. Въ славный вѣкъ Людовика XIV число генераловъ человѣколюбивыхъ равняется числу генераловъ знаменитыхъ. Обвиняли, съ нѣкоторою справедливостью, Великаго Конде за то, что онъ не берегъ крови солдатъ своихъ; одно изреченіе его, дѣйствительно, подтверждаетъ это обвиненіе; но когда видимъ, что при Рокруа онъ заботится столько же о пощадѣ побѣжденныхъ, сколько и о побѣдѣ; когда вспомнимъ, что на берегахъ Мозеля онъ посѣщалъ больныхъ солдатъ; наконецъ—когда видимъ, какъ горько оплакивалъ онъ смерть Немура, Ла-Рошфуко и Глиншана, въ смерти которыхъ онъ считалъ себя виновнымъ, тогда мы должны сознать человѣколюбіе его и повторить вмѣстѣ съ Боссюэтомъ: «Полагаютъ, что онъ подвергаетъ опасности войска свои, но, на самомъ дѣлѣ, онъ бережетъ ихъ, сокращая время опасностей быстротою атакъ.» Всякое оправданіе Тюреня было бы здѣсь излишне. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ берегъ кровь солдатъ своихъ, которые называли его своимъ отцомъ; нерѣдко они видѣли его слѣзавшаго съ лошади для того чтобы посадить на нее одного изъ товарищей ихъ, усталаго и измученнаго; пособивъ ему сѣсть на свою лошадь, самъ Тюрень въ такомъ случаѣ слѣдовалъ пѣшкомъ вслѣдъ за нимъ до обоза арміи. Всѣмъ извѣстно, что и самые враги Франціи превозносили доброту его, потому что послѣ побѣды онъ не дѣлалъ различія между побѣдителями и побѣжденными. Всей Европѣ извѣстно, что онъ первый проливалъ слезы при опустошеніи Пфальцъ-графства, и что несчастія, которыя постигли эту страну, произошли не отъ Тюреня, а отъ приказаній, данныхъ жестокимъ министромъ. Въ новѣйшее время, какъ и прежде, человѣколюбіе было также одною изъ главныхъ добродѣтелей героя. Обратите вниманіе на жизнь Фабера, Катина, Люксембурга, и вы увидите, что всѣ они умѣли соединять государственную службу съ священною обязанностію человѣколюбія!

Посмотрите на Евгенія и Марльборо; они раздаютъ раненымъ деньги, назначенныя Голландіею на раздачу войскамъ за одержанныя побѣды. На сѣверѣ Европы должно удивляться Карлу XII въ то время, когда онъ отдаетъ свою одежду и шпагу и возвращаетъ свободу непріятельскому офицеру, котораго находитъ ограбленнымъ на полѣ сраженія; въ другомъ мѣстѣ онъ отдаетъ свою лошадь одному изъ раненыхъ офицеровъ, а самъ идетъ сражаться въ головѣ пѣхоты. Попеченія Петра Великаго — основателя Россійской имперіи—о Шведскихъ офицерахъ подъ Полтавою достойны памяти потомства. Онъ же является въ Нарвскую ратушу, покрытый кровью и пылью и еще кипящій огнемъ битвы, но уже съ милосердіемъ во взорахъ, и объясняетъ жителямъ, бросившимся къ ногамъ его, что

имъ нечего опасаться, приказываетъ имъ встать и, показывая окровавленное свое оружіе, говоритъ, что оно обагрено не кровью ихъ согражданъ, а кровью нѣкоторыхъ изъ его солдатъ, которые наказаны имъ за то, что въ жару сѣчи дошли до лютости. Послѣ сраженія при Росбахѣ, принцъ Генрихъ Прусскій сравненъ всѣми историками съ Тюренемъ. Онъ утѣшаетъ Французскихъ плѣнныхъ, превозноситъ ихъ храбрость, не столько думаетъ о своей ранѣ, сколько о томъ, чтобы самыми великодушными заботами и самымъ утонченнымъ вниманіемъ уменьшить стыдъ ихъ пораженія и усладить несчастіе плѣна. Онъ приказываетъ отдать почести Кюстину, умершему отъ ранъ въ Лейпцигѣ, и воздвигаетъ памятникъ въ честь храбрости его и его согражданъ. Увѣдомленный о нищетѣ большей части Французскихъ офицеровъ, онъ занимаетъ для раздачи имъ у Лейпцигскихъ купцовъ деньги; въ особенности было дорого для Французовъ негодованіе, которое онъ выразилъ, узнавъ, что у плѣнныхъ отобрали шпаги, и приказавъ тотчасъ же возвратить ихъ: таковъ былъ принцъ Генрихъ въ отношеніи къ Французамъ. Во Франціи прославился великій король, говоря съ солдатами, утѣшая ихъ, создавая для раненыхъ и стариковъ великолѣпнѣйшее въ свѣтѣ убѣжище, и присовокупивъ ко всѣмъ своимъ бѣдамъ не менѣе славное торжество человѣколюбія и милосердія. Незабвеннымъ остается и Филиппъ Орлеанскій, регентъ Франціи, который говоритъ послѣ сраженія: «Теперь болѣе нѣтъ непріятелей». При Фонтенуа, Людовикъ XV, приведя дофина на поле битвы, говоритъ ему: «Пойми, сынъ мой, какъ дорога и вмѣстѣ съ тѣмъ тягостна мнѣ эта побѣда; и потомъ прибавляетъ, обращаясь къ окружающимъ его: «Пусть заботятся о раненыхъ Французахъ—какъ о моихъ дѣтяхъ, а о непріятеляхъ—какъ о Французахъ.»

Эти благородныя и священныя преданія не утрачены въ великихъ Европейскихъ войнахъ съ 1790 года. Мы обращаемся ко всѣмъ генераламъ Русскимъ, Французскимъ, Австрійскимъ и проч.; вездѣ послѣ битвъ и большихъ сраженій являлось человѣколѣбіе; одна Англія изгнала его, и потомство всегда будетъ напоминать ей Паргу, Кабреру, понтоны и островъ св. Елены. Кто въ мірѣ былъ человѣколюбивѣе Наполеона? Кто до него осмѣливался прикасаться къ зачумленнымъ въ Египтѣ и тѣмъ ободрять душу этихъ несчастныхъ, пораженную еще болѣе тѣла? Кто болѣе его сожалѣлъ о пролитой крови? Какъ немилосердо и какъ холодно-жестоко поступало въ отношеніи къ нему Англійское правительство! Читайте, будущіе генералы, исторію; останавливайте ваше вниманіе на чертахъ человѣколюбія, которыя она обезсмертила; помните, повторяемъ, что безъ человѣколюбія, безъ милосердія, нельзя надѣяться получить мѣсто между героями!

О НРАВАХЪ.

Не возможно не признать гибельныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ дурныхъ нравовъ, въ особенности въ начальникахъ, на которыхъ

постоянно устремлены взоры столь большаго числа подчиненныхъ. Какія ужасныя несчастія имѣли мѣсто въ лагеряхъ и вообще у народовъ отъ необузданныхъ страстей начальниковъ? Ежелибъ мы здѣсь привели всѣ злополучія, причиненныя романическою любовью, игрою, пьянствомъ и проч., то сколько пришлось бы намъ насказать объ этомъ и какую борьбу пришлось бы выдержать? Молодость смотритъ на вещи только съ лучшей стороны, хвалитъ любовь во всемъ и за все. Хладнокровная старость, опираясь на строгую нравственность, напротивъ того, описываетъ любовь самыми черными красками. Что касается до насъ, то, оставаясь вѣрными нашему плану, мы основываемся на одномъ свидѣтельствѣ исторіи. Однако, разсмотрѣвъ всѣ лѣтописи, должно согласиться, что въ нихъ изрѣдка набросаны нѣкоторыя черты въ пользу любви — во Франціи, въ царствованіе Карла VII, и въ то время когда рыцарство было въ чести; впрочемъ вездѣ видно, что всѣ тѣ воины, которые дѣлаются рабами этой страсти, подвергаются стыду, упускаютъ случаи къ пріобрѣтенію славы, и наконецъ теряютъ частію уваженіе, принадлежащее ихъ талантамъ и занимаемому имъ мѣсту. Генералы — ревнители славы—постоянно не давали доступа любви въ свое сердце: таковъ былъ Киръ, Филопеменъ, Эпаминондъ, Аннибалъ, Сципіонъ, императоры Юліанъ и Авреліанъ; въ ближайшія же къ намъ времена:—Евгеній, Гассіонъ, Карлъ XII и Тилли.

Извѣстно, что Киръ не позволилъ себѣ видѣть прекрасную Пантею: что Александръ, во время ревностнаго стремленія своего къ славѣ, подвергнулъ себя только однажды взорамъ жены Дарія; что Аннибалъ былъ для любви недоступенъ; извѣстно также какъ держалъ себя Сципіонъ въ отношеніи къ юной супругѣ Аллюція, и какъ велъ себя Тюрень послѣ взятія Сореля; не безъизвѣсто, что и Гассонъ обуздывалъ любовь свою; что Евгеній считалъ любовь страстью мелкою, распространяемою женщинами весьма искусно для расширенія предѣловъ ихъ вліянія, и думалъ, что даже законные узы могутъ отвлекать воиновъ отъ исполненія священнѣйшихъ ихъ обязанностей; извѣстно, наконецъ, что Карлъ XII и Тилли достигли совершеннаго равнодушія въ отношеніи къ этой слѣпой страсти.— Правда, нѣкоторые знаменитые воины не простирали такъ далеко предубѣжденій противъ любви; однако немного было великихъ генераловъ, которые бы ей слѣпо повиновались; ежели въ тишинѣ мира они и поддавались ея обманчивымъ прелестямъ, то первый звукъ бранной трубы мгновенно пробуждалъ ихъ отъ этого летаргическаго сна и разрывалъ постыдныя оковы, въ которыхъ они находились; бывали между ними и такіе, которые жертвовали предметомъ своей страсти отечеству, собственной славѣ и воинскому порядку. Мы могли бы указать на многихъ генераловъ, которые вели себя такимъ образомъ, но укажемъ только на Магомета, отсѣкшаго голову прекрасной Иренѣ, и маршала де-Саксъ, одобрившаго поступокъ офицера, который, желая очистить лагерь отъ развратныхъ женщинъ,

обыкновеннаго источника величайшихъ безпорядковъ, началъ похищеніемъ предмета любви у своего генерала. Вольтеръ сомнѣвался въ первомъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ; но если бы примѣръ этотъ и былъ не что иное какъ аллегорія, то и тогда не безполезно было бы упомянуть о немъ. Взглянемъ теперь на нѣсколько разительныхъ и пагубныхъ примѣровъ несчастныхъ послѣдствій этой страсти. Антоній и Цезарь были у Римлянъ самыми знаменитыми жертвами любви; эта сумасбродная страсть была для Цезаря причиною четырехъ продолжительныхъ и жестокихъ войнъ, а Антоній лишился черезъ нее чести и жизни. Но перенесемся къ ближайшему времени. Во времена рыцарства, страсть эта была причиною множества гибельныхъ для государства дуэлей. Неудачи Французовъ въ Италіи, въ XVI столѣтіи, имѣли источникомъ, по словамъ Брантома, любовь, которую питалъ Бониве къ одной изъ Миланскихъ женщинъ. Побѣдитель при Кутра не воспользовался своею побѣдою: онъ покинулъ свою армію и подвергся большимъ опасностямъ, слѣдуя внушенію любви, господствовавшей надъ его сердцемъ. Сумасбродная любовь была причиною пораженія Букингама передъ Ла-Рошелью. Любовь была однажды причиною нескромности даже Тюреня. Но довольно этихъ фактовъ для предостереженія военныхъ отъ страсти, которую Бюфонъ помѣстилъ въ числѣ самыхъ гибельныхъ. Страсть къ игрѣ произвела чрезвычайно много безпорядковъ въ семействахъ, самымъ явнымъ образомъ служила къ общему развращенію и наконецъ она бываетъ поводомъ столькихъ преступленій, что намъ нѣтъ надобности на ней останавливаться. Пьянство, столь же сильная и еще болѣе опасная страсть, господствовала, въ прежнее время, въ арміяхъ, но и тогда Карлъ XII и Тилли себя отъ нея обезпечили такъ, что совершенно перестали употреблять вино и всѣ горячіе напитки. Эта унизительная страсть была причиною тому, что Александръ умертвилъ лучшаго своего друга, а Рантцау, Мерси и Густавъ надѣлали столько ошибокъ. Пусть генералы, столько же въ мирное, сколько и въ военное время, избѣгаютъ страстей, которыя могли бы погубить ихъ, или помрачить ихъ славу; они должны искать въ мирное время развлеченія въ благородныхъ и полезныхъ удовольствіяхъ: въ охотѣ, которая укрѣпляетъ тѣло и изощряетъ зрѣніе; въ занятіяхъ, разговорахъ съ учеными, въ заботахъ о своемъ семействѣ; наконецъ, они должны всегда оставаться героями и никогда не унижаться до безразличія съ толпою.

О СКРОМНОСТИ.

Скромность—добродѣтель высокихъ душъ. Всѣ знаменитые люди, которыми славится древность, доводили скромность до высшей степени. Дюгескленъ, Дюнуа, Баярдъ и всѣ наши древніе рыцари знали съ самаго дѣтства, что рыцарь долженъ, по ихъ выраженію: férir haut et parler bas.

Знаменитый Собіескій, который побѣдилъ Турокъ и освободилъ

Вѣну, замѣнивъ слова Цезаря болѣе скромными, написалъ: «Я пришелъ, увидѣлъ, а Богъ побѣдилъ». Францискъ Бурбонъ, Марльборо и Бель-Иль сознавались въ своихъ ошибкахъ и приписывали всѣ успѣхи своего оружія войскамъ своимъ; Буфлеръ поступалъ такъ же послѣ защиты кр. Лиль; Конде, котораго родъ, побѣды и таланты могли бы сдѣлать гордымъ, никогда не упоминалъ о себѣ, отдавая отчетъ о сраженіяхъ, имъ выигранныхъ; онъ сознавался, что Тюрень былъ выше его, и желалъ только, занявъ мѣсто этого великаго человѣка, вызвать духъ его, вопросить его геній и слѣдовать его намѣреніямъ. Фаберъ и Люксембуръ также могутъ быть поставлены въ примѣръ главнокомандующему арміи. Но между всѣми ими сіяетъ Тюрень сколько безпримѣрною скромностію, столько и великою своею славою. Мы передадимъ здѣсь слова Флешье:

«Кто болѣе прославился великими дѣяніями?
Кто говорилъ о нихъ съ большею скромностью?»

Когда онъ одерживалъ верхъ надъ непріятелемъ, тогда, по его словамъ, не искусство его было тому причиною, а ошибка непріятеля. Разсказывая о сраженіи или битвѣ, онъ ничего не забывалъ, кромѣ того что онъ былъ въ нихъ побѣдителемъ.

Когда онъ передаетъ какое либо изъ блистательныхъ дѣйствій, его прославившихъ, тогда, слушая его, полагаешь, что онъ въ немъ былъ только зрителемъ, и недоумѣваешь кто ошибается: побѣдитель или молва. Возвращаясь изъ своихъ безсмертныхъ походовъ, онъ избѣгалъ восклицаній народа, какъ бы стыдился побѣдъ своихъ, принималъ похвалы какъ будто извиняясь въ томъ, что заслужилъ ихъ, и робѣлъ, приближаясь къ королю, потому что былъ принужденъ тогда изъ покорности выслушивать похвалы, которыми его осыпали. Наконецъ, въ частной жизни, этотъ герой, сложивъ съ себя всѣ знаки славы, пріобрѣтенной имъ въ военное время, и окруживъ себя небольшимъ обществомъ избранныхъ друзей, спокойно подвизался въ добродѣтеляхъ гражданина; онъ былъ искрененъ въ разговорахъ, прямъ въ дѣйствіяхъ, вѣренъ въ дружбѣ, точенъ въ обязанностяхъ, умѣренъ въ удовольствіяхъ, великъ даже въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ. Онъ укрывался, но молва открывала его; онъ ходилъ безъ свиты, но въ воображеніи каждаго представлялся онъ на побѣдной колесницѣ. Видя его, считали не число его служителей, а число непріятелей имъ побѣжденныхъ. Онъ одинъ, но всякій представляетъ его себѣ въ сопровожденіи множества добродѣтелей и побѣдъ. Какое-то благородство проявляется въ скромной простотѣ его, и чѣмъ менѣе онъ окруженъ великолѣпіемъ, тѣмъ болѣе достоинъ уваженія.

Таковы были слова, произнесенныя знаменитымъ Нимскимъ архіепископомъ, надъ гробомъ Тюреня, этого героя, который служилъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей. По общему признанію, Флешье изобразилъ въ этой прекрасной рѣчи генерала въ томъ видѣ, какъ онъ быть долженъ.

ВѢЖЛИВОСТЬ И ДОСТОИНСТВО.

Вѣжливость есть постоянное вниманіе, внушаемое человѣколюбіемъ для того, чтобы всѣмъ угодить и никого не обидѣть. Мизантропъ вопіетъ противъ этой добродѣтели; онъ предпочитаетъ ей оскорбительную прямоту и грубую откровенность. Свѣтскій человѣкъ употребляетъ вмѣсто нея привѣтствія, поклоны. Мизантропъ порицаетъ вѣжливость, потому что смѣшиваетъ ее съ ложью; при этомъ льстецъ вводитъ его въ ошибку, потому что вѣжливость, имъ изъявляемая, на самомъ дѣлѣ лжива. Но настоящая вѣжливость привлекаетъ сердца и сближаетъ сословія общества. Она имѣетъ то удивительное свойство, что чрезъ нее другіе бываютъ и нами, и самими собою довольны. Она простирается и на низшихъ, и проявляется въ разговорѣ съ каждымъ изъ нихъ о томъ, что къ нему относится, и въ справедливой похвалѣ всему, что есть хорошаго въ другихъ; она не противуположна откровенности потому именно, что если и должно всегда думать то, что говоришь, то нельзя говорить всего, что думаешь. Истина не вводитъ ничего грубаго въ обращеніе: она дозволяетъ употреблять учтивыя выраженія и привѣтствія, которыя произносятся взаимно и понимаются болѣе какъ общепринятые обряды, введенные обычаемъ въ благоустроенное общество, нежели какъ слова, долженствующія быть понятыми въ буквальномъ значеніи. Ошибочно было бы смѣшивать вѣжливость съ церемоніями: напротивъ того, она даетъ возможность распознать случаи, въ которыхъ церемоніи дѣлаются докучными; и ежели-бъ умѣли воздерживаться отъ нихъ кстати, изъ скромности, а не изъ забывчивости, то учтивость была бы еще пріятнѣе. Однимъ словомъ, вѣжливостію пріобрѣтается расположеніе людей; она украшаетъ всѣ прочія качества и таланты, сближаетъ людей, дѣлаетъ любезными тѣхъ, которые поставлены выше насъ въ обществѣ, тѣсно соединяетъ равныхъ съ равнымъ, сближаетъ высшихъ съ низшими и вообще всѣхъ людей между собою, чего ни одинъ человѣкъ не долженъ упускать изъ виду, уважая въ тоже время субординацію, установленную между людьми необходимостію порядка. Всякій знаетъ, что вѣжливость производитъ, во всякое время, самое благопріятное дѣйствіе, въ особенности при дворѣ государей.

Она нѣкогда выказалась, во всемъ своемъ блескѣ, при дворѣ Людовика XIV, и казалось отразилась у всѣхъ народовъ. Вѣжливость Французскихъ офицеровъ вошла тогда въ пословицу въ Европѣ, а между тѣмъ развѣ они были отъ этого менѣе храбры, мужественны и доблестны? Разумѣется—нѣтъ. Революціи, безпрестанныя войны, лагерная жизнь могли ослабить эту совершенно французскую добродѣтель, но не могли ее уничтожить; она была и будетъ всегда столько же достойною, какъ и сестра ея, вѣжливость русская, возникшая съ образованіемъ, введеннымъ Петромъ Великимъ, развитая попечительными заботами Елисаветы Петровны, величіемъ Екатери-

ны и еще болѣе утвердившаяся при дворѣ императоровъ чрезъ союзъ свой съ великодушіемъ, доброжелательствомъ и достоинствомъ каждаго сословія. Никогда не будетъ лишнимъ напомнить генераламъ, что первѣйшій и самый вѣрный залогъ ихъ успѣха есть любовь войска, и что уваженіе соотечественниковъ есть самая лестная для нихъ награда. Чѣмъ же скорѣе можно заслужить эту любовь и это уваженіе, если не вѣжливостію, привѣтливостію, постоянно-ровнымъ расположеніемъ духа и привлекательнымъ образованіемъ? Сколько великихъ людей убѣдились въ томъ опытомъ! Главнокомандующій менѣе всякаго другаго долженъ пренебрегать этимъ средствомъ, единственнымъ для покоренія умовъ, увлеченія сердецъ и порабощенія воли; онъ долженъ заставить своихъ подчиненныхъ и всѣхъ его окружающихъ—брать съ него примѣръ, долженъ помнить, что ласковые пріемы украшаютъ добродѣтель и таланты; ему не слѣдуетъ воображать, что можно возвыситься унижая окружающихъ, или покрыть себя большимъ блескомъ затмѣвая ихъ. Онъ не долженъ опасаться, чтобы любезность уменьшила уваженіе, которое должны питать къ высокому его званію; ежели приказанія его будутъ сопровождаемы учтивостью, то они будутъ еще скорѣе и точнѣе исполняемы; поэтому онъ долженъ избѣгать надменнаго тона, гордости въ обращеніи и грубости въ разговорѣ; онъ никогда не долженъ позволять себѣ, въ отношеніи къ подчиненнымъ, даже самой невинной насмѣшки: въ противномъ случаѣ онъ унизилъ бы достоинство свое, которое благосклонностью и вѣжливостью, напротивъ того, возвышается; притомъ невеликодушно было бы обижать тѣхъ людей, которые не могутъ и не смѣютъ защищать себя. Начальникъ, позволяющій себѣ насмѣшки въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, даетъ поводъ къ фамильярности, при которой на насмѣшку могутъ отвѣчать также насмѣшкою, а тѣмъ самымъ вредитъ порядку и дисциплинѣ, между тѣмъ какъ вѣжливость укрѣпляетъ ихъ. Ежели бы намъ возразили, что вѣжливость, проводимая черезъ всѣ ступени военной іерархіи, необходимо вредила бы энергіи начальствованія, а иногда даже исполненію приказаній, то мы отвѣтили бы, что здѣсь идетъ рѣчь только о частныхъ отношеніяхъ внѣ службы, что, впрочемъ и на службѣ—грубость, ругательства, безразсудныя выходки, надменный и презрительный тонъ никогда не считались энергіею, такъ же какъ и въ свѣтѣ не считаютъ справедливымъ, краснорѣчивымъ и обладающимъ силою убѣжденія того, кто громче всѣхъ говоритъ. Энергія въ командованіи выказывается гораздо лучше въ выборѣ словъ, ясности, точности, краткости, увѣренности и твердости приказаній. Благодаря военнымъ уставамъ, даже во время самыхъ быстрыхъ движеній, слова команды раздѣляются на предварительныя и исполнительныя. Слова: баталіонъ, дивизіонъ, взводъ—всегда предшествуютъ исполнительной командѣ и пр. Поэтому и чинъ, или званіе командира, которому отдается приказаніе, должно предшествовать самому приказанію. Генералы! не забывайте никогда, что высокомѣріе Лакедемонца Павзанія лишило Спарту владычества надъ

морями; что гордость Пердикка была причиною его смерти, и что знаменитый конетабль Монморанси убѣдился, въ Авиньонскомъ лагерѣ, какъ ему необходимо было отбросить холодное и надменное обращеніе, которое онъ позволялъ себѣ до того времени. Помните, что въ прошломъ столѣтіи съ презрѣніемъ говорили о гордости Лотрека, высокомѣріи герцога д'Эпернонъ и тщеславіи герцога Альбы; что во время первой Французской революціи, при Наполеонѣ, генералы великихъ войнъ нащихъ никогда не искажали своей, достойной удивленія, энергіи грубостью передъ подчиненными; что ежели мы иногда и имѣли подобныхъ Лотреку, д'Эпернону и герцогу Альбѣ, то вовсе не слѣдуетъ подражать имъ, а должно брать въ примѣръ привѣтливаго Генриха принца Прусскаго, Тюреня, Вандома, Люксембурга и пр., наконецъ храбраго принца нашего времени, добродѣтельнаго, вѣрнаго своему слову, скромнаго подобно Тюреню и достойнаго памяти, Евгенія Богарнє, на котораго мы, принявъ за правило не говорить о генералахъ современныхъ, рѣдко указывали! Вѣжливость и привѣтливость суть какъ бы лакъ, наводимый на добродѣтели; ими возвышаются другія хорошія качества и удачно прикрываются недостатки. Безъ вѣжливости нѣтъ достоинства, а генералъ, не обладающій достоинствомъ, помрачаетъ честь свою и свое имя! Безсмертный д'Агессо мастерски описалъ достоинство судьи; достоинство генерала не многимъ отъ него разнится. Всѣ жаловались и до сихъ поръ жалуются на отсутствіе скромности, простоты, вѣжливости, однимъ словомъ на отсутствіе всякаго достоинства у нѣкоторыхъ молодыхъ современныхъ генераловъ; ихъ высокомѣріе, жестокость, гордость, неумѣренность въ разговорѣ глубоко огорчаютъ общество. Да остановится достоинство генераловъ на краю этой пропасти! Пусть даже замѣчанія эти будутъ признаны слишкомъ горькими! Пусть благосклонность, снисходительность и вѣжливость нѣкоторыхъ другихъ генераловъ заставятъ забыть эти достойные сожалѣнія примѣры.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Чтобы представить генерала достойнаго этого званія, генерала, который походилъ бы на великихъ полководцевъ древняго и ближайшаго къ намъ времени, и соотвѣтствовалъ описаніямъ великихъ военныхъ авторовъ, я долженъ былъ сначала заняться начертаніемъ приличнаго для него воспитанія, познаній, которыя онъ долженъ пріобрѣсти въ юности, и наконецъ занятій, предлежащихъ ему на всю жизнь его. Я долженъ былъ, такъ сказать, взять его отъ колыбели и указать ему каждый шагъ, ведущій къ усвоенію наукъ, — теоріи и практики. Ежелибъ я имѣлъ въ виду наслѣднаго принца, назначеннаго для начальствованія, а можетъ быть и управленія великою націею, то представленная мною картина потребовала бы множества дополненій. Разумѣется, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы распространить описаніе многихъ статей этой книги.

Съ перваго взгляда всѣ эти занятія могутъ показаться ужасными, но это только съ перваго взгляда; на самомъ дѣлѣ, поразмысливъ, сейчасъ увидимъ, что усвоеніе этихъ талантовъ, свѣдѣній и различныхъ, представленныхъ здѣсь качествъ характера доступно дѣятельному уму и сильной волѣ, — въ особенности если во-время примутся за дѣло и будутъ хорошо руководимы посвятившіе себя этому поприщу.

Я объяснилъ, что первыя впечатлѣнія жизни, первоначальное воспитаніе, нѣжныя заботы матери, ея ласки, кроткое обращеніе и благочестіе вселяютъ въ ребенка зародышъ всѣхъ добродѣтелей, подобно тому какъ въ Индіи прививаютъ оспу дыханіемъ; позже, когда ребенокъ вошелъ уже въ нѣкоторую силу, когда онъ ходитъ, сознательно устремляетъ свои взоры, когда его чувства уже отверсты къ разумному существованію, отецъ долженъ развивать, распространять и направлять его чувствованія.

Я означилъ вѣрные источники, откуда можно почерпнуть указанія, исчисливъ ученыя сочиненія, съ которыми надобно соображаться при попеченіяхъ о ребенкѣ. Я предлагаю то, что утверждено опытомъ. Въ дѣлѣ этого рода никакія заботы не будутъ лишними. Я подраздѣлилъ начальныя правила и самые предметы, начерталъ отдѣльно образованіе ума и образованіе сердца. Слѣдуетъ, какъ можно ранѣе, а именно, при самомъ развитіи силъ тѣлесныхъ, стараться придать тѣлу всевозможную гибкость; умъ и сердце надобно

образовать въ одно время: извѣстно, что чѣмъ моложе разсаживаемыя деревья, тѣмъ болѣе вѣроятности довести ихъ до крѣпкаго и плодотворнаго состоянія. Хотя я и имѣлъ въ виду образованіе только военныхъ и главнокомандующихъ, однако, по опыту, считалъ необходимымъ совѣтовать, чтобы образованіе юности начиналось занятіями общими, и повторяю, что всякое спеціальное изученіе, не имѣющее основаніемъ общихъ свѣдѣній, будетъ уродливо, либо не превзойдетъ посредственности.

И потому, по крайней мѣрѣ, до осмнадцати-лѣтняго возраста, я предлагалъ одинаковое образованіе, какъ для будущаго воина, такъ и для судьи, и разсмотрѣлъ всѣ военныя школы, гдѣ ограниченнымъ и спеціальнымъ преподаваніемъ образовываютъ не будущихъ генераловъ, а только хорошихъ солдатъ, если только блистательныя способности, а иногда и геній не освободятся отъ этихъ, такъ сказать, нравственныхъ пеленокъ и сами собою не дойдутъ до того, до чего ихъ не допускали.

Во Франціи, въ продолженіе 50-ти лѣтъ, старались осуждать методы преподаванія, употреблявшіяся до 1790 г.; не смотря на то, онѣ были большею частію введены, и послѣ того, въ Наполеоновскихъ лицеяхъ. Тогда жаловались на то, что юношество теряетъ драгоцѣнное время, употребляемое на изученіе предметомъ, касающихся Грековъ и Римлянъ и пр. и пр., — и перестали разсуждать объ этомъ только тогда, когда образовалось множество училищъ, настоящихъ разсадниковъ, которые сперва удивляли скороспѣлостію плодовъ, но возращенныя въ нихъ деревья, принеся однажды эти плоды, вслѣдъ за тѣмъ истощались.

Вотъ почему, въ продолженіе 40-лѣтняго мира, ни матеріальныя богатства, ни досугъ не могли произвести ни ученыхъ, ни ораторовъ, ни историковъ, ни поэтовъ, ни знаменитыхъ воиновъ. Едва нѣсколько человѣкъ отличилось на этихъ поприщахъ, и на нихъ обращено общее вниманіе; но мы не видимъ ихъ наслѣдниковъ!

Неужели мы отъ уровня вещей перейдемъ къ уровню людей и понятій?

Это—ложная, превратная система, которая была бы опасна и для великихъ и могущественныхъ народовъ, но она неосуществима; напротивъ того, подъ вліяніемъ другихъ основаній и подъ управленіемъ мудрыхъ государей, новыя общества растутъ подобно великанамъ.

Слегка коснувшись общихъ школъ, я перешелъ къ спеціальнымъ военнымъ школамъ, объяснивъ выгоды и недостатки этихъ важныхъ заведеній; указалъ на возможныя улучшенія; говорилъ, что необходимо противодѣйствовать спеціальности, стѣсняющей умы, и распространять кругъ познаній. Можно къ этому присоединить желаніе, чтобы вниманіе нашего правительства было обращено на порядокъ, на выборъ курсовъ и въ особенности на профессоровъ военныхъ школъ. Кто не согласится, что только совѣтъ, состоящій изъ членовъ института, образованныхъ генераловъ, профессоровъ француз-

ской коллегіи или университета и ученыхъ по всѣмъ отраслямъ, могъ бы быть приличнымъ для оцѣнки и установленія правилъ преподаванія въ подобномъ заведеніи и для выбора, по публичному испытанію, профессоровъ, не смотря на классы и категоріи общества, къ которому принадлежатъ кандидаты, и не обращая вниманія на возрастъ ихъ.

По системѣ, введенной въ нашихъ школахъ, Тацитъ, Гизо и Тьеръ не были бы допущены къ преподаванію исторіи потому, что отъ нихъ потребовали бы недостающаго у нихъ умѣнья дѣлать топографическіе чертежи. Лагарпъ и Вильменъ также не были бы признаны способными занять каѳедру литературы, потому что отъ нихъ въ тоже время потребовались бы лекціи военной администраціи, и пр. и пр. Въ настоящее, печально-матеріальное время, довольствуются дешевымъ образованіемъ, — посредствомъ найма профессоровъ за ничтожную плату; послѣдствія этого очевидны.—Я говорилъ, что коль скоро молодые офицеры, выпущенные изъ школы, поступаютъ въ армейскіе корпуса, то они забываютъ и то, чему сколько нибудь научились, и способности ихъ—вмѣсто развитія—притупляются въ праздности и въ посѣщеніи кофейныхъ домовъ. Я напомнилъ, по совѣту древнихъ писателей, объ учрежденіи въ полкахъ библіотекъ и лекцій военной исторіи и пр. Я не скрылъ, что забвеніе, въ которомъ оставляютъ высшихъ офицеровъ, не давая имъ хорошаго направленія, было причиною тому, что немногіе изъ нихъ дѣлались достойными генеральства.

Указавъ, какъ на единственное средство противъ этого ненавистнаго положенія дѣлъ, на возрожденіе соревнованія, и говоря, что въ мирное время для этого необходимо предоставить повышеніе основательнымъ свѣдѣніямъ и достоинству, я сказалъ, что старшинство, особенныя заслуги и раны, полученныя въ сраженіяхъ, имѣютъ законныя, неотъемлемыя права на денежныя награды и почести; но что начальствованіе, для пользы общей, должно принадлежать единственно высшимъ способностямъ, познаніямъ и нравственнымъ качествамъ! Мы видимъ, что во времена революцій «старшій», единственно по праву старшинства, принимая высшее начальство, погибаетъ и вовлекаетъ народъ въ бездну несчастій, и вотъ—вслѣдъ затѣмъ образованный воинъ заступаетъ мѣсто погибшаго и спасаетъ государство. При такомъ сужденіи, я предоставилъ высшее мѣсто опытности, потому что отъ опытности раждаются, за неимѣніемъ теоретическихъ свѣдѣній, познанія основательныя и разнообразныя; это доказывается фактами; знаменитые генералы также о томъ свидѣтельствуютъ. но въ мирное время нельзя пріобрѣсти этого рода опытности.

Мы видѣли малыя войны—упорныя и даже геройскія, а—все-таки—малая война не настоящая война: наступательныя дѣйствія противъ народа, не имѣющаго ни укрѣпленій, ни цитаделей, ни пушекъ, кавалерія котораго не имѣетъ даже сабель, а пѣхота — штыковъ, противъ народа, неимѣющаго дѣйствительныхъ средствъ для атаки

и обороны, — не можетъ назваться Европейскою войною: это рядъ дѣлъ, которыхъ нельзя сравнить съ дѣйствіями хорошо устроенной арміи противъ другой такой же; только послѣднія могутъ назваться настоящею войною.

Поэтому, въ мирное время, должно обратить вниманіе на теорію, а теорія пріобрѣтается только постоянными занятіями. Я говорилъ, предупреждалъ, даже осуждалъ, имѣя однакожъ намѣреніе доброе и цѣль благородную — указать истину властямъ моего отечества и раскрыть глаза имъ.

Франція богата способностями: геній, въ особенности военный, въ ней не рѣдокъ; онъ даже иногда восполнялъ недостатки управленія, и теперь можетъ восполнить ихъ. Тѣ общія улучшенія, которыхъ государство не вводитъ, вводятся частными лицами, и я вижу достойныхъ генераловъ даже въ послѣднихъ рядахъ арміи. Но кто поручится, что Франція всегда останется въ этомъ положеніи? Духъ народа въ теченіе времени развѣ не истощается? Не измѣнится ли онъ? Будемъ предусмотрительны; намъ не должно пренебрегать умственнымъ богатствомъ, которымъ мы надѣлены, такъ же какъ и богатствомъ матеріальнымъ, на которое, какъ кажется, исключительно обращено вниманіе правительства. Я думалъ исполнить обязанность въ отношеніи къ отечеству, приподнявъ завѣсу, скрывающую зло, и показавъ возлѣ этого зла массу добра, которое, во всякомъ случаѣ, обезпечиваетъ Французскому народу средства къ сохраненію прежняго первенства его.

Напомнимъ нашимъ современникамъ о картинѣ Освобожденія Іерусалима: храброму Ринальду подаютъ зеркало; онъ видитъ себя въ немъ обезоруженнымъ и увѣнчаннымъ цвѣтами, краснѣетъ, вырывается изъ объятій Армиды и спѣшитъ на поле брани. Я считалъ долгомъ помѣстить, въ концѣ главы, касающейся старшихъ офицеровъ, мудрое наставленіе маршала Бель-Иля сыну его, графу Жизоръ, который былъ назначенъ командиромъ полка. Мнѣ сообщилъ это наставленіе почтенный графъ Сессакъ, капитанъ Дофинескаго полка и сочинитель многихъ статей, относящихся до военнаго искусства; онъ былъ министромъ, сенаторомъ и членомъ Французской академіи, и получилъ этотъ достопримѣчательный документъ отъ одного изъ друзей маршала. Я всячески старался сдѣлать его общеизвѣстнымъ, потому что всѣ вообще полковники и командиры частей войскъ должны безпрестанно имѣть въ виду это произведеніе. Маршалъ Бель-Иль, внукъ главнаго интенданта Фуке, извѣстенъ во Французской исторіи какъ генералъ, дипломатъ и военный министръ. Во всѣхъ этихъ званіяхъ онъ былъ образцомъ; поэтому его можно поставить въ примѣръ главнокомандующимъ. Такимъ образомъ я начерталъ планъ воспитанія дѣтства и юношества, разсмотрѣлъ—какое образованіе должны получать младшіе и старшіе офицеры, упомянулъ о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, требуемыхъ умными и учеными людьми, посвятилъ вторую книгу исчисленію нужныхъ познаній, ко-

торыя должны быть первоначально пріобрѣтены ученіемъ, но потомъ непрерывно расширяемы и совершенствуемы.

Я говорилъ о познаніи людей и прежде всего о познаніи самаго себя, — о томъ познаніи, которое предлагается, какъ необходимое, начальникамъ, древними и новѣйшими писателями.

Я, сколько мнѣ кажется, доказалъ, логически и фактически, какъ полезно генералу познать себя, народъ свой, народъ, противъ котораго онъ сражается, начальниковъ ему подвѣдомственныхъ и генераловъ непріятельскихъ. Говоря о начальныхъ правилахъ военнаго искусства, я долженъ былъ ставить въ примѣръ Александра и другихъ Греческихъ полководцевъ,—Цезаря и Римскихъ генераловъ, почерпая изъ исторіи Европы соотвѣтственные примѣры. Всѣ согласны съ истиною, что побѣждаетъ армія не многочисленная, а хорошо управляемая. Не имѣя возможности входить въ подробности военнаго искусства вообще, я указалъ на источники, т. е. на сочиненія, въ которыхъ они находятся; такимъ образомъ поступилъ я и въ отношеніи искусствъ инженернаго и артиллерійскаго.

На сколько знаменитыхъ людей привелось указать мнѣ при этомъ случаѣ!

Нѣкоторыя изъ исчисленныхъ мною сочиненій должны быть изучены военными, которые стремятся къ достиженію начальства надъ войскомъ, а другія должны быть имъ знакомы настолько, чтобы, при случаѣ, они могли, безъ затрудненія, почерпнуть въ нихъ необходимое. Что касается до изученія исторіи, тѣсно связанной съ военнымъ искусствомъ, географіи, военныхъ уставовъ, языковъ, международнаго права, общественнаго права, гражданскаго права, политики, математики, рисованія, искусства писать и говорить и военныхъ рѣчей, я, для показанія необходимости всѣхъ этихъ свѣдѣній, представлялъ примѣры, совѣтовалъ генераламъ читать и удерживать въ памяти все ими читаемое, посредствомъ выписокъ и пр.; а въ военномъ искусствѣ—упражняться, дѣлая разнаго рода предположенія и разрѣшая задачи.

Вотъ все касающееся познаній; послѣ этого я приступилъ къ качествамъ, которыя должны быть усвоены главнокомандующими, между коими есть нѣсколько такихъ, безъ которыхъ наука и способности не будутъ имѣть успѣха.

Прежде всего долженъ я былъ разсмотрѣть качества физическія, которыми вовсе не слѣдуетъ пренебрегать; во главѣ нравственныхъ качествъ я поставилъ любовь къ отечеству, которая заключаетъ въ себѣ любовь къ вѣрѣ, къ государю и къ семейству; эти три чувства я считаю неразрывными; вмѣстѣ взятыя они образуютъ настоящій патріотизмъ.

Мнѣ кажется, что я представилъ честь въ истинномъ ея видѣ, отличилъ храбрость отъ мужества, изобразилъ любовь къ славѣ, благородное стремленіе къ отличіямъ и наградамъ; объяснилъ, что надобно понимать подъ справедливостію, и показалъ могущественное вліяніе на армію примѣра подаваемаго начальниками, опредѣлилъ

осторожность, повиновеніе, дѣятельность, точность; упомянулъ въ своемъ мѣстѣ о вѣрности слову; особенно выставилъ безкорыстіе, высокія обязанности человѣколюбія, скромность, вѣжливость и благородство.

Счастливы народы, которые приготовляютъ у себя и поощряютъ постояннымъ вниманіемъ генераловъ — патріотовъ, генераловъ просвѣщенныхъ, непоколебимыхъ и достойныхъ главнаго начальства во время переворотовъ.

Нерѣдко толковали, особенно во Франціи, что непремѣнная принадлежность арміи—хорошо устроенные кадры, т. е. унтеръ-офицеры и офицеры отлично образованные; что когда есть хорошіе кадры, тогда можно безопасно распускать старыхъ солдатъ по домамъ и замѣнять ихъ рекрутами, потому что рекрутъ, при помощи этихъ образцовыхъ унтеръ-офицеровъ, можно скоро, въ особенности въ военное время, обратить въ хорошихъ солдатъ. Однакожъ такое правило не должно быть почитаемо безусловнымъ, и было бы даже опасно его преувеличивать. Предположивъ даже, что люди, поступающіе въ военную службу, чрезвычайно способны и легко могутъ быть обучены, вообще военный духъ и качества, необходимыя солдату, пріобрѣтаются медленно и гораздо труднѣе въ мирное, чѣмъ въ военное время.

Къ чему солдаты пріучатся въ шестимѣсячную кампанію, того они не достигнутъ и въ десять лѣтъ мирнаго времени. Всѣ впрочемъ убѣждены, что хорошо устроенные кадры и образованные офицеры полезны. По той же причинѣ надобно желать хорошихъ генераловъ и такихъ главнокомандующихъ, которые могли бы двинуть армію единственнымъ своимъ мановеніемъ. Чѣмъ рѣже такіе встрѣчаются, тѣмъ болѣе должно дорожить ими.

Принцы преимущественно способны быть главнокомандующими, по отличному воспитанію, которое могутъ имъ доставить государи. Поэтому не должно ничѣмъ пренебрегать для приготовленія молодыхъ принцевъ къ званію главнокомандующихъ; надобно безпрестанно напоминать имъ о познаніяхъ и качествахъ, которыя особенно должны быть ихъ принадлежностію; слѣдуетъ приводить имъ примѣры героевъ. Въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ постановленіе Лудовика-Филиппа о воспитаніи и образованіи, начертанномъ для принцевъ—дѣтей его. Каждый изъ нихъ, по полученіи общаго и публичнаго воспитанія, занималъ видное мѣсто въ арміи и получилъ отличное образованіе, что было для всѣхъ очевидно. Никогда принцы не были лучше этого приготовлены къ званію генераловъ и не бывали его болѣе достойны.

Маршалъ Мармонъ въ замѣчательномъ сочиненіи своемъ «О духѣ военныхъ учрежденій» (глава III), указываетъ на тѣ же качества, которыя мною исчислены. Эта часть сочиненія ученаго автора, бывшаго однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ главнокомандующихъ въ великихъ войнахъ Европы, была бы, если бы я могъ здѣсь изложить весь текстъ ея, точнымъ сводомъ всего сказаннаго мною въ одномъ

изъ отдѣленій моей книги; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; ограничиваюсь указаніемъ только на сущность дѣла.

Храбрость главнокомандующаго должна быть такова, чтобъ не было ни малѣйшей возможности въ ней усомниться. Жизнь свою онъ долженъ беречь; тѣлесныя силы его должны противустоять величайшимъ трудностямъ. Желательно, чтобы онъ достигалъ начальствованія заблаговременно, чтобы и въ молодости онъ былъ уже въ военныхъ дѣлахъ для пріобрѣтенія той смѣтливости, того инстинкта, которые тутъ только и возникаютъ. Онъ безпрестанно долженъ имѣть въ виду, что генералъ, застигнутый въ расплохъ, есть уже генералъ опозоренный. Писать онъ долженъ немного, а много работать головою; дѣятельность его должна быть безпредѣльна, а строгость сообразна съ правосудіемъ; онъ долженъ быть добръ, но доброта эта не должна доходить до слабости; самая взыскательность его должна быть облечена въ извѣстныя формы; подчиненные его должны имѣть свободный къ нему доступъ; обращеніе его должно быть степенно, но привѣтливо. Онъ долженъ быть щедръ соразмѣрно состоянію. Роскошь его должна ограничиваться лошадьми и домомъ для исполненія обязанностей гостепріимства. Онъ долженъ принимать съ радушіемъ всѣхъ своихъ офицеровъ. Ему слѣдуетъ ничѣмъ не пренебрегать для изученія страны, въ которой онъ находится. Всѣ его намѣренія требуютъ тайны; съ своей же стороны — онъ долженъ употребить всѣ средства, чтобы проникать тайные замыслы своего противника. Наконецъ, онъ долженъ всячески стараться объ освобожденіи себя отъ зависимости и скорѣе отказаться отъ начальства, чѣмъ поставить себя въ зависимое положеніе.

Маршалъ Мармонъ, при изображеніи генерала, не упоминалъ о познаніяхъ, разумѣется, въ томъ предположеніи, что генералы должны имѣть свѣдѣнія, мною исчисленныя по руководству великихъ писателей. Въ главѣ о доброй славѣ, маршалъ Мармонъ раздѣляетъ генераловъ на четыре категоріи и очень воздерживается въ примѣрахъ знаменитыхъ воиновъ. Что касается до меня, то сожалѣю, что, ограничиваясь исчисленіемъ главныхъ героевъ древняго и ближайшаго къ намъ времени, я долженъ былъ останавливаться, за весьма немногими исключеніями, на эпохѣ послѣднихъ великихъ Европейскихъ войскъ.

Предпринимая этотъ трудъ, я имѣлъ одну только цѣль—быть полезнымъ. Я собралъ, привелъ въ порядокъ и изложилъ познанія и качества, которыми должны обладать генералы и всѣ желающіе начальствовать. Ежели иногда и вдавался я въ нѣкоторый родъ критики, то это было слѣдствіемъ глубокаго чувства патріотизма; я дѣлалъ это для обнаруженія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для быстрѣйшаго искорененія зла. Меня при этомъ руководила любовь къ родинѣ, а не удовлетвореніе какого нибудь другаго чувства; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! Станетъ ли кто утверждать, что принцъ Жуанвильскій, Французъ въ душѣ и надежда нашего флота, по недостатку патріотизма, напечаталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ критическій обзоръ нѣкоторыхъ

касающихся флота, постановленій, требующихъ исправленія? Я отвѣчу, что подобную мысль могли возымѣть только враги Франціи, которые до-нельзя расхваливаютъ все, что ни есть въ ней дурнаго. Что касается до великодушнаго монарха, которому посвящена книга моя [1]), какъ представителю величайшей и благодѣтельнѣйшей военно-Европейской идеи, то онъ самъ столь правосудный цѣнитель и самъ столь ревностный патріотъ, что не принялъ бы отъ Француза, даже и въ теоретическомъ сочиненіи, легкомысленной критики, безполезной для Франціи.

Благодарю знаменитыхъ генераловъ, которые такъ часто жертвовали жизнію въ нашихъ войнахъ, за то, что они первые мнѣ сказали, что было бы преступнымъ равнодушіемъ, ежелибъ я ничего ненашелъ достойнаго порицанія въ нашемъ военнымъ устройствѣ; ежелибъ я все выяснялъ, все прославлялъ, а между тѣмъ скрылъ бы, какъ я говорилъ выше, зеркало, исторгнувшее Ринальда изъ объятій Армиды и возвратившее его войску и славѣ.—Хвалитель злоупотребленій есть человѣкъ самый вредный, тѣмъ болѣе что есть злоупотребленія, которыхъ ничѣмъ нельзя истребить, какъ только торжественнымъ изобличеніемъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что легкіе успѣхи и слишкомъ быстрыя повышенія, имѣвшіе мѣсто въ кампаніяхъ ничтожныхъ въ военномъ отношеніи, породили гордость и черезмѣрную заносчивость.

Итакъ—способствовать къ возбужденію въ офицерахъ охоты изучать великихъ полководцевъ, славныя дѣянія ихъ и науку, основанія коей положены ихъ дѣйствіями, во всякомъ случаѣ — дѣло достойное; даже если бы оно и не увѣнчалось блестящими успѣхами на этомъ пути, то одно уже стремленіе къ этой цѣли стоитъ одобренія и служитъ само себѣ наградою, утѣшительною для моей совѣсти!

Надѣюсь, когда нибудь съ помощію Божіею, вновь приняться за этотъ трудъ и присоединить къ представленнымъ мною примѣрамъ великія дѣянія и знаменитыя имена Франціи и всѣхъ Европейскихъ націй въ борьбѣ съ 1792 по 1815 годъ, борьбѣ, столь достославной и богатой примѣрами для будущихъ генераловъ и для потомства.

---

[1]) Авторъ удостоился счастія посвятить свой трудъ блаженныя памяти государю императору Николаю Павловичу.

САПЕРНЫЯ РАБОТЫ

ВЪ ПОЛѢ.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

ОФИЦЕРОВЪ И УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ ПОЛЕВЫХЪ ВОЙСКЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Г. Товарищъ Генералъ-Инспектора по Инженерной части, предписаніемъ отъ 26-го марта 1869 г., изволилъ приказать составить, при Николаевской Инженерной Академіи, краткое наставленіе, съ чертежами, по части производства саперныхъ работъ въ полѣ, для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ полевыхъ войскъ.

Какъ результатъ этого порученія является предлагаемое «Руководство», при составленіи котораго имѣлось въ виду:

1) дать чертежамъ такое развитіе, чтобъ офицеру, разъ усвоившему основныя начала «Руководства», не было необходимости обращаться къ тексту при практическихъ работахъ, — и

2) возможно краткое изложеніе.

Книга эта, назначаемая для полевыхъ войскъ, представляетъ у насъ первый опытъ въ подобномъ родѣ. Не всѣ вошедшія въ нее свѣдѣнія одинаково важны для *каждаго* офицера: только немногимъ изъ нихъ понадобятся справки, напр., о переносныхъ колодцахъ и объ инструментѣ, хотя для этихъ немногихъ такія справки могутъ быть крайне необходимы. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ частяхъ она, быть можетъ, полнѣе, чѣмъ надо для дѣла; въ другихъ же — очень сжата. Практика покажетъ тѣ измѣненія, которыя придется сдѣлать въ ней при второмъ изданіи. Къ тому же времени можно будетъ подвергнуть испытанію то, что, по спѣшности работы, не удалось повѣрить въ прошлое лѣто.

Въ составленіи этого «Руководства» принимали дѣятельное участіе: состоящій по Л.-гв. Саперному баталіону полковникъ Гештовтъ, инженеръ-полковники Постельниковъ и Орда, и Л.-гв

Сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Мельницкій и поручикъ Случевскій. Добросовѣстному и усиленному труду этихъ офицеровъ нѣкоторыя части книги обязаны своею разработкой.

Начальникъ Николаевской Инженерной Академіи и училища
генералъ-маіоръ Тидебель.

С.-Петербургъ,
10 ноября 1869 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Войска, при встрѣчахъ въ полѣ съ непріятелемъ, особенно въ началѣ боя, стараются по возможности укрыться отъ взоровъ и выстрѣловъ противника, пользуясь при этомъ удобными для того мѣстными предметами. Это дѣлается съ цѣлью лучше и спокойнѣе высмотрѣть силы непріятеля, внимательнѣе слѣдить за его движеніями, и наносить ему, при каждомъ удобномъ случаѣ, наибольшее пораженіе огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Закрытое же расположеніе, уменьшая потерю въ войскахъ, сохраняетъ въ нихъ, до перехода въ наступленіе, порядокъ и лучшій боевой духъ.

Но если на мѣстности, заблаговременно занятой войсками въ ожиданіи встрѣчи съ непріятелемъ, нѣтъ готовыхъ закрытій, или послѣднія занимаютъ пункты, невыгодные для принятія боя, то на такой позиціи можно подготовить поле сраженія устройствомъ искусственныхъ закрытій, т. е. *окоповъ* или *укрѣпленій.* Точно также, если на избранной мѣстности хотя и встрѣчаются естественныя защиты, но мало способныя для обороны, то онѣ могутъ быть приведены въ положеніе, удобное для дѣйствія изъ-за нихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Кромѣ того, при заблаговременномъ расположеніи войскъ на позиціи, часто приходится или устраивать удобныя сообщенія между ея частями и исправлять мосты, или же, мѣстами, портить тѣ дороги, которыя ведутъ отъ непріятеля, разрушая при этомъ и встрѣчающіеся на нихъ мосты.

Наконецъ, при временномъ расположеніи войскъ лагеремъ, хозяйственная часть арміи потребуетъ также разнаго рода работъ и приспособленій, какъ, напр.: постройки бараковъ, землянокъ, колодцевъ, хлѣбопекарныхъ печей, и т. п.

Всѣ эти работы, составляющія часть саперной практики, по существу своему, такъ просты, что легко могутъ быть усвоены полевыми войсками, которыя, въ такомъ случаѣ, пріобрѣтутъ полную независимость и самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ.

Здѣсь представляется краткое описаніе саперныхъ работъ, производимыхъ въ полѣ, причемъ приложены подробные чертежи, изобра-

жающіе различныя укрѣпленія и постройки въ *планѣ*, *профили* (разрѣзѣ), а иногда и въ *фасадѣ*.

Въ *планѣ* изображено все то, что видно, если смотрѣть на укрѣпленіе сверху; въ *профили* — если смотрѣть на постройку сбоку, разрѣзавъ ее предварительно, въ какомъ нибудь мѣстѣ, вертикально, и, наконецъ, въ *фасадахъ* представленъ наружный видъ построекъ.

Планъ, профиль и фасадъ (т. е. изображенія на бумагѣ укрѣпленія или какой нибудь постройки) дѣлаются въ уменьшенномъ противъ натуры видѣ и по *масштабу*, для сохраненія надлежащей соразмѣрности частей.

Чтобы составить масштабъ, англійскій дюймъ, т. е. $^1/_{12}$ фута, дѣлятъ на нѣсколько равныхъ частей, изъ которыхъ каждая принимается за футъ, сажень, версту, и т. д., смотря по тому, какой величины желаютъ имѣть изображеніе.

САПЕРНЫЯ РАБОТЫ ВЪ ПОЛѢ.

ОТДѢЛЪ I.

ПОЛЕВЫЯ ПОСПѢШНЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ

(ОКОПЫ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ТРАНШЕЙНЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ: ЛОЖЕМЕНТЫ, ТРАНШЕИ, ТРАНШЕЙНЫЕ ЭПОЛЕМЕНТЫ И УГЛУБЛЕННЫЯ БАТАРЕИ.

ГЛАВА I.

ЛОЖЕМЕНТЫ ДЛЯ ПѢХОТЫ И АРТИЛЛЕРІИ.

Самый простой и легко устраиваемый окопъ есть ложементъ. Онъ состоитъ изъ ровика, глубиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 фут., и насыпи (или бруствера), высотою также отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 фут., возводимой непосредственно на краю рва, обращенномъ къ сторонѣ непріятеля. **Табл. I.**

Ложементы употребляются: а) пѣхотою и б) артиллеріею.

а) Ложементы для пѣхоты, черт. 1—3.

Пѣхота, при расположеніи въ разсыпномъ строѣ, окапывается ложементами. При этомъ стрѣлки обыкновенно выбираютъ такія мѣста, откуда удобнѣе обстрѣливать дальніе подступы непріятеля (мало или совсѣмъ невидимые съ главной позиціи), на которыхъ желательно удержаться по возможности долѣе. На этихъ мѣстамъ стрѣлки

Табл. I. окапываются въ такомъ случаѣ, если не находятъ другихъ закрытій.

Позади разсыпанныхъ стрѣлковъ обыкновенно стоятъ небольшія части [1])—полувзводы или взводы—тоже принадлежащія къ цѣпи и составляющія непосредственную поддержку стрѣлковъ. Эти части, на открытыхъ мѣстахъ, также окапываются ложементами, и изъ-за нихъ, по обстоятельствамъ, или дѣйствуютъ залпами въ промежутки между стрѣлковыми ложементами, или же, переходя въ наступленіе прямо черезъ брустверъ ложемента, ударяютъ въ штыки.

Такимъ образомъ, ложементы въ цѣпи располагаются въ двухъ линіяхъ, въ разстояніи одна отъ другой, примѣрно, отъ 100 до 300 шаг. Первая линія состоитъ изъ малыхъ, *стрѣлковыхъ ложементовъ*, назначаемыхъ для одного или нѣсколькихъ звеньевъ цѣпи, вторая—изъ *резервныхъ ложементовъ*, имѣющихъ большее протяженіе и служащихъ для прикрытія полувзвода или взвода.

Стрѣлковый ложементъ, черт. 1 и 2. На черт. 1 и 2 изображены два малые *стрѣлковые ложемента*, каждый на одно звено цѣпи или на 4 челов. Длина такого ложемента—отъ 5 до 6 шаг. [2]). При помѣщеніи же болѣе одного звена, можно считать по одному шагу на человѣка. Ровикъ для стрѣлковъ имѣетъ вверху 2 шага ($4^2/_3$ фута) ширины, причемъ дно его выходитъ: при половинной ($1^1/_2$-футов.) глубинѣ—$3^1/_2$ фута ширины, а при полной (3-футов.)—2 фута. Боковыя отлогости этого ровика вынимаются круто, обращенная же къ непріятелю—почти отвѣсно. Брустверу дается высота отъ $1^1/_2$ до 3 фут. и толстота вверху—3 фута (противъ ружейнаго огня: пуля углубляется на насыпь не болѣе 2 фут.).

Такъ какъ грудная высота, на которой прицѣливается стрѣлокъ, считается $4^1/_2$ фута, то въ ложементахъ, ровики которыхъ имѣютъ глубину въ 3 фута, оставляется невырытымъ приступокъ, или банкетъ, шириною и высотою въ $1^1/_2$ фута.

Стрѣльба изъ стрѣлковыхъ ложементовъ производится какъ въ разсыпномъ строю, причемъ люди дѣйствуютъ лежа, или на колѣняхъ, или же стоя, словомъ — какъ удобнѣе.

Стрѣлковые ложементы показанныхъ здѣсь размѣровъ

---

[1]) Необходимость въ этихъ частяхъ является при расположеніи цѣпи отъ боевой линіи на разстояніи болѣе 300 шаг.

[2]) При саперныхъ работахъ въ военное время длина и ширина отсчитываются шагами, принимая шагъ въ 1 арш. ($2^1/_3$ фута). Обыкновенные шаги нѣсколько болѣе аршина, а потому офицеры и унтеръ-офицеры должны пріучить себя дѣлать шаги аршиннаго размѣра.

устраиваются однимъ звеномъ въ 10 или до 30 мин. времени.

Чтобы закрыть голову при прицѣливаніи, стрѣлки часто дѣлаютъ на насыпи неглубокіе желоба, прикрываемые иногда сверху хворостомъ, засыпаннымъ легко землею.

Резервный ложементъ, черт. 3.

На черт. 3 изображенъ *резервный ложементъ* на одинъ полувзводъ пѣхоты въ 15 рядовъ. Длина резервнаго ложемента опредѣляется числомъ рядовъ во взводѣ или полувзводѣ, считая при этомъ по $1\frac{1}{2}$ шага на рядъ. Для 15 рядовъ, такимъ образомъ, потребуется въ длину $22\frac{1}{2}$ шага.

Размѣры профили резервнаго ложемента одинаковы съ размѣрами полной профили стрѣлковыхъ ложементовъ. $1\frac{1}{2}$-футов. глубина внутренняго ровика и такая же высота бруствера, представляя достаточное закрытіе, наиболѣе соотвѣтствуютъ условію большей подвижности цѣпи.

Для ускоренія работы, выемка дѣлается одновременно съ двухъ сторонъ. Одну шеренгу ставятъ на внутренній ровикъ, другая же беретъ землю снаружи. Наружный ровикъ, при ширинѣ въ 3 шага, вынимается на глубину отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ фут. Такая незначительная глубина наружнаго ровика обусловливается необходимостью безпрепятственнаго движенія впередъ, при наступленіи, по переходѣ черезъ брустверъ. Между внутреннимъ и наружнымъ ровиками считается 4 шага.

Стрѣльба съ резервнаго ложемента производится залпами, причемъ люди второй шеренги, для болѣе вѣрнаго прицѣливанія, входятъ въ промежутки между людьми первой шеренги и стрѣляютъ, прислоняясь плечомъ къ внутренней отлогости бруствера.

Всѣ вообще ложементы для пѣхоты имѣютъ въ планѣ дугообразную фигуру, съ круто-загнутыми оконечностями, чтобъ удобнѣе обстрѣливать мѣстность, лежащую какъ передъ фронтомъ ложемента, такъ и противъ его фланговъ.

Резервный ложементъ, размѣровъ показанныхъ на черт. 3, можетъ быть сдѣланъ назначенными для его занятія людьми въ 30—45 мин. времени.

Части цѣпи, окопавшіяся вышеописаннымъ образомъ, доканчиваютъ работу ложементовъ срѣзываніемъ задней отлогости внутренняго ровика полого, или же устройствомъ въ ней пологой ступени, какъ показано на черт. 2 и 3 пунктиромъ. Этимъ открывается внутренность ложементнаго ровика и отнимается у непріятеля возможность засѣсть въ ложементахъ закрыто.

Табл. I.

б) Ложементы для артиллеріи, черт. 4—10.

Артиллерія устраиваетъ ложементы или для одной прислуги, или же для орудія и прислуги вмѣстѣ.

Ложементы для артиллерійской прислуги, черт. 4 и 5.

Онѣ состоятъ изъ двухъ четыреугольныхъ ровиковъ, вырываемыхъ по сторонамъ орудія въ разстояніи одинъ отъ другаго отъ 5 до 6 шаг. Ровики выкапываются длиною въ 3, шириною въ 2 шага; на краяхъ ихъ, обращенныхъ къ сторонѣ непріятеля, дѣлается насыпь, высотою въ $2\frac{1}{2}$ до 3 фут. и толстотою вверху въ 3 фута (противъ ружейнаго огня); глубина этихъ ровиковъ тоже 3 фута. У бруствера, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ фут., оставляется уступъ, шириною въ $1\frac{1}{2}$ фута, на которомъ сидятъ артиллеристы. На концахъ ровиковъ, къ сторонѣ орудія, вырѣзывается по ступени, служащей для выхода изъ ровиковъ. Эти послѣдніе, по усмотрѣнію, обращаются къ непріятелю или длинною своею стороной, или короткою.

Считая разстояніе между ровиками въ 5 шаг., сторону, обращенную въ поле, въ 2 шага, заложеніе бруствера въ 3 шага,—наименьшее протяженіе для располагаемаго на позиціи орудія, съ ровиками, получится въ 15 или 17 шаг.

Такіе ровики устраиваетъ сама прислуга. Для этого необходимо всего 3 челов. рабочихъ на каждый ровикъ и отъ 10 до 15 мин. времени.

Ложементы для артиллерійской прислуги, наподобіе стрѣлковыхъ ложементовъ, могутъ быть устраиваемы, безъ утомленія людей, на каждой новой позиціи, удерживаемой болѣе или менѣе продолжительное время.

Ложементъ для орудія съ прислугою, черт. 6 и 7.

Такой ложементъ устраивается противъ артиллерійскаго огня, и, сообразно съ этимъ, брустверъ его дѣлается толстотою вверху отъ 7 до 9 фут. [1]), при высотѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 фут. Ровъ ложемента—четыреугольный, черт. 6, или уширяющійся къ задней сторонѣ, черт. 7, и у бруствера имѣетъ ширину: въ первомъ случаѣ — 6, а во второмъ—4 шага. Длина рва — 9 шаг.; глубина у бруствера—отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 фут. Дно рва, къ задней отлогости на длину 5 шаг., идетъ возвышаясь на $\frac{1}{2}$ фута, затѣмъ эта отлогость срѣзывается полого. При подобномъ устройствѣ подошвы рва увеличивается треніе колесъ и хобота лафета при откатѣ, и такимъ образомъ получается возможность уменьшить размѣры выемки. На горизонтальномъ днѣ 4-фунт. нарѣзная пушка потребовала бы для отката 19 фут., 9-фунт.—23 фута.

---

[1]) Углубленіе разрывныхъ снарядовъ полевой артиллеріи (4- и 9-фунт. нарѣзныхъ пушекъ), съ разстоянія 100 саж., бываетъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 6 фут.

Противъ орудія оставляется въ брустверѣ, при самой постройкѣ его, или же прорѣзывается впослѣдствіи, отверстіе, имѣющее видъ желоба и расширяющееся къ наружной сторонѣ бруствера. Такое отверстіе называется *амбразурою*). Она имѣетъ у внутренней отлогости бруствера раствореніе шириною въ 2 фута, а у наружной—отъ 5 до 7 фут. и не болѣе верхней толстоты бруствера. Подошва ея выравнивается и ведется или параллельно горизонту, или же для стрѣльбы въ дальнія разстоянія (превышающія 300 саж.), съ небольшимъ повышеніемъ къ наружной отлогости бруствера (около ½ фута). Чѣмъ меньше высота наружнаго отверстія амбразуры, т. е. чѣмъ амбразура врѣзана на меньшую глубину въ наружную отлогость бруствера, тѣмъ затруднительнѣе для непріятельской артиллеріи прицѣливаніе и тѣмъ меньше для нея вѣроятности попасть въ амбразуру.

У внутренняго отверстія подошва амбразуры превышаетъ мѣсто, на которомъ стоитъ орудіе, на 3 фута [2]). Въ ложементѣ, представленномъ на черт. 6, подошва амбразуры у внутренняго отверстія приходится на ½ фута выше мѣстнаго горизонта.

Брустверъ ложемента насыпается не только впереди орудія, но также и по бокамъ, по крайней мѣрѣ на всю длину лафета (для 4-фунт. нарѣзной пушки—на 11 фут., для 9-фунт. — на 11½).

Работа производится одновременно съ двухъ сторонъ. Для этого, на длину фронта ложемента, вынимается снаружи ровикъ шириною въ 3 шага, глубина котораго зависитъ отъ количества потребной земли.

На краю наружнаго ровика, обращенномъ къ сторонѣ непріятеля, образуютъ небольшую насыпь (гласисъ), высотою отъ 1½ до 2 фут., при верхней толстотѣ отъ 3 до 4 фут. Непріятелю гласисъ кажется сливающимся съ насыпью бруствера ложемента и мѣшаетъ такимъ образомъ вѣрному прицѣливанію его артиллеріи. Кромѣ того, прикрывая брустверъ на половину его высоты, гласисъ допускаетъ пораженіе только одной верхней части бруствера. **Черт. 6 и 7.**

---

[1]) Прорѣзываніе амбразуры послѣ окончанія насыпки имѣетъ ту выгоду, что получаются болѣе крутыя щеки или боковыя отлогости амбразуры.

[2]) Нижняя часть дула 4-фунт. нарѣзной пушки превышаетъ мѣсто, на которомъ стоитъ орудіе, на 3 фута 2 дюйма, 9-фунт. пушки—на 3 фута 7½ дюйм., и такъ какъ, для удобства стрѣльбы, ось орудія, въ горизонтальномъ положеніи, должна превышать брустверъ на 6 дюйм., то высота стула амбразуры дѣлается: для 4-фунт. нарѣзной пушки — въ 2 фута 8 дюйм., а для 9-фунт. — въ 3 фута 1½ дюйма.

Табл. I. Считая на внутренній ровъ ложемента, изображеннаго на черт. 6, 8 челов. рабочихъ, и на наружный — 16, потребуется для постройки такого ложемента всего 24 челов., и, слѣдовательно, въ помощь артиллерійской прислугѣ понадобится рабочихъ отъ пѣхоты не болѣе 17 челов. на каждый ложементъ. Постройка можетъ быть окончена въ 1 часъ времени [1]).

Ложементъ и его брустверъ, по длинѣ фронта позиціи, занимаютъ 18 шаг.

Для постройки ложемента, представленнаго на черт. 7, время и число рабочихъ тѣ же, что и въ предъидущемъ случаѣ. Въ видахъ болѣе удобнаго и безопаснаго помѣщенія прислуги, на правой сторонѣ ложемента сдѣланъ ровикъ, шириною вверху въ 2 шага, длиною—въ 3 шага, и глубиною — въ $2\frac{1}{2}$ фута.

Черт. 8, 9 и 10. Съ цѣлью получить большій обстрѣлъ для орудія и сократить работу, артиллеристы устраиваютъ также ложементы, которые имѣютъ высоту прикрытія всего въ 3 фута, т. е. подъ дуло орудія. Въ такихъ ложементахъ, представленныхъ въ планѣ и профили на черт. 8, 9 и 10, орудіе дѣйствуетъ поверхъ бруствера — *черезъ банкъ*.

Ровъ этихъ ложементовъ углубленъ на $1\frac{1}{2}$ фута и задняя часть его срѣзана весьма полого. Брустверъ имѣетъ высоту въ $1\frac{1}{2}$ фута. По сторонамъ орудія сдѣланы ровики для прислуги. Фронтъ ложементнаго рва съ ровиками получаетъ длину отъ 6 до 8 шаг. Орудіе, на длину его съ лафетомъ, прикрывается брустверомъ не только спереди, но и съ боковъ.

При стрѣльбѣ черезъ банкъ, особенно на дальнія разстоянія, ложементы подобной же профили, для упрощенія работы, дѣлаются прямолинейнаго начертанія, безъ боковыхъ участковъ бруствера, причемъ фронтъ батареи нѣсколько удлинняется (см. табл. IV, черт. 8, 9 и 12). Въ такихъ ложементахъ устраиваются, по сторонамъ орудія, и ровики для прислуги.

На постройку каждаго изъ этихъ ложементовъ, если поставить на внутренній ровъ 16 челов., на наружный же — 8, потребуется всего 24 челов. рабочихъ и отъ 30 до 45 мин. времени.

Въ промежуткѣ между ложементами (табл. IV, черт. 8 и 12) показано примѣненіе эполемента для расходнаго

---

[1]) Данныя, приведенныя относительно скорости, съ которою устраиваются укрѣпленія, провѣрены на практикѣ при грунтѣ, дозволяющемъ употребленіе одной лопаты. Кромѣ того, разбивка предполагается сдѣланною до начала работы.

наряднаго ящика, изъ котораго могутъ пользоваться два орудія [1]).

Такое же примѣненіе можетъ быть сдѣлано къ отдѣльнымъ орудійнымъ ложементамъ, изображеннымъ на табл. I.

Два орудійныхъ ложемента съ промежуточнымъ эполементомъ занимаютъ по длинѣ фронта позиціи около 40 шаг., причемъ ось одного орудія отъ оси другаго приходится въ 26 или 30 шаг. [2]).

ГЛАВА II.

Табл. II.

ТРАНШЕИ ДЛЯ ПѢХОТЫ.

Траншеею называется большаго протяженія ложементъ для пѣхоты.

Траншея устраивается для развернутыхъ частей пѣхотнаго строя (одной или нѣсколькихъ ротъ, баталіона и болѣе), и назначается для встрѣчи непріятеля, закрыто, сильнымъ фронтальнымъ и перекрестнымъ огнемъ и для перехода затѣмъ въ наступленіе поверхъ траншейнаго бруствера.

Эти постройки преимущественно располагаются въ главной боевой линіи, на мѣстахъ, съ которыхъ можно производить мѣткій настильный огонь, залпами, по приближающемуся непріятелю.

Земля для насыпки траншейнаго бруствера вынимается съ двухъ сторонъ. При высотѣ въ 3 фута, брустверъ имѣетъ вверху толстоту отъ 4 до 5 фут. (противъ ружейнаго огня). Внутренній ровъ, при глубинѣ въ 3 фута, получаетъ ширину вверху 3 шага (7 фут.); въ передней его отлогости оставляется банкетный уступъ, шириною въ 1½ фута, а задняя отлогость этого рва впослѣдствіи срѣзывается полого, или въ ней устраивается пологая ступень. Дно траншеи выходитъ шириною въ 3 фута. Наружный ровикъ, при ширинѣ въ 3 шага, вынимается глубиною въ 1 и не болѣе 1½ фута. Между внутреннимъ и наружнымъ ровиками оставляется промежутокъ въ 5 шаг. Черт. 1 и 2.

Профиль такой траншеи, изображенная на черт. 2, можетъ быть замѣнена другою, болѣе удобною для размѣщенія людей на банкетѣ въ двѣ шеренги. Эта послѣдняя

---

[1]) Т. е. взводъ, составляющій самостоятельную, въ административномъ отношеніи, единицу полевой батареи.

[2]) Полный интервалъ (т. е. разстояніе, равное протяженію орудія съ упряжью) между двумя смежными, открыто стоящими на позиціи орудіями считается: для 9-фунт. нарѣзной пушки — въ 24 шага, для 4-фунт. — 20 шаг.

Табл. II. профиль, показанная на черт. 3, отличается отъ первой (черт. 2) только тѣмъ, что въ ней банкетный уступъ дѣлается шириною въ 1 арш. ($2\frac{1}{3}$ фута).

Если сдѣлать траншейный ровикъ глубиною въ $1\frac{1}{2}$ фута, какъ показано пунктиромъ на черт. 2 и 3, и траншейному брустверу дать такую же высоту, то траншея въ этомъ случаѣ можетъ быть окончена въ 10 — 15 мин. времени. Въ ней люди стрѣляютъ лежа, или на колѣняхъ.

Летучая постройка такого рода, быстро возведенная и удовлетворяющая требованіямъ закрытаго расположенія пѣхоты на короткое время, бросается также скоро и замѣняется другою, подобною же ей, и притомъ на новой позиціи.

Длина траншеи опредѣляется числомъ помѣщаемыхъ въ ней рядовъ, считая по $1\frac{1}{2}$ шага на рядъ. При стрѣльбѣ залпами, вторая шеренга дѣйствуетъ какъ сказано выше для резервнаго ложемента.

Фигура траншеи, или начертаніе ея въ планѣ, зависитъ отъ мѣстности и отъ расположенія на ней войскъ для производства губительнѣйшаго по непріятелю фронтальнаго и перекрестнаго огня. Вслѣдствіе этого, направленіе траншеи преимущественно образуетъ входящія и исходящія части, причемъ оконечности ея загнуты назадъ, для лучшаго прикрытія внутренняго ея пространства.

Постройка траншеи производится тѣми же ротами, для которыхъ она назначается, и для этого одна шеренга устанавливается на внутреннемъ ровикѣ, другая — на наружномъ. Въ 30 мин. времени получается уже достаточное прикрытіе, а въ 45 мин. и до 1 часа работа можетъ быть вполнѣ окончена, даже съ образованіемъ на задней отлогости пологой ступени.

Черт. 1, 2 и 4. Иногда въ траншеяхъ, вмѣстѣ съ пѣхотою, располагается и артиллерія. Въ этомъ случаѣ дно траншейнаго рва уширяется надлежащимъ образомъ до 21 фута, и противъ каждаго орудія оставляется амбразура. Такая часть траншеи называется *углубленною батареей* (объ этихъ батареяхъ будетъ сказано ниже).

На черт. 1 изображена траншея для одной роты (въ 140 челов.) и двухъ орудій. Считая на каждый пѣхотный рядъ по $1\frac{1}{2}$ шага, собственно для пѣхоты потребуется 105 шаг.; полагая же, сверхъ того, для свободнаго помѣщенія орудій, на каждое изъ нихъ по 12 шаг.,— вся длина траншеи выйдетъ въ 129 шаг.

Для постройки углубленной батареи въ траншеѣ, назначаются особые рабочіе (см. ниже — «Углубленныя батареи»)

ГЛАВА III.

ТРАНШЕЙНЫЕ ЭПОЛЕМЕНТЫ

Траншейные эполементы употребляются: а) пѣхотою, и б) артиллеріею.

а) Траншейные эполементы для пѣхоты, черт. 5 и 6.

Позади развернутыхъ частей пѣхоты первой боевой линіи, въ разстояніи отъ 100 до 300 шаг., располагаются, обыкновенно по-ротно, небольшія сомкнутыя части, составляющія непосредственную поддержку войскъ первой линіи.

Эти резервныя части окапываются на открытыхъ мѣстахъ участками траншей, называющимися *траншейными эполементами*, т. е. заслонами, потому что главное назначеніе ихъ—прикрывать сосредоточенныя войска отъ непріятельскаго огня, въ различіе отъ траншей, при расположеніи которыхъ главнымъ образомъ имѣютъ въ виду производство сильнаго огня по приближающемуся непріятелю.

Войска, спрятанныя за траншейными эполементами, въ минуту надобности, выходятъ поверхъ бруствера въ поле, для поддержанія соотвѣтствующихъ частей первой линіи.

Траншейные эполементы устраиваются или для двухъ, или же для четырехъ шеренгъ. Въ первомъ случаѣ ширина траншейнаго ровика вверху бываетъ 3 шага Черт. 5.
(7 фут.), а во второмъ—4 шага ($9\frac{1}{3}$ фута). Въ зависимо- Черт. 6.
сти отъ этого, при двухъ шеренгахъ, дно ровика выходитъ въ 3 фута ширины, а при четырехъ — въ 5 фут. Все же остальное—какъ при обыкновенной траншейной выемкѣ [1]): работа производится съ двухъ сторонъ; наружный ровикъ, шириною въ 3 шага, дѣлается не глубже $1\frac{1}{2}$ фут., и т. д. Между внутреннимъ и наружнымъ ровиками оставляется 5 или 6 шаг.

Траншейные эполементы, при расположеніи въ нихъ пѣхоты лежа, могутъ быть углубляемы всего на $1\frac{1}{2}$ фута при высотѣ бруствера тоже въ $1\frac{1}{2}$ фута, какъ показано пунктиромъ на черт. 5 и 6. Эполементы такой профили устраиваются въ 10—20 мин. времени.

Длина траншейнаго эполемента, какъ и вообще тран-

---

[1]) Въ эполементахъ также располагается банкетъ, какъ для открытія, въ случаѣ надобности, пальбы, такъ въ особенности и для того, чтобы было удобнѣе всходить на брустверъ.

Табл. II. шеи для пѣхоты, опредѣляется числомъ помѣщаемыхъ въ немъ рядовъ, считая по $1\frac{1}{2}$ шага на рядъ. Эполементу дается въ планѣ прямолинейное начертаніе, наиболѣе удобное и простое какъ для разбивки, такъ и для производства работы.

Черт. 5 представляетъ эполементъ для одного полувзвода въ 19 рядовъ (2 шеренги); черт. 6—эполементъ для полувзводной колонны (4 шеренги) въ 17 рядовъ. Считая по $1\frac{1}{2}$ шага на рядъ, длина перваго эполемента выйдетъ въ 29 шаг., причемъ онъ можетъ быть оконченъ въ 30 мин. времени, а втораго—въ 25 шаг., и для окончанія его потребуется отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ часа времени.

Для того же числа людей, два эполемента, каждый на двѣ шеренги, устраиваются скорѣе чѣмъ одинъ на четыре шеренги; но зато первые занимаютъ по длинѣ пространство вдвое болѣе послѣдняго. Слѣдовательно, выборъ въ этомъ случаѣ зависитъ отъ просторности мѣста, и, кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ эполементѣ для четырехъ шеренгъ резервная часть болѣе сосредоточена.

б) Траншейный эполементъ, употребляемый артиллеріею, черт. 7.

Артиллерія устраиваетъ траншейные эполементы для зарядныхъ ящиковъ [1]) и передковъ.

По снятіи орудій съ передковъ, послѣдніе, какъ извѣстно, отправляются назадъ, примѣрно на разстояніе до 150 шаг. [2]), и помѣщаются тамъ, также какъ и зарядные ящики, за болѣе или менѣе надежными прикрытіями. Заряды же и снаряды подносятся къ орудію на рукахъ или въ сумахъ.

На ровной мѣстности, не представляющей нигдѣ закрытій, расположеніе зарядныхъ ящиковъ и передковъ позади орудій, въ разстояніи хотя бы 150 шаг.,—крайне опасно. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно подносчиковъ изъ прислуги. И дѣйствительно, лошади и остающаяся при нихъ прислуга, въ скоромъ времени, могутъ быть переранены осколками гранатъ и ружейными пулями, а зарядные ящики легко могутъ быть взорваны. Въ

---

[1]) При каждомъ 4-фунт. орудіи полагается 2 зарядныхъ ящика, при 9-фунт.—3; изъ нихъ при орудіи всегда возится одинъ, остальные же остаются въ резервѣ, до востребованія. Резервъ находится отъ батареи, примѣрно, въ разстояніи одной версты.

[2]) Разстояніе это опредѣляется крайнимъ предѣломъ, дозволяющимъ подноску зарядовъ на рукахъ.

этомъ случаѣ крайне необходимо располагать послѣднiе за искусственными прикрытiями, вслѣдствiе чего артиллерiя и прибѣгаетъ къ постройкѣ траншейныхъ эполементовъ, какъ закрытiй для зарядныхъ ящиковъ. Эполементы эти могутъ быть располагаемы позади орудiй, но выгоднѣе выносить ихъ впередъ, на одну линiю съ орудiями, отправляя лошадей къ передку, который, во все время дѣйствiя изъ орудiй, остается запряженнымъ. Черт. 7.

Для образованiя траншейнаго эполемента на одинъ зарядный ящикъ или передокъ, вынимается четыреугольная яма, шириною въ 4, длиною въ 6 шаг. На одну изъ короткихъ ея сторонъ (которая обращена къ непрiятелю и такимъ образомъ составляетъ фронтъ эполемента) непосредственно насыпается брустверъ, высотою въ 3 фута и толстотою отъ 7 до 9 фут. Яма въ передней своей части, на длину 4 фут., вынимается до глубины 3 — 3½ фут., а задняя отлогость рва срѣзывается полого. Черт. 7.

Брустверъ насыпается съ двухъ сторонъ, причемъ эполементный ровикъ прикрывается имъ также и съ боковъ по крайней мѣрѣ на длину зарядного ящика. Наружный ровикъ, при ширинѣ въ 3 шага, углубляется настолько, сколько нужно для полученiя необходимаго количества земли. Между внутреннею и наружною выемками считается 6 шаг. На краю наружнаго ровика, къ сторонѣ непрiятеля, насыпается гласисъ, высотою въ 2 фута (см. также примѣненiе эполемента для заряднаго ящика, показанное на черт. 1, табл. III).

При отдѣльныхъ эполементахъ, построенныхъ на одной линiи съ орудiями, наружный ровикъ съ гласисомъ съ большою пользой можетъ служить ложементомъ для стрѣлковъ (табл. II, черт. 7, и табл. IV). Послѣднiе, производя перекрестный огонь передъ батареею, не позволятъ непрiятелю приближаться.

Чтобы непрiятельскiе стрѣлки не могли перебить нумера прислуги, подающiе заряды, можно отъ орудiя къ эполементу устроить траншейку, глубиною въ 3 шага, при верхней ширинѣ въ 1 шагъ и нижней — въ 2 фута. Для этого, на длину 10 шаг., достаточно четырехъ рабочихъ и 10 мин. времени (табл. III, черт. 3 и 5).

Подобные эполементы занимаютъ по фронту (въ длину) около 16 шаг.

Для сокращенiя работы, можно ограничиться только однимъ эполементомъ на одинъ зарядный ящикъ, который снабжалъ бы зарядами и снарядами два орудiя, т. е. взводъ артиллерiи.

Эполементы для зарядныхъ ящиковъ слѣдуетъ располагать вправо отъ своихъ орудiй, устанавливая при-

Табл. II. томъ ящики ближе къ правой сторонѣ ровика. Это полезно потому, что ящикъ открывается слѣва направо.

Для постройки траншейнаго эполемента на одинъ зарядный ящикъ, на внутренній ровъ ставится 6 челов. рабочихъ, на наружный—12, слѣдовательно всего — 18 челов. При этомъ работа продолжается отъ 30 до 45 мин.; съ полной же отчетливостью она можетъ быть окончена въ 1 часъ времени.

Устройство эполементовъ можетъ быть произведено самими артиллеристами, при помощи рабочихъ отъ пѣхоты.

Табл. II и III.

ГЛАВА IV.

УГЛУБЛЕННЫЯ БАТАРЕИ.

Углубленныя батареи устраиваются для двухъ и болѣе орудій, и располагаются: или а) въ общей съ пѣхотою траншеѣ, или б) отдѣльно.

а) Углубленныя батареи въ общей съ пѣхотою траншеѣ, табл. II, черт. 1 и 4, и табл. III, черт. 1 и 2.

При расположеніи въ общей съ пѣхотою траншеѣ, орудія устанавливаются или на одной линіи съ пѣхотою, причемъ траншею уширяютъ назадъ (табл. II, черт. 1), или же орудія выносятся впередъ, и тогда траншея уширяется къ сторонѣ непріятеля (табл. III, черт. 1).

Послѣднее расположеніе имѣетъ ту выгоду, что внутренность батареи лучше прикрывается участками бруствера, связывающими фронтъ батареи съ траншеею, и кромѣ того—сообщеніе по траншеѣ менѣе стѣснено.

Для постройки углубленныхъ батарей вообще, вынимается ровъ, глубиною до 3 ф. и шириною на днѣ въ 9 шаг. (21 футъ). Брустверъ же, высотою тоже въ 3 фута, при толстотѣ вверху отъ 12 до 14 фут., непосредственно насыпается на краю этого рва, обращенномъ къ непріятелю.

Противъ каждаго орудія дѣлается въ брустверѣ амбразура, причемъ какъ устройство ея подошвы, такъ и размѣры внутренняго и наружнаго отверстій одинаковы съ таковыми же для амбразуры въ орудійномъ ложементѣ (см. выше).

Воображаемая прямая линія, проходящая чрезъ средину амбразуры, называется *директрисою*.

Считая отъ директрисы до директрисы, орудія рас-

полагаются одно отъ другаго на 12—15 шаг. (4—5 саж.) и не ближе 9 шаг. (3 саж.), чтобы не ослабить участки бруствера между амбразурами, т. е. *мерлоны*.

Такимъ образомъ, фронтъ батареи на два орудія, считая по 12—15 шаг. на каждое изъ послѣднихъ, опредѣлится въ 24—30 шаг.

Орудія устанавливаются непосредственно на дно рва, и только въ исключительныхъ случаяхъ (при вязкомъ грунтѣ или въ виду болѣе продолжительнаго дѣйствія изъ орудій, а также когда имѣется подъ рукою лѣсной матеріалъ) устраиваются подъ орудія деревянныя настилки—*платформы* (табл. II, черт. 1 и 4), о которыхъ сказано ниже.

Въ углубленныхъ батареяхъ, черезъ каждое орудіе или по крайней мѣрѣ черезъ каждыя два орудія, устраиваются поперекъ рва насыпи—*траверсы*,—прикрывающія орудіе и прислугу отъ косыхъ выстрѣловъ и отъ осколковъ гранатъ. Въ большей части случаевъ приходится ограничиться закрытіемъ людей отъ осколковъ, для чего достаточно имѣть траверсъ высотою отъ 6 до 7 фут., при толстотѣ вверху отъ 3 до 4 фут. Для совершеннаго же прикрытія орудій, высота траверса должна быть въ 10 фут., при верхней толстотѣ не менѣе 6 фут. (табл. IX, черт. 1 и 4). Но постройка такихъ траверсовъ требуетъ много времени и можетъ быть допущена лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Вообще въ углубленныхъ батареяхъ устройство траверсовъ облегчается тѣмъ, что участокъ земли, предназначаемый подъ траверсъ, оставляется невырытымъ, и такимъ образомъ, для полученія полной высоты траверса, приходится сдѣлать насыпку земли въ 3—4 фута.

На черт. 1 и 4, табл. II, представлена углубленная батарея на два орудія, съ траверсомъ длиною въ 17 фут., при ширинѣ его основанія въ 10 футъ. Между брустверомъ и траверсомъ оставленъ открытый проходъ, шириною внизу въ 4 фута. Для полученія траверса въ 6 фут. высоты, сдѣлана насыпка на 3 фута.

Черт. 1 и 2, табл. III, изображаютъ углубленную батарею въ траншеѣ, съ траверсомъ, примыкающимъ къ брустверу. Открытый проходъ у траверса сдѣланъ позади его: въ передней же части сдѣланъ тоже проходъ, высотою въ 3 фута, покрытый брусками или толтыми досками, засыпанными сверху землею.

Для удобства вооруженія обѣихъ батарей, въ каждой, позади орудій, сдѣлано по два пологихъ спуска—*аппарели*. Подобное расположеніе аппарелей дозволяетъ вооружить батарею, по усмотрѣнію, 4-или 9-фунт. орудіями.

Табл. III. Послѣднія для отката требуютъ 23 фута, между тѣмъ какъ ширина внутренняго рва батареи 21 футъ. Располагая аппарели какъ показано, избѣгаютъ уширенія рва на всю длину отката.

Насыпка бруствера углубленныхъ батарей дѣлается съ двухъ сторонъ, при чемъ наружному ровику даютъ ширину отъ 3 до 4 шаг., глубину же—необходимую для полученія требуемаго количества земли. На этомъ ровикѣ рабочіе устанавливаются въ двѣ шеренги, въ шахматномъ порядкѣ, по одному человѣку черезъ каждые 2 шага. Одна шеренга, обращенная лицомъ въ поле, дѣлаетъ сначала насыпку гласиса, а затѣмъ бросаетъ землю уже на брустверъ; другая же шеренга прямо насыпаетъ брустверъ. Для вырытія внутренняго рва, люди устанавливаются въ три шеренги (въ каждой—на 2 шага по одному человѣку): одна изъ нихъ стоитъ у передней отлогости, другая—въ шахматномъ порядкѣ позади первой, въ разстояніи отъ нея на 2 шага (эти шеренги бросаютъ землю передъ собою, на брустверъ и на мѣсто предполагаемаго траверса); третья шеренга, углубляясь, у задней отлогости рва, перебрасываетъ землю къ людямъ, стоящимъ впереди, которые, въ свою очередь, выкидываютъ ее на брустверъ. Предполагая такимъ образомъ поставить на наружную выемку 20 челов., на внутреннюю, вмѣстѣ съ аппарелями,—56, для постройки батареи въ траншеѣ по табл. II потребуется 60 челов., а по табл. III—76. Надо замѣтить, что на амбразуры особыхъ рабочихъ не назначаютъ: для этой цѣли люди берутся изъ общаго числа рабочихъ.

Считая для четырехъ шеренгъ, выкапывающихъ и выкидывающихъ землю на брустверъ, по 35 куб. фут. выемки на 1 челов. въ часъ времени [1]), подобныя батареи съ траверсами могутъ быть окончены въ 2 и до $2^1/_2$ часовъ.

---

[1]) При саперныхъ работахъ въ мирное время, въ легкомъ грунтѣ, можно допустить выемку земли до 35 куб. фут. на 1 челов. въ теченіе одного часа. Принимая такой успѣхъ работы за среднюю скорость, съ которою вообще будутъ производиться поспѣшныя земляныя работы въ полѣ, надо замѣтить, что въ ожиданіи непріятеля, при возвышенномъ нравственномъ настроеніи войскъ, поспѣшная и кратковременная работа бываетъ гораздо успѣшнѣе. Поэтому можно полагать, что приводимые здѣсь разсчеты времени для постройки разныхъ укрѣпленій въ полѣ окажутся въ военное время скорѣе преувеличенными, чѣмъ недостаточными (Французы, при тѣхъ же условіяхъ, считаютъ возможнымъ допустить выемку, съ выкидкою земли, для каждаго солдата $1^1/_2$ куб. метра въ часъ, что составляетъ 52 куб. фута). Умѣренный успѣхъ мирнаго времени объясняется продолжительностью работы (отъ 6 до 10 час. въ день), но въ

Въ первой батареѣ показано помѣщеніе передка или заряднаго ящика на самой батареѣ, а во второй—примѣненіе къ батареѣ отдѣльныхъ эполементовъ для заряднаго ящика, врѣзанныхъ въ брустверъ траншеи на разстояніи 6 шаг. отъ фланка батареи.

б) Отдѣльныя углубленныя батареи, табл. III, черт. 3—9, и табл. IV, черт. 5—8, 10, 12 и 13.

Отдѣльныя углубленныя батареи вообще предпочитаются батареямъ, располагаемымъ въ общей съ пѣхотою траншеѣ, потому что онѣ не разъединяютъ фронта развернутой части пѣхоты.

Отдѣльныя батареи имѣютъ брустверъ или полной профили—отъ 6 до 8 фут. высоты надъ дномъ внутренняго рва, или же всего 3 фута (табл. IV, черт. 6). Въ первомъ случаѣ орудія дѣйствуютъ чрезъ амбразуры, въ послѣднемъ—черезъ банкъ. Черт. 3, 4, 7, 8 и 9.

1) *Углубленныя батареи съ амбразурами* состоятъ изъ фаса, или фронта батареи, и двухъ небольшихъ фланковъ, круто загнутыхъ назадъ и прикрывающихъ внутренность батареи на длину отката орудія. Длина этихъ фланковъ обыкновенно бываетъ отъ 9 до 10 шаг.

Выемка и насыпка амбразуры, разстояніе между директрисами, гласисъ на краю наружнаго ровика, и проч. — одинаковы съ сказаннымъ выше для батарей, располагаемыхъ въ траншеѣ, и для отдѣльныхъ орудійныхъ ложементовъ.

На черт. 3 и 4 представлена отдѣльная батарея, съ амбразурами, на два 4-или 9-фунт. орудія. Между орудіями, для прикрытія прислуги отъ осколковъ, вмѣсто траверса, устраивается ровикъ (длиною 4 шага, шириною 3, при глубинѣ въ 3 фута), имѣющій насыпь съ тылу и съ боковъ; въ немъ сдѣланы ступени для сидѣнія и удобнѣйшаго выхода. Изъ средины этого ровика, подъ брустверъ, врѣзана ниша для расходныхъ зарядовъ. Въ твер- Черт. 4.

полѣ, безъ утомленія людей, работа можетъ успѣшно продолжаться не болѣе 3—4 час., причемъ глубина выемки не должна превосходить 5 фут. При соблюденіи этихъ условій въ военное время, успѣхъ работы бываетъ необыкновенный. Если же, сверхъ того, ограничиться только крайне необходимыми размѣрами профили, какъ это слѣдуетъ при постройкѣ поспѣшныхъ полевыхъ укрѣпленій, то почти всѣ такія укрѣпленія могутъ быть окончены въ означенный выше срокъ. Въ заключеніе добавимъ, что здѣсь не считается время, необходимое на трасировку и разбивку укрѣпленія, и предполагается грунтъ, требующій одной только лопаты.

Табл. III. домъ грунтѣ верхняя часть ея вырѣзывается дугообразно, сводикомъ, и ничѣмъ не поддерживается; въ слабомъ же— подводятъ доски или бруски. Ниша раздѣлена досками на двѣ половины, какъ видно на чертежѣ; въ верхней части хранятся заряды, въ нижней — снаряды.

Въ плечныхъ углахъ батареи (гдѣ фасъ сходится съ флангами) устроены участки банкетовъ, какъ для наблюденія за паденіемъ снарядовъ, такъ и для помѣщенія нѣсколькихъ стрѣлковъ.

Черт. 5 и 6. При этой батареѣ показано также примѣненіе отдѣльнаго эполемента для зарядпаго ящика и траншейки, соединяющей батарею съ эполементомъ. Послѣдній отодвинутъ въ сторону на 30 шаг., для того чтобы стрѣлкамъ открыть фронтъ батареи и чтобъ удобнѣе было обстрѣливать впередилежащую мѣстность. Такой же эполементъ можетъ быть построенъ и на лѣвой сторонѣ батареи.

Для работы положено размѣстить людей: на внутренней выемкѣ—57 челов., на наружной—30; всего—87 рабочихъ. Они могутъ окончить работу въ 2 и до $2^{3}/_{4}$ час. времени.

Черт. 7, 8 и 9 изображаютъ отдѣльную углубленную батарею на два 4-фунт. орудія, поставленныя для дѣйствія по заранѣе опредѣленному направленію (оврагу, мосту, берегу рѣки, и т. п.), на продолженіи котораго у непріятеля нѣтъ удобнаго мѣста для артиллеріи. Противъ орудій, которыя непріятель можетъ выставить съ боку батареи, напр. слѣва, въ косомъ къ ней направленіи продолженъ впередъ лѣвый флангъ батареи, утолщенъ и доведенъ до высоты 10 фут. надъ дномъ внутренняго рва. Наружный ровъ лѣваго фланга снабженъ гласисомъ, высотою въ 3 фута. Тыльная, закрытая часть этого рва примѣнена для помѣщенія зарядныхъ ящиковъ, или передковъ, а въ случаѣ надобности—и лошадей.

Для работы люди размѣщаются такъ: на внутренній ровъ батареи—35 рабоч., на наружный—передъ батареею 20, передъ лѣвымъ флангомъ 60, всего—115 челов., которые могутъ окончить постройку батареи въ $2^{1}/_{2}$ и до 3 час. времени [1]).

Табл. IV. 2) *Углубленныя батареи для стрѣльбы черезъ банкъ*, черт. 5, состоятъ изъ рва, вынутаго на глубину 1 или $1^{1}/_{2}$ фута, и бруствера, высотою въ 2 или $1^{1}/_{2}$ фута. Такимъ образомъ, орудіе прикрыто на 3 фута и дѣйствуетъ

---

[1]) При установкѣ въ отдѣльной углубленной батареѣ болѣе двухъ орудій, къ числу рабочихъ, опредѣленныхъ для двухъ орудій, нужно прибавить по 30 челов. на каждое новое орудіе.

черезъ банкъ. Внутренній ровъ, на ширину 5 шаг., имѣетъ дно или горизонтальное, или же съ небольшимъ возвышеніемъ къ задней отлогости (до $1/2$ фута), которая срѣзывается полого. Вся ширина внутренней выемки—9 шаг. (21 футъ).

Скатъ бруствера, наружный ровъ и гласисъ дѣлаются наподобіе того, какъ было объяснено для отдѣльныхъ орудійныхъ ложементовъ.

Углубленныя батареи для стрѣльбы черезъ банкъ на дальнее разстояніе часто получаютъ начертаніе прямолинейное, какъ отдѣльные орудійные ложементы. При этомъ, между двумя смежными орудіями назначается 12 шаг.; разстояніе крайняго орудія отъ оконечности батареи—9 шаг. Черт. 5 и 6.

Для постройки такой батареи полагается: на внутреннюю выемку—48 рабочихъ, на наружную—16, всего—64 челов., которые могутъ окончить постройку въ 45 мин. времени.

На черт. 5, 8 и 12 показано совокупное расположеніе углубленныхъ батарей съ отдѣльными орудійными ложементами, а на черт. 7, 10 и 13—съ эполементами для зарядныхъ ящиковъ.

Сравнивая углубленныя батареи съ ложементами для каждаго орудія отдѣльно, оказывается, что при употребленіи послѣднихъ:

а) орудія скорѣе могутъ быть прикрыты;

б) избѣгается постройка траверсовъ;

в) одно орудіе отъ другаго можетъ быть отодвинуто на большее разстояніе, причемъ сохраняется и надлежащая связь и общее начальство;

г) поставить орудія на мѣсто и взять ихъ обратно на передки легче въ отдѣльныхъ ложементахъ, чѣмъ въ батареяхъ.

ГЛАВА V.

ЗАКЛЮЧЕНІЯ О ТРАНШЕЙНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЯХЪ.

Относительно устройства и употребленія въ полѣ траншейныхъ укрѣпленій, изъ всего сказаннаго выше можно вывести слѣдующія правила:

1) Стрѣлковая цѣпь, на открытой мѣстности, прикрываетъ себя устройствомъ малыхъ ложементовъ, или ровиковъ для стрѣлковъ; непосредственные же ея резервы также устраиваютъ въ этомъ случаѣ ложементы, подобные первымъ, но только большаго протяженія.

*

Табл. IV. 2) Развернутыя пѣхотныя части первой боевой линіи (позади цѣпи, на фронтѣ главной позиціи), для встрѣчи непріятеля сильнымъ фронтальнымъ и перекрестнымъ огнемъ, окапываются траншеями, а резервы этихъ частей — траншейными эполементами.

3) Разстояніе стрѣлковыхъ ложементовъ отъ резервныхъ, резервныхъ ложементовъ отъ траншей, траншей отъ траншейныхъ эполементовъ, опредѣляется расположеніемъ цѣпи, ея подкрѣпленій, первой боевой линіи и частныхъ резервовъ. При этомъ, чтобы передовыя войска могли быть поддержаны наиболѣе дѣйствительнымъ огнемъ пѣхотныхъ частей, находящихся позади, разстояніе между тѣми и другими не должно превышать 300 шаг.

4) Артиллерія, располагаемая на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, дозволяющихъ далеко видѣть движенія непріятеля [1]), прикрывается, смотря по обстоятельствамъ, или ложементами, или углубленными батареями.

5) Каждая изъ названныхъ трайшейныхъ работъ можетъ быть выполнена въ промежутокъ времени отъ 15 мин. до 1 $^{1}/_{4}$ часа, за исключеніемъ углубленныхъ батарей, на постройку которыхъ требуется 2 — 2$^{3}/_{4}$ часа.

6) Довольствуясь 1 $^{1}/_{2}$ футов. углубленіемъ траншейнаго ровика и такою же высотой бруствера, всѣ траншейныя прикрытія *для пѣхоты* могутъ быть устроены, въ обыкновенномъ грунтѣ, въ 10 и до 30 мин. времени. Такія летучія прикрытія для пѣхоты, въ настоящее время, наиболѣе удовлетворяютъ требованіямъ тактики.

7) Ложементы и траншеи, съ траншейными эполементами для пѣхоты, устраиваются тѣми людьми, которые должны ихъ занимать; ровики для прислуги у орудій также вырываются самими артиллеристами; но для скорѣйшаго окончанія ложементовъ для орудій, эполементовъ для заряднаго ящика, а равно и углубленныхъ батарей, необходимо содѣйствіе рабочихъ отъ пѣхоты.

8) Бруствера траншейныхъ насыпей прикрываютъ пѣхоту отъ ружейнаго огня; отъ пораженія же артиллерійскимъ огнемъ люди главнымъ образомъ предохранены малымъ превышеніемъ траншейной профили, крайне затрудняющимъ непріятелю прицѣливаніе и попаданіе. Дѣйствительность стрѣльбы полевой артиллеріи по траншей-

---

[1]) Если такимъ условіямъ удовлетворяютъ входящія части позиціи, то помѣщеніе здѣсь артиллеріи предпочитается, потому что въ этомъ случаѣ перекрестный огонь со смежныхъ траншей, обстрѣливающій доступы къ батареѣ, затрудняетъ непріятельскимъ стрѣлкамъ приближеніе къ послѣдней.

нымъ насыпямъ дотого мала, что стрѣльба эта, справедливо, считается напрасною тратой снарядовъ и пороха.

9) Мѣткость стрѣльбы непріятельской артиллеріи по ложементамъ для орудій, углубленнымъ батареямъ и эполементамъ для зарядныхъ ящиковъ, значительно уменьшается устройствомъ гласиса.

10) Легкія летучія прикрытія для артиллерійской прислуги—крайне необходимы, такъ какъ въ настоящее время она сильно терпитъ отъ непріятельскихъ стрѣлковъ.

11) Устройство отдѣльныхъ ложементовъ, каждый для одного орудія, представляетъ большія выгоды сравнительно съ устройствомъ, на то же число орудій, одной углубленной батареи.

12) Зарядные ящики легко прикрываются траншейными эполементами, и въ такомъ случаѣ съ большей безопасностью располагаются рядомъ съ орудіемъ, чѣмъ позади. Пороховые погребки [1]), мало примѣнимые къ поспѣшнымъ полевымъ укрѣпленіямъ, съ выгодою замѣняются такими эполементами для зарядныхъ ящиковъ. Наружный ровикъ этихъ эполементовъ можетъ служить хорошимъ ложементомъ для стрѣлковъ.

13) Для ускоренія работы, всѣ траншейныя укрѣпленія, за исключеніемъ малыхъ стрѣлковыхъ ложементовъ, устраиваются насыпкою бруствера съ двухъ сторонъ.

14) Незначительная профиль траншейныхъ укрѣпленій позволяетъ, во всякое время, перейти всею боевою линіей въ наступленіе. При этомъ войска, находящіяся въ траншеяхъ и эполементахъ, безъ всякаго затрудненія могутъ подниматься на брустверъ и затѣмъ наступать въ полномъ порядкѣ.

15) При усиленіи позицій траншейными укрѣпленіями слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы расположеніемъ ихъ не лишить кавалерію удобныхъ мѣстъ для дѣйствія.

Траншейныя укрѣпленія вообще даютъ неоспоримое преимущество засѣвшимъ въ нихъ войскамъ. Послѣднія, спокойно высматривая движенія противника и сохраняя строй, порядокъ и лучшій боевой духъ, готовы въ данный моментъ, огнемъ или же ударомъ въ штыки, разстроить и опрокинуть непріятеля.

Но брустверъ этихъ укрѣпленій, превышая мѣстный горизонтъ всего на 3 фута, тогда какъ грудная высота, на которой прицѣливается стрѣлокъ, считается въ 4 $\frac{1}{2}$ фута, не всегда позволяетъ хорошо обстрѣливать всѣ доступы

---

[1]) О пороховыхъ погребкахъ см. ниже.

по впередилежащей мѣстности. Для послѣдней цѣли иногда необходимо болѣе возвышенное положеніе стрѣлка или орудія. Притомъ траншейное укрѣпленіе, представляя преграду кавалеріи, проходимо пѣхотою безпрепятственно. И наконецъ, внутренность траншейныхъ укрѣпленій прикрыта лишь на незначительную ширину траншейнаго ровика и не допускаетъ сосредоточенія большаго числа людей.

Съ другой стороны—на болѣе важныхъ пунктахъ позиціи, часто командующихъ надъ окружающей мѣстностью, отъ удержанія которыхъ зависитъ иногда успѣхъ дѣла, желательно имѣть такіе опорные пункты, которые обстрѣливали бы мѣстность на большее протяженіе, позволяли бы сосредоточить, закрыто, на маломъ пространствѣ, большее количество войскъ и представляли бы дѣйствительное препятствіе для непріятельской пѣхоты. Для этого устраиваются укрѣпленія болѣе высокой профили, дозволяющія обнаруживать и фланкировать всѣ смежныя части боевой линіи. Эти укрѣпленія называются *горизонтными*, потому что стрѣлки и орудія въ нихъ, для дѣйствія, устанавливаются на мѣстномъ горизонтѣ, или же на особыхъ присыпкахъ (банкетахъ и барбетахъ), нѣсколько превышающихъ горизонтъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГОРИЗОНТНЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ: ФЛЕШЬ, ЛЮНЕТЪ, ГОРИЗОНТНАЯ БАТАРЕЯ И РЕДУТЪ.

ГЛАВА I.

ПРОФИЛЬ И ПЛАНЪ ГОРИЗОНТНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.

а) Профиль горизонтнаго укрѣпленія, табл. V, черт. 1 и 2.

Табл. V. Горизонтныя укрѣпленія вообще имѣютъ болѣе или менѣе одинаковую профиль, измѣняющуюся, по обстоятельствамъ, для каждаго отдѣльнаго случая, въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ.

На черт. 1 и 2 представлены двѣ профили горизонтнаго укрѣпленія: *малая* и *обыкновенная*. Въ малой профили брустверъ дѣлается высотою въ $4^1/_2$ фута (грудная высота стрѣлка), причемъ банкетомъ служитъ горизонтъ; въ обыкновенной же, при высотѣ бруствера въ 6 фут.,

присыпается къ нему банкетъ, и наружный ровъ имѣетъ большую ширину. На послѣдней профили означены размѣры всѣхъ частей ея и показаны крайніе предѣлы, до которыхъ эти размѣры могутъ быть увеличены.

Съ увеличеніемъ высоты бруствера, возрастаетъ поражаемость его нарѣзною артиллеріей и усложняется работа. Съ другой стороны — большая высота бруствера дозволяетъ лучше видѣть и обстрѣливать окружающую мѣстность и болѣе прикрываетъ внутренность укрѣпленія.

Соображаясь съ этимъ, брустверу даютъ крайне необходимую высоту—отъ $4\frac{1}{2}$ до 6 фут., а чтобы лучше прикрыть позади стоящихъ людей, углубляютъ ближайшую къ брустверу часть внутренности укрѣпленія на 3 фута, такъ что все прикрытіе получаетъ отъ $7\frac{1}{2}$ до 9 фут. высоты. Кромѣ того внутренняя выемка даетъ возможность ускорить постройку насыпкою бруствера съ двухъ сторонъ.

Размѣры бруствера и банкета.

Толстота бруствера дѣлается отъ 8 до 14 фут., причемъ она находится въ зависимости отъ углубленія разрывныхъ снарядовъ полевой артиллеріи въ свѣже-насыпанную землю (до 7 фут.) и отъ предполагаемой продолжительности дѣйствія непріятельской артиллеріи.

Внутренняя отлогость бруствера выводится круто и поддерживается, если можно, разнаго рода одеждами (см. ниже — «Одежды»); заложеніе (нижняя ширина) ея бываетъ: съ одеждою—1 футъ, безъ одежды—2 фута.

Наружная отлогость бруствера выводится подъ натуральный откосъ земли, въ зависимости отъ грунта; въ среднемъ грунтѣ заложеніе ея равно высотѣ.

Скатъ бруствера получаетъ склоненіе внаружу; продолженіе его проходитъ не выше 3 фут. надъ наружнымъ краемъ рва.

Высота банкета зависитъ отъ высоты бруствера; площадь его должна быть на $4\frac{1}{2}$ фута ниже внутренняго гребня бруствера. При высотѣ бруствера въ $4\frac{1}{2}$ фута, площадь банкета совпадаетъ съ мѣстнымъ горизонтомъ. Черт. 1.

Ширина банкета дѣлается въ 1 арш. ($2\frac{1}{3}$ фута), такъ какъ предполагается, что при стрѣльбѣ всѣ люди двухшереножнаго строя прислонятся плечомъ къ брустверу.

Отлогости банкета дается заложеніе въ одну высоту, т. е. $1\frac{1}{2}$ фута (при высотѣ бруствера въ 6 фут.).

Берма, или уступъ шириною въ 1 шагъ (1 арш. или $2\frac{1}{3}$ фута), оставляется между брустверомъ укрѣпленія и наружнымъ рвомъ, для предохраненія послѣдняго отъ

Табл. V. скораго засоренія землей, осыпающеюся съ бруствера отъ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ. При очень слабомъ грунтѣ берма увеличивается до 3 шаг. (7 фут.).

Размѣры внутренняго ровика горизонтнаго укрѣпленія.

Черт. 2. Отступя на $1\frac{1}{2}$ фута отъ подошвы отлогости банкета, Черт. 1. или же на ширину его площади, вынимается ровикъ, шириною вверху отъ 10 до 14 фут. и глубиною въ 3 фута. Передняя отлогость этого ровика срѣзывается круто, и на $1\frac{1}{2}$-футов. глубинѣ его оставляется уступъ, шириною тоже въ $1\frac{1}{2}$ фута.

Дно ровика дѣлается шириною отъ 4 до 5 фут. Задняя отлогость его срѣзывается полого, съ заложеніемъ въ 2 раза противъ высоты.

Въ подобномъ ровикѣ можно держать людей въ 4 шеренги; при этомъ они тѣмъ лучше прикрыты, чѣмъ меньше ровикъ отдаленъ отъ бруствера.

Размѣры наружнаго рва горизонтнаго укрѣпленія.

Профиль рва горизонтнаго укрѣпленія состоитъ изъ двухъ параллельныхъ сторонъ, соотвѣтствующихъ верхней и нижней ширинамъ его, и двухъ непараллельныхъ, которыя соотвѣтствуютъ боковымъ отлогостямъ рва. Отлогость къ сторонѣ бруствера называется *эскарпомъ*, а къ сторонѣ поля—*контръ-эскарпомъ*.

Эскарпу дается заложеніе равное высотѣ, контръ-эскарпу—въ половину противъ высоты.

Глубина рва горизонтнаго укрѣпленія поспѣшной постройки—не болѣе 5 фут.

Верхняя ширина наружнаго рва равняется средней ширинѣ его, сложенной съ половиною заложеній эскарпа и контръ-эскарпа.

Для точнаго вычисленія верхней ширины рва слѣдуетъ имѣть въ виду, что:

1) площадь профили внутренняго и наружнаго рвовъ равна площади профили бруствера съ банкетомъ [1];

---

[1]) Въ дѣйствительности, между объемомъ извѣстной мѣры земли въ нетронутомъ грунтѣ и тою же землей въ насыпи, есть разница, именно: объемъ земли въ насыпи на $\frac{1}{10}$ больше объема той же земли въ материкѣ. Но разница эта не введена въ разсчетъ, а положено, что лишняя земля будетъ употреблена на насыпку гласиса. Вслѣдствіе этого, гласисъ, при сравненіи площади выемки съ площадью насыпи, и не принимается въ разсчетъ.

2) площадь профили рва равняется глубинѣ его, умноженной на среднюю ширину рва [1]).

Площадь профили бруствера, показаннаго на черт. 1, равна $46\frac{1}{2}$ квадр. фут.; площадь же профили внутренней выемки—24 квадр. фута. Если съ $46\frac{1}{2}$ квадр. фут. снять 24 квадр. фута, то останется $22\frac{1}{2}$ квадр. фута, т. е. то количество земли, которое должно быть получено изъ наружнаго рва. Принимая глубину послѣдняго въ 3 фута и раздѣливъ $22\frac{1}{2}$ на 3, среднюю ширину наружнаго рва получимъ въ $7\frac{1}{10}$ фут. Если же заложенія эскарпа и контръ-эскарпа положить въ 2 фута каждое, то верхняя ширина рва опредѣлится въ $9\frac{1}{10}$ фута ($7\frac{1}{10}+1+1$), или, какъ принято на чертежѣ, въ 10 фут. Такая ширина рва должна считаться наименьшею для горизонтнаго поспѣшнаго укрѣпленія.

Дѣлая такое же вычисленіе для обыкновенной профили, найдется, что верхняя ширина рва, въ этомъ случаѣ, должна быть около 14 фут. (2 саж.), и дѣйствительно: площадь профили бруствера съ банкетомъ равна 75 квадр. фут., вычитая отсюда 24 квадр. фута (т. е. площадь профили внутренней выемки), получится 51 квадр. футъ; полагая же глубину наружнаго рва въ 5 фут. и раздѣливъ 51 на 5, средняя ширина наружнаго рва опредѣлится въ $10\frac{1}{4}$ фут.; затѣмъ, на основаніи сказаннаго выше (см. верхняя ширина наружнаго рва) верхняя ширина выйдетъ въ 14 фут. [2]).

б) **Планъ горизонтнаго укрѣпленія**, черт. 3.

Подъ профилью черт. 2, табл. V, показаны всѣ соотвѣтствующія части плана горизонтнаго укрѣпленія, и прописаны названія всѣхъ плоскостей и линій. Черт. 3.

При расположеніи на мѣстности, планъ горизонтнаго укрѣпленія состоитъ обыкновенно изъ бруствера, который изломанъ на 2, 3 или 4 прямолинейные участка, образующіе исходящіе углы.

Укрѣпленія бываютъ открытыя и сомкнутыя.

Первыя имѣютъ брустверъ только противъ тѣхъ сторонъ, откуда главнымъ образомъ ожидается непріятель;

---

[1]) Площадь профили рва вычисляется какъ площадь трапеціи.

[2]) На профили черт. 2 показано, что верхняя ширина наружнаго рва можетъ доходить до 21 фута (3 саж.). Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мѣстнымъ причинамъ, наружный ровъ укрѣпленія не можетъ быть углубленъ до 5 фут., а потому недостающее количество земли приходится получать уширеніемъ выемки.

тыльная же сторона оставляется открытою. Въ сомкнутыхъ укрѣпленіяхъ люди окружены брустверомъ со всѣхъ сторонъ.

Открытыя горизонтныя укрѣпленія въ полѣ бываютъ двухъ главныхъ видовъ: 1) *флеши* (или *реданы*), имѣющія одинъ исходящій уголъ; 2) *люнеты*, имѣющіе три или два исходящихъ угла.

Къ числу горизонтныхъ открытыхъ укрѣпленій принадлежитъ также *горизонтная батарея*, видъ которой сходенъ съ видомъ люнета о двухъ исходящихъ углахъ.

Сомкнутыя горизонтныя укрѣпленія обыкновенно имѣютъ въ планѣ видъ болѣе или менѣе правильнаго четыреугольника.

Промежутокъ между тыльными оконечностями насыпи въ открытыхъ укрѣпленіяхъ, а также тыльная часть сомкнутаго укрѣпленія, менѣе подверженная атакѣ, называются *горжами* (см. табл. VI—X).

Табл. VI.

ГЛАВА II.

ОТКРЫТЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ: ФЛЕШЬ, ЛЮНЕТЪ, ГОРИЗОНТНАЯ БАТАРЕЯ.

Флешь, черт. 1—3.

Флешь (или *реданъ*) располагается въ видѣ исходящаго угла, вершина котораго обращена къ непріятелю. Стороны этого угла, образуемыя участками бруствера, называются *фасами*.

Воображаемая прямая линія, раздѣляющая уголъ на двѣ равныя части, называется *капиталью*.

Флешь, доставляя огонь на двѣ стороны, назначается для обстрѣливанія сбоку непріятельскихъ подступовъ къ смежнымъ частямъ боевой линіи.

Для дѣйствія по дальнимъ подступамъ, исходящій уголъ флеши дѣлается болѣе тупымъ, и напротивъ, для обстрѣливанія подступовъ на ближайшей мѣстности, этотъ уголъ долженъ быть болѣе острымъ. Вообще раствореніе его находится въ зависимости отъ того направленія, по которому наиболѣе желательно обратить огонь. Менѣе же 60° этотъ уголъ не долженъ быть [1]).

При стрѣльбѣ изъ-за укрѣпленій, выстрѣлы обыкновенно производятся въ направленіи перпендикулярномъ

---

[1]) Для полученія на мѣстности угла въ 60°, берутъ произвольной длины шнуръ, дѣлятъ его на 3 равныя части, и затѣмъ изъ нихъ составляютъ равносторонній треугольникъ. Каждый уголъ такого треугольника равняется 60°.

къ линіи огня. Вслѣдствіе этого, передъ исходящимъ угломъ укрѣпленія остается часть мѣстности, слабо-обстрѣливаемая косвеннымъ огнемъ, и по которой атакующій главнымъ образомъ и направляетъ свои войска. Эта часть мѣстности называется *необороненнымъ секторомъ*. Чѣмъ исходящій уголъ острѣе, тѣмъ этотъ секторъ больше.

Для обстрѣливанія необороненнаго сектора флеши, смежнымъ съ нею частямъ первой боевой линіи дается такое направленіе, чтобы онѣ могли дѣйствовать перекрестнымъ огнемъ по мѣстности впереди исходящаго угла флеши. По этой же мѣстности сосредоточивается также огонь и болѣе оддаленныхъ укрѣпленій.

Но не всегда съ полною увѣренностью можно разсчитывать на своевременную поддержку огнемъ смежныхъ частей войскъ или укрѣпленій, такъ какъ онѣ, во время дѣла, главнымъ образомъ заняты тѣмъ, что́ происходитъ непосредственно впереди ихъ. Необходимо поэтому, по мѣрѣ средствъ и времени, усилить самостоятельную оборону флеши. Съ этой цѣлью: 1) ставится артиллерія—для картечной стрѣльбы по атакующимъ войскамъ, и 2) пристраиваются легкія траншейныя укрѣпленія—для производства сильнаго фронтальнаго и перекрестнаго ружейнаго огня по мѣстности передъ исходящимъ угломъ флеши.

Артиллерія, для усиленія непосредственной обороны полеваго укрѣпленія, обыкновенно отряжается въ числѣ не менѣе двухъ орудій, т. е. одного артиллерійскаго взвода. Эти орудія, до начала штурма, т. е. до той минуты, когда имъ приходится открывать огонь, держатся (закрыто) въ близкомъ разстояніи отъ мѣста установки для стрѣльбы. Послѣднее можетъ быть выбрано или въ укрѣпленіи, или внѣ его. Въ укрѣпленіи орудія располагаются на приготовленной для этого насыпи—*барбетъ*; внѣ же укрѣпленія они стоятъ на мѣстномъ горизонтѣ. Въ обоихъ случаяхъ, для того чтобъ орудія имѣли наибольшій обстрѣлъ, они должны стрѣлять черезъ банкъ.

Но устройствомъ барбетовъ стѣсняется внутренность полеваго укрѣпленія; кромѣ того, при совмѣстномъ расположеніи артиллеріи съ пѣхотою въ тѣсномъ укрѣпленіи, увеличивается безполезно потеря людей, а потому—расположеніе артиллеріи внѣ укрѣпленія, въ непосредственной связи и подъ огнемъ его, въ траншейномъ прикрытіи, вообще предпочитается.

Для обороны сектора встрѣчнымъ и перекрестнымъ Черт 2.
ружейнымъ огнемъ, пристраиваются небольшія траншеи, къ одному или обоимъ фасамъ, такъ чтобъ ихъ внутрен-

Табл. VI. ность обстрѣливалась изъ-за флеши въ упоръ. Мѣсто расположенія этихъ траншей опредѣляется мѣстностью впереди исходящаго угла, имѣя при этомъ въ виду обстрѣливаніе ея, настильнымъ огнемъ, на возможно дальнее разстояніе.

При устройствѣ подобныхъ траншей не должно также опускать изъ вида страдательное положеніе гарнизона укрѣпленія во время артиллерійской кононнады, предшествующей штурму, и необходимость вывода на это время части гарнизона въ болѣе безопасное мѣсто (см. примѣрное расположеніе траншейнаго эполемента, табл. VI, черт. 3).

При постройкѣ флеши, числительность частнаго резерва не имѣетъ вліянія на обширность укрѣпленія, а слѣдовательно и на длину линіи огня, такъ какъ этотъ резервъ можно расположить позади горжи, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ укрѣпленія, откуда онъ, въ случаѣ надобности, всегда будетъ въ состояніи оказать своевременную помощь.

Влѣдствіе этого, длина линіи огня флеши опредѣляется, какъ и для траншейныхъ укрѣпленій, числомъ устанавливаемыхъ на банкетѣ рядовъ пѣхоты. На каждый рядъ двухшереножнаго строя полагается по $1\frac{1}{2}$ шага. Для помѣщенія барбета въ исходящемъ углу, на одно орудіе, съ каждой стороны угла, считается: для 4-фунт. нарѣзной пушки — 18 фут. (8 шаг.), для 9-фунт. — 23 фута (10 шаг.). Въ остромъ исходящемъ углу (менѣе 90°) дѣлается, кромѣ того, отрѣзъ въ 4 шага.

Флеши устраиваются обыкновенно для одной роты. Если принять числительность послѣдней въ 60—160 челов., то длина линіи огня флеши выйдетъ 45 до 120 шаг. (15—40 саж.), каждый же фасъ будетъ имѣть въ длину отъ $22\frac{1}{2}$ до 60 шаг. ($7\frac{1}{2}$—20 саж.). При этомъ нѣтъ надобности дѣлать фасы флеши непримѣнно одинаковой длины; большая или меньшая длина ихъ зависитъ отъ необходимости направить болѣе или менѣе сильный огонь въ ту или другую сторону.

При постройкѣ флеши и всѣхъ вообще поспѣшныхъ горизонтныхъ укрѣпленій, число рабочихъ не совпадаетъ, какъ въ траншейныхъ укрѣпленіяхъ, съ числомъ людей, назначенныхъ для обороны: — рабочихъ нужно больше. Вслѣдствіе этого офицеръ, получающій приказаніе построить флешь, обязанъ: или опредѣлить размѣры укрѣпленія [1]) по данному числу рабочихъ, или же число рабочихъ по даннымъ размѣрамъ укрѣпленія. Эти послѣдніе

[1]) Длину линіи огня.

опредѣляются числительностью гарнизона, назначеннаго для занятія укрѣпленія.

Первый случай часто встрѣчается на практикѣ, гдѣ немного большая или меньшая величина укрѣпленія не дѣлаетъ замѣтной разницы въ значеніи самой постройки. Поэтому, отрядный начальникъ часто даетъ въ распоряженіе офицера роту, двѣ и болѣе, и приказываетъ, на выгодномъ для обороны мѣстѣ, построить флешь, люнетъ, редутъ, предоставляя офицеру опредѣлить надлежащіе размѣры укрѣпленія въ зависимости отъ числа данныхъ ему рабочихъ.

Если бы офицеръ, въ такомъ случаѣ, разбилъ укрѣпленіе на полное число данныхъ ему людей, то, вслѣдствіе непомѣрной величины укрѣпленія, работа продолжалась бы долго, люди утомились бы до крайности, и постройка вѣроятно не поспѣла бы къ сроку. Поэтому офицеръ, по данному числу рабочихъ, опредѣляетъ, для поспѣшнаго окончанія работы, соотвѣтствующую величину укрѣпленія (длину линіи огня).

На чертежахъ, табл. VI, представлена флешь, длина линіи огня которой опредѣлена въ зависимости отъ даннаго числа рабочихъ (двухъ ротъ: одной — въ 100, другой—въ 66, всего—166 челов.), имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду поставить въ исходящемъ углу одно 4-фунт. орудіе на барбетѣ. Размѣры профили—обыкновенные (табл. V, черт. 2). Такъ какъ для поспѣшной постройки необходимо поставить на обѣ выемки (внутреннюю и наружную) по двѣ шеренги рабочихъ—въ каждой на 2 шага по одному человѣку — и слѣдовательно на каждый шагъ по длинѣ линіи огня укрѣпленія придется по 2 рабочихъ, то легко найти [1]), что 166 челов. могутъ построить, въ кратчайшій срокъ времени, флешь, съ помѣщеніемъ орудія въ исходящемъ углу, всего на 72 челов., т. е., приблизительно, на составъ меньшей роты. Остающаяся затѣмъ рота (въ 94 челов.) обращается въ частный резервъ флеши, или же, если таковой назначенъ особо, возвращается къ своей части.

Считая на внутреннюю выемку, съ насыпкою барбета, 54 челов., на наружную—112, итого—166 рабочихъ, работа можетъ быть окончена въ 3 часа времени [2]).

---

[1]) См. ниже «Опредѣленіе числа рабочихъ для постройки укрѣпленія».

[2]) Если бы, въ зависимости отъ грунта, пришлось употребить на работу болѣе 3 час. времени, то во избѣжаніе утомленія людей и для лучшаго успѣха работы, необходимо сдѣлать смѣну рабочимъ.

Табл. VI. Съ помощью частнаго резерва, имѣя въ виду вышесказанную необходимость усиленія самостоятельной обороны флеши, можетъ быть устроена траншея, черт. 2, и траншейный эполементъ, черт. 3.

Траншею, для дѣйствія по необороненному сектору, можетъ занять ближайшая къ флеши пѣхотная часть первой боевой линіи, или, по обстоятельствамъ, часть непосредственнаго резерва флеши; въ траншейномъ эполементѣ можетъ быть помѣщена, на время артиллерійской стрѣльбы по флеши, часть гарнизона, преимущественно съ оконечностей фасовъ, наиболѣе подверженныхъ пораженію въ тылъ. Остальная часть гарнизона (не менѣе половины) должна оставаться во внутреннемъ ровикѣ флеши и сомкнуться къ исходящему углу, гдѣ положеніе ея менѣе опасно.

Очевидно какъ значительно усиливается самостоятельная оборона флеши посредствомъ подобныхъ траншей, назначенныхъ для дѣйствія сильнымъ огнемъ по капитали флеши и дозволяющихъ также непосредственный переходъ въ наступленіе и ударъ въ штыки.

Черт. 1. Противъ оконечности лѣваго фаса флеши, пользуясь отчасти готовымъ прикрытіемъ отъ бруствера фаса, можетъ быть устроенъ небольшой эполементъ для зряднаго ящика и передка.

Черт. 1 и 2. Изъ двухъ орудій, отряженныхъ для усиленія самостоятельной обороны флеши, одно показано на барбетѣ, въ исходящемъ углу, куда оно вкатывается только въ ми-
Черт. 1. нуту надобности; до той же поры оно стоитъ закрыто у подошвы барбета, какъ означено пунктиромъ. Другое орудіе предположено держать передъ лѣвымъ фасомъ флеши, въ наружномъ ровикѣ эполемента для заряднаго ящика, какъ показано на черт. 1 пунктиромъ, и при первомъ появленіи штурмующихъ войскъ оно выкатывается впередъ, въ траншею, гдѣ для этого, въ одномъ участкѣ, внутренность оставлена невырытою, какъ видно на черт. 2.

Когда офицеру приказано построить флешь на опредѣленный гарнизонъ, примѣрно на роту въ 100 челов., и когда, въ зависимости отъ числа рядовъ, длина линіи огня опредѣлится въ 75 шаг., то обязанность его состоитъ въ опредѣленіи числа людей [1]), необходимыхъ на выполненіе этой работы. Въ данномъ случаѣ потребуется 166 челов.

Табл. VII. *Люнетомъ* называется горизонтное укрѣпленіе, имѣю-
Люнетъ, черт. 1, 3 и 4. щее обыкновенно 3 исходящихъ угла и дающее впереди-

[1]) См. ниже—отд. II, гл. 2.

лежащей мѣстности оборону по четыремъ направленіямъ. Это—тоже флешь, къ оконечностямъ фасовъ которой, для обстрѣливанія боковымъ огнемъ ближайшей мѣстности передъ смежными частями боевой линіи, пристроены еще два фланка; фасы же назначаются для обстрѣливанія болѣе отдаленной мѣстности.

Пристраивая къ оконечностямъ фасовъ фланки, прикрывающіе внутренность укрѣпленія, получается возможность сдѣлать средній исходящій уголъ болѣе тупымъ, чѣмъ во флеши; слѣдовательно, вся постройка дѣлается вмѣстительнѣе, а сверхъ того и необороненный секторъ меньше.

Люнеты, такимъ образомъ, наиболѣе удовлетворяютъ цѣли и назначенію употребляемыхъ въ полѣ поспѣшныхъ горизонтныхъ укрѣпленій, а потому чаще другихъ встрѣчаются на практикѣ.

Фасамъ люнета дается обыкновенно длина не болѣе 60 шаг. (20 саж.); фланкамъ — не болѣе 30 шаг. (10 саж.).

Наибольшая длина линіи огня люнета соотвѣтствуетъ 240 челов., размѣщаемымъ по банкетамъ (примѣрно — 2 роты).

Фигура люнета въ планѣ можетъ быть правильная или неправильная.

Направленіе фасовъ и фланковъ зависитъ отъ требующаго направленія выстрѣловъ, причемъ длина этихъ частей люнета опредѣляется силою огня, которую желаютъ имѣть по тому или другому направленію.

На черт. 1 изображенъ люнетъ на одну роту въ 120 челов. Длина линіи огня — 90 шаг.

Для поспѣшной постройки люнета нужно 210 челов. рабочихъ: изъ нихъ 82 приходятся на внутреннюю выемку, 128 — на наружную. Постройка можетъ быть окончена въ 3 и до $3\frac{1}{2}$ час. времени.

Фланки люнета страдаютъ отъ тыльнаго огня болѣе другихъ его частей. Такъ, напр., граната, попадающая въ гребень бруствера фаса люнета примѣрно по линіи *АБ*, разрывается отъ бруствера въ недалекомъ (до 2 саж.) растояніи, и осколки ея летятъ, въ расходящемся направленіи, къ внутренней отлогости бруствера противуположнаго фланка. Чтобы сберечь людей, занимающихъ фланкъ, отъ такого пораженія въ тылъ, можно построить за фланкомъ траншейный эполементъ, какъ показано на черт. 1 и 3. Насыпь этого эполемента обращена ко внутренности люнета, и такимъ образомъ люди, не сходя съ своихъ мѣстъ, вполнѣ прикрыты, что видно на черт. 3 и 4; между тѣмъ, на другомъ флангѣ люнета, гдѣ показана обыковен- Черт. 1.

Табл. VII. ная внутренняя выемка, задняя отлогость которой срѣзана полого, люди прикрыты всего только на $1\frac{1}{2}$ фута.

Такое выгодное повидимому примѣненіе траншейнаго эполемента можетъ быть допущено въ открытыхъ укрѣпленіяхъ лишь какъ исключеніе, и притомъ съ большой осмотрительностью, потому что непріятель, занявшій люнетъ, найдетъ въ эполементѣ для себя готовое закрытіе, и, кромѣ того, обратное владѣніе укрѣпленіемъ—на что непремѣнно слѣдуетъ разсчитывать—дѣлается въ этомъ случаѣ крайне затруднительнымъ. Такой эполементъ съ дѣйствительною пользой, какъ видно будетъ ниже, примѣняется къ сомкнутымъ укрѣпленіямъ, которыя, по самому назначенію своему, не должны переходить изъ рукъ въ руки (см. ниже—«Редутъ»). Въ люнетѣ же, на время артиллерійскаго огня, чаще всего придется, для сохраненія людей, ограничиться расположеніемъ ихъ во внутреннемъ рвѣ двухъ фасовъ, какъ на мѣстѣ менѣе опасномъ и достаточно просторномъ. При этомъ, въ случаѣ атаки, фасы могутъ немедленно открыть огонь, а черезъ нѣсколько минутъ сдѣлаютъ то же самое и фланки.

На лѣвомъ флангѣ люнета, черт. 1, показано пунктиромъ примѣненіе небольшой траншеи, по продолженію внутренней выемки этого фланка, на случай если бы, по обстоятельствамъ, оказалось необходимымъ усилить огонь съ этой части люнета.

Табл. VIII. Люнетъ о двухъ исходящихъ углахъ, черт. 1—5.

При встрѣчающейся иногда необходимости обстрѣливать мѣстность, лежащую впереди люнета, болѣе сильнымъ встрѣчнымъ или фронтальнымъ огнемъ, средній исходящій уголъ люнета замѣняется брустверомъ въ прямой линіи, и такимъ образомъ получается укрѣпленіе о двухъ исходящихъ углахъ при одномъ фасѣ (для фронтальнаго огня) и двухъ фланкахъ (для фланкированія смежныхъ частей позиціи).

На черт. 1, 2 и 3, табл. VIII, изображенъ люнетъ малой профили (табл. V, черт. 1), о двухъ исходящихъ углахъ. При высотѣ бруствера въ $4\frac{1}{2}$ фута, толстота его—10 фут., а ширина наружнаго рва — 11 фут. Внутренняя выемка имѣетъ верхнюю ширину: позади фаса — 14 фут., а позади фланковъ — 10 фут. Это уширеніе внутренняго рва сдѣлано съ тѣмъ, чтобы, на время усиленнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи, сосредоточить въ немъ весь гарнизонъ.

Дано на работу 196 челов. (двѣ роты), и линія огня люнета, въ зависимости отъ числа рабочихъ, опредѣлена въ 88 шаг. Для занятія ея, по банкету можетъ быть установлено 118 челов. Рабочіе разставлены такъ: на внут-

реннюю выемку — 72 челов., на наружную — 124, итого 196 челов. Постройка можетъ быть окончена въ 2 часа.

Для усиленія обороны люнета предположено, что ближайшія развернутыя части первой боевой линіи придвинуты къ его фланкамъ и поставлены въ траншеяхъ, участки которыхъ показаны на черт. 4 и 5. Въ этомъ случаѣ, имѣя въ виду переходъ въ наступленіе всею линіей, необходимо, по одну сторону укрѣпленія, оставлять открытый проходъ для артиллеріи и другихъ войскъ, находящихся въ тылу.

Траншея, расположенная противъ лѣваго фланка люнета, въ разстояніи отъ него на ширину фронта одного взвода (примѣрно 30 шаг.), будучи нѣсколько продолжена за этотъ флангъ, представляетъ превосходный ложементъ для помѣщенія частнаго резерва люнета. Для этой цѣли оконечность траншеи получаетъ траншейный ровъ, уширенный противъ остальной части. Черт. 5.

ГОРИЗОНТНЫЯ БАТАРЕИ.

Табл. IX. Горизонтная батарея съ амбразурами, черт. 1—4.

Въ *горизонтныхъ батареяхъ*, какъ и въ углубленныхъ, стрѣльба производится или чрезъ амбразуры, или черезъ банкъ.

Подобно отдѣльнымъ углубленнымъ батареямъ, горизонтная батарея съ амбразурами состоитъ изъ одного фаса и двухъ небольшихъ фланковъ, прикрывающихъ ея внутренность. Высота бруствера — 6 фут., глубина наружнаго рва — 5 фут. Постройка эта по необходимости, насыпается исключительно изъ наружнаго рва, вслѣдствіе чего на работу горизонтной батареи, сравнительно съ другими полевыми укрѣпленіями, требуется большій срокъ; она не можетъ быть окончена одною смѣной рабочихъ и въ 3 часа времени.

Такимъ образомъ, горизонтная батарея какъ бы выходитъ изъ ряда поспѣшныхъ полевыхъ укрѣпленій. Тѣмъ не менѣе, полевыя войска, назначенныя на болѣе или менѣе продолжительное время для занятія какого нибудь отдѣльнаго поста (напр. мѣста переправы), прибѣгаютъ иногда къ постройкѣ горизонтныхъ батарей или вообще укрѣпленій съ профилью, подобной показанной на чер. 2 и 3.

Описывая постройку горизонтной батареи съ амбразурами, вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и постройка всякаго другаго полеваго укрѣпленія (флеши, люнета, редута), возводимаго въ исключительныхъ случаяхъ и внѣ условій поспѣшной полевой работы.

Располагая большимъ срокомъ времени, является возможность заготовить туры и фашины, дернъ, плетень, лѣсъ на платформы и проч. (Объ одеждѣ внутренней

Табл. IX. отлогости бруствера и отлогостей траверсовъ разнаго рода матеріалами сказано ниже—отд. II и III). На чертежахъ 1, 2, 3 и 4 показано только: относящееся къ батареѣ усиленіе турами наиболѣе слабыхъ частей амбразуръ у внутренней отлогости бруствера, и употребленіе туровъ для скорѣйшаго возведенія траверсовъ, возвышенія фланковъ батареи и устройства подъ брустверомъ расходныхъ нишъ для зарядовъ и снарядовъ.

Платформы, при установкѣ на нихъ орудій для стрѣльбы чрезъ амбразуру, устраиваются на всю свою толщину выше мѣстнаго горизонта. При этомъ имѣется въ виду, что амбразура, для лучшаго обезпеченія стрѣляющаго чрезъ нее орудія, не должна быть глубока, и слѣдовательно выгоднѣе поднять подошву амбразуры, нежели опустить ее.

Такимъ образомъ, при постановкѣ орудій на платформахъ, превышеніе подошвы амбразуры у внутренняго отверстія можно считать въ 4 фута надъ горизонтомъ, глубину или высоту внутренняго отверстія — въ 2 фута, наружнаго же—отъ 1 до 1 ½ фута. Отлогость бруствера, лежащая ниже наружнаго отверстія амбразуры, прикрывается 3 футов. гласисомъ.

Предполагая по батареѣ сильное и продолжительное дѣйствіе артиллеріи, толстота бруствера вверху принята въ 12 фут. Въ зависимости отъ профили бруствера и количества земли, необходимаго для насыпки траверса, гласиса и возвышенныхъ фланковъ, средняя ширина наружнаго рва найдена въ 18 ¼ фут., при глубинѣ его въ 5 фут., а верхняя ширина рва — 22 фута.

Черт. 3 и 4. Для усиленія слабыхъ угловъ амбразуръ, по внутренней отлогости бруствера, на мѣстахъ, предназначенныхъ для устройства амбразуръ, устанавливаются туры въ 2 яруса (въ нижнемъ—по 5, въ верхнемъ—по 4), причемъ надъ среднимъ туромъ нижняго яруса оставляется 2 футов. отверстіе для амбразуры. Три тура нижняго яруса ставятся по линіи огня, два же крайніе поданы ½ футов. уступомъ къ внутренности батареи. Первые три тура (занимая протяженіе немного болѣе 6 фут.) позволяютъ установку орудія непосредственно за внутреннимъ отверстіемъ амбразуры. На нижніе туры устанавливаются соотвѣтствующіе туры верхняго яруса, въ которомъ, по направленію щекъ амбразуры, помѣщается не менѣе двухъ туровъ, и, наконецъ, съ обѣихъ сторонъ амбразуры, позади трехъ туровъ, составляющихъ уголъ внутренняго ея отверстія, ставится еще по туру. Принимая высоту тура въ 2¾ фута и подошву амбразуры на высотѣ 4 фут. отъ горизонта, выйдетъ, что туры верхняго яруса, равно какъ

и составляющіе одежду щекъ амбразуръ должны быть зарываемы въ толщу бруствера на $1\frac{1}{4}$ фута. Это значительно увеличиваетъ сопротивленіе ихъ. При такомъ устройствѣ внутренняго отверстія, граната, попадающая въ амбразуру, встрѣчаетъ въ каждой точкѣ или достаточную толщу земли, или же сопротивленіе трехъ и не менѣе двухъ туровъ, засыпанныхъ землею, крѣпко зарытыхъ и прикрѣпленныхъ кольями (см. «Одежду турами»).

Постройка траверса съ употребленіемъ туровъ видна изъ черт. 4. При этомъ туры устанавливаются въ три яруса. Съ каждымъ новымъ ярусомъ толстота траверса уменьшается на ширину уступовъ (съ каждой стороны въ $\frac{1}{2}$ тура), оставляемыхъ для большей устойчивости туровъ верхняго ряда. Начавъ постройку траверса при ширинѣ основанія въ 14 фут., при высотѣ его въ 9—10 фут., толстота вверху получается въ 6 фут. Такой высоты траверсъ вполнѣ прикрываетъ только одно орудіе, непосредственно за нимъ стоящее; второе же, болѣе удаленное, и въ особенности прислуга его, при мѣткой стрѣльбѣ по верхней площадкѣ траверса, будутъ поражаемы осколками отъ разрыва попавшихъ въ него гранатъ. Для лучшаго обезпеченія крайнихъ орудій, слѣдовало бы и ихъ прикрыть траверсами, хотя бы высотою въ 6 или 7 фут., при толстотѣ вверху въ 3 фута (противъ осколковъ). Черт. 4.

Объ устройствѣ расходной ниши изъ туровъ и устройствѣ платформъ можно составить себѣ понятіе изъ чертежа (объ этомъ см. ниже—отд. III, гл. 2).

При довольно значительной ширинѣ наружнаго рва (22 фута), рабочихъ на немъ можно размѣстить въ три шеренги (одну—лицомъ въ поле, для насыпки гласиса, и двѣ—лицомъ къ брустверу); четвертая шеренга устанавливается на самомъ брустверѣ, для разравниванія земли и подведенія его подъ надлежащую профиль.

Такимъ образомъ, для работы можно установить разомъ 248 челов., считая въ томъ числѣ и рабочихъ на траверсъ. Если по прошествіи трехъ часовъ отъ начала работы смѣнить людей, то въ такомъ случаѣ, предполагая готовыми туры и лѣсъ для платформъ, постройка батареи можетъ быть окончена въ 6 час. времени.

Длина линіи огня фаса батареи—42 шага, каждаго фланка—9 шаг.; всего—60 шаг.

При горизонтныхъ батареяхъ съ амбразурами, для храненія снарядовъ и зарядовъ, могутъ быть тоже устраиваемы пороховые погребки (см. ниже—отд. III, гл. 2).

Табл. IX. Горизонтная батарея для дѣйствія через банкъ.

Бруствeръ горизонтной батареи для дѣйствія черезъ банкъ, табл. IV, черт. 1 и 4, насыпается на высоту 3 фут., т. е. подъ дуло орудія, считая послѣднее поставленнымъ на мѣстный горизонтъ. Скатъ бруствера въ этомъ случаѣ дѣлается горизонтальнымъ или же, для стрѣльбы на дальнія разстоянія, съ небольшимъ повышеніемъ къ наружной отлогости бруствера. Толстота послѣдняго, при незначительной высотѣ его, бываетъ отъ 8 до 10 фут. Наружный ровъ выходитъ шириною около 14 фут. (6 шаг.), глубиною же—не болѣе 3 фут. Гласисъ, насыпанный на краю наружнаго рва, получаетъ высоту до 2 фут.

Горизонтной батареѣ, назначенной для дѣйствія черезъ банкъ, въ томъ случаѣ, когда стрѣльба должна производиться по одному какому-либо направленію, дается прямолинейное начертаніе; если же приходится стрѣлять по двумъ или тремъ направленіямъ, рѣзко отклоняющимся отъ перваго, то начертаніе батареи измѣняется въ ломанное. При прямолинейномъ брустверѣ, для упрощенія работы, фланки часто вовсе не устраиваются, въ особенности при стрѣльбѣ на болѣе дальнія разстоянія, табл. IV, черт. 1. Орудія располагаются одно отъ другаго не ближе 12 шаг. (4 саж.); отъ оси крайнихъ орудій до оконечности батареи считается по 9 шаг. (3 саж.).

Для прикрытія прислуги, вынимаются ровики, наподобіе описанныхъ выше ложементовъ для артиллерійской прислуги, съ тѣмъ однако различіемъ, что вынутая земля выбрасывается не къ сторонѣ непріятеля, а къ внутренности батареи, для того чтобы образовать легкіе, достаточно сопротивляющіеся земляные заслоны отъ осколковъ гранатъ и ружейныхъ пуль.

Для работы люди устанавливаются на наружномъ рвѣ въ три шеренги (двѣ—по эскарпу, для насыпки бруствера, одна—по контръ-эскарпу, для насыпки гласиса); между людьми каждой шеренги считается по 2 шага. Четвертая шеренга помѣщается на брустверъ, для разравниванія земли и подведенія его подъ требуемую профиль. Такимъ образомъ, для постройки подобной батареи на 4 орудія требуется 108 челов., которые окончатъ эту работу въ 1—1 $^1/_2$ часа времени. Ровики при орудіяхъ дѣлаются самою прислугой.

Изъ сказаннаго видно, что горизонтная батарея для дѣйствія черезъ банкъ устраивается, сравнительно, въ короткое время, а потому и примѣняется весьма часто на практикѣ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительность стрѣльбы непріятельской артиллеріи по невысокому брустверу

батареи, прикрытому въ добавокъ гласисомъ, весьма незначительна.

ГЛАВА III.

Табл. X.

СОМКНУТОЕ УКРѢПЛЕНІЕ—ЧЕТЫРЕУГОЛЬНЫЙ РЕДУТЪ.

Сомкнутое укрѣпленіе, обыкновенно употребляемое въ полѣ, имѣетъ видъ четыреугольника и называется *четыреугольнымъ редутомъ*, а стороны его—фасами. Одинъ или нѣкоторые фасы сомкнутаго укрѣпленія обращены къ сторонѣ непріятеля; другіе—составляютъ тыльную часть, или горжу, менѣе подверженную атакѣ. Такимъ образомъ, редутъ есть не что иное какъ открытое полевое укрѣпленіе (флешь, люнетъ, батарея), у котораго замкнута горжа.

Четыреугольный редутъ, черт. 1—6.

Употребительнѣйшій въ полѣ редутъ—квадратный. Укрѣпленіе такого правильнаго вида скорѣе можетъ быть построено, и въ то же время позволяетъ, по данному гарнизону, безошибочнѣе опредѣлить какъ размѣры фасовъ, такъ и величину внутренняго пространства укрѣпленія, необходимаго для помѣщенія извѣстнаго числа войскъ.

Черт. 1, 2 и 3.

Обстоятельство это важно въ томъ отношеніи, что въ редутѣ (въ отличіе отъ открытыхъ укрѣпленій), кромѣ войскъ, назначенныхъ для занятія банкетовъ и непосредственной обороны укрѣпленія, помѣщаются еще войска, составляющія его частный резервъ. Послѣдній, будучи расположенъ внѣ редута, въ случаѣ внезапной атаки, могъ бы опоздать, и непріятель ворвался бы въ редутъ одновременно съ нимъ.

Для сообщенія съ полемъ, въ тыльномъ фасѣ редута оставляется выходъ, шириною отъ 3 до 6 шаг. (1—2 саж.). Выходъ прикрывается траверсомъ—или отдѣльнымъ, черт. 1, или же примкнутымъ одною оконечностью къ тыльному фасу, черт. 2. Черезъ ровъ редута, передъ выходомъ, перекидывается легкій мостикъ, или же на этомъ мѣстѣ оставляется невынутымъ участокъ наружнаго рва. Въ ожиданіи штурма, этотъ проходъ заграждается лѣснымъ матеріаломъ отъ разобранной части моста, заранѣе срубленными деревьями, и т. п.

Черт 3 и 5.

Въ редутѣ, для опредѣленія длины линіи огня, какъ и въ другихъ полевыхъ укрѣпленіяхъ, считается по 1½ шага на каждый рядъ двухшереножнаго строя. На орудіе съ прислугою полагается по фасу 6 шаг. (14 фут.), въ исходящемъ же углу: безъ отрѣза — 16 (8 съ каждой

Табл. X. стороны угла), и съ отрѣзомъ — 20 шаг. (по 10 на каждую сторону). На внутренней площади редута, для свободнаго размѣщенія людей и орудій, на 4 челов. полагается по 1 квадр. саж., а на орудіе, съ прислугою и зряднымъ ящикомъ — не менѣе $5\frac{1}{2}$ квадр. саж. Изъ общаго числа гарнизона, назначеннаго въ редутъ, не менѣе $\frac{1}{3}$ части отдѣляется въ частный резервъ.

Желая, при такихъ данныхъ, опредѣлить бокъ квадратнаго редута, устраиваемаго, положимъ, на 280 челов. и 2 орудія, причемъ на банкеты будутъ назначены, напр., одна рота (140 челов.) и одинъ полувзводъ (35 челов.), всего слѣдовательно 175 челов., въ резервѣ должно оставить, примѣрно, 3 полувзвода, т. е. 105 челов. Затѣмъ, если считать для людей, разставляемыхъ на банкетѣ въ двѣ шеренги, по $1\frac{1}{2}$ шага на рядъ, то длина линіи огня для нихъ получится въ 131 шагъ. Полагая же на каждое изъ двухъ орудій, помѣщаемыхъ на барбетѣ, 16 шаг., или всего 32 шага, вся длина линіи огня редута опредѣлится въ 163 шага. При этомъ, каждый бокъ редута будетъ равенъ $40\frac{3}{4}$ шаг., или 13 саж. ($163:4=40\frac{3}{4}$ шаг.). Уменьшивъ эту величину на двойную ширину банкета съ отлогостью (около 3 — 4 шаг.), найдемъ, что бокъ квадрата, составляющаго внутреннюю площадь редута, будетъ имѣть въ длину 37 шаг. ($12\frac{1}{3}$ саж.). Наконецъ, внутренняя площадь выйдетъ равною $151\frac{1}{3}$ квадр. саж. ($12\frac{1}{3} \times 12\frac{1}{3}$).

Съ другой стороны, по вышеприведеннымъ даннымъ, внутренняго пространства потребуется всего 81 квадр. саж., именно: для пѣхоты $280:4=70$ квадр. саж., для орудій — $2 \times 5\frac{1}{2}=11$ квадр. саж.

Такимъ образомъ оказывается, что этотъ редутъ будетъ достаточно просторнымъ, если исключить даже мѣсто, которое отойдетъ подъ траверсъ и подъ оба барбета.

Вообще надо замѣтить, что при подобныхъ вычисленіяхъ внутренней площади редута, для болѣе широкаго и удобнаго размѣщенія гарнизона, всегда желательно получить въ результатѣ нѣкоторый излишекъ пространства.

Если бы пришлось уменьшить или увеличить внутреннее пространство, то въ первомъ случаѣ, для сокращенія, смыкаютъ ряды двухшереножнаго строя на банкетѣ, а во второмъ — раздвигаютъ ихъ шире $1\frac{1}{2}$ шаг., чтобы чрезъ это увеличить длину линіи огня.

При маломъ гарнизонѣ (100 челов. и менѣе), чтобы получить внутреннюю площадь редута, удобную для помѣщенія гарнизона, пришлось бы принять разсчетъ людей по банкету въ одну шеренгу, съ промежутками въ 1 и до $1\frac{1}{2}$ шаг., что, конечно, невыгодно.

Для полевыхъ редутовъ наиболѣе соотвѣтствующими

считаются гарнизоны отъ двухъ до трехъ ротъ, полагая составъ роты въ военное время въ 150 челов.

На черт. 3, 4, 5 и 6 представленъ редутъ на двѣ роты (300 челов.); по банкету предположено разставить 186 челов., т. е. одну роту (въ 150 челов.) и одинъ полувзводъ (примѣрно — 36 челов.); въ резервъ отдѣлены три полувзвода (всего 114 челов.). Артиллерія не помѣщена въ редутѣ, а расположена внѣ его, въ ложементахъ или батареяхъ. Это предпочитается потому, что на такомъ мѣстѣ она можетъ быть употреблена не для одной только картечной стрѣльбы по войскамъ атакующаго, но и для состязанія съ непріятельскою артиллеріей. Кромѣ того, навлекая на себя огонь противника, она можетъ облегчить положеніе гарнизона въ редутѣ, а мѣткій ея огонь по непріятельскимъ батареямъ сдѣлаетъ стрѣльбу послѣднихъ по редуту менѣе вѣрною и разрушительною.

Профиль редута — обыкновенная (табл. V, черт. 2); брустверъ, при высотѣ въ 6 фут., имѣетъ толстоту въ 10 фут.; верхняя ширина наружнаго рва — 16 фут., глубина — $4\frac{1}{2}$ фута. Внутренняя выемка сдѣлана въ видѣ траншейнаго эполемента, съ насыпью ко внутренности редута. У передняго фаса редута, неподверженнаго тыльному огню противника, внутренняя выемка сдѣлана безъ тыльнаго бруствера, съ полого-срѣзанною заднею отлогостью. Черт. 3 и 6.

Траверсъ передъ выходомъ замѣненъ продолженнымъ участкомъ внутренняго рва съ тыльнымъ брустверомъ.

Устройство (весьма простое) мостика черезъ наружный ровъ и загражденіе выхода въ ожиданіи штурма показаны на черт. 3 и 5. На краю наружнаго рва редута, обращенномъ въ поле, насыпанъ гласисъ, высотою въ $2\frac{1}{2}$ фута.

Такое устройство редута, обезпечивая своевременное открытіе огня по атакующему, въ то же время служитъ болѣе вѣрнымъ залогомъ для успѣшнаго отбитія штурма. И дѣйствительно, войска, назначенныя для занятія банкетовъ, на время усиленнаго артиллерійскаго огня по редуту, остаются противъ своихъ мѣстъ, будучи прикрыты въ траншейныхъ эполементахъ; при появленіи же непріятельской пѣхоты, гарнизонъ мгновенно можетъ открыть огонь.

По линіи огня редута [1]), бокъ котораго имѣетъ въ длину 35 шаг. ($11\frac{2}{3}$ саж.), число рабочихъ вычислено въ 320 челов., причемъ двѣ шеренги (228 челов.) полагается поставить на наружный ровъ (одну — по эскарпу и

[1]) Въ зависимости отъ даннаго гарнизона.

Табл. X. одну—по контръ-эскарпу; послѣдняя, послѣ насыпки гласиса, обращается на брустверъ) и двѣ шеренги (92 чел.) — на внутренній ровъ; изъ нихъ одна насыпаетъ брустверъ эполемента, другая — выбрасываетъ землю на брустверъ редута. Изъ внутренней выемки рабочіе переходятъ впослѣдствіи также на брустверъ.

Для окончанія постройки означеннымъ выше числомъ рабочихъ, потребуется 4 часа времени, предполагая при этомъ произвести работу двумя смѣнами.

Постройка редутовъ замедляется одновременною насыпкой большаго числа исходящихъ угловъ, потому что эта работа сложнѣе, а слѣдовательно и продолжительнѣе насыпки такой же длины прямаго участка фаса.

Сравненіе редутовъ съ открытыми укрѣпленіями.

Значеніе редутовъ и укрѣпленій открытыхъ опредѣляется сравненіемъ этихъ построекъ между собою.

Въ редутахъ войска продолжаютъ дѣйствовать даже и въ то время, когда непріятель совсѣмъ окружилъ ихъ; въ открытыхъ же укрѣпленіяхъ—это невозможно.

При упорной оборонѣ (своевременномъ открытіи сильнаго огня со всѣхъ атакованныхъ фасовъ), штурмъ редута легко можетъ быть отбитъ, а тѣмъ самымъ подкрѣпленію изъ резерва дано будетъ время подоспѣть на помощь и свѣжими силами окончательно опрокинуть непріятеля, конечно при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Изъ этого же слѣдуетъ, что редуты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ оказать большую пользу, въ особенности при употребленіи ихъ одновременно съ открытыми укрѣпленіями. И дѣйствительно, при расположеніи однихъ только послѣднихъ укрѣпленій, непріятель, минутною удачей въ какомъ нибудь мѣстѣ, можетъ разъединить и привести въ безпорядокъ всю боевую линію. Если же, вмѣстѣ съ открытыми укрѣпленіями, расположены и редуты, то такая скорая удача менѣе вѣроятна, потому что прорвавшійся непріятель, поражаемый огнемъ съ редутовъ во флангъ и тылъ, скорѣе будетъ остановленъ, а это дастъ время свѣжимъ войскамъ подойти и поправить дѣло. Кромѣ того, редуты передаютъ больше войска въ ближайшее непосредственное распоряженіе начальника отряда, такъ какъ дозволяютъ держать резервъ болѣе совокупно и на болѣе удаленномъ разстояніи.

Итакъ, на основаніи сказаннаго выше, можно вывести заключеніе, что для наивыгоднѣйшаго усиленія позиціи слѣдуетъ располагать на ней одновременно и редуты и открытыя укрѣпленія.

Въ зависимости отъ мѣстности, редуты могутъ быть располагаемы или въ первой линіи, вмѣстѣ съ открытыми

укрѣпленіями [1]), или же во второй, позади этихъ послѣднихъ, и тогда редуты должны находиться на такомъ разстояніи отъ первой линіи, чтобъ изъ нихъ удобно было обстрѣливать внутренность передовыхъ укрѣпленій ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Послѣднее расположеніе особенно выгодно, потому что заставляетъ атакующаго предпринимать два штурма: первый — на боевую линію съ открытыми укрѣпленіями, второй — на редуты, и, кромѣ того, огонь редутовъ, останавливая войска атакующаго, уже болѣе или менѣе разстроенныя, позволяетъ своимъ войскамъ, отступившимъ за укрѣпленія, устроиться и опять перейти въ наступленіе.

ГЛАВА IV.

ЗАКЛЮЧЕНІЯ О ГОРИЗОНТНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЯХЪ. ПРИМѢРЪ ИСКУССТВЕННАГО УСИЛЕНІЯ ПОЗИЦІИ ПОМОЩЬЮ ПОСПѢШНЫХЪ ПОЛЕВЫХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.

Заключенія о горизонтныхъ укрѣпленіяхъ.

Относительно употребленія и устройства горизонтныхъ укрѣпленій въ полѣ, изъ сказаннаго выше выводятся слѣдующія общія правила:

1) Полевыя горизонтныя укрѣпленія располагаются на выгоднѣйшихъ пунктахъ позиціи [2]), для сильнаго фланкированія подступовъ къ смежнымъ частямъ боевой линіи.

2) Они составляютъ опорные пункты боеваго расположенія войскъ на позиціи, около которыхъ сосредочиваются войска для отраженія непріятеля и удержанія этихъ пунктовъ во что бы то ни стало.

3) Нѣсколько горизонтныхъ укрѣпленій, смотря по мѣстности, могутъ быть совокупно расположены или въ одну линію, или же въ двѣ. Въ послѣднемъ случаѣ укрѣпленія второй линіи строются такъ, чтобъ изъ нихъ была видна внутренность передовыхъ укрѣпленій, для обстрѣливанія ея.

4) Совокупное расположеніе горизонтныхъ укрѣпленій усиливается одновременнымъ употребленіемъ и открытыхъ и сомкнутыхъ. При этомъ, располагая ихъ въ двѣ линіи, во второй съ особенною выгодой могутъ быть построены сомкнутыя укрѣпленія (редуты); если же въ одну,—то редуты помѣщаютъ обыкновенно на флангахъ позиціи.

---

[1]) Преимущественно на флангахъ.

[2]) Обыкновенно болѣе или менѣе возвышенныхъ и командующихъ окружающею мѣстностью.

Табл. XI. 5) Разстояніе между двумя смежными горизонтными укрѣпленіями, обстрѣливающими подступы къ промежуточнымъ частямъ боеваго расположенія, опредѣляется двойнымъ дѣйствительнымъ ружейнымъ выстрѣломъ, и бываетъ около 600 шаг. [1]).

6) Атакуя расположеніе войскъ, усиленное такимъ образомъ горизонтными укрѣпленіями, и желая утвердиться на этой позиціи, непріятель бываетъ принужденъ завладѣть одною, а иногда и нѣсколькими подобными постройками.

7) Для подготовленія атаки, противникъ обыкновенно сосредоточиваетъ по укрѣпленію сильный артиллерійскій огонь, съ цѣлью по возможности ослабить и разстроить гарнизонъ, чтобы затѣмъ двинуть на штурмъ свою пѣхоту съ большею вѣроятностью успѣха.

8) Вѣрнѣйшимъ залогомъ для успѣшнаго отбитія штурма служитъ своевременное открытіе огня съ атакованнаго укрѣпленія, причемъ начало наиболѣе дѣйствительнаго огня есть 300 шаг.

9) Имѣя въ виду болѣе надежное прикрытіе людей на время усиленнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи по укрѣпленію, а также и необходимость мгновеннаго, по возможности, открытія огня въ рѣшительную минуту, — должно:

а) Брустверу горизонтнаго укрѣпленія дать толстоту, непробиваемую снарядами полевой артиллеріи (отъ 8 до 14 фут.).

б) На краю наружнаго рва насыпать гласисъ, для прикрытія нижней части бруствера и для затрудненія вѣрнаго прицѣливанія непріятельскихъ орудій.

в) Вдоль подошвы банкета устроить внутренній ровъ (глубиною въ 3 фута), съ цѣлью увеличить прикрытіе (6 фут.), доставляемое брустверомъ.

Внутренній ровъ дѣлается такой ширины, чтобы въ немъ можно было поставить, кромѣ войскъ, назначенныхъ для банкетовъ, еще и придвинутыя части резерва. Этотъ ровъ располагается по возможности ближе къ брустверу, для чего ограничиваются крайне необходимою шириною банкета. Въ открытыхъ укрѣпленіяхъ задняя отлогость внутренняго рва срѣзывается полого. Въ редутахъ внутренній ровъ располагается въ видѣ траншейнаго эполемента, съ брустверомъ, обращеннымъ ко внутренности редута.

---

[1]) Большее или меньшее отступленіе отъ этого правила, *въ зависимости отъ мѣстности*, не только не воспрещается, но напротивъ того, требуется.

Наконецъ г) для сбереженія людей во время усиленной артиллерійской канонады, большую часть гарнизона открытыхъ укрѣпленій должно смыкать къ исходящему углу, или къ переднему фасу, какъ къ мѣстамъ менѣе опаснымъ, а остальныхъ людей (преимущественно съ оконечностей фасовъ или фланковъ)—выводить въ ровъ, или въ нарочно приготовленный по близости (вправо или влѣво отъ укрѣпленія) траншейный эполементъ.

Въ редутахъ, гдѣ внутренній ровъ имѣетъ видъ и назначеніе траншейнаго эполемента, люди остаются на своихъ мѣстахъ, противъ назначенныхъ имъ частей банкета.

10) Горизонтныя полевыя укрѣпленія, обращая свой огонь вправо и влѣво, для обстрѣливанія подступовъ къ смежнымъ частямъ боевой линіи, образуютъ къ сторонѣ непріятеля исходящіе углы съ слабо-обороненными секторами, по которымъ обыкновенно и направляются войска атакующаго. Для обороны этихъ секторовъ не слѣдуетъ полагаться только на обязательную поддержку смежныхъ укрѣпленій или войскъ, открыто расположенныхъ, а необходимо, по мѣрѣ средствъ, отдѣльно усилить самостоятельную оборону каждаго горизонтнаго укрѣпленія.

11) Расположенія артиллеріи вмѣстѣ съ пѣхотою въ горизонтномъ укрѣпленіи, безъ того тѣснымъ, должно по возможности избѣгать. Артиллерія, будучи поставлена внѣ укрѣпленія, въ особо-приготовленныхъ ложементахъ или батареяхъ, преимущественно для дѣйствія черезъ банкъ, можетъ облегчить положеніе гарнизона, разстраивая непріятельскую артиллерію, или привлекая на себя часть ея огня. Большой обстрѣлъ, которымъ пользуются орудія при дѣйствіи черезъ банкъ, дозволяетъ имъ, впослѣдствіи, обратиться и противъ двинутой въ атаку пѣхоты.

12) Устанавливая артиллерію внѣ укрѣпленія, за траншейными прикрытіями, для дѣйствія черезъ банкъ, необходимо устраивать по сторонамъ орудій ложементные ровики для прислуги.

13) Для поспѣшной постройки горизонтныхъ укрѣпленій, глубина наружнаго рва не должна быть больше 5 фут., причемъ на каждаго рабочаго полагается выемки, съ выкидкою земли, 35 куб. фут. въ часъ. Въ зависимости отъ 5-футов. глубины рва, высота контръ-эскарпа съ гласисомъ выходитъ отъ 7 до 8 фут.

14) Поспѣшность постройки полеваго горизонтнаго укрѣпленія значительно увеличивается расположеніемъ

Таб. XI. внутренняго рва, дозволяющаго дѣлать насыпку бруствера съ двухъ сторонъ.

15) Большая часть полевыхъ горизонтныхъ укрѣпленій, въ среднемъ грунтѣ, можетъ быть окончена въ промежутокъ времени отъ 3 до 4 час., и лишь работа горизонтной батареи и редута идетъ медленнѣе, поэтому, въ случаяхъ спѣшныхъ, полезно производить ее двумя смѣнами рабочихъ.

16) Число рабочихъ, назначаемыхъ для постройки горизонтныхъ укрѣпленій, не совпадаетъ, какъ въ укрѣпленіяхъ траншейныхъ, съ числомъ людей, размѣщаемыхъ на банкетъ:—рабочихъ требуется больше.

17) Приказывая построить укрѣпленіе, начальникъ отряда назначаетъ или число рабочихъ, или число обороняющихся. Офицеръ, которому это поручается, долженъ сдѣлать простое вычисленіе, съ цѣлью опредѣлить: въ первомъ случаѣ—величину укрѣпленія (длину линіи огня), во второмъ—необходимое число рабочихъ, считая въ томъ и другомъ случаѣ на каждый шагъ линіи огня по 2 челов. рабочихъ [1]).

18) При расположеніи горизонтныхъ укрѣпленій вообще, *низкая для нихъ профиль* и легкій *траншейный характеръ самой постройки* обусловливаются современнымъ состояніемъ какъ артиллеріи, такъ и тактики.

Примѣръ искусственнаго усиленія позиціи помощью поспѣшн. полев. укрѣпленій.

Для примѣра, на чертежѣ, табл. XI, показано совокупное расположеніе на мѣстности нѣкоторыхъ видовъ траншейныхъ и горизонтныхъ полевыхъ укрѣпленій (или окоповъ); чертежъ этотъ, сверхъ того, даетъ понятіе объ общихъ распоряженіяхъ начальника отряда для искусственнаго усиленія позиціи.

---

[1]) См. ниже—«Опредѣленіе числа рабочихъ», отд. II, гл. 2.

ОТДѢЛЪ II.

ПОСТРОЙКА УКРѢПЛЕНІЙ.

ГЛАВА I.

РАБОЧІЙ ИНСТРУМЕНТЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ ДЛЯ САПЕРНЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ПОЛѢ. НАЗНАЧЕНІЕ И КОЛИЧЕСТВО ИНСТРУМЕНТА, НЕОБХОДИМАГО ПРИ РАЗЛИЧНЫХЪ РАБОТАХЪ. МАТЕРІАЛЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ ПРИ САПЕРНЫХЪ РАБОТАХЪ ВЪ ПОЛѢ. РУБКА ДЕРЕВЬЕВЪ; ЗАГОТОВЛЕНІЕ ФАШИНЪ, ТУРОВЪ, ПЛЕТНЯ И ДЕРНА.

Рабочій инструментъ, табл. XII, черт. 10—23, и табл. XIII, черт. 1—9.

Табл. XII и XIII.

При возведеніи укрѣпленій въ полѣ употребляется слѣдующій рабочій инструментъ:

1) *для земляныхъ работъ*—лопаты, кирки, мотыги, кирки съ мотыгою, ломы, трасировочные шнуры, размѣрныя ленты, отвѣсы, ватерпасы, ножи, рѣзаки, обрѣзы и трамбовки;

2) *для заготовленія различныхъ матеріаловъ и вообще для плотничныхъ работъ*—колотушки, топоры, пилы продольныя, поперечныя, лучковыя и ручныя, долота, буравчики, коловороты, молотки, и проч.

Назначеніе инструментовъ.

Каждый изъ поименованныхъ выше инструментовъ имѣетъ свое особое назначеніе, именно:

лопата, табл. XII, черт. 10,—для вырыванія земли;

кирка, черт.—11, для земляныхъ работъ въ твердомъ грунтѣ;

мотыга, черт. 12, — для земляныхъ работъ въ глинистомъ грунтѣ;

кирка съ мотыгою, табл. XIII, черт. 1,—для работъ въ скалистомъ грунтѣ;

ломъ, табл. XII, черт. 13,—для выворачиванія изъ земли камней;

ножъ, черт. 14,—для рубки и очистки хвороста;

рѣзакъ, черт. 15,—для рѣзанія дерна;

обрѣзъ, черт. 16,—для обрѣзыванія дерна при одѣваніи крутостей;

трасировочный шнуръ, черт. 17, и размѣрная лента,

Табл. XII и XIII. черт. 18,—для употребленія при разбивкѣ укрѣпленій и измѣренія разстояній;

отвѣсъ, черт. 19,—для опредѣленія вертикальной линіи;

ватерпасъ, черт. 20,—для опредѣленія горизонтальнаго положенія;

трамбовка, черт. 21,—для уколачиванія земли;

колотушка, черт. 22,—для осаживанія хворостинъ при плетеніи туровъ и изготовленіи плетня;

топоръ, черт. 23,—для рубки хвороста, деревьевъ, обдѣлки лѣса, и проч.;

пила продольная, табл. XIII, черт. 2,—для распилки бревенъ по длинѣ ихъ на доски;

пила поперечная, черт. 3, — для распилки бревенъ и разныхъ крупныхъ деревянныхъ частей поперекъ;

пила лучковая, черт. 4, — для распилки небольшихъ деревянныхъ частей и фашинъ;

пила одноручная, черт. 5,—для самыхъ мелкихъ подѣлокъ при работахъ;

долото, черт. 6,—для выдалбливанія подъ шипы гнѣздъ;

буравчикъ, черт. 7,—для просверливанія малыхъ дыръ;

молотокъ, черт. 8,—для вбиванія гвоздей и нагелей;

коловороты, черт. 9,—для просверливанія большихъ дыръ.

Количество инструмента, необходимое при различныхъ работахъ.

Числомъ людей, назначенныхъ на какую-либо работу, опредѣляется количество инструмента, потребное для ея выполненія; родъ же инструментовъ зависитъ отъ того, какая именно имѣется въ виду работа, а также — отъ качества грунта.

Вообще полагается:

а) *При земляныхъ работахъ* — въ легкомъ или песчаномъ грунтѣ употреблять однѣ только лопаты; въ обыкновенномъ—снабжать $^{3}/_{4}$ людей лопатами, а остальную ($^{1}/_{4}$) часть рабочихъ—кирками; при среднемъ—выдавать $^{2}/_{3}$ лопатъ и $^{1}/_{3}$ кирокъ и мотыгъ; наконецъ, при твердомъ грунтѣ, когда лопата уже не забираетъ, — $^{1}/_{2}$ или даже $^{2}/_{3}$ кирокъ или мотыгъ и $^{1}/_{2}$ или $^{1}/_{3}$ лопатъ, а также, если понадобится, нѣсколько ломовъ, для выворачиванія изъ земли камней, и топоровъ, для разрубанія корней.

б) *Для рубки деревьевъ*—каждое отдѣленіе въ 5 чел. рабочихъ снабжать пятью топорами и двумя поперечными пилами.

в) *На рубку хвороста*—отдѣленію въ 10 челов. выдавать 3 топора и 7 ножей.

г) *При вязкѣ фашинъ*—на отдѣленіе въ 6 челов. имѣть по два ножа, одному топору, одному футовику и по двѣ веревочныя стяжки (6-футов.).

д) *Для сплетенія одного тура*—снабжать трехъ рабочихъ топоромъ, двумя ножами, однимъ шнуромъ и одною колотушкой.

е) *На изготовленіе плетня*—отдѣленію въ 4 челов. отпускать два топора, два ножа, одну лопату и двѣ колотушки.

ж) *Для заготовленія дерна*—на каждое отдѣленіе въ 3 человѣка имѣть: 1 рѣзакъ, съ прикрѣпленною къ его концу веревкой, 1 топоръ, 3 лопаты, трасировочный шнуръ, колья и носилки.

Примѣчаніе.—Что касается общаго количества носимаго шанцоваго инструмента, имѣющагося въ нашихъ войскахъ, то вопросъ этотъ у насъ, такъ же какъ и въ другихъ Европейскихъ арміяхъ, еще не разрѣшенъ окончательно. Однако нѣтъ сомнѣнія, что усовершенствованное огнестрѣльное оружіе, а вслѣдствіе этого и большая важность, какую пріобрѣтаютъ теперь летучія прикрытія для войскъ въ полѣ, должны привести къ значительному увеличенію количества этого инструмента [1]).

Общее количество инструмента, которое предполагается имѣть въ вашихъ войскахъ, показано въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ.

ТАБЛИЦА I [2]).

ВЪ ВОЙСКАХЪ АРМІИ.

	Лопатъ.	Топоровъ.	Кирокъ.	Мотыгъ.	Ломовъ.	ИТОГО.
Въ войскахъ арміи полагается содержать инструментъ двухъ категорій:						
1-й категоріи (образца принятаго въ инженерныхъ войскахъ).						
а) Для линейной и стрѣлковой пѣхоты, на каждую роту	10	10	3	3	1	27
б) Для легкой и тяжелой кавалеріи, а также и драгунъ, на каждый эскадронъ	8	8	—	—	—	16
в) Для пѣшей и конной артил. на кажд. 9-ф. бат.	16	16	4	4	2	42
» » » 4- » »	16	16	4	4	2	42
г) Для каждаго артил. парка	16	16	4	4	2	42
д) » » летучаго »	16	16	4	4	2	42
е) » » коннаго »	16	16	4	4	2	42
2-й категоріи (облегченнаго образца).						
На каждый пѣхотный полкъ	300	—	—	100	—	400

[1]) Такъ, напр., въ Австріи, по послѣднимъ извѣстіямъ, всю пѣхоту наполовину (т. е. въ строю черезъ одного человѣка) предположено снабдить легкими лопатами.

[2]) Показанное въ таблицѣ новое распредѣленіе шанцоваго инструмента арміи принято заключеніемъ Военнаго Совѣта отъ 23 сентября 1870 г. и Высочайше утверждено 3 октября 1870 г.

ТАБЛИЦА II.

ВЪ ИНЖЕНЕРНЫХЪ ВОЙСКАХЪ.

	Носимаго.					Возимаго.							ВСЕГО.
							Топоровъ.						
	Лопатъ.	Топоровъ.	Кирокъ.	Мотыгъ.	Ломовъ.	Лопатъ.	Больш.	Мал.	Кирокъ.	Мотыгъ.	Кирокъ съ мотыгами.	Ломовъ.	
Въ каждомъ изъ дѣйствующихъ саперныхъ баталіоновъ. . .	412	284	40	80	16	264	100	52	62	62	90	16	1,478
Въ каждомъ изъ 2 Кавказскихъ саперныхъ баталіоновъ.	412	284	40	80	16	—	—	—	—	—	—	—	832
Въ каждомъ изъ 4 понтонныхъ баталіоновъ.	252	140	20	40	8	64	52	24	—	—	—	16	616
Въ каждомъ изъ 2 полевыхъ парковъ. . . .	1,648	1,136	160	320	64	5,000	1,000	400	400	400	1,200	32	11,760
Въ каждомъ изъ 2 осадныхъ парковъ. . . .	—	—	—	—	—	6,000	1,500	500	—	—	2,000	200	10,200

Табл. XIV.

Заготовленіе матеріаловъ.

Матеріалы, употребляемые при саперныхъ работахъ въ полѣ.

При саперныхъ работахъ въ полѣ употребляется лѣсъ, камень, хворостъ и дернъ.

Лѣсъ идетъ на устройство платформъ, пороховыхъ погребковъ, мостиковъ въ редутахъ, на исправленіе дорогъ и проч.; хворостъ же, дернъ и камень—для одежды крутостей укрѣпленій.

Рубка деревьевъ, черт. 1 и 2.

Деревья незначительной толщины (до 1 фута) срубаются топоромъ, а при большей ихъ толщинѣ необходима и пила.

Въ первомъ случаѣ, табл. XIV, черт. 1, дерево зарубается до половины его толщины (на 1 или $1\frac{1}{2}$ фута выше земли) съ той стороны, куда оно должно упасть; потомъ съ другой стороны (на $\frac{1}{2}$ фута выше) рубятъ де-

рево до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе своей тяжести, оно не переломится.

Во второмъ случаѣ, черт. 2, дѣлаютъ на деревѣ топоромъ по возможности глубокую зарубку, и затѣмъ, съ противоположной стороны, нѣсколько выше, пилятъ его до половины. Послѣ того, въ пропиленное мѣсто вставляютъ клинъ и вбиваютъ его до тѣхъ поръ, пока дерево не повалится.

При рубкахъ лѣса слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы:

1) деревья, при своемъ паденіи, были обращены толстымъ концомъ по направленію мѣста доставки, для избѣжанія трудныхъ поворотовъ въ лѣсу;

2) не сваливать деревья на возвышенія, въ ямы, на другія срубленныя деревья, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при паденіи, они могутъ ломаться и расщепливаться [1]).

Въ 12 час. 1 рабочій срубаетъ до 20 деревьевъ 1-футов. толщины.

Рубка хвороста, черт. 3.

Хворостъ рубится или обыкновенными топорами, или ножами, причемъ наблюдается, чтобы вѣтви назначенныхъ для того кустовъ имѣли надлежащую толщину и длину. Для удобства переноски на мѣсто производства работъ, срубленныя вѣтви складываются въ пучки, черт. 3, діаметромъ около 1 фута, и перевязываются на заднемъ концѣ крѣпко прутьями.

Самый лучшій хворостъ получается изъ ивы; затѣмъ наиболѣе пригодны для этого орѣшникъ, береза и ольха.

1 рабочій въ 12 час. можетъ нарубить около 36 пучковъ хворосту, каждый вѣсомъ около 16 фунт.

Фашины, черт. 4—9.

Вязанка хворосту изъ тонкихъ древесныхъ вѣтвей, перехваченная нѣсколькими хворостяными перевязками, называется *фашиною*, черт. 4.

Онѣ употребляются: для одежды внутренней отлогости

---

[1]) Изъ толстыхъ срубленныхъ деревьевъ устраивается иногда для непріятеля преграда, называемая *засѣкою*. Она бываетъ или мѣстная, или переносная. Для составленія мѣстной засѣки, подрубаютъ деревья на пнѣ, и, не отдѣляя отъ него, сваливаютъ ихъ крестообразно на землю, вѣтвями къ сторонѣ непріятеля. При устройствѣ же переносной засѣки, сначала очищаютъ срубленныя деревья отъ листьевъ и тонкихъ вѣтвей, заостривая въ то же время сучья и толстыя вѣтви; потомъ перетаскиваютъ деревья къ назначенному мѣсту, гдѣ и укладываютъ ихъ. При этомъ они размѣщаются или одно возлѣ другаго, или комлями на-крестъ, въ одинъ или нѣсколько рядовъ, но непремѣнно рогатинами (т. е. заостренными частями) къ сторонѣ непріятеля. Комли прикрѣпляются къ землѣ вбиваемыми въ нихъ кольями, связанными прутьями поверхъ комля.

Табл. XIV. брустверовъ; поддержанія ступеней банкетовъ въ траншеяхъ и укрѣпленіяхъ; выдѣлки потолка въ пороховыхъ погребкахъ; устройства гатей, спусковъ, и для заваливанія топкихъ и болотистыхъ мѣстъ по дорогамъ.

Смотря по назначенію, фашины дѣлаются различныхъ размѣровъ, но въ полевой войнѣ, для удобнѣйшей переноски, выгоднѣе употреблять такъ называемыя *обыкновенныя* фашины, имѣющія въ длину отъ 6 до 12 фут. и въ толщину 8—9 дюйм. [1]).

Перевязки, которыми стягиваются фашины, располагаются одна отъ другой на разстояніи 1 — 2 фут., причемъ отъ концовъ фашины онѣ отстоятъ на $^1/_2$ фута.

Черт. 5. Фашины вяжутся на станкахъ, которые составляются изъ четырехъ козелъ, размѣщаемыхъ, по прямой линіи, въ $2^1/_2$—4 фут. одинъ отъ другаго.

Черт. 6. Козелъ состоитъ изъ двухъ кольевъ, длиною въ $6^1/_2$—9 фут. и въ поперечникѣ не менѣе 2 дюйм., вбитыхъ въ землю на-крестъ. Они должны перекрещиваться на $2^1/_2$ фута выше земли, и на этой высотѣ связываютъ ихъ веревкою или хворостяными вицами. На козлы (въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкаются колья) кладется жердь, называемая *правиломъ.*

Для перевязки фашинъ выбираютъ очищенные отъ вѣтвей гибкіе прутья, длиною около 5 фут., въ поперечникѣ же—не тоньше мизинца и не толще большаго пальца.

Черт. 7. Перевязки приготовляются слѣдующимъ образомъ: рабочій, взявъ гибкій прутъ, прижимаетъ тонкій его конецъ лѣвою ногою къ землѣ; потомъ правою рукою крутитъ этотъ прутъ сверху внизъ, держа свободно толстый его конецъ въ лѣвой рукѣ [2]). Это продолжается до тѣхъ поръ, пока дерево не потеряетъ своей хрупкости и пока не получится столько крученой части прута, сколько необходимо для охвата фашины. Въ заключеніе рабочій дѣлаетъ
Черт. 8. на тонкомъ концѣ петлю, чрезъ которую могъ бы свободно проходить толстый конецъ прута.

Если прутья имѣютъ вообще малую гибкость, то употребляется другой способъ, именно: вбиваютъ въ землю
Черт. 9. на 2 фута, плотно одинъ къ другому, три кола, длиною въ 6 фут. и толщиною въ 3 дюйма; затѣмъ связываютъ ихъ, въ 6 дюйм. ниже вершины, крѣпкою веревкой; послѣ

[1]) Кромѣ обыкновенныхъ фашинъ, вяжутся иногда еще и *водяныя*, т. е. такія, во-внутрь которыхъ помѣщаютъ камни, чтобы фашины, при погруженіи въ воду, опускались на дно. Водяныя фашины употребляются для устройства гатей и вообще для заваливанія залитыхъ водою мѣстъ.

[2]) Если хворостъ не достаточно гибокъ, слѣдуетъ, передъ скручиваніемъ, распаривать прутья на огнѣ.

этого запускаютъ тонкій конецъ прута между кольями и начинаютъ крутить самый прутъ, обвивая его вмѣстѣ съ тѣмъ около кольевъ. Когда крученіе окончится, прутъ свиваютъ съ кольевъ, держа толстый конецъ въ рукахъ какъ можно крѣпче, чтобы прутъ не раскрутился, и на тонкомъ концѣ его выдѣлываютъ петлю.

Рабочіе, назначаемые для вязки фашинъ, разбиваются на отдѣленія, по 6 челов. на каждый станокъ, причемъ люди распредѣляются такъ: одинъ изъ нихъ подноситъ хворостъ; другой приготовляетъ перевязки; двое—очищаютъ хворостъ отъ листьевъ, срѣзываютъ комли прутьевъ наискось [1]) и отрубаютъ тѣ вѣтви, которыя не могутъ принять положеніе вдоль прута; наконецъ, еще двое — развѣшиваютъ по правилу, въ разстояніи 1—2 фут., готовыя перевязки и накладываютъ потомъ на нихъ хворостъ. Вязка фашинъ, черт. 10—14.

При укладкѣ хвороста, длинныя вѣтви располагаются въ перемѣшку съ короткими, и толстые концы ихъ помѣщаются къ оконечностямъ фашины, тонкіе же—къ срединѣ ея. При этомъ необходимо наблюдать, чтобы фашина имѣла надлежащую длину, а также и требуемую окружность; эта послѣдняя, по наложеніи хвороста до верха станка, вымѣряется въ нѣсколькихъ мѣстахъ веревочною стяжкой, и гдѣ окажется недостаточною — добавляютъ хвороста.

Затѣмъ приступаютъ къ перевязкѣ фашины, что производится отъ ея оконечностей къ срединѣ. Предварительно же, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны быть перевязки, фашина перетягивается веревочною или хворостяною стяжкой [2]). Для этого, обхвативъ фашину стяжкою и продѣвъ въ ея петли рычаги, приводятъ послѣдніе въ горизонтальное положеніе, и такимъ образомъ понемногу сжимаютъ фашину, причемъ, поправляя вѣтви, стараются придать ей круглую форму. (При сжиманіи, нижніе концы рычаговъ придерживаются хворостянымъ кольцомъ.) Черт. 10 и 11.

Стягиваніе фашины продолжается до тѣхъ поръ, пока она не получитъ толщину, нѣсколько меньшую противъ опредѣленной, причемъ разсчитываютъ на то, что фашина, при скрѣпленіи ея перевязками, должна немного рас-

[1]) Это дѣлается для того, чтобы плотнѣе сращивать фашины (въ случаѣ надобности), такъ какъ срѣзанные такимъ образомъ комли прутьевъ одной фашины удобнѣе входятъ въ промежутки между толстыми концами прутьевъ другой.

[2]) Стяжкою называется пеньковая или хворостяная веревка, длиною въ 6 фут., съ петлями на концахъ, служащими для продѣванія въ нихъ двухъ небольшихъ кольевъ, называемыхъ рычагами.

Табл. XIV. пуститься, потому что последнія не могутъ быть такъ хорошо сжаты, какъ стяжка.

Когда фашина достигнетъ требуемой толщины, ее обхватываютъ перевязкою, толстый конецъ которой пропускается въ петлю, и затягиваютъ перевязку, предварительно прижавъ ее ногою плотно къ фашинѣ. Потомъ, не отнимая ноги, закручиваютъ этотъ конецъ поверхъ петли, продергиваютъ его назадъ (между толстою половиной перевязки и хворостомъ фашины), и остатокъ отъ него за-

Черт. 12. пускаютъ между вѣтвями фашины.

Можно также связывать фашину и не дѣлая петлю въ

Черт. 13. перевязкѣ, а продергивая только ея концы одинъ подъ другой, нѣсколько разъ по окружности фашины.

Въ 12 рабочихъ часовъ на одномъ станкѣ можно изготовить отъ 16 до 25 обыкновенныхъ фашинъ.

Туры, черт. 14—18. *Туръ* есть бездонная круглая корзина, сплетенная изъ древесныхъ прутьевъ, черт. 14.

Туры преимущественно употребляются для одежды внутренней крутости брустверовъ, щекъ амбразуръ, боковыхъ отлогостей траверсовъ, и иногда — для устройства пороховыхъ погребковъ.

При постройкѣ полевыхъ укрѣпленій, наиболѣе выгодно употреблять туры, имѣющіе въ высоту $2^3/_4$ фута и въ поперечникѣ 2 фута, такъ какъ при этихъ размѣрахъ одинъ человѣкъ безъ затрудненія можетъ переносить туръ [1]).

Для плетенія туровъ употребляется хворостъ всѣхъ древесныхъ породъ, толщиною въ тонкомъ концѣ отъ 1 до $1^1/_4$ дюйма; но при этомъ выбираютъ наиболѣе прямыя, длинныя и гибкія хворостины, чтобы выплетенный изъ нихъ туръ имѣлъ какъ можно болѣе правильную форму.

Туры плетутся слѣдующимъ образомъ:

Выбравъ на поверхности земли ровное мѣсто, утверждаютъ на немъ, отвѣсно, колъ, съ привязанною къ нему веревкой, служащею для очерчиванія круга, который имѣлъ бы въ діаметрѣ 2 фута [2]), черт. 15. По окружности круга (или обруча) вбиваютъ отъ 8 до 10 кольевъ (преимущественно—8), длиною каждый въ 3 фута и толщиною въ $1^1/_2$ дюйма. Колья вбиваются въ землю на $^1/_2$ фута, отвѣсно и въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. За-

[1]) При нѣкоторыхъ работахъ, какъ, напр., для стѣнъ пороховыхъ погребковъ, туры выплетаются высотою въ 4 фута и въ поперечникѣ 3 фута.

[2]) Часто же, вмѣсто этого, просто кладутъ на землю обручъ такой окружности, какую долженъ имѣть туръ.

тѣмъ, верхніе концы ихъ привязываются бичевкою къ обручу, черт. 18, чтобы во время работы колья не могли выйти изъ отвѣснаго положенія. Собственно плетеніе тура начинается снизу и притомъ сразу тремя прутьями. Для этого просовываютъ одновременно толстые концы прутьевъ, черт. 16, за три рядомъ стоящіе кола, и, нажавъ плотно первый прутъ къ колу и къ землѣ, обводятъ его снаружи первыхъ двухъ кольевъ за третій, вовнутрь тура, черт. 17; второй и третій прутья проводятъ одинъ послѣ другаго такимъ же образомъ, обхватывая три слѣдующихъ кола (два—снаружи, одинъ изнутри), такъ что всѣ три прута будутъ переплетаться между собою. Когда длина прута окажется недостаточною для того, чтобъ обхватить снаружи два кола, наставляется новый прутъ, наблюдая, чтобы комель былъ непремѣнно внутри тура. По мѣрѣ плетенія, вѣнцы осаживаются колотушкой, чтобъ они плотнѣе прилегали одинъ къ другому. Сплетя туръ до половины, снимаютъ обручъ съ верхнихъ концовъ кольевъ, и потомъ, не доводя плетенія на 1 или $1\frac{1}{2}$ дюйма отъ ихъ верхушекъ, нѣсколько верхнихъ вѣнцовъ привязываютъ къ кольямъ хворостяными перевязками, закрѣпляемыми изнутри тура [1]). Затѣмъ туръ готовъ; остается только закрѣпить перевязками нижніе вѣнцы и снова заострить затупившіеся концы кольевъ, для чего туръ нѣсколько раскачиваютъ, снимаютъ съ мѣста, оборачиваютъ его, и доканчиваютъ работу.

Туры плетутся обыкновенно тремя рабочими; изъ нихъ двое подносятъ хворостины, очищаютъ ихъ отъ листьевъ и отростковъ, а третій—плететъ.

Въ 12 рабочихъ часовъ отдѣленіе изъ 3 челов. выплетаетъ отъ 10 до 12 туровъ.

Плетень есть рядъ кольевъ, поставленныхъ въ прямой линіи и оплетенныхъ во всю свою длину, съ двухъ сторонъ, хворостомъ. Плетень, черт. 19.

Плетни преимущественно служатъ для одежды внутренней отлогости бруствера, и, кромѣ того, они могутъ быть съ пользою употреблены для заваливанія топкихъ мѣстъ.

Плетни заготовляются или отдѣльно отъ насыпки бруствера, причемъ называются *переносными*, или же одновременно съ нею, и тогда получаютъ названіе *мѣстныхъ* [2]).

---

[1]) Кромѣ того, иногда, всѣ вѣнцы также скрѣпляются между собою въ нѣсколькихъ мѣстахъ перевязками, проходящими черезъ всю высоту тура.

[2]) См. ниже — «Одежда плетнемъ» (отд. III, гл. 1).

Табл. XIV. Величина переноснаго плетня зависитъ отъ цѣли, для которой онъ назначается. Вообще этого рода плетень дѣлается высотою около 5 фут. и длиною въ 1 саж.; при большихъ же размѣрахъ плетеніе, переноска и установка плетня бываютъ неудобны.

Для изготовленія переноснаго плетня, берутъ 8 кольевъ (высотою въ 6—7 фут. и толщиною въ 2 дюйма): заостривъ нижніе ихъ концы, вколачиваютъ колья въ землю на $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута, въ прямой линіи и въ разстояніи одинъ отъ другаго на 1 футъ; потомъ сплетаютъ колья гибкими хворостинами, употребляя для этого или одну, или двѣ вѣтви.

При плетеніи въ одну вѣтвь, толстый конецъ хворостины закладываютъ за колъ и обхватываютъ затѣмъ вѣтвью попеременно то съ одной, то съ другой стороны. Дойдя такимъ образомъ до тонкаго конца хворостины, наставляютъ къ нему новую вѣтвь, причемъ комель закладывается за колъ [1]).

Для плетенія же въ двѣ вѣтви, засовываютъ обѣ одновременно за два рядомъ стоящіе кола и каждою изъ нихъ, поочереди, обхватываютъ съ разныхъ сторонъ два слѣдующіе кола, такъ что вѣтви при этомъ перекрещиваются, а два вѣнца составятъ одно цѣлое. Чтобы придать плетню большую крѣпость, привязываютъ нѣкоторые вѣнцы къ кольямъ измочаленными прутьями; сверхъ того, каждый разъ послѣ нѣсколькихъ вѣнцовъ, осаживаютъ ихъ колотушкою или обухомъ топора.

Когда плетень оконченъ, его снимаютъ съ мѣста, гдѣ производилась работа, и ставятъ у крутости бруствера, съ надлежащимъ наклономъ. Послѣ того углубляютъ колотушками плетневые колья въ землю, до нижнихъ вѣнцовъ, и затѣмъ, вдоль плетня, вбиваютъ плотно къ нему толстые колья такой длины, чтобы, по углубленіи ихъ въ землю на 3 фута, верхушки кольевъ приходились вровень съ плетнемъ. Колья эти, черезъ каждый футъ высоты, скрѣпляются съ кольями плетня хворостяными перевязками.

Впрочемъ, для одежды крутостей плетнемъ предпочитается выводить его одновременно съ возведеніемъ укрѣпленій, т. е. употреблять мѣстный плетень.

Приготовленіе плетня производятся отдѣленіемъ изъ трехъ рабочихъ, причемъ двое подносятъ и очищаютъ хворостъ, а одинъ—плететъ. Одно отдѣленіе въ 4 рабо-

---

[1]) Недостатокъ такого плетенія состоитъ въ томъ, что вѣнцы лежатъ безъ всякой связи между собою.

чихъ часа выплетаетъ изъ готоваго хвороста около 1 квадр. саж. плетня.

Дерномъ называется четыреугольная пластина земли, вырѣзанная съ травою на скошенномъ лугу. Дернъ. Табл. XII. черт. 1.

Дернины имѣютъ слѣдующіе размѣры: въ длину—$1\frac{1}{2}$ фута, въ ширину—1 футъ, а въ толщину — отъ 3 до 6 дюйм.

Дернъ употребляется на одежду внутренней отлогости бруствера и щекъ амбразуръ (иногда).

Чтобы нарѣзать дернъ, по пространству луга, назначеннаго для этой цѣли, обозначаютъ шнуромъ, въ одну сторону, параллельныя линіи, на разстояніи одна отъ другой въ $1\frac{1}{2}$ фута, и затѣмъ, двое или трое рабочихъ проводятъ по этимъ линіямъ рѣзакомъ борозды, отъ которыхъ, въ свою очередь, перпендикулярно и черезъ каждый одинъ футъ, прорѣзываются новыя борозды.

Для проведенія бороздъ, одинъ человѣкъ, держа рукоятку рѣзака, нажимаетъ его ногою, пока онъ углубится на 6 дюйм. въ землю; тогда одинъ или двое рабочихъ тащатъ рѣзакъ впередъ, за веревку. Послѣ этого, дернины отдѣляются отъ грунта лопатами.

Въ случаѣ недостатка въ рѣзакахъ, можно нарѣзывать дернъ топорами, или обыкновенными лопатами; но работа этимъ способомъ будетъ нѣсколько медленнѣе.

Дернъ переносится или на носилкахъ, или же, за неимѣніемъ ихъ, просто на рукахъ; но при этомъ онъ легко переламывается.

Въ 12 рабочихъ часовъ отдѣленіе изъ трехъ человѣкъ нарѣзываетъ и поднимаетъ (безъ относки) 900 — 1,200 дернинъ.

ГЛАВА II.

Табл. XV.

ИСЧИСЛЕНІЕ НАСЫПИ И ВЫЕМКИ ПРИ УСТРОЙСТВѢ УКРѢПЛЕНІЙ. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВРЕМЕНИ ДЛЯ НАСЫПКИ УКРѢПЛЕНІЯ. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ЧИСЛА РАБОЧИХЪ, НЕОБХОДИМЫХЪ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ УКРѢПЛЕНІЯ ВЪ КОРОТКІЙ СРОКЪ.

Площадь профили бруствера, выраженная въ квадрат. футахъ, состоитъ изъ: Исчисленіе насыпи и выемки при постройкѣ укрѣпленій, черт. 1.

треугольника I $= \frac{5}{2} \times 5 = 12{,}5$ квадр. фут.

трапеціи II $= \frac{(5 + 6)9}{2} = 49{,}5$ » »

трапеціи III $= \frac{(6 + 1{,}5)2}{2} = 7{,}5$ » »

Табл. XV. квадрата IV $= 2{,}5 \times 1{,}5 = 3{,}75$ квадр. фут.

треугольника V $= \frac{1,5}{2} \times 1{,}5 = 1{,}12$ » »

Всего . . . . 74,37 квадр. фут.

Гласисъ $= 9 \times \frac{2,5}{2} = 11{,}2$ квадр. фут.

Итого площадь профили насыпи равна 85,57 квадр. фут.

Такъ какъ вынутая земля занимаетъ большій объемъ, то площадь профилей рвовъ на $^1/_{10}$ менѣе площадей профилей насыпей. Слѣдовательно, для профилей рвовъ придется около 77 квадр. фут.

Профиль внутренняго рва заключаетъ:

площадь VI = около 5 квадр. фут.;

квадратъ VII $= 3 \times 4$ 12 квадр. фут.;

треугольникъ VIII $= \frac{6 \times 3}{2} = 9$ » »

Итого площадь внутренняго рва = 26 квадр. фут.

Вычитая 26 изъ 77, для профили наружнаго рва получимъ 51 квадр. фут. Такъ какъ глубина рва дѣлается въ 5 фут. (см. «Горизонтныя укрѣпленія»), и кромѣ того извѣстно, что заложеніе эскарпа равно высотѣ, заложеніе контръ-эскарпа—половинной высотѣ, то въ наружномъ рвѣ будетъ:

треугольникъ IX $= \frac{5 \times 5}{2} = 12{,}5$ квадр. фут.

треугольникъ X $= \frac{5 \times 2,5}{2} = 6{,}25$ » »

Всего . . . . . 18,75 квадр. фут.

Вычитая 18,75 изъ 51, получимъ 32,25 квадр. фут. Раздѣляя на 5, для ширины подошвы рва получимъ почти 6,5 фута; верхняя же ширина рва будетъ: $5 + 6{,}5 + 2{,}5 = 14$ фут.

Опредѣленіе времени для насыпки укрѣпленія, черт. 1.

Срокъ для насыпки укрѣпленія опредѣляется временемъ, потребнымъ на выемку однимъ человѣкомъ участка передняго рва, потому что всѣ остальныя работы производятся одновременно особыми людьми.

Объемъ земли, который долженъ вынуть и выбросить одинъ человѣкъ изъ рва, найдется, если половину площади рва умножимъ на 2 шага, или на 4,6 фута [1]).

Площадь же рва $= \frac{14 \times 6,5}{2} \times 5 = 51{,}2$ квадр. фут.

---

[1]) Ниже будетъ сказано, что на участокъ въ 2 шага по длинѣ рва становятся двое рабочихъ: одинъ—у эскарпа, другой—у контръ-эскарпа.

Умножая половину этого количества на 4,6, получимъ: $\frac{51,2}{2} \times 4,6 = 117,7$ куб. фут.

Но такъ какъ одинъ человѣкъ, въ слабомъ грунтѣ, работая только лопатою, выкапываетъ и выбрасываетъ въ 1 часъ 35 куб. фут., то 117,7 куб. фут. могутъ быть вынуты и выброшены въ 3,3 часа. (117,7 : 35 = 3,3), т. е. вся работа будетъ окончена въ теченіе 3 час. 18 мин.

Такимъ образомъ, чтобъ опредѣлить время, необходимое для насыпки укрѣпленій при другихъ грунтахъ, стоитъ только 117,7 куб. фут. раздѣлить на число, показывающее сколько кубическихъ футъ земли вынимается и выбрасывается, въ данномъ грунтѣ, однимъ человѣкомъ въ 1 часъ.

Опредѣленіе числа рабочихъ, необходимыхъ для постройки укрѣпленій въ короткій срокъ, черт. 1—5.

Прежде чѣмъ приступимъ къ опредѣленію числа рабочихъ, потребныхъ для постройки укрѣпленій въ короткій срокъ, замѣтимъ слѣдующее [1]):

1) Для скорѣйшей постройки полевыхъ укрѣпленій, наиболѣе выгодно разставлять рабочихъ въ четыре шеренги: двѣ изъ нихъ—для выемки земли изъ наружнаго рва, другія же двѣ—изъ внутренняго. При этомъ люди каждой шеренги стоятъ другъ отъ друга на шагъ дистанціи. Такимъ образомъ на каждаго человѣка по длинѣ рва придется участокъ въ 2 шага, такъ какъ обыкновенно считается, что самъ человѣкъ занимаетъ мѣсто въ 1 шагъ.

Слѣдовательно, четыре человѣка станутъ на двухъ шагахъ линіи огня, или, другими словами,—*на каждый шагъ линіи огня приходится два человѣка.*

Черт. 3, 4 и 5.

2) Что же касается исходящихъ угловъ, то для нихъ потребуются добавочные люди, по разсчету, показанному въ слѣдующей таблицѣ.

Исходящій уголъ.	Прибавляется на наружный ровъ.	Отнимается на внутренній ровъ.	Итого прибавляется рабочихъ.
60°	32	16	16
90°	20	10	10
120°	12	6	6

[1]) Здѣсь не будетъ говорено объ опредѣленіи числа рабочихъ для траншейныхъ укрѣпленій, такъ какъ эти послѣднія

Табл. XV. Углы промежуточные, ненаходящіеся въ этой таблицѣ, подводятся подъ одинъ изъ означенныхъ въ ней; напр., для угла въ 70° можно принять цифры, показанныя выше для угла въ 60°, также—уголъ въ 100° подводится подъ уголъ въ 90°, и т. д.

3) Для насыпки барбета требуется 10 челов., кромѣ того, для этой же цѣли употребляются люди, остающіеся отъ внутренняго рва, невырываемаго на мѣстѣ расположенія барбета.

4) Для насыпки траверса, на одежду крутостей и проч. полагаются особые рабочіе [1]).

Примѣръ 1-й.—Требуется построить флешь на 100 челов.; исходящій уголъ ея—въ 70°. Сколько надо рабочихъ?

Чтобъ опредѣлить длину линіи огня, число рядовъ (50) слѣдуетъ умножить на цифру, означающую протяженіе, занимаемое по банкету однимъ рядомъ, т. е. на 1½ шага, тогда получимъ 75 шаг. Далѣе, для постройки укрѣпленія, на каждый шагъ линіи огня полагается 2 челов., слѣдовательно на 75 шаг. линіи огня—150 челов., кромѣ того, на исходящій уголъ въ 70° необходимо 16 челов. Поэтому, для постройки такой флеши надо располагать 166 челов. рабочихъ.

Примѣръ 2-й.—Построить люнетъ о двухъ исходящихъ углахъ (одинъ уголъ прямой, другой—тупой) на 120 челов. Сколько потребуется рабочихъ?

Какъ и въ предъидущемъ примѣрѣ, умножая число рядовъ на 1½, найдемъ, что длина линіи огня будетъ равна 90 шаг. Но такъ какъ на каждый шагъ длины этой линіи, для постройки полагается по 2 челов. (или всего 180 рабочихъ), на исходящіе же углы—16 челов., то общее число рабочихъ, необходимыхъ для насыпки требуемаго люнета, выйдетъ въ 196 челов.

Примѣръ 3-й.—Сколько нужно имѣть рабочихъ для постройки четыреугольнаго редута на 450 челов.? Отдѣливъ ⅓ (150 челов.) въ резервъ, останется 150 рядовъ; умноживъ 150 на 1½, длину линіи огня получимъ въ 225 шаг. Полагая же по 2 челов. рабочихъ на каждый шагъ и прибавляя 40 челов. на четыре прямые угла, найдемъ искомое число рабочихъ, именно—490 челов.

строются тѣмъ же числомъ людей, какое назначено для ихъ занятія (см. «Траншейныя укрѣпленія»). На постройку же горизонтныхъ укрѣпленій, какъ увидимъ ниже, всегда требуется болѣе людей.

[1]) См. «Одежды крутостей» (отд. III, гл. 1).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что для постройки горизонтныхъ укрѣпленій требуется всегда болѣе людей, чѣмъ сколько назначено для ихъ обороны.

Завѣдующему работою приходится иногда, *по дан,ому числу рабочихъ, опредѣлять длину линіи огня*, ил ... нѣе, если будутъ даны рабочіе, то слѣдуетъ рѣшить, на какое число людей можно построить укрѣпленіе [1]).

Въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ: вычитаютъ сперва изъ даннаго числа рабочихъ число людей, причитающееся на исходящіе углы; потомъ дѣлятъ найденную разность на 2, и полученное частное выразитъ длину линіи огня (въ шагахъ).

Примѣръ 1-й.—Пусть даны для работы 3 роты (450 челов.); опредѣлить длину линіи огня люнета.

На 3 тупые исходящіе угла потребно 18 челов.; вычитая это число изъ 450, останется 432, раздѣливъ же 432 на 2, получимъ 216 шаг., что и будетъ искомою длиной линіи огня.

Число людей гарнизона, или количество рядовъ, въ этомъ случаѣ опредѣлится такъ: (216 шаг.: $1^1/_2$ шага) 2 шеренги=(216×4): 3=288 челов., или 144 ряда.

Примѣръ 2-й.—На постройку флеши дана рота (150 чел.); найдти длину линіи огня.

Отдѣливъ на исходящій уголъ 16 челов. и раздѣливъ 134 на 2, получимъ требуемую длину линіи огня, именно—67 шаг.

Количество же гарнизона равно: (67 : $1^1/_2$) 2=(268 : 3)= 89 челов., или 45 рядовъ.

ГЛАВА III.

Табл. XV.

РАЗБИВКА УКРѢПЛЕНІЙ НА МѢСТНОСТИ. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РАБОЧИХЪ ПО ВЫЕМКѢ И НАСЫПИ, И ПОРЯДОКЪ ПРОИЗВОДСТВА РАБОТЪ ПРИ ПОСТРОЙКѢ УКРѢПЛЕНІЙ.

При разбивкѣ укрѣпленій можетъ быть два случая: 1) когда имѣются въ распоряженіи колья и шнуръ,—и 2) когда нѣтъ подъ рукою названныхъ предметовъ. (Разбивка укрѣпленій, черт. 6 и 7.)

Первый случай.— Провѣшиваютъ на мѣстности линію огня, причемъ въ исходящихъ углахъ, а также при оконечности фасовъ и фланковъ, ставятъ колья (высота которыхъ надъ поверхностью земли должна быть равна высотѣ бруствера). Затѣмъ, отъ этихъ кольевъ откладыва- (Черт. 6.)

---

[1]) Конечно въ самый короткій срокъ.

Табл. XV. ютъ, по перпендикулярному направленію къ фасамъ и фланкамъ, внаружу и во-внутрь, предѣлы выемокъ и насыпи. Въ полученныя такимъ образомъ точки вколачиваютъ по колышку, и, протянувъ шнуръ, между соотвѣтствующими колышками пробиваютъ борозды, до взаимнаго пересѣченія ихъ на капиталяхъ. Этими бороздами опредѣляются предѣлы выемокъ и насыпи.

Для того же, чтобы нагляднѣе опредѣлить положеніе плоскостей возводимой насыпи, полезно на соотвѣтственныхъ мѣстахъ угловъ укрѣпленія вбивать колья, имѣющіе надъ поверхностью земли высоту, одинаковую съ высотою наружной отлогости бруствера и банкета. Вершины такихъ кольевъ, соединенныя планками или шнурами, и покажутъ направленіе упомянутыхъ выше плоскостей. Устройство такой угловой профильной рейки видно изъ черт. 7.

Барбеты, амбразуры и траверсы разбиваются такъ, какъ о томъ сказано при описаніи ихъ.

Второй случай. — Для обозначенія линіи огня, становятъ при углахъ укрѣпленій по два унтеръ-офицера, а на концахъ фасовъ и фланковъ—по одному, всѣ лицомъ въ поле. Для опредѣленія же предѣловъ выемки и насыпи, противъ этихъ унтеръ-офицеровъ становятся другіе, лицомъ къ нимъ. Между унтеръ-офицерами выравниваются рабочіе, которые вынимаютъ лопатами (или кирками) по линіи носковъ борозды. Этимъ и оканчивается разбивка.

Распредѣленіе рабочихъ по выемкѣ и насыпи.

Для скорѣйшаго размѣщенія рабочихъ [1]) на мѣста, поступаютъ слѣдующимъ образомъ:

Разставляютъ людей по линіи огня каждаго фаса развернутымъ строемъ [2]), лицомъ въ поле, и командуютъ: «*ряды вздвой*». Затѣмъ, двѣ переднія шеренги идутъ прямо передъ собою, для выемки наружнаго рва, и останавливаются: одна—у эскарпа, другая — у контръ-эскарпа: двѣ же заднія—назначаются для выемки внутренняго рва

Разстоянія между людьми въ шеренгахъ (послѣ команды: «ряды вздвой») какъ-разъ будутъ соотвѣтствовать длинѣ участковъ [3]).

На исходящіе углы, барбеты и т. д. наряжаются особые рабочіе.

---

[1]) Передъ работой люди составляютъ ружья и снимаютъ аммуницію и ранцы.

[2]) При этомъ необходимо наблюдать, чтобы люди во фронтѣ не тѣснились, а стояли свободно, такъ чтобы на каждаго человѣка приходилось мѣсто въ 1 шагъ.

[3]) Какъ уже сказано выше, длина участка каждаго рабочаго вдоль линіи огня—2 шага.

1-й періодъ.—Первая шеренга людей, стоящая у контръ-эскарпа, вынимая землю, бросаетъ ее къ сторонѣ поля, для образованія гласиса, черт. 8; вторая же шеренга рабочихъ, находящаяся близъ эскарпа, выкидываетъ вынутую землю на бруствeръ. Для того, чтобы при производствѣ выемки земли не зарываться въ эскарпъ и контръ-эскарпъ, отрывку рва начинаютъ отвѣсно, въ нѣкоторомъ разстояніи (около одного шага) отъ гребня эскарпа и контръ-эскарпа. Углубившись до пояса, оставляютъ уступъ и продолжаютъ рыть глубже.

Порядокъ производства работъ при постройкѣ укрѣпленій, черт. 8 и 9.

Люди третьей и четвертой шеренгъ бросаютъ землю, вынутую изъ внутренняго рва, на бруствeръ.

2-й періодъ. — Когда гласисъ насыпанъ, черт. 9, люди первой шеренги начинаютъ бросать землю уже на бруствeръ, а люди четвертой шеренги, перейдя въ это время на послѣдній, разравниваютъ и утрамбовываютъ на немъ землю. Люди же второй и третьей шеренгъ продолжаютъ свое дѣло какъ и въ первомъ періодѣ. По окончаніи выемки, срѣзываются уступы во рву.

Для насыпки барбета, землю берутъ частью изъ внутренняго, частью—изъ наружнаго рва, причемъ изъ послѣдняго земля сначала выбрасывается на бруствeръ, а потомъ перекидывается рабочими до мѣста назначенія [1]).

Когда работа производится вблизи непріятеля, ее обезпечиваютъ прикрытіемъ: передъ укрѣпленіемъ разставляется цѣпь съ резервами и по близости, кромѣ того, располагаются сомкнутыя пѣхотныя части. Въ случаѣ внезапнаго нападенія во время насыпки укрѣпленія, рабочіе, взявъ ружья, могутъ съ выгодою воспользоваться, для обороны, неоконченнымъ еще окопомъ, имѣя въ большей части случаевъ готовый ложементъ позади гласиса.

Цѣпь, отстрѣливаясь, отступаетъ вправо и влѣво за укрѣпленіе, а рабочіе открываютъ изъ-за гласиса огонь залпами, и, разстроивъ этимъ непріятеля, могутъ, перейдя въ наступленіе, ударить въ штыки.

---

[1]) О распредѣленіи инструмента между рабочими, сообразно грунту, сказано выше (см. гл. 1-ю этого отдѣла).

ОТДѢЛЪ III.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ УКРѢПЛЕНІЙ.

ГЛАВА I.

ОДЕЖДА КРУТОСТЕЙ ДЕРНОМЪ, ХВОРОСТОМЪ, ФАШИНАМИ, ПЛЕТНЕМЪ, ТУРАМИ, БУЛЫЖНЫМЪ КАМНЕМЪ. ЗАКЛЮЧЕНІЕ О РАЗЛИЧНАГО РОДА ОДЕЖДАХЪ.

Табл. XVI.

Части полевыхъ укрѣпленій, поддерживаемыя иногда одеждами, слѣдующія: 1) внутренняя отлогость бруствера, 2) щеки амбразуръ, 3) ступени банкета и 4) боковыя отлогости траверсовъ.

Всѣ эти отлогости одѣваются для того, чтобъ онѣ не осыпались и чтобы не отнимали слишкомъ много мѣста у внутренняго пространства укрѣпленія.

Такъ какъ одежды должны быть прочно связаны съ землею насыпи, то въ большей части случаевъ онѣ дѣлаются одновременно съ возведеніемъ послѣдней.

Одежда внутренней отлогости бруствера, табл. XVI, черт. 1—11.

Одежда дерномъ, черт. 1—3.

При одѣваніи дерномъ, онъ укладывается горизонтальными рядами, по мѣрѣ насыпки земли, травою внизъ (исключая самого верхняго ряда), чтобы удобнѣе было срѣзывать верхнія стороны [1]) дернинъ, для подведенія каждаго ряда подъ одну плоскость. Первый рядъ дерна помѣщается въ ровикѣ, глубиною въ 2 дюйма; каждая дернина укладывается вдоль отлогости то длиною, то короткою стороной (т. е. логомъ и тычкомъ), и приколачивается тремя или четырьмя колышками—*спицами*. Вто-

---

[1]) Дернина, послѣ срѣзыванія ея, будетъ имѣть толщину до 3 дюймовъ.

рой рядъ, подавая его въ насыпь сообразно съ наклономъ крутости, кладется точно также, но приэтомъ обращаютъ вниманіе на переплетъ швовъ, т. е. наблюдаютъ, чтобы надъ тычкомъ лежалъ логъ, и обратно. Всѣ другіе дяды возводятся такимъ же образомъ, только въ послѣднемъ (верхномъ), какъ уже сказано, дернины обращаются травою внаружу.

Передъ положеніемъ на мѣсто, въ двухъ смежныхъ дернинахъ слѣдуетъ тщательнѣе обрѣзывать бока (если они неровны), которые должны соприкасаться одинъ съ другимъ. По мѣрѣ производства работы, къ сторонамъ дернинъ, обращеннымъ къ насыпи, присыпаютъ землю и при этомъ утрамбовываютъ ее (отдѣльно въ каждомъ ряду). Наружные бока дернинъ обрѣзываются острою лопатой, сообразно съ профилью, по шнуру, натянутому вдоль отлогости.

На каждую погонную сажень внутренней отлогости бруствера идеть 156 дернинъ и 468 спицъ.

Рабочіе для одѣванія отлогости дерномъ разбиваются на отдѣленія, въ каждомъ по 4 челов.; изъ нихъ двое укладываютъ дернины и присыпаютъ къ одеждѣ землю, двое же другихъ—подаютъ дернъ и заготовляютъ спицы.

Отдѣленію (4 челов.) назначается одѣть отлогость на протяженіи $3\frac{1}{2}$ погон. саж., причемъ работа должна быть окончена въ 3—4 часа времени.

Инструмента на эту работу требуется: 1 обрѣзъ, 1 дерновой ножъ, 1 желѣзная лопата, 1 колотушка, 1 топоръ, шнуръ длиною въ $3\frac{1}{2}$ саж., и трамбовка.

Одежда хворостомъ, черт. 4.

Для производства этого рода одежды, по внутренней отлогости бруствера вколачиваются колья, фута $1\frac{1}{2}$ въ землю, съ наклономъ къ насыпи немного большимъ профильнаго. Разстояніе между кольями—1 футъ, а высота ихъ равна высотѣ бруствера. Наверху они соединяются прямою жердью, а съ насыпью—зацѣпами съ анкерами [1]). Хворостъ накладывается за колья, по мѣрѣ, возведенія насыпи, слоями отъ 4 до 6 дюйм. Иногда, вмѣсто хвороста, можно употреблять пучки соломы или доски.

Отдѣленію изъ 6 челов. въ теченіе 2 — 3 час. полагается одѣть хворостомъ отъ 5 до 7 погон. саж.

Одежда фашинами, черт. 5.

Фашины, которыми одѣвается внутренняя отлогость бруствера, имѣютъ въ длину 9 фут., въ толщину 9—дюйм. Сама одежда производится горизонтальными рядами. Въ нижнемъ ряду фашины помѣщаются, вдоль отлогости, въ

[1]) См. ниже—Одежда плетнемъ.

Табл. XVI. ½-футов. ровикѣ и приколачиваются колышками, длиною въ 2—2½ фута.

Второй рядъ укрѣпляется также кольями, но такъ, чтобы не задѣть фишинъ перваго ряда. Въ третьемъ и дальнѣйшихъ рядахъ, для связи съ брустверомъ, на фашины надѣваютъ хворостяной зацѣпъ (длиною отъ 2 до 4 фут.), по одному на каждые 4—6 фут. длины; другой конецъ этого зацѣпа прикрѣпляютъ на колъ, или анкеръ (длиною отъ 3 до 4 фут.), вбитый въ возводимую насыпь [1]).

Всѣ фашины кладутся узлами перевязокъ къ насыпи и въ каждомъ ряду сращиваются [2]) между собою, причемъ наблюдается, чтобы сростки фашинъ одного ряда приходились въ переплетъ со сростками фашинъ смежныхъ рядовъ, для чего каждый четный рядъ начинаютъ съ полуфашинъ, т. е. распиленныхъ. Подъ внутреннимъ отверстіемъ амбразуры слѣдуетъ укладывать фашины срединою ихъ, а не сросткомъ. Земля подсыпается къ фашинамъ по мѣрѣ возведенія бруствера.

Одѣваніе начинается вообще съ исходящихъ угловъ; но если бы пришлось начать эту работу съ оконечностей фасовъ или фланковъ, то концы фашинъ, приходящіеся къ исходящимъ угламъ,—углубляются въ насыпь, ко входящимъ же—спиливаются.

На каждые 18 фут. длины внутренней отлогости бруствера, для одѣванія ея фишинами, потребно 6 челов., а чтобъ одѣть ее на ту же длину и въ высоту на 3½ фута отъ поверхности банкета, необходимо имѣть 12

---

[1]) Вообще при закрѣпленіи одежды кольями и анкерами, надо придерживаться правила, чтобъ они входили въ насыпь далѣе плоскости натуральнаго откоса; при этомъ тѣ изъ нихъ, которые удерживаютъ верхню часть одежды, должны быть длиннѣе нижнихъ. Чтобы получить плоскость натуральнаго откоса, слѣдуетъ изъ точки пересѣченія внутренней отлогости бруствера съ банкетомъ (основаніе одежды) провести линію подъ угломъ въ 45° къ отвѣсной, проходящей черезъ ту же точку.

[2]) Сращиваніе, или соединеніе фашинъ, состоитъ въ томъ, что концы прутьевъ одной изъ нихъ запускаются въ промежутки между оконечностями прутьевъ другой. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: поднявъ нѣсколько концы двухъ смежныхъ фашинъ, сближаютъ ихъ между собою, и тогда, крѣпко удерживая фашины на мѣстѣ, опускаютъ приподнятыя оконечности ихъ, черезъ что прутья одной фашины заходятъ за прутья другой, а рабочій, ударяя по опускаемымъ частямъ какимъ-либо деревяннымъ отрубкомъ, способствуетъ тѣмъ соединенію фашинъ.

фашинъ (9-футов.) [1]), причемъ придется остальную часть внутренней отлогости бруствера (1 футъ) дополнить землею. Одежда можетъ быть окончена въ $1\frac{1}{4}$ часа времени.

Люди, назначенные для производства фашинной одежды, распредѣляются въ каждомъ отдѣленіи такъ: двое укладываютъ фашины, двое—закрѣпляютъ ихъ кольями, и еще двое—подносятъ фашины и присыпаютъ къ нимъ землю, утрамбовывая ее. Инструмента при этомъ полагается: 2 топора, 1 фашинный ножъ, 1 ручная пила.

На всякую фашину, длиною въ 9 или 12 фут., полагается 4 кола, изъ которыхъ два малые (отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ фут. длиною и въ $1\frac{1}{2}$ дюйма толщиною)—для прибивки, и два большіе (въ 3 — 4 фут. длиною и въ 3 дюйма толщиною)—для зацѣповъ; послѣднихъ нужно имѣть столько же, сколько большихъ кольевъ.

Одежда мѣстнымъ плетнемъ, черт. 6 и 7.

Одежда эта дѣлается, во время насыпки бруствера, слѣдующимъ образомъ:

Разставляютъ колья на 1 футъ одинъ отъ другаго и затѣмъ вбиваютъ ихъ въ землю, на $1\frac{1}{2}$ фута, съ наклономъ къ брустверу нѣсколько болѣе наклоненія крутости. Вершины этихъ кольевъ соединяются прямою жердью; сами же колья, начиная снизу, постепенно оплетаются вѣтвями. По мѣрѣ возведенія плетня, присыпаютъ къ нему землю бруствера и уколачиваютъ ее. Собственно плетеніе производится такъ же, какъ и переноснаго плетня (см. отд. II, гл. 1).

Для лучшаго укрѣпленія плетня на мѣстѣ, употребляютъ хворостяные зацѣпы, длиною отъ 2 до 4 фут. Приготовленіе этихъ зацѣповъ сходно съ тѣмъ, какъ изготовляются перевязки фашинъ.

Когда плетень возведенъ до $\frac{1}{3}$ высоты одежды, на его колья, черезъ одинъ, надѣваются зацѣпы, другой конецъ которыхъ привязывается къ анкеру, или колу, вбитому въ насыпь. Затѣмъ, поднявшись одеждою еще на $\frac{1}{3}$ ея высоты, надѣваютъ зацѣпы съ анкерами и на промежуточные колья.

Верхніе вѣнцы плетня привязываются къ его кольямъ, а верхушки послѣднихъ спиливаются.

Работа при производствѣ одежды плетнемъ, на каждую погонную сажень линіи огня, раздѣляется между четырьмя человѣками, составляющими отдѣленіе: одинъ рабочій подаетъ хворостъ, другой—плететъ, а двое—присыпаютъ къ плетню землю, уколачиваютъ ее и укрѣпляютъ одежду анкерами съ зацѣпами.

---

[1]) Надо замѣтить здѣсь, что фашина занимаетъ въ дѣлѣ около $\frac{4}{5}$ своей толщины.

Табл. XVI. Инструмента нужно на каждое отдѣленіе: 2 топора, 2 фашинныхъ ножа, 2 колотушки и 1 лопату. Одно отдѣленіе въ 12 час. одѣваетъ плетнемъ до 12 квадр. саж. крутости.

Одежда турами, черт. 8—11. Туры (высотою въ $2^{3}/_{4}$ фута и въ поперечникѣ 2 фута) устанавливаются или непосредственно на мѣстный горизонтъ вдоль предполагаемой линіи огня укрѣпленія, черт. 11, или же, по насыпкѣ бруствера до высоты банкета, 8 и 10, — на площадку, выровненную перпендикулярно къ отлогости бруствера. Въ обоихъ случаяхъ турамъ дается надлежащій наклонъ, соотвѣтственный отлогости бруствера, для чего иногда подъ сторону тура, обращенную къ банкету, подкладываютъ фашины, черт. 9.

Туры устанавливаются заостренными концами кольевъ вверхъ и наполняются землей одновременно съ насыпкою бруствера. Они удерживаются на мѣстѣ своею тяжестью, иногда же, по насыпкѣ ихъ, приколачиваются наискось къ брустверу или горизонту длинными кольями.

На туры насаживаютъ плотно три фашины (изъ нихъ двѣ—въ одинъ рядъ, а третью—сверху), что вмѣстѣ съ высотою тура составитъ $4^{1}/_{2}$ фута, т. е. грудную высоту.

Фашины не сращиваются одна съ другою, и стыки пригоняются преимущественно между турами. Это дѣлается для того, чтобы попавшій въ фашину снарядъ опрокинулъ по возможности менѣе туровъ и чтобъ исправленіе могло быть произведено удобнѣе.

Если не имѣется фашинъ, то поверхъ тура насыпаютъ землю ($1^{3}/_{4}$ фута), съ требуемымъ откосомъ до полной профили. (Черт. 10.)

При установкѣ туровъ непосредственно на мѣстный горизонтъ, они располагаются въ два ряда, причемъ верхній рядъ образуетъ уступъ, какъ показано на черт. 11. Въ этомъ случаѣ банкетъ долженъ быть присыпанъ передъ установкою туровъ втораго ряда. Поверхъ этого ряда туровъ насыпается земля до полной профили, съ натуральнымъ откосомъ.

Для производства туровой одежды особыхъ рабочихъ не назначаютъ, а пользуются для этого людьми, которые строютъ укрѣпленіе.

Одежда булыжнымъ камнемъ. Булыжнымъ камнемъ (на-сухо, безъ извести) отлогости одѣваются слѣдующимъ образомъ: для лучшей устойчивости, начинаютъ кладку камня съ горизонта земли или даже углубляютъ возводимую стѣнку на 1 футъ въ землю; камни каждаго ряда укладываются на ихъ широкую сторону, причемъ наблюдаютъ, чтобы надъ швомъ двухъ камней нижняго ряда приходился камень верхняго ряда

срединою. Стѣнкѣ, для большей устойчивости ея, даютъ толстоту въ два камня.

Вертикальные и горизонтальные швы заполняются къ лицевой сторонѣ щебнемъ и мхомъ (если имѣется подъ рукою).

Къ каждому ряду камней присыпаютъ землю бруствера и плотно ее утрамбовываютъ. Одежду не доводятъ до гребня бруствера фута на $1\frac{1}{2}$ или 2, чтобы непріятельскіе снаряды не попадали въ камень, такъ какъ въ противномъ случаѣ откалываемые ими осколки камней могли бы поражать внутренность укрѣпленія.

Самая прочная и удобная изъ всѣхъ одеждъ, безъ сомнѣнія, туровая. Она возводится скорѣе, прочнѣе держится на мѣстѣ, легче исправляется и примѣнима при всякомъ грунтѣ.

Одежда дерномъ можетъ быть употреблена только тамъ, гдѣ по близости имѣется хорошій лугъ.

Одежда булыжнымъ камнемъ употребляется въ мѣстностяхъ, богатыхъ этимъ матеріаломъ, и гдѣ, напротивъ, оказывается недостатокъ въ хворостѣ, кольяхъ и дернѣ.

Если имѣющійся хворостъ крупенъ и негибокъ, т. е. такой, которой неудобенъ для плетенія туровъ, а между тѣмъ можно располагать временемъ, достаточнымъ для приготовленія фашинъ, — въ такомъ случаѣ съ выгодою можетъ быть примѣнена фашинная одежда. Если же нѣтъ времени для приготовленія туровъ, или дерна, и имѣется подъ рукою хворостъ, то одѣваютъ крутости или плетнемъ (когда хворостъ тонокъ и изъ гибкихъ породъ), или же просто хворостомъ, засунутымъ за колья (когда онъ негибкій). Эта послѣдняя одежда, по простотѣ своей, наиболѣе примѣнима при спѣшной постройкѣ укрѣпленій въ полѣ.

Остальныя описанныя выше одежды могутъ быть употреблены только при достаточномъ времени и имѣющихся матеріалахъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ легкихъ поспѣшныхъ полевыхъ укрѣпленіяхъ, по не достатку времени на заготовленіе матеріаловъ, амбразуры и другія части укрѣпленій чаще всего не одѣваются.

ГЛАВА II.

Табл. XVI. НАСЫПКА БАРБЕТОВЪ И БАНКЕТОВЪ, ПРОРѢЗКА АМБРАЗУРЪ, УСТРОЙСТВО ТРАВЕРСОВЪ, СЪ ОДЕЖДОЮ ИХЪ РАЗЛИЧНЫМИ МАТЕРІАЛАМИ. НАСТИЛКА ПЛАТФОРМЪ И УСТРОЙСТВО ПОГРЕБКОВЪ ДЛЯ ЗАРЯДОВЪ.

Барбетъ.

Черт. 12 и 13. Для стрѣльбы поверхъ бруствера, орудія въ укрѣпленіяхъ [1]) помѣщаются на барбетахъ.

Барбетъ, устраиваемый въ исходящетъ углу укрѣпленія, черт. 12, долженъ имѣть протяженіе во всѣ стороны отъ угла: для 4-фунт. пушки—18 фут., а для 9-фут.—23 фута [2]). Въ острыхъ и прямыхъ углахъ (см. табл. VI) дѣлается отрѣзъ въ 9 фут., чтобы дуло орудія доходило до внутренней отлогости [3]) и пороховые газы не ударяли въ уголъ и не разрушали его. Длина отрѣза въ 9 фут., хотя болѣе протяженія, занимаемаго въ ширину лафетомъ (6 фут. 2 дюйма), принята для болѣе удобнаго помѣщенія прислуги.

Для опредѣленія длины барбета, по линіи огня, отъ пересѣченія внутренней отлогости бруствера съ отрѣзомъ, отсчитываютъ: для 4-фунт. пушки—18 фут. (8 шаг.), и для 9-фунт. 23 фута (10 шаг.). Если же хотятъ помѣстить нѣсколько орудій, то на каждое изъ нихъ прибавляютъ по 2 саж. (6 шаг.).

Черт. 13. При расположеніи барбета на фасѣ укрѣпленія, ширина барбета (на одно орудіе) по линіи огня бываетъ 2 саж. (6 шаг.), длина же—какъ при барбетахъ въ исходящемъ углу, т. е. 18 или 23 фута.

Превышеніе гребня бруствера надъ барбетомъ — 3 фута [4]).

---

[1]) Преимущественно въ исходящихъ углахъ, имѣя при этомъ въ виду обстрѣливаніе необороненнаго сектора.

[2]) Длина 4-фунт. орудія съ лафетомъ (отъ начала дула до конца откинутаго правила)—12 фут. 2,5 дюйма, а 9-фунт. — 13 фут. 1,5 дюйма. Длина же лафета съ откатомъ по горизонтальной неутрамбованной земляной площадкѣ: 4-фунт. пушки—17 фут., а 9-фунт.—23 фута.

[3]) Дуло 9-фунт. пушки выходитъ изъ-за колесъ на 2 фута; дуло же 4-фунт.—на 10 дюймовъ.

[4]) Нижняя часть дула 4-фунт. пушки, установленной на платформѣ, имѣетъ превышеніе въ 3 фута 2 дюйма, 9-фунт.—въ 3 фута 6 дюйм.

Доски, употребляемыя на платформу, толщиною въ 2 дюйма (Лежни ея врыты въ землю).

Для вкатыванія орудія на барбетъ, устраивается пологій на него въѣздъ, называемый *аппарелью*. Ширина аппарели 9 фут. а заложеніе ея—отъ 4 до 6 разъ противъ высоты барбета. Боковымъ отлогостямъ барбетовъ и аппарелей даютъ заложеніе сообразно грунту, по возможности круче, чтобы не стѣснять внутренности укрѣпленій.

Взявъ жердь (или шнуръ), дѣлятъ ее на двѣ равныя части, по $4^1/_2$ фута въ каждой. Срединою жердь (или веревку) кладутъ по капитали и перпендикулярно къ ней (на глазъ). Потомъ подвигаютъ жердь впередъ, до тѣхъ поръ, пока она концами своими пересѣчется съ линіею огня. Точки пересѣченія будутъ означать длину и направленіе отрѣза; въ нихъ забиваютъ колья (въ высоту бруствера). Разбивка отрѣза.

Барбетъ въ исходящемъ углу разбивается слѣдующимъ образомъ: Разбивка барбетовъ. Черт. 12.

Откладываютъ шнуромъ отъ оконечностей отрѣза (или при тупомъ углѣ отъ исходящаго угла), по линіи огня, 18 или 23 фута. Затѣмъ возставляютъ къ линіи огня перпендикуляры (на глазъ). Отложивъ же по капитали также 18 фут. и возставивъ къ ней перпендикуляръ, продолжаютъ его до пересѣченія съ первыми перпендикулярами. На этихъ пересѣченіяхъ вбиваютъ колья (въ высоту барбета), а по перпендикуляру откладываютъ отъ капитали вправо и влѣво по $4^1/_2$ фута, гдѣ и вбиваютъ колья, для обозначенія аппарели. Наконецъ, отложивъ по капитали учетверенную или ушестеренную высоту барбета, возставляютъ въ этой точкѣ перпендикуляръ къ капитали и откладываютъ на немъ въ обѣ стороны по $4^1/_2$ фута, чрезъ что получится линія пересѣченія аппарели съ мѣстнымъ горизонтомъ; эту линію обозначаютъ маленькими колышками. Такимъ образомъ опредѣлятся верхнія плоскости барбета и аппарели, подъ которыя подводятъ насыпь (см. «Насыпку барбета»—отд. II, гл. 3).

Для разбивки *барбета на фасъ*, въ назначенномъ для этого мѣстѣ возставляютъ къ линіи огня два перпендикуляра (длиною каждый въ 18 или 23 фута) въ разстояніи одинъ отъ другаго на 2 саж. (для одного орудія). Въ этихъ точкахъ вбиваютъ по колу, имѣющему высоту, равную высотѣ барбета. Аппарель разбивается подобно тому какъ сказано выше, причемъ вмѣсто капитали берется перпендикуляръ, возставленный къ линіи огня изъ средины барбета. Черт. 13.

Для прикрытія артиллеристовъ отъ ружейнаго огня, ставятъ на брустверъ (если есть) туры, заостренными концами кольевъ внизъ, наполненные земляными мѣшками или просто землею. Черт. 13.

Табл. XVI.

Банкетъ.

Ширина банкета — $2^1/_3$ фута (1 арш. или 1 шагъ); заложеніе его отлогости равно полуторной высотѣ банкета. Отлогость банкета, для меньшаго стѣсненія внутренняго пространства, можно дѣлать уступами, или ступенями, одѣвая каждый уступъ (или ступень) фашинами, какъ показано на черт. 5, причемъ фашины кладутся вдоль крутости ступени, узлами во внутрь и прибиваются кольями.

Если имѣются подъ рукой земляные мѣшки, то стрѣлковъ, стоящихъ на банкетѣ, можно прикрывать такими мѣшками, располагаемыми на брустверѣ, какъ показано на черт. 13. Длина мѣшковъ — $1^3/_4$, а ширина — 1 футъ.

Амбразуры.

Черт. 14—16. *Амбразуры* бываютъ прямыя, черт. 14, и косыя, черт. 15 и 16. У первыхъ директриса [1]) перпендикулярна къ линіи огня, у вторыхъ — наклонна.

Если директриса имѣетъ наклонъ къ линіи огня не болѣе 10°, черт. 15, то косая амбразура дѣлается такъ, какъ и прямая. При большемъ же отклоненіи, черт. 16, надо сдѣлать присыпку бруствера и сломать линію огня, что дѣлается на основаніи слѣдующихъ соображеній:

Если дать косой амбразурѣ въ этомъ случаѣ (т. е. при большомъ отклоненіи) такое же устройство какъ и прямой, то:

1) уголъ, составленный одною изъ щекъ амбразуры съ внутреннею отлогостью, выйдетъ слишкомъ острый;

2) колеса лафета, имѣя положеніе непараллельное внутренней отлогости, не дозволятъ дулу орудія войти во внутреннее отверстіе амбразуры, и слѣдовательно пороховые газы будутъ дѣйствовать разрушительно на уголъ, составляемый щеками амбразуры съ внутреннею отлогостью бруствера.

Сообразно сказанному, брустверъ присыпаютъ такъ, чтобы линія огня въ участкѣ, занятомъ амбразурою, была перпендикулярна къ директрисѣ.

Длина линіи огня присыпной части дѣлается въ 15 фут., причемъ 6 фут. полагается отъ директрисы до ли-

---

[1]) Директрисою называется линія, обозначающая главное направленіе выстрѣловъ, проходящее черезъ средину амбразуры.

ніи огня прямой части бруствера [1]) и 9 фут. составляютъ остальную часть линіи огня присыпки [2]).

Внутреннее отверстіе амбразуры дѣлается шириною въ 2 фута.

Направленіе щекъ и вообще ширина наружнаго отверстія соотвѣтствуютъ величинѣ обстрѣливаемаго пространства. Орудію дается обстрѣлъ не болѣе 60°, т. е. по 30° въ каждую сторону отъ директрисы. Вообще, при назначеніи на дѣлѣ обстрѣла орудія, придерживаются правила, чтобы наружное отверстіе амбразуры не выходило болѣе верхней толстоты бруствера, что, при принятой полевой горизонтной профили, почти соотвѣтствуетъ обстрѣлу въ 60°. Во всякомъ случаѣ надо наблюдать, чтобы мерлоны [3]), по наружному гребню, были не менѣе 10—12 фут.

Подошва амбразуры ведется или горизонтально, когда требуется стрѣльба на близкія разстоянія и преимущественно картечью, или, при стрѣльбѣ на разстоянія болѣе 300 саж.,—съ возвышеніемъ къ наружной отлогости бруствера, для лучшаго прикрытія орудія. Это поднятіе подошвы амбразуры дѣлается настолько, сколько позволяетъ уголъ предполагаемаго возвышенія орудія при стрѣльбѣ. Для дѣйствія начиная съ 300 саж., подошву амбразуры у наружнаго отверстія можно возвысить на $^1/_2$ фута противъ подошвы у внутренняго.

Стулъ амбразуры, т. е превышеніе подошвы ея у внутренняго отверстія надъ горизонтомъ, должно быть въ 3 фута.

Щекамъ амбразуръ (безъ одежды) нужно стараться дать заложеніе не болѣе половины противъ высоты. Когда имѣются туры, то ими слѣдуетъ одѣть щеки амбразуръ, причемъ должно быть обращено вниманіе главнѣйшимъ образомъ на усиленія угловъ щекъ у внутренняго отверстія амбразуры. Выше [4]) было уже объяснено, какимъ образомъ, поставивъ туры въ 2 яруса у внутренняго отверстія амбразуры, можно 15-ю турами усилить внутренніе ея углы. При употребляемыхъ въ настоящее время неглубокихъ амбразурахъ, туры въ щекахъ почти на $^1/_2$ своей высоты опускаются въ толщу бруствера, чрезъ что

---

[1]) $4^1/_2$ фута—для орудія съ прислугою, $1^1/_2$ фута—заложеніе внутренней отлогости бруствера.

[2]) 1 футъ — для половины ширины внутренняго отверстія амбразуры, и 8 фут. — для того, чтобы получить безопасную толщину бруствера между щекою амбразуры и линіею огня присыпки.

[3]) Часть бруствера между двумя смежными амбразурами.

[4]) См. отд. I, гл. 2.

Табл. XVI. представляютъ большее сопротивленіе непріятельскимъ снарядамъ. Туры вообще ставятся съ наклономъ къ сторонѣ мерлоновъ, причемъ площадку подъ туры дѣлаютъ перпендикулярно ихъ положенію. Съ мерлономъ туры связываются наискось кольями (длиною въ 5 фут., толщиною въ 3 дюйма), а иногда, сверхъ того, и зацѣпами съ анкерами. Фашинъ на туры отнюдь не слѣдуетъ насаживать: иначе непріятельскій снарядъ, попавъ въ одинъ туръ, выбьетъ цѣлый рядъ ихъ.

Иногда одѣваютъ не всю щеку, ставятъ только вдоль ея три или четыре тура, начиная отъ внутренней отлогости бруствера, оставляя при этомъ остальную часть щеки безъ одежды.

Для замаскированія амбразуры, у наружнаго ея отверстія часто оставляютъ невынутою толщу земли, которую или быстро сбрасываютъ лопатою передъ открытіемъ огня изъ орудія, или же эта земля можетъ быть выброшена и самимъ выстрѣломъ; но въ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы въ снарядъ была вставлена дистанціонная трубка, а не ударная, для избѣжанія преждевременнаго разрыва снаряда.

Полезно также на нѣкоторое время маскировать отъ взоровъ непріятеля не только амбразуры, но и всю батарею. Съ этою цѣлію, по гребню контръ-эскарпа, или по бермѣ, втыкаютъ свѣже-срубленныя вѣтви кустовъ, оставляя на нихъ листья.

Разбивка амбразуры и производство самой работы — различны, смотря по тому, дѣлается ли амбразура одновременно съ насыпкою бруствера, или прорѣзывается въ готовой уже насыпи.

Въ первомъ случаѣ разбиваютъ на мѣстности директрису; откладываютъ отъ нея, вправо и влѣво по линіи огня, по $4\frac{1}{2}$ фута [1]), и вбиваютъ колья. На протяженіи этихъ 9 фут. банкетъ не насыпается. Затѣмъ откладываютъ отъ директрисы, также вправо и влѣво по линіи огня, по 1 футу, и вбиваютъ колья (въ высоту стула амбразуры). Эти колья обозначаютъ внутреннее отверстіе амбразуры и высоту ея стула. Послѣ того насыпаютъ брустверъ до этой высоты. Направленіе щекъ опредѣляютъ сообразно крайнимъ выстрѣламъ, и если щеки должны имѣть одежду, ставятъ по этому направленію туры. Потомъ продолжаютъ насыпку бруствера и туровъ, укрѣпляя послѣдніе къ толщѣ насыпи кольями и анкерами (см. выше). Въ томъ же случаѣ, когда щеки не будутъ одѣты, то, по доведеніи насыпи на высоту стула амбразуры, ста-

[1]) Ширина хода орудія—4 фута 10 дюйм.

вятъ на ней, по направленію щекъ, нѣсколько кольевъ, и затѣмъ продолжаютъ насыпку бруствера только въ мерлонахъ, т. е. въ участкахъ между кольями, означающими смежныя щеки двухъ амбразуръ.

Выше было сказано, что, при отклоненіи директрисы отъ перпендикулярнаго направленія къ линіи огня болѣе чѣмъ на 10°, дѣлается къ толщѣ бруствера присыпка. Эта присыпная часть разбивается слѣдующимъ образомъ:

Провѣшиваютъ на мѣстности кольями направленіе директрисы. Потомъ, взявъ колъ (или шнуръ), длиною въ 15 фут., и раздѣливъ его на двѣ неравныя части, въ 6 и 9 фут., кладутъ этотъ колъ перпендикулярно къ директрисѣ и 6-футов. концомъ къ линіи огня; затѣмъ двигаютъ колъ по директрисѣ (перпендикулярно къ ней) до пересѣченія 6-футов. конца съ линіею огня. Положеніе кола опредѣлитъ направленіе линіи огня присыпной части бруствера (въ 15 фут.). Линію эту обозначаютъ кольями. Послѣ того отъ 9-футов. конца кола направляютъ линію огня присыпной части бруствера далѣе, параллельно внутренней щекѣ амбразуры [1]), до пересѣченія ея съ линіею огня прямой части бруствера. Все же остальное, т. е. обозначеніе внутренняго отверстія амбразуры, направленіе ея щекъ и производство работы—тѣ же, какъ и при прямой амбразурѣ. Но для избѣжанія слишкомъ большаго наружнаго отверстія, даютъ обыкновенно косой амбразурѣ меньшій обстрѣлъ, нежели прямой.

Если приходится прорѣзать амбразуру въ готовомъ брустверѣ или въ траншеѣ, возведенныхъ въ полную профиль, то поступаютъ слѣдующимъ образомъ:

Сначала пробиваютъ кольями по насыпи направленіе директрисы и щекъ амбразуры; затѣмъ срываютъ банкетъ (въ траншеѣ грунтъ) на $4\frac{1}{2}$ фута въ каждую сторону отъ директрисы, и послѣ того начинаютъ уже отрывать въ насыпи толщу земли, для амбразуры ея одежды (туровой) [2]), устанавливая, по мѣрѣ открывки, туры и прибивая ихъ къ мерлону кольями.

Прорѣзать амбразуру въ готовомъ брустверѣ, если щеки ея оставляются безъ одежды, выгоднѣе, нежели выдѣлывать амбразуру вмѣстѣ съ возведеніемъ насыпи. Это потому, что легче придать щекамъ меньшее заложеніе, т. е. сдѣлать ихъ круче.

---

[1]) Направленіе этой щеки опредѣляется крайнимъ направленіемъ выстрѣла.

[2]) Надо при этомъ замѣтить, что земли отрываютъ всегда немного болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ на толстоту тура.

Табл. XVI.

Траверсы.

Траверсы въ полевыхъ батареяхъ и другихъ укрѣпленіяхъ дѣлаются по возможности всякій разъ, когда фронтъ этихъ построекъ имѣетъ такое положеніе, что онѣ подвержены продольнымъ или косвеннымъ выстрѣламъ непріятеля, и притомъ когда боковой эполементъ, или флангъ, не обезпечиваетъ фронта укрѣпленія отъ анфиладнаго огня. Кромѣ того, траверсы располагаются и для предохраненія прислуги отъ осколковъ и штуцерныхъ пуль.

Орудіе, на всю свою длину, вмѣстѣ съ откатомъ, должно быть прикрыто траверсомъ, которому поэтому большею частью дается направленіе, параллельное директрисамъ смежныхъ амбразуръ.

Траверсы или примыкаются къ брустверу фронта, или отдѣляются отъ него, для оставленія передъ брустверомъ банкета или прохода. Послѣдній иногда перекидывается брусьями и фашинами, и такимъ образомъ получается проходная закрытая ниша.

Въ отдѣлѣ I и въ относящихся къ нему таблицахъ объяснено расположеніе и устройство траверсовъ, и приведены размѣры ихъ для углубленныхъ и горизонтныхъ батарей.

Платформы.

Табл. XII. Черт. 2—5. Платформы настилаются или при рыхломъ и болотистомъ грунтѣ, или же тогда, когда имѣется въ виду продолжительное дѣйствіе изъ орудія на одномъ мѣстѣ.

Принимая въ соображеніе величину отката 4 и 9-фунт. нарѣзныхъ орудій [1]), а также и возможность заготовлять лѣсъ для платформъ одинаковыхъ размѣровъ, принято устраивать платформы для полевыхъ орудій слѣдующимъ образомъ:

Черт. 2, 3 и 4. Противъ амбразуры, на мѣстѣ гдѣ должно стоять орудіе, дѣлаютъ присыпку съ натуральными отлогостями (шириною въ 11 фут., длиною въ 21 футъ и высотою: у задняго конца въ $1\frac{1}{2}$ фута, а у передняго, подъ стуломъ амбразуры—въ 8 дюйм.); поверхность ея выравниваютъ и крѣпко утрамбовываютъ.

Черт. 2 и 3. На этой присыпкѣ укладывается упорный брусъ *a*, длиною въ 8 фут. и толщиною въ 6 дюйм., плотно всею длиной къ внутренней отлогости бруствера и перпендикулярно къ директрисѣ амбразуры. Въ такомъ положеніи онъ утверждается по концамъ кольями, вбиваемыми

[1]) См. выше—«Барбетъ».

въ землю. Затѣмъ, перпендикулярно къ этому брусу, въ приготовленныя въ присыпкѣ углубленія, кладутся три параллельные лежня, въ разстояніи 3 фут. средина отъ средины. Лежни эти, при толстотѣ въ 8 дюйм., опускаются въ углубленія, такъ чтобы верхняя плоскость ихъ приходилась у бруствера наравнѣ съ нижней плоскостью упорнаго бруса, а нижняя ихъ плоскость касалась мѣстнаго горизонта. Лежни укрѣпляются кольями, вбиваемыми какъ по обѣ стороны ихъ, такъ и у задняго конца каждаго лежня. Они выравниваются подъ одну плоскость, для чего перпендикулярно къ нимъ кладутъ планку или правило, которое, будучи приложено въ разныхъ мѣстахъ параллельно упорному брусу, а равно и въ косвенныхъ направленіяхъ, должно касаться всѣхъ трехъ лежней. Параллельно упорному брусу настилаютъ на лежни 2-дюймов. доски, длиною въ 10 фут. и шириною около 9 дюйм. Черт. 4.

Доски прибиваются къ лежнямъ или деревянными нагелями, или гвоздями, и сверхъ того, послѣднюю доску, приходящуюся въ хвостѣ помоста, укрѣпляютъ кольями, забиваемыми за-подъ-лицо съ поверхностью платформы.

Можно также настилать платформу горизонтально; но въ такомъ случаѣ къ заднему концу ея, для 9-фунт. орудія, необходимо сдѣлать на ширину 5 фут. землянную присыпку (высотою въ 10—12 дюйм.). Черт. 5.

Пороховые погребки.

Для безопаснаго храненія зарядовъ, въ укрѣпленіяхъ, вооруженныхъ артиллеріею, слѣдуетъ устраивать или пороховые погребки, или ниши. Черт. 6—8.

Пороховые погребки устраиваютъ преимущественно въ укрѣпленіяхъ горизонтной профили, т. е. когда дается болѣе времени на постройку, и если притомъ имѣется подъ рукою необходимый матеріалъ. Когда же времени мало, а также при недостаткѣ матеріаловъ, въ толщѣ бруствера или траверсовъ выдѣлываются ниши.

Пороховые погребки бываютъ двухъ родовъ: *деревянные* и *туровые*. Какъ тѣ, такъ и другіе располагаются:

а) при горизонтной профили батарей и укрѣпленій вообще—въ оконечностяхъ эполементовъ, фланковъ или фасовъ, подъ толщею бруствера; б) при углубленныхъ батареяхъ—въ толщѣ земли по сторонамъ батареи.

Устройство погребковъ производится особо для того наряжаемыми рабочими и притомъ одновременно съ постройкою батарей.

Табл. XII. Деревянные погребки. Черт. 6

Такіе погребки устраиваются слѣдующимъ образомъ: Вырывъ яму, глубиною въ 6 фут., длиною же и шириною въ 8 фут., выравниваютъ ея дно, на которое кладутъ горизонтально лежни, а на нихъ устанавливаютъ стойки, связываемыя вверху насадками. Затѣмъ настилаютъ накатникъ, и между стѣнками ямы и стойками запускаютъ досчатую обшивку. Наконецъ, на накатникъ кладутъ фашины, которыя засыпаютъ сверху землею на толщину около 5 фут.

Устройство деревяннаго погребка подъ толщею бруствера у оконечности фланка горизонтнаго укрѣпленія показано на черт. 7. Такой погребокъ дѣлается одновременно съ постройкою укрѣпленія, причемъ однако мѣсто, занимаемое погребкомъ, засыпается только послѣ установки столбовъ и настилки накатника фашинами.

Полъ погребковъ выстилается досками.

Туровые погребки. Черт. 8.

Постройка этихъ погребковъ идетъ такъ: Выкапывается яма, длиною въ 15 и шириною въ 12 фут. Въ нее по длинѣ устанавливаются, съ небольшимъ склоненіемъ внаружу, 5 туровъ, а по ширинѣ—4. Туры, по набивкѣ землею, скрѣпляются одинъ съ другимъ кольями, вбиваемыми наискось чрезъ оба тура. Кромѣ того, для большей прочности крыши, она поддерживается стойками, утверждаемыми въ лежни и связываемыми вверху насадками. При этомъ наблюдаютъ, чтобы стойки приходились плотно къ плоскости туровъ.

Затѣмъ, вокругъ погребка, на туры кладутъ фашины, прибивая ихъ кольями; пустота же между турами и отлогостями ямы заполняется землею.

Для образованія крыши, вся поверхность погребка застилается плетнемъ, который покрывается двумя рядами на-крестъ-положенныхъ фашинъ, соединенныхъ между собою кольями. Сверху фашинной крыши дѣлается земляная насыпь, толщиною около 5 фут.

Полъ погребка выстилается досками или плетнемъ.

Ниши для храненія зарядовъ.

Черт. 9.

Ниши выдѣлываются одновременно съ возведеніемъ бруствера, слѣдующимъ образомъ:

На разстояніи 6 фут. отъ крутости ставятъ въ толщѣ насыпи 3 тура; потомъ, съ каждой стороны до крутости—по 2 тура. Туры прибиваются кольями и плотно заполняются землею. Поверхъ ихъ настилаются на-крестъ 2-дюймов. доски, а входное отверстіе закрывается досчатымъ щитомъ [1]).

[1]) Объ устройствѣ нишъ сказано также выше—въ отд. I.

ОТДѢЛЪ IV.

ПРИСПОСОБЛЕНІЕ КЪ ОБОРОНѢ МѢСТНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

ГЛАВА I.

ПРИСПОСОБЛЕНІЕ КЪ ОБОРОНѢ КАНАВЪ, ДОРОГЪ, ЖИВЫХЪ ИЗГОРОДЕЙ, ДЕРЕВЯННЫХЪ ЗАБОРОВЪ И КАМЕННЫХЪ ОГРАДЪ.

Табл. XVII.

Занимая позицію, слѣдуетъ приспособить къ оборонѣ встрѣчаемые на ней мѣстные предметы, чтобы такимъ образомъ въ наискорѣйшее время получить выгоды, представляемыя укрѣпленіями, не прибѣгая при этомъ къ постройкѣ послѣднихъ. Межевыя и дорожныя канавы, углубленныя и насыпныя дороги, живыя изгороди, заборы и проч., уже сами по себѣ доставляютъ войскамъ нѣкоторую защиту противъ непріятельскаго огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Если же есть время, то, при небольшой работѣ, всѣ эти предметы скоро и легко усиливаются и приспособляются такъ, что занимающія ихъ войска могутъ удобно обороняться, тогда какъ непріятелю становятся затруднительнѣе и атака этихъ закрытій и овладѣніе ими.

Канавы и углубленныя дороги, черт. 1 — 6.

Межевыя и дорожныя канавы. Черт. 1 и 2.

Такія канавы, даже при небольшой глубинѣ ихъ (въ 2 3 или 4 фута), могутъ служить прикрытіемъ для стрѣлковъ, ихъ резервовъ и небольшихъ сомкнутыхъ пѣхотныхъ частей. Необходимо только, для удобства стрѣльбы, немного возвысить гребень, обращенный къ сторонѣ непріятеля, или вырѣзать въ этомъ гребнѣ, на грудную высоту, болѣе крутую отлогость (стрѣлки въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ стоя на днѣ канавы). Для удобнѣйшаго же сооб-

Табл. XVII. щенія съ внутренностью канавъ, и чтобы непріятель, по овладѣніи ими, не могъ найти въ этихъ углубленіяхъ закрытія, слѣдуетъ задній откосъ ихъ срѣзать полого.

Черт. 3—5. При глубинѣ канавы болѣе грудной высоты, для удобства стрѣльбы, въ передней ея отлогости, выше дна, вырѣзаютъ приступокъ, или ступеньки для стрѣлковъ. Также, если нужно, уширяютъ дно и придаютъ заднему откосу пологій скатъ, употребляя получаемую при этомъ землю на устройство лучшаго прикрытія спереди.

Углубленныя дороги. Чтобы воспользоваться углубленною дорогой, по гребню выемки, обращенному къ непріятелю, дѣлаютъ вырѣзъ, или уступъ для стрѣлковъ, черт. 6. *а*. Кромѣ того, можно расположить позади дороги, вдоль края выемки, обращеннаго къ обороняющемуся, траншею, черт. 6. *б*, и помѣстить въ ней стрѣлковъ, причемъ углубленная дорога будетъ служить препятствіемъ непріятельскому приближенію.

Небольшія насыпи и насыпныя дороги, черт. 7 — 9.

Небольшія насыпи. На границахъ между полями, а также кругомъ лѣсовъ и садовъ, встрѣчаются иногда небольшія насыпи, которыя требуютъ для подготовленія ихъ къ оборонѣ весьма мало работы. Придется только немного утолстить ихъ и вырыть позади ровикъ. Глубина послѣдняго должна быть такая, чтобы стрѣлки, стоя на днѣ этого ровика, могли стрѣлять поверхъ насыпи и были бы въ то же время прикрыты до грудной высоты.

Насыпныя дороги и плотины. Черт. 7 и 8. Эти предметы представляютъ хорошее закрытіе для обороняющагося. При высотѣ въ 3 или 4 фута, можно изъ-за нихъ дѣйствовать ружейнымъ огнемъ, не дѣлая для этого никакихъ приспособленій. Если же насыпь дороги выше 4 фут., то по внутреннему откосу насыпи вырѣзываютъ площадку для стрѣлковъ. Для всхода на эту площадку дѣлаютъ ступеньки, а полотну дороги придаютъ требуемый скатъ — присыпкою земли, или срѣзываніемъ самаго полотна.

Подобнымъ же образомъ приспособляются къ оборонѣ
Черт. 9. узкіе гребни возвышеній мѣстности.

Живыя изгороди, черт. 10 и 11.

Густые и хорошо-поросшіе кусты, составляющіе такъ называемую живую изгородь, которою нерѣдко обносятся дворы, огороды, сады, мызы и проч., хотя не представ-
Черт. 10. ляютъ для стрѣлковъ защиты противъ непріятельскаго огня, но прикрываютъ ихъ отъ взоровъ непріятеля и та-

кимъ образомъ даютъ возможность спокойно заряжать ружье, хладнокровно прицѣливаться и вѣрнѣе стрѣлять. Еще лучшее прикрытіе представитъ такая изгородь, если, при высотѣ ея въ 4 фута, вырыть за нею ровикъ глубиною въ 2 фута, и вынутую землю присыпать къ изгороди на высоту $2^1/_2$ фут. Стрѣлки въ этомъ случаѣ становятся на дно ровика и стрѣляютъ поверхъ насыпи, чрезъ промежутки между вѣтвями изгороди, будучи ею вполнѣ закрыты отъ взоровъ непріятеля.

При очень густой изгороди будетъ затруднительно стрѣлять сквозь ея вѣтви. Поэтому, если изгородь не выше 4 фут., слѣдуетъ позади ея вырыть ровъ. Вынутая изъ него земля присыпается къ изгороди на высоту $4^1/_2$ фут., такъ чтобы наружнымъ откосомъ этой насыпи служила сама изгородь. Стрѣлкамъ придется дѣйствовать при этомъ поверхъ насыпи и изгороди, стоя на мѣстномъ горизонтѣ. Черт. 11.

Если останется время, можно вырыть небольшой ровъ и впереди изгороди, а вынутую изъ него землю выбросить пологимъ скатомъ на край рва, обращенный къ сторонѣ непріятеля. Тогда наружный ровъ затруднитъ противнику доступъ къ изгороди, а внутренній укроетъ стрѣлковъ въ то время, когда имъ не нужно будетъ стрѣлять.

Когда же, при большой густотѣ изгороди, высота ея будетъ въ 6 фут., слѣдуетъ сдѣлать присыпку какъ показано на черт. 11, а верхушку изгороди прочистить топоромъ, или загнуть верхнія вѣтви кустовъ въ насыпь.

Во всякомъ случаѣ, изгородь всегда служитъ одеждою наружной отлогости насыпи, причемъ затрудняетъ атакующему подъемъ на брустверъ и закрываетъ этотъ послѣдній отъ взоровъ непріятеля. Насыпку бруствера должно всегда производить изъ внутренняго рва: иначе пришлось бы перебрасывать землю черезъ кусты, что затруднительно.

Деревянные заборы, черт. 12 — 15.

Если деревянные заборы, или плетни, не превышаютъ $4^1/_2$ фут., то стрѣлки, стоя на горизонтѣ, могутъ дѣйствовать поверхъ этихъ предметовъ. Для лучшаго же прикрытія обороняющагося, вырывается позади забора ровикъ глубиною до 3 фут.; землю изъ ровика присыпаютъ къ забору или плетню съ внутренней стороны ихъ, и такимъ образомъ они составятъ одежду наружной отлогости этой насыпи. Чтобы затруднить непріятелю влѣзаніе на заборъ, можно выкопать впереди послѣдняго ровъ, земля изъ котораго пойдетъ частью на образованіе бруствера, частью же разбрасывается къ сторонѣ непріятеля. Иногда насыпь Черт. 12. Черт. 13.

Табл. XVII. возводится съ наружной стороны забора, причемъ впереди вырывается ровъ; но всетаки сзади забора необходимо также углубиться, чтобы люди были совсѣмъ скрыты въ то время, когда имъ не нужно стрѣлять.

При высотѣ забора болѣе $4^1/_2$ фут., въ немъ для стрѣльбы прорубаются на грудной высотѣ бойницы, въ разстояЧерт. 14. ніи $1^1/_2$ шага одна отъ другой. Для предохраненія же стрѣлковъ отъ непріятельскихъ пуль, которыя пробиваютъ заборъ насквозь, присыпается къ нему до подошвы бойницъ насыпь, причемъ землю для нея добываютъ изъ небольшаго рва, вырываемаго впереди забора. При этомъ, однако, голова и грудь стрѣлковъ будутъ подвержены пораженію сквозь заборъ. Чтобъ отстранить это, лучше сломать верхнюю часть забора до грудной высоты, и затѣмъ примкнуть къ нему, снаружи или съ внутренней стороны, земляную насыпь, какъ показано на черт. 12 и 13. Когда времени достаточно, напр., часовъ 10 или 12, то при высотѣ забора футъ въ 6 или 7, всего лучше присыпать къ нему со стороны, обращенной къ обороняющемуся, приступокъ для стрѣлковъ, а снаружи — земляную насыпь, во всю высоту забора, какъ показано на черт. 15.

Каменныя и кирпичныя ограды, черт. 16 — 19.

Оградами такого рода, толщиною фута въ $1^1/_2$, 2, $2^1/_2$, часто обносятся кладбища, церкви, дворы и т. п. Для приспособленія этихъ оградъ къ оборонѣ употребляются слѣдующіе способы:

1) Если стѣнка имѣетъ высоту въ 4 или $4^1/_2$ фута, то она можетъ быть усилена такъ, какъ показано на черт. 12 и 13.

2) Если же она не прикрываетъ стрѣлковъ по грудь, Черт. 16 и 17. т. е. имѣетъ высоту менѣе 4 фут., тогда, позади стѣнки, поверхность уступа для стрѣлковъ слѣдуетъ углубить до $4^1/_2$ фут. ниже вершины ограды, у подошвы же этого уступа вырыть ровикъ такой глубины, чтобъ онъ совершенно прикрывалъ людей. Земля, вытутая при этомъ, пойдетъ на устройство насыпи, возводимой или впереди, или позади стѣнки. Въ послѣднемъ случаѣ непріятелю будетъ труднѣе подняться на стѣнку; но чтобы представить ему еще большее препятствіе, впереди ограды вырываютъ ровъ и землю изъ него разбрасываютъ полого къ сторонѣ непріятеля.

3) При высотѣ стѣнки футъ въ 6 или 7, дѣлаютъ приЧерт. 18 и 19. способленія для стрѣльбы поверхъ нея. Съ этой цѣлью, устраиваютъ позади стѣнки приступокъ для стрѣлковъ — земляной, или деревянный. Въ послѣднемъ случаѣ идутъ

въ дѣло тѣ матеріалы, какіе найдутся подъ рукою, т. е. приступокъ можетъ быть устроенъ на обрубкахъ бревенъ, скамейкахъ, бочкахъ, козлахъ, и проч.

Кромѣ того, если для работы дано достаточно времени (часовъ 10 или 12), то слѣдуетъ такую стѣнку прикрыть снаружи земляною насыпью, со рвомъ впереди, какъ показано на черт. 15. Назначеніе этой насыпи — лучше защитить людей, стоящихъ за оградою, отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи, и предохранить ихъ въ то же время отъ пораженія осколками, отбиваемыми снарядами противника отъ каменной кладки. Располагаясь за оградой, имѣющею высоты футъ 6, 7 или 8, почти всегда придется приспособлять стѣнку для стрѣльбы поверхъ нея, потому что хотя и можно пробивать бойницы въ каменной кладкѣ, но это потребуетъ много времени и особыхъ инструментовъ, вслѣдствіе чего подобная работа весьма рѣдко можетъ быть выполнена въ полѣ.

4) Если стѣна (или заборъ) составляетъ сомкнутую ограду, то въ ней закрываются всѣ выходы, за исключеніемъ тѣхъ, которые назначены для отступленія обороняющихся войскъ. Ворота, отпирающіяся во-внутрь, укрѣпляются съ этой стороны подпорками, или же приставляютъ къ нимъ повозки, снятыя съ колесъ и наполненныя землею, камнемъ, и проч. Тѣ ворота, которыя отворяются внаружу, по снятіи ихъ съ петель, прислоняются съ внутренней стороны къ выходу и укрѣпляются оттуда же. Въ обоихъ случаяхъ полезно передъ выходомъ вырыть ровъ и вынутую изъ него землю присыпать къ воротамъ. Обрушившіяся части стѣны и всѣ отверстія, въ которыхъ не предвидится надобности, заграждаются или земляною насыпью со рвомъ впереди, или кулями, наполненными землею, а также зерномъ, или же наконецъ — повозками, нагруженными землею, навозомъ, камнемъ и проч. Отверстія или выходы, оставляемые свободными для отступленія своихъ войскъ, защищаются съ внутренней стороны ограды траншеей, которая вырывается такъ, чтобы можно было съ нея сосредоточивать огонь передъ такими отверстіями, наподобіе того какъ защищаются выходы изъ редутовъ [1]). Также, съ цѣлью обезпеченія выхода, лучше расположить траншею снаружи ограды, впереди обороняемаго отверстія, причемъ ей даютъ начертаніе въ видѣ флеши, люнета, или выпуклое, и оставляютъ въ ней проходъ для войскъ.

---

[1]) См. выше — отд. I, ч. 2, гл. 3.

Табл. XVII.

ГЛАВА II.

ПРИСПОСОБЛЕНІЕ КЪ ОБОРОНѢ СТРОЕНІЙ.

Черт. 20 — 24.

При внутренней оборонѣ деревень или мѣстечекъ, необходимо приспособить къ тому находящіяся въ нихъ строенія. Прикрываясь въ этихъ строеніяхъ отъ непріятельскаго огнестрѣльнаго дѣйствія, въ то же время пріобрѣтается возможность поражать противника мѣткимъ ружейнымъ огнемъ. Кромѣ того, когда непріятель ворвется въ улицы деревни, онъ принужденъ будетъ брать штурмомъ одинъ домъ послѣ другаго, и такимъ образомъ затруднится безпрепятственное распространеніе атакующаго по всей деревнѣ. Наконецъ, занятіе нѣкоторыхъ домовъ, вмѣстѣ съ прегражденіемъ улицъ завалами или баррикадами, удерживая напоръ противника, способствуетъ также и безпрепятственному отступленію своихъ войскъ.

1) Если до непріятельской атаки остается немного времени, напр. три, четыре или пять часовъ, то, приспособляя строеніе къ оборонѣ какой бы оно ни было постройки, прежде всего заботятся о томъ, чтобы по возможности устранить легко-загорающіеся предметы и заградить всѣ отверстія въ нижнемъ этажѣ.

Къ легко-воспламеняющимся предметамъ слѣдуетъ въ особенности отнести соломенныя, камышевыя и досчатыя крыши. Кровли эти слѣдуетъ снять, солому же и камышъ выбросить въ воду или сжечь. Если затѣмъ останется еще время, то снимаютъ стропила, причемъ весь лѣсной матеріалъ, полученный отъ разломки крыши, употребляютъ на приспособленіе къ оборонѣ внутренности дома.

Далѣе, уничтожаютъ всѣ легко-загорающіеся предметы, находящіеся по близости дома, особенно если онъ деревянный, какъ, напр., копны сѣна, солому и проч. Одновременно съ этимъ приступаютъ къ загражденію наружныхъ дверей и всѣхъ отверстій нижняго этажа, оставляя свободною только ту дверь, которая расположена въ сторонѣ, обращенной къ пути отступленія, и назначается для выхода изъ дома. Эта дверь всетаки запирается; въ ней прорубаютъ бойницы, а въ сѣняхъ, по близости къ выходу, заготовляютъ матеріалъ, чтобы можно было мгновенно заградить дверь, въ случаѣ если непріятель будетъ прорываться въ нее.

Всѣ остальные входы въ домъ, какъ уже сказано, заграждаются наглухо. Для этого ихъ запираютъ, съ внутренней же стороны прибиваютъ къ нимъ поперечныя доски и приставляютъ различныя загражденія изъ матеріа-

ловъ, встрѣчающихся подъ рукою (мебель, сундуки, ящики, шкафы, бочки и проч.), наполняя ихъ камнемъ, землею, навозомъ, кулями съ мукою или зерномъ, словомъ— всѣмъ, что только будетъ найдено на мѣстѣ.

Бойницы для стрѣльбы прорубаются такъ, чтобы подошва ихъ приходилась на 6 фут. выше горизонта, причемъ для стрѣлковъ, если нужно, дѣлаютъ приступокъ изнутри.

Что касается оконъ нижняго этажа, то въ нихъ снимаютъ переплеты и устраиваютъ для стрѣлковъ закрытіе во всю высоту окна, оставляя въ загражденіи отверстія для стрѣльбы. Для загражденія оконъ пригодны сундуки, ящики, мебель и разная домашняя утварь. Можно также заколачивать окна досками, къ которымъ затѣмъ прислоняютъ матрацы, подушки, кули или мѣшки съ землею. Если же есть ставни, то ихъ затворяютъ, запоръ укрѣпляютъ изнутри и прибиваютъ къ ставнямъ доски, продѣлывая въ нихъ бойницы. Для стрѣльбы чрезъ бойницы понадобится приставить къ оконному загражденію скамейки, стулья, столы и проч., потому что бойницы пробиваются въ окнахъ такъ, чтобъ онѣ были, по крайней мѣрѣ, на 6 фут. выше мѣстнаго горизонта.

Подвальный этажъ также занимается стрѣлками, для настильнаго пораженія непріятеля. Когда въ окнахъ этого этажа, какъ обыкновенно бываетъ, есть рѣшетки, то окна можно заградить дровами, разрубленными на полѣнья. Въ крайнемъ же случаѣ, если притомъ эти отверстія такъ малы, что человѣкъ не можетъ пролѣзть въ нихъ, они оставляются безъ задѣлки.

Изъ оконъ верхняго этажа стрѣляютъ безъ всякаго къ тому приспособленія; съ балконовъ же обстрѣливаютъ Черт. 23.
наклоннымъ огнемъ сверху внизъ подошву строенія и особенно входовъ. Для этого въ полу балкона пробиваютъ для стрѣльбы отверстія, а чтобы прикрыть людей, помѣщающихся на балконѣ, перила его забираютъ досками и прислоняютъ къ нимъ тюфяки, мѣшки съ землею и проч.

Въ крышѣ, если она не разобрана, отверстія продѣлываются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отдирая для этого желѣзные листы, или снимая черепицы, причемъ стрѣлки Черт. 23.
разставляются на чердакѣ у этихъ отверстій и у слуховыхъ оконъ. Когда же крыша снята (вся или только частью), то для стрѣлковъ дѣлается на чердакѣ прикрытіе изъ мѣшковъ съ землею или изъ лѣса, полученнаго при разборкѣ крыши и сложеннаго въ кучу.

Для того, чтобы, въ случаѣ прорыва непріятеля вовнутрь строенія, можно было защищать комнату за комнатой, во внутреннихъ дверяхъ должны быть прорублены

Табл. XVII. бойницы и около дверей слѣдуетъ заготовить матеріалъ для загражденія ихъ, такъ чтобы, отступивъ изъ одной комнаты въ другую, можно было тотчасъ запереть за собою двери, заградить ихъ, и стрѣлять по внутренности оставленной комнаты. Для той же цѣли, коль скоро останется время, полезно прорубить бойницы во внутреннихъ
Черт. 23. стѣнахъ и перегородкахъ, отдѣляющихъ одну комнату отъ другой. Устройство этихъ бойницъ, въ короткое время, возможно только въ деревянныхъ стѣнахъ; въ каменныхъ же, особенно старой кладки, работа эта требуетъ много времени и усилій, а потому въ этомъ случаѣ придется довольствоваться только бойницами въ дверяхъ.

Наконецъ, слѣдуетъ озаботиться, чтобы всѣ комнаты, занятыя стрѣлками, были, насколько возможно, снабжены водою, какъ для утоленія жажды, такъ и для тушенія пожара.

При занятіи строенія для обороны, необходимо придерживаться слѣдующаго правила:—вводить въ строеніе возможно меньшее число войскъ, потому что напрасное увеличеніе ихъ производитъ лишь тѣсноту и безпорядокъ. Люди размѣщаются въ строеніи такъ: стрѣлки разставляются по одному челов. у каждой бойницы и по нѣскольку человѣкъ у каждаго незадѣланнаго окна; небольшіе резервы помѣщаются во всякой комнатѣ, для замѣщенія убылыхъ и для ближайшей поддержки стрѣлковъ; затѣмъ болѣе сильная часть, для встрѣчи атакующаго штыками, занимаетъ сѣни у входа, назначеннаго для отступленія.

Все обороняемое строеніе, по числу имѣющихся въ немъ комнатъ, распредѣляется на участки, причемъ въ каждомъ изъ нихъ назначается начальникъ, который указываетъ солдатамъ ихъ мѣста, наблюдаетъ, чтобы каждый твердо зналъ свою обязанность (окно-ли слѣдуетъ оборонять, дверь-ли) и внушаетъ своимъ подчиненнымъ, чтобъ они расходовали патроны экономно, не выпуская ни одной пули даромъ.

2) Если для приспособленія зданія къ оборонѣ дано времени болѣе чѣмъ означено выше, напр. часовъ 8, 10 или 12, то въ такомъ случаѣ и усиленіе строенія можетъ принять большіе размѣры. Такъ, загражденія дверей и оконъ нижняго этажа могутъ быть сдѣланы прочнѣе. Доступъ ко входу, обращенному къ непріятелю, преграждается рвомъ, причемъ или присыпается къ дверямъ
Черт. 24. земля до подошвы продѣланныхъ въ нихъ бойницъ, или же, не дѣлая насыпи, устраиваютъ позади дверей прочное загражденіе изъ бревенъ, плотно вбиваемыхъ въ двер-
Черт. 23. ное отверстіе. Еще же лучше, когда можно пробить въ кладкѣ маленькія углубленія, дюйма въ 2 или 3, и въ

нихъ запустить концы бревенъ. Сзади бревна укрѣпляются подпорками. Во внутреннихъ стѣнахъ, примыкающихъ ко входу, пробиваютъ бойницы, чтобъ изъ комнатъ, смежныхъ съ сѣнями, обстрѣливать загражденіе входа. Въ окнахъ вырубаютъ закладныя рамы, и оконныя отверстія задѣлываются плотно-входящими въ нихъ брусками, укладываемыми или горизонтально, черт. 21, или же стоймя, черт. 20. Эти бруски укрѣпляются сзади посредствомъ упорныхъ брусковъ, подпираемыхъ подкосами. Задѣлки оконъ нижняго этажа производится во всю высоту ихъ, съ оставленіемъ бойницъ. Въ верхнемъ этажѣ окна также задѣлываются, но настолько, чтобы стрѣлки были закрыты по грудь.

Если балконовъ не имѣется, то для наклоннаго обстрѣливанія подошвы зданія, особенно надъ дверьми, устраиваютъ *навѣсную стрѣльницу*, что почти всегда возможно, такъ какъ для этой работы не требуется особеннаго умѣнья, а нужны только люди, хотя сколько нибудь понимающіе самое простое плотничное дѣло. Устройство стрѣльницъ весьма просто: выпускаютъ черезъ окно, наружу, футъ на 8, балки, задніе концы которыхъ укрѣпляются веревками къ половымъ балкамъ, а также—козлами и упорами. На выпускныхъ концахъ настилаютъ досчатый полъ, съ отверстіями для стрѣльбы, и ограждаютъ помостъ кругомъ досчатою стѣнкой, для закрытія людей. Черт. 22.

Если строеніе двухъ-этажное, то въ полу верхняго этажа прорубаются отверстія, для обстрѣливанія сверху внутренности комнатъ нижняго этажа. Это особенно важно дѣлать въ тѣхъ комнатахъ, которыя приходятся надъ входами, чтобы сильнѣе поражать непріятеля въ то время, когда онъ будетъ разбирать загражденіе, сдѣланное позади входныхъ дверей, и станетъ врываться въ сѣни.

Чтобы не дозволить атакующему, ворвавшемуся въ нижній этажъ, сразу распространиться по всему зданію, независимо отъ тѣхъ мѣръ, которыя принимаются для постепенной обороны одной комнаты послѣ другой, о чемъ сказано выше, преграждается непріятелю еще и сообщеніе по лѣстницамъ.

Деревянныя лѣстницы, если возможно, ломаются или совсѣмъ, или частью; въ каменныхъ же вынимается по нѣсколько ступеней. При невозможности выполнить это, дѣлаютъ на площадкахъ лѣстницъ загражденія изъ обрубковъ бревенъ, мѣшковъ съ землею и разной домашней мебели. Кромѣ того, въ стѣнахъ и дверяхъ, обращенныхъ къ лѣстницѣ, прорубаютъ бойницы. Сообщеніе одно-

Табл. XVII. го этажа съ другимъ устраивается только въ одномъ мѣстѣ, а именно чрезъ комнату нижняго этажа, прилегающую къ выходу, оставленному для отступленія изъ зданія. Комната эта назначается сборнымъ мѣстомъ всей обороняющейся части, на случай отступленія. Сообщеніе верхняго этажа съ этою комнатой производится по приставной лѣстницѣ, для чего, въ полу верхняго этажа, прорубаютъ отверстіе, къ которому и приставляютъ лѣстницу. До тѣхъ поръ, пока въ ней не предстоитъ надобности, она должна быть поднята въ верхній этажъ.

ОТДѢЛЪ V.

УСТРОЙСТВО И ПОРЧА СООБЩЕНІЙ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

ГЛАВА I.

О ДОРОГАХЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ И ПОРЧА ДОРОГЪ. УСТРОЙСТВО НОВЫХЪ ВРЕМЕННЫХЪ ДОРОГЪ. КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ. ПОРЧА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

О дорогахъ, табл. XVIII, черт. 1—10, и табл. XIX, черт. 1—8.

Условія, которымъ должны удовлетворять хорошія дороги. **Табл. XVIII.** Черт. 1 и 7.

Для удобнаго движенія всѣхъ родовъ войскъ и ихъ обозовъ по дорогамъ, необходимо, чтобъ онѣ удовлетворяли слѣдующимъ условіямъ:

1) *Имѣли прочное основаніе и твердую, сухую и ровную поверхность.*—Поэтому полотно дорогъ должно возвышаться надъ водою, или мокрымъ грунтомъ, отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 фут., причемъ для стока дождевой воды необходимо, чтобы поверхность полотна была выпуклою; наименьшая высота этой выпуклости—$\frac{1}{60}$, а наибольшая—$\frac{1}{20}$ ширины дороги, черт. 1. На косогорахъ поверхность полотна должна имѣть скатъ къ нагорной сторонѣ, черт. 7. Выбоинъ, бугровъ, большихъ камней и пней не слѣдуетъ допускать.

2) *Чтобы ширина дорогъ была: для проѣзда одной повозки—$1\frac{1}{2}$ саж., двухъ повозокъ—$2\frac{1}{2}$ саж., и трехъ повозокъ—$3\frac{1}{2}$ саж.*

3) *Повороты дорогъ, особенно на скатахъ, не были бы круты.*—Для заѣзда повозокъ на скоромъ ходу, наиболѣе удобно, когда повороты подходятъ къ дугѣ круга, радіусъ которой не менѣе 20 саж. При болѣе крутыхъ поворотахъ слѣдуетъ на каждомъ изгибѣ уширять дорогу настолько, чтобы самая длинная запряжка—какъ напр. 9-фунт. орудіе съ передкомъ ($8\frac{1}{2}$ саж.) — могла вытянуться въ прямую линію въ каждой точкѣ поворота.

Табл. XVIII. 4) *Подъемы и спуски также не должны быть круты.*— При длинномъ подъемѣ дороги, если заложенie его 28 высотъ, лошадь можетъ взвозить повозку рысью, при большей же крутизнѣ—идетъ шагомъ, а когда заложенie подъема менѣе 20 высотъ, то на дорогѣ, отъ мѣста до мѣста, необходимы для отдыха горизонтальныя площадки: иначе придется припрягать лишнихъ лошадей. Въ гористыхъ мѣстахъ, для длинныхъ подъемовъ, по необходимости, допускается заложенie въ 14 и 13 высотъ; для подъемовъ же не длиннѣе 50 саж., считая по отлогости дороги, и притомъ при твердой почвѣ, заложенie дѣлается въ 6 высотъ.

5) *Имѣли бы по бокамъ канавы,* для стока дождевой воды.- Если дорога устроена на поверхности земли, или углублена, то боковыя канавы вырываются у самаго полотна; если же она идетъ по насыпи, то между подошвою откоса этой послѣдней и канавою оставляется берма, шириною въ $1\frac{1}{2}$ до 3 саж., чтобы вода, текущая по канавамъ, не подмывала основанiя насыпи. На косогорахъ канава вырывается только съ нагорной стороны, черт. 7. Глубина канавъ—не менѣе $1\frac{1}{2}$ фута, а ширина на днѣ—2 фута. Для лучшаго стока воды, дну канавъ дается небольшое паденie къ нижней ихъ точкѣ, съ пропускомъ воды, посредствомъ отводныхъ канавъ, въ стороны отъ дороги.

6) *Чтобы заложенie откосовъ насыпей и выемокъ дороги и канавъ были отъ 1 до 3 высотъ.*

7) *Въ лѣсахъ,* чтобы дорога могла скорѣе просыхать послѣ ненастья, *съ обѣихъ сторонъ ея, деревья должны быть срублены саженъ на 10,* и вообще чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Обозрѣнie дорогъ. Если отряду предстоитъ сдѣлать передвиженie, то необходимо заранѣе озаботиться собранiемъ свѣдѣнiй о числѣ, направленiи и свойствахъ пролегающихъ на данной мѣстности дорогъ, чтобъ опредѣлить, какiя нужно принять мѣры для безостановочнаго движенiя отряда. Помимо словесныхъ показанiй, отбираемыхъ отъ жителей, нужно осмотрѣть дороги при помощи проводниковъ изъ туземцевъ и въ сопровожденiи надлежащаго конвоя. При этомъ, кромѣ внимательнаго осмотра самой дороги и ближайшей мѣстности, лежащей по сторонамъ ея, надо стараться, съ каждой значительной высоты, обозрѣвать вокругъ какъ можно болѣе пространства, разспрашивая о мѣстоположенiи и о дорогахъ за видимыми возвышенiями или лѣсами.

Главнѣйшiя свѣдѣнiя, собираемыя при этомъ обозрѣнiи, слѣдующiя:

1) Протяженіе дороги, выраженное во времени, употребленномъ на ея прохожденіе.

2) Родъ дороги, т. е. твердая ли, болотистая, песчаная, каменистая, или шоссированная, углубленная или насыпная.

3) Ширина дороги; ширина въѣздовъ на мосты и въ деревни.

4) Пересѣкаетъ ли дорога рѣчки или ручьи; проходимы ли они въ бродъ или по мостамъ; круты или отлоги берега; который берегъ выше; быстро ли теченіе; есть ли по близости кустарникъ, деревья или строенія, для устройства мостовъ на скорую руку.

5) Длина и ширина мостовъ; число мостовыхъ пролетовъ; матеріалъ, изъ котораго построены мосты; исправность ихъ; можетъ ли непріятель обойти мосты, въ случаѣ если они будутъ разрушены.

6) Длина (по времени, употребленному для прохожденія), ширина и свойство овраговъ, ущелій, насыпей, гатей, вдоль которыхъ проходитъ дорога или которые она пересѣкаетъ; нѣтъ ли возможности обойти эти мѣста.

7) Длина (выраженная какъ выше) и крутизна подъемовъ и спусковъ.

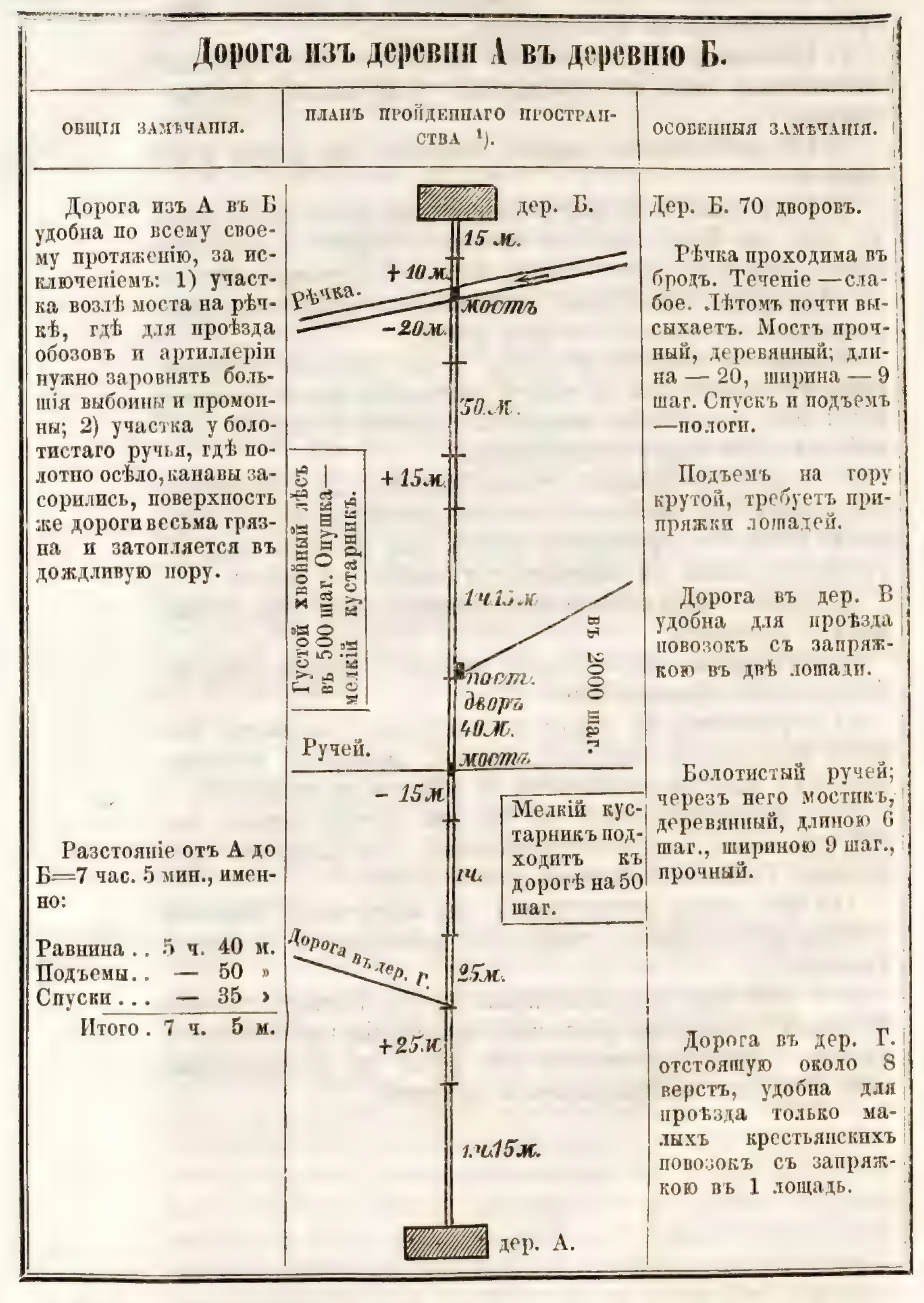
8) Низменныя части дороги, которыя могутъ быть затопляемы во время дождей.

9) Ограничена ли дорога по сторонамъ канавами, живыми изгородями, заборами, садами, деревьями, кустами, болотами, или же пролегаетъ по мѣстности открытой.

10) Перекрещиваются ли съ ней другія дороги, или онѣ пролегаютъ къ ней параллельно, въ близкомъ разстояніи; удобопроходимость этихъ дорогъ.

11) Что нужно предпринять для облегченія движенія войскъ; мѣста дороги, требующія исправленій, и какихъ именно.

Всѣ эти свѣдѣнія записываются въ книжку; полезно къ такому описанію приложить маленькій чертежъ пройденной дороги, сдѣланный отъ руки, съ объясненіями, какъ показано въ прилагаемой таблицѣ.



Общія замѣчанія.

Дорога изъ А въ Б удобна по всему своему протяженію, за исключеніемъ: 1) участка возлѣ моста на рѣчкѣ, гдѣ для проѣзда обозовъ и артиллеріи нужно заровнять большія выбоины и промоины; 2) участка у болотистаго ручья, гдѣ полотно осѣло, канавы засорились, поверхность же дороги весьма грязна и затопляется въ дождливую пору.

Разстояніе отъ А до Б=7 час. 5 мин., именно:

Равнина . .	5 ч.	40 м.
Подъемы . .	—	50 »
Спуски . . .	—	35 »
Итого .	7 ч.	5 м.

Особенныя замѣчанія.

Дер. Б. 70 дворовъ.

Рѣчка проходима въ бродъ. Теченіе — слабое. Лѣтомъ почти высыхаетъ. Мостъ прочный, деревянный; длина — 20, ширина — 9 шаг. Спускъ и подъемъ — пологи.

Подъемъ на гору крутой, требуетъ припряжки лошадей.

Дорога въ дер. В удобна для проѣзда повозокъ съ запряжкою въ двѣ лошади.

Болотистый ручей; черезъ него мостикъ, деревянный, длиною 6 шаг., шириною 9 шаг., прочный.

Дорога въ дер. Г. отстоящую около 8 верстъ, удобна для проѣзда только малыхъ крестьянскихъ повозокъ съ запряжкою въ 1 лошадь.

[1]) Цифры, поставленныя вправо отъ дороги, означаютъ длину ея участковъ, пролегающихъ по равнинѣ, а поставленныя влѣво — длину подъемовъ и спусковъ, причемъ знакъ + означаетъ подъемъ, а знакъ — спускъ.

Исправленіе дорогъ.

Исправленіе дорогъ производится или поспѣшно, т. е. вблизи непріятеля, за нѣсколько часовъ до движенія войскъ и даже во время самаго похода, или же заблаговременно, т. е. вдали отъ непріятеля, по крайней мѣрѣ за нѣсколько сутокъ до движенія войскъ, и когда имѣется достаточно времени для производства прочныхъ и сложныхъ починокъ.

Поспѣшное исправленіе дорогъ.

При поспѣшномъ исправленіи дорогъ поступаютъ такъ: На дорогахъ, пролегающихъ по мѣстности равнинной, сухой или мокрой, прежде всего надобно исправить выбоины, ямы, ухабы. Для этого самое лучшее наполнять ихъ какимъ нибудь подручнымъ матеріаломъ, менѣе рыхлымъ чѣмъ мѣстная почва, напр.: при обыкновенной землѣ—дерномъ или глиною, при глинѣ же — камнемъ, хрящемъ или крупнымъ пескомъ. Заполненное мѣсто утаптываютъ ногами, или уколачиваютъ трамбовками, и засыпаютъ землею. Гдѣ есть кустарникъ, вяжутъ наскоро пуки хворосту, укладываютъ ихъ поперекъ дороги въ ухабы и ямины, и также выверстываютъ хрящемъ и землею.

Топи, болота и водомоины могутъ быть наскоро замащиваемы слоями плетня (если онъ имѣется по близости въ видѣ заборовъ), и поверхъ него — навозомъ или соломою, а также—пучками хворосту, съ покрышкою послѣдняго дерномъ, хрящемъ и землею.

Когда дорога идетъ чрезъ лѣсъ, необходимо исправить лѣсныя колеи, гдѣ онѣ очень глубоки; для этого ихъ или уширяютъ, обкапывая бока наискось книзу, или же заполняютъ камнемъ или дерномъ. Глубокія водомоины заваливаютъ жердями, или древесными вѣтвями, укладываемыми поперекъ дороги и засыпаемыми хрящемъ и землею. Нужно также имѣть въ виду высоту различныхъ повозокъ при отрядѣ и ширину ихъ хода, чтобы подрубить, гдѣ нужно, низкоспускающіяся вѣтви деревъ, которыя могутъ портить фуры, и срубить деревья, слишкомъ стѣсняющія дорогу.

Въ гористой мѣстности, за невозможностью, по краткости времени, срыть слишкомъ крутые подъемы и спуски, надо ограничиться исправленіемъ рытвинъ, колей, водомоинъ и оградить наскоро проѣзды по краямъ пропастей и овраговъ. Полезно также, для облегченія лошадей на длинныхъ въѣздахъ, заготовить, въ разныхъ мѣстахъ, камни или обрубки дерева, чтобы подкладывать ихъ сзади колесъ, во время остановокъ.

Табл. XVIII. Зимою исправленіе дорогъ ограничивается уничтоженіемъ ухабовъ и вообще разравниваніемъ дороги. Въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ мятели, дорогу слѣдуетъ обозначать вѣхами, ставя ихъ черезъ каждыя 10 саж. Если путь пролегаетъ по льду и въ немъ встрѣчаются трещины, то послѣднія, когда нельзя ихъ обойти, перекрываются настилкою изъ бревенъ, досокъ или жердей, положенныхъ крестъ-на-крестъ въ нѣсколько рядовъ, и сверху все засыпаютъ снѣгомъ или застилаютъ навозомъ и соломою. Во время морозовъ, при недостаточной толщинѣ льда, прочность его увеличиваютъ, укладывая сверху льда солому или хворостъ и поливая ихъ водою. Во время гололедицы, спуски и подъемы въ горахъ, а также на берегахъ ручьевъ и рѣчекъ, должно нарубать поперечными грядками, черезъ шагъ разстоянія одна отъ другой.

Заблаговременное исправленіе дорогъ, черт. 2—7. На мѣстности равнинной и сухой, когда пролегающею по ней дорогой намѣрены пользоваться только въ теченіе короткаго и притомъ недождливаго времени года, достаточно выровнять попадающіяся по дорогѣ рытвины, колеи и выбоины. Если же имѣется въ виду обезпечить для войскъ и ихъ тяжестей безпрепятственное сообщеніе на нѣсколько мѣсяцевъ весенняго и осенняго времени, то нужно стараться укрѣпить, въ неисправныхъ частяхъ дороги, какъ ея основаніе, такъ и поверхность.

Чтобъ укрѣпить основаніе дороги, возвышаютъ ее, гдѣ нужно, землей, получаемою отъ углубленія и уширенія боковыхъ канавъ, причемъ послѣднія доводятъ по крайней мѣрѣ до 2 фут. ширины на днѣ. Если при этомъ мѣстность склоняется вправо или влѣво поперекъ дороги, то, для предохраненія отъ подмывовъ водами сверху, отводятъ воду изъ верховой канавы въ низовую, посредствомъ поперечныхъ канавокъ или трубъ, одѣтыхъ и перекрытыхъ пластинами, досками, хворостомъ, фашинами или булыжнымъ камнемъ, поверхъ которыхъ насыпается земляное полотно дороги. Изъ боковыхъ же канавъ, особенно при пересѣченіи двухъ скатовъ, вода проводится помощью отводныхъ канавъ, въ сторону, къ болѣе низменнымъ мѣстамъ, или же, когда на небольшой глубинѣ находится проницаемый слой грунта (напр. песокъ, хрящъ и т. п.), то вырываютъ по длинѣ канавъ ямы, примѣрно въ 100 саж. одна отъ другой, и доводятъ ихъ до упомянутаго слоя. При пересѣченіи дорогъ лощинами, ярами и балками, слѣдуетъ устроить мосты или гати [1]) въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, по показанію жителей, заливаются

[1]) См. ниже.

иногда водою и превращаются въ топи. Подъ гатями оставляютъ протокъ въ видѣ трубы, изъ дерева или камней, чтобы вода съ верховой стороны гати проходила къ низовой, въ лощину. Глубокія водомоины заполняются поперечными рядами фашинъ, пересыпаемыми хрящемъ; верхній рядъ засыпается и хрящемъ и пескомъ, черт. 2.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поверхность дороги недостаточно тверда, и даетъ грязь и глубокія колеи, или состоитъ изъ сыпучаго песку, упрочиваютъ ее слѣдующими способами:

Когда поверхность дороги покрыта растительною землей, то для уничтоженія грязи слѣдуетъ засыпать дорогу пескомъ, особенно съ примѣсью мелкихъ камешковъ. При глинистой поверхности, она исправляется также пескомъ, особенно хрящеватымъ, или же слоемъ хворосту отъ лиственныхъ или хвойныхъ деревъ, настланнымъ поперекъ дороги. При сыпучихъ пескахъ недостаточно покрыть ихъ слоемъ глины, растительной земли и даже хрящу, потому что они тотчасъ смѣшались бы съ пескомъ; въ этомъ случаѣ поверхность дороги застилается поперечнымъ слоемъ вереску, толщиною въ 1 или 2 вершка [1]).

Для исправленія осѣвшихъ и залитыхъ водою частей дороги, пролегающей по мѣстамъ болотистымъ или топкимъ, необходимо прежде всего осушить ихъ. Съ этой цѣлью вырываютъ отводныя канавы, для спуска воды въ низменныя части мѣстности, какъ-то: въ ручьи или рѣчки. Послѣ того, по сторонамъ дороги, углубляютъ и уширяютъ боковыя канавы, изъ которыхъ земля, въ этомъ случаѣ, идетъ не на возвышеніе дороги, а для устройства проѣзда, черт. 3; поврежденныя части дороги выстилаются рядами фашинъ, хворосту или жердей изъ мелкихъ деревьевъ, произрастающихъ около болотъ, и засыпаются поверхъ этой настилки слоемъ хрящу или песку. Когда невозможно спустить воду, или когда болото жидкое, иловатое, или торфяное, то устраиваютъ черезъ него гать, черт. 4, изъ водяныхъ фашинъ [2]), укладываемыхъ крестообразными рядами; при этомъ на каждый рядъ ихъ насыпается, дюйма на 4, слой песку или хрящу, а фашины укрѣпляются хворостными вицами и кольями. Верхній рядъ водяныхъ фашинъ, приходящійся надъ поверхностью воды, покрывается слоемъ песку или хрящу, толщиною не менѣе $1/2$ фута. На этотъ слой накладываются,

[1]) Это растеніе обыкновенно встрѣчается въ песчаныхъ мѣстностяхъ, не скоро гніетъ, и хорошо сопротивляется разрыву и истиранію колесами.

[2]) Смотри выше—«Фашины» (отд. II, гл. 1).

Табл. XVIII. поперекъ дороги, обыкновенныя фашины, которыя прибиваются кольями и покрываются утрамбованнымъ слоемъ хрящу съ пескомъ, толщиною въ $1\frac{1}{2}$ фута. Если имѣется по близости въ изобиліи лѣсъ, то, вмѣсто фашинной гати, можно черезъ болото сдѣлать общій плотъ изъ бревенъ, черт. 5, укрѣпить на немъ вицами съ закрутнями продольные лежни, и уложить на послѣдніе, поперекъ дороги, сплошной рядъ жердей, толщиною въ 4 вершка, которыя слѣдуетъ засыпать сверху, не менѣе какъ на $\frac{1}{2}$ фута, слоемъ песку или хрящу.

Въ грязныхъ или топкихъ частяхъ лѣсной дороги, чтобы сдѣлать ее суше, проще всего вырыть по бокамъ канавы, и землю изъ нихъ употребить на возвышеніе полотна дороги; поверхность же ея, смотря по роду почвы, можно усилить хворостомъ, фашинникомъ или жердями, съ насыпкою поверхъ нихъ песку, хрящу или земли. Если же топи лежатъ слишкомъ широко по сторонамъ лѣсной дороги, или когда время не дозволяетъ углубить канавы на сколько нужно и дать дорогѣ надлежащее возвышеніе,— врываютъ немного въ землю продольныя бревна, или лежни, черт. 6, 3-или 4-вершков. толщины, поверхъ которыхъ дѣлаютъ сплошной помостъ изъ поперечныхъ жердей, нажимаемыхъ боковыми продольными жердями; послѣднія слѣдуетъ скрѣпить съ поперечными помощью хворостяныхъ закрутней. Такая настилка засыпается сверху хрящемъ или пескомъ, не менѣе какъ на $\frac{1}{2}$ фута.

Приводя въ порядокъ дороги съ гористой мѣстности, слѣдуетъ обратить прежде всего вниманіе на крутизну подъемовъ и спусковъ, и гдѣ нужно—срѣзать ихъ положе, снимая землю съ вершины подъема и подсыпая ее къ его основанію. Кромѣ того, на длинныхъ подъемахъ, для отдыха лошадей, необходимо устроить отъ мѣста до мѣста горизонтальныя площадки, которыя соотвѣтствовали бы самой длинной запряжкѣ. Чѣмъ круче подъемъ, тѣмъ чаще дѣлаются эти площадки. На скатѣ, имѣющемъ 6 дюйм. паденія на одну саж., площадки устраиваются черезъ каждыя 35 или 40 саж. При крутыхъ поворотахъ дорога должна быть уширена настолько, чтобы всѣ уносы орудійной упряжи, при подъемѣ въ гору, постоянно были вытягиваемы по прямой линіи. Въ частяхъ дороги, приходящихся на косогорахъ, т. е. гдѣ дорога одною стороной прилегаетъ къ крутой горѣ, а другою— къ обрыву, черт. 7, край ея надъ оврагомъ должно оградить землянымъ валикомъ, каменною стѣнкой, или деревянными перилами. Особенно это необходимо дѣлать на поворотахъ дороги. Самую поверхность ея, если она горизонтальна, слѣдуетъ срѣзать скатомъ отъ оврага къ

горѣ, чтобы дождевая вода не размывала дороги, стекая въ оврагъ, а вливалась бы въ канаву, которая нарочно выкапывается у края дороги, прилегающаго къ горѣ. Водомоины, образующіяся отъ стока дождевыхъ водъ, безполезно исправлять простою засыпкой, такъ какъ при первомъ сильномъ дождѣ онѣ снова появятся. Поэтому притекающую сверху воду лучше отвести сначала въ особыя боковыя канавы, а потомъ же уширить и самыя водомоины, скапывая боковыя ихъ отлогости и уколачивая при этомъ землю; гораздо же прочнѣе будетъ, если замостить камнемъ дно водомоинъ. Углубленныя части дороги, когда онѣ тѣсны, уширяются, срѣзывая боковые откосы выемки; гдѣ же этого нельзя сдѣлать, какъ напр. въ скалистомъ грунтѣ, придется возвысить дорогу, насколько нужно для проѣзда повозокъ. Это возвышеніе дѣлается настилкою каменьевъ, фашинъ и т. п., съ засыпкою хрящемъ или пескомъ.

Порча дорогъ.

Чтобъ остановить движеніе непріятеля, приходится портить дороги. Эта порча производится или вблизи, или вдали отъ непріятеля; поэтому она бываетъ поспѣшная и заблаговременная. Иногда же дороги заранѣе только подготовляются къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было въ самое короткое время прекратить по нимъ сообщеніе. Во всякомъ случаѣ, порча дороги полезна только тогда, когда дѣлается въ такихъ частяхъ пути, которыя неподалеку не могутъ быть обойдены непріятелемъ и черезъ которыя онъ необходимо долженъ слѣдовать. Слѣдовательно, дорогу нужно портить преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она пролегаетъ черезъ переправы на рѣкахъ и рѣчкахъ; проходитъ по гатямъ и мостамъ черезъ болота; идетъ по узкимъ лѣсистымъ проходамъ, или слѣдуетъ по горнымъ тѣснинамъ. Однако, нѣтъ надобности портить всю дорогу сплошь, на всемъ ея протяженіи, и особенно заботиться объ увеличеніи и силѣ одного какого нибудь изъ препятствій: достаточно разстроить дорогу отъ мѣста до мѣста, лишь бы только эти мѣста были выбраны удачно, и лишь бы представить непріятелю большее число послѣдовательныхъ препятствій и задержекъ. Черт. 8—10.

При поспѣшной порчѣ дороги, по краткости времени, уничтоженіе мостовъ представляетъ главнѣйшее средство для прекращенія сообщенія. Но, кромѣ того, можно употреблять и другіе скорые способы, именно: Поспѣшная порча дорогъ, черт. 8.

Порохъ, въ количествѣ 1 пуда, углубленный въ землю

Табл. XVIII. на человѣческій ростъ, при воспламененіи, произведетъ яму, поперечникомъ въ 2 саж.; если же употребить 3 пуда пороху, то получится яма около 3 и болѣе саж. въ поперечникѣ. На этомъ основаніи, порохъ полезно употреблять для сдѣланія наскоро изрытій и ямъ по дорогамъ, причемъ надо закладывать по нѣсколько пороховыхъ зарядовъ, чтобы въ данномъ мѣстѣ произвести нѣсколько ямъ, въ шахматномъ порядкѣ. Для подобной порчи дороги, черт. 8, вырываютъ съ поверхности ея колодцы *а*, глубиною футъ въ 5 или 6 и шириною въ квадратѣ фута въ 3; на дно этихъ колодцевъ, или—еще лучше — въ боковое углубленіе *б*, вырываемое со дна колодца, укладываютъ отъ 1 до 3 пуд. пороху (въ мѣшкахъ или прямо въ картузахъ, какъ онъ возится въ зарядныхъ ящикахъ артиллеріи). Чтобы порохъ не отсырѣлъ, подъ него слѣдуетъ положить рядъ досокъ, полѣньевъ, хворосту, или камня, или же, наконецъ, порохъ укладывается въ досчатый ящикъ, или боченокъ, конечно, если ихъ можно достать по близости. Уложивъ зарядъ на мѣсто, для сообщенія огня, одинъ конецъ огнепровода [1]) вкладываютъ въ самый порохъ, а другой—протягиваютъ вверхъ по колодцу и далѣе по дорогѣ, настолько, чтобы, приложивъ къ нему огонь, рабочій успѣлъ до взрыва отбѣжать въ безопасное мѣсто. Послѣ этого, прикрывъ порохъ обрубками досокъ, полѣньевъ, фашинъ, хворостомъ или каменьями, засыпаютъ колодецъ до самаго верху землею, плотно утаптывая ее ногами [2]).

Когда порохъ имѣется подъ руками, на всю эту работу достаточно не болѣе 2 час. времени. Если же заложить пороховые заряды въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не придется копать колодцевъ сверху, а можно подъ дорогу подвести порохъ откуда нибудь со стороны, напр. врывшись въ откосъ насыпи, какъ показано на черт. 8, *в* и *г*, то въ этомъ случаѣ работа значительно ускорится.

Располагая свободнымъ временемъ, весьма хорошо, кругомъ колодцевъ, заряженныхъ порохомъ, въ 5 или 6 фут. разстоянія отъ нихъ, вырыть другіе колодцы *д* и оставить ихъ пустыми. Этимъ увеличивается кругъ разрушенія при взрывѣ. Въ крайнемъ же случаѣ, при недостаткѣ времени, или когда почва камениста, можно и не углубляться колодцами, а положивъ порохъ на поверхность до-

---

[1]) О сообщеніи огня заряду см. ниже—гл. 2 этого отдѣла.

[2]) При засыпкѣ колодца нужно наблюдать, чтобы не перервать огнепровода, для чего къ стѣнкѣ колодца, по которой проходитъ огнепроводъ, прислоняютъ стоймя доску, или же, по мѣрѣ насыпки земли, укладываютъ къ нему дернины, камни или полѣнья.

роги, слѣдуетъ накрыть его досками или хворостомъ, накидать сверху кучу земли и каменьевъ, и затѣмъ поджечь порохъ. Однако при этомъ, для полученія хорошаго результата, придется взять въ $1\frac{1}{2}$ или 2 раза болѣе пороху.

Подобная порча особенно употребительна, если дорога должна быть сохранена для насъ до послѣдней крайности и приведена въ негодность уже впослѣдствіи, въ виду непріятеля. Тогда пороховые заряды закладываются заблаговременно, а колодцы прикрываются досками или хворостомъ, чтобы не остановить ѣзды, и охраняются часовыми.

Если дорога обсажена деревьями, растущими у самаго ея полотна, или же когда она пролегаетъ чрезъ лѣсную тѣснину, и если, сверхъ того, имѣется 2—3 часа времени для работы, то дорогу можно преградить мѣстною засѣкой [1]), срубая деревья такъ, чтобъ они прямо съ пня сваливались поперекъ дороги. Можно также прервать сообщеніе по дорогѣ, разбросавъ по ней камни изъ стѣнокъ, ограждающихъ иногда края овраговъ. Такое загражденіе, произведенное въ короткое время на большое протяженіе, значительно затруднитъ слѣдованіе непріятельской артиллеріи и кавалеріи. Если заранѣе можно предвидѣть, по какимъ дорогамъ придется отступать, то полезно, отъ мѣста до мѣста, заблаговременно заготовить кучи камня, чтобы въ минуту надобности разбросать его по полотну дороги или преградить послѣднее каменными завалами.

Наконецъ, если поверхность дороги мягкая, то, отступая, можно портить ее устройствомъ искусственныхъ ухабовъ, ямъ, поперечныхъ канавъ и проч., разбрасывая вынутую землю въ стороны.

Во всякомъ случаѣ, производя порчу дороги вблизи или въ виду непріятеля, необходимо соблюдать приводимыя ниже правила:

1) если время не дозволитъ выждать наступленія ночной темноты, то, для скрытія отъ непріятеля первыхъ работъ, мѣста для нихъ должны быть избираемы гдѣ-либо въ извилинахъ дороги, за лѣсомъ, холмами и т. п. закрытіями;

2) передовыя преграды слѣдуетъ дѣлать по возможности въ большихъ размѣрахъ, чтобъ онѣ остановили противника настолько времени, сколько необходимо для устройства прочихъ загражденій, или препятствій, хотя болѣе слабыхъ, но представляющихъ непріятелю послѣдовательныя задержки;

---

[1]) О засѣкѣ см. выше—отд. II, гл. 1.

Табл. XVIII. 3) должно всегда имѣть впереди разъѣзды и секреты, какъ для предосторожности отъ нападенія, такъ и для останавливанія прохожихъ и проѣзжихъ, которые могли бы давать знать непріятелю о приготовляемыхъ для него задержкахъ.

Заблаговременная порча дорогъ, черт. 9 и 10.

Когда для порчи дороги дано сутки или болѣе, то главнымъ средствомъ для этого служатъ земляныя работы, т. е. срытіе и разрыхленіе поверхности дороги, и устройство на ней ухабовъ, перекоповъ, глубокихъ колей и проч. Если дорога по сторонамъ обсажена деревьями, то ими

Черт. 9.

пользуются для устройства поперечныхъ засѣкъ, каждая въ нѣсколько рядовъ; еще же лучше помѣстить въ этомъ случаѣ засѣку или, по крайней мѣрѣ, передовой ея рядъ, по отлогости треугольнаго рва, вырываемаго поперекъ дороги, причемъ земля изъ него или разбрасывается, или насыпается въ кучи впереди и позади засѣки, черт. 9. Кромѣ того, при грунтѣ, удобномъ для копанія, можно: а) вырыть вдоль дороги, на нѣкоторыхъ участкахъ ея, по двѣ или по три [1]) канавы, глубиною отъ 1 до 2 фут. и шириною отъ 1 до 1 $\frac{1}{2}$ арш., оставляя вынутую изъ нихъ землю по бокамъ, или же разметывая ее, и б) устроить на дорогѣ искусственные косогоры, черт. 10. Косогоръ, имѣющій боковой склонъ поперекъ дороги, съ паденіемъ равнымъ половинѣ ширины этой послѣдней, совершенно непроходимъ для повозокъ; поэтому, если ширина дороги, напр. въ 3 саж., то на протяженіи 15 или 20 шаг. слѣдуетъ углубить одну половину ея наподобіе треугольнаго покатаго рва, глубиною у края дороги въ 2 арш., а на другую—накидать всю вынутую землю, потомъ такой же длины участокъ необходимо вывести косогоромъ въ противоположную сторону, и т. д. На мѣстности болотистой, гдѣ дороги большею частью насыпныя, перекопы, подобные вышеупомянутымъ, наиболѣе окажутъ пользы, если вынутую изъ нихъ землю разбросать въ жидкое болото, чтобы тѣмъ самымъ отнять у непріятеля средство выровнять поверхность дороги. Съ этою же цѣлью, т. е. чтобы лишить противника возможности заполнить сдѣланныя по дорогѣ углубленія, сожигаютъ камыши и кусты, произрастающіе на болотныхъ мѣстахъ; кусты эти поджигаются или на корню, если по времени года они высохли, или же складываютъ ихъ въ костры. Наконецъ, если возможно, должно запрудить водоотводныя канавы, ручьи и рѣчки, чтобы затопить дорогу.

Лѣсныя дороги проще всего повреждаются завалами изъ срубленныхъ деревьевъ и наводненіями, хотя неболь-

---

[1]) Сообразуясь съ шириною дороги.

шими, но лишь бы образовать топи; въ мѣстахъ же, гдѣ по сторонамъ дороги сдѣланы широкія просѣки, а потому для заваловъ пришлось бы перетаскивать деревья на болѣе или менѣе далекое разстояніе, легче будетъ, взамѣнъ того, перекопать дорогу поперечными или продольными канавами, или устроить на ней косогоры. Когда дорога проходитъ по лѣсной тѣснинѣ, то засѣку устраиваютъ слѣдующимъ способомъ: чтобы завалить дорогу, напр., на протяженіи 50 саж., при обѣихъ оконечностяхъ такого участка укладываютъ правильныя переносныя засѣки, каждая въ три ряда, рогатинами къ сторонѣ непріятеля; потомъ деревьями, сваливаемыми прямо съ пня, покрываютъ участокъ дороги, остающійся между засѣками, причемъ деревья валятся какъ попало, и вдоль и поперекъ дороги, безъ всякаго порядка и разбора.

Въ горныхъ дорогахъ тѣснины преграждаются завалами изъ земли, камня или засѣкъ; также сбрасываютъ на дорогу съ вершины высотъ камни, возможно большаго объема; иногда, малымъ зарядомъ пороху (фунтовъ въ 10), или дѣйствіемъ ломами, сдвигаютъ съ мѣста цѣлую глыбу скалы, нависшей надъ дорогою, и ею преграждаютъ путь; сверхъ того, обрываютъ спуски и подъемы крутыми уступами, высотою аршина въ 2, и наконецъ — надъ оврагами и пропастями скашиваютъ дорогу косогорами, или взрываютъ ее порохомъ.

Прокладываніе новыхъ временныхъ дорогъ.

При устройствѣ новой дороги необходимо прежде всего развѣдать мѣстность, по которой должна пролегать дорога, и затѣмъ провѣшать эту послѣднюю, т. е. обозначить главныя точки, черезъ которыя она будетъ проходить, въ кратчайшемъ направленіи, между двумя крайними пунктами; точки эти обозначаются вѣхами. Если бы случилось, что на кратчайшемъ направленіи встрѣчается неблагопріятная мѣстность, напр., топкая, болотистая, требующая устройства большихъ мостовъ или насыпей, или большія и крутыя покатости высотъ, причемъ для разработки пологихъ подъемовъ и спусковъ понадобятся значительныя выемки,— въ такомъ случаѣ дорогу слѣдуетъ направить мимо этихъ мѣстъ, обходя болота и топи, поднимаясь на вершины горъ извилинами, или совсѣмъ минуя ихъ, хотя бы чрезъ то и удлиннился путь. Когда направленіе дороги провѣшено, то производятъ разбивку ея, откладывая на мѣстности поперечные размѣры дороги и пробивая борозды. Затѣмъ приступаютъ къ насыпкѣ земляного полотна, стараясь подвести его подъ тѣ усло-

вія, которымъ должна удовлетворять всякая хорошая дорога. Работы, которыя встрѣтятся при этомъ, зависятъ отъ грунта и вообще не отличаются отъ употребляемыхъ при исправленіи существующихъ уже дорогъ (см. выше).

Чтобъ опредѣлить число рабочихъ, необходимыхъ для разработки новой дороги, въ общемъ разсчетѣ слѣдуетъ полагать по 1 челов. на каждую погонную сажень протяженія пути. Поэтому, суточный расходъ рабочихъ найдется, если длину дороги, выраженную въ саженяхъ, раздѣлимъ на число дней, данныхъ на устройство дороги. Напр., пусть требуется разработать дорогу на 25 верстъ въ 10 дней; на 1 версту нужно положить 500 челов., въ 1 день придется сдѣлать $2^1/_2$ версты дороги, слѣдовательно—суточный нарядъ рабочихъ долженъ быть 1,250 челов.

Краткія свѣдѣнія о желѣзныхъ дорогахъ.

Табл. XIV. Желѣзная дорога, черт. 1, состоитъ изъ землянаго полотна и верхняго строенія, т. е. баластнаго слоя—поперечинъ и рельсовъ съ ихъ соединительными частями; кромѣ того, на всякой желѣзной дорогѣ имѣются паровозы и подвижной составъ, т. е. вагоны и платформы.

Черт. 1. *Земляное полотно А*. Ширина его *аб* зависитъ отъ ширины рельсоваго пути и отъ числа путей; для двухъ путей она равняется около 35 фут., а для одного — около 21 фута. Откосы насыпей и выемокъ имѣютъ заложеніе отъ $1^1/_2$ до 4 высотъ, смотря по грунту. Берма между подошвою землянаго полотна и боковыми канавами дѣлается шириною отъ 10 до 21 фута.

Баластный слой Б состоитъ изъ щебня или крупнаго песку; толщина этого слоя такая: въ теплыхъ странахъ—отъ 1 до 2 фут., въ сѣверныхъ же — до 4 фут.; верхняя ширина *де* для двухъ путей не менѣе 22 фут., а для одного — 11 фут. Обочины *др* и *ер* имѣютъ ширину отъ 3 до 5 фут. Банкеты *ав* и *гб*—3 фута. Поперечины или шпалы, служащія основаніемъ рельсамъ, дѣлаются изъ дубовыхъ или сосновыхъ пластинъ или бревенъ, обтесанныхъ съ двухъ сторонъ, длиною отъ 8 до 9 фут. и толщиною отъ 6 до 7 дюйм.; онѣ кладутся прямо на баластный слой плоскою своею стороной, или же—на продольные лежни, въ 3 фут. одна отъ другой, и, по утвержденіи на нихъ рельсовъ, засыпаются до верхнихъ краевъ щебнемъ и пескомъ.

Ширина *рельсоваго пути* (между внутренними краями рельсовъ) бываетъ: на нашихъ дорогахъ—5 фут., на иностранныхъ — 4 фута 8 дюйм. Разстояніе между внутрен-

ними рельсами двухъ путей—отъ 6 до 7 фут. Рельсы выдѣлываются изъ желѣза, длиною отъ 15 до 20 фут.

Наиболѣе употребительные виды рельсовъ, съ соотвѣтствующими способами ихъ соединенія, суть:

1) Рельсы съ узкимъ основаніемъ; они прикрѣпляются къ поперечинамъ посредствомъ особыхъ чугунныхъ подушекъ *а*, утверждаемыхъ къ поперечинамъ желѣзными шпилями *б*, или дубовыми нагелями, которые расклиниваются желѣзными клиньями. Въ подушкахъ рельсы укрѣпляются деревянными или желѣзными клиньями *в*, забиваемыми между рельсами и щеками подушекъ. Черт. 2.

2) Рельсы съ широкимъ основаніемъ; такіе рельсы укрѣпляются на поперечинахъ желѣзными костылями *б*; въ стыкахъ же соединяются между собою стальными накладками *а*, которыя помѣщаются съ обоихъ боковъ рельсовъ и стягиваются одна съ другою четырьмя болтами съ гайками; кромѣ того, каждый стыкъ лежитъ непосредственно на желѣзной подкладкѣ *в*, прижатой къ поперечинѣ головками костылей *б*. Черт. 3, 4 и 5.

Порча желѣзной дороги.

Чтобы прекратить движеніе по желѣзной дорогѣ, весь подвижной составъ, при отступленіи, отвозится по ней въ безопасныя мѣста и самая дорога повреждается; если же увезти подвижной составъ нельзя, то онъ приводится въ негодность вмѣстѣ съ порчею верхняго строенія дороги.

Порча верхняго строенія и полотна желѣзной дороги.

Самое простое средство испортить желѣзную дорогу состоитъ въ снятіи рельсовъ и поперечинъ, которые затѣмъ увозятся; если же послѣдняго нельзя будетъ сдѣлать, то поперечины складываютъ въ костры и сожигаютъ, а рельсы бросаютъ въ воду, закапываютъ въ землю, или же просто портятъ помощью накаливанія ихъ концовъ и сгибанія. На желѣзныхъ дорогахъ въ два пути слѣдуетъ совершенно разобрать только одинъ путь, другой же — мѣстами.

Вообще при разборкѣ путей работы идутъ одна за другою въ такой послѣдовательности:

1) отвинчиваніе гаекъ и снятіе накладокъ, или выбиваніе клиньевъ въ стычныхъ связяхъ рельсовъ;

2) выдергиваніе костылей, укрѣпляющихъ рельсы съ внутренней стороны послѣднихъ;

3) расшатываніе, подниманіе, нагрузка и отвозка рельсовъ.

4) расшатываніе, подниманіе, нагрузка и отвозка поперечинъ, на которыхъ оставляются подушки или костыли, укрѣплявшіе рельсы съ наружной стороны.

Табл. XIX. Сообразно этимъ четыремъ дѣйствіямъ, рабочихъ раздѣляютъ не смѣны, по 4 команды въ каждой. Первая команда, снявъ на участкѣ пути, длиною въ одинъ рельсъ, болты и накладки, или выбивъ изъ подушекъ клинья, переходитъ ко второму участку. Ея мѣсто на первомъ участкѣ заступаетъ вторая команда, вытягивающая костыли съ внутренней стороны между рельсами. По переходѣ этой команды на второй участокъ, на первый становится третья команда, которая освобождаетъ рельсы изъ-подъ вбитыхъ снаружи костылей, поднимаетъ съ мѣста рельсы и нагружаетъ ихъ на платформы, или же относитъ куда слѣдуетъ въ сторону. Послѣ того на первый участокъ вступаетъ четвертая команда; она вынимаетъ изъ баласта поперечины и относитъ ихъ. При этомъ, для относки и нагрузки рельсовъ и поперечинъ должно назначать менѣе опытныхъ рабочихъ.

При хорошемъ надзорѣ и порядкѣ въ распредѣленіи работы, можно принять, что отрядъ въ 120 — 150 опытныхъ рабочихъ въ состояніи разобрать $3\frac{1}{2}$ версты пути, съ нагрузкою матеріала, въ теченіе 10 — 13 рабочихъ час., смотря по тому, какіе были употреблены рельсы [1]) на путь. Для отвозки матеріаловъ съ $3\frac{1}{2}$ верстъ разобраннаго пути потребуется отъ 65 до 85 платформъ и вагоновъ.

При поспѣшной порчѣ желѣзной дороги и когда имѣется въ виду, въ скоромъ времени, опять завладѣть и воспользоваться ею, путь снимаютъ не на всемъ протяженіи, а только мѣстами. Для этого, отдѣленія рабочихъ (въ 15 до 30 челов.) расшатываютъ ломами верхнее строеніе пути, на длину двухъ рельсовъ, и вынимаютъ клинья или отвинчиваютъ накладки въ стыкахъ рельсовъ. Затѣмъ, подложивъ подъ оконечности поперечинъ ломы и дѣйствуя ими, поднимаютъ рельсы съ прикрѣпленными къ нимъ поперечинами и опрокидываютъ ихъ на откосъ, а чернорабочіе оттаскиваютъ ихъ помощью канатовъ въ сторону. Такое поврежденіе всего лучше производить на высокихъ насыпяхъ.

Кромѣ снятія верхняго строенія пути, если время позволяетъ, портится еще и самое земляное полотно дороги. Для этого подрываютъ порохомъ насыпь, или заваливаютъ ее въ выемкахъ, взрывая откосы послѣднихъ, или же

---

[1]) Разборка пути при рельсахъ съ широкимъ основаніемъ идетъ медленнѣе, чѣмъ при рельсахъ съ узкимъ основаніемъ, потому что отвинчиваніе гаекъ и болтовъ въ стыкахъ требуетъ больше времени, чѣмъ выбиваніе клиньевъ изъ подушекъ.

наконецъ дѣлаютъ поперекъ дороги, особенно на высокихъ насыпяхъ, прокопы, причемъ ихъ располагаютъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго; глубина прокоповъ — отъ 10 до 14 фут.,а ширина — отъ 25 до 35 фут.

Существенныя части вагоновъ и платформъ—основная рама кузова, чертежъ 7, колеса и оси, черт. 6. Поэтому, подвижной составъ легко привести въ негодность: Поврежденіе подвижнаго состава и паровозовъ, черт. 6—8.

1) разрубивъ или распиливъ, въ мѣстахъ *а*, *б* и *в*, крестообразные брусья подъ рамою, а также — поперечные брусья, черт. 7;

2) разбивъ молотомъ оси и колеса, или снявъ гайки обоймицъ *а* смазочныхъ коробокъ *в*, и самыя коробки, и выбивъ подвѣсные болты рессоръ *б*, черт. 6;

3) снявъ всѣ соединительнныя между вагонами цѣпи.

Паровозы приводятся въ негодность снятіемъ предохранительнаго клапана *а*, черт. 8, стержня пароваго поршня *б*, цилиндровъ *в*, сдвапвающихъ шатуновъ *г*, разбивая тяжелымъ молоткомъ котлы.

Когда нѣтъ времени произвести вышепоименованныя поврежденія въ подвижномъ составѣ, онъ портится. взрывая пороховые заряды, которые помѣщаютъ или во внутренности паровозовъ и вагоновъ, или подвѣшиваютъ къ нимъ снизу. Иногда же ставятъ два или три паровоза въ головѣ длиннаго поѣзда изъ платформъ и вагоновъ, и два такихъ поѣзда, на полномъ ходу, пускаютъ одинъ другому на встрѣчу, стараясь, чтобы столкновеніе, если возможно, произошло въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога проходитъ по выемкѣ. Чрезъ это не только паровозы и подвижной составъ будутъ разрушены, но и верхнее строеніе дороги значительно повредится и будетъ завалено грудою обломковъ.

ГЛАВА II.

ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗЪ РѢКИ РАЗЛИЧНЫМИ СПОСОБАМИ. УСТРОЙСТВО МОСТОВЪ ПРОСТѢЙШЕЙ КОНСТРУКЦІИ: МОСТЫ НА КОЗЛАХЪ, ПЛОВУЧІЙ МОСТЪ, БРЕВЕНЧАТЫЕ ПЛОТЫ. РАЗРУШЕНІЕ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ МОСТОВЪ.

Переправа въ бродъ

Пѣхота и кавалерія могутъ переправляться въ бордъ при 4-футов. глубинѣ воды, артиллерія же съ зарядными ящиками и обозы—только при глубинѣ въ 2 фута. Дно рѣки должно быть ровное и твердое; берега—отлогіе; теченіе—умѣренное. **Табл.** XX и XXI.

Признаками брода служатъ: 1) тропинки и дороги, сходящіяся къ рѣкѣ, на обоихъ берегахъ ея, въ близкомъ одна отъ другой разстояніи; 2) измѣненіе цвѣта воды въ косвенномъ направленіи къ теченію; 3) когда поверхность воды изъ гладкой и спокойной превращается въ мелко-волнистую; 4) мѣста, гдѣ рѣка расширяется и образуетъ разливы, и 5) сближеніе изгибовъ рѣки тамъ, гдѣ она протекаетъ въ низменныхъ берегахъ [1]).

Для отрытія брода, промѣриваютъ глубину рѣки, при слѣдованіи по ней на лодкѣ, лотомъ, а также для этой цѣли съѣзжаютъ въ рѣку кавалеристы, которые и измѣряютъ ея глубину пиками.

Броды, непроходимые только по ширинѣ отъ 15 до 30 фут., могутъ быть исправлены погруженіемъ на этомъ пространствѣ водяныхъ фашинъ.

Для безопасности переправы, ширину брода обозначаютъ кольями, которые съ низовой стороны соединяются веревкою. На быстрыхъ рѣкахъ, для спасенія опрокинутыхъ и несомыхъ теченіемъ людей, ставятъ съ низовой стороны брода лодки, а за неимѣніемъ ихъ—кавалеристовъ.

Сначала переправляется пѣхота, за нею—артиллерія, а потомъ уже кавалерія. При большой ширинѣ рѣки и быстромъ теченіи, пѣхота и кавалерія переходятъ бродъ фронтомъ столь длиннымъ, какой только допускаетъ ширина брода, соблюдая при этомъ, для свободнаго протока воды, болѣе или менѣе значительные интервалы между частями войскъ, послѣдовательно переправляющимися одна за другою.

Во время переправы, пѣхота заботится о сохраненіи отъ подмочки своихъ ружей и патроновъ, артиллерія же—зарядовъ; кавалеристы не должны позволять лошадямъ пить воду, чтобъ этими остановками въ бродѣ не задержать переправу.

Небольшіе пѣхотные отряды можно переправлять одновременно съ кавалеріею, посадивъ по одному пѣхотинцу на лошадь позади кавалериста.

Послѣ каждой прибыли воды, слѣдуетъ вновь промѣривать глубину брода.

Если понадобится, бродъ можетъ быть испорченъ погруженіемъ на дно рѣки срубленныхъ деревьевъ или боронъ.

Переправа по льду

Обыкновенно ледъ бываетъ толще тамъ, гдѣ глубина

[1]) Въ этомъ случаѣ часто образуются большія отмели, составляющія броды, переходимые въ косвенномъ направленіи.

менѣе и теченіе слабѣе. По льду, толщиною въ $1^1/_2$ дюйма, люди могутъ переходить по одиночкѣ, по настланнымъ доскамъ; при 3 — 4 дюйм. толщины льда пѣхота переправляется рядами; при 4—6 дюйм. могутъ уже переправляться кавалерія и 4-фунт. пушки; при 6 до 9 дюйм. 9-фунт. орудія и обозы.

При недостаточной толщинѣ льда дѣлаютъ поверхъ его досчатый помостъ, или подвязываютъ подъ колеса орудій и повозокъ доски, наподобіе саней.

Во время морозовъ прочность льда увеличиваютъ искусственно, покрывая его соломою или хворостомъ и заливая ихъ водою.

Черезъ большія трещины устраивается досчатый или изъ жердей помостъ, съ покрышкою его соломой или навозомъ.

Если переправа должна продолжаться долго, необходимо наблюдать за высотою воды, такъ какъ при убыли ея подъ льдомъ можетъ образоваться пустое пространство и тогда переправа становится опасною. Вообще же, при переходѣ по льду, войска не должны идти густою массой, что въ особенности относится до́ артиллеріи: между орудіями, въ этомъ случаѣ, оставляются большіе промежутки.

Переправа вплавь.

Пѣхота рѣдко переправляется вплавь, и во всякомъ случаѣ — лишь небольшими командами въ 50, 100 или 150 челов. хорошихъ пловцовъ (иногда этихъ людей посылаютъ для осмотра непріятельскаго берега или для производства на немъ поиска); болѣе же сильные пѣхотные отряды не переправляются вплавь.

Кавалерія болѣе способна къ этого рода переправѣ, и можетъ производить ее цѣлыми эскадронами и даже полками.

Для переправы выбираютъ мѣсто, гдѣ теченіе небыстро и гдѣ берега некруты. Послѣднее въ особенности важно для кавалеріи. Переправу никогда не дѣлаютъ ни противъ теченія, ни поперекъ рѣки, а выбираютъ мѣсто для схода въ воду выше мѣста для причала. Надо переправляться довольно широкимъ фронтомъ, напр. по-взводно или даже по-эскадронно, соблюдая между эскадронами двойные интервалы, чтобы не увеличивать напора воды. Въ этомъ строю кавалерія будетъ лучше сопротивляться силѣ теченія, а лошади и всадники менѣе подвергаются опасности быть унесенными водою. Переправляясь, люди отводятъ ноги назадъ и держатся лѣвой рукой слегка за поводъ, а правою — за гриву.

Иногда вплавь переправляютъ только лошадей, а люди съ сѣдлами переѣзжаютъ на лодкахъ и судахъ, держа лошадей въ поводу. Переѣзжая въ лодкѣ, имѣющей около $4^1/_2$ саж. длины, можно держать въ поводу 6 лошадей, съ каждой стороны.

Переправа на судахъ.

Всѣ роды войскъ могутъ переправляться на судахъ и на паромахъ изъ судовъ, приводимыхъ въ движеніе или веслами, или же въ неглубокихъ рѣкахъ—шестами.

Этотъ способъ переправы весьма употребителенъ въ военное время.

Первоначально слѣдуетъ изъ ближайшихъ окрестностей собрать суда къ мѣсту переправы, по возможности въ большемъ количествѣ, чтобы сразу можно было переправлять большія массы войскъ.

Одновременно съ собираніемъ судовъ, должно на мѣстѣ, назначенномъ для переправы, измѣрить глубину рѣки по всей ея ширинѣ, изъ предосторожности, чтобы нагруженныя суда не попали на мель. Мѣста отчала избираются смотря по силѣ теченія, нѣсколько выше пунктовъ причала, чтобы суда не сносило ниже назначенныхъ мѣстъ.

Собранныя суда выстраиваютъ затѣмъ вдоль берега, причемъ легчайшія изъ нихъ ставятъ съ верховой стороны, такъ какъ въ противномъ случаѣ, во время переправы, тяжелыя суда могутъ наваливать на легкія и опрокидывать ихъ.

Всѣ суда перенумеровываются, чтобы каждая переправляющаяся часть знала заранѣе куда она должна садиться. Суда, назначенныя для перевозки артиллеріи, необходимо тщательно осматривать (относительно ихъ прочности), подъемная сила ихъ должна быть опредѣлена соотвѣтственною нагрузкой людей (см. ниже), и кромѣ того слѣдуетъ устроить приспособленія для ввоза, установки и своза орудій съ судовъ.

Пѣхота, при переправѣ на судахъ, должна садиться въ лодки и выходить изъ нихъ безъ торопливости. Въ каждомъ отдѣленіи, назначенномъ въ одну лодку, долженъ быть начальникъ (офицеръ или унтеръ-офицеръ), который обязанъ знать нумеръ своего судна и наблюдать за порядкомъ. Во время переѣзда люди должны сохранять тишину, отнюдь не перемѣняя своихъ мѣстъ и не вступая въ перестрѣлку съ непріятелемъ: иначе можетъ произойти опасная качка.

Нагруженныя суда, отваливъ отъ берега всѣ вдругъ,

идутъ на веслахъ, или на шестахъ. Переправивъ одну часть войскъ, отправляютъ суда обратно, за другими отрядами. Если непріятельскій берегъ крутъ, то первые переправившіеся люди должны имѣть съ собою достаточно лопатъ и кирокъ, для приготовленія всходовъ для послѣдующихъ войскъ. Особенно это важно при переправѣ артиллеріи.

Кавалерію можно переправлять не иначе какъ на большихъ судахъ, причемъ необходимо сдѣлать для этого досчатые помосты съ перилами. Лошадей ставятъ поперекъ судовъ, въ двѣ шеренги, головами къ бортамъ, если суда достаточно широки; въ противномъ же случаѣ—въ одну шеренгу, головами попеременно то къ одному, то къ другому борту. Кавалеристы обязаны оставаться каждый при своей лошади и держать ее въ короткомъ поводу.

Для перевозки артиллеріи можно употреблять отдѣльныя большія суда, и при этомъ орудія слѣдуетъ снимать съ передковъ; большей же частью артиллерія перевозится на поромахъ, устраиваемыхъ изъ двухъ или четырехъ судовъ.

То же самое дѣлается и для перевозки пѣхоты, въ случаѣ если суда малы, такъ что переправа пѣхоты будетъ медленна.

Для устройства парома изъ двухъ судовъ, ставятъ ихъ въ $1\frac{1}{2}$ — 2 саж. одно отъ другаго, параллельно между собою, и черезъ каждые $2\frac{1}{2}$ фута связываютъ брусьями *(переводинами)*, положенными на ребро, но такъ, чтобъ они не закрывали ни кормовой, ни носовой части судовъ. Концы переводинъ выпускаютъ фута на $1\frac{1}{2}$ за борты и прикрѣпляютъ къ послѣднимъ веревками, или желѣзными скобами. При этомъ, если борты судовъ ненадежны, то поддерживаютъ переводины козлами (см. ниже), устанавливаемыми внутри судовъ. Съ тѣхъ сторонъ, которыми паромъ долженъ приставать, на концы переводинъ нарубаются брусья, параллельно къ бортамъ. На переводины настилаются доски, прикрѣпляемыя къ нимъ гвоздями или брусками; послѣдніе кладутся на края досчатаго помоста и привязываются отъ мѣста до мѣста, сквозь доски, къ переводинамъ. На помостѣ утверждаютъ деревянныя или веревочныя разъемныя перила. Кормила рулей обоихъ судовъ соединяются жердью, для того чтобъ одинъ человѣкъ могъ вдругъ управлять обоими рулями.

Мосты.

Полевымъ войскамъ приходится иногда устраивать мосты на козлахъ черезъ ручьи, овраги, рвы и проч., изъ

Табл. XX. Мосты на козлахъ черт. 5.

Табл. XX. подручнаго матеріала. Но къ этого рода мостамъ прибѣгаютъ только тогда, если препятствія, черезъ которыя они должны быть перекинуты, не превышаютъ въ ширину саженъ 10 и притомъ вода въ нихъ не глубокая (не болѣе 3 или 4 фут.).

Прежде описанія устройства этихъ мостовъ, слѣдуетъ замѣтить:

1) Всякій мостъ состоитъ изъ упоровъ (берега съ береговыми лежнями и промежуточные упоры—стоячіе или пловучіе) и мостоваго полотна, которое, въ свою очередь, составляется изъ переводинъ, настилки и перилъ.

2) Для переправы одной пѣхоты, ширина моста дѣлается отъ 3 до 9 и болѣе фут.; для переправы же артиллеріи и обоза—не менѣе 10 фут.

3) Разстояніе между упорами (козлами) — отъ 2 до $2^1/_2$ саж. [1]).

Черт. 1—4. *Устройство и размѣры козелъ.* — Козлы устраиваются или о четырехъ ногахъ, черт. 1 и 2, или же о шести, черт. 3, при этомъ изъ обтесаннаго или необтесаннаго лѣса.

Главныя условія, которымъ должны удовлетворять козлы, это — прочность и устойчивость. Для прочности выгоднѣе всего, чтобы ноги козелъ стояли отвѣсно; для устойчивости же — наоборотъ: онѣ должны болѣе расходиться въ стороны. Чтобъ удовлетворить обоимъ этимъ условіямъ, принято, въ козлахъ о четырехъ ногахъ, врубать послѣднія [2]) такимъ образомъ, чтобъ онѣ расходились по длинѣ козелъ на $^1/_8$ до $^1/_{10}$ высоты, а по ширинѣ — на $^1/_4$ высоты. Перекладина козелъ дѣлается фута на 4 длиннѣе ширины моста (по 2 фута въ каждую сторону); шириною же—отъ 8 до 12 дюйм., а толщиною — отъ 8 до 9 дюйм.

При длинѣ ногъ козелъ въ 6, 8, 10, 12, 15, 20 фут., толщина ихъ соотвѣтственно бываетъ: 4, $5^1/_2$, 6, $6^1/_2$, 8, 9 дюйм.

Когда ноги козелъ имѣютъ въ длину не болѣе 6 фут.,
Черт. 1. онѣ соединяются, на $^1/_3$ высоты козелъ снизу, деревян-
Черт. 4. ными схватками; если же длина ногъ превосходитъ этотъ размѣръ, необходимо соединять ихъ, сверхъ того, и другими схватками, повыше первыхъ. Для соединенія же

---

[1]) Размѣщать ихъ ближе 2 саж. одинъ отъ другаго — не слѣдуетъ, такъ какъ пришлось бы дѣлать слишкомъ много упоровъ, чрезъ что въ ручьяхъ произошелъ бы большой напоръ воды; также, въ видахъ прочности моста, нельзя разставлять козлы и далѣе чѣмъ на $2^1/_2$ саж.

[2]) Ноги врубаются сковороднемъ, черт. 1. *a*.

ногъ козелъ съ перекладиною служатъ наклонныя схватки, какъ показано на черт. 1, 2 и 4, которыя приколачиваются или привязываются къ этой перекладинѣ, а не врубаются въ нее, чтобы не ослабить послѣднюю.

Если дно неровное, то ноги подрубаются сообразно поверхности. При вязкомъ днѣ подъ ноги козелъ подкладываются лежни и доски, вслѣдствіе чего давленіе передается на бо́льшую плоскость. Черт. 4.

Если перекладина козелъ слишкомъ длинна и лѣсъ тонокъ, то подъ средину ея можно представить стойку, черт. 4.

Переводины.—Число переводинъ для переправы пѣхоты и артиллеріи, а также толстота и качество лѣса для различныхъ пролетовъ [1]), видны изъ слѣдующей таблицы. Черт. 5.

Разстояніе между козлами.	Число переводинъ.		Толщина переводинъ	
	Для пѣхоты.	Для артиллеріи.	Сосна.	Ель.
			Вер	шки.
2 саж.	4	5	4	5
2½ »	4	5	5	6

Если бревна обтесываются съ четырехъ сторонъ, то высота должна относиться къ ширинѣ ея какъ 7: 5, или какъ 5 : 4. Крайнія переводины кладутся въ разстояніи равномъ ширинѣ моста, черт. 5; среднія — въ одинаковомъ одна отъ другой разстояніи. Переводины заходятъ за перекладину козелъ дюйма въ 4, а одна за другую — фута на 2. По наложеніи переводинъ на перекладину, прибиваютъ ихъ къ послѣдней желѣзными скобами, или привязываютъ веревками съ закрутнями.

Береговой лежень.—Для укладки переводинъ, въ берега врываются брусья, называемые береговыми лежнями. Со стороны рѣки эти лежни закрѣпляются кольями; съ противуположныхъ же сторонъ вставляютъ на ребро доски, въ которыя своими концами упираются переводины, или береговой конецъ каждой переводины укрѣпляется отдѣльно кольями. Черт. 5.

[1]) Пролетомъ называется промежутокъ между упорами, оставляемый для протока воды.

Табл. XX. *Настилка*, черт. 5, состоитъ изъ 2-дюймов. досокъ, заходящихъ за крайнія переводины на 1 или 2 дюйма. Доски къ переводинамъ прибиваются гвоздями; но лучше, сверху, по обоимъ концамъ досокъ, класть продольные бруски, т. е. *пажилины* (3 дюйма въ квадратѣ), привязывая эти послѣднія, сквозь доски, къ крайнимъ переводинамъ веревочными стяжками съ закрутнями [1]).

Перила состоятъ изъ стоекъ, врубленныхъ шипами въ доски, сажени на 2 одна отъ другой; въ отверстія этихъ стоекъ пропускается веревка, прикрѣпляемая къ кольямъ, вбитымъ на берегу.

Черт. 5 представляетъ мостъ на трехъ козлахъ разнаго устройства черезъ ручей, шириною 8 саж.

Мостъ безъ промежуточныхъ упоровъ, черт. 6. Если ручей, оврагъ, ровъ и вообще какое бы то ни было препятствіе, черезъ которое приходится перекинуть мостъ, имѣетъ отверстіе не болѣе 4 саж. ширины, можно прямо перекинуть переводины съ одного берега (или упора) на другой. Помѣщаемая ниже таблица показываетъ размѣры переводинъ, при различныхъ отверстіяхъ, для переправы артиллеріи.

Ширина отверстія.	Число переводинъ.	Толщина переводинъ.	
		Сосна.	Ель.
		в е р	ш к и.
2 саж.	5	4	5
$2\frac{1}{2}$ »	—	5	6
3 »	—	6	7
$3\frac{1}{2}$ »	—	7	8
4 [2]) »	—	8	9

Черт. 7. *Способы передачи переводинъ съ одного берега на другой.*—Для передачи переводинъ съ одного берега на другой поступаютъ различно, именно:

---

[1]) Закрутенъ есть деревянная палка.

[2]) Для перехода артиллеріи, не слѣдуетъ допускать болѣе 4 саж. длины переводины на вѣсу.

1) Протягиваютъ на противуположный берегъ канаты и по нимъ перекатываютъ переводины.

2) Утверждаютъ на берегу стойку, съ укрѣпленною наверху петлей. Къ этой стойкѣ приставляютъ переводину и къ верху ея привязываютъ веревку, которую пропускаютъ чрезъ петлю стойки. Посредствомъ веревки верхній конецъ переводины постепенно опускаютъ на противуположный берегъ.

3) Наконецъ употребляютъ для этой цѣли приспособленіе, показанное на черт. 7, гдѣ брусъ *вв*—противувѣсъ; на *аа* накладываются кругляки, по которымъ и накатываютъ переводину.

При ширинѣ рѣки, непревосходящей 20 саж., и при слабомъ теченіи можно устроить пловучій мостъ. Для этого, на своемъ берегу, связываютъ веревками два параллельныхъ ряда бревенъ (въ поперечникѣ отъ 12 до 16 дюйм.), съ разстояніемъ между ними въ 5 фут., и притомъ такъ, чтобы бревна заходили фута на $2\frac{1}{2}$ одно за другое. Затѣмъ дѣлается досчатый помостъ, причемъ доски или прибиваются, или привязываются къ бревнамъ. Пѣшеходный пловучій мостъ, черт. 9.

Для наводки такого моста, придерживаютъ канатами одинъ его конецъ, а другой отталкиваютъ отъ берега, чтобы теченіемъ поворотило мостъ на данное мѣсто. При этомъ помѣщаютъ на мосту нѣсколько человѣкъ, которые, дѣйствуя шестами или баграми, помогаютъ поворотить его. Когда мостъ достигъ даннаго мѣста, его укрѣпляютъ веревками, привязанными къ кольямъ, вбитымъ въ берега. Кромѣ того, чтобы мостъ теченіемъ не выгибало и не сносило, вбиваютъ отъ мѣста до мѣста толстые колья въ дно рѣки (при небольшой глубинѣ) съ низовой стороны, и къ этимъ кольямъ канатами привязываютъ мостъ; если же канатовъ достаточно, то такіе колья вбиваются для той же цѣли и съ верховой стороны.

Полевымъ войскамъ приходится иногда, во время военныхъ дѣйствій, за неимѣніемъ моста и судовъ, переправлять черезъ рѣку одно или нѣсколько орудій, а также и людей, на плоту изъ бревенъ. Устройство бревенчатаго плота, черт. 10 и 11.

При устройствѣ плота необходимо знать:

1) *Вѣсъ и квадратное содержаніе перевозимыхъ предметовъ.* — Въ этомъ отношеніи имѣются слѣдующія данныя:

9-фунт. орудіе съ лафетомъ и передкомъ (съ зарядами, снарядами и принадлежностями) вѣситъ 107 пуд. Длина орудія съ лафетомъ и передкомъ, отъ начала дула до передняго конца дышла—25 фут. 9 дюйм.; ширина—6 фут.; длина же лафета 9-фунт. орудія, снятаго съ передка, отъ начала дула до конца хобота—11 фут. 6,5 дюйма.

Табл. XX. 4-фунт. орудіе съ лафетомъ и передкомъ (съ зарядами, снарядами и принадлежностями) вѣситъ 85 пуд.. Длина этого орудія съ лафетомъ и передкомъ, отъ начала дула до передняго конца дышла—23 фута 11 дюйм., а одного орудія, безъ передка, отъ начала дула до конца хобота—11 фут., ширина 4-фунт. орудія—6 фут.

Зарядный ящикъ 9-фунт. пушки, съ зарядами и принадлежности, вѣситъ около 60 пудовъ.; длина его съ оглоблями—12 фут. 11,5 дюйма, ширина—6 фут.

Зарядный ящикъ 4-фунт. пушки, съ зарядами и принадлежностями, вѣситъ около 50 пуд., длина и ширина—тѣ же что и у 9-фунт. орудія.

Лошадь вѣситъ 17 пуд.; занимаетъ въ длину 1 саж., въ ширину—$^1/_2$ саж.

Пѣхотный солдатъ въ боевомъ снаряженіи вѣситъ около 6 пуд. и занимаетъ 1 квадр. арш.

2) *Вѣсъ настилки, накатника, брусьевъ, перилъ и т. д., могущихъ находиться на плоту.*

Настилка:

1	кв. футъ	настил. изъ	2-дюйм.	досокъ	вѣситъ	6,1 фунта.
1	»	»	» $2^1/_2$ »	»	»	7,8 »
1	»	»	» 3 »	»	»	9 »

Связные брусья, въ 8 дюймов. въ боку квадрата:

Длина	Вѣсъ
$2^1/_2$ саж.	7,7 пуда
3 »	9,3 »
$3^1/_2$ »	10,8 »
4 »	12,4 »

Накатникъ:

Длина	Ширина	Вѣсъ
2 саж.	$2^1/_2$ вершка	$1^3/_4$ пуда
2 »	$3^1/_2$ »	$3^5/_8$ »
3 »	3 »	$3^1/_4$ »
3 »	$3^1/_2$ »	6 »

Жердь, длиною до 3 саж., толщиною въ $1^1/_2$ вершка, вѣситъ $1^1/_4$ пуда.

3) *Подъемную силу бревенъ.*

Подъемная сила бревенъ равна вѣсу вытѣсняемой воды безъ вѣса самаго бревна, или равняется объему бревна, умноженному на разность вѣсовъ воды и дерева. Вѣсъ

1 куб. фута воды—69 фунт.; вѣсъ 1 куб. фута полусухаго сосноваго или еловаго лѣсу—40 фунт.

Въ слѣдующей таблицѣ можно найти подъемную силу полусухихъ сосновыхъ или еловыхъ бревенъ [1]) разной длины и различнаго поперечнаго сѣченія въ тонкомъ концѣ.

Длина бревна, въ саженяхъ.	Поперечникъ бревна (въ тонкомъ отрубѣ), въ вершкахъ.								
	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Подъемная сила (до полнаго погруженія), въ пудахъ.								
2	3,5	5,1	7,2	9,4	12	14,5	18,5		
3	5,7	8,4	11,3	15,1	19,4	24	29,1		
4	8,6	12	16,5	21,6	27,3	33,6	40,6	48,6	56,8
5	11,5	16,5	22,3	28,8	36	43,5	53,2	62,6	74,1
6	15,1	21,6	28,8	36,3	45,5	55,4	66,9	72	92,1

При употребленіи бревенъ для плотовъ, надо расчитывать только на половину полной подъемной силы. Это потому, во 1-хъ, что бревна, намокая въ водѣ, теряютъ часть этой силы, а во 2-хъ, нельзя допустить, чтобы бревна вполнѣ погружались въ воду, напротивъ—нѣкоторая часть ихъ должна выходить внаружу. Для повѣрки подъемной силы плота, нагружаютъ его людьми, вѣсъ которыхъ равняется вѣсу предназначаемаго для перевозки груза. Бревна въ плотѣ располагаются комлями попеременно то въ одну, то въ другую сторону. Форма плота—продолговатая и остроконечная, для уменьшенія сопротивленія теченію, или же, когда послѣднее слабо—квадратная, или прямоугольная. Плотъ не долженъ быть слишкомъ узокъ, иначе онъ будетъ неустойчивъ по ширинѣ. Нельзя также вязать слишкомъ большаго плота,

[1]) Сосновыя и еловыя бревна предпочтительно употребляются для плотовъ, какъ по легкости своей (сравнительно съ другимъ лѣсомъ), такъ и потому, что, содержа въ себѣ смолу, менѣе вбираютъ воду. Сухія бревна выгоднѣе употреблять для плота чѣмъ сырыя.

Табл. XX. потому что трудно имъ управлять. Длина плота—отъ 4 до 6 саж., ширина — отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ саж. (а иногда и болѣе).

Орудія можно ставить или прямо на бревна (подстилая доски для передачи давленія на большее число бревенъ), или же—на помостъ изъ досокъ. Послѣдній способъ менѣе выгоденъ для устойчивости плота и подъемной его силы, но зато удобнѣе ввозить и свозить съ плота орудіе.

При перевозкѣ людей необходимы только перила, въ помостѣ же нѣтъ надобности.

Для перевозки лошадей дѣлается помостъ; иногда же въ продольныхъ стыкахъ бревенъ кладется накатникъ, или рѣшетины.

Примѣръ.—Пусть требуется перевезти 9-фунт. орудіе, съ передкомъ и съ 10-ю людьми. Орудіе ставится на помостъ изъ 2-дюймов. досокъ. Имѣются подъ рукою бревна 8 вершов. толщины и 6-сажен. длины. Сколько надо бревенъ?

Вѣсъ 9-фунт. орудія съ передкомъ	107	пуд.
» 10 людей	60	»
» настилки (7,5 квадр. саж.)	56	»
» связныхъ накатинъ, въ 3 саж. $3^1/_2$ вершка.	42	»
» перилъ, сходней, веселъ и т. д., около	16	»
Итого	281	пуд.

Подъемная сила всѣхъ бревенъ должна быть равна $281 \times 2 = 562$ пуд.

Подъемная сила одного бревна—45,5 пуда; слѣдовательно, число бревенъ найдется, если раздѣлить 562 на 45,5, а именно получится 13 бревенъ вышепоказанныхъ размѣровъ.

Если не дѣлать настилки и перилъ, а ставить орудіе прямо на бревна (подкладывая подъ колеса доски), то можно обойтись болѣе тонкимъ или короткимъ лѣсомъ, или перевезти бо̀льшій грузъ.

Черт. 10. *Вязку плота* выгоднѣе всего производить на водѣ.

Если плотъ долженъ состоять изъ трехъ 6-сажен. бревенъ и десяти 3-сажен. (бревна 8 и 9-вершков.), то 6-сажен. бревна размѣщаются на водѣ параллельно берегу, такъ чтобы крайнія были футъ около 8 отъ средняго бревна. На эти бревна кладутъ поперекъ два связные бруса, изъ которыхъ верховой располагается въ разстояніи 7 фут. отъ конца средняго бревна, перпендикулярно къ нему, и привязывается 2-дюймов. веревкой [1]); крайнія

[1]) За неимѣніемъ веревки, употребляютъ вицы, которыми или привязывается брусъ какъ веревками, или же вицы огиба-

бревна выступаютъ за связной брусъ на 1 футъ, и также скрѣпляются съ нимъ. Второй связной брусъ, на другомъ концѣ плота, привязываютъ къ бревнамъ въ положеніи параллельномъ къ первому и отступя отъ хвоста крайнихъ бревенъ также на 7 фут.

Если имѣется въ виду устроить настилку, то размѣщаютъ въ соотвѣтственномъ положеніи еще 4 или 5 связныхъ брусьевъ, и тогда общее число ихъ будетъ 6 или 7. Если же плотъ остается безъ настилки, то можно ограничиться только двумя средними связными брусьями, т. е. употребить ихъ всего 4. Составивъ такимъ образомъ раму для плота, приступаютъ къ размѣщенію 3-сажен. бревенъ, подводя ихъ подъ раму.

Когда крайнія и среднія 6-сажен. бревна расположены комлями къ верховой сторонѣ, то помѣщаемыя съ ними рядомъ 3-сажен. бревна обращаются къ ней тонкимъ. концомъ. Для этого, спуская по теченію 3-сажен. бревно, обращенное комлемъ къ верховой сторонѣ, вводятъ его въ этомъ положеніи подъ раму возлѣ средняго бревна, такъ чтобъ оно остановилось ниже средины послѣдняго. За этимъ бревномъ вводятъ другое, но уже тонкимъ концомъ къ верховой сторонѣ. Послѣ того, оба бревна привязываются къ связнымъ брусьямъ. При спусканіи слѣдующихъ двухъ бревенъ, концамъ ихъ даютъ обратное положеніе и останавливаютъ бревна такъ, чтобы концы плота получали надлежащіе уступы. Когда всѣ 3-сажен. бревна будутъ введены, ихъ сращиваютъ одно съ другимъ скобами [1]).

Если лѣсъ слишкомъ тонокъ, то вяжутъ плотъ изъ бревенъ, положенныхъ одно на другое въ 2 ряда. При этомъ нижній рядъ вяжутъ какъ выше было сказано, а верхній накатываютъ на связные брусья нижняго ряда и затѣмъ скрѣпляютъ такими же брусьями. Эти послѣдніе связываются (въ четырехъ или шести мѣстахъ) веревками или вицами, со связными брусьями нижняго ряда.

Черт. 11 представляетъ плотовой паромъ изъ тринадцати 8-вершков. бревенъ, съ настилкою и перилами, а также съ двумя рулями и четырьмя веслами.

Рули вращаются въ стойкахъ [2]). Нижнія оконечности рулей стесаны плоско, въ видѣ лопаты; верхнія же имѣ-

---

ютъ брусъ и вкладываются въ высверленныя въ бревнѣ дыры, гдѣ и забиваются деревянными нагелями.

[1]) Если всѣ бревна 6-сажен., то вязка плота упрощается, потому что не нужно сращивать бревенъ.

[2]) Бревна, въ которыя утверждены эти стойки, должны быть особенно прочно скрѣплены со связными брусьями.

*

Табл. XX. ютъ утолщенія, составляющія противувѣсъ и снабжены спицами, для удобнѣйшаго удерживанія руля руками.

Весла привязываются къ стойкамъ, утвержденнымъ на крайнихъ бревнахъ.

Настилка не доходитъ фута на 2 до причальныхъ сторонъ плота, для свободнаго сообщенія кругомъ послѣдняго. На оконечности связныхъ брусьевъ, съ причальныхъ сторонъ плота, нарубается по одному продольному лобовому брусу, для удобства причаливанія.

Переправлять такой плотъ черезъ неширокую и небыструю рѣку можно помощью каната, привязаннаго къ носовому связному брусу. За этотъ канатъ тянутъ люди, предварительно переправленные на другой берегъ. Къ кормовому связному брусу можно привязать другой канатъ, за который потянутъ паромъ обратно.

При неширокой рѣкѣ переправляютъ плотъ еще и такимъ образомъ: утверждаютъ на плотѣ стойку (высотою въ 4 фута), съ проушиною и шкивой, сквозь которую пропускаютъ канатъ, протянутый съ одного берега на другой [1]); люди, находящіеся на плоту, тянутъ за этотъ канатъ и тѣмъ самымъ сообщаютъ движеніе пароду.

При широкой, мелкой и небыстрой рѣкѣ, для переправы плота ставятъ его длинною стороной къ теченію подъ угломъ въ 45°, причемъ гребутъ веслами, дѣйствуютъ рулемъ и отталкиваются, кромѣ того, шестами.

На плоту слѣдуетъ имѣть въ готовности доски, переводины и козлы, для устройства пристаней или сходней на другомъ берегу. При этомъ нужно имѣть въ виду, особенно при перевозкѣ артиллеріи, чтобы сходни съ берега упирались не на край плота, а на связные брусья, отъ края плота на $^1/_3$ ширины его. Это необходимо для того, чтобы плотъ не слишкомъ наклонялся въ одну сторону, причемъ онъ можетъ сильно погрузиться въ воду.

Для перевозки артиллеріи, орудіе и передокъ (каждое порознь) устанавливаются около средины плота, такимъ образомъ, чтобы послѣдній погрузился въ воду равномѣрно.

При размѣщеніи людей и лошадей также наблюдается, чтобы грузъ былъ распредѣленъ равномѣрно по всему плоту. При посадкѣ, первые ряды людей помѣщаются на срединѣ плота, слѣдующіе же затѣмъ—вокругъ первыхъ. При высадкѣ—наоборотъ: крайніе люди выходятъ ранѣе

---

[1]) Канатъ натягивается посредствомъ вóрота, или прикрѣпляется къ деревьямъ, если они имѣются на берегахъ, или же, въ противномъ случаѣ, привязывается къ толстымъ столбамъ, вбиваемымъ для этой цѣли на обоихъ берегахъ.

другихъ. Лошади устанавливаются такъ, какъ сказано при переправѣ на судахъ.

Вообще посадка войскъ, отчаливаніе отъ берега и сама переправа во всемъ сходны съ тѣми же дѣйствіями при переправѣ на судахъ [1]).

На небыстрыхъ рѣкахъ и притомъ въ удаленіи отъ непріятеля, переправа на плотахъ представляетъ много выгодъ, такъ какъ устройство плотовъ несложно, требуетъ мало времени, и къ тому же они могутъ ходить на мелкой водѣ. Но при поспѣшной переправѣ въ виду непріятеля, плоты представляютъ большія неудобства, происходящія отъ трудности управленія ими и отъ медлиности ихъ хода.

Разрушеніе мостовъ.

Мосты можно разрушать: 1) издали, или 2) на мѣстѣ. **Табл. XXI.**

Въ первомъ случаѣ, для разрушенія деревянныхъ мостовъ, пускаютъ по рѣкѣ (по теченію) плоты, составленные изъ одного или двухъ рядовъ бревенъ. На этихъ плотахъ прочно укрѣпляютъ толстыя стойки такой высоты, чтобы плотъ не могъ подойти подъ настилку моста. Ударъ подобнаго плота, особенно на быстрыхъ рѣкахъ, сильно повреждаетъ мостъ. Кромѣ того плотъ, задерживая теченіе въ одномъ мѣстѣ, усиливаетъ его въ другихъ, и тѣмъ самымъ увеличивается разрушеніе, производимое ударомъ. Вмѣсто плотовъ пускаютъ иногда барки или другія суда, нагруженныя камнемъ или вообще тяжестью, или же наконецъ — отдѣльныя бревна, по возможности въ большомъ числѣ.

Во второмъ случаѣ самый легкій способъ для прекращенія сообщенія по мосту — снятіе настилки. Но сверхъ того, употребляютъ и слѣдующіе способы:

Мосты на судахъ или разводятъ, или перерубаютъ удерживающіе ихъ якорные канаты, или же, наконецъ, приводятъ въ негодность самыя суда. Для послѣдней цѣли суда затопляютъ, прорубая въ нихъ дно, или взрываютъ, укладывая пороховые заряды во-внутрь судовъ, подъ срединою настилки. При этомъ, если суда имѣютъ большіе размѣры, то заряды кладутъ еще и въ кормовой и носовой частяхъ.

Мосты на сваяхъ или козлахъ сожигаютъ, взрываютъ или просто опрокидываютъ козлы.

Для сожженія моста раскладываютъ по настилкѣ костры изъ сухаго хворосту, сухихъ или осмоленныхъ фа-

---

[1]) При переправѣ на плотовомъ паромѣ соблюдается та же предосторожность, какъ и при паромѣ изъ судовъ, а именно — предварительно измѣряется глубина рѣки по всей ширинѣ ея, для того чтобы нагруженный паромъ не сѣлъ на мель.

Табл. XII. шинъ, щепокъ, пакли, соломы, сѣна и другихъ легко-загорающихся матеріаловъ [1]); затѣмъ упоры обкладываютъ тѣми же самыми матеріалами, и все это зажигаютъ.

Для взрывовъ выгоднѣе всего подвѣшивать заряды подъ насадки свай, или подъ перекладины козелъ.

Плотовые мосты 1) разводятъ, 2) перерубаютъ якорные канаты и связные брусья и 3) взрываютъ, помѣщая заряды на настилкѣ и покрывая ихъ досками или мѣшками съ землею.

Каменные мосты разрушаются исключительно порохомъ. Для этого, надъ замковымъ камнемъ свода, во всю ширину моста, вырываютъ въ полотнѣ его поперечный ровикъ, шириною около 1 фута, черт. 1, до свода. Но еще лучше — углубить этотъ ровикъ въ самую кладку свода, выдѣлавъ въ послѣдней борозду, дюйма въ 2 глубиною и около 4 дюйм. шириною, черт. 2. Уложивъ на мѣсто зарядъ [2]), покрываютъ его досками и засыпаютъ землею и каменьями изъ разобраныхъ перилъ или мостовой, чтобъ обратить дѣйствіе пороха преимущественно на сводъ.

Для опредѣленія величины заряда при подрываніи мостовыхъ арокъ, слѣдуетъ руководствоваться слѣдующею таблицей.

Толстота арки, за вычетомъ вырубленной борозды, въ футахъ.	Величина заряда, на каждые 6 фут. длины борозды, въ фунтахъ.
1	30
1½	40
2	70
2½	108
3	157
3½	213
4	280

[1]) Если найдется подъ рукою керосинъ или масло, то полезно полить ими настилку или разложенные на ней костры.

[2]) Порохъ въ ровикѣ помѣщается въ картузахъ или мѣшкахъ, черт. 1, или просто высыпаютъ его въ борозду, черт. 2, или же укладываютъ его въ деревянные ящики (если они имѣются подъ рукою).

Эти заряды, вычисленные для прочной кирпичной кладки, для арокъ изъ естественнаго камня слѣдуетъ еще увеличить на $^1/_3$.

При взрываніи *деревянныхъ мостовъ на каменныхъ или деревянныхъ устояхъ*, на полотно моста кладутъ отъ 8 до 12 пуд. пороху. Зарядъ прикрываютъ досками и засыпаютъ землею.

Для воспламененія пороха употребляютъ одинъ изъ слѣдующихъ способовъ:

1) бѣгущій огонь и монахъ (трутъ);

2) сосисъ и монахъ;

3) огнепроводные шнуры.

Бѣгущій огонь состоитъ изъ полосы пороху, шириною въ 1 дюймъ. Полосу эту, отъ средины заряда, насыпаютъ вдоль моста на доски и по возможности прикрываютъ досчатыми жолобами. Въ особенности тщательно должно быть сдѣлано прикрытіе, когда полоса пороху проводится чрезъ землю, насыпанную на порохъ. Въ мѣстѣ сообщенія огня углубляютъ въ оконечность пороховой полосы *монахъ*, т. е. остроконечный кусокъ трута (въ $1^1/_2$ дюйма длиною и линіи въ 2 или 3 толщиною въ основаніи). На него насаживается бумажка, до половины высоты трута, черт. 3, для лучшей установки его въ порохѣ. Она утверждается на мѣстѣ камешками и обсыпается землею или глиною, для того чтобы, при зажиганіи, отъ нечаянно упавшей искры, не произошло преждевременнаго взрыва. Черт. 1.

Тонкій конецъ монаха зажигаютъ горящимъ кускомъ такого же трута, и тотчасъ убѣгаютъ куда нибудь подальше, въ безопасное отъ взрыва мѣсто. Время, когда огонь сообщится пороховой полосѣ, узнается временемъ горѣнія куска трута такой же величины, какъ установленный на порохѣ, и обыкновенно для этого, по воспламененіи монаха, уносятъ съ собою и зажженный кусокъ трута, о которомъ только что упомянуто.

Для зажиганія пороха [1]) лучше всего пользоваться трутомъ, приготовленнымъ изъ березовой губки, вываренной въ растворѣ золы [2]). Употребляемый иногда солдатами трутъ изъ сахарной бумаги, пропитанной селитрою

---

[1]) Въ крайнемъ случаѣ, вмѣсто монаха, можно сообщить огонь пороховой полосѣ, вставивъ въ нее небольшой кусочекъ обыкновеннаго артиллерійскаго фитиля. Слѣдуетъ однако замѣтить, что послѣдній горитъ весьма медленно.

[2]) Для приготовленія трута берется губка съ березы. Губка эта рѣжется на пластинки и размягчается ударами. По размягченіи варятъ пластинку въ щелокѣ и высушиваютъ.

Табл. XXI. или пороховой мякотью, не годится, потому что разбрасываетъ искры, которыя могутъ произвести преждевременный взрывъ. По той причинѣ не слѣдуетъ употреблять трутъ изъ губки, обработанной въ растворѣ селитры. Во всякомъ случаѣ, употребляемый кусокъ трута долженъ быть предварительно отдѣльно испробованъ при зажиганіи небольшаго количества пороху.

Черт. 2. *Сосисъ* состоитъ изъ холщевой кишки, поперечникомъ въ 8 лин., плотно сшитой и набитой мелкимъ порохомъ, или — преимущественно — пороховой мякотью [1]). На 1 погон. саж. такой кишки идетъ 1 фунтъ пороху. Кишка, при недостаткѣ холста, сшивается изъ солдатскихъ рубахъ.

Сосисъ кладутъ однимъ концомъ въ порохъ, въ срединѣ ровика, другой же конецъ выводятъ, чрезъ покрышку заряда, внаружу, и протягиваютъ по мосту на нѣкоторое разстояніе. Для того чтобы при засыпкѣ заряда землею не попортить сосиса, послѣдній укладывается въ досчатый желобъ.

Въ расщепъ наружной оконечности сосиса вставляютъ въ мякоть монахъ, съ тѣми же предосторожностями какъ сказано выше, и затѣмъ, сообщивъ огонь, убѣгаютъ.

При набивкѣ сосиса слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы слой мякоти шелъ сплошь и въ кишкѣ не оставалось пустыхъ мѣстъ. При укладываніи сосиса надо тщательно осматривать мѣста перегибовъ и мѣсто соединенія его съ зарядомъ.

Сосисъ горитъ со скоростью отъ 1 до 2 саж. въ 1 секунду.

Огнепроводные шнуры бываютъ различнаго устройства. Вообще они состоятъ изъ: 1) сердцевины, приготовленной изъ горючаго вещества; 2) пеньковой обмотки сердцевины; 2) наружной обложки, для предохраненія отъ промоканія. Шнуры эти приготовляются машиннымъ способомъ и чрезвычайно распространены въ Европѣ.

Сообщеніе огня посредствомъ шнуровъ гораздо проще, скорѣе, и при большой длинѣ шнура — безопаснѣе вышеописанныхъ способовъ.

Возстановленіе мостовъ.

Табл. IX. Когда ширина разрушенной части моста представляетъ отверстіе болѣе 4 саж. (что обыкновенно бываетъ при

---

[1]) Набивать кишку мякотью лучше, потому что такой сосисъ горитъ медленнѣе нежели набитый порохомъ. Мякоть получается, растирая порохъ постепенно небольшими количествами и просѣивая его чрезъ сито.

возстановленіи каменныхъ мостовъ), то для приведенія моста въ прежній видъ, потребуются болѣе или менѣе сложные способы и пріемы при производствѣ работы. Безъ участія спеціальныхъ войскъ производство подобной работы почти невозможно.

Впрочемъ, вотъ одинъ простой способъ возстановленія моста черезъ разрушенную арку саж. въ 7 отверстіемъ.

Кладутъ съ обоихъ мостовыхъ упоровъ балки (саж. въ 6 длиною и вершк. въ 9 толщиною), выпуская ихъ надъ отверстіемъ саж. на $2^1/_2$. При этомъ, на упорахъ балки будутъ лежать по всей своей длинѣ на $3^1/_2$ саж. Концы ихъ, лежащіе на упорахъ, покрываются двумя рядами накатника и толстымъ слоемъ земли и камня. Средняя часть отверстія (3 саж.) перекрывается также балками, упирающимися на выступающіе надъ отверстіемъ концы балокъ, лежащихъ на упорахъ. Затѣмъ, сверху кладется накатникъ или доски. При подобномъ способѣ возстановленія моста, все вниманіе должно быть обращено на образованіе на уцѣлѣвшихъ упорахъ возможно большаго противувѣса средней части моста. Наибольшая масса земли насыпается по сторонамъ моста, на концахъ накатника; на срединѣ же послѣдняго лежитъ только тонкій слой, за-подъ-лицо съ мостовымъ полотномъ въ средней части моста. Онъ необходимъ для отвращенія ударовъ колесами. Черт. 8.

При поспѣшномъ возстановленіи мостовъ, ширину настилки дѣлаютъ всего фут. 10, несмотря на то, что первоначально мостовое полотно было гораздо шире.

ОТДѢЛЪ VI.

УСТРОЙСТВО ЛАГЕРЯ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

ГЛАВА I.

ВЫБОРЪ МѢСТА И РАЗБИВКА ЛАГЕРЯ. УСТРОЙСТВО БАРАКОВЪ И ЗЕМЛЯНОКЪ. ПОХОДНЫЯ БИВУАЧНЫЯ ПАЛАТКИ.

При продолжительной стоянкѣ войскъ въ военное время, ихъ располагаютъ большей частью лагеремъ въ палаткахъ, баракахъ и землянкахъ. Главныя правила при размѣщеніи войскъ лагеремъ въ каждомъ изъ трехъ названныхъ помѣщеній остаются одни и тѣ же.

Выборъ мѣста для лагеря.

При выборѣ мѣста для лагеря необходимо имѣть въ виду: I) чисто военныя, II) гигіеническія и хозяйственныя условія.

I. *Военныя условія.*

Въ этомъ отношеніи можетъ быть опять два подраздѣленія: 1) устраивается ли лагерь вблизи непріятеля, или 2) въ значительномъ отдаленіи отъ него.

Въ первомъ случаѣ избранная мѣстность должна удовлетворять стратегическимъ и тактическимъ условіямъ.

Стратегическія условія зависятъ отъ общихъ военныхъ соображеній.

Въ тактическомъ же отношеніи требуется отъ лагеря, чтобы: а) фланги были обезпечены; б) войска могли удобно переходить въ наступленіе, обороняться, и въ случаѣ нужды—отступить; в) къ лагерю могли удобно подходить резервы, и подвозиться военные и жизненные припасы.

Во второмъ случаѣ, т. е. когда лагерь располагается

вдали отъ непріятеля, главную роль играютъ стратегическія условія, и войска сосредоточиваются сообразно тому, какъ имъ придется дѣйствовать противъ непріятеля.

II. *Гигіеническія и хозяйственныя условія.*

Лагерь долженъ быть располагаемъ на мѣстѣ возвышенномъ, достаточно освѣжаемомъ вѣтромъ, близъ хорошей рѣки, лѣса и населенныхъ мѣстъ, изобилующихъ жизненными припасами; съ этими мѣстами необходимы хорошія сообщенія, чтобы лагерь могъ быть снабжаемъ въ достаточномъ количествѣ водою, топливомъ, соломою и матеріалами для постройки бараковъ, землянокъ, хлѣбопекарныхъ печей, и т. д.

Поэтому, слѣдуетъ избѣгать расположенія на грязныхъ, топкихъ берегахъ большихъ рѣкъ или озеръ; около болотъ и тинистыхъ мелкихъ прудовъ; на мѣстностяхъ, недавно обнаженныхъ отъ лѣса; на мѣстахъ гдѣ незадолго войска уже стояли продолжительное время лагеремъ; вблизи кладбища; тамъ гдѣ почва или подпочва глинистая, задерживающая воду, или гдѣ на поверхности много пыли; наконецъ—гдѣ свирѣпствуютъ мѣстныя болѣзни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весьма важно обратить вниманіе на признаки лихорадочности мѣстности. Изъ продолжительной практики на Кавказѣ замѣчено, что лихорадки развиваются тамъ, гдѣ зелено, сыро и тепло; гдѣ же не достаетъ хотя одного изъ этихъ условій, тамъ болѣзнь эта сильно развиться не можетъ. Но лихорадочная міазма летуча, и по своей летучести легко переносится вѣтромъ на мѣста, гдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ источниковъ ея. Поэтому, кромѣ мѣстныхъ источниковъ міазмы, надо обращать вниманіе на присутствіе ихъ по сосѣдству.

Разбивка лагеря.

Для разбивки лагеря необходимо знать:

1) число частей различныхъ родовъ войскъ, порядокъ и разстояніе, въ которомъ должны стоять части одна возлѣ другой;

2) составъ и величину каждой части, внутренній порядокъ размѣщенія ихъ и величину занимаемаго пространства;

3) во сколько линій слѣдуетъ разбить лагерь,—и

4) сколько людей можно помѣстить въ палаткѣ, баракѣ или землянкѣ.

Всѣ эти свѣдѣнія опредѣляются особою подробною ин-

струкціей. Въ общихъ словахъ можно замѣтить слѣдующее:

Въ *пѣхотномъ полку* баталіоны разставляются въ одну линію, интерваломъ въ 25 шаг. одинъ отъ другаго. Въ баталіонѣ роты размѣщаются въ такомъ же порядкѣ, какъ во взводной колоннѣ изъ средины. Между полубаталіонами оставляется разстояніе въ 21 шагъ. Впереди располагаются палатки, бараки или землянки нижнихъ чиновъ; потомъ—помѣщенія для офицеровъ; далѣе—кухни, офицерскія и солдатскія и мѣста для солдатскихъ столовъ; затѣмъ—обозъ и лошади въ коновязяхъ, и наконецъ—отхожія мѣста. Полкъ приблизительно занимаетъ: по фронту—335 шаг., и въ глубину—373 шага.

Въ *кавалерійскомъ полку* эскадроны располагаются одинъ возлѣ другаго по строевому порядку. Впереди размѣщаются строевыя лошади, въ коновязяхъ, фуражъ и нижніе чины; затѣмъ—офицеры; далѣе—офицерскія и солдатскія кухни, столовая, полковой обозъ, и наконецъ—отхожія мѣста. Кавалерійскій полкъ по фронту лагеря занимаетъ около 300 шаг., въ глубину же — около 400 шаг.

Въ *артиллеріи*, въ каждой батареѣ, впереди всего расположенія — орудія; за ними — передки, и наконецъ — зарядные ящики. Въ самомъ же лагерѣ: сначала—лошади, въ коновязахъ, фуражъ и нижніе чины; потомъ—офицеры, офицерскія и солдатскія кухни, столовая; далѣе — обозъ, и наконецъ—отхожія мѣста. Приблизительно пѣшая батарея занимаетъ по фронту 120 шаг., въ глубину—410 шаг.; конная же батарея по фронту — 160 шаг., въ глубину—475 шаг.

Если лагерь располагается въ двѣ линіи, то между тыломъ передней линіи и фронтомъ задней оставляютъ промежутокъ саженъ въ 90—100.

Впереди лагеря также необходимо оставлять свободное пространство, саж. въ 50 шириною.

Дивизіи размѣщаются на довольно значительныхъ интервалахъ одна отъ другой.

Артиллерія въ большей части случаевъ стоитъ между частями пѣхоты (пѣшая артиллерія) и кавалеріи (конная артиллерія).

Правильность при расположеніи лагеря необходима какъ къ командномъ отношеніи [1]), такъ и въ гигіеническомъ. Широкія и прямыя линейки и дороги, а также рас-

[1]) Для лучшаго надзора за войсками и удобнаго сбора ихъ на случай тревоги.

положеніе палатокъ, землянокъ, коновязей, обоза и т. д. въ одну линію способствуютъ лучшему обвѣванію вѣтромъ и благотворному дѣйствію солнечныхъ лучей.

Разбивка лагеря производится слѣдующимъ образомъ:

Пробиваютъ линію фронта лагеря, причемъ мѣста расположенія баталіоновъ, эскадроновъ, батарей и интервалы между ними обозначаются кольями. Въ этихъ точкахъ пробиваютъ, къ линіи фронта, перпендикуляры, равные глубинѣ лагеря.

Если мѣсто, на которомъ предполагается разбить лагерь, покрыто травою или хлѣбомъ, то ихъ надо скосить. Если же оно болотисто, то его слѣдуетъ осушить, отведя воду канавами въ сторону. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на прорытіе канавъ для осушенія лагеря, если почва или подпочва глинистая, задерживающая воду: иначе послѣ каждаго должна будетъ грязь; когда же пригрѣетъ сильно солнцемъ, то будутъ выдѣляться изъ земли вредныя для здоровья испаренія. Ямы по возможности засыпаются землею; дороги окапываются канавами; черезъ овраги и рытвины дѣлаются мостики.

Устройство бараковъ и землянокъ.

Мѣста подъ палатки и бараки обдѣлываются такъ: Табл. XXII.

Надъ окружающимъ мѣстомъ устраиваютъ небольшое возвышеніе, насыпая слой земли (глины или песку), причемъ слой этотъ утрамбовываютъ и обрываютъ кругомъ канавкою. Снаружи палатокъ или бараковъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ дѣлать присыпокъ. Входныя двери двухъ смежныхъ помѣщеній не должны приходиться одна противъ другой. Между линіями бараковъ слѣдуетъ оставлять разстояніе не менѣе высоты барака, для лучшаго обвѣванія воздухомъ и согрѣванія лучами солнца. Въ лѣтнее жаркое время выходныя двери лучше обращать на сѣверъ, въ холодное же, въ особенности въ землянкахъ—на югъ. Въ тактическомъ отношеніи двери выгоднѣе помѣщать по тому направленію, куда людямъ надобно выбѣгать во время тревоги (въ кавалеріи—къ лошадямъ, въ артиллеріи—къ орудіямъ). Черт. 1—7.

Квадратное содержаніе въ баракахъ, палаткахъ и землянкахъ на пѣхотинца полагается около 14,5 квадр. фута, на кавалериста — до 20 квадр. фут., такъ какъ кавалеристы держатъ при себѣ въ палаткѣ сѣдло и мундштукъ.

Палатка, обыкновенно употребляемая, имѣетъ основаніе квадратное, по 7 шаг. въ каждомъ боку квадрата. Въ ней помѣщается до 15 нижнихъ чиновъ.

Табл. XXII. Матеріалы, изъ которыхъ устраиваютъ бараки и землянки, весьма различны. Преимущественно для этого употребляютъ жерди, доски, хворостъ, плетень, солому, дернъ. Способъ постройки и величина ихъ также весьма разнообразны. Въ отношеніи здоровья, лучше всего устраивать бараки (выше поверхности земли) и класть людей на нарахъ, на досчатомъ полу, и наконецъ, за недостаткомъ другаго матеріала, — на соломѣ. Высота подъ конькомъ крыши должна быть не менѣе — 7 фут., чтобы человѣкъ могъ стоять вытянувшись. За невозможностью устраивать бараки на поверхности земли, прибѣгаютъ къ полууглубленнымъ баракамъ, или въ крайности — къ углубленнымъ землянкамъ. Зимою вставляютъ окна и приспособляютъ палатки, бараки и землянки къ отопленію. Устраивая это послѣднее, не слѣдуетъ внутри помѣщеній вырывать ямъ для согрѣванія углемъ. При сожженіи его въ этихъ ямахъ могутъ скопляться вредные газы, производящіе угаръ [1]). Лучше всего устраивать печи изъ кирпича, или ставить желѣзные переносныя печи.

Черт. 1 представляетъ круглый баракъ на 24 челов., покрытый соломою; поперечникъ—20 фут. На каждаго человѣка приходится по окружности около 2,5 фута; люди спятъ головами къ окружности. На устройство такого барака требуется 21 жердь, длиною 17,5 фута каждая. Жерди врываются въ землю и обрѣшечиваются хворостинами, въ разстояніи около 1 фута рѣшетина отъ рѣшетины. Послѣднія привязываются или прибиваются къ жердямъ и покрываются соломою. Солома кладется снопами, начиная съ низу крыши, толстыми концами внизъ, и привязывается ко второй снизу рѣшетинѣ. Когда покроютъ нижній рядъ крыши, то начинаютъ покрывать второй рядъ снизу, привязывая снопы къ третьей снизу рѣшетинѣ, и т. д.. За неимѣніемъ соломы, употребляются вѣтви лиственныхъ и хвойныхъ деревъ, а также камышъ, которые предварительно вяжутся въ пучки, и этими пучками покрываютъ крышу какъ снопами соломы. Кругомъ барака вырывается канава. На устройство его требуется 24 челов. и 7 час. времени.

Черт. 2 изображаетъ прямоугольный баракъ на 24 челов. Длина его—4 саж., ширина—17½ фут., высота до конька—8,5 фута. Для постройки требуется 22 жерди (въ 15 фут. длины) и для конька — одна жердь (30-футов.) Обрѣшечиваніе и покрытіе дѣлаются подобно предъидущему.

Для работы необходимо 24 челов. и 11 час. времени.

---

[1]) Бывали примѣры задушенія отъ подобныхъ ямъ.

Черт. 3 представляетъ полууглубленный[1]) баракъ на 16 челов. (по 8 челов. съ каждой стороны). Баракъ — квадратный, по 16 фут. въ боку квадрата. На устройство его надобно имѣть 10 челов. рабочихъ и 9 час. времени.

Черт. 4 изображаетъ землянку для 12 пѣхотныхъ солдатъ. Яма глубиною въ 3 фута, шириною — въ 12 фут., длиною—въ 15 фут. Боковыя стѣны выведены изъ дерна, булыжнаго камня и земли. На стѣнки положено отъ 6 до 9 брусковъ или жердей; разстояніе между ними—2 фута. Жерди покрыты слоемъ хворосту и дерну. Сторона, въ которой продѣланъ входъ въ землянку, одѣта плетнемъ. Подобная землянка—самая простая, требуетъ менѣе всего матеріала, но зато и самая нездоровая, по причинѣ сырости.

Черт. 5, 6 и 7 представляютъ стоящіе на поверхности и полууглубленные бараки, устроенные изъ разныхъ матеріаловъ, причемъ по этимъ чертежамъ можно составить себѣ понятіе о различныхъ способахъ устройства наръ. Бараки, изображенные на черт. 5 и 6, покрыты плетнемъ, обмазаннымъ глиною; баракъ же, представленный на черт. 7—соломою. Плетневыя нары показаны на черт. 6, а досчатыя—на черт. 7.

Походныя бивуачныя палатки.

Палатки эти, черт. 1, солдаты носятъ на себѣ. Каждый изъ нихъ имѣетъ: 1) кусокъ парусины, въ 2 арш. 5 вершк. въ боку квадрата, съ пробитыми по краямъ и обшитыми кожею дырочками, черт. 2; 2) палку (въ $1\frac{3}{4}$ арш.), изгибающуюся на шарнирѣ (для удобства переноски) и поддерживаемую въ прямомъ положеніи посредствомъ жестяной муфточки, черт. 3 и 4; 3) веревку съ петлею, черт. 5 и 6; 4) колышки, черт. 7, и веревочную петлю, черт. 8. **Табл. XXIV. Черт. 1—13.**

Вѣсъ всѣхъ этихъ частей такой, что на солдата приходится немного менѣе 5 фунт.

6 солдатъ могутъ составить изъ четырехъ кусковъ парусины двухскатную крышу, а входныя отверстія — закрыть двумя остальными кусками, перегнутыми по діагонали. При этомъ всѣ люди удобно помѣщаются подъ палаткою. 8 солдатъ точно также составляютъ изъ шести кусковъ палатку, закрывая отверстія двумя кусками. 4 и 2 солдата имѣютъ возможность образовать только двухскатную крышу, для прикрытія же и выходныхъ отверстій требуется соединенія въ одной палаткѣ не менѣе 6 челов. (Черт. 1.)

Чтобъ установить палатки на мѣсто, разбиваютъ людей

[1]) На $1\frac{1}{2}$ фута въ землю.

Табл. XXIV. роты на отдѣленія, по 6 челов. Каждое отдѣленіе раскла-
Черт. 11. дываетъ на землѣ 4 куска парусины и простегиваетъ ихъ веревками; такимъ образомъ составляется одно полотнище. При этомъ петли веревокъ пригоняютъ къ нижней кромкѣ, чтобы можно было натянуть эти петли на колышки, вбитые въ землю. Послѣ того ставятся на землю три палки [1]), причемъ верхніе заостренные концы ихъ продѣваются въ три дыры конька палатки. Поставивъ палатку, люди поддерживаютъ ее до тѣхъ поръ, пока она будетъ
Черт. 12 и 13. со всѣхъ сторонъ натянута веревками къ колышкамъ, вбитымъ въ землю.

У входныхъ отверстій, однѣ стороны полотнищъ, согнутыхъ по діагонали, пристрачиваются веревкою къ палаткѣ, другія же—остаются свободными, черт. 1.

На всю описанную здѣсь работу требуется не болѣе двухъ минутъ времени, для разборки же палатки—всего одна минута. Эти палатки занимаютъ столько же мѣста, сколько люди въ строю. Такъ, напр., если баталіонъ стоялъ во взводной или полувзводной колоннѣ изъ средины, то на этомъ же самомъ мѣстѣ люди могутъ помѣститься подъ палатками. Дѣйствительно, на палатку, назначаемую для помѣщенія 6 челов., достаточно въ ширину $2\frac{1}{2}$ шага (пространство, занимаемое тремя рядами по фронту), а въ длину, вмѣстѣ съ натянутыми веревками—10 шаг.

Грунтъ подъ палатки не приготовляется особымъ образомъ. Заботятся только, чтобъ онѣ стояли на сухомъ и ровномъ мѣстѣ. Относительно удобства помѣщенія, походныя, бивуачныя палатки уступаютъ обыкновеннымъ, а также и баракамъ.

Изъ каждаго полотнища легко можно образовать носилки для раненыхъ. Для этого, полотнище складывается вдвое, черт. 9 и 10, сначала въ длину, а потомъ—въ ширину. Сходящіеся бока прошнуровываются веревкой. Для переноски больныхъ вставляютъ два кола.

Изъ каждаго куска парусины также удобно сдѣлать мѣшокъ для фуража или сѣнникъ для спанья.

ГЛАВА II.

ХЛѢБОПЕКАРНЫЯ ПЕЧИ. ОЧАГИ. ОТХОЖІЯ МѢСТА.

Хлѣбопекарныя печи., табл. XXII и XXIII.

Табл. XXII. Эти печи устраиваются большею частью изъ матеріаловъ, встрѣчающихся въ полѣ, т. е. изъ кирпича, сырца, плетня и земли.

[1]) Для образованія палатки на 6 челов.

Каждая печь состоитъ изъ: 1) пода, на которомъ выпекается хлѣбъ; 2) свода, образующаго печь; 3) ступеней у входа къ печи; 4) предпечной ямы, уширяющейся въ обѣ стороны, для постановки двухъ квашенъ; 5) шестка, на который выгребаются уголья; 6) устья печи, чрезъ которое сажается хлѣбъ, и 7) дымовой трубы, устраиваемой обыкновенно въ задней оконечности свода, для лучшей тяги воздуха во время топки, лучшаго распространенія пламени по всей печи и отдачи ей всего тепла [1]). — Составныя части печи.

Размѣры печей зависятъ отъ количества, необходимаго на суточное продовольствіе нижнихъ чиновъ. — Размѣры печей, черт. 8—11.

Вотъ размѣры обыкновенно устраиваемыхъ печей: длина—4 арш., ширина—3 арш., а высота, считая отъ пода до внутренней поверхности свода — 11 вершк.; устье печи—высотою 6 верш.; ширина шестка—10 вершк.; высота трубы надъ сводомъ—2 арш.; отверстіе трубы—9 квадр. вершк. [2]). — Черт 8—11.

Въ одинъ пріемъ такая печь выпекаетъ около 11 пуд. хлѣба, который всего выгоднѣе дѣлать въ 12 фунт.

Кирпичныя печи.

На постройку печи вышесказанныхъ размѣровъ изъ кирпичей, нужно: 1,100 кирпичей, 8 рабочихъ для мятья глины, 5 печниковъ и 4 часа времени для кладки [3]). На просушку печи — не менѣе 6 час. Каждая топка продолжается 2 часа; печеніе хлѣба — $2\frac{1}{2}$ часа. Если для выдѣлки печи употребляется старый кирпичъ, которымъ выстилается ея подъ, то кирпичъ долженъ быть тщательно очищенъ отъ извести.

Сырцовыя печи.

Если подъ рукою не имѣется готоваго кирпича и находится вблизи въ большомъ количествѣ глина, то уст-

[1]) Въ Варшавскомъ округѣ устраиваютъ дымовую трубу въ передней части печи, какъ показано на черт. 10, табл. XXII; а для притока воздуха во время топки, продѣлано въ задней оконечности свода отверстіе, которое послѣ топки закрывается. При этомъ, во время топки, устье печи закрываютъ заслонкою.

[2]) Печи меньшихъ размѣровъ невыгодны, потому что требуютъ относительно больше топлива; кромѣ того, кирпичей или сырца для кладки подобныхъ печей идетъ болѣе. Но, съ другой стороны, большаго размѣра печи невыгодно устраивать потому, что хлебопекамъ тяжело будетъ сажать хлѣбы. Вообще же величина печи не имѣетъ вліянія на качество выпекаемаго хлѣба.

[3]) Постройку печи см. ниже—«Сырцовыя печи».

Табл. XXII. раиваютъ сырцовыя печи. Разница между кирпичемъ и сырцомъ та, что сырецъ не обожженъ, а только высушенъ на воздухѣ, кирпичъ же обжигается въ особо для того устроенныхъ печахъ.

Приготовленіе глины для выдѣлки сырца. Глина бываетъ *жирная*, т. е. болѣе чистая, содержащая въ себѣ мало песку и другихъ постороннихъ частей, и *тощая*, въ которой эти примѣси находятся въ большей пропорціи.

Для выдѣлки сырца изъ жирной глины, слѣдуетъ прибавить къ ней нѣкоторое количество песку. Это количество можно опредѣлить въ точности только опытами, руководствуясь при этомъ приведеными ниже практическими замѣчаніями, именно:

Годная для сырца глина прилипаетъ къ ногамъ послѣ небольшаго дождя. Скатанный изъ нея шарикъ сильно усыхаетъ и трескается въ сухомъ мѣстѣ. Напротивъ, шарикъ изъ песчаной или иловатой глины, по высушкѣ, разсыпается. Продолговатый комокъ, скатанный изъ жирной глины, при растягиваніи показываетъ нѣкоторую степень тягучести; изъ песчаной же глины—вовсе не растягивается.

Рабочіе мнутъ глину ногами, выкидывая при этомъ всѣ твердыя, попадающія подъ ноги постороннія вещества и переворачивая размятый слой лопатами. Въ то же время прибавляютъ воды, для того чтобы глина удобно разминалась, и песку, чтобъ она годилась для выдѣлки сырца. Вымятую глину, совершенно очищенную отъ камешковъ и другихъ грубыхъ веществъ, переносятъ къ мѣсту выдѣлки сырца, въ такомъ количествѣ, какое необходимо для приготовленія сырца въ теченіе одного дня. Затѣмъ глину кладутъ на токъ (сухое и ровное мѣсто, посыпанное пескомъ) и покрываютъ рогожами или соломою. Но тамъ, гдѣ глина скоро высыхаетъ отъ солнечнаго жара, ее не кладутъ на токъ, а оставляютъ въ ямахъ, или творилахъ, гдѣ она была приготовлена.

Выдѣлка сырца, черт. 12—16. До формованія сырца, должно на токѣ глину еще разъ перемять ногами по рогожамъ, которыми она покрыта, чтобы придать всей массѣ одинаковую степень густоты. Деревянныя формы для ручной выдѣлки сырца дѣлаются или безъ дна, или съ дномъ. Внутренніе размѣры формъ должны соотвѣтствовать размѣрамъ сырца. Обыкновенно сырецъ имѣетъ въ длину 6 вершк., въ ширину—3 вершка, въ высоту—$1\frac{1}{2}$ вершка. Черт. 12.

Черт. 13. 1) *Для приготовленія сырца въ формахъ безъ дна*, комъ глины, нѣсколько большій нежели можетъ помѣститься въ форму, валяютъ въ сухомъ пескѣ, разсыпанномъ на кирпичедѣльномъ столѣ, и вбрасываютъ съ усиліемъ въ

форму, смоченную и также посыпанную внутри пескомъ. При этомъ глину нажимаютъ руками, чтобъ она совершенно наполнила собою форму и углы сырца не имѣли бы такъ называемыхъ недодѣловъ. Глина, послѣ добавленія, не можетъ соединиться плотно съ преждевложенною: прибавленные куски, послѣ просушки, отваливаются и сырецъ дѣлается ломкимъ. Излишнюю глину срѣзываютъ деревянною *скалкой* наравнѣ съ краями формы. Наполненную форму сдвигаютъ со стола и выкладываютъ сырецъ на токъ тою же стороной, которою онъ лежалъ на столѣ. Черт. 15.

2) *Въ формахъ съ дномъ* сырецъ выдѣлывается такимъ же образомъ, но съ большимъ удобствомъ, потому что при переноскѣ, и особенно при сниманіи со стола, сырецъ не можетъ вывалиться изъ формы. Черт. 14.

Одинъ кирпичедѣлецъ долженъ выдѣлать въ день изъ готовой глины 500, а съ подготовкою ея—300 сырцовъ.

Когда сырецъ отвердѣетъ на токѣ дотого, что можно безопасно его брать въ руки, то выравниваютъ и выправляютъ его еще разъ на кирпичедѣльномъ столѣ, а потомъ кладутъ подъ навѣсами (если они имѣются подъ рукою) въ козелки на ребро, для окончательной просушки. Въ этомъ положеніи сырецъ остается еще нѣсколько времени, послѣ чего переносится на другое мѣсто, подъ тѣмъ же навѣсомъ, и складывается въ клѣтки на ребро, въ 10 рядовъ вышиною. При навѣсахъ должны находиться щиты, деревянные или соломенные, которыми, въ случаѣ надобности, закрываютъ бока навѣса. Черт. 15. Черт. 16.

Мѣсто, выбранное для кладки печей, должно имѣть твердое основаніе. Разбивка начинается съ того, что сперва обозначаютъ длину печи (4 арш. 14 вершк.) и ея ширину (3 арш. 6 вершк.), включая въ эти размѣры толщину стѣнокъ и ширину шестка. Потомъ откладываютъ 3 арш. въ длину и 3 въ ширину—для предпечника. По окончаніи трасировки, вырывается яма, глубиною подъ основаніемъ печи 10 вершк. а для предпечника — 1 арш. 12 вершк. Въ это же время дѣлаются ступени для входа въ яму. Затѣмъ приступаютъ къ кладкѣ печи. Мѣсто для пода утрамбовывается, выравнивается подъ одну горизонтальную плоскость и выкладывается сырцомъ, или лучше — кирпичемъ, положеннымъ плашмя на глинѣ. Въ это же время, высота шестка облицовывается кирпичною кладкой, толщиною въ $^1/_2$ или въ цѣлый кирпичъ. Сводъ складывается также въ $^1/_2$ кирпича, по опалубкѣ, образуемой изъ досокъ и поддерживаемой тремя кружалами. Каждое кужало составляется изъ двухъ досокъ, поставленныхъ на ребро и соединенныхъ поперекъ планками. Кладка печей, черт. 17—19. Черт. 19.

Табл. XXII. Кладка свода начинается отъ пятъ, въ одно время съ двухъ сторонъ, и возводится къ замковой части, гдѣ кладка и заканчивается. Одновременно съ кладкою свода, строится дымовая труба. По окончаніи кладки, сводъ обмазывается съ наружной стороны глиною и обсыпается слоемъ земли, толщиною въ 1 футъ.

Квашня, черт. 20 и 21. Она приготовляется или изъ 2-дюймов. досокъ, или изъ хвороста. Въ первомъ случаѣ, черт. 20, для $2\frac{1}{2}$ четверт. муки приготовляется ящикъ, длиною въ 6 фут. 10 дюйм., шириною — въ 2 фута 11 дюйм. и глубиною — въ 2 фута $1\frac{1}{2}$ дюйма. Во второмъ же случаѣ, черт. 21, для того же количества муки плетутся два тура, съ днами, въ діаметрѣ каждый $3\frac{1}{2}$ фута и высотою 2 фута. Они обмазываются изнутри глиною, и внутренняя поверхность тура обтягивается холстомъ.

Плетневыя печи.

Табл. XXIII. Черт. 22—24. Для приготовленія остова плетневой печи, черт. 22, выплетаютъ полукруглый туръ (видомъ наподобіе пода со сводомъ кирпичной печи), длиною 10 фут. и въ поперечникѣ—5 фут. Съ одного конца остовъ заплетаютъ наглухо, въ другомъ же концѣ оставляется отверстіе для устья. Остовъ этотъ кладутъ плоскою стороной на землю, на предварительно выровненное мѣсто, имѣющее спереди спускъ, для удобнаго подхода къ печи, черт. 22′, 23 и 24. Затѣмъ остовъ подвязываютъ четырьмя анкерами къ перекладинѣ, положенной на трехъ козлахъ, составленныхъ изъ на-крестъ вбитыхъ жердей или кольевъ. Послѣ того обмазываютъ остовъ, снаружи и внутри, хорошо перемятою глиной, настолько, чтобы толстота свода была въ 6 дюйм. Для сохраненія теплоты въ печи, полезно покрывать ее еще слоемъ земли въ 8 дюйм. Труба можетъ быть придѣлана въ задней части печи, или же просто дымъ выходитъ внаружу чрезъ устье печи.

На устройство печи потребно 8 рабочихъ (кромѣ людей, приготовляющихъ мѣсто), 40 кольевъ длиною въ 10 фут., $\frac{1}{3}$ куб. саж. хворосту и 8 час. времени. На высушку необходимо 3 часа. Вытапливается печь, послѣ каждаго печенія, въ продолженіе 2 час. Хлѣбъ печется 2 часа. Въ одну топку выпекается 7 пуд. 35 фунт. Слѣдовательно, въ первыя сутки можно изготовить печь и произвести 3 печенія. Въ слѣдующія сутки успѣютъ произвести уже 6 печеній (суточное продовольствіе на 630 челов.).

Для подобныхъ печей квашни дѣлаются также плетневыя, высотою въ 2 фута 6 дюйм. и въ поперечникѣ 3 фута.

Печи въ землѣ.

Подобныя печи удобнѣе выдѣлывать на берегу рѣки или ручья, въ отлогостяхъ горы, и притомъ въ сухой глинистой почвѣ. Если нѣтъ такого мѣста, то вырываютъ длинную и широкую канаву, аршина въ 3 глубиною, и выдѣлываютъ печи въ обѣихъ ея сторонахъ. Почва должно быть твердая и сухая. Самыя большія и прочныя печи можно устраивать въ сухой глинѣ; въ печахъ, выдѣланныхъ въ иловатой почвѣ, хлѣбъ не такъ хорошо выпекается, а въ черноземной — печи скоро обрушиваются. Иловатая почва допускаетъ выдѣлку печей не шире $1\frac{1}{2}$ арш. и не длиннѣе 2 арш. Черт. 25—27.

На устройство печи въ землѣ употребляется 4 часа времени, причемъ спускъ на берегу рѣки или канавы приготовляется особыми людьми.

Вообще выдѣлка этого рода печей производится такъ: Выкапывается яма, черт. 26, передняя стѣна которой дѣлается отвѣсною; въ этой стѣнѣ отрывается уступъ, для выгреба угольевъ; затѣмъ въ толщѣ земли вырывается углубленіе для самой печи. Для лучшаго задержанія жара, въ углубленіи выводится сводъ изъ кирпича (если найдется), булыжныхъ камней или плотныхъ кусковъ глины. Иногда (если возможно) въ задней части печи просверливаютъ до горизонта трубу; въ случаѣ же неимѣнія сверла для выдѣлки трубы, дымъ будетъ выходить изъ устья, какъ въ обыкновенной русской печи.

Въ первый разъ печь эта топится довольно долго, часовъ 8; слѣдующія же топки продолжаются отъ 2 до 3 час. Съ цѣлью уменьшить время топки, можно выстлать подъ печи кирпичемъ.

Въ земляной печи, размѣровъ показанныхъ на чертежѣ, изъ $2\frac{1}{2}$ пуд. муки выпекается за одинъ разъ 3 пуда хлѣба. Въ продолженіе же 27 час. можно сдѣлать 6 топокъ и выпечь изъ 15 пуд. муки 18 пуд. хлѣба, т. е. суточное продовольствіе на 240 челов.

Устройство очаговъ.

При продолжительной стоянкѣ лагеремъ и если притомъ имѣется необходимый матеріалъ, устраиваютъ для варки пищи очаги, изъ кирпича или сырца, черт. 28. На каждую роту вмазываютъ въ очагъ два котла: одинъ — для щей, другой — для каши. Очаги помѣщаются подъ навѣсомъ, устраиваемымъ изъ матеріаловъ, имѣющихся подъ рукою. Черт. 28—30.

Табл. XXIII. Если стоянка лагеремъ непродолжительна, и кромѣ того нельзя достать матеріаловъ для устройства кирпичнаго очага и навѣса, то помѣщаютъ котелъ просто на камняхъ въ канаву, черт. 29 [1]). Выгоднѣе же будетъ въ этомъ случаѣ устроить очагъ въ землѣ, какъ показано на черт. 30, гдѣ *a*, *a'* означаютъ мѣста для котловъ; *b*, *b* — траншею, изъ которой подкладываютъ дрова; *c*, *c* — трубы для отвода дыма. При такомъ устройствѣ кашеварамъ удобнѣе подходить къ котлу и пища не будетъ пахнуть дымомъ, какъ при расположеніи, показанномъ на черт. 29.

Отхожія мѣста.

Черт. 35—36. Отхожія мѣста располагаются въ тылу лагеря, и если возможно — по направленію господствующихъ вѣтровъ. Ямы должно дѣлать узкими и глубокими, чтобы нечистоты подвергались дѣйствію воздуха и солнца по возможности меньшей плоскостью и такимъ образомъ затруднялось бы ихъ разложеніе. Для одного баталіона, черт. 35 и 36, яма должна имѣть около 5 саж. длины, фута 2 ширины внизу и фута 4 глубины. Яму слѣдуетъ засыпать, когда она наполнится нечистотами на 3 фута отъ поверхности; тогда земля на яму насыпается наподобіе могильнаго бугра. Кромѣ того, еще до наполненія ямы на приведенную выше высоту, полезно сыпать туда, каждый день, небольшой слой извести, угля или земли. Стульчаки состоятъ изъ жердей, соединенныхъ между собою какъ показано на черт. 35 и 36. Такое устройство ихъ — весьма экономично, просто и предохраняетъ отъ паденія въ яму. Для укрытія отъ взоровъ, отхожія мѣста обсаживаются древесными вѣтвями.

ГЛАВА III.

СНАБЖЕНІЕ ЛАГЕРЯ ВОДОЮ.

Когда *берутъ воду для людей* изъ рѣки, ручья или озера, то слѣдуетъ черпать ее въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, гдѣ она болѣе глубока, чиста и имѣетъ больше протока. При этомъ нужно наблюдать, чтобы выше выбраннаго мѣста (по теченію рѣки) не купались, не мыли бѣлья и не поили скота.

---

[1]) Канава вырывается для предохраненія пламени отъ задуванія вѣтромъ.

Мѣста для водопоевъ скота отводятся (на рѣкѣ, по течению) ниже мѣста, откуда берутъ воду для людей, но выше мѣстъ для мытья бѣлья. Крутые берега должны быть срыты, для удобнѣйшаго схода къ рѣкѣ, и кромѣ того слѣдуетъ выбирать песчаное, невязкое мѣсто; если же нельзя удовлетворить послѣднему условію, то придется устроить спускъ искусственно, набросавъ хрящу, хворосту, фашинъ и покрывъ все это сверху землею.

Для мытья бѣлья устраиваются обыкновенно портомойные плоты.

Мѣста для купанья располагаются (по теченію) ниже пунктовъ, откуда берутъ воду для пищи людей, но выше мѣстъ для мытья бѣлья и водопоя скота. Пространство рѣки, выбранное для купанья, ограждается отъ глубокихъ мѣстъ кольями и веревками.

Колодцы.

Когда вблизи лагеря нѣтъ хорошей рѣки, ручья, озера Черт. 31—34.
или пруда, то выкапываютъ колодцы. Они должны быть расположены вблизи кухонь, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ жилыхъ мѣстъ, людей и скота; въ особенности же далеко отъ отхожихъ мѣстъ, помойныхъ ямъ и другихъ вмѣстилищъ нечистотъ.

Для устройства колодца, сначала заготовляютъ на землѣ бревенчатый срубъ, аршина въ 3 въ свѣту, соединяя при этомъ бревна въ лапу и за-подъ-лицо, какъ показано на черт. 31. Внутренность сруба должна быть обтесана. Затѣмъ, черт. 32, отрываютъ грунтъ фута на 4, оставляя землю съ натуральными откосами. Послѣ отрывки грунта приступаютъ къ выкапыванію самаго колодца, по размѣру сруба, причемъ стѣнамъ даютъ вертикальное положеніе. Отрывку продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока земля держится отвѣсно. Потомъ закладываютъ вѣнцы сруба, начиная съ дна отрытой ямы и до верху. Первый вѣнецъ распираютъ съ грунтомъ клиньями. Когда вывели обшивку, продолжаютъ вырывать колодезь, опять на такую глубину, какая возможна по грунту, и выводятъ срубъ такъ же, какъ дѣлали это раньше (т. е. снизу ямы поднимаются вверхъ до прежде уложенныхъ вѣнцовъ), и т. д.

Сѣченіе нижней части колодца, гдѣ будетъ собираться вода, для удобнѣйшаго откачиванія ея, можетъ быть и меньшихъ размѣровъ.

Когда выкопали весь колодезь и запустили срубъ, то на верху его накладываютъ еще вѣнцы, фута на 3 выше горизонта земли, и затѣмъ къ срубу присыпаютъ землю

Табл. XXIII. до горизонта. Полезно эту присыпку продолжать и нѣсколько выше, чтобы такимъ образомъ стокъ воды на поверхности направить отъ колодца, а не къ колодцу.

Если грунтовыя воды на незначительномъ разстояніи отъ поверхности, то устраиваютъ колодцы слѣдующимъ образомъ:

Откапываютъ, черт. 33 и 34, грунтъ земли на такую глубину, чтобы дно выемки превышало поверхность грунтовыхъ водъ на нѣсколько дюймовъ. Потомъ, для образованія обшивки колодцевъ, подготовляютъ бочки безъ днищъ, или какіе-нибудь другіе ящики, футъ 5 въ высоту и фута 3 въ поперечникѣ. Отрывъ же съ дна выемки, въ данномъ мѣстѣ, на футъ или болѣе, яму для колодца, вставляютъ въ нее бочку; тогда рабочій влѣзаетъ вовнутрь послѣдней и начинаетъ откапывать грунтъ далѣе, причемъ бочка опускается. Чтобы не допустить воду стекать съ мѣстнаго горизонта въ выемку, обносятъ ее валомъ съ канавою, а для предупрежденія стока въ колодцы нечаянно-пролитой или дождевой воды, откапываютъ въ выемкѣ канаву, въ которую и отводятъ такую воду. Когда колодцы отрыты, надо воду изъ нихъ нѣсколько разъ отлить и опустить на дно, на $\frac{1}{2}$ фута, хорошо-промытый щебень. Иногда полезно опускать на дно мѣшокъ съ угольями. Если вода, при отлитіи, получится невкусная, то бросаютъ въ колодезь фунта два поваренной соли.

Черт. 33 и 34 показываютъ расположеніе такихъ колодцевъ на одинъ полкъ.

Иногда кругомъ каждаго колодца выводятъ бревенчатые или досчатые срубы, или стѣнки, для безопасности во время темныхъ ночей, и покрываютъ колодцы досками, для предохраненія воды отъ пыли и согрѣванія солнцемъ.

Если на мѣстѣ расположенія лагеря оказывается совершенный недостатокъ свѣжей и чистой воды, то непремѣнно слѣдуетъ прибѣгать къ водоочистительнымъ машинамъ. Такое очищеніе состоитъ въ процѣживаніи воды чрезъ вещества, способныя пропускать ее, какъ то: куски пористыхъ камней, песокъ, шерсть, различнаго рода ткани, въ особенности шерстяныя или бумажныя. Чрезъ это удаляются изъ воды постороннія нерастворимыя подмѣси. Но чтобъ уничтожить запахъ и удалить нѣкоторыя растворимыя въ водѣ вещества, необходимо для процѣживанія употреблять уголь, который обладаетъ способностью поглощать эти вещества. Устройство снарядовъ для процѣживанія весьма разнообразно. Самый простой цѣдильный приборъ состоитъ изъ воронки, на-

полненной слоями чистаго и крупнаго песку и угля. Слои эти должно по временамъ перемѣнять.

Переносные трубчатые колодцы.

Табл. XXIV.

Трубчатые колодцы служатъ для добыванія на поверхность земли подпочвенной воды, посредствомъ тонкихъ желѣзныхъ трубъ и насосовъ. Колодцы разныхъ видовъ, существующіе нынѣ въ продажѣ, сходны въ своихъ главныхъ чертахъ и состоятъ изъ колѣнъ желѣзныхъ газопроводныхъ трубъ, наращиваемыхъ одна на другую по мѣрѣ углубленія въ грунтъ. Нижняя труба снабжена отверстіями для прохода воды во внутрь, а верхняя—приспособленіемъ для навинчиванія насоса, высасывающаго воду изъ трубы.

Колодезь Нортона, черт. 15 и 19.

Колодцы *Нортона*, черт. 15 и 19, состоятъ изъ ствола *а*, образуемаго четырьмя трубами, длиною въ 12, 9, 6 и 3 фута; поперечникъ этихъ трубъ внутри имѣетъ $^1/_4$ дюйма, а толщина ихъ—$^1/_2$ дюйма. Нижняя труба оканчивается стальнымъ четырехграннымъ копьемъ *б*, въ 5 дюйм., надъ которымъ, на протяженіи 1 фута, продѣлано 6 параллельныхъ рядовъ маленькихъ дырочекъ *в*. Концы трубы наращиваемыхъ колѣнъ снабжены винтовою нарѣзкой. Посредствомъ этихъ нарѣзокъ и навинчиваемыхъ на нихъ муфтъ *г* трубы соединяются между собою. Чугунный насосъ *д*, навинчиваемый на верхнюю оконечность трубы, есть простой всасывающій насосъ, съ деревяннымъ поршнемъ и кожаннымъ клапаномъ. Стволъ Нортоновскаго колодца запускается въ грунтъ посредствомъ вбиванія. Приборъ, употребляемый для этого, черт. 15, состоитъ изъ треноги, подвѣшиваемой къ ней бабы *е*, для вбиванія ствола, и опоки *ж*, навинчиваемой на стволъ, на которую падаетъ баба. Тренога состоитъ изъ верхней тарелки *з*, въ поперечникѣ 12 дюйм., съ тремя ушками, для укрѣпленія къ нимъ, посредствомъ болтовъ съ чеками, верхнихъ концовъ ногъ *и* треноги. Ноги эти состоятъ изъ желѣзныхъ трубокъ, длиною въ 7 фут., снабженныхъ на нижнемъ концѣ круглою шпорой *i*, препятствующею углубленію ноги въ грунтъ. Въ тарелкѣ имѣется круглое отверстіе, чрезъ которое пропускается вбиваемая труба, и внизу ея—два блока, для продѣванія веревокъ, поднимающихъ бабу.

Баба вѣситъ 2 пуда и состоитъ изъ чугуннаго цилиндра, высотою въ 1 футъ и въ поперечникѣ 6 дюйм., со сквознымъ отверстіемъ по оси. По бокамъ бабы придѣланы два ушка, для укрѣпленія концовъ веревокъ. Опока, навинчиваемая на трубу, имѣетъ два основанія: одно—

Табл. XXIV. меньшее, а другое—большее, и состоитъ изъ двухъ половинъ, соединяемыхъ одна съ другою винтами; эти половины образуютъ по оси опоки сквозное отверстіе.

На мѣстѣ, избранномъ для колодца, устанавливается тренога такимъ образомъ, чтобы ноги были раздвинуты по равностороннему треугольнику и имѣли уклонъ въ 60° съ горизонтомъ.

Опустивъ отвѣсъ изъ средины отверстія тарелки треноги, дѣлаютъ въ точкѣ прикосновенія его къ землѣ ломомъ небольшое углубленіе. Затѣмъ, продѣвъ верхній конецъ трубы, снабженный копьемъ, чрезъ отверстіе въ тарелкѣ, устанавливаютъ трубу въ приготовленную въ землѣ дыру. Предварительно же, на высотѣ 1½ — 3 фут. отъ горизонта [1]), надѣваютъ на трубу опоку, большимъ основаніемъ кверху [2]), и бабу, къ ушкамъ которой привязаны веревки, проходящія черезъ блоки треноги.

Когда приборъ установленъ, то начинаютъ вбивать трубу въ землю, ударая бабою по опокѣ и дѣствуя какъ обыкновеннымъ копромъ. Люди приэтомъ распредѣляются такъ: одинъ изъ нихъ—у веревокъ, нѣсколько рабочихъ — у треноги, для удерживанія ея ногъ, и наконецъ одинъ — наблюдаетъ за отвѣснымъ положеніемъ вбиваемой трубы. При каждомъ ударѣ бабы труба углубляется отъ ¼ до 4 дюйм., смотря по грунту. Когда труба вбита настолько, что опока касается горизонта, то эту послѣднюю отвинчиваютъ и перемѣщаютъ опять на 1½ до 3 фут. выше, что повторяютъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится надобность нарастить трубу новымъ колѣномъ. При вбиваніи трубы, отъ времени до времени опускается въ нее отвѣсъ, по которому судятъ, не показалась ли въ трубѣ вода. Убѣдившись въ появленіи воды, продолжаютъ вбиваніе трубы еще нѣкоторое время, для того чтобы конецъ ея находился, приблизительно, на 3 фута въ водоносномъ слоѣ земли [3]).

Затѣмъ очищаютъ внутренность трубы отъ глины и песку, которые туда могутъ попасть чрезъ отверстія въ оконечности нижняго колѣна. Съ этой цѣлью, въ трубу вливаютъ немного воды и впускаютъ во внутрь маленькую трубочку, помощью которой разбалтывается грязь

[1]) Смотря по качеству грунта.

[2]) При этомъ нѣтъ надобности сильно сжимать винты, скрѣпляющіе обѣ половины опоки, такъ какъ острая винтовая нарѣзка внутри ея, при первыхъ ударахъ бабы, врѣзывается въ наружную поверхность трубы.

[3]) Если при вбиваніи будетъ слышенъ рѣзкій металическій звукъ, то значитъ труба наткнулась на камень; тогда вынимаютъ трубу и вбиваютъ ее въ другомъ мѣстѣ.

въ трубѣ; послѣ того воду выкачиваютъ насосомъ, навинчиваемымъ на верхъ трубочки. Когда изъ послѣдней начнетъ получаться довольно чистая вода, то трубочка вынимается, и наносъ перемѣщается на большую трубу. При насаживаніи насоса на трубу, всѣ щели, при соединеніи его съ трубою, нужно тщательно замазать, а въ случаѣ если насосъ давно не былъ въ употребленіи, то въ него вливаютъ воды, для размягченія кожи клапана.

Въ заключеніе, остается сдѣлать вокругъ выступающей изъ грунта оконечности трубы какую либо подпору подъ насосъ. Она можетъ состоять изъ сколоченныхъ въ видѣ ящика досокъ или двухъ обрубковъ дерева.

Для уборки колодца, снимаютъ предварительно насосъ; потомъ, на конецъ трубы, выступающій изъ земли, надѣваютъ бабу, ушками книзу, а выше ея — опоку, малымъ основаніемъ кверху; наращивая трубу добавочнымъ колѣномъ и продѣвъ его чрезъ отверстіе въ тарелкѣ треноги, устанавливаютъ послѣднюю; наконецъ, привинтивъ предварительно опоку на высотѣ 3 фут. отъ земли, прикрѣпляютъ къ бабѣ веревки, продѣваютъ ихъ черезъ блоки треноги, и производятъ короткіе удары снизу вверхъ по опокѣ, отъ которыхъ труба начинаетъ постепенно выходить изъ скважины. Когда тяжесть ея не удерживается треніемъ, и она послѣ удара опадаетъ внизъ, слѣдуетъ поддержать ее помощью клещей и вынуть руками, отвинчивая постепенно наращенныя колѣна. По вынутіи всей трубы, какъ ее, такъ и насосъ промываютъ водою и смазываютъ саломъ, обращая особенное вниманіе на тщательную очистку винтовыхъ нарѣзокъ.

По опытамъ, произведеннымъ при Сводной Саперной бригадѣ, на сборку и установку колодца и углубленіе его на 18 фут., требовалось около $2\frac{1}{2}$ час. времени и получалось 120 ведеръ воды въ часъ.

Колодезь Франке, черт. 14 и 16.

Этотъ колодезь, черт. 14, отличается отъ Нортоновскаго тѣмъ, что онъ не вбивается, а ввинчивается въ грунтъ. Колодезь Франке состоитъ изъ ствола, насоса и прибора для ввинчиванія колодца въ землю. Стволъ колодца образуется тремя трубами, такого же поперечника какъ и въ Нортоновскихъ колодцахъ, длина же этихъ трубъ — 9, 6 и 3 фута. Нижнее длинное колѣно трубы снабжено стальнымъ остріемъ *а*, въ 7 дюйм. длиною, вокругъ котораго идетъ лопасть винта *б*, имѣющая въ діаметрѣ 4 дюйма. Выше винта, по длинѣ $1\frac{1}{2}$ фута, расположены вдоль трубы 90 водопріемныхъ дырочекъ *в*, прикрытыхъ снаружи густою проволочною сѣткой, припаянною къ стѣнкамъ трубы. Сѣтка служитъ вмѣсто цѣдильника. Колѣна трубы сращиваются одно съ другимъ тѣмъ же спо-

Табл. XXIV. собомъ какъ и при Нортоновскихъ колодцахъ, т. е. муфтами. По запущеніи трубы на желаемую глубину, къ ней привинчивается сверху насосъ [1]). Приборъ для запусканія ствола колодца въ грунтъ, черт. 16, состоитъ изъ бурава *д*, насаженнаго на желѣзный прутъ *а*, длиною въ 6 фут. и толщиною въ $^1/_4$ дюйма. На верхнемъ концѣ этого прута имѣется винтовая парѣзка *в*, служащая для укрѣпленія рукояти *г* (посредствомъ которой ввинчивается буравъ въ землю) и вмѣстѣ съ тѣмъ для сращиванія этого колѣна съ приставными колѣнами бурава.

Для установки колодца Франке, предварительно буравомъ высверливается въ грунтѣ отверстіе. Для этого одинъ человѣкъ, взявшись за рукоять, укрѣпленную къ бураву, нажимаетъ его слегка въ грунтъ и поворачиваетъ вправо. При каждомъ движеніи бурава впередъ, рабочій отворачиваетъ его немного назадъ. Въ мягкомъ грунтѣ и при началѣ работы, буравъ углубляютъ въ землю на 12 дюйм. и потомъ его вынимаютъ, чтобъ очистить лопасти бурава отъ земли; при болѣе твердомъ грунтѣ, а также по мѣрѣ увеличенія глубины скважины, буравъ запускается на меньшую глубину, и, наконецъ, при очень твердомъ грунтѣ, или когда бureніе уже оканчивается, не слѣдуетъ углубляться за одинъ разъ болѣе 4 дюйм. Когда первое колѣно бурава дѣлается недостаточно, съ него снимаютъ рукоять и навинчиваютъ другое колѣно. Послѣ этого буреніе продолжается далѣе, до тѣхъ поръ, пока встрѣтится надобность насадить послѣднее колѣно, или пока не попадутъ на водоносный слой. Въ немъ буреніе продолжаютъ настолько, чтобъ опущенный въ буровую скважину лотъ показывалъ 2 или 3 фута глубины воды. По вынутіи бурава изъ скважины, въ нее опускаютъ осторожно нижнее колѣно трубы, придерживая за стволъ руками и ввинчивая въ грунтъ посредствомъ рукояти *г*, черт. 14, прикрѣпленной къ стволу. Когда первое колѣно вошло въ скважину на всю почти свою длину, его оставляютъ висящимъ на рукояти, положенной на землю, и приращиваютъ второе колѣно, послѣ чего продолжаютъ работу, какъ сказано при первомъ колѣнѣ, до встрѣчи съ водоноснымъ слоемъ.

При очень сыпучемъ грунтѣ, предварительное приготовленіе буровой скважины невозможно. Въ этомъ случаѣ въ грунтъ ввинчивается непосредственно сама труба; но работа эта идетъ идетъ значительно медленнѣе, чѣмъ при вбиваніи трубы по способу Нортона. Когда труба впуще-

[1]) Такой же какъ въ колодцахъ Нортона.

на па требуемую глубину, верхъ ея укрѣпляется въ устьѣ скважины, забивкою обрубковъ дерева или крупными камнями, и на верхъ ея навинчивается насосъ, съ подставкою, какъ при колодцѣ Нортона.

По минованіи надобности въ колодцѣ, съ него снимаютъ насосъ и вывинчиваютъ трубу, слегка приподнимая ее кверху посредствомъ рукояти у ствола. Потомъ развинчиваютъ колѣна трубы и очищаютъ ихъ.

По опытамъ при Сводной Саперной бригадѣ, на выдѣлку колодца Франке на 15-футов. глубину потребовалось 2 часа времени, и получалось 100 ведеръ воды въ часъ.

Колодезь Бермана, черт. 17 и 18.

Колодцы этого рода, черт. 17 и 18, представляютъ соединеніе системы Нортона и Франке. Нижняя оконечность перваго колѣна трубы колодца Бермана — съемная; она состоитъ изъ стальнаго копья *а* — на случай забивки колодца бабою, или изъ сверла *б* — на случай его завинчиванія. Сверхъ того Берманъ, для обезпеченія трубы отъ засоренія, взамѣнъ проволочной сѣтки колодцевъ Франке, устраиваетъ въ нижней оконечности трубы цѣдильникъ *в*, вкладывающійся во внутрь ея и состоящій изъ цинковаго дыряваго цилиндра, обтянутаго густою проволочною тканью. Во всемъ прочемъ, какъ по виду, такъ и по размѣру и вѣсу частей, приборъ Бермана сходенъ съ соотвѣтствующими частями колодцевъ Нортона и Франке.

Для установки колодца Бермана, къ нижней оконечности трубы привинчивается остріе, или винтъ, смотря по тому, хотятъ ли забивать, или завинчивать трубу. Затѣмъ вбиваніе, или завинчиваніе, производится такъ, какъ при колодцахъ Нортона и Франке. Но при этомъ, такъ какъ имѣется цѣдильникъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи маленькой трубочки для очищенія трубы колодца отъ приставшей къ ней земли.

Точно также и при уборкѣ колодца, кромѣ добавочныхъ пріемовъ для вынутія цѣдильника изъ трубы, все происходитъ какъ описано выше.

По опытамъ при Сводной Саперной бригадѣ оказалось, что на выдѣлку колодца Бермана нужно столько же времени, сколько и для колодцевъ Франке и Нортона, и что воды онъ даетъ значительно болѣе.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА ПЕРВАГО.

I.

ОПЫТЪ КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЗАКОНОВЪ ИСКУССТВА ВЕДЕНІЯ ВОЙНЫ. (ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГІЯ).

ОТДѢЛЪ I.

НАСТУПАТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

А.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

Б.

ГЛАВНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

B.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

II.

О ЗВАНІИ ГЕНЕРАЛА, ИЛИ ВОСПИТАНІИ, ОБРАЗОВАНІИ, ПОЗНАНІЯХЪ И ДОСТОИНСТВАХЪ, НУЖНЫХЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ И ПРОЧИМЪ ОФИЦЕРАМЪ ДЛЯ КОМАНДОВАНІЯ АРМІЯМИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О ВОСПИТАНІИ.—О ШКОЛАХЪ.—ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ И ПРОЧ. ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ПОЗНАНІЯ НУЖНЫЯ ГЕНЕРАЛАМЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О КАЧЕСТВАХЪ ГЕНЕРАЛА.

III.

САПЕРНЫЯ РАБОТЫ ВЪ ПОЛѢ.

ОТДѢЛЪ I.

ПОЛЕВЫЯ ПОСПѢШНЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ (ОКОПЫ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ТРАНШЕЙНЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГОРИЗОНТНЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ПОСТРОЙКА УКРѢПЛЕНІЙ.

ОТДѢЛЪ III.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ УКРѢПЛЕНІЙ.

ОТДѢЛЪ IV.

ПРИСПОСОБЛЕНІЕ КЪ ОБОРОНѢ МѢСТНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

ОТДѢЛЪ V.

УСТРОЙСТВО И ПОРЧА СООБЩЕНІЙ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

ОТДѢЛЪ VI.

УСТРОЙСТВО ЛАГЕРЯ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.